

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

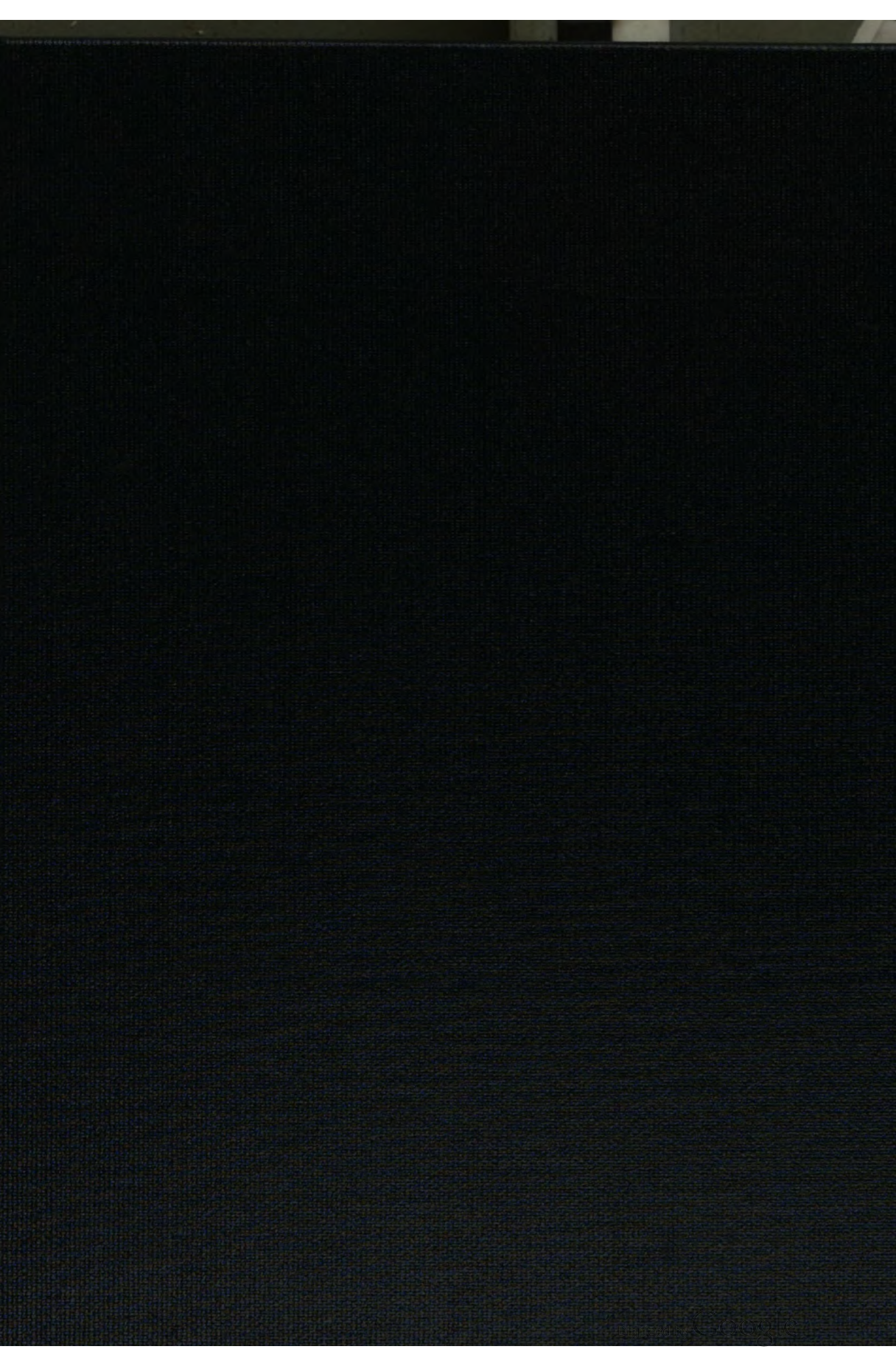
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

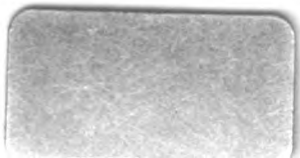
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕНТЯВРЬ

1873.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXVIX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1873.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго
судопроизводства въ исторіи русскаго
права. (Окончаніе) К. Г. Стефановскаго.

Политическія отношенія Трїеднаго коро-
левства къ Венгріи Л. В. Березина.

Историческій очеркъ развитія счисленія К. Мазняга.

Новости иностранной литературы.

Современное состояніе школъ въ Черно-
ріи М. Костица.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заве-
деній: университеты.

Лѣтніе учительскіе сѣзды и курсы.

Еще по поводу отзывовъ иностранной печати о нашей учебной
реформѣ.

Письмо изъ Парижа Л. Д — ра.

Замѣтка по поводу статьи г. Родохлиба:
„Центральный архивъ и археографи-
ческая комиссія въ Іевѣ“ К. Царевскаго.

Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обѣтки).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По Высочайше утвержденной 30-го декабря минувшаго года смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1873 г., кредитъ, ассигнованный по § 3, ст. 1, на изданіе журнала министерства, увеличенъ собственно на покрытіе расходовъ по упаковкѣ и почтовой пересылкѣ журнала на 2.000 руб. съ тѣмъ, что равная сему сумма должна поступить, по § 2, ст. 4 доходной смѣты министерства отъ причисленія въ доходъ казны упаковочныхъ и пересылочныхъ за журналъ денегъ, составляющихъ 1 руб. 75 коп. за каждый экземпляръ журнала.

Сообщая о семъ учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія, Редакція журнала покорнѣйше проситъ отнынѣ высылать 1 руб. 75 коп. за почтовую пересылку каждаго экземпляра журнала не *отдѣльно* въ депозиты департамента народнаго просвѣщенія, какъ это производилось многими учебными заведеніями до сего времени, а *вмѣстѣ* съ подписною платою за журналъ, всего въ суммѣ 13 руб. 75 коп., прямо въ Редакцію, или перечислять эту сумму чрезъ мѣстные казначейства въ доходъ казны, по § 2, ст. 4 доходной смѣты министерства, озабочиваясь доставкою въ Редакцію квитанцій мѣстныхъ казначействъ, или ихъ талоновъ, какъ документовъ, оправдывающихъ, съ одной стороны, произведенную чрезъ перечисленіе уплату 13 руб. 75 коп. за каждый экземпляръ журнала, а съ другой—отчетность Редакціи въ высылаемыхъ учебнымъ заведеніямъ министерства экземплярахъ журнала.

MIN. NAROD. PROSV. II

1873

9-10

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

BIBLIOTEK

Państw. gim. im.

W. GUMBY

ЧАСТЬ CLXVIX

Lit.

№

XXIX

Л.

1.6

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Большая Садовая, д. № 49—2).

1873.

PSlav 318.10

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (12-го января 1873 года). *О новомъ уставѣ Одесскаго общества исторіи и древностей.*

Согласно съ ходатайствомъ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей, министръ народнаго просвѣщенія входилъ въ комитетъ министровъ съ представленіемъ объ утвержденіи новаго устава означеннаго общества.

Выпискою изъ журналовъ комитета министровъ 2-го и 18-го января 1873 года министру народнаго просвѣщенія объявлено, что Государь Императоръ, по положенію комитета, Высочайше соизволилъ на предоставленіе ему, министру, права измѣнить и утвердить уставъ означеннаго общества, съ тѣмъ, чтобы относительно дѣятельности сего общества на восточномъ берегу Чернаго моря, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Толстой вошелъ предварительно въ соглашеніе съ Его Императорскимъ Высочествомъ Намѣстникомъ Кавказскимъ.

По сдѣланному объ этомъ сношенію, Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Михаилъ Николаевичъ изволилъ отозваться, что усматривая въ предстоящей дѣятельности общества по отношенію къ восточному берегу Чернаго моря цѣль научную, заслуживающую полнаго сочувствія

и одобрения, онъ, съ своей стороны, не находитъ въ этомъ отношеніи никакихъ препятствій.

Вслѣдствіе сего управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, сдѣлавъ къ приведенію изъясненнаго Высочайшаго повелѣнія необходимыя распоряженія, донесъ о томъ правительствующему сенату.

2. (31-го мая 1873 года). *О преобразованіи Варшавской ветеринарной школы въ ветеринарный институтъ.*

Соединенное присутствіе комитета по дѣламъ Царства Польскаго и департамента государственной экономіи государственнаго совѣта, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Варшавской ветеринарной школы въ ветеринарный институтъ и по соглашенію съ министрами финансовъ и народнаго просвѣщенія, *полагало*:

1) Въ добавленіе къ отпускаемымъ выдѣлу на содержаніе Варшавской ветеринарной школы 8.595 руб. назначить съ 1-го іюля сего года изъ государственнаго казначейства, для увеличенія служащимъ въ сей школѣ окладовъ, еще по 3.000 руб. въ годъ, каковую сумму съ 1-го января 1874 года вносить въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія, а расходъ по сему добавленію, причитающійся по разчету за вторую половину текущаго года, отнести на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ; распредѣленіе же означенной добавочной суммы между служащими предоставить министру народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы могущіе быть остатки отъ содержанія личнаго состава школы были употребляемы, съ разрѣшенія его, министромъ, на учебныя и хозяйственныя надобности школы, а равно и на пособія учащимся.

2) Учредить въ г. Казани съ начала учебнаго 1874/75 года ветеринарный институтъ, присвоивъ оному тѣ же уставъ и штатъ, кои въ 8-й день мая сего года Высочайше утверждены для Харьковскаго и Дерптскаго ветеринарныхъ институтовъ.

3) Потребную на содержаніе Казанскаго ветеринарнаго института, на основаніи вышеозначеннаго штата сумму, 35.700 руб. и сверхъ того на наемъ для онаго помѣщенія 5.000 руб., всего 40.700 руб. въ годъ, отпускать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1874 года, со внесеніемъ опой въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія, и предоставить министру народнаго просвѣщенія ту часть сей суммы, которая будетъ причитаться за время до начала учебнаго года, назначить на надлежащее приспособленіе помѣщенія для института, на содержаніе заблаговременно приглашеннаго состава служащихъ, на приобрѣтеніе коллекцій, устройство библіотеки и другія потребности по первоначальному устройству и обзаведенію института.

Государь Императоръ, на журналѣ комитета, соизволилъ написать собственноручно: „Исполнить“.

3. (9/21-го іюня 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ.*

Главноуправляющій государственнымъ коннозаводствомъ, генералъ-адъютантъ Гринвальдъ, доставилъ въ министерство народнаго просвѣщенія шесть тысячъ руб. въ 5% билетахъ государственнаго банка, для учрежденія изъ процентовъ съ этой суммы одной стипендіи при Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ, съ тѣмъ, чтобы выборъ стипендіата предоставленъ былъ ему, а послѣ его смерти совѣту Дерптскаго ветеринарнаго института, по предварительномъ одобреніи распорядителей легата фамилии Гринвальдъ въ Эстляндской губерніи. Выстъ съ тѣмъ генералъ Гринвальдъ изъяснилъ, что мысль объ учрежденіи стипендіи возбуждена была въ немъ убѣжденіемъ въ пользѣ, приносимой Дерптскимъ ветеринарнымъ училищемъ, доставившимъ Россіи многихъ отличныхъ ветеринаровъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ какъ на принятіе сего пожертвованія,

такъ и на учрежденіе изъ процентовъ онаго одной стипендіи при Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ на предложенныхъ жертвователемъ основаніяхъ, съ наименованіемъ оной: «стипендіею генералъ - адъютанта Гринвальда» и съ предоставленіемъ министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе объ этой стипендіи; при этомъ Его Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть благодарить жертвователя.

4. (21-го іюня 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Саратовской гимназіи.*

Преподаватели и служащіе Саратовской гимназіи, по случаю исполнившагося 25-лѣтія службы директора училищъ Саратовской губерніи, статскаго совѣтника Соколова, желая выразить ему чувства глубокаго уваженія и признательности, собрали по подпискѣ сумму въ 600 руб., чтобы образовать на проценты съ этой суммы стипендію одному изъ учениковъ гимназіи.

Вслѣдствіе донесенія объ этомъ начальства Казанскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему Его Императорскому Величеству докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ, какъ на учрежденіе при Саратовской гимназіи на проценты съ капитала въ 600 руб., стипендіи, съ наименованіемъ оной: «стипендія статскаго совѣтника Авдія Ивановича Соколова», такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для этой стипендіи.

5. (21-го іюня 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Харьковской первой гимназіи и въ тамошнемъ университетѣ.*

Исправляющій должность Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что Мариупольская городская дума, въ память посѣщенія въ 1872 году города Мариуполя Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, опредѣлила учредить на счетъ го-

родскихъ суммъ, на вѣчныя времена, одну стипендію въ 300 руб. Имени Его Высочества, для воспитанія въ Харьковской первой гимназій, и потомъ въ Харьковскомъ университетѣ, одного круглаго сироты, или одного изъ дѣтей бѣднѣйшихъ гражданъ города Мариуполя. При этомъ генералъ-лейтенантъ Семека изъяснилъ, что на принятіе помянутой стипендіи Его Высочество изволилъ изъяснить согласіе.

Вслѣдствіе сего и согласно отзыву министра внутреннихъ дѣлъ, а равно донесенія попечителя Одесскаго учебнаго округа, и по всеподданнѣйшему Его Императорскому Величеству докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилоостивѣйше соизволилъ, какъ на учрежденіе на счетъ городскихъ суммъ города Мариуполя стипендіи въ 300 руб. въ Харьковской первой гимназій и потомъ въ тамошнемъ университетѣ, съ наименованіемъ оной: «стипендіи Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича», такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для этой стипендіи.

6. (1³/25 -го іюня 1873 года). *Объ увеличеніи числа казенныхъ стипендій въ Рижской учительской семинаріи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта объ увеличеніи числа казенныхъ стипендій въ Рижской учительской семинаріи Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта

Константинь.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи числа казенныхъ стипендій въ Рижской учительской семинаріи, *мнѣніемъ положила:*

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ Омскѣ, 22-го іюня 1873 г.

„Быть по сему“.

Ш Т А Т Ъ

Рижской учительской семинаріи.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.	
		Одному.		Всего.	По должности.	По штату на мундиръ.
		Жалованья.	Столовыхъ.			
Р У Б Л И.						
Директоръ (при казенной квартирѣ)	1	1200	1300	2500	V	V
Законоучитель православнаго исповѣданія (при казенной квартирѣ)	1	650	550	1200		
Наставники	2	650	550	2400	VIII	VIII
Учитель русскаго языка	1	650	700	1350	VIII	VIII
Законоучитель лютеранскаго исповѣданія	1	300	—	300		
Учитель пѣнія и музыки (по найму)	1	360	—	360		
Врачъ	1	200	—	200		
Смотритель дома (онъ же дядька)	1	200	—	200		
На содержаніе воспитанниковъ	90	80	—	7200		
На поддержку русско-эсто-латышской школы	—	—	—	450		
На учебныя пособия для воспитанниковъ	90	5	—	450		
На награды окончившимъ курсъ воспитанникамъ	—	—	—	150		
На библиотеку и учебныя пособия	—	—	—	300		
На лѣкарства воспитанникамъ	—	—	—	300		
На наемъ помѣщенія	—	—	—	4500		
На отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ наемнаго помѣщенія и мебели	—	—	—	930		
На канцелярскіе расходы, наемъ писца, сторожей и служителей и на непредвидимые расходы	—	—	—	930		
На обученіе гимнастикъ и ремесламъ	—	—	—	600		
Итого	—	—	—	24320		

Подписалъ предсѣдатель государственнаго совѣта

Константинь.

7. (1⁹/12-го іюня 1873 года). *Объ увеличеніи содержанія главнымъ инспекторамъ Сибирскихъ училищъ и расходовъ на подѣдомственные имъ управленія.*

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи содержанія главнымъ инспекторамъ Сибирскихъ училищъ и расходовъ на подѣдомственные имъ управленія, мнѣніемъ положила:

1) Главнымъ инспекторамъ училищъ Западной и Восточной Сибири производить содержаніе по *три тысячи девятисотъ* руб. въ годъ, въ томъ числѣ: жалованья по *тысячъ четыреста* руб. столовыхъ по *тысячъ восьмисотъ* руб. и квартирныхъ по *семи сотъ* рублей въ годъ, оставивъ производство имъ разѣздныхъ денегъ на прежнемъ основаніи.

2) Секретарямъ при главныхъ инспекторахъ училищъ Западной и Восточной Сибири производить содержанія по *тысячъ* руб. въ годъ, въ томъ числѣ: жалованья по *шестисотъ* руб. и столовыхъ по *четыреста* рублей въ годъ.

3) При секретарѣ главнаго инспектора училищъ Западной Сибири учредить должность помощника секретаря, съ присвоеніемъ оной тѣхъ же служебныхъ правъ, кои предоставлены Высочайше утвержденнымъ 18-го декабря 1867 года мнѣніемъ государственнаго совѣта таковой же должности въ Восточной Сибири, причемъ обоимъ помощникамъ секретарей производить содержанія по *шестисотъ пятидесяти* руб. въ годъ, въ томъ числѣ: жалованья по *четыреста пятидесяти* руб. и столовыхъ по *двѣсти* руб. въ годъ.

4) На наемъ помѣщеній для канцелярій главныхъ инспекторовъ училищъ Западной и Восточной Сибири, на канцелярскіе расходы и на жалованье писцамъ отпускать по *восьмисотъ* руб. въ годъ на каждую инспекцію.

5) При управленіяхъ учебными заведеніями вѣдомства мини-

стерства народнаго просвѣщенія въ Западной и Восточной Сибири, учредить должности архитекторовъ, съ тѣми служебными правами и преимуществами, которыя присвоены архитекторамъ учебныхъ округовъ, но безъ содержанія, а съ предоставленіемъ сказанному министерству относить соразмѣрное занятіямъ вознагражденіе на спеціальныя средства сибирскихъ учебныхъ заведеній, сверхъ права на полученіе изъ казны, при командировкахъ по дѣламъ службы, прогонныхъ, суточныхъ и квартирныхъ денегъ, на общемъ основаніи, — и

6) Причитающійся по означеннымъ въ первыхъ четырехъ пунктахъ предметамъ дополнительный расходъ, всего по *три тысячи девятисотъ пятидесяти* руб. въ годъ, отнести, съ 1874 года, на счетъ государственнаго казначейства, со внесеніемъ сей суммы въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ таковое мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

8. ^{23-го июня}_{5-го июля} 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ.*

Начальство Московскаго учебнаго округа донесло управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, что душеприкащикъ умершаго коллежскаго совѣтника Никулина, согласно духовному завѣщанію сего послѣдняго, представилъ въ правленіе Московскаго университета 5.000 руб. въ 5% банковыхъ билетахъ, на учрежденіе при Московскомъ университетѣ, изъ процентовъ означеннаго капитала, одной или двухъ стипендіи для бѣднѣйшихъ студентовъ изъ мѣщанъ или крестьянъ Калужской или Тульской губерніи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о семъ докладу, ^{23-го июня}_{5-го июля} сего года Высочайше соизволилъ, какъ на принятіе завѣщаннаго Московскому университету Никулинымъ капитала въ *пять тысячъ рублей*, такъ и на учрежденіе изъ процентовъ онаго

при упомянутомъ университетѣ двухъ стипендій, съ наименованіемъ оныхъ: «стипендіями коллежскаго совѣтника Николая Федоровича Никулина» и съ предоставленіемъ министерству народнаго просвѣщенія права утвердить правила объ этихъ стипендіяхъ.

9. (23-го июня 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Алешковскомъ уѣздномъ училищѣ (Таврической губерніи).*

Коллежскій ассесоръ Сендецкій 28-го мая сего года представилъ въ распоряженіе начальства Одесскаго учебнаго округа облигацію Одесскаго кредитнаго общества въ *пятьсотъ рублей*, для выдачи изъ процентовъ съ этого капитала, въ память умершаго его брата, полковника Сендецкаго, бѣднѣйшимъ ученикамъ Алешковскаго уѣзднаго училища (Таврической губерніи) ежегодныхъ пособій на покупку учебныхъ книгъ и плату за ученіе.

На приведеніе въ исполненіе ходатайства начальства Одесскаго учебнаго округа объ учрежденіи означенной стипендіи имени полковника Θεофила Сендецкаго и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе о ней Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія докладу, Высочайше соизволилъ.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (5-го мая 1873 года). *Положеніе о стипендіи почетнаго директора собранія Новгородскаго соединеннаго общества, тайнаго совѣтника Эдуарда Васильевича Лерхе, при Новгородской мужской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Новгородской мужской гимназій учреждается стипендія почетнаго директора собранія Новгородскаго соединеннаго общества, тайнаго совѣтника Эдуарда Васильевича Лерхе.

2) Стипендія эта учреждается на счетъ процентовъ съ капитала въ пятьсотъ рублей, пожертвованнаго собраніемъ Новгородскаго соединеннаго общества, въ ознаменованіе десятилѣтія со дня назначенія тайнаго совѣтника Лерхе губернаторомъ. Означенный капиталъ внесенъ въ Новгородскій общественный банкъ на вѣчное время изъ 6½%, составляющихъ 32 руб. 50 коп., изъ которыхъ уплачивается сумма за обученіе стипендіата г. Лерхе, а могущій быть остатокъ употребляется на учебныя и другія для него пособія.

3) Выборъ стипендіата г. Лерхе, изъ бѣднѣйшихъ жителей города Новгорода, принадлежитъ ему пожизненно, а послѣ него право выбора переходитъ къ собранію соединеннаго общества.

2. (5-го мая 1873 года). *Положеніе о стипендіи вѣчнаго фонда коллежскаго регистратора Андрея Юрьевича Ястржембскаго при Виленской гимназій,*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи духовнаго завѣщанія коллежскаго регистратора Андрея Юрьевича Ястржембскаго, писаннаго 27-го февраля 1868 года и засвидѣтельствованнаго Виленскою соединенною палатою уголовнаго и гражданскаго суда 20-го іюня 1872 года. учреждается при Виленской гимназій стипендія вѣчнаго фонда коллежскаго регистратора Андрея Юрьевича Ястржембскаго, для воспитанія одного ученика, на полномъ содержаніи, въ общей квартирѣ для бѣдныхъ учениковъ, на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго капитала 2.600 руб., внесеннаго наличными деньгами и обращеннаго въ государственныя процентныя бумаги.

2) Завѣщанный капиталъ хранится въ Виленскомъ губерпскомъ казначействѣ въ числѣ депозитовъ Виленской гимназій и подчиняется въ расходованіи стипендіальной суммы дѣйствіемъ общихъ правилъ о единствѣ кассы.

3) Фондушевыи капиталъ находится въ завѣдываніи Виленской гимназій и остается на вѣчныя времена неприкосновеннымъ, для дѣла своего назначенія.

4) Въ случаѣ закрытія Виленской гимназіи, капиталъ этотъ передается, для той же цѣли, въ вѣдѣніе другаго, подобнаго рода, мужскаго казеннаго учебнаго заведенія, въ городѣ Вильнѣ состоящаго; по упраздненіи же общей ученической квартиры, проценты съ фундушеваго капитала получаютъ свое назначеніе по усмотрѣнію попечителя Виленскаго учебнаго округа.

5) Стипендіею пользуется одинъ изъ учениковъ Виленской гимназіи, изъ ближайшей фамиліи завѣщателя, и воспитывается изъ этой стипендіи на полномъ содержаніи, въ общей квартирѣ для бѣдныхъ учениковъ, состоящей при Виленской гимназіи.

6) Выборъ стипендіата изъ ближайшей фамиліи основателя фонда представляется вдовѣ покойнаго завѣщателя Іоаннѣ Михайловнѣ Ястржембской, а по ея кончинѣ — педагогическому совѣту Виленской гимназіи. При выборѣ стипендіата педагогическій совѣтъ въ обоихъ случаяхъ руководствуется положеніемъ объ общей квартирѣ (конвиктѣ) для бѣдныхъ учениковъ, Высочайше утвержденнымъ 19-го марта 1845 года. Избранный стипендіатъ утверждается попечителемъ Виленскаго учебнаго округа.

7) Стипендія выдается по требованію смотрителя общей квартиры для бѣдныхъ учениковъ въ числѣ прочихъ суммъ, отпускаемыхъ ему на содержаніе воспитанниковъ этого заведенія, согласно смѣтному назначенію.

8) Стипендіатъ фонда Ястржембскаго пользуется полнымъ содержаніемъ въ общей квартирѣ для бѣдныхъ учениковъ во все время состоянія его ученикомъ Виленской гимназіи.

3. (5-го мая 1873 года). *Положеніе о стипендіи, учрежденной при 2-й Казанской гимназіи, чиновъ почтоваго вѣдомства Казанской губерніи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Почтовые чиновники и станціонные смотрители Казанской губерніи, въ виду предоставленія одному изъ сиротъ или бѣдныхъ родителей служащихъ въ почтовомъ вѣдомствѣ научнаго образованія, постановили образовать капиталъ въ 500 рублей, и

обративъ таковой въ 5% билеты государственнаго банка, внести оный во 2-ю Казанскую гимназію съ тѣмъ, чтобы проценты съ него были употребляемы навсегда въ обезпеченіе стипендіи при той гимназіи, а остальные деньги выдавались на учебныя пособия (книги) стипендіату. Полученіе процентовъ по означеннымъ билетамъ предоставляется директору 2-й Казанской гимназіи.

2) Стипендію преимущественно имѣютъ право пользоваться дѣти лицъ почтоваго вѣдомства: а) круглые сироты и не имѣющіе отцовъ, б) дѣти бѣдныхъ родителей, и в) дѣти благонравнаго поведенія, оказавшія хорошіе или не менѣе какъ достаточные учебные успѣхи на приѣмномъ испытаніи во 2-й Казанской гимназіи и подающіе надежду на хорошіе успѣхи.

3) Въ случаѣ нѣсколькихъ равноправныхъ мальчиковъ предпочтеніе дается по жребію.

4) Дѣти, не перешедшія изъ одного класса въ другой, высшій, въ продолженіи одного академическаго года по лѣности или слабымъ способностямъ, или въ продолженіи 2-хъ лѣтъ по болѣзни, лишаются права на стипендію.

5) Право избранія дѣтей на вышеозначенныхъ началахъ или замѣны ихъ другими сохраняется за управляющимъ почтовою частью Казанской губерніи, который объ этомъ избранномъ стипендіатѣ сообщаетъ письменно педагогическому совѣту 2-й Казанской гимназіи.

6) Избранный воспитанникъ освобождается отъ платы за право ученія въ продолженіи всего гимназическаго курса.

7) Желательно бы было, чтобы за это мальчикъ, по выходѣ изъ гимназіи, прослужилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ не менѣе трехъ лѣтъ, на томъ основаніи, что стипендія учреждается не только для развитія дѣтей бѣдныхъ родителей, но и для пользы почтоваго управленія, которое будетъ имѣть на службѣ государственной болѣе развитыхъ людей.

8) Стипендія должна называться по имени учредителей: «Чинновъ почтоваго вѣдомства Казанской губерніи».

4. (7-го іюня 1873 года): *Уставъ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей.*

(Утвержденъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

Цѣль общества.

§ 1. Императорское Одесское общество исторіи и древностей, состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Величества Государя Императора, имѣеть цѣлью распространеніе историческихъ и археологическихъ свѣдѣній о южной Россіи, то-есть, о Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи и восточномъ берегѣ Чернаго моря.

§ 2. Для достиженія сей цѣли, въ кругъ занятій общества входятъ: а) собраніе, описаніе и храненіе всѣхъ остатковъ древностей, открывающихся въ предѣлахъ его дѣятельности или имѣющихъ отношеніе къ сказаннымъ мѣстамъ; б) отысканіе, разборъ и объясненіе документовъ и актовъ, касающихся исторіи означенныхъ мѣстъ; в) критическое изслѣдованіе показаній древнихъ писателей о мѣстностяхъ и достопримѣчательностяхъ края и отысканіе слѣдовъ ихъ въ настоящее время; г) приготовленіе матеріаловъ для будущей исторіи края сообщеніемъ вѣрныхъ свѣдѣній о нынѣшнемъ его состояніи въ отношеніи къ географіи и статистикѣ; д) разборъ выходящихъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ сочиненій по тому же предмету, и опредѣленіе степени ихъ достовѣрности, и наконецъ, е) изданіе во всеобщее свѣдѣніе результатовъ своихъ занятій.

Составъ общества.

§ 3. Общество состоитъ изъ действительныхъ и почетныхъ членовъ, корреспондентовъ и сотрудниковъ.

§ 4. Въ действительные члены общества избираются лица, публичныя своею полезною дѣятельностію по всѣмъ частямъ, относящимся къ исторіи и древностямъ. Они содѣйствуютъ достиженію цѣлей общества всѣми зависящими отъ нихъ способами и

въ особенности учеными трудами. При выборѣ ихъ, общество руководится стремленіемъ имѣть въ составѣ своемъ достаточное число свѣдущихъ и трудолюбивыхъ представителей знаній, относящихся къ кругу исторіи, археологіи и географіи; посему въ дѣйствительные члены могутъ быть избираемы не только лица, живущія постоянно въ Одессѣ, но и пребывающія въ другихъ мѣстахъ, и притомъ какъ русскіе, такъ и иностранцы.

§ 5. Дѣйствительные члены, пребывающіе въ Одессѣ, участвуютъ во всѣхъ собраніяхъ, совѣщаніяхъ и дѣйствіяхъ общества съ правомъ голоса.

§ 6. Избраніе въ дѣйствительные члены общества производится баллотированіемъ въ собраніи общества по предложенію, устному или письменному, не менѣе, какъ трехъ дѣйствительныхъ членовъ общества, которые заявляютъ при этомъ, какую пользу предлагаемый ими кандидатъ можетъ принести обществу.

§ 7. Предложеніе объ избраніи въ дѣйствительные члены вносится въ протоколъ того засѣданія, въ которомъ оно послѣдовало, и предложенный кандидатъ подвергается избранію посредствомъ закрытой баллотировки въ первое затѣмъ засѣданіе.

§ 8. Для избранія необходимо не менѣе двухъ третей голосовъ присутствующихъ въ томъ засѣданіи членовъ. Въ протоколѣ засѣданія отмѣчается, сколько подвергавшеся избранію лицо получило избирательныхъ и неизбирательныхъ голосовъ.

§ 9. Дѣйствительные члены, въ теченіи трехъ лѣтъ не сдѣлавшіе требуемыхъ уставомъ общества ежегодныхъ на усиленіе средствъ общества денежныхъ взносовъ, считаются выбывшими изъ общества.

§ 10. Дѣйствительные члены избираются порядкомъ, указаннымъ въ § 8, въ слѣдующія должности по обществу: а) президента, б) вице-президента, в) секретаря, г) казначея, д) директора Одесскаго музея и е) директора Осодосійскаго музея.

§ 11. Въ почетные члены избираются лица, по общественному своему положенію, по любви къ наукѣ и по влиянію и средствамъ, могущіе содѣйствовать цѣлямъ общества, не прини

мая даже непосредственнаго участія въ занятіяхъ и трудахъ его. Званіе почетныхъ членовъ предлагается открытою подачею голосовъ, вслѣдствіе предложенія не менѣе, какъ пятью дѣйствительными членами общества и по предвареніи о семъ президента.

§ 12. Для вспомошествованія трудамъ и занятіямъ дѣйствительныхъ членовъ, общество избираетъ изъ лицъ, изъявившихъ готовность содѣйствовать своими трудами цѣлямъ общества, сотрудниковъ или корреспондентовъ, каковыя званія предоставляются этимъ лицамъ, смотря по тому, живутъ ли они постоянно въ Одессѣ, или же въ другихъ городахъ Россіи, а также и за границею.

§ 13. Выборъ сотрудниковъ и корреспондентовъ, по предложенію одного изъ дѣйствительныхъ членовъ, производится баллотированіемъ, съ соблюденіемъ порядка, указаннаго въ § 8. Сотрудники и корреспонденты присутствуютъ въ засѣданіяхъ общества и имѣютъ совѣщательный голосъ.

§ 14. Корреспонденты, отличающіеся постоянными полезными трудами и ревностію къ пользѣ общества, предлагаются, сообразно § 4, къ избранію въ дѣйствительные члены.

§ 15. Почетные и дѣйствительные члены, а также сотрудники и корреспонденты, по избранію ихъ, получаютъ отъ общества дипломы на эти званія за подписью президента, вице-президента и скрѣпою секретаря и съ приложеніемъ печати общества; при чемъ члены дѣйствительные (кромѣ иностранцевъ, имѣющихъ пребываніе за границею) вносятъ одновременно въ кассу общества по десяти рублей, а корреспонденты — по пяти рублей.

Должностныя лица.

§ 16. Президентъ избирается на четыре года большинствомъ двухъ третей голосовъ и утверждается министромъ народнаго просвѣщенія. Президентъ заботится, чтобы всѣ дѣйствія общества направлялись къ достиженію его цѣли въ строгой сообразности съ постановленными правилами. Онъ есть хранитель правъ и блюститель порядка въ дѣлахъ общества.

§ 17. Президентъ предсѣдательствуетъ въ засѣданіяхъ общества, назначаетъ засѣданія, открываетъ и закрываетъ ихъ. Въ случаѣ раздѣленія голосовъ поровну, голосъ президента даетъ перевѣсъ.

§ 18. Президентъ самъ собою, или по желанію общества, можетъ назначать ревизію дѣлъ, кабинетовъ, бібліотеки и кассы. Объ оказавшемся онъ объявляетъ обществу.

§ 19. Вице-президентъ выбирается для замѣны президента въ случаѣ его болѣзни или отсутствія, срокомъ на четыре года, и утверждается министромъ народнаго просвѣщенія. Занимая мѣсто президента, онъ вступаетъ во всѣ его права и обязанности.

§ 20. Въ случаѣ отсутствія президента и вице-президента, общество открываетъ свое собраніе подъ предсѣдательствомъ старшаго по времени вступленія въ общество изъ наличныхъ, въ Одессѣ находящихся, дѣйствительныхъ членовъ. Впрочемъ, это допускается лишь при крайней необходимости и только для веденія текущихъ дѣлъ.

§ 21. Секретарь избирается на четыре года. Въ собраніяхъ общества онъ имѣетъ мѣсто возлѣ президента.

§ 22. На обязанности секретаря лежитъ все внутреннее дѣлопроизводство и вся переписка общества подъ непосредственнымъ наблюденіемъ президента. Никакой письменный актъ, исходящій отъ общества, не имѣетъ силы безъ скрѣпы секретаря, который вмѣстѣ есть и хранитель печати общества.

§ 23. Архивъ общества также ввѣряется секретарю, съ тѣмъ, чтобы онъ велъ опись всѣмъ дѣламъ и всякій разъ, по требованію общества или президента, доставлялъ изъ нихъ справки.

§ 24. Секретарь составляетъ ежегодно подробный отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ общества на основаніи документовъ, хранящихся въ архивѣ. Отчетъ сей представляется президенту, который вноситъ его въ общество для разсмотрѣнія и утвержденія. За симъ отчетъ публикуется, при чемъ присовокупляется каждый разъ списокъ всѣхъ членовъ общества.

§ 25. Во избѣжаніе перерыва теченія дѣлъ общества болѣзнію или отсутствіемъ секретаря, ежегодно избирается, по баллотировкѣ изъ дѣйствительныхъ членовъ, товарищъ секретаря, который, въ отсутствіе секретаря, вступаетъ во всѣ его права и обязанности.

§ 26. Директоры музеевъ избираются изъ дѣйствительныхъ членовъ на неопредѣленное время. Каждый изъ нихъ принимаетъ отъ секретаря тѣ изъ поступающихъ въ общество книги, монеты и вещи, приобретаемыхъ въ собственность общества, кои подлежатъ храненію въ завѣдуемомъ имъ музеѣ. Должность директора музея можетъ быть соединяема и съ другою по обществу должностію.

§ 27. Директоръ долженъ разобрать систематически находящіяся въ музеѣ предметы, составить имъ полные систематическіе каталоги въ выданныхъ отъ общества, за подписью президента и скрѣпкою секретаря, книгахъ и содержать въ надлежащемъ порядкѣ и сохранности ввѣренное ему имущество общества.

§ 28. Директоръ представляетъ обществу о пополненіи коллекцій музея и при случаѣ обращаетъ вниманіе его на случаи къ выгоднымъ приобретеніямъ.

§ 29. Директоръ отпускаетъ книги наличнымъ членамъ и корреспондентамъ подъ росписку; рѣдкихъ же сочиненій и рукописей, равно какъ монеты и другихъ памятниковъ древности, не выноситъ изъ музея ни подъ какимъ предлогомъ и не выдаетъ никому иначе, какъ по опредѣленію общества и съ соблюденіемъ предосторожностей, какія обществомъ каждый разъ будутъ указаны.

§ 30. Директоръ обязанъ имѣть попеченіе о зданіи музея, объ отопленіи и освѣщеніи, равно и о снабженіи его необходимою мебелью.

§ 31. Въ назначенные дни музей открывается для публики. На случай отсутствія директора, для удовлетворенія любопытства посѣтителей, музей долженъ быть снабженъ печатнымъ указателемъ. Директоръ Феодосійскаго музея завѣдываетъ и Судакскою крѣпостію, переданною по Высочайшей волѣ въ вѣдѣніе общества.

§ 32. Казначей избирается на четыре года. Онъ хранить сумму общества, производить расходы по установленному порядку и наблюдаетъ, чтобы расходныя статьи были очищаемы росписками; слѣдитъ за своевременнымъ поступленіемъ отъ дѣйствительныхъ членовъ ежегоднаго взноса и единовременнаго за дщидомы; записанныя суммы вносить установленнымъ порядкомъ въ контору государственнаго банка и въ концу года представляеть обществу подробный отчетъ о приходѣ и расходѣ.

§ 33. Сверхъ вышепоименованныхъ должностныхъ членовъ, общество имѣетъ право избирать изъ государственныхъ сановниковъ, извѣстныхъ любовью къ исторіи и древностямъ, ходатая и представителя о его пользахъ, подъ именемъ почетнаго президента.

Собранія общества.

§ 34. Собранія общества бываютъ обыкновенныя и торжественныя.

§ 35. Предметъ обыкновенныхъ собраний составляютъ: а) чтеніе и обсужденіе сочиненій и замѣтокъ, обществу представленныхъ; б) совѣщанія и разсужденія о мѣрахъ къ успѣшнѣйшему достиженію цѣли общества; в) опредѣленія по всѣмъ заявленіямъ, поступающимъ въ общество, какъ отъ членовъ, такъ и отъ другихъ лицъ, или мѣсть, и г) выборы новыхъ членовъ, равно распредѣленіе должностей по обществу на основаніи установленнаго порядка.

§ 36. Обыкновенныя собранія бываютъ по назначенію президента. О времени и мѣстѣ оныхъ объявляется каждый разъ въ газетахъ, издающихся въ Одессѣ. Всякій разъ, когда въ собраніи предполагается разсуждать о предметахъ особенной важности, слѣдуетъ упомянуть о томъ въ объявленіи.

§ 37. Дѣйствительные члены имѣютъ право дѣлать отъ себя предложенія обществу, какъ словесно, такъ и письменно. Предложенія эти обществомъ своевременно обсуждаются и рѣшаются или же поручаются нѣсколькимъ членамъ для ближайшаго и точнѣйшаго разсмотрѣнія и доклада по онымъ.

§ 38. Любители исторіи и древностей, не принадлежащіе къ составу общества, могутъ быть вводимы въ собранія общества дѣйствительными членами съ предварительнаго разрѣшенія президента.

§ 39. Обыкновенныя собранія назначаются по мѣрѣ надобности и удобству времени, не менѣе однако четырехъ разъ въ годъ.

§ 40. День 14-го ноября 1839 года, ознаменованный изліаніемъ на общество щедротъ Августѣйшаго Императора Николая I, считается днемъ основанія общества. Къ этому дню общество заключаетъ свой годичный отчетъ и производитъ выборы членовъ въ должности по обществу.

§ 41. Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ общества, ежегодно печатаемый, подносится, чрезъ министра народнаго просвѣщенія, Августѣйшему Покровителю общества, а также членамъ Императорской фамиліи, соизволившимъ почтить общество принятіемъ званія почетныхъ онаго членовъ. Отчетъ разсылается также всѣмъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членамъ, сотрудникамъ, корреспондентамъ и начальствующимъ въ Новороссійскомъ краѣ лицамъ чрезъ посредство президента и секретаря.

§ 42. Протоколы собраній общества, въ цѣлости или въ извлеченіяхъ, печатаются въ газетахъ, издающихся въ Одессѣ.

Ученныя занятія общества.

§ 43. Въ случаѣ необходимости изслѣдованія какихъ-либо памятниковъ или предположеній о вѣроятности какихъ-либо важныхъ въ археологическомъ отношеніи открытій, общество поручаетъ это находящимся на мѣстѣ членамъ и корреспондентамъ; а при неимѣніи такихъ, по мѣрѣ средствъ своихъ, отправляетъ на мѣсто одного или болѣе изъ наличныхъ членовъ. Такая отправка опредѣляется баллотировкою на основаніи простаго большинства голосовъ. Отправляемые, по возвращеніи, обязаны дать обществу отчетъ въ выполненіи возложеннаго на нихъ порученія.

§ 44. Общество входитъ въ сношеніе съ посторонними ли-

цами, какъ отечественными, такъ и иностранными, и учеными обществами по предметамъ своихъ занятій.

§ 45. Общество принимаетъ съ благодарностію всѣ сочиненія, имѣющія предметомъ исторію и древности въ тѣхъ предѣлахъ, которые оно себѣ назначило, хотя бы сіи сочиненія доставлены были отъ лицъ, къ нему не принадлежащихъ, безъ всякаго со стороны его приглашенія. Въ послѣднемъ случаѣ необходимо, чтобы сочинители подписывали подъ доставленными сочиненіями свои имена и фамиліи.

§ 46. Доставляемыя обществу сочиненія читаются въ собраніяхъ не иначе, какъ по предварительномъ извѣщеніи президента о предметѣ ихъ.

§ 47. Если окажется нужнымъ доставленныя сочиненія подвергнуть разсмотрѣнію, то трудъ этотъ поручается одному или нѣсколькимъ членамъ, на мнѣніи которыхъ общество основываетъ свое рѣшеніе касательно ихъ дальнѣйшаго употребленія. Сочиненія, которыя не будутъ употреблены обществомъ, хранятся при его дѣлахъ.

§ 48. Тѣ изъ сочиненій, которыя по своей обширности или спеціальности могутъ составить особую книгу, издаются обществомъ отдѣльно.

§ 49. Печатаніе одобреннаго къ изданію сочиненія, подъ окончательною корректурою секретаря, поручается наблюденію самого автора, если онъ находится въ Одессѣ; въ случаѣ же отсутствія сочинителя, печатаніе производится подъ наблюденіемъ секретаря и членовъ издательнаго комитета.

§ 50. Прочія сочиненія, признанныя достойными обнародованія, но не отдѣльно, препровождаются въ состоящій при обществѣ издательный комитетъ.

Издательный комитетъ.

§ 51. Издательный комитетъ учрежденъ для тѣхъ ученыхъ трудовъ, которые общество, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, издаетъ совокупно, отдѣльными томами, подъ названіемъ: «За-

писки Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей».

§ 52. Записки общества издаются по программѣ, утверждаемой министромъ народнаго просвѣщенія по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, при чемъ обществу предоставляется дѣлать въ ней нѣкоторыя измѣненія въ подробностяхъ, но съ сохраненіемъ главнаго расположенія и плана.

§ 53. Издательный комитетъ состоитъ изъ 5 дѣйствительныхъ членовъ. Президентъ и секретарь общества суть непремѣнные его члены, доколѣ находятся въ этихъ званіяхъ. Прочіе члены избираются баллотированіемъ, при чемъ наблюдается, чтобы въ составъ комитета входили преимущественно лица, извѣстныя обществу своими свѣдѣніями по тѣмъ отраслямъ наукъ, которымъ посвящаются изданія общества; лица эти выбываютъ не иначе, какъ по собственному желанію. Въ помощь имъ могутъ быть назначаемы временно нѣсколько сотрудниковъ, по мѣрѣ надобности, съ согласія общества.

§ 54. Усмотрѣнію комитета предоставляется, гдѣ и когда помѣстить передаваемые въ оный статьи, равно какъ и изданіе ихъ въ цѣлости или же въ извлеченіяхъ и отрывкахъ, но съ согласія автора.

§ 55. Если труды, доставленные обществу членами онаго или посторонними лицами, будутъ помѣщены въ запискахъ общества, то авторы, въ случаѣ желанія, получаютъ безденежно двадцать пять экземпляровъ оттисковъ своего труда.

§ 56. Вносимые въ комитетъ вопросы разрѣшаются большинствомъ голосовъ, при чемъ голосъ президента имѣетъ перевѣсъ.

§ 57. Комитетъ освобождается отъ всякихъ письменныхъ сношеній и отъ денежныхъ расчетовъ относительно изданія. Съ обществомъ онъ сносится чрезъ президента или секретаря.

§ 58. Всѣ дѣйствительные члены получаютъ записки общества бесплатно. Корреспонденты и сотрудники, коихъ статьи или замѣтки помѣщены въ запискахъ, получаютъ бесплатно томъ записокъ, заключающій въ себѣ ихъ труды.

Хозяйственное управление общества.

§ 59. Средства общества суть: а) Высочайше назначенное обществу ежегодное изъ государственнаго казначейства пособие по одной тысячѣ четыреста двадцати восьми рублей пятидесяти семи съ половиною коп.; б) ежегодные взносы дѣйствительныхъ членовъ общества по пяти рублей съ каждаго; в) одновременные взносы за дипломы: отъ дѣйствительныхъ членовъ по десяти, а отъ корреспондентовъ по пяти рублей; г) деньги, выручаемыя отъ продажи изданныхъ обществомъ книгъ и тѣхъ дублетовъ монетъ, которые оказываются ненужными для общества.

§ 60. Приѣмъ денегъ возлагается на казначея. Для полученія денегъ онъ снабжается отношеніемъ отъ президента за его подписью и скрѣпою секретаря и съ приложеніемъ печати общества. Въ принятіи денегъ казначей выдаетъ квитанцію.

§ 61. Расходование принадлежащихъ обществу суммъ производится на основаніи общей и частной смѣтъ. Въ общую или годовую смѣту вносятся: а) остатокъ наличныхъ суммъ и всѣ ожидаемые къ поступленію на тотъ годъ доходы общества, и б) постоянные или ежегодно возобновляющіеся расходы, какъ-то: содержаніе зданія общества, плата смотрителю онаго; плата письмоводителю и канцелярскіе расходы; содержаніе въ исправности библіотеки общества; работы и содержаніе въ порядкѣ музея; перевозка вещей, посылка членовъ общества и т. д. Составленіе общей смѣты лежитъ на совокупной обязанности должностныхъ членовъ (§§ 16, 21 и 32). Частная смѣта составляется всякій разъ при открытіи необходимости въ особенныхъ расходахъ, каковы, напримѣръ, для изданій общества, командировокъ членовъ, приобрѣтенія вещей для музеевъ и проч. Частныя смѣты составляются тѣми членами, которые предлагаютъ самый расходъ. При семъ казначей докладываетъ о количествѣ наличнаго остатка суммъ общества, за исключеніемъ расходовъ, назначенныхъ уже какъ по годовой, такъ и по утвержденнымъ частнымъ смѣтамъ.

§ 62. Остатки отъ одной статьи расхода, по годовой смѣтѣ назначеннаго, могутъ быть съ разрѣшенія президента, употреб-

лены на пополненіе недостатковъ по другой; но изъ общаго назначенія смѣты онъ никогда, безъ особаго разрѣшенія общества, выходить не можетъ; расходваніе суммъ можетъ происходить также и по особымъ опредѣленіямъ общества.

§ 63. Какъ общая, такъ и частная смѣты разсматриваются или самимъ обществомъ въ собраніи, или особо назначенною отъ него комиссіею изъ членовъ, и, по разсмотрѣніи, расходъ утверждается, сокращается или отвергается баллотировкою.

§ 64. Расходъ по общей и частной смѣтамъ и по особымъ опредѣленіямъ общества производится казначеемъ по запискамъ секретаря, уполномоченнаго на то президентомъ.

§ 65. Приходо-расходная шнуровая книга, выдаваемая казначею общества за подписью президента и скрѣпкою секретаря и съ приложеніемъ печати общества, ежегодно представляется на повѣрку обществу, которое изъ среды своей назначаетъ членовъ для повѣрки и письменнаго доклада обществу.

Дѣлопроизводство въ обществѣ.

§ 66. Засѣданія общества ведутся секретаремъ подробные протоколы на русскомъ языкѣ, которые подписываются всѣми присутствовавшими членами.

§ 67. Секретарь ведетъ реестры всѣмъ входящимъ и исходящимъ бумагамъ; онъ принимаетъ и распечатываетъ всѣ адресованные на имя общества пакеты и докладываетъ ихъ президенту, который ихъ помѣчаетъ.

§ 68. Всѣ исполненія по протоколамъ общества по возможности должны быть окончены въ промежуткѣ времени слѣдующаго собранія общества.

§ 69. Сношенія общества съ своими членами и корреспондентами производятся секретаремъ. Съ почетнымъ президентомъ и съ почетными членами, равно какъ съ правительственными мѣстами и съ лицами, не принадлежащими къ обществу, переписка отъ имени общества производится за подписью президента и скрѣпкою секретаря.

Права общества.

§ 70. По Высочайшему повелѣнію, объявленному въ 1847 году, древности, находимыя въ Новороссійскомъ краѣ и не поступающія въ С.-Петербургскія хранилища, предоставляются музеямъ общества.

§ 71. Если общество получитъ свѣдѣніе, что какой-либо изъ древнихъ памятниковъ, находящихся въ предѣлахъ его дѣятельности, подвергается разрушенію или отъ небреженія, или отъ неимѣнія средствъ къ поддержанію, то оно или само, буде имѣетъ средства, принимаетъ оный подъ свое попеченіе, или ходатайствуетъ о вспоможеніи и содѣйствіи гдѣ слѣдуетъ.

§ 72. Во всѣхъ своихъ нуждахъ общество сносится со всѣми мѣстными управленіями и начальствующими лицами, которыя и оказываютъ ему законное содѣйствіе.

§ 73. Общество имѣетъ свою большую и малую печати съ изображеніемъ Императорскою короною украшеннаго щита, раздѣленнаго на 4 части съ гербами губерній: Херсонской, Екатеринославской и Таврической и Бессарабской областей и подписью кругомъ: «печать Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей».

5. (4-го іюля 1873 года). *Правила о назначеніи стипендій имени потомственнаго почетнаго гражданина Константина Абрамовича Попова.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1 (На ежегодную сумму, которая будетъ доставляться въ Московскій университетъ, согласно духовному завѣщанію потомственнаго почетнаго гражданина Константина Абрамовича Попова, въ количествѣ трехъ тысячъ рублей, учреждаются при семъ университетѣ десять стипендій, по триста руб. въ годъ каждая, имени «потомственнаго почетнаго гражданина Константина Абрамовича Попова».

.. 2) Стипендіи эти назначаются совѣтомъ Московскаго универ-

ситета недостаточнымъ студентамъ всѣхъ факультетовъ, преимущественно изъ уроженцевъ Костромской губерніи.

3) Если же таковыхъ не окажется въ университетѣ, то университетскому совѣту предоставляется право избирать въ стипендіаты и недостаточныхъ студентовъ — уроженцевъ другихъ губерній.

4) Студенты, получающіе эти стипендіи, лишаются оныхъ, какъ за неодобрительное поведеніе, такъ равно если они не будутъ удостоены перевода съ одного курса на другой.

6. (4-го іюля 1873 года). *Правила о назначеніи стипендіи имени коллежскаго совѣтника Николая Ѳеодоровича Никулина.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) На предоставленный Московскому университету, по духовному завѣщанію, коллежскимъ совѣтникомъ Николаемъ Ѳеодоровичемъ *Никулинымъ* капиталъ въ количествѣ пяти тысячъ руб. въ 5% банковыхъ билетахъ, учреждаются при семъ университетѣ двѣ стипендіи имени «*коллежскаго совѣтника Николая Ѳеодоровича Никулина*», въ размѣрѣ 125 рублей въ годъ каждая.

2) Стипендіи эти назначаются университетскимъ совѣтомъ обѣдѣннымъ студентамъ всѣхъ факультетовъ изъ мѣщанъ или крестьянъ Калужской и Тульской губерній.

3) Студенты, получающіе эти стипендіи, лишаются оныхъ, какъ за неодобрительное поведеніе, такъ равно если не будутъ удостоены перевода съ одного курса на другой.

7. (6-го іюля 1873 года). *Положеніе о стипендіи при Алешковскомъ (Таврической губерніи) уѣздномъ училищѣ имени полковника Ѳеофила Сендецака*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго ^{23-го іюля} _{5-го іюля} 1873 года, учреждается при Алешковскомъ уѣздномъ училищѣ стипендія имени полковника Сендецака, на счетъ процен-

товъ съ пожертвованной для сего облигаціи Одесскаго городского кредитнаго общества въ *пятьсотъ* рублей.

2) Означенная процентная бумага состоитъ въ распоряженіи начальства Алешковскаго уѣзнаго училища, или, въ случаѣ преобразования его въ городское или какое иное, въ распоряженіи того вѣдомства, на счетъ котораго оно будетъ содержаться, и хранится въ мѣстномъ казначействѣ.

3) При выходѣ означенной облигаціи въ тиражъ, полученныя по ней деньги должны быть обращены въ такія же облигаціи, или другія процентныя бумаги, съ тѣмъ, чтобы основной капиталъ всегда составлялъ сумму въ 500 рублей.

4) Проценты съ поименованнаго капитала (нынѣ 27 руб. 50 коп. въ годъ) раздѣляются ежегодно на двѣ, по возможности, равныя части, изъ которыхъ одна причисляется къ спеціальнымъ средствамъ Алешковскаго уѣзнаго училища въ видѣ платы за одного или нѣсколькихъ учениковъ, которые будутъ пользоваться сказанною стипендіею, — а другая, вся безъ остатка, выдается ему, или имъ, на руки, сообразно нуждѣ каждаго, для покупки учебныхъ книгъ и пособій.

5) Право пользоваться означенною стипендіею предоставляется одному, или, если окажется возможнымъ, нѣсколькимъ бѣднѣйшимъ ученикамъ Алешковскаго уѣзнаго училища, отличающимся притомъ хорошими успѣхами и поведеніемъ, которые будутъ признаны таковыми его начальствомъ, отъ котораго, кромѣ того, зависитъ опредѣленіе, соразмѣрно количеству процентовъ, самаго числа ежегодныхъ стипендіатовъ и размѣра вспоможенія каждому на книги и учебныя пособія.

8. (7-го іюля 1873 года). *Положеніе о стипендіяхъ статскаго совѣтника Егора Степановича Гордпенка при Харьковской 3-й гимназій.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 12-го марта 1873 года, при Харьковской 3-й гимназій учреждаются

стипендіи на пожертвованный статскимъ совѣтникомъ Егоромъ Степановичемъ Гордѣенко капиталъ, въ количествѣ 1.200 рублей заключающійся въ билетѣ Харьковскаго городского купеческаго банка.

§ 2. Стипендіи состоятъ въ платѣ, изъ процентовъ на капиталъ, за ученіе бѣднѣйшихъ учениковъ, которые именуются стипендіатами статскаго совѣтника Е. С. Гордѣенка.

§ 3. Право выбора стипендіатовъ принадлежитъ, согласно волѣ жертвователя, педагогическому совѣту гимназіи, который избираетъ особенно бѣдныхъ учениковъ, отличающихся доброю нравственностію и особеннымъ прилежаніемъ въ занятіяхъ учебными предметами, и преимущественно изъ дѣтей жителей города Харькова.

§ 4. Пока остаются будетъ плата за ученіе въ размѣрѣ 21 руб., педагогическій совѣтъ избираетъ трехъ стипендіатовъ. Если за уплатою слѣдующихъ за ученіе денегъ, останутся еще проценты, то они распредѣляются поровну между стипендіатами. Если же плата за ученіе увеличится такъ, что процентовъ съ пожертвованнаго капитала недостаточно будетъ для уплаты за трехъ стипендіатовъ, то педагогическій совѣтъ избираетъ только двухъ; проценты же, могущіе за таковою уплатою быть въ остаткѣ, также распредѣляются поровну между стипендіатами.

9. (4-го августа 1873 года). *Положеніе о преміяхъ Императора Петра Великаго за лучшія учебныя руководства и пособія для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въдомства министерства народнаго просвѣщенія и за книги для народнаго чтенія.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, въ память совершившагося 30-го мая 1872 года двухсотлѣтія со дня рожденія Императора Петра Великаго, учреждены при министерствѣ народнаго просвѣщенія преміи Императора Петра Великаго за лучшія учебныя руковод-

ства и пособія для гимназій, реальныхъ и начальныхъ народныхъ училищъ, а также за книги для народнаго чтенія.

§ 2. Ежегодно выдаются четыре преміи: двѣ большія — по 2.000 руб. и двѣ малыя — по 500 руб. каждая, при чемъ назначаются: ежегодно одна большая и одна малая преміи — за лучшія руководства и пособія по курсу гимназическому, а остальные двѣ преміи, одна большая и одна малая — поочередно: въ одномъ году — за учебныя руководства и пособія по курсамъ реальныхъ училищъ и начальныхъ народныхъ училищъ, въ другомъ же году — за книги для народнаго чтенія.

§ 3. Еслибы въ какомъ-либо году одна или нѣсколько премій остались невыданными, то онѣ или присуждаются въ слѣдующемъ году, или употребляются на изданіе и распространеніе сочиненій, уже прежде удостоенныхъ премій; но въ томъ и другомъ случаяхъ сочиненія должны быть того же рода, за который предназначеныя преміи остались невыданными.

§ 4. Къ соисканію премій допускаются только такія учебныя сочиненія или книги для народнаго чтенія, которыя, по крайней мѣрѣ по своимъ приспособленіямъ къ потребностямъ русскихъ учениковъ или русскихъ читателей, представляются произведеніями самостоятельными, требовавшими основательнаго собственнаго труда со стороны автора, при чемъ въ учебныхъ руководствахъ самый текстъ и объясненія къ оному, а въ учебныхъ пособіяхъ по крайней мѣрѣ объясненія должны быть изложены на русскомъ языкѣ.

§ 5. Учебные предметы, по коимъ устанавливается соисканіе премій, опредѣляются ежегодно министромъ народнаго просвѣщенія въ соответствии съ § 2-мъ сего положенія и съ дѣйствительными нуждами учебнаго дѣла, при чемъ предметы эти распределяются на слѣдующія группы:

I. Разрядъ гимназій.

1) Русский языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью, и логика; сюда присоединяется также педагогика съ дидактикою и методикою примѣнительно въ гимназіямъ;

- 2) языки латинскій и греческій;
- 3) математика, математическая географія и физика;
- 4) исторія и географія — всеобщая и русская;
- 5) языки нѣмецкій и французскій.

II. Разрядъ реальныхъ училищъ.

1) Коммерческая географія; естественная исторія для коммерческаго отдѣленія; физика для коммерческаго отдѣленія; письмоводство и книговодство.

2) Начала начертательной геометрiи; землемѣрие и нивелировка; общее строительное искусство и счетоводство, по оному.

3) Естественная исторія; химія; химическая технологія.

4) Механика; составленіе исполнительныхъ чертежей машинъ.

III. Разрядъ начальныхъ народныхъ училищъ.

Начальное обученіе (какъ-то: а) начальное обученіе и первоначальное развитіе; б) чтеніе, письмо, начала русскаго и церковно-славянскаго языка; в) ариметика и геометрiя, и г) исторія и географія); общепользныя свѣдѣнія, принадлежащія къ начальному обученію (какъ-то: а) міровѣдѣніе, землевѣдѣніе и отчизновѣдѣніе; б) звѣроловство, птицеводство, рыболовство, скотоводство, пчеловодство и шелководство; в) земледѣліе, лѣсоводство, огородничество, садоводство и винодѣліе; г) ремесла, фабричная, заводская и торговая промышленность; д) народная гигиена, медицина и ветеринарія; е) народное образованіе, нравственность и благоустройство); книги для народнаго чтенія.

§ 6) Къ соисканію премій допускаются какъ учебныя руководства, служащія основой преподаванія, такъ и учебныя пособія, какъ-то: книги для чтенія, изданія русскіхъ и иностранныхъ авторовъ, древнихъ и новыхъ, въ цѣломъ объемѣ или въ извлеченіи съ объясненіями текста на русскомъ языкѣ, хрестоматіи, словари, атласы, карты, глобусы, таблицы, чертежи, модели, приборы и т. п. Сверхъ того, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, могутъ быть вызываемы чрезъ ученый комитетъ со-

чиненія на преміи съ указаніемъ той части или тѣхъ частей учебнаго предмета, къ коимъ они должны относиться, а равно и требованій, коимъ эти сочиненія должны удовлетворять.

§ 7. Учебныя руководства и пособія принимаются для соисканія премій какъ печатныя, такъ и въ рукописяхъ, но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ такомъ случаѣ, если онѣ окажутся написанными опротно и разборчиво. Притомъ, въ случаѣ одобренія сочиненія рукописнаго, на автора возлагается обязанность, прежде полученія преміи, представить свой трудъ напечатаннымъ. Впрочемъ, если авторъ удостоеннаго преміи труда заявить, что онъ нуждается въ средствахъ къ напечатанію, то въ такомъ случаѣ можетъ быть выдана ему часть преміи, но не болѣе половины.

§ 8. Сочиненія для соисканія премій представляются авторами въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, но не позже 1-го ноября. Сочиненія, поступившія послѣ сего срока, поступаютъ на соисканіе премій въ слѣдующую затѣмъ очередь той группы, къ которой сочиненіе относится; или же возвращаются авторамъ по ихъ востребованію.

§ 9. Сочиненія рукописныя, а также и печатныя, но безъ означенія имени автора, посылаются подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства.

§ 10. Къ сочиненіямъ, представляемымъ авторами, могутъ быть присоединяемы для соисканія премій учебныя руководства и пособія, а равно и книги для народнаго чтенія, о которыхъ хотя и не поступало заявленій отъ ихъ авторовъ, но которыя ученый комитетъ признаетъ заслуживающими вниманія.

§ 11. Разсмотрѣніе учебныхъ руководствъ и пособій, поступившихъ къ соисканію премій, возлагается: по разрядамъ гимназій и реальныхъ училищъ — на основной отдѣлъ ученаго комитета, а по разряду начальныхъ народныхъ училищъ — на особый

отдѣлъ онаго, который разсматриваетъ также и книги для народнаго чтенія. Для непосредственнаго исполненія сего учреждаются, по мѣрѣ надобности, при каждомъ изъ отдѣловъ ученаго комитета особыя комиссіи, съ приглашеніемъ въ сїи комиссіи, по набранію отдѣловъ ученаго комитета или по прямому назначенію министра народнаго просвѣщенія, наиболее опытныхъ преподавателей и извѣстныхъ ученыхъ или литераторовъ; при чемъ предсѣдатели сихъ комиссій назначаются также министромъ народнаго просвѣщенія.

§ 12. Занятія особыхъ комиссій по разсмотрѣнію сочиненій; поступившихъ на соисканіе премій; должны быть окончены не позже 15-го марта того года, въ который назначена выдача премій. Затѣмъ донесенія комиссій обсуждаются въ отдѣлахъ ученаго комитета, по принадлежности, и къ 1-му мая доклады оныхъ съ заключеніемъ о присужденіи премій представляются на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

§ 13. Извѣстія объ удостоенныхъ премій сочиненіяхъ, съ отзывами объ нихъ, 30-го мая, въ день рожденія Императора Петра Великаго, публикуются во всеобщее свѣдѣніе.

§ 14. Въ вознагражденіе трудовъ лицъ, принимавшихъ наибольшее участіе въ разсмотрѣніи сочиненій, поступающихъ на конкурсъ, выдаются имъ, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія, золотыя медали; стоимостью каждая въ 50 рублей. Ежегодно таковыхъ медалей выдается не болѣе десяти; и о выдачѣ ихъ также публикуется во всеобщее свѣдѣніе.

10. (4-го августа 1873 года). *Положеніе о первой студенческой стипендіи при Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

При Императорскомъ Московскомъ университетѣ учреждается на сумму 2.500 руб., вырученную на бывшемъ въ 1873 году, въ память основанія сего университета, первомъ студенческомъ вечерѣ, стипендія на слѣдующихъ основаніяхъ:

- 1) Стипендія эта носить названіе: «первая студенческая стипендія».
- 2) Капиталь въ 2.500 руб. долженъ храниться въ одномъ изъ Московскихъ банковъ.
- 3) Изъ получаемыхъ процентовъ 2% должны быть оставлены на увеличеніе капитала.
- 4) Когда капиталъ утроится, что должно быть чрезъ 55 лѣтъ, онъ дѣлится на двѣ части: а) въ 5.000 руб. и в) въ 2.500 руб. Съ этого времени стипендіатъ имѣеть получать съ перваго капитала, всѣ проценты; второй же капиталъ въ 2.500 руб. долженъ быть положенъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ первый разъ, то-есть, съ удержаніемъ 2% на увеличеніе капитала; остальные проценты идутъ въ пользу другаго стипендіата.
- 5) Когда и этотъ капиталъ утроится, то опять разбивается на двѣ части: въ 5.000 рублей и 2.500 рублей.
- 6) Всѣ проценты съ 5.000 руб. употребляются на пользу стипендіата, а со втораго капитала оставляется опять 2%, причеъ остальные проценты выдаются третьему стипендіату и т. д.
- 7) Стипендія должна выдаваться совѣтомъ университета бѣднѣйшему изъ студентовъ безъ различія факультетовъ.
- 8) Стипендія выдается съ перваго курса.
- 9) Стипендіею пользуются не болѣе 4-хъ лѣтъ, а на медицинскомъ факультетѣ не болѣе 5-ти лѣтъ.
- 10) Оставшіеся на курсѣ по уважительнымъ причинамъ на второй годъ стипендіи не лишаются, но пользоваться ею могутъ не долѣе 4-хъ, а на медицинскомъ 5-ти лѣтъ.
- 11) Выдача стипендіи начинается съ начала 187³/₄ академическаго года.

III. ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ; ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

3-го іюня 1873 года (№ 8). *Назначаются* окончившіе въ семь году курсъ наукъ студенты Императорскаго историко-филологиче-

ческаго института, учителями: Иванъ *Евгеновъ* — въ Рижскую Александровскую, Михаилъ *Григоровскій* — въ Керченскую Александровскую и Николай *Катаевъ* — въ Екатерипославскую гимназію, всѣ трое по греческому языку; Евгенийъ *Тихвинскій* — въ Рижскую Александровскую гимназію и Станиславъ *Данилицъ* — въ Сумскую прогимназію — оба по древнимъ языкамъ; Романъ *Миротворцевъ* — въ Воронежскую гимназію, по латинскому языку; Василий *Заринскій* — въ Сумскую прогимназію, по русскому и латинскому языкамъ; Дмитрій *Гутниковъ* — во 2-ю Харьковскую гимназію, по русскому языку и словесности; Алексѣй *Кондратьевъ* — въ Курскую, Михаилъ *Помидоровъ* — въ Полтавскую, Василій *Чеботаревъ* — во 2-ю Харьковскую гимназію и Константинъ *Успенскій* — въ Златопольскую прогимназію, — всѣ четверо по исторіи и географіи, и Александръ *Преображенскій* — въ Херсонскую гимназію, по исторіи, всѣ съ обязательствомъ прослужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ.

16-го іюня 1873 года (№ 9). *Утверждаются*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ химіи *Верно* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ химіи, съ 28-го марта 1873 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ правъ *Эрдманъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ мѣстнаго права, дѣйствующаго въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, а также юридической практики; магистръ уголовного права *Духовской* — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лица, по кафедрѣ уголовного права, съ 15-го мая 1873 года; служившій въ Виленской публичной библіотекѣ *Гильтебрандтъ* и докторъ русской исторіи *Карповъ* — членами археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, Гильтебрандтъ съ 18-го ноября 1871 года, а Карповъ съ 6-го мая 1873 года.

Назначаются: инспекторъ Саратовской гимназіи, статскій со-

вѣтчикъ *Лакомте*—директоромъ училищъ Саратовской губерніи; инспекторъ Уфимской гимназіи, надворный совѣтникъ *Виноградскій*—директоромъ Порѣцкой учительской семинаріи; воспитатель при пансіонѣ Московской второй гимназіи, надворный совѣтникъ *Золотаревъ*—директоромъ учительской семинаріи въ сельцѣ Алферовѣ, Вяземскаго уѣзда, Смоленской губерніи, съ 1-го іюня 1873 года; главный редакторъ государственныхъ актовъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Тимофеевъ*—правителемъ дѣлъ сей комиссіи, съ 1-го іюня 1873 года, съ оставленіемъ въ настоящей должности; помощникъ начальника инженернаго управленія въ Вильнѣ, генералъ-маіоръ *Имаиусъ*, полковникъ *Михайловскій*, директоръ Виленской астрономической обсерваторіи, полковникъ *Смысловъ*, Виленскій губернский архитекторъ, коллежскій совѣтникъ *Чагинъ*, начальникъ II-го отдѣленія подвижнаго состава и тяги С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги, инженеръ *Геркенъ* и управляющій Виленскимъ газовымъ заводомъ *Шенфельдъ*—членами попечительства Виленскаго реальнаго училища, на три года.

Командируется: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ *Андреевъ*—въ гор. Казань, для принятія участія въ имѣющемъ быть въ августѣ 1873 года IV съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей.

Продолжается срокъ отпуска за границу: учителю Вологодской гимназіи *Ранси*—на двадцать девять дней, по болѣзни.

Увольняются отъ отпусковъ: внутри Имперіи: помощникъ бухгалтера департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Сисоевъ* — на мѣсяць, въ С.-Петербургскую губернію, по болѣзни; директоръ С.-Петербургской Ларинской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кноррингъ*—на мѣсяць и десять дней, въ разныя губерніи; помощникъ эзекутора департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Воронинъ* — на два мѣсяца въ Новгородскую губернію, по болѣзни; *внутри Имперіи и за границу:* причисленный къ министерству народнаго

просвѣщенія, генераль-маіоръ генеральнаго штаба *Новиковъ* — на каникулярное время 1873 года по Московскому учебному округу: за границу: съ 20-го іюля по 17-е августа 1873 года: инспекторъ народныхъ училищъ Волынской губерніи *Соловьевъ*; на двадцать восемь дней: доцентъ Императорскаго Московскаго университета, титулярный совѣтникъ *Лясковскій*, и почетный смотритель Бобринецкаго уѣднаго училища *Скароксинскій*, изъ нихъ Лясковскій съ 1-го іюля 1873 года; на двадцать девять дней, въ теченіи мѣсяца вакаціоннаго времени 1873 года: сверхштатный доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета *Дайебауеръ*; на мѣсячное вакаціонное время 1873 года: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, *Лацкевичъ* и св. Владимира, *Ковалевскій*; доцентъ сего университета *Неметти*; директоръ Аренбургской гимназіи, статскій совѣтникъ *Зембушъ*; инспекторъ училищъ гор. Варшавы, коллежскій ассессоръ *Горнбергъ*; инспекторъ Тверской гимназіи *Пречанъ*; помощникъ инспектора Холмской мужской гимназіи *Федьинскій*; учителя гимназій: Мозырской, надворный совѣтникъ *Якубовскій*, С.-Петербургской второй, состоящій въ VIII классѣ, *Клеменчикъ*, С.-Петербургской третьей, состоящій въ VIII классѣ, *Федотовъ*, Витебской, *Поповъ*, Московской четвертой, состоящій въ VIII классѣ, *Кулаковскій*, Полтавской, *Павловичъ*, Курской: *Штокманъ* и *Бразоваръ*, Керченской - Александровской, *Меттро* и Варшавской первой мужской, коллежскій ассессоръ *Грушецкій*; учитель главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ *Фрейфельдтъ*; учитель Александровской Старобѣльской прогимназіи *Ренцинскій*; учитель Динабургскаго реального училища *Ферстеръ*; наставникъ Байрамчійско учительской семинаріи *Исаинъ*; врачъ Калишской мужской гимназіи *Штурмъ*; учителя начальнаго училища Ихъ Императорскихъ Высочествъ Наслѣдника Цесаревича и Цесаревны въ Ригѣ: *Вертеръ* и коллежскій регистраторъ *Виндтъ*; учитель Рижскаго Александровскаго бесплатнаго училища *Бернгардтъ* и учительница Варшавскаго вазепнаго женскаго начальнаго училища № 5

Хржановская, изъ сихъ лицъ: *Горнбергъ*, *Федынскій*, *Якубовскій*, *Поповъ*, *Грушецкій*, *Штурмъ* и *Хржановская*, по болѣзни; *на мѣнѣе ваканціонное время 1873 года и двадцать-девять дней*: заслуженный профессоръ богословія, Императорскаго Новороссійскаго университета, протоіерей *Павловскій*; *на два мѣсяца*: помощникъ директора Императорской Публичной Библіотеки, тайный совѣтникъ *Бычковъ*; директоръ училищъ Курской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Жаворонковъ*; врачъ Ярославской гимназіи, надворный совѣтникъ *Цирожковъ*, и учитель Ковенскаго Старгородскаго приходскаго училища *Концевичъ*, изъ нихъ: *Бычковъ*, *Жаворонковъ* и *Концевичъ*, по болѣзни; *на два мѣсяца и пять дней*: начальница Харьковской женской гимназіи *Медиузъ*; *съ 20-ю іюня по 15-е сентября 1873 года*: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Чубиновъ*; *на два мѣсяца и двадцать-семь дней*: учительница Казанской женской гимназіи *Олиттеръ*; *на три мѣсяца и двадцать-два дня*: столоначальникъ канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа *Маминскій*, по болѣзни; *на четыре мѣсяца*: причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія, статскіе совѣтники: *Молчановъ* и *Зетинцевъ*, и законоучитель Пермской гимназіи; священникъ *Поздняковъ*, по слѣдніе двое по болѣзни.

Уволяются, согласно прошенію: правитель дѣлъ, археологической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія и главный редакторъ лѣтописей въ сей комиссіи, тайный совѣтникъ *Бычковъ* — отъ сихъ должностей, съ 1-го іюня 1873 года, съ оставленіемъ членомъ комиссіи; директоръ учительской семинаріи въ селѣ Алферовѣ, Вяземскаго уѣзда, Смоленской губерніи, статскій совѣтникъ *Подиновъ* — отъ сей должности, съ 1-го іюня 1873 года; директоръ Порѣцкой учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ *Дуновскій*, съ 12-го іюня 1873 года, и директоръ училищъ Саратовской губерніи, статскій совѣтникъ *Соколовъ* — отъ службы.

Объявляется признательность министерства народнаго про-

сообщенія: помѣщаницѣ Новохоперскаго уѣзда, Воронежской губерніи, вдовѣ генералъ-лейтенанта *Раевской*, и сыну ея, штабъ-ротмистру *Раевскому*—за пожертвованія въ пользу народнаго образованія; помѣщику Даниловскаго уѣзда, Ярославской губерніи, *Иваннину-Писареву*—за усердіе къ дѣлу народнаго образованія.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета сего министерства, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Книги подъ заглавіями: «*Разказы по всеобщей географіи для народныхъ училищъ*. Составлено по нѣмецкой хрестоматіи Бенцеля, Менцеля и Рихтера. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Вып. 1-й. Общее обзорѣніе. Европа. Кіевъ, 1872 г.» и «*Разказы изъ географіи. Для народныхъ училищъ и для первоначальнаго обученія*. Вып. 2-й: Кіевъ, 1871 г.»—признать не бесполезными для употребленія учащимися въ двухклассныхъ начальныхъ училищахъ и посему одобрить къ приобрѣтенію для библиотекъ сихъ училищъ.

2) «*Учебный географическій атласъ Россійской имперіи*, составленный преподавателемъ Курской гимназіи *О. Штокманомъ*. Изданіе картографическаго заведенія Юстуса Пертеса въ Готѣ 1871 г.» , рекомендовать для употребленія въ видѣ учебнаго пособія въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и въ реальныхъ училищахъ.

3) Составленную коллежскимъ совѣтникомъ *Лебедевымъ* *Учебную карту Россійской имперіи* признать въплнѣ заслуживающею особой рекомендаціи учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія.

4) Составленную г. *Макаровымъ* французско-русскую часть международныхъ словарей для среднихъ учебныхъ заведеній ре-

комендовать, какъ отличное пособие при изученіи французскаго языка въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, мужскихъ и женскихъ, вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета сего министерства, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

1) Книги, подъ заглавіями: 1) *Руководство учителямъ одноклассныхъ и двухклассныхъ народныхъ училищъ*. Извлечено изъ руководства учителямъ, изданаго по повелѣнію Императрицы Екатерины II. Кіевъ, 1871 г.» и 2) *Полезныя свѣдѣнія о лошади и другихъ домашнихъ животныхъ и птицахъ*. Составилъ А. Савельевъ. Спб., 1872 г.» — одобрить для библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ. 3) *Наши добрые слуги четвероногіе. А. Погоскаго*. Спб. 1872 г.» — рекомендовать для пріобрѣтенія въ библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ. 4) *Благовѣщеніе*. Повѣсть. Сочиненіе Т. Тольчевой. Москва, 1873 г.» (цѣна 20 к.); 5) *Книжка для школъ № 69. Разказы о Киево-Печерскомъ монастырѣ*. Москва, 1873 г.» (цѣна 15 к.). 6) *Народныя чтенія въ Солянскомъ городкѣ. Дѣнадцатый годъ. И. И. Шалфеева*. Спб. 1873 г.» и 7) *Цѣлебныя силы пріоры. Полный цѣлебный травникъ*. Спб. 1871 г.» — допустить въ библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

Заключеніемъ учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, утвержденнымъ опредѣленіемъ святѣйшаго синода ^{20-го марта} ~~12-го апрѣля~~ 1873 г., постановлено: книгу *Первоначальные уроки христіанскаго ученія для народа*. Составилъ священникъ Климентъ Савичъ. Вильно, 1870 г.» — допустить въ библіотеки народныхъ школъ, какъ не бесполезное учебное пособие при преподаваніи катехизиса.

Въ случаѣ необходимости, по распоряженію г. управляющаго министерствомъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Господинъ попечитель Одесскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, что его Императорское Высочество Генераль-адмиралъ, 2-го минувшаго іюня, въ 6 часовъ вечера, изволилъ посѣтить всѣ классы Николаевской Маріинской женской гимназіи, останавливаться на нѣкоторое время въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ производились экзамены, предлагать вопросы и остаться гимназіею довольнымъ.

— 7-го истекшаго іюля Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ изволилъ осчастливить Своимъ посѣщеніемъ мужскую и женскую гимназіи въ г. Екатеринбургѣ и нашелъ ихъ въ отличномъ состояніи.

— Попечитель Казанскаго учебнаго округа донесъ г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, что Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Алексѣй Александровичъ изволилъ посѣтить 10-го сего іюля Пермскую гимназію, состоящую при ней пансіонъ и благоволилъ осматривать постройку дома женской гимназіи.

— По донесенію начальства Московскаго учебнаго округа, 25-го мая текущаго года, въ 12 часовъ пополудни, въ Александровской гимназіи Смоленскаго земства, въ городѣ Вязьмѣ, въ присутствіи почетнаго попечителя ея, учащихся и учащихъ, совершено освященіе иконы Спасителя, сооруженной усердіемъ учащихся и учащихъ, въ память благополучнаго выздоровленія отъ тяжелой болѣзни Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, Августѣйшаго покровителя названной гимназіи. О сооруженіи этой иконы было доведено до свѣдѣнія Его Высочества, въ поднесенномъ, 9-го февраля сего года, поздравительномъ адресѣ отъ лицъ Смоленскаго земства, служащихъ и учениковъ гимназіи, за что Государю Цесаревичу благоугодно было выразить Свою благодарность чрезъ министра народнаго просвѣщенія.

— На основаніи утвержденного г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 4-го августа 1873 года положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго за лучшія учебныя руководства и пособія для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и за книги для народнаго чтенія, на 1874 годъ назначаются для соисканія премій: *по разряду шмцазіи* — руководства и пособія по языкамъ латинскому и греческому, а *по разряду реальныхъ училищъ* — руководства по механикѣ и составленію исполнительныхъ чертежей машинъ. Изъ напечатанныхъ уже сочиненій могутъ быть представляемы къ соисканію премій лишь тѣ, которыя изданы въ свѣтъ впервые лишь въ теченіе 1873 года. Крайнимъ срокомъ для представленія сочиненій къ соисканію премій назначается 1-е ноября 1873 года.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Казанскаго учебнаго округа, его высокопревосходительствомъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено открыть съ начала предстоящаго учебнаго года въ городѣ Екатеринбургѣ четырехклассное реальное училище съ двумя отдѣленіями высшаго деполнительнаго класса (горнозаводскимъ и механико-техническимъ) на совмѣстныхъ средства города Екатеринбурга и земствъ: Пермскаго, губернскаго и уѣздныхъ Екатеринбургскаго и Камышловскаго.

— Вслѣдствіе представленія начальства Харьковскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, разрѣшено взимать плату за ученіе въ Елецкой гимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *четырнадцати* рублей а въ прочихъ классахъ по *двадцати одному* руб. въ годъ съ каждаго приходящаго ученика.

— Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, согласно представленію г. управляющаго Московскимъ учебнымъ округомъ, предложеніемъ отъ 28-го іюля 1873 года, разрѣшилъ принять отъ двященника Грузицкой, на Воронцовомъ полѣ въ Москвѣ, церкви *А. Д. Моржакскаго*, состоящей въ 50/о. банко-

ковыхъ билетахъ, капиталъ въ *пятьсотъ рублей*, съ цѣлію выдачи ежегодно, согласно волѣ жертвователя, на счетъ процентовъ съ сей суммы, пособій бѣднымъ студентамъ медицинскаго факультета Московскаго университета, по усмотрѣнію совѣта сего университета.

— I. попечитель Дерптскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, что Рижская женская Ломоносовская гимназія имѣла въ 1872/73 учебномъ году два выпуска ученицъ; окончившихъ курсъ наукъ и подвергшихся окончательнымъ испытаніямъ; первый былъ въ декабрѣ, второй въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ окончательнымъ испытаніямъ подвергались 4 воспитанницы. Изъ нихъ три удостоены аттестатовъ, дающихъ имъ право ходатайствовать о выдачѣ свидѣтельствъ на званіе домашнихъ учительницъ, а четвертая получила только свидѣтельство объ окончаніи курса въ гимназій.

По поводу втораго выпуска воспитанницъ въ 1872/73 учебномъ году, 14-го іюня, совершенъ былъ гимназіею, въ присутствіи попечителя и многочисленнаго собранія, торжественный актъ, второй со времени ея основанія.

Изъ 14 воспитанницъ VI (старшаго) класса педагогическимъ совѣтомъ гимназія допущены были къ окончательному испытанію только 10. Для письменныхъ испытаній назначены были 22-е, 23-е, 24-е, 25-е и 26-е числа мая. Въ эти дни воспитанницы представили письменныя работы по слѣдующимъ предметамъ: 22-го мая, по русской исторіи—о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, 23-го мая, по ариметикѣ—рѣшили письменно, съ объясненіемъ рѣшенія, по три задачи на правила смѣшенія, процентовъ, товарищества и пробы; 24-го мая, по русскому языку—объясненіе пословицы—«слово не воробей, вылетитъ—не поймаешь»; 25-го мая, по французскому языку—*La jeunesse vit d'espérance, la vieillesse de souvenirs*, и 26-го мая, по нѣмецкому языку—Schiller. Всѣ эти письменныя упражненія воспитанницы писали отъ 9-ти часовъ утра до 2-хъ часовъ, по темамъ, которыя объ-

являлись имъ передъ самымъ началомъ письменнаго испытанія, при наблюденіи главной надзирательницы или одной изъ классныхъ дамъ. Устные испытанія происходили 6-го, 7-го и 8-го іюня, въ присутствіи попечителя и его помощника, изъ всѣхъ предметовъ гимназическаго курса въ 3-хъ комиссіяхъ, составленныхъ изъ начальства гимназій, экзаменаторовъ и ассистентовъ. Изъ 10 воспитанницъ, допущенныхъ къ устнымъ экзаменамъ, явились только девять (одна по болѣзни не могла начать и письменныхъ экзаменовъ) и эти 9 воспитанницъ удостоены одобрительныхъ аттестатовъ.

Такимъ образомъ, общее число выпущенныхъ въ теченіе 1872/73 года ученицъ, съ успѣхомъ подвергавшихся испытанію зрѣлости, составляетъ 12. Цифра эта представляетъ собою вполне удовлетворительный результатъ дѣятельности столь юнаго, какова Рижская Ломоносовская гимназія, учебнаго заведенія.

— Г. управляющій С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ довелъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, что 8-го минувшаго іюня, послѣ божественной литургіи, въ селеніи *Ошть*, Лодейнопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи, открыто одноклассное начальное народное училище, при значительномъ собраніи крестьянъ названнаго села и въ присутствіи предсѣдателя Лодейнопольской уѣздной земской управы Гиранскаго, мирового посредника Лодейнопольскаго уѣзда Неѣлова, лѣсничаго Клязуова и волостнаго старшины Никошкова. Училище помещено въ наемномъ домѣ, довольно удобномъ, и снабжено въ достаточномъ количествѣ классною мебелью, учебными пособиями и классными принадлежностями. Въ день открытія учащихся было 33 мальчика. Закладка дома для училища произведена въ маѣ сего 1873 года.

РАЗГРАНИЧЕНІЕ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ВЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ПРАВА¹⁾.

VII.

Законодательство Екатерины II и ея преемниковъ.

«Екатерининское учрежденіе впервые придало нашему судопроизводству внутреннюю рациональность, «вышнюю» правильность и сняло съ него ту печать «крайне грубыхъ несовершенствъ и военный характеръ, которые составляютъ принадлежность судопроизводства въ обществахъ, слишкомъ не далеко ушедшихъ по пути гражданственности».

Проф. Чебышевъ-Дмитріевъ.

Обращаясь къ законодательству Екатерины II, замѣтимъ, что сдѣланныя имъ перемѣны, главнымъ образомъ, относятся къ лучшему устройству судовъ. Что же касается процессуальныхъ формъ и подробностей въ порядкѣ судебного разбирательства, то здѣсь перемѣны были весьма незначительны. Поэтому и въ нашемъ трудѣ главное вниманіе будетъ обращено на судопроизводство, а о процессѣ будетъ сказано въ нѣсколькихъ словахъ.

Законодательство Петра I относительно организаціи судовъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уменьшивши запутанность, въ большинствѣ случаевъ увеличивало ее и произвело гораздо болѣе вышнихъ перемѣнъ, нежели коснулось сущности дѣла. Бесплодность петровскихъ реформъ зависѣла отъ многихъ причинъ, изъ которыхъ главнѣйшими были: 1) напряженное состояніе государства, мѣшавшее правильному росту его отдѣльныхъ органовъ; 2) законодательству Петра I не доставало правильной, обдуманной системы: многіе указы издавались по

¹⁾ *Окончаніе. См. Журн. Мин. Нар. Просв.* февральскую, мартонскую июльскую и августовскую книжки 1873 года.

минутнымъ потребностямъ, безъ достаточной обдуманности, какъ объ этомъ засвидѣтельствовалъ самъ Петръ I, когда, отиѣняя одну изъ сдѣланныхъ реформъ, прямо говорить въ указѣ— „понеже едино дѣло есть и не *разсмотря тогда учинено*“; отсюда объясняется возможность такихъ промаховъ, что, напримѣръ, президенты коллегій, подчиненныхъ Сенату, дѣлаются членами его, и являются такимъ образомъ судьями и начальниками самихъ себя. Учрежденія Петра, по справедливому замѣчанію г. Дмитріева, были только очеркомъ будущаго порядка; многое въ нихъ введено было на скорую руку, временно; было много и полныхъ уступокъ духу времени, напримѣръ, Петръ долженъ былъ оставить множество отдѣльныхъ управленій¹⁾. Сдѣланное имъ дѣленіе губерній потребовало учрежденія множества низшихъ учрежденій. При этомъ, безпрестанно создавая новыя должности и мѣста, Петръ оставилъ много отдѣльныхъ управленій. Дробность областного управленія была особенно тяжела для народа, при бѣдности правительственныхъ средствъ и плохой административной нравственности. Съ другой стороны, не смотря на множество должностныхъ лицъ и мѣстъ, не былъ соблюденъ законъ раздѣленія труда; одно и то же учрежденіе вѣдало и административныя, и судебныя, какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла; и это было на всѣхъ степеняхъ губернскихъ учрежденій; слѣдствіемъ этого была медленность и открытіе свободнаго доступа злоупотребленіямъ. Множество, судебныхъ учрежденій по одной и той же части,—отчего одно и то же дѣло могло проходить множество инстанцій,—еще болѣе увеличивало медленность судопроизводства. Напримѣръ, гражданскій искъ торговаго сословія, начатый въ словесномъ судѣ, переходитъ изъ него въ городской магистратъ, а оттуда въ провинціальный магистратъ, затѣмъ въ губернскій, изъ котораго могъ перейти въ главный магистратъ и наконецъ въ Сенатъ. Не указывая множества другихъ недостатковъ введенной Петромъ административной и судебной организаціи, замѣтимъ только, что весь его административный планъ, особенно послѣ передѣлокъ, сдѣланныхъ преемниками Петра, и главнымъ образомъ по отношенію къ устройству мѣстнаго управленія, нуждался въ весьма важныхъ усовершенствованіяхъ и даже въ измѣненіяхъ, такъ какъ возвращеніе послѣ Петра къ формамъ XVII вѣка, отозвалось страшною безурядицей въ областномъ судоустройствѣ. Честь устраненія этой неурядицы принадлежитъ Екатеринѣ II и ея знаменитому

¹⁾ «Ист. судебн. инстанцій», стр. 523.

„Учрежденію о губерніяхъ“, которое для своего времени имѣть такое же великое значеніе въ исторіи нашего судоустройства, какое принадлежитъ въ наше время учрежденію судебныхъ установленій 20-го ноября 1864 года. „Еще и теперь нельзя не изумляться громадному подвигу“, говоритъ г. Дмитріевъ, „совершенному Екатериною при самыхъ незначительныхъ средствахъ, при полномъ непониманіи и долговременной оппозиціи общества“¹⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ перемѣнъ, которыя введены въ судебное устройство Учрежденіемъ о губерніяхъ, остановимся нѣсколько на знаменитомъ Наказѣ Екатерины II 1767 года, тѣмъ болѣе, что въ немъ впервые высказывается правильный взглядъ на уголовное преступленіе, въ отличіе отъ другихъ правонарушеній. Наказъ не смотритъ уже на преступленіе, какъ на грѣхъ или какъ на ослушаніе царской воли. Преступленіе въ немъ облачается въ чисто-общественную одежду; идея его исключительно стягивается къ одному фокусу — къ общественному спокойствію и благосостоянію: „ничего не должно запрещать законами“, говоритъ наказъ, „кромя того, что можетъ быть вредно или отдѣльному лицу, или всему обществу“²⁾. Исходя изъ такого взгляда на преступленіе, Наказъ игнорируетъ совершенно массу дѣяній, считавшихся прежде преступными; изъ безчисленнаго множества человѣческихъ дѣяній, онъ выдѣляетъ, какъ преступныя, только тѣ изъ нихъ, которыя нарушаютъ живыя конкретныя общественныя отношенія. Преступленія дѣлитъ Наказъ на четыре группы: а) преступленія противъ вѣры, изъ которыхъ исключаетъ всѣ тѣ дѣянія, которыя не направлены противъ предметовъ религіознаго поклоненія и богопочитанія³⁾; б) преступленія противъ нравовъ, къ которымъ относитъ „поступки противъ учреждений (обычая), показующихъ какимъ образомъ должно пользоваться высшими выгодами, естествомъ чловѣку данными для нужды, пользы и удовольствія его“⁴⁾; в) преступленія, нарушающія спокойствіе и тишину гражданъ, или полицейскія правонарушенія⁵⁾; и г) преступленія противъ безопасности гражданъ, которыя раздѣляются на два вида: на преступленія противъ безопасности отдѣльныхъ лицъ (убійство,

¹⁾ *Русскій Архивъ* за 1868 годъ, стр. 1539. «Сперанскій и его государственная дѣятельность».

²⁾ П. С. З., № 12,949, гл. X, ст. 41.

³⁾ Тамъ же, ст. 74.

⁴⁾ Тамъ же, ст. 77.

⁵⁾ Тамъ же, ст. 78.

воровство, обиды личныя и проч. ¹⁾), и на преступленія противъ безопасности цѣлаго общества: государя и государства ²⁾). На уголовное наказаніе Наказъ смотритъ какъ на средство, охраняющее общество отъ распаденія; основная задача наказанія — „препятствіе вознѣздиться преступленію“, цѣли его: удержать преступника отъ вторичныхъ посягательствъ и отвратить другихъ согражданъ отъ содѣланія беззаконія ³⁾). Желая дать своимъ подданнымъ судъ равный, составительница Наказа предполагаетъ необходимые суды, „сирѣчь, малые протоки, чрезъ которые власть государя протекаетъ“ ⁴⁾). Судья не долженъ имѣть никакой другой власти, кромя постановленія приговора на основаніи закона; онъ долженъ „одинъ только силлогизмъ или разсужденіе сдѣлать, въ которомъ первое предложеніе, или посылка, есть общій законъ; второе—изъявляетъ дѣйствіе, о которомъ дѣло идетъ, сходно ли оно съ законами или противно имъ? Заключение—содержитъ оправданіе или наказаніе обвиняемаго“ ⁵⁾). Къ сожалѣнію, идеямъ Наказа не суждено было осуществиться въ царствованіе Екатерины, и истинный взглядъ на преступленіе и на дѣятельность судьи проникъ въ законодательство уже въ позднѣйшія времена.

Въ 1775 году была издана первая часть Учрежденія о губерніяхъ, въ которой излагался общій составъ управленія, а въ 1780 году появилась и вторая часть, содержавшая правила о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ мѣстъ и надворныхъ судовъ. Такъ какъ Учрежденіе, установивъ все губернское, уѣздное и городское управленіе, не коснулось полиціи, то пробѣлъ этотъ былъ восполненъ изданіемъ Устава Благочинія въ 1782 году. Въ Учрежденіи Екатерина прямо указываетъ причины, заставившія ее прибѣгнуть къ реформамъ: „нашли мы, что по великой обширности нѣкоторыхъ губерній, оныя недостаточно снабжены какъ правительствомъ, такъ и надобными для учрежденія людьми, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерній, и казенные доходы и счета обще съ благочиніемъ или полиціей, и сверхъ того еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются; а таковымъ же неудобствамъ тѣхъ же губерній въ провинціяхъ и уѣздахъ правленія не меньше подвержены, ибо въ

¹⁾ Тамъ же, ст. 234, 235; 201, 202, гл. VII.

²⁾ Тамъ же, ст. 270—273, гл. XX.

³⁾ Тамъ же, гл. X, ст. 205, 145, 147, 240 и др.; гл. IV, ст. 61, 63 и др.; VIII, ст. 81, 88 и др.

⁴⁾ Тамъ же, гл. III, ст. 20.

⁵⁾ Тамъ же, гл. X, ст. 252.

одной воеводской канцеляріи совокуплены находятся дѣла всякаго рода и званія. Происходящее отъ сего неустройство весьма ощутительно. Съ одной стороны медленность, упущенія и волокита суть естественныя послѣдствія такого судебного неудобнаго и недостаточнаго положенія, гдѣ дѣло одно другое останавливаетъ, и гдѣ опять невозможность исправить на единую воеводскую канцелярію множество различнаго существа возложенныхъ дѣлъ служить можетъ иногда и должна отговоркою и покрывать неисправленіе должности и быть поводомъ страстному производству. Съ другой стороны, отъ медлительнаго производства возрастаютъ своевольство и ябеда обще со многими пороками, ибо возмездія за преступленія и пороки производятся не съ таковою посильностію, какъ бы надлежало для укрощенія и въ страхъ продержостныхъ. Въ иныхъ же мѣстахъ множество дозволенныхъ аппеляцій не малую причиняютъ правосудію остановку⁴ и проч. Какимъ образомъ и насколько Учрежденіе о губерніяхъ устраниетъ эти и другіе недостатки, это мы увидимъ при разсмотрѣніи введеннаго Учрежденіемъ устройства судебной организаціи въ губерніяхъ; а теперь, согласно нашему плану, скажемъ нѣсколько словъ объ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ Екатериною и ея преемниками, въ устройствѣ центральныхъ правительственныхъ и судебныхъ учреждений.

Во главѣ центральнаго управленія стоялъ, какъ извѣстно, Сенатъ. Въ какомъ печальномъ положеніи находился онъ къ началу и въ первые годы царствованія Екатерины, объ этомъ можно судить, напримеръ, изъ слѣдующихъ разказовъ о его дѣятельности: онъ употреблялъ шесть недѣль на разсужденіе объ одномъ выгонѣ города Массальска¹⁾; онъ вѣрилъ въ напущеніе червей по вѣтру и осуждалъ по судебнымъ преслѣдованіямъ за такое напущеніе²⁾; онъ не зналъ числа городовъ въ Россіи, пока Екатерина не велѣла купить для него въ академической лавкѣ атласъ Кириллова; онъ полагалъ сумму государственныхъ доходовъ въ 16 милл. руб., между тѣмъ какъ эта сумма оказалась въ 28 милл. рублей, когда по желанію императрицы, Виземскій и Меншиковъ стали провѣрять ее³⁾. Понятно, что такое состояніе Сената вызывало въ Екатеринѣ глубокую скорбь и заставляло ее принимать мѣры къ улучшенію и упорядоченію дѣятельности Сената. Екатерина, для которой, по ея собственнымъ словамъ, первымъ желаніемъ было „видѣти нашъ народъ столь довольнымъ и

¹⁾ Разказы Екатерины II, въ *Русскомъ Архивѣ* за 1865 г., стр. 479.

²⁾ *Русскій Архивъ* за 1867 г., стр. 1084—1085.

³⁾ *Русскій Архивъ* за 1865 годъ, стр. 481.

счастливымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство можетъ на сей землѣ простираться" ¹⁾, не могла оставить Сенатъ — это высшее учрежденіе въ государственномъ механизмѣ, простирающее свою дѣятельность на всю Россію, — въ томъ печальномъ положеніи, въ какомъ застали его первые годы ея царствованія. И дѣйствительно, въ первые же годы своего царствованія Екатерина обратила вниманіе на преобразование Сената.

Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, она положила прочное основаніе тому составу Сената, который онъ имѣлъ до послѣдняго времени. Она осуществила намѣреніе своихъ предшественниковъ раздѣлить присутствіе Сената на департаменты. Всѣ „государственныя внутреннія и политическія дѣла“ были сосредоточены въ первомъ департаментѣ; отъ нихъ было отдѣлено военное управление и поручено четвертому; изъ двухъ остальныхъ департаментовъ во второй поступали дѣла апелляціонныя, а въ третій — дѣла особенныхъ вѣдомствъ. Два московскихъ департамента дѣлили свои занятія такъ, что одинъ былъ мѣстный административный, другой — судебный. Эта мѣра умоньшала медленность распоряженій, которою сопровождалось до сихъ поръ всѣ дѣйствія Сената. Она полагала начало раздѣленія суда отъ администраціи, безъ которыхъ невозможенъ правильный ходъ ни того, ни другаго. Апелляція шла теперь быстрѣе и поступала на разсмотрѣніе людей, которые исключительно занимались судомъ и должны были приобрѣтать болѣе опытности, чѣмъ при соединеніи разнородныхъ призваній. Но это раздѣленіе Сената на департаменты не было объявлено непремѣннымъ; напротивъ, Сенату предоставлено было дѣлать въ немъ перемѣны, съ доклада императрицѣ. Отсюда произошло то, что вскорѣ вмѣсто указаннаго нами распредѣленія дѣлъ по департаментамъ явилось новое, по которому слѣдственные дѣла стали вѣдаться не только во второмъ и шестомъ департаментахъ, но и во всѣхъ другихъ, отъ которыхъ дано было полномочіе въ низшіи судебныя мѣста производить слѣдствія; апелляціонныя же дѣла оставались во второмъ департаментѣ ²⁾. Такимъ образомъ, это преобразование Сената не имѣло особенной важности въ дѣлѣ отдѣленія административной власти отъ судебной; еще менѣе оно имѣло значенія въ дѣлѣ отдѣленія уголовныхъ дѣлъ отъ граж-

¹⁾ Слова манифеста 14-го декабря 1766 года о созваніи депутатовъ въ законодательную комиссію 1767 года.

²⁾ Раздѣленіе судебныхъ дѣлъ на апелляціонныя и слѣдственные появилось при Петрѣ I. П. С. З. №№ 11.620, 11.806, 12.024, 12.512, 13.559.

данскихъ въ высшей инстанціи. Гораздо важнѣе было задуманное Екатериною преобразование Сената послѣ изданіи Учрежденія о губерніяхъ, когда составленъ былъ Екатериною и самый планъ преобразованія. По этому плану устройство Сената предполагалось согласить съ устройствомъ губернскаго управленія. Первый департаментъ долженъ былъ соответствовать губернскому правленію; второму предполагалось поручить надзоръ за казенными палатами; третій департаментъ долженъ былъ оставаться съ прежнимъ значеніемъ, то-есть, завѣдывать дѣлами привилегированныхъ областей,--но чтобы административныя дѣла здѣсь не смѣшивались съ судебными, предполагено было раздѣлить этотъ департаментъ на отдѣленія, которыя должны были вѣдать опредѣленный кругъ дѣлъ, соответственно ихъ характеру; четвертый департаментъ имѣлъ соединить въ себѣ вѣдомства гражданскихъ и уголовныхъ палатъ, но опять такъ, чтобы дѣла гражданскія вѣдались въ особомъ отдѣленіи, а уголовныя въ особомъ. Такимъ образомъ, при новомъ устройствѣ Сената предполагалось не только отдѣлить судъ отъ администраціи, но и гражданское вѣдомство отъ уголовного, подобно тому, какъ это было сдѣлано, какъ увидимъ, въ областномъ судоустройствѣ. Но планъ этотъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ что при Екатеринѣ, не смотря на ея желаніе, все-таки не было точнаго распредѣленія дѣлъ по департаментамъ и потому, хотя менѣе чѣмъ прежде, продолжало еще въ высшей инстанціи существовать, до нѣкоторой степени, смѣшеніе суда съ администраціей, и, еще болѣе, дѣлъ гражданскихъ съ уголовными. Это смѣшеніе было уничтожено только въ послѣдующія царствованія. При Павлѣ Пестровичѣ было уже сдѣлано болѣе точное распредѣленіе дѣлъ по департаментамъ: первому департаменту поручены были дѣла казенныя и интересныя; второму—гражданскія; третьему и четвертому—административныя и наконецъ пятому—уголовныя и слѣдственныя по преступленіямъ должностей²⁾; но при этомъ распредѣленіи все еще оставалось мѣсто для смѣшенія суда съ администраціей и дѣлъ гражданскихъ съ уголовными, не говоря уже о другихъ несовершенствахъ подобнаго распредѣленія. Въ 1802 году Александромъ I былъ утвержденъ проектъ новаго преобразованія Сената, въ которомъ, между прочимъ, указано и значеніе Сената, какъ высшаго учрежденія, именно, что „Сенатъ есть верховное мѣсто Имперіи, которое имѣя себѣ подчиненными всѣ

²⁾ П. С. З., № 17.539, и др.

присутственныя мѣста, какъ хранилище законовъ, печется о повсемѣстномъ соблюденіи правосудія; поэтому, верховная ревизія по дѣламъ гражданскимъ, уголовнымъ и межевымъ принадлежитъ безпристрастному и нелицемѣрному его правосудию“¹⁾. Вскорѣ число департаментовъ Сената было увеличено и переимѣнены названія ихъ²⁾. Но въ распредѣленіи дѣлъ между департаментами не было правильности и раціональныхъ началъ; это распредѣленіе было основано на двухъ началахъ: 1) на характерѣ или родѣ дѣлъ и 2) на территориальномъ дѣленіи; такъ что каждый департаментъ завѣдывалъ опредѣленнымъ числомъ губерній по отношенію къ роду дѣлъ, ему принадлежащихъ. Стремленіе отдѣлить дѣла гражданскія отъ уголовныхъ, равно какъ и судъ отъ администраціи, не было достигнуто окончательно и въ этомъ распредѣленіи дѣлъ по департаментамъ. Наконецъ, въ царствованіе Николая I Сенатъ былъ раздѣленъ на 11 департаментовъ: первый департаментъ долженъ былъ сосредоточивать въ себѣ всѣ дѣла по управленію Имперіи; второй, третій, четвертый (въ С.-Петербургѣ), седьмой, восьмой (въ Москвѣ), десятый (въ Варшавѣ) и межевой — должны были завѣдывать дѣлами судебными гражданскими; пятый (въ С.-Петербургѣ), шестой (въ Москвѣ) и десятый (въ Варшавѣ) — дѣлами уголовными³⁾. Вѣдомство каждаго департамента ограничивается извѣстнымъ числомъ губерній, ему вѣренныхъ. Что въ этомъ распредѣленіи дѣлъ по департаментамъ замѣтно полное стремленіе законодательства отдѣлить судъ отъ администраціи, и дѣла гражданскія отъ уголовныхъ, это видно изъ сдѣланнаго нами перечня департаментовъ. Таковы были измѣненія въ устройствѣ Сената въ царствованіе Екатерины II и ея преемниковъ. Такимъ образомъ Сенатъ, не смотря на многія переимѣны его состава, не смотря на колебанія и ограниченія его власти, въ сущности въ главныхъ чертахъ сохранилъ то, что дано было его основателемъ. Не такова была участь коллегій. Со введеніемъ Учрежденія о губерніяхъ и преобразованиемъ Сената, коллегіи становились совершенно лишними; къ административной инициативѣ онѣ были всегда неспособны, надзоръ ихъ былъ слабъ и требовалъ другаго устройства, а мѣстныя дѣла теперь отходили отъ нихъ. Палаты были ничто иное, какъ раздробленіе коллегій, водвореніе ихъ на мѣстахъ; вмѣсто сосредоточія въ

¹⁾ П. С. З., № 19.908, 20.405.

²⁾ Тамъ же, № 21.605.

³⁾ С. П. З. (II) № 14.852.

столицахъ, инстанціи судебная и административная были подвинуты къ тѣмъ, кто въ нихъ нуждался; вмѣстѣ съ этимъ онѣ становились не нужными въ центрѣ. Вотъ причины, почему коллегіи, вскорѣ послѣ Учрежденія о губерніяхъ, были закрыты¹⁾. Юстицъ-коллегія была уничтожена въ 1786 году и дѣла ея переданы палатамъ. Въ томъ же году уничтожена и вотчинная коллегія²⁾. Окончательное же паденіе коллегій относится къ царствованію Александра I.

Переходимъ къ реформамъ Екатерины II, въ областномъ судоустройствѣ, выразившимся въ Учрежденіи о губерніяхъ. Выше мы указали причины, которыми была вызвана реформа Екатерины II. Главнѣйшею изъ нихъ, какъ мы видѣли и на которую указываетъ сама императрица, была та, *„что въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдано правленіе губерніи, и казенные доходы и счета, обще съ благочиніемъ и полиціей, и сверхъ того уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются“*. Недостатокъ этотъ, какъ мы видѣли, былъ усмотрѣнъ еще Петромъ Великимъ, и потому онъ и почти всѣ послѣдующіе государи издавали различныя узаконенія, нѣсколько его устранявшія; съ этою цѣлію были учреждены при различныхъ присутственныхъ мѣстахъ временные департаменты, съ этою же цѣлію открыты были судный и сыскной приказы. Но всѣ такія распоряженія были мѣрами чисто частными, временными, которыя, не отклоняя самаго основанія этого недостатка, заключавашагося именно въ отсутствіи разграниченія предметовъ вѣдомства, служили часто еще къ большей запутанности. Учрежденіемъ о губерніяхъ было, наконецъ, достигнуто то, къ чему напрасно стремились Петръ и его ближайшіе преемники, именно—сдѣлано разграниченіе администраціи и суда, (хотя, какъ увидимъ ниже, этого разграниченія нельзя назвать окончательнымъ и полнымъ). Это одна изъ самыхъ крупныхъ заслугъ Учрежденія о губерніяхъ. Въ наше время трудно даже понять, говорить г. Дмитріевъ, какимъ успѣхомъ это было въ XVIII стол.³⁾, когда въ обществѣ не было никакого сознанія объ этомъ различіи, когда еще при Елизаветѣ само законодательство называло начальника административнаго мѣста „главнымъ судьей“. При такомъ смѣшеніи понятій весьма естественно смѣшеніе и цѣ практикѣ: отсюда безпрестанное перенесеніе судебныхъ формъ на администрацію и адми-

¹⁾ П. С. З., № 15.047.

²⁾ П. С. З., №№ 16.037, 16.418.

³⁾ Русскій Архивъ за 1868 годъ, № 10, стр. 1571.

нистративныхъ на судъ. При такомъ положеніи вещей, то-есть, когда судъ и администрація соединяются въ однихъ рукахъ, „всемогущій правитель переносилъ въ свой судъ незатѣйливые приемы полицейской расправы и распространялъ ужасъ произволомъ, отъ котораго не было защиты нигдѣ, кромѣ отдаленной столицы“. Учрежденіемъ о губерніяхъ положенъ, на сколько возможно было, конецъ и смѣшанію формъ, и безпредѣльному произволу. Мало того, внутренняя организація, которая дана была суду и управленію, отличалась вѣрностію основаній: вмѣсто того, чтобы колебаться между бюрократической и коллегіальной формами, какъ прежде, Учрежденіе каждой назначало свойственное ей мѣсто—судебнымъ мѣстамъ былъ обезпеченъ составъ коллегіальный, какъ гарантія ярѣлаго обсуждения дѣлъ, напротивъ въ управленіи, какъ и должно, преобладала бюрократія. Другой вопросъ, на сколько послѣдовательно проведены были Учрежденіемъ начала отдѣленія суда отъ администраціи, то-есть, другими словами, можно ли назвать это отдѣленіе полнымъ? Ниже, когда мы будемъ говорить о недостаткахъ Учрежденія, будетъ обращено вниманіе на этотъ вопросъ.

Анализируя древнее судоустройство и судоустройство временъ Петра Великаго и отчасти его преемниковъ, мы видѣли, что хотя тамъ и являлись особые органы суда уголовного и особые органы суда гражданскаго, — такъ что устройство уголовной судебной власти было нѣсколько отлично отъ устройства гражданскаго суда, — но въ основѣ этого раздѣленія лежали или чисто внѣшнія, случайныя обстоятельства, или административные интересы; такъ что уголовные суды прежняго времени правильнѣе могутъ быть названы *особыми* судами, въ смыслѣ отличія отъ общихъ судовъ, но никакъ не въ смыслѣ отличія ихъ отъ гражданскихъ, а губное, напримѣръ, учрежденіе скорѣе было полицейскимъ, чѣмъ судебнымъ. Съ другой стороны всѣ бывшія, въ качествѣ завѣдывавшихъ дѣлами по уголовнымъ преступленіямъ, учрежденія, до Екатерины II были вводимы или только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, или только для нѣкоторыхъ изъ уголовныхъ преступленій (губные старосты, напримѣръ, учреждены были далеко не во всемъ государствѣ и только для губныхъ дѣлъ; Преображенскій и сыскной приказы имѣли также свое спеціальное назначеніе); въ другихъ же мѣстностяхъ дѣла гражданскія и уголовныя вѣдались одними лицами; и даже тамъ, гдѣ были введены особые уголовныя учрежденія, вѣдѣнію этихъ учрежденій подлежалъ далеко не весь кругъ уголовныхъ дѣланій, и не только

кругъ уголовныхъ, но и другихъ дѣяній: учрежденія эти являлись нерѣдко и судьями въ дѣлахъ чисто гражданскихъ. Екатерина Учрежденіемъ о губерніяхъ придала уголовнымъ судамъ значеніе постоянныхъ и правильныхъ учреждений и, вмѣстѣ съ тѣмъ, установленіемъ особыхъ Палатъ гражданской и уголовной отдѣлила уголовное вѣдомство отъ гражданскаго на началахъ твердыхъ и постоянныхъ.

По Учрежденіямъ о губерніяхъ, Россія была раздѣлена на губерніи, которыя должны были заключать въ себѣ 300—400 тысячъ жителей; губерніи дѣлились на провинціи, а эти послѣднія—на уѣзды, заключавшіе въ себѣ округъ въ 20—30 тысячъ жителей. Согласно этому дѣленію, и управленіе установлено тройное: уѣздное, провинціальное и губернское. Въ уѣздѣ полицейская власть ввѣрена была городничимъ, капитанъ-исправнику, и *нижнему земскому суду*; судебная власть поручалась *уѣзному суду*. Въ провинціи единственное мѣсто въ общемъ судоустройствѣ, соответствующее дѣленію губерній на провинціи, былъ *верхній земскій судъ*. Во главѣ губернскаго управленія стоялъ правитель намѣстничества, или губернаторъ, при которомъ было губернское правленіе; судебная власть была ввѣрена палатамъ гражданскаго и уголовного суда. Для торговаго сословія въ городахъ учреждены магистраты, въ посадахъ—ратуши, въ губерніяхъ—губернскій магистратъ. Въ городахъ и округахъ, гдѣ были однодворцы, служилые люди, черносошные государевы и казенные крестьяне, приписанные къ какимъ либо мѣстамъ или заводамъ и проч., были учреждены нижняя расправа и верхняя расправа. Для разночинцевъ и чиновниковъ, живущихъ въ столицахъ, учреждены нижній и верхній надворные суды. Кромѣ этихъ судовъ, былъ учрежденъ еще совѣстный судъ. Не считая необходимымъ подробно останавливаться на каждомъ изъ перечисленныхъ нами учреждений, мы обратимся прямо къ рѣшенію того вопроса: на сколько въ указанныхъ нами учрежденіяхъ обозначилось отдѣленіе уголовного судебного вѣдомства отъ гражданскаго? Для этой цѣли мы считаемъ нужнымъ и возможнымъ перечисленные нами учрежденія подвести подъ такія группы, въ которыхъ, независимо отъ территоріальнаго и сословнаго значенія этихъ учреждений, независимо даже отъ положенія, какое извѣстное учрежденіе занимало въ судебной іерархіи, словомъ, независимо отъ всѣхъ другихъ основаній, — выражалось бы только отдѣленіе или неотдѣленіе уголовного судебного вѣдомства отъ гражданскаго. Въ этомъ отношеніи, перечисленные нами судебныя учрежденія могутъ быть подведены подъ слѣдующія группы:

1) учрежденія, которыя вѣдали только одни уголовныя дѣла; 2) учрежденія, которыя вѣдали одни гражданскія дѣла; 3) учрежденія, которыя вѣдали и гражданскія, и уголовныя дѣла, но такъ, что эти дѣла не смѣшивались въ нихъ, и наконецъ, 4) учрежденія, въ которыхъ дѣла уголовныя не отдѣлялись отъ гражданскихъ.

Къ первой группѣ принадлежать: 1) Палата уголовного суда. Она состояла изъ предсѣдателя, двухъ совѣтниковъ и двухъ ассесоровъ. При ней находился стражничій уголовныхъ дѣлъ. Вѣдѣнію ея подлежали одни уголовныя дѣла и слѣдственные по преступленіямъ должностей въ той губерніи, гдѣ она находилась. Сюда же вступали на ревизію уголовныя дѣла изъ верхней земскаго суда, верхней расправы и губернскаго магистрата, по преступленіямъ, влекущимъ лишеніе жизни, или чести, и торговую казнь. По разсмотрѣніи каждаго дѣла, палата отсылала его на утвержденіе къ губернатору!).

2) *Соотвѣтствующій судъ* (онъ принадлежитъ къ числу *особыхъ судовъ*), состоявшій изъ судьи и шести засѣдателей, по два отъ словій: дворянъ, горожанъ и крестьянъ. Въ своихъ рѣшеніяхъ судъ этотъ долженъ былъ руководствоваться не строгимъ закономъ (*jus strictum*), а справедливостію (*aequitas*), человеколюбіемъ, почтеніемъ къ особѣ ближняго и отвращеніемъ отъ угнетенія или притѣсненія человѣчества. Ему подлежали уголовныя дѣла, въ которыхъ были особья, смягчающія причины или по внѣшнимъ обстоятельствамъ, или по личности преступника (дѣла безумныхъ, малолѣтнихъ, по колдовству, и вообще дѣла тѣхъ, кои иногда по несчастному случаю, или по стеченію различныхъ обстоятельствъ впадали въ прегрѣшенія, отягощавшія ихъ судьбу выше того, нежели сколько они дѣйствительно заслужили). Онъ могъ, сверхъ того, требовать къ своему разсмотрѣнію всякое такое дѣло, по которому подсудимый не зналъ въ продолженіи трехъ дней, почему онъ задержанъ²⁾.

Ко второй группѣ относится: Палата гражданскаго суда; составъ ея такой же, какъ и Палаты уголовныхъ дѣлъ. Ей поручена была ревизія и аппеляція гражданскихъ дѣлъ на верхней земскій судъ, верхнюю расправу и губернской магистратъ. Палата имѣла право окончательно рѣшать дѣла цѣною ниже 500 рублей; въ дѣлахъ выше этой суммы недовольные могли подавать аппеляцію въ сенатъ³⁾.

1) Учрежд. о губерніяхъ, 86, 105—107, 109, 113. П. С. З. № 14.392.

2) П. С. З. № 14.392 (учрежд. о губ.) ст. 63, 396—403 и др.

3) Тамъ же, ст. 60, 61, 114, 115, 130—132, 414. Подробности у Троицкихъ, стр. 275, 276.

Къ третьей группѣ относятся:

1) *Верхній земскій судъ*; онъ состоялъ изъ двухъ предсѣдателей и 10 засѣдателей; дѣлился на два департамента—уголовный и гражданскій, изъ которыхъ въ каждомъ былъ свой предсѣдатель и 5 засѣдателей; при уголовномъ департаментѣ состоялъ стряпчій уголовныхъ дѣлъ, при гражданскомъ—казенныхъ дѣлъ. Сюда вносились, по апелляции на уѣздные суды, дворянскія опеки и нижніе земскіе суды, всѣ дѣла, жалобы и тяжбы дворянъ и на дворянъ, какъ гражданскія, такъ и уголовныя, каждая въ соответствующій департаментъ. Верхній земскій судъ по дѣламъ гражданскимъ окончательно рѣшалъ дѣла до 100 рублей, въ искахъ же большихъ недовольные могли апеллировать въ гражданскую палату; по дѣламъ уголовнымъ верхній земскій судъ всегда отсылалъ свои рѣшенія для ревизіи въ уголовную палату ¹⁾.

2) *Верхняя расправа*. Составъ и дѣленіе на департаменты было устроено такимъ же образомъ, какъ и въ верхнемъ земскомъ судѣ. Сюда вносились дѣла по апелляции на нижнія расправы, жалобы и тяжбы, касавшіяся до подсудныхъ ей людей, какъ уголовныя, такъ и гражданскія. Дѣла уголовныя, по окончаніи ихъ рѣшенія, отсылались для ревизіи въ уголовную палату; въ гражданскихъ дѣлахъ расправа рѣшала окончательно иски до 100 руб., въ болѣе крупныхъ искахъ недовольные могли жаловаться въ гражданскую палату ²⁾.

3) *Губернскій магистратъ*, состоявшій также изъ двухъ департаментовъ: уголовного и гражданского, съ одинаковымъ числомъ членовъ. При первомъ находился стряпчій уголовныхъ дѣлъ; при второмъ—казенныхъ дѣлъ; завѣдывалъ дѣлами о привилегіяхъ, о спорномъ владѣніи и пр. Сюда поступали дѣла по апелляции на городские магистраты. Юрисдикція въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ имѣла тѣже предѣлы, какъ и въ верхнемъ земскомъ судѣ, и верхней расправѣ ³⁾.

4) *Верхній надворный судъ*; онъ также дѣлился на департаменты уголовный и гражданскій, каждый, съ коллегіальнымъ составомъ. При каждомъ изъ нихъ были стряпчье: при уголовномъ, уголовныхъ дѣлъ,

¹⁾ П. С. З. № 14.392 (учрежд. о губ.) ст. 60, 164, 175 и др., подробности у Троичина, стр. 276, 279.

²⁾ Учрежд. о губ. ст. 62, 75; 350 и слѣд.

³⁾ П. С. З. № 14.392, ст. 62, 73, 306 и слѣд.; подробности у Троичина, стр. 284, 285.

при гражданскомъ — казенныхъ дѣлъ. Верхній земскій судъ разсматривалъ дѣла, вносимыя по апелляціи на нижній надворный судъ ¹⁾.

Къ *последней группѣ* относятся слѣдующія учрежденія:

1) *Уѣздный судъ*. Составъ коллегіальный; предметы вѣдомства этого суда составляли дѣла гражданскія и уголовныя. Самъ по себѣ этотъ судъ не вступался ни въ какое разбирательство, но принимался за дѣло или по жалобѣ, или иску частныхъ лицъ, или страпчихъ, или по сообщенію и приказанію другаго суда. Уѣздный судъ рѣшалъ окончательно дѣла до 25 руб.; если искъ былъ выше этой суммы, недовольные могли аппелировать въ верхній земскій судъ. Изъ дѣлъ уголовныхъ онъ окончательно могъ рѣшать такія, по которымъ подсудимые не подлежали лишенію жизни или чести, или торговой казни. Такимъ образомъ, по плану Екатерины II, въ уѣздномъ судѣ не было отдѣленія уголовныхъ дѣлъ отъ гражданскихъ; только въ 1800 году, по значительному скопленію дѣлъ въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ уѣздныхъ судахъ, суды этихъ городовъ раздѣлены были на департаменты — уголовный и гражданскій ²⁾.

2) *Нижній земскій судъ*; онъ былъ и полицейскимъ, и судебнымъ, и административнымъ учрежденіемъ.

3) *Нижняя расправа*; она установлена для суда надъ дворцами, служилыми людьми прежнихъ службъ, надъ черносотными казенными или государственными крестьянами, приписанными къ какимъ либо мѣстамъ или заводамъ, а также надъ ямщиками, экономическими, дворцовыми и т. п., крестьянами. По отношенію къ этимъ лицамъ нижняя расправа имѣла такую же степень гражданской и уголовной судебной власти, какая предоставлена была уѣзднымъ судамъ ³⁾.

4) *Городовой магистратъ* и *Ратуша*; они завѣдывали уголовными и гражданскими дѣлами купцовъ и мѣщанъ въ тѣхъ городахъ и посадахъ, въ которыхъ они были учреждены. Степень судебной власти ихъ была въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ она была предоставлена уѣзднымъ судамъ и нижнимъ расправамъ ⁴⁾. Въ 1783 году городской магистратъ С.-Петербурга раздѣленъ былъ на два департамента: уголовный и гражданскій ⁵⁾; а въ 1784 году — на четыре, изъ которыхъ второй завѣдывалъ дѣлами уголовными, четвертый тяжбыми

¹⁾ Учрежд. о губ. ст. 66, 67, 110, 111, 123, и др.

²⁾ П. С. З. № 19.331, п. 4; № 19.644.

³⁾ П. С. З. Учрежд. о губ. ст. 75, 335 и др.

⁴⁾ П. С. З. № 14.392, ст. 110, 278 и др.

⁵⁾ Тамъ же, № 15.850, п. 3.

и пр. Подобное же измѣненіе сдѣлано было тогда же и въ Московскомъ городскомъ магистратѣ ¹⁾.

5) *Нижній надворный судъ*; учрежденъ для суда надъ живущими въ столицѣ чиновниками и разночинцами, не имѣвшими въ той губерніи, гдѣ находился этотъ судъ (то-есть, въ Московской или С.-Петербургской) недвижимаго имущества. Власть этого суда не простиралась далѣе столицы и была поставлена, въ тѣже предѣлы, какъ и власть уѣздныхъ судовъ при разбирательствѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Въ 1780 году нижній надворный судъ въ С.-Петербургѣ былъ раздѣленъ на уголовный и гражданскій департаменты; въ 1783 году прибавленъ еще департаментъ ²⁾, а въ 1796 году установленъ четвертый департаментъ; первый сталъ завѣдывать уголовными и слѣдственными дѣлами; второй вотчинными; третій по весямъ и четвертый судебными и просительными ³⁾.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ на вѣдомство только что указанныхъ нами судовъ, нельзя не замѣтить, что въ общее основаніе этого вѣдомства положено было начало невѣрное, съ теоретической точки зрѣнія, но согласное съ направлениемъ русской жизни того времени. Екатерина, между прочими преобразованіями въ различныхъ частяхъ государственнаго организма, преимущественно заботилась объ опредѣленіи правъ и преимуществъ народныхъ сословій. Эти права, будучи установлены, требовали своего охраненія, поэтому и были учреждены судебныя мѣста, въ которыхъ каждое сословіе должно было находить для себя защиту и охрану. И дѣйствительно, въ основаніе вѣдомства судовъ по учрежденіямъ о губерніяхъ было принято преимущественно различіе сословій, такъ что каждый изъ нихъ завѣдывалъ особеннымъ классомъ людей по всѣмъ родамъ дѣлъ, до нихъ касающихся. Только въ послѣдующія царствованія различіе учреждений по различію сословій уничтожается, и устанавливается одно различіе по предметамъ вѣдомства; въ періодъ Свода Законовъ уже только сословіе купцовъ, городскихъ и сельскихъ обывателей казеннаго вѣдомства находятъ для себя защиту въ судебныхъ установленіяхъ, собственно для нихъ учрежденныхъ. Въ высшихъ мѣстахъ судебныхъ учреждений, каковы гражданская и уголовная палаты, это сословное начало не вводилось Учрежденіемъ о губерніяхъ. Другая особенность введенныхъ Екатериною судебныхъ учреждений состояла

¹⁾ Тамъ же, № 15.917.

²⁾ П. С. З. №№ 15.035, 15.650.

³⁾ Тамъ же, № 17.428.

въ томъ, что чѣмъ выше стоитъ известное учрежденіе въ судебной іерархіи, тѣмъ рѣзче выступаетъ въ немъ разграниченіе уголовного судебного вѣдомства отъ гражданскаго. Доказательства этому мы увидимъ, если обратимъ вниманіе на порядокъ инстанцій, который для большей наглядности мы изобразимъ въ такомъ видѣ, сохраняя указаніе и на сословное начало, и на начало отдѣленія уголовного вѣдомства отъ гражданскаго:

Инстанція.	Для однодворцевъ и крестьянъ.	Для городскихъ обывателей.	Для дворянъ.	Для разночинцевъ въ столицахъ.	Въ какой мѣрѣ были отдѣлены уголовныя дѣла отъ гражданскихъ.
Инстанція первая.	Нижняя Расправа.	Городовые магистраты и Ратуша.	Учазные суды.	Нижний надворный судъ.	Судъ уголовный былъ соединенъ съ судомъ гражданскимъ.
Инстанція вторая.	Верхняя Расправа.	Губернскіе магистраты.	Верхній земскій судъ.	Верхній надворный судъ.	Каждое учрежденіе вѣдало и уголовныя и гражданскія дѣла, но въ каждомъ были особые департаменты для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, но уголовный департаментъ въ случаѣ нужды могъ заимать и гражданскіе дѣла.
Инстанція третья.	Гражданская и уголовная палаты.	Гражданская и уголовная палаты.	Гражданская и уголовная палаты.	Гражданская и уголовная палаты.	Палата гражданская вѣдала только гражданскія дѣла; а палата уголовная — только уголовныя дѣла, въ качествѣ особаго самостоятельнаго суда.
Инстанція четвертая.	Сенатъ.	Сенатъ.	Сенатъ.	Сенатъ.	Уголовное вѣдомство не отключается отъ гражданскаго. Это отдѣленіе сдѣлано въ позднѣйшія царствованія.

Такимъ образомъ, въ низшей и высшей инстанціяхъ уголовный судъ не отдѣлялся отъ гражданскаго. (Совѣстный судъ стоялъ внѣ общаго порядка инстанцій). Въ составленномъ Екатериною, вслѣдъ за изданіемъ Учрежденія о Губерніяхъ, проектъ о преобразованіи сената предполагалось, какъ указано нами выше, отдѣлить уголовное судебное вѣдомство отъ гражданскаго и въ высшей инстанціи, такъ что, по мысли Екатерины, уголовное судебное вѣдомство должно было оставаться въ соединеніи съ гражданскимъ только въ первой судебной инстанціи. Проектъ этотъ, какъ мы говорили, не былъ утвержденъ и такимъ образомъ мысль Екатерины приведена была въ исполненіе только въ послѣдующія царствованія.

Таково было устройство судебной власти въ Россіи по Учрежденіямъ о губерніяхъ. Начала принятыя Учрежденіемъ, лежали въ основѣ нашего судоустройства до послѣдняго преобразованія судебной части въ Россіи. Позднѣйшія царствованія ограничивались только тѣми или другими частными прибавленіями и измѣненіями въ учрежденіи судовъ, точнѣйшимъ опредѣленіемъ ихъ дѣятельности и т. п. и уничтоженіемъ нѣкоторыхъ сословныхъ судовъ, (такъ что по Своду Законовъ судебными учрежденіями остались только: палаты гражданскаго и уголовнаго судовъ, совѣстные суды, уѣздные суды, магистраты, ратуши и волостные суды). Поэтому мы здѣсь окончимъ историческій очеркъ судоустройства, такъ какъ дальнѣйшее его развитіе не имѣло бы значенія для разграниченія гражданскаго и уголовнаго вѣдомства.

Не смотря на всю важность Учрежденія о губерніяхъ для упорядоченія управленія и суда, нельзя не замѣтить, что вводимая имъ судебная организація представляла много несовершенствъ. Сложность инстанцій и здѣсь, какъ въ управленіи Петра Великаго, была первымъ зломъ. Личный произволъ не былъ достаточно ограниченъ. Преобладающее положеніе генераль-губернаторовъ чувствовалось уже въ самомъ началѣ. Ихъ власть, поставленная слишкомъ высоко, стремилась поглотить остальные, а вліяніе ихъ на судъ отразилось въ недостаточной свободѣ судебного вѣдомства; такъ что въ отдѣленіи судебной власти отъ административной Учрежденіе остановилось мѣнѣе, чѣмъ на полъ-пути. Оно выходило изъ такой мысли: „Государевъ намѣстникъ не есть судья, но оберегатель закона, ходатай на пользу общую и государеву, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ. Государевъ намѣстникъ долженствуетъ вступаться за всамаго; кого по дѣламъ волочать, и *принуждать судебныя мѣ-*

ста своего намѣстничества рѣшать такое то дѣло, но отнюдь не мѣшаться въ производство онаго. Если бы въ судебномъ мѣстѣ опредѣлено было что несправедливо, то *юсударствъ намѣстникъ* могъ оставить исполненіе и доносить сенату, а о нетерпящихъ дѣлахъ и Императорскому Величеству". При такомъ взглядѣ на задачу губернаторской дѣятельности, естественно, что администрація стала выше суда. Начало и ходъ дѣла поставлены въ зависимость отъ администраціи, которая при этомъ имѣла огромное вліяніе на самихъ лицъ судебного вѣдомства, такъ какъ большинство ихъ утверждалось въ должности губернаторомъ и всѣ ему были подчинены въ томъ отношеніи, что онъ получилъ право понуждать ихъ, подвергать взыска-ніямъ, останавливать исполненіе ихъ рѣшеній. Эта зависимость суда отъ администраціи и смѣшеніе ихъ существовали вплоть до изданія Судебныхъ Уставовъ 1864 г. Въ чемъ выражалось это смѣшеніе и какія попытки дѣлало законодательство къ уничтоженію его, это будетъ указано ниже.

Прежде, чѣмъ покончить съ организаціей судебной власти по Учрежденіямъ о губерніяхъ, необходимо указать еще на дѣятельность *прокуроровъ* и дѣятельность *полиціи*, такъ какъ и тѣ, и другая имѣютъ весьма близкое соприкосновеніе съ дѣятельностію судовъ.

Начало учрежденія *прокурорскаго надзора*, какъ мы видѣли, принадлежитъ Петру I, который съ учрежденіемъ сената и съ введеніемъ другихъ измѣненій въ судебномъ и административномъ вѣдомствахъ, призналъ необходимымъ для возбужденія дѣлъ „гласа о себѣ неимущихъ“, учредить фискаловъ и прокуроровъ. Съ Учрежденіемъ о губерніяхъ фискалы уничтожаются, но для облегченія дѣятельности прокуроровъ вводятся *стряпчіе*. Прокуроръ наблюдалъ за порядкомъ и правосудіемъ въ томъ мѣстѣ, при которомъ состоялъ; доносилъ о неточномъ исполненіи законовъ, наблюдалъ чтобъ одно учрежденіе не вступалось въ вѣдомство другого, давалъ заключеніе при сомнѣніяхъ въ подсудности и въ смыслѣ законовъ и проч. Онъ долженъ былъ наблюдать за порядкомъ въ обществѣ, доносить о непослушаніи и ропотѣ жителей, о нарушеніи правилъ благочинія, соблазнѣ, и нарушеніи общественнаго спокойствія и проч. Стряпчихъ было два: уголовныхъ и казенныхъ дѣлъ. Сверхъ общихъ съ прокурорами обязанностей, они имѣли особенныя, именно: вчинать иски въ интересѣ вѣрренной каждой части. Такъ стряпчій казенныхъ дѣлъ отыскивалъ судомъ убытки, понесенные казною; а стряпчій уголовныхъ дѣлъ возбуждалъ такъ называемыя безгласныя уголовныя дѣла. За упущеніе

изъ виду такого дѣла, которое слѣдовало начать, стряпчій подлежалъ лишенію чести и мѣста. По уголовнымъ дѣламъ, когда отвѣтчикъ былъ оправданъ, стряпчій обязанъ былъ представить „доносъ и доносителя, дабы ясно и явно было, что стряпчій уголовныхъ дѣлъ не есть поклепатель невинности“. Главою всѣхъ прокуроровъ и стряпчихъ въ губерніи сдѣланъ губернский прокуроръ, подчиненный только генераль-губернатору и генераль-прокурору. По введеніи въ дѣйствіе Учрежденія о губерніяхъ, были издаваемы отдѣльные указы о правахъ и обязанностяхъ прокуроровъ и стряпчихъ, при чемъ кругъ дѣятельности прокурорскаго надзора постоянно расширялся подчиненіемъ ихъ наблюденію новыхъ установленій и увеличеніемъ ихъ обязанностей по надзору за различными дѣлами, такъ что по Своду кругъ дѣятельности прокуроровъ и стряпчихъ обнималъ такой обширный кругъ дѣлъ, что исполнить его добросовѣстно не было никакой физической возможности; вслѣдствіе этого прокурорскій надзоръ обращается въ простую формальность и нисколько не удовлетворяетъ той цѣли, которую имѣло въ виду при учреженіи его законодательство.

Полицейская власть, по Учреженіи о губерніяхъ, ввѣрена: 1) городничимъ ¹⁾, которые назначались въ города, гдѣ не было комендантовъ; 2) капитанъ-исправнику, и 3) нижнему земскому суду, который состоялъ изъ земскаго исправника, двухъ или трехъ засѣдателей: одного изъ дворянъ и двухъ изъ сельскихъ обывателей. На этотъ судъ возложены были: 1) дѣла хозяйственной и исполнительной полиціи; 2) наблюденіе за сохраненіемъ порядка, законовъ и пр.; 3) приведеніе въ дѣйствіе правительственныхъ распоряженій и судебныхъ рѣшеній; 4) производство слѣдствій по преступленіямъ. Исправникъ, по данной ему инструкціи, долженъ былъ изслѣдовать каждое насильство; отнятое, находящееся на лицо, возвращать и увѣдомлять о томъ уголовный судъ; скопища воровъ и бѣглыхъ стараться изловить на мѣстѣ и увѣдомлять о нихъ намѣстническое правленіе или губернатора. Вообще говоря, дѣятельность полиціи въ отношеніи къ судопроизводству состояла главнымъ образомъ въ производствѣ слѣдствій и исполненіи гражданскихъ и уголовныхъ рѣшеній. Въмѣстѣ съ этимъ полиціи принадлежало и право суда въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ объ этомъ будетъ сказано нами при разсмотрѣніи преобразо-

¹⁾ Въ губернскихъ городахъ — полиціймейстерамъ съ частными приставами, ротмистрами, приставами следственными или приставами гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, частными приставами и квартальными надзирателями.

ваній нынѣшняго царствованія; когда будутъ указаны нами недостатки прежняго порядка дѣлъ. Здѣсь замѣтимъ только, что стремленіе отдѣлить судъ, какъ отдѣльное самостоятельное учрежденіе, отъ дѣятельности другихъ властей—полицейской, слѣдственной, обвинительной и исполнительной, далеко не было достигнуто не только преобразованиями Екатерины II, но и во все послѣдующее время вплоть до изданія Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября.

Заканчивая обзоръ судоустройства по Учрежденіямъ о губерніяхъ, повторимъ въ краткихъ чертахъ тѣ начала, которыя поможены въ основаніе этого устройства: 1) отдѣленіе власти исполнительной отъ судебной: первая должна была исполнять судебныя приговоры и производить слѣдствія, вторая—постановлять рѣшенія; 2) отдѣленіе гражданскаго суда отъ уголовного, выразившееся въ устройствѣ особыхъ для cadaго палатъ и отдѣльныхъ департаментовъ, за исключеніемъ низшихъ инстанцій; 3) восстановленіе задуманнаго Петромъ коллегіальнаго устройства судовъ, въ отличіе отъ административныхъ учрежденій, въ которыхъ, по мысли Екатерины, должно имѣть мѣсто бюрократическое начало; 4) введеніе въ судебное управленіе выборнаго и, сообразно съ требованіемъ времени, сословнаго начала; 5) правильная организація контрольной и инквизиціонной власти—въ лицѣ, во первыхъ, прокуроровъ, которые разсматривались, какъ органы закона, и во вторыхъ, стряпчихъ, какъ ходатаевъ по казеннымъ искамъ и какъ публичныхъ обвинителей въ дѣлахъ уголовныхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ началъ не были выдержаны, какъ наприимѣръ, отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной; другія приняли не вполне вѣрное направленіе—прокуроры и стряпчие; введеніе же сословнаго начала было не вѣрно въ самомъ своемъ основаніи.

Такимъ образомъ отдѣленіе суда уголовного отъ гражданскаго было однимъ изъ главныхъ началъ, положенныхъ въ основу екатерининскихъ преобразованій. Только съ введеніемъ этихъ преобразованій явились у насъ особые уголовные и гражданскіе суды, какъ учрежденія государственныя, повсемѣстныя, общія въ отличіе отъ особыхъ, постоянныя, чистыя,—то-есть, безъ примѣсей дѣлъ одного къ вѣдомству другаго, на сколько это, конечно, возможно по самому существу дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ,—и наконецъ, цѣлостныя, то-есть, обнимающія собою весь кругъ дѣлъ, принадлежащихъ къ той или другой категоріи; такъ что уголовные суды (палаты) вѣдали всѣ дѣла уголовныя, и только уголовныя, точно также какъ гражданскіе суды (палаты) вѣдали всѣ дѣла гражданскія и только гражданскія.

Переходимъ къ процессу. Здѣсь мы ограничимся только общими замѣчаніями, такъ какъ въ сущности начала процесса, опредѣленными Уложеніемъ и законодательствомъ, оставались и теперь тѣже. Правда, и разсматриваемое нами время весьма богато постановленіями о порядкѣ и формѣ суда, о судебныхъ дѣйствіяхъ и проч., наиримѣрь, относительно прошеній вышло въ это время болѣе 50 указовъ, о порядкѣ и правилахъ вызова въ судъ было издано болѣе 40 указовъ, относительно сроковъ явки, и послѣдствій неявки болѣе 40 указовъ и проч. Такъ, что на каждый судебный актъ можно насчитать по нѣскольду десятковъ узаконеній; но такъ какъ наша задача не въ томъ, чтобы написать постепенное развитіе процесса, а прослѣдить, только разграниченіе процесса уголовного отъ гражданскаго, и такъ какъ главныя начала того и другаго процесса разсмотрѣны нами выше и не подверглись значительнымъ измѣненіямъ, то мы и считаемъ вполне достаточнымъ для себя ограничиться изображеніемъ только общаго характера процесса, съ указаніемъ, гдѣ нужно, важнѣйшихъ измѣненій.

Мы видѣли, что съ 1716 года слѣдственный процессъ сдѣлался единственною формою для дѣлъ уголовного суда. Порядокъ, введенный Петромъ, служилъ основаніемъ всему судопроизводству, которое царю вплоть до изданія судебныхъ уставовъ, такъ что характеръ и главныя основанія его, оставаясь неизмѣнными, вошли и въ XV т. Свода. Правила о порядкѣ суда уголовного именно взяты изъ кр. изображ. процессовъ.

Учрежденіе о губерніяхъ и Уставъ Благочинія для уголовного судопроизводства имѣютъ ту важность, что въ нихъ судебная власть отдѣляется въ дѣлахъ уголовныхъ отъ слѣдственной и исполнительной. Въ нихъ постановлено, что полицейскія мѣста обязаны предупреждать готовящіяся преступленія, производить предварительныя слѣдствія, приводить въ исполненіе рѣшенія судебныхъ мѣстъ и проч. И такъ, три части уголовного судопроизводства: открытіе его или слѣдствіе, судъ и исполненіе приговора получили теперь необходимое разграниченіе; предварительное слѣдствіе и исполненіе судебныхъ рѣшеній отдѣляются отъ дѣятельности чисто судебной: производство слѣдствія и исполненіе приговора было поручено полицейскимъ установленіямъ, а сужденіе уголовныхъ дѣлъ — судебнымъ мѣстамъ¹⁾.

О подсудности въ дѣлахъ уголовныхъ общимъ правиломъ поста-

¹⁾ Учрежд. о губерн. 110, 224, 254, 231, 232, 243, 266, 267, 245, Уст. Благоч.

новлено, что она опредѣляется *мѣстомъ поимки* и *мѣстомъ совершенія преступленія* ¹⁾.

Поводы къ началу уголовного преслѣдованія оставались тѣже, именно: доносъ частныхъ лицъ, донесеніе лицъ должностныхъ, жалобы, извѣщенія, явка съ повинною, собственное наблюденіе и усмотрѣніе судьи ²⁾. Хотя въ Сводѣ Законовъ и требовалось, чтобы по извѣщеніямъ совершенно неосновательнымъ, по безымяннымъ и пасквильнымъ письмамъ, по слухамъ и подозрѣніямъ, полиція не производила слѣдствія, но это постановленіе парализировалось другими постановленіями, именно: а) предписаніемъ производить изслѣдованіе, хотя бы жалобы или доносы не были подтверждены доказательствами, и б) предписаніемъ, уполномочивавшимъ полицію приступать къ слѣдствію *по всякому дошедшему до нея свѣдѣнію*, какъ о явныхъ преступленіяхъ, такъ и о такихъ, о которыхъ, безъ предварительнаго слѣдствія, нельзя заключить, случайно-ли они учинены, или по умыслу ³⁾.

Учрежденіе о губерніяхъ подробно опредѣляетъ образъ производства *допроса*, который получилъ теперь нѣсколько иное значеніе: прежде цѣль его была болѣе обвиненіе подсудимаго, теперь—узнаніе истины ⁴⁾. вмѣстѣ съ этимъ опредѣляются начала защиты: защищать дозволялось самому себя; прокурору и стряпчему вмѣнено было заботиться, чтобы обвиняемый воспользовался всѣми способами защиты ⁵⁾.

Въ 1800 году изданы постановленія, опредѣляющія внутреннюю сторону судебного слѣдствія: впервые разъяснено, что изслѣдованіе, производимое судебными мѣстами первой инстанціи, установленное Учрежденіемъ о губерніяхъ, есть *разсмотрѣніе и дополненіе предварительнаго слѣдствія*, производимаго полицейскими установленіями ⁶⁾.

Какъ прежде, такъ и теперь и въ періодъ Свода, господствовала теорія доказательствъ, основанная на ихъ формальности, по которой требуются *совершенныя* доказательства, какъ исключаящія возмож-

¹⁾ Учрежд. о губер. ст. 110, 231, 254, 256, 244. Уставъ Благ. 30, 47, 88, 121 и др.

²⁾ П. С. З. №№ 28.080 § 431; 14.392 с. 405, п. 10; 20.553 ст. 4 и др.

³⁾ Т. XV, ч. II, ст. 35, 38, 49, 52, 58, 48. См. Юрид. Зап. Рѣдкихъ т. V, стр. 290.

⁴⁾ Учр. о губ. 401; П. С. З. №№ 14.227, 20.022.

⁵⁾ П. С. З. №№ 14.392 (Учр. о губ.), ст. 407 и др.; 17.415, 19.968 и др.

⁶⁾ П. С. . №№ 19.622, 19.968, 21.090, 21.305.

нестъ наказать невиннаго; самое же совершенство этихъ доказательствъ опредѣлялось внѣшними качествами ихъ. Въ наказѣ Екатерины II всѣ доказательства раздѣлены на совершенныя и несовершенныя; первыми пазваны тѣ, противъ которыхъ ничего не можетъ быть представлено въ опроверженіе, и одно такое доказательство исполнѣ достаточно. Въ частности въ судьбѣ доказательствъ произошли слѣдующія измѣненія: *собственное признаніе* потеряло прежнее значеніе: указомъ 1775 года не велѣно домогаться признанія, когда другія обстоятельства ясно изобличаютъ вину ¹⁾. *Пытка* стала ограничиваться въ своемъ примѣненіи: указомъ 1763 года запрещено было производить пытку въ уѣздныхъ городахъ; за тѣмъ велѣно производить пытку съ крайнею осторожностію; признавшихся отъ пытки освобождать; до пытки производить большой повальный обыскъ и т. п. ²⁾. Новымъ указомъ повелѣвается преступниковъ „болѣе увѣщаніемъ, нежели строгостію къ признанію приводить, а особливо изысканіями по происшедшимъ въ разное время околичностямъ“ ³⁾. Указомъ 13-го ноября 1767 года, велѣно было гуманнаго начала Екатерининскаго наказа проводить въ судебной практикѣ. Наконецъ въ 1801 году пытка изгоняется изъ уголовного процесса ⁴⁾. Относительно другихъ доказательствъ не произошло болѣе или менѣе значительныхъ измѣненій. По Своду къ числу совершенныхъ доказательствъ отнесены: осмотръ, удостовѣреніе свѣдущихъ людей, письменныя доказательства и показанія свидѣтелей. Съ теоретической точки зрѣнія ни одно изъ указанныхъ доказательствъ не можетъ быть признано *совершенномъ* и достигающимъ цѣли, потому что осмотръ, напримѣръ, можетъ удостовѣрить объ одномъ событіи, но опредѣлить вину и виновнаго на основаніи его не всегда можно; письменные документы могутъ имѣть мѣсто только въ нѣкоторыхъ случаяхъ; показанія свидѣтелей также часто не могутъ служить за доказательство преступленія, такъ какъ большая часть преступленій совершается тайно, безъ свидѣтелей; признаніе, по уничтоженіи пытки, случалось при прежнемъ порядкѣ судопроизводства весьма рѣдко. Вообще формальныя доказательства могутъ имѣть мѣсто только въ гражданскихъ дѣлахъ; но прежнее законодательство одинаково допускало ихъ, какъ видимъ, и въ уголов-

¹⁾ Тамъ же, № 14.309.

²⁾ Тамъ же, № 11.750.

³⁾ Тамъ же, № 11.759.

⁴⁾ Тамъ же, № 20.022.

номъ, и въ гражданскомъ процессѣ, и чрезъ то смѣшивало оба процесса.

Говоря о значеніи законодательства Екатерины II и ея преемниковъ для уголовного судопроизводства, необходимо упомянуть о введеніи *ревизионнаго порядка*. Въ древней Россіи не было апелліаціи по дѣламъ уголовнымъ и дѣла поступали на пересмотръ высшихъ судовъ не иначе, какъ вслѣдствіе новаго уголовного иска на неправильныя дѣйствія судей. Со времени Петра I, въ дѣлахъ уголовныхъ, какъ и въ гражданскихъ, допускался общій апелліаціонный порядокъ, отчего происходила страшная медленность. Съ Учрежденія о губерніяхъ, общій апелліаціонный порядокъ для важнѣйшихъ преступленій замѣненъ ревизионнымъ, то-есть, дѣло, безъ прошенія со стороны подсудимаго, восходило на пересмотръ высшихъ судовъ. Учрежденіе опредѣляетъ, что „ревизія уголовныхъ дѣлъ ничто иное есть, какъ прилежное разсмотрѣніе, произведено ли дѣло порадочно и сходственно съ законами, сколь для оправданія невинности, столь для приведенія въ ясность преступленія“¹⁾. За тѣмъ подробно опредѣлены правила восхожденія уголовныхъ дѣлъ на ревизію. Указомъ 1784 года постановлено: такъ какъ „по теченію чрезъ многія инстанціи дѣлъ уголовныхъ подсудимый довольно имѣетъ для показанія невинности своей и для отвращенія могущей воспослѣдовать ему неправильности охраненія, а по сему самому и апелліація по дѣламъ уголовнымъ приемлема быть не должествуетъ“²⁾. Ревизионный порядокъ при Павлѣ I сократился чрезъ уничтоженіе среднихъ инстанцій, но въ сущности оставался неизмѣннымъ. Въ 1802 году установленъ новый порядокъ для дѣлъ уголовныхъ (за исключеніемъ указанныхъ въ Учрежденіи о губерніяхъ и указѣ 1796 года, то-есть, влекущихъ лишеніе жизни, чести и т. п.) и слѣдственныхъ. Сущность этого новаго порядка состояла въ томъ, что, по объявленіи рѣшенія, недовольные должны подать въ то же присутственное мѣсто апелліаціонный отзывъ, въ теченіи двухъ недѣль, и въ такомъ случаѣ само присутственное мѣсто обязано представить дѣло въ высшій судъ³⁾. Порядокъ переноса посредствомъ апелліаціоннаго отзыва, вмѣстѣ съ ревизионнымъ, обнималъ всѣ дѣла уголовныя, отдѣляя ихъ отъ общаго гражданского су-

¹⁾ Учр. о губ. ст. 108.

²⁾ П. С. З. № 16.022; ср. указъ 1796 г. № 17. 465, опредѣлявшій, по дѣламъ уголовнымъ дѣламъ не допускалась апелліація.

³⁾ П. С. З. № 20.561.

допроизводства. При этомъ указомъ 1808 года объяснено, что аппеляція по дѣламъ уголовнымъ не ограничивается суммою иска.

Вообще говоря, судопроизводство уголовное, какъ во время Екатерины II, такъ и въ періодъ Свода, сохранило вполнѣ слѣдственный характеръ, хотя законодательство и выказывало иногда стремленіе сблизить этотъ порядокъ съ порядкомъ суда по формѣ, введеннаго Петромъ Великимъ. Въ „начертаніи о приведеніи къ окончанію проекта новаго уложенія“ было сказано, что судебный обрядъ дѣлъ по преступленіямъ долженъ быть „елико возможно единообразенъ съ судебнымъ порядкомъ дѣлъ гражданскихъ“, то-есть, съ порядкомъ, установленнымъ указомъ о формѣ суда; но въ томъ же узаконеніи признаю ихъ различіе. Это „единообразіе“ образовалось только тогда, когда обвинительная форма указа 1723 года была изгнана почти совершенно изъ гражданского суда, и какъ судебною практикою, такъ и самимъ законодательствомъ признана въ качествѣ дополнительной формы, другими словами, когда большинство гражданскихъ дѣлъ стало судиться формою слѣдственной. Съ этого времени дѣйствительно судебный порядокъ гражданскихъ дѣлъ сдѣлался сколько возможно „единообразенъ съ судебнымъ порядкомъ дѣлъ по преступленіямъ“, какъ это мы сейчасъ и увидимъ, говоря о процессѣ по дѣламъ гражданскимъ.

Разбирая законодательство Петра I и его ближайшихъ преемниковъ, мы видѣли, что въ началѣ (съ 1697 до 1723 г.) дѣла уголовныя и гражданскія разбирались одною формою суда—розыскною или слѣдственною; но съ 1723 года, съ изданія указа о формѣ суда, для дѣлъ гражданскихъ было возстановлено обвинительное начало судопроизводства, между тѣмъ какъ для уголовныхъ преступленій оставался слѣдственный порядокъ суда. Мы видѣли, что преемники Петра постоянно старались удержать введенную имъ форму суда, издавая рядъ указовъ, предписывавшихъ совершать судъ въ дѣлахъ гражданскихъ по предписанной указомъ 1723 года формѣ, и такимъ образомъ они продолжали раздѣлять процессъ гражданскій и уголовный. Только съ 1754 года законодательство начинастъ дѣлать нѣкоторыя отступленія отъ формы суда, предписавъ, наиримѣръ, дѣла о насильномъ завладѣніи имуществомъ начинать *слѣдствиемъ*, а не формою суда¹⁾. Мы замѣтили также, что въ практикѣ указъ о формѣ суда, мало приимѣлся: и судьи, и тяжущіеся, видя неудобство и недостатки этой

¹⁾ П. С. З. № 10.176.

формы, постоянно уклонялись от нея, обращаясь къ прежнему ревизіонному или слѣдственному процессу. Учрежденіе о губерніяхъ, своими постановленіями, явилось на помощь такому стремленію судебной практики: производство дѣлъ въ высшихъ инстанціяхъ суда болѣе и болѣе стало принимать слѣдственный и ревизіонный характеръ. Въ 1800 году явно уже высказаны были существенные и ощутительные недостатки формы суда, именно, „что дѣла разнородныя, бывъ подчинены одной и той же формѣ, ни существу ихъ, ни количеству, ни времени, ни степени просвѣщенія не свойственной, по самой необходимости, влчаться въ продолженіе многихъ лѣтъ безъ рѣшенія; и самыя простыя и убогорѣшимыя споры, воспріявъ форму сію, превращаются въ тяжкія и раззорительныя тяжбы“. Вслѣдствіе того Александромъ I поручено было графу Завадовскому составить новый проектъ судопроизводства по родамъ дѣлъ ¹⁾. *Предположенія эти не осуществились, хотя форма суда и потеряла самостоятельное значеніе, такъ какъ, съ теченіемъ времени, издавались отдѣльныя постановленія, касающіяся производства дѣлъ гражданскихъ, изъ которыхъ образовались, вошедшія во 2 ч. X т. Свода Законовъ, особыя для разныхъ родовъ тяжбъ и исковъ правила судопроизводства, совершенно отличныя отъ формы суда. Но какъ нигдѣ не было ясно выражено, что форма суда отмиается, то и продолжали считать ее дѣйствующею. Нигдѣ также не было опредѣлено, какія именно дѣла, въ какихъ случаяхъ подлежатъ разсмотрѣнію судомъ по формѣ,—и потому примѣненіе того или другаго порядка было совершенно произвольное. Въ качествѣ дополнительной формы общепринятаго порядка, форма суда продолжала существовать и въ періодъ Свода Законовъ; оставаясь почти безъ употребленія, она служила только живымъ свидѣтельствомъ того, что обвинительныя начала суда нисколько не чужды нашему законодательству и никогда не были чужды нашей народности, пока ихъ не исказило законодательство. Между тѣмъ, путемъ несвободной и строго регламентуемой сверху практики и долго непризнаваемой законодательствомъ рутины, образовалось въ теченіи XVIII и началѣ XIX вѣка то судопроизводство, которое представлялъ нашъ Сводъ Законовъ. Мы замѣтили выше, что съ Учрежденія о губерніяхъ въ высшихъ инстанціяхъ производство дѣлъ все болѣе и болѣе склонялось къ слѣдственной формѣ; съ 1815 года мы видимъ уже вездѣ, даже въ низшихъ судебныхъ мѣстахъ, производ-*

¹⁾ П. С. З. № 19.989.

ство исключительно письменное, и которое по формѣ скорѣе можно назвать слѣдственнымъ, чѣмъ состязательнымъ. Сначала судебная практика, одна, помимо законодательства, вытѣсняетъ обвинительный процессъ; потомъ на помощь къ ней является законодательство, устанавливая отступленія и ограниченіе этой формы, и наконецъ оба вмѣстѣ почти совершенно изгоняютъ обвинительную форму изъ гражданского суда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ уклоненія отъ обвинительной формы въ судѣ гражданскомъ и склоненія къ слѣдственной, болѣе и болѣе образуется сближеніе гражданского процесса съ уголовнымъ. Это сближеніе было тѣмъ легче, что при отсутствіи юридическаго образованія, при неизмѣнн систематическихъ, основанныхъ на началахъ теоріи и науки, сборниковъ законовъ, органы правосудія отличались замѣчательнымъ неумѣньемъ различать дѣла гражданскія и уголовныя. Наша юридическая лѣтопись представляетъ множество образцовъ такого смѣшенія: такъ Саратовская гражданская палата, въ 1810 году, по спору дворянина Ермолаева о владѣнн имѣніемъ Петровки, когда противникъ Ермолаева сталъ уличать его въ подлогъ крѣпости и когда, на основанн собранныхъ судомъ справокъ, явилось противъ Ермолаева сильное подозрѣніе,—приказываетъ посадить Ермолаева въ пустой амбаръ и не давать ему воды до тѣхъ поръ, пока онъ не признается въ подлогѣ; а потомъ когда на четвертый день признаніе послѣдовало, палата рѣшаетъ дѣло въ пользу противника, а Ермолаева освобождаетъ отъ всякой отвѣтственности за подлогъ. Мы привели этотъ примѣръ не потому, чтобы въ немъ особенно рѣзко обозначилось смѣшеніе гражданскихъ дѣлъ съ уголовными, но потому что онъ первый попался намъ подъ руку. Въ журнальныхъ статьяхъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о старинномъ порядкѣ судопроизводства, такихъ примѣровъ множество¹⁾; случаи, когда гражданское дѣло и начиналось, и продолжалось, и оканчивалось чисто уголовнымъ порядкомъ суда, были не рѣдки. Это происходило частію вслѣдствіе злоупотребленія судей, частію вслѣдствіе непониманія закона и невѣжества примѣнителей его, равно какъ и неопредѣленности постановленій законодательства, частію наконецъ вслѣдствіе того, что само законодательство прямо приурочивало къ нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ формы уголовного процесса. Пока еще въ уголов-

¹⁾ См. напр. *С.-Петербург. Вид.* за 1847 г. № 123; *Сынъ Отечества* за 1867 г. № 109; *Русскій Міръ* за 1859 г. и множество другихъ. Въ П. С. З. можно найти также не мало примѣровъ.

номъ процессѣ имѣла мѣсто пытка, составлявшая основную, существенную принадлежность этого процесса; все—таки между гражданскимъ слѣдственнымъ процессомъ и уголовнымъ существовала довольно рѣзкая черта разграниченія (хотя какъ мы видѣли выше, пытка нѣкоторое время узаконялась и при производствѣ дѣлъ гражданскихъ); но со времени отибы пытки (въ началѣ нынѣшняго столѣтія) исчезаетъ и эта черта.

Съ установленіемъ по Урежденію о губерніяхъ указанныхъ нами судебныхъ инстанцій, вмѣнено низшимъ судебнымъ мѣстамъ въ правило, чтобъ они сами собою не входили въ разсмотрѣніе дѣлъ, но приступали къ этому не иначе, „какъ по жалобѣ или по иску частныхъ людей“¹⁾. Такимъ образомъ выразился характеръ спорнаго гражданскаго дѣла, состоящій въ томъ, „что никакое судебное гражданское дѣло не начинается безъ иска, прошенія или жалобы, узаконеннымъ порядкомъ принесенныхъ“. Въ послѣдствіи характеръ этотъ усвоенъ гражданскимъ дѣламъ и при производствѣ ихъ въ высшихъ инстанціяхъ судебныхъ, въ томъ, что безъ жалобы какой-либо стороны мѣсто сіе не можетъ входить въ разсмотрѣніе рѣшенія низшаго суда²⁾. Еще яснѣе этотъ характеръ гражданскихъ дѣлъ выраженъ въ новыхъ судебныхъ уставахъ, гдѣ сказано: „судебныя установленія не иначе могутъ приступать къ производству гражданскихъ дѣлъ, какъ вслѣдствіе просьбы о томъ, лицъ, до конхъ тѣ дѣла касаются... Судь приступаетъ къ производству дѣла не иначе, какъ по исковому прошенію, которое пишется на гербовой бумагѣ, по формѣ“³⁾. Такимъ образомъ, отличительнымъ характеромъ суда гражданскаго, какъ прежде, такъ и теперь, признавалось, что дѣла эти, какъ касающіяся частныхъ интересовъ, подлежатъ судебному разбирательству не иначе, какъ только по желанію и формальному заявленію суду лицъ, непосредственно заинтересованныхъ; между тѣмъ какъ одно изъ отличительныхъ чертъ суда уголовнаго признавалось и признается, что судъ этотъ, по общему правилу, начинается независимо отъ жалобы частныхъ лицъ, по усмотрѣнію должностныхъ лицъ. Это различіе между судомъ гражданскимъ и уголовнымъ не соблюдалось. Начало судебного разбирательства и въ дѣлахъ гражданскихъ весьма часто зависѣло или отъ усмотрѣнія полиціи, или отъ сообщенія другихъ.

¹⁾ П. С. З., № 14.392 ст. 198, 283, 336, 481; т. II, ст. 257.

²⁾ П. С. З., № 20.406, § 8, т. X, ст. 2.487.

³⁾ Уст. гражд. судопр., ст. 4.256.

присутственныхъ мѣсть. Такъ извѣстно, что со времени Учрежденіи о губерніяхъ ¹⁾, производство такъ-называемыхъ бесспорныхъ дѣлъ ²⁾ предоставлено было разбору полицейскому. При этомъ, если дѣло, будучи бесспорнымъ, принимало видъ спорнаго, полиція, по окончаніи изслѣдованія и по приведеніи дѣла въ ясность, отсылала изслѣдованіе въ судъ. Отсюда происходило то, что дѣла въ судахъ начинались безъ подачи исковыхъ прошеній и безъ взноса пошлинъ. Еще въ 1852 году министромъ юстиціи замѣчено, что въ иныхъ мѣстахъ судебное производство гражданскихъ дѣлъ, такъ сказать, измѣнено въ своемъ свойствѣ, что дѣла эти почти никогда не производятся порядкомъ судебнымъ, потому что начинаются не въ судахъ, чрезъ подачу исковаго прошенія, а въ полиціи или другихъ мѣстахъ, изъ которыхъ уже переходятъ на разсмотрѣніе судебныхъ мѣсть ³⁾. Правда, законодательство старалось до нѣкоторой степени удержать отличный характеръ гражданскихъ дѣлъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ того случая, что въ 1819 году Сенатъ велѣлъ опубликовать Костромскую гражданскую палату за то, что вошла *о разсмотрѣніи предъявленнаго къ засвидѣтельствуванію духовнаго завѣщанія безъ частнаго иска* ⁴⁾; но за то, съ другой стороны, введеніемъ слѣдственнаго порядка для нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣлъ, оно почти совершенно изглаживаетъ отличительныя особенности процесса гражданского.

Слѣдственный порядокъ установленъ въ огражденіе казенныхъ имѣній отъ неправильныхъ притязаній и ущерба. Основываясь на томъ, что никакая принадлежность изъ дѣйствительнаго владѣнія и вѣдомства казеннаго не должна отходить безъ Высочайшаго утвержденія, въ 1799 году предписано, въ случаѣ состоявшагося о томъ

¹⁾ П. С. З., № 14.392 (Учрежд. о губ.) ст. 97, 223, 243, 266. Ср. сводъ т. X, ст. 2.025, 2.071.

²⁾ Къ бесспорнымъ дѣламъ относятся: 1) взысканіи по договорамъ и обязательствамъ, законно совершеннымъ; 2) удовлетвореніе за обиды, вознагражденіе убытковъ и ущербовъ, возвращеніе отнятаго насильно или взятаго символично; 3) разбирательство по словеснымъ договорамъ и обязательствамъ. Дѣла эти принимаютъ видъ спорныхъ и поступаютъ на судебное разбирательство: въ случаѣ возникновенія спора, въ случаѣ проущенія десятидневнаго срока на подачу прошенія о насильномъ завладѣніи и проч. (См. сводъ т. X, ч. 2, ст. 2.025—2.171 и др. Ср. объяснительное примѣчаніе къ ст. 3 въ Уставѣ 1864 года 20-го ноября).

³⁾ Ср. объяснит. примѣчаніе къ ст. 4 Уст. гражд. судопр.

⁴⁾ П. С. З., № 27.729.

судебнаго рѣшенія, препровождать дѣло на *ревизію*; а потомъ сообщать казеннымъ палатамъ для разсмотрѣнія и представленія съ мнѣніемъ начальниковъ губерній въ Сенатъ ¹⁾). По случаю разнообразнаго направленія въ ходѣ слѣдственныхъ дѣлъ, въ 1827 году признано было необходимымъ разъяснить слѣдственный порядокъ ²⁾). Съ этого времени послѣдовало раздѣленіе слѣдственныхъ дѣлъ на два разряда: на дѣла частныхъ лицъ съ казенными управленіями, и на дѣла казенныхъ управленій между собою. Въ дѣлахъ перваго разряда должны быть соблюдены и формы апелляціоннаго судопроизводства, и формы слѣдственнаго процесса. Въ дѣлахъ же втораго рода велѣно соблюдать прямо слѣдственный порядокъ, независимо отъ формъ и обрядовъ, установленныхъ для гражданскаго судопроизводства ³⁾). Сущность слѣдственнаго или ревизионнаго порядка состоитъ въ томъ, что интересъ казны защищается въ немъ не только ея представителями, но и самимъ судомъ, независимо отъ прошеній, представленій и жалобъ. При господствѣ слѣдственнаго начала, формальное представленіе иска необязательно для казны и ея защитниковъ; дѣла эти не рѣдко начинались по сообщеніямъ и представленіямъ присутственныхъ мѣстъ. Суды, въ случаѣ недостаточности доказательствъ въ пользу казны, *обязаны* были требовать ихъ отъ ея представителей. Наконецъ, какъ сказано выше, дѣла эти необходимо должны были поступать на ревизію, переходя чрезъ всѣ инстанціи до Сената, и кромѣ того изъ каждой изъ нихъ отсылались на разсмотрѣніе и заключеніе того вѣдомства, которое заинтересовано. Понятно, что, при такомъ положеніи дѣла, слѣдственное гражданское судопроизводство почти совершенно принимало видъ уголовнаго порядка суда. Прибавимъ къ этому, что по свойству нашихъ учреждений и по тому значенію, какое имѣютъ у насъ казенныя имущества, интересы управленій и вѣдомствъ приходятъ въ непрерывное соприкосновеніе съ интересами частныхъ лицъ, — и потому едва ли не самая значительная часть дѣлъ, производившихся въ судахъ, принадлежала

¹⁾ П. С. З., № 19.090.

²⁾ П. С. З. Р. И. (II) № 1.397; ср. № 3.944.

³⁾ Различіе между апелляціоннымъ и слѣдственнымъ порядкомъ судопроизводства состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ первомъ дѣло переносится изъ низшей судебной инстанціи въ высшую по просьбѣ тяжущихся съ обрядомъ апелляціи, тогда какъ дѣла слѣдственныя поступаютъ изъ низшей инстанціи на ревизію въ высшую и безъ апелляціи, по самому порядку производства ихъ (см. Сводъ т. X, ч. 2, ст. 2.176).

къ этому разряду. Впрочемъ, не только въ дѣлахъ слѣдственныхъ, но и въ такъ-называемыхъ исковыхъ и вотчинномъ судопроизводствѣ, дѣло какъ могло начинаться помимо подачи прошеній и жалобъ въ судъ (что мы видѣли выше), такъ и продолжаться, независимо отъ указываемыхъ тяжущимися предѣловъ для дѣятельности суда, по усмотрѣнію суда. Напримѣръ, по свойству дѣлъ гражданскихъ, дѣятельность суда при разборѣ этихъ дѣлъ должна состоять только въ *проверкѣ* представленныхъ сторонами доказательствъ и постановленіи приговора; самъ судъ не долженъ сообщать доказательства. Между тѣмъ, указомъ 1811 года постановлено, что если при изслѣдованіи обстоятельствъ спорнаго дѣла *признано будетъ необходимымъ точнѣе изслѣдованіе того, къъ, когда и что учинено и приведеніе въ извѣстность всѣхъ обстоятельствъ дѣла, то въ такомъ случаѣ, по опредѣленію суда, производитъ изслѣдованіе ни мѣсть, чрезъ полицію*¹⁾. Пополнять дѣло *справками* поставлено было въ прямую обязанность судебныхъ мѣстъ. Указомъ 1800 года объ обязанностяхъ высшаго гражданского суда отнесено, открыты въ дѣлѣ неясности, недостатки, *упущенія нужныахъ справокъ* и т. п., *пополнять и исправлять* (независимо отъ указанія и требованія сторонъ), не обращая дѣла обратно въ низшій судъ. Указомъ 1801 года постановлено: всякаго рода письменныя доказательства, представленныя тяжущимися, должны быть рассмотрѣны судебнымъ мѣстомъ; при сомнѣніи въ подлинности, надлежитъ (независимо отъ указанія сторонъ) *учинить справки и изслѣдованія*²⁾. Этотъ порядокъ, свойственный уголовному производству, въ гражданскомъ судѣ открывалъ только поле злоупотребленіямъ и беспорядкамъ; такъ, собраніе справокъ по усмотрѣнію самихъ судовъ или, точнѣе, судебныхъ канцелярій, давало имъ полное право усилить или ослабить доказательства, на которыя ссылались тяжущіеся. Правда, относительно судовъ 2-й инстанціи постановлено, что они не вправе пополнять дѣла новыми доказательствами, безъ указанія на нихъ сторонъ, но, по неопредѣленности употребляемаго при этомъ слова „справки“, и эти судебныя мѣста, какъ извѣстно и какъ о томъ свидѣтельствовалъ въ своемъ отчетѣ министръ юстиціи (за 1855 годъ), отступали отъ этого законенія. Не указывая подробно всѣхъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ

¹⁾ П. С. З., № 24.687.

²⁾ Сводъ Законовъ, т. X, ч. 2, ст. 323, 441—443, 542, 543 и узаконенія, на нихъ основаны эти статьи.

гражданское судопроизводство по формѣ сѣмѣшивалось съ уголовнымъ, потому что для этого пришлось бы выписывать множество статей изъ законовъ о порядкѣ гражданского судопроизводства, съ его многочисленными видами и подраздѣленіями, — не приводя въ подтвержденіе нашихъ положеній выписокъ изъ законовъ и примѣровъ изъ судебной критики, мы сошлемся только на одинъ изъ отзывовъ редакторовъ новаго устава судопроизводства, какъ лицъ вполне компетентныхъ, которые говорятъ: „Всѣ почти недостатки гражданского судопроизводства, по отношенію къ формѣ его, зависѣли отъ примѣненія къ нему началъ производства слѣдственнаго, совершенно противно существу тяжбныхъ дѣлъ, которыя, касаясь исключительно интересовъ спорящихъ сторонъ, должны не только начинаться, но и получать дальнѣйшее направленіе не иначе, какъ по ихъ волю. Въ слѣдственномъ же процессѣ, напротивъ, не только направленіе тяжбнаго дѣла совершенно зависитъ отъ судебныхъ мѣстъ, но даже и самое начало его въ судебномъ мѣстѣ весьма часто зависитъ отъ усмотрѣнія полиціи, которая отсылаетъ въ судъ дѣла, которыя у нее возникаютъ, но которыя, по ея мнѣнію, подлежатъ суду“. Отсюда по замѣчанію редакторовъ происходили такія неудобства: непосредственное право судовъ приводить событія и доказательства, неуказанныя тяжущимися, требовать по дѣлу свѣдѣнія исключительно по усмотрѣнію судовъ, безъ просьбы о томъ сторонъ, несвоевременное вліяніе прокуратуры и т. п., и наконецъ громадное развитіе письменности ¹⁾ и формализма вмѣстѣ съ отсутствіемъ судебной гласности, какъ неизбежные результаты розыскной системы. Такимъ образомъ, для гражданского судопроизводства не только не были чужды формы уголовного суда, но только общій характеръ гражданского судопроизводства былъ сходенъ съ уголовнымъ, порядокъ котораго былъ чисто слѣдственный, но даже и въ частностяхъ процессы гражданскаго судопроизводства представляли собою нечто совершенно чуждое уголовному суду.

¹⁾ Выше мы говорили, что на основаніи Воинскаго Пролома число процессовъ отъ спорящихъ сторонъ ограничено было только четырьмя; но правило это не соблюдалось, какъ видно изъ указа, даннаго вѣсточною коллегією депутату въ Екатеринбургскую комиссію, гдѣ говорится, что прошеній принималось до *тридцати* и болѣе. Подобное же указаніе находимъ и въ одномъ изъ сенатскихъ указовъ, гдѣ сказано, что императрица «въ присутствіи своемъ въ Сенатѣ усмотрѣть изволила, какія въ дѣлахъ происходятъ трудности изъ умноженія извѣстнаго и непринадлежащаго къ дѣлу письма, такъ что по одному дѣлу и отъ одной персоны о той же самой матеріи подаваны многія прошенія и пр.»; но для устраненія этого зла не было предпринято ничего, и письменность судовъ увеличивалась болѣе и болѣе.

дапскій и уголовный имѣли много сходнаго. Это сходство выражалось не только въ порядкѣ вчинанія гражданскихъ и уголовныхъ исковъ, и не только въ одинаковомъ при разборѣ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ образѣ дѣйствій суда, отстаивавшаго и въ процессѣ гражданскомъ не столько интересы спорящихъ частныхъ лицъ, сколько интересы государства, но даже и въ томъ, что иногда вмѣстѣ съ гражданскимъ дѣломъ разбирались и уголовныя и наоборотъ, равно какъ и въ томъ, что съ судомъ гражданскимъ соединялось нерѣдко уголовное взысканіе ¹⁾). Такое положеніе дѣла было весьма естественно при отсутствіи сборниковъ законовъ и юридическаго образованія судей. Но и съ изданіемъ Свода Законовъ, это смѣшеніе, хотя и въ меньшей мѣрѣ, суда гражданского съ уголовнымъ продолжалось, частью по причинѣ неопредѣленности законодательныхъ правилъ, а частью по причинѣ неправильнаго и разнообразнаго толкованія и примѣненія законовъ. Особенно часто выражалось это при разборѣ дѣлъ о взысканіи убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ: одни суды связывали иски объ убыткахъ и ущербахъ съ уголовнымъ судопроизводствомъ, другіе разъединяли; уголовныя суды, не смотря на требованія истца присудить ему вознагражденіе, вмѣстѣ съ уголовнымъ взысканіемъ, не смотря на очевидность уголовныхъ доказательствъ, отсылали его къ гражданскому порядку; гражданскіе суды ссылались на подсудность этихъ исковъ судамъ уголовнымъ, уголовныя—на подсудность гражданскимъ, и часто одинъ судъ разрѣшалъ то, что относится къ вѣдомству другаго. Иногда случалось, что одинъ и тотъ же предметъ разбирался два раза, и не рѣдко такъ, что въ рѣшеніи суда гражданского и уголовного по одному и тому же дѣлу было явное противорѣчіе. Неумѣнье отличать частный интересъ отъ общественнаго, гражданскія дѣла отъ уголовныхъ, говорятъ редакторы уставовъ новаго судопроизводства, усложнило путаницу, происходившую отъ неясности указаній объ уголовномъ и гражданскомъ искѣ: нерѣдко производилось слѣдствіе по дѣламъ гражданскимъ; часто истецъ заводилъ искъ по основаніямъ уголовнымъ, а судъ производилъ дѣло гражданскимъ порядкомъ и рѣшалъ его прежде начатія уголовного производства, и наконецъ все дѣло оканчивалось уничтоженіемъ всего производства, какъ неправильнаго и незаконнаго ²⁾). Подобную же путаницу производилъ, наиримѣръ, споръ о подлогѣ акта. По одной

¹⁾ См. П. С. З., № 15.379 и др.

²⁾ Ср. Качевскій объ уголовномъ преслѣд. и пр., стр. 74.

статьѣ, законѣ, уголовномъ дѣлѣ опредѣлялось начинать, не прежде, какъ по окончаніи суда гражданскаго¹⁾), а по другой признавалось: не только въ случаѣ обнаруженія подлога, но даже и сомнѣнія, дѣлу давать уголовный ходъ²⁾); при этомъ не указывалось, при какихъ именно условіяхъ дѣлу о подлогѣ давать уголовный ходъ; отсюда случалось, что суды гражданскіе разбирали дѣла о подлогѣ не только тогда, когда искъ направленъ былъ противъ самаго акта, подлежащаго уничтоженію, но даже и въ случаѣ указаній *на лицо*, обвиняемое въ подлогѣ, когда, по разъясненію уставовъ новаго судопроизводства, дѣло должно быть обращено къ уголовному судопроизводству³⁾).

Какъ бы то ни было, но въ конечномъ своемъ результатѣ вопросъ о разграниченіи гражданскаго судопроизводства отъ уголовного не только въ практикѣ, но и въ теоріи не былъ обстоятельно разрѣшенъ не только во второй половинѣ XVIII вѣка, но и въ первой половинѣ XIX вѣка, не смотря на стремленіе къ тому законодательства, — стремленіе, которое сначала выражалось въ формѣ частныхъ узаконеній, а потомъ, съ изданіемъ Свода, въ видѣ отдѣльныхъ уставовъ судопроизводства уголовного и гражданскаго.

VIII.

Судебные Уставы 20-го ноября 1864 года.

Слѣдя за историческимъ развитіемъ государственной жизни народовъ, мы видимъ, что народъ неразвитый, съ простыми небольшими потребностями, не имѣетъ нужды въ сложной общественной власти. Управление, судъ, законодательство могутъ у него безпрепятственно соединяться въ рукахъ одного лица, или народной толпы. Не требуя особаго приготовленія, они если не слѣдуютъ неуклонно обычаю, то предоставляются личному таланту. Но когда общество развивается, первоначальная простота государственныхъ учрежденій исчезаетъ сама собою, отношенія усложняются, и съ ними умножаются и органы власти. Раздѣленіе труда, основной законъ экономической дѣятельности, прилагается и къ государственной. Затѣмъ появляется другая потребность, которая состоитъ въ спеціальномъ знакомствѣ съ услож-

¹⁾ Т. X, ст. 209, ч. II.

²⁾ Т. X, ч. II, ст. 355.

³⁾ См. Объяснит. записки 1863 г., ч. I, стр. 337.

нившимися сторонами общественнаго порядка. Управление перестаетъ быть дѣломъ преданія или таланта: оно специализируется; для его представителей настаетъ необходимость въ особой подготовкѣ путемъ опыта или науки. Такимъ образомъ устанавливаются границы между тремя главными сторонами общественной жизни, сообразно которымъ въ самой государственной власти различаются три вида: власть законодательная, судебная и административная. Гдѣ судебная власть не отдѣляется отъ административной, тамъ господствуетъ произволъ въ сферѣ частныхъ интересовъ, нѣтъ гарантій для правосудія, и права отдѣльныхъ лицъ исчезаютъ передъ волей государства и его органовъ. Но чтобы стать вѣрнымъ залогомъ общаго блага, раздѣленіе властей не должно оставаться внѣшнимъ. Если и есть особые органы для законодательства, суда и администраціи, но они дѣйствуютъ одинаково, то не много пользы отъ раздѣленія. Примѣровъ такой неудачной организаціи много въ исторіи. Для хорошо организованной власти, законодатель долженъ указать не предѣлы только, но и способъ дѣйствія: судья, наиримѣръ, не долженъ быть всемогущъ, какъ законодатель, и долженъ дѣйствовать иначе, чѣмъ администраторъ. Между тѣмъ какъ въ административной дѣятельности власть должна быть единоличною, въ судебной единоличная власть вредна. Назначеніе суда—ограждать частныя интересы гражданъ; его основаніе—справедливость. Судебный приговоръ подводитъ подъ общую мѣрку закона частный случай во всемъ равнообразномъ его проявленіи. Чтобы быть справедливымъ, приговоръ долженъ уловить всѣ черты этого случая и понять отношеніе ихъ къ закону. Для сего необходимо внимательное разсмотрѣніе всѣхъ подробностей, необходима повѣрка. Сверхъ того, судъ долженъ происходить безпристрастно, внѣ постороннихъ вліаній, какъ бы источникъ ихъ ни былъ чистъ самъ по себѣ и благороденъ. Судья не долженъ ни слѣпо подчиняться высшей власти, ни отражать въ себѣ страстныхъ увлеченій общества. На этихъ требованіяхъ основывается судъ тамъ, гдѣ онъ считается лучшею защитой гражданъ. Онъ не вѣряется безраздѣльно единымъ лицамъ; справедливость его ограждается гласностію, судомъ присяжнымъ, коллегіальнымъ составомъ трибуналовъ; а независимость—великимъ началомъ безсмѣнаемости судей, которые могутъ быть удалены только за преступленіе. Таковы общія основанія, на которыхъ держится власть судебная въ государствахъ, достигшихъ высокой степени развитія. Судъ долженъ составлять отдѣльную отрасль государственной жизни; составъ его долженъ быть коллегіальный; необхо-

дима гласность, присяжные, безсильность судей. Эти основы судебной власти не извращаются безнаказанно.

Обращаясь къ русскому судопроизводству, мы видимъ, что только съ введеніемъ уставовъ 20-го ноября 1864 года наши суды получаютъ то значеніе, котораго требуетъ отъ нихъ наука, свобода и жизнь: только съ этого времени воцаряется въ нашихъ судахъ „правда“ и они дѣлаются вѣрными органами охраны правъ и свободы гражданъ, такъ какъ въ основаніе ихъ положены тѣ начала, которыя указаны нами выше. Выѣстъ съ возведеніемъ судовъ на ту степень совершенства, когда въ нихъ по волѣ Самодержца должны царить только „правда и милость“, положенъ былъ конецъ многимъ вѣковымъ недостаткамъ нашего судопроизводства, а въ числѣ ихъ и тому смѣшенію формъ гражданскаго и уголовнаго процесса, о которомъ мы говорили выше.

Вопросъ о преобразованіи судопроизводства уже давно составлялъ заботу правительства. Такъ напримѣръ, еще въ 1843 году потребованы были замѣчанія отъ губернскихъ властей на дѣйствующіе законы гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, въ виду преобразованій всего судопроизводства. Вслѣдъ за тѣмъ начинается рядъ почти непрерывныхъ работъ по составленію новыхъ проектовъ судопроизводства и судоустройства. Образованный въ 1850 году по этому случаю комитетъ рѣшаетъ, что всякое частное измѣненіе произведетъ только путаницу, и потому рѣшено произвести полную реформу. Въ 1861 и 1862 годахъ въ соединенные департаменты государственнаго совѣта были препровождены основныя начала новаго судопроизводства какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго¹⁾. Разсматривая эти положенія, государственный совѣтъ выѣстъ съ тѣмъ указалъ и на недостатки прежняго судопроизводства уголовнаго и гражданскаго.

По отношенію къ уголовному судопроизводству государственный совѣтъ нашелъ, что система его чисто слѣдственная, а по свойству ея судебныя мѣста соединяють въ себѣ, и преслѣдователей преступленія, и защитниковъ судей. Слѣдствіе начинается иногда безъ всякаго основанія и часто не можетъ быть направлено къ одной определенной цѣли; отъ этого частныя лица напрасно привлекаются къ

¹⁾ Подробности о ходѣ работъ по преобразованію судоустройства и судопроизводства помѣщены въ введеніяхъ и объяснительныхъ примѣчаніяхъ къ судебнымъ уставамъ, и потому мы не находимъ нужнымъ приводить ихъ.

суду. Судъ рѣшаетъ дѣла тайно, заочно, по письменнымъ актамъ; слѣдствія, рѣшенія постановляются не по убѣжденію судей, а на основаніи формальной теоріи доказательствъ. Дѣла подвергаются разсмотрѣнію трехъ, четырехъ и болѣе инстанцій. Кромѣ общаго судопроизводства, установлено еще до 30 родовъ особенныхъ видовъ судопроизводства, разсѣянныхъ по разнымъ частямъ Свода. Для устраненія этихъ и другихъ недостатковъ, предположено было ввести новый порядокъ процесса на слѣдующихъ началахъ: сохранивъ въ уголовномъ судопроизводствѣ слѣдственное начало въ томъ значеніи его, что уголовный процессъ долженъ имѣть цѣлію обнаруженіе уголовной истины, независимо отъ воли частныхъ лицъ, что начатіе и направленіе дѣла не предоставляется исключительно обиженному, ввести въ оное такія правила и формы обвинительнаго судопроизводства, которыя бы представляли подсудимымъ огражденіе отъ неправильныхъ обвиненій и привлеченій къ слѣдствію и суду безъ достаточнаго основанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивали бы правильность рѣшенія дѣлъ, способствуя полному и всестороннему разъясненію судьямъ обвиняющихъ и оправдывающихъ обстоятельствъ. Главными же основаніями такого порядка признаны: 1) отдѣленіе слѣдствія отъ полицейскаго розыска, какъ приготовляющаго предварительные матеріалы, нужные для основанія и повода къ слѣдствію; 2) отдѣленіе уголовного иска и обвиненія отъ слѣдствія; 3) раздѣленіе слѣдствія на предварительное, какъ устанавливающее *предположеніе* въ виновности, и судебное, въ которомъ уже являются *доказательства* виновности; 4) публичность и гласность судебныхъ дѣйствій; 5) равенство правъ обвинителя и защитника. Въ судоустройствѣ прежнемъ государственный совѣтъ указалъ на слѣдующіе недостатки: 1) рѣшеніе уголовныхъ дѣлъ не только судебными мѣстами, но полиціею и многими другими административными учрежденіями, и вслѣдствіе этого, смѣшеніе судебной, исполнительной и административной властей. Для освобожденія суда отъ полиціи, которой прежде предоставлялся судъ по маловажнымъ преступленіямъ, признано необходимымъ учрежденіе мирового института; 2) обвиненіе и защита были возложены на судебныхъ слѣдователей¹⁾, прокуроровъ и стряпчихъ. Отчего власть обвинительная сливалась съ судебною, а средства защиты не были обезпе-

¹⁾ Объ учрежденіи ихъ мы выше не говорили, такъ какъ оно относится уже къ познѣшему времени, и до полнаго преобразованія судоустройства уставами 64 года не представляло особенной важности.

чены, равновѣсія между обвиненіемъ и защитой не было, и проч. Для устраненія этихъ и другихъ недостатковъ признано устроить судъ на началахъ, выработанныхъ практикой и наукой запада. Главнѣйшія изъ нихъ были: 1) самостоятельность судовъ и судей, для которой необходимо отдѣленіе суда отъ администраціи, несмѣняемость судей отъ должности безъ суда; 2) назначеніе на должность судей лицъ способныхъ къ ней, получившихъ юридическое образование и практическую опытность; 3) устройство суда присяжныхъ для рѣшенія вопросовъ о виновности или невинности подсудимаго; 4) устройство особыхъ судовъ для незначительныхъ преступленій; 5) отдѣленіе отъ власти судебной, разслѣдующей и рѣшающей, власти обвинительной, предъявляющей уголовный искъ — въ лицѣ прокуроровъ, и введеніе правильной и независимой, равноправной съ обвиненіемъ, защиты и проч.

Въ гражданскомъ судопроизводствѣ недостатковъ было еще болѣе. Къ числу указанныхъ департаментами, между прочимъ, отнесены: 1) различіе порядковъ судопроизводства—общаго, четырехъ главныхъ и шестнадцати особенныхъ; 2) смѣшеніе полицейской и судебной части; 3) существованіе особыхъ сословныхъ учреждений для суда — магистратовъ, ратушь, надворныхъ судовъ; 4) многочисленность инстанцій; 5) участіе въ дѣлѣ суда учреждений не судебныхъ; 6) переходъ дѣлъ изъ департаментовъ сената въ общее собраніе и государственный совѣтъ и отсюда смѣшеніе власти законодательной и судебной; 7) существованіе слѣдственнаго процесса, которымъ неправильно принимаются къ судамъ формы уголовного процесса; 8) исполненіе рѣшенія принадлежитъ полиціи, а не суду, мѣстамъ, а не лицамъ — и проч. Посему для устраненія этихъ и другихъ недостатковъ, подробно указанныхъ въ объяснительныхъ запискахъ къ уставамъ судопроизводства, департаменты признали необходимымъ: 1) вмѣсто четырехъ главныхъ и общаго порядка судопроизводства установить только два — общій и сокращенный; 2) полицейскую власть отдѣлить отъ судебной; 3) уменьшить число инстанцій; 4) уничтожить сословные суды; 5) измѣнить порядокъ вызова и сроковъ; 6) ограничить число бумагъ четырьмя; 7) ввести гласность; 8) отменить штрафы за неправильный искъ; 9) отменить переходъ дѣла въ государственный совѣтъ; 10) возложить исполненіе судебныхъ рѣшеній на особыхъ лицъ, состоящихъ при судѣ; 11) учредить присяжныхъ повѣренныхъ; 12) ввести кассационный порядокъ; 13) вмѣсто слѣдственнаго процесса въ дѣлахъ гражданскихъ ввести процессъ состязательный и проч. Всѣ эти и

другія начала новаго судопроизводства вошли въ основныя положенія и въ тѣмъ осуществлены въ проектахъ гражданского и уголовного судопроизводства, вошедшихъ въ силу закона подъ именемъ судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 года.

Такъ какъ наша задача и цѣль нашего труда состоитъ не въ томъ, чтобы нарисовать картину судоустройства и судопроизводства по судебнымъ уставамъ 20-го ноября, равно какъ и не въ томъ, чтобы рассмотреть критически тѣ начала, которыя легли въ основу новаго судоустройства и судебныхъ формъ, но въ томъ, чтобы показать въ чемъ и на сколько въ новомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ выразилась различіе суда уголовного отъ гражданского, то мы считаемъ нужнымъ въ нашемъ трудѣ разсматривать только тѣ вопросы новаго судоустройства и судопроизводства, которые прямо относятся къ нашей цѣли.

Судебная власть, по уставамъ 20-го ноября, принадлежитъ: 1) мировымъ судьямъ; 2) сѣздамъ мировыхъ судей; 3) окружнымъ судамъ; 4) судебнымъ палатамъ, и 5) правительствующему сенату, въ качествѣ верховнаго кассационнаго суда ¹⁾. Мировые судьи и ихъ сѣзды являются въ качествѣ *особыхъ судовъ*, а окружные суды, судебныя палаты и кассационные департаменты составляютъ *общія судебныя мѣста*. Общія суды представляютъ двѣ судебныхъ и одну кассационную инстанцію.

Первую инстанцію составляютъ окружные суды, учреждаемые на нѣсколько уѣздовъ. Суды эти замѣнили существовавшіе прежде подъ разными наименованіями (уѣздные суды, магистраты, ратуши, надворные суды) и обнимаютъ свою властію весь *кругъ лицъ и дѣлъ* какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, такъ что сословное начало, лежащее въ основѣ прежнихъ судовъ, когда каждое сословіе имѣло какъ бы свой судъ, было уничтожено: „судебная власть окружныхъ судовъ, говорится въ законѣ, распространяется на лица *всѣхъ сословій*“ ²⁾ (за немногими исключеніями). Вторую инстанцію образуетъ судебная палата, распространяющая свою власть на нѣсколько губерній; ³⁾. По поводу учрежденія судебныхъ палатъ въ объяснительномъ примѣчаніи къ уставамъ сказано: „при уменьшеніи числа судовъ первой степени замѣни ихъ судами, облеченными большею властію и дол-

¹⁾ Учрежд. суд. установленій ст. 1.

²⁾ Тамъ же ст. 11.

³⁾ Ст. 110.

женствующими получить составъ и надлежащія средства къ успѣшному производству вѣреннхъ имъ дѣлъ,—представляется излишнимъ сохранять въ каждой губерніи палаты гражданскаго и уголовнаго суда, но слѣдуетъ соединить и тѣ и другія въ одинъ составъ, подъ названіемъ судебныхъ палатъ, и распространить кругъ ихъ дѣйствій на нѣсколько губерній¹⁾. Судебная палата судить, то въ качествѣ первой инстанціи, то въ качествѣ апелляціонной инстанціи, и сверхъ того, въ общемъ порядкѣ судопроизводства разсматриваетъ обвинительные акты, или передаетъ суду обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, подлежащихъ рѣшенію съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Кассационный судъ распространяетъ свою власть на всю Россію и въ общемъ порядкѣ судопроизводства является только кассационнымъ учрежденіемъ, что составляетъ его коренное назначеніе и чѣмъ онъ отличается отъ другихъ судебныхъ мѣстъ. Соображенія, по которымъ признано необходимымъ сосредоточить дѣйствія сената по судебной части исключительно въ кругѣ высшаго надзора, въ особомъ порядкѣ кассации, состоятъ въ слѣдующемъ: „никакой судъ, разсматривающій дѣло въ порядкѣ апелляціонномъ или ревизіонномъ, не можетъ быть верховнымъ мѣстомъ, не подлежащимъ ничему надзору. Одна апелляція не можетъ служить полнымъ ограниченіемъ тяжущихся и подсудимыхъ, потому что и въ рѣшеніяхъ апелляціонныхъ судебныхъ мѣстъ могутъ быть нарушены прямой смыслъ закона или такія обряды и формы судопроизводства, при несоблюденіи которыхъ судебное рѣшеніе не возможно признать дѣйствительнымъ. Учрежденіе въ этихъ видахъ кассационнаго суда, отмѣняющаго окончательныя судебныя рѣшенія, когда въ нихъ оказывается явное нарушеніе закона въ томъ или другомъ отношеніи, не разсматривающаго судебныхъ дѣлъ по существу, и обращающаго ихъ къ пересмотру, составляетъ необходимую принадлежность правильной системы судебного устройства“²⁾.

Минуя всѣ другіе вопросы, мы прямо перейдемъ къ тому—выражается ли въ новомъ судоустройствѣ различіе между дѣлами гражданскими и уголовными?

Говоря о судебныхъ учрежденіяхъ, установленныхъ реформами Екатерины II и оставшихся въ главныхъ чертахъ до изданія уставовъ 20-го ноября, мы видѣли, что тамъ это различіе выражалось въ учрежденіи особыхъ палатъ для суда гражданскаго и уголовнаго

¹⁾ Суд. уст. т. I. стр. 14. Объяснит. примѣч.

²⁾ Т. I. стр. 15; объяснит. примѣч.

и особыхъ департаментовъ сената — гражданскаго и уголовнаго. Это различіе суда по гражданскимъ дѣламъ отъ суда по уголовнымъ дѣламъ удержано и въ новомъ судеустройствѣ, и выражается въ устройствѣ особыхъ отдѣленій и департаментовъ для дѣлъ уголовныхъ и особыхъ отдѣленій и департаментовъ для дѣлъ гражданскихъ. „Окружные суды могутъ быть раздѣлены на отдѣленія, число которыхъ, равно какъ и число окружныхъ судовъ, устанавливается особыми росписаніями“ ¹⁾, говорится въ законѣ. Въ силу этого, всѣ существующіе у насъ окружные суды раздѣляются на отдѣленія гражданскія и уголовныя. Судебныя палаты, по закону, дѣлятся на департаменты — уголовный и гражданскій, и для каждаго изъ нихъ назначается особый предсѣдатель и определенное число членовъ ²⁾. Верховный кассационный судъ состоитъ изъ двухъ кассационныхъ департаментовъ: гражданскаго и уголовнаго ³⁾. Еще болѣе это различіе суда гражданскаго отъ уголовнаго выразилось въ присоединеніи къ составу лицъ, управляющихъ уголовное правосудіе, особыхъ органовъ для разныхъ стадій уголовнаго процесса, которыхъ нѣтъ въ процессѣ гражданскомъ.

Такъ, во первыхъ, для производства слѣдствій по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ существуютъ *судебные слѣдователи* ⁴⁾. До 1860 года производство уголовныхъ слѣдствій во всемъ ихъ объемѣ и мѣры, относящіяся сюда, принадлежали полиціи, которая начинала и прекращала слѣдствіе по своему усмотрѣнію ⁵⁾. Полиція могла и считала себя вправе не только начинать слѣдствія безъ основательныхъ поводовъ и приводить подозрѣваемыхъ къ допросу, но и входить въ дома, производить осмотръ и заключать подъ стражу. Выѣстъ съ тѣмъ, полиціи же порученъ былъ судъ по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ: „учинившихъ маловажныя преступленія полиція могла взять подъ стражу“; потомъ она должна была разобрать дѣло словесно, допросить обвинителей, свидѣтелей и проч., записать въ протоколъ и проч. ⁶⁾. Маловажными преступленіями считались тѣ, за которыя назначалось денежное взысканіе до 30 руб., или арестъ

¹⁾ Учр. судебн. уст., ст. 78, 80.

²⁾ Учр. судебн. уст., ст. 111, 112.

³⁾ Тамъ же, ст. 114.

⁴⁾ Тамъ же, ст. 6.

⁵⁾ Св. зак. Т. XV, ч. II, ст. 2—3; ср. ст. 38, 49, 52, 58 и ст. 10 и 35.

⁶⁾ Св. зак. Т. V, ст. 857, 858, 859 и др.

до трехъ мѣсяцевъ и розги до 30-ти ударовъ¹⁾. Въ 1860 году производство слѣдствія по дѣламъ уголовнымъ было изъято изъ вѣдомства полиціи и введены были судебные слѣдователи, которые состояли членами уѣздныхъ судовъ. Полиціи же оставлено было первоначальное изысканіе и раскрытіе обстоятельствъ, которыя могутъ вести къ заключенію, что случившееся происшествіе соединено съ преступленіемъ, и въ крайнихъ случаяхъ—производство досмотра. По прибытіи слѣдователя, дѣйствія полиціи прекращаются. Мѣра эта была первымъ шагомъ къ реформамъ 1864 года: она, во-первыхъ, ограничивала произволъ полиціи и гарантировала свободу гражданъ, такъ какъ слѣдователю вмѣнялось приступить къ слѣдствію не иначе, какъ при дѣйствительномъ существованіи законныхъ поводовъ къ началу слѣдствія; ему повелѣвалось избѣгать напраснаго стѣсненія обвиняемыхъ; за изытіе подъ стражу безъ законныхъ причинъ, слѣдователь подлежалъ отводу и проч.; повторныхъ, она давала истинное значеніе предварительному слѣдствію: при прежнемъ порядкѣ, можно сказать, ни одно слѣдствіе, безъ особыхъ чрезвычайныхъ мѣръ со стороны губернскаго или высшаго начальства, не производилось какъ слѣдуетъ; всякое изслѣдованіе производимое самой полиціей, сдѣлалось только формой, которая часто наполнялась произвольнымъ содержаніемъ. Съ учрежденіемъ въ 1860 году судебныхъ слѣдователей, на полиціей остатки оставался судъ по маловажнымъ преступленіямъ²⁾. Судебныя же уставы отняли отъ полиціи и это право, предоставивъ буди по мало-

¹⁾ См. зак. Т. XV, ч. I, ст. 842, пр. 4.

²⁾ Вообще до введенія судебныхъ уставовъ, 20-го ноября, сфера судебной дѣятельности не сосредоточивалась въ судебныхъ установленіяхъ и не завѣдывалась исключительно судебной властію; она: а) или разбита между судебными установленіями съ судебною властію, или же б) хотя и завѣдывалась судебными установленіями, но при сильномъ внимательствіи лицъ не судебнаго вѣдомства. «Смѣшеніе властей», сказано въ Журн. Государ. Совѣта, «было отчасти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостнаго состоянія. Помѣщикъ для своихъ крестьянъ былъ администраторомъ, хозяиномъ, судьей и исполнителемъ своихъ приговоровъ. Это смѣшеніе властей въ быту помѣщичьихъ крестьянъ по необходимости ограничилось не только на учрежденіяхъ другихъ вѣдомствъ, но должно было проникнуть и въ общее управленіе имперіи. Вся административная власті, начиная отъ становаго пристава до губернатора и даже до министровъ, соединила въ себя разнородныя обязанности, вмѣшиваясь по силѣ самого закона въ ходъ судебныхъ дѣлъ, и тѣмъ ослабляя истинное значеніе, оставанавливали правильное значеніе правосудія». Подобно тому, какъ юстиція не отдѣлена была отъ администраціи, она также смѣшивалась и съ властію законодательною. (подробности см. въ Уст. гражд. судопр., стр. 21--22, по изд. II отд.).

важнымъ преступленіямъ вѣдомству мировыхъ судей. Такъ что съ введеніемъ этихъ уставовъ, право суда, какъ уголовного, такъ и гражданскаго, сосредоточено было только въ судебныхъ мѣстахъ, безъ всякаго вмѣшательства властей административныхъ и полицейскихъ ¹⁾. Судебные слѣдователи какъ въ своемъ назначеніи на должности, такъ и въ увольненіи, перемѣщеніи и во всей своей дѣятельности, подобно другимъ лицамъ, принадлежавшимъ къ составу судебной организаціи, поставлены внѣ всякаго вліянія администраціи. Вслѣдствіе этого производство слѣдствія и суда освобождено отъ всякаго несудебнаго вліянія. Администраціи предоставлено только право на принятіе мѣръ для предупрежденія и пресѣченія преступленій ²⁾. По самому существу своего назначенія, судебные слѣдователи принадлежатъ только къ составу уголовныхъ судовъ и тѣмъ, слѣдовательно, отличаютъ эти суды отъ судовъ гражданскихъ ³⁾. Вотъ которыхъ, „для опредѣленія въ уголовныхъ дѣлахъ вины или невинности подсудимыхъ, къ составу судебныхъ мѣстъ, въ случаяхъ, означенныхъ въ уставѣ уголовного судопроизводства, присоединяются *присяжные засѣдатели*“ ⁴⁾. Только дѣла о государственныхъ преступленіяхъ рѣшаются въ судебныхъ палатахъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, но съ присоединеніемъ къ присутствію палаты предводителей дворянства, городского головы

¹⁾ «Окружнымъ судамъ въ общемъ порядкѣ судопроизводства подсудимъ *въ уголовнымъ дѣламъ*, изыскать или вѣдомства мировыхъ судей» (ст. 200), такъ что (по ст. 240) «никоего правительственнаго мѣста или лица *не вправе* принять къ своему разсмотрѣнію дѣло, производящееся уже въ судебномъ установленіи, прежде уничтоженія его производства высшею инстанціею». Точно также и о гражданскихъ дѣлахъ говорится, что «все споры о нихъ подлежатъ разрѣшенію судебныхъ установленій (Уст. гражд. судопр. ст. 1), и что правительственными мѣста или лица не вправе ни разрѣшать спорныхъ обстоятельствъ, возникшихъ при разсмотрѣніи ими какого либо дѣла и подлежащихъ судебному разсмотрѣнію, ни передавать это дѣло въ судебное установленіе, и только объявляютъ просителю, что онъ можетъ обратиться съ искомъ, по установленному порядку, въ надлежащій судъ», (ст. 3. Уст. гражд. судопр.).

²⁾ См. примѣч. къ 1-й ст. Уст. уголов. судопр.

³⁾ Предварительное слѣдствіе, по государственнымъ преступленіямъ производится не судебнымъ слѣдователемъ, а однимъ изъ членовъ судебной палаты, при личномъ присутствіи прокурора (Уст. гражд. судопр. ст. 1037), и только первоначальный допросъ, до прибытія члена, можетъ быть сдѣланъ судебнымъ слѣдователемъ (ст. 1039).

⁴⁾ Учр. суд. уст., ст. 7. Въ ст. 201 уст. угол. судопр. сказано, что «дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, за которыхъ въ законѣ положены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, вѣдаются окружнымъ судомъ съ присяжными засѣдателями».

и волостнаго головы или старосты ¹⁾). Основанія по которымъ не допускаются здѣсь присяжные, въ сущности слѣдующія: „преступленія государственныя, по особому свойству своему, не всегда и не во всѣхъ членахъ общества возбуждаютъ такое отвращеніе, какъ другія преступленія, особенно если прикрываются ложною наружностію мнимаго желанія общественнаго блага; въ такомъ случаѣ они могутъ въ иныхъ возбудить даже сочувствіе къ себѣ. При томъ политическія и социальныя теоріи, направленныя противъ существующаго порядка вещей, имѣютъ столько оттѣнковъ, что отъ пустыхъ и почти невинныхъ мечтаній доходятъ до самыхъ вредныхъ ученій; но иногда и тѣ, и другія считаются равно ничтожными. При такихъ воззрѣніяхъ предоставить присяжнымъ разрѣшеніе вопроса о преступности значило бы оставить государство, общество и власть безъ всякой защиты. Съ другой стороны, часто вслѣдствіе случайнаго стеченія обстоятельствъ нѣкоторыя дѣйствія въ глазахъ большинства пріобрѣтаютъ такое преступное значеніе, что оно подъ влияніемъ мщенія и другихъ страстей готово перейти предѣлы всякаго уголовного правосудія и проч. При такомъ настроеніи умовъ, предоставить присяжнымъ разрѣшеніе вопроса о виновности обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ значило бы отдать ихъ на жертву народной мстительности“ ²⁾). Устанавливая институтъ присяжныхъ, законодатель руководствовался слѣдующими соображеніями ³⁾). „Судъ чрезъ присяжныхъ тогда только достигаетъ своего назначенія, когда устроенъ такимъ образомъ, что они оказываются дѣйствительно представителями большинства благонамѣренныхъ гражданъ, когда мнѣніе присяжныхъ можетъ быть признано за приговоръ общественной совѣсти, непосредственное сознаніе которой потому только предпочитается соображеніямъ, основаннымъ на теоріи доказательствъ, и потому только считается непреложнымъ и не подлежащимъ никакому контролю въ порядкѣ апелляціи или ревизіи, что въ немъ предположается сознаніе чистой совѣсти лучшихъ людей общества; на сколько правдива совѣсть, на столько же правдивъ и приговоръ такихъ людей, по совѣсти ими произнесенный; слѣдовательно, благая цѣль учрежденія присяжныхъ достигается преимущественно благоразумными постановленіями законодательства относительно ихъ избранія“. Въ силу этого законода-

¹⁾ Уст. уголов. судопр., ст. 1032.

²⁾ Уст. уголов. судопр., стр. 384—385; объясн. прилжч. изд. II стк.

³⁾ Суд. устр., стр. 19—22, ч. I, объясн. прилжч.

тельство подробно опредѣляетъ какъ порядокъ избранія присяжныхъ засѣдателей—составленіе списковъ *общаго, очереднаго и частнаго*, такъ особенно условія, требуемая закономъ для того, чтобы быть включеннымъ въ списокъ присяжныхъ засѣдателей и проч. ¹⁾). Хотя участіе присяжныхъ засѣдателей не составляетъ непремѣнной принадлежности *всякаго* уголовного суда по *всѣмъ* преступленіямъ, но тѣмъ не менѣе привхожденіе присяжныхъ *только* въ суду уголовному отличаетъ этотъ судъ отъ гражданскаго весьма рѣзкою чертою. Въ третьихъ, для преданія суду и для обличенія обвиняемыхъ предъ судомъ по уголовнымъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ общимъ судебнымъ установленіямъ, существуютъ прокуроры и ихъ товарищи ²⁾). Процессъ, какъ организмъ, требуетъ непремѣннымъ условіемъ правильной своей организациіи того, чтобы каждая изъ трехъ его функций (защита, обвиненіе; судъ) имѣла своего особаго органа. Неисполненіе этого условія составляло одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ инквизиціоннаго процесса; недостатокъ этотъ, съ изданіемъ судебныхъ уставовъ, былъ устраненъ учрежденіемъ особыхъ органовъ для обвиненія, въ лицѣ прокуроровъ и ихъ товарищей. Учрежденіе публичныхъ обвинителей вызвано на основаніи слѣдующихъ соображеній: преступленіе глубоко затрагиваетъ интересъ общества, который требуетъ энергическаго и разумнаго себѣ охраненія путемъ уголовного преслѣдованія. При системѣ частныхъ обвиненій можно несомнѣнно ожидать, что во многихъ случаяхъ даже потерпѣвшіе отъ нихъ предпочтутъ или вовсе не поднимать обвиненія, или разъ поднявъ его, отстать отъ него. вступивъ съ преступникомъ въ какую нибудь сдѣлку. Съ другой стороны, преступленія, не нарушающія ничего частнаго интереса, оставались бы всегда безъ преслѣдователей. Наше уголовное законодательство, въ отношеніи порядка обвиненія, дѣлитъ всѣ преступленія на двѣ группы: 1) по однимъ преступленіямъ возбужденіе и производство уголовного преслѣдованія изъята изъ воли частныхъ лицъ и вручено исключительно органамъ публичнаго обвиненія (преступленія публичныя); 2) по другимъ преслѣдованіе не можетъ быть начато *ex officio*, а возбуждается не иначе, какъ по частной жалобѣ, и при томъ или такъ, что только возбужденіе преслѣдованія находится въ зависимости отъ воли потерпѣвшаго, но разъ начавшись, оно производится уже *ex officio* и не можетъ быть прекращено примиреніемъ

¹⁾ См. Учр. суд. уст., ст. 81—109 и др.

²⁾ Уст. уголов. судопр., ст. 4, 510, п. 3 и др.

(преступленія, частно-уголовныя)¹⁾; или же такъ, что и возбужденіе преслѣдованія, и проведеніе обвиненія на слѣдствіи и судѣ исключительно находится въ рукахъ потерпѣвшаго (преступленія частныя). Это дѣленіе преступленій по отношенію къ порядку преслѣдованія имѣетъ въ своемъ основаніи мысль, что между преступными дѣланіями есть такія, которыя весьма мало затрагиваютъ общественный интересъ, и публичное преслѣдованіе которыхъ было бы слишкомъ чувствительно для пострадавшихъ лицъ, и могло бы нанести имъ столько же нравственнаго вреда, какъ и самое преступленіе. Во всякомъ случаѣ, эти послѣднія преступленія составляютъ не болѣе, какъ исключеніе изъ того общаго правила, что „по уголовнымъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ общимъ судебнымъ установленіямъ, обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ возлагается на прокуроровъ и ихъ товарищей“²⁾. Начало установленія въ Россіи прокурорскаго надзора, какъ мы видѣли, относится къ царствованію Петра I-го (фискалы и прокуроры); съ изданіемъ „Учрежденія о губерніяхъ“ надзоръ этотъ получилъ болѣе определенное значеніе. По Своду законовъ 1857 года, главная обязанность прокуроровъ заключалась въ надзорѣ за порядкомъ производства дѣлъ въ мѣстахъ губернскихъ³⁾. Сверхъ этой главной обязанности, къ составу ея причислена масса самыхъ разнородныхъ и разнохарактерныхъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію прокуроровъ и стряпчихъ⁴⁾, такъ что, для добросовѣстнаго исполненія ихъ, они

¹⁾ Напримеръ, обиды дѣйствіемъ, нанесенная подчиненнымъ начальнику (улож. ст. 395); растлвѣніе и изнасилованіе (ст. 1523—1529); обольщеніе незамужней обманомъ жениться (ст. 1532); похищеніе женщины или дѣвicy съ намѣреніемъ или изнасиловать, или обольстить ее, или повредить ей чести и пр. (ст. 1523—1530—1549); самовольное лишеніе свободы, сопровождавшееся истязаніями и т. п. (ст. 1542—1543) и т. д.

²⁾ По уголовнымъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ предоставляется потерпѣвшимъ отъ преступныхъ дѣйствій частнымъ лицамъ, а также полицейскимъ и другимъ административнымъ властямъ въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ (Уст. угол. судопр., ст. 3).

³⁾ Св. зак. Т. II, ч. I, ст. 2.469, 2.473.

⁴⁾ Прокуроры должны были просматривать журналы присутственныхъ мѣстъ и предлагать мѣрныя, отвращать медленность въ производствѣ, свидѣтельствовать сумасшедшихъ, присутствовать при продажѣ недвижимостей съ публичнаго торга, присутствовать въ разныхъ комиссіяхъ и комитетахъ (ст. 2.474—2.475), наблюдать за исполненіемъ законовъ о подсудности и разрѣшать сомнѣнія, представлять присутствію губернскаго правленія и палаты заключеніе по законодательнымъ вопросамъ и т. п. Просматривать журналы различныхъ финансовыхъ

должны были обладать массою знаній и свѣдѣній и употребить все свое время, безъ отдыха, для отправленія служебныхъ обязанностей. При множествѣ обязанностей, возложенныхъ на прокурора, ни одна изъ нихъ не исполнялась, какъ слѣдуетъ. Съ введеніемъ судебного преобразованія, когда прокуроръ долженъ быть публичнымъ обвинителемъ во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ и вести ихъ во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ, въ качествѣ представителя правительства и закона,—обязанности его сдѣлались бы еще сложнѣе. Обвинительная дѣятельность прокуроровъ, сдѣлавшись главнымъ предметомъ ихъ занятій, отняла бы у нихъ столько времени, что затѣмъ не было бы никакой возможности исполнить другія, лежащія на лицахъ прокурорскаго надзора, обязанности по наблюденію за правильнымъ движеніемъ и разрѣшеніемъ дѣлъ въ административномъ отношеніи. Вслѣдствіе этого по судебнымъ уставамъ, вѣдомство прокуроровъ ограничено только дѣлами судебного вѣдомства, и въ основныхъ началахъ дѣятельность лицъ прокурорскаго надзора выражена слѣдующими существенными чертами: 1) обнаруженіе и преслѣдованіе нарушенія законнаго порядка и требованіе распоряженій къ его возстановленію; 2) предложеніе суду предварительныхъ заключеній по извѣстнаго рода дѣламъ; 3) наблюденіе за единообразнымъ и точнымъ исполненіемъ законовъ; 4) представленіе о поясненіи или дополненіи законовъ. Столь важныя обязанности, соединенныя съ учрежденіемъ прокурорскаго надзора, повлекли за собою необходимость дать ему такое внутреннее устройство, которое ручалось бы за добросовѣстность и способность къ исполненію этихъ обязанностей, заключало бы въ себѣ условіе прочности учрежденія и поставило бы его въ опредѣленные отношенія, соразмѣрныя съ свойствомъ власти его и безъ превышенія предѣловъ ея. Поэтому въ законодательствѣ подробно опредѣлены какъ порядокъ назначенія прокуроровъ, условія для занятія прокурорской должности, такъ и взаимныя отношенія чиновъ прокурорскаго надзора (главное начало — *подчиненность* однихъ другимъ и министру юстиціи, установленное съ цѣлію придать этому учрежде-

установленій, участвовать въ свидѣльствѣ казеннаго имущества и суммъ, присутствовать при производствѣ всякихъ отъ казны торговъ и подрядовъ, наблюдать за употребленіемъ установленной гербовой бумаги, имѣть пощеніе о содержащихся подъ стражею, ходатайствовать въ судебныхъ мѣстахъ по дѣламъ казны, обществъ и др. установленій, по дѣламъ содержащихся подъ стражею и другихъ лицъ, обнаруживать преступленія, имѣть надзоръ за производствомъ свѣдѣній и проч.

пью единство *дѣятельности и власти*) и отношенія ихъ къ другимъ судебнымъ и не судебнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ (полная независимость прокуроровъ отъ нихъ ¹⁾ и надзоръ прокурорскихъ чиновъ по исполненію судебными и полицейскими мѣстами законныхъ постановленій, для чего въ законѣ опредѣлены и тѣ мѣри, которыя могутъ быть приняты прокурорами въ отношеніи къ судамъ ²⁾, и предѣлы надзора) ³⁾. Не останавливаясь на устройствѣ прокурорскаго надзора и его дѣятельности, замѣтимъ только, что главнѣйшій предметъ занятій лицъ прокурорскаго надзора составляетъ уголовное преслѣдованіе. Оно стоитъ на первомъ планѣ въ опредѣленіи обязанностей чиновъ прокурорскаго надзора по уголовному судопроизводству, въ которомъ дано имъ *несравненно болѣе широкое участіе*, чѣмъ въ гражданскомъ. Фактическое участіе прокурора въ судопроизводствѣ гражданскомъ является, можно сказать, въ исключительныхъ случаяхъ, потому что, напримѣръ, представленія о дополненіи и поясненіи законовъ, послѣ изданія судебныхъ уставовъ, сдѣлались весьма рѣдки, а случаи, въ которыхъ требуется заключеніе прокурора, на судѣ гражданскомъ ограничены въ самомъ законодательствѣ только восемью ⁴⁾, и притомъ къ числу ихъ отнесенъ такой, который прямо указываетъ на то, что коль скоро дѣло должно перейти на разсмотрѣніе суда уголовного, — дѣйствующимъ лицомъ является прокуроръ. Въ силу всего этого, мы имѣемъ полное право причислить къ особенностямъ уголовныхъ судовъ, въ отличіе ихъ отъ гражданскихъ, и ту, что въ первыхъ является прокуроръ, какъ *преслѣдователь преступленій и публичный обвинитель подсудимыхъ*; а такъ какъ этого рода дѣятельность составляетъ *de jure* главную обязанность проку-

¹⁾ Какъ видно, напримѣръ, изъ ст. 249, 252 Укр. суд. устава.

²⁾ Напримѣръ, ст. 253, 254, 255, 256, 257, 258 и др.

³⁾ Прокуроры, напримѣръ, не могутъ вмешиваться въ распоряженіе и рѣшеніе судовъ, ст. 142. См. ст. 258, 272, 264, 265 и др. Уст. уголовн. судопр. ст. 278.

⁴⁾ Прокуроры даютъ свое заключеніе: 1) по дѣламъ казеннаго управленія; 2) по дѣламъ земскихъ учрежденій, городскихъ и сельскихъ обществъ; 3) по дѣламъ лицъ, не достигшихъ совершеннолѣтія, безвѣстно отсутствующихъ, глухонемыхъ и умалишенныхъ; 4) по вопросамъ о подсудности; 5) по просьбамъ объ устраненіи судей; 6) по дѣламъ брачнымъ и о законности рожденія; 7) по просьбамъ о выдачѣ свидѣтельствъ на право бѣдности; 8) по спорамъ о подложн. документахъ и вообще въ случаяхъ, когда въ гражданскомъ дѣлѣ обнаруживаются обстоятельства, подлежащія разсмотрѣнію суда уголовного (Уст. гражд. судопр., ст. 343).

роровъ, а de facto почти единственную, то едва ли будетъ не близко къ истинѣ, если мы причислимъ прокуроровъ къ числу органовъ, которыми ввѣрена уголовная дѣятельность въ государствѣ.

Этимъ мы закончимъ свои указанія на тѣ особенности, въ которыхъ выражается различіе между дѣлами уголовными и гражданскими по отношенію къ судоустройству, введенному уставами 20-го ноября 1864 года. Изъ этихъ указаній видно, что такое различіе выражено не только въ учрежденіи особыхъ отдѣленій и департаментовъ для суда по тѣмъ и другимъ дѣламъ, но сверхъ того и въ установленіи для дѣлъ уголовныхъ особыхъ учреждений для производства слѣдствія (судебные слѣдователи), для преданія суду обвиняемыхъ и публичнаго обвиненія подсудимыхъ (прокуроры и ихъ товарищи), для рѣшенія вопроса о виновности или невинности подсудимыхъ (присяжные засѣдатели). Всѣ эти учрежденія, съ указаннымъ значеніемъ, относятся только къ организациіи уголовной власти, въ отличіе отъ таковой же гражданской.

Что касается другихъ измѣненій, внесенныхъ уставами въ наше судоустройство, то въ виду исключительности нашего труда, мы считаемъ возможнымъ обойти ихъ, такъ какъ они не касаются прямо вопроса о разграниченіи гражданского и уголовного судопроизводства. Поэтому мы, на примѣръ, ничего не говоримъ о мировыхъ учрежденіяхъ, положившихъ конецъ судебной дѣятельности полицейскихъ учреждений; не говоримъ о такихъ важныхъ началахъ, каковы независимость, несмѣняемость чиновъ судебного вѣдомства; проходимъ мимо тѣхъ условій, которыми законодательство, для лучшей гарантіи отправленія правосудія, обставило порядокъ замѣщенія и занятія судебныхъ должностей; не разбираемъ состава судебныхъ мѣстъ; не касаемся учрежденія присяжныхъ повѣренныхъ и пр. Всѣ эти особенности могутъ быть замѣчены при чтеніи Уставовъ, а наша юридическая литература и судебная практика уже сдѣлали достаточное разъясненіе и разборъ ихъ.

Переходимъ къ судопроизводству. Здѣсь мы также ограничимся изложеніемъ порядка судебного разбирательства только въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, умалчивая о разбирательствѣ у мировыхъ судей.

Первое, что бросается въ глаза, при взглядѣ на уставы 20-го ноября,—это раздѣленіе ихъ на двѣ части: 1) уставъ гражданского судопроизводства и 2) уставъ уголовного судопроизводства. Такимъ образомъ, въ самомъ этомъ дѣленіи уставы выразили уже мысль о

различіи судопроизводства по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. Правда, и Сводъ Законовъ говорилъ въ особомъ томѣ о судопроизводствѣ по дѣламъ гражданскимъ и въ особомъ—по дѣламъ уголовнымъ; но, во 1-хъ, этими двумя томами не ограничивались постановленія Свода о судопроизводствѣ, а были разсѣяны по всему Своду ¹⁾, что было весьма естественно при существованіи сословныхъ судовъ, при смѣшеніи администраціи полиціи и суда. При этой разбросанности постановленій о судопроизводствѣ по разнымъ томамъ Свода, мысль объ отдѣльности и цѣлостной самостоятельности законовъ о судопроизводствѣ уголовномъ и гражданскомъ терялась весьма замѣтно. Во 2-хъ, помѣщеніе въ особыхъ томахъ или частяхъ, или подъ отдѣльными рубриками, постановленій о судопроизводствѣ уголовномъ и гражданскомъ еще не есть вѣрный признакъ различенія законодательствомъ того и другаго, какъ это доказываетъ и Сводъ, перенося на гражданскій процессъ формы уголовныя, чрезъ приуроченіе, напримеръ, къ дѣламъ гражданскимъ слѣдственнаго порядка. Не то мы видимъ въ судебныхъ уставахъ 20-го ноября. Каждый изъ уставовъ въ отдѣльности, то-есть, и уставъ гражданского судопроизводства, и уставъ уголовного судопроизводства, представляютъ цѣлостные сборники постановленій о томъ и другомъ судопроизводствѣ, изъ которыхъ, съ одной стороны, изъято *все, что чуждо юстиціи*, и въ которыхъ съ другой стороны *помѣщено все, что должно быть дано отдѣлству юстиціи, что ему должно принадлежать по существу*. Притомъ Уставы 20-го ноября, установивъ для cadaго судопроизводства особія формы, обоснованныя на такихъ разумныхъ началахъ, которыя наука и жизнь признала необходимыми гарантіями правосудія, и согласныя съ характеромъ дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ, не дѣлаютъ, какъ это было въ Сводѣ, смѣшенія формъ судопроизводства гражданского и уголовного, уничтожая совершенно слѣдственную форму для дѣлъ гражданскихъ и вводя для судопроизвод-

¹⁾ Такъ напримеръ, о судопроизводствѣ по дѣламъ питейнаго сбора говорится въ V т., о судопроизводствѣ по дѣламъ о нарушеніи таможеннаго устава—въ VI т., о судопроизводствѣ по нарушенію закѣновъ о монетахъ—въ VII т., о производствѣ по нарушенію постановленій о соли—въ VII т., о судопроизводствѣ по оброчнымъ статьямъ—въ VIII т., о судопроизводствѣ по дѣламъ о нарушеніи счетныхъ уставовъ въ VIII же т., о судопроизводствѣ по дѣламъ торговыхъ—въ XI т., о судопроизводствѣ по дѣламъ объ укывательствѣ бѣглыхъ и о другихъ дѣлахъ, подвѣдомственныхъ суду полицейскихъ учрежденій,—въ XIV т. и проч. Законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ помѣщены въ X т., а законы о судопроизводствѣ по уголовнымъ дѣламъ—въ XV.

ства уголовного *смѣшанный процессъ*, а для гражданского—*состязательный*.

Основанія, по которымъ приняты эти процессы, указаны въ журналахъ соединенныхъ департаментовъ и помѣщены въ подробныхъ изданіяхъ судебныхъ уставовъ. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ: при господствѣ слѣдственной формы (въ уголовномъ судопроизводствѣ), по свойству ея, судебныя мѣста соединяютъ въ себѣ и преслѣдователей преступленія, и защитниковъ, и судей; слѣдствіе начинается иногда безъ всякаго основанія, отчего частныя лица напрасно привлекаются къ суду; судъ происходитъ тайно, зночно, по письменнымъ актамъ слѣдствія; рѣшенія постановляются не на основаніи внутренняго убѣжденія судей, а на основаніи формальной теоріи доказательствъ. За тѣмъ, смотря на уголовный судъ съ практической точки зрѣнія, соединенные департаменты нашли, что нельзя оставить ни слѣдственную форму, ни обвинительную систему безъ *примѣненія ихъ къ особенностямъ государства*. Въ силу такого взгляда, они признали необходимымъ, сохранивъ въ уголовномъ судопроизводствѣ слѣдственное начало въ томъ значеніи его, что уголовный процессъ долженъ имѣть цѣлію обнаруженіе уголовной истины, независимо отъ воли частныхъ лицъ, что начатіе и дальнѣйшее направленіе дѣла не предоставляется исключительно обиженному, — ввести такія правила и формы обвинительнаго процесса, которыя представляли бы подсудимымъ ограду отъ неправильныхъ обвиненій и привлеченій къ слѣдствію и суду, вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивали бы правильность рѣшенія дѣлъ, способствуя полному и всестороннему разъясненію судьямъ обвиняющихъ и оправдывающихъ обстоятельствъ. На этихъ основахъ и построены уголовный процессъ Уставомъ 20-го ноября. Что касается гражданского процесса, то соединенные департаменты нашли, что примѣненіе слѣдственныхъ началъ къ дѣламъ гражданскимъ прямо противорѣчитъ существу этихъ дѣлъ и служитъ только къ смѣшенію формъ судопроизводства уголовного и гражданского, какъ это особенно замѣтно при производствѣ гражданскихъ дѣлъ, въ коихъ затронуть интересъ казны. При господствѣ слѣдственнаго начала, формальное предъявленіе не обязательно для казны и ея защитниковъ; дѣла эти нерѣдко начинаются по сообщеніямъ и представленіямъ присутствующихъ мѣстъ; судьи, въ случаѣ недостатка доказательствъ въ пользу казны, обязаны требовать ихъ и т. п.; вообще судъ тутъ совершенно выводится изъ того безпристрастнаго положенія, въ какомъ онъ долженъ быть къ тяжущимся; граждан-

скій судъ извращается и въ своей сущности, и въ своихъ свойствахъ, и въ своей цѣли. Исключивъ изъ гражданскаго процесса слѣдственные формы, Уставы вводятъ въ этотъ процессъ состязательное начало, какъ сообразное съ сущностію и характеромъ дѣлъ гражданскихъ. „Цѣль же состязательнаго судопроизводства, — говорится въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ, — достигается чрезъ предоставленіе тяжущимся возможной свободы во взаимныхъ отношеніяхъ, въ сообщеніи другъ другу отвѣтовъ, возраженій, документовъ; чрезъ установленіе посредниковъ между ними (присяжныхъ повѣренныхъ), участіе которыхъ, устраняя личныя, почти всегда враждебныя отношенія тяжущихся, разливаетъ новый свѣтъ на дѣло“. Установивъ для уголовнаго судопроизводства смѣшанную форму суда, а для гражданскаго—состязательную, уставы подчиняютъ имъ всѣ дѣла гражданскія и уголовныя, дѣлая, впрочемъ, для нѣкоторыхъ изъ нихъ изъятія, обусловливаемыя частію содержаніемъ и характеромъ спорныхъ и нарушенныхъ правъ, частію свойствомъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, напримѣръ, если это лицо будетъ не физическое, а юридическое, какова—казна. Впрочемъ, эти изъятія никогда не бывають столь значительны, чтобы исключали тѣ или другія дѣла изъ общаго порядка судопроизводства, устанавливали особый видъ или форму судопроизводства ¹⁾, или хотя нѣсколько измѣняли основной характеръ процессовъ.

Чтобы видѣть, въ чемъ именно выражается и на сколько послѣ-

¹⁾ Такъ, уставъ гражданскаго судопроизводства, помѣщая (въ третьей книгѣ) изъятія изъ общаго порядка судопроизводства и въ частности (въ раздѣлѣ 1-мъ) по отношенію къ дѣламъ казеннаго управленія, говоритъ: «дѣла казеннаго управленія производятся по *общимъ правиламъ гражданскаго судопроизводства* съ изъятіями, установленными въ слѣдующихъ за ними статьяхъ» (ст. 1.283); то же самое говорится и въ раздѣлѣ 2-мъ, по дѣламъ о возмещеніи вознагражденія за вредъ и убытки, причиненныя распоряженіями лицъ административнаго вѣдомства (ст. 1.316) и въ раздѣлѣ 3-мъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о законности рожденія (1.316) и проч.; то же самое говорится и въ уставѣ уголовнаго судопроизводства по поводу различныхъ изъятій изъ общаго порядка судопроизводства; такъ въ ст. 1.001 сказано: «подлежащія вѣдомству свѣтскаго суда преступленія противъ и другія, соединенныя съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ, *подчиняются судебному преслѣдованію на общихъ основаніяхъ, съ изъятіями, въ настоящей главѣ определенными*». Въ статьѣ 1031 о государственныхъ преступленіяхъ сказано, что дѣла эти производятся *общимъ порядкомъ уголовного судопроизводства съ соблюденіемъ правилъ и проч.* Мотивы и основанія см. въ Уставахъ, напримѣръ, Уст. угол. судопр. стр. 335, 356, и др. Изд. II отдѣл.

довательно приводится въ Уставахъ 20-го ноября начало раздѣленія дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ по отношенію къ судопроизводству, мы считаемъ необходимымъ остановиться на *разсмотрѣніи нѣкоторыхъ положеній* уставовъ гражданского и уголовного судопроизводства и представить краткій *очеркъ судопроизводства* по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ.

Судебныя установленія, говорится въ общихъ положеніяхъ Устава гражданского судопроизводства, могутъ приступать къ производству гражданскихъ дѣлъ не иначе, какъ вслѣдствіе просьбы о томъ лицъ, до коихъ тѣ дѣла касаются ¹⁾.

„Правительственныя мѣста или лица не вправе ни разрѣшать спорныхъ обстоятельствъ, подлежащихъ судебному разсмотрѣнію, ни передавать это дѣло въ судебное установленіе, а только объявляютъ просителю, что онъ можетъ обратиться съ искомъ, по установленному порядку, въ подлежащій судъ“ ²⁾. Въ этихъ положеніяхъ, съ одной стороны, ясно опредѣленъ характеръ гражданского дѣла, которое, какъ касающееся только интересовъ частныхъ лицъ, можетъ быть начато въ судѣ только по просьбѣ этихъ лицъ, съ другой — устраняется вмѣшательство администраціи въ дѣла судебныя ³⁾. Мы видѣли, что и Сводъ законовъ также требовалъ, чтобы разбирательство по дѣламъ гражданскимъ начиналось не иначе, какъ по просьбѣ о томъ лицъ заинтересованныхъ; но тамъ это положеніе, въ силу самого закона, могло быть обходимо, потому что, во 1-хъ, всѣ дѣла, производившіяся слѣдственнымъ порядкомъ (спору частныхъ лицъ съ казною и дѣла, возникшія между разными установленіями и вѣдомствами), нерѣдко начинались по сообщеніямъ и представленіямъ присутственныхъ мѣстъ; формальное предъявленіе иска не было обязательно для казны и ея защитниковъ; во 2-хъ, всѣ остальные дѣла, благодаря участію полиціи, могли также начинаться въ судебномъ

¹⁾ Уст. гражд. судопр., ст. 4.

²⁾ Тамъ же, ст. 3.

³⁾ Новая судебная практика проводить эти начала довольно вѣрно. Для примѣра, укажемъ на рѣш. касс. деп. сената 1867 г., № 391. Одинъ мировой судья г.р. Москвы распорядился объ освобожденіи изъ долговаго отдѣленія некассальной должницы, подвергнутой задержанію управы благочинія. Такое дѣйствіе мирового судьи съездъ призналъ законнымъ. Тогда управа рапортомъ, а товарищ прокурора протестомъ ходатайствовали предъ сенатомъ объ отмятій рѣшенія съезда. Сенатъ призналъ себя не вправе приступить къ какимъ либо по этому рапорту и протесту распоряженіямъ, мотивируя это тѣмъ, что всякое распоряженіе, безъ участія тяжущихся, было бы противно 4 ст. Уст. гражд. судопр.

мѣстѣ помимо воли спорящихъ сторонъ". Въ объяснительномъ примѣчаніи къ ст. 4 Устава гражданскаго судопроизводства прямо указано на это: „въ иныхъ случаяхъ, говорится тамъ, при разсмотрѣніи въ судахъ 2-й степени дѣлъ, поступившихъ по апелляции, открывалось, что дѣла эти были пачаты въ судахъ низшихъ *безъ подачи искового прошенія* и безъ вѣспоса поплингъ. Еще въ 1852 году министромъ юстиціи замѣчено, что въ иныхъ судебныхъ мѣстахъ производство гражданскихъ дѣлъ, такъ сказать, измѣнено въ своемъ свойствѣ, что сіи дѣла *почти никогда не производились судебнымъ порядкомъ, ибо начинаются не въ судахъ, чрезъ подачу искового прошенія, а въ полицейскихъ или другихъ мѣстахъ*, изъ коихъ уже переходятъ на разсмотрѣніе судебныхъ мѣстъ". При такомъ положеніи дѣла, судопроизводство по дѣламъ гражданскимъ, которыя, какъ касающіяся исключительно интересовъ спорящихъ лицъ, должны не только начинаться, но и получать дальнѣйшее направленіе не иначе, какъ по волѣ этихъ лицъ,—смѣшивалось съ судопроизводствомъ по дѣламъ уголовнымъ, имѣющимъ цѣлю обнаруженіе уголовной истины, независимо отъ воли частныхъ лицъ. Это ненормальное положеніе совершенно устранено Уставами 20-го ноября, устранившими право управительственныхъ мѣстъ и лицъ передавать дѣло въ судебныя установленія и разрѣшать его самимъ, такъ что пачатіе гражданскаго иска поставлено въ непремѣнную зависимость отъ воли тѣхъ лицъ, до которыхъ этотъ искъ касается. Вмѣстѣ съ этимъ, очевидно, былъ положенъ конецъ и смѣшенію судопроизводства гражданскаго съ уголовнымъ по отношенію къ порядку вчинанія въ судѣ исковъ гражданскихъ и дѣлъ уголовныхъ; въ этихъ послѣднихъ, какъ говорится въ Уставѣ уголовного судопроизводства, „судебное преслѣдованіе возбуждается, какъ должностными лицами, такъ и частными“, по послѣднимъ такъ, что имъ предоставляется только право возбужденія уголовного иска, а дальнѣйшее преслѣдованіе идетъ независимо отъ ихъ воли (за исключеніемъ тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, которыя дозволяется прекращать примиреніемъ)¹⁾.

Выше мы говорили, что вслѣдствіе неопредѣленности постановленій свода²⁾ о вознагражденіи за вредъ и убытки, принесенные преступленіемъ, одни суды связывали искъ о вознагражденіи съ уголовнымъ судопроизводствомъ, другіе разъединяли, и, не смотря на тре-

¹⁾ См. Уст. уголов. судопр., ст. 2—5.

²⁾ Св. зак. т. XV, ч. II, ст. 22, примѣч. 143, 237 353, 384 и т. X ст.

бовація истца присудить ему вознагражденіе вмѣстѣ съ уголовнымъ взысканіемъ, не смотря на очевидность уголовныхъ доказательствъ, отсылали его къ гражданскому порядку; отсюда выходило, что одинъ и тотъ же предметъ разбирался два раза и иногда рѣшеніе одного суда противорѣчило рѣшенію другаго. Такое столкновеніе двухъ подсудностей, происходящее отъ неясности закона, вмѣстѣ съ неумѣльемъ отличать частный интересъ отъ общественнаго, были причиною того, какъ говоритъ г. Квачевскій ¹⁾, что „нерѣдко производилось слѣдствіе по дѣламъ, имѣющимъ гражданскій характеръ, истецъ заводилъ искъ по основаніямъ уголовнымъ,—судьи производили дѣло гражданскимъ порядкомъ и рѣшали его прежде начатія уголовного судопроизводства“... Судебные уставы положили конецъ этой путаницѣ точнымъ опредѣленіемъ порядка требованія вознагражденія и предоставленіемъ судебной дѣятельности лицамъ, умѣющимъ отличать интересы частной и общественной жизни. По опредѣленію Устава, гражданскій искъ объ удовлетвореніи за убытки и вредъ, причиненный преступленіемъ, можетъ быть предъявленъ въ уголовномъ судѣ при самомъ производствѣ уголовного дѣла, но до открытіи судебного засѣданія, или же въ судѣ гражданскомъ, отдѣльно отъ уголовного производства ²⁾; при этомъ, судъ гражданскій приступаетъ къ производству не прежде, какъ по окончаніи уголовного производства по тому предмету, изъ коего искъ возникаетъ. ³⁾ Въ случаѣ прекращенія судебного преслѣдованія до начатія въ уголовномъ порядкѣ иска о вознагражденіи потерпѣвшаго отъ преступленія лица, искъ сей можетъ быть обращенъ къ обвиняемому, и за смертію его къ его наследникамъ не иначе, какъ въ порядкѣ гражданскомъ ⁴⁾. Истецъ не лишается права на искъ въ гражданскомъ судѣ, хотя бы по приговору суда уголовного обвиняемый и не былъ признанъ виновнымъ, если отъ его дѣйствія произошелъ для истца ущербъ или убытокъ ⁵⁾. Здѣсь кстати укажемъ на то, какъ разрѣшается судебными уставами вопросъ о коллизіи въ судѣ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. Точное разрѣшеніе этого вопроса имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ въ противномъ случаѣ легко можетъ случиться, что судъ гражданскій станеть разбирать дѣло, подлежащее разсмотрѣнію суда уголовного и на обо-

¹⁾ «Объ уголовн. преслѣдов.» стр. 74.

²⁾ Уст. гражд. судопр. ст. 5; уст. уголов. судопр. ст. 7.

³⁾ Уст. гражд. судопр. ст. 6.

⁴⁾ Уст. уголов. судопр. ст. 18.

⁵⁾ Уст. гражд. судопр. ст. 7; Уст. уголов. судопр. ст. 31.

ротъ, судъ уголовный вторгнется въ сферу суда гражданскаго. Судебныя уставы опредѣляютъ во 1-хъ, что въ случаѣ обнаруженія, во время производства гражданскаго дѣла, такихъ обстоятельствъ, которыя, заключая въ себѣ элементы уголовнаго дѣянія, требуютъ уголовного преслѣдованія, дѣло передается чрезъ прокурора въ уголовный судъ; при этомъ „производство гражданскаго дѣла приостанавливается, если разрѣшеніе онаго зависитъ отъ разсмотрѣнія уголовнаго обстоятельства“ ¹⁾. По 2-хъ, что обнаруженіе преступленія или проступка, при разсмотрѣніи дѣла въ судѣ гражданскомъ, не освобождаетъ уголовный судъ отъ надлежащаго производства для опредѣленія уголовной отвѣтственности обвиняемаго ²⁾. Въ 3-хъ, что подобно тому, какъ судъ гражданскій не вправѣ заниматься разборомъ такихъ обстоятельствъ, которыя подлежатъ вѣдѣнію суда уголовнаго, такъ и судъ уголовный не вправѣ входить въ область, принадлежащую суду гражданскому. „Если, — говорится въ судебныхъ уставахъ, — опредѣленіе преступности дѣянія зависитъ отъ опредѣленія въ установленномъ порядкѣ правъ состоянія или собственности на недвижимое имущество, или же свойства несостоятельности обвиняемаго, то преслѣдованіе уголовнымъ судомъ не возбуждается, а возбужденное приостанавливается до разрѣшенія спорнаго предмета судомъ гражданскимъ.“ Въ 4-хъ, что окончательное рѣшеніе гражданскимъ судомъ подлежащихъ его разсмотрѣнію вопросовъ обязательно для уголовнаго суда только въ отношеніи дѣйствительности и свойства событія или дѣянія, а не въ отношеніи виновности подсудимаго ³⁾, а окончательное рѣшеніе уголовнымъ судомъ по вопросамъ: совершилось ли событіе преступленія, было ли оно дѣяніемъ подсудимаго и какого свойства это дѣяніе, обязательно для суда гражданскаго во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда гражданскія послѣдствія дѣянія, бывшаго предметомъ уголовнаго суда, разсматриваются судомъ гражданскимъ ⁴⁾. Въ этомъ послѣднемъ опредѣленіи явно указано различіе гражданскаго и уго-

¹⁾ Уст. гражд. судопр. ст. 8.

²⁾ Уст. уголов. судопр. ст. 28.

³⁾ Уст. уголов. судопр. ст. 29.

⁴⁾ Уст. уголов. судопр. ст. 30. Касс. деп. сената, разъясняя эту статью, выразилъ, между прочимъ, что для того, чтобы отыскивать въ гражданскомъ судѣ вознагражденіе убытковъ, вытекающихъ изъ преступленія, необходимо не обвинительный приговоръ уголовнаго суда, а такой приговоръ, который бы доказывалъ, что дѣйствительно такое дѣяніе совершено и тѣмъ лицомъ, съ коего возмѣщеніе убытковъ производится.

ловнаго процессовъ. Дѣло въ томъ, что во всякомъ нарушеніи права есть двѣ стороны: внѣшняя и внутренняя — *дѣло* и руководящая дѣломъ *воля*, форма и содержаніе нарушенія. Въ нарушеніяхъ права, подлежащихъ суду уголовному, главный элементъ есть *воля*, а не *дѣло*. Нарушеніе самаго важнаго права можетъ быть или вовсе не преступнымъ, если то сдѣлано безъ сознательной воли, или маловажнымъ проступкомъ, если оно было произвольно, но виновный не желалъ и не предвидѣлъ вредныхъ послѣдствій. Дѣяніе совершено; но оно не вѣняется въ вину и уголовный искъ или оставляется вовсе безъ послѣдствій, или оканчивается присужденіемъ обвиняемаго къ покаянію и т. п. Напротивъ того, въ нарушеніи правъ, подлежащихъ суду гражданскому, главный элементъ есть *дѣло*, а не *воля*. Всякое нарушеніе гражданского права влечетъ обязанность удовлетворить истца, независимо отъ того съ умысломъ или по неясному понятію отвѣтчика о своемъ правѣ, было нарушено право другаго. Эта же самая мысль выражается и въ опредѣленіи Уставовъ, что рѣшенія гражданскимъ судомъ.... обязательны для уголовного *только въ отношеніи дѣйствительности свойства событія, а не въ отношеніи виновности*¹⁾, и что *обнаруженіе преступленія или проступка, при разсмотрѣніи дѣла въ судѣ гражданскомъ, не освобождаетъ судъ уголовный отъ надлежащаго производства для опредѣленія уголовной отвѣтственности*¹⁾. Чтобы опредѣлить дѣйствительность и свойства событія, для этого нужны совершенно иныя средства, и тѣ, которыми вправѣ располагать судъ гражданскій, вполне достаточны для этого (какія это средства, увидимъ ниже); но чтобы опредѣлить уголовную отвѣтственность обвиняемаго и виновность подсудимаго, для этого нужно изслѣдовать не только внѣшнюю сторону преступленія, но и раскрыть то, что происходило въ душѣ преступника во время совершенія преступленія; а для этого недостаточно тѣхъ средствъ, которыми вправѣ располагать, не выходя изъ своихъ предѣловъ, судъ гражданскій. Вотъ почему и законодательство, пока идетъ рѣчь о внѣшней сторонѣ дѣянія, когда вопросъ объ уголовной отвѣтственности и виновности еще не имѣетъ мѣста,—признаетъ обязательность

¹⁾ Въ разъясненіе сего укажемъ на рѣш. угол. Касс. деп. № 441 за 1868 г., въ которомъ сказано: «гражданское дѣло, изъ коего возникаетъ уголовное обвиненіе, ни въ какомъ случаѣ не подлѣжитъ, въ силу 18 и 29 ст. уст., союкупному съ этимъ обвиненіемъ разбирательству и разрѣшенію; гражданское судопроизводство не можетъ быть непосредственнымъ основаніемъ уголовного приговора, всему непрерывно должно предшествовать производство уголовное.»

ршенія судовъ гражданскихъ для судовъ уголовныхъ. При томъ, такъ какъ вопросъ объ уголовной отвѣтственности и виновности, какъ предполагающей наличность воли и состоящей главнымъ образомъ въ опредѣленіи качества этой воли, обнаружившейся въ данномъ внѣшнемъ событіи, стоитъ внѣ области гражданского суда, то коль скоро на судѣ гражданскомъ, независимо отъ внѣшняго дѣянія, будетъ заявлено, какъ и по какимъ побужденіямъ совершено данное дѣяніе и, слѣдовательно, откроется такимъ образомъ возможность приступить къ изслѣдованію *внутренней стороны* совершившагося дѣянія, что составляетъ принадлежность уголовныхъ судовъ, въ такомъ случаѣ дѣло изъ суда гражданского переходитъ въ уголовный. Яснѣе это видно изъ слѣдующаго примѣра. Извѣстно, что подлоги въ актахъ и обязательствахъ считаются уголовнымъ преступленіемъ, влекущимъ за собою лишеніе всѣхъ или особенныхъ правъ и ссылку ¹⁾, и слѣдовательно, какъ преступленія уголовныя, подлежатъ суду уголовному; но вмѣстѣ съ тѣмъ споръ о подлогѣ акта можетъ быть предъявленъ и гражданскимъ порядкомъ въ судахъ гражданскихъ, для чего установлено даже особое производство: „по спору о подлогѣ акта ²⁾“. Сущность этого порядка заключается въ томъ, что сначала подается въ судъ объявленіе отъ желающаго заявить споръ о подлогѣ, или въ случаѣ, если это объявленіе дѣлается въ засѣданіи суда словесно,—составляется протоколъ. Копія съ объявленія или протокола сообщается представившему документъ тяжущемуся, который долженъ дать въ теченіи двухъ недѣль отзывъ—намѣренъ ли онъ воспользоваться означеннымъ актомъ при производствѣ дѣла, или нѣтъ. Отзывъ объявляется противной стороной (заявишей о подлогѣ), которая обязана представить въ теченіи недѣли доказательства подлога, доказательства сообщаются тяжущемуся, сославшемуся на документъ, для представленія возраженій³⁾. По полученіи возраженій, а когда нужно и по предварительномъ изслѣдованіи акта порядкомъ, установленнымъ въ ст. 547—554, судъ, выслушавъ объясненія сторонъ и заключенія прокурора, постановляетъ опредѣленіе или объ устраненіи спора о подлогѣ, или же о признаніи акта подложнымъ и объ исключеніи его изъ числа доказательствъ ³⁾. Въ какомъ же случаѣ споръ о подлогѣ акта долженъ перейти изъ гражданского суда въ уголовный? Судеб-

¹⁾ См. Улож. о наказаніяхъ уголовн. ст. 1.690—1.698 и др.

²⁾ Уст. гражд. судопроизв. ст. 555—565.

³⁾ Тамъ же, ст. 561.

ные уставы разрѣшаютъ этотъ вопросъ такимъ образомъ: „если завившій споръ о подлогѣ акта прямо обвиняетъ *кого-либо* въ семъ подлогѣ и совершеніе подлога не покрыто давностію или смертію обвиняемаго, а равно и въ случаѣ, когда актъ послѣ повѣрки въ гражданскомъ судѣ признанъ подложнымъ и потому подлежащимъ изслѣдованію, судъ сообщаетъ опредѣленіе свое по сему предмету, вмѣстѣ съ самымъ актомъ, прокурору. Передавая прокурору дѣло о подлогѣ, по случаю прямого обвиненія въ немъ кого либо, судъ или приостанавливаетъ у себя все гражданское производство до окончанія дѣла въ уголовномъ порядкѣ, или же продолжаетъ производство дѣла въ тѣхъ частяхъ, въ коихъ рѣшеніе не зависитъ отъ заподозрѣннаго акта“¹⁾. Такимъ образомъ, споръ о подлогѣ можетъ быть объявленъ гражданскимъ порядкомъ не *противъ лица*, имѣющаго подвергнуться уголовной отвѣтственности, а *противъ акта*, подлежащаго уничтоженію, и только въ случаѣ указанія на лицо, обвиняемое въ подлогѣ, когда, слѣдовательно, можетъ имѣть мѣсто анализъ внутренней стороны дѣянія, дѣло должно быть обращено къ уголовному судопроизводству²⁾, дѣло въ томъ, что въ подлогѣ, какъ и во всякомъ преступномъ дѣяніи, различаются двѣ стороны: *внѣшняя*—дѣло, въ настоящемъ случаѣ, актъ подложный,—и *внутренняя*—воля, руководящая дѣломъ и опредѣляющая виновность субъекта. Разсмотрѣніе первой, то-есть, внѣшней стороны можетъ дѣлать судъ гражданскій; но какъ скоро возникаетъ вопросъ о субъектѣ преступнаго дѣянія, о внутренней сторонѣ преступленія, о волѣ, то предѣлы дѣятельности суда гражданского кончаются и разбирательство должно перейти въ уголовный судъ. Сводъ законовъ, какъ мы замѣчали выше, не дѣлалъ такого опредѣленнаго разграниченія производства по подлогу акта въ судахъ гражданскихъ и уголовныхъ; неполнота и разнорѣчіе постановленій его по этому вопросу производили множество недоразумѣній и неправильностей. Въ одной изъ статей Свода сказано, что уголовное дѣло можетъ быть начато не прежде, какъ по окончаніи суда гражданского³⁾; а въ другой,—что не только въ случаѣ обпаруженія подлога, но даже и сомнѣнія, дѣлу должно давать уголовный ходъ⁴⁾. Относительно же того, въ какихъ именно случаяхъ давать дѣлу уголовный ходъ, и въ какихъ гражданскій, Сводъ не дѣлаетъ, подобно Уставамъ, указаній.

¹⁾ Уст. гражд. судопр. ст. 563—564.

²⁾ Ср. объяснител. прим. подъ означ. ст. въ изд. II отд., ч. 1, стр. 337.

³⁾ Сводъ Законовъ т. X, ч. II, ст. 209.

⁴⁾ Тамъ же, ст. 355.

Отъ этого происходило нерѣдко, что одни суды разбирали споръ о подлогѣ гражданскимъ порядкомъ, независимо отъ того, было ли дѣлаемо указаніе на лицо, учинившее подлогъ,—другіе же, при всякомъ заявленіи о подлогѣ въ силу 355 статьи, подчиняли дѣло уголовному судопроизводству, опять помимо того, былъ ли споръ объявленъ противъ лица или только противъ акта; вслѣдствіе этого иногда судъ гражданскій принималъ видъ уголовного, а иногда судъ уголовный вторгался въ предѣлы суда гражданскаго; таковое смѣшеніе было тѣмъ удобнѣе, что и самыя формы судопроизводства смѣшивались, а органы суда не умѣли дѣлать должнаго различія интересовъ частныхъ отъ публичныхъ.

Выше мы говорили, что судебные уставы установили двѣ формы суда: смѣшанную—для дѣлъ уголовныхъ и составательную—для дѣлъ гражданскихъ; остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на ходѣ судопроизводства уголовного и гражданскаго.

Уголовное судопроизводство распадается на двѣ главныя части — *слѣдствіе* и *судъ* и проходитъ слѣдующія стадіи: обыкновенный ходъ таковъ, что сперва разносится слухъ о совершеніи какого либо преступленія и, естественно, прежде всего нужно провѣрить: существуетъ ли самый фактъ и заключаетъ ли онъ въ себѣ признаки преступленія? Это составляетъ обыкновенную задачу *дознанія*. Въ производствѣ дознанія дѣятельное участіе принимаетъ полиція, которая при этомъ „всѣ нужныя свѣдѣнія собираетъ посредствомъ розысковъ, словесными распросами и *немымъ* наблюдениемъ, не производя ни обысковъ, ни вымоковъ въ домахъ“¹⁾. Произведенное дознаніе полиція передаетъ судебному слѣдователю, которому впослѣдствіи сообщаетъ и всѣ дополнителныя свѣдѣнія; передавая дознаніе слѣдователю, полиція доноситъ о томъ прокурору или его товарищу²⁾. Въ случаѣ надобности, полиція можетъ принимать мѣры, чтобы предупредить уничтоженіе слѣдовъ преступленія и пресѣчь подозрѣваемому способы уклониться отъ слѣдствія³⁾. Признавъ данный фактъ заключающимъ признаки преступленія, нужно отыскать виноватаго; процессъ входитъ въ новую стадію, которая называется *предварительнымъ слѣдствіемъ* и имѣетъ своей задачей открыть лицо, могущее быть заподозрѣно въ совершеніи даннаго преступленія. Предваритель-

¹⁾ Уст. уголовн. судопр. ст. 250—254.

²⁾ Тамъ же, ст. 255.

³⁾ См. ст. 256—257.

ное слѣдствіе производится судебными слѣдователями при наблюденіи прокуроровъ и ихъ товарищей. Обязанности слѣдователя заключаются въ собраніи матеріаловъ, могущихъ разъяснить дѣло и необходимыхъ для постановленія судовъ приговора. Такимъ образомъ, судебный слѣдователь собираетъ всѣ свѣдѣнія о фактѣ преступленія и предпринимаетъ мѣры, чтобы лицо, подозрѣваемое въ совершеніи преступленія, не могло уклониться отъ слѣдствія и суда. Законодательство подробно опредѣляетъ условія ¹⁾, законные поводы къ началу его ²⁾, порядокъ изслѣдованія событія преступленія чрезъ осмотры и освидѣтельствованія ³⁾, розысканіе предметовъ, обнаруживающихъ преступленіе ⁴⁾. Все это возложено на слѣдователя, которому помогаетъ прокурорской надзоръ, указывающій слѣдователю, на что онъ преимущественно долженъ обращать вниманіе при производствѣ слѣдствія. Но при этомъ прокурорскій надзоръ вовсе не вмѣшивается въ дѣло и слѣдователь не обязанъ руководствоваться его указаніями. Одно изъ главныхъ дѣйствій слѣдователя состоитъ въ производствѣ *допросовъ* обвиняемыхъ лицъ. Съ этою цѣлью дѣлается *приманъ* или *приводъ* обвиняемаго къ слѣдствію. *Приманъ* дѣлается письменно повѣсткою или словесно, если обвиняемый находится на мѣстѣ производства слѣдствія ⁵⁾. Призываемый обязанъ явиться *лично* и въ назначенный срокъ; если же онъ по законнымъ причинамъ ⁶⁾ явиться не можетъ, то долженъ представить о томъ удостовѣреніе ⁷⁾. Въ случаѣ, если обвиненіе касается преступленій, за которыя въ законѣ положено лишеніе всѣхъ или особенныхъ правъ, или въ случаѣ укрывательства обвиняемыхъ и неявки ихъ въ срокъ и т. п.,—обвиняемые *приводятся* къ слѣдствію; приводъ дѣлается не иначе какъ по предъявленію обвиняемому формальной повѣстки о приводѣ; причѣмъ предъявитель повѣстки приглашаетъ обвиняемаго слѣдовать за собою, а въ случаѣ неповиновенія прибѣгаетъ къ дѣйствію должностныхъ или частныхъ лицъ ⁸⁾. Допросъ дѣлается по правиламъ, изложеннымъ въ Уставѣ ⁹⁾. Состоящіе подъ слѣдствіемъ не должны отлучаться, безъ

¹⁾ ст. 288—296.

²⁾ ст. 297—314.

³⁾ ст. 315—356.

⁴⁾ ст. 357—376.

⁵⁾ ст. 387.

⁶⁾ ст. 378.

⁷⁾ ст. 387.

⁸⁾ ст. 389—391 и др.

⁹⁾ ст. 398—414.

разрѣшенія слѣдователя, изъ города или участка, гдѣ производится слѣдствіе. Для пресѣченія обвиняемымъ способа уклониться отъ слѣдствія, слѣдователь имѣетъ право прибѣгать къ мѣрамъ, стѣсняющимъ права личности обвиняемаго. Именно: противъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, подвергающихъ заключенію въ тюрьмѣ, смирительномъ домѣ, или крѣпости, безъ ограниченія правъ и преимуществъ, мѣрами обезпеченія могутъ быть: отобраніе паспортовъ, отдача подъ особый надзоръ полиціи и отдача на поруки. Противъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, подвергающихъ заключенію въ смирительномъ домѣ или крѣпости съ ограниченіемъ правъ, сверхъ указанныхъ мѣръ, можетъ быть употреблено еще требованіе залога. Наконецъ противъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, подвергающихъ содержанію въ рабочемъ домѣ, или арестантскихъ ротахъ, или ссылке на житье съ лишеніемъ правъ, или же наказаніемъ уголовнымъ (ссылкѣ на поселеніе, или въ каторжныя работы), сверхъ указанныхъ выше мѣръ, слѣдователь можетъ подвергнуть обвиняемаго домашнему аресту или содержанію подъ стражею ¹⁾. Послѣ допроса обвиняемаго, въ случаѣ необходимости, дѣлается допросъ свидѣтелей ²⁾, и дознаніе чрезъ окольныхъ людей ³⁾. О каждомъ изъ главныхъ дѣйствій составляется отдѣльный протоколъ, который, по прочтеніи его всѣмъ находящимся активно при слѣдствіи лицамъ, скрѣпляется ихъ подписями. Послѣ окончанія всего производства слѣдствія, оно отсылается къ прокурору окружнаго суда ⁴⁾. Въ производствѣ предварительнаго слѣдствія оставлены въ сущности тѣже начала, которыя лежали въ основѣ прежняго уголовного судопроизводства въ цѣломъ его составѣ то-есть, начала инквизиціоннаго процесса, съ тѣмъ только различіемъ, что Уставы болѣе представляютъ гарантіи для свободы частныхъ лицъ и весьма мало оставляютъ мѣста произволу властей.

Послѣ производства предварительнаго слѣдствія, уголовное судопроизводство вступаетъ въ новую стадію, которая извѣстна подъ названіемъ „*преданія суду*“. Преданіе суду состоитъ въ оцѣнкѣ фактовъ, собранныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, и въ рѣшеніи вопросовъ о томъ, достаточно ли сильно подозрѣніе для того, чтобы обвиняемый могъ быть преданъ судебному слѣдствію. Дѣятельности

¹⁾ Ст. 415—432.

²⁾ Ст. 433—453.

³⁾ Ст. 454—466.

⁴⁾ Ст. 467—482.

эта сосредоточивается въ рукахъ прокуроровъ и судебной палаты. По полученіи предварительнаго слѣдствія, прокуроръ окружнаго суда разсматриваетъ: 1) подлежитъ ли дѣло вѣдѣнію прокурорской власти; 2) произведено ли слѣдствіе съ надлежащею полнотою; 3) слѣдуетъ ли обвиняемаго предать суду, или же дѣло о немъ должно быть прекращено или приостановлено ¹⁾. Заключение прокурора о преданіи обвиняемаго суду излагается въ формѣ обвинительнаго акта, который выстѣ съ спискомъ лицъ, которыя по мнѣнію прокурора должны быть вызваны къ судебному слѣдствію, предлагается окружному суду или представляется прокурору судебной палаты. „Обвинительный актъ или заключеніе о прекращеніи или приостановленіи дѣла, прокуроръ или предлагаетъ окружному суду, если дѣло относится къ преступленію или проступку, не подвергающему ни лишенію, ни ограниченію правъ состоянія (когда, слѣдовательно, не требуется вердикта присяжныхъ), или представляетъ прокурору судебной палаты, если предметомъ дѣла преступленіе болѣе важное“ ²⁾. Судебная палата, по письменному предложенію прокурора ея, разсмотрѣвъ предварительное слѣдствіе, выслушавъ заключеніе мѣстнаго прокурора и прокурора палаты, постановляетъ узаконеннымъ порядкомъ, окончательное *отрѣшеніе о преданіи суду* или о прекращеніи дѣла; опредѣленія эти обращаются къ исполненію въ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ, передаваемыхъ отъ прокурора палаты прокурору окружнаго суда ³⁾. Уголовное судопроизводство Свода законовъ не знало порядка преданія суду, и потому не устраняло для обвиняемаго возможности напрасныхъ привлеченій къ суду.

Послѣ того, какъ дѣло переходитъ въ окружной судъ, дѣлаются приготовительныя распоряженія по производству судебного слѣдствія. Эти распоряженія состоятъ: 1) въ разсмотрѣніи порядка производства дѣла (разсмотрѣніе вопроса о подсудности и о томъ, не необходимы ли какія особыя распоряженія со стороны суда и проч.) ⁴⁾; 2) въ избраніи присяжныхъ засѣдателей для присутствованія въ теченіи всего періода засѣданій ⁵⁾; въ распоряженіяхъ предсѣдателя

¹⁾ Ст. 510.

²⁾ Ст. 523. По дѣламъ, производимымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, обвинительный актъ замѣняется жалобою частнаго обвинителя, ст. 526.

³⁾ Ст. 529—541. См. рѣш. Касс. деп. сенатъ 1867 г. №№ 78, 91, 92, 135, 178, 263; 1868 г. №№ 102, 388, 389 и др.; 1869 г. №№ 744, 831 и др.

⁴⁾ Ст. 547 и слѣд.

⁵⁾ Ст. 550 и слѣд.

суда: а) о поставленіи сторонъ въ извѣстность о поступленіи дѣла въ судъ и о сообщеніи имъ средствъ, указанныхъ въ законѣ приготовиться къ защитѣ ¹⁾; б) въ допущеніи избраннаго подсудимымъ защитника къ отправленію обязанности или въ назначеніи подсудимому защитника согласно его просьбѣ ²⁾; в) въ разрѣшеніи просьбы сторонъ о дополненіи списка свидѣтелей и о вызовѣ свѣдующихъ людей ³⁾; г) въ назначеніи времени и мѣста судебного засѣданія ⁴⁾; и проч. Не излагая подробно о всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, мы остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которыя указываютъ на стремленіе устава доставить подсудимому средства къ доказанію своей невинности. Такъ, немедленно послѣ того, какъ дѣлу послѣ предварительнаго разсмотрѣнія дается судомъ дальнѣйшій ходъ, подсудимому одновременно съ доставленіемъ копій обвинительнаго акта (или жалобы частнаго обвинителя) и списка предполагаемыхъ къ вызову лицъ, объявляется, что онъ въ семидневный срокъ обязанъ до свѣдѣнія суда, избралъ ли себѣ защитника, или желаетъ, чтобы защитникъ былъ назначенъ судомъ. Въ назначеніи официальнаго защитника подсудимому не можетъ быть отказано, и предсѣдатель суда обязанъ назначить защитника не иначе, какъ изъ состоящихъ при судѣ присяжныхъ повѣренныхъ, а за недостаткомъ ихъ,—изъ кандидатовъ на судебныя должности (самъ подсудимый можетъ избирать себѣ защитника и изъ стороннихъ лицъ). — Кроме того, подсудимый имѣетъ право переимѣнить, съ вѣдома предсѣдателя, избраннаго имъ защитника и просить о переимѣнѣ защитника, назначеннаго судомъ ⁵⁾. Избранному или назначенному защитнику дозволяется объясняться на-единѣ съ подсудимымъ ⁶⁾; подсудимому и его защитнику дозволяется разсматривать въ канцеляріи суда подлинное дѣло и выписывать всѣ нужныя имъ свѣдѣнія ⁷⁾; подсудимому дано право заявлять суду, не желаетъ ли, чтобы какія другія лица, сверхъ указанныхъ въ спискѣ, были допрошены въ качествѣ свидѣтелей ⁸⁾. За три дня до открытія судебного засѣданія, каждому подсудимому сообщается

¹⁾ Ст. 556—559.

²⁾ Ст. 565—566—569.

³⁾ Ст. 557, 560, 574—576.

⁴⁾ Ст. 586, 590 и др.

⁵⁾ Ст. 568.

⁶⁾ Ст. 569.

⁷⁾ Ст. 570—571.

⁸⁾ Ст. 557.

именной списокъ какъ судей и прокурора, такъ и присяжныхъ засѣдателей ¹⁾; подсудимый имѣеть право отводить, какъ судей отъ участія въ сужденіи дѣла, — по законнымъ причинамъ и съ точнымъ обозначеніемъ основаній отвода ²⁾, — такъ и присяжныхъ засѣдателей, — но безъ объясненія причинъ отвода ³⁾. Подсудимые имѣють право отвести столько засѣдателей, чтобы изъ общаго числа ихъ осталось не менѣе 18; прокуроръ же или частный обвинитель имѣють право на отводъ не болѣе 6 засѣдателей ⁴⁾.

Въ назначенное для слушанія дѣла время предсѣдатель суда, удостоившись, что всѣ должностныя лица, обязанныя присутствовать въ судебномъ засѣданіи, находятся на лицо, открываетъ засѣданіе, объявляетъ, какое дѣло подлежитъ разсмотрѣнію, и приказываетъ ввести подсудимаго въ залу засѣданія. Мы не будемъ говорить о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя сопровождаютъ открытіе судебного засѣданія; замѣтимъ только, что уставъ облакаетъ ихъ въ весьма замѣтную торжественность. По исполненіи всѣхъ обрядовъ, которые сопровождаютъ открытіе судебного засѣданія, читается вслухъ обвинительный актъ, послѣ чего начинается повѣрка предварительнаго слѣдствія, — что называется *судебнымъ слѣдствіемъ*. Судъ не полагается на мнѣніе слѣдователя, на мнѣніе прокурора; хочетъ самъ повѣрить доказательства преступленія, что и весьма справедливо, такъ какъ судебная практика показала, напримѣръ, что свидѣтели при этомъ давали другія показанія, отличныя отъ данныхъ на предварительномъ слѣдствіи. Повѣрка слѣдствія на судѣ состоитъ въ разсмотрѣніи и повѣркѣ доказательствъ ⁵⁾, собранныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, то-есть,

¹⁾ Ст. 589.

²⁾ Ст. 599, 600, 602.

³⁾ Ст. 655. Вся эти и другія права подсудимаго, равно какъ и тѣ дѣйствія, которыя обязанъ производить предсѣдатель суда до открытія засѣданія по дѣлу, и предварительныя распоряженія суда разъяснены въ рѣш. Касс. департ. напр. въ 1867 г. №№ 74, 166, 178, 232, 272, 341, 353, 524, 554, 565 и др.; 1868 г. №№ 34, 78, 141, 192, 203, 294, 333, 426, 456, 500, 943 и др.; 1869 г. №№ 23, 204, 358, 390, 479, 593, 818, 997 и др.

⁴⁾ Ст. 656.

⁵⁾ Если обвиняемый, при первомъ же отвѣтѣ на вопросъ о виновности, признаетъ себя виновнымъ, то послѣ предложенія вопросовъ, относящихся къ обстоятельствамъ преступленія, въ случаѣ, если признаніе не возбуждаетъ никакого сомнѣнія, дальнѣйшее изслѣдованіе можетъ быть и не производимо, и судъ прямо можетъ перейти къ заключительнымъ рѣшеніямъ (ст. 679—681). Но судьи, присяжные, прокуроръ и участвующія въ дѣлѣ лица могутъ потребовать, не

въ передопросѣ свидѣтелей (по общему правилу подѣ присягою), въ прочтеніи протоколовъ, если того потребуютъ стороны, или если судъ признаетъ это нужнымъ, — въ выслушаніи заключеній свѣдущихъ людей, въ осмотрѣ вещественныхъ доказательствъ, въ объясненіяхъ, даваемыхъ при этомъ подсудимымъ ¹⁾. При прежнемъ порядкѣ производства, когда всѣ дѣйствія суда облекались тайной не только для стороннихъ лицъ, но и для самихъ подсудимыхъ, послѣдніе не могли знать, что показывали про нихъ свидѣтели и другія лица, какія доказательства служили къ ихъ обвиненію и потому, весьма естественно, — поставляемы были въ неизбѣжную необходимость не дѣлать возраженій противъ, напримѣръ, свидѣтельскихъ показаній. Теперь допросъ свидѣтелей дѣлается въ присутствіи подсудимаго (за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, ст. 729), и предсѣдатель суда даже обязанъ спрашивать подсудимаго, что онъ можетъ возразить на показаніе каждаго свидѣтеля. По разсмотрѣніи и повѣркѣ въ судебномъ засѣданіи всѣхъ собранныхъ по дѣлу доказательствъ, ни одна сторона не имѣетъ права приводить новыхъ; но если признаетъ необходимымъ представить доказательство вновь открывшееся, то объявляетъ о томъ предварительно суду, который обязанъ дать возможность противной сторонѣ приготовиться къ состязанію ²⁾.

Послѣ окончанія судебного слѣдствія наступаютъ *судебныя пренія*, сущность которыхъ состоитъ въ томъ, что одна сторона старается выяснить виновность подсудимаго, а другая — его невинность, или, по крайней мѣрѣ, раскрыть и указать на обстоятельства, смягчающія вину подсудимаго. Судебныя пренія состоятъ: 1) изъ *обвинительной речи* прокурора, въ которой излагаются существенныя обстоятельства обвиненія въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются по судебному слѣдствію, и заключеніе о свойствѣ и степени вины подсуди-

смотря на сдѣланное подсудимымъ признаніе, судебного изслѣдованія (ст. 682). Молчаніе подсудимаго не должно быть признаваемо за признаніе (ст. 685).

¹⁾ Мы считаемъ излишнимъ упоминать здѣсь о томъ, что Уставъ не придаетъ безусловнаго значенія ни одному доказательству, такъ какъ сущность обвинительнаго процесса и присяжное начало необходимо предполагаютъ отрицаніе всякой формальной теоріи доказательствъ.

²⁾ Уст. уголовн. судопр. ст. 733—734. Постановленія Устава о порядкѣ производства судебного слѣдствія разъясняются въ слѣдующихъ рѣшеніяхъ Кассач. департамента: 1866 г. № 13; 1867 г. №№ 36, 74, 166, 178, 204, 218, 353, 383, 449, 493, 569 и др.; 1868 г. №№ 90, 111, 166, 180, 298, 308, 326, 447, 498, 502, 535, 596, 944, 945, 954; 1869 г. №№ 13, 308, 326, 412, 545, 564, 617, 687, 852, 978, 983, 997 и др.

маго ¹⁾). Прокуроръ въ своей рѣчи не долженъ ни представлять дѣла въ одностороннемъ видѣ, извлекая изъ него только обстоятельства, уличающія подсудимаго, ни преувеличивать значенія доказательствъ и уликъ или важности преступленія ²⁾). Напротивъ того, законъ требуетъ, чтобы въ случаѣ, если прокуроръ находитъ оправданія подсудимаго уважительными, онъ, не поддерживая обвинительнаго акта, опровергнутого судебнымъ слѣдствіемъ, заявлялъ о томъ суду по совѣсти ³⁾). Цѣль обвинительной рѣчи заключается въ томъ, чтобы показать всѣмъ лицамъ, имѣющимъ отношеніе къ приговору суда, на сколько преступленіе предусмотрѣно закономъ ⁴⁾, и на сколько виновенъ подсудимый въ этомъ преступленіи. 2) изъ *защитительной рѣчи защитника*, въ которой излагаются всѣ тѣ обстоятельства и доводы, которыми опровергается или ослабляется выведенное противъ подсудимаго обвиненіе ⁵⁾). По окончаніи этой рѣчи, право слова принадлежитъ опять прокурору, заключительное же слово принадлежитъ всегда защитнику ⁶⁾). Послѣ окончательнаго объясненія защитника, председатель суда спрашиваетъ самого подсудимаго, не можетъ ли онъ представить еще чего либо въ свое оправданіе, и, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, объявляетъ пренія сторонъ прекращенными ⁷⁾).

Условія производства судебного слѣдствія, требуемая Уставомъ уголовного судопроизводства, суть слѣдующія: 1) *публичность*, то-есть, присутствіе публики при судопроизводствѣ, и *гласность*, то-есть, оглашеніе процессовъ въ печати. Это главные гарантіи, чтобы судъ могъ составить правильное убѣжденіе. Гласность и публичность составляютъ необходимую принадлежность обвинительнаго процесса, поэтому Уставъ только предварительное слѣдствіе не дѣлаетъ публичнымъ, но судебное слѣдствіе производится публично (за немногими исключеніями ⁸⁾), такъ что нарушеніе правила о публичности признается существен-

¹⁾ Уст. угол. судопр. ст. 737. Рѣш. Касс. деп. 1867 г. № 178; 1868 г. № 254; 1869 г. № 51 и друг.

²⁾ Ст. 739. Касс. рѣш. 1867 г. №№ 324, 405, 490, и друг.

³⁾ Ст. 340, см. объясненіе этой ст. въ *Судеб. Вѣсти.* 1866 г. № 74, 76, Касс. рѣш. 1866 г. № 78.

⁴⁾ Если дѣло разсматривается съ участіемъ жюри, то ни прокуроръ, ни частный обвинитель до постановленія приговора не должны касаться вопроса о приложеніи наказанія.

⁵⁾ Ст. 744, 745, 746; К. р. 1867 г. № 383; 1869 г. № 506 и др.

⁶⁾ Ст. 748; К. р. 1866 г. № 13; 1868 г. №№ 324, 405, 490 и др.

⁷⁾ Ст. 749.

⁸⁾ Ст. 620, 621, К. р. 1868 г. № 160 и др.

нымъ нарушеніемъ, влекущимъ кассацию приговора ¹⁾; 2) *устность*. Принявъ жюри и судъ по внутреннему убѣжденію, Уставъ естественно и судебное слѣдствіе основалъ на началахъ устности ²⁾; 3) *Судъ по внутреннему убѣжденію*. Въ силу этого условія необходимо, чтобы судъ встрѣтился не только лицомъ къ лицу съ преступникомъ и свидѣтелями, но чтобы онъ наглядно видѣлъ обстоятельства совершенія преступленія; необходимо, какъ бы воспроизвести предъ судомъ преступленіе по возможности во всѣхъ его подробностяхъ; отсюда—постановленіе уставовъ: относительно представленія въ судъ вещественныхъ доказательствъ ³⁾, относительно протоколовъ объ осмотрахъ, которые, въ случаѣ неполноты и сомнѣнія въ достовѣрности, повѣряются новымъ осмотромъ, для чего, въ чрезвычайныхъ случаяхъ судъ выѣзжаетъ даже на мѣсто преступленія, гдѣ и открываетъ судебное засѣданіе и проч. ⁴⁾. Отсюда постановленіе о непрерывности судебного засѣданія, которая требуется, какъ для самостоятельности и безпристрастія приговоровъ,—особенно со стороны присяжныхъ засѣдателей, обязанныхъ произносить приговоры по внутреннему ихъ убѣжденію, создавшемуся исключительно тѣмъ, что происходило въ судебномъ засѣданіи,—такъ и для скорѣйшаго рѣшенія дѣла ⁵⁾. Въ ст. 675 устава сказано: „присяжные засѣдатели не должны ни отлучаться изъ залы засѣданія, ни входить въ сношенія съ лицами, не принадлежащими къ составу суда. Вообще присяжнымъ воспрещается собраніе какихъ либо свидѣній по дѣлу внѣ судебного засѣданія“. Разъясняя эту статью, кассационный департаментъ сената выразилъ, что если присяжный засѣдатель войдетъ въ недозволенное предсѣдателемъ сношеніе по дѣлу и проч., то такое нарушеніе, усмотрѣнное сторонами, должно повести къ устраненію засѣдателя отъ дѣла, со изысканіемъ съ него установленнаго штрафа (отъ 10 до 100 руб.). Если подобное нарушеніе обязанностей присяжнаго засѣдателя, не бывъ замѣчено во время судебного засѣданія, сдѣлается извѣстнымъ подсудимому по постановленіи уже приговора, и подсудимый въ кас-

¹⁾ Касс. рѣш. 1866 г. № 45.

²⁾ Ст. 626, К. рѣш. 1867 г. №№ 218, 283, 413; 1868 г. №№ 49, 182, 191, 504, 806, 944; 1869 г. №№ 24, 137, 298, 617, 831, 952, 1.050 и др.

³⁾ Ст. 696, 697, 725. См. Касс. рѣш. 1867 г. №№ 260, 520; ср. №№ 36, 74; 1868 г. №№ 111, 209; 1869 г. 13, 997 и др.

⁴⁾ Ст. 688, 689; Касс. рѣш. 1867 г. № 96, 204 и друг.

⁵⁾ См. Уст. угол. судопр. (изд. II отд.), объясн. примѣч. къ ст. 635; см. ст. 633.

саціонной жалобѣ укажетъ на самый случай сего нарушенія, то обстоятельство это въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ повести къ отиѣнѣ приговора ¹⁾. 4) *Равноправность сторонъ*. Прокуроръ или частный обвинитель, съ одной стороны, и подсудимый или его защитникъ — съ другой, пользуются въ судебномъ состязаніи одинаковыми правами. Какъ той такъ и другой сторонѣ предоставляется: 1) представлять доказательства; 2) отводить, по законнымъ причинамъ, свидѣтелей и свѣдущихъ людей, предлагать имъ съ разрѣшенія председателя суда вопросы, возражать противъ свидѣтельскихъ показаній, просить о передопросѣ свидѣтелей и т. п.; 3) дѣлать замѣчанія и давать объясненія по каждому дѣйствію, происходящему на судѣ и 4) опровергать доводы и соображенія противной стороны и проч. ²⁾.

По окончаніи судебного слѣдствія и заключительныхъ преній, судъ приступаетъ къ *постановкѣ вопросовъ*, подлежащихъ разрѣшенію. Правила о постановкѣ вопросовъ частію общи какъ для дѣлъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, такъ и для дѣлъ, рѣшаемыхъ безъ ихъ участія, частію различны. Различіе заключается въ слѣдующемъ: „вопросы о наказаніи подсудимаго и о другихъ законныхъ послѣдствіяхъ преступленія постановляются: по дѣламъ, не подлежащимъ суду присяжныхъ засѣдателей, вмѣстѣ съ вопросами о виновности подсудимаго, а по дѣламъ, подлежащимъ ихъ суду, послѣ разрѣшенія ими вопросовъ о виновности“ и проч. ³⁾. Въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, предлагаемые ими вопросы составляются въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, по существеннымъ признакамъ преступленія и виновности подсудимаго, а не въ видѣ принятыхъ въ законѣ опредѣленій ⁴⁾.

Основаніемъ для вопросовъ должны служить не только выводы обвинительнаго акта, но также судебное слѣдствіе и заключительныя пренія, въ чемъ они развиваютъ, дополняютъ, или измѣняютъ тѣ выводы ⁵⁾. Правило это истекаетъ изъ того, что основаніемъ рѣшенія присяжныхъ должно служить только то, что они видѣли и слышали и въ чемъ они могли убѣдиться изъ судебного состязанія сто-

¹⁾ Уст. уг. судопр. ст. 675, 676 и др. сравн. 615, 616, 806; К. р. 1868 г. № 182, 859.

²⁾ Ст. 630, 632. См. Рѣш. касс. департ. 1867 г. № 353; 1868 г. №№ 115, 199, 203, 307, 687 и др.

³⁾ Ст. 761. См. Касс. рѣш., 1867 г. № 74.

⁴⁾ Ст. 760. К. р. 1867 г. №№ 74, 407, 324; 1868 г. № 859 и друг.

⁵⁾ Ст. 751. Р. в. д. с. 1867 г. № 306.

ронъ. Судь, которому подлежитъ (ст. 762 и 764) окончательное постановленіе и редакція вопросовъ, на точномъ основаніи означеннаго постановленія, не можетъ допустить постановленія вопроса о такомъ обстоятельстве, на которое не указывали выводы изъ судебного слѣдствія и заключительныя пренія; точно также о преступленіи, которое въ обвинительномъ актѣ не упомянуто и обнаружено только судебнымъ слѣдствіемъ, вопросы не предлагаются, а въ случаѣ нужды назначается предварительное изслѣдованіе¹⁾. Отсюда открываются съ перваго взгляда характеристическія черты уголовного процесса. При господствѣ строго обвинительнаго процесса, судъ произноситъ свой приговоръ только объ основательности или неосновательности обвиненія, которое поэтому одно и можетъ служить основаніемъ при постановкѣ вопросовъ. Если, напримѣръ, обвиненіе говоритъ о *растлѣннѣ совершенномъ*, то судъ и ставитъ себѣ вопросъ только о томъ, виноватъ ли подсудимый въ томъ, въ чемъ обвиняется, и произноситъ оправдательный приговоръ, если судебнымъ слѣдствіемъ и заключительными преніями обнаружится, что подсудимый виноватъ въ *покушеннѣ на растлѣніе*, или въ *одномъ изнасилованнѣ*. Нашъ Уставъ предметомъ судебного разсмотрѣнія и приговора считаетъ не обвиненіе, а *дѣяніе, подтвержденное уголовному преслѣдованію*. Судъ въ постановленіи приговоровъ не связанъ строго ни обвиненіемъ, ни заявленіями противной стороны: основаніемъ для вопросовъ могутъ служить всѣ факты, измѣняющіе или дополняющіе обвинительный актъ, которые обнаружатся при судебномъ слѣдствіи. Но важнѣйшія измѣненія, произведенныя въ обвинительномъ актѣ судебнымъ слѣдствіемъ, лишаютъ судъ права ставить своему рѣшенію вопросы, на основаніи открывшихся въ судебномъ слѣдствіи обстоятельствъ, именно: а) если подсудимый одно лицо, а виновнымъ при судебномъ слѣдствіи окажется другое, противъ котораго не было поднято преслѣдованіе, то судъ не можетъ произнести обвинительнаго приговора противъ втораго; б) судъ не можетъ постановить приговора о такомъ дѣяніи подсудимаго, открывшемся изъ судебныхъ преній, которое представляетъ собою самостоятельное преступленіе, не стоящее въ связи съ подлежащимъ его разсмотрѣнію; в) судъ не можетъ ставить вопросовъ о такомъ, не предусмотрѣнномъ въ обвинительномъ актѣ, дѣяніи подсудимаго, которое по закону, подвергается наказанію болѣе строгому (напримѣръ, вмѣсто грабежа—разбой, вмѣсто приготовленія—покушеніе)²⁾.

¹⁾ Ст. 752, 753 К. рѣш. 1866 г. № 374; 1868 г. № 72 и др.

²⁾ Сравни. К. р. 1868 г. № 72; 1866 г. № 91; 1867 г. № 254 и ин. др.

Въ дѣлахъ, не подлежащихъ рѣшенію присяжныхъ засѣдателей, по постановленіи вопросовъ, судъ, безъ участія прокурора и лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ, приступаетъ къ обсужденію. Судьи должны опредѣлить вину или невинность по внутреннему своему убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла ¹⁾. Рѣшеніе постановляется по большинству голосовъ. Въ приговорѣ, сверхъ разрѣшенія вопросовъ о виновности и наказаніи, судъ дѣлаетъ постановленіе и о другихъ послѣдствіяхъ преступленія и судебного о немъ производства ²⁾. Въ дѣлахъ, разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, предсѣдатель, вручая старшинѣ присяжныхъ вопросы пункты, объясняетъ существенныя обстоятельства и законы, относящіеся къ опредѣленію свойства преступленія и общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ, и напоминаетъ, что присяжные должны опредѣлять виновность подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію ³⁾. Для совѣщанія присяжные удаляются въ особую комнату. Рѣшеніе ихъ выражается или утвердительнымъ „да“, или отрицательнымъ „нѣтъ“ съ присовокупленіемъ того слова, въ которомъ выражается сущность отвѣта. Присяжные засѣдатели должны склонять свое мнѣніе къ единогласному рѣшенію ⁴⁾. По возвращеніи ихъ въ залу и по вводѣ подсудимаго, старшина прочитываетъ вопросы суда и отвѣты присяжныхъ ⁵⁾. Если судъ признаетъ, что рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей осужденъ невинный, то постановляетъ опредѣленіе о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ ⁶⁾. Въ случаѣ произнесенія присяжными оправдательнаго приговора, подсудимому тотчасъ объявляется свобода отъ суда и содержанія подъ стражею; по обвинительному рѣшенію присяжныхъ засѣдателей предсѣдатель суда предлагаетъ прокурору предъявить заключеніе относительно наказанія и другихъ послѣдствій виновности ⁷⁾.

Приговоры окружныхъ судовъ, постановленные съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, считаются окончательными и могутъ быть отменяемы только въ кассационномъ порядкѣ; но противъ приговоровъ,

¹⁾ Уст. у. с. ст. 765, 766.

²⁾ Ст. 768 и др. 776.

³⁾ Ст. 801, 804. К. рѣш. 1866 г. № 81; 1867 г. № 492; 1868 г. № 49 и др.

⁴⁾ Ст. 811, 812. К. рѣш. 1869 г. № 576.

⁵⁾ Ст. 816. К. рѣш. 1866 г. № 115; 1868 г. №№ 73, 113 и др.

⁶⁾ Ст. 818. К. р. 1869 г. № 686 и др.

⁷⁾ Ст. 819, 820. К. р. 1868 г. № 285; 1867 г. № 320 и др.

постановленныхъ безъ участія жюри, допускаются отзывы подсудимыхъ и другихъ лицъ, и протесты прокуроровъ ¹⁾).

Переходимъ къ порядку суда по дѣламъ гражданскимъ. Выше мы замѣтили, что Уставы для гражданскихъ дѣлъ вводятъ составительную форму судебного разбирательства, дѣлая ее общою формою для всѣхъ дѣлъ, имѣющихъ гражданскій характеръ, и уничтожая, такимъ образомъ, множество отдѣльныхъ видовъ судопроизводства, которые зналъ Оводъ. Сущность состязательной формы процесса составляетъ какъ бы споръ между тяжущимися сторонами, до исхода котораго никому, кромѣ ихъ, нѣтъ дѣла; судъ въ этомъ спорѣ остается простымъ зрителемъ, на обязанности котораго лежитъ дать только отвѣтъ—кто побѣдилъ въ спорѣ. Никакихъ элементовъ слѣдственнаго начала здѣсь не видно; о преслѣдованіи и публичномъ обвиненіи со стороны власти здѣсь не можетъ быть и рѣчи по самому существу гражданскихъ дѣлъ. Какъ начало судебного разбирательства, такъ и все дальнѣйшее направленіе суда оставлены въ полную зависимость отъ воли частныхъ лицъ. „Судебныя установленія, говорится въ Уставѣ, приступаютъ къ производству гражданскихъ дѣлъ не иначе, какъ вслѣдствіе просьбы о томъ лицъ, до которыхъ тѣ дѣла касаются, и разрѣшаютъ ихъ не иначе, какъ по выслушаніи объясненія противной стороны, или по истеченіи означеннаго срока для представленія онаго“ ²⁾. Въ гражданскомъ процессѣ нѣтъ ни предварительнаго слѣдствія, ни преданія суду—черезъ поступленіе въ окружной судъ обвинительнаго акта прокурора или черезъ особое опредѣленіе судебной палаты о преданіи суду. Судъ приступаетъ къ производству гражданскаго дѣла по исковому прошенію. *Подача исковаго прошенія* составляетъ первый актъ, начинающій производство гражданскаго дѣла. Прошеніе можетъ быть подано, или самими тяжущимися, или ихъ повѣренными. „Всѣ дѣйствія по производству дѣла, о которыхъ упоминается въ Уставѣ, могутъ быть совершаемы не только тяжущимися, но и ихъ повѣренными, за исключеніемъ лишь случаевъ, положительно законами отъ сего изъятыхъ“ ³⁾, (при уголовномъ производствѣ, какъ мы видѣли, обвиняемые и подсудимые должны являться къ слѣдствію и суду *лично*; такое требованіе вытекаетъ изъ сущности уголовныхъ дѣлъ и уголовного производства). Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ

¹⁾ Ст. 853, 854 и слѣд.

²⁾ Уст. гражд. судопр. ст. 4. К. р. 1867 г. № 891 и др.

³⁾ Уст. гражд. суд. ст. 16; см. ст. 116, 250, 488, 494.

нѣтъ достаточнаго числа присяжныхъ повѣренныхъ, повѣренные могутъ быть избираемы изъ постороннихъ лицъ ¹⁾, если эти лица не принадлежать къ числу тѣхъ, о которыхъ упоминаетъ 246 ст. Устава. Всѣ дѣйствія повѣреннаго, совершенныя въ предѣлахъ данной ему довѣренности, считаются обязательными для довѣрителя ²⁾. Исковое прошеніе пишется на гербовой бумагѣ, по установленной формѣ, и должно содержать въ себѣ: 1) означеніе суда, въ который оно подается; 2) имя, отчество, фамилію и мѣсто жительства истца и отвѣтчика; 3) означеніе цѣли иска (за исключеніемъ дѣлъ, не подлежащихъ оцѣнкѣ, и нѣкоторыхъ другихъ случаевъ); 4) изложеніе обстоятельствъ дѣла, изъ которыхъ проистекаетъ искъ; 5) указаніе доказательствъ и законовъ, на которыхъ основанъ искъ; 6) просительный пунктъ ³⁾. вмѣстѣ съ прошеніемъ въ судъ представляются: документы, на которыхъ основывается искъ, довѣренность, въ случаѣ, если прошеніе подается повѣреннымъ,—исковыя пошлины, копія прошенія и приложенныхъ документовъ ⁴⁾. По вступленіи въ судъ исковаго прошенія, предсѣдатель суда поручаетъ дѣла, по особой очереди, наблюденію одного изъ членовъ суда, въ качествѣ докладчика, а прошеніе и слѣдующія къ нему приложенія передаетъ для храненія въ канцелярію суда, гдѣ они, равно какъ и всѣ имѣющія впредь поступить бумаги, могутъ быть обзрѣваемы тяжущимися ⁵⁾. Въ то же время дѣлается распоряженіе о *вызовѣ* отвѣтчика къ суду; вызовъ дѣлается или посредствомъ повѣстки, если мѣсто жительства отвѣтчика указано въ исковомъ прошеніи, или посредствомъ публикаціи въ вѣдомостяхъ, если мѣсто жительства отвѣтчика не извѣстно истцу ⁶⁾. *Приводъ*, какъ средство привлеченія къ слѣдствію и суду въ дѣлахъ уголовныхъ, при производствѣ дѣлъ гражданскихъ не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ, съ одной стороны, судъ не имѣетъ надобности въ личномъ присутствіи истца или отвѣтчика и можетъ рѣшить дѣло и въ томъ случаѣ, еслибы одна изъ сторонъ или ея повѣренные не явились въ срокъ; а съ другой—приводъ, какъ насиліе частной воли, противорѣчитъ самому существованію гражданскаго дѣла и гражданскаго суда. Отвѣтчикъ, по полученіи повѣстки и копій съ

¹⁾ Ст. 245.

²⁾ Ст. 249.

³⁾ Ст. 257.

⁴⁾ Ст. 263.

⁵⁾ Ст. 271.

⁶⁾ Ст. 275.

искового прошенія и приложенныхъ къ нему документовъ, къ сроку назначенному для явки въ судъ, обязанъ представить въ судъ письменный отвѣтъ, въ которомъ заявляетъ: признаетъ ли онъ или отвергаетъ требованія истца, и на какихъ основаніяхъ ¹⁾). Копія съ отвѣта и приложенныхъ къ нему документовъ сообщаются истцу, который можетъ представить, въ двухпедѣльный срокъ, возраженіе на отвѣтъ; копія возраженія передается отвѣтчику, который можетъ представить въ теченіи того же срока опроверженіе возраженія ²⁾). Послѣ подачи опроверженія, тяжущіеся не имѣютъ права продолжать подачу въ судъ состязательныхъ прошеній, такъ какъ Уставъ опредѣляетъ, что „число подаваемыхъ тяжущимися состязательныхъ бумагъ ограничивается четырьмя — по двѣ съ каждой стороны“ ³⁾). вмѣстѣ съ этимъ оканчивается вся предварительная письменная подготовка къ словесному судебному состязанію. Сводъ законовъ, хотя также ограничивалъ число бумагъ, подаваемыхъ тяжущимися, но тамъ это ограниченіе не имѣло значенія, потому что число бумагъ, какъ мы замѣчали выше, восходило до 30 и болѣе. Вся дѣятельность суда сосредоточивалась, по замѣчанію редакторовъ объяснительной записки къ Уставу, въ канцеляріяхъ: „судъ, говорится тамъ, мало по малу совершенно исчезаетъ и вся дѣятельность переходитъ къ дѣлопроизводителямъ, которые распоряжались по своему, затягивая подъ предлогомъ справокъ дѣлъ и давая ему то направленіе, которое считалось болѣе удобнымъ для извлеченія выгодъ для канцелярскихъ чиновниковъ“ ⁴⁾).

Послѣ подачи состязательныхъ бумагъ и по просьбѣ тяжущихся о назначеніи засѣданія для слушанія дѣла, наступаетъ новая стадія процесса: *докладъ дѣла и словесное состязаніе тяжущихся*. Докладъ дѣла и словесное состязаніе тяжущихся, по общему правилу, происходятъ въ открытомъ засѣданіи суда ⁵⁾ (если обѣ стороны будутъ просить о производствѣ дѣла при закрытыхъ дверяхъ, а судъ признаетъ эту просьбу заслуживающею уваженія, то судебное засѣданіе можетъ быть закрытымъ). Докладъ дѣла производится членомъ суда, на основаніи представленныхъ тяжущимися бумагъ и документовъ, излагается или словесно, или по запискѣ (та или другая форма опре-

¹⁾ Ст. 313—315.

²⁾ Ст. 317—322.

³⁾ Ст. 312.

⁴⁾ Суд. Уст., изд. канцел. II отд., ч. II, стр. 10.

⁵⁾ Уст. гражд. судопр. ст. 324.

дѣляется усмотрѣніемъ предсѣдателя суда)¹⁾. Послѣ объясненія докладчикомъ сущности дѣла, начинается состязаніе сторонъ, которое заключается въ томъ, что сначала излагаетъ свои требованія истецъ, указывая при этомъ свои обстоятельства и доводы, на которыхъ эти требованія основаны; за тѣмъ даетъ объясненія отвѣтчикъ, потомъ опять истецъ и т. д. Судъ имѣетъ право требовать, чтобы та и другая сторона излагали свои объясненія ясно и опредѣленно, чтобы изъ этихъ объясненій видно было — признаетъ ли одна сторона, или опровергаетъ обстоятельства, или документы, на которыхъ основано требованіе или возраженіе противной стороны²⁾. Словеснымъ состязаніемъ руководить предсѣдатель суда; при этомъ онъ склоняетъ тяжущихся къ примиренію, если признаетъ это возможнымъ³⁾; объявляетъ о прекращеніи словеснаго состязанія, когда найдетъ, что дѣло достаточно разъяснено, однако не прежде, какъ по выслушаніи обѣихъ сторонъ въ равномъ числѣ изустныхъ составяній⁴⁾.

Изображая ходъ уголовного процесса, мы замѣтили, что всѣ дѣйствія суда уголовного направлены къ открытію уголовной истины, хотя бы участвующія въ дѣлѣ лица не требовали и не желали этого; для достиженія этой именно цѣли судъ уголовный обязанъ повѣрять каждое доказательство, не исключая и признанія, чтобы считать доказаннымъ только то, въ истинѣ чего судьи имѣютъ внутреннее убѣжденіе. Вслѣдствіе этого тамъ ни одно формальное доказательство не можетъ устоять противъ совокупной силы всѣхъ обстоятельствъ дѣла, всѣхъ тѣхъ данныхъ, изъ которыхъ слагается внутреннее убѣжденіе судьи. Въ дѣлахъ же гражданскихъ обязанность суда иная; она состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы доискаться, какъ дѣйствительно состоялся фактъ происхожденія спорнаго права, но только въ томъ, чтобы взвѣсить безпристрастно всѣ доказательства, которыя приводятъ стороны и постановить рѣшеніе о томъ—какимъ представляется фактъ происхожденія спорнаго права по силѣ имѣющихся доказательствъ. Въ чемъ стороны согласились между собою, то должно быть признано законнымъ, хотя бы вовсе не согласовалось съ дѣйствительнымъ событіемъ. Гражданскій судъ превысилъ бы свою власть и вышелъ бы изъ предѣловъ своего назначенія, еслибы предпринялъ повѣрку факта, доказаннаго или собственнымъ признаніемъ от-

¹⁾ Ст. 327, 328. Касс. рѣш. 1868 г. № 108.

²⁾ Ст. 329—335. Касс. рѣш. 1867 г. № 204; 1869 г. № 164 и др.

³⁾ Ст. 337, 361. Касс. рѣш. 1868 г. № 849.

⁴⁾ Ст. 338. Касс. Рѣш. 1867 г. № 438.

вѣтчика, или общему смыслу.) Состязательная форма гражданского процесса и состоитъ именно въ томъ, что судъ не только не требуетъ никакихъ доказательствъ, но даже и не повѣряетъ тѣхъ, противъ которыхъ нѣтъ возраженій. Въ вѣстѣ съ этимъ, такъ какъ судебное рѣшеніе должно быть таково, чтобы въ законности его не сомнѣвались ни тѣ, до которыхъ непосредственно это рѣшеніе касается, ни общество; и такъ какъ, съ другой стороны, въ правильности рѣшенія, основаннаго на субъективномъ убѣжденіи судьи, трудно убѣдиться лицамъ, не участвовавшимъ въ сужденіи дѣла; то посему доводы или основанія рѣшенія въ гражданскомъ процессѣ должны имѣть другой характеръ, чѣмъ въ процессѣ уголовномъ. Такими доводами могутъ быть только доказательства, основанныя или *на данности разума*, и потому самому убѣдительныхъ для всякаго, такъ какъ разумъ въ сущности одинъ у всѣхъ, или *на обще-извѣстныхъ данности опыта*; отсюда необходимо, чтобы гражданскій судъ въ постановленіи рѣшеній руководился извѣстными правилами, приведенными законодательствомъ въ систему, — другими словами, что въ гражданскомъ процессѣ должна имѣть мѣсто *законная теорія доказательствъ*. Въ судѣ уголовномъ другое дѣло: тамъ общество, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, проносящихъ оправдательный или обвинительный приговоръ, само участвуетъ въ сужденіи дѣла, и потому для него не нужно убѣждаться въ правильности рѣшенія, основаннаго на субъективномъ убѣжденіи судьи; а съ другой стороны — не возможно установить для уголовныхъ дѣлъ какую-либо удовлетворительную систему доказательствъ не только для опредѣленія внутренней стороны преступленія, но даже и одной внѣшней: о внутренней сторонѣ можно гадать только по внѣшнимъ признакамъ преступленія, а этимъ признакамъ не возможно дать значеніе, формальныхъ доказательствъ, по неопредѣленности отношеній между внѣшней и внутренней стороной преступленія, по безконечному различію впечатлѣній, производимыхъ тѣми или другими внѣшними признаками на душу человека; точно такъ и внѣшняя сторона преступленія не всегда можетъ опредѣляться формальными доказательствами, потому что преступленія совершаются большею частію тайно, нерѣдко съ истребленіемъ слѣдовъ. Препяе наше законодательство, не смотря на это, одинаково допускало существованіе формальныхъ доказательствъ, какъ для гражданскихъ, такъ и для уголовныхъ дѣлъ (по Своду законовъ собственное признаніе подсудимаго, письменные документы, показанія свидѣтелей, данныя подъ присягой, личный осмотръ имѣли

значеніе совершенныхъ доказательствъ при сужденіи о преступленіяхъ). Судебные уставы, преобразовавъ процессы уголовный и гражданскій на началахъ, выработанныхъ наукою и жизнію и признанныхъ необходимыми гарантіями правосудія, признали необходимымъ оставить существованіе формальныхъ доказательствъ только въ гражданскомъ процессѣ, исключивъ ихъ совершенно изъ процесса уголовного. Мысль эта кратко выражается, на примѣръ, въ слѣдующихъ постановленіяхъ Уставовъ: „рѣшеніе суда (гражданскаго) должно быть основано на *документахъ и другихъ письменныхъ актахъ*, представленныхъ сторонами, равно и на доводахъ, изъясненныхъ при изустномъ состязаніи“¹⁾; (тогда какъ въ дѣлахъ уголовныхъ, „судьи должны опредѣлять вину или невинность подсудимаго по *внутреннему убѣжденію*, основанному на обсужденіи въ *совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла*“²⁾). Тоже самое сказано и о приговорѣ присяжныхъ засѣдателей: „они должны опредѣлять вину или невинность подсудимаго по *внутреннему своему убѣжденію*, основанному на *обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла*“³⁾. Мы сочли нужнымъ остановиться на этомъ вопросѣ о значеніи доказательствъ въ процессахъ уголовномъ и гражданскомъ, такъ какъ тутъ выражается одна изъ характеристическихъ особенностей, отличающихъ одинъ процессъ отъ другаго,—особенность, которой не знало судопроизводство Свода и которую впервые отмѣчаютъ Уставы: Теперь мы можемъ перейти къ дальнѣйшему разсмотрѣнію постановленій о гражданскомъ процессѣ.

Мы уже замѣтили, что судъ ни въ какомъ случаѣ не собираетъ самъ доказательствъ, а основываетъ свое рѣшеніе исключительно на доказательствахъ, представленныхъ тяжущимися. Когда, по выслушаніи сторонъ, судъ найдетъ, что по нѣкоторымъ изъ приведенныхъ ими обстоятельствъ, существенныхъ для разрѣшенія дѣла, не представлено доказательствъ, то объявляетъ объ этомъ тяжущимся и назначаетъ срокъ для разъясненія такихъ обстоятельствъ⁴⁾. Разъясняя эти постановленія Устава, К. Д., между прочимъ, выразилъ: „Уставъ, основанный на началѣ состязательнаго процесса, не допускаетъ участія суда ни въ направленіи дѣла, ни въ изысканіи доказательствъ

¹⁾ Уст. гражд. судопр. ст. 339; Кассац. рѣш. 1868 г., № 14, 42 и др.

²⁾ Уст. уголовн. судопр. ст. 766.

³⁾ Тамъ же, ст. 804.

⁴⁾ Уст. гражд. судопр. ст. 367, 368. Кассац. рѣш. 1869 г. № 326, 445; 1868 г. № 83, 108, 760 и др.

въ пользу той или другой стороны. Только въ видѣ исключенія предоставляется суду, въ случаѣ неразъясненія сторонами существенныхъ обстоятельствъ, объявлять имъ объ этомъ, назначая срокъ для разъясненія событій дѣла, безъ указанія доказательствъ, какія отъ нихъ требуются. Въ противномъ случаѣ судъ допустилъ бы прежній розыскной процессъ. Въ состязательномъ процессѣ обязанность суда ограничивается тѣмъ, чтобы на основаніи представленныхъ сторонами доводовъ и обстоятельствъ опредѣлить событія, которыя должны быть признаваемы истинными, и къ этимъ событіямъ примѣнить точную силу закона. Но судъ не въ правѣ, по выслушаніи дѣла, требовать отъ сторонъ такихъ дополнительныхъ доказательствъ, которыхъ сами они другъ отъ друга не требовали. Дальнѣйшее развитіе такого порядка можетъ привести къ извращенію состязательнаго процесса и къ обращенію судебной реформы къ прежнему слѣдственному процессу, при существованіи коего судъ, безъ участія тяжущихся, и часто безъ ихъ вѣдома, принималъ непосредственное дѣятельное участіе въ изысканіи за нихъ и для нихъ доказательствъ и направлялъ тяжёбое производство по своему усмотрѣнію...¹⁾

Уставъ знаетъ слѣдующія доказательства: 1) *Показанія свидѣтелей*²⁾. „Показанія свидѣтелей служатъ доказательствомъ только тѣхъ обстоятельствъ и событій, для которыхъ по закону не требуется письменнаго удостовѣренія (исключенія указаны въ законѣ); письменные документы, совершенные или засвидѣтельствованные установленномъ порядкомъ, не могутъ быть опровергаемы показаніями свидѣтелей.. Сила свидѣтельскихъ показаній, смотря по достовѣрности свидѣтеля, ясности, полнотѣ и вѣроятности его показанія, опредѣляется судомъ, который обязанъ привести въ рѣшеніе основанія, по коимъ свидѣтельскія показанія приняты имъ за доказательство, или почему дано предпочтеніе одному свидѣтелю передъ другимъ³⁾. 2) *Дознаніе чрезъ околныхъ людей*⁴⁾, имѣющее мѣсто при спорѣ о пространствѣ мѣстности или продолжительности поземельнаго владѣнія; для дознанія судъ отряжаетъ одного изъ своихъ членовъ. Тяжущіеся имѣютъ право, въ случаѣ избранія околныхъ людей по общей ссылкѣ, постановить,

¹⁾ Кассац. рѣш. 1869 г., № 48.

²⁾ Уст. гражд. судопр., 870—411.

³⁾ Кассац. рѣш. 1867 г. №№ 122, 208, 400, 212, 215, 510, 140, 249, 325, 344; 1868 г. №№ 137, 519, 623, 678, 645, 745, 636, 868; 1869 г. №№ 89, 109, 515, 580 и др.

⁴⁾ Уст. гражд. судопр., ст. 412—437.

чтобы возникшій споръ о владѣніи былъ разрѣшенъ исключительно на показаніи избранныхъ людей; порядокъ допроса окольныхъ людей и сила ихъ показаній тѣже, что и при допросѣ свидѣтелей (за исключеніемъ общей ссылки)¹⁾. 3) *Письменные доказательства*²⁾: акты крѣпостные, явочные, домашніе и другія бумаги. Крѣпостные и явочные акты, а равно и тѣ изъ домашнихъ, которые признаны противною стороною или судомъ за подлинныя, имѣютъ полную силу доказательствъ, какъ между сторонами, участвовавшими въ договорѣ, такъ и между ихъ наслѣдниками и преемниками. Опредѣленіе силы и преимущества домашнихъ и другихъ не формальныхъ актовъ зависитъ отъ усмотрѣнія суда³⁾. 4) *Признаніе* — письменное или словесное; признаніе одною стороною дѣйствительности такого обстоятельства, которое служитъ къ утверженію правъ другой стороны, прекращаетъ необходимость дальнѣйшаго доказыванія этого обстоятельства. Сторона, учинившая признаніе, можетъ опровергать его въ такомъ только случаѣ, когда признаніе относилось не къ личнымъ ея дѣйствіямъ и когда она можетъ доказать, что была введена въ заблужденіе невѣдѣніемъ такого обстоятельства, которое открылось лишь въ послѣдствіи. Если признаніе дано словесно, то сторона, желающая воспользоваться онымъ, должна просить о записи его въ протоколъ⁴⁾. 5) *Присяга*, употребленіе которой допускается по взаимному соглашенію сторонъ и по просьбѣ; судъ не можетъ ни принудить тяжущихся къ принятію присяги, ни предлагать ее отъ себя истцу или отвѣтчику; присяга не допускается: 1) по дѣламъ о правахъ состоянія; 2) по дѣламъ о правѣ собственности на недвижимое имущество; 3) по дѣламъ обществъ, товариществъ и компаній; 4) по обстоятельствамъ, состоящимъ въ связи съ какимъ-либо преступленіемъ и проступкомъ; 5) въ дѣлахъ казенныхъ управленій, земскихъ учрежденій, городскихъ и сельскихъ обществъ; 6) въ опроверженіе прямаго смысла актовъ,

¹⁾ См. Кассац. рѣш. 1868 г. № 107 и др., въ которыхъ разъяснено, что судъ только по ссылке, или просьбѣ сторонъ, можетъ принять это доказательство.

²⁾ Ст. 438—478.

³⁾ См. рѣш. кассац. деп., въ которыхъ разъяснены какъ случаи, въ которыхъ требуются письменныя доказательства, такъ и знаніе этихъ доказательствъ: 1867 г. №№ 43, 122, 124, 134, 208, 298, 315, 530; 1868 г. №№ 36, 41, 43, 62, 78, 91, 89, 100, 373, 581, 770, 827, 862; 1869 г. №№ 39, 156, 220, 263, 270, 271, 703, 745, 918, 950, 1008, 1065 и др.

⁴⁾ Ст. 479—484; Кассац. рѣш. 1867 г. №№ 209, 233; 1868 г. №№ 78, 571, 371, 708; 1869 г. №№ 308, 1043, 436, 856, 677 и др.

незаподозрѣнныхъ въ подлинности и проч. Присяга не можетъ быть опровергаема никакими другими доказательствами¹⁾.

Не имѣя права собирать доказательства, судъ не лишень права производить, по просьбѣ тяжущихся, или по своему усмотрѣнію, по вѣрку представленныхъ сторонами доказательствъ, но *толь только*, по которымъ объявленъ споръ²⁾. Въ этомъ отношеніи, судъ можетъ назначить осмотръ на мѣстѣ³⁾, требовать заключенія свѣдущихъ людей о предметахъ, рассмотрѣніе которыхъ требуетъ особыхъ ученыхъ, техническихъ или хозяйственныхъ свѣдѣній⁴⁾; назначать повѣрку письменныхъ актовъ въ случаѣ, если тяжущійся, противъ котораго представляется актъ, заявитъ сомнѣніе въ его подлинности или объявитъ споръ о подлогѣ⁵⁾.

По окончаніи словеснаго состязанія, судьи удаляются въ особую комнату, гдѣ, обсудивъ выслушанное дѣло, постановляютъ рѣшеніе по предварительной постановкѣ предсѣдателемъ суда вопросовъ, выводимыхъ изъ требованій и возраженій тяжущихся. Рѣшенія постановляются по большинству голосовъ. „Судъ не имѣетъ права ни постановлять рѣшенія о такихъ предметахъ, о коихъ не предъявлено требованія; ни присуждать болѣе того, что требовалось тяжущимися, ни возбуждать вопроса о давности, если тяжущіеся на нее не ссылались“⁶⁾. Всѣ эти запрещенія вытекаютъ сами собою изъ сущности состязательнаго процесса.

Оставляя въ сторонѣ другія особенности гражданскаго судопроизводства, какъ напримѣръ, вопросы о частныхъ производствахъ, о постановленіи рѣшеній заочно, объ обезпеченіи исковъ, о судебныхъ издержкахъ, о предварительномъ исполненіи судебныхъ рѣшеній и проч., которые, безъ сомнѣнія, также весьма замѣтно отличаютъ гражданскій процессъ отъ уголовнаго,—мы считаемъ возможнымъ закончить этимъ краткій очеркъ судопроизводства по Уставамъ 20-го ноября 1864 года, такъ какъ на основаніи всего вышеизложеннаго уже можно судить о томъ важномъ значеніи, которое имѣютъ Уставы по вопросу о разграниченіи гражданскаго судопроизводства отъ уголовнаго. Уста-

¹⁾ Ст. 485—498.

²⁾ Ст. 499.

³⁾ Ст. 507; 514.

⁴⁾ Ст. 514, 533.

⁵⁾ Ст. 541.

⁶⁾ Ст. 706; Кисель, *Справк.* 1867 г. № 57 и 102; 1868 г. № 418; 1869 г. № 151, 1062 и др.

новивъ для каждаго свойственныя имъ формы, отмѣтивъ каждую изъ этихъ формъ такими признаками, которые съ перваго же разу дѣлаютъ какъ нельзя болѣе замѣтными особенности каждой изъ нихъ, Уставы во всѣхъ своихъ постановленіяхъ проводятъ то начало, что процессы гражданскій и уголовный должны быть строго различаемы другъ отъ друга. Перечитывая статьи Устава гражданского судопроизводства, трудно найти между ними такую, которая бы не указывала на особенность гражданского процесса и давала бы суду, подобно прежнимъ узаконеніямъ, полную и законную возможность примѣнить къ этому процессу особенности уголовного процесса. Точно также, перечитывая постановленія Устава уголовного судопроизводства, нельзя не замѣтить, что каждая изъ нихъ проводитъ рѣзкую черту между порядкомъ суда уголовного и порядкомъ суда гражданского. Посему мы нисколько не сомнѣваемся въ справедливости высказаннаго нами въ началѣ этого труда положенія, что *окончательное разграниченіе гражданского и уголовного судопроизводства слѣдуетъ приурочить только къ эпохѣ Уставовъ 20-го ноября 1864 года.*

К. Стефановскій,

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ТРІЕДИНАГО КОРОЛЕВСТВА КЪ ВЕНГРИИ ¹⁾.

I.

Древняя родовая организція Славянъ придала и самому административному ихъ устройству особый отпечатокъ, вполне отличный отъ строя жизни остальныхъ народовъ. Такъ у древнихъ Славянъ вообще, и между прочимъ у Хорватовъ, семейство (породица) служило основаніемъ общинѣ, а община—жупанству (жупанія), которое, въ свою очередь, давало начало государству. Домъ (кута) выбиралъ своею главой (доматин или куте-господар или же куте-хазда) преимущественно того члена изъ семействъ, жившихъ въ домѣ, который и хорошимъ своимъ поведеніемъ, и пониманіемъ хозяйства снискалъ себѣ всеобщее уваженіе. Глава дома не былъ неограниченъ въ своей власти, то-есть, не смѣлъ самопроизвольно дѣйствовать, но долженъ былъ сообразоваться съ интересами и выгодами всего дома; въ противномъ же случаѣ былъ отставляемъ, и на его мѣсто уже выбирался другой. Главнымъ условіемъ домашней жизни было то, что семейства, связанные близкими узами родства, должны были жить вмѣстѣ и суммы, заработанныя ихъ членами, шли въ одну общую кассу, изъ коей уже производились расходы на содержаніе всего дома. Когда же, вслѣдствіе размноженія семействъ, не находилось имъ помѣщенія въ старомъ домѣ, то пристраивали новыя дома, и обыкновенно такимъ образомъ, что старый домъ занималъ средину площадки, вокругъ которой

¹⁾ Кромѣ личныхъ моихъ наблюденій, источниками, при составленіи настоящей статьи, служили мнѣ слѣдующія сочиненія:

1) *Odlomci iz državnoga prava hrvatskoga za narodne dinastiji* (и Веѣу 1861 г.) д-ра *Раикато*.

2) *Nase Pravice* (и Zagrebu 1868 г.) г. *Шулєка*.

3) *Die Geschichte der Ungarn und ihrer Landsassen*, von *Fessler*.

строились новые дома. Такъ мало-по-малу изъ нѣсколькихъ большихъ семействъ (задруга) образовалось село ¹⁾. Нѣсколько сель составило общину, которая управлялась старѣйшинами; нѣсколько же общинъ составили уже собою жупанство, которое было вѣрено управленію жупана. Посреди села стояла липа; подъ нею задруги выбирали доматина общины, старѣйшину, а жупанства — жупана (если народъ бывалъ имъ доволенъ, то, по смерти его, выбиралъ въ жупаны его сына, такъ что достоинство жупана становилось наследственнымъ въ извѣстномъ родѣ); подъ нею же и судили виновнаго, — наибольшимъ наказаніемъ считалось, если его присуждали къ изгнанію изъ дома. Подъ липой выбирали и воеводу—въ томъ случаѣ, если была опасность отъ вторженія непріятеля. Впрочемъ, по минованіи опасности, воевода слагалъ съ себя достоинство и при семъ долженъ былъ отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Вѣшнія политическія событія не позволили византійскому императору Гераклію I прійти на помощь Далмаціи, опустошаемой Аварами. Поэтому византійскій императоръ и поспѣшилъ обратиться къ Хорватамъ, которые уже оставили древнюю свою родину, восточную часть нынѣшней Галиціи, извѣстную подъ именемъ Бѣлой Хорватіи, и населивши сѣверъ Панноніи, успѣли прославиться своею воинскою доблестью въ походахъ противъ Аваровъ. Такъ мы видимъ, что въ началѣ VII столѣтія Хорваты, вытѣснивъ Аваровъ изъ Далмаціи, заняли территорію, приблизительными границами коей служили съ одной стороны—рѣки Сава, Вербасъ и Цетина, съ другой же—восточные берега Адриатическаго моря, начиная отъ г. Ценгъ (Сенья) и вплоть до г. Алмисса (Омишь). Хотя означенная территорія и сдѣлалась поземельною ихъ собственностью, все-таки, по силѣ договора, они признавали надъ собою власть Византіи, которая могла бы быть вполне уподоблена власти нынѣшняго турецкаго султана надъ придунайскими княжествами. Завоеванная Хорватами территорія, которая стала извѣстна подъ именемъ Далматинской Хорватіи, получила административное устройство, основанное на народномъ началѣ. Далматинская Хорватія состояла изъ одного банства, которое составляли Лица, Крбава (на востокъ отъ Лики, гдѣ главное мѣсто Удбина) и Галка, и 11 жупанствъ: Ливно, Цетина, Имочка, Плива, Везента (на

¹⁾ Задруги послужили началомъ дѣленію Хорватскаго народа на племена, число коихъ было 12. Племена подраздѣлялись на общины, состоявшія изъ родственныхъ семействъ, что явствуетъ изъ настоящихъ названій общинъ: Оршичи, Цвѣтковици, Влашичи и т. д.

сѣверъ отъ Лайне), Приморье (между Цетина и Крка), Врибришттина (между Крка и озеромъ Каринъ), Нинъ (Нона), Сидрага (вблизи Зара-Веккіа), Нина (на р. Зерманья) и Книнъ. Города же Рагуза (Дубровникъ), Трау (Трогиръ), Зара (Задаръ) и острова: Арбе (Рабъ), Велья (Кркъ) и Керсо (Осоръ) остались въ полной зависимости отъ византійскихъ императоровъ. Какъ великій жупанъ, главный управитель всѣхъ 11 жупанствъ, такъ и банъ, начальникъ банства, были выбираемы народомъ и непосредственно подчинены византійскому правительству. Каждый жупанъ для обсужденія вопросовъ, касающихся вѣреннаго ему жупанства, приглашалъ къ себѣ, смотря по надобности, старѣйшинъ и доматиновъ, — таковое собраніе называлось — скупштиной. Въ свою очередь, и великій жупанъ созывалъ къ себѣ на совѣщанія жупановъ, старѣйшинъ, доматиновъ уже всѣхъ жупанствъ, и это-то народное собраніе тогда уже получало названіе Соборъ. Изъ этого видно, что форма правленія у Хорватовъ была вначалѣ демократическая. Не извѣстно, страсть ли къ добычѣ, или какія либо другія причины побудили Хорватовъ подвинуться далѣе на сѣверъ, занявъ при семъ пространство земли между рѣками Дравомъ, Сапою, съ притокомъ Кульпою, и рѣкою Арса (въ Истріи). Страна эта, получившая названіе Посавской Хорватіи, составляла самостоятельную провинцію, не зависящую отъ Далматинской Хорватіи; впрочемъ, она пріобрѣла административное устройство на подобіе сей послѣдней провинціи.

Въ исходѣ VIII вѣка, Франки покорили не только всю территорию Хорватовъ, но и вообще всѣ владѣнія Византійской имперіи въ Далмаціи. По договору, заключенному съ византійскимъ императоромъ Никифоромъ, Карлъ Великій уступилъ ему приморскую часть Далмаціи, остальные же покоренныя земли составили собою графство и были переданы во власть графа Фриульскаго. Впрочемъ, Посавская и Далматинская Хорватія сохранила свое прежнее административное устройство.

Главной причиной легкаго покоренія Франками хорватскихъ провинцій послужило полное разобщеніе, отсутствіе всякой солидарности государственныхъ и общественныхъ отношеній между Хорватами Посавскими и Далматинскими. Мысль о принятіи формы монархическо-ограниченной, какъ единственнаго средства упрочить внѣшнее и внутреннее положеніе Хорватовъ, принадлежитъ великому жупану Далматинской Хорватіи Поринъ, который, объявивши себя независимымъ княземъ и успѣвши пріобрѣсть подъ свою власть Посавскую Хорватію, про-

возгласилъ себя въ 836 г. хорватскимъ княземъ (Dux Croatorum). Впрочемъ, по смерти его преемника Мойслава, Посавская Хорватія была покорена нѣмецкими князьями. Такимъ образомъ, вторично пресѣклась государственная связь между Хорватами Далматинскими и Посавскими, что и отразилось на самобытномъ существованіи самихъ Хорватовъ. Въ это время нападаютъ на Далмацію Сарацины. Великій жупанъ Далматинской Хорватіи — Домагой, вполне теперь изолированный, принужденъ былъ, по силѣ обстоятельствъ, искать себѣ помощи у византійскаго императора Василия I. Не лишнимъ будетъ при семъ замѣтить, что, по раздѣленіи церкви на восточную и западную, были весьма часто отправляемы изъ Рима миссіонеры въ Далмацію, съ цѣлю, безъ сомнѣнія, упрочить, съ одной стороны, вліяніе тамъ Рима, съ другой — подорвать значеніе Византіи вдоль восточныхъ береговъ Адриатическаго моря. Императоръ Василій I, вмѣстѣ съ своимъ войскомъ, успѣвши отправить въ Далмацію и двухъ епископовъ для епархій: Спалатской (Сплетской) и Нинской (Нопской). Василій I, желая, безъ сомнѣнія, еще болѣе расположить къ себѣ Далматинскихъ Хорватовъ, дозволилъ ихъ великому жупану — Седеславу, преемнику Домагоя, принять титулъ князя и взимать съ городовъ Спалато (Сплеть), Трау (Трогиръ), Зара (Задаръ) и съ острововъ Керсо (Осоръ), Венья (Кркъ) и Арбе (Рабъ) подати, незначительную часть конихъ, какъ знакъ зависимости означенныхъ земель отъ имперіи, надлежало бы отправлять въ Византію. Впрочемъ, означенные города хотя и платили подать Хорватамъ, но при всемъ томъ управлялись по своимъ муниципальнымъ статутамъ.

По смерти Седеслава, религіозный вопросъ не мало препятствовалъ развитію государственной и общественной жизни у Хорватовъ. Римскіе миссіонеры, не находя опасными для себя соперниками представителей православія въ Далмаціи, успѣвали мало по малу готовить тамъ почву для упроченія римско-католическаго ученія. Они даже склонили на свою сторону Бранимира, преемника Седеслава, совѣтуя ему объявить себя независимымъ княземъ и обѣщая защиту папы. Дѣйствительно, поддерживаемый папой Іоанномъ VIII, Бранимиръ провозгласилъ себя въ 879 г. независимымъ княземъ, согласившись при семъ, въ угоду папѣ, на назначеніе римскаго епископа въ Нинскую епархію. Впрочемъ, подчиненіе Нинской епархіи зависимости Рима не прошло безъ кровопролитія. Архіепископъ спалатскій, со всѣмъ епархіальнымъ духовенствомъ, остался; однако, вѣрныя православію.

Положеніе дѣлъ въ Посавской Хорватіи было весьма бѣдственное: мѣстное населеніе жило въ постоянной враждѣ со своею нѣмецкою властью; при томъ съ 899 г. начали дѣлать туда набѣги Венгры. Мутиміръ, преемникъ Бранимира, воспользовавшись бывшею тамъ анархіею, покорилъ въ 907 г. Посавскую Хорватію, и затѣмъ принялъ титулъ *Dei gratia dux Croatorum*, который ясно доказываетъ независимость и политическую самостоятельность Хорватскаго государства. Впрочемъ, таковое независимое положеніе хорватскаго князя продолжалось не долго: онъ подпадалъ то вліянію Рима, то Византіи. Такъ, преемникъ Мутиміра, Томиславъ, подъ вліяніемъ Рима, созвалъ въ 925 г. соборъ въ Сплетѣ, на которомъ было положено вывести изъ церковной службы языкъ славянскій и замѣнить его латинскимъ. Между тѣмъ внѣшнія событія были мало благопріятны Хорватамъ: имъ приходилось воевать то съ Сарацинами, то съ Венеціанцами, то съ Болгарами. Много помогало Хорватамъ то, что теперь они составляли одно цѣлое государство.

Народная династія королей хорватскихъ начинается Держиславомъ, который въ 990 г. былъ выбранъ княземъ хорватскимъ. Онъ сумѣлъ округлить свои владѣнія чрезъ покореніе восточной части Славоніи—Срема и узкой полосы земли вдоль Адриатическаго моря, начиная отъ Дубровника до устья рѣки Наренты (Неретва). Съ цѣлью, безъ сомнѣнія, еще болѣе упрочить свою власть на означенной территоріи, не преминулъ онъ вступить въ дружественныя отношенія съ византійскими императорами—Василіемъ и Константиномъ, которые прислали ему въ 994 г. знаки королевскаго достоинства, какъ-то: корону, скипетръ, державу и знамя; притомъ же, какъ бы въ выраженіе еще большей къ нему милости, они передали власти Держислава нѣкоторые далматинскіе города, признававшіе до того времени власть Византіи. Города эти, пользовавшіеся особыми льготами, опасаясь утратить оныя, не хотѣли подчиниться власти Хорватовъ и искали себѣ помощи у Венеціанцевъ. Эти послѣдніе покорили города Зару (Задаръ), Трау (Трогиръ), Спалато (Сплетъ), Рагузу (Дубровникъ) и острова Керсо (Осоръ), Велья (Кркъ), Арбе (Рабъ) и Паго (Пагъ); а затѣмъ дожъ венеціанскій принялъ титулъ *Dux Dalmatiae*. Хорватскій король Петръ Крешиміръ IV (1054—1074) удачно велъ войну съ Венеціанцами, покоривши часть владѣній, нѣкогда принадлежавшихъ Далмаціи; въ 1067 г. принялъ онъ титулъ *Rex Croatorum Dalmatorumque*. Много обязанный папѣ за его вооруженное содѣйствіе во время войны съ Венеціанцами, Крешиміръ IV

устроилъ двѣ римскія епархіи—Биоградскую и Книнскую; а какъ языкъ славянскій все-таки оставался языкомъ церковнымъ, не смотря на рѣшеніе Спалатскаго собора 925 г., то Крешимиръ IV вторично созвалъ въ 1059 г. соборъ въ Спалато, на коемъ было строго воспрещено употребленіе славянскаго языка въ церковномъ богослуженіи. Въ 1075 г. королемъ хорватскимъ былъ единодушно избранъ банъ хорватскій Дмитрій Звонимиръ (1075—1087), женатый на сестрѣ венгерскаго короля Ладислава. Папа Григорій VII прислалъ ему знаки королевскаго достоинства съ абатомъ Жебизономъ, который и короновалъ его въ г. Спалато, 9-го октября 1076 г., при чемъ Звонимиръ присягалъ за себя и за своихъ наследниковъ въ вѣрности и послушаніи папѣ. Вскорѣ послѣ коронаціи былъ созванъ сеймъ въ г. Тининѣ, и здѣсь король подтвердилъ всѣ права и привилегіи, дарованныя Хорватамъ его предшественникомъ. Со времени Звонимира, папы начали присылать знаки королевскаго достоинства хорватскимъ королямъ и чрезъ то самое усиливать свое значеніе въ королевствѣ. Поддерживаемое кознями римско-католическаго духовенства, политическое разобщеніе между католиками Хорватами и православными Сербами начало сильно обозначаться ¹⁾. Со смертью сына Крешимира IV и преемника Звонимира—Степана II (1087—1090 г.) прекратилась династія народныхъ королей.

Внутреннія и вѣшнія политическія событія много вліяли и на расширеніе или суженіе границъ Хорватско-Далматинскаго королевства. По прекращеніи династіи Держислава, королевство это обнимало собою пространство отъ Адриатическаго моря до Дуная и отъ р. Нарента до рр. Драва, Мура и Арса (Раша) въ Истріи. Означенная территорія была раздѣлена на 7 банствъ, какъ это видно изъ одного историческаго памятника XI вѣка, гдѣ поименованы семь бановъ: *banus Croatiae*, *banus Bosniensis*, *banus Slavoniae*, *banus Pogegeae*, *banus Podramae*, *banus Albaniae* и *banus Sremae*. Настоящее

¹⁾ Римское ученіе, какъ видно, діаметрально противоположно духу славянской народности: въ то время, какъ Хорваты, при политической своей самостоятельности, стали утрачивать народныя начала, Сербы свято хранили ихъ. Хорватскіе историки, которые мнѣ лично знакомы, далеко не проникнуты іезуитскими началами. Поэтому мнѣ страннымъ кажется, почему они, въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, проводятъ мнѣніе, что Звонимиръ былъ первымъ хорватскимъ королемъ. Не потому ли, что онъ первый получилъ знаки королевскаго достоинства изъ Рима, тогда какъ Держиславу они были присланы изъ Византіи?

административное раздѣленіе Трїединого королевства, на семь жупанствъ не имѣеть ли въ основаніи это древнее его раздѣленіе на семь банствъ? Банства были раздѣлены на жупанства, а эти, въ свою очередь, — на общины, задруги. Въ іерархическомъ отношеніи, за баномъ слѣдовали жупаны, которые имѣли 2-хъ помощниковъ — поджупана и сатника, затѣмъ старѣйшины и т. д. Форма правленія была монархическо-ограниченная; впрочемъ феодальное нѣмецкое начало не мало содѣйствовало тому, что демократизмъ сталъ уступать мѣсто аристократизму. Во главѣ управленія стоялъ король. Хорватскій престоль былъ наследственъ, хотя такое право наследственности скорѣе основывалось на обычай, получившемъ силу закона, чѣмъ на самоъ законѣ. Въ случаѣ же, если кто отказывался отъ престола, или умиралъ безъ наследниковъ, то предстояло собору заняться выборомъ короля, чему яснымъ доказательствомъ служить выборъ Дмитрія Звонимира. Король былъ окруженъ довѣренными ему лицами, которые составляли, такъ сказать, королевскій дворъ, обыкновенно пребывавшій въ Биоградѣ (Зара-Векля). Эти лица извѣстны подъ слѣдующими названіями: 1) дворскій жупанъ (*palatii ripanus, comes*), 2) дворскій судажъ (*curiae regiae iudex*), 3) канцелярь (*cancellarius*), 4) дворскій капелланъ (*curiae regiae capellanus*), 5) дѣдъ (*Majordomus*), 6) постельникъ (*camerarius*), 7) убрисаръ (*dapiferogum magister*), 8) пекарникъ (*pinseparius*), 9) конюхъ (*cavaliarius*) 10) буздованаръ (*inasccharius*) и 11) штитоноша (*armiger*). Власть короля была ограничена Соборомъ, который созывался королемъ подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ и на коемъ принимали участіе баны, жупаны, духовенство, дворянство (племиги) и представители народа. Кромѣ выбора королей, собору принадлежало право выбирать бановъ и жупановъ, составлять законы, завѣдывать финансами королевства и служить высшею судебною инстанціей¹⁾.

Относительно законодательства въ Хорватско-Далматинскомъ королевствѣ слѣдуетъ замѣтить, что Хорваты, поселившись вдоль береговъ Адриатическаго моря, принесли съ собою и свои древніе обычаи, принявшіе форму закона, которые, по нѣкоторомъ измѣненіи на соборахъ, смотря по нуждамъ и потребностямъ страны, получали уже силу закона для всего королевства. Но общій кодексъ законовъ, имѣвшій силу для всего королевства, едва ли существо-

¹⁾ Завѣдываніе же дѣлами жупанствъ было предоставлено жупанійскимъ скупштинамъ, созывавшимся по инициативѣ жупановъ и подъ ихъ предсѣдательствомъ.

валъ. Впрочемъ, когда былъ введенъ въ Хорватіи принципъ монархическо-ограниченнаго правленія, и когда города, въ особенности приморскіе, стали пріобрѣтать полное самоуправленіе, то немедленно затѣмъ и появилось отдѣльное законоположеніе въ означенныхъ городахъ. Такъ, существуютъ законники Каставскій, Сенскій, Крскій, Загребскій и т. д. Наиболѣе древній памятникъ, который по сіе время сохранился, есть Винодольскій законникъ, издавшій въ 1280 году. Всѣ эти законники писаны на хорватскомъ языкѣ, за излятіемъ Загребскаго и Сенскаго, которые писаны на латинскомъ.

Господствующей религіей въ королевствѣ была религія римско-католическая. Вся территория Хорватско-Далматинскаго королевства была раздѣлена на девять епархій: Осорскую, Крскую, Рабскую, Задарскую, Нонскую, Стонскую, Биоградскую, Трогирскую и Сплетскую. Епископы бывали избираемы духовенствомъ и народомъ и утверждались папой.

Послѣ Степана II начинается междуцарствіе, которое продолжалось двѣнадцать лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени явилось не мало соискателей короны, что и послужило причиной междоусобныхъ войнъ. Неминуемо при семъ пало право наследственности, уступивши свое мѣсто началу избирательному. Чтобы положить конецъ этой междоусобной войнѣ, которая много облегчила покореніе Венеціанцами приморской части Далмаціи и принадлежащихъ ей острововъ, Посавскіе Хорваты предложили въ 1091 году королевскую корону Венгерскому королю Ладиславу; но Далматинскіе Хорваты не признали за нимъ королевскаго достоинства. Такимъ образомъ, избраніе Ладислава содѣйствовало только поселенію вражды между Далматинскою и Посавскою Хорватіей и ихъ взаимному политическому разобщенію. Какъ Посавская Хорватія въ церковномъ отношеніи не представляла никакого устройства, и дѣла по предметамъ вѣры были обсуждаемы епископами далматинскими, то Ладиславъ, не могши утвердить политическую цѣлость Далматинской и Посавской Хорватіи, пожелалъ отдѣлить эту послѣднюю и въ церковномъ отношеніи отъ Далмаціи, и учредилъ въ 1092 году Аграмскую епархію.

Анархія въ средѣ Хорватовъ оставалась во всей своей силѣ; число соискателей королевской короны не уменьшалось: они успѣли своими кознями вооружить Хорватовъ противъ Мадьяръ и вытѣснить ихъ послѣднихъ изъ Посавской Хорватіи. Тогда Коломанъ, преемникъ Ладислава, слѣдуя чрезъ Посавскую Хорватію, проникъ въ 1097 году съ войскомъ до г. Зара-Веккіа (Биоградъ). Хотя онъ и понесъ

пораженіе, однако, вопреки всякаго ожиданія, отправилъ онъ въ 1102 году своихъ пословъ къ Хорватамъ, предлагая имъ изложить условія, на коихъ они готовы были бы избрать его своимъ королемъ. Внутренніе раздоры стали уже сильно ослаблять страну. Воспользовавшись сими предложеніями Коломана, Хорваты отправили къ нему въ г. Криуць (Крижевцы) двѣнадцать пословъ, то-есть, по одному представителю отъ каждаго племени, для переговоровъ. Сущность договора, заключеннаго между Хорватами и Венграми, была такова: 1) Хорватія и Венгрія остаются двумя совершенно отдѣльными государствами, но имѣющими, однако, короля изъ рода Арпадовъ. 2) Какъ Коломанъ, такъ и его послѣдники, имѣютъ свято сохранять всѣ законы и узаконенные обычаи Хорватско-Далматинскаго королевства (*lege antiquitus constituta*). 3) Хорваты имѣютъ быть изъяты отъ всякаго рода податей и налоговъ въ пользу Венгерскаго королевства. 4) Если одному изъ королевствъ угрожаетъ опасность, то войска обоихъ королевствъ должны дѣйствовать совокупными силами. Впрочемъ, на территоріи хорватской Хорваты ведутъ войну на свои издержки, а на территоріи Вемерской, то-есть, по ту сторону р. Драва, — на издержки Венгровъ. 5) Какъ Коломанъ, такъ и его преемники, имѣютъ прѣзжать въ Хорватію для отправленія государственныхъ дѣлъ королевства въ соглашеніи съ соборомъ, которому принадлежатъ право выбирать бановъ, жупановъ и остальные власти, даже епископовъ. 6) Строго воспрещается пребывать на территоріи Хорватско-Далматинскаго королевства всякому иностранцу, даже Мадьяру, безъ разрѣшенія собора.

Въ 1104 году Коломанъ былъ торжественно коронованъ короною Звонимира и провозглашенъ королемъ Хорватско-Далматинскимъ въ г. Зара-Веккіа (Биоградъ), гдѣ по сіе время короновались король хорватскіе и гдѣ они имѣли свое мѣстопребываніе. Самый актъ его присяги начинается такъ: *Ego Colomanus Dei gratia rex Croatiae atque Dalmatiae salvo habito consilio, etc.* Какъ актъ присяги, такъ и помянутая конвенція, — которая была ничто иное, какъ договоръ о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, заключенномъ между двумя сосѣдними королевствами, — ясно показываютъ, что Хорватская корона была предложена Коломану по добровольному соглашенію, а не подъ вліяніемъ внѣшней силы. Что Хорваты, избравши Коломана, не признали надъ собою власти его, какъ короля венгерскаго, еще яснѣе видно изъ того, что онъ могъ пребывать въ Хорватіи не иначе, какъ въ качествѣ хорватскаго короля — „когда я долженъ

буду вести съ вами дѣла королевства". Такимъ образомъ видно, что венгерская корона не имѣла никакого права на Хорватское королевство, и что въ основѣ договора, заключеннаго между королевствами Хорватско-Далматинскимъ и Венгерскимъ, была личная унія.

Первымъ дѣломъ Коломана (1104—1114 г.), по вступленіи на хорватско-далматинскій престолъ, было пріобрѣсти далматинскіе города и острова, которые оставались во власти Венеціи. Воспользовавшись тѣмъ, что венеціанское войско приняло участіе въ крестовомъ походѣ, Коломанъ въ 1105 году отправилъ въ Далмацію свое войско, которое и успѣло покорить тамошнія венеціанскія владѣнія. Онъ не преминулъ при семъ наградить почти каждый городъ особымъ дипломомъ — *privilegium libertatum*, коимъ были подтверждены всѣ древнія его привиллегіи. Территорію Хорватско-Далматинскаго королевства была раздѣлена на два банства: Славонію, (то-есть, пространство земли между рр. Драва, Сава и Кульпа) и Хорватію и Далмацію. Во главѣ банства стоялъ банъ. Онъ имѣлъ право созывать сеймы (соброры) и распускать оныя, впрочемъ съ согласія короля. Банъ могъ имѣть двухъ помощниковъ: для дѣлъ судебныхъ — подбана, избираемаго сеймомъ, и для дѣлъ политическихъ — дворскаго совѣтника, назначаемаго лично королемъ. Банства были подраздѣлены на жупанства, которыя были подчинены великимъ жупанамъ: они были посредниками между королемъ и народомъ во вѣренныхъ имъ жупанствахъ. Отношенія жупановъ къ банамъ были опредѣлены законами и обычаями. Коломанъ обыкновенно пребывалъ въ Венгріи, въ г. Стульвейссенбургѣ (стольный Біоградъ). Для отправленія государственныхъ дѣлъ, чрезъ каждые три года (въ 1102, 1105, 1108 и 1111 гг.), онъ лично пріѣзжалъ въ Хорватію. Въ отсутствіе же его дѣлами королевства управлялъ его намѣстникъ, коимъ бывалъ обыкновенно или братъ, или наслѣдникъ престола, и который пребывалъ въ г. Зара-Веккіа (Біоградъ), г. Сисекѣ (Сисакѣ), г. Креуцѣ (Крижевцѣ), а въ позднѣйшее время—въ Загребѣ. Притомъ же Хорваты имѣли своего представителя въ Венгріи—канцлера, который обыкновенно былъ выбираемъ сеймомъ изъ среды Хорватовъ. Въ случаѣ войны, начальство надъ народнымъ войскомъ хорватскимъ было обыкновенно вѣряемо бану, который получалъ тогда названіе воеводы (*dux*).

Власть короля была ограничена, во первыхъ совѣтомъ (державно вете), состоявшимъ изъ бановъ и великихъ жупановъ, вѣдѣнію коего подлежали текуція дѣла по внутренней администраціи, и во-

вторныхъ, сеймомъ (соборомъ), членами коего были по праву баны, великіе жупаны, прелаты и магнаты (великаши), или по выбору—представители народа. Сейму подлежало обсужденіе слѣдующихъ вопросовъ: 1) выборъ короля (созывался сеймъ, на которомъ было принимаемо рѣшеніе, кому предложить коронѣ; составлялись условія, подъ коими она могла бы быть предложена,—затѣмъ со стороны сейма отправлялась депутация къ вновь избираемому королю, для испрашиванія у него согласія принять корону подъ извѣстными условіями; когда выбранная особа соглашалась на предложенія, то депутация доносила о томъ сейму, который, въ свою очередь, признавалъ законность выбора короля). 2) Выборъ бановъ (сеймъ представлялъ на выборъ короля трехъ особъ, избираемыхъ обыкновенно, или между членами королевской фамиліи, или между наиболѣе отличившимися своими воинскими доблестями людьми; одного изъ нихъ король и утверждалъ въ достоинствѣ бана; затѣмъ вновь выбранный банъ присягалъ въ вѣрности королю и клялся соблюдать конституціонное начало королевства). 3) Выборы подбановъ, канцлера и великихъ жупановъ (обыкновенно представлялось по одному кандидату, котораго король и утверждалъ въ своей должности). 4) Вопросъ о мирѣ и войнѣ (въ случаѣ войны, сеймъ обыкновенно предлагалъ званіе военно-начальника, воеводы—бану, и король утверждалъ его въ семъ званіи). 5) Составленіе законовъ (законы, составляемые на сеймѣ, вступали въ силу не иначе, какъ по утвержденіи ихъ королемъ). 6) Произношеніе окончательнаго приговора по вопросамъ судебнымъ (докладчикомъ обыкновенно бывалъ вице-банъ). 7) Финансовыя дѣла. 8) Торговныя дѣла. 9) Содержаніе войска.

Сеймъ созывался ежегодно. Въ теченіе же года великіе жупаны должны были созывать во вѣранныхъ имъ жупанствахъ, для отправленія текущихъ дѣлъ, скупщины, которыя имѣли право назначать чиновниковъ для мѣстной администраціи, безъ согласія на то короля¹⁾. За особныя воинскія доблести, сеймъ могъ награждать отличившихся, или дворянскимъ достоинствомъ (племствомъ), или же титулами барона, графа и князя, что и послужило началомъ къ образованію трехъ сословій: 1) *prelati* (епископы и т. д.), 2) *magnates* (великаши) и 3) *ordo equestes (nobilium, nobiles)*. Между магнатами

¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о конституціонномъ началѣ Хорватско-Далматинскаго королевства временъ Коломана мы находимъ въ книгѣ: *Cognus juris Hungarici*, также въ *Decretum generale incltyti regni Hungariae et partium eidem adnexarum*.

первое мѣсто занимали *Barones Regni*, а именно — *Pulatinus*, *Curiae Regiae Judex*, *Banus Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae*, *Tavernicorum Regalium Magister* (*Tavernicus*); они были *majores Regni Barones*. Затѣмъ — *Curiae Regiae Magister*, *Ianitorum Regalium Magister*, *Cubiculariorum Reg. Magister*, *Agazonum Reg. Magister*, *Dapiferorum Reg. Magister* и *Pincernarum Reg. Magister*; это были *minores Regni Barones*; ихъ обязанности были болѣе придворныя, чѣмъ государственныя. Къ баронамъ королевства принадлежали баны и великіе жупаны.

По смерти Коломана, когда начался цѣлый рядъ войнъ, то съ византійскими императорами, то съ венеціанскими дожами, — Хорваты вскорѣ почувствовали всю тягость союза, заключеннаго ими съ Венгрии. Непріятель, считая Хорватію и Венгрію за одно государство, управляемое однимъ правителемъ, воюя съ Венгріей, нерѣдко дѣлалъ вторженія на территорію Хорватіи. Такимъ образомъ, хорватскій сеймъ принуждаемъ былъ отправлять свое войско противъ непріятеля, съ которымъ вовсе не хотѣлъ воевать. Исходомъ этихъ войнъ было то, что Славонія отошла къ Византіи, а Далматинское побережье — къ Венеціи. Съ цѣлью, безъ сомнѣнія, устранить на будущее время всякую причину къ повторенію междоусобныхъ войнъ, хорватско-венгерскій король Бело III (1173—1196 г.) издалъ законъ о престолонаслѣдіи, въ силу коего право наслѣдственности было предоставлено мужскому поколѣнію по прямой нисходящей линіи. Возвративъ Далмаціи часть ея, завоеванную Венеціанцами, онъ подыалъ значеніе въ политическомъ отношеніи Хорватско-Далматинскаго королевства. Кромѣ того, Бело III учредилъ въ 1185 г. епархію въ Кербавѣ; но вслѣдствіе частыхъ вторженій непріятелей, мѣстопробываніе епископа было перенесено изъ этого города въ г. Ценгъ (Сенья).

Къ сожалѣнію, послѣ Бела III не осталось прямыхъ наслѣдниковъ; поэтому опять появилось нѣсколько соискателей престола, которые не преминули добывать себѣ помощь извпѣ. Въ массѣ хорватскаго населенія сильно возрастаетъ броженіе умовъ, вслѣдствіе того, что короли Венгро-хорватскіе начали, помимо хорватскаго сейма, облагать Хорватовъ большими податями, посылать приближенныхъ себѣ лицъ жупанами въ Хорватію и т. д. Нѣкоторые города, въ особености приморскіе, стали даже заключать тайные договоры съ иностранными правительствами. Въ это время полнаго господства апархіи въ средѣ Хорватовъ, Венгро-хорватскимъ королемъ былъ избранъ Андрей II. Въ надеждѣ найти себѣ поддержку хоть въ мѣст-

номъ хорватскомъ дворянствѣ, онъ издалъ въ 1222 году Золотую буллу, въ силу коей оно приобрѣло значительныя права и привилегіи, а именно: король не можетъ принимать никакихъ государственныхъ мѣръ безъ согласія дворянъ; каждый дворянинъ имѣетъ право присутствовать на сеймѣ; дворяне изъяты отъ платежа податей и отъ всякаго рода повинностей; дворяне могутъ протестовать противъ короля, если бы онъ вздумалъ нарушить помянутую буллу. Кромѣ того, въ 1221 году Андрей II подтвердилъ древнія права за нѣкоторыми городами, которые стали называться свободными: они непосредственно зависѣли отъ короля и непосредственно ему платили подати, что продолжалось до 1848 года.

Въ правленіе короля Бела IV (1235—1270 гг.), въ Венгрію вторглись Монголы и, послѣ пораженія Венгровъ при р. Шаѣ, Бела IV бѣжалъ въ Загребъ. Вождь монгольской Батый, извѣщенный о бѣгствѣ короля на территорію хорватскую, поспѣшилъ перейти съ огромнымъ войскомъ р. Драву, между гг. Вараждиномъ и Вировитицей, и направить свое движеніе на Загребъ. Бела IV бѣжалъ въ Далмацію въ г. Спалато. По разореніи Загреба, Батый двинулся на юго-западъ, занявши позицію на Іеленскомъ полѣ, расположенномъ между гг. Фіуме и Буккари. Въ то же время другой монгольской вождь Гайдагъ, прошедши, можно сказать, съ огнемъ и мечемъ Сремъ, всю нижнюю хорватскую военную границу, вступилъ въ Далмацію, покоривъ при семъ все пространство между р. Зерманьей и Цетиной. Между тѣмъ бѣжавшіе Хорваты стали собираться на Кварнерскихъ островахъ, а за тѣмъ, подъ предводительствомъ франко-пановъ и нѣкоторыхъ другихъ магнатовъ, ударили на Батыя и окончательно его разбили въ 1242 году. Битва эта произошла на Іеленскомъ полѣ, которое съ того времени получило названіе Гробнаго (Гробничко поле) ¹⁾. Гайдагъ, узнавъ о пораженіи Батыя и тѣснымъ, въ свою очередь, хорватскими юнаками, отступилъ въ томъ же году, чрезъ Боснію,

¹⁾ Оно лежитъ въ 1½ часовомъ разстояніи отъ г. Фіуме (Рана), вдоль дороги, идущей въ Каринтадъ. Въ настоящее время оно представляетъ пустое, покрытое камнемъ, пространство, гдѣ не встрѣчается никакой растительности. Народная легенда говоритъ, что во время боя падали съ неба змѣи, которыя сосали кровь у Монголовъ, и камни, которые сильно опустошали ряды Монголовъ. Они были такъ испуганы, что обратились въ бѣгство, оставивъ поле, покрытое мертвыми тѣлами и залитое кровью. Многія мѣста въ Хорватіи сохранили названіе Пасоглавцы (люди съ песьими головами), какое давали Монголамъ Хорваты.

Сербію и Болгарію. По удаленіи Монголовъ, Бела IV съ триумфомъ возвратился въ Венгрію. Онъ пожаловалъ хорватскому дворянству, городамъ и уѣздамъ разныя дипломы, дарственныя грамоты (*litterae donationales*) и привиллеги. Въ 1246 г. онъ провозгласилъ своего сына Стефана своимъ наследникомъ и пожаловалъ ему титулъ князя всей Славоніи (*Dux tutius Slavoniae*), то-есть, славянскихъ земель—Хорватіи, Славоніи и Далмаціи; самъ же онъ принялъ титулъ *Rex Croatiae, Slavoniae et Dalmatiae* или же *Rex tutius Slavoniae*, а королевство, въ официальныхъ актахъ, стало называться Тріединымъ. Въ 1248 г., по ходатайству Крбавско-Модружскаго епископа Филиппа, папа Инокентій IV дозволилъ ввести славянскій языкъ въ церковное богослуженіе на всей территоріи Тріединаго королевства и употребленіе его продолжалось за начало XVIII вѣка, когда снова введенъ былъ латинскій повсемѣстно, за изытіемъ Сеньской епархіи и нѣкоторыхъ мѣстностей въ Далмаціи и Истріи. Правленіе Стефана V (1270—1272) и Ладислава IV (1272—1290) было ознаменовано войнами съ Чешскимъ королемъ Отокаромъ и расширеніемъ власти дворянства въ ущербъ народу.

По смерти Ладислава IV, хорватско-венгерская корона послужила снова сѣмепемъ раздора. Между прочимъ, Неаполитанская королева Марія, сестра Хорватско-Венгерскаго короля Ладислава и супруга Карла II Анжуйскаго, подстрекаемая папой Никлаемъ IV, провозгласила Венгерскимъ королемъ своего сына Карла Мартеля, тогда какъ венгерское дворянство приняло сторону Андрея III, сына Ладислава IV, предложивъ ему въ 1290 г. венгерскую корону. Впрочемъ, и въ Тріединомъ королевствѣ были двѣ партіи: одна, строго держась смысла конвенціи, заключенной Хорватами съ династіей Арпадовъ, заявила себя въ пользу Андрея III, какъ законнаго наследника короны Звонимира; другая же, находясь подъ вліяніемъ римскаго двора, поддерживала кандидатуру Карла Мартеля. Но между тѣмъ, когда хорватско-венгерская корона колебалась между двумя сонскателями, Карлъ Мартель умеръ (въ 1296 г.). Тогда папа Бонифацій VIII посѣшилъ предложить въ короли Карла Роберта Неаполитанскаго, третьяго сына Карла Мартеля. Партія, расположенная въ пользу неаполитанскаго дома, отправила въ 1297 г. въ Римъ своего посла, уполномочивъ его объявить Карлу Роберту, что какъ Тріединое королевство, начиная со времени Звонимира, руководилось, при выборахъ королей, соображеніями римскаго двора, то поэтому и предлагается ему корону Звонимира, съ условіемъ впрочемъ, что она должна

была составлять только собственность мужскаго поколѣнія по прямой нисходящей линіи. Въ 1300 г. Карлъ Робертъ былъ коронованъ королюмъ Звонимира въ Загребѣ, а въ 1301 г. умеръ отъ отравы Андрей III, съ коимъ прекратилась династія Арпадовъ, а слѣдовательно и договоръ, заключенный между Хорватами и Венграми, утратилъ свою силу. Личная же унія между королевствами Венгерскимъ и Хорватскимъ пресѣклась, вслѣдствіе того, что Венгры предложили корону Св. Стефана Чешскому королю Вячеславу II. Но онъ, вмѣсто себя, предложилъ въ король своего сына Вячеслава III, который и былъ коронованъ въ Стульвейссенбургѣ въ 1301 г. По избраніи своемъ на венгерскій престолъ, Вячеславъ III образовалъ въ Хорватіи благоприятную себѣ партію и сталъ уже домогаться и хорватской короны; Карлъ Робертъ, въ свою очередь, сталъ искать короны венгерской, что и послужило поводомъ къ войнѣ между Хорватами и Венграми. Послѣ пораженія Вячеслава III при Загребѣ, онъ оставилъ Венгрію, и ему наслѣдовалъ Оттонъ Баварскій; но и этотъ послѣдній принужденъ былъ бѣжать оттуда послѣ трехлѣтняго царствованія. Тогда Венгры предложили корону Св. Стефана Хорватскому королю Карлу-Роберту, который и былъ коронованъ въ 1309 году въ г. Вуда.

Карлъ I Робертъ (1300—1342 гг.), желая уменьшить права хорватскаго дворянства, которое, какъ выше замѣчено, имѣло непосредственное вліяніе на выборы королей, вооружилъ тѣмъ противъ себя папавліятельный классъ населенія. Мѣстное населеніе, въ особенности приморское, видя безсиліе короля возстановить спокойствіе и порядокъ въ странѣ, а также и положить конецъ произволу дворянства, неоднократно искало себѣ защиты у Венеціанцевъ, которые и приобрѣли себѣ при этомъ случаѣ нѣкоторые Далматинскіе города. Преемникъ Карла-Роберта Людовикъ I (1342—1382 гг.), сознавая потребность удовлетворить законныя заявленія Хорватовъ, обнародовалъ въ 1359 г. дипломъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: жители королевства Славоніи, (то-есть Трїеднаго королевства) не подлежатъ суду по ту сторону р. Дравы, но единственно суду бана или его намѣстника; но если Хорваты будутъ недовольны рѣшеніемъ мѣстныхъ властей, то могутъ апеллировать къ королю. Упрочивъ порядокъ въ странѣ, онъ озаботился также и внѣшними дѣлами и вслѣзъ съ Венеціанцами войны, результатами коихъ было покореніе: гг. Зара, Себенико, Трау, Спалато, Нинъ и Брауа, такъ что дожъ венеціанскій былъ принужденъ въ 1358 г. отказаться отъ титула Далматинскаго воеводы (*dux Dalmatiae*).

Со смертью Людовика I, послѣдняго представителя мужскаго колѣна Анжуйскаго дома по прямой нисходящей линіи, снова пресѣклась личная унія между королевствами Хорватскимъ и Венгерскимъ. Дѣйствительно, Венгры избрали на свой престолъ Марію, дочь покойнаго короля, а Хорваты, хотя въ средѣ ихъ и была партія благопріятная Маріи, предложили корону Звонимира родственнику Маріи—Карлу Дураццо Неаполитанскому, который подъ именемъ Карла II былъ въ 1385 г. коронованъ въ Загребѣ. Впрочемъ, королева Марія I возбудила къ себѣ всеобщее нерасположеніе Венгровъ, которые и свергли ее съ престола, пригласивъ въ 1386 г. Хорватскаго короля Карла II принять корону Св. Стефана. Онъ отправился въ Стульвейссенбургъ для коронованія, но сорокъ дней спустя былъ умерщвленъ въ г. Будѣ, по приказанію бывшей королевы Маріи. Убіиство это произвело возстаніе въ Тріединомъ королевствѣ. Марія поспѣшила собрать войско, во главѣ коего пошла сама, въ сопровожденіи своей матери Елизаветы, для усмиренія Хорватовъ. Впрочемъ венгерское войско было разбито, а Марія и Елизавета отведены на заточеніе въ г. Новоградъ (при устьяхъ р. Зерманьи). Между тѣмъ на венгерскій престолъ вступилъ Сигизмундъ, сынъ Чешскаго короля Вячеслава IV и женихъ Маріи: онъ пригласилъ Хорватовъ признать его своимъ королемъ. Нѣкоторые хорватскіе магнаты, по личнымъ своимъ интересамъ, приняли это приглашеніе; большинство же населенія высказалось враждебно этому выбору. Тогда Сигизмундъ предпринялъ въ Тріединое королевство походъ, съ цѣлью наказать Хорватовъ за ихъ неповиновеніе, а главнымъ образомъ, чтобы освободить изъ плѣна свою невѣсту, что и удалось ему сдѣлать при содѣйствіи своей партіи.

Сигизмундъ (1386—1401 гг.), достигши королевской власти скорѣе при помощи оружія, чѣмъ по выбору народа, понятно, нашелъ въ Тріединомъ королевствѣ враждебное себѣ расположеніе умовъ; впрочемъ и въ Венгріи была сильная партія, вполне ему непріязненная. Усиленію броженія умовъ много содѣйствовало покореніе Далмаціи въ 1388 году Боснійскимъ королемъ Стефаномъ Твердкомъ (Твартко). Наконецъ, Хорваты рѣшаются созвать въ 1396 г. въ г. Книинѣ сеймъ, который и положилъ предложить корону Звонимира королю Неаполитанскому Владиславу, сыну Карла II. Въ 1397 г. и Венгры пригласили Хорватскаго короля принять корону Св. Стефана. Въ 1401 г. Владиславъ короновался въ г. Зара королемъ Тріединаго королевства.

Владиславъ (1401—1409 гг.), нуждаясь въ денежныхъ средствахъ, продалъ венеціанской республикѣ за 100.000 дукатовъ приморскую Далмацію и прилегающіе къ ней острова. Этотъ поступокъ вооружилъ противъ него даже самихъ его партизановъ въ Хорватіи, и тѣмъ воспользовалась враждебная ему партія Сигизмунда. Видя постепенно возрастающее броженіе умовъ въ Хорватіи и не чувствуя себя въ силахъ подавить волненіе, онъ отправился обратно въ Неаполь. Тогда Хорваты вторично предложили престолъ свой Сигизмунду (1409—1437). Не соглашаясь подтвердить договоръ, заключенный его предшественникомъ съ Венеціанцами, Сигизмундъ побудилъ послѣднихъ напасть на Далмацію, и Венеціанцы приобрѣли силою оружія тѣ владѣнія, которыя надѣялись получить цѣною золота. Въ виду, безъ сомнѣнія, успокоить броженіе умовъ въ хорватствѣ населенія, Сигизмундъ торжественно призналъ, особымъ дипломомъ, политическую независимость хорватской короны отъ венгерской.

Въ XV столѣтіи опаснымъ врагомъ Хорватовъ являются Турки. Покоривъ Воснію въ 1463 г., они начали уже дѣлать частныя вторженія на территорію Тріединаго королевства. Императоръ Германскій Фридрихъ, по званію Хорватскаго короля (1459—1465 гг.), принужденъ былъ бороться, то съ Турками, то съ Венграми, впрочемъ, безъ большаго успѣха. Въ виду возстановить столь необходимую, по силѣ обстоятельствъ, политическую связь между двумя королевствами Венгерскимъ и Хорватскимъ въ особѣ одного государя, Хорваты сочли нужнымъ предложить корону Звонимира Венгерскому королю Матвѣю Корвину (1465—1490 гг.) изъ дома Гуниадовъ. Важное историческое значеніе имѣетъ приказаніе, данное Матвѣемъ Корвиномъ на имя Хорватскаго бана Ивана Туза: созвать соборъ и объявить войну Туркамъ; отсюда явствуетъ, что хорватскій сеймъ не утратилъ своего древняго значенія. При Матвѣѣ Корвинѣ, въ виду частныхъ вторженій Турокъ, было даровано сословію благородныхъ право выбирать изъ среды своей главнаго начальника народнаго войска, который назывался капитаномъ; званіе это обыкновенно принадлежало бану, который по сей причинѣ и назывался капитаномъ Тріединаго королевства, а помощникъ его—вице-капитаномъ (подкапитанъ)¹⁾. Правленіе Матвѣя Корвина было ознаменовано еще од-

¹⁾ Со времени устроенія поенной границы, утратилось самъ е названіе капитана; впрочемъ, хотя обязанности подкапитана нынѣ болѣе не существуютъ, тѣмъ не менѣе достоинство это принадлежитъ гр. Георгію Іелачичу, съ содержаніемъ, по древнему обычаю, 1000 гульденовъ.

нимъ событіемъ, въ сущности малозначущимъ, но поведшимъ къ весьма важнымъ послѣдствіямъ. Онъ поссорился съ членомъ того влиятельнаго семейства, которое неоднократно оказывало услуги Венгерскимъ королямъ и всегда было на сторонѣ политическаго соединенія Хорватскаго королевства съ Венгерскимъ, а именно — съ Иваномъ Франкопаномъ: въ видахъ ищенія Матвѣю Корвину, Иванъ Франкопанъ подарилъ родовое свое владѣніе о. Велья (Кркъ) Вепеціанцамъ, а затѣмъ и самъ бѣжалъ къ нимъ.

Матвѣй Корвинъ, умирая, оставилъ послѣ себя законнаго наследника въ лицѣ своего сына — Ивана Корвина; Хорваты предложили ему свою корону; Венгры же выбрали своимъ королемъ Владислава II, сына Польскаго короля Казимира. Положеніе Ивана Корвина, какъ Хорватскаго короля, было весьма трудное. Хорваты не могли имѣть къ нему довѣрія и не могли не относиться враждебно къ своему королю, который и по своему происхожденію, и по чувствамъ былъ Венгерецъ, да еще притомъ, имѣя полное право на венгерскую корону, былъ отвергнутъ Венграми. Вслѣдствіе того Хорваты вскорѣ пригласили эрцъ-герцога Австрійскаго Максимилиана принять корону Звонимира. По силѣ конвенціи, заключенной между Максимилианомъ и Владиславомъ II и одобренной хорватскимъ соборомъ, было положено, что Максимилианъ отказывается отъ хорватской короны въ пользу Владислава и его потомства по прямой мужской линіи; въ случаѣ же, если не будетъ прямыхъ у него наследниковъ, то хорватскій престолъ вмѣстѣ съ венгерскимъ переходитъ къ Максимилиану и его послѣдникамъ по нисходящей мужской линіи. По смыслу означенной конвенціи, Владиславъ II, король Венгерскій, короновался въ 1492 г. хорватскою короною и торжественно при семъ присягалъ, что будетъ ненарушимо сохранять хорватскую конституцію, а притомъ и подтвердилъ права и привилегіи городовъ. Въ своей грамотѣ онъ говоритъ о королевствахъ Хорватскомъ и Венгерскомъ, какъ о двухъ отдѣльныхъ государствахъ. При Владиславѣ II (1492 — 1516 гг.), Турки покорили все пространство, гдѣ нынѣ расположены регименты Лискій и Отогацкій и стали дѣлать набѣги на Далмацію, гдѣ впрочемъ были успѣшно отражаемы. При его наследникѣ Людовикѣ II (1516—1526 гг.) произошло при г. Мокачѣ между войсками венгерско-хорватскимъ и турецкимъ генеральное сраженіе, которое окончилось въ пользу турецкаго оружія; самъ Людовикъ палъ на полѣ битвы; значительная часть Венгрии, Хорватіи и Славоніи обратилась въ турецкія провинціи.

Въ промежутокъ времени отъ прекращенія династіи Арпадовъ и до предложенія короны Звонимира Габсбургской династіи, царствовала на территоріи Тріединого королевства полная олигархія, которая повела къ нѣкоторымъ измѣненіямъ политическихъ отношеній этого королевства къ Венгріи. Такъ, мы встрѣчаемъ нерѣдкіе примѣры, что общій король венгерско-хорватскій одновременно короновался и венгерскимъ хорватско-славонско-далматинскимъ королемъ; сами же Хорваты стали уже посылать на таковыя *Comitia inauguralia* своихъ пословъ, *Oratores Regni*. Когда же, вслѣдствіе частыхъ набѣговъ Турокъ, представилась Хорватамъ крайняя потребность обсуждать въ сообществѣ съ Венграми вопросъ о мѣрахъ къ отраженію общаго своего врага, то и Загребскій сеймъ, имѣвшій, на примѣръ, при Матвѣѣ Корвинѣ наименованіе *Congregatio Generalis*, сталъ уже отправлять своихъ *Oratores Regni* и на венгерскіе сеймы, впрочемъ, какъ представителей самостоятельнаго королевства, что продолжалось до 1848 г. Число ихъ обыкновенно бывало три, они пользовались правомъ *veto*. Кстати замѣтить, что венгерскіе сеймы, по старинному обычаю, происходили обыкновенно на полѣ вблизи Буды, Стульвейсенбурга или нѣкоторыхъ другихъ городовъ; въ XV-мъ же и XVI-мъ вѣкахъ сеймы весьма часто происходили на полѣ Ракопгѣ, вблизи г. Пешта. Когда же Турки покорили Вуду, то сеймы обыкновенно держались въ г. Пресбургѣ, какъ ближайшемъ къ Вѣнѣ, гдѣ пребывали короли династіи габсбургской. Начиная съ 1848 года, закономъ было положено созывать венгерскій сеймъ въ г. Пештѣ.

Смерть Людовика, не оставившаго послѣ себя дѣтей мужескаго пола, снова прервала личную унію между Хорватіей и Венгріей. На сеймѣ, созванномъ 10-го января 1527 г. въ г. Цетинѣ, въ военной хорватской границѣ, было положено предложить хорватскую корону габсбургской династіи, въ лицѣ эрцъ-герцога австрійскаго Фердинанда, короля Богеміи и Венгріи. Депутация, выбранная изъ среды сейма, отправилась въ томъ же году къ эрцъ-герцогу Фердинанду съ предложеніемъ ему хорватской короны, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднесла ему на подтвержденіе письменное заявленіе сейма, что, принимая хорватскую корону, онъ долженъ присягать въ ненарушимомъ сохраненіи правъ, свободы и законовъ Тріединого королевства. Въ отвѣтъ на помянутое заявленіе сейма, эрцъ-герцогъ Фердинандъ обнародовалъ особый документъ, въ силу коего были имъ признаны всѣ политическія заявленія Хорватовъ, а за тѣмъ послѣдовало и его коронованіе. Предложивъ Фердинанду корону Звонимира, Хорваты признали за

габсбургскимъ домоу наследственное право на хорватскій престолъ, впрочемъ, только за мужскимъ колѣномъ. „Знайте, ваше величество“, объявили Фердинанду хорватскіе магнаты, „нигдѣ не значится, что кто либо завладѣлъ Хорватіей силою оружія. По смерти въ бозѣ почившаго нашего короля Звонимира, мы добровольно присоединились къ святой коронѣ венгерской, какъ и теперь добровольно къ вашему величеству“. Съ этихъ поръ хорватскій сеймъ начинаетъ посылать своихъ пословъ къ вѣнскому двору, дабы вести съ нимъ дѣла Тріединого королевства непосредственно, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства.

Фердинандъ I, какъ король хорватскій (1527—1564 гг.), неоднократно защищалъ политическую самостоятельность Тріединого королевства отъ покушеній Мадьяръ на его самостоятельность. Притомъ Хорваты платили только половину тѣхъ податей, какими были обложены Венгры; Хорваты были изъяты отъ содержанія войска; морская ихъ торговля была свободна и т. д. Такая особая милость, выказанная Фердинандомъ по отношенію къ Хорватамъ, можетъ быть объяснена также и тѣмъ, что Венгры неуклонно сохраняли принципъ избирательный и только въ 1687 г. признали за габсбургскою династією право наследственности на венгерскій престолъ, что и послужило снова скрѣпленіемъ личной уніи между сими двумя королевствами. Частныя вторженія Турокъ на территорію Тріединого королевства побудили Фердинанда въ 1546 г. положить начало устроенію военной границы, а именно: региментовъ Кармитадтскаго и Банальскихъ. При Максимилианѣ II (1564—1576 гг.) Турки, воспользовавшись сельскимъ бунтомъ, овладѣли крѣпостями вдоль р. Уна. Преемникъ его Рудольфъ II (1576—1612 гг.), побуждаемый, безъ сомнѣнія, вѣшними событіями, начинаетъ уже явно покровительствовать политическимъ заявленіямъ Венгровъ въ ущербъ Хорватамъ. Такъ, была устроена въ Вѣнѣ *Cancellaria Aulica Hungarica*, которая служила какъ бы посредникомъ между Вѣдой и королевствами Венгерскимъ и Хорватскимъ; языкомъ официальнымъ въ Хорватіи былъ признанъ языкъ латинскій, который признавался таковымъ и въ Венгріи. Хорваты, для обсужденія дѣлъ, общихъ Хорватіи и Венгріи, продолжали отправлять своихъ пословъ, *Oratores Regni*, въ венгерскій сеймъ, который сталъ приобрѣтать уже большее значеніе, чѣмъ хорватскій сеймъ, въ особенности съ того времени, когда вмѣсто хорватскаго языка тамъ былъ введенъ латинскій; хотя хорватскій сеймъ и былъ попрежнему созываемъ въ Загребѣ, однако замѣтно сталъ утрачивать независимое свое существо-

ваніе. Впрочемъ, бывали иногда случаи, когда оны поднимали свой голосъ; такъ, напримеръ, когда Рудольфъ II пожелалъ раздѣлить нѣмецкіе полки гарнизонами по хорватскимъ крѣпостямъ, то банъ хорватскій Эрдеди, не могши воспротивиться такому противозаконному рѣшенію короля, сложилъ съ себя банское достоинство. Когда же король предложилъ это достоинство эрцъ-герцогу австрійскому принцу Матвѣю, то хорватскій сеймъ заявилъ, что оны ни подъ какими условіемъ не согласится на такое назначеніе бановъ, избраніе коихъ составляетъ неотъемлемое право хорватскаго собора. Король Рудольфъ II, тѣснимый Турками, согласился созвать сеймъ и снова одобрить выборъ въ баны Эрдеди.

Въ 1619 году на Хорватскій престолъ вступилъ Фердинандъ II (1619—1637 гг.). При вступленіи своемъ на престолъ, оны подтвердилъ за королевствами Хорватскимъ и Венгерскимъ всѣ древнія конституціонныя права ихъ. Но Хорваты не были довольны подтвержденною грамотой, такъ какъ въ ней говорилось о Хорватіи и о Венгріи совокупно; поэтому они заявили Фердинанду желаніе, чтобы оны особою грамотой подтвердилъ территоріальную цѣлость и политическую самостоятельность Тріединого королевства. Дипломомъ, изданнымъ въ г. Пресбургѣ 17-го іюня 1622 года, дѣйствительно была подтверждена территоріальная цѣлость Тріединого королевства, а позднѣе Фердинандъ II подтвердилъ и §§ 39 и 56 Загребскаго собора 1635 года, по силѣ коихъ была гарантирована политическая самостоятельность королевства. Въ 1621 году издалъ оны новый законъ о престолонаслѣдіи, по коему сынъ его Фердинандъ былъ объявленъ послѣдникомъ.

Правленіе Фердинанда III (1637 — 1657 гг.) было ознаменовано тремя событіями: во-первыхъ, войною съ Турками, во-вторыхъ, назначеніемъ Хорватскаго бана — Ивана Драшковича Венгерскимъ Палатиномъ (единственный примѣръ въ исторіи Тріединого королевства), и въ-третьихъ, постановленіемъ Сейма 1647 года въ г. Пресбургѣ, чтобы римско-католическая вѣра была единственно господствующею на территоріи королевства религіей, такъ какъ исповѣдываніе различныхъ ученій поселяетъ только раздоръ въ средѣ населенія.

Преемникъ Фердинанда III, Леопольдъ I (1657 — 1705) сталъ ограничивать историческія права Хорватовъ: оны наложилъ на Хорватовъ обременительныя подати; Хорватскій соборъ пересталъ созываться; баномъ, помимо собора, былъ назначенъ нѣмецъ Іосифъ Кербштейнъ; стали вводиться въ Хорватіи нѣмецкій языкъ и нѣмец-

кіе обычаи; высшее управленіе военной границы было поручаемо лицамъ нѣмецкаго происхожденія, и т. д. Точно также дѣйствовалъ онъ и въ Венгріи; эти мѣры произвели сильное броженіе умовъ между Хорватами и Венграми. Между тѣмъ началась война съ Турками. По покореніи г. Буды, Турки пошли на Вѣну, откуда Леопольдъ I бѣжалъ. Вѣна была спасена отъ Турокъ единственно при содѣйствіи Польскаго короля Іоанна Собѣскаго. По отраженіи Турокъ, Леопольдъ I созвалъ въ 1687 году, сеймъ въ г. Пресбургѣ и здѣсь объявилъ своего сына наслѣдникомъ престола, а тѣмъ самымъ отнялъ у магнатовъ право вмѣшиваться въ выборы королей, — право, дарованное въ 1222 году золотою буллою Андрея II. Впрочемъ, желая, безъ сомнѣнія, успокоить броженіе умовъ между Хорватами, онъ обнародовалъ 10-го іюля 1703 года рескриптъ, коимъ подтвердилъ торриторіальную цѣлость Тріединаго королевства и нѣкоторыя его права, какъ на примѣръ, объ изъятіи у иностранцевъ права поселяться на территоріи королевства безъ согласія мѣстнаго сейма и т. п.

Карлъ III (VI) (1711—1740), не имѣя наслѣдниковъ въ мужскомъ колѣнѣ, издалъ въ 1712 году прагматическую санкцію, цѣлью обнародованія коей было упрочить престолонаслѣдіе за женскимъ колѣномъ. Такимъ образомъ, по силѣ прагматической санкціи, корона Венгерско-Хорватская имѣла бы перейти на домъ Габсбургско-Лотарингскій, въ лицѣ старшей дочери Карла VI Маріи-Терезіи. Но какъ законъ этотъ не могъ войти въ силу ни въ Хорватіи, ни въ Венгріи, пока не быдъ одобренъ Хорватскимъ и Венгерскимъ сеймами, — то по этой причинѣ, Карлъ VI и препроводилъ санкцію на Хорватскій сеймъ, созданный въ Загребѣ 9-го марта 1712 года. Принявъ прагматическую санкцію, которая между прочимъ содержала въ себѣ особое положеніе относительно правъ и обязанностей государей Габсбургско-Лотарингской династіи къ Тріединому королевству, упомянутый сеймъ призналъ за этимъ домомъ право наслѣдства на Хорватскую корону¹⁾. Впрочемъ, Хорваты вскорѣ по

¹⁾ Итакъ, право династіи Габсбургской на корону Тріединаго королевства основано на выборѣ Фердинанда I Цетинскимъ соборомъ 1-го января 1527 года и на прагматической санкціи, принятой Загребскимъ соборомъ 9-го марта 1712 года. Какъ соборъ Цетинскій, такъ и прагматическая санкція, суть два совершенно отдѣльные договора, по коимъ Хорватскій престолъ, съ одной стороны, переходилъ на домъ Габсбургскій, а вѣнскій — Габсбургско-Лотарингскій со всеми правами, какія искони были ему присвоены. Съ другой стороны, Фердинандъ I

опыту узнали всю шаткость обѣщаній, торжественно данныхъ имъ Карломъ VI. Дѣйствительно, имѣя въ виду склонить Венгровъ принять прагматическую санкцію, Карлъ VI выразилъ готовность свою сдѣлать имъ всевозможныя уступки, хотя бы онѣ и наносили прямой ущербъ политической самостоятельности Хорватскаго королевства. Такъ, въ 1715 году въ г. Буда (Будимъ) были устроены: 1) Венгерская канцеларія (*Cancellaria Hungica*), которая должна была служить какъ бы посредникомъ между королемъ и Венгерскимъ королевствомъ; 2) Венгерскій наместниковъ совѣтъ (*Consilium locum tenentiale Hungaricum*), который сосредоточилъ въ себѣ всю внутреннюю администрацію королевства Венгерскаго; 3) Септемвиратъ (*Tabula Septemviralis*), высшую судебную инстанцію для Венгріи и Триединаго королевства. Венгры, въ надеждѣ получить еще большія уступки отъ царствующей династіи, согласились на Пресбургскомъ сеймѣ 1723 года принять прагматическую санкцію. На этомъ сеймѣ было положено слѣдующее: 1) устроить въ Загребѣ судъ второй инстанціи — Банскій столъ (*Tabula Banalis*), который имѣлъ бы тоже значеніе, что *Tabula Regia* — въ г. Будѣ. Президентомъ Банскаго стола былъ банъ, вице-президента же и нотаріуса избирала Загребская конгрегація. Впрочемъ, правительство удержало за собою право избирать въ члены суда двухъ магнатовъ и одного прелата и право назначать совѣтниковъ онаго, коихъ полагалось шесть. 2) Устроить суды первой инстанціи: уѣздныя жупанійскіе (по одному въ жупанствѣ) и городскіе. Президентомъ жупанійскаго суда обыкновенно бывалъ поджупанъ, а членами — выборные, по усмотрѣнію жупанійскихъ скупщинъ, утверждаемые великимъ жупаномъ.

Правленіе Карла III (VI) также знаменательно и по отношенію войнъ его съ Турками: послѣ двухъ рѣшительныхъ побѣдъ надъ Турками при Петервардейнѣ (1716 года) и Бѣлградѣ (1717 года), одержанныхъ Евгениемъ Савойскимъ, былъ заключенъ миръ въ г. Пассаровицѣ, по силѣ коего Славонія отошла къ Германіи.

Марія Терезія (1740—1780 гг.) продолжала покровительствовать мадьярскому началу. Въ 1743 году Славонія хотя и была присоединена къ Хорватіи, но приобрѣла вполнѣ отдѣльное административное устройство. Такимъ образомъ, названіе Триединое королевство *de facto*

и Карлъ III (VI) торжественно обязали себя и своихъ законныхъ наследниковъ всегда ненарушимо сохранять и защищать, даже по возможности увеличивать и расширять, права и привилегіи Триединаго королевства.

перестало существовать и сохранялось только въ официальномъ языкѣ. Понятно теперь, что когда Марія Терезія, тѣсняемая прусскимъ королемъ Фридрихомъ, созвала Хорватскій сеймъ въ 1758 году въ Загребѣ и просила у Хорватовъ, чрезъ посредство бана, вооруженной силы, то они объявили ей, что хорватское войско никогда не воевало въ территоріи Хорватіи, а если и дѣлало иногда въ семъ отношеніи изъятіе, то единственно изъ любви къ своему королю, но противъ закона. Марія Терезія, по силѣ самихъ обстоятельствъ, была принуждена сдѣлать уступку Хорватамъ: 7-го іюля 1767 года было устроено въ Загребѣ намѣстничко Бере (*Consilium locum tenentiale Croatum*), которое имѣло въ своемъ вѣдѣніи внутреннюю администрацію Хорватскаго королевства. Впрочемъ, таковая уступка была непродолжительна: въ 1770 году этотъ совѣтъ былъ упраздненъ, и дѣла его были переданы Венгерскому намѣстническому совѣту. Въ 1777 году приморская часть Хорватіи была присоединена къ Венгріи и стала называться—*Litvale Ungarico*; г. Фиуме (Рѣка), съ прилегающими къ нему городами Букчари (Бакра) и Порто-Ре (Кралевица), составилъ особую губернію—*Gubernium di Fiume*, управляемую губернаторомъ, который былъ непосредственно подчиненъ Венгерскому правительству.

Преемникъ Маріи Терезіи Іосифъ II (1780—1790 гг.) слѣдовалъ системѣ централизаціи въ духѣ германскаго начала. Онъ ограничилъ сферу дѣятельности Хорватскаго и Венгерскаго сеймовъ; Загребскій сеймъ созывался весьма рѣдко и только по дѣламъ гражданской Хорватіи; созваніе жупанійскихъ скупщинъ было строго воспрещено; были введены значительныя измѣненія въ Хорватскомъ законодательствѣ, мало благоприятныя Хорватамъ; были устроиваемы суды и училища въ духѣ немецкихъ началъ; лица нѣмецкаго происхожденія стали получать разные административныя должности въ Хорватіи; прервана была политическая связь между Хорватіей и Славоніей, и сей послѣдней провинціи было предоставлено право посылать своихъ пословъ на Венгерскій сеймъ и т. д. Чтобъ успѣшнѣе противодѣйствовать германской политикѣ Іосифа II, Хорваты, по силѣ самихъ обстоятельствъ, пожелали возстановить политическую связь между Хорватіей и Венгріей. Равнымъ образомъ и Венгры, весьма недовольные правительственною системою Іосифа II, охотно вступили въ соглашеніе съ Хорватами. Венгерскому сейму было предоставлено право составленія законовъ и для Хорватіи; впрочемъ, въ свою очередь, и Загребскій соборъ приобрѣлъ право окончательнаго рѣшенія по вопросамъ касающимся Хорватскаго королевства и разсмотрѣн-

нымъ на Венгерскомъ сеймѣ. Незадолго до своей смерти, Іосифъ II отмѣнилъ, однако, всѣ распоряженія, направленныя къ нарушенію историческихъ правъ Хорватскаго королевства.

Кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ важныхъ договоровъ, которые упрочили Хорватскій престолъ за Габсбургско-Лотарингскою династіей, къ числу основныхъ государственныхъ законовъ Тріединнаго королевства слѣдуетъ отнести: 1) Дипломы, извѣстныя подъ именемъ — *Diploma inaugurale*, которые обыкновенно были обнаруживаемы при коронаціи королей и вообще содержали изложеніе политической программы вновь коронованной особы. Кромѣ дипломовъ, упомянутыхъ выше, надлежитъ упомянуть о дипломѣ Фердинанда II отъ 17-го (н. с.) іюня 1622 года, которымъ было признано, что Хорватско-Славонская военная граница составляетъ часть Тріединнаго королевства, и обѣщано отмѣнить ея военную администрацію и присоединить ее къ Хорватіи. Сначала эти дипломы были даваемы корлями отдѣльно Тріединному королевству, какъ напримѣръ, при Фердинандѣ II, а позднѣе—всѣмъ землямъ короны Венгерско-Хорватской. 2) Королевскіе рескрипты; такъ напримѣръ, Леопольда I отъ 10-го іюля 1703 года и Маріи Терезіи отъ 17-го января 1750 года по силѣ коихъ Хорватско-Славонская военная граница была признана за нераздѣльную часть Тріединнаго королевства. Впрочемъ, давъ (алмаціи административное устройство, отдѣльное отъ Хорватіи и Славоніи, Марія Терезія нарушила территориальную цѣлость Тріединнаго королевства. 3) Заключенія, положенныя на Хорватскихъ сеймахъ и нашедшія себѣ высочайшее подтвержденіе, о томъ, что военная граница (Хорватско-Славонская) составляетъ неотъемлемую часть Тріединнаго королевства 1647 года; также постановленія о податяхъ и налогахъ, о рекрутскомъ наборѣ, объ укрѣпленіи крѣпостей и ащитѣ земли отъ вторженія непріятелей.

Первымъ дѣломъ Леопольда II (1790 — 1792г.) было совать общій сеймъ въ г. Пресбургѣ. Сеймъ этотъ сильно стѣснилъ политическую самостоятельность Тріединнаго королевства. На немъ были приняты, между прочимъ, слѣдующія положенія: § 12-тъ установлено, что власть составлять, измѣнять и отмѣнять законы имѣтъ законно коронованный король и депутаты, законно избранные въ сеймъ, и власть эту, внѣ сейма, никто не можетъ исполнять. Такимъ образомъ, хорватскій сеймъ утратилъ право пересмотра законѣвъ, по отношенію Хорватіи, составляемыхъ на общемъ сеймѣ. § 5-мъ рѣшено, чтобы вся внутренняя администрація Тріединнаго королевства была пе-

редана венгерскому намѣстническому совѣту. Наконецъ, § 59-мъ постановлено, что опредѣленіе количества податей и налоговъ въ Тріединомъ королевствѣ рѣшается въ общемъ сеймѣ.

Такъ какъ хорватскіе послы приняли участіе въ означенномъ сеймѣ, то и заключеніе онаго неминуемо вошло въ силу и на территоріи Тріединого королевства. Венгры, получивъ теперь право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Тріединого королевства, пожелали замѣнить языкъ латинскій, до тѣхъ поръ употреблявшійся въ канцеляріяхъ и въ школахъ, языкомъ венгерскимъ, что послужило поводомъ къ началу враждебныхъ отношеній между Хорватами и Венграми ¹⁾. Созванный въ 1791 году общій сеймъ въ г. Пресбургѣ, дабы отклонить германскую политику Габсбургской династіи, принялъ слѣдующее рѣшеніе: „§ 10. Леопольдъ II обязуетъ себя и своихъ наслѣдниковъ, что будетъ управлять Венгріей, какъ королевствомъ, которое имѣетъ собственную конституцію и не подчинено никакому иному королевству, по собственнымъ законамъ и постановленіямъ, а не по образу остальныхъ наслѣдственныхъ областей, съ коими связано нераздѣльною и непарушимою связью единственно только по отношенію исключительной обязанности взаимной защиты, по смыслу прагматической санкціи“. Леопольдъ II, принужденный, по силѣ обстоятельствъ, подтвердить заключеніе означеннаго сейма, призналъ такимъ образомъ политическую самостоятельность земель венгерско-хорватской короны относительно австрійскихъ земель.

Францъ I (II) (1792—1835 г.), по силѣ диплома своего, также подтвердилъ историческія права Тріединого королевства. По Кампоформійскому трактату, 17-го октября 1797 года, онъ приобрѣлъ Венеціанскую Далмацію и Истрію. Онъ же придумалъ территориальную цѣлость Тріединого королевства; такъ, рескриптомъ отъ 17-го октября 1802 года, а затѣмъ одобреніемъ статьи 5-й венгерско-хорватскаго сейма 1830 года, онъ призналъ, что Далмаціи составляетъ неотъемлемую часть Тріединого королевства. По Пресбургскому миру (26-го декабря 1805 года) Австрія утратила Далмацію, Приморскую Хорватію, часть Истріи и Каринтію, которыя образовали Иллирійское королевство со столицей въ Лайбахѣ (Люблянѣ). По Вѣнскому трак-

¹⁾ Съ цѣлію успокоить броженіе умовъ между Хорватами, Леопольдъ II издалъ 13-го января 1791 года рескриптъ, коимъ, признавая Хорватско-Славонскую военную границу за нераздѣльную часть Тріединого королевства, обещалъ въ то же время отнѣздить въ ней военное начало и присоединить оную къ королевству.

тату 9-го іюня 1815 года, Далмація и Рагуская республика были уступлены Австріи.

Австрійская имперія хотя и составила изъ разнородныхъ и отчасти враждебныхъ между собою элементовъ, тѣмъ не менѣе они могли бы, однако, прійти къ довольно удовлетворительному взаимному соглашенію; но таковое соглашеніе не подходило подъ политическіе виды австрійскаго правительства. Австрійское министерство, подъ эгидой князя Меттерниха, приняло за принципъ внутренней своей политики: *divide et impera*. Проводя, съ одной стороны, народное начало, съ другой же—сѣя между различными народностями сѣмя несогласія, кабинетъ Меттерниха успѣвалъ такимъ образомъ противодействовать, въ случаѣ нужды, опасной для него оппозиціи.

Промежутокъ времени между 1826 и 1848 г. составляетъ періодъ наибольшаго преобладанія мадьярскаго начала въ Тріединомъ королевствѣ. Конституціонныя права сего королевства, торжественно утвержденныя всѣми возможными дипломами и рескриптами, сдѣлались мертвою буквой. Загребскій сеймъ, получивъ названіе *Generalis Congregatio Statuum et Ordinum regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae*, утратилъ дреннее свое значеніе; выборы депутатовъ стали происходить по феодальному мадьярскому закону, въ основаніи котораго лежало аристократическое начало¹⁾; всѣ вопросы, не исключая и вопроса о бюджетѣ Тріединаго королевства, представлялись для окончательнаго разрѣшенія венгерскому сейму; банъ хотя и пользовался правомъ ежегодно созывать, подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, сеймъ въ Загребѣ, но онъ занималъ только третье мѣсто на венгерскомъ сеймѣ (первое мѣсто занималъ *Palatinus*, а второе—*Regiae Curiae Judex*). Такимъ образомъ, можно сказать, что въ означенный періодъ времени, съ одной стороны, Хорватскій соборъ сдѣлался какъ бы отдѣленіемъ Венгерскаго парламента, а съ другой—единственными правителями Хорватіи стали магнаты—ярне лоборники политическихъ заявленій Венгровъ, а ихъ помощниками были присылаемы изъ Венгріи чиновники, которые, бывши душой и тѣломъ чистые Мадьяры, стали запрещать даже изданіе книгъ на хорватскомъ языкѣ. Въ административномъ отношеніи, Тріединое ко-

¹⁾ Право быть депутатомъ принадлежало: 1) мѣстному дворянству и 2) лицамъ, которыя, по своему оцізальному положенію, приобрѣтали дворянство, какъ напримѣръ, прелаты, великіе жупаны и т. д.; они были приглашаемы особыми банскими записками (*litterae Banales*) принимать участіе въ сеймѣ.

ролевство раздѣлено было на шесть жупанствъ: Загребское, Вараждинское, Вировитичское, Пожеское, Сремское и Креуцкое (Крижевачка). Каждое жупанство было подраздѣлено на уѣзды (велики Котаръ—*Processus*, а мады Котаръ—*Districtus*). Начальникомъ жупанства былъ великій жупанъ, которому принадлежала политическая и судебная власть вѣреннаго ему округа; начальникомъ большаго уѣзда былъ великій судецъ (*Ordinarius iudex nobilium*) а малаго—котарскій судецъ (*Districtualis iudex nobilium*); Туропоље (вблизи Загреба, сельская община, гдѣ всѣ селяне благородные) стало именоваться—*Sanctus nobilium*, а жупанъ онаго—*Comes terrestris* съ правами великихъ жупановъ. Въ 1836 году Тріединое королевство, на официальномъ языкѣ, было обозначено подъ наименованіемъ *Partes adnexae* Венгерскаго королевства.

Законодательную власть въ земляхъ венгерской короны имѣлъ венгерскій сеймъ. Онъ былъ раздѣленъ на двѣ палаты. *Tabula Magnatum* или *tabula Procerorum* (верхняя палата), состоявшая изъ магнатовъ, то-есть, князей, графовъ, бароновъ, высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, имѣла своимъ президентомъ—Палатина. *Tabula Deputatorum* или *tabula Statuum et Ordinum* (нижняя палата) состояла изъ представителей земель короны венгерской, и число депутатовъ простиралось въ ней до 377. Сеймъ созывался чрезъ каждые три года, подъ предсѣдательствомъ лица, избираемаго среди депутатовъ. Въ случаѣ созванія сейма, извѣщеніе по самому предмету было препровождено бану, который, въ свою очередь, сообщалъ генеральной конгрегаціи.

Императоръ Фердинандъ I, какъ король венгерско-хорватскій (1835—1848 г.), лично открылъ сеймъ въ г. Пресбургѣ 19-го мая 1843 года и произнесъ при семъ на латинскомъ языкѣ рѣчь. Онъ упомянулъ о своемъ попеченіи относительно сохраненія въ неприкосновенности основаній древней конституціи Венгерскаго королевства и предложилъ сейму рассмотреть предметы, которые могли бы дать большій блескъ учрежденіямъ страны и увеличить ея благосостояніе. Въ нижней палатѣ, въ засѣданіи отъ 20-го іюня 1843 года, было принято рѣшеніе, что венгерскій языкъ имѣетъ быть признанъ языкомъ официальнымъ не только на территоріи Венгерскаго королевства, но и въ земляхъ, составляющихъ *partes adnexae* сего королевства. Хорватскіе послы протестовали противъ такого заключенія, и отправили въ Вѣну, подъ предсѣдательствомъ бана, хорватскую депутацію, чтобы ходатайствовать предъ императоромъ о неутверж-

деніи упомянутого заключенія нижней палаты. Ходатайство Хорватовъ не увѣнчалось никакимъ успѣхомъ. Вотъ вкратцѣ главные пункты относительно венгерскаго языка, принятые на венгерскомъ засѣданіи 1849 года: 1) Всѣ высочайшіе рескрипты и дипломы имѣютъ быть впредь издаваемы на венгерскомъ языкѣ. 2) Всѣ законы и постановленія, составляемые на венгерскомъ сеймѣ, имѣютъ быть излагаемы на венгерскомъ языкѣ, бывъ высочайше подтверждены на томъ же языкѣ. 3) Языкомъ на венгерскомъ сеймѣ будетъ впредь языкъ венгерскій; но принимая во вниманіе, что многіе депутаты земель венгерской короны недостаточно хорошо владѣютъ симъ языкомъ, — въ видѣ изъятія и не долге, какъ въ теченіе шести лѣтъ со времени созванія настоящаго сейма, будетъ имъ дозволено употребленіе на венгерскомъ сеймѣ и языка латинскаго. 4) Венгерскій языкъ имѣетъ быть официальнымъ и для внутренней переписки Венгерскаго королевства съ землями венгерской короны. Впрочемъ земли, составляющія *partes adnexae* Венгріи, могутъ употреблять въ перепискѣ съ венгерскими властями и языкъ латинскій. 5) Административнымъ языкомъ венгерскаго намістническаго совѣта долженъ быть языкъ венгерскій. Изъятіе составляетъ его переписка, какъ съ высшими военными, такъ и съ гражданскими властями наслѣдственныхъ провинцій габсбургской династіи, а также съ представителями иностранныхъ государствъ. 6) Языкомъ королевской курии по процессамъ, непосредственно относящимся до Венгерскаго королевства, а слѣдовательно, и по духовнымъ дѣламъ, имѣетъ быть языкъ венгерскій. 7) Какъ въ Венгерскомъ королевствѣ, такъ и въ земляхъ, составляющихъ *partes adnexae* его ¹⁾, языкомъ учебнымъ долженъ быть языкъ венгерскій, впрочемъ, съ нѣкоторыми изъятіями: а) по наукамъ, по коимъ венгерскій языкъ не имѣетъ еще своей терминологіи, какъ-то: химіи, физики, математики, терапіи, патологіи и метафизики; б) по наукамъ религіознаго содержанія, по коимъ воспитанники нуждаются въ основательномъ знаніи латинскаго языка; в) по тѣмъ предметамъ, которые содержатъ исключительно латинскую терминологію, какъ-то: римское право, реторика, антологія, — преподаваніе должно происходить на латинскомъ языкѣ.

Мало обращая вниманія на возрастающее броженіе умовъ въ славянскихъ провинціяхъ венгерской короны, Венгры неумоимо продолжали проводить тамъ свою узко-національную политику. Они на-

¹⁾ За изъятіемъ загребскаго комитета...

значили, въ 1844 году, баномъ Тріединого королевства Каллеръ-де-Каллеркео, а на пресбургскомъ сеймѣ 1847 года многіе Хорваты были публично оскорблены за то, что говорили рѣчи на латинскомъ языкѣ. На венгерскомъ сеймѣ 1848 года былъ составленъ законъ, который долженъ былъ нанести смертельный ударъ политическому существованію Тріединого королевства. Вотъ нѣкоторые параграфы его: § 3. При выборѣ короля, палатинъ имѣетъ полную исполнительную власть не только въ Венгріи, но и въ Хорватіи. Непосредственному вѣдѣнію палатина подлежатъ хорватская администрація, которою онъ управляетъ чрезъ посредство венгерскаго министерства, отвѣтственнаго предъ венгерскимъ сеймомъ. (Такимъ образомъ Тріединое королевство утрачивало свою политическую самостоятельность, а банъ — власть). § 5. Тріединое королевство имѣетъ отправлять на венгерскій сеймъ сорокъ депутатовъ, вмѣсто трехъ *Oratores Regni* (такимъ образомъ, оно сдѣлалось какъ бы провинціей Венгріи). Славонія, Приморье и Хорватско-Славонская военная граница входятъ въ составъ Венгріи. § 9. Населеніе—*partes adnexae*—Венгріи имѣетъ вносить одинаковыя подати съ населеніемъ Венгріи (начиная съ Фердинанда I, Хорваты платили на половину менѣе податей, чѣмъ Венгры). § 11. Дипломатическимъ языкомъ долженъ быть языкъ венгерскій.

Хотя венгерскій элементъ и былъ плотнѣе между собою связанъ, чѣмъ славянскій, и хотя онъ находилъ большую поддержку себѣ въ царствующей династіи, тѣмъ не менѣе, не смотря на таковыя условія, вполнѣ повидимому благопріятствовавшія упроченію мадьярскихъ стремленій въ славянскихъ земляхъ короны св. Стефана, Венгры не сумѣли посвятить на почвѣ Тріединого королевства плодотворнаго сѣмени, которое могло бы пустить отъ себя глубокіе корни. Дѣйствительно, при первомъ неблагопріятномъ вѣтрѣ, мадьярское зданіе, искусственно построенное на территоріи Тріединого королевства,—столь быстро разрушилось, что вскорѣ и слѣдовъ его не осталось. Виноваты въ томъ сами Венгры. Главная ихъ политическая ошибка состояла въ томъ, что они, увѣренныя въ своей матеріальной силѣ, пожелали сдѣлать насильственный переворотъ въ своихъ славянскихъ земляхъ. Этотъ политическій промахъ Венгровъ можетъ быть объясненъ не столько самоувѣренностью, сколько политической ихъ незрѣлостью. Венгры пожелали заставить Славянъ, въ самый непродолжительный срокъ времени, омадьяриваться. Послѣдствія такой необдуманности и недалковидности Венгровъ понятны: Хорваты

стали утрачивать довѣріе къ нимъ, и ради политическаго своего самосохраненія, стали дѣйствовать осмотрительнѣе. Народное сѣмя, счастливо посѣянное на доброкачественной почвѣ Трїединого королевства, ожидало только перваго луча солнца, дабы заявить о своемъ существованіи. Въ 1848 году хорватскимъ баномъ былъ единодушно избранъ Іосифъ Іелачичъ.

Л. Верезинъ.

Въ 1848 году въ Хорватіи произошло великое народное движеніе, которое имѣло своимъ результатомъ освобожденіе Хорватіи отъ австрійскаго владычества. Это движеніе началось въ Славоніи, гдѣ въ то время находился главный штабъ австрійскаго владычества. Тамъ же и началось движеніе, которое имѣло своимъ результатомъ освобожденіе Хорватіи отъ австрійскаго владычества. Это движеніе началось въ Славоніи, гдѣ въ то время находился главный штабъ австрійскаго владычества. Тамъ же и началось движеніе, которое имѣло своимъ результатомъ освобожденіе Хорватіи отъ австрійскаго владычества.

Въ 1848 году въ Хорватіи произошло великое народное движеніе, которое имѣло своимъ результатомъ освобожденіе Хорватіи отъ австрійскаго владычества. Это движеніе началось въ Славоніи, гдѣ въ то время находился главный штабъ австрійскаго владычества. Тамъ же и началось движеніе, которое имѣло своимъ результатомъ освобожденіе Хорватіи отъ австрійскаго владычества. Это движеніе началось въ Славоніи, гдѣ въ то время находился главный штабъ австрійскаго владычества. Тамъ же и началось движеніе, которое имѣло своимъ результатомъ освобожденіе Хорватіи отъ австрійскаго владычества.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ СЧИСЛЕНІЯ.

Въ средѣ нашего образованнаго общества и даже въ средѣ ученыхъ и педагоговъ весьма мало извѣстно историческое развитіе наукъ. Исторія математики въ самыхъ главныхъ ея чертахъ извѣстна еще меньше. Всѣ историческія знанія относительно развитія основныхъ началъ математики ограничиваются, даже въ средѣ многихъ знатковъ этого дѣла, умѣньемъ отвѣтить, что наше счисленіе перешло къ намъ изъ Индіи, обозначеніе цифръ произошло отъ круга съ вписаннымъ квадратомъ и діагоналями и заимствовано у Арабовъ. Болѣе подробныя и болѣе основательныя свѣдѣнія весьма мало распространены; едва ли многіе въ состояніи объяснить, какъ перешло изъ Индіи счисленіе къ намъ, какимъ образомъ достигли Индѣйцы такой важной и необходимой вещи, какъ изобрѣтеніе счисленія, которое будто бы съ тѣхъ поръ не подвергалось измѣненіямъ. А между тѣмъ древняя исторія развитія ариметики представляетъ много интересныхъ фактовъ. Знакомство, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми изъ нихъ въ настоящее время можно считать весьма полезнымъ, если не необходимымъ, даже съ педагогической точки зрѣнія. Историческій ходъ развитія всякой отрасли знанія можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть вѣрнымъ указателемъ того пути, которому нужно слѣдовать при обученіи ребенка; тѣмъ болѣе применимо это къ ариметикѣ, которая, по своей сущности, не могла допускать заблужденій, встрѣчающихся въ другихъ наукахъ.

Разсматривая развитіе счисленія, мы видимъ, что въ отдаленной древности, для произведенія счета, нуждались въ наглядныхъ пособіяхъ въ видѣ камешковъ, раковинъ и т. д., и только въ послѣдствіи перешли къ счету умственному; современная педагогика требуетъ той же послѣдовательности при обученіи дѣтей. Мы видимъ далѣе, что древніе народы умѣли производить дѣйствія съ числами, не зная нумерации въ ея безконечныхъ предѣлахъ; въ настоящее время у насъ¹¹

поступаютъ точно также при рациональномъ преподаваніи. Мы замѣчаемъ, наконецъ, что древніе Греки умѣли строго различать двѣ части ариометики: 1) умѣнье рѣшать и вычислять задачи, такъ называемую *логистику*, и 2) собственно *ариометику*, какъ науку о числахъ. Въ Германіи тоже различаютъ такъ называемое *Rechnen* и *Arithmetik* соответственно греческой логистикѣ и ариометикѣ. Причина подобнаго раздѣленія понятна; но у насъ оно еще не узаконилось и мы не рѣдко видимъ дѣтей 10-ти лѣтняго возраста, которыя ухищряются въ заучиваніи разныхъ свойствъ чиселъ, суммъ, произведеній и дѣлителей, не умѣя рѣшить практически самую несложную задачу.

Педагогическое значеніе исторіи этой отрасли математики и побуждаетъ насъ, въ краткомъ очеркѣ, познакомить съ главными явленіями развитія счисленія людей, интересующихся преподаваніемъ или даже самой исторіей ариометики.

Наше современное счисленіе такъ не сложно и удобно, что трудно представить себѣ, чтобы люди когда-нибудь могли не знать столь простыхъ вещей. Но эти простыя вещи достались человѣчеству не даромъ; много стараній и трудовъ было потрачено прежде, чѣмъ додумались до нашей десятичной системы счисленія, и много измѣненій претерпѣла эта система прежде, чѣмъ выработались нынѣ существующіе способы дѣйствій съ числами. Цѣлый рядъ вѣковъ понадобился для того, чтобы человѣчество развилося на столько, чтобы изобрѣсти эту систему. Древніе народы, особенно Греки, много и успѣшно трудившіеся на поприщѣ математики, не имѣли о ней понятія.

Разсмотримъ же, что заставило изобрѣсти счисленіе и какимъ образомъ развились различныя его системы. При этомъ мы будемъ пользоваться извѣстными сочиненіями: 1) *Arneth*, „Die Geschichte der reinen Mathematik in ihrer Beziehung zur Geschichte der Entwicklung des menschlichen Geistes“, и 2) *Friedlein*, „Die Zahlzeichen und das Elementare Rechnen der Griechen und Römer“.

Греки, заимствовавшіе свои способы вычисленія у Финикіанъ, приписывали этому народу честь изобрѣтенія чиселъ; но подобная мысль противорѣчитъ историческому ходу событій, которыя доказываютъ, что числа были необходимы и употреблялись гораздо раньше. Все-таки мы не можемъ сказать, съ какого времени начали употребляться числа. Естественнѣе всего признать, что такъ какъ главные основы всякаго счисленія, то-есть, начала простаго счета, кроются въ самыхъ первыхъ представленіяхъ человѣческаго разума, то и нельзя обозна-

чить время и мѣсто его происхожденія. Простой счетъ во всякомъ случаѣ существовалъ за нѣсколько тысячелѣтій до появленія правильнаго счисленія. Платонъ весьма остроумно выразился по поводу басни, въ которой разказывается, что первымъ изобрѣтателемъ чиселъ былъ Паламедъ: „Неужели“, замѣтилъ Платонъ, „царь Агамемнонъ не зналъ, безъ Паламеда, сколько у него ногъ?“

О происхожденіи счета у доисторическихъ народовъ мы можемъ составить себѣ только приблизительное понятіе по аналогіи съ народами, которые находятся въ настоящее время на низшей ступени цивилизаціи. Вѣроятно, первоначальный счетъ произошелъ слѣдующимъ образомъ: считающій принималъ самого себя за перваго, за единицу, ближайшаго къ себѣ человѣка за втораго, и наконецъ, посторонняго или отдаленнаго человѣка за третьяго; потомъ тремя названіями, соотвѣтственными этимъ тремъ людямъ, пазывалъ первые три числа. Конечно, это не болѣе, какъ предположеніе, и нѣтъ возможности возвести его въ достовѣрный фактъ. Невозможно это потому, что самыя названія чиселъ подверглись у всѣхъ народовъ такимъ измѣненіямъ; какихъ не претерпѣвалъ никакой другой отдѣлъ словъ.

Для изображенія большихъ чиселъ употребляли еще такъ называемый языкъ знаковъ, то-есть, число обозначали поднятіемъ пальцевъ; напримѣръ, 4 поднятіемъ четырехъ пальцевъ, 5—цѣлой руки. Подобнымъ образомъ счетъ могъ продолжаться дальше, то-есть, 6 обозначалось поднятіемъ одной руки и 1 пальца, 7—руки и 2 пальцевъ; 10—2 рукъ и т. д.; счетъ этотъ существуетъ еще у нѣкоторыхъ народовъ и въ настоящее время, напримѣръ, у Арабовъ, Феллаховъ и Фуласовъ въ Африкѣ и у нѣкоторыхъ изъ американскихъ племенъ. Дѣйствительно ли такъ считали древніе народы, съ достовѣрностью утверждать нельзя; у цивилизованныхъ народовъ мы не встрѣчаемъ никакого указанія, подтверждающаго подобное происхожденіе счета; самыя названія чиселъ такъ бессодержательны, что не указываютъ ровно ни на что, и слова, означающія ихъ, выбраны какъ будто совершенно условно и произвольно.

Въ примѣръ того разнообразія, которое могутъ принимать названія чиселъ, приведемъ слѣдующее: въ Африкѣ, нѣсколько южнѣе экватора, живутъ племена, имѣющія общій языкъ, но съ нѣсколькими нарѣчіями; прежде у этихъ племенъ были одни и тѣ же названія чиселъ, но теперь, при незначительномъ различіи въ нарѣчіяхъ, названія чиселъ представляютъ уже рѣзкое и необъяснимое различіе.

Это-то особенное свойство названій чиселъ — свойство совершенно и чуть ли не безпричинно измѣняться, — дѣлаетъ невозможнымъ открытіе древнѣйшихъ способовъ счисления.

Имѣя необходимость считать большое число предметовъ, человекъ долженъ былъ дать всякому числу особое отличительное названіе; но такъ какъ это было бы слишкомъ обременительно, даже невозможно, то и стали изобрѣтать такія системы, чтобы, при сравнительно небольшомъ числѣ коренныхъ названій, имѣть средство обозначать всѣ встрѣчающіяся числа. Такимъ образомъ явились системы счисления. Больше распространены три системы: *пятиричная* или *пентадическая*, *десятичная* или *децимальная*, и *двадцатиричная* или *отезимальная*.

Наша современная десятичная система, состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что каждыя 10 единицъ составляютъ 1 десятокъ, единицу 2-го порядка; когда оконченъ счетъ простыхъ единицъ, то начинаютъ считать десятками и считаютъ до тѣхъ поръ, пока дойдутъ до 10 десятковъ = 1 сотни или единицы 3-го порядка, съ которой обращаются опять такимъ же образомъ, какъ и съ прежними единицами. Подобнымъ образомъ счетъ можетъ вестись до безконечности. Наши учебники ариметики указываютъ, что можно считать такимъ же образомъ и по всякой другой системѣ; все различіе заключается въ томъ, что единицу новаго порядка составляютъ не 10 единицъ предыдущаго низшаго, а какое нибудь другое число: такъ для пятиричной системы нужно имѣть только 5 единицъ одного порядка, чтобы составить единицу слѣдующаго порядка, потомъ слѣдуетъ считать единицами этого втораго порядка, пока не получится единица 3-го порядка и т. д. По аналогіи съ нашей теперешнею десятичною системою, такъ бы и нужно было составить систему пятиричную, но не такъ она возникла въ древности, не такова она и у настоящихъ народовъ, которые ее употребляютъ; десятичная система въ первое время своего существованія тоже отличалась отъ теперешней. Современные системы основаны на многогранномъ умноженіи основнаго числа на само себя, на возвышеніи, на примѣръ, 10, при десятичной системѣ, въ разныхъ степеняхъ; понятно, что такой процессъ былъ недоступенъ народамъ въ младенческомъ состояніи, также какъ недоступна наша безконечная нумерація дѣтямъ 7 или 9 лѣтъ, — и древнѣйшіе народы понимали пятиричную, десятичную и двадцатиричную систему иначе. Причина выбора именно этихъ чиселъ за основу для системы счисления была вѣроятно та, что пособіемъ счета служили пальцы. Человекъ, сосчитавъ 5 пальцевъ одной руки, прини-

малъ ихъ за нѣчто цѣлое, за единицу 2-го порядка; имѣя единицу 2-го порядка, онъ присчитывалъ къ ней, уже по пальцамъ другой руки, еще пять единицъ, получалъ вторую единицу 2-го порядка, и такимъ образомъ двѣ полныя руки составляли единицу 3-го порядка. Мы видимъ, что человѣкъ не нуждался для составленія единицы 3-го порядка въ собираніи 5 единицъ 2-го порядка, какъ бы слѣдовало это дѣлать сообразно съ нашей системой, а вполнѣ довольствовался 2 единицами, 2 руками. Сообразно съ нашей системой, чтобы получить одну единицу 3-го порядка, нужно взять 5^2 ; древніе же брали 5×2 ; понятно, что процессъ древнихъ народовъ былъ проще, чѣмъ нашъ; тамъ, гдѣ мы требуемъ возвышенія во 2-ю степень, они просто умножаютъ на 2. Слѣдовательно, пятиричная система не была системой счисления въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли ее понимать теперь; древніе считали собственно только до пяти, на каждомъ пяткѣ останавливались, и давали ему особое названіе. Счетъ по такой системѣ продолжался очень недалеко. Въ настоящее время эта система счисления употребляется многими африканскими народами и отъ нихъ распространилась по островамъ Индійскаго и Южнаго океановъ, откуда перешла даже въ Азію и Америку.

Десятичная система въ своемъ первоначальномъ видѣ и не отличается существенно отъ пятиричной; вся разница только въ томъ, что пятиричная требуетъ 5 новыхъ названій для составленія единицы 2-го порядка, десятичная же требуетъ 10. Сосчитавъ до 10, останавливаются, даютъ десяти единицамъ новое названіе, и продолженіе счета состоитъ въ томъ, что къ новому названію присоединяютъ лишь названія первыхъ 10 чиселъ; слѣдующая остановка дѣлается при 20, 30 и т. д., которымъ также даются новыя названія и которыя считаются за единицы новыхъ порядковъ. Такая система счисления вполнѣ достаточна, пока числа, употребляемыя въ вычисленіяхъ, не велики, напримѣръ, не превышаютъ 100. Изъ этого мы заключаемъ, что современное требованіе рациональнаго преподаванія ариметики — не начинать ее съ нумераціи, — имѣетъ и историческое основаніе. Понятіе о числахъ вообще и дѣйствіяхъ съ ними въ опредѣленныхъ границахъ должны предшествовать полной нумераціи. Только при усложнившихся операціяхъ и притомъ съ большими числами древніе народы нашли нужнымъ усовершенствовать и обобщить десятичную систему счисления; точно также и ребенку она становится необходима и доступна лишь тогда, когда онъ уже достаточно освоился съ значеніемъ и употребленіемъ чиселъ.

Третья система счисления—двадцатичная. Она состоитъ въ томъ, что 20 единицъ считаютъ за единицу 2-го порядка, а 20 единицъ 2-го порядка составляютъ единицу 3-го и т. д. Эта система была очень распространена въ прежнее время и существуетъ даже теперь, такъ, напримѣръ, она употребляется у народовъ Сѣверо-Западной Африки; отсюда распространилась нѣкогда по Европѣ и до сихъ поръ оставила слѣды въ Испаніи, Франціи, Англии и Скандинавіи; кромѣ того господствуетъ у Кавказскихъ племенъ и народовъ Сѣверо-Восточной Азіи; полного же своего развитія достигла въ Средней и Южной Америкѣ и отсюда распространилась по Тихому океану и Индійскому Архипелагу. Существованіе двадцатичной системы въ Европѣ подтверждается названіями чиселъ, которыя удержались даже послѣ того, какъ была введена десятичная система. Двадцатичная система требуетъ, чтобы счетъ велся *двадцатками*, подобно тому, какъ мы считаемъ десятками. Слѣды подобнаго счета сохранились до сихъ поръ: такъ во французскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ *quatre-vingt*, то-есть, 80; названіе 90 образуется прибавленіемъ слова *dix* къ слову *quatre-vingt*, совершенно также, какъ бы образовалось названіе 82, то-есть, *quatre-vingt-deux*. Названіе 60—*soixante* указываетъ на происхожденіе по десятичной системѣ, но 70, какъ не полный двадцатокъ, не имѣетъ своего названія, а *soixante-dix*. Мало употребительныя формы *quinze-vingt*, *six-vingt*, *sept-vingt*, *huit-vingt* и употребляемыя въ Бретаніи, на кельтическомъ діалектѣ, слова *deux-vingt* (*daou-ugent*) и *trois-vingt* (*tri-ugent*) доказываютъ также существованіе нѣкогда во Франціи двадцатичной системы счисления.

Существовала ли въ Сѣверо-Западной Африкѣ и Европѣ двадцатичная система въ полномъ своемъ развитіи, неизвѣстно; вѣроятно, она не успѣла еще его достигнуть и была замѣнена десятичною. Вполнѣ же эта система развилась въ Средней и Южной Америкѣ, представляющей въ этомъ отношеніи весьма интересный примѣръ. Тамъ она усовершенствована также, какъ десятичная: у насъ единица 3-го порядка есть $100 = 10 \times 10$; у американскихъ народовъ— $400 = 20 \times 20$; единицъ 4-го порядка у нихъ $1000 = 10 \times 100 = 10^3$; у нихъ $8000 = 20 \times 400 = 20^3$. Ацтеки въ Мексикѣ, сообразно двадцатичной системѣ, ввели 20 знаковъ для письменнаго изображенія чиселъ; не достигли они только одного—придавать, какъ это дѣлается у насъ, различныя значенія каждой цифрѣ, стоящей на разныхъ мѣстахъ; для обозначенія единицъ новыхъ порядковъ, они, подобно Грекамъ, ввели новые письменные знаки.

Причина выбора чиселъ 5, 10 и 20 за основаніе системы счисленія объясняется тѣмъ, что для самаго перваго счета пользовались пальцами и вслѣдствіе этого за единицу 2-го порядка принимали нѣчто цѣлое: одинъ пятакъ—число пальцевъ одной руки, одинъ десятокъ—число пальцевъ на обѣихъ рукахъ, одинъ двадцатокъ—число всѣхъ пальцевъ человѣка. Впрочемъ, существуютъ народы, которые основнымъ числомъ для своей системы выбирали и другія числа; такъ Самоѣды почему-то за основаніе принимали 9 и за единицу 2-го порядка *одинъ девятокъ*.

Перейдемъ теперь къ письменному обозначенію чиселъ. Обозначенія эти были двоякія: одни народы пользовались для этого существовавшими у нихъ буквами, другіе—изобрѣтали особые знаки: и то, и другое встрѣчалось у весьма древнихъ народовъ и долгое время сохранялось неизмѣнно. Совершенствованіе словеснаго счисленія шло медленно, письменнаго же еще медленнѣе. Недостатки этого послѣдняго способа имѣли большое вліяніе на самое развитіе счисленія; не умѣли написать большаго числа, ученые того времени не имѣли возможности произвести необходимыя вычисленія, не могли сдѣлать тѣхъ открытій, въ которыхъ необходимы большія вычисленія. Поэтому неумѣніе и неудобства письменнаго обозначенія чиселъ производили большую задержку въ общемъ развитіи знаній. Великіе умы, какъ напримѣръ, Пифагоръ, Архимедъ невольно должны были взяться за усовершенствованіе системы счисленія.

Посмотримъ же, въ какомъ видѣ оно существовало въ древнѣйшія времена.

При употребленіи десятичной системы счисленія, нужно имѣть коренныя названія первыхъ 9-ти чиселъ, потомъ названія чиселъ 10, 100 и т. д. У большинства извѣстныхъ древнихъ народовъ существовали названія чиселъ только до 1.000 или самое большое до 10.000. Слово, означающее 10.000 было какъ-бы равносильно слову безконечность, и представляло предѣлъ чиселъ; слово *μόριας*, то-есть, 10.000 у Грековъ употреблялось для обозначенія безчисленнаго множества; только санскритскій языкъ ушелъ дальше и создалъ названія чиселъ почти до билліоновъ. Всѣ названія чиселъ промежуточныхъ между 10 и 100, 100 и 1.000 составлялись съ маловажными измѣненіями изъ меньшаго числа коренныхъ названій. Письменное же обозначеніе долго не могло дойти до того, чтобы изображать эти промежуточные числа небольшимъ числомъ основныхъ знаковъ; народы

древности почти для каждого числа изобрѣтали новый письменный знакъ. Затрудненія, происходящія отъ такого способа, понятны.

Греки имѣли буквенное обозначеніе чиселъ, заимствованное почти цѣликомъ отъ Финикіянъ вмѣстѣ съ ихъ азбукою; но такъ какъ въ греческомъ языкѣ не было нѣкоторыхъ звуковъ, свойственныхъ семитическимъ народамъ, а были другіе, которыхъ Семиты не знали, то и буквенное обозначеніе чиселъ у Грековъ нѣсколько отличалось отъ обозначенія у семитическихъ племенъ. Такъ, въ греческомъ алфавитѣ не существовало буквъ для обозначенія 6 и 90. Число 6 въ семитическихъ языкахъ обозначалось буквою *Vav*; но такъ какъ такого звука Греки не имѣли, то они нѣсколько видоизмѣнили ее, дали ей видъ *с* и названіе *ἑπίσημον βας*, и стали употреблять, какъ числовой знакъ. Остальныя числа до 10 они обозначали первыми буквами своего алфавита. Число 90 въ семитическихъ языкахъ обозначалось черезъ *Tsade*, а такъ какъ такого звука у Грековъ тоже не было, то они ввели семитическій знакъ *κορῆ* и дали ему названіе *ἑπίσημον κορῆ* или *κορῆ*. Всѣхъ буквъ въ семитическихъ языкахъ было 22, вслѣдствіе чего эти народы могли обозначать числа только до 400; далѣе, для чиселъ до 900, нужно было имѣть 5 новыхъ знаковъ. Евреи составляли эти числа изъ предыдущихъ, — на примѣръ, 900 составлялось изъ $400 + 400 + 100$ или иногда употребляли особые знаки. Греки же, имѣя больше буквъ, употребляли для обозначенія послѣднихъ сотенъ, пять новыхъ буквъ: *υ*, *φ*, *χ*, *ψ*, *ω*. Для обозначенія перваго десятка тысячъ Греки употребляли тѣ же буквы, какъ для чиселъ до 10, но приставляли передъ буквой запятую, подобно тому, какъ это принято въ славянскомъ обозначеніи тысячъ. Такимъ образомъ, они могли дойти до 9.999, за которымъ слѣдовалъ мириадъ (*Μυριάς*). Ученые, разумѣется, не останавливались на этомъ числѣ, какъ на конечномъ предѣлѣ, но смотрѣли на него, какъ на начало новаго класса чиселъ. Подобно тому, какъ у насъ тысячью заканчивается первый классъ чиселъ и начинается второй, у Грековъ первый классъ заканчивается мириадомъ и съ этихъ поръ начинался второй. Первый классъ, классъ единицъ, получилъ названіе *μονάδας*, а второй, классъ десятковъ тысячъ, — названіе *μυριάδας*. Этимъ раздѣленіемъ на два класса греческое словесное десятичное численіе существенно отличалось отъ нашего десятичнаго. Письменное обозначеніе чиселъ, превышавшихъ мириаду, оставалось тоже, какъ и для меньшихъ чиселъ; приписывались только, полно или сокращенно, названія классовъ, причемъ это названіе могло прилагаться

различно: спереди, сзади или внизу числа, иногда же оно вовсе опускалось. Такимъ образомъ, по гречески число 23.134.283 писалось такъ: $\mu\omicron\upsilon\acute{\rho}\acute{\iota}\delta\alpha\varsigma$ — $\beta\tau\iota\gamma$, $\mu\omicron\nu\acute{\alpha}\delta\alpha\varsigma$ — $\delta\omicron\pi\gamma$, или $\beta\tau\iota\gamma$ Mo. , $\delta\omicron\pi\gamma$, или Mo. , $\beta\tau\iota\gamma$ $\delta\omicron\pi\gamma$, или $\beta\tau\omicron\upsilon\gamma$, $\delta\omicron\pi\gamma$ ($\beta = 2.000$, $\tau = 300$, $\iota = 10$, $\gamma = 3$; $\delta = 4.000$, $\sigma = 200$, $\pi = 80$, $\gamma = 3$).

Кромѣ этой системы буквеннаго обозначенія чиселъ, существовала у Грековъ еще другая буквенная же, но имѣющая нѣкоторое сходство съ не буквеннымъ индійскимъ и римскимъ обозначеніемъ. Способъ этотъ былъ предложенъ Геродіаномъ и не имѣлъ большого примѣненія у Грековъ. Обозначеніе Геродіана замѣчательно тѣмъ, что онъ хотѣлъ съ помощью меньшаго числа знаковъ писать всякія числа. Тогда какъ обыкновенно греческое обозначеніе чиселъ до 10.000 требовало 27 различныхъ знаковъ, по обозначенію Геродіана нужно было только 7. Именно, цифрою для единицы принималась простая черта, остальными же цифрами служили первыя буквы греческихъ названій: П— $\pi\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon$, Δ— $\delta\acute{\epsilon}\kappa\alpha$, Χ— $\chi\acute{\iota}\lambda\iota\omicron\iota$, Η— ἑκατόν или $\acute{\epsilon}\kappa\alpha\tau\omicron\nu$ и Μ— $\mu\acute{\upsilon}\rho\omicron\iota$.

Для составленія какого-нибудь числа слѣдовало одинъ знакъ повторять нѣсколько разъ, но не больше 4-хъ; если же необходимо было повторить большее число разъ, то знакъ заключался въ знакѣ Π, что означало взятіе заключеннаго знака 5 разъ; такъ 400 обозначалось ΠΠΠ, а 500 — ΠΠ, 60 — ΠΔ, 7.000 — ΧΧ ΧΧ и т. д.

Эта система, какъ мы уже говорили, не распространилась въ Греціи, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и представляла къ тому удобства.

Особенно много усовершенствованій въ области счисленія сдѣлали Пифагоръ (570—470) съ своими учениками и Архимедъ Сиракузскій (281—212). Они установили раздѣленіе ариѳметики на двѣ части: *логистику* и собственно *ариѳметику*, и особенно усовершенствовали первую изъ нихъ, то-есть, способы вычисленія. Собственно ариѳметикой, то-есть, ученіемъ о числахъ, занимались также многіе другіе ученые Греки; но мы укажемъ здѣсь главнымъ образомъ на результаты, достигнутыя Пифагоромъ и Архимедомъ.

Пифагоръ, во время своего пребыванія въ Вавилонѣ, хорошо познакомился съ индійскимъ способомъ вычисленія, съ такъ-называемою *колонною системою* (о которой скажемъ далѣе), и старался въ послѣдствіи распространить этотъ способъ въ Греціи. Индійская система содержала въ себѣ много задатковъ къ усовершенствованію, что и доказывается тѣмъ, что изъ нея въ послѣдствіи развилась наша десятичная система.

Греческая система, по самой сущности своей, не могла совершенствоваться, но древніе Греки такъ упорно держались ея и не хотѣли понять преимущества системы индійской, что старанія Пизагора оказались тщетными. Дѣйствительно, колонная система въ то время не представляла особенныхъ удобствъ сравнительно съ греческою и поэтому очень естественно, что большинство Грековъ не пожелало переучиваться; предвидѣть же выгоды ея въ будущемъ не всѣ были способны. Гораздо большій успѣхъ имѣло распространеніе этого счисленія въ Италіи, гдѣ оно вошло въ общее употребленіе.

До насъ дошло очень немного древнихъ сочиненій, по которымъ можно было бы вполне ознакомиться съ греческимъ счисленіемъ. Исторія и языкъ показываютъ, что въ древнѣйшія времена Греки выражали числа поднятіемъ пальцевъ; потомъ стали употреблять для нагляднаго представленія чиселъ и для облегченія вычисленій маленькіе камешки, шарики и древесные плоды. Самое слово считать $\psi\eta\phi\iota\zeta\epsilon\upsilon$ и счетное искусство $\psi\eta\phi\omicron\phi\omicron\rho\iota\alpha$ производится отъ слова $\psi\eta\phi\omicron\varsigma$ то-есть, камень, указывая на необходимость нагляднаго пособия при счисленіи. Но Греки оставили эти наглядныя пособия очень скоро и перешли къ счисленію письменному.

Древнѣйшее греческое произведеніе, изъ котораго мы можемъ познакомиться съ нѣкоторыми способами вычисленія, есть Архимедово измѣреніе круга. Къ сожалѣнію, авторъ его не приводитъ всѣхъ выкладокъ, и прямо, послѣ выраженія въ числахъ каждой отдѣльной задачи, пишетъ окончательные результаты; поэтому сочиненіе Архимеда и не знакомитъ насъ съ производствомъ самыхъ дѣйствій. Подробности всѣхъ вычисленій находятся въ другомъ интересномъ трудѣ,—въ комментаріяхъ Автохія Аскалонскаго. Онъ представляетъ образцы сложенія, вычитанія и умноженія цѣлыхъ и дробныхъ чиселъ, но пропускаетъ производство дѣйствій дѣленія и извлеченія корней, хотя на этихъ-то дѣйствіяхъ главнымъ образомъ и основывается задача Архимеда. Очень можетъ быть, что результаты упомянутыхъ дѣйствій находились съ помощію подбора чиселъ и проверки найденныхъ чиселъ посредствомъ умноженія. Если даже настоящіе усовершенствованные способы производства обратныхъ дѣйствій суть не болѣе, какъ угадыванія результатовъ ¹⁾, то весьма вѣроятно, что въ то время, при несовершенствѣ способовъ вычитанія, угадываніе

¹⁾ Подробныя доказательства этого изложены въ моей статьѣ объ арифметическихкихъ дѣйствіяхъ въ журналѣ *Семья и Школа* 1872, № 4.

было еще болѣе неограничено и подборъ необходимаго числа зависи́лъ главнымъ образомъ отъ проникаемости вычисляшаго.

Для примѣра приводимъ слѣдующія вычисленія Грековъ, пояснивъ ихъ цифрами:

	Rβ	
Сложеніе:	M,ς—μα	326.041
	M,γυ—δ.	23.409
	Rδ	
	M,θυν	349.450
	θ	
Вычитаніе:	M,γγRξ	93.636
	β	
	M,γυ—θ	23.409
	ξ	
	M—σхξ	70.227

Въ сочиненіи Евтокія встрѣчается умноженіе числа только самого на себя, то-есть, умноженіе употребляется единственно для возведенія числа въ квадратъ. Приведемъ два умноженія:

Умноженіе цѣлыхъ чиселъ:	σξε	265
	σξε	265
	δ α	
	MM,β,α	40.000, 12.000, 1.000
	α	
	M,β,γγτ	12.000, 3.600, 300
	ατхε	1.000, 300, 25
	ζ	
	Mσхε	70.225

Умноженіе съ дробями:	γγτ x δ'	3.013 ¹ / ₂ ¹ / ₄ (³ / ₄).
	γγτ x δ'	3.013 ¹ / ₂ ¹ / ₄
	Π γ	
	MM,θ,αφψν	9.000.000, 39.000, 1.500, 750
	γ	
	Mρλεβх	30.000, 130, 5, 2 ¹ / ₂
	θλθαхδ'	9.000, 39, 1 ¹ / ₂ , ¹ / ₂ ¹ / ₄
	αφсхδ'η	1.500, 6 ¹ / ₂ , ¹ / ₄ , ¹ / ₈
	ψνγδήζ'	750, 3 ¹ / ₄ , ¹ / ₈ , ¹ / ₁₆
	Π η	
	M,β,χπθις'	9.082.689 ¹ / ₁₆

При нашей теперешней системѣ, письменное счисленіе не представляетъ никакой особой трудности; способы его не зависятъ у насъ отъ абсолютной величины чиселъ; но у Грековъ было не такъ. Словесное и письменное вычисленія ихъ съ числами болѣе мириада, то есть 10.000, отличались отъ вычисленія съ меньшими числами. Система счисленія и дѣйствія съ большими числами отличались большою сбывчивостью и неудобствомъ, свидѣтельствуя этимъ о смѣшеніи понятій вслѣдствіе неудачнаго выбора условныхъ обозначеній чиселъ. Не имѣя возможности пользоваться, подобно намъ, совершенно опредѣленнымъ механизмомъ при производствѣ дѣйствій, греческіе математики должны были изоцрять всю свою проникательность для того, чтобы дѣлать большія вычисленія. Архимедъ, желая придать болѣе опредѣленности и точности греческой системѣ, пытался установить исполнѣ опредѣленную систему для большихъ чиселъ. Онъ предложилъ себѣ такую задачу: опредѣлить число, которое было бы больше, чѣмъ число всѣхъ песчинокъ, могущихъ помѣститься въ шарѣ, радіусъ коего равнялся бы разстоянію центра земли отъ неподвижныхъ звѣздъ. Понятно, что такое вычисленіе, при несовершенствѣ греческой системы, представляло громадный трудъ и могло составить большой трактатъ. Оно было посвящено сиракузскому королю Гелону.

Такъ какъ число, долженствовавшее получиться при этомъ вычисленіи, превышало границы словесной и письменной системы счисленія, то Архимеду пришлось создать свою собственную систему. Греческая, какъ уже было сказано, ограничивалась мириадами; Архимедъ началъ свою систему тоже по мириадамъ, затѣмъ мириадъ мириадовъ или по нашему 100 милліоновъ назвалъ единицею слѣдующаго втораго порядка; подобнымъ же образомъ единицею 3-го порядка составилось число, по нашему въ 10.000 билліоновъ. Идя такимъ образомъ далѣе, онъ дошелъ до 8-го порядка, что по нашему счисленію равняется 10 въ 56-й степени. Чиселъ 9-го порядка онъ самъ не употреблялъ, но высказывалъ, что по его системѣ можно образовывать числа даже тысяча-милліоннаго порядка. Этотъ порядокъ составляетъ границу чиселъ, образованныхъ по указанному способу, но числа могутъ быть несравненно болѣе; для этого Архимедъ предлагаетъ всѣ предшествующія числа назвать числами перваго періода; тогда послѣднее число этого періода можно принять за единицу втораго періода и вести счетъ безпредѣльно. Способъ образованія чиселъ, предложенный Архимедомъ, очевидно, не отличается по своей основной идеи отъ нашего способа десятичной системы; разница заклю-

чается лишь въ различіи чиселъ для составленія полнаго порядка. Эту-то систему счисленія Архимедъ долженъ былъ установить прежде, чѣмъ принялся за разрѣшеніе своей задачи.

Чтобы составить себѣ представленіе о большемъ числѣ, нужно при- мѣнить его къ какому-нибудь болѣе или менѣе извѣстному предмету. Такъ, напримѣръ, мы, пользуясь ариѳметическимъ языкомъ въ 1000 кубиковъ для объясненія дѣтямъ нумераціи, указываемъ и вычисляемъ, что 1.000.000 кубиковъ въ 1 дюймъ займутъ извѣстнаго размѣра комнату, а 1 билліонъ такихъ кубиковъ составятъ уже гору, болѣе 100 сажень высоты и т. д. Подобно этому Архимедъ, чтобы дать представленіе о большемъ числѣ, указываетъ на математика Ари- старха Самосскаго, сочиненіемъ котораго онъ пользовался. Этотъ уче- ный уже зналъ и училъ, что земля движется вокругъ солнца, кото- рое стоитъ всегда на одномъ мѣстѣ, подобно другимъ неподвижнымъ звѣздамъ. Звѣзды эти такъ далеко находятся отъ земли, что діа- метръ круга, описываемаго землею около солнца, представляетъ точку сравнительно съ разстояніемъ неподвижныхъ звѣздъ отъ земли.

Понятно, что подобнымъ сравненіемъ Аристархъ хотѣлъ только показать громадность разстоянія, которое получилось при его вычи- сленіи; самое же сравненіе, конечно, не отличается точностью. Архи- медъ порицаетъ его за это и говоритъ, что точка, сама не имѣющая величины, не можетъ имѣть никакого отношенія къ другимъ величи- намъ. (Полезно бы было нѣкоторымъ изъ нашихъ составителей учеб- никовъ геометріи обратить вниманіе на это замѣчаніе Архимеда и не говорить на первыхъ же страницахъ своихъ книжекъ, что линія состоитъ изъ множества точекъ). Указывая на неточность Аристарха, Архимедъ замѣчаетъ, что нужно упомянутую выше мысль понимать такъ: земной шаръ относится ко вселенной то-есть, шару, соотвѣт- ствующему земной орбитѣ такъ, какъ этотъ шаръ относится къ сферѣ неподвижныхъ звѣздъ.

На этомъ объясненіи Архимедъ основалъ свою задачу о движе- ніи песчинокъ, могущихъ помѣститься въ сферѣ неподвижныхъ звѣздъ. При выборѣ чиселъ онъ заботился лишь о томъ, чтобы они не были малы. Принимая окружность земнаго шара за 3 милліона стадій, діа- метръ земной орбиты 10.000 милліоновъ стадій, онъ изъ принятыхъ отношеній опредѣляетъ діаметръ сферы неподвижныхъ звѣздъ. Далѣе, кладя маковыя зерна одно подлѣ другого, онъ нашелъ, что на 1" укладывалось 35 зеренъ; чтобы нельзя было сказать, что это число мало, онъ беретъ 40 зеренъ вмѣсто 35, слѣдовательно діаметръ ма-

коваго зерна равенъ $\frac{1}{40}$ ". Веря шаръ, котораго діаметръ равенъ 1"; находятъ, что въ немъ можетъ помѣститься $40^3 = 64.000$ маковыхъ зеренъ. Полагая, что маковое зерно занимаетъ такое же мѣсто, какъ 1.000 песчинокъ, онъ нашель, что въ шарѣ, котораго діаметръ равенъ 1", можетъ помѣститься 64.000.000 песчинокъ. Такимъ образомъ переходя постоянно къ большому шару, онъ пришелъ къ несомнѣнному заключенію, что число песчинокъ, могущихъ помѣститься въ шарѣ, названномъ вселенной, должно быть менѣе 1.000 единицъ 7-го порядка (единица 7-го порядка по нашему счисленію равна 10^{49}). Наконецъ, переходя къ сферѣ неподвижныхъ звѣздъ, онъ утверждалъ, что число песчинокъ должно быть менѣе 1.000 мириадовъ 8-го порядка (единица 8-го порядка по нашему счисленію $= 10^{66}$). Это фантастическое вычисленіе производилось съ единственною цѣлью установить прочную нумерацію.

Труды позднѣйшихъ греческихъ математиковъ—Паппа, Аполлонія и другихъ, не представляютъ ничего новаго въ области счисленія. Кстати, упомянемъ еще объ одномъ изъ греческихъ астрономовъ, Клавдіи Птоломѣѣ, который ввелъ въ своемъ сочиненіи *шестьдесятничное* счисленіе, имѣющее сходство съ принятымъ у насъ счетомъ градусовъ, минутъ и секундъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію системъ письменнаго счисленія, въ которыхъ не употреблялись буквы.

Безъ помощи буквъ числа обозначались какъ у тѣхъ народовъ, которые не знали письменности, такъ и у тѣхъ, у которыхъ она была въ употребленіи. Въ Индіи, гдѣ все развивалось очень разнообразно, существовали одновременно обѣ системы для обозначенія чиселъ: буквенная и небуквенная. Древне-персидскія клинообразныя надписи показываютъ, что Персы употребляли только 2 знака для обозначенія чиселъ и словъ: простой клинъ (Y) и два клина, составляющихъ конецъ тупой стрѣлки (<). Изображеніе клина обозначало единицу, а конецъ стрѣлки десять; эти знаки писались или одинъ подлѣ другаго, или для сбереженія мѣста одинъ надъ другимъ, — мѣсто не измѣняло значеніе знака. Самое большое число, которое получалось при этомъ обозначеніи, было 27. Способъ изображенія чиселъ по клинообразной системѣ слѣдующій: для чиселъ до 10 клинья ставятся отдѣльно, какъ единицы; для чиселъ отъ 10 до 20 они приставляются къ одной стрѣлкѣ (десятку); далѣе 20 приставляются къ двумъ стрѣлкамъ. Въ вавилонскихъ клинообразныхъ надписяхъ употреблялись тѣ же два знака для обозначенія чиселъ; но, благодаря болѣе сложнымъ

придуманно было раздѣлять извѣстные знаки на части. Такииъ образомъ отъ раздѣленія знака X по поламъ произошелъ знакъ для $5=V$ (или у Этрусковъ Λ); отъ раздѣленія по поламъ знака \square получился знакъ $50 = \text{—}$ и наконецъ отъ раздѣленія знака CIO произошелъ знакъ для $500 = \text{Ю}$. Шестъ знаковъ для изображенія чиселъ, по сходству съ употреблявшимися буквами, были приняты за буквы, такъ что уже во время Тарквинія Древняго совершенно изчезло воспоминаніе о происхожденіи извѣстнаго буквеннаго обозначенія чиселъ.—Изъ происхожденія этихъ численныхъ знаковъ видно, что римское счисленіе нельзя, подобно греческому, считать за буквенное. Греки произвольно придали извѣстнымъ буквамъ определенное значеніе, у Римлянъ же числа стали обозначаться шестью буквами, такъ сказать, случайно, безъ всякаго намѣренія, только вслѣдствіе удобства писать округленные знаки.

Во послѣдствіи стали составлять еще новые знаки, на примѣръ, $10.000 = \text{CCIOO}$, $100.000 = \text{CCCIOOO}$ и раздѣля ихъ по поламъ: $\text{IOO} = 5.000$, $\text{IOOO} = 50.000$ и т. д. Впрочемъ, такой способъ изображенія чиселъ былъ въ употребленіи недолго; скоро стали писать большія числа помощью тѣхъ же семи знаковъ, которые употреблялись въ числахъ до 1.000; такъ 5.000 вмѣсто IOO обозначали VM, 10.000 = XM, 50.000 = LM, 100.000 = CM. Такое обозначеніе было, правда, гораздо удобнѣе для письма, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно порождало много ошибокъ. Въ то же время, для скорописи Римляне стали составлять числа не только помощью прибавленія одного числа къ другому, но и съ помощью вычитанія; число 9 писалось не по прежнему VIII = $5 + 4$, а IX = $-1 + 10$; точно также $40 = XL$, $90 = XC$, $900 = CM$. Этотъ-то послѣдній знакъ, означающій и 900 и 100.000 былъ причиною частыхъ ошибокъ. При всемъ видимомъ упрощеніи римской системы, она была чрезвычайно неудобна для вычисленій и не представляла возможности къ усовершенствованію.

Теперешняя наша система счисленія возникла въ Индіи, но и тамъ она не находилась въ общемъ употребленіи, а была достояніемъ только нѣсколькихъ ученыхъ людей; болѣе же распространенною была система буквенная. Характеристическая особенность нашего письменнаго счисленія, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что 9 знаковъ для первыхъ 9 чиселъ имѣютъ двойное значеніе: одно — абсолютное, по которому они означаютъ какую нибудь изъ 9-ти единицъ и другое — относительное, вслѣдствіе кося цифра имѣетъ различное значеніе, смотря по мѣсту, занимаемому ею относительно другихъ цифръ. Для

выполненія этого втораго значенія цифръ необходимъ еще десятый знакъ, который служилъ бы для замѣщенія недостающихъ единицъ разныхъ порядковъ. Удобства письменной системы, удовлетворяющей этимъ двумъ условіямъ, извѣстны; только вслѣдствіе этого изобрѣтенія, система счисленія приобрѣла теперешнюю прочность и однообразіе въ вычисленіяхъ съ какими угодно числами. Не смотря на столь важныя достоинства, система эта распространялась вначалѣ очень туго. Пифагоръ зналъ и передалъ ее своимъ ученикамъ, но въ Греціи она не достигла господства, и это тѣмъ болѣе странно, что Греки въ то время были уже достаточно подготовлены къ новой системѣ; главная причина неуспѣха ея, какъ уже было сказано, зависѣла отъ того, что тогдашніе способы вычисленія не были на столько просты, чтобы могли отвергнуть установившуюся систему и приниматься за новую. Западныя народы столь же упорно противились ей, но черезъ нѣсколько столѣтій они сумѣли оцѣнить важность индійскаго счисленія и оно вошло, съ нѣкоторыми перемѣнами, во всеобщее употребленіе.

Представимъ здѣсь краткій обзоръ развитія этой системы. Послѣ того, какъ въ Индіи перестали считать по камешкамъ, раковинамъ, по узелкамъ на нитѣ и нарѣзкамъ на деревянной палкѣ (русская бирка), вошли въ употребленіе счеты, сохранившіе у нѣкоторыхъ народовъ Азіи свой древнѣйшій видъ даже до сихъ поръ. Древніе счеты устраивались слѣдующимъ образомъ: деревянная рамка, имѣющая форму удлиненаго прямоугольника, дѣлится планкой на двѣ неравныя части параллельно длиннымъ ея сторонамъ; перпендикулярно къ нимъ придѣлываются 8 или 10 прутьевъ, на одинаковомъ разстояніи одинъ отъ другаго, и на эти прутья надѣваются шарики, которые при вычисленіи передвигаются; иногда вмѣсто прутьевъ натягивались шнуры. Самая рамка, въ большинствѣ случаевъ, клалась горизонтально, а прутья шли сверху внизъ; если же рамка ставилась вертикально, то прутья шли справа влѣво. При первомъ положеніи 5 шариковъ на каждомъ прутѣ, а впоследствии 4, помещались внизу въ большей части рамки, отдѣленной планкой, а надъ планкой помещались 2 шарика, впоследствии 1. Каждый изъ пяти шариковъ, расположенныхъ на большемъ концѣ перваго праваго прута означаетъ единицу, а каждый изъ двухъ верхнихъ означаетъ пятокъ; каждый изъ пяти нижнихъ шариковъ втораго, съ правой стороны, прута означаетъ десятокъ, а каждый изъ двухъ верхнихъ 50 и т. д.; кажды

шарикъ слѣдующаго, съ лѣвой стороны, прута, имѣеть значеніе въ 10 разъ большее, нежели соотвѣтственный шарикъ предыдущаго. Очевидно, что древніе счеты отличались отъ нашихъ торговыхъ только тѣмъ, что на нашихъ нѣтъ шариковъ для означенія пятковъ, а прямо на каждую проволоку надѣвается по 10 шариковъ, но въ сущности торговые счеты очень сходны съ древними. По этимъ счетамъ производились прежде всѣ вычисленія; теперь этотъ способъ удержался въ Китаѣ, и говорятъ, что Китайцы вычисляютъ на своихъ счетахъ гораздо скорѣе, чѣмъ мы по своей усовершенствованной системѣ. У многихъ другихъ образованныхъ народовъ упомянутый способъ господствовалъ очень долго, даже послѣ того, какъ было введено письменное вычисленіе. Самая важная заслуга его заключается въ томъ, что счеты способствовали открытію системы письменнаго счисленія съ различнымъ значеніемъ цифръ, занимающихъ разныя мѣста.

Заговоривъ о счетахъ и ихъ значеніи въ развитіи нашей письменной системы счисленія, я не могу не сказать нѣсколько словъ объ употребленіи счетовъ въ нашихъ школахъ. Дѣло это такъ близко касается всякаго преподавателя ариѳметики, что, быть можетъ, замѣчанія мои будутъ не бесполезны. Въ самомъ началѣ этой статьи была выражена мысль, что историческое развитіе счисленія указываетъ путь, по которому должно идти обученіе дѣтей этому предмету, — изъ чего, конечно, не слѣдуетъ, чтобы мы должны были останавливаться на всѣхъ тѣхъ фазисахъ, чрезъ которые проходили древніе народы. Такъ, хотя Индійцы очень долго производили вычисленія на счетахъ, намъ совершенно бесполезно прибѣгать къ подобному способу. Индійцы дѣлали это потому, что не знали письменнаго счисленія или не хотѣли переучиваться. Вообще, чѣмъ болѣе времени употребляется для вычисленія на счетахъ, тѣмъ меньше развивается привычка производить это вычисленіе письменно. Я говорю *о бесполезности вычислений на счетахъ* и это не должно смѣшивать съ *весьма полезнымъ употребленіемъ счетовъ, какъ нагляднаго пособія* при обученіи счисленію. Ошибка многихъ нашихъ школъ состоитъ въ томъ, что они берутъ неизмѣнные торговые счеты и производятъ на нихъ вычисленія, тогда какъ въ начальной школѣ нужно употреблять классные счеты для нагляднаго ознакомленія съ числами и системой счисленія. По своему устройству эти счеты мало отличаются отъ торговыхъ; въ нихъ нѣтъ только раздѣленія рублей и копѣекъ. У насъ классные счеты получили въ послѣднее время названіе шведскихъ, въ Германіи же и Швеціи до сихъ поръ они называются русскими (Russische Rechen-

maschine). Подробныя указанія относительно рациональнаго употребленія счетовъ можно найти какъ въ русскихъ, такъ и въ нѣмецкихъ методикахъ ариметики и въ разныхъ отдѣльныхъ брошюрахъ. Главнѣйшія упражненія на счетахъ должны быть слѣдующія: *разложеніе чиселъ до 100 на составныя части*, для чего каждый шарикъ, на какой бы онъ проволока ни былъ, представляетъ единицу. Эти-то упражненія, составляющія одну изъ главныхъ частей элементарнаго курса ариметики, обыкновенно упускаются изъ виду и замѣняются бесполезными вычисленіями. Второе упражненіе, которое можно производить на счетахъ, это *выясненіе нумераціи и начала арифметическихъ дѣйствій*; здѣсь уже шарикамъ на разныхъ проволокахъ должно придаваться различное значеніе, какъ это дѣлается на счетахъ торговыхъ; не должно быть только рублей и копѣекъ. Я говорю, что эти упражненія втораго рода можно производить на счетахъ потому, что послѣ изобрѣтенія арифметическаго ящика въ 1.000 кубиковъ, нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ счетамъ. Для упражненій же перваго рода, то-есть, для разложенія чиселъ до 100, счеты признаны всѣми компетентными лицами въ настоящее время единственнымъ удобнымъ пособіемъ. Что же касается до вычисленій на счетахъ,—въ особенности желанія добиться, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые преподаватели, какой-то артистичности, составляющей неотъемлемую принадлежность лавочниковъ,—то это признано по меньшей мѣрѣ бесполезной тратой учебнаго времени. Упражненія на счетахъ должны быть только *средствомъ* къ приобрѣтенію необходимыхъ, ясныхъ и прочныхъ познаній въ ариметикѣ, но никогда не должны составлять *цѣли* обученія въ школахъ. Возвратимся опять къ развитію нашей системы счисленія.

Древніе счеты составляли уже нѣкотораго рода систему; нумерація и вычисленіе на нихъ приобрѣли прочность и постоянство. Дѣлается это такъ, что каждое отдѣльное частное вычисленіе производить въ умѣ, а чтобы не забыть всѣ полученные результаты, ихъ откладываютъ на счетахъ, какъ это всего лучше видно при умноженіи и дѣленіи. Очень естественно, что вслѣдствіе этого припала кому-нибудь мысль обойтись безъ счетовъ, а результаты частныхъ вычисленій записывать. Этимъ было положено начало письменному счисленію. Письменное счисленіе на первыхъ порахъ не отличалось отъ счетнаго; составляли таблицу, похожую на счеты, проводили линейки тамъ, гдѣ находились прутья, и ставили кружки на мѣстѣ

шариковъ; въ послѣдствіи стали вводить, вмѣсто кружковъ, особые знаки, оставляя все остальное безъ переменъ, что дѣлалось, конечно, съ цѣлью облегченія письма. Такая система съ кружками или особыми числовыми знаками называлась *колонная*. Эту систему, какъ уже было сказано, Пифагоръ старался распространить въ Греціи, но она не была принята, какъ неимѣвшая видимыхъ преимуществъ передъ греческой системой. Болѣе удачнымъ оказалось ея распространеніе въ великой Греціи, то-есть, въ южно-италіянскихъ греческихъ колоніяхъ, откуда перешла она къ Римлянамъ. Введеніе этой системы у Римлянъ принесло большую пользу потому, что ихъ собственная была слишкомъ неудобна и непрактична. Она сохранялась до среднихъ вѣковъ, пока наконецъ не была вытѣснена болѣе удобною индійско-арабскою системою счисления.

Все сказанное подтверждается, между прочимъ, нѣкоторыми мѣстами въ сочиненіи Боэція (жившаго при Остготскомъ королѣ Теодорихѣ, отъ 470—524 по Р. Х.), оставившаго послѣ себя много философскихъ сочиненій и нѣсколько математическихъ; хотя его труды относительно математики и не представляютъ сами по себѣ особой важности, ибо по большей части онъ только переводилъ извѣстныхъ греческія сочиненія, но они даютъ возможность подробнѣе ознакомиться съ римскимъ счисленіемъ. Въ концѣ первой книги своей геометріи Боэцій говоритъ о примѣненіи таблицы колонной системы учениками Пифагора (Gerbert, *Die Géometrie des Boethius und die indischen Ziffern.—Ein Versuch in der Geschichte der Arithmetik von Fridlein*): „Пифагорейцы, чтобы избѣжать ошибокъ при умноженіи, дѣленіи и измѣреніи (то-есть, дѣленіи въ смыслѣ содержанія), придумали особую таблицу, которую и назвали пифагоровою въ честь своего учителя, давашаго первую о ней идею. Эта таблица получила названіе *Абакусъ*. Выработанная стараніями пифагорейцевъ, она способствовала распространенію знаній, облегчая умственный трудъ всякаго вычисляющаго“. *Абакусъ* не есть извѣстная у насъ пифагорова таблица умноженія, которая никогда не изобрѣталась ни Пифагоромъ, ни его послѣдователями, ибо они и не имѣли въ ней нужды; *Абакусъ* имѣлъ сходство съ таблицей колонной системы и со счетами, и устраивался слѣдующимъ образомъ: на верху проводилась горизонтальная линія, отъ которой шло нѣсколько вертикальныхъ, образующихъ колонны. Надъ горизонтальной линіей ставились римскіе численные знаки 1, 10, 100, 1.000 и т. д., условливавшие значеніе каждой колонны. Въ колоннахъ писались, при вычисленіяхъ, особые чи-

словные знаки; пифагорейцы имѣли свои собственные знаки (arices) для обозначенія первыхъ 9 чиселъ. Если знакъ перваго числа, то есть 2 (единица, говорилось въ арифметикѣ, не есть число, а только основаніе всякаго числа), поставить въ колоннѣ, которая означала бы десятки, то число 2 переходитъ въ двадцать, три въ тридцать и т. д. Точно также, если эти же знаки поставить въ колонну подъ знакомъ сотенъ, то 2 будетъ означать 2 сотни, 3 — три сотни и т. д., подобно чему знаки получаютъ соответственное значеніе и въ другихъ колоннахъ. Такимъ образомъ, эта система не допускала ошибокъ и исключеній. Изъ описаннаго употребленія Абакуса видно, что измѣненная колонная система была очень близка къ нашей десятичной.

Форма цифръ, употреблявшихся въ Абакусѣ, имѣла въ главныххъ чертахъ сходство съ нашими теперешними; менѣе всего представляли сходство цифры 3 и 4; 8 и 9 имѣли и тогда нашу форму, 2 отличалось только тѣмъ, что ставилось внизъ головою; цифры 5, 6 и 7 тоже мало отличались отъ теперешнихъ и старая форма легко преобразовывается въ новую. Названія первыхъ 9 чиселъ были слѣдующія: 1 называлось *igin*, 2—*andras*, 3—*ormis*, 4—*arbas*, 5—*quimas*, 6—*caltis* или *calctis*, 7—*zenis*, 8—*temcnias* или *termcnias*, 9—*celentis*. Нѣкоторыя изъ этихъ названій чисто семитическаго происхожденія, и этимъ подтверждается, что Пифагоръ заимствовалъ колонную систему изъ Азіи. Десятаго знака, который долженъ былъ бы замѣнить нашъ нуль, не было еще во время Вавлоніи; онъ былъ введенъ лишь впоследствии. Понятно, что пока для каждаго вычисленія устраивали абакусъ, то 0 былъ совершенно не нуженъ; мѣсто, ничѣмъ не занятое, показывало, что единицъ такого-то порядка нѣтъ. Но такъ какъ произведеніе вертикальныхъ линій оказывалось бесполезнымъ, какъ только вычисляющій подписывалъ цифры аккуратно подъ верхними надписями, то стали эти линіи выпускать, а чтобы не ошибаться, если кака-нибудь колонна была не занята цифрой, то стали проводить по бокамъ незанятаго мѣста двѣ вертикальныя черточки, которыя постепенно закруглялись и, наконецъ, слились въ одинъ кружокъ. Чтобы придать этому знаку еще большее значеніе, вписывали въ кружокъ букву *a*, которая должна была напоминать слово *columna*. Введеніе знака для занятія свободнаго мѣста еще болѣе приблизило колонную систему къ нашей современной. Вся разница заключалась въ томъ, что колонная система удержала надписи, чтобы не смѣшивать значеніе всякой цифры.

Какъ ни простъ кажется переходъ отъ предыдущей системы къ нашей, но онъ произошелъ не скоро. Хотя упомянутыя выше надписи не придавали ничего новаго ряду написанныхъ чиселъ,—число можно бы было читать и безъ нихъ,—но только вліяніе арабской системы устранило ихъ окончательно. Арабы заимствовали свою систему также изъ Индіи и притомъ гораздо позже, чѣмъ она была извѣстна пивагорейцамъ. Еще въ первой половинѣ VIII столѣтія Арабы не имѣли понятія объ индійской системѣ, и только въ IX вѣкѣ она начала распространяться по арабскому государству и, вѣроятно, прошло не мало времени, прежде чѣмъ окончательно утвердилась она тамъ. По своей сущности индійская система у Арабовъ не отличалась отъ описанной европейской; онѣ имѣли лишь совершенно различные числовые знаки. Наши цифры обыкновенно называются арабскими, но это не вѣрно. Какъ мы уже видѣли, цифры наши представляютъ большое сходство съ цифрами, встрѣчающимися у Восточян; Арабы же имѣли свои собственныя, не похожія на тѣ, которыя находятся у насъ въ употребленіи.

Индійско-арабская система была окончательно введена въ Европѣ въ началѣ XIII столѣтія. Купецъ Бонацій изъ Пизы, жившій въ то время въ Алжирѣ, выписалъ къ себѣ своего сына Леонарда и поручилъ ему изучить арифметику у Арабовъ. Путешествуя по берегамъ Средиземнаго моря, Леонардъ вездѣ изучалъ особенности индійско-арабскаго счисленія и пришелъ къ заключенію, что эта система лучше всѣхъ другихъ. Возвратясь въ Европу, онъ выработалъ окончательно систему счисленія, при чемъ воспользовался также и европейскою. Главное различіе между ними заключалось только въ писаніи цифръ и отсутствіи надписей надъ цифрами. За оставленіемъ цифръ, употреблявшихся уже у Восточян и сдѣланіемъ нѣсколькихъ незначительныхъ упрощеній, система эта была изложена въ трудѣ Леонарда Бонація, состоящемъ изъ 15 главъ; 14 посвящено новому счисленію и приложенію его къ практическимъ задачамъ, а 15-я заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя отдѣлы геометріи, ученіе о геометрическихъ пропорціяхъ и уравненія первой и второй степени. Сочиненіе это появилось въ первый разъ въ 1202 году, а потомъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ 1228 году. О громадномъ значеніи этого труда въ исторіи математики было бы излишне здѣсь распространяться.

Черезъ два съ половиною вѣка десятичная система распространилась еще больше. Региомонтанъ (1436—1476 года) нашелъ, что законы ея относятся не только къ числамъ, превышавшимъ единицу,

но и къ меньшимъ; точно также какъ значеніе цифръ, находящихся влѣво отъ единицъ, постепенно возрастаетъ въ 10 разъ,—цифры, поставленныя вправо отъ единицъ, будутъ постепенно имѣть значеніе въ 10 разъ меньшее. Этимъ онъ положилъ основаніе *десятичнымъ дробямъ*. Во всеобщее употребленіе они вошли только въ половинѣ XVI столѣтія.

К. Маанигъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ УЧЕНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

M. Amari. Storia dei musulmani in Sicilia. 1854 — 1872. (М. Амари. Исторія мусульманъ въ Сициліи).

Книга г. Амари принадлежитъ къ капитальнымъ произведеніямъ, которыми по справедливости можетъ гордиться итальянская историческая литература. Авторъ уже давно пользуется почетною извѣстностью не только въ своемъ отечествѣ, но и въ Европѣ. Въ 1842 году онъ издалъ прекрасное изслѣдованіе, которое не рѣшился озаглавить, какъ ему хотѣлось, „Исторія сицилійской вечерни“, а выпустилъ въ свѣтъ подъ названіемъ: „Эпизодъ изъ исторіи Сициліи въ XIII вѣкѣ“. Хотя этотъ трудъ былъ пропущенъ цензурою, но въ Римѣ догадались, что авторъ, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, принадлежитъ къ патриотической и конституціонной партіи Руджіеро Сеттимо, и поспѣшили обратить на него вниманіе правительства короля Фердинанда II. Книга Амари была тотчасъ же запрещена, онъ самъ вытребованъ изъ Палермо въ Неаполь; но предчувствуя, какая ожидала его тамъ участь, предпочелъ скрыться бѣгствомъ во Францію. Это еще болѣе содѣйствовало популярности его сочиненія, которое отличалось, впрочемъ, не столько политическими своими тенденціями, сколько весьма основательными учеными достоинствами, и было переведено на нѣсколько иностранныхъ языковъ.

Въ изгнаніи Амари не остался безъ дѣла и задумалъ вскорѣ еще болѣе обширный и требовавшій огромной эрудиціи трудъ, а именно исторію господства Аравитянъ въ Сициліи. Совершивъ его, онъ оказалъ такую же важную услугу наукѣ, какою прославился Доэн (Dozy) своимъ сочиненіемъ объ арабскомъ владѣствѣ въ Испаніи ¹⁾. Избранный имъ предметъ былъ изслѣдованъ весьма мало; вѣнскій ученый Венрихъ (Wenrich) коснулся его въ 1845 году для соисканія преміи,

¹⁾ О книгѣ Доэн см. критическую статью въ сочиненіяхъ Грановскаго.

назначенной французскою академіею, по источникамъ, по которымъ онъ работалъ, были весьма скудны; нужно было отыскивать эти источники въ библіотекахъ и архивахъ, и по истинѣ удивительно необычайное трудолюбіе, обнаруженное въ этомъ случаѣ Амари, которому оказали ревностное содѣйствіе многіе извѣстные ученые. Въ предисловіи къ своему труду онъ говоритъ, что особенно обязанъ Рено и Газе въ изученіи арабскаго и средневѣковаго греческаго языковъ, а также палеографіи. Усиѣхъ вполне увѣчалъ неутомимую дѣятельность почтеннаго автора; если замѣчательна книга, написанная имъ, то столь же важное значеніе имѣють сопровождавшіе ее и находящіеся въ тѣсной съ нею связи другіе его труды—собраніе арабскихъ текстовъ съ итальянскимъ переводомъ и арабскихъ подписей, сохранявшихся въ Сициліи, а также превосходная карта Сициліи времени арабскаго господства, которую онъ издалъ при содѣйствіи герцога Люнна.

Сочиненіе Амари состоитъ изъ трехъ частей: въ первой излагается завоеваніе Сициліи мусульманами до 895 года; во второй—періодъ ихъ владычества, а въ третьей—покореніе острова Норманами и упадокъ арабской культуры. Ученые критики выражаютъ сожалѣніе, что почтенный авторъ не прослѣдилъ судьбу арабскихъ колоній на материкѣ Италіи, куда сицилійскіе мусульмане были вытѣснены Фридрихомъ II послѣ неудачныхъ возстаній 1221 и 1243 годовъ; но то, что сдѣлано имъ, отличается рѣдкою полнотою. Хотя политическія событія изложены въ книгѣ весьма обстоятельно, по гораздо болѣе цѣны имѣють тѣ ея отдѣлы, которые посвящены изображенію культуры. Конечно, процвѣтаніе Сициліи не можетъ сравниться съ процвѣтаніемъ Испаніи подъ мавританскимъ владычествомъ; на итальянскомъ островѣ не было такихъ мечетей, какъ въ Кордовѣ, и такихъ королевскихъ дворцовъ, какъ Альгамбра; но уже въ 970 году арабскій путешественникъ Ибнъ-Гаукаль, посѣтившій Палермо, говорилъ, что этотъ городъ превосходитъ всѣ другіе, видѣнные имъ, многочисленностью и великолѣпіемъ своихъ зданій. Доки, о которомъ мы упоминали выше, выяснилъ вопросъ о значительномъ вліяніи арабской испанской литературы на средневѣковую культуру; литература сицилійская не можетъ съ нею соперничать въ этомъ отношеніи, но все таки дѣятельность ея была не маловажна. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть въ разбираемой нами книгѣ главу, посвященную Фридриху II, явившемуся посредникомъ между европейскою и восточною наукою. Амари занялся съ особенною любобію этою замѣчательною личностію, которая, какъ выражается онъ, принадле-

жала, по своимъ понятіямъ, скорѣе къ XVIII, чѣмъ къ XIII вѣку. „Подобныя нравственныя феномены, говоритъ онъ, не поддаются объясненію, ибо мы не въ состояніи прослѣдить всѣхъ условій, вліявшихъ на ихъ развитіе“.

Fanfani e Pessierini. Opere di Niccolò Machiavelli. Firenze, 1873. (Фанфани и Пессерини. Сочиненія Макиавелли).

Не легко было бы и перечислить всѣ многочисленныя изданія сочиненій Макиавелли; лучшія изъ нихъ принадлежали доселѣ Николини и преимущественно Лемонье, но даже и они представляютъ не мало недостатковъ, вслѣдствіе отсутствія строгой исторической критики. Между прочимъ, не далѣе какъ въ прошломъ году, одинъ изъ итальянскихъ ученыхъ, Канестрини, издалъ довольно обширный томъ пикогда еще не обнародованныхъ произведеній Макиавелли, и есть основаніе думать, что подобныя произведенія разсыяны не въ маломъ количествѣ по различнымъ общественнымъ и частнымъ архивамъ. Все это доказываетъ, что знаменитый *secretario fiorentino* не имѣлъ еще до сихъ поръ такого изданія своихъ трудовъ, которое соотвѣтствовало бы вполнѣ его громкой славѣ, и только теперь итальянцы принимаютъ мѣры для восполненія столь вопіющаго недостатка. Въ 1872 году нѣсколько извѣстнѣйшихъ флорентійскихъ ученыхъ составили общество подъ названіемъ *Società italiana per l'incremento degli studi*, и ему-то обязаны мы вышедшимъ нынѣ первымъ томомъ сочиненій Макиавелли, который, и въ ученое, и въ типографское отношеніи, и паковецъ по своей дешевизнѣ, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ этомъ томѣ помѣщена исторія Флоренціи, свѣршенная какъ съ рукописью Медичисовъ, такъ и съ другими, наиболѣе извѣстными; но важнѣйшее достоинство новаго изданія заключается въ томъ, что въ него вошли многія *inedita*, хранившіяся до послѣдняго времени подъ сиюдомъ. Издатели составили также обширную біографію Макиавелли, въ которой опять таки находится множество интересныхъ документовъ, впервые увиданныхъ свѣтъ. Они заимствованы изъ флорентійскаго государственнаго архива и изъ *Biblioteca nazionale*.

Второй томъ полнаго собранія сочиненій Макиавелли обѣщаетъ быть еще болѣе интереснымъ, ибо въ немъ долженъ появиться первоначальный текстъ флорентійской исторіи, какъ онъ вышелъ изъ подъ пера знаменитаго писателя, прежде чѣмъ онъ рѣшился, вслѣдствіе различныхъ политическихъ соображеній, измѣнить его. Издатели

говорять, что эта первоначальная рукопись представитъ обильную пищу для историческаго изслѣдованія.

Ignazio Clampl. Cronache e statuti di Viterbo. 1872. (*Игнатій Чіампи. Хроника и статуты города Витербо*).

Витербо, подобно другимъ итальянскимъ городамъ, можетъ похвалиться своею исторіею, потому что въ средніе вѣка игралъ онъ весьма значительную роль. Онъ переходилъ то къ гвельфамъ, то къ гибелинамъ, пока въ 1401 году не вынужденъ былъ окончательно подчиниться папской власти; но самую блестящую для него эпохою былъ XII вѣкъ, когда считалось въ немъ болѣе 60.000 жителей и когда 16.000 его гражданъ готовы были, по первому призыву, выступить съ оружіемъ въ рукахъ. Современникъ Муратори, Фелипціано Бусси, написалъ подробную исторію Витербо, изданную въ Римѣ въ 1742 году, и хотя это трудъ весьма почтенный, потому что авторъ пользовался городскими хрониками и былъ хорошо знакомъ съ мѣстными преданіями, онъ никого не удовлетворитъ въ настоящее время. Не такъ давно, а именно въ 1852 году, Ориоли напечатали нѣскольکو любопытныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Витербо; но честь полного и критическаго изданія хроникъ и статутовъ этого города принадлежитъ безспорно теперешнему римскому ученому Игнатію Чіампи. Въ появившемся нынѣ первомъ томѣ помѣщена, между прочимъ, крайне любопытная лѣтопись витербскаго купца, Николо Туччіа (Tuscia), умершаго въ 1472 году; хотя лѣтопись эта обнимаетъ событія отъ 1400 до 1468 года, но особенно важна вторая ея половина, ибо тутъ авторъ былъ очевидцемъ того, о чемъ онъ разсказываетъ,—а разсказываетъ онъ очень хорошо, ибо обладалъ и наблюдательностью, и замѣчательнымъ для своего времени образованіемъ.

Но важнѣйшая заслуга Чіампи состоитъ, конечно, въ обнародованіи статутовъ города Витербо. Вообще нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ итальянскимъ ученымъ, которые снѣдаютъ воспользоваться наступившими нынѣ благопріятными обстоятельствами для историческихъ изслѣдованій. Конечно, и теперь далеко еще не отстранены всѣ препятствія, лежавшія на ихъ пути. Вотъ что замѣчаетъ, между прочимъ, по этому поводу Грегоровіусъ, посвятившій довольно подробную замѣтку сборнику Игнатія Чіампи: „Я не имѣю ни малѣйшей причины сомнѣваться въ томъ, о чемъ говорили мнѣ вполнѣ достоверные люди, а именно, что лишь только войска Виктора-Эмма-

нула заняли Римъ, какъ священники и монахи начали прятать драгоценнѣйшія рукописи и книги. Это продолжается и до сихъ поръ. Въ началѣ 1871 года итальянское правительство поручило комиссіи, составленной изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ, осмотрѣть монастырскія бібліотеки въ Римѣ и другихъ городахъ прежней папской области, и еще весьма недавно отправило оно своего уполномоченнаго въ Субіако, узнавъ, что оттуда даже тайкомъ вывозятъ замѣчательнѣйшіе документы".

Trinchera. Codice aragonese ossia lettere regie, ordinamenti ed altri atti governativi de' sovrani Aragonesi in Napoli riguardanti l'amministrazione interna del reame et le relazioni all'estero. (Тринкера. Арагонскій кодексъ или собраніе королевскихъ рескриптовъ, указовъ и другихъ правительственныхъ документовъ Арагонскаго дома, относящихся какъ къ внутренней, такъ и къ внѣшней политикѣ).

Документы, содержащіеся въ этомъ сборникѣ, весьма драгоценны, ибо они относятся исключительно къ царствованію неаполитанскаго короля Фердинанда Арагонскаго, которое далеко еще не изслѣдовано подлежащимъ образомъ. Происходило это преимущественно отъ недостатка необходимыхъ свѣдѣній. Периодъ, къ которому относится означенное царствованіе—конецъ XV столѣтія въ Италіи,—обращалъ на себя особенное вниманіе историковъ и нѣкоторымъ изъ нихъ удалось собрать въ своихъ трудахъ весьма важныя документы: необходимо упомянуть при этомъ о флорентійскихъ депешахъ въ „Negociations diplomatiques de la France avec la Toscane“ Дежардена и Канестрини, о миланскихъ въ „Архивъ“ Феделе, о венеціанскихъ въ „Storia di Venezia“ Романини и „Histoire de Charlès VIII“ Шерье, объ издавннхъ Кервиномъ Леттенгомъ „Lettres de Philippe de Commines“ и т. д. Но весь этотъ матеріалъ весьма мало относится къ царствованію Фердинанда, и не богатъ также свѣдѣніями о немъ неаполитанскій государственный архивъ, хотя вообще хранятся въ немъ обильныя сокровища. Это странное, съ перваго взгляду, явленіе объясняется тѣмъ, что самыя важныя документы погибли при разгромѣ, которому подвергся дворецъ королевскаго секретаря, герцога Калвано, во время возстанія Мазаньелло. Начальникъ главнаго неаполитанскаго архива, г. Тринкера, приступилъ нынѣ къ изданію тѣхъ королевскихъ рескриптовъ, указовъ и депешъ, которые сохранялись въ этомъ архивѣ, и хотя содержаніе ихъ не вполне, быть можетъ, удовлетворитъ изслѣдователя, но тѣмъ не менѣе, какъ замѣчено выше,

они драгоценны при крайней скудости свѣдѣній, дошедшихъ до насъ о царствованіи Фердинанда Арагонскаго.

Участь этого короля весьма печальна: борьба его съ неаполитанскими баронами, процессъ, въ которомъ замѣшаны были самые приближенные къ нему люди, паденіе его династіи, послѣдовавшее тотчасъ за его смертью,—все это набросило мрачную на него тѣнь, хотя нельзя отрицать, что на ряду съ непривлекательными качествами—хитростью, вѣроломствомъ и даже жестокостью,—было въ его характерѣ многое, чтò внушало къ нему уваженіе. У него было много враговъ и враги не пощадили его, конечно, въ своихъ приговорахъ, но не слѣдуетъ забывать, что ему обязано было неаполитанское королевство несравненно лучшимъ устройствомъ провинціального управленія и юстиціи, что онъ заботился о просвѣщеніи народа, чтъ онъ старался уменьшить подати и оградить народъ отъ произвола феодаловъ и чиновниковъ. Эта внутренняя дѣятельность Фердинанда особенно любопытна, но, къ сожалѣнію, о ней-то и не имѣется достаточно свѣдѣній. Изданный нынѣ сборникъ документовъ относится исключительно къ внѣшней политикѣ. Фердинандъ не дожилъ до той минуты, когда страшная гроза разразилась надъ Италію; но гроза эта уже приближалась—уже Карлъ VIII, увлекаемый *par les fumées et gloires d'Italie*, какъ выражается Комминъ, приготовлялся къ походу, мысль о которомъ подали ему сами итальянскіе владѣтели. Главный ударъ былъ направленъ противъ Неаполя; Миланъ и Венеція нетерпѣливо ждали той минуты, когда, вмѣстѣ съ Французами, будутъ они дѣйствовать противъ Фердинанда; одна только Флоренція оставалась вѣрна союзу съ нимъ; всѣ его усилія были направлены къ тому, чтобъ привлечь на свою сторону папу Александра VI, но какъ извѣстно это ему не удалось. Приведемъ здѣсь депешу, въ которой неаполитанское правительство знакомитъ мадритскій дворъ съ личностью тогдашняго римскаго первосвященника: „папа Александръ VI ведетъ такую жизнь, что она служитъ соблазномъ для всѣхъ честныхъ католиковъ. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на обязанности своего высокаго сана, онъ заботится лишь о томъ, чтобы самими неблаговидными средствами возвысить и обогатить своихъ сыновей. Вотъ почему, со вступленія на престолъ, онъ не упускалъ ни одного удобнаго случая вредить намъ и причинять намъ всякаго рода безпокойства. Римъ наполненъ гораздо болѣе солдатами, чѣмъ священниками, и когда папа проѣзжаетъ по городу, то его сопровождаетъ многочисленный отрядъ *hommes d'armes* въ шлемахъ и съ

копьями въ рукахъ. Съ утра и до ночи поглощенъ онъ мыслью о томъ, чтобы приготовить нашу гибель: не только во Франціи оказываетъ онъ поддержку герцогу Салерно и другимъ нашимъ измѣнникамъ, но и въ Италіи спосится со всѣми разбойниками, замешляющими противъ насъ козни. Образъ дѣйствій исполненъ лжи и коварства, за деньги продаетъ онъ всѣ духовныя званія, а поэтому не трудно понять, какими тяжкими послѣдствіями отзовется царствованіе этого папы не только въ Италіи, но и во всемъ христіанскомъ мірѣ“.

Clavardini. Collezione di documenti storici antichi delle città e terre Marchigiane. Ancona. 1870. (*Чиаварини.* Собраніе старинныхъ документовъ для исторіи Мархія).

Tabarrini. Cronache della città di Fermo colla giunta di un sommario cronologico di carte Fermene, interiori al secolo XIV. 1870. (*Табаррини.* Хроника Фермо, съ присоединеніемъ, въ хронологическомъ порядкѣ, географическихъ картъ этого города до XIV вѣка).

Появленіемъ своимъ въ свѣтъ эти два обширные тома, содержащіе весьма важные документы для исторіи Адриатической марки, обязаны частнымъ ученымъ обществамъ, которыя постановили себѣ цѣлью знакомить публику съ старинными документами и произведеніями искусства. Въ первомъ томѣ, редакціею коего занимался г. Чиаварини, заслуживаетъ особеннаго вниманія *Cronache Anconitane*, принадлежащая Лаззаро Бернабей (1430—1492). Авторъ этой лѣтописи называетъ себя докторомъ правъ, слѣдовательно, получилъ высшее образованіе, не разъ занималъ важныя должности въ городскомъ управленіи, хорошо былъ знакомъ съ событіями и описываетъ ихъ весьма подробно. По разказу его мы можемъ слѣдить за постепеннымъ возвышеніемъ Анконы, за развитіемъ ея промышленности и торговли, за борьбою, которую она должна была вести, съ одной стороны съ Венеціею, а съ другой — съ Турками, угрожавшими послѣ завоеванія Константинополя адриатическому побережью Италіи. Бернабей довелъ свою хронику до той роковой минуты, когда папская власть, особенно при Александрѣ VI Борджіа, начала угрожать муниципальной независимости городовъ въ Мархія: Юлій II продолжалъ эту политику, при Львѣ X Анкона испытала большія бѣдствія вслѣдствіе происходившихъ по сосѣдству съ нею войнъ, а въ 1532 году она уже безусловно покорилась папамъ. Такъ называемая *captura d'Ancona*, то-есть, занятіе этого города папскимъ легатомъ, карди-

наломъ Равенскимъ, подробно разказана въ хроникѣ Бартоломео Альфео, помѣщенной въ томъ же томѣ. „Кардиналъ“ читаемъ мы въ этой лѣтописи, „имѣлъ торжественный входъ въ городъ; наканунѣ этого дня главная площадь занята была войсками; на ступеняхъ Инсолатта, а также на площади св. Николая поставлены были висѣлищныя; тотчасъ по прибытіи въ городъ, онъ смѣнилъ всѣхъ выборныхъ чиновниковъ и вмѣсто нихъ назначилъ другихъ, изъ низкаго званія и исключительно чужеземцевъ. Установлены были тяжкія подати, при чемъ родственникъ кардинала, мѣстный епископъ, сообщалъ ему свѣдѣнія о матеріальныхъ средствахъ каждаго изъ жителей; особенно жестокостью отличался вице-легатъ, монсиньоръ Берардино: онъ ежедневно выдумывалъ новыя казни и, проходя мимо его дворца, можно было слышать вопли людей, которыхъ предавали пыткѣ“.

Много въ высшей степени любопытнаго содержится и въ другомъ томѣ, посвященномъ исторіи Фермо. Городъ этотъ не пользовался подобно Анковѣ, выгодами положенія при морѣ, но и онъ до конца XV вѣка игралъ весьма важную роль. Въ числѣ хроникъ, изданныхъ подъ редакціею г. Табаррини, особенно замѣчательная принадлежитъ Антонио Пикколо, въ которой, равно какъ и въ другихъ (Паоло Монтани и неизвѣстнаго автора), находится весьма интересныя свѣдѣнія о томъ же періодѣ,—то-есть, о періодѣ упадка муниципальныхъ вольностей въ городахъ адриатическаго побережья. Мы видимъ, что во второй половинѣ XV вѣка города эти жили чрезвычайно дѣятельною и тревожною жизнью; но какое представляетъ она непривлекательное зрѣлище: непрерывныя междоусобія, ночные и дневные грабежи, страшнѣйшій упадокъ политической и общественной нравственности! Сейчасъ приведено было нами историческое свидѣтельство о томъ, какъ распорядился папскій легатъ въ Анковѣ, а вотъ образецъ того, каковы были понятія о законности въ Фермо еще въ то время, когда этотъ городъ пользовался самостоятельностью: „10-го іюня 1433 года былъ подвергнутъ тюремному заключенію, по приказанію подести еврей Витале Алеуччи. Вина его состояла въ томъ, что возвращаясь изъ Роканати или изъ какого-то другаго мѣстечка, онъ громко произносилъ непристойныя рѣчи и между прочимъ утверждалъ, что въ Фермо нельзя добиться никакой справедливости. Многіе почтенные граждане вознамѣрились взять это дѣло въ свои руки, чтобы обвиненный судимъ былъ по законамъ, а судья изъ Роканати требовалъ, чтобы Алеуччи былъ выданъ ему. Но подеста упорствовалъ и встрѣтилъ поддержку въ народныхъ пріорахъ и гонфалоньерахъ (высшая

исполнительная власть). Черезъ нѣсколько дней изрекъ онъ смертный приговоръ, и дѣйствительно, Алеуччи былъ повѣшенъ на стѣнѣ, около старой церкви св. Петра". Подобныя сцены не представляли ничего необыкновеннаго,—онѣ случались ежедневно. Съ одной стороны, въ этомъ безначаліи, а съ другой—въ неистовствахъ знатныхъ фамилій, захватившихъ власть во многихъ городахъ и породившихъ цѣлый рядъ мелкихъ деспотовъ, нужно искать разгадку постепеннаго усиленія папскаго владычества въ средней Италиі.

F. Brandes. Der Kanzler Krell, ein Opfer des Orthodoxismus. 1878. (*Ф. Брандесъ. Канцлеръ Крелль, жертва православія*).

Читая эту книгу, переносишься въ такія времена, которыя, къ счастью, не только совершенно чужды, но даже почти непонятны для насъ. Дѣло идетъ объ одномъ изъ самыхъ печальныхъ эпизодовъ реформаціоннаго движенія въ Германіи, когда это движеніе окрѣпло, отстранило угрожавшія ему опасности, но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдователи различныхъ толковъ съ тѣмъ большимъ изступленіемъ набросились другъ на друга и обнаружили такую нетерпимость, такое взаимное озлобленіе, что едва не перещеголяли въ этомъ отношеніи и католическую церковь. Г. Брандесъ, извѣстный уже въ литературѣ превосходною своею монографіею подъ заглавіемъ: „Церковная политика Бранденбургскаго дома“, изобразилъ помянутый періодъ, сгруппировавъ событія около личности саксонскаго канцлера Николая Крелля.

Послѣ битвы при Мюльбергѣ эрнестинская саксонская линія, представитель коей курфирстъ Іоганнъ-Фридрихъ попался въ плѣнъ къ императору, лишена была своихъ наслѣдственныхъ владѣній, которыя перешли къ Морицу, представителю линіи альбертинской, принявшему также и титулъ курфирста. Понятно, что этотъ насильственный переворотъ долженъ былъ возбудить ожесточенную вражду между двумя княжескими родами. Въ то время къ политическимъ распрямъ неминуемо присоединялись религіозныя, еще болѣе воспламенявшія ихъ: Эрнестинцы явились яростными поборниками „чистаго лютеранства“ и основали, съ цѣлью распространять и поддерживать это ученіе, университетъ въ Іенѣ, который, какъ они надѣялись, затмить принадлежавшій имъ прежде виттенбергскій университетъ; новый курфирстъ саксонскій, Морицъ, счелъ тогда долгомъ присоединиться къ противной партіи, опираясь на авторитетъ Меланхтона. Впрочемъ,

переворотъ этотъ, вызванный исключительно политическими соображеніями, обошелся ему не легко и подъ конецъ все-таки не увѣнчался успѣхомъ. Приверженцы лютеранства были весьма многочисленны въ курфиршествѣ и въ 1547 году имъ удалось, благодаря ловкости придворнаго проповѣдника, Листенія, нанести сильный ударъ такъ называемому криптокальвинизму, то-есть, церковному ученію, проповѣданному Меланхтономъ.

Борьба между двумя этими толками все болѣе усиливалась до смерти курфирста Августа (въ 1586 году). Преемнику его, Христіану I, одной изъ самыхъ привлекательныхъ личностей въ XVI вѣкѣ, суждено было, повидимому, если не совершенно положить ей конецъ, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной мѣрѣ успокоить озлобленныя страсти. Государь этотъ явно склонялся къ доктринамъ Меланхтона, но онъ не помышлялъ о какихъ-либо гоненіяхъ противъ лютеранства, а имѣлъ лишь въ виду обезпечить свободу религіозной совѣсти въ своихъ владѣніяхъ. Либеральными этими воззрѣніями онъ былъ много обязанъ своему наставнику, Николаю Креллю, одному изъ просвѣщеннѣйшихъ людей того времени, который путешествовалъ по Швейцаріи и Франціи и находился, между прочимъ, въ дружескихъ сношеніяхъ съ Теодоромъ Безою. По вступленіи на престолъ курфирста Христіана, Крелль занялъ должность государственнаго канцлера. Подъ его вліяніемъ было издано нѣсколько декретовъ, порававшихъ своею гуманностью и просвѣщеннымъ взглядомъ. Въ одномъ изъ нихъ курфирстъ воспрещалъ „всякія непристойныя, безполезныя поруганія и брань, которыми предаются проповѣдники не для назиданія, а къ соблазну своей паствы“, и совѣтовалъ всѣмъ вѣрующимъ, „какого бы вѣроисповѣданія они ни держались, пребывать въ союзѣ любви и поддерживать тѣсное общеніе въ своей средѣ во имя Божіе“. Разумѣется, эти благоразумныя совѣты не расположили почти никого къ Христіану I и канцлеру Креллю: такъ называемые криптокальвинисты жаловались, что интересы ихъ не обезпечены надлежащимъ образомъ; но особенно сильна была ярость лютеранъ, видѣвшихъ, что вліяніе и власть ускользали изъ ихъ рукъ. Безпрерывно появлялись самые оскорбительные памфлеты противъ Крелля, котораго упомянутая партія обвиняла въ томъ, что онъ „совратилъ“ курфирста съ пути истины: душегубецъ, злодѣй, „ядовитый кальвинистъ — вотъ выраженія, которыми онъ былъ осыпаемъ въ этихъ брошюрахъ; висѣлица или костеръ считались самымъ слабымъ для него наказаніемъ:

.... alle Strafe, Marter und Pein
Seinen Bubenstücken zu wenig sein.

Въ 1591 году Христіанъ I умеръ внезапно, еще не достигнувъ тридцатилѣтняго возраста, и кончина его отозвалась самыми тяжкими послѣдствіями, какъ на общемъ положеніи дѣлъ, такъ и на участи Крелля. Канцлеръ былъ немедленно подвергнутъ самому тяжкому заключенію, въ которомъ испытывалъ такіа бѣдствія, что считалъ благодаряніемъ для себя смертный приговоръ, произнесенный надъ нимъ лишь восемь лѣтъ спустя. Событія, о которыхъ мы упомянули, изложены въ книгѣ г. Брандеса весьма подробно и на основаніи подлинныхъ документовъ.

Giesbrecht. Geschichte der deutschen Kaiserzeit. 4 Band. Staufeu und Welfen.
1-te Abth. 1872: (*Гизебрехтъ*. Исторія Германіи во время имперіи.
4-й томъ. Гогенштаугены и Гвельфы. 1-й вып. 1872).

Безполезно было бы и говорить здѣсь о высокихъ достоинствахъ сочиненія Гизебрехта, давно уже признанныхъ и ученымъ міромъ, и публикою. Компетентные критики утверждаютъ, что этотъ трудъ возбудилъ въ массѣ образованнаго нѣмецкаго общества живѣйшій интересъ къ историческимъ судьбамъ Германіи, что онъ укрѣпилъ національное чувство и, въ этомъ смыслѣ, имѣлъ даже важное политическое значеніе. Нынѣ Гизебрехтъ продолжаетъ исполненіе своей задачи. Въ появившемся первомъ выпускѣ IV тома исторія германской имперіи доведена до 1146 года, а именно: подробно изложены событія царствованія Лотара и Конрада III. Что касается до перваго изъ этихъ государей, то онъ былъ тѣсно связанъ съ папскою партіею, преимущественно ей обязанъ своимъ избраніемъ на престолъ; а потому особенно интересно прослѣдить, какимъ образомъ удалось ему согласовать свои обязательства относительно упомянутой партіи съ своими новыми обязанностями главы германской имперіи. „Лотарь не замедлилъ сознать“, замѣчаетъ авторъ, „всю трудность предстоявшей ему задачи вслѣдствіе усилившихся притязаній папской власти. Съ одной стороны онъ склонялся предъ идеальнымъ ея превосходствомъ, съ другой—былъ вынужденъ, быть можетъ даже помимо своего желанія, дѣйствовать противъ нея,—и въ этомъ заключалось безвыходное противорѣчіе его исторической роли“. Нѣмецкіе историки находятъ этотъ приговоръ слишкомъ снисходительнымъ: по мнѣнію ихъ, Лотарь и не пытался бороться съ римскою куріею,—онъ былъ

человѣкъ крайне набожный, храбрый и трудолюбивый, но вовсе не обладалъ качествами, необходимыми для государственнаго мужа. Папская власть усвоила надменный тонъ именно съ его воцаренія, ибо онъ не обнаружилъ въ сношеніяхъ своихъ съ нею ни малѣйшей энергіи, хотя отнюдь не могъ утверждать, что обстоятельства сложились для него неблагоприятно. Такъ напримѣръ, при немъ произошло избраніе одновременно двухъ папъ—Иннокентія и Апаклета: если бы Лотарь вмѣшался въ эту распрю, если бы онъ умѣлъ дорогою цѣною продать свое содѣйствіе тому или другому изъ враждовавшихъ первосвященниковъ, то событія приняли бы иной оборотъ. Но германскій государь взглянулъ на вопросъ исключительно съ точки зрѣнія права и началъ поддерживать Иннокентія только потому, что убѣдился въ правильности его избранія, хотя и этотъ пунктъ весьма сомнителенъ, ибо Цѣнфль доказалъ, что сторонники Иннокентія, не менѣе чѣмъ приверженцы Апаклета, нарушили каноническія постановленія. Какъ бы то ни было, Иннокентій, столь много обязанный Лотарю, не сдѣлалъ ему, съ своей стороны, ни малѣйшихъ уступокъ.

И этотъ новый томъ „Исторіи Германіи“ Гизебрехта отличается, подобно прежнимъ, необыкновенно художественнымъ и увлекательнымъ изложеніемъ.

Th. Sickel. Zur Geschichte des Concils von Trient (1559—1563). Nach Actenstücken aus oesterreichischen Archiven. (Т. Сиккель. Къ исторіи Тридентскаго собора, по документамъ австрійскихъ архивовъ).

Какъ извѣстно, источниками для Тридентскаго собора служатъ два подробныя, но совершенно противоположныя сочиненія, изъ коихъ одно принадлежитъ Паоло Сарпи (Istoria del concilio Tridentino, nella quale si scuoprono tutti gli artificij della corte di Roma), а другое—Сфорцѣ Паллавичини (Istoria del concilio di Trento). Первый изъ этихъ авторовъ, какъ уже показываетъ заглавіе его книги, старается обвинить папство, второй же поставилъ себѣ задачей опровергнуть сужденія Сарпи. Знаменитый Ранке (см. Zur Kritik Sarpi's und Pallavicini's въ его Geschichte der römischen Papste, т. II) убѣдительно доказалъ, что обонимъ этими писателями пужно пользоваться съ крайнею осторожностью и что для безпристрастной исторіи Тридентскаго собора слѣдуетъ ждать, когда будутъ обнародованы всѣ документы, относящіеся къ этому предмету. Главнѣйшіе изъ нихъ хранятся, разумѣется, въ Ватиканскомъ архивѣ. Тейнеръ предпринялъ, пользуясь

этимъ архивомъ, важный трудъ — познакомить публику съ донесеніями папскихъ легатовъ римскому двору, но іезуиты помѣшали ему исполнить эту задачу; въ новѣйшее время обнародованы были документы Симанскаго архива, а автору разбираемой нами книги открытъ былъ доступъ въ архивы австрійскіе, которые помогли ему пролить совершенно новый свѣтъ на многія событія Тридентскаго собора. Онъ работалъ въ Вѣнѣ, Тридентѣ, Инспрукѣ, Арно и исполнилъ все, чего только могла бы требовать отъ него самая строгая критика.

Скажемъ нѣсколько словъ для уясненія той задачи, которую предначерталъ себѣ Сиккель. Извѣстно, что Тридентскій соборъ вовсе не былъ дѣломъ самостоятельной инициативы папской власти, — напротивъ, папы энергически противились обсужденію церковныхъ вопросовъ и должны были уступить лишь настоятельнымъ требованіямъ Карла V и всей просвѣщенной части католическаго общества. Въ 1545 году открыты были засѣданія собора, но папа Павелъ III предписалъ своимъ легатамъ упорно отстранять вопросъ о реформахъ въ церковномъ устройствѣ; въ мартѣ 1547 онъ перенесъ соборъ изъ Тридента въ Болонью, съ очевидною цѣлію приобрести на него болѣе сильное вліяніе. По смерти Павла III, императору Карлу можно было, повидимому, разчитывать на благопріятный исходъ дѣла, но въ 1552 году вниманіе его отвлечено было другимъ важнымъ событіемъ — борьбою съ Моррицомъ Саксонскимъ, — и папа Юлій III воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы прервать вовсе засѣданія собора. Въ такомъ положеніи находился этотъ вопросъ до вступленія на престолъ Пія IV: избраніе его состоялось только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ снова открылъ совѣщанія прелатовъ, но, достигнувъ власти, новый первосвященникъ вовсе не думалъ исполнить принятаго имъ на себя обязательства, — къ тому же Карлъ V отрекся отъ императорской короны и передалъ ее своему брату Фердинанду. Вѣроятно, римскому двору удалось бы, на этотъ разъ, покончить съ попытками церковной реформы, еслибы не особенныя, истревожившія его обстоятельства: католическій міръ волновался, требовалъ преобразованій, и между прочимъ во Франціи кардиналъ Лотарингскій побуждалъ къ нимъ галликанское духовенство. Въ виду этого, Пій IV началъ переговоры съ императоромъ, королями французскимъ и испанскимъ о возобновленіи собора. Г. Сиккель излагаетъ въ своей книгѣ именно этотъ послѣдній періодъ, — періодъ дипломатическихъ переговоровъ, — для котораго въ австрійскихъ архивахъ сохранилось много весьма важныхъ документовъ.

Несогласіе между папою и тремя государями касалось, главнымъ образомъ, слѣдующихъ пунктовъ: 1) избранія города, гдѣ долженъ ствовалъ засѣдать соборъ; 2) приглашенія на него протестантовъ для объясненій, и наконецъ 3) вопроса о томъ, будетъ ли этотъ соборъ продолженіемъ прежняго, или начнетъ съизнова свою дѣятельность. Мы видимъ, что римская курія употребляла всѣ усилія, чтобы возбуждать и поддерживать несогласіе между католическими державами и готова была воспользоваться всякимъ обстоятельствомъ, чтобы затянуть переговоры. Отчасти это удалось ей. Филиппъ II требовалъ, чтобы соборъ не касался тѣхъ вопросовъ, которые были обсуждены въ Тридентѣ, но императоръ Фердинандъ и Катерина Медичисъ, руководившая французскою политикою, были на этотъ счетъ совершенно другаго мнѣнія. Въ ноябрѣ 1560 года появилась наконецъ папская булла, въ которой была прямо высказана мысль, что соборъ будетъ продолженіемъ прежняго, и хотя Австрія и Франція возражали противъ подобнаго рѣшенія, но покинутыя испанскимъ правительствомъ, вынуждены были подчиниться ему.

Всѣ эти переговоры извѣстны были до сихъ поръ лишь въ общихъ чертахъ, и впервые Т. Сиккель возстановляетъ ихъ въ настоящемъ видѣ. Трудъ его должно считать поэтому однимъ изъ капитальныхъ приобрѣтеній для исторіи Тридентскаго собора; но означенная исторія все еще представляетъ много пробѣловъ, которые не могутъ быть пополнены теперешними изслѣдователями.

Th. Jorissen. Mémoires de Constantin Huygens, publiés pour la première fois. 1873.
(Т. Гориссенъ. Записки Константина Гюйгенса, впервые появляющіяся въ свѣтъ).

Въ Нидерландахъ, особенно въ XVI и XVII столѣтіяхъ, было не мало литераторовъ и ученыхъ, игравшихъ болѣе или менѣе важную политическую роль. Для примѣра достаточно указать на Гуго - Гроція, Якова Катса, отчасти даже на несчастнаго де-Витта; къ нимъ же принадлежалъ и Константинъ Гюйгенсъ, поэтическія произведенія котораго еще до сихъ поръ не забыты его соотечественниками. Этотъ почтенный писатель занималъ весьма важную должность частнаго секретаря послѣдовательно при трехъ штатгальтерахъ—припцѣ Фридрихѣ-Генрихѣ, Вильгельмѣ II и Вильгельмѣ III и умеръ въ 1687 году въ Гаагѣ, оказавъ не мало услугъ оранскому дому. Благодаря официальному своему положенію, Гюйгенсъ былъ близко зна-

комъ и съ тогдашними дѣйствующими лицами, и съ событіями, а потому мемуары его, изданные ученымъ голландскимъ профессоромъ, представляютъ особенный интересъ для Нидерландовъ въ XVII вѣкѣ. Къ сожалѣнію, мы не встрѣчаемъ въ нихъ послѣдовательнаго и связнаго разказа,—это не болѣе какъ отдѣльныя статьи по различнымъ вопросамъ, болѣе или менѣе занимавшимъ автора, а потому и достоинство ихъ далеко не одинаково. По смерти Вильгельма II (въ 1560 году) возникла сильная распря между вдовою этого штатгальтера, Марією-Стуартъ (дочерью Карла I, англійскаго) и его матерью, припессою Амалією, по поводу того, кому будетъ предоставлена опека надъ малолѣтнимъ Вильгельмомъ III: Константинъ Гюйгенсъ принялъ сторону Амаліи, весьма энергически и ловко отстоялъ интересы оранскаго дома, — и этотъ интересный эпизодъ съ особенною подробностью изложенъ въ его запискахъ.

Adolf Beer. Die erste Theilung Polens. 2 Bände mit einem Bande «Dokumente». Wien, 1873. (Адольфъ Беръ. Первый раздѣлъ Польши. 2 тома, съ приложеніемъ къ нимъ документовъ. Вѣна, 1873).

Причины и событія перваго раздѣла Польши, кажется, уже достаточно разъяснены въ настоящее время въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, между которыми трудъ нашего почтеннаго ученаго, С. М. Соловьева, занимаетъ видное мѣсто и пользуется значительною извѣстностью въ Германіи. Слѣдовало ожидать, что дальнѣйшія изслѣдованія будутъ касаться различныхъ подробностей, но что относительно той роли, которая принадлежала каждой изъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ, отплыть не можетъ быть спора. Еще прежде г. Соловьева, Шмидтъ, въ сочиненіи своемъ, появившемся въ 1860 году, весьма убѣдительно доказалъ, что мысль о раздробленіи Польши принадлежала Фридриху Великому, что Екатерина и Марія-Терезія лишь поддались его настойчивымъ убѣжденіямъ,—и въ настоящее время нѣтъ ни одного серьезнаго историка, который сомнѣвался бы въ этой истинѣ. Но авторъ книги, заглавіе коей выписано выше, думаетъ иначе: онъ считаетъ вопросъ о степени участія короля Фридриха въ упомянутомъ событіи еще далеко не рѣшеннымъ и старается выставить его въ совершенно новомъ свѣтѣ. Трудъ г. Бера имѣетъ во всякомъ случаѣ весьма важныя достоинства. Онъ составленъ по документамъ преимущественно вѣнскаго, а затѣмъ дрезденскаго и берлинскаго архивовъ, и читатель найдетъ въ немъ много, что еще не

было обнаружено до сих поръ. Ограничимся здѣсь указаніемъ на основную его мысль.

Леопольдъ Ранке замѣтилъ однажды, что „впервые планъ расширения предѣловъ трехъ сѣверныхъ державъ на счетъ Польши возникъ въ Австріи и тотчасъ же встрѣтилъ сочувственный отголосокъ въ С.-Петербургѣ; если же впоследствии принялъ онъ столь громадныя размѣры, что измѣнилъ политическое равновѣсіе на сѣверѣ и на востокѣ, то безъ сомнѣнія поводъ къ тому былъ поданъ Фридрихомъ Великимъ“. Знаменитый историкъ сдѣлалъ это замѣчаніе въ то время, когда еще не появились новѣйшія изслѣдованія о раздѣлахъ Польши; но г. Беръ вполне усвоилъ его мысль и постановилъ себѣ задачею доказать, что инициатива событій 1772 года принадлежитъ вѣнскому кабинету, что императрица Екатерина послѣдила усвоить себѣ этотъ планъ, а Фридриху Великому не оставалось уже ничего болѣе, какъ присоединиться къ двумъ державамъ. Слѣдовательно, роль его во всемъ этомъ дѣлѣ была лишь второстепенная. Хотя войны, которыя велъ Фридрихъ Великій, кончились для него счастливо, но все-таки его государство было значительно истощено ими и всѣ его заботы, вслѣдствіе того, клонились къ поддержанію общеевропейскаго мира, столь необходимаго для Пруссіи; онъ не могъ, однако, воспрепятствовать войнѣ между Турціею и Россіей; война эта была особенно опасна потому, что Австрія относилась къ Россіи весьма недоброжелательно и втайнѣ оказывала поддержку Барской конфедераціи; въ 1770 году она посилѣшила занять своими войсками нѣкоторыя изъ польскихъ владѣній, съ явнымъ намѣреніемъ удержать ихъ за собою, въ случаѣ если бы Россія рѣшилась расширить свои предѣлы на счетъ Турціи. Событія принимали такимъ образомъ грозный оборотъ и могли вызвать общеевропейское замѣшательство. Чтѣ же оставалось дѣлать Фридриху? Онъ видѣлъ, что существуетъ единственное средство воспрепятствовать дальнѣйшей катастрофѣ, а именно—облегчить Австріи исполненіе ея плановъ, выразившихся очень ясно въ вооруженномъ захватѣ ею польскихъ земель. Если бы поступилъ онъ иначе, то-есть, если бы возсталъ противъ этихъ намѣреній вѣнскаго двора, то гроза сосредоточилась бы исключительно на востокѣ и поколебала бы столь дорогой для него европейскій миръ. Слѣдовательно, онъ приступилъ къ раздѣлу лишь по необходимости, вынужденный къ тому образомъ дѣйствій Австріи, и не на немъ лежитъ главная отвѣтственность за это событіе, какъ привыкли думать до сихъ поръ. Подтвержденіе своего взгляда г. Беръ

видить въ оставшемся доселѣ неизвѣстномъ документѣ Кауница, въ которомъ сказано слѣдующее: „Продолжалось это до тѣхъ поръ, пока приняты нами, на границахъ Польши, мѣры предосторожности не были превращены, по моему совѣту, въ завоевательный планъ (in einen Eroberungsplan verwandelt): этимъ самымъ дали мы прусскому королю возможность сослаться на нашъ примѣръ, усвоить его себѣ въ гораздо большихъ размѣрахъ и начать съ С.-Петербургскимъ дворомъ тайные переговоры, имѣвшіе цѣлью расширеніе его собственныхъ владѣній“.

И такъ, оправданіе Фридриха Великаго—вотъ что имѣеть въ виду авторъ книги, о которой мы говоримъ. Цѣль эта довольно странна, ибо пора же понять, что раздѣлы Польши вовсе не требуютъ оправданія, что польское государство и польскій народъ слишкомъ очевидно доказали свою политическую несостоятельность и вслѣдствіе того вполне заслужили постигшую ихъ участь. Во всякомъ случаѣ русскій историкъ никогда не предложилъ бы себѣ задачу, подобную той, какую преслѣдуетъ г. Адольфъ Беръ, уже потому, что при Екатеринѣ воссоединены были съ Россіею лишь тѣ земли Польскаго королевства, которыя составляли древнее ея достояніе, и совершилось это при сочувствіи въ Россію массы ихъ народонаселенія.

L. von Ranke. Aus dem Briefwechsel Friedrich Wilhelm IV mit Bunsen. 1873.
(Леопольдъ Ранке. Изъ переписки короля Фридриха-Вильгельма IV съ Бунзеномъ).

Знаменитый историкъ Ранке получилъ отъ нынѣ царствующаго германскаго императора порученіе издать переписку вѣнчаннаго его брата, покойнаго короля Фридриха-Вильгельма IV, съ извѣстнымъ ученымъ и дипломатомъ Бунзеномъ, — трудъ, представляющій чрезвычайно важное значеніе для современной исторіи Пруссіи и Германіи. Для подробнаго его изученія необходимо сопоставить его съ другою книгою, появившеюся нѣсколько времени назадъ. Вдова барона Бунзена, урожденная Англичанка, издала въ 1868 году на англійскомъ языкѣ записки о своемъ мужѣ (A memoir of baron Bunsen, late minister plenipotentiary of his Majesty Frederic Wilhelm IV at the court of S. James), которыя, съ значительными дополненіями, были переведены затѣмъ Ниппольдомъ на нѣмецкій языкъ (Christian C. j. v. Bunsen, aus seinen Briefen und nach eigener Erinnerung geschildert von seiner Wittwe. 1868—1871). Въ этой послѣдней книгѣ

было помещено много писемъ Бунзена къ Фридриху-Вильгельму IV, но почти не было на нихъ отвѣтовъ: издавъ теперь ихъ, Ранке пролилъ яркій свѣтъ какъ на личность и воззрѣнія покойнаго короля, такъ и на главнѣйшія европейскія событія въ теченіе почти тридцатилѣтняго періода.

Ранке не ограничился простою перепечаткою писемъ. Онъ рассортировалъ ихъ по важнѣйшимъ предметамъ, къ которымъ они относятся, и предпослалъ имъ весьма любопытное введеніе. Знаменитый историкъ, очевидно, имѣлъ цѣлю доказать, что господствовавшія доселѣ сужденія о покойномъ королѣ были крайне ошибочны, что Фридрихъ-Вильгельмъ IV обладалъ вѣрнымъ чутьемъ дѣйствительности и что событія, совершившіяся въ Германіи на нашихъ глазахъ, служатъ краснорѣчивымъ для него оправданіемъ. Конечно, попытка такого рода не могла обойтись безъ нѣкоторыхъ натяжекъ и особенно рѣзко обнаруживается это въ вопросѣ объ единствѣ Германіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что король Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ проникнутъ мыслию о необходимости этого единства, но онъ стремился къ означенной цѣли путемъ, которымъ она не могла быть достигнута. Онъ желалъ, чтобы ограждены были при этомъ всѣ существовавшія историческія права, и прежде всего вѣковое право Габсбургскаго дома занимать мѣсто во главѣ Германіи, тогда какъ событія достаточно ясно доказали, что подъ руководствомъ Австріи Германія не можетъ сдѣлаться единымъ и могущественнымъ государствомъ. Самъ Ранке дѣлаетъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе: „Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV походилъ на архитектора, который, вознамѣрившись перестроить старинный, развалившійся замокъ, усиливается сохранить вполнѣ его первоначальный характеръ и вмѣстѣ сдѣлать его пригоднымъ для потребностей современной жизни“.

Переписка покойнаго короля свидѣтельствуетъ о необычайной стойкости его убѣжденій. Политическій его образъ дѣйствій условливался опредѣленнымъ и крайне послѣдовательнымъ взглядомъ, который и примѣнялъ онъ ко всѣмъ совершавшимся событіямъ. Король былъ увѣренъ, что главнѣйшія опасности угрожаютъ Европѣ со стороны революціонныхъ стремленій общества и что въ борьбѣ съ ними состоитъ задача всѣхъ правительствъ. Вотъ почему, будучи ревностнымъ протестантомъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV принялъ столь жинное участіе въ судьбѣ католическимъ швейцарскихъ кантоновъ, вознамѣрившихся въ концѣ сороковыхъ годовъ отпасть отъ союза (Зондербундъ). „Дѣло идетъ теперь“, писалъ онъ Бунзену, „вовсе не о томъ,

что законно и что незаконно съ точки зрѣнія государственнаго устройства Швейцаріи, не о томъ, угрожаютъ ли какія-либо партіи ея конституціи, вѣрно она истолковывается или нѣтъ, дѣло идетъ не о протестантахъ и католикахъ, — нѣтъ, дѣло идетъ не объ этомъ, но о несравненно болѣе важномъ вопросѣ, который я называю эпидеміею радикализма. Удастся ли радикализму, то-есть, сектѣ, сознательно порвавшей связи съ христіанскою религіею, съ Богомъ, со всякими установленными правами, со всѣми Божескими и человѣческими законами, овладѣть теперь въ Швейцаріи верховною властію, къ которой она стремится грабежами и убійствами, чрезъ потоки слезъ и крови?" Тоже самое воззрѣніе руководило королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, когда въ апрѣлѣ 1849 года отказался онъ отъ германской имперской короны, предложенной ему франкфуртскимъ парламентомъ. „Вопросъ заключается въ слѣдующемъ“, писалъ онъ Бунзену: „я не хочу ни *этой* имперской короны, ни согласія германскихъ государей на *этомъ* выборѣ. Понятны ли вамъ подчеркнутыя мною слова? Я объясню ихъ вамъ съ совершенною ясностью, какъ можно кратче и точнѣе. Во-первыхъ, эта корона не можетъ назваться короною. Та, которую могъ бы возложить на себя Гогенцоллернъ, еслибы обстоятельства допустили эту случайность, выйдетъ, даже съ согласія государей, не изъ рукъ собранія, имѣющаго революціонное происхожденіе; то будетъ корона, носящая на себѣ Божественный отпечатокъ, дающая монарху право царствовать милостію Божіею, связующая послѣдняго миропомазанника со всѣмъ поколѣніемъ его предшественниковъ. Конечно, Гогенцоллернъ можетъ носить ту корону, которую носили Оттоны, Гогенштауфены, Габсбурги, — но *эта*, возбуждающая такъ много толковъ въ настоящую минуту... она слишкомъ отзывается запахомъ революціи 1848 года, — революціи самой безтолковой, самой глупой, самой бессмысленной, хотя — слава Богу, — не самой еще преступной изъ всѣхъ революцій нынѣшняго вѣка“.

Корреспонденція Фридриха-Вильгельма IV съ Бунзеномъ начинается съ 1830 года, а послѣднее письмо помѣчено 1857 годомъ. Кромѣ высокаго своего политическаго значенія, корреспонденція эта любопытна и потому, что затрогиваетъ различные общественные, литературные и художественные вопросы, свидѣтельствуя объ обширной эрудиціи покойнаго короля.

A. Springer. Friedrich Christoph Dahlmann. 2 Theil. (*А. Шпрингеръ. Фридрихъ-Христофоръ Дальманъ. 2-я часть*).

Вышедшимъ нынѣ вторымъ томомъ (первый появился въ 1870 году) оканчивается трудъ Шпрингера, вознамѣрившагося увѣковѣчить память своего учителя. Дальманъ былъ замѣчательный историкъ и замѣчательный политическій человѣкъ: и та, и другая стороны его дѣятельности подробно изображены въ сочиненіи, о которомъ мы говоримъ, хотя особенное вниманіе біографа останавливается на послѣдней изъ нихъ. Политическимъ идеаломъ Дальмана было отторженіе Шлезвига и Голштейна отъ Даніи и объединеніе Германіи подъ главенствомъ Пруссіи: ему не суждено было видѣть осуществленіе этого плана (смерть его послѣдовала въ 1860 году), но если бы дожилъ онъ до послѣднихъ событій, то могъ бы съ справедливою гордостью сказать о себѣ: *quoniam pars magna fui*. Онъ много содѣйствовалъ успѣху этихъ событій и своими профессорскими лекціями, и парламентскими рѣчами, ибо никто убѣдительнѣе и настойчивѣе его не распространялъ идей, которыя увѣнчались потомъ торжествомъ и на поляхъ битвы, и во внутреннемъ устройствѣ Германіи.

Извѣстность Дальмана начинается съ того времени, когда, занимая кафедру въ Геттингенскомъ университетѣ, въ Ганноверѣ, онъ началъ съ жаромъ отстаивать притязанія нѣмецкой партіи въ Шлезвигѣ и Голштейнѣ. Своими брошюрами онъ первый, можно сказать, заинтересовалъ всю Германію въ этомъ вопросѣ, породившемъ столь продолжительныя и сильныя волненія. Популярность его еще болѣе увеличилась, когда въ 1837 году онъ отказался, вмѣстѣ съ шестью изъ своихъ товарищей по университету (въ числѣ ихъ находились братья Гриммы и Гервинусъ) признать законность дѣйствія короля Эрнеста-Августа, отмѣнившаго ганноверскую конституцію. Всѣ эти ученые, выступившіе съ протестомъ, лишились своихъ мѣстъ и должны были покинуть Ганноверъ. Въ 1840 году, король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV предложилъ Дальману кафедру исторіи и политическихъ наукъ въ Боннскомъ университетѣ (братья Гриммы уже прежде того перешли въ университетъ Берлинскій). Въ Боннѣ начинается одна изъ не самая счастливая пора въ дѣятельности Дальмана: здѣсь онъ могъ вполнѣ удовлетворять свою жажду къ научнымъ занятіямъ; здѣсь приступилъ онъ къ самому, быть можетъ, основательному изъ своихъ трудовъ,—къ исторіи Даніи, который, къ сожалѣнію, остался неоконченнымъ, но пролилъ много свѣта на первоначальныя вѣрованія, характеръ и законодательство скандинавскаго племени. Лекціи его

посвящены были сначала исторіи Англіи въ XVI и XVII вѣкахъ, а затѣмъ—французской революціи въ прошломъ столѣтіи: впоследствии онѣ были изданы для публки отдѣльно и упрочили репутацію профессора, хотя теперь, послѣ трудовъ Гизо, Ранке, Макодея, Зибеля и другихъ, значительно утратили свой интересъ. Г. Шпрингеръ сообщаетъ много любопытныхъ подробностей о преподаваніи Дальмана и причину огромнаго его успѣха объясняетъ тѣмъ, что въ словахъ его слышалось горячее убѣжденіе, что они были проникнуты высокимъ нравственнымъ чувствомъ, и вслѣдствіе того юношество относилось къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Впрочемъ, онъ никогда не унижался до того, чтобъ заискивать популярности, и въ сороковыхъ годахъ, когда либеральная партія преклонялась предъ французскою революціею, доказывалъ необходимость для Германіи идти другимъ путемъ, чѣмъ тотъ, которымъ слѣдовала Франція.

Въ 1848 году Дальманъ былъ избранъ членомъ извѣстнаго франкфуртскаго парламента. Большая часть втораго тома разбираемой нами книги посвящена этому періоду и читатель найдетъ здѣсь очень много совершенно новыхъ подробностей для современной исторіи Германіи; но мы не остановимся на нихъ, ибо это завлекло бы насъ въ слишкомъ большія подробности. Парламентъ долженъ былъ разойтись, не исполнивъ своей задачи; лучшимъ германскимъ патріотамъ пришлось отложить осуществленіе своихъ стремленій до другаго времени и Дальманъ по прежнему возвратился къ своимъ лекціямъ въ Боннскомъ университетѣ. Впрочемъ, онъ нисколько не упалъ духомъ. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ много общаго съ Монтескье, который говорилъ о себѣ, что занятія исторіею, изслѣдованія судебъ челоѣчества, служатъ для него цѣлительнымъ бальзамомъ отъ всѣхъ горестей и неудачъ жизни. Въ Боннѣ Дальманъ сталъ читать исторію Германіи (которая была доведена имъ до закрытія засѣданій франкфуртскаго парламента) и мы видимъ, что онъ нисколько не утратилъ своей вѣры въ величіе отечества, въ возможность его политическаго единства. Не смотря на почти общее тогда раздраженіе противъ Пруссіи, онъ не переставалъ доказывать, что только Пруссія можетъ привести германскую націю къ этой цѣли.

Большую цѣну книгѣ г. Шпрингера придаетъ значительное количество вновь обнаруженныхъ имъ документовъ, — между прочимъ, писемъ къ Дальману Фридриха-Вильгельма IV, теперешняго германскаго императора, и принца Альберта (покойнаго супруга королевы англійской Викторіи).

Ludwig Bauer. Der deutschen Hochschulen Antheil am Kampfe gegen Frankreich. (Людвигъ Вауеръ. Участіе высшихъ учебныхъ заведеній Германіи въ войнѣ съ Франціей).

Къ весьма интереснымъ историческимъ произведеніямъ относимъ мы также и трудъ г. Вауера, хотя касается онъ слишкомъ близкихъ къ намъ событій и содержитъ въ себѣ лишь сырые матеріалы, безъ всякой ихъ обработки. Почтенный авторъ постановилъ себѣ задачей выяснить то участіе, которое университеты и другія высшія учебныя заведенія Германіи принимали въ войнѣ 1870—1871 годовъ, и съ этою цѣлью въ сборникѣ своемъ помѣстилъ слѣдующія свѣдѣнія: списки профессоровъ и студентовъ, которые взяли за оружіе или ухаживали за ранеными и больными; списки тѣхъ изъ нихъ, которые пали въ битвахъ; рѣчи, произнесенныя профессорами въ различныхъ университетахъ въ теченіи войны, публичныя лекціи, читанныя ими, адреса университетскихъ корпорацій императору Вильгельму, замѣтки и наблюденія нѣкоторыхъ профессоровъ на поляхъ битвы и т. п. Книга оставляетъ необыкновенно цѣльное впечатлѣніе, ибо мы убѣждаемся изъ нея, какимъ единствомъ стремленій одушевлены были и наставники, и молодежь, воспитавшаяся подъ ихъ вліяніемъ, какъ сильно содѣйствовали германскіе университеты возбужденію разумнаго патріотизма въ средѣ общества. „Императоръ Вильгельмъ и знаменитѣйшіе его полководцы и государственные люди“, говоритъ авторъ, „неоднократно заявляли, что блестящими своими побѣдами они были обязаны превосходству умственного развитія нѣмецкихъ войскъ надъ французскимъ невѣжествомъ, глубокому сознанію этими войсками своего долга и нравственныхъ обязанностей; а кто же болѣе трудился для столь высокой цѣли, какъ не университеты, на ряду съ средними и низшими учебными заведеніями“? Для доказательства своей мысли авторъ не пускается ни въ какія разсужденія, а приводитъ лишь перечень того, что было сдѣлано университетами: *facta loquuntur*,—и дѣйствительно, факты эти весьма краснорѣчивы.

Прежде всего приведемъ нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія. Въ лѣтнемъ семестрѣ 1870 года находилось во всѣхъ германскихъ университетахъ 13.765 студентовъ; изъ нихъ 2.745 поступили въ ряды арміи, а 914 отправились на театръ войны ухаживать за больными и ранеными. Профессоровъ, доцентовъ, ассистентовъ считалось въ томъ же году 1.505,—изъ этого числа 15 взяли за оружіе, а 253 служили при лазаретахъ. Между ополчившимися профессорами мы встрѣчаемъ и филологовъ, и философовъ, и юристовъ. Четверо изъ

этихъ преподавателей; погибли въ сраженіяхъ, а что касается до убитыхъ студентовъ, то число ихъ простирается до 248: въ разбрасываемой нами книгѣ они перечислены по именамъ. Самое дѣятельное участіе въ войнѣ принималъ Берлинскій университетъ (582 студентовъ и профессоровъ, изъ коихъ погибло 30); за нимъ слѣдуютъ университеты: Лейпцигскій (63 умершихъ отъ ранъ и болѣзней изъ 500), Мюнхенскій (21 погибшихъ изъ 370), Гёттингенскій (23 изъ 340), Бреславльскій (11 изъ 306), Тюбингенскій (8 изъ 300) и т. д.

Мы не имѣемъ, конечно, возможности привести изъ находящагося предъ нами сборника всѣ рѣчи, произнесенныя профессорами въ разгаръ военныхъ дѣйствій; но считаемъ далеко не лишнимъ познакомить нашихъ читателей, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми изъ нихъ, ибо въ этихъ рѣчахъ, сказанныхъ въ столь торжественную минуту, ясно отразился духъ, въ теченіи долгаго ряда лѣтъ жившій и развивавшійся въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній Германіи. Наука поставлена была въ нихъ чрезвычайно высоко, она не приносила въ жертву ни для какихъ постороннихъ цѣлей; но вмѣстѣ съ тѣмъ вся университетская корпорація, въ ея многочисленныхъ развѣтвленіяхъ, проникнута была мыслью, что наука эта должна служить высшимъ интересамъ отечества. Событія, совершившіяся въ 1870—1871 годахъ, были подготовлены издавна; они были плодомъ дѣятельности нѣсколькихъ поколѣній и германскіе университеты, съ справедливымъ сознаніемъ своихъ заслугъ, могутъ сказать, что значительная часть этой дѣятельности приходится на ихъ долю. Въ чемъ состояла она и какое направленіе руководило ею, — вотъ вопросы, о которыхъ профессора считали наиболее удобнымъ и приличнымъ напомнить въ ту минуту, когда оружіе гремѣло на западѣ.

Возможно, для прикѣра, рѣчь г. Гегеля, извѣстнаго профессора Эрлангонскаго университета. Сказавъ нѣсколько словъ о народномъ движеніи 1813 года и о тяжкомъ времени, наступившемъ послѣ того для высшихъ учебныхъ заведеній Германіи, онъ продолжалъ: „Слава Богу, что все это миновало, что наступили теперь для насъ свѣтлыя дни и отечество наше достигло блестящаго процвѣтанія! Университеты принимаютъ въ этомъ дѣятельное участіе. Молодежь, воспитывавшаяся въ ихъ стѣнахъ, послѣшила стать въ ряды войска, она проливаетъ кровь на поляхъ битвъ и помогаетъ вождямъ указывать вонюкамъ на высшія цѣли, въ которыхъ стремится Германія. Можетъ ли быть для этихъ молодыхъ людей что нибудь лучше той школы, въ которой они развиваютъ свой умъ, пріучаются соединять стремленіе

къ свободѣ съ строгимъ уваженіемъ къ порядку, привыкаютъ къ неуклонному исполненію своихъ обязанностей, одушевляются мыслью о необходимости приносить всякія жертвы, и даже жизнь, для блага отечества? Въ этой школѣ нѣтъ мѣста для эгоистическаго преслѣдованія низшихъ практическихъ цѣлей: кто прошелъ черезъ нее, проникся ея духомъ, тотъ развилъ въ себѣ самыя возвышенныя и гуманныя свойства человѣческой природы.... Политическое наше существованіе въ минувшія времена представляетъ весьма жалкое зрѣлище, и объясняется это не одними только недостатками тогдашняго государственнаго устройства, а тѣмъ, что слишкомъ слабо было развито въ насъ патріотическое чувство, что система нашего воспитанія преслѣдовала исключительно общечеловѣческія цѣли, что преклонялась предъ превосходствомъ другихъ народовъ, мы забывали о достоинствахъ собственной націи. Такъ какъ Германія не представляла, подобно Франціи и Англіи, единаго политическаго организма, то мы были готовы думать, что она и не способна служить, въ одинаковой мѣрѣ съ другими, высшимъ нравственнымъ и политическимъ цѣлямъ. Мы были космополитами по привычкѣ и наклонности, намъ мало было доступно понятіе о величіи отечества и національной чести, но тѣмъ ревностиѣ увлекались мы теоріями. Вотъ чѣмъ условливался, почти неизвѣстный въ другихъ странахъ, но свирѣпствовавшій у насъ, недугъ самопоруганія, который въ сущности былъ бы измѣною предъ отечествомъ, если бы не объяснялся гораздо проще умственной ограниченностью. Чтѣ сказать, напримѣръ, о нашихъ жалкихъ якобинцахъ, которые въ 1795 году, когда возникла теорія объ естественныхъ границахъ, до такой степени усвоили ее себѣ, что готовы были упрекать французское правительство въ малодушіи, если бы оно отказалось отъ своихъ притязаній? Чтѣ сказать о нашихъ теперешнихъ социалистахъ, дружески протягивающихъ руку французскимъ рабочимъ въ ту самую минуту, когда эти самыя рабочіе преслѣдуютъ своими поруганіями нашихъ соотечественниковъ, изгнанныхъ изъ предѣловъ Франціи? Или о нашихъ ультрамонтахахъ, готовыхъ вмѣстѣ съ французскими католиками ополчиться противъ протестантской Пруссіи?... Развѣ все это не плоды нашего прежняго воспитанія, которое, къ счастью, идетъ теперь совершенно инымъ путемъ?"

Ту же самую мысль развивалъ въ своей рѣчи, произнесенной въ Мюнхенскомъ университетѣ, и другой, еще болѣе знаменитый профессоръ и писатель, Гизебрехтъ. Упомянувъ о великомъ переворотѣ, совершившемся въ Германіи, онъ говорилъ: „Историческая наука объ-

яснить современемъ, какъ совершился этотъ переворотъ. Многое содѣйствовало ему: мудрость нашихъ правителей, искусство нашихъ военнопачальниковъ,—но и эта мудрость, и это искусство оказались бы тщетными, если бы народное наше самосознаніе, созрѣвая мало по малу и въ теченіи долгаго времени, не достигло теперь непреодолимои силы. Укрѣпленію и развитію этого самосознанія значительно помогла наша литература и находящіяся въ связи съ нею научныя стремленія, а также главныя средоточія нѣмецкой науки—наши университеты: имъ обязаны Нѣмцы тѣмъ, что чувствуютъ и мыслятъ теперь, какъ свойственно Нѣмцамъ. Достаточно бросить взоръ на исторію текущаго столѣтія, чтобы понять, какъ сильно были они проникнуты національною идеею. Всякія надежды, всякія стремленія, связанныя съ мыслью о величіи отечества, тотчасъ же встрѣчали отголосокъ въ средѣ нашихъ высшихъ школъ; и имъ, этимъ школамъ, обязанъ признательностью германскій народъ, если онъ пришелъ, наконецъ, къ сознанію своего нравственнаго достоинства и силы. Такииъ образомъ цѣль, повидимому, достигнута, но возникаютъ уже другія, еще болѣе важныя задачи. Если о каждомъ человѣкѣ въ частности можно сказать, что чѣмъ выше занимаемое имъ положеніе, тѣмъ съ болѣе большими требованіями слѣдуетъ относиться къ нему, то это правило справедливо и въ примѣненіи къ народамъ: чѣмъ могущественнѣе народъ, тѣмъ усерднѣе долженъ онъ служить человечеству; онъ будетъ занимать свое высокое положеніе до тѣхъ только поръ, пока не перестанетъ идти впереди другихъ по пути прогресса. Примѣръ того, какъ легко самодовольство можетъ довести до паденія, представляетъ намъ богато одаренная нація, оказавшая столь великія услуги человечеству, и которой мы сами обязаны благотворными заимствованіями и, между прочимъ, первообразомъ нашихъ университетовъ. Мы живемъ въ такое время, когда многіе изъ старыхъ порядковъ повсюду устраняются, а новые еще не успѣли доказать свою прочность; будемъ надѣяться, что въ Германіи создана почва, на которой можно безопасно возводить величавое зданіе для блага цѣлой націи. Болѣе всего необходимы намъ теперь положительныя умы съ твердыиъ убѣжденіемъ, творческою силою и крѣпкимъ характеромъ; намъ необходимы богословы, которые указывали бы народу, болѣе чѣмъ когда нибудь проникнутому страхомъ Божиимъ, истинный путь къ вѣчному спасенію; мы нуждаемся въ правовѣдахъ и государственныхъ людяхъ, способныхъ создавать новыя формы общественной жизни, удовлетворяющія духовнымъ стремленіямъ націи;

нуждаемся въ ученыхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, которые въ произведеніяхъ своихъ свидѣтельствовали бы предъ цѣлымъ міромъ о высокомъ умственномъ развитіи націи, и въ педагогахъ, которые умѣли бы воспитать новыя поколѣнія еще для болѣе великихъ дѣяній. Если всѣ члены университетской корпораціи будутъ имѣть въ виду эти задачи, то не подлежитъ сомнѣнію, что высшія наши школы не утратятъ никогда своей теперешней славы“.

Рѣчи, изъ которыхъ мы привели эти отрывки, были произносимы предъ многочисленнымъ собраніемъ молодежи. Говоря о высокомъ значеніи германскихъ университетовъ въ настоящее время и об. ожидающей ихъ, еще болѣе великой, будущности, ораторы не переставали указывать своимъ слушателямъ, — представителямъ молодаго поколѣнія, — какимъ образомъ они, съ своей стороны, могутъ содѣйствовать процвѣтанію высшихъ учебныхъ заведеній, въ чемъ состоитъ ихъ задача. Особенно замѣчательны, въ этомъ отношеніи, слова, съ которыми обратился къ студентамъ профессоръ Мюнхенскаго университета, Виндшейдъ. Вотъ они:

„Вы еще молоды, господа, и жизнь сулитъ вамъ впереди очень много. Вы увлекаетесь мыслью о наслажденіяхъ и радостяхъ этой жизни и дай Богъ, чтобы вы испытали ихъ въ полной мѣрѣ. Но уже и въ настоящее время вы могли сознать, а въ будущемъ сознаете еще болѣе, что жизнь состоитъ не въ радостяхъ только и наслажденіяхъ: они являются лишь плодомъ того, что было выработано и завоевано нами самими. Жизнь состоитъ въ трудѣ, въ напряженіи всѣхъ силъ, чтобы достигнуть той цѣли, къ которой мы всѣ должны одинаково стремиться, — одни на одномъ, а другіе на другомъ пути. Я постоянно старался поддерживать и развивать въ васъ эту идею о трудѣ; старался ввести васъ въ область науки, но при этомъ не только не скрывалъ, но настойчиво твердилъ вамъ, что задача академическаго преподавателя, по моему мнѣнію, состоитъ не въ сообщеніи на лекціяхъ всего того, что должно быть изучено, а лишь въ подготовкѣ слушателя— собственными усиліями, собственнымъ трудомъ приобрѣсти знанія, которыя для него необходимы. Во всякой наукѣ есть высоты и равнины, удушливое, тяжелое дуповеніе долины, грады и дожди—и осѣщенные солнцемъ высокія пространства, гдѣ дышется легче; во всякой наукѣ есть идеи и матеріалъ, изъ котораго эти идеи выработываются. Конечно, каждая наука имѣетъ задачу, какъ можно лучше выяснитъ свои общія, основныя идеи, привести ихъ въ связь съ основными идеями другихъ наукъ и затѣмъ

съ самыми высшими идеями нравственнаго бытія; но не думайте, господа, что занятіе наукою принесетъ какую-либо пользу, если оно будетъ вращаться только въ области этихъ общихъ идей. Подобное занятіе весьма остроумно, но одного остроумія недостаточно ни для кого, — ни для науки, ни для наставника, ни для слушателя. Вотъ почему я всегда твердилъ вамъ: нужно трудиться, трудиться, ибо только усидчивымъ, пеусыпнымъ трудомъ можно достигнуть главныхъ цѣлей въ наукѣ и главныхъ цѣлей въ жизни... Затѣмъ еще одно замѣчаніе. Отечество наше завоевало теперь свое высокое положеніе въ Европѣ съ помощью одного слова, которое раздалось почти одновременно съ тѣмъ, какъ другія слова: „свобода, равенство и братство“, огласили весь міръ вслѣдъ за французскою революціею. Конечно, громкія, прекрасныя слова! Но въ отвѣтъ имъ, маленькій человекъ, въ старомодномъ платьѣ и съ косою ¹⁾, произнесъ тогда же съ кафедръ Кенигсбергскаго университета другое: „чувство долга“ (Pflichtgefühl). И этимъ однимъ словомъ германская нація достигла всего того, чѣмъ она обладаетъ теперь! Благодаря ему, она умѣла сохранить величайшія блага, о которыхъ другой великій человекъ, Шлейермахеръ, выразился не менѣе краснорѣчиво: теплую вѣру, страхъ Божій, сознание, что она во власти Небеснаго Творца и существуетъ на землѣ лишь для того, чтобы служить Ему. Германская нація сохранила въ сердцѣ своемъ любовь къ Богу, а у французовъ религія была поколеблена, и вотъ почему весь ихъ план не помогъ имъ. Могущество нашего народа заключается въ нравственныхъ началахъ, выработанныхъ имъ, но если измѣнить онъ этимъ началамъ, то Германія исчезнетъ со страницъ исторіи, какъ это случилось уже съ другими націями. Римъ былъ великъ, но Римъ палъ, когда покинула его добродѣтель. Греція была велика, и Греція пала по той же самой причинѣ. Судьбы всякаго народа, точно также, какъ и отдѣльнаго лица, заключаются въ его собственныхъ рукахъ.... Господа, отъ васъ, представителей молодаго поколѣнія, зависятъ въ будущемъ судьбы нашего отечества. Не забывайте этого!“

Удовольствуемся этими выписками. Сожалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ упомянуть подробно о рѣчахъ Моэна, Э. Курціуса, Влунчли, Онкена, Трейчке, Вирхова, Фридендера и др.; но и приведенные нами отрывки достаточно краснорѣчиво говорятъ сами за себя. Въ нихъ очень ясно указана высокая роль, которую

¹⁾ Фикте.

играли германскіе университеты въ современныхъ событіяхъ; политическое ихъ значеніе несомнѣнно, но въ чемъ же состоитъ оно? Въ томъ ли, что молодежь принимаетъ участіе въ вопросахъ текущей политики, интересуется задачами, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ ея научнымъ занятіямъ? Нѣтъ, призваніе и обязанности молодаго поколѣнія опредѣлены въ приведенныхъ нами рѣчахъ совершенно иначе: трудъ, неусыпный трудъ и воспитаніе въ себѣ нравственнаго долга—вотъ единственная его цѣль; а если присоединимъ къ этому, что преподаватели высоко держатъ знамя науки, то становится повитнымъ, что университеты служатъ средоточіемъ всѣхъ благороднѣйшихъ стремленій націи. Распространяя и поддерживая подобныя стремленія въ обществѣ, они преимущественно только этимъ и участвуютъ въ его политическихъ судьбахъ. Вотъ почему прусскіе монархи постоянно призывали къ себѣ на помощь университеты для государственныхъ своихъ цѣлей: „Когда, вслѣдствіе постановленія вѣнскаго конгресса“, говоритъ авторъ разбираемой нами книги, „рейнская провинція перешла къ Пруссіи, то король Фридрихъ - Вильгельмъ III посѣщилъ обѣщать своимъ новымъ подданнымъ (8-го апрѣля 1815 года), что на берегахъ Рейна учрежденъ будетъ университетъ, что „для германской науки будетъ приготовлена почва, достаточно обширная и прочная, чтобы въ прилегающихъ къ ней областяхъ распространить, во всемъ его могуществомъ и величій, германское образованіе“. И дѣйствительно, Боннскому университету суждено было насадить нашу классическую литературу, нашу самостоятельную философію въ почти отчужденной отъ насъ области, сдѣлать ее соучастницею въ духовной жизни нашего народа и такимъ образомъ снова пробудить въ ней, уже погасавшій подъ французскимъ владычествомъ, патриотизмъ. По тѣмъ же соображеніямъ и теперь Германская имперія озаботилась, учрежденіемъ Страсбургскаго университета, ознаменованъ принятіе въ свое лоно старинной своей провинціи“.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ШКОЛЬ ВЪ ЧЕРНОГОРІИ.

Много говорилось въ послѣднее время о Черной - Горѣ, о матеріальномъ и нравственномъ положеніи ея жителей; но при всемъ томъ. едва ли читатели могли составить себѣ надлежащее понятіе объ этой странѣ, главнымъ образомъ потому, что писали о ней большею частью иностранцы, не знакомые съ ея исторіею, обычаями, а также съ различными вліяніями, дѣйствовавшими на образованіе народнаго характера. Нѣкоторые же и умышленно старались выставить Черногорію въ невыгодномъ свѣтѣ.

Не разъ приходилось мнѣ встрѣчаться съ людьми просвѣщенными, но усвоившими себѣ самый странный взглядъ на Черногорію, ея прошлое и теперешнее состояніе. Слушая ихъ, можно было подумать, что Черногоріи принадлежитъ къ странамъ среднеафриканскимъ, почти недоступнымъ цивилизованному путешественнику.

„Вы изъ Черногоріи?“—спрашивала меня одна дама, жившая въ Триестѣ. „Есть ли тамъ люди, понимающіе и говорящіе по нѣмецки?“—„Какъ видите; многіе знаютъ также французскій и итальянскій языки“.—„Вы не боитесь тамъ жить?“—„Чего-же бояться?“—„Чтобъ васъ не обокрали, или не убили“.—„Увѣряю васъ, что въ Черногоріи столь же безопасно, какъ въ Австріи, какъ, напримѣръ, въ Триестѣ. О воровствѣ у насъ и не слышно. Убийствъ не бываетъ, развѣ изъ за большой обиды, да и то сравнительно очесъ рѣдко“.—„А чѣмъ вы занимаетесь тамъ? Торговлей?“—„Нѣтъ, я ректоръ семинаріи и главный инспекторъ школъ“.—„Въ самомъ дѣлѣ? Но развѣ тамъ водятся школы, семинаріи?“ спросила она меня, удивляясь еще больше.—„И очень“. Тутъ я поспѣшилъ сообщить ей нѣкоторыя свѣдѣнія о нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Благодарю васъ, господинъ ректоръ“, сказала она.—„Я вамъ очень много обязана. Извините, что я такъ мало знала до сихъ поръ о вашей интересной странѣ“.

Но развѣ подобныя разговоры рѣдкость? Быть можетъ, мы сами виноваты въ томъ, что не старались сообщать вѣрныя свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ,—и вотъ почему я рѣшаюсь теперь взяться за перо.

Просвѣщеніе можетъ развиваться лишь тогда, когда въ странѣ господствуетъ порядокъ и она находится въ болѣе или менѣе благопріятныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ; главнымъ же образомъ,—когда она обезпечена отъ внѣшнихъ вторженій и вмѣшательства. Въ тѣхъ земляхъ, гдѣ народъ вынужденъ не выпускать оружія изъ своихъ рукъ, гдѣ долгое время онъ не былъ огражденъ отъ враговъ, тамъ не могутъ процвѣтать науки. На первомъ планѣ стоятъ тамъ другіе интересы.

Таково было положеніе Черногоріи въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Послѣ битвы на Косовомъ полѣ, Турки утвердили свое владычество въ сербскихъ предѣлахъ. Одна часть жителей покорилась имъ вполне; владѣтели большихъ имѣній, преимущественно въ Босніи, чтобы удержать за собой свои имущества, приняли даже мусульманство, другіе же, нехотѣвшіе отуречиться, терпѣли страшныя гоненія со стороны Турокъ. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали къ своимъ собратамъ въ теперешнюю Черную-Гору, которая, составляя часть сербскихъ земель, называлась Зетой. Тутъ они засѣли въ ущельяхъ и горахъ и не переставали биться съ непріателемъ.

Борьба съ врагами перерывалась очень рѣдко; но и внутри происходили несогласія между отдѣльными черногорскими племенами, свирѣпствовали разбой и кровавая месть, отъ которыхъ иногда погибали цѣлыя семьи.

Во время этой вѣковой борьбы, распрей и междоусобицъ, при весьма скудныхъ матеріальныхъ средствахъ, не было и возможности думать о просвѣщеніи, о школахъ. Да и откуда явилась бы мысль о нихъ? Священники очень мало отличались отъ простаго народа, даже одеждою и внѣшнимъ видомъ, ибо бороды и волосы они не отпущали. Отличіе состояло лишь въ томъ, что священникъ звалъ хоть скольконибудь читать, а иногда и писать, но и такихъ было очень мало. Въ странѣ съ теократическимъ правленіемъ, какою была Черногорія до новѣйшихъ временъ, священство пользовалось большимъ почетомъ, занимало всѣ важнѣйшія должности въ государственной службѣ, и Черногорецъ охотно отдавалъ своего старшаго, или особенно даровитаго, сына въ духовное званіе. Эти молодые люди приготовлялись къ священническому сану обучаясь начальной грамотѣ у старыхъ священниковъ, или у монаховъ; но каково было это

обученіе и по какимъ руководствамъ оно происходило, угадать не трудно. Если ученикъ одолѣвалъ кое-какъ половину служебника, то его образованіе казалось вполне оконченнымъ.

Прошла уже цѣлая четверть XIX вѣка, а Черногорцы все еще не занимались почти ничѣмъ другимъ, кромѣ войны. Добрый и неутомимый архіепископъ Черногорскій, Петръ I, котораго народъ причисляетъ къ святымъ, провелъ всю свою жизнь въ величайшихъ заботахъ о смягченіи суровыхъ нравовъ жителей, объ истребленіи кровавой мести, возмущавшей миръ и спокойствіе страны Черногоріи и о защитѣ своего государства отъ внѣшнихъ враговъ. Достигнуть этого было не легко. Власть епископа состояла болѣе въ нравственномъ авторитетѣ, онъ дѣйствовалъ болѣе поученіями, увѣщаніями, чѣмъ правительственными мѣрами; три раза ѣздилъ онъ въ Россію съ ходатайствомъ о помощи. Онъ совершилъ все, что только можно было совершить въ тѣ затруднительныя времена, чтобы помочь горестному положенію стѣсненной извнѣ и неустроенной внутри Черногоріи. Народъ любилъ, боялся и слушался его распоряженій.

Послѣ него сдѣлался правителемъ Петръ II Петровичъ. Этотъ замѣчательный человекъ убѣдился, что для безопасности Черногоріи, для ея прогресса, предстоитъ бороться еще и съ другими врагами, не менѣе затруднявшими развитіе государства, а именно: съ предрасудками, суевѣріемъ, невѣжествомъ и т. п. Онъ умѣлъ цѣнить науку, которую усвоилъ собственнымъ трудомъ, при содѣйствіи лицъ, служившихъ при его дворѣ. Онъ увидѣлъ, что для обезпеченія Черногоріи не достаточно одной физической силы.

Петръ II, владыка Черногоріи, держалъ при себѣ ученыхъ людей изъ иностранцевъ и особенно уважалъ ихъ ¹⁾. Съ цѣлью распространять просвѣщеніе въ Черногоріи, онъ озаботился, лишь только позволили обстоятельства, учредить въ этой странѣ школы. Въ 1833 году основана была первая народная (основная) школа въ Цетиньѣ и учителемъ въ ней назначенъ Петръ Чирковичъ изъ Котора (Cattaro). Всего собралось въ эту школу отъ 20—30 молодыхъ людей изъ разныхъ черногорскихъ племенъ. Кругъ преподаваемыхъ въ ней наукъ не могъ быть обширенъ. Главною задачею ея было подготовить молодежь къ чтенію славянскихъ книгъ и выучить ихъ писать по славянски же. Главныя основанія аримететики также входили въ кругъ

¹⁾ Сербскій поэтъ и историкъ Черногоріи Симеонъ Милутиновичъ Сарайлиа много помогалъ развитію политическаго таланта своего государя,

этого преподаванія. Воспитанники читали часословъ, псалтырь и служебникъ; письмо ихъ было не красиво, такъ что трудно было и разбирать его.

Въ 1835 году устроилъ владыка Петръ II и типографію въ Цетиньѣ. Уже въ концѣ XV вѣка, во время управленія Черногоріей государями изъ семейства Црноевичъ, типографія существовала въ крѣпости Ободѣ (теперешней Рѣкѣ); но въ позднѣйшее время, неизвѣстно когда, употребленъ былъ свинцовый ея шрифтъ на оружейные заряды.

Упомянутая нами выше школа въ 1837 году совершенно опустѣла, ибо всѣ ученики, сдѣлавшись уже взрослыми, пошли на войну противъ Турокъ; преподаватель вернулся назадъ въ Которъ. По окончаніи войны, учителемъ Цетинской школы былъ назначенъ Лазарь Влаховичъ, австрійскій Сербъ, у котораго обучалось нѣсколько изъ самыхъ первыхъ людей Черногоріи, и въ томъ числѣ покойный князь Даниль I. Послѣ Влаховича (1841—1845 г.) учителемъ былъ на короткое время архимандритъ Цетинскаго монастыря Петроній Дуяновичъ, продолжавшій обучать учениковъ своихъ тому, чему учили ихъ и его предшественники, присоединивъ къ этому еще церковное пѣніе. Чрезмѣрно занятый обязанностями своего духовнаго званія и редакціей журнала, выходившаго тогда въ Цетиньѣ подъ названіемъ „Грлица“, онъ вскорѣ покинулъ школу и мѣсто его занялъ Θεодоръ Иванчикъ. Этотъ послѣдній началъ преподавать также сербскую грамматику, какъ отдѣльный предметъ, но, къ сожалѣнію, и онъ не оставался долго учителемъ, и въ 1847 году передалъ свою должность Георгію Срдичу.

Въ 1851 году умеръ Петръ II и на престолъ вступилъ князь Даниль I, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей Черногоріи по преобразованію всѣхъ отраслей внутренняго управленія. Кто знаетъ эту страну за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, тому могло показаться невѣроятнымъ, чтобы столь важныя реформы могли быть осуществлены въ ней въ весьма непродолжительный періодъ времени. Даниль приобрѣлъ единодушное расположеніе всѣхъ сосѣднихъ народовъ; это былъ настоящій Сербъ, который искренно любилъ не только Черногорцевъ, но и каждого честнаго Серба. Нѣтъ ничего удивительнаго, если примемъ во вниманіе тогдашнее состояніе Черногоріи, что онъ вынужденъ былъ не рѣдко прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ.

Даниль обратилъ особенное вниманіе на Цетинскую школу. Такъ какъ небогатымъ людямъ трудно было посылать туда своихъ дѣтей, то онъ основалъ въ этомъ городѣ алуиній, въ которомъ до 16 учениковъ

получали даромъ квартиру (въ монастырѣ), столъ и книги; число всѣхъ дѣтей, обучавшихся въ Цетиньской школѣ, доходило до 40. Школа раздѣлялась на четыре класса, и преподавателемъ былъ семинаристъ Задарской семинаріи, діаконъ Стефанъ Петрановичъ, человекъ достаточно образованный и дѣльный, хотя и не вполне понимавшій задачи основныхъ школъ. Онъ преподавалъ слѣдующіе предметы: въ 1-мъ разрядѣ: катехизисъ, библейскую исторію, основныя знанія ¹⁾, чтеніе часослова и церковное пѣніе; во 2-мъ разрядѣ: обширный катехизисъ, сербскую грамматику, исторію Черной-Горы, церковную исторію, математику и церковное пѣніе; въ 3-мъ: всеобщую и сербскую исторію, сербскую грамматику, риторику и церковное пѣніе; въ 4-мъ: славянскую грамматику, всеобщую исторію, физику, подробную географію, психологію, логику, догматику.

При первомъ взглядѣ на этотъ учебный планъ, оказывается, что онъ былъ вовсе непригоденъ для начальныхъ основныхъ школъ. Въ первомъ и второмъ классахъ (или разрядахъ) преподавались такіе предметы, настоящее мѣсто которымъ могло быть развѣ въ IV классѣ, а въ высшихъ, то-есть, III и IV, мы опять находимъ такіе, которые были уже совершенно не по силамъ обучавшейся молодежи. Очевидно, что Петрановичъ, хотя и ревностный учитель, былъ очень плохой педагогъ. Онъ желалъ сообщить своимъ ученикамъ какъ можно болѣе свѣдѣній, приготовить изъ нихъ вполне достойныхъ священниковъ для Черногоріи, а потому - то и взялъ образцомъ для основной школы семинарію, существовавшую въ Зарѣ, и смѣшалъ, такимъ образомъ, двѣ совершенно различныя задачи. Успѣхъ школы зависить отъ правильнаго и соразмѣрнаго дѣтскимъ способностямъ распредѣленія предметовъ и отъ умѣнья рационально и постепенно преподавать ихъ. Но накоплять въ учебномъ планѣ множество такихъ предметовъ, которые превосходятъ дѣтскія силы, значитъ только обременять дѣтей лишнимъ трудомъ, задерживать развитіе ихъ умственныхъ способностей.

Въ настоящее время у многихъ изъ бывшихъ учениковъ Петрановича не трудно замѣтить крайнюю путаницу понятій. Они охотно начинаютъ говорить о физикѣ, о риторикѣ, даже о психологіи и логикѣ, — но не понимаютъ въ этомъ почти ничего.

Что касается до метода преподаванія, въ упоминаемое время, то нельзя сказать о немъ ничего хорошаго. Методъ этотъ состоялъ

¹⁾ Подъ этимъ понималось первоначальное знакомство съ разными предметами, какъ-то: съ главными частями свѣта, съ отечественною исторією и т. п.

исключительно въ томъ, чтобы заставлять дѣтей зубрить урокъ, безъ всякихъ объясненій. Хотя для начала учебнаго курса установленъ былъ опредѣленный срокъ, но дѣти принимались обыкновенно во всякое время. Приходить, напримѣръ, мальчикъ въ школу; учитель говоритъ ему: „къ завтрашнему дню выучи всѣ буквы; твой товарищъ покажетъ тебѣ, какъ они называются“. И несчастный ребенокъ мучился, зубрилъ, ничего не понимая, плакалъ, а въ слѣдующій день со страхомъ являлся въ школу. Если, сверхъ ожиданія, ему удавалось отвѣтить правильно, то немедленно другой урокъ: „вызубрить двѣ страницы слоговъ“, — а если отвѣтъ оказывался неудовлетворительнымъ, то слѣдствіемъ этого были розги и побои. Вообще дѣтей волотили безпощадно. Нѣкоторые изъ нихъ отъ побоевъ по ладонямъ не могли, по двѣ и по три недѣли, взяться за перо.

По назначеніи въ учительскую должность двухъ новыхъ наставниковъ, Божицара Новаковича и Михаила Мртиша, положено было начало лучшему преподаванію въ основныхъ школахъ по новому учебному плану, который, съ незначительными измѣненіями, дѣйствовалъ до окончательной реформы основныхъ школъ въ 1870 году. Оба названные преподаватели кончили курсъ въ Зарѣ и понимали лучше своихъ предшественниковъ задачи ввѣренныхъ имъ училищъ. Они ввели, между прочимъ, чтеніе по новому методу. Къ сожалѣнію, эти достойные люди остались въ цетинской школѣ не болѣе трехъ лѣтъ и въ 1867 году отправились въ Бѣлградъ для усовершенствованія въ наукахъ. Ихъ мѣсто заняли три учителя: Спиридонъ Ковачевичъ, окончившій семинарскій курсъ въ Карловцахъ, Георгій Адучанинъ и діаконъ Филиппъ Радичевичъ. Первый изъ нихъ уже занимался преподаваніемъ въ различныхъ школахъ Далмаціи и отличался основательною подготовкою; но нельзя сказать того же самаго о двухъ остальныхъ. Они слѣдовали прежней рутинѣ, а потому и не могли достигнуть сколько-нибудь значительныхъ успѣховъ.

При князѣ Николаѣ открыты были школы въ Болѣвичѣ, Сотопичѣ, Дупилѣ, Глухомъ-долѣ, Брчелѣ, Врскутѣ и Рѣкѣ,—эта послѣдняя была упразднена въ 1869 году. Во всѣхъ упомянутыхъ школахъ учителями были молодые люди, окончившіе четырехклассный курсъ основныхъ училищъ въ Цетиньѣ и нисколько не приготовленные къ своему званію ¹⁾). Поэтому легко судить, какимъ путемъ шло препода-

¹⁾ Исключеніе составлялъ лишь Княжевичъ, воспитанникъ реальной школы въ Краоціи.

ваніе. Кромѣ того, не было наставника или инспектора, который слѣдилъ бы за успѣхами учащихся, въ тѣмъ, въ точности ли исполняютъ учителя свои обязанности. Во время экзаменовъ правительство послало довѣренныхъ лицъ, чтобы присутствовать на нихъ, но какую пользу могли они принести, если нисколько не были знакомы съ педагогіей? Надзоръ, слѣдовательно, существовалъ лишь по вѣнжности, а на самомъ дѣлѣ далеко не соотвѣтствовалъ своему назначенію. Всѣ упомянутыя выше училища были четырехклассныя, но далеко не могли сравниться съ цетиньскою школою.

Такимъ путемъ шло образованіе Черногорскаго народа до 1869 года. Оно, какъ мы видѣли, не соотвѣтствовало ни требованіямъ здоровой педагогіи, ни потребностямъ страны, жаждавшей освободиться отъ своего невѣжества. Но въ упомянутое время начинается важный переломъ.

Въ 1868 году князь черногорскій Николай I отправился въ Россію, чтобы просить Государя Императора быть восприемникомъ своего сына. Черногорцы сильно радовались этому путешествію своего правителя и ждали отъ него самыхъ благихъ результатовъ; они говорили: „съ тѣхъ поръ, какъ разорвали мы связь съ Россією и начали сближаться съ чуждыми намъ народами, дѣла наши пошли плохо“. Особенно радовался митрополитъ Илларионъ, человѣкъ не слишкомъ ученый, но большой любитель просвѣщенія и имѣвшій огромное вліяніе на свою паству. Онъ убѣждалъ князя хлопотать въ Петербургѣ о содѣйствіи для основанія въ Черногоріи семинаріи, какъ самаго необходимаго учебнаго заведенія для этой страны, необходимаго потому, что тамошнее духовенство еще далеко отъ своего высокаго назначенія и не вполне понимаетъ свои обязанности. Самъ князь хорошо понималъ важность того дѣла, о которомъ мы говоримъ. Напутствуемый благословеніями всего народа, отправился онъ въ Россію. Вернувшись назадъ, онъ разказывалъ о блестящемъ и радушномъ гостепріимствѣ, которое встрѣтилъ тамъ, и сообщалъ, между прочимъ, радостное извѣстіе, что мысль объ учрежденіи семинаріи будетъ осуществлена немедленно, что будетъ также учрежденъ женскій институтъ и прислана для него начальница и т. д.

Проѣзжая чрезъ Вѣну, князь черногорскій говорилъ о томъ же предметѣ съ протоіереемъ при російскомъ посольствѣ въ этомъ городѣ, о Раевскимъ, который откомендовалъ ему, для замѣщенія должности ректора упомянутой семинаріи автора этой статьи, воспитывавшагося въ Кіевской Духовной Академіи, и получившаго тамъ

званіе магистра. Я поспѣшилъ въ Вѣну и охотно согласился посвятить свои силы устройству семинаріи въ Черногоріи. Такъ какъ для успѣшнаго выполненія этой задачи требовалось знакомство съ мѣстными условіями, а въ особенности съ состояніемъ существующихъ въ Черногоріи школъ, то я поѣхалъ въ Цетинье. Я посѣтилъ цетиньскую школу, экзаменовалъ учениковъ изъ всѣхъ предметовъ и лично убѣдился, что преподаваніе г. Ковачевича въ IV классѣ идетъ очень хорошо. По возвращеніи въ Вѣну, приступлено было мною къ составленію учебнаго плана и устава для Цетиньской семинаріи, чему, кромѣ о. Раевского, содѣйствовалъ также г. Вукичевичъ, профессоръ педагогической школы въ Сомборѣ (въ Венгріи).

Уставъ былъ отосланъ къ князю въ Цетинье и съ самими незначительными перемѣнами, сдѣланными въ немъ протоіереемъ г. Сундичичемъ, удостоился утвержденія, и послѣ того былъ препровожденъ въ Петербургъ, съ просьбою къ св. синоду выразить о немъ свое мнѣніе.

Въ сентябрѣ прибылъ я въ Цетинье для занятія своей учительской и ректорской должности. Къ тому времени собралось уже до 40 молодыхъ людей, въ томъ числѣ нѣсколько молодыхъ священниковъ, желавшихъ поступить въ семинарію. Имъ было объявлено, что стипендіатами на счетъ казны будутъ приняты лишь тѣ, которые окажутся самыми лучшими на экзаменахъ. Насталъ, наконецъ, этотъ экзаменъ, въ присутствіи его свѣтлости князя и митрополита. Надо было видѣть, съ какимъ рвеніемъ и усердіемъ отвѣчали ученики, какъ сильно было желаніе ихъ поступить во вновь учреждаемую школу. Стипендіатами принято было 10 человекъ; пѣкоторымъ, также отличившимся отвѣтами, было обѣщано денежное пособіе.

Обученіе въ семинаріи началось на основаніи новаго устава и учебной программы. Не будемъ приводить здѣсь весь уставъ, а ограничимся лишь главнѣйшими его постановленіями; затѣмъ изложимъ, въ какомъ видѣ учебная программа была примѣнена къ умственному развитію семинаристовъ и какія въ послѣдствіи были сдѣланы въ ней перемѣны.

Цетиньская семинарія, гласитъ уставъ, учреждена для приготовленія молодыхъ людей Черногоріи и окрестныхъ странъ къ священническому и учительскому званію. Курсъ ея продолжается три года и раздѣляется на три одногодичныхъ класса. Переходъ изъ одного класса въ другой разрѣшается только студентамъ, успѣшно выдержавшимъ экзаменъ. Такихъ экзаменовъ ежегодно бываетъ два: предъ

Рождествомъ и въ концѣ іюня. На счетъ казны содержатся 30 стипендіатовъ. Число входящихъ стипендіатовъ не ограничено; разрешается вообще посѣщать лекціи каждому студенту, окончившему съ хорошимъ успѣхомъ четыре основныхъ разряда. Стипендіаты получаютъ отъ заведенія все содержаніе даромъ, и должны повиноваться существующимъ въ школѣ постановленіямъ, наравнѣ со студентами, живущими внѣ семинаріи. Тѣлесное наказаніе не допускается. Непокорные, или провинившіеся въ большихъ проступкахъ, увольняются навсегда изъ училища. Каждый семинаристъ обязанъ, по окончаніи курса, по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ лѣтъ исправлять учительскую должность, а желающій занять священнической приходъ долженъ передъ духовною коллегіей и учителями семинаріи выдержать повторительный экзаменъ изъ главныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ семинаріи, а именно: изъ пространнаго катехизиса, нравственнаго и догматическаго богословія, каноническаго права, церковной исторіи, священнаго писанія, церковнаго пѣнія и устава. Въ семинаріи полагается четыре учителя, включая сюда и ректора. Одинъ изъ учителей исправляетъ должность инспектора, другой должность бібліотекаря, а третій—письмоводителя. Ректоръ семинаріи получаетъ жалованья 1.200 гульденовъ съ квартирой¹⁾, а каждый изъ учителей— по 800 гульденовъ также съ квартирой; чрезъ каждые пять лѣтъ это жалованье увеличивается на 20%. За 15-лѣтнюю службу выдается пенсія,—одна треть жалованья,—а за 30-лѣтнюю службу—полный окладъ жалованья. Кромѣ того, каждый учитель получаетъ, при вступленіи въ должность, по 100, а ректоръ по 200 гульденовъ на подъемъ и подорожныхъ 50—100 гульденовъ, смотря по разстоянію его пребыванія отъ Черногоріи. Высшій надзоръ за семинаріей, а именно, чтобы преподаваніе въ ней соответствовало чистотѣ православнаго ученія,⁶ порученъ митрополиту черногогорскому.

Учебные предметы распределены въ трехъ классахъ слѣдующимъ образомъ:

Въ I-ю классъ: 1) Пространный катехизисъ преосвященнаго Филарета,—первая часть, съ подробными прибавленіями изъ догматики архіепископа Антонія и др. 2) Церковная исторія до временъ апостольскихъ. 3) Всеобщая исторія до XII столѣтія. 4) Физика. 5) Антропология съ физиологіей и съ пространными объясненіями психиче-

¹⁾ За особенную ревность къ предназначенному делу черногогорское правительство прибавило г. Костичу ежегодно еще по 300 гульденовъ.

скихъ явленій (въ краткомъ объемѣ). 6) Гигіена (въ краткомъ объемѣ). 7) Сербскій языкъ: повтореніе грамматики, словосочиненіе съ упражненіями въ письменныхъ сочиненіяхъ. 8) Русскій языкъ: переводъ съ русскаго на сербскій съ грамматическимъ анализомъ. 9) Церковно-славянскій языкъ: грамматика до глаголовъ, съ переводомъ съ славянскаго на сербскій.

Во II-мъ классѣ: 1) Нравственное богословіе (I-я и II-я части). 2) Омилетика (теоретическая). 3) Объясненіе священнаго писанія съ правилами герменевтики. 4) Церковная исторія (продолженіе) до раздѣленія церкви западной отъ православной. 5) Всеобщая исторія (продолженіе) до настоящаго времени. Пространная исторія Сербіи. 6) Сельское хозяйство¹⁾. 7) Сербскій языкъ: риторика съ исторіей сербской литературы и съ письменными упражненіями. 8) Русскій языкъ: переводъ съ русскаго на сербскій и обратно съ анализомъ и съ короткимъ очеркомъ русской литературы. 9) Церковно-славянскій языкъ: грамматика, начиная съ глаголовъ, съ грамматическимъ анализомъ.

Въ III-мъ классѣ: 1) Нравственное богословіе (продолженіе). III-я часть (первое полугодіе). 2) Краткое полемическое богословіе (второе полугодіе). 3) Омилетика (практическая). Сочиненіе проповѣдей и упражненіе въ проповѣдываніи въ школахъ, а иногда и въ церкви. 4) Каноническое право. 5) Священное писаніе (продолженіе). 6) Литургика. 7) Пастырское богословіе. 8) Церковная исторія (продолженіе) до настоящаго времени. 9) Педагогика и повтореніе ариметики въ связи съ методомъ ея преподаванія. 10) Всеобщая географія. 11) Короткое знакомство съ исторіей всеобщей литературы.

Во всѣхъ трехъ классахъ преподается церковное пѣніе и высяняется церковный уставъ. Кроме того, во второе полугодіе ученики III-го класса посѣщаютъ цетиньскую основную школу, чтобы на практикѣ ознакомиться съ преподаваніемъ въ основныхъ школахъ. Всѣ студенты занимаются военными упражненіями теоретически и практически. Всѣ предметы обязательны одинаково для студентовъ семинаріи и никто не можетъ быть освобожденъ отъ обученія ихъ. Преподаваніе происходитъ каждый день, за исключеніемъ праздниковъ, до 12-ти часовъ утра, кромѣ часовъ, назначенныхъ для военныхъ упражненій и ночнаго пѣнія.

¹⁾ Какъ необходимый предметъ для черногорскихъ учителей и сельскихъ пастырей; ибо въ сельскомъ хозяйствѣ Черногорія очень отстала отъ другихъ странъ.

Многіе замѣтятъ, конечно, что для выполненія такой обширной программы нужно по крайней мѣрѣ отъ 8-ми до 12-ти учителей. Мы вполне согласны съ этимъ. Дѣйствительно, четыре учителя чрезмерно обременены работою; на каждого изъ нихъ приходится по 5—6 предметовъ, и приготовляться настоящимъ образомъ для 14—17 уроковъ въ недѣлю—дѣло почти невозможное. Легко, однако, указать на зло, но гораздо труднѣе его исправить. На семинарію отпускается ежегодно 8.000 рублей, а этого, при сильной дороговизнѣ, существующей въ Черногоріи, слишкомъ мало даже теперь, во время среднихъ урожаевъ. Но пусть случится неурожай, тогда означенной суммы рѣшительно не хватитъ на содержаніе 30-ти студентовъ и наставниковъ.

Мы упомянули, что въ семинарію принимаются пока лишь тѣ ученики, которые съ успѣхомъ окончили курсъ, по крайней мѣрѣ, четырехъ основныхъ классовъ. Поэтому нужно удивляться, какъ еще преподаватели умудряются излагать всѣ тѣ науки, которыя поставлены въ программѣ! Дѣло въ томъ, что ученики вовсе не подготовлены для занятія этими науками, ибо основная четырехклассная школа, изъ которой поступають они, еслибы даже отличалась она превосходнымъ устройствомъ, рѣшительно не въ состояніи развити ихъ умственные способности въ такой мѣрѣ, какъ требуетъ того семинарскій курсъ. Въ Австріи, на примѣръ, въ семинарію поступають лишь окончившіе полный курсъ гимназіи или прошедшіе, по крайней мѣрѣ, черезъ 6 гимназическихъ классовъ. И въ Черногоріи слѣдовало бы, прежде открытія семинаріи, учредить гимназіи; но если это еще невозможно, то, чтобы существованіе семинаріи было сколько-нибудь обезпечено, нужно учредить при ней хоть приготовительныя школы.

Съ другой стороны нельзя не обратить вниманія еще и на слѣдующее обстоятельство. Для поступленія въ семинарію назначенъ 16-лѣтній возрастъ, и до сихъ поръ не трудно было держаться этого правила, ибо изъ четвертаго класса основной школы ученики выходили уже взрослыми (ибо поздно начинали учиться). Но теперь, когда существуетъ уже достаточное число школъ въ Черногоріи и въ первый классъ основныхъ училищъ поступають семилѣтніи дѣти, то черезъ нѣсколько лѣтъ ни одинъ изъ выходящихъ отсюда учениковъ не будетъ старше 12-ти лѣтъ. Есть ли возможность принимать такихъ мальчиковъ въ семинарію? Пытавшіе студенты, хотя и не подготовлены надлежащимъ образомъ, но по крайней мѣрѣ они достигли уже юношескаго возраста, и благодаря усердію учителей и чрезвы-

чайному собственному труду, значительно успѣваютъ въ своихъ занятіяхъ. Рвеніе ихъ къ наукѣ по истинѣ изумительно; никому изъ нихъ не приходится дѣлать выговоровъ за лѣнь и нерадѣніе; можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что въ теченіе трехъ лѣтъ никто изъ студентовъ, за исключеніемъ болѣзней и особенно важныхъ причинъ, не пропустилъ ни одного урока. Присоединимъ къ этому примѣрное поведеніе молодыхъ людей: отличительная черта характера Черногорцевъ, это — большое самолюбіе, которое не позволяетъ имъ доводить себя до упрековъ, а если упрекъ уже сдѣланъ студенту, онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы избѣгнуть его на будущее время.

Семинарія помѣщена въ лучшемъ домѣ въ Цетиньѣ, въ прежнемъ дворцѣ черногорскихъ князей. Это—огромное двухъ-этажное каменное зданіе, въ которомъ для всѣхъ живущихъ въ немъ слишкомъ достаточно было бы мѣста; но такъ какъ тамъ же расположены институтъ для дѣвицъ, и казенная типографія, и арсеналъ, то семинаристы и учителя слишкомъ стѣснены въ отведенныхъ для нихъ квартирахъ. Въ одной изъ комнатъ, — именно въ той, въ которой умеръ великій воевода черногорскій и отецъ теперешняго князя, Марко Петровичъ, — находится также домашняя церковь. Она очень скромно украшена, и не дурно было бы позаботиться объ ея благолѣшии, снабдить ее по возможности образами, хотя бы даже и не дорогими. Желательно было бы, чтобы черногорское правительство, по переимѣненіи дѣвичьяго института въ приготовленное для него зданіе, предоставило исключительно семинаріи весь занимаемый ею домъ, чтобы не отводило помѣщенія для другихъ учрежденій, не имѣющихъ съ нею ничего общаго. Лишь тогда, когда семинарія будетъ устроена какъ слѣдуетъ, окажется возможность управлять ею надлежащимъ образомъ и наблюдать за ея внутреннимъ порядкомъ.

Въ семинаріи существуетъ библіотека, но она далеко еще не соответствуетъ своему назначенію, вслѣдствіе крайняго недостатка въ книгахъ, и это очень жаль, ибо между студентами сильно распространена жажда къ чтенію. Правда, ученики перваго класса вынуждены довольствоваться только сербскими авторами, ибо недостаточно понимаютъ русскій языкъ, по ученики II-го, а въ особенности III-го класса, читаютъ свободно по русски. Сожалѣемъ, что у насъ нѣтъ еще словарей русско-сербскаго и сербско-русскаго: дѣло подвинулось бы тогда несравненно быстрѣе впередъ. Не разъ были присылаемы намъ книги изъ Россіи, но почти исключительно богословскаго содержанія, да и то мало. Несомнѣнно, однако, что семинаристы, кромѣ образованія ду-

ховнаго, нуждаются также въ основательномъ образованіи свѣтскомъ, ибо они приготавливаются не только для священническаго сана, но и для учительскихъ обязанностей. Русская литература на столько богата теперь и оригинальными и переводными произведеніями, что Славяне могли бы обильно черпать изъ нея ¹⁾).

Если мы такъ подробно остановились на Цетиньской семинаріи, то это потому, что она должна дать большой толчекъ дальнѣйшему образованію черногорскаго народа и имѣла значительное вліаніе на развитіе школъ въ Черногоріи.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ учебномъ заведеніи, учрежденномъ одновременно съ семинаріей, а именно—о женскомъ высшемъ училищѣ, или женскомъ „институтѣ“ въ Цетиньѣ.

Институтъ былъ устроенъ въ 1869 году и начальницей его назначена русская, Н. П. Пацевичъ. До пріѣзда ея дѣти занимались рукодѣліемъ и первоначальной грамотностью, но дѣло шло такъ плохо, что не стоитъ о немъ и упоминать. Г-жа Пацевичъ вынуждена была одна въ теченіи полутора-года исполнять тяжкія обязанности начальницы, надзирательницы и учительницы ввѣреннаго ей заведенія. Вначалѣ помогали ей, относительно преподаванія, учителя семинаріи и основной школы, а затѣмъ для преподаванія закона Божіи назначенъ учитель семинаріи Вото Новаковичъ, а для нотнаго пѣнія—капельмейстеръ Шульцъ. Въ 1871 году, въ сентябрѣ, прибыли въ Цетинье хорошія двѣ учительницы, г-жи Станосевичъ и Кокановичъ, обѣ изъ Бѣлграда, гдѣ онѣ съ успѣхомъ окончили курсъ „великой женской школы“. Подъ надежнымъ руководствомъ своей начальницы, онѣ какъ нельзя лучше исполняютъ свои обязанности и прекраснымъ поведеніемъ служатъ примѣромъ для своихъ ученицъ.

Институтъ, какъ уже было замѣчено выше, помѣщенъ теперь въ одномъ зданіи съ семинаріей, и помѣщеніе это далеко нельзя назвать удобнымъ, но содержится оно опрятно, чисто и можетъ удовлетворять даже взыскательнымъ требованіямъ. Въ настоящее время отстраивается большое двухъ-этажное каменное зданіе для этого института, въ которомъ легко помѣститъ и воспитанницъ, и служащихъ.

¹⁾ Мы обращаемся съ искреннею просьбою къ русскому обществу о пожертвованіяхъ книгами и учебными пособіями. Пожертвованія эти уже сдѣланы, какъ мы на дняхъ читали въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», Благотворительнымъ Обществомъ въ Москвѣ. Такое гуманное дѣло заслуживаетъ полной признательности не только нашей, но и каждаго образованнаго человѣка.

При немъ устраивается большой садъ, гдѣ могли бы дѣти практически изучать сельское хозяйство.

Въ самомъ началѣ принято было въ эту школу 16 дѣвицъ изъ разныхъ племенъ и семействъ Черногоріи и содержаніе на нее идетъ исключительно отъ правительства. Только начальница института получаетъ изъ собственныхъ суммъ Ея Величества Россійской Императрицы ежегодно по 1.500 рублей. Каждой изъ двухъ учительницъ назначено по 300 гульденовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ квартира, отопленіе, освѣщеніе и столъ вмѣстѣ съ воспитанницами; имъ выдается также по 100 гульденовъ на подъемъ и столько же въ случаѣ возвращенія ихъ на родину послѣ двухлѣтней службы ¹⁾.

Уставъ и учебный планъ для института составленъ былъ начальницей его г. Падевичъ, но считается до селѣ только временнымъ. Главнѣйшія его постановленія состоятъ въ слѣдующемъ:

Женскій институтъ въ Цетиньѣ состоитъ подъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны и подъ главнымъ попечительствомъ ея свѣтлости княгини Милены. Цѣль его заключается въ томъ, чтобы укоренять въ воспитанницахъ православное ученіе, любовь къ родинѣ и нравственное чувство, дабы сдѣлать изъ нихъ добрыхъ матерей и приготовить ихъ къ исполненію обязанностей учительницъ элементарныхъ школъ. Институтъ учрежденъ на 24 пансіонерки. Курсъ назначается четырехлѣтній и раздѣленъ на два класса: младшій и старшій, въ каждомъ по два года. Лучшія воспитанницы и тѣ изъ нихъ, которыя готовятся въ учительницы, по окончаніи курса, остаются еще на одинъ годъ для практическихъ занятій со вновь поступающими дѣтьми, подъ руководствомъ учительницъ. Выпускъ и пріемъ происходитъ чрезъ каждые два года; выпускъ по окончаніи четырехлѣтняго курса 1-го іюня, а пріемъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Въ институтъ принимаются дѣвочки не моложе 8-ми лѣтъ; для поступленія въ младшій классъ требуется: умѣнье читать и писать по сербски, знаніе необходимыхъ молитвъ, изображеніе цифръ и счетъ до 100. Послѣ того, какъ началось ученье, новыя воспитанницы ни въ какомъ случаѣ не принимаются. Воспитанницы имѣютъ право, преимущественно предъ другими, быть со временемъ наставницами въ этомъ институтѣ. Учебный курсъ начи-

¹⁾ На дняхъ мы узнали, что русское правительство на содержаніе этого института назначило ежегодное пособіе въ 5.500 рублей. Этому извѣстію мы сильно обрадовались, ибо тѣмъ обезпечена будущность женскаго поколѣнія въ Черногоріи и окрестныхъ съ нею странахъ.

нается съ 9-го сентября и оканчивается въ іюнѣ. Предметы его суть слѣдующіе: законъ Божій, языки: сербскій, русскій и французскій, исторія, географія, ариметика, рукодѣлье, пѣніе и шелководство. Въ старшемъ классѣ сообщаются поватія о домашнемъ хозяйствѣ. Уроки распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

	ВЪ МЛАДШ. КЛАССѢ.		ВЪ СТАРШ. КЛАССѢ.	
	1-й годъ.	2-й годъ.	1-й годъ.	2-й годъ.
1) Законъ Божій	2	2	2	2
2) Сербскій языкъ	6	6	4	3
3) Русскій языкъ	6	6	4	3
4) Французскій языкъ	—	6	5	4
5) Географія	—	2	2	2
6) Исторія	—	—	4	3
7) Ариметика	2	2	2	2
8) Чистописаніе	4	—	—	—
9) Шелководство	—	—	—	2
10) Рукодѣлье	6	2	3	5
11) Пѣніе	2	2	2	2
	28	28	28	28

Такъ какъ эта программа еще не утверждена окончательно, а существуетъ лишь до перемѣщенія института въ новое зданіе и до полного его устройства, то мы и не будемъ подробно разбирать ее, а ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями.

Черногорцы вынуждены были до сихъ поръ, по необходимости, слишкомъ много заниматься войною, и вся тяжесть домашняго хозяйства ложилась исключительно на женщинъ. Женщина кормила дѣтей, смотрѣла за скотомъ, обрабатывала землю, прела пряжу, и кромѣ того должна была еще носить въ поле своему мужу, или роднымъ, сѣстные припасы и ухаживать за ранеными. Вернувшись, утомленная, домой, она сиѣшила кончать работу, чтобы бѣжать потомъ на рынокъ и т. д. Трудно и перечислить всѣ лишенія и труды, выпадавшіе на ея долю и дѣлавшіе ее настоящею мученицею. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, что черногорская женщина не возвысилась до того уровня, на которомъ стоятъ женщины цивилизованныхъ странъ. Она нуждается еще въ самомъ необходимомъ, элементарномъ образованіи, и мы съ своей стороны убѣждены, что въ настоящее время въ женской черногорской школѣ нужно обращать особенное вниманіе на практическую, хозяйственную сторону и рукодѣлія,

и что преподаваніе тамъ двухъ иностранныхъ языковъ совершенно излишне. Конечно, намъ необходимо, кромѣ языка отечественнаго, учиться еще какому-либо другому, ибо наша собственная литература очень бѣдна,—и въ этомъ отношеніи мы отдаемъ рѣшительное предпочтеніе языку русскому. Кромѣ того, что на немъ написано много отличныхъ произведеній, могущихъ вполне удовлетворить въ настоящее время наши духовныя потребности, языкъ этотъ, если бы онъ былъ надлежащимъ образомъ усвоенъ и другими славянскими племенами, могъ бы послужить средствомъ для духовнаго ихъ сближенія. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что Славяне, чтобы понимать другъ друга, должны еще и теперь прибѣгать къ языку нѣмецкому? Боятся ли они, что сдѣлаются Русскими, если выучатся читать и говорить по-русски? Вотъ тѣ соображенія, на основаніи коихъ мы не считаемъ нужнымъ радоваться, что наши Черногорки учатся по французски; а между тѣмъ, изъ распредѣленія уроковъ видно, какъ много тратится на это времени! Гораздо полезнѣе было бы опредѣлить эти уроки на преподаваніе сельскаго хозяйства, гигиены, руководяща (которымъ, сравнительно, занимаются мало). Такъ какъ учебная программа еще не окончательно утверждена, то мы надѣемся, что начальство института приметъ въ расчетъ наше замѣчаніе. Не благоумнѣе ли было бы назначить особые уроки для тѣхъ немногихъ воспитанницъ, которымъ французскій языкъ можетъ пригодиться впоследствии?

Возвратимся теперь къ основнымъ школамъ, развитіе коихъ мы прослѣдили до 1870—1871 годовъ.

Послѣ учрежденія семинаріи оказалась настоятельная необходимость въ устройствѣ новыхъ и преобразованіи прежнихъ школъ во всей странѣ. Въ 1870 году былъ отправленъ для объѣзда всѣхъ пахій ¹⁾ нѣгущскій протоіерей Радоничъ, съ порученіемъ пріискать дѣтей, способныхъ поступить въ школы, а также осмотрѣть мѣста, гдѣ эти школы могли бы быть основаны. Нужно сказать, что села черногорскія, по большей части, отстоятъ очень далеко однѣ отъ другихъ, разбросаны по горамъ и иногда раздѣлены между собою огромными оврагами, черезъ которые не удобно переходить и лѣтомъ, а тѣмъ болѣе зимою. Все это слѣдовало принять во вниманіе при устройствѣ школъ. Необходимо было также не упускать изъ виду и

¹⁾ Черногорія раздѣлена на пахія (округа), а пахія — на племена или напиктанія.

гигіеническія условія различныхъ мѣстностей, ибо многія села, лежація подлѣ рѣкъ, въ болотахъ, весьма вредны для здоровья, преимущественно лѣтомъ. По возвращеніи о. Радонича, всѣмъ старостамъ было объявлено правительственное распоряженіе: гдѣ и въ какомъ мѣстѣ слѣдуетъ выстроить новыя школы, съ тѣмъ, чтобы всѣ эти зданія были готовы къ 1-му сентября 1870 года и были снабжены необходимыми принадлежностями.

Распоряженіе это было выполнено въ той мѣрѣ, насколько оказалось возможнымъ при затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находились многія мѣстности Черногоріи. Мы упоминали сей-часъ о крайне трудномъ сообщеніи между черногорскими селами. Теперь проведено уже нѣсколько дорогъ, по которымъ можно ѣхать на лошадяхъ, осляхъ или муллахъ, но весьма немного, а по большей части эти дороги существуютъ въ первобытномъ видѣ. Весь матеріалъ для школьныхъ зданій, даже самыя громоздкія вещи, какъ напримѣръ, бревна, надо тащить на плечахъ или на муллахъ, и такъ какъ иногда все это доставляется изъ отдаленныхъ мѣстъ, то и обходится очень дорого. Кромѣ того, въ Черногоріи нѣтъ вовсе туземныхъ ремесленниковъ; всѣ они выписываются изъ-за границы, да и то не безъ труда. Понятно, поэтому, что не всѣ старосты успѣли выполнить, до назначеннаго срока, данное имъ приказаніе. Устройство происходило на счетъ каждаго племени, а денежныя для того средства собирались старостами съ народа, по капитаніямъ.

Затѣмъ возникъ вопросъ объ учителяхъ. Положено было открыть съ-разу до 30 школъ: какъ же найти такое количество способныхъ преподавателей, когда въ Черногоріи не существовало до тѣхъ поръ другихъ школъ, кромѣ четырехклассныхъ основныхъ? Выписать изъ-за границы было невозможно, да и не по средствамъ черногорской казны. Пришлось обратиться къ старому средству, а именно—назначить учителями молодыхъ Черногорцевъ, окончившихъ курсъ нормальной школы въ Цетинѣ. Чтобы эти новыя школы, по недостатку въ способныхъ учителяхъ, не приобрѣли себѣ съ самаго начала дурной славы, авторъ этой статьи обратился съ слѣдующимъ предложеніемъ къ правительству. Онъ вызвался, пользуясь вакаціоннымъ временемъ (отъ 29-го іюня по 1-е сентября), вмѣстѣ съ сослуживцемъ своимъ, г. Ковачевичемъ, обучать и приготовить, по возможности, будущихъ наставниковъ къ учительскому званію по новымъ методамъ, введеннымъ въ австрійскихъ сербскихъ школахъ (въ Воеводинѣ) и оказавшимся на дѣлѣ весьма удовлетворительными въ педагогиче-

скомъ отношеніи. Предложеніе это было охотно принято, и въ Цетиньѣ собралось до 30 молодыхъ людей, въ числѣ коихъ до десяти священниковъ. Къ нимъ присоединились и всѣ учителя, занимавшіеся до тѣхъ поръ преподаваніемъ въ начальныхъ школахъ. Занятія шли весьма дѣятельно. Я преподавалъ ежедневно отъ 8 до 11, а Ковачевичъ съ 2 до 4 часовъ послѣ обѣда; этотъ послѣдній излагалъ св. исторію, исторію Черногоріи, географію, сербскую грамматику и счеты; а что касается до меня, то я старался изложить слушателямъ методъ обученія по всѣмъ предметамъ, присоединивъ къ этому и необходимыя педагогическія правила.

Что же это за методъ? Въ чемъ состоитъ отличіе его отъ другихъ?

Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы должны снова возвратиться къ тому, какъ шло въ бывшее время преподаваніе въ основныхъ школахъ.

Чтеніе начиналось ознакомленіемъ дѣтей съ буквами: азъ, буки, и т. д., послѣ чего переходили къ складамъ. Кто учился по этому способу, тотъ знаетъ, сколько онъ представляетъ трудностей. Наставники заботились лишь о томъ, чтобы ученики разбирали кое-какъ грамоту, чтобы они могли справляться съ различными „читанками“; но никому изъ нихъ не приходило въ голову, что это далеко не главное дѣло, что прежде всего нужно заботиться объ умственномъ развитіи дѣтей. Имъ казалось совершенно излишнимъ требовать, чтобы дѣти понимали то, о чемъ читали, чтобы посредствомъ чтенія знакомились они съ разными предметами, описанными въ читанкахъ, и такимъ образомъ приобрѣтали полезныя для себя знанія. Теперь обученіе чтенію введено по звуковому методу. Еще до ознакомленія дѣтей съ буквами, они приготавливаются нѣсколько времени къ этому занятію раскладываніемъ словъ на слоги, а слоговъ на буквы и звуки; одновременно съ тѣмъ идетъ и практическое приготовленіе къ письму, которое начинается ознакомленіемъ со словами, состоящими изъ двухъ буквъ. Дѣти очень скоро привыкаютъ къ выговору буквъ безъ складыванія, а заучивъ такимъ образомъ семь или десять буквъ, они уже читаютъ слова и даже короткія предложенія, въ которыя входятъ знакомыя имъ буквы. Для этого звуковаго метода составленъ особый букварь г. Вукичевичемъ, директоромъ учительской семинаріи въ Сомборѣ, который подарилъ его черногорскимъ школамъ.

Что касается до самаго чтенія, то въ настоящее время обращается особенное вниманіе, чтобы оно происходило толково, чтобы дѣти

могли своими словами разказывать прочитанное ими и дѣлать необходимыя объясненія.

Кромѣ того, въ настоящее время введено въ черногорскихъ школахъ такъ называемое „наглядное преподаваніе“, для ознакомленія дѣтей съ окружающими ихъ предметами и для развитія ихъ умственныхъ способностей (руководствомъ служить книга одного изъ лучшихъ сербскихъ педагоговъ, г. Натошевича). Дѣлается это такимъ образомъ: всякій разъ, когда въ „читанкѣ“ упоминается о какомъ-либо предметѣ (животномъ, растеніи, хозяйственномъ орудіи и т. д.), то онъ показывается ученикамъ, или въ натурѣ, или на рисункѣ, и дѣти, съ помощью учителя, должны подробно уяснить себѣ главнѣйшія свойства этого предмета и какую пользу онъ приносить. Преподаватель старается навести дѣтей на отвѣты посредствомъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ.

Для диктовки употребляются изреченія нравственныя, поучительныя изъ св. писанія и народныхъ пословицъ, при чемъ нѣкоторые тексты св. писанія заучиваются наизусть, съ надлежащимъ объясненіемъ. Чтеніе славянскихъ книгъ происходитъ также далеко не механически, а съ толковымъ переводомъ на сербскій языкъ. Тотъ же самый методъ господствуетъ и въ преподаваніи другихъ предметовъ: главная его задача — умственное развитіе дѣтей.

Объясненіемъ этого метода учителямъ начальныхъ школъ занялись, какъ уже упомянуто выше, авторъ этой статьи и г. Ковачевичъ. Первый изъ нихъ выписалъ всѣ необходимыя учебныя пособія и руководства, какія только существуютъ въ сербской литературѣ, и въ теченіи семи недѣль занятія происходили съ такимъ рвеніемъ и такимъ успѣхомъ, что ничего лучшаго нельзя было и желать. Очевидно, что задача предстояла крайне трудная: приготовить въ столь короткое время значительное число молодыхъ людей, не имѣвшихъ до тѣхъ поръ и понятія о рациональномъ методѣ преподаванія. Нѣкоторые изъ слушателей были смущены заявленными имъ требованіями и не рѣшились принять на себя учительскихъ обязанностей; но большинство, убѣдившись, какъ хорошо приспособленъ новый методъ къ занятіямъ съ дѣтьми и сколько онъ лучше прежняго, сильно захотилось его изученіемъ. Благодаря ихъ стараніямъ, достигнуты были, въ короткій срокъ, самые счастливые результаты.

По окончаніи упомянутаго курса происходили экзамены, на основаніи коихъ способнѣйшіе изъ учителей получили аттестаты, что они могутъ преподавать лишь въ школахъ высшаго, а менѣе способные —

лишь въ школахъ низшаго разряда. Каждый учитель былъ утвержденъ въ своей должности только на годъ; окончательное же утвержденіе зависѣло отъ его прилежанія и успѣховъ.

Жалованье назначено имъ, сравнительно съ прежнимъ¹⁾, довольно порядочное, а именно: отъ 140—320 гульденовъ.

Въ началѣ сентября 1870 года была открыта 81 школа, въ которыхъ находилось 33 учителя; но въ 1872 году къ нимъ присоединилось еще 8, такъ что въ настоящее время существуетъ 38 школъ (ибо одна изъ нихъ, Чекличская, была закрыта на другой же годъ, за неимѣніемъ учителя). Для надзора за этими школами учреждена должность главнаго (верховнаго) инспектора школъ съ ежегоднымъ жалованьемъ въ 1.200 гульденовъ; но, къ сожалѣнію, для замѣщенія ея по конкурсу явились только два кандидата, которымъ она не могла быть ввѣрена, и черногорское правительство предложило автору этой статьи принять на себя временно званіе инспектора. Я отвѣчалъ согласіемъ и общалъ, на сколько хватить у меня, какъ ректора семинаріи, досуга сдѣлать все возможное, чтобы добросовѣстно выполнить свою задачу.

Прежде всего долженъ былъ я позаботиться о дальнѣйшей организаціи учрежденныхъ школъ. Для каждой изъ нихъ былъ назначенъ „мѣстный надзиратель“, обязанный наблюдать за преподаваніемъ, за поведеніемъ учителя и т. д., и вмѣстѣ съ старостою радѣть о матеріальныхъ нуждахъ училища. Чтобы лучше объяснить этимъ надзирателямъ ихъ обязанности, были имъ розданы инструкціи, утвержденныя главнымъ правленіемъ училищъ за подписью инспектора и черногорскаго митрополита.

Сообщимъ же здѣсь нѣкоторыя подробности о черногорскихъ основныхъ школахъ.

Школы эти состоятъ вообще изъ трехъ, а главная основная школа изъ четырехъ классовъ. Находятся онѣ подъ надзоромъ инспектора (для замѣщенія этой должности установленъ конкурсъ); въ кругъ дѣятельности коего входитъ: а) сообщать съ митрополитомъ назначать мѣстныхъ надзирателей и попечителей, съ утвержденія черногорскаго сената; б) заботиться о преуспѣяніи школъ; в) въ теченіе ваканцій, по крайней мѣрѣ одинъ разъ чрезъ каждые три года, заниматься съ

¹⁾ Учителя до тѣхъ поръ получали не болѣе 100 гульденовъ. Только цетинскіе, въ особенности когда они были не уроженцы Черногоріи, получали болѣе, а именно: учителя главной основной школы отъ 300 до 560 гульденовъ.

учителями, чтобы ознакомить ихъ съ новѣйшими методами преподаванія; d) ежегодно ревизовать всѣ школы и представлять докладъ объ этой ревизіи правительству. Преподаватели вступаютъ сначала лишь временно въ исправленіе своей должности и утверждаются въ ней по истеченіи года. Учебный курсъ начинается съ 1-го января. Каждый учитель долженъ ежедневно (за исключеніемъ четверговъ и дней праздничныхъ) давать дѣтямъ по 5 уроковъ; если на недѣлѣ случится праздникъ, то учитель даетъ урокъ въ слѣдующій затѣмъ четвергъ. Въ случаѣ болѣзни, замѣняетъ его въ классѣ старшій ученикъ, а если болѣзнь продолжительна, то инспекторъ назначаетъ ему помощника. Племя или общество, въ которомъ находится школа, не можетъ самовольно отказать учителю, а обязано о неудовольствіи своемъ противъ него довести до свѣдѣнія высшаго начальства. Жалованье свое, а также и отопленіе для школы и своей квартиры учитель получаетъ отъ старосты. Если родители вовсе не посылаютъ въ школу своихъ дѣтей, внесенныхъ въ учительскіе списки или удерживаютъ ихъ для домашнихъ работъ, то немедленно доводится объ этомъ до свѣдѣнія мѣстнаго попечителя, который подвергаетъ виновныхъ взысканію. Тѣлесныя наказанія строжайше запрещены, кромѣ совершенно исключительныхъ случаевъ, когда никакія другія мѣры не дѣйствуютъ на мальчика и оказываются безсильными искоренить его пороки. Малые экзамены происходятъ въ концѣ января, а большіе въ концѣ іюня.

Мы изложили здѣсь сущность „Школскаго законника для верховнаго инспектора и учителей основныхъ школъ“, но кромѣ этого устава существуетъ еще другой,—„Правила о должностяхъ старостъ (какъ попечителей школъ), мѣстныхъ надзирателей и учителей въ отношеніи къ народнымъ основнымъ школамъ“. Считаемо необходимымъ познакомить и съ нимъ нашихъ читателей. Каждая школа находится подъ надзоромъ старосты того племени, среди котораго она учреждена. Староста понуждаетъ родителей посылать дѣтей въ школу и въ случаѣ упорства съ ихъ стороны, подвергаетъ ихъ штрафу—въ первый разъ въ размѣрѣ 1 талера, во второй—2 талеровъ, а въ третій разъ—пятидневному аресту; за неаккуратное посѣщеніе дѣтьми уроковъ родители также подлежатъ отвѣтственности (штрафы въ 40 крейцеровъ, 1 гульденъ, 2 гульдена и двухдневный арестъ). Всѣ зажиточные родители должны посылать своихъ дѣтей въ школу отъ 7 до 12-лѣтняго возраста, а немущимъ предоставляется это на выборъ. Иждивенія по содержанію школъ падаютъ на все племя, а не

на тѣ только семейства, дѣти коихъ пользуются ими. За ученіе не полагается никакой платы. Такъ какъ нѣкоторыя школы слишкомъ удалены отъ городовъ, и родителямъ было бы трудно пріобрѣтать для дѣтей письменныя принадлежности, то староста, учитель и мѣстный надзиратель заранѣе должны закупить ихъ. При каждой школѣ находится огородъ для практическихъ занятій съ учениками. Староста, мѣстный надзиратель и учитель ведутъ подробные списки всѣмъ дѣтямъ обязаннымъ посѣщать школу, и списки эти, составляемые въ вакаціонное время, препровождаются къ инспектору, для заготовленія необходимаго количества руководствъ и учебныхъ пособій.

Таковы распоряженія, которыми обезпечивается внутренній порядокъ и матерьяльная обстановка школъ въ Черногоріи. Мы изложили ихъ подробно съ цѣлью вызвать замѣчанія, которыми могли бы воспользоваться.

Не мало замѣчаній приходилось уже намъ выслушать до сихъ поръ. Говорятъ, на примѣръ, что главному (верховному) инспектору дано слишкомъ много правъ, а обществамъ — никакихъ. Инспекторъ назначаетъ учителей, а общество или племя, отъ котораго школа получаетъ содержаніе, не имѣетъ никакого участія въ выборѣ будущаго наставника своихъ дѣтей: многіе находятъ это несправедливымъ, но не слѣдуетъ забывать, что начальныя училища только теперь возникаютъ въ Черногоріи, что народъ еще не имѣетъ тамъ никакого понятія о томъ, что такое хорошій учитель и что требуется отъ него. Какъ же можетъ онъ, на первыхъ порахъ, разсуждать о подобномъ дѣлѣ? Съ другой стороны сельскія общества въ Черногоріи еще не устроены и главное, преобладающее значеніе въ нихъ принадлежитъ старостѣ (капитану) племени.

Можетъ быть нѣкоторымъ читателямъ покажется страннымъ, что обязательство посѣщать школу установлено лишь для мальчиковъ, и притомъ для дѣтей зажиточныхъ родителей, а что касается до бѣдныхъ и до дѣвочекъ, то они избавлены отъ всякаго понужденія.

Но пусть читатели вспомнятъ сказанное нами выше о томъ, какъ трудно черногорскимъ дѣтямъ ходить въ школу, съ какими трудностями сопряжено это дѣло и для самихъ родителей. Черногорцы — народъ не богатый. Каждый изъ нихъ имѣетъ небольшой участокъ земли, доходами съ котораго онъ и прокармливаетъ свою семью; многіе имѣютъ также по нѣскольку десятковъ овецъ, и должны пасти ихъ на своемъ участкѣ, ибо очень рѣдко находятся гдѣ нибудь общія пастбища. Скотъ этотъ составляетъ часто самую главную при-

быль; безъ него нельзя было бы удобрять тоція нивы, и некому за нимъ присматривать кромѣ дѣтей несостоятельнаго черногорца. Если бы взять этихъ дѣтей въ школу, то отецъ ихъ долженъ былъ бы немедленно продать свой скотъ и этимъ самымъ значительно разстроить свое небольшое имущество.

Такъ какъ во многихъ мѣстахъ сельскіе дома очень далеко отстоятъ отъ школы, то родители принуждены помѣщать своихъ дѣтей въ сосѣднихъ съ школою корчмахъ или у частныхъ лицъ: но нельзя же требовать, чтобы каждый родитель расходовалъ на своего ребенка ежегодно отъ 20 до 40 рублей!

Тѣ же самыя соображенія побудили правительство постановить, что дѣвочки не обязаны посѣщать школу; но при этомъ имѣлось въ виду еще и то обстоятельство, что на первое время не будетъ достаточно помѣщенія въ школахъ и что учителя, начинающіе свою дѣятельность, не справятся съ значительнымъ количествомъ дѣтей. Наконецъ, нужно было вообще не торопиться, чтобы дать возможность народу оцѣнить мало по малу значеніе и пользу школъ. Когда школы эти будутъ вполнѣ устроены, когда большинство теперешнихъ учителей замѣнится семинаристами хорошо приготовленными къ учительскому званію, тогда обязательное обученіе распространится, конечно, на всѣхъ жителей.

Обратимся теперь къ учебному плану черногорскихъ основныхъ школъ.

Въ школахъ этихъ преподаются слѣдующіе предметы: а) Законъ Божій; б) сербскій языкъ; в) вратцѣ языкъ церковно-славянскій; г) ариѳметика; д) отечественная исторія; е) географія; ж) главныя основанія сельскаго хозяйства и з) пѣніе. Распределены эти предметы по классамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ I-мъ классѣ: 1) Законъ Божій: а) понятія о Богопознаніи и Богопочтеніи; молитвы; символъ вѣры; заповѣди; понятіе о св. тайнахъ, дарованіи св. Духа; плоды дарованія св. Духа; добродѣтели и грѣхи; б) 10 библейскихъ разказовъ изъ ветхаго и новаго завѣтовъ; в) нѣсколько краткихъ разказовъ изъ житія святыхъ. 2) Сербскій языкъ: а) письмо и чтеніе по букварю (первый отдѣлъ); б) бесѣды объ окружающихъ предметахъ (наглядное преподаваніе). 3) Чтеніе по церковно-славянски изъ приложеннаго къ букварю славянскаго отдѣла, а именно: молитвы и нѣкоторые псалмы съ сербскимъ переводомъ. 4) Ариѳметика: первыя четыре правила съ числами отъ единицы

до 100; ознакомленіе дѣтей съ вѣсами и мѣрами, употребляющимися въ Черногоріи. 5) Церковное пѣніе.

Во II-мъ классѣ: 1) изъ Закона Божія: а) переводъ и болѣе подробное толкованіе тѣхъ же молитвъ, символа вѣры, заповѣдей; б) разказы изъ ветхаго и новаго завѣтовъ и житія святыхъ. 2) Сербскій языкъ: второй отдѣлъ букваря, то-есть, первая читанка. При чтеніи статей географическихъ, учитель знакомитъ дѣтей съ положеніемъ ихъ родины, ея окрестностей и т. д. 3) Церковно-славянскій языкъ: чтеніе и переводъ на сербскій изъ часослова въ связи съ другими молитвами и съ вѣроученіемъ. Здѣсь же нѣкоторые псалмы заучиваются наизусть. 4) Ариѳметика: повтореніе пройденнаго въ I-мъ классѣ и продолженіе 4-хъ правилъ ариѳметики съ числами умственно до 1.000 и на доскѣ отъ 100—100.000. Первоначальныя понятія о дробяхъ. 5) Церковное пѣніе.

Въ III-мъ классѣ: 1) Законъ Божій: а) краткій катехизисъ въ связи съ библейскими разказами, житіями святыхъ, тропарями, главнѣйшими стихирами и съ объясненіемъ главныхъ частей и принадлежностей церкви и церковнаго богослуженія; б) житія святыхъ, преимущественно празднуемыхъ въ Сербіи. 2) Сербскій языкъ: а) вторая читанка, съ пространными географическими и историческими объясненіями; основныя правила грамматики. 3) Славянскій языкъ: переводъ псалтыря, евангелій и апостоловъ. 4) Исторія: сербская (вкратцѣ) и отечественная (Черногорская) пространнѣе. 5) Изъ географіи: общія о ней понятія, главныя части свѣта; столичныя города важнѣйшихъ государствъ; географія Балканскаго полуострова. 6) Сельское хозяйство по „Краткой земледѣльческой читанкѣ“¹⁾, теоретическое и практическое ознакомленіе съ прививкою деревьевъ, обработываніемъ огородовъ, шелководствомъ и т. д. 7) Ариѳметика: простыя дроби и проценты. 8) Церковное пѣніе.

Въ IV-мъ классѣ: 1) Законъ Божій: а) болѣе подробное изложеніе того, что преподается въ III-мъ классѣ; б) разказы изъ ветхаго и новаго завѣтовъ. 2) Сербскій языкъ: читанка для IV-го класса. Грамматическія правила излагаются практически при чтеніи статей; упражненія въ сочиненіяхъ. 3) Славянскій языкъ: переводъ евангелій и апостоловъ, тропарей, кондаковъ и главныхъ стихирь. 4) Исторія сербская пространнѣе чѣмъ въ III-мъ классѣ, въ связи съ географіей.

¹⁾ Эту читанку, съ 42 рисунками, написалъ нарочно для черногорскихъ школъ г. Георгій Радичъ, редакторъ экономическаго газеты «Тежакъ», издаваемой въ Вилградѣ.

5) Географія всѣхъ частей свѣта болѣе подробно, чѣмъ въ III-мъ классѣ, причѣмъ вниманіе особенно обращается на тѣ области, гдѣ живутъ славянскіе народы. 6) Ариметика; повтореніе всего пройденнаго, пропорціи и тройное правило. Вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомяются ученики вкратцѣ съ главными основаніями геометріи. 7) Сельское хозяйство: повтореніе пройденнаго, понятія о пчеловодствѣ и скотоводствѣ. 8) Церковное пѣніе.

Главный инспекторъ роздалъ учителямъ выписанныя имъ учебныя пособія и руководства, какія только существовали въ небогатой сербской литературѣ¹⁾. Многие учителя просили достать имъ на ихъ собственный счетъ различныя книги и лучшія руководства: такое стремленіе къ образованію этихъ молодыхъ людей, сулило много хорошаго впереди, и надежды эти не были обмануты.

Каждому изъ учителей было поставлено въ обязанность доставлять главному инспектору школъ свѣдѣнія объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ и вообще о ходѣ преподаванія, и кромѣ того извѣщать о всѣхъ недоумѣніяхъ и сомнѣніяхъ, могущихъ возникнуть въ учебномъ дѣлѣ.

Учителя разѣхались по школамъ, но во многихъ мѣстахъ не могли тотчасъ же начать преподаванія, потому что школы эти не были еще окончательно устроены и снабжены всѣмъ необходимымъ. Ученье началось собственно только въ концѣ 1869 года. Шло оно вначалѣ туго. Учителя, предоставленные самимъ себѣ, не всегда

¹⁾ Кромѣ руководства къ преподаванію букварскихъ наукъ Натшевича, выданы еще слѣдующія книги: «Методъ для счетовъ наизусть»; «Методъ для счетовъ съ цифрами»; «Домашняя біблія ветхаго и новаго завѣтовъ съ рисунками»; «Библійскіе разказы ветхаго и новаго завѣтовъ» Даничича (переводъ съ рускаго); «Всеобщая географія», переводъ съ нѣмецкаго; «Житія святыхъ» Вукиевича; «Переводъ евангелій и апостоловъ» епископа Платона; «Толкованія церковнаго пѣнія» Вукиевича; «Толкованіе и разъясненіе церковнаго богослуженія и св. церковныхъ утварей» Вукиевича; «Упражненіе въ счетахъ для сельскихъ школъ»; «Катехизисъ средній» и «Катехизисъ великій»; «Читанки для III-го и IV-го классовъ»; «Псалтирь»; «Краткій выборъ сербскихъ народныхъ пѣсней»; «Педагогика» Миличевича. Отпечатаны книги: «Букварь съ читанкой для I-го и II-го классовъ»; «Выдержки изъ часослова»; «Церковное пѣніе»; «Азбука стѣновія». Въ Цетиньѣ были уже до того времени напечатаны: «Краткая сербская исторія» и «Краткій катехизисъ» для I-го и II-го классовъ. Приготовлены къ печати: «Краткая сербская исторія, въ связи съ надлежащею географіей»; «Руководство къ шелководству»; «Земледѣльческая читанка съ рисунками»; брошюра «О прививаніи деревьевъ», Георгія Радича; «Краткая всеобщая географія» и «Географія европейской Турціи» выписаны изъ Вадграда.

умѣли примѣнить на дѣлѣ предписанный имъ методъ; по два и по три раза въ мѣсяцъ обращались они письменно къ инспектору съ самыми разнородными вопросами, а между тѣмъ инспекторъ былъ обремененъ работою: на немъ лежали всѣ заботы о школахъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи, и онъ не имѣлъ вовсе помощника въ такомъ трудномъ дѣлѣ. Къ нему стекались донесенія отъ учителей, старостъ и мѣстныхъ надзирателей, онъ вынужденъ былъ вести самъ огромную корреспонденцію, выписывать книги, ландкарты и т. д., рассылать ихъ по школамъ, вести всю счетную часть, печатать новыя учебныя пособія, имѣть дѣло съ типографіями; — словомъ, онъ былъ все для школъ и учителей. Не надо забывать тѣ особыя условія, въ которыхъ еще находится Черногорія: достаточно, напримѣръ, замѣтить, что во всей странѣ почтовое сообщеніе существуетъ только между Катарро и Цетиньемъ, да и то почтальоны носятъ лишь письма, а не посылки. Но при всѣхъ этихъ затрудненіяхъ, уже въ первомъ году труды главнаго инспектора и учителей увѣнчались почти неожиданными успѣхами. Дѣти развивались быстро и въ весьма короткое время выучились порядочно читать, писать, считать и приобрѣли столько свѣдѣній, что сами наставники, въ дѣтскіе свои годы, не имѣли о нихъ понятія, даже проводя нѣсколько классовъ основной школы. Эти успѣхи ободрили преподавателей и приохотили ихъ къ своимъ обязанностямъ, которыхъ они такъ пугались вначалѣ.

Въ концѣ курса отправленъ былъ по всѣмъ школамъ г. Пешичъ¹⁾, учитель III-го и IV-го классовъ цетиньской главной школы, чтобъ присутствовать на экзаменахъ и лично удостовѣриться въ успѣхахъ учениковъ. Но еще прежде того нѣкоторыя училища были посѣщены главнымъ инспекторомъ. Эти объѣзды представляли большія трудности. Во всякой другой странѣ къ услугамъ путешественника шоссе, желѣзныя дороги, пароходы, но не то видимъ мы въ Черногоріи. Путешествовать тамъ можно только верхомъ или пѣшкомъ. Повозокъ не водится вовсе; о дорогахъ мы уже говорили, нѣтъ изъ нихъ таковы, что пройти по нимъ подъ силу лишь Черногорцу, съ малолѣтства привыкшему къ своимъ скаламъ²⁾. Нерѣдко, странствуя

¹⁾ Г. Пешичъ, окончившій курсъ семинаріи и кромѣ того учительскій школы въ Сомборѣ, былъ уже 13 лѣтъ учителемъ въ Австріи и преподавалъ тамъ по новому методу, въ совершенствѣ имъ усвоенному.

²⁾ Порядочныя дороги идутъ лишь изъ Катарро въ Цетинье, оттуда въ Вльовачичъ и еще въ нѣкоторыя (весьма немногія) мѣстности.

цѣлый день пѣшкомъ, нельзя найти источника или колодезя, гдѣ можно было бы напиться, и горе страннику, если не запасся онъ флажкой съ водою. Наконецъ ревизоръ достигаетъ, измученный, цѣли своего путешествія. Вмѣсто мягкой постели ожидаетъ его „пустота“ (коверь изъ волоса, твердый какъ кирпичъ), или солома ¹⁾; иногда зарѣжутъ ему ягненка или курицу, но во многихъ мѣстахъ онъ долженъ довольствоваться кускомъ хлѣба, молока, копченого овечьего или козьяго мяса. Зимой подобныя путешествія еще труднѣе, ибо дороги по дѣльнымъ мѣсяцамъ совершенно занесены снѣгомъ, кромѣ Рѣчской, Црничской и Жупской нахій, гдѣ снѣгу почти никогда не бываетъ. Такимъ образомъ для осмотра всѣхъ школъ требуется, по крайней мѣрѣ два или три мѣсяца.

Г. Пешичъ остался доволенъ всѣми учителями, за исключеніемъ четырехъ, и утверждалъ, что успѣхи, достигнутыя ими, были весьма удовлетворительны. Въ этомъ можно было убѣдиться и по привезеннымъ имъ съ собою тетрадямъ воспитанниковъ почти всѣхъ школъ ²⁾. Отличившіеся учителя получили, въ концѣ августа 1870 года, награды, при чемъ владѣтельный князь обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Мы, Черногорцы, — народъ не богатый. Кромѣ свободы, у насъ нѣтъ почти ничего; но за то мы обладаемъ горячимъ сердцемъ, доброю волею, которою и преодолѣли всѣ намъ враждебныя и несравненно большія силы. Трудитесь не изъ за денегъ, а изъ за священнаго вамъ долга, какъ достойные члены своего народа, который своею предприимчивостью и храбростью, своимъ терпѣніемъ и мученическими подвигами, долженъ служить примѣромъ всѣмъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Трудитесь: кто работаетъ, тому и Богъ помогаетъ!“

Въ концѣ упомянутого выше мѣсяца учителя собраны были еще разъ на двѣ недѣли, при чемъ даны были имъ наставленія для послѣдующаго курса II и III классовъ основной школы и указаны сдѣланныя ими ошибки. Тутъ же ознакомились они практически съ прививкою деревьевъ.

Въ 1870 году было учреждено 7 новыхъ школъ: до того времени (то есть въ 1869 году) всѣхъ учениковъ было въ нихъ 1.424; въ томъ числѣ до 70 дѣвочекъ, а въ 1870 число это, во всѣхъ 38-ми училищахъ, возросло до 2.000.

¹⁾ Только въ Црничской нахій можно найти чистыя постели. Народъ живетъ тутъ вообще гораздо чище.

²⁾ Русскій консулъ въ Рагузѣ, Г. Тонинъ, лично убѣдился въ успѣхахъ учителей и учениковъ изъ нихъ присудилъ награды.

Суда по количеству букварей, раскупленныхъ въ первомъ году, грамотность стала сильно развиваться въ Черногорскомъ народѣ: продано было этихъ букварей 1.860 экземпляровъ.

Кромѣ черногорскихъ дѣтей, были также въ школахъ ученики и изъ за границы. Очень часто поступали къ главному инспектору запросы отъ преподавателей пограничныхъ школъ, могутъ ли они принимать дѣтей изъ Турціи или изъ Австріи, и отвѣтъ былъ всегда утвердительный. Въ цетиньской школѣ обучается на счетъ черногорскаго правительства до 10-ти мальчиковъ изъ Катарской Боки (въ Австріи); стипендіаты, обучавшіеся прежде въ Цетиньѣ на счетъ церковной казны, переведены въ училище при Пиперской-Келліи (монастырѣ), ибо жизнь тамъ несравненно дешевле; стипендіатовъ этихъ—16. Для приготовления въ учителя отправленъ одинъ Черногорецъ (окончившій успѣшно семинарскій курсъ въ Бѣлградѣ) въ учительскую школу въ Сомборѣ, чтобы въ этомъ городѣ, гдѣ существуютъ отличныя основныя и главныя (нормальныя) школы, усовершенствоваться какъ теоретически, такъ и практически въ новыхъ методахъ, и потомъ занять учительское мѣсто въ цетиньской образцовой школѣ. Первый годъ сомборскіе Сербы содержали его на свой счетъ, но затѣмъ назначена была ему стипендія въ 200 гульденовъ. Кромѣ того, отправлены были въ Москву 13 черногорцевъ: нѣкоторые изъ нихъ помѣщены въ Комисаровскую техническую школу, а нѣкоторые въ семинарію; одинъ поступилъ въ духовную академію, другой — въ живописную школу, а третій — на медицинскій факультетъ. Чтобы приготовить надежныхъ и свѣдущихъ учителей для своей семинарии, это учебное заведеніе обратилось, чрезъ посредство русскаго консула въ Рагузѣ, находившагося тогда въ Петербургѣ, къ св. синоду, съ просьбою принять въ Московскую духовную академію четырехъ учениковъ, съ особеннымъ отличіемъ окончившихъ курсъ въ Цетиньѣ. Это вполне необходимо, потому что какъ ректоръ, такъ и всѣ теперешніе учителя — Сербы, а не уроженцы черногорскіе.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ сказать, на какія средства содержались прежде и содержатся теперь всѣ черногорскія школы.

До вступленія на епископскую кафедру теперешняго митрополита, высокопреосвященнаго Иларіона Рогановича, и до отдѣленія церковной казны отъ правительственной, а правительственной отъ частной черногорскихъ государей, школы содержались изъ доходовъ казны церковно-правительственной. Монастыри не давали на нихъ почти ничего. Всѣхъ монастырей въ Черногоріи — 11. Значительнѣйшій

между ними по своему значенію и доходамъ — монастырь св. Василія, обыкновенно называемый Острогомъ. Онъ лежитъ не далеко отъ границы Турецкой Босніи, Герцоговины, Албашии и старой Сербіи. Св. Василій, родомъ Герцоговинецъ, мощи коего покоятся здѣсь, былъ архіепископомъ Захолмскимъ. Въ этотъ монастырь стекается множество богомольцевъ изъ всѣхъ окрестныхъ странъ, особенно въ праздникъ св. Троицы, приносящихъ подарки деньгами, шерстью, деревяннымъ масломъ, воскомъ и пр. Кромѣ того, Острогъ имѣетъ, какъ и другіе монастыри, доходы съ своихъ недвижимыхъ имуществъ. Но и онъ ничего не удѣлялъ изъ своихъ средствъ на содержаніе училищъ. Митрополитъ Иларіонъ объѣхалъ всѣ монастыри, переписалъ ихъ имущества, поставилъ достойныхъ настоятелей, назначилъ имъ определенное жалованье и требовалъ отъ нихъ строгой отчетности. Отчеты эти разсматриваются не только митрополитомъ, но и самимъ княземъ, и съ тѣхъ поръ церковная казна получаетъ ежегодно отъ 8-ми до 10-ти тысячъ гульденовъ¹⁾. Всѣ эти доходы употребляются исключительно для народнаго просвѣщенія, для потребностей начальныхъ школъ. Сумма, ассигнованная на нихъ, доходила въ 1871 году до 7.000 гульденовъ звонкою монетою, а въ 1872 — до 9.000 гульденовъ. Если присоединить сюда мелкіе расходы (около 1.000 гульденовъ), то сумма всѣхъ издержекъ на школы изъ церковной казны опредѣляется въ 10.000 гульденовъ. Содержаніе женскаго института, съ самаго его основанія до сихъ поръ, а также и постройка для него огромнаго зданія, отнесено на счетъ правительства; но институтъ получаетъ также пособіе изъ Россіи (5.500 рублей).

Не можемъ не выразить здѣсь искреннюю благодарность единоумѣреннымъ и единоплеменнымъ намъ Русскимъ за ихъ сочувствіе къ Черногорскому народу. Дай Богъ, чтобы и на будущее время не забывали они своихъ братьевъ Черногорцевъ, которые смѣлливостію своего ума, чрезвычайнымъ стремленіемъ къ просвѣщенію вполне заслуживаютъ поддержки. Пусть русское общество не оскудѣетъ въ сочувствіи своемъ къ этому племени, которое, отдохнувъ теперь отъ воинскихъ трудовъ, такъ ревностно принялось за науку.

М. Костичъ.

Цетинье.

¹⁾ Доходы Острога доходили въ 1871 году до 5.685 гульденовъ. Такая разница съ прежними годами, когда монастыри находились подъ другимъ управленіемъ!

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1872 году (состояніе личнаго состава преподавателей; перечень вакантныхъ кафедръ; распределение чтенія лекцій по вакантнымъ кафедрамъ, и тры къ замѣщенію ихъ; практическія занятія студентовъ; темы для соисканія наградъ медалями и удостоеніе ихъ оными; сочиненія преподавателей, изданныя на счетъ университета; перечень учено-литературныхъ трудовъ ихъ и читанныхъ ими публичныхъ лекцій; испытанія на ученые степени и званія; командировки съ ученою цѣлію; бюджетъ университета; свидѣнія объ учащихъся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учреждений). — О занятіяхъ ученыхъ обществъ, состоящихъ при С.-Петербургскомъ университетѣ. — Извлеченіе изъ протоколовъ совѣта Новороссійскаго университета: о результатахъ повѣрочныхъ испытаній; о новомъ порядкѣ производства испытаній студентовъ физико-математическаго и юридическаго факультетовъ; избраніе г. Ягича въ ординарные профессора и извѣстіе объ ученыхъ трудахъ его; по дѣлу о предоставленіи кафедръ преподавателямъ въ званіи исправляющихъ должность доцентовъ; предположеніе объ учрежденіи особаго ботаническаго отдѣленія при Никитскомъ саду; сообщеніе азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ по поводу оставленія стипендіи на другой годъ студенту изъ юго-славянъ.

Харьковскій университетъ состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, съ подраздѣленіемъ на отдѣленія: классической филологіи, славяно-русской филологіи и историческихъ наукъ; физико-математическаго, который раздѣляется на три отдѣленія: математическихъ наукъ, физико-химическихъ наукъ и естественныхъ наукъ; юридическаго и медицинскаго. Въ 1872 году скончались почетные члены Харьковскаго университета адмиралъ *фонъ-Врангелъ* и иностранный ученый *Торбеке*; вновь избраны въ почетные члены:

часть СЛХVІХ, отд. 4.

1

заслуженные профессора *Кочетовъ* и *Бейеръ*. По штатамъ 1863 года и на основаніи постановленія совѣта министра народнаго просвѣщенія 13-го декабря 1868 года, число преподавателей по факультетамъ распредѣлено слѣдующимъ образомъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ—ординарныхъ профессоровъ 8, экстраординарныхъ—4, доцентовъ—7, лекторовъ—4; въ физико-математическомъ—ординарныхъ профессоровъ—11, экстраординарныхъ—5, доцентовъ—3; въ юридическомъ—ординарныхъ профессоровъ—9, экстраординарныхъ—4, доцентовъ—6; въ медицинскомъ—ординарныхъ профессоровъ—11, экстраординарныхъ—5, доцентовъ—17, прозекторовъ—2, помощниковъ ихъ—3, лаборантовъ (по медицинскому и физико-математическому факультетамъ)—6 и ординаторовъ факультетскихъ клиникъ—6; кромѣ того, состоитъ преподаватель православнаго богословія въ званіи ординарнаго профессора. Всего полагается: ординарныхъ профессоровъ—40, экстраординарныхъ—18, доцентовъ—33, лекторовъ—4, прозекторовъ—2, помощниковъ ихъ—3, лаборантовъ—6 и ординаторовъ—6, итого—112. Къ 1-му января 1873 года состояло преподавателей на лицо: въ историко-филологическомъ факультетѣ—ординарныхъ профессоровъ—7 (въ томъ числѣ 1 заслуженный), доцентовъ—1, лекторовъ—3; въ физико-математическомъ—ординарныхъ профессоровъ—11 (въ томъ числѣ 1 заслуженный), экстраординарныхъ—4, доцентовъ—1, лаборантовъ—4; въ юридическомъ—ординарныхъ—4 (въ томъ числѣ 1 заслуженный), экстраординарныхъ—1, доцентовъ—2; въ медицинскомъ—ординарныхъ—11, экстраординарныхъ—2, доцентовъ—7, прозекторовъ—2, помощниковъ ихъ—2, лаборантовъ—2 и ординаторовъ—5; кромѣ того, состоялъ профессоръ богословія; такимъ образомъ, состояло на лицо 70 штатныхъ преподавателей, а именно: ординарныхъ профессоровъ—34, экстраординарныхъ—7, доцентовъ—11, лекторовъ—3, прозекторовъ—2, помощниковъ ихъ—2, лаборантовъ—6 и ординаторовъ—5. Приватъ-доцентовъ было два: одинъ по историко-филологическому факультету, которому поручено преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, входящихъ въ составъ кафедры римской словесности, и одинъ по юридическому факультету, уже избранный въ доценты, которому было поручено преподаваніе по вакантной кафедрѣ финансоваго права. Вакантными были слѣдующія кафедры: философіи, съ 22-го февраля 1860 года, славянской филологіи, съ 11-го августа 1869 года; русской исторіи, съ 21-го декабря 1870 года; исторіи всеобщей литературы и теоріи и исторіи искусствъ, съ учрежденія ихъ по уставу 1863 года; агроно-

ми, съ 16-го сентября 1872 года; энциклопедии права, съ 29-го сентября 1868 года; римскаго права, съ 1-го іюня 1858 года; исторіи русскаго права, исторіи славянскихъ законодательствъ, государственнаго права и церковнаго законовѣдѣнія, съ учрежденія ихъ по новому уставу; патологической анатоміи, съ 27-го октября 1872 года; госпитальной терапевтической клиники и госпитальной хирургической клиники, съ учрежденія ихъ по новому уставу.

Въ теченіи 1872 года факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—27, физико-математическій—29, юридическій—34 и медицинскій—33. Въ прошломъ 18^{71/72} академическомъ году въ составъ предметовъ историко-филологическаго факультета введено преподаваніе сравнительной географіи; въ физико-математическомъ факультетѣ преподаваніе органической химіи поручено особому преподавателю; въ медицинскомъ факультетѣ открыто при физиологической лабораторіи особое отдѣленіе для общей патологіи съ отдѣльнымъ для него помѣщеніемъ и съ порученіемъ завѣдыванія онымъ профессору по кафедрѣ общей патологіи. Изъ числа предметовъ преподаванія по кафедрамъ, существовавшимъ до изданія новаго устава, не было чтенія лекцій по философіи; по остальнымъ кафедрамъ, оставшимся вакантными, преподаваніе поручено было частію штатнымъ преподавателямъ, занимающимъ другія кафедры, частію приватъ-доцентамъ, а именно: преподаваніе славянской филологіи—ординарному профессору *Шерцлю* и доценту *Потебнѣ*, русской исторіи—ординарному профессору *Петрову*, сравнительной географіи—ординарному профессору *Надлеру*, энциклопедіи права и русскаго государственнаго права—заслуженному профессору *Палюмбецкому* и доценту (нынѣ экстраординарному профессору) *Гаттенбергеру*, римскаго права—ординарному профессору *Стоянову*, финансоваго права—приватъ-доценту (нынѣ доценту) *Алексѣенку*, патологической анатоміи—ординарному профессору *Оболенскому*; преподаваніе по кафедрѣ механики, за неявкою изъ заграничной командировки доцента *Алексѣева*, возложено было на ординарныхъ профессоровъ *Шимкови* и *Деларю*. Для замѣщенія оставшихся вакантными кафедръ были приняты слѣдующія мѣры: на кафедре патологической анатоміи избранъ доцентъ Варшавскаго университета *Крыловъ* съ званіемъ экстраординарнаго профессора, а кафедру финансоваго права предназначено поручить избранному совѣтомъ доценту *Алексѣенку*. Для замѣщенія кафедры славянской филологіи имѣется въ виду стипендіатъ, оставленный при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію магис-

трантъ *Дриносъ*, и на кафедрѣ русской исторіи—профессоръ юридическаго Демидовскаго лицея *Владиміръскій-Буданосъ*. Для занятія нѣкоторыхъ другихъ кафедръ объявлены конкурсы. Въ 1-му января 1873 года при Харьковскомъ университетѣ состоялось 6 стипендіатовъ, приготовляющихся къ профессорскому званію по разнымъ предметамъ.

Повѣрка научныхъ занятій студентовъ по всѣмъ факультетамъ заключалась, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ постоянномъ, въ теченіи года, наблюденіи преподавателей за практическими занятіями студентовъ и въ годовыхъ и полугодовыхъ теоретическихъ и практическихъ испытаніяхъ. Практическія занятія студентовъ состояли въ слѣдующемъ. По *историко-филологическому факультету*: по кафедрѣ греческой словесности студенты трехъ высшихъ курсовъ занимались письменными переводами Анабазиса и второй книги „Достопамятностей“ Ксенофонта, двухъ сочиненій Платона — апологій Сократа и Критона и рѣчи Сократа объ ареопагѣ. Представленные студентами письменные переводы признаны преподавателемъ удовлетворительными. Студенты 1-го курса занимались письменными переводами съ русскаго языка на греческій по учебнику Шенкеля; представленные ими письменные переводы также признаны удовлетворительными. По кафедрѣ латинской словесности студенты первыхъ двухъ курсовъ представляли еженедѣльные письменные переводы съ русскаго языка на латинскій по руководству Смирнова; переводы эти, послѣ разсмотрѣнія преподавателемъ на дому, подвергались разбору въ аудиторіи при участіи студентовъ. Кромѣ того, студентами III и IV курсовъ классическаго разряда представлены были сочиненія на латинскомъ языкѣ: „De argentea aetate litterarum Romanorum“, „De vita L. Ann. Senecae Philozophi“, „De Horatio ejusque scriptis“. Сочиненія эти признаны заслуживающими полного одобренія, особенно послѣднее, написанное студентомъ *Андреевскимъ*. По кафедрѣ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ предложены были слѣдующія задачи: „Аналитическій и сравнительный разборъ глагольныхъ корней, встрѣчающихся въ сказкѣ изъ Панчонтзы *Панабуддхи - дхармабуддхича*“; „Сравнительный разборъ словъ, образованныхъ посредствомъ суффиксовъ на гласныя съ извлеченій изъ Махабхараты сказки: *канпта мубдха клича*“; „Грамматическій разборъ нѣсколькихъ сказокъ изъ *Вѣталапатанишоти*“. Изъ предложенныхъ задачъ представлена была письменная работа только на первую студентомъ *Андреевскимъ*, признанная вполнѣ удовлетворительною. Кромѣ того, по тому же предмету представлено было сочиненіе для соисканія наградъ медалями,

подъ заглавіемъ: „Степени усиленія и ослабленія простыхъ гласныхъ а, і, и“, написанное тѣмъ же студентомъ Андреевскимъ. Сочиненіе это удостоено награжденія серебряною медалью. По кафедрѣ исторіи русской литературы и русскаго языка, для непосредственнаго ознакомленія студентовъ славяно-русскаго разряда съ памятниками старинной русской письменности, назначены были особые часы (два въ недѣлю), которые въ отчетномъ году посвящены были, при участіи студентовъ, подробному историко-грамматическому разбору *Русской Правды* по синодальному списку XIII вѣка. Кромѣ того, представлены были слѣдующія письменныя работы: „О существующихъ руководствахъ по исторіи русской литературы въ педагогическомъ отношеніи“; „Обозрѣніе и характеристика сочиненій о Кириллѣ и Меѳодіѣ“; „О значеніи мистической литературы въ царствованіе Екатерины II“; всѣ сіи работы признаны удовлетворительными. По кафедрѣ славянской филологіи предложены были слѣдующія письменныя работы: „Объясненіе словъ, образованныхъ посредствомъ суффиксовъ на гортанныя и губныя въ Словѣ о полку Игоревѣ“; „Сравнительное обозрѣніе глагольныхъ корней въ арабскихъ сказкахъ: Пара напучи и Dervisi surigradski“; работъ на эти темы не было представлено. По кафедрѣ всеобщей исторіи представлены были слѣдующія письменныя работы, признанныя удовлетворительными: „Экспедиція противъ Вандаловъ по Прокопію“; „Хлодвигъ по Григорію Турскому“; „Моменты паденія Аѳинской республики“; „Периклъ и Аѳины“; „О различіи между древнею и новою восточно-европейскою цивилизаціей“; „Приготовительный періодъ религіозной цивилизаціи въ Аравіи“; „Вліяніе теократіи на общественную и умственную жизнь Индійцевъ“. По кафедрѣ русской исторіи представлены были слѣдующія письменныя работы: „Разборъ дѣла о ссылкѣ Романовыхъ“; „Соціально-экономическое положеніе крестьянъ и горожанъ въ до-Петровскій періодъ русской исторіи“; „Осада Троицкаго монастыря (эпизодъ изъ смутнаго времени)“; всѣ эти работы признаны удовлетворительными, а послѣдняя, представленная студентомъ *Ильинскимъ*, заслуживающею особеннаго вниманія. По кафедрѣ церковной исторіи предложены были слѣдующія письменныя работы: „Завоеваніе Константинополя Латинянами и отношенія Грековъ и Латинянъ въ періодъ латинскаго владычества въ Константинополѣ, по византійскому историку Никитѣ Хониату“; „Колдовство въ западной Европѣ въ XVI и XVII вѣкахъ, по сочиненію Рейса объ этомъ предметѣ“; „Обзоръ главнѣйшихъ источниковъ и пособій по исторіи церкви, по статьѣ Шафера „Geschichte der

Kirchengeschichte“, сочиненію Баура „Die Epochen der Kirchengeschichte“, а также при пособіи чтеній преподавателя по этому предмету. Изъ означенныхъ темъ представлена была письменная работа только на послѣднюю, признанная удовлетворительною. По *физико-математическому факультету* практическія занятія студентовъ состояли: А) по отдѣленію математическихъ наукъ: по математикѣ—въ упражненіи студентовъ III курса въ рѣшеніи задачъ интегральнаго исчисленія и студентовъ III и IV курсовъ совмѣстно въ рѣшеніи различныхъ задачъ; по астрономіи—въ упражненіи студентовъ III и IV курсовъ въ астрономическихъ наблюденіяхъ. Б) по отдѣленію естественныхъ наукъ: по зоологіи—въ упражненіи студентовъ II курса въ гистологическихъ наблюденіяхъ, студентовъ III курса въ секціяхъ животныхъ и въ опредѣленіи ихъ; по ботаникѣ—въ упражненіи студентовъ II, III и IV курсовъ въ практическихъ работахъ; по минералогіи—въ практическихъ занятіяхъ со студентами III курса; по агрономіи—въ анализѣ почвъ; по химіи—въ химическомъ анализѣ. В) по отдѣленію физико-химическихъ наукъ: по физикѣ—въ упражненіи студентовъ III и IV курсовъ въ физическихъ изслѣдованіяхъ; по химіи—въ химическомъ количественномъ и качественномъ анализѣ; по технической химіи—въ техническомъ анализѣ; по математикѣ—въ рѣшеніи задачъ интегральнаго исчисленія. По *юридическому факультету*, за отсутствіемъ преподавателей гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ заграничной командировкѣ, не могло быть практическихъ занятій студентовъ; что же касается научныхъ занятій ихъ, то студентъ *Черняевъ* перевелъ капитальное сочиненіе П. Жюда „О гражданской правоспособности женщинъ по древнимъ и новымъ законодательствамъ“, подъ редакціею профессора *Стоянова*. По *медицинскому факультету*. Въ медицинскомъ отдѣленіи химической лабораторіи студенты занимались ежедневно съ 9-ти часовъ утра до 2-хъ по полудни, въ свободныя отъ лекцій часы. Занятія ихъ состояли въ приготовленіи препаратовъ, относящихся къ физиологической и патологической химіи, въ повтореніи на практикѣ слышаннаго на теоретическихъ лекціяхъ, въ аналитическихъ упражненіяхъ надъ животными жидкостями и тканями какъ нормальными, такъ и патологическими. Сверхъ того, студентъ *Данилевскій* изучалъ всѣ тѣ химическія явленія, которыя относятся къ вопросамъ, затронутымъ въ его сочиненіяхъ: „Sur Chimie des Felanus“, „О физиологическомъ значеніи мяснаго экстракта“ и „Матеріалы къ ученію о происхожденіи мышечной силы“. Въ гистологической лабораторіи студенты II и

III курсовъ упражнялись въ приготовленіи гистологическихъ препаратовъ; особенными изслѣдованіями занимались студенты *Подрезъ*, *Солодихинъ* и *Дмитровскій*. Въ анатомическомъ театрѣ практическія занятія студентовъ описательно анатоміей производились по примѣру прежнихъ лѣтъ. Для такихъ занятій употреблено было болѣе 70-ти труповъ. Кромѣ того, студентамъ доставляемы были сохраняющіеся въ анатомическомъ театрѣ препараты изъ паще-маше, для изученія тѣхъ отдѣловъ анатоміи, практическая разработка которыхъ требуетъ много времени и опыта даже отъ порядочнаго прозектора, таковы, напримѣръ, органы чувствъ. Такъ какъ цѣль практическихъ занятій полагалась въ ближайшемъ ознакомленіи съ устройствомъ всего человѣческаго тѣла, а не въ разработкѣ одной спеціальной части тѣла, поэтому спеціальныя вопросы и изученіе ихъ, по возможности, были избѣгаемы. Въ фізіологической лабораторіи въ теченіи втораго полугодія академическаго года занимался практически студентъ *Данилевскій*; въ первомъ семестрѣ слѣдующаго затѣмъ года, кромѣ *Данилевскаго*, продолжавшаго свои работы, занимались еще студенты II курса *Высоковичъ* и *Панченко*. Въ фармакологической лабораторіи студенты III курса занимались практическими упражненіями въ рецентурѣ. Въ кабинетѣ патологической анатоміи студенты III курса занимались практически микроскопическою патологическою анатоміей; кромѣ того, производили анатомическія вскрытія, подъ руководствомъ профессора, причемъ имъ была объясняема демонстративная техника вскрытія. По кафедрѣ общей патологіи, вслѣдствіе ходатайства факультета, учреждена отдѣльная лабораторія, въ которой происходили практическія занятія микроскопомъ, производились эксперименты надъ животными и демонстраціи экспериментовъ. Помимо опредѣленныхъ часовъ для практическихъ занятій, студентамъ всѣхъ курсовъ предоставлена была возможность заниматься самостоятельными изслѣдованіями, относящимися до различныхъ вопросовъ общей патологіи. Нѣкоторыми изъ нихъ сдѣланы и опубликованы довольно значительныя работы; такъ, напримѣръ, студентъ *Ковалевскій* напечаталъ въ *Журналѣ для нормальной и патологической гистологии* статью: „Къ патологіи фосфорнаго отравленія“; студентъ *Кемарскій* отправилъ въ редакцію этого журнала статью: „О вліяніи ртути на нервную систему сердца и его клапаны и кишечный капаль“; кромѣ того, тотъ же студентъ занимался разработкою вопроса о септимеціи а. студентъ *Дамиковскій*—о вліяніи двууксуснаго натра; полученные, послѣднимъ результаты предназначены къ напечатанію. По предмету

диагностичныя были производимы опыты и демонстраціи на трупахъ относительно явленій при перкуссіи. Въ хирургической и терапевтической клиникахъ, подобно прошедшимъ годамъ, занятія студентовъ не отступали отъ принятаго метода; каждый больной былъ разбираемъ профессоромъ подробно и демонстративно въ присутствіи студентовъ, при чемъ каждый изъ студентовъ упражнялся въ стетоскопій и перкуссіи, а также въ химическомъ и микроскопическомъ изслѣдованіи крови, мочи и патологическихъ продуктовъ. Подъ постояннымъ контролемъ профессора, были ведены студентами клиническія наблюденія, изъ которыхъ нѣсколько предназначено къ печати. Въ офтальмологической клиникѣ студенты упражнялись въ опредѣленіи рефракціи глаза и офтальмоскопій. Въ акушерской и гинекологической клиникѣ, кромѣ обыкновенныхъ практическихъ занятій, студентамъ были даны особо составленныя программы для самостоятельныхъ работъ, съ цѣлю привлеченія ихъ къ болѣе обширнымъ практическимъ занятіямъ по клиникѣ и къ ближайшему ознакомленію съ приемами научныхъ клиническихъ изслѣдованій. По этимъ программамъ занимались студенты: *Беллинъ, Стрижевскій и Смоленскій*. Кромѣ того, студентъ *Фесенко* сдѣлалъ работу: „О колебаніяхъ вѣса и температуры у новорожденныхъ“, которая удостоена золотой медали. Наконецъ, по каѳедрѣ судебной медицины студентами были производимы, подъ руководствомъ профессора, судебно-медицинскія вскрытія труповъ. Независимо отъ изложенныхъ выше мѣръ, которыя были предприняемы для привлеченія студентовъ къ практическимъ занятіямъ, медицинскій факультетъ, въ видахъ расширенія этихъ занятій студентовъ, вошелъ въ совѣтъ университета съ ходатайствомъ о доставленіи средствъ и помѣщеній къ учрежденію кабинета гигіены и лабораторіи экспериментальной хирургіи, а также объ учрежденіи отдѣленія внутреннихъ болѣзней для демонстративнаго преподаванія частной патологіи и терапіи.

Для соисканія наградъ медалями, въ 1872 году предложены были студентамъ слѣдующія темы: По историко-филологическому факультету: „О литературномъ значеніи южно-русскихъ лѣтописей, входящихъ въ составъ Историческаго списка“, и „О синтаксическихъ особенностяхъ южно-русскихъ говоровъ по сборнику Головацкаго, сравнительно съ русскимъ общимъ литературнымъ языкомъ“. По физико-математическому факультету: а) „Изложить теорію опредѣленныхъ интеграловъ для случая, когда подынтегральныя функціи или самыя интегралы теряютъ сплошность внутри разсматриваемыхъ предѣловъ,

или предѣлы будутъ безконечны". При этомъ требовалось: а) чтобы въ общей части сочиненія была обстоятельно изложена теорія получения предѣловъ, связанныхъ условнымъ уравненіемъ, и б) чтобы въ спеціальныхъ частяхъ, во-первыхъ, теорема Конси, вносящая поправку въ двойной интегралъ съ разрывною подынтегральною функціей при переменнѣ порядка интеграцій, была распространена на тройной интегралъ съ численными предѣлами, связанными уравненіями, а во-вторыхъ, было обращено вниманіе на тѣ случаи, когда вычисленная поверхность имѣетъ точки, въ которыхъ касательныя плоскости перпендикулярны къ плоскости проекта. Это вниманіе должно быть направлено на разъясненіе тѣхъ парадоксальныхъ результатовъ, которые при этомъ случаются. в) Выдѣлить куркумы куркуминъ въ чистомъ состояніи и изслѣдовать дѣйствіе на него хлористаго ацетила. д) „Представить систематическое описаніе нитчатыхъ глистовъ Харьковской мѣстности, чаще встрѣчающихся у разныхъ представителей отдѣла позвоночныхъ животныхъ“; при этомъ желательно также аналитическое изслѣдованіе менѣе извѣстныхъ формъ, которое должно сопровождаться соответствующими рисунками. вмѣстѣ съ рисунками должна быть представлена коллекція описанныхъ нематидъ. По *юридическому факультету*: „О юридическихъ лицахъ по юстиніанову кодексу и по теоріямъ новѣйшихъ цивилистовъ“. По *медицинскому факультету*: „Подробное изслѣдованіе заслонокъ венъ, изливающихъ въ верхнюю полую вену; отношеніе этихъ же венъ къ сухожильнымъ растяженіямъ“; „Изслѣдованіе tractus olfactorius: назади въ большой мозгъ; существуетъ ли ganglion olfactorium по L'Nuys? Можно ли доказать соединеніе tractus olfactorius съ thalamus opticus“; „О возрожденіи нервныхъ волоконъ“. Кроме того на учрежденную въ 1868 году премію имени „Сергія Заруднаго“ оставлена прежняя тема: „о происхожденіи и значеніи обычаевъ въ правѣ“. На темы для снисканія наградъ, предложенныя въ 1871 году, представлено было шесть сочиненій: одно—по историко-филологическому факультету на тему: „Видоизмѣненія частныя гласныхъ а, і, и въ санскритскомъ греческомъ и латинскомъ языкахъ“; три—по физико-математическому факультету, изъ нихъ два на тему: „Изслѣдованіе погрѣшностей Висторова отражательнаго круга и опредѣленіе помощью этого инструмента географической широты Харьковской астрономической обсерваторіи“ и одно на тему: „Изслѣдованіе дѣйствія растворовъ солей кали, извести и магнезіи на трахитовую массу“ и по медицинскому факультету—два сочиненія, одно на тему: „Изслѣдованіе новорожденныхъ въ первые дни послѣ родовъ“

и другое— „О возстановленіи эпителиальной ткани“. По разсмотрѣніи этихъ сочиненій факультетами по принадлежности и совѣтомъ университета, авторы удостоены: за сочиненіе по историко-филологическому факультету студентъ IV курса *Андреевскій* — серебряной медали, за сочиненіе по физико-математическому факультету, по кафедрѣ астрономіи удостоились степени кандидата студентъ *Кислювскій* — золотой и студентъ IV курса *Тоссовскій* — серебряной медали; по предмету химіи — удостоены степени кандидата студентъ *Кузьмицкій* — золотой медали и по медицинскому факультету — студенты V курса *Фисенко* и студентъ III курса *Подрезъ* — золотыхъ медалей.

Въ 1872 году, съ одобренія факультетовъ и по опредѣленію совѣта Харьковскаго университета, напечатаны на счетъ онаго слѣдующія сочиненія преподавателей: ординарнаго профессора *Шерилъ*. „Краткій изборникъ текстовъ на славянскихъ нарѣчіяхъ“; ординарнаго профессора *Сокольскаго*: „Англо-саксонскія общины. 1. Первобытная англо-саксонская община“; экстраординарнаго профессора *Гамтенбергера*: „Законодательство и биржевая спекуляція“; доцента *Владимірова*; „Изслѣдованіе о судѣ присяжныхъ“; приватъ-доцента *Алексъенки*: „Государственный кредитъ. Очеркъ наростанія государственнаго долга въ Англіи и Франціи“; ординарнаго профессора *Кремляскаго*: „О средствахъ къ увеличенію числа врачей въ Россіи“. Сверхъ этихъ сочиненій, преподавателями напечатаны нижеслѣдующіе учено-литературные труды: профессоромъ богословія *Добротворскимъ* статья: „Богословіе и естествознаніе“ (переводъ съ нѣмецкаго) — въ *Трудахъ Киевской духовной академіи*; ординарнымъ профессоромъ *Лавровскимъ*: „В. Н. Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета“ и „Къ біографіи фонъ-Визина“ въ *Журналъ министерства народнаго просвѣщенія* и „Воспоминаніе о В. Н. Каразинѣ“. Ординарнымъ профессоромъ *Леваковскимъ*: „Изслѣдованіе мѣловыхъ и лежащихъ подъ ними осадковъ въ средней Россіи, между Днѣпромъ и Волгою“ и „Замѣтка по поводу статьи Носова 2-го о составленіи горно-промышленныхъ картъ“ — въ *Трудахъ общества испытателей природы*. Ординарнымъ профессоромъ *Степановымъ*: „Гильментологическія замѣтки“ — тамъ же. Экстраординарнымъ профессоромъ *Ишменскимъ*: „О приложеніяхъ дифференціального вычисленія къ геометріи трехъ измѣреній“; приложено къ переводу съ англійскаго „Курса дифференціальныхъ вычисленій Тотгентери“. Хранителемъ кабинета *Ленцо*: „Объ интекціи газовъ боковыхъ сосудовъ, *Taenia elliptica Batsch*“, и „О нахожденіи рѣчнаго угля въ Азовскомъ морѣ“ — въ

Трудахъ общества испытателей природы. Лаборантомъ *Богомоловымъ*: „Воскъ и его подмѣси и способы ихъ изслѣдованія“—въ *Запискахъ русскаго технического общества*; „Молоко и молочные продукты по матеріаламъ политехнической выставки въ Москвѣ“—въ *Политехническомъ вѣстникѣ*; „Мыло изъ растворимаго стекла и его приложенія вмѣсто обыкновеннаго мыла“ — въ *Техническомъ сборникѣ*; „Отчетъ по отдѣлу питательныхъ продуктовъ политехнической выставки 1872 года“. Доцентомъ *Владимировымъ*: „Etudes sur l'institution du Juri en Russie“—въ *Revue de droit international et de droit comparé*. Ординарнымъ профессоромъ *Зарубинимъ*: „О Кисловодскѣ, какъ лѣчебномъ пріютѣ для страждущихъ грудными болѣзнями“ — въ *Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества*. Ординарнымъ профессоромъ *Кремьянскимъ*: „О необходимости безотлагательной разработки и новаго устройства Ессенкувскихъ минеральныхъ источниковъ“—въ *Запискахъ Бальнеологическаго общества въ Пятигорскѣ*; „О дѣйстви Ессенкувскихъ минеральныхъ водъ на организмъ“—въ *Военно-медицинскомъ журналѣ*. Ординарнымъ профессоромъ *Грубе*: „Дополнительная замѣтка о камняхъ въ желѣзѣ“, „О ракѣ прямой кишки“ и „Объ abus artificialis“—въ *Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества*. Ординарнымъ профессоромъ *Лашкевичемъ*: „Терапевтическое дѣйствіе натра сравнительно съ дѣйствіемъ бромистаго калия“—тамъ-же. Ординарнымъ профессоромъ *Лазаревичемъ*: „О внутри-листочномъ леченіи“—въ *Современной медицинѣ*; „О леченіи периплеальныхъ разрывовъ“—въ *Московской медицинской газетѣ*; „Акушерскій и гинекологическій атласъ“, представленный на Московскую политехническую выставку; „Объ изслѣдованіи и леченіи женскихъ болѣзней“—въ *Протоколахъ общества русскихъ врачей*; „Описаніе клиническаго случая эклампсїи“; „Новый констрикторъ съ описаніемъ случая операціи“, сообщено въ Лондонское акушерское общество. Экстраординарнымъ профессоромъ *Якобіемъ*: „О военно-санитарныхъ учрежденіяхъ въ французско-пѣмецкой войнѣ“ — въ *Военно-медицинскомъ журналѣ*; „Объ устройствѣ санитарной части“—въ *Архивъ судебной медицины*. Доцентомъ *Гириманомъ*: „Заявленіе о составленныхъ имъ очкахъ на основаніи принципа Гашнеевой трубки, для употребленія при сильной близорукости, соединенной съ амблионіей“ — въ *Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества*. Доцентомъ *Дудукиловымъ*: „Къ вопросу о заживленіи сосудовъ послѣ наложенія лигатуры“ — тамъ-же. Въ теченіе 1871—72 „академическаго года читаны были съ октября 1871 по апрѣль 1872 года бесплатными публичными лекціи:

ординарнымъ профессоромъ *Бекетовымъ* — по предмету технической химіи, ординарнымъ профессоромъ *Кавальскимъ* — по предмету практической механики и экстраординарнымъ профессоромъ *Личукевичемъ* — технологіи.

Въ 1872 году подвергались въ факультетахъ испытанію: на степень магистра: русской словесности—1, химіи—3, физики—1, зоологіи—1 и финансового права—1; на степень доктора медицинны—3; защищали диссертациі на степень доктора: минералогіи и геогнозіи—1, политической экономіи 1 и полицейскаго права—1. Разсмотрѣны и одобрены факультетами диссертациі: на степень доктора медицинны— „Нервы желчнаго пузыря“ лѣкаря *Попова*; „Къ патологической анатоміи головного мозга при фосфорномъ отравленіи“ лѣкаря *Каличицкаго*; на степень доктора минералогіи — „О переходныхъ формаціяхъ Кълецкихъ горъ въ Царствѣ Польскомъ“ *Трейдосовича*; на степень доктора политической экономіи — „Кредитъ и общественные банки“ *Шимановскаго*; на степень магистра финансового права — „Очеркъ наростанія государственнаго долга въ Англіи и Франціи“, *Алексѣенки*; сверхъ того, въ физико-математическомъ факультетѣ разсмотрѣна диссертациія *Pro venia legendi* кандидата *Попова*: „Основныя свойства перестановокъ“; эта диссертациія подверглась потомъ публичному защищенію, которое признано факультетомъ удовлетворительнымъ.

Совѣтъ Харьковскаго университета имѣлъ въ теченіе 1872 года 27 засѣданій; занятія его заключались, между прочимъ, въ нижеслѣдующемъ. Въ 1872 году послѣдовало открытіе новой, положенной по уставу, каведры общей терапіи и врачебной діагностики; но совѣтъ вошелъ съ ходатайствомъ о замѣнѣ вновь открытой каведры раздѣленіемъ каведры судебной медицинны на двѣ самостоятельныя каведры: а) судебной медицинны съ токсикологіей и б) гигиены и медицинской полиціи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы преподаваніе діагностики возложить на особаго доцента, на что и послѣдовало разрѣшеніе. Затѣмъ совѣтъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ каведры агрономіи новою каведрою фязіологіи животныхъ и объ открытіи при университетѣ особаго клиническаго отдѣленія для сифилитическихъ больныхъ. Правила для студентовъ и постороннихъ слушателей, утвержденныя въ 1869 году, частію измѣнены, частію дополнены. Утверждены въ степени доктора: медицинны — *Поповъ*, минералогіи и геогнозіи — *Трейдосовичъ*, политической экономіи — *Шимановскій* и полицейскаго права — *Гаттенбергеръ*; *Алексѣенко* утвержденъ въ сте-

пени магистра финансового права. Затѣмъ удостоены: степени кандидата—31, званіи дѣйствительнаго студента—37, лѣкаря съ отличіемъ — 7, лѣкаря — 17, уѣзднаго врача — 22, губернскаго инспектора—1, провизора—30, аптекарскаго помощника—31, дантиста—3 и повивальной бабки—14. Зачислены стипендіатами при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію: магистрантъ *Дриновъ*—по предмету славянской филологіи и бывшій стипендіатъ *Портъкій*—по предмету астрономіи. Уволены изъ числа стипендіатовъ, согласно прошеніямъ, *Эсслитеръ* и *Тихоновичъ*. Съ Высочайшаго соизволенія, были командированы съ ученою цѣлью за границу: экстраординарный профессоръ *Гаттенбергеръ* на два года, доцентъ *Кузнецовъ* на одинъ годъ и доцентъ *Гиришманъ* на каникулярное время. Съ разрѣшенія попечителя Харьковскаго учебнаго округа, были командированы: профессоръ *Лавровскій*—въ качествѣ депутата отъ университета, а профессора *Вайнеръ*, *Лазаревичъ*, *Ковальскій* и *Яцуковичъ* и лаборантъ *Богомоловъ*—для обзорной политехнической выставки въ Москвѣ; профессоръ *Кремянскій*—для изслѣдованія кавказскихъ минеральныхъ водъ относительно дѣйствія ихъ на организмъ при внутреннемъ и наружномъ ихъ употребленіи. Изъ числа стипендіатовъ, оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, командированы: лѣкарь *Вашинскій*—въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію для спеціальныхъ занятій по предмету патологической анатоміи; кандидатъ *Флавицкій*—въ С.-Петербургскій университетъ для занятій по предмету химіи и магистрантъ *Дриновъ*—въ Московскій университетъ для занятій по предмету славянской филологіи. Въ засѣданіяхъ совѣта, въ числѣ другихъ дѣлъ, были подвергнуты разсмотрѣнію, по предложеніямъ министерства народнаго просвѣщенія, слѣдующія дѣла: а) о доставленіи въ министерство соображеній по вопросу объ увеличенія суммы на содержаніе нижнихъ служителей, а равно на отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ и содержаніе въ чистотѣ университетскихъ зданій; б) относительно пересмотра устава университетовъ; в) по вопросу о возможности войти въ постоянныя сношенія съ военно-медицинскомъ вѣдомствомъ Сѣверо-американскихъ штатовъ чрезъ обмѣнъ ученыхъ изданій, хирургическихъ инструментовъ и т. п.; и г) о допущеніи въ университетъ къ экзамену на званіе повивальной бабки лицъ, окончившихъ курсъ въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на 1872 годъ, было ассигновано: на содержаніе личнаго состава

Харьковскаго университета 190.691 руб. 4 коп.; на учебнымъ пособиямъ, хозяйственные и другіе расходы 104.085 р. 60 к., на Общество испытателей природы 2.500 р., итого 297.276 р. 64 к.; сбора за слушаніе лекцій поступило: отъ студентовъ 10.480 р. и отъ постороннихъ слушателей 2.682 руб. Дѣль, подлежащихъ разсмотрѣнію университетскаго суда, въ 1872 году не было.

Студентовъ къ 1-му января 1872 года состояло на лицо 527; въ теченіи 1872 года вновь поступило 104, въ томъ числѣ: изъ гимназій — 69, изъ духовныхъ семинарій — 18, изъ другихъ университетовъ — 10; выбыло: до окончанія курса — 91, по окончаніи курса — 92; затѣмъ къ 1-му января 1873 года состояло на лицо 498; по факультетамъ они были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ — 22, на физико-математическомъ — 56 (въ томъ числѣ въ отдѣленіи математическихъ наукъ — 29, естественныхъ наукъ — 19, физико-химическихъ наукъ — 8), на юридическомъ 211 и на медицинскомъ — 159; постороннихъ слушателей было 76. Изъ числа студентовъ было освобождено отъ платы за слушаніе лекцій: въ первое полугодіе — 245, во второе — 236. Изъ общей стипендіальной суммъ употреблено на выдачу студентамъ: а) стипендій обязательныхъ — на 15.809 р. 48 к.; семи стипендіями пользовались: 37 стипендіатовъ медицинскаго факультета; 9 стипендіатовъ, приготовляющихся въ учителя гимназій и прогимназій, и 16 стипендіатовъ, приготовляющихся въ учителя учебныхъ заведеній западнаго края; б) стипендій необязательныхъ выдано на 7.671 р. 75 к., въ томъ числѣ 65-ти студентамъ въ оба полугодія, 34-мъ — въ одно первое полугодіе и 35-ти — въ одно второе; в) пособій двумъ студентамъ — 87 р.; и г) кроиъ того выдано 10-ти лицамъ, принадлежавшимъ къ числу стипендіатовъ, готовящихся къ профессорскому званію, 4.415 р. 46 ¹/₂ к.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Харьковскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи. Въ бібліотекѣ числится на лицо 42.087 названій книгъ въ 82.814 томахъ; студентское отдѣленіе заключаетъ въ себѣ 1.638 названій. Въ теченіи года выдано было для чтенія 6.580 названій, въ томъ числѣ студентамъ — 2.100 названій. Въ астрономическомъ кабинетѣ состоитъ 213 номеровъ инструментовъ, приборовъ и книгъ; въ 1862 году заказанъ для этого кабинета у гамбургскаго художника Ренгольда шестифутовый рефракторъ на штатную сумму кабинета, изъ которой разрѣшено пополнять въ теченіе 10-ти лѣтъ особый кредитъ въ 3.000 руб., ассигнованный для этой надобности. Въ физическомъ кабинетѣ число номеровъ возросло

до 555-ти; изъ новыхъ приобрѣтеній заслуживаютъ вниманіе стѣнными часы, заводящіяся на 14 мѣсяцевъ, и ртутный воздушный насосъ работы Гейслера въ Берлинѣ. Въ кабинетѣ физической географіи находятся 46 номеровъ, въ метеорологической обсерваторіи—73 номера. Въ химической лабораторіи—1.902 номера; здѣсь произведены были, между прочимъ, слѣдующія спеціальныя изслѣдованія: 1) Помощникъ лаборанта *Эльтковъ* изучалъ дѣйствіе воды въ присутствіи окиси свинца на голондныя соединенія этилена и пропилена при высокой температурѣ. Онъ нашелъ, что соединенія этилена, какъ хлористое, такъ и бромистое, превращаются въ этиленъ-гликоль; замѣняя окись свинца углекислымъ свинцомъ, онъ замѣтилъ измѣненія въ реакціи. Бромистый пропиленъ превращается, при тѣхъ же условіяхъ, въ ацетонъ, а хлористый образуетъ смѣсь ацетона и пропиленъ-гликоля. Такимъ образомъ г. Эльтковымъ открытъ новый способъ образованія и полученія гликолей, болѣе удобный, чѣмъ извѣстные до сего времени. Онъ же изучалъ распаденіе этиль-щавельнаго калия и нашелъ, что при температурахъ отъ 210 до 215° это соединеніе начисто распадается въ окись углерода и карбъ-эталь калия. 3) Кандидатъ *Чернай* произвелъ полный качественный и количественный анализъ свѣтлѣнаго газа г. Харькова. 1) Онъ же вмѣстѣ съ профессоромъ *Бекетовымъ* изучалъ диссоціацію различныхъ газовъ. 5) Членъ общества опытныхъ наукъ *Щербачевъ* занимался изслѣдованіемъ отношенія кристаллизаціонной воды къ растворимости разныхъ солей и своими опытами доказалъ, что въ растворѣ находятся соли въ соединеніи съ кристаллизаціонною водою, которую они, однако, могутъ терять всю или только часть, смотря по температурѣ самой жидкости; своими опытами г. Щербачевъ удовлетворительно объяснилъ ненормальные случаи растворимости солей, какъ-то: явленіе такъ называемыхъ пересыщенныхъ растворовъ и кажущееся уменьшеніе растворимости нѣкоторыхъ солей при нагрѣваніи ихъ растворовъ. 6) Кандидатъ *Головачевъ* произвелъ нѣсколько анализовъ различныхъ рудъ. Въ минералогическомъ кабинетѣ состояло 12.033 номера. Въ кабинетѣ геологическомъ съ палеонтологическимъ собраніемъ 4.710 номеровъ горныхъ породъ, окаменѣлостей, палеонтологическихъ сочиненій, геологическихъ картъ и инструментовъ. Въ ботаническомъ саду находилось до 3.500 видовъ растений и въ теченіи года получено изъ разныхъ садовъ русскихъ и иностранныхъ до 400 видовъ семянъ растений. Въ ботаническомъ кабинетѣ—707 номеровъ коллекцій и разныхъ предметовъ. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей—16.911 номеровъ; изъ новыхъ

приобрѣтеній наиболѣе замѣчательны: коллекція, изъезотическихъ животныхъ, купленная у комиссіонера Эдельберга, и коллекція микроскопическихъ препаратовъ, въ числѣ 427-ми, относящихся къ мѣстнымъ внутреннимъ червямъ, эктопаразитамъ изъ паукообразныхъ и насѣкомыхъ и мѣстнымъ ракообразнымъ животнымъ, приготовленная и переданная въ зоологическій кабинетъ консерваторомъ его г. Пенчо. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіей—1.608 номеровъ препаратовъ, моделей, книгъ, приборовъ и инструментовъ. Въ физиологической лабораторіи—278 номеровъ инструментовъ, аппаратовъ и книгъ. Въ технологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей—1.200 номеровъ; изъ новыхъ приобретений заслуживаютъ вниманія принесенный въ даръ коллекціи: проректоромъ Харьковскаго ветеринарнаго училища *Ладимы*—образцы различныхъ тканей и препараты для ихъ микроскопическаго изслѣдованія; 12 коллекцій по различнымъ техническимъ производствамъ, собранныхъ лаборантомъ *Боломоловымъ* на политехнической выставкѣ 1872 года въ Москвѣ, и состоящая изъ 18-ти образцовъ коллекція по свеклосахарному производству, пожертвованная инженеръ-технологомъ *Климовымъ* при содѣйствіи профессора *Щелкова*. Въ агрономическомъ кабинетѣ 1.459 предметовъ. Въ музей изящныхъ искусствъ 1.360 номеровъ. Въ собраніи монетъ и моделей—22.254 экземпляра. Въ музей физиологической анатоміи—905 номеровъ инструментовъ, препаратовъ и другихъ вещей. Въ музей патологической анатоміи—2.307 номеровъ препаратовъ, инструментовъ, книгъ и разныхъ принадлежностей; матеріаломъ для практическихъ занятій студентовъ служили: 28 клиническихъ труповъ, 69 судебно-медицинскихъ, 24 трупа изъ губернской земской больницы и 10 труповъ арестантовъ, умершихъ въ тюремномъ замкѣ, всего 131 трупъ. Въ патологическомъ кабинетѣ 126 номеровъ микроскоповъ, аппаратовъ и другихъ принадлежностей. Въ фармацевтической лабораторіи и кабинетѣ—348 номеровъ. Въ хирурго-офтальмологическомъ кабинетѣ—1.264 номера. Въ акушерскомъ кабинетѣ—712 предметовъ. Въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ—73 номера; здѣсь произведено 69 вскрытій труповъ, въ томъ числѣ умершихъ насильственной смертью—8, а именно: 1 зарѣзанный, 2 утопленныхъ, 2 повѣсившихся, 1 умершій отъ побоевъ, 1 удушенный и 1 задавленный вагономъ; умершихъ скороспостяжно 61. Въ терапевтической клиникѣ стационарныхъ больныхъ было 160, проходящихъ—1.017; изъ числа первыхъ умерло 16; въ клиническомъ кабинетѣ было 233 номера разныхъ предметовъ. Въ состоящее при этой клиникѣ Монаковское элек-

тролечебное заведеніе являлись 246 новыхъ больныхъ; изъ числа случаевъ периферическихъ воспаленій и параличей и хроническихъ язвъ не было ни одного, въ которомъ электрическое лѣченіе оказалось бы совершенно безуспѣшнымъ; въ нѣсколькихъ же случаяхъ паралича нижнихъ конечностей были получены замѣчательные результаты отъ дѣйствія батарейнаго тока на позвоночный мозгъ; снарядовъ и мебели въ Моцаковскомъ заведеніи было 254 пумера. Въ хирургической клиникѣ въ теченіе года пользовалось 2.120 больными, изъ нихъ 164 стационарными; изъ числа послѣднихъ выздоровѣло вполнѣ 90, получило облегченіе 45, выбыло безъ пособій (приняты только для діагноста по невозможности пособій) 8, умерло 21, то-есть, 12½%; столь большой процентъ смертности объясняется отчасти отчаянностью попадавшихся случаевъ, такъ какъ, между прочимъ, нарочно принято нѣсколько больныхъ, безнадежно пораженныхъ ракомъ, для демонстраціи студентамъ конечныхъ исходовъ раковаго пораженія (рава языка и верхней челюсти). Офтальмологическая клиника, по отсутствію всего необходимаго, не могла быть открыта ранѣе 19-го октября; въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ея существованія, то-есть, по 20-е декабря, число пользовавшихся въ ней больныхъ было 280, изъ нихъ 15 стационарныхъ; изъ числа ихъ 12 выздоровѣло, 4 получили облегченіе, 1 оставилъ клинику съ ухудшившимся зрѣніемъ вслѣдствіе быстро развившагося воспаленія мозга, 8 выздоравливаютъ, операций произведено 56. Въ акушерской клиникѣ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней всѣхъ пользовавшихся больными и беременными было 781 и вромѣ того 347 лицамъ была привита предохранительная оспа. Въ повивальномъ клиническомъ институтѣ находятся 93 ученицы.

— Въ дополненіе къ извлеченію изъ отчета С.-Петербургскаго университета за 1872 годъ, напечатанному въ августовской книгѣ нашего журнала, сообщаемъ здѣсь извѣстіе о трудахъ ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ. До 1872 года при С.-Петербургскомъ университетѣ состояло три ученыхъ общества: Русское химическое общество, учрежденное 26-го октября 1868 года; С.-Петербургское общество естествоиспытателей, учрежденное 21-го декабря 1868 года, и Филологическое общество, учрежденное 4-го февраля 1869 г. Въ 1872 году къ нимъ прибавилось еще четвертое, именно — Физическое общество, уставъ котораго утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 11-го марта 1872 г. *Физическое общество*, утвержденное при С.-Петербургскомъ университетѣ, имѣетъ цѣлю содѣйствовать успѣхамъ всѣхъ частей физики и распростране-

часть CLXVIX, отд. 4.

нію физическихъ знаній въ Россіи. Занятія общества заключаются въ слѣдующемъ: оно собирается для чтеній и разсужденій по предмету физики, печатаетъ протоколы своихъ засѣданій, издаетъ записки или сочиненія въ иной формѣ, устраиваетъ, съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, публичныя чтенія, бібліотеку и лабораторію и вообще прибѣгаетъ къ разнымъ соотвѣтственнымъ мѣрамъ для развитія физическихъ знаній вообще и въ особенности въ Россіи. Въ физическомъ обществѣ къ началу 1873 г. считалось до 60 членовъ, избравшихъ предсѣдателемъ профессора *Петрушевскаго*; дѣлопроизводителемъ состоитъ приватъ-доцентъ *Лобылевъ* и казначеемъ приватъ-доцентъ *Фамъ-дербъ-Флитъ*. Оно имѣло въ 1872 году пять засѣданій, на которыхъ прочитаны были разныя интересныя сообщенія и замѣтки. Съ нынѣшняго года оно издаетъ журналъ сообща съ русскимъ химическимъ обществомъ. Дѣлами *Русскаго химическаго общества* заведывали: президентъ общества академикъ *Зининъ*, дѣлопроизводитель профессоръ *Меншуткинъ* и казначей *Шмидтъ*. Въ прошедшемъ году химическое общество имѣло 9 очередныхъ засѣданій, въ которыхъ сдѣлано 70 научныхъ заявленій и сообщеній, изъ нихъ 54 вошли въ составъ вошедшаго въ 19 выпускахъ IV тома *журнала* общества. Программа означеннаго журнала съ нынѣшняго года значительно расширена, съ одной стороны, присоединены въ него новаго отдѣла: рефератовъ объ успѣхахъ всѣхъ частей химіи въ Россіи и за границею, съ другой стороны, вслѣдствіе присоединенія къ нему сообщеній физическаго общества. Кругъ сношеній общества продолжалъ увеличиваться. *Филологическое общество* имѣло 10 засѣданій. Въ нихъ участвовали своими чтеніями гг. члены: *Благовѣщенскій*, *Васильевскій*, *Гаргани*, *Григорьевъ*, *Гротъ*, *Ламбинъ*, *Майковъ*, *Макушевъ*, *Помяловскій*, *Миллеръ*, *Срезневскій*, *Сухомлиновъ*, *Цагарелли* и *Чистовичъ*. Одно засѣданіе было посвящено слушанію былинъ, духовныхъ стиховъ и юмористическихъ народныхъ пѣсенъ, которыя пѣлъ пѣвецъ *Иванъ Аникіевъ*. Составъ общества увеличился избраніемъ 4 новыхъ членовъ: *Некрасова* (Н. П.), *Цагарелли*, *Гезена* и *Ламбина*, но въ то же время общество понесло большую потерю въ лицѣ двухъ своихъ членовъ *Гильфердинга* и *Новоструева*. Въ С.-Петербургскомъ обществѣ *естествоиспытателей* число членовъ почетныхъ (19) дѣйствительныхъ (144) и сотрудниковъ (26), возросло до 189. Общество это раздѣляется на три отдѣленія: по отдѣленію минералогіи было 5 засѣданій съ 14 сообщеніями; по отдѣленію ботаники 8 засѣданій съ 23 сообщеніями и 5 рефератами; по отдѣленію зоологіи 6 засѣданій съ 26 сообщеніями.

Общихъ собраній было 3, съ тремя сообщеніями. Членами общества въ прошедшемъ году были предприняты четыре экспедиціи; одна геологическая: г. *Докучаевъ* изслѣдовалъ въ геологическомъ отношеніи Сычевскій и Гжатскій уѣзды Смоленской губерніи, то-есть, ту высокую, хотя и болотистую, мѣстность, въ которой находятся верховья Вагузы, Днѣпра, Гжати и другихъ рѣкъ. Гг. *Гоби* и *Григорьевъ* имѣли задачею изслѣдовать подводную флору вдоль сѣвернаго берега Финскаго залива и разрѣшили эту задачу весьма удовлетворительно; ими собрано и изучено не менѣе 115 водорослей. Въ свою очередь г. *Шмальгаузенъ*, который былъ командированъ для изслѣдованія флоры юго-западной части Петербургской губерніи, вполне успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе; изъ 187 видовъ растений, имъ собранныхъ, 9 оказались совершенно новыми для флоры Петербургской губерніи. Экспедиція на Волгу гг. *Овсянникова*, *Стрембицкаго* и *Гримма*, съ цѣлю продолжать изученіе всѣхъ вопросовъ, касающихся искусственнаго оплодотворенія стерлядей, по причинѣ весьма ранней и жаркой весны, вышла менѣе удачною, нежели въ 1871 году. Стерляди начали метать икру тремя недѣлями ранѣе нормальнаго срока и полученная изъ оплодотворенныхъ икринокъ молодежь сильно пострадала отъ жаровъ. Однимъ изъ болѣе интересныхъ результатовъ этой экспедиціи былъ тотъ, что г. Овсянникову удалось убѣдиться въ метаніи икры стерлядьми на затопленныхъ дугахъ. Г. Овсянниковъ за свѣдѣнія о разведеніи стерлядей, о способахъ перевозки молодыхъ рыбокъ, ухода за ними и кормленія ихъ, сообщенныя имъ Парижскому обществу акклиматизаціи, получилъ отъ сказаннаго общества медаль 1-го класса. Изданъ обществомъ естествоиспытателей въ истекшемъ году третій томъ его *Трудовъ*, въ которомъ помѣщены, кромѣ протоколовъ засѣданій, обширные отчеты объ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ по порученію общества гг. *Иностранцевымъ*, *Шмальгаузеномъ*, *Гриммомъ* и *Порчинскимъ* и многія другія оригинальныя статьи.

— Выѣстъ съ отчетомъ о состояніи и дѣйствіяхъ Новороссійскаго университета въ 1872 году, получены протоколы засѣданій совѣта этого университета въ томъ же году; хотя мы уже напечатали извлеченіе изъ отчета, тѣмъ не менѣе нашли въ протоколахъ нѣсколько извѣстій, касающихся дѣйствій Новороссійскаго университета, которыя заносимъ въ нашу лѣтопись.

1. Коммиссія, производившая повѣрочныя испытанія лицамъ, изъявившимъ желаніе поступить въ студенты Новороссійскаго универси-

тета, представила совѣту донесеніе о результатахъ произведенныхъ ею испытаній, при чемъ члены комиссіи сдѣлали слѣдующее заявленіе. Доцентъ *Некрасовъ*, производившій испытаніе по русскому языку, доложилъ совѣту, что между всѣми сочиненіями, представленными на испытаніе, очень мало оказалось такихъ, которыя могли бы выдѣляться по особенному мастерству изложенія или свидѣтельствовать о значительной степени развитія писавшаго. Потому изъ нихъ очень немногимъ поставлена высшая отиѣтка (5). За то большинство сочиненій отличается грамматическою правильностью, довольно рѣдко встрѣчающимися ошибками противъ орфографіи вообще и противъ употребленія знаковь препинанія. А потому изъ числа сдѣланныхъ имъ отиѣтокъ — преобладающая 4. За исключеніемъ двухъ сочиненій, за которыя поставлена неудовлетворительная отиѣтка (2), всѣ прочія признаны имъ удовлетворительными. Профессоръ *Юревичъ*, повѣрявшій знанія въ латинскомъ языкѣ, донесъ, что немногіе, подвергавшіеся испытанію, удостоились высшей отиѣтки; изъ нихъ оказались сравнительно слабѣ воспитанники духовныхъ семинарій. Профессоръ *Смирновъ* заявилъ, что свѣдѣнія подвергавшихся повѣрочному испытанію по русской исторіи вообще слабы, но особенно слабостію отличились ученики частной одесской гимназій, содержимой г. *Ставило*. Исправляющій должность декана физико-математическаго факультета, ординарный профессоръ *Сабининъ* сообщилъ, что хотя по произведеннымъ испытаніямъ всѣ 27 лицъ и оказали такія свѣдѣнія, съ которыми ихъ можно было принять въ число студентовъ физико-математическаго факультета, но все-таки нельзя не замѣтить, что знаніе по математикѣ поступающихъ въ университетъ по упомянутому факультету съ каждымъ годомъ становится все слабѣе и слабѣе. Наилучшіе успѣхи оказали ученики Одесской казенной 2-й гимназій; ватѣмъ слѣдуютъ по порядку въ отношеніи къ сказаннымъ успѣхамъ ученики: Одесской Ришельевской гимназій, Херсонской, Одесской частной гимназій *Кмери* и наконецъ ученики Одесской 1-й частной гимназій. Изъ постороннихъ лицъ подвергались повѣрочнымъ испытаніямъ по физико-математическому факультету только державшіе экзаменъ для поступленія въ университетъ въ Ришельевской гимназій; при чемъ оказали въ среднемъ выводѣ успѣхи точно такіе же, какъ и ученики той же гимназій. Совѣтъ опредѣлялъ: зачислить всѣхъ, удовлетворительно выдержавшихъ повѣрочныя испытанія, въ студенты Новороссійскаго университета, и о мнѣніяхъ членовъ комиссіи, производившихъ повѣрочныя испытанія, донести г. попечителю

Одесскаго учебнаго округа, доставивъ ему въ то же время и списокъ всѣмъ, подвергавшимся повѣрочнымъ испытаніямъ.

Физико-математическій факультетъ Новороссійскаго университета, представляя совѣту донесеніе о результатахъ переводныхъ и окончательныхъ испытаній, внесъ въ совѣтъ особое донесеніе слѣдующаго содержанія. По поводу того, что студенты, не являясь въ назначенное время на экзаменъ, обращались съ просьбою допустить ихъ къ оному до закрытія испытаній, — физико-математическій факультетъ пришелъ къ слѣдующему рѣшенію: по мнѣнію факультета, подъ университетскимъ начальствомъ, о которомъ упоминается въ 45 § правилъ для студентовъ объ ихъ переводныхъ испытаніяхъ, слѣдуетъ разумѣть тотъ факультетъ, на которомъ студентъ находится; а потому, для обсужденія на будущее время уважительности причинъ неявки студентовъ на экзаменъ въ назначенное время, слѣдуетъ дѣлать засѣданіе факультета за два дня до закрытія испытаній, и въ эти послѣдніе два дня и производить дополнительные экзамены тѣмъ только студентамъ, которые будутъ допущены факультетомъ по уважительности причинъ неявки ихъ на экзаменъ въ назначенное время; затѣмъ, не явившійся въ одинъ изъ этихъ двухъ дней можетъ держать экзаменъ не ранѣе августа мѣсяца; наононецъ, не явившійся и въ августъ мѣсяцъ въ назначенное время на экзаменъ, лишается права на испытаніе въ томъ же году. Совѣтъ университета призналъ нужнымъ предположеніе физико-математическаго факультета предложить на предварительное обсужденіе историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ, вслѣдствіе чего внесены были въ совѣтъ слѣдующія донесенія.

Историко-филологическій факультетъ, обсудивъ мнѣніе физико-математическаго факультета объ установленіи новыхъ правилъ для экзамена студентовъ, неявившихся своевременно, нашелъ, что образъ дѣйствій на этотъ случай опредѣленъ уже существующими постановленіями, которыхъ факультетъ и будетъ держаться на будущее время. Юридическій факультетъ донесъ, что мѣры, предлагаемыя физико-математическимъ факультетомъ, юридическій факультетъ, съ своей стороны, находитъ основательными и цѣлесообразными; но, независимо отъ этого, въ видахъ устранить и тѣ затрудненія, которыя главнымъ образомъ оказываются чувствительными на юридическомъ факультетѣ отъ несвоевременныхъ экзаменовъ, юридическій факультетъ имѣетъ честь представить на усмотрѣніе совѣта составленныя юридическимъ факультетомъ слѣдующія правила: студенты обязаны

являться на экзамены въ концѣ учебнаго года въ назначенные по росписанію факультета дни. Студентъ, не явившійся на одинъ изъ экзаменовъ въ установленное время, можетъ быть допущенъ къ слѣдующему экзамену только по представленіи свидѣтельства о законной причинѣ неявки. Неявка къ экзамену въ назначенное время можетъ быть извиняема только болѣзнію, своевременно засвидѣтельствованною университетскимъ врачомъ, или тѣмъ, который будетъ исправлять его должность. Тѣ лица, которыя, по законнымъ причинамъ, не явились на одинъ или нѣсколько экзаменовъ въ назначенные дни, должны держать экзаменъ по пропущеннымъ предметамъ въ концѣ мая, въ дни, назначенные для того факультетомъ. Тѣ же, наконецъ, студенты, которые не могутъ закончить экзаменовъ въ май, по законнымъ причинамъ, допускаются къ экзамену въ августѣ, но обязываются экзаменоваться уже по всѣмъ предметамъ курса, слѣдовательно и по тѣмъ предметамъ, по которымъ они экзаменовались до вакаціи. Правила эти имѣютъ силу и для тѣхъ изъ постороннихъ слушателей, которые пожелаютъ подвергаться экзаменамъ для перехода въ число студентовъ 2-го курса. Такъ какъ изъ наступившихъ затѣмъ преній въ совѣтѣ выяснилось, что каждый факультетъ имѣлъ спеціальныя причины желать принятія правилъ болѣе или менѣе строгихъ, то предсѣдателемъ предложенъ былъ на рѣшеніе вопросъ: слѣдуетъ ли постановить однообразныя правила для всѣхъ факультетовъ, или допустить дѣйствіе различныхъ правилъ отдѣльно по факультетамъ? 9-ть голосовъ (гг. *Сычновъ, Шведовъ, Марковниковъ, Волюскій, Абашиевъ, Павловъ, Куницынъ, Карастелевъ, Бодановскій*) подаю за первое предложеніе и 11-ть (гг. *Синцовъ, Верно, Ярошенко, Вальцъ, Мечниковъ, Патлаевскій, Сабанинъ, Юревичъ, Войтковскій, Смирновъ*, ректоръ) за второе. Совѣтъ опредѣлилъ: одобритъ проектированныя физико-математическимъ и юридическимъ факультетами правила, представить на утвержденіе г. попечителя округа.

Историко-филологическій факультетъ Новороссійскаго университета подвергалъ баллотированію экстраординарнаго профессора *Ягича*, занимающаго кафедру сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, въ ординарные профессора и единогласно избралъ его въ это званіе. Представляя о семъ совѣту и прося его баллотировать г. Ягича въ ординарные профессора, факультетъ, по установленному порядку, внесъ нижеслѣдующее допесеніе объ учепыхъ трудахъ г. Ягича. Окончилъ курсъ въ Вѣнскомъ университетѣ въ 1861 году, г. Ягичъ получилъ мѣсто профессора высшей гимназіи въ Загребѣ;

съ этого времени начинается его ученая деятельность, обратившая на него вниманіе славянскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ. Не прошло года, чтобы онъ не напечаталъ серьезнаго труда. Такъ, въ 1861 году издалъ онъ „Антологію“, то-есть, сборникъ произведеній сербской народной поэзіи, заключающій въ себѣ собраніе такъ-называемыхъ „Eрitheta organia“, и сличеніе ихъ съ соответствующими греческими въ пѣсняхъ Гомера; въ 1862 году—„Склоненіе имени существительнаго въ древне-славянскомъ и сербскомъ языкахъ“ (напечатано только начало); въ 1863 — „Евангеліе въ славянскомъ переводѣ“; въ 1864 — „Югославяне“ (въ чешскомъ *Slovník naučný*), первый полный очеркъ исторіи сербско-хорватской литературы (переведенъ на русскій языкъ). Съ 1864 по 1867 гг. Ягичъ былъ редакторомъ историко-филологическаго журнала „Книжевника“, обратившаго на себя вниманіе ученыхъ, занимающихся славянскою наукою; въ немъ, за исключеніемъ значительнаго числа рецензій литературныхъ и обзорныхъ, напечатаны имъ слѣдующія, болѣе обширныя статьи: а) „Наше правописаніе съ точки зрѣнія сравнительной грамматики“; б) „Къ исторіи хорватско-сербскаго языка“, — рядъ статей, изъ которыхъ отдѣльно напечатанъ „Разборъ заслугъ Вука Стефановича Караджича для развитія сербскаго языка“; в) „Славянское языкознаніе“—литературно-историческое обзорное (переведено на польскій языкъ); г) „Замѣчанія къ сербско-хорватскому синтаксису“, съ точки зрѣнія сравнительной грамматики; д) „Археологія и ея значеніе“; лестный отзывъ объ этой статьѣ напечатанъ Котляревскимъ въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей*; е) „Сирена Адриатическаго моря“, средне-хорватскій эпосъ бана Зринскаго съ филологическими примѣчаніями. Въ 1864—1866 — „Христоматія старо-славянскаго и старо-сербскаго языковъ“, II тома; написана по порученію австрійскаго правительства и принята какъ руководство въ высшихъ классахъ южно-славянскихъ гимназій; 1865 — „Грамматика старо-хорватскаго языка“ — учебникъ, написанный по порученію правительства для высшихъ курсовъ гимназій (лестный отзывъ Шлейхера); 1866 — „Грамматическій и критическій разборъ Ассеманіева евангелія“ (лестный отзывъ Срезневскаго); 1867 — „Исторія сербско-хорватской литературы“ (переведено на русскій языкъ 1871 г.); 1868 — „Приложеніе къ исторіи литературы“. Какъ членъ южно-славянской академіи, г. Ягичъ помѣстилъ слѣдующія сочиненія въ ея „Трудахъ“: во II-мъ томѣ — „Матеріалы для глаголитской палеографіи“; въ IV-мъ томѣ — 0 сербско-хорватскомъ удареніи. Прибавленіе къ сравнительному

изученію ударенія индо-европейскихъ языковъ"; въ XV и XVI том.— „Успѣхи славянской филологіи послѣднихъ годовъ. Подробный разборъ теоріи Лавровскаго и Потемни о русскомъ полногласіи"; въ XVIII томѣ — „Разборъ сочиненія Безсонова о трудахъ г. Крижанича", написанъ по порученію С.-Петербургской академіи наукъ. Въ большой коллекціи старо-хорватскихъ писателей, издающейся на счетъ южно-славянской академіи, помѣщены до сихъ поръ только труды г. Ягича. Вообще вся коллекція издается по научнымъ принципамъ, предложеннымъ имъ и одобреннымъ академіей; до отъѣзда г. Ягича изъ Загреба изданы IV тома. Въ „Старинахъ" изданы имъ: а) образцы древне-хорватской прозы и б) жизнь Александра Македонскаго; на нѣмецкомъ языкѣ напечаталъ онъ въ Вѣнѣ въ 1871 году: „Das Leben der Wurzel *de* in den slawischen Sprachen". Такая плодотворная ученая дѣятельность г. Ягича не могла не обратить на него вниманія историко-филологическаго факультета Новороссійскаго университета, который давно уже, но безъ успѣха, старался замѣстить каюедру сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ. По избраніи его въ преподавателя, была исходатайствована ему командировка на одинъ годъ, для усовершенствованія въ русскомъ и санскритскомъ языкахъ. Годъ этотъ проведенъ г. Ягичемъ не безслѣдно: въ теченіе его онъ приготовилъ къ печати изслѣдованіе „Объ образованіи славянскихъ глаголовъ соотвѣтственно съ санскритскими" и собралъ въ Берлинѣ и С.-Петербургѣ различные матеріалы изъ южно-славянскихъ рукописей, которыя онъ намѣренъ напечатать. Вступительная лекція г. Ягича, отличавшаяся богатымъ содержаніемъ и отличнымъ изложеніемъ, вполне убѣдила факультетъ, что онъ пріобрѣлъ достойнаго преподавателя, и такъ какъ г. Ягичъ имѣетъ уже степень доктора, то факультетъ не встрѣтилъ никакихъ препятствій къ ходатайству о возведеніи его въ званіе ординарнаго профессора. По произведенной въ совѣтѣ баллотировкѣ г. Ягича, онъ получилъ 19 голосовъ избирательныхъ и 2 неизбирательныхъ.

Г. попечитель Одесскаго учебнаго округа, основываясь на ходатайствѣ совѣта Новороссійскаго университета, входилъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ представленіемъ о командированіи исправляющаго должность доцента, кандидата *Кочубинскаго* за границу съ ученою цѣлію, съ тѣмъ, чтобы этимъ доставить ему возможность приготовить магистерскую диссертацию. По этому поводу со стороны министерства сдѣланъ былъ запросъ, на какомъ основаніи кандидатъ *Кочубинскій* былъ допущенъ на должность доцента до

приобрѣтенія требуемой для сего уставомъ степени магистра. Запросъ этотъ былъ обращенъ г. попечителемъ къ г. ректору Новороссійскаго университета, который заявилъ совѣту нижеслѣдующее свое донесеніе по сему предмету. Пересмотрѣвъ дѣло объ опредѣленіи преподавателей въ Новороссійскомъ университетѣ съ самаго открытія университета, я вынесъ убѣжденіе, что отступленіе отъ буквального смысла § 68 общ. уст. унив. допускалось лишь тогда, когда выбору коллегіи преподавателей предоставлялось: или, строго держась въ предѣлахъ устава, оставлять нѣкоторыя кафедры безъ преподавателей на долгое время, или обезпечить преподаваніе существенно необходимыхъ предметовъ, хотя бы поступившись нѣсколькими требованіями устава. У насъ вообще мало ученыхъ, приготовленныхъ къ профессурѣ: перечень вакантныхъ кафедръ въ самыхъ старшихъ изъ русскихъ университетовъ бросался въ глаза каждый разъ, какъ тотъ или другой университетъ печаталъ свой годичный отчетъ. Приватдоцентура, созданная уставомъ 1863 года, именно какъ подготовительная ступень къ профессурѣ, до настоящаго времени, можно сказать, вовсе не привилась у насъ, или, если и обнаруживаетъ въ университетѣ признаки нѣкотораго развитія, то еще только въ зачаточномъ состояніи. Если эта бѣдность ощутительна въ старыхъ университетахъ, органически развившихся, окрѣпшихъ, то въ какомъ положеніи долженъ былъ чувствовать себя университетъ только что открывшійся? И дѣйствительно, министерство народнаго просвѣщенія, заботясь о первоначальномъ образованіи личнаго состава утверждающагося университета, большею частію рассчитаннаго только на первые два открытые курса по всѣмъ факультетамъ, подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ требованій новаго устава, по необходимости, должно было допустить нѣкоторыя изыатія, опредѣливъ многихъ не только исправляющими должность экстраординарныхъ профессоровъ, хотя они не имѣли степени доктора, а одинъ и никакой степени, но и ординарными профессорами, напримѣръ, доктора медицины по кафедрѣ зоологій, — другаго, не имѣвшаго никакой университетской ученой степени, — по кафедрѣ русской словесности. Та же нужда заставляла министерство и послѣ, не только въ Новороссійскомъ, но и въ другихъ университетахъ, утверждать и экстраординарными и ординарными профессорами лицъ, не имѣвшихъ университетскихъ степеней, когда, напримѣръ, замѣщались вновь учрежденными въ университетахъ кафедры каноническаго права и церковной исторіи. Съ своей стороны, совѣтъ Новороссійскаго университета, въ виду крайней необходимо-

сти упрочить въ университетѣ преподаваніе замѣщеніемъ вакантныхъ кафедръ, перѣдко долженъ былъ, по недостатку кандидатовъ съ надлежащими учеными степенями, обращаться къ выбору способныхъ къ этому лицъ, хотя и неполнивъ удовлетворявшихъ требованіямъ устава. Такая необходимость явилась въ 1866 году при замѣщеніи кафедры финансоваго права лицомъ, хотя и исправлявшимъ въ то время уже должность профессора въ лицей князя Безбородко, но не имѣвшимъ требуемой уставомъ степени. Въ виду открытія всѣхъ курсовъ на юридическомъ факультетѣ и при недостаткѣ лицъ, имѣвшихъ по уставу право на занятіе вакантной кафедры, совѣтъ университета, избравъ 11-го мая 1866 года кандидата (нынѣ доктора и ординарнаго профессора) *Патлаевскаго*, просилъ ходатайства бывшаго попечителя Одесскаго учебнаго округа предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи г. Патлаевскаго исправляющимъ должность доцента, по примѣру С.-Петербургскаго университета, исходатайствовавшаго званіе исправляющаго должность доцента кандидату *Бестужеву-Рюмину*. Управлявшій министерствомъ изъявилъ согласіе. При повторившемся подобномъ же случаѣ, при избраніи 31 мая того же года кандидата Дерптскаго университета (нынѣ доктора и заслуженнаго профессора) *Бруна*, получено снова согласіе министерства. Необходимость въ замѣщеніи вакантныхъ кафедръ и имѣвшій недостатокъ ученыхъ, удовлетворявшихъ всѣмъ условіямъ для занятія мѣстъ доцентскихъ и профессорскихъ, сдѣлались крайне ощутительными съ 1868 года, когда полное открытіе курсовъ по всѣмъ факультетамъ и послѣдовавшее затѣмъ раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія вызвали усиленный запросъ на пополненіе личнаго состава преподавателей. Съ этого времени представленія объ опредѣленіи исправляющими должность доцентовъ сдѣлались чаще, такъ какъ въ бесплодномъ исканіи лицъ, удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ устава, проходило много времени (напримѣръ, при замѣщеніи кафедры исторіи русскаго языка и русской литературы въ 1868 году), а между тѣмъ преподаваніе терпѣло отъ этого невоснаградимо. Министерство и въ этотъ періодъ времени не находило препятствій къ допущенію кандидатовъ къ исправленію въ нашемъ университетѣ должности доцентовъ. Такъ, по случаю избранія совѣтомъ 5-го октября 1870 года на кафедру минералогіи причисленнаго къ министерству народнаго просвѣщенія, кандидата *Ерофеева*, совѣтъ, предварительно представленія о его опредѣленіи, сносялся съ департаментомъ народнаго просвѣщенія и получилъ отзывъ, что со сто-

ропы департамента не встрѣчается препятствій къ опредѣленію на службу въ повороссійскій университетъ, избраннаго совѣтомъ онаго исправляющимъ должность доцента по кафедрѣ минералогіи, кандидата С.-Петербургскаго университета Ерофеева. Есть еще одна сторона въ данномъ вопросѣ, которую университетъ всегда имѣлъ въ виду и на которую считаю не неумѣстнымъ обратить вниманіе. Приглашая къ преподаванію въ качествѣ исправляющаго должность доцентовъ кандидатовъ, почти всегда выдержавшихъ устное испытаніе на степень магистра, университетъ тѣмъ самымъ обязывалъ ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ имъ всѣ средства въ возможно-непродолжительномъ времени пріобрѣсти степень магистра. Оставаясь учителями гимназій, куда большею частію первоначально поступають молодые кандидаты, не имѣя тамъ ни необходимыхъ научныхъ пособій, ни опытнаго руководства при встрѣчающихся трудностяхъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, ни вообще того вліянія среды, которое такъ двигаетъ молодыхъ ученыхъ въ университетѣ, эти люди или гораздо позднее выходили бы на путь самостоятельнаго ученаго труда, или и вовсе терялись бы для науки, тогда какъ, разъ вступивъ въ университетъ, они сравнительно скоро достигаютъ ученыхъ степеней и съ пользою занимаютъ штатныя мѣста университетскихъ преподавателей: гг. *Патласевскій*, *Некрасовъ*, *Шпилевскій*, *Кошугъ* и *Умовъ* пріобрѣли необходимыя ученые степени въ теченіе двухъ лѣтъ и менѣе послѣ допущенія ихъ къ исправленію должности доцентовъ. Наконецъ считаю необходимымъ доложить, что совѣтъ университета, избирая кандидатовъ исправляющими должность доцентовъ, имѣлъ въ виду и то обстоятельство, что университетскій уставъ не отмѣняетъ общаго закона (360 ст. III т. св. зак., изд. 1857 г.), по которому дозволяется по всѣмъ вѣдомствамъ „по усмотрѣнію дѣйствительной нужды въ замѣщеніи должностей не только опредѣлять въ нихъ, но и допускать къ исправленію ихъ“. И дѣйствительно, уставъ университета, въ § 68, только опредѣляетъ нормальный порядокъ замѣщенія должностей университетскими преподавателями, нисколько не исключая возможности особенныхъ случаевъ временныхъ назначеній исправляющихъ штатныя должности. Всѣ эти обстоятельства, то-есть, крайняя необходимость въ замѣщеніи вакантныхъ кафедръ въ Повороссійскомъ университетѣ, недостатокъ приватъ-доцентовъ и ученыхъ, вполне удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ устава для занятія въ университетѣ штатныхъ преподавательскихъ должностей, какъ и допущеніе общимъ закономъ временныхъ назначеній испра-

вляющихъ должности по всѣмъ вѣдомствамъ, совѣтъ Новороссійскаго университета имѣлъ въ виду, ходатайствуя объ утвержденіи, какъ Кочубинскаго, такъ и другихъ лицъ, въ званіи исправляющихъ должность доцентовъ".

Физико-математическій факультетъ Новороссійскаго университета, по предложенію профессора *Вальца*, предложилъ воспользоваться Никитскимъ садомъ, для устройства въ немъ особаго ботаническаго отдѣленія, и вошелъ въ совѣтъ университета съ нижеслѣдующимъ представленіемъ. Никитскій садъ, въ окрестностяхъ Ялты, находится при крайне благопріятныхъ условіяхъ: пальмы, юки, араукаріи и т. д. культивируются въ этомъ саду подъ открытымъ небомъ. Такое благопріятное положеніе сада и то обстоятельство, что садъ этотъ находится въ завѣдываніи лицъ практически и научно свѣдущихъ, даетъ возможность Новороссійскому университету воспользоваться садомъ для цѣлей педагогическихъ и научныхъ. Весьма полезно было бы учрежденіе ботаническаго отдѣленія въ этомъ саду, въ которомъ была бы собрана, по возможности, крымская флора и которое содержало бы и важнѣйшихъ представителей другихъ флоръ, характеризующихъ извѣстныя естественныя группы, или представляющихъ особенный интересъ морфологическій, физиологическій или практическій. Желательно было бы также, чтобы въ этомъ отдѣленіи культивировались извѣстныя растенія для цѣлей чисто научныхъ, по соглашенію директора сада съ завѣдывающимъ ботаническимъ садомъ Новороссійскаго университета. Студенты, во время ваканцій, преподаватели ботаники, учителя гимназій и вообще лица, интересующіяся ботаникой, могли бы совершать поѣздки въ этотъ садъ и пользоваться имъ для своихъ цѣлей; кромѣ того, отдѣленіе это могло бы доставлять въ Одессу матерьялъ, какъ для цѣлей педагогическихъ, такъ и для научныхъ работъ. Нѣтъ сомнѣній, что министерство государственныхъ имуществъ не откажетъ содѣйствовать тому, чтобы Никитскій садъ приписъ и на этомъ повомъ поприщѣ пользу отечественной наукѣ; а потому факультетъ просилъ совѣтъ объ исходатайствованіи предъ министерствомъ государственныхъ имуществъ разрѣшенія для директора Никитскаго сада, въ связи съ директоромъ ботаническаго сада Новороссійскаго университета, учредить въ Никитскомъ саду ботаническое отдѣленіе и объ ассигнованіи со стороны министерства единовременно 300 рублей для учрежденія этого отдѣленія. Совѣтъ опредѣлилъ, согласно представленію факультета, войти съ ходатайствомъ къ г. министру государственныхъ имуществъ.

Одному студенту Новороссійскаго университета, изъ числа югославянскихъ воспитанниковъ нашихъ университетовъ, находящихся въ вѣдѣніи азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, была оставлена, съ разрѣшенія г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, еще на одинъ годъ стипендія, которую получалъ студентъ, о чемъ былъ извѣщенъ азіатскій департаментъ. Вслѣдствіе этого азіатскій департаментъ увѣдомилъ г. попечителя, что признавая необходимымъ, въ виду представленныхъ помянутымъ студентомъ объясненій, оказать ему снисхожденіе, азіатскій департаментъ вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ бы полезнымъ и цѣлесообразнымъ, чтобы для югославянскихъ воспитанниковъ въ нашихъ университетахъ дѣлалось, какъ можно менѣе отступленій отъ общихъ правилъ, чтобы они не считали себя поставленными въ исключительное, льготное положеніе, выдѣляющее ихъ изъ круга ихъ товарищей — русскихъ. Они должны проникнуться убѣжденіемъ, что право на снисходительность и поощреніе имѣютъ только тѣ изъ нихъ, которые трудятся добросовѣстно и серьезно; тѣ же, которые по своимъ занятіямъ оказываются недостойными благодѣяній нашего правительства, должны быть прямо исключаемы изъ университета для того, чтобы дать возможность другимъ, болѣе способнымъ и прилежнымъ, воспользоваться предоставленными имъ стипендіями. Совѣтъ Новороссійскаго университета, по выслушаніи сообщеннаго ему г. попечителемъ таковога отзыва азіатскаго департамента, опредѣлилъ сообщить этотъ отзывъ во всѣ факультеты.

ЛѢТНИЕ УЧИТЕЛЬСКІЕ СЪѢЗДЫ И КУРСЫ.

Въ настоящее время въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ постоянно встрѣчаются краткія и отрывочныя свѣдѣнія о лѣтнихъ учительскихъ курсахъ или съѣздахъ, которые происходятъ теперь ежегодно въ каждой губерніи. Необходимость ихъ была доказана практикою нашего народно-училищнаго дѣла тотчасъ послѣ его организаціи десять лѣтъ назадъ. Народные учителя, съ самаго начала своей дѣятельности, сознавали и сознаютъ, что предъ ними находится молодежь крайне своеобразная и трудно поддающаяся постороннему вліянію; что задача какъ преподаванія, такъ и вообще веденія школы совершенно нова для каждаго изъ нихъ, не имѣетъ ни образцовъ для подражанія, ни традицій въ прошломъ, такъ какъ прежняя система обученія грамотѣ оказалась совершенно несостоятельною. Сближеніе, поэтому, учителей, съ цѣлію поучиться одинъ у другаго или всѣмъ сообща, возникло само собою и по необходимости.

Организація народныхъ школъ, опредѣленная Высочайше утвержденными правилами 1862 года, впервые получила примѣненіе въ сѣверо-западномъ краѣ; тутъ же явились и первые учительскіе курсы сначала при двухъ дирекціяхъ народныхъ школъ—Виленской и Минской, а потомъ и при дирекціяхъ остальныхъ четырехъ губерній этого края, гдѣ была учреждена и первая учительская семинарія—*Молодечненская*, донинѣ служащая прототипомъ всѣмъ другимъ. На учительскихъ курсахъ, о которыхъ мы говоримъ, руководство раздѣлялось между всѣми наличными директорами и инспекторами дирекцій, а слушавшіе ихъ получали казенное содержаніе изъ особыхъ суммъ. Въ другихъ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, такіе съѣзды и курсы явились значительно позже, не ранѣе 1867 года, и вначалѣ они имѣли частный характеръ даже тогда, когда устраивались мѣстными начальствами; лишеные притомъ не только опытнаго, но и какого бы то ни было руководства, не имѣя предъ собою

ясно сознанныхъ и опредѣленныхъ задачъ, они не могли принести надлежащей пользы. Въ виду этого, министерство народнаго просвѣщенія на самыхъ первыхъ порахъ сознало необходимость регулировать дѣло съѣздовъ. Попечителямъ учебныхъ округовъ и другимъ учебнымъ начальствамъ было предложено поставить кого слѣдуетъ въ извѣстность, что съѣзды учителей могутъ происходить только съ его разрѣшенія; съ своей стороны г. министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ 29-го ноября 1870 года циркуляръ начальникамъ губерній, въ которомъ изъяснилось, что съѣзды учителей народныхъ училищъ, созываемые земствомъ, могутъ быть допускаемы не иначе, какъ съ вѣдома ближайшаго училищнаго начальства и съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, посредствомъ предварительнаго сношенія губернаторовъ съ попечителями учебныхъ округовъ, и что засѣданія съѣздовъ должны происходить подъ непосредственнымъ и ближайшимъ наблюденіемъ мѣстныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ. Чтобы затѣмъ самое веденіе и устройство съѣздовъ сдѣлать цѣлесообразнымъ и болѣе полезнымъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія были предложены подлежащимъ начальствамъ для руководства слѣдующія правила:

1) учительскіе съѣзды должны быть назначаемы въ неучебное время, въ продолженіи лѣтнихъ или зимнихъ вакацій;

2) на учительскіе съѣзды приглашаются члены мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ, какъ лица, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за преподаваніемъ въ начальныхъ школахъ;

3) занятія учителей на съѣздахъ, для большаго ихъ успѣха, должны быть закрытыми;

4) предварительно составляются программы имѣющихъ быть на съѣздахъ занятій, утверждаемыя или предлагаемыя для руководства попечителями учебныхъ округовъ;

5) на предсѣдателя съѣздовъ возлагается обязанность составленія отчетовъ о происходившихъ на съѣздахъ занятіяхъ, съ обозначеніемъ состоявшихся на нихъ постановленій, но безъ критическаго ихъ разбора, — и

6) составленные такимъ образомъ отчеты препровождаются къ попечителямъ учебныхъ округовъ, а копіи съ нихъ — въ уѣздныя училищныя совѣты мѣстныхъ губерній, равно и ко всѣмъ учителямъ, присутствовавшимъ на съѣздахъ.

Лѣтніе учительскіе курсы въ г. Сольвычегодскѣ, Вологодской губерніи, продолжались въ 1872 году отъ 8-го іюля по 17-е августа. Они находились подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюдениемъ инспектора училищъ Вологодской губерніи, *Е. Е. Тимофеева*, и при дѣятельной помощи учителя Устюгскаго уѣзднаго училища, *А. И. Демидова*. Главная задача означенныхъ курсовъ состояла въ практическомъ ознакомленіи народныхъ учителей съ болѣе правильными способами обученія, въ объясненіи классныхъ порядковъ, въ сообщеніи, по возможности, необходимыхъ для каждаго изъ нихъ научныхъ свѣдѣній и въ доведеніи ихъ до полнаго сознанія, что обученіе грамотѣ имѣетъ главною цѣлію развитіе въ народѣ нравственно-религіознаго и патріотическаго чувства.

Всѣхъ учителей собралось къ 3-му іюля на счетъ земства 37 и на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія 3; кромѣ того, 7 вольнослушающихъ прибыли на съѣздъ на собственныя средства; между ними были двѣ дѣвицы. Съѣздъ посѣщался также многими лицами изъ публики. Были дни, когда не было мѣста въ обширномъ залѣ съѣзда и многіе изъ посѣтителей слѣдили за занятіями изъ другихъ комнатъ. Вообще мѣстные жители тепло и съ большимъ вниманіемъ отнеслись къ судьбѣ курсовъ и въ день прощанія неоднократно благодарили за нихъ земство.

На съѣздѣ находились изъ учебныхъ пособій: по *Закоу Божію* — картины изъ Священной исторіи *Шрейбера* и *Золотова* и двенадцатыхъ праздниковъ; по *русскому языку*: картины, изданныя Московскимъ комитетомъ грамотности, *Семенова* — зима и лѣто, при чемъ вторая изъ картинъ была убрана произведеніями растительнаго царства мѣстнаго края; картины *Золотова* и коллекція наглядныхъ пособій, состоящая изъ 18-ти картъ съ произведеніями и предметами разныхъ производствъ, напримѣръ, хлопчатникомъ и всѣми его произведеніями, коноплею и т. п.; по *арифметикѣ* и *естествознанію*: шведскіе счеты съ доской и такіе же безъ доски, сажень, аршинъ, квадратный футъ, квадратный аршинъ, кубическая четверть, складной аршинъ, астролябія, готовальня, микроскопъ, стереоскопъ, фонтанъ, магнитъ и проч.; по *исторіи* и *географіи*: картины изъ русской исторіи *Золотова*, глобусы и карты. Кромѣ того, при школѣ сформированы были временно библіотеки — фундаментальная и ученическая. Въ составъ этихъ библіотекъ вошли книги и пособия, одобренныя ученымъ и учебнымъ комитетами министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства.

Въ первый день, 3-го іюля, собравшимся учителямъ и учительницамъ прочтена была инспекторомъ программа занятій на курсахъ, выяснена цѣль ихъ и указаны правила, на чтѣ должно быть главнымъ образомъ обращаемо вниманіе учителей при разборѣ практическихъ уроковъ, входящихъ въ составъ программы; 4-го же іюля, послѣ молебствія, начались немедленно самыя занятія по практической и теоретической школамъ. Занятія эти происходили согласно слѣдующей программѣ, предложенной попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа для руководства на съѣздахъ народныхъ учителей въ декабрѣ 1870 года:

а) Учителя должны быть ознакомлены съ лучшими способами обученія чтенію и письму.

б) Имъ необходимо показать, какія статьи слѣдуетъ читать съ дѣтьми, по преодолѣніи затрудненій въ механическомъ чтеніи; какъ слѣдуетъ вести послѣдовательно обученіе русской грамотѣ съ цѣлію умственнаго развитія дѣтей; какія басни и стихотворенія должны быть заучиваемы, какъ приступать къ этому и чего требовать при этомъ; объяснить цѣль обученія русской грамотѣ, время и способъ обученія письму, время и способъ начального обученія счисленію, обученіе толково читать апостолъ, часы и проч. и переводить на русскій языкъ употребительнѣйшія молитвы и церковныя пѣсни.

в) Учителямъ слѣдуетъ показать способъ обученія церковному пѣнію по слуху и пѣнія народныхъ пѣсней; ознакомить ихъ, на сколько это возможно, съ географіею и исторіею отечества по книгѣ для чтенія.

г) слѣдуетъ объяснить классныя порядки и вообще правила училищнаго благоустройства, какъ напримѣръ, раздѣленіе учениковъ въ классѣ по группамъ, соответствующенно ихъ познаніямъ, съ указаніемъ способовъ одновременнаго занятія съ различными группами.

д) Учителя должны быть снабжены необходимыми для начального обученія руководствами и нѣсколькими книгами для полезнаго дѣтскаго чтенія; каталогъ такихъ книгъ слѣдуетъ также сообщить имъ.

е) Учителя должны быть доведены до полнаго сознанія, что обученіе грамотѣ имѣетъ преимущественною цѣлію развитіе въ народѣ нравственно-религіознаго и патріотическаго чувства.

Вслѣдствіе сего, лѣтніе учительскіе курсы въ Сольвычегодскѣ имѣли двѣ главныя задачи: 1) практическое ознакомленіе учителей съ лучшими современными способами какъ начального, такъ и дальнѣйшаго обученія дѣтей и 2) возвышеніе уровня собственнаго обра-

зованія наставниковъ, столь необходимаго для толковой и успѣшной ихъ дѣятельности. Для достиженія первой изъ этихъ задачъ, при сѣздѣ устроена была, между прочимъ, образцовая школа изъ мѣстныхъ дѣтей, числомъ до 25-ти мальчиковъ и 3-хъ дѣвочекъ. Дѣти были принимаемы въ нее съ такою подготовкой, чтобы изъ нихъ возможно было образовать три отдѣленія, для показанія учителямъ приемовъ одновременныхъ съ ними занятій. Младшее отдѣленіе составилось изъ 8-ми совершенно неграмотныхъ дѣтей,—одинъ только мальчикъ зналъ названія нѣкоторыхъ буквъ, но были приняты мѣры, чтобы онъ не забѣгалъ впередъ; къ среднему отдѣленію принадлежали 12 мальчиковъ и 1 дѣвочка, умѣвшіе слегка читать, писать и считать; третье же, старшее, отдѣленіе составили дѣти, какъ бы побывшія въ школѣ двѣ зимы, то-есть, умѣвшія довольно бѣгло читать и хорошо считать, съ которыми можно было вести объяснительное чтеніе и которыя были въ состояніи исполнять небольшія самостоятельныя работы, въ родѣ писанія писемъ, переложенія разказовъ и т. п. Впрочемъ, 5 мальчиковъ и 2 дѣвочки этого отдѣленія не вполне удовлетворяли указанной цѣли; въ особенности слаба была подготовка ихъ по Закону Божію.

Занятія въ этой практической школѣ, съ 4-го по 31-е іюля, ежедневно продолжались съ 9-ти до 12-ти часовъ дня, при чемъ было даваемо въ день три урока по 45 минутъ каждый, съ отдыхомъ въ 15 минутъ. Съ 31-го же іюля назначено было по 4 урока ежедневно и каждый урокъ продолжался 40 минутъ, съ отдыхами по 10-ти минутъ, такъ что уроки, начинаясь по прежнему въ 9-ть часовъ утра, кончались въ 1-мъ часу по-полудни. Перемѣна эта сдѣлана была въ видахъ того, чтобы каждый изъ слушателей могъ дать въ школѣ хотя одинъ урокъ по какому-либо предмету, ибо времени до окончанія сѣзда оставалось только двѣ недѣли, а число слушателей, еще не занимавшихся практически, было весьма значительно. Притомъ четвертый урокъ былъ всегда посвящаемъ ариметикѣ, такъ какъ на первыхъ же порахъ оказалось, что уроки по этому предмету шли нѣсколько слабѣе, чѣмъ по другимъ; наконецъ, практическія занятія въ школѣ оказалось необходимымъ кончить нѣсколько равнѣ положеннаго срока, чтобы сами слушатели имѣли время уяснить для себя различные вопросы, чтобы сдѣлать общіе выводы изъ происходившихъ на сѣздѣ занятій и провѣрить ихъ надлежащимъ образомъ. Къ тому же нѣкоторыя дѣти требовались домой для работъ, а другія, напримѣръ, ученики 1-го класса уѣзднаго училища, должны были

посѣщать, съ начала августа, уроки. Вслѣдствіе сего, занятія кончились въ школѣ 8-го августа и съ этого времени до конца съѣзда, какъ утреннія, такъ и послѣобѣденныя занятія велись уже только съ учителями и учительницами. Всѣхъ учебныхъ дней, въ которые происходили занятія въ практической школѣ, было 28, въ продолженіе которыхъ дано уроковъ, по 45 минутъ — 63, а по 40 минутъ — 28. Для распредѣленія уроковъ составлена была предварительно особая недѣльная таблица. Въ частности число уроковъ по каждому предмету было слѣдующее: по Закону Божію 9, по русскому языку 43, считая въ томъ числѣ и уроки чистописанія, по наглядной бесѣдѣ 10, по славянскому чтенію 4, по ариметикѣ 20, по пѣнію 5; итого 91.

Первые уроки въ школѣ, съ 4-го по 18-е іюня включительно, въ числѣ 15, даны были самимъ инспекторомъ. Задачею его было на практикѣ показать слушателямъ лучшіе образцы и способы преподаванія предметовъ въ начальной школѣ, въ особенности же первоначальнаго обученія чтенію, письму и счисленію, и дать имъ возможность наглядно убѣдиться въ преимуществѣ новыхъ методовъ. Въ особенности же, при помощи примѣрной школы, инспекторъ старался объяснить, какъ слѣдуетъ вести занятія одновременно съ двумя или тремя группами. Предъ началомъ перваго образцоваго урока инспекторомъ было выяснено, что задача начальной пародной школы состоитъ не въ томъ только, чтобы обучить грамотѣ, но дать по возможности учащимся нѣчто цѣльное и пригодное для жизни, сообщить имъ необходимыя свѣдѣнія, такъ чтобы вышедшій изъ сельской школы могъ довольствоваться, какъ человекъ, семьянинъ и гражданинъ, полученнымъ образованіемъ; словомъ, что сельское училище не есть только начальное, подготовительное, но для большинства учащихся въ немъ и окончательное; притомъ въ учащихся оно должно развить не только умственное, но и нравственное, религіозное и патриотическое чувство, то-есть, должно быть въ одно время и образовательнымъ, и воспитательнымъ. Самые образцовые уроки инспектора по каждому предмету состояли въ слѣдующемъ:

Чтеніе. Уроки даны были въ младшемъ отдѣленіи, по звуковому способу барона *Корфа*, при чемъ выяснены слушателямъ: сущность этой методы, преимущество ея предъ буквослагательною и при какихъ условіяхъ, посредствомъ ея, можно дѣйствовать на развитіе учащихся.— *Письмо* первоначальное (то-есть, совмѣстное съ обученіемъ чтенію), по способу, рекомендуемому въ 1-мъ годѣ „Роднаго Слова“ *Ушинскаго*, съ указаніемъ употребляемыхъ для этого способа пособій.—*Тол-*

ковое чтеніе въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ: на этихъ урокахъ было объяснено, какъ слѣдуетъ вести чтеніе съ дѣтьми, уже выучившимися читать механически, въ чемъ состоитъ такое чтеніе и въ чему должно оно служить; слушателямъ было объяснено, что духъ и цѣль чтенія, послѣ ознакомленія дѣтей съ буквами и словами, должны состоять не въ томъ только, чтобы приучить ихъ читать бѣгло, съ навыкомъ, но и благозвучно, сознательно; далѣе, чтобы чтеніе было сопровождаемо бесѣдой, которая развивала бы учащихся, знакомя ихъ съ окружающимъ міромъ, приучала бы ихъ постепенно къ осмысленной рѣчи, обогащала ихъ большимъ количествомъ словъ и выражений и вообще вводя въ пониманіе своего роднаго языка; для такого чтенія указанъ былъ и выборъ статей соотвѣтственно возрасту дѣтей и ихъ развитію.—*Письменные упражненія* въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ. На этихъ урокахъ было выяснено, что цѣль письменныхъ упражненій—умственное развитіе дѣтей, ознакомленіе ихъ съ осмысленною рѣчью, а потому они должны быть, по возможности, логическія и грамматическія. Нужно обращать также вниманіе на то, чтобы они могли принести практическую пользу (научить писать письма, счеты и т. п.) и находились бы въ связи съ другими классными занятіями, именно: имъ должна предшествовать бесѣда, а сами они должны служить результатомъ, усвоеніемъ, укрѣпленіемъ въ памяти всего, что приобрѣтается въ школѣ. Письменные упражненія непремѣнно просматриваются учителемъ дома и въ классѣ.—*Наглядная бесѣда*. Эти уроки введены были во всѣхъ 3-хъ отдѣленіяхъ одновременно. Изъ нихъ слушатели должны были понять, что цѣль наглядной бесѣды состоитъ въ развитіи наблюдательности въ дѣтяхъ, послѣдовательности въ изложеніи мыслей, умѣнья разсматривать предметы со всѣхъ сторонъ и пр., и что такая цѣль лучше всего достигается умѣньемъ подыскивать удобные предметы для бесѣды и привлекать къ ней всѣхъ дѣтей.—*Арифметика*. Тутъ главнѣйшимъ образомъ выяснялось, съ чего и какъ слѣдуетъ начинать обученіе дѣтей по этому предмету; именно, на занятіяхъ съ младшимъ отдѣленіемъ показана была необходимость подготовительныхъ упражненій, которыя съ самаго начала постепенно развивали бы соображеніе ребенка, также необходимость, въ случаѣ не имѣнія рациональныхъ и научныхъ пособій, прибѣгать къ простымъ, обыденнымъ вещамъ, всегда имѣющимся подъ рукою, напримѣръ, палочкамъ, камешкамъ, черточкамъ, крестикамъ на доскахъ и т. п. Затѣмъ показано было, когда начинать и какъ знакомить дѣтей съ цѣлыми числами и ихъ

частями, какъ измѣрять предметы посредствомъ различныхъ мѣръ, когда знакомить съ письмомъ и значеніемъ цифръ, какъ обходиться при первоначальномъ счетѣ безъ названій научныхъ терминовъ, на сколько и когда слѣдуетъ примѣнять ихъ и проч. Въ старшемъ отдѣленіи показано было, какъ обучать нумераціи и механическому производству дѣйствій, дѣлать изъ нихъ выводы и опредѣленія правилъ, какъ вести умственное и письменное рѣшеніе задачъ, изучать таблицу умноженія и, главное, все это совмѣстно во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ, поддерживая вниманіе всѣхъ учениковъ. Словомъ, здѣсь примѣнены были приемы, выработанные Грубе и подробно развитые въ методикѣ ариметики г. Евтушевскаго. — *Чистописаніе*. На этихъ урокахъ показанъ былъ слушателямъ способъ скорописанія г. Баранцевича, — выяснены примѣненія этого способа, равно его существенныя особенности, и испробованы съ дѣтьми старшихъ отдѣленій первыя два упражненія, именно: проведеніе линій отъ лѣвой руки къ правой въ горизонтальномъ направленіи во всю длину тетради, что дѣлалось движеніемъ руки, при неподвижности кисти и пальцевъ, съ изображеніемъ каждой линіи въ два темпа. Затѣмъ вручено было слушателямъ самое руководство, чтобы хотя нѣкоторые изъ нихъ могли приготовиться по нему для своихъ предстоящихъ уроковъ. — *Пѣніемъ* занимался въ школѣ одинъ изъ учителей Никольскаго уѣзда г. *Славинъ* (изъ воспитанниковъ Вологодской духовной семинаріи, бывшій въ архіерейскомъ хорѣ), разумѣется, подъ наблюденіемъ инспектора, относительно цѣли преподаванія пѣнія въ народныхъ школахъ. При этомъ обращено было вниманіе на обученіе дѣтей не только по слуху, но отчасти по рациональному, нотному способу, и притомъ не только обиходному, но и партесному, въ томъ видѣ, какъ оно допущено въ нашей православной церкви. По *Закону Божию*, за болѣзнію законоучителя, данъ былъ лишь одинъ образцовый урокъ. По этой же самой причинѣ и уроки по *славянскому чтенію*, которые по программѣ возлагались на законоучителя, поручены были г. *Дементьеву*, преподавателю русскаго языка.

Съ 11-го іюля предоставлено было вести дальнѣйшія занятія въ школѣ самимъ слушателямъ. Для этого былъ составленъ инспекторомъ очередной ихъ списокъ, чтобы каждый изъ нихъ могъ приготовиться заблаговременно. Первые уроки давалъ учитель Иренинской земской школы г. *Ломбертъ*, — какъ казалось, одинъ изъ наиболѣе свѣдущихъ и опытныхъ кандидатовъ, кончившій полный курсъ въ гимназійи и притомъ въ числѣ хорошихъ учениковъ, но опытно-

сти у него оказалось мало. На второй день, 12-го іюля, занимался учитель Устьсысольскаго приходскаго училища *Кайдаловъ*, довольно успѣшно и толково. 13-го іюля давалъ уроки учитель Черевковскаго однокласснаго училища, Сольвычегодскаго уѣзда, *Фалинъ*, уроки котораго, равно какъ и занимавшихся затѣмъ учителей — *Подъякова*, *Колобова* и *Копосова*, по толковитости ихъ, принадлежали къ числу лучшихъ на съѣздѣ. Въ началѣ съѣзда очередной преподаватель занимался всѣми назначенными въ извѣстный день уроками, со второй же половины каждый давалъ только по одному и рѣдко по два. Предварительно слушавшіе курсы должны были обдумать какъ содержаніе урока, такъ и планъ самаго исполненія его. Выбравъ, въ связи съ предыдущимъ преподаваніемъ, учебный матеріалъ, каждый излагалъ его письменно въ видѣ конспекта, съ которымъ являлся къ инспектору или его сотруднику для предварительнаго и всесторонняго, съ участіемъ и другихъ лицъ, обсужденія урока; конспектъ подвергался исправленію и дополненіямъ, а утромъ, въ день урока, представлялся снова уже въ исправленномъ видѣ; на такія предварительныя работы нерѣдко употреблялось отъ двухъ до трехъ и четырехъ часовъ въ день. Готовившіеся къ урокамъ были снабжены необходимыми пособиями и учебниками, какіе имѣлись подъ рукою, какъ напримѣръ, руководствомъ къ обученію грамотѣ, руководствомъ къ обученію по „Родному Слову“ *Ушинскаго* и его *Роднымъ Словомъ*, книгами для чтенія и учителей *Водовозова*, первую учебною книжкою *Паульсона*, начальною школою *Корфа*, ариметикою, по методу *Грубе*, *Паульсона*, ариметикою *Рубисова*, методикою *Естучевскаго*, задачками *Томаса* и *Естучевскаго* и руководствомъ къ скорописанію *Баранцевича*.

Очередной учитель или учительница являлись въ школу всегда заблаговременно, чтобы до начала урока приготовить все необходимое, какъ напримѣръ, картины для наглядной бесѣды или самыя предметы, грифельныя доски, тетради, перья, разныя мѣры для нагляднаго счисленія и т. п. При утреннихъ занятіяхъ соблюдался слѣдующій внѣшній порядокъ. Занятія начинались въ 9 часовъ. Предъ началомъ перваго урока всѣ вообще пѣли хоромъ молитву „Царю Небесный“ или „Преплагій Господи“; послѣ сего, дѣти должны были прочесть молитву предъ ученіемъ, но пока они еще не знали молитвъ, или не могли прочесть ихъ какъ слѣдуетъ, читалъ молитву самъ преподаватель, а дѣти повторяли ее хоромъ. Потомъ очередной наставникъ обязанъ былъ провѣрить, всѣ ли дѣти собрались въ школу

и оти́тить не явившихся, для чего заведенъ былъ журналъ. Въ журналъ записывалось, кромѣ того, какіе уроки даны были въ извѣстный день и въ чемъ состояли самыя занятія по каждому предмету. На журналъ предложено было инспекторомъ обращать вообще строгое вниманіе, какъ на оправдательный документъ занятій по школѣ и наглядное доказательство, на сколько практично или не практично ведется въ ней дѣло. Затѣмъ шло самое преподаваніе по тому предмету, который значился въ росписаніи дневныхъ уроковъ. По окончаніи урока, въ первую же перемѣну, наступало упражненіе дѣтей въ гимнастикѣ, чему первый примѣръ показанъ былъ самимъ инспекторомъ; пособіемъ къ гимнастикѣ служило руководство *Ухова*. Во время другихъ перемѣнъ происходили различныя игры. По окончаніи послѣдняго урока, прочитывалась обычная молитва, и прежде нежели дѣти расходились по домамъ, дѣлался краткій сводъ или обзоръ того, чѣмъ занимались въ этотъ день, при чемъ дѣтямъ поставлялось въ обязанность не только помнить преподанное, но и разказывать о томъ дома своимъ родителямъ. Выходъ учащихся изъ школы происходилъ съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: дѣти должны были выходить, сохраняя благопристойность и порядокъ, не всѣ вдругъ, но по столамъ, по два человѣка со стола, безъ шума и стуку; вышедши изъ за стола, дѣти дѣлали поклонъ иконамъ, затѣмъ кланялись преподавателямъ, товарищамъ своимъ и слушателямъ, и тогда только выходили изъ класса; преподаватель же во все это время долженъ былъ находиться при ученикахъ, для наблюденія за ними. По уходѣ дѣтей, утреннія занятія заканчивались разборомъ, въ присутствіи всѣхъ слушателей, уроковъ, данныхъ очереднымъ преподавателемъ. На основаніи этого были предложены инспекторомъ къ исполненію слѣдующія правила для преподающихъ въ народной школѣ:

- 1) Учитель всегда долженъ говорить съ дѣтьми языкомъ для нихъ понятнымъ и, на сколько возможно, громко.
- 2) Во все время класныхъ занятій учитель долженъ зорко слѣдить, чтобы каждый изъ учащихся внимательно слушалъ и замѣчалъ то, что учитель говоритъ или объясняетъ.
- 3) Если учитель намѣренъ сообщить дѣтямъ что-либо трудное для нихъ, то предварительно долженъ это усилить дѣтямъ; особенно же самъ обязанъ вполне обдумать предметъ, чтобы не поселить въ ученикахъ недовѣрія къ себѣ, а потомъ уже приступать къ изложенію.
- 4) Не кончивъ объясненія чего-либо, не слѣдуетъ переходить къ другому, то-есть, не забѣгать съ объясненіями впередъ.
- 5) Нужно дѣлать дѣтямъ вопросы ясныя и не слишкомъ про-

странные и точно также требовать отъ нихъ совершенной точности въ отвѣтахъ. 6) Письменные упражненія учитель долженъ непременно просматривать, указывая въ нихъ ошибки, упущенія и неправильности; иначе подобныя работы не будутъ достигать своей цѣли. 7) Учителю никогда не слѣдуетъ отзываться о родителяхъ дѣтей, родственникахъ и воспитателяхъ въ непочтительныхъ выраженіяхъ.

Въ воскресные и праздничные дни предъ началомъ богослуженія дѣти, слушатели и слушательницы вмѣстѣ съ инспекторомъ собирались въ зданіи сѣзда, откуда, по прочтеніи и объясненіи воскреснаго евангелія, отправлялись по-парно для слушанія литургіи въ церковь, гдѣ двое изъ слушателей становились съ дѣтьми, для наблюденія за ними, а прочіе — на клиросѣ, принимая участіе въ пѣніи.

Чтобы познакомиться съ характеромъ уроковъ, данныхъ на сѣздѣ, приводимъ изъ дневника, веденнаго учителями, изложенія двухъ изъ нихъ:

Урокъ чтенія и обученіе чтенію. (Занимался учитель Ирнскаго образцоваго земскаго училища, г. Ломбергъ).

Въ началѣ урока, при помощи старшихъ учениковъ, розданы были дѣтямъ всѣхъ трехъ отдѣленій классныя принадлежности, какъ-то: младшему отдѣленію — аспидныя доски и грифели; среднему — *Родное Слово юдь 1-й*, а старшему — *Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ Водовозова*. Затѣмъ, учитель предложилъ дѣтямъ средняго и старшаго отдѣленій прочесть про себя то, что они уже читали изъ данныхъ имъ прежде книгъ, сказавъ, что черезъ нѣсколько времени спроситъ ихъ объ этомъ, а самъ, между тѣмъ, обратился къ занятіямъ съ дѣтьми младшаго отдѣленія. Прежде всего онъ спросилъ ихъ, какія они знаютъ буквы и сколько? Когда дѣти отвѣтили, что они знаютъ четыре звука: *о, м, ш, а*, то учитель, отыскавъ въ подвижной азбукѣ эти буквы, занялся составленіемъ изъ нихъ слоговъ, заставляя дѣтей по-очередно произносить сперва каждую букву порознь, а потомъ вмѣстѣ обѣ буквы (согласную съ гласной); упражняя дѣтей такимъ образомъ, онъ заставилъ ихъ писать на аспидныхъ доскахъ слоги: *ом* и *ша*. Задавъ эту работу младшему отдѣленію, онъ перешелъ къ отдѣленію среднему и заставилъ дѣтей перечислить учебныя вещи, о которыхъ они должны были прочесть въ *Родномъ Словѣ*. Когда оказалось, что дѣти не могли сдѣлать этого удовлетворительно, то учитель заставилъ ихъ еще разъ прочесть про себя названія учебныхъ вещей. Послѣ сего, подойдя къ классной доскѣ, онъ написалъ на пей четыре вопроса и предложилъ

ученикамъ старшаго отдѣленія сдѣлать на нихъ полные отвѣты изъ прочитанной ими наканунѣ статьи въ книгѣ *Водовозова*: „Валя въ школѣ“. Отвѣты учениками дѣлались сначала устно, а потомъ и письменно, на грифельныхъ доскахъ. Въ это время учитель перешелъ къ ученикамъ средняго отдѣленія, переспросилъ прочитанныя ими въ книгѣ названія учебныхъ вещей, и также заставилъ ихъ писать эти названія на доскахъ. Затѣмъ, онъ занялся съ дѣтьми младшаго отдѣленія. Сначала повторилъ онъ знакомыя имъ буквы, а потомъ составлялъ изъ этихъ буквъ на классной доскѣ слоги: *маи, ми, ои, мо, мои* и слово *Маши*, при чемъ поступалъ такъ: предъ произношеніемъ мальчиками какого-нибудь слога, онъ заставлялъ каждого изъ учениковъ по однопочкѣ называть сначала буквы, входящія въ составъ слога, каждую отдѣльно, а потомъ вмѣстѣ весь слогъ. Убѣдившись, такимъ образомъ, въ знаніи дѣтьми объясненныхъ имъ буквъ, учитель показалъ имъ новую букву *х*. Произношеніе ея онъ объяснилъ самъ, а вслѣдъ за нимъ она была произнесена каждымъ изъ учениковъ порознь и затѣмъ составлялись на классной доскѣ слова и слоги съ этою буквою, какъ на примѣръ, *ох, хо, мох, мах*, при чемъ слова *мох* и *мах* были объяснены учителемъ. Послѣ этого учитель заставилъ дѣтей младшаго отдѣленія писать на доскахъ слова *мох* и *маши*, а самъ обратился къ ученикамъ старшаго отдѣленія и предложилъ, не могутъ ли они разказать содержаніе читанной ими статьи „Валя въ школѣ“? Однимъ изъ учениковъ это было выполнено и потомъ повторено при помощи самого учителя, послѣ чего дано было имъ написать означенный разказъ на доскахъ. Затѣмъ учитель перешелъ къ ученикамъ средняго отдѣленія, велѣлъ имъ раскрыть книгу *Родное Слово юды 1-й* и одному изъ нихъ читать упражненіе № 2-й съ того мѣста, на которомъ они остановились прежде; чтеніе продолжалось до № 3-го съ объясненіемъ словъ и выраженій, на примѣръ, слѣдующихъ: „Овсяныя лепешки“, „Безъ блина не масляница“, „Безъ пирога не мянинникъ“, „Гдѣ кисель, тутъ и сѣлъ“, „Гдѣ пирогъ, тутъ и лёгъ“. Объясненія эти дѣлались посредствомъ вопросовъ, въ родѣ такихъ: о чемъ тутъ говорится? и т. д. По окончаніи чтенія, дано было составить письменный разказъ одной изъ прочитанныхъ сказокъ, а именно: „Золотое яичко“. Послѣ сего учитель приступилъ къ занятіямъ съ учениками старшаго отдѣленія, которые до того времени писали разказъ статьи *Валя въ школѣ*. Учитель велѣлъ собрать тетради и заставилъ одного изъ учениковъ читать дальнѣйшую статью: „Зима“. Статью читали всѣ ученики, каждый

по одному предложенію, безъ остановокъ и объясненій; потомъ чтеніе ея было возобновлено, но уже съ объясненіемъ и пересказомъ читаннаго.

Урокъ наглядной бесѣды. (Занимался учитель Подосиновскаго двукласснаго училища, Р. Подъяковъ).

Передъ началомъ урока дѣти пропѣли *Царю Небесный* и со словъ преподавателя прочитали *Проблаги Господи*; затѣмъ учитель занялся повтореніемъ прежде пройденныхъ предметныхъ уроковъ о карандашѣ и о стеклѣ. При бесѣдѣ о стеклѣ, кромѣ показанныхъ прежде его качествъ, преподаватель выяснилъ еще другія, а также употребленіе стекла и вообще пополнилъ свѣдѣнія учениковъ различными подробностями. Точно также, посредствомъ наводящихъ вопросовъ, велъ онъ бесѣду о сѣнокосѣ, при чемъ показалъ дѣтямъ картину Семенова „Лѣто“. При переходѣ отъ предыдущаго къ картинѣ, предлагались имъ такіе вопросы: гдѣ вы теперь сидите? Всѣ ли подобныя вамъ дѣти находятся въ школахъ? А гдѣ же они находятся? Чтѣ дѣлаютъ теперь крестьяне? Какъ называется то время, когда косятъ траву? и проч. По разсмотрѣніи дѣтими картины, учитель повѣсилъ ее на классную доску и велъ бесѣду о временахъ года, о работахъ въ разное время года, а главное о лѣтѣ и сѣнокосѣ, — объяснилъ, почему коса-горбуша, употребляемая въ здѣшней мѣстности, называется горбушей и какое она имѣетъ отличіе отъ косы-стойки и къ чему служить стойка. Въ заключеніе урока учитель повторилъ все пройденное и ученикамъ данъ былъ отдыхъ.

Въ преподаваніи паставниковъ замѣчены были инспекторомъ преимущественно слѣдующіе недостатки:

1) Неполное вниманіе къ класснымъ порядкамъ и вообще къ внѣшнему благоустройству школы, особенно въ классное время. 2) Недостаточное вниманіе къ ученикамъ слабымъ: такъ, напримѣръ, учителя обращались съ вопросами по большей части къ однимъ и тѣмъ же дѣтямъ, именно къ болѣе бойкимъ и смышленнымъ, и не получивъ отвѣта отъ одного, тотчасъ переходили къ другимъ. 3) Неумѣнье запясть всѣхъ одновременно работою, отчего возникали беспорядокъ, разсѣянность и ослаблялось вниманіе; преподаватели же и преподавательницы какъ бы не замѣчали этого. 4) Преподаватели мало обращали вниманія на послѣдовательность своихъ уроковъ, вдавались въ неумѣстныя объясненія, начинали рѣчь о новыхъ предметахъ, такъ что иной урокъ по содержанію совсѣмъ не походилъ на изложенный въ конспектѣ. 5) Многіе изъ учителей не сознавали важности при-

ученія учениковъ къ толковымъ и точнымъ отвѣтамъ. 6) Письменные классныя работы считались ими дѣломъ какъ бы не относящимся къ уроку, и исполненіе этихъ работъ предоставлялось произволу дѣтей, оставалось часто безъ всякаго просмотра и контроля.

Веденіе отчетовъ объ утреннихъ занятіяхъ составляло одну изъ необходимѣйшихъ работъ на съѣздѣ. Для этого назначались обыкновенно двое изъ слушателей, болѣе способныхъ, которымъ объявлялось о предстоящей работѣ накануне, для того, чтобы они съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ уроковъ. По прочтеніи дневника предъ всѣми слушателями и по должномъ исправленіи какихъ-либо въ немъ упуццей, онъ передавался инспектору.

Вечернія занятія съѣзда велись инспекторомъ и имѣли преимущественно теоретическій характеръ. Цѣль ихъ состояла въ пополненіи общаго образованія учителей, въ болѣе обширномъ ознакомленіи ихъ съ отечественною исторіей, географіей, русскимъ языкомъ, ариметикою, педагогикою, со способами толковаго славянскаго чтенія и пѣніемъ церковныхъ и народныхъ пѣсень по слуху. Слушателямъ и слушательницамъ предложено было прежде всего написать записку о томъ, какъ они вели обученіе въ своихъ школахъ до пріѣзда на курсы. По этому труду можно было судить какъ о прежней педагогической ихъ дѣятельности, такъ и объ общемъ ихъ развитіи, и сообразно этому, установить ходъ теоретическихъ съ ними занятій. При этомъ обнаружилось, что многіе изъ нихъ весьма мало свѣдуци въ русскомъ языкѣ. Сочиненія ихъ, по предварительномъ исправленіи помощникомъ руководителя курсовъ, разбирались на вечернихъ урокахъ, при чемъ были объясняемы главнѣйшія грамматическія правила, какъ въ научномъ отношеніи, такъ и со стороны практическаго ихъ примѣненія. Всѣхъ подобныхъ уроковъ по русскому языку въ теченіи съѣзда, начиная съ 6-го іюля по 10-е августа, дано было 16. По славянскому языку слушатели и слушательницы были ознакомлены на вечернихъ занятіяхъ съ употребительнѣйшими оборотами этого языка и формами рѣчи, какъ, напримѣръ, съ дательнымъ самостоятельнымъ падежемъ, съ передачею его на русскій языкъ, съ формами двойственнаго числа, съ нѣкоторыми формами спряженія славянскихъ глаголовъ (напримѣръ, быти), со склоненіемъ личныхъ мѣстоименій и т. п. По ариметикѣ, въ виду слабой подготовки учителей и учительницъ, изложена была инспекторомъ значительная часть курса этой науки, именно до десятичныхъ дробей, при чемъ показаны были удобопримѣнимые способы выкладки дѣйствій умственно, письменно

и на счетахъ; уроковъ по ариметикѣ, продолжительностію отъ $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ часовъ, было 8. По педагогикѣ инспекторомъ, между прочимъ, выяснено было, что воспитаніе должно идти рука объ руку съ обученіемъ и что въ основѣ ихъ должны лежать убѣжденія нравственно-религіозныя, что вспыльчивость и негодованіе крайне вредны въ воспитательномъ дѣлѣ. Затѣмъ, слушатели и слушательницы были ознакомлены и съ важнѣйшими руководствами по педагогикѣ, каковы: Очеркъ практической педагогики *Диттеса*, Наука о воспитаніи *Тимошенко*, Руководство къ начальному обученію въ народныхъ школахъ и Начальная школа барона *Корфа* и др. Всѣхъ уроковъ по педагогикѣ, продолжительностію отъ $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ часовъ, было 6. По русской исторіи были разсказаны главнѣйшіе факты отъ основанія Руси до Александра I, и къ этому присоединено изложеніе знаменательнѣйшихъ событій нынѣшняго славнаго царствованія; всѣхъ уроковъ по исторіи было 5. По географіи сообщены были г. Ломбергомъ свѣдѣнія преимущественно изъ географіи математической и Россіи. Нѣмѣмъ, какъ съ дѣтьми, такъ и съ наставниками, занимался учитель Вознесенской двухклассной школы, Славинъ. Кромѣ того, на вечернихъ занятіяхъ разобраны были нѣкоторыя статьи изъ первой учебной книжки *Паульсона* и составлена сообща инструкція учителямъ народныхъ училищъ Вологодской губерніи.

Почти всѣ прибывшіе на съѣздъ оставались до конца занятій, кромѣ нѣсколькихъ, которымъ и были выданы надлежащія свидѣтельства. Чтобы, по возвращеніи домой, преподаватели могли продолжать дѣло, начатое на съѣздѣ, имъ розданы были книги, заготовленные на счетъ суммъ мѣстнаго земства. Книги эти слѣдующія: Родное Слово *Ушинскаго*; Книга для учащихся, его же, части I и II; Способъ обученія по первой учебной книгѣ *Паульсона*; Книга для чтенія *Водовозова*; Книга для учителей, его же, и Ариметическій задачникъ *Томаса*.

Закрывая съѣздъ 16-го августа, инспекторъ обратился къ слушателямъ и слушательницамъ съ слѣдующею рѣчью:

„Настоящимъ днемъ заканчиваются занятія наши на съѣздѣ. Любовь, усердіе и терпѣніе, съ которыми вы трудились, не мало радовали меня и служатъ ручательствомъ, что и по возвращеніи на мѣста своихъ жительствъ вы постоянно будете восполнять самообразованіемъ пробѣлы вашихъ знаній и постараетесь привить въ школахъ начала преподаванія, указанныя вамъ мною и моимъ сотрудникомъ, не щадившимъ, какъ вы видѣли, усилій, чтобы оказать мнѣ помощь. Не

далеко, кажется, то время, когда мы отрывали занятія наши по сѣзду и когда я въ немногихъ словахъ высказалъ вамъ цѣль нашего собранія. Въ трудахъ и занятіяхъ время прошло незамѣтно, и я увѣренъ, о чемъ и получалъ уже заявленія, что каждый изъ васъ готовъ былъ бы продлить нашу общую бесѣду. На это скажу: если бы мы пробывли вмѣстѣ еще нѣсколько недѣль, то и тогда работа наша не была бы окончена. Въ виду этого, долгъ каждаго изъ васъ—не останавливаться на преподанномъ и сообщенномъ здѣсь, а дома продолжать начатое, чтобы я, мои сотрудники, да и вы сами могли сказать, что время не потрачено было нами даромъ, что посѣянное сѣмя принесло добрый плодъ. Сочту себя вполне счастливымъ, если, посѣтивъ ваши школы, найду ихъ въ болѣе удовлетворительномъ состояніи. Итакъ, да поможетъ вамъ Богъ продолжать ваше высокое призваніе, какъ истиннымъ сынамъ церкви, вѣрнымъ подданнымъ возлюбленнаго нашего Монарха, честнымъ и добрымъ гражданамъ и педагогамъ, съ твердою надеждою, что вашъ трудъ благотворно отзовется на вѣрнѣйшихъ вашему попеченію дѣтяхъ“.

Таковы были занятія на учительскомъ сѣздѣ въ Сольвычегодскѣ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ они видоизмѣняются: такъ, напримѣръ, на лѣтнихъ курсахъ при *Чертковской* земской учительской семинаріи проектировались въ нынѣшнемъ году экскурсіи съ учителями въ горы, поля, лѣса и на озера, для ознакомленія ихъ съ приемами изученія родиноуводѣнія и отечествоуводѣнія; иногда знающія лица преподають новѣйшіе способы обученія хорошему пѣнію.

Въ прошедшемъ же году одною изъ важныхъ мѣръ, принятыхъ для улучшенія учебнаго дѣла въ Кубанской области, было устройство, при содѣйствіи наказнаго атамана мѣстныхъ войскъ, при мѣстной учительской семинаріи сѣзда начальныхъ учителей и учительницъ. Собралось на этотъ сѣздъ 20 учителей, 3 учительницы и одна кандидатка на учительскую должность, всего 24 лица. Занятія, подъ руководствомъ директора семинаріи и при содѣйствіи инспектора народныхъ училищъ, имѣли преимущественно учебный характеръ, то-есть, цѣлью ихъ было не столько педагогическое совѣщаніе, сколько ознакомленіе, по мѣрѣ возможности, получившихъ весьма скудную научную подготовку наставниковъ съ главными основаніями педагогики, съ существенными правилами воспитанія и обученія и съ методикою преподаванія предметовъ, входящихъ въ элементарный курсъ. Въ виду дос-

тиженія этой цѣли, съѣздъ находился въ сборѣ три мѣсяца, въ теченіе конхъ для него устроены были при семинаріи особыя курсы, преподаваніе въ конхъ взяли на себя директоръ и два учителя семинаріи.

При посѣщеніи Кубанской семинаріи, г. попечитель Кавказскаго учебнаго округа въ теченіи нѣсколькихъ дней слѣдилъ внимательнѣе за занятіями собравшихся преподавателей и пришелъ къ убѣжденію, что именно отъ съѣздовъ и курсовъ можно ожидать наибольшей въ настоящее время пользы для нашей начальной школы. Хотя теперь повсемѣстно въ Имперіи открываются учительскія семинаріи, но пройдетъ еще десятокъ лѣтъ или болѣе, пока эти семинаріи будутъ въ состояніи подготовить учителей даже для половины существующихъ уже народныхъ школъ; а число школъ, конечно, будетъ увеличиваться ежегодно и такимъ образомъ большинству ихъ по необходимости придется довольствоваться преподавателями, лишенными специальной подготовки.

Собравшіеся на съѣздъ народные учителя Кубанской области, въ теченіе трехмѣсячныхъ занятій при семинаріи, не только пополнили свои скудныя свѣдѣнія, но, подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ, и сами испытали свои силы въ обученіи по новымъ раціональнымъ методамъ въ находящихся при семинаріи образцовой и практической школахъ. Благодаря просвѣщенному содѣйствію наказнаго атамана, дапо было имъ и матеріальное пособіе, а именно: каждый изъ учителей, участвовавшихъ на съѣздѣ, снабженъ былъ изъ суммы, для сего назначенной, маленькою бібліотекою изъ самонужнѣйшихъ, по избранію педагогическаго совѣта семинаріи, руководствъ, какъ-то: сочиненіями *Ушинскаго*, барона *Корфа*, *Паульсона*, ариметикою *Грубе* и начатками школьнаго обученія *Дистервега*.

Почти на такихъ же основаніяхъ и въ тоже самое время, при содѣйствіи Ставропольскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ Ставрополѣ происходилъ учительскій съѣздъ, въ которомъ приняли участіе 48 учителей и 16 учительницъ. Для практическихъ его занятій Ставропольскій епископъ *Германъ* предоставилъ учрежденную имъ на архіерейскомъ дворѣ начальную школу и для бѣднѣйшихъ изъ собравшихся учителей приказалъ отвести квартиры въ церковныхъ домахъ. Съѣздъ продолжался съ 1-го сентября по 1-е октября 1872 года и занятіями его руководилъ мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ, г. *Грушевскій*. Присутствуя лично и на этомъ съѣздѣ, г. попечитель учебнаго округа съ особеннымъ удо-

вольствіемъ видѣлъ дѣятельное участіе въ немъ учительницъ, число которыхъ въ Ставропольской губерніи возрастаетъ ежегодно и которыя приобрѣли такое довѣріе мѣстныхъ сельчанъ, что общества сами просятъ инспектора о назначеніи къ нимъ не учителей, а учительницъ. Сочувствіе къ этому съѣзду оказано было не только мѣстными властями, но и всею Ставропольскою публикою: зала съѣзда была переполнена сторонними посѣтителями, которыхъ, по донесенію инспектора, пребывало въ ней одновременно до 500 человѣкъ.

Съѣздъ учителей устроенъ былъ и въ *Кутаисской губерніи*. Это было совершенно новое дѣло для тамошнихъ туземцевъ, а потому можно было опасаться, что оно встрѣчено будетъ населеніемъ недовѣрчиво, вслѣдствіе чего инспекторъ счелъ необходимымъ собрать вначалѣ только народныхъ учителей Озургетскаго уѣзда. Выборъ этотъ сдѣлавъ былъ на томъ основаніи, что, во первыхъ, училища въ означенномъ уѣздѣ болѣе чѣмъ въ остальныхъ содержатся сельскими обществами, во вторыхъ, что жители его особенно сочувствуютъ своимъ школамъ, и въ третьихъ, что въ немъ и теперь уже находится до 20 училищъ, изъ которыхъ два или даже три поставлены очень хорошо. Съѣздъ собрался при Озургетскомъ уѣздномъ училищѣ въ маѣ 1872 года, и участвовало въ немъ всего только 15 учителей. Изъ нихъ 5 получили начальное образованіе въ казенныхъ школахъ, а потому оказались нѣсколько развитыми и достаточно знающими по-русски, 6 весьма слабо знакомыми съ русскимъ языкомъ, — остальные же 3 вовсе не знали его, такъ что изъ 15 человѣкъ только 7 могли принять дѣятельное участіе въ занятіяхъ съѣзда, которымъ руководилъ инспекторъ; прочіе же оставались по большей части пассивными зрителями. Впрочемъ, и для послѣднихъ съѣздъ принесъ отчасти пользу: болѣе или менѣе они сознали свои недостатки и изъявили намѣреніе впредь вести дѣло иначе, — по крайней мѣрѣ примѣнительно къ грузинскому языку, такъ какъ многіе изъ нихъ только этимъ и ограничиваютъ свою учительскую дѣятельность; инспекторъ, при послѣдовавшемъ осмотрѣ тѣхъ школъ, учителя коихъ участвовали на съѣздѣ, въ 8 селеніяхъ замѣтилъ, что жители гораздо довѣрчивѣе относятся къ этимъ лицамъ. Вообще убѣжденіе въ необходимости учительскихъ съѣздовъ на Кавказѣ господствуетъ повсемѣстно. Такъ, начальникъ Терской области въ 1871 и 1872 годахъ распорядился собирать станичныхъ учителей во Владикавказѣ на пе-

дагогическіе курсы, руководителями которыхъ были бывшіе воспитанники Александровской учительской школы (учительскій институтъ), а нынѣ учителя школы общества возстановленія христіанства, Бигасвъ и Чилонъ.

Наконецъ представляемъ слѣдующія, заимствованныя нами изъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (№ 218 сего 1873 года), свѣдѣнія еще объ одномъ съѣздѣ, открывшемся 7-го августа въ помѣщеніи С.-Петербургской земской учительской школы. При открытіи этого съѣзда, устроеннаго Петербургскимъ земствомъ, присутствовали: предсѣдатель управы баронъ *П. Л. Корфъ*, нѣкоторые члены земства, депутатъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, директоръ Новгородской учительской семинаріи, нѣсколько преподавателей Петербургской земской школы. Народныхъ учителей и учительницъ собралось около 100 человекъ. Устраивая съѣздъ, земство призвало къ участию въ немъ не всѣхъ народныхъ учителей, а только тѣхъ, которые успѣли заявить себя съ хорошей стороны и доказать на дѣлѣ, что обладаютъ до нѣкоторой степени какъ теоретическою, такъ и практической подготовкой. Съѣздъ открылся рѣчью предсѣдателя *И. Ѡ. Рашевскаго*, инспектора бывшихъ андреевскихъ курсовъ и директора теперешней земской учительской школы. Г. Рашевскій, указавъ на то нравственное вліяніе, которое можетъ оказать толковный учитель народпой школы на окружающую его среду, сказалъ, что дѣло самого земства можетъ только въ такомъ случаѣ пойти хорошо, если просвѣщеніе проникнетъ въ массу народа, и пригласилъ присутствующихъ учителей и учительницъ способствовать этому распространенію просвѣщенія не фразами, а дѣломъ,—трудиться на общую пользу въ той увѣренности, что честный трудъ нигдѣ и никогда не пропадаетъ. Учитель, сказалъ г. Рашевскій, долженъ смотрѣть на свое дѣло прежде всего здраво; онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ считать себя жертвой, такъ какъ для каждаго, избирающаго ту или другую карьеру, какъ входъ въ нее, такъ и выходъ изъ нея свободны. Поэтому отъ собравшихся на съѣздѣ учителей и учительницъ слѣдуетъ ожидать не сѣтованій на свою судьбу, а дѣятельнаго обмѣна мыслей по вопросамъ, касающимся нашей народпой школы. Затѣмъ приступлено было къ распредѣленію работъ. Такъ какъ на прошлогоднемъ съѣздѣ собравшіеся занимались обсужденіемъ методовъ обученія чтенію, нагляднаго обученія и дѣленія учениковъ на группы, то, по утвержденной министерствомъ программѣ, теперь стояло на очереди обученіе письму,

арметикѣ, пѣнію, что, впрочемъ, не должно исключать ни возможности вернуться къ вопросамъ предыдущаго съѣзда, ни возможности обсуждать такіе вопросы, которые имѣютъ общій интересъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Нѣкоторые изъ народныхъ учителей взяли на себя трудъ представить рефераты, а именно: г. *Корнеевъ* прочитаетъ о письменныхъ упражненіяхъ и объяснительномъ чтеніи, г. *Александревъ* — о классной дисциплинѣ, г. *Цытковъ* — о руководствахъ и учебныхъ пособияхъ, г. *Аврамовъ* — о причинахъ неудовлетворительности нашихъ сельскихъ школъ, г. *Добромисловъ* — объ обученіи письму, гг. *Мирославовъ* и *Петропавловскій* — о пѣніи, г. *Абрамовъ* — объ обученіи счисленію.

Эти рефераты были очень интересны и содержали много ценнаго матеріала. Особенно замечательны были рефераты г. *Абрамовъ* и г. *Добромисловъ*. Г. *Абрамовъ* указалъ на причины неудовлетворительности нашихъ сельскихъ школъ, а именно: на недостаточность средствъ, на недостаточность подготовленности учителей, на недостаточность интереса къ школьному дѣлу со стороны общества и государства. Г. *Добромисловъ* указалъ на необходимость обученія письму, а именно: на то, что письмо необходимо для того, чтобы получить возможность поступить въ высшія учебныя заведенія, а также и для того, чтобы иметь возможность вести переписку, а также и для того, чтобы иметь возможность вести торговлю. Г. *Добромисловъ* указалъ также на необходимость обученія письму в сельскихъ школахъ, а именно: на то, что письмо необходимо для того, чтобы иметь возможность вести переписку, а также и для того, чтобы иметь возможность вести торговлю. Г. *Добромисловъ* указалъ также на необходимость обученія письму в сельскихъ школахъ, а именно: на то, что письмо необходимо для того, чтобы иметь возможность вести переписку, а также и для того, чтобы иметь возможность вести торговлю.

еще по поводу отзывов иностранной печати о нашей учебной реформѣ.

Мы уже имѣли случай ¹⁾ познакомить читателей съ отзывами иностранныхъ публицистовъ и педагоговъ о Высочайше утвержденномъ 15-го мая 1872 года уставѣ нашихъ реальныхъ училищъ. Въ настоящее время мы встрѣчамъ въ „Preussische Jahrbuecher“ (III, 1873) статью, посвященную тому же предмету; и такъ какъ упомянутое периодическое изданіе, выходящее подъ редакціею двухъ извѣстныхъ профессоровъ, гг. Трейчке и Варенпфепнига, пользуется почетною и вполне заслуженною извѣстностью, то считаемъ несправедливымъ пройти молчаніемъ высказанныя въ немъ мнѣнія.

„Въ прошломъ году“, такъ начинается означенная статья, „часто упоминалось въ нашихъ газетахъ о распрѣ, возникшей въ Россіи и имѣвшей приверженцевъ даже въ высшихъ сферахъ, по поводу вопроса: однѣ ли гимназіи, или гимназіи и реальныя школы вмѣстѣ, должны готовить молодыхъ людей къ должностямъ на государственной службѣ, слѣдуетъ ли предоставить право поступленія въ университеты безразлично гимназистамъ и воспитанникамъ реальныхъ училищъ? Рѣшительное слово въ этомъ спорѣ было произнесено Высочайшимъ указомъ, который, во всѣхъ своихъ частяхъ, и въ педагогической, и въ матеріальной, обнаруживаетъ великую заботливость объ интересахъ народнаго просвѣщенія, основательное знакомство съ дѣломъ, вѣрную оцѣнку и тщательное соображеніе потребностей различныхъ классовъ общества. 15-го мая 1872 года уставъ реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія былъ Высочайше утвержденъ Государемъ Императоромъ, и этимъ самымъ положенъ былъ конецъ школьной организаціи, извѣстной до того времени подъ названіемъ реальныхъ гимназій; Высочайшимъ повелѣ-

¹⁾ См. ноябрьскую книжку 1872 года.

ніемъ предоставлено было министру преобразовать, съ начала 18^{72/73} учебнаго года, означенныя гимназіи въ реальныя училища". — „Proussische Jahrbuecher“ подробно излагаютъ уставъ 15-го мая 1872 года и вслѣдъ затѣмъ говорятъ: „Весь учебный планъ вполне соотвѣтствуетъ понятію о реальной школѣ. Такъ какъ училище состоитъ изъ шести классовъ и такъ какъ въ низшіи изъ этихъ классовъ принимаются дѣти не моложе 10, и не старше 13-лѣтняго возраста, то учебный курсъ можетъ быть, какъ нельзя лучше, усвоенъ молодымъ человѣкомъ къ тому времени, когда онъ достигаетъ подлежащаго физическаго и умственнаго развитія для практической дѣятельности. Планъ, о которомъ мы говоримъ, никакъ нельзя упрекнуть, между прочимъ, въ многопредметности: естественныя науки отнесены въ немъ къ высшимъ классамъ, гдѣ со стороны молодыхъ людей встрѣчается несравненно болѣе серьезности и понятливости, чтобы овладѣть ими; а если вспомнимъ, что у насъ заставляютъ заниматься этими науками 11 и 12-лѣтнихъ мальчиковъ, то нельзя не сознаться, что русскія реальныя училища имѣютъ рѣшительное преимущество предъ нашими. Для новѣйшихъ языковъ отведено въ нихъ также весьма достаточно времени, не такъ какъ у насъ въ реальныхъ школахъ перваго разряда. Не менѣе достойно вниманія требованіе, чтобы все обученіе происходило концентрически, то-есть, такимъ образомъ, чтобы съ переходомъ изъ класса въ классъ постоянно расширялись приобретаемыя свѣдѣнія. Другое достоинство новаго устава заключается въ томъ, что онъ не упускаетъ изъ виду требованій практической дѣятельности, что русскія реальныя школы имѣютъ назначеніемъ готовить молодыхъ людей къ торговымъ, механико-техническимъ и химико-техническимъ занятіямъ и вслѣдствіе того, насколько не вредя интересамъ общаго образованія, служатъ спеціальными школами, открываютъ молодежи путь въ высшія спеціальныя заведенія. Наши реальныя училища никогда не могли избѣжать печальныхъ крайностей: въ прошломъ столѣтіи они уже слишкомъ преслѣдовали практическія цѣли, не давали своимъ воспитанникамъ почти никакого общаго образованія, а теперь (замѣчаніе это относится къ училищамъ перваго разряда) не въ состояніи приготовить ихъ надлежащимъ образомъ для практической дѣятельности уже потому, что курсъ ихъ слишкомъ продолжителенъ, что они удерживаютъ молодыхъ людей въ своихъ стѣнахъ гораздо долѣе, чѣмъ слѣдуетъ“.

„Proussische Jahrbuecher“ ожидаютъ самыхъ плодотворныхъ результатовъ отъ реальныхъ училищъ въ Россіи и съ тѣмъ болѣе

грустнымъ чувствомъ обращаются они къ реальнымъ же учебнымъ заведеніямъ 1-го разряда въ Пруссіи. Въ настоящее время вѣтъ тамъ никого, кто былъ бы доволенъ ихъ организаціею, и особенно сильно ропщутъ противъ нихъ приверженцы реализма; види, что высшіе классы этихъ школъ остаются пусты, что лишь весьма ничтожное число воспитанниковъ оканчиваютъ полный курсъ, они думаютъ, что столь печальное положеніе дѣлъ измѣнилось бы, если бы эти молодые люди могли, на одинаковомъ основаніи съ гимназистами, поступать въ университеты. Но наиболѣе дальновидные изъ реалистовъ не поддаются подобному оболъщенію. Вотъ что говоритъ объ этомъ, между прочимъ, въ своей брошюрѣ: „Realismus und Realschulen“, д-ръ Бруннеманъ, директоръ реального училища 1-го разряда въ Эльбингѣ: „Особенная опасность, по моему мнѣнію, грозитъ нашей высшей реальной школѣ со стороны близорукихъ ея друзей, которые убѣждены, что эта школа совершенно сравняется съ гимназіями, если оканчивающимъ въ ней курсъ будетъ предоставлено право заниматься въ университетахъ изученіемъ медицины, естественныхъ и другихъ наукъ. Они не хотятъ видѣть, что въ такомъ случаѣ реальныя училища удалились бы отъ своей настоящей дѣли и сдѣлались бы гимназіями низшаго разряда. Какъ не повторить при этомъ извѣстное изреченіе: „Боже, спаси меня отъ моихъ друзей, а съ врагами я самъ какъ-нибудь справлюсь“. Домогательства этихъ „близорукихъ друзей“, какъ называетъ ихъ д-ръ Бруннеманъ, отчасти увѣнчались успѣхомъ. Распоряженіемъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія (фонъ-Мюлера) отъ 7-го декабря 1870 года абитуриентамъ реальныхъ училищъ 1-го разряда было разрѣшено слушать въ университетахъ лекціи новѣйшихъ языковъ, математики и естественныхъ наукъ,—но съ весьма существенною оговоркою, а именно, чтобы эти молодые люди были допускаемы вполнѣдствіи къ учительскимъ должностямъ лишь въ реальныхъ и высшихъ *Buergerschulen*, и притомъ, чтобы при замѣщеніи упомянутыхъ должностей по новѣйшимъ языкамъ отдаваемо было предпочтеніе лицамъ, получившимъ гимназическое образованіе. „Мы не сомнѣваемся, говорятъ „*Preussische Jahrbuecher*“, что эта мѣра должна принести вредъ прежде всего самимъ реальнымъ училищамъ 1-го разряда: 1) при теперешней своей организациіи они не въ состояніи готовить такихъ учителей новѣйшихъ языковъ, которые удовлетворяли бы всѣмъ законнымъ требованіямъ, а потому будутъ вынуждены измѣнить свой учебный планъ, то-есть, какъ можно болѣе согласовать его съ гимназическимъ, что не соотвѣтствуетъ ихъ на-

значенію; 2) хотя часто приходится намъ слышать, что лишь тогда реальныя школы будутъ имѣть хорошихъ наставниковъ, когда эти наставники будутъ проходить въ юности чрезъ упомянутыя заведенія, но если бы эта мысль осуществилась, то реальныя училища сильно потерпѣли бы отъ того. И дѣйствительно, всѣ воили о томъ, что трудно составить изъ людей, обязанныхъ своимъ образованіемъ гимназіи, хорошую корпорацію преподавателей для реальныхъ училищъ 1-го разряда, свидѣлствуютъ только о крайне незавидномъ положеніи этихъ школъ. Намъ говорить, что подобныя преподаватели не охотно трудятся въ реальныхъ училищахъ, что они съ жадностью хватаются за всякій удобный случай перейти въ гимназію. Это дѣйствительно такъ, но почему? Каждый учитель съ любовью занимается преподаваніемъ тамъ, гдѣ онъ видитъ, что старанія его увѣличиваются желаннымъ успѣхомъ; онъ не откажется отъ преподаванія даже въ такихъ школахъ, которыя ограничиваются лишь сообщеніемъ свѣдѣній, необходимыхъ для практической дѣятельности, но нельзя отрицать, что въ реальное училище 1-го разряда онъ идетъ неохотно. Это было замѣчено еще въ 1868 году, когда реалисты только что начинали свою агитацію, и съ тѣхъ поръ положеніе дѣлъ нисколько не измѣнилось къ лучшему. Объясненіе упомянутаго явленія пужно искать въ учебномъ планѣ реального училища 1-го разряда. Латинскому языку онъ отводитъ наиболѣе видное мѣсто; для занятій этимъ языкомъ назначено самое большее, сравнительно съ другими предметами, число уроковъ и между тѣмъ преподаватель латинскаго языка, не смотря на всѣ свои старанія, убѣждается на каждомъ шагѣ, что онъ толчетъ воду въ ступѣ. Въ весьма непродолжительномъ времени замѣчаетъ онъ, что работаетъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, что имѣетъ онъ дѣло съ молодежью, которая нисколько не интересуется латынью, усваиваетъ себѣ кое-какъ лишь главныя основанія этого языка, но вскорѣ забываетъ ихъ, такъ что въ высшемъ классѣ она не надѣется получить такія же отмѣтки, какія имѣла въ низшемъ. А между тѣмъ въ высшихъ классахъ постепенно уменьшается число уроковъ, назначенныхъ для латинскаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ охладѣваетъ рвеніе учениковъ и бодрость учителя. Отнюдь не лучше поставлены и новѣйшіе языки: преподаватель, напримѣръ, французскаго языка обязанъ стремиться къ болѣшимъ результатамъ, тѣмъ требуется въ гимназіи, но не можетъ исполнить этого вслѣдствіе недостаточнаго числа уроковъ; самостоятельныя упражненія въ примѣ (то-есть, въ высшемъ классѣ) убѣждаютъ его, что онъ сдѣлалъ очень

мало, что успѣхи молодыхъ людей въ значительномъ большинствѣ плохи (in der ueberwiegenden Mehrzahl sind stuempferhaft). Англійскій языкъ, изученіе коего начинается съ терція (только 4 урока), идетъ столь же неудовлетворительно. Все это доказываетъ, что четырехъ языковъ, съ совершенно одинаковыми требованіями, слишкомъ много для школы; что ни въ одномъ изъ нихъ молодежь не достигаетъ желанныхъ успѣховъ; что поверхностное изученіе латинской грамматики оказываетъ гибельное вліяніе на изученіе новѣйшихъ языковъ, для усвоенія коихъ молодые люди лишены такимъ образомъ самой прочной основы. Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ языкѣ нѣмецкомъ и даже о математикѣ, для которой въ реальномъ училищѣ 1-го разряда отведено, кажется, достаточно мѣста: умственное развитіе учениковъ страдаетъ отъ чрезмѣрной многопредметности. Есть-ли же какая нибудь возможность помочь этому злу привлеченіемъ въ упомянутыя школы учителей, которые первоначально оканчивали бы въ нихъ курсъ наукъ?—Нѣтъ, ибо самая организація ихъ не нормальна. Вотъ почему министерское распоряженіе 7-го декабря 1870 года не встрѣтило никакой пощады (keine Gnade gefunden) со стороны вполне компетентныхъ людей, понимающихъ, что требуется для основательнаго математика, естествоиспытателя или знатока новѣйшихъ языковъ. Профессоръ Мецнеръ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ филологовъ, утверждаетъ въ рѣчи своей, произнесенной 26-го октября прошлаго года при открытіи Берлинской академіи, что гимназическое образованіе, знакомство съ древнею филологіею и философіею, должно служить основой для изученія филологіи новѣйшей. Въ прошломъ же году, на съѣздѣ естествоиспытателей въ Лейпцигѣ, одинъ изъ корифеевъ медицинской науки, великій физиологъ Лудвигъ выразилъ желаніе, чтобы ничего не было измѣняемо въ существующемъ нынѣ способѣ подготовки естествоиспытателей, математиковъ и врачей. Слова его такъ убѣдительно и краснорѣчивы, что мы не можемъ отказывать себѣ въ удовольствіи привести ихъ здѣсь: „Чѣмъ возвышеннѣе то радостное чувство, съ которымъ слѣдимъ мы за успѣхами естествовѣдѣнія, тѣмъ болѣе тревожную заботливость возбуждаетъ въ насъ его будущность. Мы страшимся, чтобы стремленіе къ богатству и къ матеріальнымъ выгодамъ, служившее доселѣ двигателемъ умственной дѣятельности, не породило и у насъ тѣхъ же самыхъ явленій, которыя замѣчаются у другихъ народовъ, опередившихъ насъ въ развитіи индустріи. Уголь и соль, эти непримиримые враги всякаго идеализма, угрожаютъ намъ опасностями, которыя едва ли можно пре-

одолѣть тѣмъ соображеніемъ, что если наука лишится своей самостоятельности, то и индустрія придетъ въ упадокъ: источникъ той силы, которая можетъ въ этомъ случаѣ оказать непреодолимый отпоръ, должно искать тамъ же, гдѣ мы черпали ее для руководившаго нами доселѣ прогресса, а именно—въ области образованія, заставляющаго умъ сосредоточиваться и въ самомъ себѣ находить удовлетвореніе. Побѣда обезпечена за нами до тѣхъ поръ, пока наше юношество, не увлекаясь такъ называемою житейскою мудростью, будетъ развиваться въ общеніи съ духовными сокровищами, которыя были накоплены для нея цѣлымъ рядомъ поколѣній отъ Гомера до Гёте, отъ Фукидида до Ранке и Момзена. Къ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ воспитываются наши дѣти, преимущественно къ гимназіямъ, слѣдуетъ обращаться съ увѣщаніемъ, чтобы какъ можно осмотрительнѣе избирали они почву, на которой развивается характеръ ученика, чтобы какъ можно искуснѣе избирали они матеріалъ, которымъ долженъ овладѣть его умъ. На нашихъ глазахъ уже пытаются ослабить связь, соединяющую теперешнее молодое поколѣніе съ гуманистическими науками, но дай Богъ, чтобы она никогда не порывалась! Мы, врачи, пользовались доселѣ завиднымъ преимуществомъ получать равноѣрно классическое и реальное образованіе и не смотря на новый законъ (министерское распоряженіе 7-го декабря 1870 года) никогда не откажемся отъ того положенія, которое было завоевано для насъ Эразмомъ и Рейхлиномъ“....

Статья „Preussische Jahrbuecher“ весьма убѣдительно доказываетъ, что въ Пруссіи вопросъ о реальныхъ училищахъ по прежнему остается нерѣшеннымъ и что училища эти продолжаютъ влечить весьма незавидное существованіе. Агитація въ ихъ пользу,—агитація, въ которой, изъ педагоговъ, участвуютъ только директора и преподаватели этихъ заведеній,—не прекращается и это очень понятно, ибо они не могутъ оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ находились до сихъ поръ. Въ 1871 году происходилъ съѣздъ директоровъ и учителей упомянутыхъ училищъ въ Эльберфельдѣ, въ 1872 году въ Дюссельдорфѣ и въ томъ же году въ Эйзенахѣ, но что же было выработано на этихъ совѣщаніяхъ? Многіе желали бы совершенно вытѣснить латинскій языкъ изъ реальныхъ школъ 1-го разряда и на главномъ мѣстѣ въ учебномъ планѣ поставить естественнѣдѣніе; но такіе преобразователи имѣютъ противъ себя авторитетъ самыхъ знаменитыхъ специалистовъ, да и правительство, даже во время управленія г. фонъ-Милера, отнюдь не поддавалось на подобныя эксперименты. Въ

1868 году, уполномоченный его, при обсужденіи этого вопроса комиссіею палаты депутатовъ, заявилъ, что „необычайные успѣхи въ области научной медицины и находящихся въ связи съ нею отраслей естествовѣдѣнія убѣдительно доказываютъ, что вѣрнѣйшій путь для изученія означенныхъ наукъ есть путь гимназическій“. Другіе реформаторы желали бы между всѣми учебными предметами реальныхъ училищъ 1-го разряда отдать предпочтеніе отечественному и новѣйшимъ языкамъ; но любопытно, что мысль эта встрѣчаетъ противодействие въ средѣ самихъ наставниковъ упомянутыхъ училищъ, со стороны тѣхъ изъ нихъ, которые получили серьезное филологическое образование. Они вполне держатся на этотъ счетъ мнѣнія профессора Мецнера, которое приведено выше. Словомъ, всѣ эти противорѣчія свидѣлствуютъ только, что прусскія реальныя училища 1-го разряда ждут кореннаго преобразования и что они выступаютъ на вѣрную дорогу лишь тогда, когда отважатся отъ невозможныхъ для нихъ попытокъ соперничать съ гимназіями. „Съ этой стороны, говоритъ „Preussische Jahrbuecher“, уставъ русскихъ реальныхъ училищъ можетъ служить намъ исходною точкою для уясненія тѣхъ стремленій, которыя были преслѣдуемы реальными школами Пруссіи въ теченіи послѣднихъ лѣтъ“.

на и в других случаях, когда он не может быть применен к делу, и в таких случаях он должен быть отменен. В противном случае он будет считаться недействительным. В некоторых случаях он может быть применен к делу, но только в том случае, если он не противоречит закону. В противном случае он будет считаться недействительным. В некоторых случаях он может быть применен к делу, но только в том случае, если он не противоречит закону. В противном случае он будет считаться недействительным.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

19/22 августа 1873 года.

Министръ народнаго просвѣщенія ежегодно предсѣдательствуетъ у насъ въ двухъ торжественныхъ собраніяхъ—въ собраніи ученыхъ обществъ, о которомъ мнѣ уже приходилось вамъ говорить, и при раздачѣ наградъ на общемъ конкурсѣ между парижскими и версальскими лицами,—и онъ пользуется каждымъ изъ этихъ случаевъ для произнесенія болѣе или менѣе знаменательныхъ рѣчей. Недавно происходила послѣдняя изъ упомянутыхъ мною церемоній. Прежде, чѣмъ описывать ее, я долженъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ средствахъ, къ которымъ прибѣгаютъ наши лица, чтобы поддерживать соревнованіе между своими воспитанниками. Еженедѣльно задаются молодымъ людямъ „сочиненія“ (compositions)—технической терминъ,—по различнымъ предметамъ учебнаго курса. Они обязаны написать разсужденіе, или сдѣлать переводъ изъ древняго писателя, въ опредѣленный срокъ (отъ 2 до 3 часовъ) подъ наблюденіемъ профессора и не могутъ имѣть при себѣ никакихъ пособій, кромѣ латинскихъ или греческихъ словарей. Всѣ остальные книги строго запрещены, ибо требуется отъ ученика вполнѣ самостоятельная работа. Какъ скоро „сочиненія“ окончены, они вручаются профессору, который исправляетъ ихъ и на каждомъ ставитъ отмѣтки, а чрезъ недѣлю дѣлается пересадка (on donne les places), то-есть, профессоръ, въ присутствіи провизора и цензора заведенія, размѣщаетъ учениковъ въ классѣ по ихъ успѣхамъ. Всѣ сочиненія—письменные, за исключеніемъ такъ называемаго *shénoïre* (чтеніе внизу отрывковъ изъ классическихъ писателей). Два первые ученика получаютъ особыя награды. Ежегодно, 28-го января, устраиваются въ лицахъ банкеты въ честь учениковъ, которые, по крайней мѣрѣ, по одному разу были *первыми* или по три раза *вторыми* за свои сочиненія,—и они особенно дорожатъ по-

добнымъ поощреніемъ. Упомянутое число (28-го января) избрано для лицейскаго торжества потому, что въ этотъ день католическая церковь празднуетъ память Карла Великаго, который, по общему убѣжденію, первый положилъ основы классическаго образованія во Франціи.

Подъ конецъ перваго академическаго семестра (продолжающагося отъ октября до апрѣля), предъ наступленіемъ Пасхи, происходитъ въ каждомъ изъ лицеевъ раздача наградъ (по большей части произведеній классическихъ писателей). Двѣ главнѣйшія награды, такъ называемыя *prix d'excellence*, назначаются ученикамъ, особенно отличившимся своими сочиненіями по различнымъ предметамъ, и кромѣ того выдается нѣсколько похвальныхъ отзывовъ (*accessit*). Все это происходитъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, безъ всякой торжественной обстановки и безъ участія публики; но другое дѣло, когда наступать конецъ учебнаго семестра. Профессора составляютъ списки учениковъ, получившихъ награды, и имена этихъ отличившихся молодыхъ людей провозглашаются въ присутствіи ихъ родителей, знакомыхъ и мѣстныхъ властей. Это очень важное событіе въ годичной жизни нашихъ лицеевъ: обыкновенно министръ назначаетъ какихъ-либо важныхъ официальныхъ лицъ, чтобы предсѣдательствовать на подобныхъ торжествахъ, при открытіи коихъ произносится рѣчь тѣмъ или другимъ изъ профессоровъ, — рѣчь, подвергаемая предварительно на обсужденіе мѣстнаго академическаго совѣта. Нѣмецкія гимназій издають, подъ конецъ академическаго года, такъ называемыя программы, въ которыхъ, кромѣ обычнаго отчета о годичныхъ занятіяхъ, помѣщаются также и филологическія изслѣдованія; по Французы особенно любятъ упражняться въ краснорѣчіи, а потому „рѣчь“ — необходимая принадлежность лицейскихъ празднествъ. Каждый изъ лицеевъ печатаетъ, подъ заглавіемъ *palmars*, списокъ всѣхъ удостоившихся наградъ воспитанниковъ и на ряду съ нимъ непременно всѣ рѣчи, произнесенныя по этому поводу, — сначала официальную рѣчь предсѣдательствовавшаго лица, содержащую въ себѣ отеческіе совѣты воспитанникамъ, затѣмъ рѣчи профессоровъ и наконецъ рѣчи юныхъ героевъ этихъ торжествъ.

Всѣ приготовления и обстановка, которыми сопровождается раздача наградъ, встрѣчаютъ не мало порицаній въ послѣднее время. „Если господствующій у насъ методъ преподаванія латинскаго языка“ говоритъ г. Бреаль, „имѣетъ главную цѣлью пріучить учениковъ писать упражненія безъ особеннаго труда и не изощряя ихъ умственныхъ способностей, то и наша система наградъ служатъ часто выш-

нимъ средствомъ, возбуждающимъ въ молодежи не охоту къ ученью, а только желаніе отличиться. Приучить дѣтей со страстью заниматься упражненіями, которыя сами по себѣ нисколько ихъ не интересуютъ—такова была задача іезуитовъ, заимствованная отъ нихъ университетомъ. Если современное намъ поколѣніе во Франціи не отличается избыткомъ безкорыстія; если даже честные люди настойчиво требуютъ награды за всякое дѣло, къ которому обязывалъ ихъ долгъ, и горько сѣтуютъ, когда эта награда не является; если прежній хорошій ученикъ завистливо слѣдитъ за успѣхами своихъ товарищей и соперниковъ, то вина этого не принадлежитъ ли въ значительной степени лицеямъ? Лицеи приучаютъ насъ разчитывать на поощреніе за малѣйшее усиліе съ нашей стороны и непрерывно сравнивать самихъ себя съ другими. Понятно, слѣдовательно, почему въ стѣнахъ этихъ учебныхъ заведеній находится много молодыхъ людей, которые съ большихъ рвеніемъ и охотою сочиняютъ латинскіе стихи и рѣчи, нисколько не пристрастившись къ латинскому языку, и почему это мнимое расположеніе къ классицизму совершенно исчезаетъ, вмѣстѣ съ послѣдними рукоплесканіями, тотчасъ по выходѣ изъ лицея. Никакая другая система не возбуждаетъ столь сильно самолюбіе. . . . Весьма дѣльные преподаватели оказываютъ поддержку этой вредной системѣ, расточая восторги и похвалы каждому, искусно составленному, сочиненію или стихамъ, а „ничто такъ не портитъ молодежь, какъ неуѣренныя похвалы,“ говоритъ Паскаль. Блестящіе воспитанники лицеевъ вступаютъ въ жизнь, уже пресытившись похвалами, — и послѣ такихъ почестей, чего имъ еще добиваться въ жизни? Они проникнуты убѣжденіемъ, что люди имѣютъ право на болѣе или менѣе высокое положеніе, сообразно личнымъ своимъ достоинствамъ, какъ будто общество—тотъ же лицей, и при встрѣчѣ съ дѣйствительностью имъ овладѣваетъ разочарованіе. Здравый смыслъ и добрыя природныя качества помогаютъ нѣкоторымъ изъ нихъ затануть это раздраженіе въ глубинѣ души; но очень часто бывший лавреатъ падаетъ духомъ и усваиваетъ себѣ чувство ненависти къ окружающему его обществу.

Эти строгія замѣчанія относятся еще съ большею справедливостію къ общему конкурсу парижскихъ и версальскихъ лицеевъ.

Педагогамъ нашимъ пришла мысль, что недостаточно поддерживать соревнованіе между учениками одного и того же лицея, и слѣдствие того установленъ былъ конкурсъ, на которомъ принимаютъ участіе, различные лицеи въ лицѣ своихъ лучшихъ воспитанниковъ. Въ прошломъ столѣтіи одинъ изъ парижскихъ канониковъ завѣщалъ

сумму для этого торжества, а впоследствии, когда университетъ былъ преобразованъ Наполеономъ I, оно пользуется содѣйствіемъ и покровительствомъ правительства. Всѣ классы, начиная съ IV-го, представляютъ въ Сорбонну по 6 учениковъ, отличающихся особенными успѣхами въ наукахъ. Ученики эти, подъ наблюденіемъ нарочно назначенныхъ для этого должностныхъ лицъ, пишутъ сочиненія на темы, присланныя изъ министерства и сохраняемыя до тѣхъ поръ въ непроницаемой тайнѣ; сочиненія поступаютъ затѣмъ на разсмотрѣніе специальныхъ комиссій, и чтобы отзывы о нихъ не могли быть заподозрѣны въ пристрастіи, воспитанники не подписываютъ своего имени, а выставляютъ только девизъ, а къ этому, подъ такимъ же девизомъ, прилагается конвертъ, въ которомъ обозначено имя писавшаго.

Вотъ тѣ учебные предметы, по которымъ выбираются темы для сочиненій: *Классъ специальной математики*: специальная математика, физика, химія, нѣмецкій и англійскій языки.—*Классъ философіи*: разсужденіе на французскомъ языкѣ о какомъ-либо философскомъ предметѣ; латинская диссертация; исторія, математика, физика и химія.—*Классъ элементарной математики*: тѣ же предметы, что и въ классѣ математики специальной, и кромѣ того латинскій переводъ, исторія и географія.—*Классъ реторики*: латинское сочиненіе (discours latin), французское сочиненіе, переводы съ латинскаго и греческаго языковъ, исторія и географія, геометрія, космографія, нѣмецкій и англійскій языки.—*Второй классъ*: разказъ по латыни, переводъ съ латинскаго и греческаго языковъ, исторія и географія, математика, естественная исторія, новѣйшіе языки.—*Третій классъ*: переводъ съ латинскаго и греческаго, исторія, географія, математика, нѣмецкій и англійскій языки.—*Четвертый классъ*: переводъ съ греческаго и латинскаго языковъ, исторія и географія, новѣйшіе языки, рисованіе.

Таково распредѣленіе учебныхъ предметовъ въ нашихъ лицеехъ,—но крайней мѣрѣ, выше указаны тѣ изъ нихъ, которые исключительно господствуютъ на общемъ конкурсѣ. Всякій разъ, когда министерство желаетъ возвысить изученіе какого-нибудь предмета, оно устанавливаетъ для него на конкурсѣ особую премію: такъ поступилъ, напримѣръ, г. Дюрюя, заботившійся о томъ, чтобы воспитанники болѣе ревностно занимались новѣйшими языками; а послѣ недавнихъ нашихъ бѣдствій сочтено было необходимымъ обратить вниманіе на географію и для нея возникла премія, которой прежде не существовало. Слѣдя за лѣтописями общаго конкурса, можно составить себѣ ясное понятіе о различныхъ направленіяхъ, господствовавшихъ въ на-

шемъ учебномъ вѣдомствѣ, и въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересенъ сборникъ: „*Concours généraux de l'Université depuis 1805 jusqu'à 1872*“, въ которомъ содержатся не только темы, но и главнѣйшія сочиненія, написанныя на нихъ лиценстами. Кромѣ того, много любопытныхъ подробностей находится въ книжкѣ, появившейся еще въ 1866 году: „*Histoire des lycées et collèges de Paris, par Victor Chauvin*“.

И въ глазахъ публики, и въ глазахъ учебнаго начальства, далеко не всѣ преміи, раздаваемые на конкурсахъ, имѣютъ одинаковую важность. Преміями почетными (*prix d'honneur*) считаются собственно только три, а именно преміи за специальную математику, за философское разсужденіе на французскомъ языкѣ и за латинскую рѣчь (*discours latin*); но и между ними послѣдняя считается самою важною, и все честолюбіе школьника направлено къ тому, чтобы получить ее. Съ преміями соединены весьма важныя преимущества: удостоившіеся ихъ освобождаются отъ конскрипціи, имѣютъ право безмездно слушать лекціи въ разныхъ факультетахъ и безмездно же держать тамъ экзаменъ. Списки всѣхъ воспитанниковъ, увѣнчанныхъ наградами за латинскую рѣчь, тщательно сохраняются съ 1747 года (когда впервые возникъ общій конкурсъ) до нашихъ дней и мы встрѣчаемъ въ немъ много именъ, пользовавшихся извѣстностью: въ 1749 году увѣнчанъ былъ Томасъ, авторъ „Петреиды“, въ 1755 — поэтъ Делиль, въ 1756 — критикъ Лагарпъ, въ 1803 — гуманистъ Ноде, въ 1805 — Викторъ Леклеркъ, впоследствии деканъ Сорбонны и одинъ изъ лучшихъ нашихъ гуманистовъ, въ 1810 — Викторъ Кузенъ, въ 1819 — Кювилье-Флѣри, одинъ изъ теперешнихъ редакторовъ *Journal des Debats*, въ 1847 — Тенъ и т. д.; но среди всѣхъ этихъ лицъ нѣтъ ни одного, который отличался бы истинною оригинальностью ума или глубокою ученостью.

Общій конкурсъ вызываетъ противъ себя порицанія еще болѣе строгія, чѣмъ тѣ, о которыхъ я упомянулъ сейчасъ. Утверждаютъ именно, что онъ не только не возбуждаетъ, но напротивъ, задерживаетъ умственное развитіе юношества, и въ упрекъ этому много справедливаго. Дѣло происходитъ у насъ такимъ образомъ: каждое изъ учебныхъ заведеній особенно старается о томъ, чтобы получить какъ можно болѣе наградъ и похвальныхъ отзывовъ (*accessit*) на конкурсахъ, ибо главнымъ образомъ этимъ условливается мнѣніе публики объ его достоинствахъ. По видимому и правительство вполне раздѣляетъ подобный взглядъ: по крайней мѣрѣ оно почти всегда награждаетъ орденъ почетнаго легіона того профессора, ученикъ котораго удо-

стоялся премія за латинскую рѣчь. Вслѣдствіе того лицей прибѣгаютъ къ различнымъ спекуляціямъ, жертвою коихъ служитъ воспитывающаяся въ ихъ стѣнахъ молодежь. Не рѣдко директоръ заведенія, поглощенный мыслью о завѣтной преміи, приучаетъ воспитанниковъ посвящать почти исключительное вниманіе составленію латинскихъ рѣчей и пренебрегать другими занятіями; нерѣдко преподаватель выбираетъ изъ цѣлаго класса четырехъ или пяти учениковъ, на которыхъ онъ особенно разчитываетъ, и занимается только съ ними, не заботясь вовсе объ ихъ товарищахъ. Ежегодно, въ октябрѣ мѣсяцѣ, предъ открытіемъ учебныхъ курсовъ, газеты наполняются объявленіями отъ различныхъ пансіоновъ о томъ, сколько наградъ и похвальныхъ отзывовъ досталось на долю ихъ учениковъ, — вѣрное средство приманить къ себѣ публику, которая не подозреваетъ, что награды эти приобретены слѣдующимъ путемъ: многіе изъ пансіоновъ воспитываютъ безмездно дѣтей бѣдныхъ родителей, — разумѣется, способныхъ и прилежныхъ, — съ тѣмъ условіемъ, чтобы они ревностно трудились надъ составленіемъ латинскихъ рѣчей, съ которыми связанъ вопросъ о главной преміи и слѣдовательно о репутаціи пансіона. Я лично знаю не мало добросовѣстныхъ преподавателей, требующихъ отъ себя общаго конкурса, ибо эта мѣра, по мнѣнію ихъ, приноситъ только вредъ, — и дѣйствительно, при господствѣ ея, недобросовѣстный преподаватель, посвящающій свои заботы и старанія лишь избраннымъ ученикамъ, въ ущербъ большинству, можетъ гораздо вѣрнѣе разчитывать на извѣстность и успѣхъ, чѣмъ его товарищи, честно и безкорыстно трудящіеся на пользу просвѣщенія.

Читатели ваши извинятъ меня, что я такъ долго останавливался на этомъ предметѣ, но онъ имѣетъ слишкомъ большую важность во французской учебной системѣ. Не только не помншаютъ у насъ объ отгѣпѣ общаго конкурса, но напротивъ, въ послѣднее время онъ былъ распространенъ и на провинціальныя лицей. На конкурсѣ нынѣшняго года особенно отличились лицей городовъ Ліона, Бордо и Каана. Мнѣ остается теперь сказать нѣсколько словъ о рѣчи г. министра народнаго просвѣщенія. Г. Батби уже имѣлъ случай, открывая засѣданія главнаго совѣта народнаго просвѣщенія, познакомить публику съ своими воззрѣніями, и теперь онъ развилъ ихъ еще съ большею подробностью. Въ самомъ началѣ министръ обратился къ воспитанникамъ съ совѣтомъ — не поддаваться оболъщеніямъ самолюбія, не гордиться эфемерными успѣхами, и затѣмъ весьма справедливо замѣтилъ, что цѣль лицейскаго образованія состоитъ не въ приобрѣ-

тени возможно бѣльшаго количества свѣдѣній, а въ приученіи къ труду и въ основательномъ развитіи ума. По этому поводу онъ счелъ долгомъ произнести похвалу стариннымъ методамъ преподаванія классическихъ языковъ, противъ которыхъ возставалъ г. Жюль-Симонъ. Привожу его слова буквально:

„Эти трудныя упражненія (то-есть, упражненія въ составленіи латинскихъ рѣчей и стиховъ) приучаютъ молодой умъ къ усидчивому и самостоятельному труду, къ строгой дисциплинѣ и дѣлаютъ его способнымъ вполне овладѣвать предметомъ: достоинство ихъ было испытано опытомъ, но къ сожалѣнію слабодушіе (*la molesse*) нашего вѣка пыталось отмѣнить ихъ, какъ бесполезный трудъ. .. Было ли бы лучше замѣнить столь благотворныя занятія обширнымъ чтеніемъ текстовъ, чтобы напечатлѣть въ юныхъ умахъ общее знакомство съ классическими произведеніями греческой и латинской литературы? Мы не сомнѣваемся, что это поверхностное (?) чтеніе, при которомъ умъ остается безучастнымъ, показалось бы болѣе привлекательнымъ, чѣмъ работа, требующая напряженія и усилій, но въ тоже время оно было бы гораздо менѣе плодотворно. Къ тому же, чрезъ нѣсколько лѣтъ, и оно въ свою очередь, сочтено было бы бесполезнымъ; и наши преемники, заботясь, подобно намъ, объ отстраненіи всего, что требуетъ внимательнаго труда, совершенно отмѣнили бы занятія древними языками подъ предлогомъ, будто они не соотвѣтствуютъ требованіямъ нашего времени! Будемъ же противодѣйствовать этому разрушительному направленію....“

Г. министръ народнаго просвѣщенія не принялъ на одного себя отвѣтственность за мѣры противъ реформъ г. Жюль-Симона. Не онъ порицаетъ эти реформы, а главный совѣтъ, высказавшійся противъ нихъ почти единогласно, и министръ является только исполнителемъ этого приговора. Изъ всѣхъ распоряженій его предшественника должны уцѣлѣть лишь тѣ, которыя имѣли цѣлью усилить въ лицахъ изученіе новѣйшихъ языковъ и гимнастическія упражненія. Изъ словъ теперешняго министра видно, что особая коммиссія занимается разсмотрѣніемъ программъ, а также наиболѣе рациональнымъ распределеніемъ учебныхъ предметовъ по классамъ: коммиссія эта состоитъ изъ высшихъ чиновъ вѣдомства народнаго просвѣщенія и провизоровъ нѣсколькихъ парижскихъ лицеевъ.

Въ настоящее же время идетъ рѣчь о томъ, чтобы измѣнить и расширить программу нормальной школы,—дѣло весьма серьезное, ибо нормальная школа доставляетъ учителей въ лицей, слѣдовательно

всякая касающаяся ее мѣра должна коснуться также и этихъ учебныхъ заведеній. Реформа состоитъ въ томъ, что высшее преподаваніе будетъ гораздо обширнѣе и что въ него войдутъ курсы эстетики и римскаго права. Вопросъ этотъ поступилъ на разсмотрѣніе комиссіи, состоящей изъ профессоровъ Сорбонны, школы правовѣдѣнія и членовъ академіи изящныхъ искусствъ и нельзя не пожелать, чтобы она высказалась въ пользу предполагаемаго нововведенія.

И на этотъ разъ мнѣ приходится окончить свое письмо некрологомъ. На дняхъ умеръ профессоръ Collége de France, Филаретъ Шаль, пользовавшійся большою извѣстностью и въ литературѣ, и въ педагогическомъ нашемъ мірѣ. Онъ родился въ 1798 году, получилъ первоначальное образованіе въ Англии и уже съ ранней молодости пристрастился къ сравнительному изученію литературъ. Въ 1827 году ему была присуждена премія Французской академіи за сочиненіе объ исторіи французской литературы въ XVI столѣтіи, а впоследствии онъ много писалъ о литературѣ нѣмецкой и англійской. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова тѣмъ, что Англичане называютъ reviewer. Многочисленныя его статьи были собраны въ нѣсколькихъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ этюдовъ. Г. Филаретъ Шаль принадлежалъ къ числу остроумнѣйшихъ и блестящихъ собесѣдниковъ и его лекціи всегда привлекали значительное число дамъ и иностранцевъ. Каеэдра, которую онъ занималъ въ Collége de France, носитъ названіе каеэдры языковъ и литературъ германскаго происхожденія (d'origine germanique). Не слѣдуетъ смѣшивать г. Филарета Шала съ его однофамильцемъ, г. Мишелемъ Шалемъ, извѣстнымъ математикомъ, и съ его сыномъ, Эмилемъ Шалемъ, который издастъ въ настоящее время курсы исторіи французской литературы.

Л. Л — рь.

Въ настоящее время въ Парижѣ и въ другихъ французскихъ городахъ распространены слухи о томъ, что правительство собирается ввести въ употребленіе новую систему преподаванія французскаго языка въ школахъ. По сообщенію одного изъ нашихъ корреспондентовъ, эта система будетъ состоять изъ того, что въ каждой школѣ будетъ назначенъ одинъ изъ учителей, который будетъ преподавать французскій языкъ, а остальные учителя будутъ преподавать другія предметы. Это, конечно, не есть нововведеніе, а только перемѣна ролей. Но въ то же время это есть нововведеніе, потому что до сихъ поръ французскій языкъ преподавался въ школахъ не только однимъ изъ учителей, но и матерью, и сестрами, и другими родственниками. Это, конечно, не есть нововведеніе, а только перемѣна ролей. Но въ то же время это есть нововведеніе, потому что до сихъ поръ французскій языкъ преподавался въ школахъ не только однимъ изъ учителей, но и матерью, и сестрами, и другими родственниками.

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. РОДОХЛИБА: „ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВЪ И АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОММИССІЯ ВЪ КІЕВѢ“¹⁾.

Такъ какъ статья г. Родохлиба касается кievскаго центрального архива, находящагося въ моемъ завѣдываніи, то я почелъ долгомъ, хотя и поздно, сказать нѣсколько словъ по ея поводу, чтобы возстановить истину фактовъ, служащихъ основаніемъ для выводовъ автора.

Прежде всего скажу, что авторъ несправедливо утверждаетъ, будто научное значеніе кievскаго центрального архива было совершенно невѣдомо для публики. Самъ же онъ говоритъ, что кievская археографическая комиссія оказала громадныя услуги исторической наукѣ, конечно, разумѣя труды этой комиссіи по изданію историческаго матеріала. Мы позволяемъ себѣ спросить: гдѣ болѣе всего черпала она свои матеріалы? Отвѣчаемъ—въ историческихъ актахъ кievскаго центрального архива. — Почему же автору угодно утверждать о какой-то китайской отчужденности кievскаго архива? Мы смѣло говоримъ во всеуслышаніе, что кievскій архивъ открытъ для всѣхъ, желающихъ трудиться на пользу исторической науки, и въ этомъ отношеніи безупречно исполняетъ свою задачу.

Но г. Родохлибъ старается игнорировать изданіе въ свѣтъ историческихъ документовъ архива, и предполагаетъ извлечь изъ него единственную научную пользу составленіемъ *учеными* описей. Для этого онъ проектируетъ соединить кievскій архивъ съ кievскою археографическою комиссіею; тогда только, по его мнѣнію, „описи получатъ значеніе серьезныхъ ученыхъ трудовъ“. Чтобы доказать свою мысль, авторъ прибѣгаетъ къ финансовымъ разчетамъ, которые оказываются

1) Статья г. Родохлиба напечатана въ февральской книжкѣ нашего журнала за минувшій годъ. *Ред.*

очень невѣрными. Онъ полагаетъ, что за печать и наборъ петитомъ (которымъ печатаются теперь описи) нужно будетъ платить только 11 рублей съ печатнаго листа: плата слишкомъ уменьшенная; теперь архивъ платить за это, съ брошюровкой, 19 руб. 50 коп. Авторъ пропускаетъ далѣе расходъ на обзаведеніе архива при передачѣ его въ археографическую комиссію: нынѣшніе шкафы архива, которыхъ нельзя перенести безъ ломки, — таково ихъ устройство, — стоили въ пятидесятихъ годахъ 2.000 руб. Потомъ потребуется особая плата за помѣщеніе архива, и по кievскимъ цѣнамъ на квартиры, не менѣе 1.000 или 1.200 рублей въ годъ, потому что кievская археографическая комиссія имѣетъ наемное помѣщеніе. Упущенъ также расходъ на отопленіе новаго помѣщенія архива. Послѣ этого спрашивается: можно ли признать вѣрность цифры 1,585 руб., нужной будто бы въ видѣ прибавки къ нынѣшнему штатному содержанию архива при передачѣ его въ вѣдѣніе археографической комиссіи? Но если вникнуть въ дѣло поглубже, то отырываются еще новыя расходы. Г. Родохлибъ говоритъ, что, съ подчиненіемъ архивныхъ работъ комиссіи, дѣятельность ея въ значительной степени расширится. Такъ сказано въ одномъ мѣстѣ статьи, а въ другомъ авторъ съ сожалѣніемъ указываетъ на то, что нѣкоторые члены петербургской и виленской комиссій пользуются довольно *солиднымъ содержаніемъ* отъ казны. Слѣдовательно, мы наталкиваемся на новый расходъ, который авторъ почему-то не обозначилъ опредѣленною цифрой, а только намекомъ на *солидное содержаніе*.

Особенно страннымъ намъ кажется мнѣніе г. Родохлиба, что съ прибавкой составителямъ описей всего по 25 руб. по листовъ платы, и стоимость описи каждой книги обойдется въ 12 разъ дешевле; и дѣло составленія описей, и притомъ ученыхъ, пойдетъ въ 10 разъ скорѣе. Вольнопаемные составители описей получаютъ теперь платы по 650 руб. въ годъ, слѣдовательно, съ прибавкой каждому по 500 рублей за 10 печатныхъ листовъ, по разчету г. Родохлиба, работа должна удесятериться. Такъ ли это? Мы думаемъ, что 1.150 руб., назначаемыхъ авторомъ, какъ общее количество содержанія составителямъ описей, не могутъ имѣть такого магическаго вліянія. Нынѣ описями занимаются лица, не получившія высшаго образованія; они же, или подобныя имъ лица, будутъ при этомъ дѣлать и въ комиссіи, если дѣло поставить такъ, какъ желательно г. Родохлибу. Людей, получившихъ университетское образованіе, дѣйствительно ученыхъ и трудолюбивыхъ, на такое содержаніе трудно отыскать, предполагая,

что составленіе описей будетъ для нихъ исключительнымъ запятіемъ, дающимъ средства къ жизни. Оттого намъ и непонятно, какимъ образомъ работа съ полнстною платой удешевится; не понимаемъ также, почему такія лица, безъ ученаго образованія, стануть составлять описи, имѣющія значеніе серіозныхъ ученыхъ трудовъ (sic)!

По нашему мнѣнію, составленіе ученыхъ описей не зависитъ отъ одной полнстной 25-рублевой платы, а отъ умноженія у насъ дѣйствительно ученыхъ силъ, трудящихся не только изъ за денегъ, но также изъ любви къ ученому труду. Мы полагаемъ бы, что прежде всего слѣдуетъ позаботиться о составленіи краткихъ описей всего архива, какъ и требуетъ дѣйствующій законъ. Для описей ученыхъ, обнимающихъ собою все содержаніе архива, то-есть, 5.882 актовыхъ книгъ ¹⁾ и 454.979 отдѣльныхъ документовъ, нужны, при теперешнемъ положеніи нашихъ ученыхъ силъ, большіе расходы, а главное, можетъ оказаться недостатокъ въ людяхъ. Г. Родохлибъ напрасно утверждаетъ, что краткія описи служатъ только для канцелярскихъ справокъ: при помощи составленныхъ къ нимъ указателей, равно какъ и сами по себѣ, онѣ безспорно послужатъ пособіемъ и для ученаго изыскателя. Да и много ли найдется въ Европѣ архивовъ, составившихъ и издавшихъ въ свѣтъ ученые описи, обнимающія всю массу собраннаго въ нихъ матеріала? Наконецъ, можно спросить, слѣдуетъ ли правительству на счетъ государственной казны составлять и издавать въ свѣтъ ученые описи всѣхъ архивовъ, представляющихъ ученый интересъ?

Что касается соединенія кievскаго архива (почему только кievскаго?) съ археографическою комиссіей, то мы на это отвѣтимъ: почему сама кievская комиссія находится не въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и не состоитъ при университетѣ, подобно Императорскому обществу исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ, столь много послужившему дѣлу исторической науки? До сихъ поръ кievская комиссія черпала свои ученые силы главнымъ образомъ изъ среды ученаго университетскаго сословія. Мы говоримъ о профессорахъ Кievскаго университета: Н. Д. Иванишевѣ и В. В. Антоновичѣ. Они, можно сказать, были главными дѣятелями археографическихъ работъ комиссіи. Самое существованіе комиссіи только временное, вызванное особымъ положеніемъ

¹⁾ Не мало найдется книгъ, содержащихъ въ себѣ болѣе 2.000 страницъ.

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

къ важному дѣлу, которое имъ ввѣрено. Можно сказать съ полною увѣренностью, что чѣмъ сильнѣе въ преподавателѣ научный духъ, научныя стремленія, тѣмъ успѣшнѣе и плодотворнѣе его преподаваніе, ибо тѣмъ легче и скорѣе онъ восполнить тѣ познанія, которыхъ ему недоставало бы, тѣмъ большія усилія употребить онъ на передачу своихъ познаній своимъ ученикамъ и на усовершенствованіе самихъ способовъ этой передачи и тѣмъ вѣрнѣе возбудитъ въ своихъ ученикахъ охоту къ изученію своего предмета. Такимъ образомъ успѣшность преподаванія древнихъ языковъ, а слѣдовательно, и успѣхъ нынѣшней учебной реформы въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ поддержанія и возбужденія научныхъ стремленій въ нашихъ преподавателяхъ древнихъ языковъ.

Съ другой стороны для всякаго, сколько нибудь знакомаго съ дѣломъ, очевидно, что область классической филологіи, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, весьма мало разработана у насъ въ Россіи: даже изъ учебныхъ руководствъ и учебныхъ пособій, необходимыхъ для самихъ учениковъ, какія имѣются на русскомъ языкѣ, большая часть представляютъ собою простой и не всегда удачный переводъ съ иностранныхъ подлинниковъ, и потому весьма мало приурочены къ особенностямъ русскаго языка и къ потребностямъ нашего учащагося юношества; въ пособіяхъ же, какія необходимы для самихъ преподавателей, оказывается почти полный недостатокъ на русскомъ языкѣ, и притомъ не только въ самостоятельныхъ, но даже и въ переводныхъ сочиненіяхъ: пособій этихъ почти не существуетъ не только въ полной, систематической обработкѣ, но даже и въ видѣ матеріаловъ для такой обработки, въ видѣ отдѣльныхъ статей, замѣтокъ, очерковъ и т. д., посвященныхъ какому-либо отдѣльному предмету изъ области классической филологіи; и хотя *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, со времени своего преобразованія въ 1867 году, никогда не отказывался отъ печатанія подобнаго рода статей, тѣмъ не менѣе появленіе ихъ въ немъ было болѣе или менѣе рѣдко и случайно, такъ что у насъ въ періодической печати до сихъ поръ нѣтъ и не было даже и органа, который служилъ бы постоянно и систематически интересамъ классической филологіи, съ одной стороны возбуждая знатоковъ и любителей оной къ учено-литературной дѣятельности, а съ другой—обогащая нашу ученую литературу трудами по этой части и сообщая труженикамъ на этомъ поприщѣ необходимыя или интересныя для нихъ слѣдствія. Издававшійся въ началѣ пятидесятихъ годовъ профессоромъ Московскаго университета, П. М.

Леонтьевымъ, сборникъ по классической древности — *Пропилеи*, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не былъ, во первыхъ, періодическимъ изданіемъ; вовторыхъ, онъ имѣлъ въ виду интересы болѣе обширной публики, и наконецъ, и этотъ въ высшей степени полезный сборникъ прекратился по случайнымъ причинамъ, оставивъ по себѣ пробѣлъ, не восполненный въ продолженіе почти цѣлаго двадцатилѣтія.

Мудрено ли, что при такомъ состояніи нашей ученой литературы по части классической филологіи, преподаватели наши, особенно въ болѣе отдаленныхъ частяхъ Россіи, или же недостаточно знакомые съ грѣцкимъ и другими новыми иностранными языками, истрѣчаютъ почти непреодолимые затрудненія въ своихъ научныхъ и даже въ своихъ преподавательскихъ занятіяхъ; тѣ же изъ нихъ, которымъ было бы чѣмъ подѣлиться съ своими собратьями по наукѣ, безмолвствуютъ за неимѣніемъ печатнаго органа для обнародованія своихъ трудовъ. Что же касается до публики, то любознательность ея, со времени прекращенія *Пропилеевъ*, ничѣмъ почти не привлекалась къ этой богатѣйшей и прекраснѣйшей области человѣческихъ знаній, и она до такой степени къ ней охладѣла, что оставляетъ почти безъ вниманія и тѣ немногіе труды по этой части, какіе еще изрѣдка у насъ появляются.

Такимъ образомъ, кромѣ возбужденія научной дѣятельности въ самихъ преподавателяхъ древнихъ языковъ, крайне необходимаго для успѣшности самаго ихъ преподаванія, существованіе періодическаго изданія, посвященнаго всей области классической филологіи, можетъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовать обогащенію нашей ученой литературы по этой части и, открывая нѣкоторый просторъ для учено-литературной дѣятельности лицъ, занимающихся у насъ древними языками и древностью, давъ имъ возможность общенія между собою и съ публикою, можетъ мало по малу вызвать къ жизни и болѣе обширные труды какъ ученые, такъ и учебные, отсутствіе которыхъ не можетъ, въ свою очередь, не затруднять успѣшности преподаванія древнихъ языковъ.

Руководствуясь этими и подобными соображеніями и усматривая, однако же, недостатокъ въ средствахъ для основанія самостоятельнаго органа классической филологіи, нѣкоторые изъ директоровъ гимназій, профессоровъ и другихъ преподавателей древнихъ языковъ въ Петербургѣ, вошли въ соглашеніе съ редакціей *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, которая, вполне сочувствуя вышеизложеннымъ видамъ, испросила разрѣшенія г. министра народнаго про-

свѣщенія на то, чтобы теперь же открыть при *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* постоянный отдѣлъ, подъ именемъ отдѣла классической филологіи, удѣляя ему ежемѣсячно до пяти печатныхъ листовъ, такъ чтобы этотъ отдѣлъ, имѣя свою особую пагинацію, составилъ въ теченіе года два тома, каждый изъ 30 печатныхъ листовъ.

Въ составъ этого отдѣла могутъ входить нижеслѣдующія статьи:

1) Статьи, посвященныя разработкѣ какихъ-либо отдѣльныхъ вопросовъ грамматики греческой и латинской, примѣнительно къ русскому языку, или и наоборотъ посвященныя разработкѣ особенностей русскаго языка сравнительно съ языками греческимъ и латинскимъ. Только совокупными усилиями всѣхъ преподавателей древнихъ языковъ, только съ помощью множества отдѣльныхъ замѣтокъ, мало по малу греческая и латинская грамматика, особенно же синтаксисъ того и другаго языка, могутъ быть разработаны самостоятельно, въ полномъ соотвѣтствіи съ особенностями русскаго языка и съ потребностями какъ русскихъ ученыхъ, такъ и русскаго учащагося юношества.

2) Статьи, посвященныя какъ критикѣ текста, такъ и толкованію отдѣльныхъ мѣстъ или отдѣльныхъ главъ, частей сочиненій, небольшихъ стихотвореній и т. д. древнихъ классическихъ авторовъ, при чемъ можетъ быть сообщаемъ и переводъ ихъ на русскій языкъ. При этомъ само собою разумѣется, что подобное толкованіе можетъ относиться къ тѣмъ мѣстамъ и частямъ сочиненій и цѣлымъ сочиненіямъ, которыя или представляютъ особенныя трудности, или, по мнѣнію автора, не вполне или недостаточно доселѣ разъяснены, или же могутъ получить лучшее разъясненіе при помощи русскаго языка. Переводы съ греческаго или латинскаго на русскій могутъ быть помѣщаемы лишь въ томъ случаѣ, если они представляютъ собою что-либо цѣльное, но не слишкомъ обширны, и притомъ отличаются и близостью къ подлиннику, и большимъ литературнымъ достоинствомъ. По возможности они должны быть также снабжаемы надлежащими толкованіями.

3) Очерки изъ исторіи греческой и римской литературы, посвященные или жизнеописанію и характеристикѣ отдѣльныхъ авторовъ на основаніи точнаго изученія ихъ твореній, или отдѣльнымъ эпохамъ и періодамъ той и другой литературы.

4) Статьи, относящіяся къ греческой и римской мѣологіи сравнительно съ мѣологіей и повѣрьями другихъ народовъ, въ особенности же славянскихъ.

5) Статьи, относящіяся къ археологіи и исторіи древняго искусства.

6) Статьи, относящіяся къ греческимъ и римскимъ древностямъ— государственнымъ, богослужебнымъ и частнымъ, при чемъ желательно, чтобы особенно имѣлись въ виду авторы, читаемые въ гимназіяхъ и университетахъ.

7) Статьи, относящіяся къ отдѣльнымъ событіямъ, эпохамъ и періодамъ греческой и римской исторіи и основаннымъ на изученіи источниковъ.

8) Статьи, относящіяся къ исторіи изученія древнихъ языковъ, ихъ литературы и вообще классической древности, и біографіи знаменитѣйшихъ ученыхъ по этой части. При этомъ особенно желательно сообщеніе матеріаловъ, относящихся къ исторіи изученія древнихъ языковъ, ихъ литературы и вообще классической древности у Славянскихъ племенъ вообще и въ Россіи въ особенности. Хотя исторія этой отрасли знаній въ Россіи и не богата фактами, но тѣмъ болѣе желательно, чтобы эти факты были собраны, разъяснены и оцѣнены. Такъ, между прочимъ, еще въ XVIII столѣтіи появлялось въ Россіи не мало самостоятельныхъ переводовъ древнихъ авторовъ, изъ коихъ нѣкоторые отличаются высокимъ достоинствомъ и всѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны современныхъ русскихъ филологовъ и должны быть спасены отъ забвенія. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія нѣкоторые изъ первоклассныхъ русскихъ писателей воспроизводили нѣкоторыя изъ поэтическихъ произведеній древности въ художественныхъ переводахъ или въ близкомъ подражаніи подлинникамъ. На тѣхъ изъ современныхъ намъ ученыхъ, которые преимущественно занимаются тѣмъ или другимъ древнимъ авторомъ, лежала бы, кажется, прямая обязанность собрать, что было сдѣлано по каждому изъ нихъ въ прежнее время въ Россіи, и прежде всего разъяснить, не имѣется ли для нѣкоторыхъ изъ нихъ древнихъ рукописей въ нашихъ бібліотекахъ, особенно же въ Московской синодальной, и буде имѣются, въ точности съ ними ознакомить своихъ собратьевъ, и если нужно, то и издать ихъ; далѣе указать, какія были прежде изданія, какія сочиненія были издаваемы въ разъясненіе древнихъ авторовъ, какіе изъ нихъ и какъ были переведены, при чемъ переводы и подражанія слѣдовало бы сличать съ подлинниками, и т. д. Такимъ образомъ мало по малу были бы собраны матеріалы для исторіи изученія въ Россіи древнихъ языковъ и ихъ литературы, — исторіи, не богатой, какъ выше сказано? фактами, но

тѣмъ болѣе дорогой для всякаго Русскаго, который твердо вѣрить въ болѣе блестящую будущность этой отрасли знаній въ Россіи.

9) Въ связи съ предыдущимъ, а также и отдѣльно, въ отдѣлѣ классической филологіи при *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* могли бы найдти себѣ мѣсто обзоры учебныхъ руководствъ и пособій по части классической филологіи, когда-либо появлявшихся, а также и нынѣ еще обращающихся въ Россіи: грамматикъ, упражненій на грамматическія правила, словарей, изданій авторовъ, отдѣльно каждаго, хрестоматій и проч., со всѣми библиографическими указаніями и біографическими свѣдѣніями объ ихъ составителяхъ и издателяхъ, и съ выводами о томъ, что и какъ должно бы быть сдѣлано въ настоящее время.

10) Рецензіи ученыхъ и учебныхъ сочиненій и всякаго рода изданій по части классической филологіи, вновь появляющихся въ Россіи.

11) Обзоръ замѣчательнѣйшихъ новыхъ явленій въ области иностранной ученой и учебной литературы по части классической филологіи.

12) Обзоръ новѣйшихъ археологическихъ изысканій и открытій въ Россіи и за границей.

13) Свѣдѣнія и извѣстія о предпринятыхъ русскими учеными трудахъ по части классической филологіи, на основаніи собственныхъ ихъ сообщеній, при чемъ было бы весьма желательно, чтобы каждый изъ авторовъ обстоятельно сообщалъ не только, что имъ задумано и уже сдѣлано, но и планъ своего сочиненія или изданія, и тѣ основныя положенія, которыми онъ руководствовался. Сообщенія эти желательно имѣть уже въ то время, когда часть труда готова и авторъ въ состояніи приблизительно опредѣлить время, когда весь трудъ или та часть его, которая предполагается въ изданію отдѣльно, будутъ окончены. Подобныя сообщенія были бы въ высшей степени полезны и для самихъ авторовъ, и для всей нашей учебной и ученой литературы, уже и въ томъ отношеніи, что они могли бы предотвратить напрасную трату времени и силъ: поле дѣятельности чрезвычайно обширно, а дѣятелей у насъ очень еще немного; не желательно, чтобы они брались за одно и то же дѣло и такимъ образомъ стѣсняли другъ друга излишнею конкуренціей, тогда какъ для каждаго могъ бы найтись свой обширный, соответствующій собственнымъ его склонностямъ и силамъ, кругъ учено- и учебно-литературной дѣятельности. Сверхъ того, заявленіе плана какого-либо предпринятаго изданія могло бы вызывать, со стороны другихъ знатоковъ, замѣтки, которыми

могъ бы еще воспользоваться авторъ для усовершенствованія своего труда.

14) Наконецъ, въ отдѣлѣ классической филологіи могли бы найти себѣ мѣсто и всѣ статьи относительно способовъ и приемовъ преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, относительно внѣшнихъ и внутреннихъ условій, необходимыхъ для большей успѣшности этого дѣла, относительно учебнаго плана и программъ преподаванія древнихъ языковъ, замѣтки и наблюденія относительно достигаемыхъ преподаваніемъ результатовъ въ отдѣльныхъ классахъ и т. д.

Статьи и замѣтки, подходящія къ вышеозначеннымъ категоріямъ, надлежитъ высылать въ С.-Петербургъ, въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, съ надписаніемъ на самой статьѣ, предъ заглавіемъ оной: „Въ отдѣлѣ классической филологіи“, и онѣ, буде окажутся соотвѣтствующими современнымъ учено-литературнымъ требованіямъ, будутъ помѣщаемы при первой возможности, съ высылкою на имя автора гонорара (до 48 рублей за печатный листъ), для чего на каждой статьѣ должны быть выставлены фамилія автора и мѣсто жительства; но по желанію автора, фамилія можетъ быть и не печатаема подъ статьєю.

Въ настоящее время уже имѣется въ редакціи довольно значительное число статей, предназначенныхъ ихъ авторами для „Отдѣла классической филологіи“, и печатаніе, замедлившееся вслѣдствіе случайныхъ причинъ до настоящей книжки, отнынѣ будетъ производиться непремѣнно; въ будущемъ редакція позволяетъ себѣ разчитывать на неослабное сочувствіе къ вышеизложеннымъ видамъ всѣхъ нашихъ дѣятелей по части классической филологіи.

матика. Что же касается до отрывковъ изъ Луцілія, встрѣчающихся у другихъ писателей, то и съ ними обращались тоже большею частію безъ надлежащей тщательности, и во многихъ случаяхъ не было разъяснено даже и самое чтеніе рукописей.

При такихъ-то обстоятельствахъ нельзя не удивляться изданію сочиненій Луцілія, сдѣланному въ Лейденѣ, въ 1597 году, голландскимъ ученымъ Францемъ Дузою (Douza), при помощи его отца Яна Дузы и Іосифа Скалигера. Не смотря на то, что Францъ Дуза часто вовсе не имѣлъ необходимыхъ пособій, и что его познанія въ древнелатинскомъ языкѣ и метрикѣ были недостаточны, онъ все-таки сумѣлъ устранить множество ошибокъ, такъ что многіе отрывки, до тѣхъ поръ не имѣвшіе смысла, появились вдругъ въ правильномъ видѣ и стали понятны. Конечно, Францъ Дуза, какъ молодой еще человѣкъ, въ этомъ случаѣ весьма многимъ былъ обязанъ своему отцу и Скалигеру, а равно и многочисленнымъ ученымъ, занимавшимся съ половины XVI вѣка изученіемъ авторовъ, предшествовавшихъ Цицерону, а именно Липсію, Турнебу, Гуліельмію, Юнію и др.; но во всякомъ случаѣ вышеупомянутое изданіе, въ послѣдствіи часто перепечатывавшееся, было въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій единственнымъ трудомъ, который могъ дать нѣкоторое понятіе объ отрывкахъ Луцілія. Разумѣется, и въ этомъ изданіи встрѣчаются большія ошибки. Такъ какъ текстъ большей части сочиненій тѣхъ авторовъ, въ которыхъ сохранились эти отрывки, въ то время былъ еще очень непадежно изданъ, а рукописныхъ пособій было у Дузы мало, то онъ часто оставлялъ у Луцілія очевидно искаженныя чтенія, или же пытался возстановлять текстъ безъ методической критики и при помощи самыхъ насильственныхъ догадокъ. Кромѣ того, въ это же изданіе вошли, съ одной стороны, нѣкоторые отрывки, не принадлежавшіе Луцілію, а съ другой—въ немъ недоставало такихъ, которые дѣйствительно принадлежатъ Луцілію. Наконецъ, нѣкоторые отрывки сдѣлались извѣстными изъ найденныхъ уже послѣ Дузы авторовъ.

Объ изданіяхъ Герлаха (Цюрихъ, 1846) и Корпе (Corpet; Парижъ, 1845) почти не стоить и упоминать, потому что, имѣя всѣ недостатки труда Дузы, эти изданія не имѣютъ его достоинствъ. Впрочемъ, изданіе Корпе сдѣлано нѣсколько тщательнѣе изданія Герлаха, которое, за исключеніемъ введенія, не имѣетъ никакого значенія.

Имѣя въ виду, что потребность въ новой обработкѣ отрывковъ этого автора, столь важнаго для древней латинской литературы, дѣлалась все болѣе и болѣе чувствительною, я рѣшился еще въ

1861 году приняты за этотъ трудъ. Хотя меня и страшила трудность задачи и отвлекали многія другія занятія, тѣмъ не менѣе, ободряемый Ричлемъ и другими филологами, я не отказался отъ своего намѣренія, и такимъ образомъ, въ концѣ прошлаго года (въ Лейпцигѣ, у Тейбнера), явилось въ свѣтъ мое изданіе Луцилія. Конечно, мнѣ не приходится судить о достоинствѣ тѣхъ догадокъ и объясненій, которыми я старался исправить и сдѣлать понятными испорченныя и темныя мѣста Луцилія; могу только сказать, что я употребилъ всевозможныя усилія, чтобы путемъ сравненія изданій и рукописей, которыми до сихъ поръ еще не пользовались, познакомить читателей съ первоначальнымъ чтеніемъ каждаго отрывка въ отдѣльности; ибо для того, чтобы съ успѣхомъ устранить искаженія въ древнихъ классическихкихъ текстахъ, методическая критика непремѣнно требуетъ начинать съ чтеній лучшихъ рукописей, или же, въ случаѣ потери ихъ, съ чтеній лучшихъ изданій, хотя бы эти изданія и заключали въ себѣ много ошибокъ; иначе же, полагая въ основаніе своихъ собственныхъ догадокъ догадки другихъ ученыхъ, почти невозможно восстановить правильный текстъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ ученыхъ, занимавшихся именно Луциліемъ, часто брались исправлять текстъ безъ всякаго знакомства съ рукописнымъ матеріаломъ. Съ благодарностью долженъ я здѣсь признать, что многіе ученые, какъ-то: Ричль, Гальмъ, Кейль, Герцъ, оказывали мнѣ самое дружественное содѣйствіе при собираніи этого матеріала.

Теперь да позволено мнѣ будетъ, на основаніи собственнаго моего изданія, сдѣлать возможно краткое изображеніе жизни и сочиненій Луцилія, какъ я себѣ ихъ представляю.

Гаій Луцилій родился въ городѣ Суессѣ, въ странѣ Аврунковъ, въ 574 году отъ основанія Рима (180 г. до Р. К.). Хотя Иеронимъ и относитъ его рожденіе къ 606 году и говоритъ, что онъ умеръ въ 652 году, на 46-мъ году своей жизни, но съ этимъ нельзя согласиться. Не привожу здѣсь другихъ основаній противъ подобнаго показанія, такъ какъ ихъ легко можно узнать изъ моего изданія, на которое я постоянно долженъ буду ссылаться (см. въ моемъ изд. стр. 288 и слѣд.),—а замѣчу только то, что сношенія Луцилія съ Сципіономъ Африканскимъ Младшимъ (который родился въ 569 году и умеръ въ 625 году) не были сношеніями мальчика съ зрѣлымъ мужемъ, но сообществомъ двухъ мужей, почти сверстниковъ, искусившихся въ жизни и наукѣ, что неоспоримо подтверждается отрывками Луцилія и всѣми другими извѣстными о дружественныхъ ихъ отноше-

ніяхъ. Едва ли Сципіонъ сталъ бы пользоваться указаніями мальчика относительно правильности и красоты латинской рѣчи; въ родѣ того, что пужно говорить „*perlaevus*“, а не „*perlitus*“. Далѣе совершенно невѣроятно, чтобы Луцилій, 14-ти или 15-ти лѣтъ отъ роду, уже служилъ подъ начальствомъ Сципіона, подъ Нуманціей. Такой разумный полководецъ, какъ Сципіонъ, конечно, не могъ употреблять въ дѣло какого-нибудь мальчика для восстановленія дисциплины въ войскѣ подъ Нуманціей, которое, вслѣдствіе неудачъ и потворства со стороны начальниковъ, совершенно деморализовалось; для этого Сципіону нужны были вполне энергическіе и храбрые мужи.

Вообще Иеронимъ, въ своихъ прибавленіяхъ къ хроникѣ Евсевія (которую онъ, какъ извѣстно, перевелъ на латинскій языкъ), нерѣдко обнаруживаетъ большую небрежность. Въ данномъ случаѣ ошибка его объясняется недоразумѣніемъ, происшедшимъ при пользованіи сочиненіемъ Светонія Транквила: „*de viris illustribus*“, изъ котораго онъ, какъ извѣстно, заимствовалъ большую часть данныхъ относящихся въ его хроникѣ къ римской литературѣ. Светоній относитъ годъ рожденія Луцилія къ консульству А. Постумія и Г. Калпурнія, которое Иеронимъ съ своей стороны смѣшалъ съ консульствомъ Спурия Постумія и Л. Калпурнія. Подобный же промахъ встрѣчается у него и при обозначеніи года рожденія поэта Катутла.

Впрочемъ, о дружественныхъ отношеніяхъ Луцилія къ Сципіону Младшему я буду говорить подробнѣе въ послѣдствіи; теперь же продолжаю жизнеописаніе поэта.

Луцилій происходилъ изъ зажиточнаго всадническаго семейства. Одинъ изъ его братьевъ, какъ кажется, былъ римскимъ сенаторомъ; да и самому Луцилію былъ открытъ доступъ къ почетнымъ должностямъ, такъ какъ онъ былъ хорошо знакомъ со многими знатными римскими мужами. Но чтобы пуститься по этой скользкой дорогѣ, для этого у него было слишкомъ мало честолюбія и слишкомъ много любви къ литературѣ и наукѣ. Онъ предпочелъ то „*otium cum dignitate*“, котораго такъ часто понапрасну желали себѣ Цицеронъ и другіе римскіе государственные люди. Однако Луцилій не забывалъ и обязанностей римскаго гражданина, какъ и вообще поэты лучшихъ временъ древности вовсе не были склонны пренебрежительно отвращаться отъ согражданъ и въ отчужденіи отъ жизни предаваться только своимъ занятіямъ. Луцилій безъ сомнѣнія прослужилъ въ военной службѣ законный срокъ и только потомъ совершенно посвятилъ себя музамъ, чему, какъ кажется, не мало содѣйствовало и

самое состояніе его здоровья, которое не всегда было вполне удовлетворительно; особенно же часто страдалъ онъ, повидимому, лихорадкою и головою болью. Только однажды, по просьбамъ своего друга Сципіона, отказался онъ отъ своего добровольнаго удаленія отъ дѣлъ,—это было въ 620 году, когда Сципіонъ, принявъ главное начальство надъ войскомъ, осаждавшимъ Нуманцію, долженъ былъ, вслѣдствіе нежеланія народа сдѣлать новый наборъ, набирать себѣ волонтеровъ, что, при большомъ числѣ друзей и клиентовъ, для него не было трудно. Изъ числа самыхъ способныхъ между ними онъ составилъ свой генеральный штабъ (*cohors praetoria*), и въ этомъ штабѣ находился и Луцилій, который, быть можетъ, уже и раньше служилъ въ Испаніи. Но, какъ сажется, Луцилій не оставался при Сципіонѣ до конца похода, такъ какъ нѣкоторые отрывки, касающіеся побѣдъ Сципіона, очевидно, писаны уже не подъ Нуманціей (XXVI, 45—47; XXX, 5—13). Вѣроятно, слабость здоровья не позволила ему участвовать до самаго конца въ этой столь трудной испанской войнѣ.

Остальную часть жизни Луцилій провелъ въ Римѣ, или по крайней мѣрѣ въ Италиі. Кажется, и онъ, подобно Горацию, любилъ сельскую жизнь; равнымъ образомъ и онъ заплатилъ дань тогда уже распространеннейшей модѣ осматривать достопримѣчательности другихъ странъ. Такъ, неизвѣстно когда, но во всякомъ случаѣ до 622 года, Луцилій съ однимъ изъ своихъ друзей предпринялъ путешествіе по южной Италиі, Сициліи и Липарскимъ островамъ, которое онъ столь живо описываетъ въ третьей книгѣ своей. Въ Римѣ у Луцилія былъ собственный хорошій домъ, служившій прежде мѣстопробываніемъ одному сирійскому принцу, находившемуся въ Римѣ въ качествѣ заложника. Женатъ Луцилій, повидимому, не былъ (ср. XXVI, 70) и также, повидимому не оставилъ никакого потомства. Мы знаемъ только, что дочь вышеупомянутаго его брата была матерью Помпея Великаго. Луцилій многими годами пережилъ своего друга Сципіона, такъ какъ онъ умеръ въ 652 году; скончался онъ въ Неаполѣ, но похороненъ, по всей вѣроятности, въ Римѣ, на казенный счетъ (*publico funere*), какъ свидѣтельствуеетъ Иеронимъ. Этимъ я заканчиваю жизнеописаніе Луцилія. Впрочемъ при изложеніи самого содержанія отдѣльных его сатиръ я буду имѣть случай по временамъ возвращаться и къ его судьбамъ.

Чтобы оцѣнить человека по достоинству, едва ли не самое лучшее — узнать, съ какими лицами онъ былъ въ дружескихъ или не-

пріязненныхъ отношеніяхъ. Особенно важенъ этотъ пріемъ при характеристикѣ такого поэта, сочиненія котораго, вѣрно выражавшія его мысли и дѣйствія, его любовь и ненависть, по несчастію, дошли до насъ въ отрывкахъ, отъ чего, конечно, во многомъ пострадало и самое изображеніе друзей и враговъ поэта. Чтобы помочь краткости, а иногда также неясности самыхъ отрывковъ и постороннихъ извѣстій объ упоминаемыхъ Луціемъ лицахъ, не было недостатка въ самыхъ разнообразныхъ и притомъ часто лишенныхъ всякаго основанія соображеніяхъ. Здѣсь я скажу о дружескихъ или враждебныхъ отношеніяхъ Луція на столько, на сколько это необходимо для уясненія его характера.

Съ именемъ Луція тѣсно связано имя Публия Корнелія Сципіона Эмилиана Младшаго Африканскаго, который, какъ и его дѣдъ по усыновленію, при всѣхъ тревогахъ военной и политической жизни Рима, не терялъ любви къ искусствамъ и наукамъ. Его отношенія къ Луцію напоминаютъ намъ дружбу старшаго Сципіона съ Эніемъ, но съ тѣмъ только различіемъ, что Луціей, какъ богатый римскій всадникъ, былъ совершенно независимъ по отношенію къ своему другу Сципіону. Основаніемъ для этой дружбы едва ли послужила политическая дѣятельность Сципіона (о которой писали многіе, въ томъ числѣ и Момзенъ во второмъ томѣ своей римской исторіи), хотя Луціей, по всему вѣроятію, и имѣлъ одинаковыя политическія убѣжденія съ Сципіономъ. Безъ сомнѣнія, оба они совнавали тѣ недуги, которыми страдало римское государство, главнымъ образомъ, по винѣ сената и оптиматовъ; но, подобно младшему Лелію, оба они боялись насильственныхъ переворотовъ, которыми грозили реформаціонныя попытки обоихъ Гракховъ. Такимъ образомъ, Луціей и Сципіонъ стояли между партій, или, на сколько это было возможно въ то время, выше партій. Но тѣмъ не менѣе эта непоколебимая дружба, которой они остались вѣрны въ теченіе всей своей жизни, повидимому, возникла и продолжалась вслѣдствіе ихъ частныхъ отношеній. Третьимъ въ этомъ кружкѣ былъ Гаій Лелій, по прозванію „Мудрый“. Всякій разъ, какъ Сципіонъ и Лелій искали отдыха отъ трудныхъ и неблагоприятныхъ государственныхъ дѣлъ и, по словамъ Цицерона (*de Oratore* II, 6), „въ сельскомъ уединеніи среди невинныхъ забавъ становились опять дѣтьми“, Луціей былъ въ средѣ ихъ, и тогда, за веселымъ пиромъ и играми, забывалась на время *gravitas Romana*. Кому незнакомо прекрасное описаніе Горація (*Sat.* II, 1, 71 и слѣд.):

quin ubi se a volgo et scaena in secreta remorant
 virtus Scipiadae et mitis, sapientia Laeli,
 pugari cum illo et discipuli ludere, donec
 decoqueretur olus, soliti...

Луцилій былъ неизмѣнно преданъ Циципіону: часто направлялъ онъ свои сатиры противъ личныхъ враговъ Циципіона (см. XI, 10; IX, 9); часто воспѣвалъ его военные подвиги, хотя и не въ качествѣ эпическаго поэта, какъ Энній, прославлявшій подвиги старшаго Циципіона; преимущественно же онъ изображалъ частную жизнь Циципіона (см. Порфиріона къ сат. Гор. II, 1, 16), его шутки и остроты (см. ex libris incertis 37). Весьма вѣроятно, что большая часть того, что мы читаемъ у Цицерона о частной жизни Циципіона и Лелія, взята изъ Луцилія. Но при всемъ томъ Луцилій и не щадилъ своего друга. До насъ дошелъ одинъ отрывокъ, въ которомъ онъ осмѣиваетъ пурризмъ Циципіоновской рѣчи (ex libris incertis 133); по всей вѣроятности, онъ говорилъ своему другу правду всегда и въ болѣе серьезныхъ вещахъ. Безъ сомнѣнія, изображеніе искренней дружбы между Циципіомъ, Леліемъ и Луциліемъ, если бы только оно сохранилось, было бы еще привлекательнѣе для насъ, нежели оставленный намъ Гораціемъ очеркъ собственныхъ его отношеній къ Меценату. Искренности въ дружескомъ кружкѣ нашего поэта было во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ въ дружескихъ отношеніяхъ Горація къ Меценату; замѣчательныхъ же случаевъ въ шутливомъ и серьезномъ родѣ было, безъ сомнѣнія, больше, вслѣдствіе какъ общественнаго положенія трехъ друзей, такъ и большей возбужденности общественной жизни въ Римѣ во время республики. Такъ какъ даже и политическіе враги Циципіона и Лелія никогда не осмѣивались набрасывать какую-нибудь тѣнь на ихъ нравственную репутацію, то отсюда можно заключать и о достоинствахъ характера ихъ общаго друга, Луцилія, который, какъ кажется, и самъ сравниваетъ себя (XIV, 14) съ старшимъ Катонемъ, такъ какъ и онъ, подобно Катону, своею ѣдкою критикой всегда преслѣдовалъ пороки, гдѣ бы ни находилъ его, потому именно, что его совѣсть была чиста. А что Луцилій дѣйствительно не былъ ни честолюбивъ, ни корыстолюбивъ, доказываютъ самая его жизнь и его сочиненія (см., напримѣръ, XXVI, 6 — 20). О простотѣ его образа жизни свидѣлствуютъ отрывки въ началѣ четвертой книги (1 — 10). Напримѣръ (2, 6):

o lapathe, ut iactare nec es sati' cognita' qui sis!
 Quod sumptum atque epulas victi praerponis honesto.

часть CLXVIX, отд. 5.

2

Конечно, если бы было основаніе упрекать его съ этой стороны, то и его также не пощадили бы, какъ въ послѣдствіи не щадили историка Саллюстія, которому справедливо ставили въ укоръ, что его строгія обличенія порока идутъ въ разрѣзъ съ его собственною жизнію; но что касается Луцилія, то среди многочисленныхъ о немъ извѣстій не сохранилось ни одного подобнаго сужденія. Впрочемъ, самъ онъ нисколько не щадилъ себя („dicitur vitam suam scripsisse et non sibi repercisse“. Асго къ Гор. Сат. II, 1, 30). Только безразсудства его въ половыхъ отношеніяхъ не могутъ подлежать сомнѣнію (см. напримѣръ VIII, 1—6; VII, 1—4); но и ихъ слѣдуетъ прежде всего поставить въ виду нравственнымъ понятіямъ, господствовавшимъ въ позднѣйшія времена древности.

Кромѣ уже вышеупомянутыхъ, еще и другіе знатнѣйшіе, ученѣйшіе и умнѣйшіе люди того времени были друзьями (см. на стр. 296 моего изданія) Луцилія, какъ, напримѣръ, извѣстный греческій философъ Клитмахъ, родомъ изъ Карфагена, сдѣлавшійся по смерти Карнеада главою академіи и посвятившій одно изъ своихъ сочиненій Луцилію. Поклоненіе греческой образованности и искусству и связи съ греческими учеными перешли какъ бы по наслѣдству отъ старшаго Сципіона къ младшему, а также и къ кружку послѣдняго.

Въ отрывкахъ Луцилія мы встрѣчаемъ весьма много нападокъ на знатныхъ и незнатныхъ современниковъ, но нигдѣ нельзя доказать, чтобы порицанія его высказывались иначе, какъ на основаніи добросовѣстнаго убѣжденія. Луцилій, совершенно независимый по своему положенію челоѣкъ, никогда не добивался расположенія вельможъ. Во многихъ случаяхъ мы въ состояніи и сами подтвердить основательность его обвиненій. Можно рѣшительно утверждать, что Луцилій постоянно руководился однимъ только желаніемъ исправлять пороки своихъ согражданъ, — служившихъ мамонъ, какъ онъ свидѣтельствуеъ, вмѣсто древней римской доблести (*virtus*) (ex lib. inc. 4, 5), — и искоренять ихъ недостатки въ государственномъ, общественномъ и литературномъ быту. Еще и теперь итальянцы склонны переступить границы умѣренности и въ своей любви и въ своей ненависти; недостатокъ этотъ замѣчается также у большей части поэтовъ, ораторовъ и историковъ древняго Рима; можетъ быть и Луцилій не былъ свободенъ отъ этого недостатка, чему не мало способствовала и самая свобода рѣчи, которою онъ пользовался. Впрочемъ, замѣчаніе Тацита, что по времена республики „*facta arguebantur, dicta impune erant*“, совсѣмъ несправедливо. Такъ, напримѣръ, когда уроженецъ Кампаніи Невій во

время второй пунической войны нападалъ въ своихъ комедіяхъ на римскихъ аристократовъ, его посадили въ тюрьму и выпустили оттуда только тогда, когда онъ загладилъ свою вину въ другихъ своихъ драмахъ (см. Геллія Noct. Att. III, 3, 15). Но другъ младшаго Циціона, и притомъ же римскій всадникъ, могъ многое себѣ позволить. Луцилій самъ говоритъ: „Что мнѣ до того, извиняетъ ли мнѣ Муцій мои стихи или нѣтъ“, а между тѣмъ этотъ Муцій принадлежалъ къ самымъ знатнымъ Римлянамъ. Такимъ образомъ возможно, что и Луцилій, подобно Аристофану, погрѣшалъ неумѣренностью своихъ выраженій. Онъ и самъ говоритъ (XXVII, 33), что въ гнѣвѣ онъ сильно бунуетъ. Но нѣтъ доказательствъ, чтобы онъ дѣлалъ это сознательно. Что вообще онъ былъ „*anima candida*“, готовый помогать, гдѣ только можно было, снисходительный даже къ рабамъ, на это указываютъ дошедшіе до насъ отрывки (см. XXIX, 16—18; *ibid.* 53—58; XXII, 1):

Теперь я перейду къ очерку римской сатиры до Луцилія. Крайне трудно судить о происхожденіи и значеніи слова „*satura*“. Бѣльшая часть древнихъ производятъ это слово отъ греческаго „*Σάτορος*“, такъ какъ дѣйствительно съ древнѣйшихъ временъ въ римской „*satura*“ было много шутиваго и даже не совсѣмъ приличнаго, подобно тому, какъ въ греческихъ „*δράματα σατορικά*“. Наиболеѣ подтверждаемая рукописями форма этого слова „*satura*“ (см. *satira*) не противорѣчила бы такому словопроизводству, такъ какъ Римляне до конца республики замѣняли греческое „*ο*“ буквами „*u*“ или „*i*“. Тѣмъ не менѣе уже древніе римскіе ученые утверждаютъ, что слово „*satura*“ происходитъ отъ прилагательнаго „*satius*“ и означаетъ поэтическое *relethé*, то-есть, стихотворенія самаго разнообразнаго содержанія, каковой родъ стихотвореній получилъ - де свое названіе или отъ „*satura lanx*“ (блюдо съ разнаго рода первыми полевыми плодами, приносившееся въ жертву богамъ), или же отъ извѣстнаго рода колбасы, которая по причинѣ разнообразныхъ составныхъ частей называлась также „*satura*“, или, наконецъ, отъ „*satura lex*“, чѣмъ Римляне обозначали такіе законопроекты, которые разомъ касались многихъ и различныхъ предметовъ (см. у грамм. Диомеда, pag. 483 ed. Putschii). Съ этимъ производствомъ слова „*satura*“ Тейффель удачно сближаетъ наименованіе одного изъ болѣе новыхъ родовъ итальянской поэзіи, называемаго „*Farsa*“. Также и историкъ Ливій, въ извѣстномъ, вызвавшемъ множество толкованій, но къ сожалѣнію, все еще весьма темномъ мѣстѣ (VII, 2), признаетъ „*satura*“ чисто латинскимъ произведеніемъ, которое въ художественномъ отношеніи

превосходило „*satirina fescennina*“ и состояло изъ попеременно происходившаго (въ формѣ разговора) пѣнія, пляски и игры на флейтѣ. Судить объ этихъ различныхъ мнѣніяхъ весьма трудно, потому что отъ сатиръ до-Луциліевскаго времени осталось слишкомъ мало. Чтобы методически изслѣдовать сущность древнѣйшей „*satira*“, мы должны, какъ мнѣ кажется, начать съ разсмотрѣнія, также къ сожалѣнію не слишкомъ многочисленныхъ, отрывковъ изъ четырехъ (или шести) книгъ сатиръ Эннія. По моему мнѣнію, результатъ разсмотрѣнія этихъ отрывковъ оказывается въ пользу втораго объясненія слова „*satira*“.

Достоверно, что въ сатирахъ Эннія не было той оскорбительной ѣдкости, того обилія насмѣшекъ и порицанія, какими Луцилій бичевалъ пороки своихъ современниковъ. Конечно, и Энній, и шутя и серьезно, преслѣдовалъ въ сатирахъ пороки, побуждалъ къ добродѣтели, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поучалъ, и предостерегалъ, что въ этомъ спеціально-римскомъ родѣ поэзіи легко объясняется изъ практичности римскаго ума; но того, что мы разумѣемъ теперь подъ словомъ „сатирической“, какъ кажется, было менѣе всего въ сатирахъ Эннія.

Нѣкоторыя книги сатиръ Луцилія (напримѣръ, 16-я) имѣли особыя названія, обозначавшія, впрочемъ, далеко не все содержаніе книги, а только самое существенное въ ней; такъ, достоверно извѣстно, что третья книга носила названіе „Сципіонъ“. Вѣроятно, подобно этому, и дидактическія стихотворенія Эннія „Евгемеръ“, „Епихармъ“, „Протретьикъ“, „Гедифагетикъ“, были также только части цѣлыхъ сатиръ. То же самое можно сказать и о „Сота“, который, вѣроятно, былъ неприличнаго содержанія, потому что вообще не только римскія комедіи, но и сатиры изобиловали непристойностями. Точно также эротическія стихотворенія Эннія (ср. письма Плинія V, 3, 6) и эпиграммы, вѣроятно, принадлежали къ сатирамъ.

Разумѣется, нельзя думать, чтобы сатиры Эннія, какъ говоритъ о своихъ собственныхъ Горацій, воспроизводили преимущественно языкъ обыденной жизни, отличаясь отъ него главнымъ образомъ: въ „Сципіонѣ“ Эннія мы находимъ высоко-поэтическія мѣста, — и сатирикъ, въ родѣ Горація, едва ли позволилъ бы музѣ обращаться къ себѣ въ одномъ изъ предисловій къ своимъ сатирамъ съ слѣдующими словами:

*Enni poeta salve, qui mortalibus
Versus propinas flammeos medullitus!*

Въ „Сципионѣ“ воспѣвались различными разиѣрами геройскіе подвиги побѣдителя при Замѣ. Вѣроятно, къ сатирамъ принадлежала и „Амбрація“, гдѣ было воспѣто покореніе Этолійцевъ Фульвіемъ Нобиліоромъ (также покровителемъ Эннія); едва ли это была драма, такъ какъ въ ней находятся слѣды гекзаметра. Содержание другой сатиры составляла извѣстная басня Эзопа о жаворонкѣ, который жилъ на засѣянномъ полѣ и улетѣлъ только тогда, когда хозяинъ, напрасно просившій своихъ друзей и родственниковъ помочь ему во время жатвы, наконецъ самъ взялся за серпъ. Нравоученіе заключалось въ послѣднихъ словахъ:

Noc erit tibi argumentum semper in promptu situm,
Ne quid expectes amicos, quod tute agere possies.

Въ другомъ стихотвореніи Энній представилъ боговъ смерти и жизни въ спорѣ между собою о первенствѣ.

Въ „Евгемерѣ“ изображались извѣстныя воззрѣнія на происхожденіе боговъ, — воззрѣнія, которыя выдавались философомъ Евгемеромъ (жившимъ во времена Александра Великаго) за найденное имъ древнее преданіе. Энній, подобно Еврипиду, принадлежалъ, въ дѣлахъ религіозныхъ, къ скептическому направленію. Содержание „Епихарма“ было нравственно-богословское; „Протрептикъ“ вѣроятно содержалъ въ себѣ изреченія мудрости, а „Гедифаетикъ“, какъ уже показываетъ самое названіе, былъ поэтическою поваренною книгой.

Итакъ, хотя многіе изъ отрывковъ сатиръ Эннія имѣютъ своимъ предметомъ преимущественно порицаніе пороковъ и недостатковъ общества, но это нисколько не противорѣчитъ высказанному выше мнѣнію — о различіи между сатирами Эннія и Луцилія. Сатира Эннія представляла, то порицая, то восхваляя, а иногда и просто разказывая, разнообразнѣйшія состоянія самого поэта и его современниковъ, но только не имѣя никакого отношенія къ прошлому времени (потому что отрывокъ ex libr. incert.: satirarum 5 у Валена принадлежитъ къ трагедіи „Sabinae“). Сатира его еще не имѣла ни опредѣленнаго слога, ни опредѣленной цѣли, и была далека отъ страстнаго, по преимуществу субъективнаго, изложенія какъ Луцилія, такъ и позднѣйшихъ римскихъ сатириковъ.

Таковы же были, безъ сомнѣнія, и сатиры ученика Эннія Пакувія; но отъ нихъ не осталось ни одного отрывка.

Если бы римская сатира осталась такою, какою она была у Эннія, то она, вѣроятно, скоро и безслѣдно исчезла бы между другими ро-

дами поэзіи, такъ какъ почти всѣ они имѣли въ ней равно большую или, если угодно, равно малую для себя долю. Но Луцилій далъ сатиры новое, рѣзко опредѣленное направленіе. Онъ впервые сдѣлалъ изъ нея, говоря словами Диомеда (который здѣсь, какъ и во всѣхъ указаніяхъ о различныхъ родахъ стихотвореній, слѣдуетъ Светонію Транквила), „*carmen maledicum et ad carpenda hominum vitia archaеae comoediae caractere compositum*“. Этому - то направленію римская сатира всегда и оставалась вѣрною, не смотря на то, что Гораций и позднѣйшіе писатели, по извѣстнымъ причинамъ, брали себѣ за образецъ новую греческую комедію; исключеніе въ этомъ случаѣ, можетъ быть, составляютъ только менипповы сатиры Варрона, которыя, какъ кажется, были нѣчто среднее между сатирами Эннія и Луцилія, но объ нихъ можно здѣсь умолчать, потому что онѣ представляютъ смѣсь прозы и поэзіи.

По едипогласному приговору всей древности, Луцилію болѣе всѣхъ другихъ сатириковъ приписывается „*acerbitas*“ или „ *mordacitas*“, и этими преимущественно качествами онъ достигъ славы у Римлянъ. Уже и въ самой ранней книгѣ его сатиръ, именно 26-й, рѣзко выступаетъ полемическій элементъ, который и теперь еще мы можемъ прослѣдить на безчисленныхъ примѣрахъ. Рѣзкостью своихъ порицаній, равно какъ и тѣмъ, что онъ называетъ по имени лицъ, подвергающихся его насмѣшкамъ, сатира Луцилія съ перваго же взгляда отличалась отъ сатиры Эннія. Нападалъ онъ на знатныхъ и на незнатныхъ (*primores populi arripuit populumque tributim*, говоритъ Гораций), нападалъ и на государственныхъ людей, и на ряду съ ними особенно на поэтовъ, на риторовъ и философовъ какъ греческихъ, такъ и римскихъ. Даже достопочтенному Гомеру не было пощады, а тѣмъ менѣе Еврипиду или Исократу, и столь же мало стоивамъ, какъ и софистамъ. Но еще болѣе доставалось отъ Луцилія его землякамъ—Эннію, Пакувію, Акцію. Особенно, кажется, не долюбивалъ нашъ сатирикъ послѣдняго изъ нихъ, время славы котораго совпадало съ цвѣтущею порой самого Луцилія. Луцилій издѣвался надъ особенностями его языка, наиримѣръ, надъ тѣмъ, что онъ употребляетъ выраженіе „*status*“ вмѣсто „*statura*“, смѣялся не менѣе и надъ его орфографическими особенностями, при чемъ, однакожъ, Луцилій не забываетъ и требованій скромности, когда говоритъ о своихъ собственныхъ произведеніяхъ. Впрочемъ, кажется, литературная его полемика иногда ужъ слишкомъ много занималась разными мелочами (ср. III, 47).

Такъ какъ Луцілій жилъ среди борьбы римскихъ республиканскихъ партій, то онъ, какъ истый Римлянинъ, долженъ былъ обращать свое вниманіе еще болѣе на политику, чѣмъ на литературу. Надменность оптиматовъ, которые, не заботясь о благѣ государства, старались только доставлять высшія должности своимъ, часто даже и самымъ неспособнымъ, сыновьямъ; ихъ зависть къ выдающимся личностямъ, какъ напримѣръ, къ младшему Сципіону; бездарность полководцевъ, которые подъ Каррагепомъ и Пуманціей причинили Риму и позоръ, и вредъ; непостоянство Г. Папірія Карбона, могущество Корнолія Лентула Луна, который, не смотря на то, что былъ осужденъ за лихоимство, все-таки въ 607 году сдѣлался цензоромъ; расточительность и распутство знатныхъ, равно какъ и ихъ отреченіе отъ римскаго духа и слѣпое перениманіе греческихъ нравовъ, — словомъ, все то, чтó вскорѣ послѣ смерти Луцілія повлекло за собою междоусобія войны и паденіе республики, рѣзко и прямо бичуется въ сатирахъ Луцілія. Луцілій, какъ уже выше сказано, всегда или почти всегда, называлъ прямо по имени тѣхъ лицъ, противъ кого направлялъ свою сатиру. Онъ самъ говоритъ: „*cujus non audebo dicere nomen?*“ Въ этомъ отношеніи онъ весьма много походитъ на поэтовъ древне-аттическаго комедіи. Впрочемъ, въ какомъ отношеніи Луцілій находился къ послѣдней, рѣчь еще впереди.

Но не однихъ политическихъ отношеній касается Луцілій: не менѣе затрогиваетъ онъ и частный бытъ своихъ современниковъ. Дѣйствительно, обѣ эти области невозможно отдѣлить одну отъ другой. Состояніе государства обусловливается нравственностью, образованіемъ и трудолюбіемъ гражданъ. Въ особенноти унадокъ семейнаго быта подкопалъ римскую республику подобно тому, какъ нѣкогда строгая домашняя дисциплина положила основаніе величію Рима. Горацій прямо высказываетъ это въ шестой одѣ третьей книги.

Есть не мало отрывковъ, въ которыхъ и Луцілій также бичуетъ жадность своихъ современниковъ къ деньгамъ, ихъ роскошь и вообще все, чтó было слѣдствіемъ этихъ пороковъ. Мѣркою для его сужденій, въ этомъ случаѣ, служилъ ему не космополитическій, общечеловѣческій идеалъ, какъ то было у Горація подѣ греческимъ вліяніемъ, но образъ лучшихъ прошлыхъ временъ Рима и забота о благѣ римскаго государства, въ будущности котораго онъ нисколько не отчаялся.

Многія изъ описанныхъ въ его сатирахъ личностей, какъ, напри-
мѣръ, распутный Номентанъ, проказникъ Пантолабъ, гладіаторы Эзер-

нинъ и Пацидеянъ, перешли въ поговорку, такъ что Горацій и Цицеронъ указываютъ на нихъ, какъ на общезвѣстные типы извѣстныхъ пороковъ. Вообще, вѣроятно, бѣльшая часть тѣхъ именъ, которыми Горацій пользуется,—говоря собственными его словами,—какъ „*exemplis vitiorum quaeque notando*“, заимствованы имъ у Луцилія, такъ какъ и у самого Луцилія какъ нельзя чаще для поясненія какой-нибудь нравственной истины приводятся въ примѣръ тѣ или другія лица.

Впрочемъ, Луциліій, подобно Цицерону, былъ достаточно свободенъ въ своихъ мнѣніяхъ и предразсудкахъ для того, чтобы яснымъ взоромъ усматривать недостатки Римлянъ и преимущества Грековъ. Ему было чуждо пустое чванство доблестью, отличавшее многихъ другихъ Римлянъ, которые съ презрѣніемъ смотрѣли на „*Graeculi*“, и въ то же время сами охотно подражали ихъ порокамъ. Но онъ, подобно благороднѣйшимъ и просвѣщеннѣйшимъ Римлянамъ со временъ второй пунической войны, старался соединять въ себѣ римскую „*virtus*“ съ греческою „*humanitas*“, какъ вещи вполне равноправныя и совмѣстимыя.

Итакъ, хотя Луциліій и видѣлъ въ религіозности предковъ (Горацій говоритъ своимъ землякамъ: „*dis te minorem quod geris, impregas*“) главную причину величія Рима, онъ, однакожь, не думалъ одобрять и всё тѣ старинныя исчадія суевѣрія, которыми была такъ богата древняя римская религія,—по одобрять и антропоморфизма, первоначально чуждаго Римлянамъ и впоследствии перенятаго ими у Грековъ. Да и могъ ли иначе поступать человѣкъ, сочиненія котораго обнаруживаютъ столько слѣдовъ знакомства съ греческою философіей? Весьма удачное осмѣяніе древне-римскаго суевѣрія мы находимъ въ его 15-й книгѣ. Тамъ говорится, что хотя люди и считали разказъ Гомера о циклопѣ Полифемѣ, имѣвшемъ палку длиннѣе мачты, бабьею сказкой, но что они тѣмъ не менѣе вѣрили во многія вещи, которыя нисколько не правдоподобны.

*terriculas Lamias Fauni quas Pompiliique
instituire Numae, tremit has, haec omnia ponit.
ut pueri infantes credunt signa athena
vivere et esse homines: sic istic omnia ficta
vera putant, credunt signis cor inesse in athenis.
pergula pictorum, veri nihil, omnia ficta.*

Точно также и въ первой книгѣ, гдѣ пародируется гомеровское собраніе боговъ, Луциліій, какъ кажется, насмѣхался надъ тщесла-

віємъ и другими человѣческими слабостями, которыя народное вѣрованіе приписывало богамъ (ср. стр. 9, 12). Поэтому-то Лактанцій и представляетъ Луцилія и Луціана такими авторами, которые не щадили ни боговъ, ни людей. Конечно, вѣрнѣе было бы сказать, что эти авторы преслѣдовали, гдѣ только могли, людскія глупости, пороки и ихъ извращенныя понятія о богахъ.

Уваженіе Луцилія къ греческой образованности доказывается и его начитанностью въ греческихъ авторахъ; но къ этому мы обратимся въ послѣдствіи.

Если мы первымъ нововведеніемъ, которое Луцилій сдѣлалъ въ римской сатиры, поставили его ѣдкую, личную насмѣшку надъ всѣмъ тѣмъ, что не было согласно съ его нравственными принципами, то вторымъ нововведеніемъ слѣдуетъ считать то, что онъ, въ истинно римскомъ духѣ, поставилъ на первый планъ свое личное мнѣніе, что онъ вездѣ, въ сужденіяхъ о лицахъ и поступкахъ, руководился своимъ субъективнымъ воззрѣніемъ. При томъ чувствѣ собственнаго достоинства, которое мы уже часто замѣчали у Луцилія, этому, конечно, нечего удивляться; впрочемъ это же, безъ сомнѣнія, много способствовало и той „*mordacitas*“ и „*acerbitas*“, которыя Луцилій внесъ въ римскую сатиру, ибо человѣческіе поступки большею частію только тогда представляются намъ въ лучшемъ свѣтѣ, когда мы судимъ о глупости и порокахъ людей не по собственному личному вкусу, по объективно, „*sine ira et studio*“, по вѣчнымъ нравственнымъ законамъ жизни. Тѣмъ не менѣе Луцилій вовсе не былъ фарисеемъ, видѣвшимъ малѣйшую спицу всегда только въ глазу брата, а въ своемъ собственномъ не замѣчавшимъ и бревна. Напротивъ, подобно сродному ему по духу Архилоху, онъ съ величайшею откровенностію раскрываетъ передъ читателемъ и свои собственные слабости и недостатки. Вообще онъ такъ чистосердечно разказывалъ о своихъ радостяхъ и печаляхъ, что, по выраженію Горація, въ его сочиненіяхъ, какъ на „*tabula votiva*“, заключалась вся его біографія.

Если Луцилій, въ противоположность болѣе добродушной и болѣе объективной манеры Эпія, ввелъ рѣзкую личную полемику и поставилъ на первый планъ свое личное мнѣніе и тѣмъ существенно преобразовалъ сатиру, то онъ все-таки сохранилъ и многія особенности древней „*satura*“. Мы видѣли, что послѣдняя имѣла дѣло съ самыми разнообразными предметами современной обиходной жизни; въ ней безпорядочно перемежшано было и важное, и неважное и даже анекдоты не были исключены изъ нея. Такъ, и одна изъ первыхъ сатиръ

Горація, который гораздо явственнѣе Луцілія установилъ сущность сатиры,—именно I, 7, имѣеть дѣйствительно своимъ предметомъ довольно незначительный анекдотъ изъ времянь его военной службы. Тѣмъ менѣе можно удивляться, что у Луцілія находится еще много такого, что не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ ни одного изъ поповведеній, сдѣланныхъ имъ въ сатирѣ, и что столь же удобно могло бы имѣть мѣсто и въ сатирѣ Энія.

Перехожу теперь къ эстетической оцѣнкѣ сохранившихся отрывковъ нашего сатирика; прежде, впрочемъ, позволю себѣ замѣтить слѣдующее.

Вообще весьма трудно оцѣнивать автора по отрывкамъ, а тѣмъ болѣе автора древняго, ибо древніе рѣдко приводятъ мѣста изъ другихъ авторовъ въ видахъ эстетической ихъ оцѣнки, а болѣею частію ради или фактическаго ихъ содержанія, или же грамматическихъ, а также и метрическихъ особенностей. Конечно, для оцѣнки именно поэта, который долженъ услаждать насъ изяществомъ формы своихъ произведеній, весьма важно знать, какъ онъ владѣлъ языкомъ и самимъ размѣромъ стиха; но и для этого приводимыя древними мѣста не всегда даютъ удовлетворительныя свѣдѣнія: они выставляютъ болѣею частію только неправильныя и нехудожественныя обороты, исключенія въ формѣ, но отнюдь не то, что обычно, что правильно и безупречно. Кромѣ того, Луцілій былъ основателемъ новаго рода поэзіи, и ни Эніевы, ни Гораціевы сатиры не похожи на сатиры Луцілія, хотя сатиры Горація и гораздо ближе къ нимъ, чѣмъ сатиры Энія. Къ этому надобно еще прибавить то неудобство, что, какъ уже было замѣчено выше, отрывки изъ сочиненій Луцілія болѣею частію испорчены и сохранены такимъ бездарнымъ грамматикомъ, какъ Ноній. При такихъ условіяхъ надобно считать за особенное счастье, что такой тонкій критикъ, какъ Горацій, въ трехъ своихъ сатирахъ, — именно въ четвертой и десятой первой книги и первой второй книги, — подробно говоритъ о Луціліи и своихъ отношеніяхъ къ нему. Однако, и этимъ источникомъ слѣдуетъ пользоваться осторожно. Впервыхъ, мы не должны забывать, что Горацій судить о Луціліи не какъ ученый, а какъ поэтъ, и слѣдовательно, отъ него нельзя ожидать особенной научной точности и основательности. Вторыхъ, Горацій преслѣдовалъ въ этихъ трехъ сатирахъ опредѣленную цѣль: онъ не столько имѣлъ въ виду самого Луцілія, сколько старался оправдать въ глазахъ римской публики тотъ видъ, который впервые далъ сатирѣ Луцілій и который въ послѣдствіи, послѣ неудачныхъ попытокъ Варрона

Атадина и другихъ, съ большею опредѣленностію установилъ самъ Горацій.

Въ первой сатирѣ второй книги Горація дѣло идетъ преимущественно о содержаніи сатиръ Луцилія; другія же двѣ сатиры заключаютъ въ себѣ эстетическую ихъ оцѣнку. Но при этомъ нужно еще замѣтить, что Горацій въ десятой сатирѣ первой книги, раздраженный сильными нападками, которыя ему пришлось вынести отъ поклонниковъ древне-латинскихъ поэтовъ за свою четвертую сатиру, не вездѣ соблюдаетъ требованія справедливости при оцѣнкѣ Луцилія. Онъ преувеличиваетъ недостатки Луцилія повидимому потому именно, что поклонники послѣдняго, какъ это часто бываетъ, болѣе подражали плохимъ сторонамъ его, чѣмъ хорошимъ.

Я обстоятельно указалъ на трудность безпристрастной оцѣнки Луцилія, частію для того, чтобы читатель не ожидалъ болѣе того, что я могу дать ему, а частію и для того, чтобы обличить то легкомысліе, съ которымъ судили о Луциліи многіе историки литературы и другіе ученые, хотя сами же сознавались единодушно, что для оцѣнки Луцилія прежде всего необходимо критическое изданіе его отрывковъ. И знаменитый Момзенъ, сужденія котораго о римской литературѣ впрочемъ и вообще не отличаются ни основательностію, ни вкусомъ, даетъ во второмъ томѣ своей римской исторіи характеристику Луцилія, которая мало имѣетъ общаго съ дѣйствительностію; да и его переводы отрывковъ изъ Луцилія въ тонѣ балаганной поэзіи не могутъ дать намъ понятія ни о силѣ, ни объ изяществѣ этого древняго сатирика. Я уже представилъ въ моихъ „*Quaestiones Lucilianae*“, стр. 32, нѣсколько образчиковъ тѣхъ промаховъ, которые сдѣлалъ Момзенъ.

Горацій говоритъ, что Луцилій состоитъ въ ближайшей связи съ поэтами древней аттической комедіи, и преимущественно съ тремя знаменитѣйшими изъ нихъ—Аристофаномъ, Кратинномъ, Евполидомъ. Но справедливо ли это мнѣніе? Не станемъ приводить противъ показанія Горація того, что въ отрывкахъ Луцилія нигдѣ не указывается на древне-аттическую комедію; это, быть можетъ, чистая случайность. Но содержаніе отрывковъ Луцилія неопровержимо свидѣтельствуетъ, что Горацій сказалъ уже слишкомъ много. Сходство между Луциліемъ и поэтами древней аттической комедіи главнымъ образомъ состоитъ только въ томъ, что Луцилій съ такою же рѣзкостью и беззащитностію, какъ бы желая исправить показаніями, клеймитъ все превратное въ жизни и литературѣ, какъ въ свое время поступали Аристофанъ и подобные ему поэты; о прямомъ же подражаніи не

можетъ быть рѣчи уже и по различію самаго матеріала у Луцілія и у писателей древней аттической комедіи. При этомъ надобно замѣтить еще то отличіе, которое имѣетъ свое полное основаніе въ самомъ различіи между Римлянами и Аѳинянами. Комедіи Аристофана, не смотря на всѣ ихъ пошлости и тривіальности, пытаются все-таки, особенно въ хорахъ, перенести насъ въ міръ идеальный, изъ земной доли—въ высшій, болѣе чистый, сферы. И Луцілій, конечно, тоже паритъ иногда высоко, чаще даже чѣмъ Горацій, но вообще его изложеніе по своему тону соотвѣтствуетъ изображаемымъ имъ предметамъ и крѣпко держитъ насъ въ сферѣ обыденныхъ общественныхъ отношеній. Поэтому и смѣлый вымыселъ положеній, которыя часто не имѣютъ въ себѣ ничего правдоподобнаго, но тѣмъ не менѣе рѣдко не производятъ впечатлѣнія, встрѣчается у Аристофана весьма часто, у Луцілія же никогда. И гениальная Аристофановская свобода въ образованіи новыхъ, искусственно составленныхъ словъ, рѣдко встрѣчается у Луцілія, и если встрѣчается, то преимущественно тамъ, гдѣ онъ старается осмѣять римскихъ трагиковъ.

Вторая особенность сатиры Луцілія, именно постоянное рѣзкое проявленіе субъективныхъ воззрѣній самого автора, уже сама по себѣ менѣе могла выступать въ драматическихъ произведеніяхъ; въ такихъ произведеніяхъ, какъ комедіи, менѣе всего можно искать изображенія личности самого автора, какъ мы видимъ то въ сатирахъ Луцілія. Даже *Ἰουκίτη* Кратина, въ которой, какъ кажется, старикъ-поэтъ вывелъ самого себя на сцену, вовсе не заключала въ себѣ всей прошлой жизни поэта.

Далѣе, если обратить вниманіе на содержаніе сатиръ Луцілія, то спидѣтельство Горація окажется совершенно неточнымъ: весьма жаль, что потеряны сочиненія Архилоха. Я полагаю, что изъ всѣхъ греческихъ поэтовъ Луцілій ближе всего стоялъ къ Архилоху, не только по рѣзкости своей сатиры (за которую древніе часто называли обихъ „*iambici*“; древніе часто называютъ „*iambus*“ каждое бранное стихотвореніе, не обращая вниманія на самый размѣръ), но и по самому содержанію. Несомнѣнно, Луцілій читалъ Архилоха (ср. XXVII, 50); подражалъ ли онъ ему въ какомъ-нибудь отношеніи, объ этомъ нельзя судить.

Изъ всего сказаннаго становится очевиднымъ, что Луцілія въ сущности слѣдуетъ считать оригинальнымъ поэтомъ, а никакъ не подражателемъ. Его самостоятельности не противорѣчитъ то обстоятельство, что онъ обнаруживаетъ большую начитанность въ греческихъ

и римскихъ авторовъ и что онъ часто передаетъ по-латыни то или другое мѣсто изъ греческихъ авторовъ, или даже приводитъ его въ подлинникѣ. Древніе требовали отъ своихъ поэтовъ, кромѣ поэтическаго вдохновенія, также и основательныхъ познаній и были далеки отъ того, чтобы ставить поэту въ укоръ его ученость, если онъ только со вкусомъ употреблялъ ее въ дѣло. Со времени Цицерона названіе „doctus“ стало даже постояннымъ, почетнымъ именемъ для поэтовъ.

Если Луцилій и не имѣлъ той изумительной начитанности, которую мы, напримѣръ, постоянно встрѣчаемъ у Вергилія (Цицеронъ приписываетъ, напримѣръ, Луцилію только „doctrina mediocris“, а Квинтиліанъ, который, впрочемъ, поверхностно зналъ Луцилія, говорить о его „eruditio mira“), то все-таки очевидно, что онъ основательно изучилъ главнѣйшихъ греческихъ и римскихъ авторовъ. Посмотримъ теперь, съ какими именно авторами онъ былъ знакомъ. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ поэтами: Гомеромъ, Архилохомъ, Ѳеогнидомъ, Еврипидомъ, Энніемъ, Пакувіемъ, Акціемъ и риторомъ Исократомъ; далѣе Луцилій обнаруживаетъ близкое знакомство и съ древнею латинскою комедіей, а также съ сочиненіями греческихъ философовъ, софистовъ и раторовъ. Есть доказательства, что онъ съ участіемъ слѣдилъ за литературными трудами своихъ современниковъ (ср. XXVI, 48), а также, что онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ знаменитымъ грамматикомъ Луціемъ Эліемъ, философомъ Клитомахомъ, а вѣроятно, также и со многими другими учеными.

Впрочемъ древніе судили о подражаніи иначе, чѣмъ мы. Обыкновенно мы склонны предполагать въ подражающихъ поэтахъ нѣкоторую скудость таланта; древніе же видѣли въ подражаніи образцовымъ писателямъ и даже въ дословномъ заимствованіи изъ нихъ скорѣе заявленіе уваженія къ тому автору, изъ котораго было сдѣлано заимствованіе, нежели сознаніе въ собственномъ безсиліи. Конечно, это относится только къ искусному подражанію, которое тѣмъ труднѣе, чѣмъ возвышеннѣе и своеобразнѣе тотъ поэтъ, которому подражаютъ.

Такимъ образомъ и въ отрывкахъ Луцилія есть много слѣдовъ подражанія и заимствованій изъ болѣе древнихъ авторовъ, но за это его нельзя однако же упрекать. Менѣе извинительно для Луцилія то, что онъ часто вставлялъ въ свои стихотворенія цѣлыя стихи и полустішія изъ греческихъ поэтовъ.

Что касается до обработки даннаго матеріала, то Луцилій нерѣдко бываетъ многословенъ, на что указываютъ и Горацій (сат. I, 10,

9—10), и самыя отрывки; у него также нерѣдко встрѣчается повтореніе одного и того же слова чрезъ небольшіе промежутки. Безъ сомнѣнія, у него бывали и частыя уклоненія отъ самой темы, какъ вообще свойственныя сатирѣ, о чемъ я уже выше говорилъ; такія уклоненія часто прерываютъ нить разказа даже у художественныхъ сатириковъ временъ имперіи, и вообще надо полагать, Луцилій въ своихъ сатирахъ не всегда строго держался первоначально задуманнаго имъ плана.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ изложеніе Луцилія, за немногими исключеніями, вполне заслуживаетъ похвалы. Онъ умѣетъ вездѣ попадать въ надлежащій тонъ и приспособлять свою рѣчь ко всѣмъ предметамъ и обстоятельствамъ жизни. Преимущественно изображалъ онъ низшія сферы человѣческой жизни, какъ и причисляетъ его сатирѣ, а потому онъ и употреблялъ, по большей части, языкъ обидной жизни. Варропъ приписываетъ Луцилію „*gracile genus descendit*“, то-есть, „*venustatem*“ и „*subtilitatem*“ выраженія. Луцилій, такимъ образомъ, имѣетъ большое сходство съ латинскою комедіей, какъ съ болѣе утонченною Теренція и Цецилія, такъ и съ болѣе грубою Плавта. Впрочемъ, и у него нѣтъ недостатка въ такихъ мѣстахъ, гдѣ замѣчается болѣе высокой полетъ мысли. Сатиры Луцилія и потому еще очень напоминаютъ намъ комедіи, что весьма часто имѣли форму разговора, что сообщаетъ имъ драматическую живость, и Гораций не безъ основанія подражалъ (хотя и рѣдко) этой особенності Луцилія. Этимъ именно объясняется, что позднѣйшіе грамматики причисляютъ иногда Луцилію прямо къ комикамъ.

Древніе, и даже Гораций, болѣею частію порицающій его, неоднократно хвалятъ „*urbanitatem*“ Луцилія. Что значить эта похвала, и былъ ли Луцилій достоинъ ея?

Подъ „*urbanitas*“ Римлянинъ, говоря о писателяхъ, разумѣлъ ту топкость сужденія, ту чистоту и изящество выраженія, какія могли быть приобрѣтены только въ самомъ Римѣ, а не въ городкахъ (*oppida*) Італіи. Въ противоположность этому качеству Азиній Полліонъ, какъ извѣстно, ставилъ въ укоръ историку Ливію „*patavinitatem*“ его слога.

Нельзя отрицать, что Луцилій чутко („*emunctae paris*“, говоритъ о немъ Гораций) подмѣчалъ пороки и недостатки своихъ современниковъ и часто увлекательно изображалъ ихъ. Но у него встрѣчаются мѣстами и „*gracilitas*“, и отсутствіе вкуса, что въ Горациевыхъ сатирахъ можно встрѣтить только очень рѣдко, а въ его Посланіяхъ никогда. Для надлежащей оцѣнки вышеприведеннаго сужденія древнихъ,

мы должны имѣть въ виду, что они легко извиняли грубость и неуклюжесть выраженій, коль скоро самый родъ описываемыхъ предметовъ обусловливалъ подобнаго рода выраженія, и что многое, что во времена Луцилія считалось утонченнымъ и дѣйствительно было такимъ, во время Горація могло казаться грубымъ. Горацій самъ говоритъ намъ прямо объ этомъ (sat. 10, 64—71).

Что изложеніе Луцилія не имѣло ни того невозмутимаго спокойствія, ни той естественной прелести, которыми отличается изложеніе Горація, это мы видимъ изъ того, что древніе единогласно выставляютъ „acerbitatem“ и „mordacitatem“, какъ самыя существенныя черты Луцилія. Ювеналь говоритъ о немъ:

ense velut stricto quotiens Lucilius ardens
infremuit, rubet auditor, cui frigida mens est
criminibus.

Что касается приличія выраженій, то съ бѣльшимъ правомъ можно было бы взять за образецъ „urbanitatis“ старшаго современника Луцилія — именно Теренція, предъ которымъ Луцилій, конечно, имѣетъ много преимуществъ.

Языкъ Луцилія, какъ уже было замѣчено выше, имѣетъ много сходства съ языкомъ римскихъ комиковъ, въ особенности въ мѣстахъ, писанныхъ ямбами и трохеями. Съ другой стороны, для него часто долженъ былъ служить образцемъ Эній, который, какъ извѣстно, первый изъ всѣхъ римскихъ поэтовъ началъ употреблять дактилическій гекзаметръ, каковымъ же размѣромъ преимущественно писалъ и Луцилій. Съ комиками Луцилій имѣетъ то общаго, что онъ часто употребляетъ простонародныя обороты, множество бранныхъ, даже непристойныхъ выраженій и уменьшительныхъ словъ, что у него та же словоохотливость и растянутость изложенія, и то же пристрастіе къ отвлеченнымъ словамъ (последнія часто встрѣчаются и въ римской трагедіи и, очевидно, соотвѣтствовали разсудочному направленію Римлянъ). Что же касается до Энія и особенно его „анналь“, то ихъ напоминаютъ прежде всего тѣ мѣста Луцилія, въ которыхъ рѣчь его принимаетъ болѣе возвышенный характеръ, а потому такія особенности языка, которыхъ избѣгалъ Теренцій и позднѣйшіе комики, по которымъ сохраняли по чисто метрическимъ причинамъ дактилики, вообще гораздо болѣе далекіе отъ языка обыденной жизни; напримеръ, родительный падежъ на „ai“, нарѣчія „simeitu“ и „poscu“ вмѣсто „simeu“ и „pos“, „facul“ вмѣсто „facile“ (употребленіе формы

„*facul*“ трагикомъ Пакувіемъ осмѣиваетъ комикъ Афраній, современникъ Луцілія). Впрочемъ, Луцілій никогда не употреблялъ „*olli*“, „*ollis*“ вмѣсто „*illi*“, „*illis*“, которыя встрѣчаются только у дактиликовъ, и именно въ болѣе высокому ихъ слогѣ.

Горацій, какъ извѣстно, дѣлаетъ Луцілію, между прочимъ, тотъ упрекъ, что онъ часто вставлялъ греческія слова въ свою латинскую рѣчь и, не латинизируя ихъ, подобно другимъ сатирикамъ, оставлялъ у себя безъ всякаго измѣненія. Дѣйствительно, греческіе стихи и полустихія часто даже цѣликомъ встрѣчаются у Луцілія. Въ оправданіе Луцілія приводилось то соображеніе, что употребляя греческія слова, Луцілій преимущественно имѣлъ въ виду осмѣять страсть ко всему греческому нѣкоторыхъ Римлянъ вообще и римскихъ поэтовъ въ особенности. Въ самомъ дѣлѣ таковыя мѣста встрѣчаются у Луцілія, напримѣръ, I, 37, ex lib. inc. 9; однако жъ гораздо больше такихъ примѣровъ, которые указываютъ, что онъ вставлялъ греческія слова и фразы по метрическимъ причинамъ или даже съ цѣлю блеснуть своею ученостью (ср. напр. III, 7; V, 6; VI, 15; VII, 15; VIII, 4; XV, 11 и проч.). Другія особенности его языка объясняются тою небрежностью, съ которою онъ писалъ свои стихи, какъ, напримѣръ, частое повтореніе одного и того же слова, или, при сравненіяхъ слишкомъ часто возвращающееся въ концѣ стиха „*olim*“. Не безынтересно, между прочимъ, то, что, какъ видно изъ Луцілія же (ср. XXVIII, 6), слово „*schola*“ въ его время еще не перешло въ латинскій языкъ; вскорѣ же послѣ Луцілія въ Римѣ расплодилось множество школъ грамматиковъ и риторовъ.

То, что грамматикаки приводятъ изъ сатиръ Луцілія очень много архаизмовъ, служитъ явнымъ доказательствомъ, что Луцілій вообще въ точности передавалъ языкъ образованныхъ людей своего времени, ибо въ слѣдующее за тѣмъ столѣтіе, когда вскорѣ по смерти Луцілія наступилъ собственно классическій вѣкъ римской литературы, латинскій языкъ до того измѣнился, что авторовъ, жившихъ до 650 года отъ основанія города, безъ комментаріевъ и глоссаріевъ уже не могли понимать.

Близкое отношеніе Луцілія къ обыденной жизни выразилось въ томъ, что въ его сатирахъ рѣдко попадаются обширныя и искусственныя періоды, Впрочемъ и болѣе свойственныя ученой прозѣ тѣмъ поэзіи.

Вообще дактилическія стихотворенія Луцілія отличаются отъ ямбическихъ и троханческихъ болѣею строгостью и тщательностью

изложенія; замѣтны также нѣкоторыя стилистическія различія между тѣми отрывками изъ сатиръ, которые написаны собственно въ діалогической формѣ, и всѣми прочими.

Горацій особенно упрекаетъ Луцилія за небрежную обработку стиха, называя его „*diuus comperere versus*“, и утверждаетъ даже, безъ сомнѣнія сильно преувеличивая, что Луцилій часто въ одинъ часъ, „стоя на одной ногѣ“, писалъ до двухъ сотъ стиховъ. Въ послѣдствіи мнѣніе Горація часто повторялось, и рѣдко выражалось сомнѣніе въ справедливости подобнаго повѣзанія. Чтобы основательно разъяснить этотъ предметъ, надлежитъ нѣсколько внимательнѣе приглядѣться къ метрической сторонѣ сатиръ Луцилія. Первоначально сатиры его составляли два „*volumina*“, изъ которыхъ послѣдній (кн. 29—30) написанъ и выпущенъ въ свѣтъ раньше перваго (ср. 1-я гл. моихъ *Quaest. Lucil.*). Поэтому-то и введеніе, въ которомъ Луцилій оправдывается въ томъ, что, удалившись отъ политической жизни, онъ всецѣло посвятилъ себя сатирической музѣ, находится въ началѣ 26-й, а не въ началѣ первой книги. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что Луцилій самъ соединилъ оба „*volumina*“ въ одно цѣлое, хотя такое же соединеніе могъ сдѣлать и какой-нибудь позднѣйшій грамматикъ. Но какимъ образомъ случилось, что книги, написанныя раньше, попали на послѣднее мѣсто? Безъ сомнѣнія, случилось это по метрическимъ соображеніямъ, и именно потому, что размѣры первыхъ 25-ти книгъ болѣе нравились образованнымъ Римлянамъ, чѣмъ размѣры пяти послѣднихъ: 26-я и 27-я книги написаны были трохантическими тетраметрами; обѣ слѣдующія книги — какъ этимъ размѣромъ, такъ и ямбическимъ триметромъ и дактилическимъ гекзаметромъ; 30-я же книга состояла только изъ гекзаметровъ. Последнимъ же размѣромъ были написаны и первыя 20 книгъ; книга 22-я, какъ кажется, состояла изъ элегическихъ двустишія; отъ остальныхъ книгъ ничего не сохранилось, а потому о нихъ нельзя сказать ничего положительнаго. Ямбы и трохеи Луцилія хотя и отличались существенно отъ ямбовъ и трохеевъ римскихъ драматурговъ по правильности своего стиха, но походили на нихъ въ томъ отношеніи, что и они точно также допускали спондеи или анапестъ, а также и дактиль вездѣ въ замѣтъ ямба и трохея, за исключеніемъ послѣдняго ямба; отличались еще, и весьма часто, разрѣшеніемъ арисовъ, исключая послѣдняго. Драматическіе писатели сохранили эту метрическую вольность до самаго конца республики; остальные же поэты только отчасти прибѣгали къ ней;

такъ, напримѣръ, Катулъ вовсе не знаетъ подобной вольности. Эти свойства ямбическаго и трохайческаго размѣровъ, которыя совершенно чужды греческимъ поэтамъ, съ развитіемъ дактилическаго стихосложенія все менѣе и менѣе нравились римской публикѣ. Такимъ образомъ тѣ книги Луцілія, которыя были писаны одними дактилями, имѣли гораздо болѣе читателей, чѣмъ остальные, и имѣ-то Луцілій и былъ преимущественно обязанъ своею популярностію. Если Гораций, какъ можно полагать, и читалъ всѣ книги Луцілія, тѣмъ не менѣе въ своей критикѣ онъ имѣлъ въ виду только книги, писанныя дактилями, и вообще безъ Нонія мы очень мало знали бы о 26—30 книгахъ. Поэтому-то тѣ 25 книгъ, которыя писаны дактилями, независимо отъ времени своего происхожденія, поставлены во главѣ сборника, а книги отъ 26—30 (отъ которыхъ нельзя было отдѣлать 30-й, какъ показываетъ самое ея начало) помѣщены на послѣднемъ мѣстѣ.

Ямбы и трохей Луцілія, не смотря на упомянутыя особенности, составлены такъ искусно въ метрическомъ отношеніи, что они, по справедливости, не заслуживаютъ порицанія. Критика Горация также обращаетъ свое вниманіе, какъ уже сказано выше, только на дактилическіе стихи Луцілія. Что же касается до этихъ послѣднихъ, то въ нихъ дѣйствительно встрѣчаются тяжеловатныя элизіи, синицезы, тмезисы, а иногда и гекзаметры безъ цезуры. Но все это не рѣдкость и въ сатирахъ самого Горация (въ своихъ Посланіяхъ онъ, впрочемъ, уже гораздо строже). Тамъ же, гдѣ, дѣйствительно, у Луцілія попадаются безобразные стихи, большею частію оказывается уже и по самой неудовлетворительности ихъ смысла, что стихи эти искажены переписчиками, и для восстановленія ихъ изящества нерѣдко бываетъ достаточно совершенно незначительной перемѣны. Какъ же объяснить строгій приговоръ Горация? Я полагаю, что Гораций преувеличалъ ошибки Луцілія, но не изъ неприязни къ нему, а единственно потому, что поклонники Луцілія временъ Августа, какъ это обыкновенно бываетъ съ бездарными подражателями, болѣе восхищались ошибками Луцілія, чѣмъ его достоинствами, и хвалили въ немъ то, что можно было, по большей мѣрѣ, только извинить. Такимъ образомъ, они гораздо менѣе обращали вниманія въ метрикѣ Луцілія на стремленіе къ изяществу, которое неоспоримо замѣтно въ немъ, чѣмъ на его тяжеловатость и небрежность, которыя у Луцілія тѣмъ болѣе естественны, что онъ обыкновенно наскоро писалъ свои стихи, и которыя скорѣе можно простить современнику Гракховъ, чѣмъ современнику

Августа. Впрочемъ, Горацій явно ратуетъ противъ того, что поклонники древнихъ латинскихъ поэтовъ, напримѣръ, Плавта, Эннія, Пакувія, Акція, болѣе превозносили недостатки этихъ поэтовъ, чѣмъ ихъ преимущества, и требовали имъ похвалы даже тамъ, гдѣ по большей мѣрѣ могла идти рѣчь только о снисхожденіи.

Такъ какъ Горацій съ Вергиліемъ и другими своими друзьями предъявляли поэтамъ своего времени два правила, какъ безусловно необходимыя, требуя, съ одной стороны, основательнаго изученія древнѣйшихъ лучшихъ греческихъ поэтовъ, а съ другой — именно тщательной обработки языка и метрики, то и пельзи ставить Горацію въ вину, если онъ при случаѣ изображаетъ слишкомъ мрачными красками нѣкоторую небрежность древнихъ латинскихъ авторовъ; мы же, съ своей стороны, не имѣемъ никакого основанія судить о Луциліи „cum ira et studio“.

Луцилію, какъ видно изъ сказаннаго, было свойственно стремленіе къ стройности и изяществу языка и метрики, замѣтное вообще у римскихъ поэтовъ съ 150 года до Р. Хр. и постоянно возрастающее до временъ Августа.

Если претворяться въ плоть и кровь своего народа есть неизбѣжный признакъ всякаго великаго поэта, то Луцилій долженъ быть признанъ великимъ поэтомъ. Онъ былъ популяренъ не только во времена Цицерона и Варрона, но и въ правленіе Августа; даже въ концѣ перваго вѣка по Р. Хр., по свидѣтельству Квинтилиана (X, 1, 93), были такіе Римляне, которые предпочитали его не только всѣмъ сатирикамъ, но и всѣмъ поэтамъ вообще. Когда въ послѣдствіи, со временъ Адріана, снова оживилось изученіе авторовъ временъ республики, то и произведенія Луцилія стали повсюду изучаться; сочиненія Геллія и Фронтона свидѣтельствуютъ о томъ. Луцилій рано нашелъ себѣ комментаторовъ. Граматикъ Валерій Катонъ еще во времена Горація занимался исправленіемъ погрѣшностей въ метрихъ Луцилія. То, что сохранилось о Луциліѣ у Нонія и у другихъ граматиковъ послѣднихъ вѣковъ римскаго государства, безъ сомнѣнія, взято изъ сочиненій ученыхъ перваго и втораго столѣтій по Р. Х., которые частію при случаѣ, частію въ особыхъ трудахъ, старались устранять всѣ трудности, которыя представлялъ какъ языкъ, такъ и предметное содержаніе сатиръ Луцилія. И только съ третьяго вѣка по Р. Х., когда вообще уже стало падать ученое образованіе, начали забывать и Луцилія (такъ же, какъ и Эннія); изъ его сочиненій сохранилась, какъ кажется, одна только антологія, и эта антологія, подобно антологіи

миновъ Публія Сира, употреблялась даже въ школахъ. (ср. стр. 16. и 17 моихъ Quaest. Lucil.).

Всѣ дошедшіе до насъ сатирики римской древности: Горацій, Персій, Ювеналь, вслѣдъ за Луциліемъ, избирали размѣромъ своихъ сатиръ гекзаметръ; всѣ они свидѣтельствуютъ, что они чтутъ Луцилія, какъ свой образецъ; въ этомъ смыслѣ Горацій высказывается въ вышеуказанныхъ нами мѣстахъ, а Персій и Ювеналь въ началѣ своихъ сатиръ, при чемъ первое стихотвореніе послѣдняго сатирика очень живо изображаетъ задачу сатиры, какъ понимали ее подражатели Луцилія.

Во всякомъ случаѣ, Горацій еще строже понималъ значеніе сатиры, чѣмъ Луцилій, часто напоминавшій, какъ мы уже выше видѣли, сатиры Эннія. Стремленіе исправлять пороки насмѣшкой и порицаніемъ, а также и субъективность поэта, еще рѣзче бросаются въ глаза у Горація. Конечно, времена той свободы слова, которою нѣкогда пользовался Луцилій, какъ противъ знатныхъ, такъ и противъ незнатныхъ, уже прошли; Горацій, Персій и Ювеналь въ личныхъ своихъ нападкахъ являются чрезвычайно присмирѣвшими въ сравненіи съ Луциліемъ; лица, осмѣиваемыя ими и называемыя по имени, принадлежатъ или къ низшему классу, или же это лица умершія, чаще же всего типы цѣлыхъ сословій или опредѣленныхъ характеровъ, какъ - то: скупцовъ, гулякъ и т. п. Сатира временъ имперіи въ своихъ указаніяхъ на лица и вообще въ своихъ отношеніяхъ къ онымъ, столько же напоминаетъ намъ новѣйшую аттическую комедію, сколько сатира Луцилія напоминала древнюю. Притомъ сатиры Горація и Персія имѣютъ опредѣленно-философскій колоритъ, который вообще мало замѣтенъ у Луцилія, хотя и Луцилій былъ знакомъ съ философіей и при случаѣ даже подшучивалъ надъ философами. Но именно тѣмъ, что дало сатирѣ самостоятельное существованіе, она обязана неоспоримо Луцилію, и поэтому Горацій справедливо указываетъ на него, какъ на изобрѣтателя сатиры (sat. I, 10, 48), въ противоположность Эннію, который дѣйствительно первый ввелъ въ литературу древне-римскую неправильную „satura“ (ср. стр. 295 моихъ комментариевъ къ Луцилію). Горацій и самъ нерѣдко подражаетъ Луцилію, на что часто указываютъ схоласты и особенно Порфиріонъ. Другія подражанія указаны мною.

Я уже сказалъ въ началѣ этой статьи, что можетъ быть, нѣтъ другаго творенія во всей римской древности, утрата котораго заслуживала бы большаго сожалѣнія, чѣмъ утрата сатиръ Луцилія, такъ

какъ его сочиненія представили бы намъ множество неожиданныхъ объясненій относительно всего, что касается религіозной, соціальной и литературной жизни римскаго народа временъ республики. Но кромѣ историческаго интереса, онѣ доставили бы намъ не мало и художественнаго наслажденія. Положимъ, у Луцилія есть, какъ мы видѣли, много недостатковъ, которые впрочемъ принадлежатъ болѣе его вѣку, чѣмъ лично ему самому; но оригинальностью, свободой своей рѣчи и ея энергіей онѣ превосходятъ всѣхъ своихъ преемниковъ въ сатиры. Сохранись его сочиненія, мы были бы вознаграждены за то, что римская сцена не произвела своего Аристофана. Сверхъ того наши свѣдѣнія въ такой трудной области, какъ древній латинскій языкъ и его метрика, значительно увеличились бы, такъ какъ уже и изъ сохранившихся отрывковъ обѣ эти дисциплины могутъ извлечь не мало пользы. Въ подтвержденіе сказаннаго о богатствѣ содержанія его сатиръ я позволю себѣ, въ заключеніе настоящей статьи, привести нѣсколько сценъ, какъ онѣ представляются при надлежащемъ соединеніи между собою сохранившихся отрывковъ. Но предварительно замѣчу, что относительно порядка, въ какомъ слѣдовали одна за другою отдѣльныя сатиры, за исключеніемъ частныхъ замѣтокъ, не имѣется никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

Въ началѣ первой книги (которая теперь 26-я) Луцилій подробно излагаетъ одному изъ своихъ друзей тѣ причины, которыя побудили его удалиться отъ политической дѣятельности и предаться всецѣло поэзіи. Онѣ говорить между прочимъ:

mihī quidem non persuadetur, publiceis mutem meos

слово „publiceis“ означаетъ здѣсь то же самое, что и греческое „ταλω-νεία“. Луцилій говоритъ здѣсь, что онѣ не желаетъ покинуть своихъ, чтобы сдѣлаться откупщикомъ государственныхъ доходовъ. И тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ (XXVI, 14):

*publicanu' vero ut Asiae fiam scripturarius
pro Lucilio, id ego nolo, et uno hoc non mutō omnia.*

Его другъ можетъ для себя добиваться почестей и богатствъ, но пусть только онѣ позволитъ ему слѣдовать другимъ правиламъ:

quod tibi magno opere cordi est, mihī vehementer displicet.

Въ заключеніе онѣ говорить:

quapropter deliro et cupide officium fungo ruderam.

Здѣсь глаголь „deligare“ имѣетъ двоякій смыслъ: онъ можетъ означать или: „быть внѣ дороги“, какъ „gudega“, или также: „быть сумасшедшимъ“, и именно по мнѣнію толпы. Другъ Луцілія въ своемъ отвѣтѣ одобряетъ его за то, что онъ покой предпочелъ житейскимъ тревоженіямъ (Отр. 20). Луцілій указываетъ, между прочимъ, и на свое здоровье, какъ на одну изъ тѣхъ причинъ, которыя привели его къ принятому имъ рѣшенію (ср. отр. 21—25).

О читателяхъ, какихъ бы онъ себя желалъ, онъ высказывается весьма выразительно, говоря, что пишетъ не для высоко образованныхъ мужей, какъ Г. Персіи, но въ то же время и не для совсѣмъ необразованныхъ:

nec doctissimis, nam Gaium
Persium haec legere nolo, Junium Congum volo.

(ср. XXVI, 2; XXIX, 77).

Въ той же самой книгѣ говорится и о современныхъ трагикахъ; онъ осмѣиваетъ ихъ за напыщенность, многословіе и пристрастіе къ искусственнымъ выраженіямъ; безъ сомнѣнія, Луцілій при этомъ противопоставлялъ этой напыщенной поэзіи свою собственную, болѣе скромную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе приятную. Я замѣчалъ для себя, говорилъ онъ,

Si quod verbum inusitatum aut zetematium offenderam,

именно у римскихъ трагиковъ, и обращаясь къ нимъ, Луцілій говоритъ: „выражайтесь такъ, какъ обыкновенно говорятъ люди, если вы дѣйствительно описываете людскую жизнь, а не „portenta anguisque volucris ac pinnatos“. Затѣмъ приводитъ множество образчиковъ стихотворнаго безвкусія; напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ „Хриса“ Пакувія:

di monerint meliora, amentiam averruncassint tuam,

при чемъ говоритъ, что устарѣвшее „averruncare“ хорошо можно было бы замѣнить глаголомъ „avertere“. Въ другой трагедіи говорится объ одномъ несчастномъ, быть можетъ, объ Аяксѣ; онъ колеблется,

suspendatne sese, an gladium incumbat, ne caelum bibat.

Здѣсь Луцілію совершенно основательно не нравится выраженіе „caelum bibere“ вмѣсто просто „bibere“, или еще лучше „haurire auras caelestes“ (ср. мои комментарія къ отр. 37). О другомъ несчастномъ сказано:

hic cruciatur fame,
frigore, inluvie, inperfundie, inbalnitie, incuria.

Далѣе, Агамемнону было высказано пожеланіе, вѣроятно въ „Гекубѣ“ Акція, помимо всѣхъ другихъ несчастій найти еще „conjugem infidam, lascitam familiam, inprigam domum“.

Очевидно, въ обоихъ вышеприведенныхъ мѣстахъ Луцилію не понравился „tragicus tumor“; кромѣ того, въ первомъ мѣстѣ встрѣчается странное слово „inperfundie“, а во второмъ „lascitam“ (см. lascitam), какъ и вообще часто въ до-и послѣ-классической латини „occasus“ и „obitus“ стоятъ вмѣсто „mortuus“; кромѣ того, Луцилію, можетъ быть, не нравилось и „inprigam“. Не менѣе справедливъ онъ и относительно слѣдующаго стиха Пакувія или Акція (Отр. 43, 44):

haec tu si voles per auris pectus inrigarier.
quaenam vox ex tete resonans meo gradu remoram facit?

Особенно не любилъ Луцилій „verba sesquipedalia“ трагиковъ, какъ называетъ ихъ Гораций, тѣмъ болѣе что эти „verba“ очень неудачно составлялись изъ существительныхъ или прилагательныхъ и глаголовъ. Отсюда понятно, почему онъ порицаетъ слѣдующіе стихи (отр. 34, 35, 42):

domitionis cupidi imperium regis paene inminuimus.
ego enim contemnificus fieri et fastidire Agamemnonis.
nunc ignobilitas his mirum, taetrum ac monstrificabile.

„Domitio“ то же что „domum itio“ („reditus“). Поэтому же онъ и въ пятой книгѣ осмѣиваетъ стихъ Пакувія:

Nerei repandirostrum incurvicervicum pecus

слѣдующимъ образомъ:

lascivire genus nasi rostrique repandum.

Иногда, впрочемъ, Луцилій въ своихъ порицаніяхъ бываетъ мелоченъ; напримѣръ, онъ осмѣется надъ употребленіемъ „de“ вмѣсто „a“ въ слѣдующемъ стихѣ:

solus idem vim de classe prohibuit volcaniam.

„Idem“ относится къ старшему Аяксу. Въ той же самой книгѣ Луцилій упомянулъ о томъ извѣстномъ фактѣ, что древніе Римляне, хотя часто бывали побѣждаемы въ отдѣльныхъ сраженіяхъ, никогда не были побѣждены въ цѣлой войнѣ; имъ противопоставляетъ онъ своихъ

современниковъ, побѣжденныхъ варваромъ Виріатомъ, между тѣмъ какъ ихъ предки одолѣли даже Аннибала (въ этомъ мѣстѣ замѣчательна смѣшная ошибка Нонія, принявшаго слово „Viriathus“ за прилагательное, въ значеніи „maclnagum virium“, такъ какъ это слово писалось во времена Луцилія безъ „h“). Въ этомъ же мѣстѣ упоминается о постыдной войнѣ Марка Попиллія Лепата противъ Нуманціи и о побѣдѣ Публия Сципіона:

pergrera pugnam Popilli, facta Corneli cane.

„Pergrera“ относится къ Музѣ.

Прекрасно начало 27-й книги, гдѣ Луцілій говоритъ, что онъ можетъ дать римскому народу только стихи, а спасеніе исходитъ отъ всеблагаго и всемогущаго Юпитера (отр. 1, 2):

re populi salutem fictis versibus Lucilius,
quibn' potest, impertit totumque hoc studiose et sedulo.
sospita, imperti salute et plurima, et plenissima.

Тутъ онъ описываетъ и свой характеръ, котораго не тревожатъ страсти толпы:

nulli me invidere, non strabonem fieri saepius
deliciis me istorum.
ceterum quid sit, quid non sit, ferre aequo animo ac fortiter.

„Strabonem fieri“ значить бросать завистливыя, косые взгляды. Толпа же, напротивъ, имѣетъ обыкновеніе

re in secunda tollere animos, in mala demittere.

Въ этой же книгѣ превосходно отличаются истинные друзья отъ фальшивыхъ. Для краткости я привожу только слѣдующіе стихи:

cocu' non curat caudam insignem esse hillai, dum pinguis siet.
sic animum quaerunt amici, rem parasiti ac ditias.

Смыслъ слѣдующій: „подобно тому, какъ поварь обращаетъ вниманіе не на внѣшнюю красоту колбасы, а на внутреннее ея содержаніе, такъ и истинные друзья любятъ нашъ характеръ, лицемѣрные же наше богатство“. „Hillai“ родит. пад. вмѣсто „hillac“; „ditias“ вмѣсто „divitias“. Все это мѣсто (Отр. 10—14), которому не разъ подражалъ Гораций, заслуживаетъ того, чтобы прочесть его.

Въ 28-й книгѣ много говорилось о греческихъ философахъ, и между прочимъ, Луцілій касается и извѣстнаго положенія Эмпедокла, что вся природа состоитъ изъ четырехъ элементовъ: земли, воды;

воздуха и зѣира (ср. Лукреці I, 714 и слѣд.). Нѣкто высказываетъ Луцилію (Отр. 1) свое намѣреніе подать жалобу на какого-то обидчика; Луцилій отвѣчаетъ ему, что въ такомъ случаѣ ему нужно будетъ явиться предъ трибуналомъ Лупа. Тогда намѣревающийся жаловаться говорить, что онъ не явится. Луцилій предупреждаетъ его, говоря, что Лупъ пошлетъ его въ изгнаніе и лишитъ двухъ стихій, именно воды и огня (какъ извѣстно, зѣиръ и огонь часто отождествлялись). Луцилій остроумно намекаетъ здѣсь на извѣстную формулу „aqua et igni interdicere“. А если Лупу и этого покажется мало, то онъ лишитъ его и жизни, отнявъ и остальные двѣ стихіи: землю и воздухъ, то-есть, тѣло и дыханіе. Въ той же книгѣ говорилось о Полемонѣ, который, какъ извѣстно, изъ легкомысленнаго насмѣшника надъ философомъ Ксенократомъ сдѣлался въ послѣдствіи самымъ ревностнымъ его ученикомъ. Упомянуто также и ученіе Эпикура объ атомахъ. И въ этой книгѣ, а равно и въ другихъ, Луцилій часто вспоминалъ о своихъ любовныхъ связяхъ. Мы знаемъ имена двухъ его любовницъ, Гимнисы и Колиры, — въ честь этой послѣдней 16-я книга и была озаглавлена „Коллира“.

Въ 29-й книгѣ Луцилій снова говоритъ о несчастныхъ современныхъ войнахъ, вѣроятно въ Испаніи, и опять съ укоризною указываетъ своимъ современникамъ на побѣды надъ Аннибаломъ, „veterator“ и „vetulus lupus“. Далѣе (отр. 5—8) снова заводитъ рѣчь о греческихъ философахъ. Въ другомъ мѣстѣ (9, 10) онъ осмѣиваетъ трагика Еврипида за его будто бы не совсѣмъ логическую нить доказательствъ въ трагедіи „Кресфонтъ“. Но особенно замѣчательно въ высшей степени живое описаніе одного пира, заключившагося ночью прогулкою по Риму, во время которой и произошло много скандаловъ и дракъ. Какъ извѣстно, древніе поэты часто описываютъ подобныя продѣлки безпутной молодежи. Подробнѣе описаны тѣ приключенія, героемъ которыхъ былъ, можетъ-быть, самъ Луцилій или кто-то другой изъ гостей съ своимъ рабомъ Гнаеомъ. Послѣ многихъ похожденій имъ удалось скрыться въ одномъ домѣ, хозяинъ котораго потребовалъ, однако, за то вознагражденія.

Въ 30-й книгѣ Луцилій сперва (Отр. 1—4) говоритъ о славѣ, которую приобрѣлъ онъ своими сатирами и которою онъ совершенно затмилъ Акція. Затѣмъ очень подробно прославляются военные подвиги одного Луциліева друга (вѣроятно, младшаго Сципіона), который увѣдомилъ его письмомъ о своихъ побѣдахъ, уже и прежде сдѣлавшихся извѣстными по слухамъ. Затѣмъ (Отр. 20—30) слѣдуетъ

живой разговоръ двухъ негодяевъ, укоряющихъ другъ друга въ дурныхъ поступкахъ. Въ отрывкахъ 45—47 опять описывается пиръ, на которомъ одинъ изъ участвующихъ, выпивъ слишкомъ много, попался за эту свою жадность. Въ отрывкахъ 48—53 описывается красивая дѣвушка, которая цѣломудренно устояла противъ всѣхъ соблазновъ и угрозъ. Она говоритъ, „*juratam se uni, cui sit data deque dicata*“ (то-есть, *dedicataque*). Напрасно соблазнитель пытается ее запугивать:

*an equam te acrem atque animosam
Thessalam et indomitam frenis subigamque domemque?*

На это она съ презрѣніемъ отвѣчаетъ:

*Tunc jugo jungas me apte et succedere aratro
invitam et glebas subigas proscindere ferro?*

Какъ извѣстно, древніе поэты часто сравниваютъ неподатливыхъ дѣвушекъ съ молодыми кобылицами, какъ, напримѣръ, въ прекрасномъ отрывкѣ Анакреонта (см. 75 въ „*poetae lyrici graeci*“, Бергга, изд. III); Гораций также говоритъ о Лидѣ (Od. III, 11, 9 и 10):

*quae velut latis equa prima campis
ludit exultim metuitque tangi.*

Въ другой группѣ отрывковъ (54—59) описываются поступки одной безнравственной женщины, которая бросаетъ все свое хозяйство, чтобы предаваться недозволенной любви. Совершенно непохожа на нее вѣрпалъ жена, изображаемая въ отр. 60, 61, которая изливаетъ тоскою по своему супругу, отправившемся въ морское путешествіе.

И Луцілій, подобно Энию, часто примѣшивалъ къ своимъ сатирамъ басни Эзопа, съ тою только разницею, что онъ не дѣлалъ ихъ единственнымъ предметомъ своего стихотворенія. Примѣру Луцілія слѣдовалъ и Гораций, и вообще не трудно усмотрѣть, до какой степени басни Эзопы, богатныя практическою мудростію, были пригодны для римской сатиры. Въ 30-й книгѣ Луцілій излагаетъ извѣстную басню о лисичкѣ, навѣщающей больнаго льва, но отказывающейся приблизиться къ нему по слѣдующей причинѣ:

*quid sibi volt, quare fit, ut introvorsus et ad te
spectent atque ferant vestigia se omnia prosus.*

(Ср. отр. 65 — 69 и Гор. I, 1, 73—75). „*Prosus*“ стоитъ вмѣсто „*progsus*“.

Отъ другихъ 25-ти книгъ (1—25) не сохранилось столько отрыв-

ковъ, какъ отъ пяти послѣднихъ (26—30). Поэтому я и ограничусь подробнымъ изложениемъ нѣсколькихъ группъ отрывковъ только изъ первой, третьей и девятой книгъ.

Въ предисловіи къ первой книгѣ Луцилій говоритъ, что онъ не занимается такими важными темами, какъ Эній, трактующій въ своемъ „Епихармѣ“ и „Евгемерѣ“ о самыхъ трудныхъ вопросахъ относительно природы вещей; поэтому онъ разчитываетъ только на непогихъ читателей, именно на тѣхъ, которые пожелаютъ убить свое время (по нѣтъ сомнѣнія, что сатиры Луциліи читались гораздо болѣе, чѣмъ Энія, о которыхъ мы почти вовсе не встрѣчаемъ упоминанія). Первая книга съ комическою важностью открывалась собраніемъ боговъ, рѣшившихъ погубить извѣстнаго уже намъ Лупа за его мысли, враждебныя государственному строю. Юпитеръ или Марсъ поднимаетъ вопросъ, какимъ образомъ еще можно защитить Римъ отъ такого честолюбиваго и могущественнаго человѣка, какъ Лупъ. При этомъ упоминается объ испорченности тогдашнихъ Римлянъ и говорится, что необходимо принять рѣшительныя мѣры, чтобы не распространилось, подобно раку, зло, подкапывающее самое существованіе Рима (отр. 14). Совершенно же подобное мѣсто находится у Варрона, вообще сроднаго по духу съ Луциліемъ. Варронъ говоритъ въ третьей книгѣ „de vita pop. Rom.“: „quo facilius animadvertatur per omnes articulos populi hanc mali gangrenam sanguinolentam permeasse“. Ср. также Оу. Metam. I, 190, 91. Однако, боги въ вышеупомянутой сатирѣ Луциліи высказываютъ надежду, что дурные граждане Рима не всегда будутъ находить сочувствіе у своихъ современниковъ.

Въ третьей книгѣ Луцилій описываетъ путешествіе, совершенное имъ съ однимъ изъ друзей въ южную Италію, Сицилію и на сосѣдніе маленькіе острова. Это древнѣйшій образецъ забавнаго описанія путешествій, такъ часто встрѣчающагося у послѣдующихъ поэтовъ. Особенно знаменито Гораціево „iter Brundisinum“, которое, какъ замѣчали уже и древніе, есть подражаніе упомянутому описанію Луцилія. Луцилій, тщательно вымѣривъ съ своимъ другомъ на картѣ длину пути, отправился въ сопровожденіи этого друга сначала въ Капую; потомъ проплыли вдоль западнаго берега Италіи въ Бруттіумъ, откуда переправились въ Сицилію, при чемъ съ ними случилось много приключеній; пришлось перенести много невзгодъ и на сушѣ, и на морѣ: то лошадь, то носилки оказывались никуда негодными. Однажды, вѣроятно въ Бруттіумѣ, они попали въ совершенно пустынную страну, гдѣ и нашли одну только сирийскую гостиницу. Луцилій, любившій

хорошо поѣсть (въ его отрывкахъ часто говорится о гастрономическихъ предметахъ), жалуется, что тутъ нельзя было полакомиться, не было ни устриць, ни спаржи и т. п.; чарка дряннаго вина и рутыя растенія составляли здѣсь уже очень лакомое блюдо:

*Ostrea nulla fuit, non purpura, nulla peloris,
asparagi nulli; nam mel regionibus illis
incrustati calix, rutai caulis habetur.*

Въ третьей книгѣ, какъ въ 9-й и 10-й, Луцилій усердно осмѣиваетъ римскихъ поэтовъ.

Весьма остроумно и привлекательно описаніе одной „сена rusticа“ въ 5-й книгѣ (отр. 7—24).

Въ высшей степени интересна, по крайней мѣрѣ для филологовъ, 9-я книга Луцилія, въ которой онъ касается грамматическихъ, а вѣроятно также и метрическихъ, и риторическихъ вопросовъ. Кромѣ орфографіи, онъ разсматриваетъ, какъ кажется, по порядку различныя части рѣчи, старательно исправляетъ варваризмы и soleцизмы, которые въ то время часто встрѣчались даже и у образованныхъ людей. Что касается до орфографическихъ замѣчаній, то онъ преимущественно оспаривалъ взгляды Акція, который, между прочимъ, выставилъ такую теорію, что долгое „а“, „е“ и „и“ слѣдуетъ, по примѣру Осковъ, изображать удвоеніемъ гласной, а долгое „і“, по примѣру Грековъ, посредствомъ „ei“. Луцилій, считая это нововведеніе излишнимъ, съ своей стороны, тоже предлагалъ не совсѣмъ удачныя средства съ цѣлію избѣгать смѣшенія этихъ звуковъ. Такъ, онъ совѣтовалъ окончаніе родит. и дат. падежей единственнаго числа перваго склоненія писать, въ отличіе отъ именит. падежа множеств. числа, черезъ „ai“, а именит. падежъ множеств. числа втораго склоненія, въ отличіе отъ родит. падежа единств. числа, писать черезъ „ei“. Далѣе въ именит. падежѣ множеств. числа онъ предлагалъ писать „illei“, а въ дат. падежѣ „illi“, наконецъ, имена собственныя на „ius“ въ зват. падежѣ писать „Furei“, „Conelei“, въ родит. падежѣ „Furi“, „Conelei“. Онъ указываетъ также на нѣсколько словъ, которыя слѣдовало бы писать черезъ „ei“ и „ai“, частію чтобы показать ихъ происхожденіе, а частію чтобы отличить ихъ отъ однозвучныхъ словъ (ср. IX, 14 и мои примѣчанія къ IX, 6). Далѣе, Луцилій вооружается также противъ встрѣчавшагося уже въ то время смѣшенія звука „е“ съ „ae“. Гаію Цецилію Метеллу Капрарію, человѣку грубому и ограниченному, который, сдѣлавшись „praetor urbanus“, называлъ

себя „pretor“, Луцилій сказалъ, играя словами, что слѣдуетъ опасаться, чтобы изъ „praetor urbanus“ онъ не сталъ „pretor rusticus“. Подобнымъ образомъ и въ другихъ случаяхъ Луцилій старался отличать орфографіей однозвучныя слова. Далѣе онъ очень усердно занимался ассимиляціей предлоговъ, и здѣсь онъ больше всего имѣлъ въ виду ясность. Поэтому, напримѣръ, предоставляя произволу каждаго писать „assurgere“ или „adsurgere“, онъ не совѣтовалъ писать вмѣсто „adbitere“, „abbitere“, потому что въ такомъ случаѣ легко можно будетъ смѣшать „adire“ съ „abire“. Но и кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ могла оказаться двусмысленность, особенно въ сложныхъ словахъ, Луцилій, какъ кажется, не всегда употреблялъ удвоеніе согласныхъ. Достоверно извѣстно, что до Эниія Римляне вообще не удвоили согласныхъ и вмѣсто, напримѣръ, „agger“ всегда писали „ager“, „vita“ вмѣсто „vitta“, „pallor“ вмѣсто „pallor“ и т. п. Но и послѣ Эниія до 640 года удвоеніе согласныхъ не всегда встрѣчается въ надписяхъ. Такъ, и Луцилій, кажется, писалъ „meile“ вмѣсто „mille“, „ager“ вмѣсто „agger“ и т. п., ибо даже и въ позднія времена римской имперіи еще не всегда удвоили согласныя. (Ср. мои примѣч. къ XXVI, 65). Въ своихъ орфографическихъ разсужденіяхъ Луцилій, кажется, различалъ всѣ буквы римской азбуки.

Далѣе Луцилій очень усердно старается различать въ лексическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ сходныя между собою слова. Такъ, онъ предостерегаетъ, чтобы не смѣшивали слова: „proësis“ и „proëma“, „latus“ и „later“; но онъ не одобряетъ несообразныхъ различеній, дѣлаемыхъ грамматиками между словами: „forfex“, „forrex“ и „forcers“. Тѣла уже давно умершихъ онъ предлагаетъ называть не „mortua“, а „emortua“. Онъ вѣрно различаетъ „ad“ и „arud“, именно тѣмъ, что первое выражаетъ движеніе, а послѣднее — покой. Но въ простонародномъ языкѣ часто „arud“ ставилось вмѣсто „ad“; даже у самого Луцилія такое смѣшеніе встрѣчается въ рѣчи одной женщины (XXX, 54). Луцилій въ той же книгѣ говорилъ, какъ кажется, подробно о лучшихъ греческихъ поэтахъ и совѣтовалъ старательно подражать имъ. Въ началѣ 10-й книги Луцилій опять подвергаетъ критикѣ современныхъ поэтовъ, при чемъ не щадитъ и самого себя.

Въ одиннадцатой книгѣ говорится о военныхъ событіяхъ въ Галліи и Испаніи, и при этомъ случаѣ упоминается и Луцилій Олимпій, который при раздѣлѣ Нумидіи позволилъ Югуртѣ подкупить себя.

Множество отрывковъ изъ Луцилія приводится безъ обозначенія книгъ; хотя я и размѣстилъ многіе изъ подобныхъ отрывковъ по

книгамъ, но все-таки около 150 остались подъ общимъ заглавіемъ „ex libris incertis“. И здѣсь, впрочемъ, можно выдѣлить нѣсколько группъ. Вполнѣ справедливо заслужило всеобщее одобреніе то, какъ онъ изображаетъ древнюю римскую „virtus“ въ слѣдующихъ стихахъ:

virtus, Albine, est pretium persolvere verum,
 quis in versamur, quis vivimu' rebu' potesse:
 virtus est, homini sciri quoquaeque abeat res,
 virtus, sciri, homini rectum, utile, quid sit honestum:
 quae bona, quae mala item, quid inutile, turpe, inhonestum:
 virtus, quaerendae finem re scire modumque.
 virtus, divitiis pretium persolvere posse:
 virtus, id dare, quod re ipsa debetur, honori;
 hostem esse atque inimicum hominum morumque malorum,
 contra defensorem hominum morumque bonorum,
 hos magni facere, his bene velle, his vivere amicum:
 commoda praeterea patriae prima putare,
 deinde parentum, tertia jam postremaque nostra.

Что жизнь есть борьба за существованіе, объ этомъ уже знали и древніе. Луцилій, напримѣръ, тотчасъ за вышеприведенными стихами, говоритъ:

vis est vita, vides; vis nos facere omnia cogit.

Да и Греки понятіе „βίος“ приводили въ связь съ понятіемъ „βία“.

Той „virtus“, посредствомъ которой Римъ сдѣлался великимъ, нашъ сатирикъ противопоставляетъ неустанную погоню своихъ современниковъ за богатствами и наслажденіями (отр. 4, 5):

nunc vero a mane ad noctem, festo atque profesto,
 toto itidem pariterque die populusque patresque
 jactare indu foro se omnes, decedere nusquam,
 uni se adque eidem studio omnes dedere et arti:
 verba dare ut caute possint, pugnare dolose;
 blanditia certare, bonum simulare virum se;
 insidias facere, ut si hostes sint omnibus omnes.
 aurum atque ambitio specimen virtuti' viriquest,
 quantum habeas, tantum ipse sies tantique habearis.

Очень замѣчательна по своей художественности насмѣшка надъ Т. Альбудиємъ, который до того привязался къ греческой культурѣ, что уже почти стыдился быть Римляниномъ. Когда онъ находился въ Афинахъ, въ 632 году, съ нимъ встрѣтился преторъ Кв. Муцій Сцепола и зло смѣялся надъ этимъ ренегатомъ и надъ его искусственнымъ, не римскимъ языкомъ (отр. 9).

Graecum te, Albuci, quam Romanum atque Sabinum,
 municipem Ponti, Tritani, centurionum,
 praeclarorum hominum ac primorum signiferumque
 maluisti dici. Graece ergo praetor Athenis,
 id quod maluisti, te, cum ad me accedi', saluto:
 χαῖρε, inquam, Tite! lictores, turma omni', cohorsque
 χαῖρετε, et hinc hostis mi Albucius, hinc inimicus!

И сейчас же послѣ этого:

quam lepide λέξις conpositae, ut tesserulae, omnes
 arte pavementi' atque emblemati' vermiculati!

Замѣчательнъ также и тотъ отрывокъ Луцилія, въ которомъ онъ
 осмѣиваетъ софистовъ:

quis hunc currere equum nos atque equitare videmus,
 his equitat curritque. oculis equitare videmus;
 ergo oculis equitat.

Я разказалъ содержаніе только самой незначительной части отрыв-
 ковъ изъ Луцилія. Но уже и по приведеннымъ мною примѣрамъ
 можно себѣ легко представить, какое богатство содержанія заклю-
 чается въ остальныхъ, а по сохранившимся отрывкамъ можно соста-
 вить заключеніе и о потерянныхъ. Веселыя описанія римской жизни
 Луцилія часто напоминаютъ намъ лучшія мѣста изъ сатиръ Гора-
 ція. Въ его строгихъ порицаніяхъ современныхъ пороковъ слышится
 какъ-бы отдаленный громъ, предвѣщающій скорую грозу. И дѣйстви-
 тельно, вскорѣ по смерти Луцилія начались междоусобныя войны, ко-
 торыя, полвѣка спустя, положили конецъ римской свободѣ.

Л. Миллеръ.

diciturque supra muniturque munitur diciturque
 diciturque supra muniturque munitur diciturque
 diciturque supra muniturque munitur diciturque
 diciturque supra muniturque munitur diciturque
 diciturque supra muniturque munitur diciturque
 diciturque supra muniturque munitur diciturque
 diciturque supra muniturque munitur diciturque

diciturque supra muniturque munitur diciturque

diciturque supra muniturque munitur diciturque
P. VERGILII MARONIS, BUCOLICA

diciturque supra muniturque munitur diciturque
E C O L O G A E

TITRUS.

Ближайшимъ поводомъ къ написанію этой эклоги послужило то обстоятельство, что Октавіанъ, побѣдивъ въ 34 году до Р. Хр. Брута и Кассія при Филиппахъ, началъ раздавать своимъ и антоніевскимъ ветеранамъ земли въ Италіи. „Захваты эти“, говоритъ Мериваль, „распространились отъ подгородныхъ и ближайшихъ къ столицѣ мѣстностей до самыхъ отдаленныхъ уголковъ Италіи, начиная муниципіями и кончая частною собственностію. Ничто, даже и доказанная преданность партіи Цезаря, не могло защитить повземельныхъ собственниковъ отъ этого распоряженія Октавіана. Такимъ образомъ и вѣрной Мантуѣ пришлось испытать судьбу своей сосѣдки Кремоны, а незначительный городокъ Андъ (Audes, is) — мѣстороженіе Вергилія — долженъ былъ раздѣлить несчастье своей метрополи Мантуи“ (History of the Roman empire, vol III).

Вергилій, такъ какъ и его маленькое помѣстье было отписано на солдатъ, отправился въ Римъ просить у кого слѣдуетъ защиты своихъ правъ. Дѣйствительно, при помощи нѣкоторыхъ вліятельныхъ личностей, преимущественно же Азнія Полліона — префекта Транспаданской Галліи, ему удалось получить отъ Октавіана такой декретъ, которымъ возстановлялись всѣ его имущественныя права. Но такъ какъ въ это время на его землѣ уже успѣлъ водвориться ка-

*) Считаю своимъ пріятнѣйшимъ долгомъ поблагодарить здѣсь профессора А. О. Юнина за ту любезную готовность, съ которою ояъ принялъ на себя трудъ рассмотреть въ рукописи этого моего комментарія. На сколько я успѣлъ приложить къ дѣлу замѣчанія и руководящія указанія почтеннаго профессора, отличающіяся глубокою эрудиціею и практическою основательностію, объ этомъ, конечно, судить не мнѣ. Н. Ф.

кой-то грубый и неуступчивый ветеранъ, то Вергилій и съ декретомъ Октавіана ничего не могъ подѣлать, а долженъ былъ снова отправиться въ Римъ и заручиться второю, на этотъ разъ уже болѣе дѣйствительною, протекціею. Движимый чувствомъ искренней благодарности къ Октавіану, поэтъ и написалъ эту эклогу.

Диалогъ ведется между двумя пастухами, изъ которыхъ одинъ безмятежно наслаждается сельскою жизнью, воспѣваетъ свою любовь и пасетъ никѣмъ нетревожимыи стада, тогда какъ другой, подвергнувшійся изгнанію изъ своего роднаго очага, гонимъ уныло предъ собою своихъ козъ, не имѣя въ перспективѣ ничего отраднаго, а одно лишь жалкое скитаніе по свѣту. Счастливый пастухъ представленъ въ эклогѣ рабомъ, только что получившимъ отъ своего господина свободу, подъ видомъ каковой эманципаціи поэтъ вѣроятно хотѣлъ указать на свое недавнее утвержденіе въ незаконно отнятой у него собственности.

Хотя эта эклога и не была написана первою, а по всей вѣроятности четвертою, однакожъ, Вергилій помѣстилъ ее въ самомъ началѣ своего сборника, вѣроятно потому, что она преимущественно служить къ прославленію Октавіана. Свои чувства и свое благополучіе поэтъ выражаетъ устами пастуха Титира, причемъ, однакожъ, аллегорія не строго выдержана во всемъ стихотвореніи: многое, имѣющее ближайшее отношеніе къ личности и быту пастуха, никакимъ образомъ не можетъ быть вездѣ отнесено къ самому Вергилію. Что касается мѣста дѣйствія, то настоящее стихотвореніе частію рисуетъ намъ Сицилію (пещеры—75 стих., горы—33, скалы—15, 47), а частію напоминаетъ окрестности Мантуи (48 ст., гдѣ говорится о болотистыхъ берегахъ и разливахъ рѣки). Имена дѣйствующихъ лицъ нашъ поэтъ болшею частію заимствуетъ изъ идиллій извѣстнаго греческаго поэта Теокрита.

Melibœus. Tityrus.

*M. Tityre, tu patulæ recubans sub tegmine fagi
Silvestrem tenui musam meditaris avena:*

Varia lectio: 2, agrestem.

1) «Tityre» (Τίτυρος) одинъ изъ пастуховъ въ Идилл. Теокрита; быть можетъ, это имя есть дорическая форма Τίτυρος.

2) «Silvestrem... musam» carmen pa-

storitium; silvestris—пастушескій, такъ какъ глѣтомъ въ Италиіи стада пасутся болшею частію по глѣсамъ, умѣряющимъ своюю прохладною тѣнію зной. «Musa» у поэтовъ часто служитъ

часть CLXVIX, отд. 5.

Nos patriæ finis et dulcia linquimus arva;
Nos patriam fugimus: tu, Tityre, lentus in umbra

5. Formosam resonare doces Amaryllida silvas.

T. O Meliboeë, deus nobis hæc otia fecit.

Namque erit ille mihi semper deus, illius aram

Sæpe tener nostris ab ovilibus imbuet agnus.

Ille meas errare boves, ut cernis, et ipsum

v. L. 3, fines; 5, Amarillida; 8, imbuit, inbuit.

олицетвореніемъ стиховъ, пѣсней. Оборотъ (трѣпъ) рѣчи, при которомъ одно имя ставится вмѣсто другого.—concreta вмѣсто abstracta: laurus вм. victoria, toga вм. рах; имя лица дѣйствующаго вмѣсто результата или слѣдствія, происшедшаго отъ дѣйствія: lego Homergum = carmina Homeri, Mars = bellum: abstracta вм. concreta: vicinitas = vicini, juvenus = juvenes и проч., называется *метониміей* (μετωνομία, denominatio) или *ипаллаге*. Сравн. русск. *зарыдалъ весь театръ* и др.

Meditari = μελετᾶν (какъ lacrima = δάκρυ, levir = δαῖψ, Ulixes = Ὀδυσσεύς) озн. развивать въ умѣ, а также давать вѣпшее выраженіе представленному, понимаемому умомъ. «Tenui» рождаетъ представленіе о безискусственности, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть самый естественный эпитетъ къ *avena* — тростинка, *жулейка*, (собств. овесь), ut culmus sæpe pro fistula est.

4) «fugimus» = φεύγομεν изгнаны изъ.. fugit (φεύγει) et is, qui expellitur patria et exulat. «lentus» otiosus et securus = λήνισο. «tu» а ты, ты же... *asyndeton* (dissolutio) *adversativum*, то-есть, опущеніе союза *противоположающаго*, противительнаго, каковой *asyndeton* встрѣчается чаще другихъ, такъ какъ самая постановка словъ можетъ указывать на *противоположеніе*. Ср. Cic. fam. 4, 9: dicere fortasse, quæ sentias, non licet; tacere plane licet; здѣсь nos... tu...

5) «Amaryllida» асс. Amaryllis, idis; Amaryllidem (ἀμαρύλλιδεσσι) amicam, carminibus celebrans, facis, ut Echo, quæ frequens est in silvis, ejus nomen referat.

6) Имя «Meliboeus» Сервій выводитъ изъ того, ὅτι μέλει αὐτῷ τῶν βοῶν, то-есть, заботящійся о коровахъ; «deus» здѣсь разумѣется Октавіанъ; Вергілій титулуетъ его столь гиперболически за оказанныя благодѣянія. Впрочемъ, въ послѣдствіи, не ранѣе однаковъ 35 года, этимъ именемъ (deus) уже всѣ стали величать еще бывшаго въ живыхъ императора. Вообще древніе, сопоставлявшіе довольно близко природу своихъ боговъ съ природою человѣческою, не затруднялись называть богами (dii) тѣхъ людей, которые или пользовались особеннымъ, неизмѣняемымъ имъ счастьемъ, или же чѣмъ-нибудь чрезвычайнымъ возвышались надъ своими современниками. Такъ Циц. къ Att: «Deus ille noster Plato».

8) «ovile» стоило для овецъ (ovis = оis = овца); «agnus» агнецъ, агненокъ; «ab ovilibus nostris» — agnus de grege nostro; «imbuet» обагрить.

9) «errare» бродить безъ опредѣленной цѣли, куда приходитъ также понятіе и о безопасности: *prospicit errantes greges*—Горац. Epod. 2, 13.

10) «ludere», ut καίρειν, de omni re non gravi et operosa, ac de carmina dicitur; «calamo» (κάλαμος = Halm =

10. Ludere, quæ vellem, calamo permisit agresti.

M. Non equidem invideo, miror, magis: undique totis
Usque adeo turbatur agris. En ipse capellas
Protenus æger ago; hanc etiam vix, Tityre, duco.

Hic inter densas corylos, modo namque gemellos,

15. Spem gregis, abl silice in nuda conixa reliquit.

Sæpe malum hoc nobis, si mens non laeva fuisset,

De coelo tactas memini prædicere quercus.

Sed tamen, iste deus qui sit, da, Tityre, nobis,

T. Urbem, quam dicunt Romam, Meliboeæ, putavi

v. L. 12, turbamur; 13, protinus; 14, corulos.

слава = солома) здѣсь въ такомъ значеніи, какъ *avena* во 2-мъ стихѣ, *tennis avena* = *calamus agrestis*.

11) «*magis*» = *potius*, — non tam invideo, quam miror... Прѣдъ «*undique totis*» слѣдовало бы поставить причинные союзы *nam* или *quoniam*, *enô*.

12) *quum tantae (maximae) undique in nostris agris turbæ et calamitates exortæ sint...* «*capellas*» = *saper-las*, ср. *puella* изъ *puer=la* и проч.

13) «*protenus*», *protinus* = *porro tenus*, longe a finibus. «*æger*» animo maestus. «*disco*» прочихъ, какъ видно, онъ гвалъ прѣдъ собою, а эту одну велъ.

14) «*namque*», *nam* обыкновенно въ прозѣ ставится въ началѣ предложенья.

15) «*spem gregis*» ut liberi spes parentum, qui genus suum per illos propagatum iri sperant, ita haedi, agni, vituli spes gregis. «*conixa*», въ значеніи *рождаетъ*, сильнѣе выражаетъ муки родильницы-матери, чѣмъ *epixa*. Буквальное знач. прѣдъ. *cum* (con-) въ сложеніи часто трудно выразить; оно служитъ иногда только къ большому усиленію, какъ-бы къ *концентрированному* значенію простаго слова: *concedo, congratulor* и проч.

16) «*laeva*» (λαίος = дѣвный), *stipida, tarda, σκαίος*.

17) «*memini*» (μνήσασθαι, мнѣ)ню, вспо-мин-аю) ставится нерѣдко съ *infinite praesentis* (собств. *imperfecti*), особенно если приводится явленіе или фактъ, пережитый самимъ лицомъ говорящимъ: *meministis, tum iudices, corporibus civium Tiberim compleri...*; *memini Pamphilum mihi pargare...* Ударъ молніи въ какой-нибудь предметъ или въ какое-нибудь живое существо считалось у древнихъ худымъ предзнаменованіемъ; у нихъ былъ обычай огораживать то мѣсто (*bidental*), куда пала молніа, и это мѣсто считалось обыкновенно священнымъ и неприкосновеннымъ. Если молніа ударила въ дубъ, то, по вѣрованію древнихъ, окрестнымъ жителямъ нужно было ожидать изгнанія изъ своей родины или ссылки. (*Bene haec ad superstitionem talium hominum (pastorum) dicuntur, quum adversi aliquid iis accidit*). Называлось огороженное мѣсто—*bidental* потому, что на немъ приносили въ жертву двугодовую овцу (*bidens*); самая же ограда называлась *puteal*.

18) «*da*» = *ede, dic*, какъ *accipe* = *audi, послушай*. «*quis sit*» «*quis sit*

20. Stultus ego huic nostræ similem, quo sæpè solemus
Pastores ovium teneros depellere fetus.
Sic canibus catulos similis, sic matribus hædos
Noram, sic parvis componere magna solebam.
Verum hæc tantum alias inter caput extulit urbes,
25. Quantum lenta solent inter viburna cupressi.
M. Et quæ tanta fuit Romam tibi causa videndi?
T. Libertas, quæ sera tamen respexit inertem,
Candidior postquam tonitenti barba cadebat;
Respexit tamen et longo post tempore venit,
30. Postquam nos Amaryllis habet, Galatea reliquit.

различаются между собою главнымъ образомъ тѣмъ, что при *quis* вопросъ имѣетъ въ виду имя, названіе, а при *qui* (*qualis*, *ποιος*) качество или свойство предмета. *Quis vir?* *quis senator?* желаемъ знать имя, названіе этого мужа или сенатора; *qui vir?* *qui senator?* спрашиваемъ о характерѣ, о положеніи человѣка и проч. Кромѣ того Варверъ замѣчаетъ, что *quis* Вергилій употребляетъ въ прямыхъ вопр., а *qui*— въ косвенныхъ.

21) *depellere* и *depulsos a lacte vive ab ubere materno vel agere vel portare*. Предлогъ *de* въ словеніи съ глаг. *pellere* не указываетъ здѣсь на то, будто Андѣ находился на возвышеніи (Мантуя и Андѣ лежали въ равнинѣ): здѣсь *de* указываетъ только *предназначеніе*, имѣетъ такое значеніе, какъ и въ слов. (встрѣчающихся, впрочемъ, рѣдко) *deducere*, *demittere naves* (*in portum*). *fetus* (φύσις = *fu-i*) приплодъ.

22) *catulus* (*demin. catus*) всякое молодое животное: щенокъ = σκύλαξ, котенокъ, львенокъ, пр.

23) *parvis componere magna* малое сопоставлять съ большимъ, отъ малаго заключать къ большому (μικρὰ μεγάλοις συνβάλλειν Herod.). Ср. Georg. IV, 176 (*si parva licet componere mag-*

nis), гдѣ говорится о циклопахъ и чцеллахъ.

24) *extulit* et elatum gerit.

25) *cupressi* (κοκκίσις) хотя и не туземное въ Италіи растеніе, однако въ времена Вергилія было распространено и извѣстно; *vidimus* болдышникъ.

27) Рабы, сберегая свою собственность (*peculium*), могли откупаться отъ господъ: *Tityrus, qui per multos annos, dum Galateae amori indulserat, peculii parum diligentem rationem habuerat* (*iners fuerat*); *jam senex factus, quum Amaryllidem, quae frugalior et parcior erat, amicam haberet, ut libertatem sibi compararet, Romam ad herum suum profectus est. quae sera* — то-есть, *quae etsi sera, tamen aliquando mihi contigit; inertem*, онъ не былъ лѣнивъ и влѣзъ въ работѣ, но только не надлежащимъ образомъ распоряжался своимъ заработкомъ, былъ равнодушенъ къ своимъ тратамъ.

28) *Candidior* посѣдѣвшая; *postquam* съ imperf. (*cadebat*) такъ какъ выражается дѣйствіе часто повторяющееся и какъ бы постоянное состояніе предмета; *habet* — дѣйствіе еще продолжающееся; *reliquit* — дѣйствіе вполне законченное, однократное.

30) *Galatea* у Теокр. (Идил.) не

Namque, fatebor enim, dum me Galatea tonebat,
Nec spes libertatis erat, nec cura peculi.

Quamvis multa meis exiret victima sæptis,
Pinguis et ingrata premeretur caseus urbi,

35. Non unquam gravis ære domum mihi dextra redibat.

M. Mirabar, quid mæsta deos, Amarylli, vocares;

Cui pendere sua patereris in arbore poma:

Tityrus hinc aberat; ipsæ te, Tityre, pinus,

Ipsi te fontes, ipsa hæc arbusta vocabant.

40 *T.* Quid facerem? neque servitio me exire licebat

ренда, любимая циклопомъ Полифе-
момъ.

32) «*Peculium*» собств. имущество, которое paterfamilias предоставлялъ составлять своему сыну или рабу, но которое, впрочемъ, онъ могъ и отнять у нихъ. Какъ видно по этимологич. слова: pecunia—pecus, fee—Vieh первоначально всякая вообще собственность сопоставлялась съ цѣнностію скота. «*Peculi*» вм. peculii, такъ какъ эти слитныя формы родит. и. существ. на ius и ium употреби. у Верг., равно какъ di, dis, idem, isdem обыкновенно вмѣсто полныхъ формъ: dii, diis, iidem и проч. Multa... victima, сравн. Гор. (Erod. 2, 31) multa canis, Ов. multa ovis и проч. Сравн. русск. водятся волкъ, множество птицы и проч.

33) «*Sæptum*» (иногда septum)—сѣ-
тѣ—за-сѣтѣ—первонач. к замѣнено
звукѣмъ p, какъ, напр., въ словахъ:
ἵππορα—equor, πέντε—quinque, ὄπός—
susus—сокъ и проч. «*Sæptis*»—ovili-
bus; и ограда на Campus Martius
была называема и sæpta и ovilia.

34) «*Pinguis*» melius ad victimam,
quam ad caseum refertur. (Serv.) «*in-
gratae*» quod nihil inde argenti refer-
ret; городъ, по мнѣнію названнаго Ти-
тира, не оплачивалъ ни его трудовъ,
ни его хорошаго товара.

35) Подобнымъ образомъ выражено
и въ стихотвореніи «*Moretum*»; Inde

domum cervice levis, gravis ære re-
dibat.

36—40) «Nunc Meliboeus in animum
sibi revocat maerorum Amaryllidis,
cujus causam ignorabat tunc, nunc fa-
cile assequitur. «Amarylli!» При этомъ
разговорѣ Амарилли не было, но обра-
щеніе къ ней, какъ бы къ присут-
ствующей, сообщаетъ рѣчи Мелибея
большую живость и, такъ сказать, не-
посредственность.

37) «*Sua*»—strata jacent passim sua
quaeque sub arbore poma». Ecl. VII, 54.
Amaryllis не касалась тѣхъ плодовъ,
которые были предназначены для Ти-
тира; ничья рука не касалась ихъ, въ
ожиданіи возвращенія Титира.

38) Въ «*aberat*» послѣдній слогъ про-
долженъ; далѣе слѣдуетъ пауза; сравн.
III Ecl. 97 ст. (erit); VII, 23 ст. (facit)
и проч.

39) «*Arbusta*» собств. огородныя под-
ставки, а потомъ и виноградникъ.
«Ipsae etiam pinus fontesque te deside-
rabant et quasi vocabant», такъ какъ
часто, особенно у поэтовъ, чувства
людей приписываются неодушевлен-
нымъ предметамъ (personific.).

40) «*Quid facerem?*» necessario mihi
Romam proficiscendum erat, nulla Ama-
ryllidis querelarum ratione habita,
quum neque libertatem recuperare
alibi, neque tam praesentes (propitios,
foventes) deos, tam praesens eorum.

Nec tam praesentis alibi cognoscere divos.
 Hic illum vidi juvenem; Meliboeae, quotannis
 Bis senos cui nostra dies altaria fumant.
 Hic mihi responsum primus dedit ille petenti:

45. „Pascite, ut ante, boves, pueri; submittite tauros“.
 M. Fortunata senex! ergo tua rura manebunt!
 Et tibi magna satis, quamvis lapis omnia nudus
 Limosque palus obducat pascua junco.
 Non insueta gravis temptabunt pabula fetas;

v. L. 42—quodannis, quot annis. 45—submittite.

beneficium alibi experiri possem». Вергилій смѣшиваетъ здѣсь два понятія: рабовладѣльца и всемогущаго повелителя Октавіана.

41) «*Praesentis*», относящее къ Богу, указываетъ не столько на его милосердіе и благоволеніе, сколько на могущество и вседѣйствіе для подаванія помощи. Поэтому-то этотъ эпитетъ (*praesens*) прилагается также и во всемъ воплотивъ дѣйствительнымъ гѣкарствамъ. Сравни. Georg. II, 127.

42) Октавіанъ называется *juvenis* также въ Georg. 1, 500; Hor. 1 od. 2, 41; Sat. II, 5, 62 и др. Всякаго молодого человѣка до 16 или 17 лѣтъ (то-есть, до принятія *toга virilis*) Римляне называли *puer*. Съ 17 или 18 до 40 — *adolescens* или *juvenis*; а такъ какъ послѣднее названіе по Варрону происх. отъ *juvare* (*quod rempublicam in re militari possent juvare*), то и употребляется вообще о всемъ томъ возрастѣ, въ которомъ Римлянинъ подлежалъ болѣе всего военной службѣ (то-есть, до 45 лѣтъ), почему нѣкоторые и думаютъ, что *juvenis* относится къ большому числу лѣтъ, чѣмъ *adolescens*.

43) «*Bis senos dies*» то-есть, 12 дней въ году. Октавіанъ былъ причисленъ къ лнцу Ларовъ: «et Laribus tuum miscet numen», говор. Горат. IV Od.

5, 34. По Катону, Лары пользовались жертвоприношеніями или во время Календы, или Нонъ, или же Иды каждаго мѣсяца. *Lares* (*domestici, familiares, privati, patrii*) были семейно-домашніе боги, ближайшіе покровители дома, гдѣ и помѣщались они въ особенной божницѣ (*laetarium*).

44) «*Primum*» = *demum* (дѣ робов) и «*потъ, только наконецъ* Октавіанъ... впервые только... Октавіанъ первый отнесся благосклонно (*appetit*) къ просьбѣ Титира-Вергилія. Если что-нибудь долго ожидаемое и искомое, случается позже, нежели оно могло или должно было случиться, обыкновенно представляется (эпиклитически) къ главному слову *demum*: *hunc demum, tum demum* и проч.

45) «*Pueri*» общее названіе рабовъ, какъ у Грековъ *παῖς*, а у насъ въ отношеніи къ рабочимъ «*ребѣнка*». «*Submittite*» то-есть, *alite ad supplendum propagandumque gregem*.

46) «*Manebunt*» = *erunt tua ut antea fuerant*. «*Tua*» сказ. будутъ твоими; *manebunt* тож. сказ. и *пробудутъ* твоими.

48) «*Junco*» qui in solo limoso nasci solet.

49) «*Gravis... fetas*» = *слабій послѣ родовъ, гажело двуглазійца (morbo gravis, gravis vulnere); feta* — *самка*,

50. Nec mala vicini pecoris contagia, laedent,
 Fortunata senex! hic inter flumina nota,
 Et fontis sacros, frigus captabis opacum!
 Hinc tibi, quæ semper, vicino ab limite, sæpes
 Hyblæis apibus florem depasta salicti,
55. Sæpe levi somnum, suadebit inire susurro,
 Hinc alta sub rupe canet frondator ad auras;
 Nec tamen interea, raucæ, tua cura, palumbes,
 Nec gemere æria cessabit turtur ab ulmo.
- T. Ante leves ergo, pascentur in æquore cervi,

v. L, 59, pascentur, æthere.

мать. «*Temptabunt*» non afferrent morbos insueta pabula tuis ovibus, ut meis capellis, quæ ex alio in alium locum semper æstate mutant pabula, quod perniciosum est.

50) «*Mala... contagia*» злокачественныя сопрякосновенія; заразительныя болѣзни. Гомеръ: *χακή νόσος*.

51) «*Flumina nota*», то-есть, Мянчио, По.

52) «*Fontes sacros*». Древнiе, вслѣдствiе особенностей своего религiознаго чувства, приписывали божественность всякому ручейку и источнику; «*sacros*», то-есть, a *Nymphis habitatos*. Теокр. *ἰσρὸν ὄβωρ*. «*Frigus opacum*» est frigus loci opaci, nemoris umbræ.

53) «*Hinc*», то-есть, *vicino ab limite*, *sæpes* (плетень, заборъ), quæ semper depasta est florem salicti (ивылка), то-есть, *cujus radices* (лвы), e quibus ipsa sæpes structa est, semper depascuntur Hyblæis apibus, suadebit sæpe tibi, Susurro levi arum, inire somnum. «*Hyblæis apibus*», то-есть, пчелами, подобными извѣстнымъ сицилійскимъ, около города Гиблы. «*florem depasta*», *intransitiv. pass.*, съ *внн.* подраженiе греческ. *medium* съ *внн.*, при показанiи на что именно простирается сосредоточенное дѣйствiе, чѣмъ (*abl. lima-*

tat.) преимущественно оно ограничивается: *πόλεμον ποιεῖν* = *bellum facere*, *inferre*, *πόλεμον ποιεῖσθαι* = *bellum summa contentione* (omni apparatu) *gerere*; *ἐκδιδόναι θυγατέρα* = *filiam nuptam dare*, *collocare*, *ἐκδιδέσθαι θυγατέρα* = *filiam dotibus ornataм collocare*; *ρεῖν μέλι, γάλα*; *γῆ ἡρινὸν θάλλουσα* и проч. (*Dido Sidoniam picto chlamydem circumdata libmo* (*Aen.* 4, 137) и проч.

56. «*Fron dator*» qui vites amputat et vitium folia decerpit, stringit; общипавшия, лишнiя листья служили кормомъ скоту. «*Canet ad auras*» будетъ наполнять воздухъ своими пѣснями.

57) «*Cura*» у поэтовъ очень часто обозначаетъ предметъ или лице, за которымъ особенно ухаживаютъ и который пользуется особенною любовью.

58. «*Gemere*» ворковать о голубяхъ, которыхъ Римляне, по свидѣтельству Варрона, охотно и въ большомъ количествѣ держали на своихъ фермахъ. «*æria*» perpetuum arborum epitheton, altitudinem indicans. «*ulmo*» сравн. Гор. (1 *Od.* II, 10): *Ulmus... nota quæ sedes fuerit columbis*.

59) Въмѣсто «*æquore*» у нѣмот. (Гейне) *æthere*; такимъ образомъ: *pascentur in æthere cervi leves* будетъ обозначать = *volabunt*.

60. Et freta destituent nudos in litore pisces;
 Ante, pererratis amborum finibus, exul
 Aut Ararim Parthus bibet aut Germania Tigrim,
 Quam nostro illius labatur pectore vultus.
 M. At nos hinc alii sitientis ibimus Afros,
 65. Pars Scythiam et rapidum cretae veniemus Oaxen,
 Et penitus toto divisos orbe Britannos.
 En umquam patrios longo post tempore finis,

v. L. 61, pererrantis, exsul; 63, vultus; 66, Britannos; 67, fines.

60) «*Et freta destituent pisces nudos in litore*» — и моря коварно, предательски оставят на берегу рыбу nudos, то-есть, не покрытых водой et pisces in sicco vivent. «*fretum*» и *fretus* у прозаиковъ означаетъ проливъ, часть моря, а у поэтовъ вообще море, волны.

61—62) «*Parthi, pererratis Germaniae finibus, in Galliam venient et Ararim bibent, Germani, pererratis Parthorum finibus, venient ad Tigrim.*» «*exul*» — водворится вдали, далеко отъ родины, какъ-бы въ собственной землѣ.

63) «Прежде чѣмъ взглянуть, исчезнетъ съ моей души его (благосклонный, незабвенный) взглядъ, его (милая) черты».

64) «*alii*» совершенно точно по значенію, хотя и не по формѣ, соответствуетъ послѣдующему «*paris*». Сравни (Sall. Jug., 57): alii fugere... paris vulnerati (ad synesin) aut occisi, или Гораци. (I Epit. I, 77): paris hominum... sunt qui... «*ibimus Afros*» название народа вмѣсто названій мѣстностей (неговинія) и притомъ безъ предлога впительн. надежъ, подобно, слѣд. словосочиненію город.

65. «*Cretae*» собств. критская земля, подъ которою разумѣн мѣл; сравн. нѣм. *Kreide*. У нѣкотор. «*Cretae*», то-есть, название острова. «*rapidum cretae*» много уносящаго съ собою мѣлу.

известн; rapidus съ родит. надежъ по общей аналогіи съ словосочиненіемъ прилагательныхъ, обозначающихъ мѣбилие, преисполненіе, или съ прил. на-ах (avarus, fecundus, fertilis, insatiabilis, plenus, garrax, ferax и проч. «*Oaxen*» Oaxus или Axus (остатокъ дигаммы) городъ на Критѣ, называемый также Ἀξός (ἔστι τῆς Κρήτης Ἀξός πόλις ἐν τῇ ἐγένετο Ἐτέαρχος βασιλεύς, (Herod. 4, 164). Каковое мѣсто Стефанъ Византийскій описываетъ подъ формою Ὀαξός. У Критянъ ἄξος означ. χρημώδης τόπος (Γάτω). Тамъ же была и рѣка этого имени. Колонистамъ, вынаннымъ изъ Капуи, Августъ родевалъ земли на островѣ Критѣ.

66) «*toto divisos orbe*» — «orbem terrarum ambit Oceanus, Britannia autem sita est ultra Oceanum». По образцу глаг. сложн. съ dis — принимающихъ иногда, въ значеніи «*secerno*», «*separo*» (discerno, differo, disto и др.) ablat. separativ., поставленъ и адъсъ гл. divido, то-есть, di — vid — ere (Curt. Griech. Etym., 2 Aufl., 217 стр.).

67) «*En*» иногда указываетъ и на то, что лице говорящее сильно желаетъ исполненія той мысли, которую предлагаетъ въ формѣ вопроса. Сравни Ecl., VIII, 7: en erit umquam ille dies mihi cum liceat tua dicere facta?

Pauperis et tuguri congestum caespite culmen,
Post aliquot, mea regna videns, mirabor aristas?

70. Impius haec tam culta novalia miles habebit,
Barbarus has segetes? en, quo discordia civis
Produxit miseros, his nos consevimus agros!
Insere nunc, Meliboee, puros, pone ordine vitis.
Ite meæ, quondam felix pecus, ite capellæ.

75. Non ego vos posthac, viridi projectus in antro,
Dumosa pendere procul de rupe videbo;
Carmina nulla canam; non, me pascente, capellæ,
Florantem scytisum et salices carpētis amaras.

T. Hic tamen hanc mecum poteras requiescere noctem

v. L. 68, tugurii; 72, perduxit, en quis, agris! 74, felix quondam.

68) «*tugurium*» = вм. *tegurium*, такъ какъ гласн. и иногда при плавныхъ уиодобляетъ себѣ гласныя предше- ствующаго слога: *lucinae* вм. *lascinae*, *rutundus* вм. *rotundus*, *urica* = *erica* (ἔρις); *Ulysses* вм. Ὀδυσσεύς греч. (ο = лат. u), *ululo* = ὠλόλοζω и проч.

69) «*Post*» вм. *postquam* longo *post* tempore; выражение сокращено, потому что немного выше (67 ст.) обозначено вполне, откуда и можетъ быть допол- нено. «*arista*» золотистый, вполне со- зрѣвшій колось.

70) «*Impius*» — *pri sunt agricolae, pa- cis ac justitiae amantes nec quemquam laedentes; impii milites, quibus vis ac ferrum pro lege est, quare «Mars impius»*. G. I, 511. «*novalis*» (*novus, vicius, vicus*) употребляется какъ существит. въ женскомъ и средн. родахъ; въ пер- вомъ случаѣ подразумѣвается сущ. *terra*, а во второмъ — *solum* = «*tam culta novalia*» землю, которую я пер- вый вспахалъ, разработалъ и привелъ въ такое превосходное состоянiе. *No- valis* собств. озн. въ первый разъ вспа- хавшую, *подмятую* землю (новина), а равно и парь, то-есть, отдыхающую,

только въ данный годъ не засѣянную землю и вообще поля обработанныя, заселенныя (*novalia Cadmi*).

71) «*Barbarus*»... намекъ на Галловъ и другихъ народовъ Европы, которые въ то время уже находились въ рим- скихъ войскахъ. Извѣстно, что еще Юлій Цезарь бралъ къ себѣ на службу Галловъ, Германцевъ, Испанцевъ и др.

72) «*his nos consevimus agros!*» съ негодованiемъ указываетъ на частный результатъ предыдущаго общаго: «*en quo produxit*». У нѣкоторыхъ: *en quis consevimus...* гдѣ *quis* = *quibus*.

73) «*Insere nunc, Meliboee...*» разводи послѣ этого, Мелибей... Ironice *haec dicta: quid juvat nunc insevisse!*

76) «*Dumosa*» (родств. *densus* = δα- σός) тѣсно, густо поросшая.

78) «*scytisum*» (родъ клевера, три- листникъ) «*fruticis genus, colore albicante, ramis fere cubitalibus, jucundo foliorum odore et sapore, aribus et capris gratum*».

79) «*poteras*» (*imperf.*) такъ какъ Ти- тиръ обратился съ этими словами уже къ удаляющемуся отъ него Мелибей. «Впрочемъ ты могъ бы адѣсь...» Сравн.

смотреть, на сколько эти результаты просты и доступны сами по себѣ, безъ помощи другихъ обширныхъ свѣдѣній, какихъ, конечно, нельзя предполагать въ юномъ возрастѣ учащихся. Въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, лучше остаться подольше на почвѣ, оставленной уже наукою, стремящеюся впередъ, чѣмъ перейти преждевременно въ новую область, еще не вполне покоренную и присвоенную наукѣ. Это надо имѣть въ виду въ особенности тогда, когда идетъ вопросъ не о расширеніи только объема знаній, но о совершенномъ измѣненіи научнаго приѣма, каковыя перемены и произошло въ наше столѣтіе въ области филологіи; сравнительное языковедіе не могло не подѣйствовать и на занятіе древними языками и, конечно, элементарное преподаваніе этихъ предметовъ не осталось чуждымъ этому новому явленію; въ гимназическое преподаваніе греческой грамматики новый принципъ былъ введенъ сначала Курціусомъ; затѣмъ уже онъ сталъ примѣняться и къ латинскому языку. Явленіе это не случайно, но объясняется слѣдующими двумя причинами. Впервыхъ, измѣнить методъ въ греческой грамматикѣ было легче, нежели въ латинской, потому что этимологія греческаго языка (пока еще сравнительное языковедіе повліяло почти только на одну этимологію, гораздо менѣе на синтаксисъ) даже и въ прежнее время не довольствовалась такъ-называемымъ рациональнымъ методомъ, приплтымъ, напримѣръ, въ грамматикахъ латинской, французской и другихъ. Греческая грамматика не могла просто сопоставлять правила и исключенія, не объясняя самого происхожденія формъ и перемены основъ законами фонетики. Вторыхъ, новый приѣмъ и потому уже скорѣе могъ быть примѣненъ къ преподаванію греческаго языка, что занятіе этимъ языкомъ начинается въ болѣе развитомъ возрастѣ, и слѣдовательно, съ учениками уже способными дѣйствовать разсудкомъ, а не одною только памятью. Притомъ же и цѣли, которыя преслѣдуются въ гимназіяхъ при преподаваніи греческаго и латинскаго языковъ, не совсѣмъ одинаковы. При изученіи латинскаго языка имѣется въ виду не одно только пониманіе древнихъ авторовъ, но и умѣніе выражать свои мысли на этомъ языкѣ; почему, синтаксисъ требуетъ сравнительно большей части труда и времени, чѣмъ этимологія, которая, составляя необходимое условіе къ занятію синтаксисомъ, чѣмъ легче и скорѣе усвоится, тѣмъ лучше, — и потому составляетъ предметъ занятія только въ младшихъ, элементарныхъ классахъ гимназическаго курса. Въ греческомъ же языкѣ, напротивъ, этимологія занимаетъ ровно половину всего курса и потому должна

преподаватися въ болѣе научномъ видѣ, чтобы могла занимать учащихся полезнымъ и болѣе соответственнымъ ихъ возрасту способомъ. Не должно также упускать изъ виду и того обстоятельства, что занятіе этимологією греческаго языка имѣетъ главною цѣлью твердое знаніе формъ этого языка,—и тотъ путь, который ведетъ лучшимъ образомъ къ этой цѣли, нельзя не признать удобнѣйшимъ, даже если бы онъ и не вполне удовлетворялъ другимъ требованіямъ, также справедливымъ, но, однако, менѣе важнымъ. Два учебника греческаго языка, наиболѣе употребляющіеся до сихъ поръ у насъ въ гимназіяхъ, могутъ служить представителями противоположныхъ опытовъ рѣшить этотъ вопросъ. У Кюнера преобладаетъ практическій взглядъ, иногда даже въ ущербъ научнымъ требованіямъ, а у Курціуса научный методъ иногда допускаетъ возможно большее облегченіе столь труднаго, самого по себѣ, предмета. Кюнеръ болѣе механически отличаетъ формы языка, чтò, напримѣръ, ясно выказывается въ его статьѣ о глаголахъ и, дѣйствуя, главнымъ образомъ, на память, старается утвердить формы черезъ упражненіе въ переводахъ, представляющихъ повтореніе очень незначительнаго числа случаевъ. Курціусъ же выводитъ формы словъ по общимъ законамъ и часто предоставляетъ самому учащемуся примѣнять эти законы къ отдѣльнымъ случаямъ; слѣдовательно, Курціусъ требуетъ отъ ученика болѣе разсудительности. Относительно объема разсматриваемыхъ явленій языка, Курціусъ не поставилъ себѣ такихъ узкихъ предѣловъ, какъ Кюнеръ; въ примѣчаніяхъ онъ постоянно обращаетъ вниманіе на діалекты, чтò часто бываетъ для него доказательствомъ вѣрности самихъ его объясненій. Но спросите не только опытнаго преподавателя, но и любого ученика, который въ этомъ вопросѣ даже болѣе компетентенъ: „по Кюнеру ли легче учиться, или по Курціусу?“ Онъ отвѣтитъ вамъ, что по Кюнеру легче, хотя и надо сознаться, что по Курціусу гораздо основательнѣе изучается греческій языкъ, такъ какъ тутъ знакомятся съ самыми законами, дѣйствующими при образованіи формъ.

Г. Фокковъ, составившій новый учебникъ греческаго языка (пока еще вышло только два выпуска: склоненія и спряженія), повидимому, поставилъ себѣ цѣлью соединить въ своемъ трудѣ преимущества того и другаго способа и избѣжать недостатковъ, свойственныхъ каждому изъ нихъ отдѣльно. Понятно, что онъ болѣе склоняется на сторону Курціуса, у котораго заимствовалъ почти весь ходъ изложенія; но, обращая болѣе вниманія на практическую сторону, онъ, по примѣру

Кюнера, сократилъ объемъ разсматриваемаго матеріала и присоеди-
нилъ примѣры для переводовъ, чтобы такимъ образомъ дать возмож-
ность упражнять учащихся въ примѣненіи изложенныхъ правилъ. Та-
кое соединеніе двухъ методовъ не могло не представить затрудненій.
При такомъ двойномъ принципѣ довольно трудно рѣшить вѣрно во-
просъ, что именно должно принять въ составъ грамматики и что слѣ-
дуетъ опустить. Само изложеніе правилъ также легко дѣлается не-
равнымъ, смотря потому, какая цѣль преобладала въ умѣ автора:
практическая или научная. И дѣйствительно, авторъ въ нѣкоторыхъ
мѣстахъ пропустилъ важные факты, или онъ не успѣлъ дать полного
объясненія имъ, а съ другой стороны не всегда удерживался отъ со-
общенія болѣе второстепенныхъ данныхъ, которыя можно было бы и
не помѣщать въ элементарной грамматикѣ. Доказати сказанное мы мо-
жемъ лишь при подробномъ разборѣ труда г. Фоккова; а пока, укажемъ
только на одинъ пунктъ, именно: какимъ образомъ примѣняетъ ав-
торъ „главныя положенія сравнительнаго языковѣдѣнія“, на основаніи
которыхъ онъ составилъ грамматику. Быть можетъ, эти положенія из-
вѣстны преподавателю, но ученикъ встрѣчается съ ними здѣсь въ
первый разъ, и слѣдовательно, составленныя для него объясненія мо-
гутъ основываться только на тѣхъ законахъ, которые изложены въ
самой книгѣ г. Фоккова; иначе сравненіе греческихъ формъ съ ла-
тинскими и русскими скорѣе озадачитъ ученика, чѣмъ объяснить ему
самую сущность дѣла. Въ этомъ отношеніи, какъ намъ кажется,
г. Фокковъ не всегда находитъ должныя предѣлы. Такъ, въ § 79, при-
мѣромъ отбрасыванія согласныхъ звуковъ на концѣ служатъ слѣдую-
щее: „ἄλλο, вм. ἄλλοδ = лат. aliud“ и „κόδα, вм. кодар“. Но эти окон-
чанія собственно въ греческомъ языкѣ для ученика неизвѣстны и по-
тому непонятны; сравненіе же съ латинскимъ можетъ служить под-
твержденіемъ только въ случаѣ равенства обоюдныхъ формъ, а само
по себѣ еще не можетъ считаться достаточнымъ объясненіемъ гре-
ческой формы. Подобныя загадочныя замѣтки встрѣчаются и еще
кое-гдѣ: напримѣръ, § 116 „εἶθιζω—пріучаю εἶθιζον (Fεθιζω)=suesco“;
или § 136, прим. 4, „εἶθδα—я привыкъ; отъ кор. οFεθ = suesco“.
Лучше уже совсѣмъ не объяснять, нежели объяснять загадочно.

Приступая къ разбору, мы обратимъ вниманіе сперва на ходъ
изложенія и расположеніе учебника, потомъ рассмотримъ содержа-
ніе его и затѣмъ просоединимъ нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія по
порядку статей, соблюдаемому въ самой книгѣ.

Порядокъ, въ которомъ излагается какой-либо предметъ, отмеча-

сти необходимый, какъ данный самимъ предметомъ, отчасти произвольный, обусловленный цѣлью этого изложенія. Цѣлью автора было, какъ мы поняли, соединеніе научнаго способа съ практическимъ, что должно было имѣть вліяніе и на порядокъ изложенія, и на весь планъ книги. Было уже замѣчено, что авторъ въ общихъ чертахъ держится того порядка, въ которомъ разбираются отдѣльныя статьи у Курціуса; но онъ не могъ не сдѣлать отступленій. Вопервыхъ, правила фонетики у г. Фоккова помѣщаются непосредственно передъ ученіемъ о глаголѣ, такъ какъ для спряженія особенно необходимо знаніе измѣненія и сочетанія звуковъ. Самъ авторъ говоритъ въ предисловіи ко второму выпуску, что „не думалъ выборомъ перваго мѣста для фонетики указывать и на первую необходимость послѣдовательно-полнаго изученія всей этой главы до вступленія къ изученію глаголовъ“. Дѣйствительно, можно сомнѣваться въ томъ, чтобы ученіе усвоилъ эти сложныя правила въ цѣлости, не познакомившись съ ними отдѣльно на опытѣ. При склоненіяхъ авторъ уже sporadически указывалъ на подобныя явленія въ языкѣ; но почему же г. Фокковъ не помѣстилъ всю эту статью тамъ, гдѣ она находится во всѣхъ грамматикахъ, то-есть, въ началѣ книги? Въ такомъ случаѣ, онъ и при склоненіяхъ могъ бы довольствоваться простымъ указаніемъ на тотъ или другой параграфъ и не отдѣлилъ бы эту главу отъ тѣхъ, съ которыми она находится въ тѣсной связи, то-есть, отъ правилъ о произношеніи и свойствѣ буквъ, о знакахъ и удареніяхъ. Но это, какъ намъ кажется, не вполне удачное нововведеніе автора обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что трудъ г. Фоккова появился въ двухъ выпускахъ и что желательно было совмѣстить фонетику въ одинъ томъ со спряженіями, потому что особенно при спряженіяхъ чаще всего приходится указывать на законы фонетики. Такимъ образомъ, при новомъ изданіи учебника, когда вѣроятно вся этимологія будетъ соединена въ одинъ томъ, и фонетика должна будетъ занять свое старое мѣсто, такъ какъ уже не будетъ причины отдѣлять ее отъ однородныхъ съ нею главъ. Впрочемъ, мѣсто, которое занимаетъ эта глава, никакой существенной разницы для метода не представляетъ. Едва ли важно и то, помѣщаются ли мѣстоименія передъ именами числительными или позади ихъ, но важно, какимъ порядкомъ разбирается глаголь. И тутъ возможны два случая: можно разсматривать одинъ и тотъ же родъ глаголовъ по всѣмъ измѣненіямъ, производимымъ спряженіемъ, или же можно разсматривать отдѣльно одно время за другимъ, проходя при этомъ всѣ различныя глаголы разомъ. Пер-

вый способ примененъ Кюнеромъ; г. Фокковъ предпочелъ второй, по примѣру, данному Курціусомъ, но съ тѣмъ измѣненіемъ, что г. Фокковъ проходитъ аористы на *sa* прежде аористовъ на *ov*; это оказалось ему необходимымъ потому, что онъ называетъ ихъ *aoristus I* и *aoristus II*, какъ они назывались и до Курціуса. Мы вполне согласны съ г. Фокковымъ, потому что не всегда удобно проходить въ гимназій этимологію въ историческомъ порядкѣ развитія языка (иначе слѣдовало бы начинать ученіе о глаголахъ съ глаголовъ на *mi* и даже основывать все не на аттическомъ, а по крайней мѣрѣ на гомеровскомъ діалектѣ); должно проходить сперва то, что представляетъ болѣе правильности, хотя бы это и были формы позднѣйшаго образованія. Но если авторъ уже принялъ тутъ во вниманіе затрудненіе, представляющееся ученику, то ему, какъ намъ кажется, слѣдовало бы сдѣлать еще дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи и гораздо болѣе отступить отъ примѣра Курціуса въ самой группировкѣ общихъ правилъ, относящихся къ глаголу. Мы не требуемъ, чтобы онъ рѣшился принять способъ Кюнера, потому что у этого первое спряженіе, дѣлимое на *verba barytota, contracta, muta* и *liquida*, является въ глазахъ ученика не какъ одно и то же спряженіе, но какъ четыре совершенно различныя спряженія; порядокъ же, соблюдаемый г. Фокковымъ, то-есть, разборъ всѣхъ однородныхъ глаголовъ разомъ, по отдѣльнымъ временамъ, гораздо лучше показываетъ общіе законы ихъ образованія. Но вслѣдствіе этого раздѣленія, многія явленія, относящіяся ко всѣмъ временамъ одного и того же класса глаголовъ, у г. Фоккова такъ разбросаны, что ученику трудно комбинировать и замѣчать ихъ. Такъ, напримѣръ, продолженіе коренной гласной во всѣхъ временахъ, кромѣ *praes.* и *imperfect.*, измѣненіе гласной (отзвукъ) и подобныя явленія нигдѣ не подведены подъ одно общее правило, а этому слѣдовало посвятить отдѣльную статью, какъ это сдѣлано авторомъ относительно фонетики, напримѣръ, въ концѣ ученія о правильныхъ глаголахъ на *o*; да и въ началѣ не мѣшало бы помѣстить образецъ (*paradigma*) правильнаго глагола по всѣмъ временамъ. При теперешнемъ же порядкѣ изложенія, ученику чрезвычайно трудно будетъ отыскивать какую-либо форму, въ случаѣ недоумѣнія. Этого недостатка въ такой степени у Курціуса нѣтъ. Во-первыхъ, такъ отдѣльныя правила не прерываются примѣрами для переводовъ,—обстоятельство, которое значительно затрудняетъ справку по грамматикѣ г. Фоккова; во-вторыхъ,—и это важно,—у Курціуса въ концѣ этимологическаго отдѣла приложенъ подробный реестръ содер-

жани книги и эта ариаднина нить помогаетъ неопытному выбратъся изъ лабиринта правилъ. Можетъ быть, авторъ намѣренъ приложить общій реестръ только по окончаніи всей книги, всего учебника; но мы жалѣемъ, что г. Фокковъ не сдѣлалъ этого уже при появленіи первыхъ двухъ выпусковъ. Реестръ, при избранномъ авторомъ способѣ изложенія, на столько же важенъ, на сколько и словарь для переводовъ, а авторъ не только не отложилъ составленіе словаря до окончанія всего труда, но даже и къ каждому выпуску приложилъ особый словарь. Что касается неправильныхъ глаголовъ, то и тутъ желательно было бы алфавитное исчисленіе ихъ, помимо изложенія, и то неполнаго, по классамъ, въ томъ родѣ, какъ это сдѣлалъ Крюгеръ въ своей грамматикѣ; этимъ способомъ исполняется и требованіе системы, и дается возможность легко справляться, что необходимо: грамматика сопровождаетъ ученика до конца курса и самому лучшему ученику нерѣдко приходится справляться на счетъ того, что онъ изучалъ годъ или два тому назадъ. Время, которое тратится на справку безъ помощи реестра, пропадаетъ почти безплодно, и во всякомъ случаѣ могло бы быть употреблено болѣе полезнымъ образомъ.

Что касается содержанія книги, то-есть, объема разсматриваемаго въ ней матеріала языка, то, по словамъ автора въ предисловіи къ первому выпуску, онъ помѣстилъ „въ этомъ начальномъ курсѣ только главныя и существеннѣйшія правила греческаго языка и притомъ только аттическаго діалекта“. Желаніе г. Фоккова остановиться преимущественно на томъ, что наиболѣе необходимо—понятно, оно воиолнѣ соответствуетъ тому практическому правилу, которому авторъ даетъ столь важное значеніе въ своемъ учебникѣ. Все лишнее вредно, но учебникъ языка, конечно, долженъ содержать все существенное, — однакожь, намъ пришлось замѣтить отсутствіе нѣкоторыхъ словъ и формъ, встрѣчающихся неоднократно при первоначальномъ чтеніи хрестоматіи и древнихъ авторовъ, и объясненія которыхъ не найдти въ словаряхъ. Такъ, напримѣръ, въ § 52, слѣдовало бы упомянуть о склоненіи именъ собственныхъ, оканчивающихся на — κλης, но о нихъ во всей грамматикѣ не сказано ни слова; тамъ же должно было бы сказать о неправильномъ удареніи формъ αὐτάρων и τριήρων. Не знаемъ, почему (§ 109 и пр.) нигдѣ не упомянуто о формѣ перваго лица двойственнаго числа medii, оканчивающейся на — μεδον. — § 126. IV Примѣч. 3. Нѣтъ глаголовъ σφάζω и σαλπίζω. — § 138. 5. Ничего не сказано о conjunct. и optat. perf. med. глаголовъ μυνήσχω, χαλέω, χτάρωα. Впрочемъ, первые два находятся въ числѣ неправильныхъ,

и тамъ указано conj., perf., о формахъ же $\chi\epsilon\lambda\tau\omicron\rho\alpha\iota$ и $\chi\epsilon\lambda\tau\eta\mu\eta\nu$ или $\chi\epsilon\lambda\tau\eta\mu\eta\nu$ нигдѣ не говорится. — § 152 равнымъ образомъ пропущены optatt. $\tau\acute{\iota}\theta\omicron\upsilon\tau\omicron$, $\theta\acute{\omicron}\iota\tau\omicron$ и подобные, хотя эти формы часто встрѣчаются у Ксенофонта и могутъ чрезвычайно озадачить неопытнаго ученика. § 163 нѣтъ формъ III лица множ. числ. impref. глагола $\epsilon\acute{\iota}\mu$ — $\eta\sigma\alpha\nu$ ви. $\eta\sigma\alpha\nu$, а выставлена только послѣдняя. Эти пропуски, какъ видно, сдѣланы не съ умысломъ, а просто—недосмотры, допущенные, можетъ быть, по торопливости, которая въ особенности замѣтна въ статьѣ о глаголахъ на μ и нѣкоторымъ образомъ помѣшала ясности самого изложенія. Г. Фокковъ, по примѣру Курціуса, къ каждому образцу прибавляетъ замѣчанія, въ которыхъ говорится не только объ исключеніяхъ изъ даннаго правила, но и обращается вниманіе на особенности правильнаго образованія формъ и разбирается представленный образецъ. Въ статьѣ о глаголахъ на μ : авторъ не совсѣмъ отказался отъ этого способа, однако, замѣчанія гораздо скуднѣе; не указывается иногда даже и на тѣ особенности, которыя легко могутъ ускользнуть отъ вниманія. Напримѣръ, въ § 150 не обращено вниманія на неправильное удареніе infin. pres. и aor. act., равно и на удареніе conj. и opt. pres. и aor. med. въ глаголахъ $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\mu\iota$, $\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota$, $\acute{\iota}\sigma\tau\eta\mu\iota$, хотя § 160 указано, что $\delta\acute{\omicron}\nu\alpha\iota$ и проч. въ этихъ формахъ отпосытъ удареніе на 3-й слогъ отъ конца.—Въ § 154 не изложено нагляднымъ образомъ, гдѣ глаголъ $\acute{\iota}\sigma\tau\eta\mu\iota$ принимаетъ η и гдѣ остается α . Въ примѣчаніи къ этому § слѣдовало бы замѣтить о необыкновенномъ продолженіи гласныхъ въ формахъ $\delta\acute{\omicron}\nu\alpha\iota$, $\theta\acute{\alpha}\iota\upsilon\alpha\iota$ (а не $\delta\acute{\omicron}\nu\alpha\iota$ и не $\theta\acute{\eta}\nu\alpha\iota$, какъ слѣдовало бы образовать по этому примѣру). Не столько торопливость, сколько стараніе выразаться по возможности кратко мѣшало иногда наглядности и ясности выраженія. Важныя правила упомянуты иногда мимоходомъ. Вотъ примѣръ, § 154: „въ единств. числѣ изъяв. накл. activi за исключеніемъ $\acute{\iota}\sigma\tau\eta\nu$, удерживающемъ η во всѣхъ числахъ, обыкновенно вмѣсто 2-го аориста употребляются соотвѣтствующія лица аор. I, имѣющаго въ глаголахъ $\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota$, $\acute{\iota}\eta\mu\iota$ и $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\mu\iota$ своимъ характеромъ не σ , а χ “. Тутъ заключены три главнѣйшія правила не только въ одномъ §, но даже въ одномъ только предложеніи! Подобныхъ случаевъ намъ еще представится нѣсколько при разборѣ отдѣльныхъ главъ, къ которому мы теперь и обращаемся; встрѣтятся и такіе случаи, гдѣ чрезмѣрное сокращеніе правила дѣлаетъ иногда это правило неточнымъ, а слѣдовательно и невѣрнымъ.

Руководствуясь порядкомъ самого учебника, приступимъ сперва къ тому отдѣлу, въ которомъ говорится объ удареніи. Тутъ мы тот-

часть же не можемъ согласиться съ опредѣленіемъ, даннымъ авторомъ; въ § 13-мъ сказано: „удареніе находится на той гласной буквѣ, слогъ которой нужно произнести явственнѣе и сильнѣе прочихъ“. Это не точно; знаки *acutus*, *gravis* и *circumflexus* ставятся надъ тѣми слогами, которые надо произнести не *сильнѣе*, то-есть, не съ большимъ напряженіемъ легкихъ, а *выше* тономъ. Всякій человѣкъ произноситъ слова въ рѣчи какимъ-либо свойственнымъ ему среднимъ тономъ, одинъ выше, другой ниже. При произношеніи слоговъ, имѣющихъ удареніе, этотъ тонъ повышается или понижается, въ смыслѣ музыкальномъ, а съ этимъ повышеніемъ или пониженіемъ тона не всегда необходимо сопряжено усиленіе или ослабленіе голоса. Оттого-то въ латинскомъ языкѣ и называется удареніе—*accentus*—пригвономъ. Только такимъ образомъ объясняются различныя явленія ударенія въ греческомъ языкѣ; такъ, на примѣръ, дѣлается понятнымъ различіе въ произношеніи остраго, потушеннаго и облеченнаго удареній и почему облеченное ставится только на долгихъ слогахъ, хотя опять не всегда удареніе долгаго слога есть облеченное. Черезъ *accentus acutus* обозначается простое повышеніе тона, черезъ *circumflexus* повышеніе и затѣмъ пониженіе въ предѣлахъ одного и того-же слога (оттого при слитіи—*contractio*—ставится *circumflexus*, если первый изъ сливающихся слоговъ имѣетъ удареніе, а если второй, то ставится *acutus*), *accentus gravis* указываетъ на то, что слогъ произносится болѣе низкимъ тономъ, нежели слоги безъ ударенія. (Отъ этого ударенія (*accentus*), истрѣчающагося въ каждомъ словѣ, надо отличать удареніе въ стихахъ—(*ictus*), но ясное изложеніе автора объ удареніи вообще не позволило ему вѣрно объяснить этотъ *ictus*. Въ примѣчаніи 2-мъ къ § 17-му сказано, что стихосложеніе основывается „на количествѣ, то-есть, долготѣ или краткости слоговъ“ и изъ этого выводится правило, что „при чтеніи стиховъ слѣдуетъ повышать протяжно голосъ надъ долгими слогами, хотя бы они и стояли безъ ударенія“, или, какъ сказано ниже, эти слоги „должны произноситься болѣе вышнимъ и болѣе протяжнымъ тономъ“. Здѣсь слѣдовало поставить „болѣе сильнымъ“ вмѣсто „болѣе вышнимъ“, потому что *ictus* и состоитъ въ болѣе громкомъ произношеніи одного слога передъ другими. Совпаденіе же *ictus* съ *accentus* только случайность. Замѣчаніе, что слоги по природѣ долгіе должны читаться „болѣе протяжнымъ тономъ“ вѣрно, но правило, находящееся въ томъ-же примѣчаніи, что „долгіе по положенію читаются также, какъ и долгіе по природѣ“, не имѣетъ даже и основанія. Относительно этого

вопроса, котораго, впрочемъ, по его сложности, слѣдовало бы и совсѣмъ не касаться при изложеніи первоначальныхъ правилъ грамматики, можно обратиться къ J. H. Heinrich Schmidt Leitfaden der Rhythmik und Metrik. Leipz. 1869. § 4 слѣд.—Правило § 25 въ концѣ: „Два встрѣчающихся твердыхъ гласныхъ звука въ срединѣ слова обыкновенно сливаются въ одинъ долгій или дифтонгъ и надъ слогомъ, произшедшимъ изъ такого сліянія, большею частію ставится обремененное удареніе“. Во первыхъ правило, которое оговаривается выраженіями „обыкновенно, большею частію“, мало помогаетъ ученику. Сперва надо постановить правило, какъ постановляются всѣ законы, рѣшительно и опредѣленно, а затѣмъ уже можно упомянуть и объ исключеніяхъ. Это правило не только неточно, но и невѣрно. Слитный слогъ принимаетъ удареніе не потому именно, что онъ слитный, и принимаетъ онъ обремененное удареніе только въ томъ случаѣ, если первый изъ составляющихъ его слоговъ имѣлъ удареніе; если же второй, то удареніе надъ слитнымъ слогомъ—острое; а если ни тотъ, ни другой не имѣли ударенія, то и слитный слогъ не имѣетъ его. Конечно, и это правило не безъ исключеній.—§ 26. Въ числѣ правилъ объ удареніяхъ въ первомъ склоненіи не достаетъ того правила, что имен. и винительные падежи всѣхъ родовъ не допускаютъ обремененнаго ударенія на окончаніи, хотя бы и долгомъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда гласная окончанія слилась съ послѣднею гласною основы въ одинъ слогъ.—§ 30. Примѣч. 2. „Въ слитныхъ формахъ сложныхъ словъ, напримѣръ, *καριπλοῦς*—острое удареніе во всѣхъ падежахъ всегда находится на предпослѣднемъ слогѣ“. Это неточно, стѣдуетъ только сравнить форму *εἶνος*. Затѣмъ слѣдовало упомянуть о неправильномъ переходѣ ударенія на конечный слогъ въ прилагательныхъ на *ος* = *ους*, напримѣръ, *χρῆστοῦς* = *χρόσεος*. § 33. С. примѣч. 3 и 4 содержатъ отчасти неточныя, а отчасти даже невѣрныя показанія. Примѣч. 3: „Слитныя прилагательныя на *ος* = *ους* (слѣдовало сказать *ους* съ обремененнымъ удареніемъ) и *ος* = *ους* обозначаютъ или вещество и цвѣтъ предметовъ, или же бываютъ сложныя съ *ους* и *πλοῦς*“. Примѣч. 4: „Прилагательныя слитныя вездѣ имѣютъ удареніе обремененное на послѣднемъ слогѣ, за исключеніемъ им. вин. и зват. множ. (должно быть *δωϊστειναιο*) муж. и сред. родовъ, гдѣ ставится острое удареніе и тоже на послѣднемъ слогѣ“. Во первыхъ, точнѣе надо было сказать, что именно слова на *ος* = *ους* обозначаютъ вещество и т. д. и что именно они имѣютъ обремененное удареніе на послѣднемъ слогѣ; а потому это же удареніе отнесено невѣрно къ словамъ на *ος* = *ους*, которыя на-

противъ, за исключеніемъ ἀπλοῦς, всѣ παροχύτονα. — § 43, въ замѣчаніяхъ объ удареніяхъ въ 3-мъ склоненіи, ничего не сказано о перемѣнѣ остраго ударенія именительнаго падежа на обличенное въ косвенныхъ падежахъ словъ съ долгою гласною въ основѣ, напримѣръ αἰών—αἰώνος и проч.—§ 50. Не упомянуто о словѣ Δημήτηρ, и слѣдовательно, ничего не сказано о переходѣ ударенія на 3-й слогъ отъ конца въ формахъ Δημήτρος, Δημήτρι. — § 56, 2. Не обращено вниманіе на неправильное удареніе дательныхъ и родительныхъ падежей слова γυνή, хотя формы и выставлены вѣрно. За то въ § 57 примѣч. 3-е совсѣмъ лишнее и можетъ только сбить ученика: „Въ прилагательныхъ на ος женскій родъ имѣетъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ: γλοκεία, εὐραῖα, исключ. ὀήλος женскій ὀήλαια; ἤμις, ἤμισσα“. Въмѣсто того слѣдовало бы указать на то правило (котораго, однако, мы не нашли у г. Фоккова), что женскій родъ прилагательныхъ удерживаетъ удареніе на томъ слогѣ, на которомъ стояло оно въ именительномъ падежѣ мужескаго рода, если только не препятствуетъ тому количество послѣдняго слога, и что окончаніе женскаго рода α въ прилагательныхъ, склоняющихся въ мужскомъ родѣ по третьему склоненію, всегда бываетъ краткое. — § 69. Примѣч. 1: „Иногда вмѣсто род. τίνος или τινός, а также вмѣсто дат. τίνι или τινί употребляются τοῦ (род.) и τῷ (дат.) безъ всякаго внѣшняго различія для обоихъ мѣстоименій“. Невѣрно: неопредѣленное мѣстоименіе и въ этихъ формахъ всегда encliticon.—§ 73 въ склоненіи слова εἷς, μία εἷν, не обращается вниманія на неправильное удареніе въ формахъ μᾶς, μᾶ, хотя формы опять-таки выставлены вѣрно. Правила ударенія глаголовъ, въслѣдствіе избраннаго авторомъ метода, такъ разбросаны, что связь между этими явленіями не представляется ясно и поэтому чрезвычайно трудно справиться въ этой части. Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ образцѣ τιμᾶω напечатано τιμῶμεθα вм. τιμῶμεθα и страннымъ образомъ та же самая ошибка наборщика осталась неисправлена въ образцѣ φιλέω — φιλοῦμεθα, вм. φιλοῦμεθα.

Къ отдѣлу ударенія относится статья о proclitica и enclitica.—§ 18. Неясно, почему авторъ сохранилъ невѣрное названіе atona для proclitica, въ особенности когда онъ тутъ же, въ примѣчаніи 1, приводитъ много случаевъ, въ которыхъ atona — не atona, то-есть, стоятъ съ удареніемъ; съ тѣмъ же правомъ и enclitica можно назвать atona. Лучше было бы объяснить значеніе этихъ названій. Правила инклинаціи (а отнюдь не „эклинаціи“, какъ пишетъ авторъ полугреческимъ и полулатинскимъ словомъ) изложены хорошо; только съ при-

мѣч. 3-мъ мы не согласны: „Нѣкоторыя односложныя слова совершенно соединяются въ одно слово съ слѣдующею за ними энклитикой: *ῶστε*, *οἴτε*, *μήτε* и проч. Но какъ бы для видимости своихъ составныхъ частей, онѣ удерживаютъ острое удареніе въ противности § 13. 6^а. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ авторомъ примѣрахъ первая часть слова—*procliticon*, слѣдовательно, нельзя и говорить о томъ, что острое удареніе удерживается; проще и понятнѣе было бы опустить совсѣмъ это объясненіе, начиная со словъ „но какъ бы“ и т. д.

Замѣтимъ еще одну мелочь, хотя она собственно относится не къ ударенію, а къ другимъ письменнымъ знакамъ. Въ § 16 сказано: „Знаки, употребляемые въ греческой печати для отдѣленія въ рѣчи предложений — тѣ же, что и въ русскомъ, за исключеніемъ вопросительнаго знака, имѣющаго видъ нашей точки съ запятой. На мѣсто же точки съ запятой и двоеточія ставится одна точка вверху строки, называемая колопою (‘)“. Не сказано о томъ, что восклицательнаго знака не употребляется въ греческомъ языкѣ, и это не только опущено случайно, но самъ авторъ употребляетъ этотъ знакъ при греческихъ словахъ въ § 28-мъ, примѣч. 1: *θεός! ἀδελφε!*“

Въ склоненіяхъ, кромѣ упомянутыхъ уже при удареніи случаевъ, намъ пришлось замѣтить еще слѣдующее. Въ § 20 сказано: „въ греч. пѣтъ творительнаго (*ablativus*), который замѣняется здѣсь частію дательнымъ, а частію родительнымъ“. Слѣдовало прибавить: „или же винительнымъ“.—§ 26 в: „Alpha, предшествуемая гласными звуками *ε* и *ι* (*alpha purum*), а также согласнымъ *ρ*, долга, исключая главнымъ образомъ тѣ имена, въ предпоследнемъ слогѣ которыхъ находится дифтонгъ: *ερχομαι*, *εὔνοια*, *μάχηρα* и проч. *Alpha impurum* всегда коротка“. Правило это исполно и, слѣдовательно, не можетъ служить надежнымъ руководствомъ. Мы предложили бы выразить его слѣдующимъ образомъ: „Alpha, предшествуемая гласными звуками *ε* и *ι*, долга, исключая многосложныхъ на *οια* и *εια*, если эти послѣдніи не производны отъ глаголовъ на *εῖω*. Также долга *α* послѣ *ρ*, исключая тѣ случаи, когда передъ *ρ* находится *ο* или дифтонгъ (кромѣ *αυ*)“.— Во второмъ слитномъ склоненіи, § 33. С., не сказано, что прилагательныя на *ος-ους* въ среднемъ родѣ им. и вин. множ. не допускаютъ слитія, за исключеніемъ слова *ἄλοος*—*ἄκλα*.—§ 35. Правило о родѣ словъ 3-го склоненія по окончаніямъ, намъ кажется, составлено не очень удачно. Во первыхъ, многихъ окончаній пѣтъ и также исключенія изчислены отнюдь не всѣ, которыхъ должно бы ожидать въ такомъ правилѣ. Не знаемъ, почему г. Фокковъ только въ этомъ

одномъ мѣстѣ составилъ правило въ стихахъ, по примѣру покойнаго Цумита; мы надѣемся, что онъ не обидится, если скажемъ, что эти стихи не совсѣмъ строги въ разиѣрѣ и по этой причинѣ едва ли могутъ облегчить изученіе правила. Притомъ же авторъ, при выборѣ приведенныхъ исключеній, какъ видно, стѣснялся разиѣромъ стиховъ и риемой. Лучше было поставить правило отдѣльно и отдѣльно исключенія.—§ 39, прим. (въ концѣ): „Впрочемъ эти существительныя (то-есть, слова на $\acute{\omega}$ и $\acute{\omega}$: женск. р.) не принимаютъ ς (въ имп. пад.), потому что ихъ основа оканчивалась на согласную, на что указываетъ отчасти и образованіе въ нихъ звательнаго падежа“. Замысловато; не сказано какая это была согласная и какъ это можно заключить изъ формы звательнаго падежа.—§ 61: „ $\pi\acute{\epsilon}\nu\eta\varsigma$ (основа $\pi\epsilon\nu\epsilon\tau$)“. Почему же въ род. падежѣ $\pi\acute{\epsilon}\nu\eta\tau\omicron\varsigma$?—§ 64. 2: „ $\chi\alpha\chi\acute{\omicron}\varsigma$ ἤσσων ἤχιςτος“,—превосходная степень существуетъ только въ формѣ нарѣчія ἤχιστα, и то не въ значеніи превосходной степени отъ $\chi\alpha\chi\acute{\omicron}\varsigma$, а скорѣе отъ $\acute{\omicron}\lambda\acute{\iota}\gamma\omicron\varsigma$.

Что касается отдѣла, посвященнаго фонетикѣ, то надо отдать справедливость г. Фоккову: перемѣна звуковъ въ греческомъ языкѣ хорошо объясняется авторомъ посредствомъ сравненія съ подобными явленіями въ русскомъ языкѣ, имѣющимъ въ этомъ отношеніи много сходства съ греческимъ. Но и въ этомъ отдѣлѣ пропущено нѣсколько важныхъ случаевъ. Такъ, на примѣръ, въ § 81 не упомянуто о переходѣ θ въ аог. I. pass. imperativ. въ τ , то-есть, о перемѣнѣ втораго, а не перваго придыхательнаго звука въ твердый. Однако въ § 143. 3, гдѣ говорится объ этой формѣ, авторъ ссылается на этотъ §.—§ 82. Не сказано объ измѣненіи $\acute{\epsilon}\chi$ въ $\acute{\epsilon}\xi$ передъ гласными.—93. Не замѣчено, что звукъ γ передъ гортанными переходитъ въ γ .—97. Пропущенъ случай, гдѣ мягкія \omicron и ι сливаются съ послѣдующими за ними гласными, преимущественно α , на примѣръ, $\iota\chi\theta\acute{\upsilon}\alpha\varsigma$ - $\iota\chi\theta\acute{\upsilon}\varsigma$, о чемъ вообще слѣдовало бы гдѣ нибудь сказать въ грамматикѣ, какъ и о подобныхъ неправильныхъ слитіяхъ въ винительномъ падежѣ множ. 3-го склоненія и въ 3-мъ лицѣ множественнаго глаголовъ на $\mu\epsilon$. Въ таблицѣ § 98 оно упомянуто, но не объяснено.—§ 97. 3. а: „въ сліяніи беретъ перевѣсъ долгая этого звука (то-есть, звука \omicron)“, но примѣръ: „ $\delta\omicron\upsilon\lambda\acute{\omicron}\eta$ - $\delta\omicron\upsilon\lambda\acute{\omicron}\iota$ “ не подходитъ подъ правило. Объ этомъ случаѣ лучше было бы упомянуть въ отдѣльномъ примѣчаніи, а примѣрами лучше было бы выставить формы: $\gamma\upsilon\tilde{\omega}$ - $\gamma\upsilon\acute{\omicron}\eta$, $\delta\iota\tilde{\omega}$ - $\delta\iota\acute{\omicron}\eta$ и пр. Это же касается и формъ $\iota\sigma\acute{\alpha}\eta$ - $\iota\sigma\acute{\omicron}\eta$ и подобныхъ имъ, которыя слѣдовало бы привести какъ исключенія изъ того правила, что при встрѣчѣ звуковъ α и ϵ , тотъ изъѣтъ перевѣсъ, который въ словѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ.—

§ 99. А. Переменная ϵ въ $\epsilon\iota$ и $\omicron\iota$ въ одномъ имѣтѣ разсматривается какъ органическое продолженіе звука, а въ другомъ, § 96. I, какъ отзвукъ. Но $\epsilon\iota$ нельзя назвать отзвукомъ, а $\omicron\iota$ едва ли простое продолженіе звука ϵ .

Ученіе о глаголѣ начинается съ объясненія временъ греческаго глагола, которыя авторъ разбираетъ съ новой точки зрѣнія; сравнивая ихъ съ видами русскаго глагола. Г. Фокковъ въ греческомъ глаголѣ принимаетъ четыре вида, изъ которыхъ три соотвѣтствуютъ русскимъ видамъ, а въ каждомъ видѣ дѣйствіе можетъ относиться или къ настоящему, или къ прошедшему времени. Эти виды суть: 1) многократный (praes. u imperfect.), совершенный (perfect. u plusqmpf.), однократный или начинательный (aor.) и предстоящій (futurum). Два изъ этихъ видовъ оказываются неполными, однократный только имѣетъ прошедшее, а предстоящій только настоящее время. Почему это такъ—довольно трудно объяснить ученику. Можно было бы соединить fut. и aor. подъ одинъ видъ и назвать его начинательнымъ, такъ что futurum относилось бы къ настоящему, а aoristus къ прошедшему этого вида. Это объяснило бы, почему aor. I и fut. образуются отъ одной и той же основы. Тогда бы вышло довольно логичное распредѣленіе видовъ—ими выражалось бы начало, продолженіе и конецъ дѣйствія. Но, впрочемъ, дѣло не такъ просто. Куда дѣвать futurum exactum? Да и простое futurum, на примѣръ, λέξω значить и „я скажу“, и „я стану говорить“, такъ что въ первомъ случаѣ оно выражаетъ предстоящее однократное дѣйствіе (aor.), а во второмъ—предстоящее продолжительное дѣйствіе (praes.). Мысль такого сравненія греческихъ временъ съ русскими видами—не дурна. Можетъ быть, на этомъ основаніи удастся дойти до вѣрныхъ результатовъ. Но пока еще въ той формѣ, какъ представилъ эту мысль авторъ, это ничто иное, какъ довольно остроумное предположеніе,—и только предположеніе, а въ элементарной грамматикѣ требуются факты, то-есть, совершенно вѣрные результаты науки. Впрочемъ, вся эта статья, на которую авторъ обращаетъ особое вниманіе въ предисловіи ко второму выпуску, стр. IV, и которой онъ придаетъ большое значеніе—неумѣстна въ этимологіи. Это, кажется, чувствовалъ и самъ авторъ, обѣщая (тамъ же) „попыше и обстоятельнѣе“ поговорить объ этомъ въ синтаксисѣ. Единственную пользу для этимологіи авторъ могъ бы извлечь изъ этого распредѣленія временъ, указавъ на то, что всѣ первыя времена греческихъ глаголовъ образуются отъ трехъ основъ, на примѣръ: βουλει, βεβουλει, βουλει; впрочемъ, въ

такомъ случаѣ нужно было бы все-таки прибавить еще βαβουλεο и βουλεο (или βουλεοδε). Да, какъ не посмотрѣть на дѣло, вездѣ оно представляеть затрудненія. И такъ мы полагаемъ, что эта статья написана вовсе не для учениковъ, но съ цѣлью заставить преподавателя подумать объ этомъ вопросѣ; какъ бы заявленіе, предварительно обозначающее то, чтѣ должно быть осуществлено авторомъ далѣе, въ синтаксисѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ мѣсто этой статьи не въ главѣ о глаголахъ, а въ предисловіи.—Присоединимъ еще кой-какія указанія, которыя намъ пришлось замѣтить въ ученіи о глаголахъ. Въ § 110 говорится о количествѣ слога αι, что онъ „принимается по отношенію къ ударенію за короткій, исключая однакожъ желательнаго наклоненія“. Объ αοιστ. еще ничего не сказано и ученикъ напрасно станеть искать это окончаніе въ томъ желательномъ, которое одно пока ему нивѣстно въ optat. praes. Притомъ это αι совсѣмъ не окончаніе въ томъ смыслѣ, какъ другія αι, встрѣчающіяся въ глагольных формахъ; это не мѣшало бы замѣтить.—Въ § 118. 2, глаголь ἐπιστάμαι счтается сложнымъ глаголомъ, а послѣ, § 160. 3: „ἐπιστάμαι (ο. ἐπιστα)“ оиять простымъ.—§ 120. При слитіи въ verbis contract: „какъ подъ ω, такъ и подъ α подписывается ιῶτα, если она находилась subscriptum во второй изъ слившихся гласныхъ“. Не только iota subscriptum, но и полная гласная ι дѣлается въ этомъ случаѣ подписною. Слѣдовало опустить слово „subscriptum“.—Тоже и въ § 123: „дифтонгъ οι, кромѣ желательнаго наклоненія, находится тамъ, гдѣ бываетъ какойнибудь гласный звукъ съ ιῶτα subscriptum“ (въ глаголахъ на ὦω). Во-первыхъ, почему не сказано просто „гдѣ бываетъ η“, а потомъ пропущено ο+αι=οε; однимъ словомъ, и здѣсь не слѣдовало различать между ι гласною и subscriptum.—§ 126, II, прим. 1. Глаголь τίχτω считается глаголомъ съ гортанною основою, принимающимъ усиленіе τ, —а § 134, 3, напротивъ, τίχτω называется нераспространяющимъ глаголомъ, слѣдовательно, не имѣющимъ усиленія въ настоящемъ времени.—§ 131. Говорится, что аттическое futurum образуется тогда, „если предыдущій (передъ окончаніемъ) слогъ по природѣ или по положенію коротокъ“. Чтѣ значитъ здѣсь „слогъ краткій по положенію“—это намъ неонятно. Впрочемъ, не объяснено образованіе этого futurum въ глаголахъ на ιζω, которые требовали бы особеннаго объясненія, такъ какъ о простомъ слитіи нельзя говорить въ этихъ глаголахъ. Точно такъ въ § 132 сказано, что дорическое fut. образуется „съ ο и съ слияніемъ“, при чемъ не объяснено, чтѣ именно подвергается слиянію. Кромѣ того, должно было бы сказать, что fut.

dog. всегда имѣеть значеніе дѣйствительнаго залога, (не смотря на то, что оно встрѣчается только въ формѣ medii.—§ 136. Прим. 1. „Начальная сигма при удвоеніи иногда обращается въ spiritus asper: отъ корня *στῆ*=perf. *ἕστηκα*, *ἕστημι*, им. *ἕστημι*=sisto и проч.“. Неслсно и невѣрно, — „прочихъ“ нѣтъ. И притомъ все это правило не относится сюда, потому что здѣсь дѣло идетъ только о глаголахъ, начинающихся съ одной согласной.—§ 138, 7: „при стеченіи трехъ согласныхъ, одна, обыкновенно средняя, выбрасывается“. Нѣтъ, не обыкновенно, а *всегда*.—§ 140, В. Perfecta глаголовъ съ коренными гортанными и губными звуками, въ которыхъ эти звуки перемѣняются на придыхательные *χ* и *φ*, считаются за perfecta secunda. Но такъ какъ иногда одни и тѣ же глаголы образуютъ perfectum черезъ придыханіе кореннаго звука или же безъ онаго, выражая этимъ то различіе въ значеніи, которое обыкновенно бывасть между tempora prima и tempora secunda (ср. въ этомъ же § В, прим. 1), то мы получаемъ два perfecta secunda въ одномъ и томъ же глаголѣ, не имѣющемъ perf. primum. Что самъ авторъ не совсѣмъ ясно представилъ себѣ дѣло, видно изъ того, что въ прим. 1 между прочими примѣрами является и глаголь *πέθοω*, какъ имѣющій двѣ формы perf. II съ различными значеніями: *πέθοδα* и *πέτακα*. Жаль, что авторъ нигдѣ не сказалъ, по какой характеристической особености онъ раздѣляетъ времена на tempora prima и secunda; но чѣмъ бы онъ ни руководствовался при этомъ раздѣленіи, *πέτακα* никогда не можетъ быть признано за perfectum secundum.—§ 140, прим. 2. Удвоеніе въ формѣ *ἐγρήγορα* не объяснено, хотя оно совсѣмъ не подходитъ подъ общее правило объ аттическомъ удвоеніи, о которомъ говорится въ этомъ примѣчаніи. Тамъ же, въ NB, говорится только о формѣ *ἀκήκοα* глагола *ἀκούω*, — а какъ надо образовать plusqperf. act. и perf. или plusqperf. med., здѣсь не сказано; правда, форма *ἤκουσα* приводится въ § 138, 9, но этого недостаточно, чтобы убѣдить ученика въ томъ, что въ одномъ и томъ же глаголѣ perf. act. принимаетъ другое приращеніе, нежели perf. med., — случай едва ли не единственный во всемъ греческомъ языкѣ.—§ 141. Прим. Формы *ταύνηξω* и *ἑστήξω* приводятся безъ обозначенія глаголовъ, отъ которыхъ онѣ происходятъ, такъ что это примѣчаніе дѣлаетъ то впечатлѣніе, будто бы авторъ пишетъ для знающихъ, а не для учащихся.—§ 142: Въ aor. I и fut. I pass.: „Послѣднія гласныя глагольной основы въ глаголахъ чистыхъ предъ *ὄζ* продолжаются“. Первый изъ приведенныхъ примѣровъ *ἐλόθην*, *λοθήσομαι* противорѣчитъ этому правилу, которое лучше слѣ-

должно бы помѣстить въ § 147, прим. 3.—§ 149, 6: Глаголы κρίνω, κλίνω, ταίνω выбрасываютъ передъ θε (см. § 138, 8) ν; отъ ταίνω = ἐτάθην; εἰςωпор. ἐσώθην, α̅ καλέω=ἐκλήθην“. Указаніе на § 138, 8, недостаточно; тамъ говорится только объ образованіи perfecti, а аор. ἐκλήθην для ученика въ своемъ производствѣ вовсе непонятенъ, такъ какъ при perfect. даже не упомянуто о формѣ κέκλημαι.—§ 150. Въ глаголахъ на μι „3-е л. множеств. числа оканчивается или на α—σι, или же формируется подобно 3-му лицу 1-го спряженія“, то-есть, на ντι. Намъ кажется, что двойнаго окончанія нельзя принять, потому что если предположить форму διδόντι, то не объясняется, почему изъ нея выходитъ форма διδοῖσι съ облеченнымъ удареніемъ, между тѣмъ какъ λύοντι переходитъ въ λύουσι и остается прогагохутопон. А изъ διδοῖσι можно объяснить διδοῖσι посредствомъ того же неправильнаго сокращенія, которое встрѣчается въ винит. надежѣ множеств. числа 3-го склоненія, напримѣръ, βελτίο (ν) ας=βελτίους.—§ 153. 1: „Imperfect. Activi глаголовъ τίθημι, ἵημι, δίδωμι имѣютъ почти во всѣхъ лицахъ единств. числа по двѣ формы ἐτίθην и ἐτίθειον (изъ ἐτίθειον, то-есть, по 1-му спряж.) и т. д. Въ грамматикѣ Кригера, на точность показаній котораго всегда можно полагаться, про эту форму сказано § 36. II. Ansh. I: „Für ἐτίθην ist ἐτίθειον wohl nicht erweislich“. А у г. Фоккова ἐτίθην въ paradigm поставленъ въ скобкахъ.—§ 156. Выставлено какъ причастіе сокращенное perfecti глагола βαίνω—βαῖώς, βαῖωσα, βαῖός“. Средній родъ βαῖός, по свидѣтельству Бутмана, въ 'сго грамматикѣ (подъ словомъ βαίνω въ списокѣ неправильныхъ глаголовъ) не встрѣчается, вмѣсто того всегда говорится βαῖηρός. Во всякомъ случаѣ, нельзя оставить безъ примѣчанія такое странное явленіе, когда слово 3-го склоненія продолжало бы коренную гласную въ родительномъ надежѣ, какъ это было бы въ словѣ βαῖός род. βαῖωτος.—§ 159, 1: „ὄν-ίνημι (осн. ὄνα)“. Не указано на то, какое здѣсь удвоеніе, и притомъ неправильно раздѣлены слоги такъ, что и изъ этого не видно, какъ образовалось настоящ. время. Надо было написать „ὄ-νί-νημι“.

Изъ этого разбора видно, что иное и не вполне удалось автору. Но мы остановились на этомъ такъ долго вовсе не потому, чтобы желали унизить трудъ г. Фоккова, мысли котораго мы не можемъ не сочувствовать. Требуется для нашихъ гимназій грамматика, которая была бы болѣе основательна, чѣмъ грамматика Кюшера и не такъ затруднительна, какъ грамматика Курціуса, и притомъ, чтобы это былъ не переводъ грамматки, составленной на нѣмецкомъ языкѣ и для учениковъ нѣмецкихъ гимназій. Тамъ условія другія, и что пригодно

тамъ, не всегда примѣнимо къ нашимъ обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, если при новомъ изданіи граматки г. Фоккова будутъ исправлены недостатки и дополнены пропуски, то она вполне удовлетворить потребности нашего учащагося юношества. Но уже и въ настоящемъ своемъ видѣ, эта книга весьма полезна, и особенно потому, что представляетъ довольно богатый матеріалъ для переводовъ и относительно объема статей, и относительно содержанія ихъ. Въ этомъ отношеніи г. Фокковъ далеко оставилъ за собою Кюнера, у котораго переводы служатъ механическому повторенію только что изложеннаго правила и которые большею частью находятся на одной и той же страницѣ съ правиломъ, такъ что ученикъ даже и въ то время, когда отвѣчаетъ, можетъ легко справиться съ этимъ правиломъ. У г. Фоккова статьи для переводовъ помѣщены въ концѣ болѣе обширныхъ главъ и потому требуютъ полнаго знанія предыдущаго; переводы эти, кромѣ того, представляютъ большое разнообразіе въ примѣненіи самихъ правилъ.

Итакъ, мы заключаемъ желаніемъ, чтобы и у насъ увеличилось число усердныхъ дѣятелей въ области греческаго языка, которые, по примѣру г. Фоккова, содѣйствовали бы общей пользѣ.

Ф. Гельске.

Записки К. Юлія Цезаря о войнѣ въ Галліи. Книги I—IV. Съ картою Галліи Объяснилъ Ю. Фелькель. Часть I. Москва. 1872.

Неутомимый труженикъ на поприщѣ древне-классической филологіи, г. Фелькель, издалъ въ 1871 году рѣчи Цицерона за Росціа Америкскаго, а спустя только годъ послѣ того подарилъ науку опять обширнымъ комментариемъ къ запискамъ Юлія Цезаря (кн. I—IV). Къ сожалѣнію, г. Фелькель упустилъ изъ виду похвальный и въ особенности для рецензента весьма пріятный обычай излагать въ предисловіи ту точку зрѣнія, съ которой его трудъ составлялся. Вслѣдствіе этого въ настоящемъ случаѣ остается сомнительнымъ, для какого класса читателей комментаторъ предназначилъ свои объяснительныя примѣчанія. Правда, изъ самыхъ объясненій, часто составленныхъ въ видѣ вопросовъ и намековъ, можно вывести то заключеніе, что этотъ комментарий имѣетъ въ виду преимущественно интересъ учащихся, но однакожъ и за всѣмъ этимъ еще нельзя отгадать, желалъ ли г. Фелькель предложить ученикамъ книгу только для ихъ домашняго приготовленія, или же вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ со-

ставити руководство для употребленія въ классѣ. Мы, судя по замѣчательно большой растянутости комментарія и по его разнообразному содержанию, склоняемся скорѣе къ первому предположенію. Впрочемъ можетъ быть комментаторъ хотѣлъ оказать услугу также и неопытнымъ преподавателямъ, указывая на разные дидактическіе приемы, облегчающіе преподаваніе латинскаго языка, и доставляя богатѣйшій филологическій матеріалъ, превышающій даже иногда требованія педагогики и несоразмѣрный со степенью развитія и потребностями учениковъ.

Введеніе (20 страницъ) замѣнено у г. Фелькеля хронологическимъ обзорѣмъ древнѣйшей исторіи Галловъ и ихъ предпріятій въ Италиі, хронологическою біографією Цезаря до начала гражданской войны и изложеніемъ содержанія восьми книгъ о галльской войнѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что историко-политическій очеркъ, служащій введеніемъ въ чтеніе какъ каждаго историка, такъ равно и Цезаря, весьма важенъ и умѣстенъ; онъ долженъ служить прекраснымъ пособіемъ для юныхъ читателей при чтеніи ими этого отличнаго писателя. Изображеніе политическаго быта, вмѣстѣ съ общою характеристикою древнихъ Галловъ, не исключая ихъ государственнаго устройства и соціальной жизни, много способствуетъ ясному пониманію читаемаго. Но едва ли хронологическое обзорѣніе, только отрывочно представляющее историческіе факты, но не дающее нагляднаго изображенія всеобщаго быта народа, можетъ пролить надлежащій свѣтъ на ходъ дѣлъ и врядъ ли такой чисто хронологическій обзоръ достаточно разъясняетъ связь между историческими событіями.

Теперь позволяемъ себѣ приступить къ разбору объяснительныхъ примѣчаній. Прежде всего насъ поражаетъ обширный объемъ этихъ примѣчаній. Между тѣмъ какъ въ изданіи г. Носова (1867 г.) текстъ четырехъ книгъ, вмѣстѣ съ примѣчаніями къ нимъ, занимаетъ 128 страницъ, а въ самомъ обширномъ изданіи Герцога (1831 г.) тѣ же самыя книги занимаютъ 274 страницы, у г. Фелькеля эти четыре книги помѣщены на 317 страницахъ. Разумѣется, при такой обширности изданія часто текстъ занимаетъ только нѣсколько, иногда двѣ—три строчки на всей страницѣ, а на первомъ планѣ стоятъ примѣчанія, иногда возрастающія до цѣлыхъ экскурсовъ и находящіяся въ несоразмѣрномъ отношеніи къ самому тексту. Въ самомъ дѣлѣ, сколько времени потребуетъ одно только внимательное прочтеніе такихъ длинныхъ объясненій, и рѣшеніе различныхъ вопросовъ, предлагаемыхъ читателю вмѣсто изложенія правилъ! Между тѣмъ одна изъ

первых педагогическихъ аксіомъ требуетъ, чтобы никакимъ образомъ не дѣлать текста писателя *carit potius*, съ цѣлью выучить на какомъ-нибудь отрывкѣ грамматику, стилистику, исторію и географію; съ другой стороны и преподаватель не долженъ загромождать урокъ частыми объясненіями, имѣющими или весьма отдаленное или же только насильственное отношеніе къ данному мѣсту. Правда, трудно отвѣчать на вопросъ, сколько именно матеріала и что именно долженъ содержать комментарий; опредѣленной границы тутъ нѣтъ, тутъ много представляется чисто субъективному сужденію составителя. Педагогика—не наука, но искусство, основанное на опытѣ и на практикѣ, и практика одна можетъ рѣшать подобныя вопросы. Но по крайней мѣрѣ неопорима та истина, что въ комментарий не слѣдуетъ принимать того, что не соответствуетъ потребностямъ учащихся, что превышаетъ предѣлы ихъ понятій и воображенія и противодѣйствуетъ концентраціи и укрѣпленію умственныхъ силъ.

Разсматривая внимательно комментарий, мы отдаемъ полную справедливость трудолюбію составителя, и съ точки зрѣнія филолога не можемъ не выразить г. Фелькелю благодарности за столь драгоценный ученый матеріалъ. Комментарій этотъ представляетъ всестороннее пособіе въ лексическомъ, грамматическо-стилистическомъ, историческомъ и географическомъ отношеніяхъ; тутъ много есть такихъ примѣчаній, которыхъ въ другихъ изданіяхъ мы искали бы напрасно. Комментарій не ограничивается однимъ объясненіемъ отдѣльныхъ фразъ и оборотовъ, но указываетъ на подобныя мѣста у другихъ древнихъ авторовъ, чтобы такимъ сопоставленіемъ бросить свѣтъ на замѣчательныя явленія какъ латинскаго языка вообще, такъ и языка Цезаря въ особенности. Безъ сомнѣнія, параллельныя мѣста имѣютъ педагогическое достоинство, но ихъ число должно быть не большое, такъ какъ значеніе ихъ особенно важно для ученаго. Въѣствъ съ тѣмъ у г. Фелькеля приведены переводы какъ отдѣльныхъ словъ, такъ равно и цѣлыхъ, и притомъ иногда довольно длинныхъ, фразъ; ко многимъ мѣстамъ присоединены даже греческій метафразъ. Иногда встрѣчаются подробныя изслѣдованія и обсужденія спорныхъ мѣстъ, причемъ нѣсколько разъ подвергаются критическому разсмотрѣнію мнѣнія, высказанныя другими, весьма авторитетными въ учебной литературѣ издателями. Невольно возникаетъ вопросъ, имѣютъ ли такія подробныя изслѣдованія, очень интересныя для филолога, какое-нибудь значеніе для учениковъ четвертаго или пятаго класса? Сверхъ того, находится ли въ надлежащемъ отношеніи польза, вытекающая для уча-

щихся изъ тщательнаго занятія чисто филологическими вопросами къ тому труду, который необходимъ для разсужденія о подобныхъ вещахъ, и наконецъ, успѣютъ ли юные читатели, среди этихъ безконечныхъ объяснительныхъ толкованій, проникнуть въ мысль самого автора? Мнѣ кажется, что комментаторъ, при своемъ научномъ стремленіи, не достаточно сохранилъ отношеніе между университетомъ и гимназіею; онъ перешелъ ту границу, которую предписываетъ намъ педагогическій тактъ. Гимназія должна только вводить въ науки, но не представлять науки въ цѣломъ ихъ объемѣ. Для ученика гимназій подробныя филологическія примѣчанія или не понятны или отталкиваютъ его интересъ, или наконецъ ведутъ къ неумѣстнымъ для его возраста разсужденіямъ. Слѣдуетъ также подумать и о томъ, что комментарий къ различнымъ авторамъ долженъ принимать и различный видъ. Много примѣчаній, вполне умѣстныхъ къ Тациту или Горацию, вовсе не цѣлесообразны для читателей Цезаря,—именно, степень развитія учениковъ должна опредѣлять точку зрѣнія, отъ которой мы должны исходить при чтеніи и объясненіи авторовъ. Поэтому-то я и полагаю, что во всякомъ случаѣ у педагога, занимающагося съ учениками Цезаремъ при помощи такихъ объяснительныхъ примѣчаній и такого ученаго аппарата, каковыя встрѣчаются въ книгѣ г. Фелькеля, непременно должны возродиться справедливыя недоумѣнія и сомнѣнія.

Большая часть комментарія касается грамматики и, какъ мнѣ кажется, совершенно справедливо и умѣстно, потому что внимательнымъ сосредоточеннымъ занятіемъ лингвистическою стороною древнихъ классиковъ представляютъ не только превосходное средство для образованія ума и сужденія, но и суть *conditio sine qua non* для вѣрнаго и основательнаго пониманія читаемаго. Правила приведены большею частью цѣликомъ, часто также впрочемъ намеками и наведеніями, иногда ограничиваются однимъ указаніемъ на грамматику вообще или на руководства Мадвига и Цумита въ частности. Что и объясненіе синонимическихъ выраженій кажется комментатору также не лишнимъ, на это указываютъ примѣчанія, составленныя въ такомъ родѣ; впрочемъ, эти послѣднія примѣчанія не совсѣмъ достаточны, потому что указываются ими иногда только какія-нибудь выраженія какъ синонимическія, но нѣтъ объясненія существующей разницы между ними. Вслѣдствіе этого ученикъ легко можетъ ошибочно думать, будто синонимы суть однозначашія понятія. Смѣшеніе и поверхностное употребленіе словъ надо устранивать всѣми силами; надо направлять уче-

никовъ къ отчетливому и точному распознаванію повидимому сходныхъ понятій. Поэтому слѣдовало бы приводить, исходя изъ этимологическаго состава словъ, каждый разъ объясненіе синонимическихъ оборотовъ, какъ они встрѣчаются въ текстѣ. Что касается до лексической части примѣчаній, то онѣ встрѣчаются почти на каждой страницѣ и, какъ мнѣ кажется, уже въ слишкомъ большомъ количествѣ, часто даже безъ всякой пользы ¹⁾, такъ какъ учащійся нерѣдко подобными готовыми переводами лишается самостоятельнаго отношенія къ чтенію автора, не нуждается въ собственномъ сужденіи, требуемомъ при выборѣ надлежащаго значенія изъ словаря; вмѣстѣ съ тѣмъ для него нѣтъ столь важнаго упражненія при распознаваніи родственныхъ понятій. Очевидно, изъ этихъ примѣчаній можно было бы пропустить много такого, что самъ ученикъ легко можетъ найти въ своемъ словарѣ, или что онъ безъ особеннаго труда выводитъ самъ изъ связи словъ путемъ нѣкотораго размышленія. Для примѣра, я приведу нѣсколько изъ тѣхъ оборотовъ, безъ которыхъ даже ученикъ четвертаго класса могъ бы обойтись и которые по этому лучше было бы оставить совсѣмъ безъ перевода: I, 3: *Adducti* „побуждаемые этими обстоятельствами“. Тамъ же: *In eo itinere*, „въ этомъ объѣздѣ“. I, 7: *Memoria tenebat*, „онъ хранилъ въ памяти, онъ не забылъ, онъ хорошо зналъ“. I, 15: *Novissimum agmen*, „арьергардъ, задній отрядъ; а вскорѣ потомъ—*primum agmen*, „передовой отрядъ“. I, 20: *In reliquum tempus*, „на будущее время, впередъ“. I, 32: *Nas oratione habita*, „послѣ этой рѣчи“. I, 33: *Cogitandum et suscipiendum*, „принимать въ соображеніе и приступать къ исполненію“. I, 38: *Oppidum natura loci sic munitur*, „городъ былъ защищенъ своимъ естественнымъ положеніемъ“. I, 47: *Pridie ejus diei*, „въ день предъ тѣмъ, днемъ прежде, наканунѣ ejus diei“. I, 52: *Impetus gladiatorum*, „нападеніе мечами“. II, 9: *Nostri autem parati in armis erant*, „стояли готовые къ сраженію, съ оружіемъ въ рукахъ“ и пр. Много подобныхъ лишнихъ, по моему мнѣнію, переводовъ я нашелъ въ разсматриваемомъ комментарий. Сверхъ того обороты переведены иногда не совсѣмъ точно. Въ интересѣ учащихся было бы весьма цѣлесообразно сначала приводить буквальный переводъ согласно съ этимологическимъ составомъ слова, а потомъ прибавлять

¹⁾ Въ каковомъ недостаткѣ, къ сожалѣнію, долженъ откровенно сознаться и самъ авторъ настоящей рецензіи такъ какъ и его трудъ (Речь Цицерона о назначеніи Клея Помпея полководцемъ. Съ объясненіями А. Гошана. Спб. 1869 г.) обремененъ, можетъ быть, слишкомъ уже многими толкованіями.

уже и значеніе, требуемое извѣстнымъ мѣстомъ. Такъ, наприѣръ, сначала можно было бы перевести буквально слѣдующія примѣчанія: I, 1: *Contendant*, (*tendo*, *τείνω*) букв. вмѣстѣ напрягать, подр. свои силы, „состязаются“. I, 5: *Nihilo minus*, букв. ничѣмъ менѣе, подр. чѣмъ до его смерти, „тѣмъ не менѣе“. I, 8: *Castella* (уменьш. слово отъ *castrum*) „редуты“, которые назывались *castella*, потому что имѣли видъ маленькаго лагеря. I, 14: *Secundiores*, *Secundus* (*sequi*) „благополучный“, метафора, заимствованная отъ вѣтра, который называется *secundus*, когда онъ слѣдуетъ за кораблемъ, то-есть, попутный.

Слишкомъ много приведено также историческихъ и въ особенности географическихъ примѣчаній, и притомъ не въ видѣ краткихъ указаній, необходимыхъ для разъясненія того или другаго мѣста, а часто въ растянутомъ объемѣ, какъ будто главная цѣль ученика при чтеніи Цезаря состоитъ въ томъ, чтобы запастись историческими и географическими свѣдѣніями. Цитаты и изъ самого Цезаря, и изъ другихъ авторовъ собраны въ большомъ количествѣ. Нельзя отрицать, что такого рода мѣста, въ которыхъ заключаются тѣ же самыя явленія и наблюдаются тѣ же самыя законы языка, служатъ объясненіемъ грамматическихъ и другихъ оборотовъ, но непонятно, къ чему комментаторъ собралъ ихъ въ такомъ обилии,—развѣ только въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду исключительно интересъ филологическій.

Къ тексту г. Фелькель относится вообще консервативно, считая, кажется, самымъ естественнымъ и самымъ цѣлесообразнымъ — представлять текстъ по рукописи, признанной лучшею, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда ошибочное чтеніе несомнѣнно, или же когда другія рукописи представляютъ лучшее. Мы воиолѣ одобряемъ такое отношеніе комментатора къ тексту, держась того извѣстнаго правила, что дѣло комментатора—объяснять писателя, а не исправлять его. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы г. Фелькель въ основу текста положилъ исключительно одно какое-нибудь изъ изданій другихъ ученыхъ. Въ орфографіи онъ пользовался новѣйшими изслѣдованіями, слѣдуя почти вездѣ тѣмъ принципамъ, которые постановлены знаменитыми учеными: Корсеномъ, Ритчелемъ, Флекейзеномъ и др. На основаніи ихъ авторитетовъ онъ пишетъ, наприѣръ, *cotidie* вм. *quotidie*, *subicio* вм. *subjicio*, *ditio* вм. *ditio*, *intelligere* вм. *intelligere*, *compinus* вм. *cominus*, *condicio* вм. *conditio*. Мы тоже одобряемъ это заимствованіе результатовъ лингвистическихъ изслѣ-

дованій, разделяя то мнѣніе Ритчеля и Брамбаха, что гимназія основаніемъ орфографіи должна принять формы латинскаго языка времени Квинтиліана. Однакожь, употребленіе формъ въ этомъ періодѣ не вездѣ твердо и положительно извѣстно, такъ какъ римскіе грамматики того времени часто противорѣчатъ между собою, а въ надписяхъ встрѣчается другой способъ чтенія, чѣмъ въ рукописяхъ. Такимъ образомъ, послѣдовательное примѣненіе сказаннаго принципа на практикѣ встрѣчаетъ много затрудненій, и трудно рѣшить, что должна гимназія заимствовать изъ этой новой орфографіи, какой нормѣ она должна слѣдовать и до какой степени принимать строго научныя формы въ ихъ новомъ видѣ.

Переходимъ къ разбору отдѣльныхъ мѣстъ.

I, 2, 1. „*Longe=multo*, но только предъ превосходною степенью“. Это примѣчаніе не точно, ибо нарѣчіе *longe* въ упомянутомъ смыслѣ встрѣчается, между прочимъ, напримѣръ, у Курція Руфа III, 4, 4: *Sed longe utilius fuit*; X, 3, 10: *Obsequium vero et patientia imperii longe praestantior est, quam ceteris*; у Ливія XL, 6: *Pars ea, quae sub Demetrio erat, longe superior fuit*; въ В. Alexandrinum, гл. XLVI: *Longe superiores virtute rem feliciter gerebant*. Поэтому гораздо вѣрнѣе говоритъ Ходобай въ своей грамматикѣ (§ 289, прим. 3): „Вмѣсто *multo* при означенныхъ глаголахъ большею частью ставится *longe*, это бываетъ часто также при превосходной степени, рѣже при сравнительной“.

I, 3, 1. „*Quam maximas* собственно сокращенное предложеніе, *vm. quam maximas facere possent*, или (*tantas*) *quantas maximas possent*“. Въ концѣ примѣчанія сказано, что *quam maximas* сокращено изъ *tantas, quantas maximas possent*, но непонятно, въ какомъ смыслѣ должно приписать *quam*. Эта соотпосительная частица соотвѣтствуетъ подразумеваемому *tam*, такъ что *sementes quam maximas facere* ставится *vm. tam magnas sementes facere, quam facere possent maximas*. Сверхъ того, *quantus* по своему понятію соединяется только съ превосходною степенью *maximus*, между тѣмъ какъ *quam* прибавляется также и къ другимъ прилагательнымъ.

I, 4, 1. „*Moribus suis*, по ихъ обычаямъ, судопроизводству, по которому обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ сажали подъ арестъ и заковывали въ то время, когда еще производилось слѣдствіе. У Римлянъ не существовало заключенія во время производства слѣдствія“. Подобное мнѣніе встрѣчается въ изданіи Отто, говорящаго, что у Римлянъ производилось сперва слѣдствіе, а потомъ

уже, смотри по приговору, или увольнялся, или арестовывался обвиненный. Но такое предположеніе не имѣетъ достаточнаго основанія, такъ какъ опровергается разными мѣстами римскихъ писателей, изъ которыхъ выходитъ, что обвиняемаго, когда вина его была очевидна, или когда онъ самъ сознавался въ совершеніи преступленія, арестовывали и заключали въ оковы. См. Liv. XXIX, 19: *Pleninium legatum vinctum Roman deportari placere*. Liv. XXXIX, 17: *multi ea nocte — comprehensi et reducti sunt, multorum nomina delecta*. Cic. ep. ad Att. II, 24: *Fit senatus consultum, ut Vettius, quod confessus esset se cum telo fuisse, in vincula conjiceretur*. Правда, сенатъ обыкновенно довольствовался порукою (см. Liv. XXV, 4: *ni vades daret, prendi a viatore atque in carcerein duci jusserunt*) или арестомъ безъ оковъ въ домѣ правительственнаго лица, *custodia libera*. См. Sall. Cat. cap. 47: *Senatus decernit, ut Lentulus itemque ceteri in liberis custodiis habeantur*. Сравни. Вальтера: *Gesch. des röm. Reichs*, II, 530.

I, 4, 2. „*Clientes* (*clucre*), вассалы, люди свободнорожденные, добровольно отдавшіеся подъ власть другихъ знатныхъ лицъ. Они называются также *ambacti* VI, 15 и *soldurii* III, 22“. Желательно было бы найти объясненіе разницы между этими выраженіями, чтобы ученикъ не воображалъ себѣ, будто всѣ онѣ обозначаютъ одинаковое понятіе. По мнѣнію А. И. Георгіевскаго, подробно изложенному въ сочиненіи „Галлы въ эпоху К. Юлія Цезаря“ (Москва, 1865), на стр. 275—277, Цезарь различаетъ два разряда сторонниковъ или членовъ факцій: во-первыхъ, служителей, которымъ соотвѣтствуютъ Цезаревы кліенты, и во-вторыхъ, приближенныхъ брейра (то-есть, родовитаго всадника, князя, *principes*) или амбактовъ, составляющихъ настоящую его дружину и его военную свиту. Этихъ всадниковъ, названныхъ кельтскимъ именемъ амбактами, Цезарь также называетъ иногда кліентами. Такому предположенію вовсе не противорѣчитъ то обстоятельство, что Цезарь говоритъ въ lib. VI, 15: *eorum ambactos clientesque habet*, гдѣ авторъ первое не-римское слово объясняетъ римскимъ названіемъ, употребляя союзъ *que*, вообще часто прибавляемый во второму объяснительному выраженію. Къ числу этихъ амбактовъ, говоритъ авторъ упомянутаго сочиненія, стр. 277, принадлежали и тѣ свободные слуги, которыхъ, по свидѣтельству Діодора, Галлы брали съ собою въ сраженія, выбирая ихъ изъ бѣдныхъ, и которые служили имъ, какъ возницы на колесницахъ, сражались вождѣ ихъ и принимали отъ нихъ взятые у непріятеля трофеи. И этихъ амбактовъ, какъ мнѣ кажется, Цезарь (III, 22) разумѣетъ подъ

древне-германскимъ именемъ *boldurii*, соответствующимъ латинскому слову *devoti* и выражающимъ отношенія, обязанности этихъ приближенныхъ къ своему патрону, между тѣмъ какъ слово *ambacti* обозначаетъ вообще близкое отношеніе приверженцевъ и дружинниковъ.

I, 5, 3. „*Mensum*, рѣдкая форма вм. *mensium*, нѣсколько разъ у Овидія въ гекзаметрѣ“. Этого мнѣнія не раздѣляетъ Нейе (*Formentl. d. lat. Spr.* I, стр. 265), говоря, что мѣстѣ съ *mensium* часто встрѣчается и *mensum*, не только у поэтовъ, но и у прозаиковъ, какъ видно изъ мѣстъ, приведенныхъ вышеназваннымъ ученымъ изъ Цицерона, Ливія и др.

I, 6, 1. „*Itinera*, болѣе частное понятіе, чѣмъ *via*, VI, 17“. Эти слова не имѣютъ никакого основанія, и мѣсто, на которое указано (*hunc, — то-есть, Mercurium; — viarum atque itinerum ducem — arbitrantur*), вовсе ихъ не подтверждаетъ. Тамъ рѣчь идетъ о богѣ Меркуриѣ, который странникамъ показываетъ проходимыя дороги и покровительствуетъ имъ во время ихъ путешествій. *Iter* означаетъ путь, совершаемый и хожденіемъ, и ѣздою, а *via* изображаетъ дорогу, по которой идутъ. См. Ильенкова: *Лат. синон.* (Спб. 1845), стр. 134. Шмальфельда: *Lat. Syn.* (1869) стр. 298. Шульца: *Lat. Syn.* (1868) стр. 275. Впрочемъ, у римскихъ юристовъ въ сервитутномъ правѣ *iter* имѣетъ болѣе тѣсное значеніе, нежели *via*. См. Геймана: *Handlexicon zu d. Quellen d. röm. Rechts*, стр. 315 и 634.

Тамъ же: „*Vado transitur* есть, собственно, плеоназмъ. *Qui Rhodanum pedibus transit*, долженъ непременно *vado transire*“. Примѣчаніе это было бы вѣрно, еслибы у Цезаря встрѣчалось слово *pedibus*, которое комментаторъ прибавляетъ къ глаголу *transire*. Но *vado transire* вовсе не составляетъ плеоназма, такъ какъ *transire* не только значить — переходить, но вообще — переправляться, какъ явствуетъ изъ оборотовъ *mare, lacum transire*. Ср. *Caes. b. gall.* I, 12: *Id Helvetii ratibus ac lintribus junctis transibant*. Такимъ же образомъ и простой глаголъ *ire* заключаетъ въ себѣ общее понятіе, выражая движеніе съ мѣста, почему и говорится *pedibus, equis, navibus ire*...

I, 8, 1. „*Qui in flumen Rhodanum influit*, не точное географическое выраженіе; ожидаешь *effluit (excurrit)*, или *in quem flumen Rhodanus influit*. Это выраженіе намекаетъ, будто Цезарь не зналъ, гдѣ находится истокъ Роны“. Можно согласиться съ тѣмъ, что приведенныя слова Цезаря заключаютъ въ себѣ неточное или лучше, сказать, для нашего представленія необыкновенное географическое выраженіе, потому что Женеваское озеро (*lacus Lemanus*) не вытекаетъ въ Рону,

а составляет только большее расширение Роны, каковая рѣка и течетъ чрезъ озеро. Но нельзя допустить, что приведенныя выраженія намекаютъ на то, будто Цезарь не зналъ, гдѣ находится истокъ Роны, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ вовсе не говоритъ о томъ, будто озеро составляетъ источникъ рѣки. Цезарь, съ точки зрѣнія военачальника, представляющаго свой стратегическій планъ, хочеть сказать, что Женевское озеро соединено съ рѣкою Родою и что по этому Гельветы не могли проложить себѣ путь между озеромъ и рѣкою. Если бы они (то-есть, рѣка и озеро) не были соединены, то уже не Рода могла бы удерживать Гельветовъ отъ прохода, а развѣ только стѣна и ровъ, которые одни съ трудомъ могли бы противостоять большой толпѣ непріятелей. И потому, имѣя въ виду связь рѣки съ озеромъ, какъ самое важное, Цезарь очень наглядно и умѣстно представляетъ рѣку какъ истокъ озера.

I, 11, 2. „*Liberi eorum* в. *spī*. Мѣстоименіемъ *is* Цезарь часто переходитъ отъ лица говорящихъ (здѣсь Эдуи) къ лицу разсказывающему (здѣсь авторъ, онъ самъ)“. Это мнѣніе выражаютъ Доберенцъ и Кранеръ въ своихъ изданіяхъ въ согласіи съ многими другими грамматиками. Но по этому объясненію непонятно, почему авторъ безъ особенной причины вдругъ оставляетъ субъективную точку зрѣнія подлежащаго главнаго предложенія и представляетъ отъ себя событія объективно. Гораздо удобнѣе и проще, по моему мнѣнію, этотъ грамматическій вопросъ объясняетъ Дрегеръ (*Hist. Synt. d. lat. Sp.*, стр. 58), говоря, что въ отношеніи къ подлежащему главнаго предложенія послѣ возвратнаго мѣстоименія часто для ясности ставится и мѣстоименіе *is*.

I, 13, 1. „*Curat*, заставилъ, велѣлъ=*proutem fieri jubet*, или *proutem fecit*. Отъ *curare* въ этомъ значеніи зависитъ *accus. cum infinitivo gerundivi*“. Не знаемъ, какимъ образомъ здѣсь винительный падежъ герундива можно принять за винительный съ неопредѣленнымъ герундива. Несомнѣнно, винительный герундива принадлежитъ къ существительному (дополненію), какъ опредѣленіе, *attributum*. И въ грамматикахъ, на которыя комментаторъ ссылается (вообще см. грамматику), мы подобнаго правила не находимъ. У Мадвига, напримѣръ, (изд. Васова, § 422) сказано: „при глаголахъ, имѣющихъ значеніе давать и получать, цѣль выражается не предлогомъ *ad* съ герундіумомъ, но просто герундіумомъ. Точно также при *curo* другой глаголъ (дополненія) ставится въ герундивѣ“.

I, 13, 4. „*Ut magis virtute quam dolo contenderent aut insidiis*

niterentur.—Предложеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно здѣсь поставлено, кажется неяснымъ; dolo менѣе, чѣмъ insidiis, contendere гораздо сильнѣе, чѣмъ niti, а aut не соответствуетъ утвердительному предложенію. Должно читать или: ut magis virtute contenderent quam dolo atque insidiis niterentur, или: ut magis virtute quam dolo contenderent atque insidiis“. Мнѣ кажется, что вовсе не надо перемѣнять чтеніе, которое представляютъ рукоисы, и нѣтъ никакой необходимости перемѣнять слова, потому что они безъ всякой перемѣны допускаютъ надлежащій смыслъ. Слова: dolo contenderent и insidiis niterentur ставятся въ сочиненномъ отношеніи, но послѣднія заключаютъ въ себѣ болѣе сильное понятіе, нежели первыя, и поэтому при совокупленіи посредствомъ частицы aut, „или даже“, въ какомъ смыслѣ этотъ союзъ часто встрѣчается, когда понятіе, введенное съ aut,—или точнѣе или важнѣе предыдущаго. Обѣ части предложенія—dolo contenderent и insidiis niterentur—противоположены предыдущему magis virtute, такъ что и другимъ порядкомъ при oratio recta можно бы сказать: Contendant Helvetii magis virtute quam dolo (contendant) aut insidiis nituntur, или: non dolo contendant aut insidiis nituntur, sed virtute contendant. Такимъ образомъ все ясно: именно, Дивиконъ, по порученію Гельветовъ, говорить, что они у предковъ учились полагаться на свою храбрость, а не учились полагаться на хитрость или даже опираться на козни.

А. Кофманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

851. Нѣсколько словъ о Берлинѣ. Статья *А. П. Сынъ Отечества*. № 185.

852. Изъ Вѣны. Статья *Н. Е. Современная Лѣтопись*. № 17, 27 и 32.

853. Гейдельбергскій замокъ. Статья *С. Всемирная Иллюстрація*. № 34, Т. II.

854. Корреспонденція изъ Карлсбада. Статья *Н. К. Иллюстрир. Газета*. Т. 23, № 22 и 23.

855. Бухъльмъ. Иллюстрир. Газета. Т. 23, № 21.

856. Изъ Ливца. Статья *Н. Е. Современная Лѣтопись*. № 31.

857. Мюнхенъ. Иллюстрир. Газета. Т. 23, № 20.

858. Письма изъ чужихъ краевъ. *В. Стасовъ*. С.-Петербург. Вѣдомости. № 340.

Письмо изъ Мюнхена.

859. Нежарштейнахъ и Гиршгорнъ. Статья *О. Всемирная Иллюстрація*. № 32, Т. II.

860. Изъ Праги. Статья *Н. Е. и В. Губинъ*. Современная Лѣтопись. № 18, 23 и 27.

861. Изъ Борфу. *М. Р—ъ*. Современная Лѣтопись. № 16, 17, 18, 19, 22, 23, 31, 32 и 36.

862. Пирей и его обыватели, окружающіе русское офицерство. (Очеркъ изъ плаванія по Средиземному морю). Кронштадтскій Вѣстникъ. № 79.;

863. Островъ Мальта. (Очеркъ изъ плаванія по Средиземному морю). Кронштадтскій Вѣстникъ. № 63, 66 и 69.

864. Путешествіе въ Исландію. г. *Нутаре*. Всемирный Путешественникъ. Вып. 45; стр. 705—719 и вып. 46; стр. 721—734.

865. Мадагаскаръ. *Дезире Шарней*. Всемирный Путешественникъ. № 18 и 19; стр. 273—283 и 289—303.

866. Съ острова Мадеры. *М. Токкарель*. Одесскій Вѣстникъ. № 154.

867. Островъ св. Елены. (Изъ за-

писокъ о плаваніи въ Атлантическомъ океанѣ. Статья *Н. П. Всемирная Иллюстрація*. № 35, 36, 39 и 40.

868. Письма изъ Египта. Статья *В. А. Р. Одесскій Вѣстникъ*. № 252.

869. Письма изъ Египта. *Пашковъ*. Новороссійскій Телеграфъ. № 70, 72, 74, 78, 87 и 93.

870. Плаваніе по Суэцкому каналу (дневникъ туриста). Статья *Б. Новоросс. Вѣдомости*. № 45, 46, 47 и 48.

871. Съ пути въ Суэцъ. Статья *И. Ш. Московск. Вѣдомости*. № 243, 251, 252, 253, 256, 257, 258, 260, 261, 263, 264, 265, 267 и 270.

872. Отъ Петербурга до Суэца. С.-Петерб. Вѣдомости. № 319, 327, 328 и 335.

873. Плаваніе по Суэцкому каналу. Сѣверная Пчела. № 36 и 39.

874. Поѣздка на Суэцъ. Графъ *В. Соллоубъ*. Вѣсть. № 303, 316, 317, 322, 323, 329 и 338.

875. Путешествіе къ Красному морю. Статья *А. Я. Вѣсть*. № 295.

876. Изъ Константинополя въ Каиръ. (Путев. замѣтки). *А. Ганкинъ*. Сынъ Отечества. № 28.

877. Хамсинъ. (Эпизодъ изъ путешествія по Египетской Аравіи). Свѣд. *Петръ Соловьевъ*. Странникъ. № 5; стр. 7—18.

878. Путешествіе въ Тунисъ *Амблан Крапеле*. Всемирн. Путешественникъ. № 16 и 17; стр. 240—253 и 257—270.

879. Дневникъ русскаго путешественника *А. М.* по Алжиріи. 1858. Всемирный Путешественникъ. Вып. 32; стр. 497—512.

880. Путешествіе барона *Декени* въ восточную Африку. Иллюстрир. Газета. Т. 24. № 27.

881. Новое путешествіе сэръ *Самуэля Беккера*. Современная Лѣтопись. № 17.

882. Новѣйшее путешествіе по

- Южной Африкѣ. Иллюстрир. Газета. № 19, Т. 23.
883. Нѣсколько дней въ Константинополѣ. (Съ франц.). Семейные Вечера (старш. возр.). № 12; стр. 745 — 748.
884. Стамбулъ и Византія. Биржевыя Вѣдомости. № 323.
885. Смирна. Воскресный Досугъ. № 332.
886. Гречанка Ирина. (Изъ путешествія по Турціи). Сынъ Отечества. № 37.
887. Отъ Восфора до Яффы. Труды Кіевской Духовн. Академіи. № 3; стр. 451 — 477, № 4; стр. 147 — 176, и № 5; стр. 389 — 415.
888. Отъ Яффы до Іерусалима и обратно. Статья К...а. Новороссійскія Вѣдомости. № 51.
889. Керемейская долина въ Кападокіи. Всемирная Иллюстрація. № 23. Т. I.
890. Замѣтки изъ путешествія *Перро* по Востоку. О вост. вопросѣ. Всемирный Трудъ. № 6; стр. 61 — 159.
891. Une page sur l'Orient. Par P. de Tchihatchew. Военный Сборникъ. № 6; стр. 130.
892. Палестина. Всемирн. Путешественникъ. № 20, 21, 22 и 23; стр. 305 — 320 — 334, 337 — 351 и 353 — 365.
- Источниками служили соч. Норова, Муравьева, Диксона и др.
893. Изъ Іерусалима. Статья Д. Голось. № 355.
894. Новѣйшія открытія въ Іерусалимѣ. Всемирн. Путешественникъ. № 23; стр. 365 — 366.
895. Очерки Персіи. Корреспондентъ. Записки для Читенія. № 4 — 7; стр. 150 — 158.
896. Кашанъ. (Персидскій городъ). Всемирная Иллюстрація. № 21. Т. I.
897. Исслѣдованіе пундповъ въ Тибетѣ. Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. 5. № 3; стр. 93 — 95.
898. Энциклопедія въ Тибетѣ. Сѣверная Пчела. № 29.
899. Островъ Борнео. Иллюстрир. Газета. Т. 23. № 25.
900. Сахалинская коммиссія. Московск. Вѣдомости. № 276.
901. Terra incognita. (О Мусартскомъ проходѣ въ Тяньшань). Биржевыя Вѣдомости. № 322.
902. Поѣздка въ Бухару. (Изъ разказовъ прикащика В. П. Батуряна). А. Шустовъ. Ирбитскій Ярморочн. Листокъ. № 7 — 9.
903. Пути въ Среднюю Азію. Г. Исмаевъ. Вѣсть. № 305.
904. Пути сообщенія въ Коканъ. Всемирный Путешественникъ. Вып. 44; стр. 703 — 704.
905. О путяхъ сообщенія, ведущихъ изъ Россіи въ Среднюю Азію, чрезъ Каспійское море. (Перед. ст.). Биржевыя Вѣдомости. № 130.
906. О путяхъ въ Среднюю Азію. Биржевыя Вѣдомости. № 132.
907. Поѣздка въ Капгарію. Статья В. Н...а. Военный Сборникъ. № 7, стр. 111 — 130.
908. Городъ Калганъ (пограничный между Китаемъ и Монголіею). Иллюстрир. Газета. № 22. Т. 23.
909. Путешествіе въ Китай г. де-Бурбулона. Всемирный Путешественникъ. Вып. 33, 34, 35 — 36, 37 и 38.
910. Замѣтка о Корей. П. А. Гилмерсенъ. Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. 5, № 5; стр. 203 — 204.
911. Живописное путешествіе въ Японію. 1863 — 1864. Эме Гюмбера, посланника Швейцаріи. Всемирный Путешественникъ. Вып. 42 и 43; стр. 657 — 670 — 688.
912. Dickson. W. Japon. London. 1868. (Обзоръ книги). Библиографъ. Т. 1, № 2; стр. 59 — 63.
913. Библиографическая замѣтка. Очеркъ Японіи г. М. Венюкова. Статья Т. Русскій Инвалдъ. № 51.

- См. объ этомъ же сочиненіи:
1) ст. въ «Сынѣ Отечества». № 67 (будн. №): — 2) въ ж. «Дѣло». № 8; стр. 70—72 и 3) въ «Вѣстникѣ Европы». № 3. Т. 2; стр. 506—510.
914. Королевство Порто-Нуово. Иллюстрир. Газета. Т. 23. № 25.
915. На эмигрантскомъ кораблѣ. Статья Н—ю. Голось. № 238 и 301.
916. Путешествіе въ Бразилію и въ ж-ы Амазисъ. Всемирный Путешественникъ. Вып. 39, 40 и 44; стр. 600—640 и 699—703.
917. Пожаръ въ дѣвственномъ лѣсу. (Изъ недавняго путешествія по Южной Америкѣ, Фридриха Лидца). Семейные Вечера. № 10 (старш. возр.).
918. Вера-Крусъ. Воскресный Досугъ. № 329.
919. Masternan, F. Seven years in Paraguay. Lond. 1869. (Обозрѣніе книги). Библиографъ. Т. 1. № 2; стр. 63—66.
920. Путешествіе на островъ Кубу Ричарда Дана. Всемирный Путешественникъ. Вып. 47; стр. 737—750.
921. Островъ Куба. Статья И. Современная Лѣтопись. № 24.
922. Такти. Иллюстрир. Газета. Т. 23, № 21.
923. Ньюфаундлендъ и Кап-Бретонъ. (Изъ записокъ путеш.). Иллюстрир. Газета. № 19. Т. 23.
924. Въ Новомъ свѣтѣ. (Изъ американской жизни). Буржевыя Вѣдомости. № 175.
925. Изъ Вашингтона. Статья В. Современная Лѣтопись. № 17 и 30.
926. Увеселительныя прогулки на нью-йоркскихъ пароходахъ. Иллюстрированная Газета. Т. 23. № 22.
927. Отъ Мильвоки. (Висконсинъ) до Вашингтона. В. Губинъ. Современная Лѣтопись. № 28 и 30.
928. На американскомъ западѣ. Буржевыя Вѣдомости. № 198.

929. Переѣздъ чрезъ Сѣв. Америку по вновь открытой жел. дорогѣ. Всемирный Путешественникъ. № 38.
930. Крушеніе у береговъ Аукленда. М. Рейнваль. Всемирный Путешественникъ. Вып. 49; стр. 769—783 и вып. 50; стр. 785—797.
931. Архипелагъ Филиппинскихъ острововъ. (Съ франц.). Семейные Вечера (старш. возр.). № 12; стр. 707—731.
932. Bastian, A. Reisen im indischen Archipel. Iena. Библиографъ. № 3. (Дек.); стр. 114.
933. Исслѣдованіе Альпъ Новой Зеландіи. Всемирн. Иллюстрація. № 32.

4. СТАТИСТИКА.

934. Статистическая таблица государства. О. Губнеръ. Слб. 1869. (Разборъ). Журн. Мин. Народ. Просв. № 11, ч. 146, отд. 2; стр. 158—159. Учитель. № 20; стр. 672. Петербург. Газета. № 31. Одесскій Вѣстникъ. № 62. Всемирная Иллюстрація. № 12. Т. I.
935. Новѣйшія изслѣдованія по вопросу народонаселенія. Космосъ. № 4. (Изд. in 8°); стр. 47—67.
936. Наша статистика и международный статистическій конгрессъ въ Гагѣ. (Передовая ст.). Новое Время. № 229.
937. Новости изъ Голландіи. Международный статистическій конгрессъ въ Гагѣ. Буржевыя Вѣдомости. № 236.
938. Седьмой сѣздъ международного статистическаго конгресса въ Гагѣ. Статья А. В. Голось. № 263 и 273.
939. Международный статистическій конгрессъ въ Гагѣ. Новое Время. № 177.
940. Международный статистическій конгрессъ въ Гагѣ. В. И. Вешняковъ. Извѣстія Имп. Русск. Географ. Общ. Т. 5, № 6; стр. 219—246.

941. Мисли иностранца въ 1816 году о народонаселеніи Россіи. Рязскій Вѣстникъ. № 52.

942. Объ административной статистикѣ, по поводу описанія уѣздъ городовъ Москов. губ. (Перед. ст.). Биржевыя Вѣдомости. № 170.

943. Практическія замѣтки: статистика, медицина, гигиена и казуистика. Биржевыя Вѣдомости. № 234.

944. Объ организаціи статистикъ въ Россіи. Сынъ Отчества. № 175 и 176. (Будн. №).

945. Положеніе нашей статистики. (Перед. ст.). Вѣсть. № 259.

По поводу «Ежегодника Мин. Финансовъ».

946. Труды губ. статистическихъ комитетовъ. К. Гѣрнъ. Древн. Труды Москов. Археологич. Общ. Т. 2, вып. 2; стр. 163—165.

О трудахъ Владимірскаго, Яро-славскаго, Витебскаго и Казанскаго статистическихъ комитетовъ.

947. О статистическихъ свѣдѣніяхъ о пожарахъ. (Перед. ст.). С.-Петербург. Вѣдомости. № 131.

По поводу «Статистическихъ свѣдѣній о пожарахъ въ Россіи», изд. въ 1865 г.

948. Карманная книга сравнит. статистики Россіи. Павловъ. (Рец.). Библиографъ. № 3. (Дек.); стр. 62—65.

949. Историко-статистическое и промышленное описаніе Пянгинскаго села. Архангельскія губ. вѣд. № 9, 10 и 15.

950. Статистическій очеркъ Лапландіи. Н. Дергачевъ. Архангельскія губ. вѣд. № 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97 и 98.

951. Общая прибыль народонаселенія Архангельск. губ. въ періодъ съ 1801—1867 г. включительно. Статья А. Г — ва. Архангельскія губ. вѣд. № 98, 99 и 100.

952. Протоколы Архангельск. губ.

статистическаго комитета. Архангельскія губ. вѣд. № 82, 100 и 101.

953. Отчетъ секретаря Астрахан. губери. статистическаго комитета за 1868 г. Астраханскія губ. вѣд. № 26 и 27.

954. Статистическія свѣдѣнія о м. Радзивиловѣ. Кіевлянинъ. № 72.

955. Статистическія свѣдѣнія о Виленской губ. Литовскія епарх. вѣд. № 9.

956. Протоколъ общаго собранія Витебскаго губериск. статистическаго комитета, отъ 16 декабря 1869 года. Витебскія губ. вѣд. № 52.

957. Географическо-статистическое описаніе города Меленковъ и уѣзда его. Н. Добрышкинъ. Владимірск. губ. вѣд. № 19, 21 и 22.

958. Число волостей во Владимірской губ. К. Тихомировъ. Владимірск. губ. вѣд. № 45.

959. Матеріалы для статистики. Производство мѣдныхъ икофъ въ селѣ Никологорскомъ погостѣ Вязниковск. уѣзда. Владимірск. губ. вѣд. № 27.

960. Отчетъ о дѣйствіяхъ Владимірск. губери. статистическ. комитета за 1868 г. Владимірск. губ. вѣд. № 23.

961. Протоколъ Владимірск. губери. статистическаго комитета. Владимірск. губ. вѣд. № 24.

962. Однодневная перепись сельскаго населенія въ Вологод. губ. Вологод. губ. вѣд. № 23.

963. О городахъ и мѣстечкахъ Волынской губ. въ торгово-промышленномъ и др. отношеніяхъ. Волыиск. губ. вѣд. № 58—60, 62—66, 68, 69, 71, 72, 74, 75 и 77—86.

964. Статистика пожаровъ на Волыни. Кіевлянинъ. № 97.

965. Отчетъ о дѣятельности Воронеж. губери. статистическаго комитета за 1868 г. Донъ. № 101.

966. Замѣтка по поводу отчета. Статья Н. Донъ. № 104.

967. Протоколъ засѣданія Воронеж. губерн. статистическаго комитета. Воронеж. губ. вѣд. № 70 и 71.

968. Движеніе народонаселенія прихода села Карсовайскаго. Вятскія губ. вѣд. № 19, 20, 21, 22, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34 и 35.

969. О затрудненіяхъ при собраніи статистическихъ свѣдѣній въ Вятской губ. Вятскія губ. вѣд. № 45.

970. Протоколъ засѣданія Вятск. губ. статистическаго комитета. Вятскія губ. вѣд. № 44.

971. Статистическія свѣдѣнія о Гродненской губ. Памятная книжка Гроднен. губ. на 1869 г.; стр. 129 — 139.

972. Увеличеніе народонаселенія въ войскѣ Донскомъ. *А. Савельевъ.* Донской Вѣстникъ. № 36.

973. Записка о средней продолжительности жизни въ войскѣ Донскомъ. *А. Савельевъ.* Донской Вѣстникъ. № 38.

974. Протоколъ общаго годоваго засѣданія Донскаго войск. статистич. комитета. Донскія войск. вѣд. № 28.

975. Свѣдѣнія о задовскихъ зимовникахъ за 1868 г. Донской Вѣстникъ. № 11.

976. Статистическія свѣдѣнія по войску Донскому. Памятная книжка войска Донскаго на 1869 г.; стр. 1—26.

977. Протоколъ годичнаго засѣданія Таганрогскаго статистическаго комитета 29 марта 1869 г. Полиц. Листокъ Таганрогскаго градоначальства. № 20 и 21.

978. Протоколъ собранія Екатеринослав. губ. статистич. комитета. (Отчетъ). Екатеринослав. губ. вѣд. № 71.

979. Отчетъ о дѣйствіяхъ Казанск. губ. статистич. комитета за 1868 годъ. Труды Казан. губ. статистич. комитета. Вып. 2-й; стр. 1—18 и 1 таблица.

980. Матеріалы для исторіи заселенія Киевской губ. Киевскія губ. вѣд.

№ 139, 141, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 151 и 152.

981. Описанія населенныхъ мѣстъ по губерніямъ. Киевскія губ. вѣд. № 84.

982. Протоколъ засѣданія Киевск. губ. статистическ. комитета. Киевскія губ. вѣд. № 93 и 94.

983. Таблица родившихся по уѣздамъ Киевской губ., правосл. и римско-католич. исповѣданія за 1866 г. Киевскія губ. вѣд. № 55, 56, 58, 59, 60 и 61.

984. Отчетъ о занятіяхъ Костром. губ. комитета за 1868 г. Костром. губ. вѣд. № 18 и 19.

985. Протоколъ засѣданія Могилев. губ. статистич. комитета. Могилевскія губ. вѣд. № 8.

986. Общее годовое собраніе Нижегород. губ. статистич. комитета 11 іюня 1869 г. Нижегородскія губ. вѣд. № 34, 36 и 39.

987. Отчетъ о дѣятельности Нижегород. губерн. статистич. комитета за 1868 г. Нижегород. губ. вѣд. № 42.

988. Отчетъ Оренбургскаго губерн. статистич. комитета за 1868 г. Оренбург. губ. вѣд. № 19.

989. Протоколъ годичнаго засѣданія Оренбург. губ. статистич. комитета. Оренбург. губ. вѣд. № 25.

990. Свѣдѣнія о числѣ родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ по Орловской губерніи въ 1868 г. Орлов. губ. вѣд. № 26.

991. Библиографическая записка. «Сборникъ статистич. свѣдѣній по Оренбург. губ.». Уфа. С.-Петербургск. Вѣдомости. № 52.

992. Статистика пожаровъ, градобитій и эпизоотій въ Пензенской губерніи въ теченіи лѣта 1869 г. Пензенск. губ. вѣд. № 42.

993. О школѣ учителей гор. Перми. Пермскія губ. вѣд. № 54, 55, 56 и 58.

994. Историко-статистическое описаніе мѣстечка Татарискъ, Ушиц-

каго уѣзда. Подольскія епарх. вѣдом. № 14.

995. Историко - статистическое описаніе церкви и прихода с. Кугаювецъ Каменецкаго уѣзда. Подольскія епарх. вѣд. № 20.

996. Историко - статистическое описаніе церкви и прихода м. Гусятна Каменецкаго уѣзда. Подольскія епарх. вѣд. № 19.

997. Историко - статистическое описаніе замѣтнаго города Хмільника. (Подольск. губ. Литви. уѣзда). (М. Симашкевичъ). Подольскія епарх. вѣд. № 10, 11, 12, 13 и Вѣстникъ Западн. Россіи № 5; стр. 54—63, № 6; стр. 86—97, № 8; стр. 59—77.

998. Историко - статистическое описаніе Подольской епархіи Каменецкаго уѣзда мѣстечка Шатавы. Подольскія епарх. вѣд. № 15.

999. Историко - статистическое описаніе м. Грудка Каменецкаго уѣзда. Подольскія епарх. вѣд. № 21.

1000. Историко - статистическое описаніе села Старо-Балановки Ольгопольск. уѣзда. Подольскія епарх. вѣд. № 3.

1001. Протоколъ засѣданія губерн. статистич. комитета 8 іюля 1869 года. Подольскія губ. вѣд. № 36.

1002. Библиографическое извѣстіе «Труды Подольскаго губ. статистич. комитета». Киевлянинъ. № 87.

1003. Подворная перепись народонаселенія г. Перми. Правительствен. Вѣстникъ № 215, 216 и 221.

1004. Журналъ засѣданія Полтав. губернскаго статистич. комитета 24 сентября 1869 года. Полтавск. губ. вѣд. № 76.

1005. Журналъ Псковск. губ. статистич. комитета 11 Ноября. Псков. губ. вѣд. № 48.

1006. Журналъ С.-Петербург. столичнаго и губ. статистич. комитета. С.-Петербург. губ. вѣд. № 4.

1007. Жизнь въ Петербургѣ по статистическимъ даннымъ. Г. И. Архангельскій. Архивъ Судебной Медицины. № 3; стр. 84—143.

1008. Кое-что изъ статистики Петербурга. Петербург. Листокъ. № 63 и 65.

1009. О движеніи народонаселенія въ Россіи и особенно въ С.-Петербургѣ въ послѣдніе 2 года. П. И. Нейдгардтъ. (Извлеченіе). С.-Петербург. Вѣдомости. № 344.

1010. Результаты статистической переписи города С.-Петербурга. Судебный Вѣстникъ. № 273.

1011. Предстоящая однодневная перепись въ Петербургѣ. Статья И. И-ва. Сѣверная Пчела. № 67.

1012. Перепись жителей столицы. (Перед. ст.). Вѣсть. № 342.

1013. По поводу изданія централнаго статистич. комитета. С.-П.-бургъ, изслѣдованіе по исторіи и пр. (Перед. ст.). С.-Петербург. Вѣдомости. № 18.

1014. Имянный списокъ волостей Симбирской губ. по уѣздно за 1868 г. Памятная книжка Симбирской губ. на 1869 г.; стр. 29—35.

1015. Отчетъ о дѣятельности Симбирск. статистич. комитета за 1868 г. Вл. Ауновскій. Памятная книжка Симбирск. губ. на 1869 г.; стр. 3—42.

1016. Программа Симбирскаго губ. статистич. комитета для сост. статистическ. описанія каждаго уѣзда Симбирской губерніи отдѣльно. Памятная книжка Симбирской губ. на 1869 г.; стр. 75—86.

1017. По поводу отчета Симбирск. губернскаго статистич. комитета за 1868 г. (Перед. ст.). С.-Петербург. Вѣдомости. № 243.

1018. Статистическія данныя о Симбир. губ. въ строительномъ отношеніи. Статья Н. Г. Инженерный Журналъ. № 9; стр. 103—123.

1019. Журналъ Таврич. губ. ста-

статистическаго комитета 25 июня 1869 г. Таврич. губ. вѣд. № 54, 56 и 59.

1020. Журналъ общаго засѣданія Уфимскаго губ. статистич. комитета 18 октября 1869 г. Уфимскія губ. вѣд. № 46.

1021. Опытъ составленія статистики народонаселенія по возрастамъ и поламъ. Харьков. губ. вѣд. № 141, 142, 143, 145 и 146.

1022. Матеріалы для статистики города Николаева. *И. Юлиничій*. Николаевскій Вѣстникъ. № 71 и 72.

1028. Статистическая замѣтка. О населеніи города Одессы. *И. Федоровъ*. Новороссійскій Телеграфъ. № 119.

См. также въ этомъ и передовую статью.

1024. Прояводительныя силы Одессы. *И. Федоровъ*. Новоросс. Вѣдомости. № 62, 63 и 64.

1025. Статистическіе очерки Елисаветградск. уѣзда, составленные въ томъ 1868 г. *А. Чирковымъ*. Херсон. губ. вѣд. № 34, 36, 38, 41, 47, 55, 58, 59, 66, 68, 89 и 91.

1026. Отчетъ о дѣйствіяхъ и занятіяхъ Иркутскаго губ. статистич. комитета за 1868 г. Иркутскія губ. вѣд. № 11 и 12.

1027. Цифры инородческаго населенія Иркутской губ. и нѣсколько замѣтокъ о ихъ настоящемъ положеніи. *Д. Ларионовъ*. Записки и Труды Иркут. Статист. Комитета. Вып. 4-й; стр. 159—174.

1028. Протоколъ засѣданія Иркут. губ. статистич. комитета 10 января 1869 г. Иркутскія губ. вѣд. № 14.

1029. Статистика Томской губ. въ 1867 г. Томскія губ. вѣд. № 20.

1030. Статистическій очеркъ Кпр-гизской степи Сибирскаго вѣдомства. *И. Ф. Русановъ*. Томскія губ. вѣдом. № 24, 25 и 28.

1031. Географическія и статистическія свѣдѣнія объ Эстляндской губ. Эстляндскія губ. вѣд. № 72, 73, 74 и 75.

1032. Протоколъ засѣданія Эстляндск. губ. статистич. комитета, 6-го марта. Эстляндскія губ. вѣд. № 42 и 43.

1033. Статистическія свѣдѣнія объ Эстляндіи. Рижскій Вѣстникъ. № 41.

1034. Статистическія свѣдѣнія. Движеніе народонаселенія въ Финляндіи въ 1860 году. Пранит. Вѣстникъ. № 256.

IX. ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

За вторую и послѣднюю трети 1869 года.

34. Филологическія наблюденія, замѣтки и выводы по сравнительному языкознанію. *См. Микуцкій*. Филологическія Записки. Вып. 2, 3, 4, 5 и 6; стр. 1—24 и 54—74.

35. Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній *Макса Мюллера*. Метафора. Юпитеръ—высшее Арійское божество. *Г. К. Кайзеръ*. Филологическія Записки. Вып. 2—6; стр. 335—382.

36. Фонетическая и графическая система древняго эллинс. языка. Н.

Карѣвъ. М. 1869. (Крит. и библиогр. зам. *Г. Фолта*). Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія. № 9, ч. 165, отд. 2; стр. 175—182.

37. Нѣкоторые выводы изъ анализа русской рѣчи. *В. Поповаскій*. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія. № 7, ч. 164, отд. 3; стр. 8—23.

38. Августъ Шлейхеръ. Пллюстрир. Газета. № 18. Т. 23.

39. Возраженіе на статью, напечатанную въ № 36 «Рижск. Вѣстника».

Разборъ учебника «Leitfaden zum Erlernen der russischen Sprache». *Ис. Лилеманъ*. Рижскій Вѣстникъ. № 48.

40. Обученіе церковно-славянскои граматѣ въ народной школѣ. *Мирнопольскій*. Харьковскія губ. вѣд. № 87.

41. Грамматическія наблюденія и выводы изъ живаго языка и житейскаго быта. *Петръ Гильтебрандтъ*. Филологическія Записки. Вып. 2 и 3; стр. 1—3.

42. Вопросъ о русскомъ языкѣ между славянскою молодежью. Статья *Н. Е. Современная Лѣтопись*. № 26.

43. Юго-славяне и языкъ: а) славянскій языкъ; б) хорватско-сербскій языкъ. *И. Е. Понырко*. Филологическія Записки. Вып. 6; стр. 21—36.

44. Извѣстія о засѣданіяхъ филологич. общества. С.-Петербург. Вѣдомости. № 163 и 170.

45. Филологическія записки, журналъ, посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку и литературѣ, и вообще по сравнит. языковѣдѣнію и славянск. нарѣч. I и II. Воронежъ. 1869 г. Статья *И. У. вв.* Воронежскій Телеграфъ. № 97.

46. Воронежская журналистика. «Филологич. Записки». Вып. 2 и 3. Воронежскій Телеграфъ. № 103 и 107.

47. Крестьянскіе Свѣтениковъ. Языковѣдѣ-самоучка. *В. Величкинъ*. Грамматикъ. Кн. 4; стр. 58—78.

48. Очеркъ древнихъ славяно-русскихъ словарей. *И. Ширскій*. (Вибл.). Филологическія Записки. Вып. 2 и 3; стр. 17—31.

49. Непорѣщенный вопросъ. *В. И. Ламанскій*. Журналъ Министер. Народн. Просвѣщенія. № 6 и 7, Ч. 143 и 144, отд. 2; стр. 349—378 и 84—123.

II. Болгарское нарѣчіе и письменность въ XVI и XVII вѣкахъ.

50. Замѣтка о классномъ разборѣ стихотворенія Пушкина «Поэтъ». (По поводу статьи г. Запольскаго). *И. Бу-*

наковъ. Педагогическій Сборникъ. № 12; стр. 1144—1160.

51. Новая книга въ пособіе при начальномъ обученіи: Дидактическія руководства къ преподаванію русскаго языка дѣтямъ и книги для чтенія и упражненія въ ономъ. Статья *И. Э — ская*. Руководство для Сельскихъ Пастирей. № 50.

52. Исмажскія русскаго языка въ Минской губерніи. Статья *В. Р — ма*. Минскія губ. вѣд. № 46.

53. Наша учебная литература. Пособіе для преподаванія русск. языка и словесн. Вып. 1-й. *Кириичниковъ и Гиларовъ*. М. 1868. (Разборъ). Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія. № 8. Ч. 164, отд. 3; стр. 55—56.

54. Наша учебная литература. Объясненія по нѣкоторымъ вопросамъ русской грамматики. *П. Н. Некрасовъ*. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія. № 9, Ч. 165, отд. 3; стр. 1—77.

По поводу грамматики русскаго языка г. Богородицкаго

55. О вопросительныхъ предложеніяхъ. *В. Водовозовъ*. Учитель. № 15; стр. 482—485.

56. Русская грамматика *В. Л. Филиппова*. Спб. 1868. (Рец.). Учитель. № 19; стр. 638—639.

57. Учебникъ русской грамматики. *Ф. Пуслаевъ*. М. 1869. (Рец.). Учитель. № 19; стр. 628—630.

58. О склоненіи малорос. именъ. *Григорій Галаганъ*. Русскій Архивъ. № 10; стр. 1718—1721.

59—63. Учебная русская хрестоматія. Сост. *П. Полевой*. Спб. 1869. (Рец.). Народная Школа. № 8; стр. 63—64.

См. также рец.: 1) Отеч. Записки. № 10 (Т. 186, отд. 2); стр. 258—259. 2) Учитель. № 19; стр. 636—639. 3) Дѣло. № 9; стр. 59—63. и 4) Журналъ Министер. Народн. Просвѣщенія. № 7, Ч. 164, отд. 3; стр. 24—26.

64. Судьбы русскаго языка на Жмуди. *Вилоруссъ*. Русскій Вѣстникъ. № 6. Т. 81; стр. 404—437.

65. Русскій языкъ на Жмуди. (Передов. ст.). Новое Время. № 174.

66. Старо-славянская грамматика М. Колосова. 1868. Филологическія Записки. Вып. 2 и 3; стр. 7—9.

67. Новости иностранной ученой литературы. Классическая филологія и археологія. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія. № 8, Ч. 164, отд. 2; стр. 386—408.

68. По поводу терминологіи въ языкахъ классическихъ. *Вакуленко*. Циркуляръ по Казанскому Учебному Округу. № 7 и 8.

69. Kirchoff. Die Composition des Odyssee. Berlin. Herz. 1869. (Короткій обзоръ соч.). Библиографъ. Т. 1, № 2; стр. 80—81.

70. Рѣчь Цицерона о назначеніи Кнея Помпея. *Гобманъ* Сиб. (Очень небольшая рец.). Библиографъ. № 3 (Дек.); стр. 81.

71. Забѣтка о преподаваніи латинскаго языка. *Францъ Фукъ*. Циркуляръ по Управ. Варшавскаго Учебн. Округа. № 5.

72. Наша учебная литература. Опытъ франц. синтаксиса въ сравненіи его съ русскимъ. Фену. Сиб. 1868. (Разборъ). Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія. № 8, Ч. 164, отд. 3, стр. 88—90.

73. Метода для изученія франц. языка. Сост. О. Коссовичъ. Сиб. 1869. (Рец.). Учитель. № 21; стр. 694—698.

74. Наша учебная литература. Учебникъ франц. языка. А. Гемиліанъ. 3 ч. М. 18^{66/67}. (Разборъ). Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія. № 8. Ч. 164, отд. 3; стр. 80—87.

75. Наша учебная литература. Практ. руководство къ изученію элемент. правилъ вѣмецк. языка. А. Реръ, М. 1867. (Рецензія). Журналъ Минист.

стерства Народн. Просвѣщенія. № 8. Ч. 164, отд. 3; стр. 90—92.

76. Одна книга за три. (Нѣмецкая христоматія для русскаго юношества. Топорова). Статя А. В. Одесскій Вѣстникъ. № 23.

77. Сборникъ образц. статей на вѣмецк. языкѣ. Ю. Стурцель. Ч. 1-я. М. 1869. (Рец.). Учитель. № 20; стр. 672.

78. Лингвистическіе арабески. Новое Время. № 159 и 164.

79. Забѣтка по поводу статьи П. Воейкова: «Новѣйшее состояніе изученія арійскихъ яз. («Московск. Унив. Изв.»). 1869. № 4, приложение). И. Понилловскій. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія № 7, Ч. 164, отд. 2; стр. 191—193.

80. Зрѣлый плодъ. (По поводу изд. Грамматики алтайскаго языка). Домашняя Бесѣда. № 38.

81. Нѣчто о литовскомъ языкѣ. *Летуисъ*. Новое Время. № 193.

82. О главныхъ нарѣчійхъ Сѣверной Индіи. П. Я. Петровъ. Московскія Университ. Извѣстія. № 5; стр. 332—344.

83. Объ языкѣхъ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси и о славянскихъ словахъ, встрѣчаемыхъ у еврейскихъ писателей. (Изъ изслѣдованій объ исторіи евреевъ въ Россіи). А. Я. Гиркави. Труды Восточн. Отд. Имп. Русск. Археологич. Общ. Ч. 14; стр. 97—161.

84. Національнѣйшій и практическій взглядъ на значеніе древне-еврейскаго языка. День. Органъ русск. евреевъ. № 5.

85 и 86. О преподаваніи восточнаго языка. Вятскія епарх. вѣд. № 15.

87. Русско-Гольдскій словарь. Сост. свящ. А — ромъ Протодіаконимъ. Иркутскія епарх. вѣд. № 32, 40 и 41.

X. СЛОВЕСНОСТЬ.

За вторую и последнюю треть 1869 года.

1. О СЛОВЕСНОСТИ РУССКОЙ ВООБЩЕ. ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. БИОГРАФИИ, НЕКРОЛОГИ И ПИСЬМА РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

183. Направление современной русской литературы. В. Погов. Циркуляръ по Управл. Варшавск. Учебн. Округомъ. № 4.

184. Исторія русской литературы. А. Карпичниковъ. М. 1869. (Рец. А. С.). Вѣстникъ Европы. № 10. Т. 5; стр. 960—963.

185. Исторія русской словесности. Т. 2. Статья В—ва. Недѣля. № 4.

186. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. К. Тимофеевъ. Сиб. 1869. (Рецензія). Отеч. Записки. № 6. Т. 184, отд. 2; стр. 252—257.

187. О современныхъ задачахъ изученія древне-русской литературы. И. Некрасовъ. Одесса. 1869. (Статья III.). Вѣстникъ Европы. № 12, Т. 6; стр. 998—1000.

188. Разказы о томъ, что у насъ сохранилось по народной памяти и по грамотѣ. В. Водовозовъ. Народная Школа. № 5, 6, 7 и 8.

О былинкахъ.

189. Сказки, какъ образовательный матеріалъ при элементарномъ обученіи. Педагогическое обозрѣніе. № 11; стр. 16—25.

190. Слово о полку Игоревѣ. Перев. на сербск. яз. Даниломъ Медичемъ. Библиограф. извѣстіе. Голось. № 360.

191. Критическія замѣтки о текущей литературѣ. Заря. № 11; стр. 168—178.

192. Литературные споры нашего времени. Евр. Утинъ. Вѣстникъ Европы. № 11. (Т. 6); стр. 347—374.

193. Попытка общаго обзора русской лирической поэзіи. — пробный урокъ на званіе учителя русской словесности и языка, прочитанный кандидатомъ Новороссійскаго университета. А. Смирновымъ. Циркуляръ по Управл. Одесскимъ учебн. округомъ. № 8.

194. Малороссія (Южная Русь) въ исторіи ея литературы, съ XI по XVIII вѣкъ. И. Г. Прыжковъ. Филологическія Записки. Вып. 2 и 3; стр. 17—51.

195. Какъ у насъ пишутся общенія. Московскія епарх. вѣд. № 43.

196. О направленіи въ литературѣ. Отеч. Записки. № 8, Т. 185, отд. 2; стр. 399—438.

197. О направленіяхъ въ печати. (Передов. ст.). Голось. № 349.

198. Очеркъ развитія поэтич. дѣятельности. В. А. Жуковскаго. По нечаян. источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ. Д-ръ Л. Зейдлицъ. Журналъ Мнн. Народн. Просв. № 5 и 6. Ч. 143; стр. 53—125 и 289—348.

199. Стихотворенія Хомякова со стороны руководящихъ мыслей. (Стих. Хомякова. Изд. 2-е. Москва. 1868. Ор. Миллеръ. Заря. № 7; стр. 134—144.

200. Поэзія Никитина, ея содержаніе характеръ и особенности. (Первый періодъ поэтической дѣятельности Никитина. Кольцовъ и Никитинъ. Самобытность поэзіи Никитина. Портной, поэма «Кулакъ»). Филологич. Записки. Вып. 4; стр. 21—48.

201. Поэзія Никитина, ея содержаніе, характеръ и особенности. Статья. Эп — кова. Воронежскій Телеграфъ. № 60, 69, 76 и 77.

202. О преподаваніи теоріи сло-

вѣстости къ гимназіяхъ Варшавскаго учебна округа. Циркуляръ по Управл. Варшавск. учебн. округомъ. № 5.

203. Покойники передъ г. Писемскимъ. Всеобщая Газета. № 1.

204. Литературный вечеръ у П. А. Плетнева. Статья *И. С. Тургенева*. Русскій Архивъ. № 10; стр. 1663 — 1675.

205. Мелочи, поправки и замѣтки: 1) къ ст. «2 автографа Пушкина»; 2) Анекдотъ о Жуковскомъ; 3) къ письму А. Оленина, о 14-мъ декабря; 4) къ запискамъ велик. кн. Павла Петровича. Русскій Архивъ. № 10; стр. 1726 — 1728.

206. Засѣданія Общества для пособія нуждающ. литераторамъ и ученымъ. Голосъ. № 130.

207. Засѣданія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. С.-Петербургск. Вѣдомости. № 122, 132, 136, 143, 150, 177, 219, 243, 257, 279, 292 и 313.

208. Агостиконъ о чудесномъ здѣтеля сего кивота исцѣленіи. Кіевскія епарх. вѣд. № 12.

209. Антидотъ (Противодіе). Полемическое сочиненіе Екатерины II, или разборъ книги аббата Шаппа д'Отероша о Россіи. Осмнадцатый Вѣкъ. кн. 4; стр. 225—463.

210. Нежданная ода (гр. Потюцкому) 1803 года. (Съ объясненіями *М. Н. Ломоносова*). Русскій Архивъ. № 9; стр. 1377—1383.

211. Нежданнныя (2) стихи А. С. Пушкина. Русскій Архивъ. № 10; стр. 1723—1726.

212. Ода Имп. Павлу I-му *Стен. Руссова*, съ предисловіемъ *М. И. Семескаго*. Осмнадцатый Вѣкъ, кн. 4; стр. 476—488.

213. Похвальные стихи г. Устюгу Великому. Вологодскія епарх. вѣд. № 13; стр. 479—480.

Стихи эти найдены въ одномъ

старинномъ рукописномъ сборникѣ.

214. Прогоулва по Москвѣ. Вновь найденное сочиненіе К. Н. Ватюшкова. Русскій Архивъ. № 7 — 8; стр. 1191—1207.

215. Стихотворенія, рѣчи на торжеств. случаи и др. сочиненія Казанскихъ семинаристовъ XVIII вѣка. *А. Л—ъ*. Казанскія губ. вѣд. № 2.

216. Стихи на могильномъ камнѣ актера Сандупова. Русскій Архивъ. № 9; стр. 1568.

217. Апокрифическія сочиненія въ древне-русской письменности. *И. Порфирьевъ*. Православный Собр. съд. вѣд. № 5; стр. 62—88 и № 6; стр. 156—150.

218. Святость Іерусалимскій. Статья *С. К. М.* Иркутскія епарх. вѣд. № 31. Книга апокриф. содержанія.

219. Изъ нежданннхъ памятникъ древней русской литературы. Посланіе патріарха Іова къ грузинскому митрополиту Николаю. *И. И. Барсовъ*. Христіанское Чтеніе. № 11; стр. 858—893.

220. Митрополита Кіевскаго Евгевія два канта. Прибавленія къ Вологодскимъ епарх. вѣд. № 12.

221. Стихотвореніе *С. Т. Аксакова*. Посвящается А. Н. Майкову. Заря. № 11; стр. 1—3.

222. Славныя бубны за горами, или путешествіе мое кое-куда. 1810 года. Соч. кн. *Ив. Мих. Долгорукова*. Съ предисловіемъ *О. М. Водлинскаго*. Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россіи. Кн. 2; стр. 1—170; п кн. 3, стр. 171—356.

223. Нѣсколько словъ о постановкѣ комедіи «Горе отъ ума». *Старый театраль*. Петербургская Газета. № 176.

224. О возобновленіи «Недоросля». Голосъ. № 261.

225. Изъ записной тетради. *А.*

Миллюковъ. Сынъ Отечества. № 29 (воскр. №).

Откуда Пушкинъ взялъ сюжетъ «Мѣднаго всадника».

226. Библиографическія замѣтки. *М. Ханенко*. Русскій Архивъ. № 12; стр. 2026—2029.

О стихотв. Козьдова, пропущ. въ полномъ собраніи его соч.

227. Неизвѣстная басня Крылова: «Левъ и человекъ». Довъ. № 119.

Сообщена г. *Стремоуховымъ*, который слышалъ ее изъ устъ самаго баснописца.

228. Письмо *Вѣлинскаю* къ его московскімъ друзьямъ. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 187 и 188.

См. «С.-Петерб. Вѣдомости». № 211 (въ фельетонѣ Незнакомца).

229. Письмо къ ред. *В. Боткинъ*. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 214.

230. Фельетонъ. Всемирная Иллюстрація. № 31. Т. II.

Здѣсь, между прочимъ, говорится о письмѣ *Вѣлинскаго* къ его московск. друзьямъ.

231. Кто правъ? Кто виноватъ? (Замѣтка для петербургск. недруговъ *Вѣлинскаго*). Голосъ. № 204.

232. Последнее слово по поводу «Письма *Вѣлинскаго* къ его московск. друзьямъ». Голосъ. № 242.

233. По поводу письма *Вѣлинскаго*. Анонимъ (съ неск. берега). Дѣло. № 7; стр. 82—93.

234. По поводу письма *Вѣлинскаго* напечатаннаго въ «С.-Петербургскіихъ Вѣдомостяхъ». Космосъ. № 1 (2-е полугодіе); стр. 113—120.

235. Наблюденія и размышленія доктора *Опальнаю*. Судебный Вѣстникъ. № 179.

По поводу письма *Вѣлинскаго*.

236. Библиографическая замѣтка. «Судебн. Вѣстникъ» и целовкій защитникъ г. Краевского. *Нотоповинъ*. Петерб. Листокъ. № 123. См. также

Петербург. Газету. № 104. (Ст. подъ загл. «Атестатъ, выданный г. Краевскому *Вѣлинскимъ*»).

237. *Вамѣтка*. *Альба*. Вѣсть. № 230.

По поводу защиты въ 179 № «Судебн. Вѣстника» г. Краевского отъ обвиненій, помѣщ. въ письмѣ *В. Вѣлинскаго*.

238. Критическія замѣтки о текущей литературѣ. Заря. № 9; стр. 207—232.

Споры и прерѣканія изъ-за *Вѣлинскаго*. Воспоминанія г. *Тургенева*. «За *Тургенева*». Письмо *Косицы*.

239. Заявление *Марка Вовчка*. (По поводу объявленія г. *Генкеля* о напечатаніи нѣкоторыхъ статей *Марка Вовчка*). Голосъ. № 335.

240. Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1867 г. (Изъ справ. словаря *Г. Н. Геннади*). Русскій Архивъ. № 12; стр. 1985—2017.

241. Некрологъ. *Ник. Ив. Андриферовъ*, учитель и провинц. литераторъ. Довъ. № 104.

242. *Николай Александровичъ Вестужевъ*. 1791—1855. (Биографич. очеркъ). Статья *М. Заря*. № 7; стр. 1—57.

243. *В. П. Боткинъ*. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 280 и 282.

244. Некрологъ. *Вас. Петр. Боткинъ*. (Ум. 10-го октября 1869 г.). Голосъ. № 281.

245. О погребеніи *Ник. Петр. Боткина*. Московск. Вѣдомости. № 112.

246. Въ память *Н. В. Гоголя*. Воскресное Чтеніе. № 47.

247. *Могилы Н. В. Гоголя*. Петербургская Газета. № 150.

248. *Т. Н. Граховскій*. Биограф. очеркъ. Соч. *А. Стапкевича*. М. 1869. (Критич. и библиогр. замѣтки). Журналъ Мин. Нар. Пр. № 7, ч. 164, отд. 2; стр. 184—190.

249. Граковскій и славянофилы. (Перед. ст.). Вѣсть. № 131.

250. Граковскій и либералы. (Передов. ст.). Вѣсть. № 125 и 126.

251. По поводу біографія Т. Н. Грановскаго. (Передов. ст.). Вѣсть. № 121.

252. Т. Н. Грановскій, въ біограф. очеркѣ А. Станкевича. (М. 1869). Статья Сл. Вѣстн. Европы. № 5, Т. 3; стр. 424—440.

Ом. также объ этомъ соч. статьи:

1) въ Голосѣ, № 133 и 2) въ Зарѣ, № 6; стр. 17—30. (Статья П. Г.).

253. Н. А. Добролюбовъ. Ваза. № 9.

254. Нѣсколько словъ о Киевскомъ уроженцѣ Петрѣ Дубровскомъ, замѣчательномъ собирателѣ книгъ и рукописей. А. Неановскій. Киевлянинъ. № 114.

255. Нефрологъ. Сергій Федоровичъ Дуровъ. Статья К. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 338.

Былъ сотрудникомъ многихъ столичныхъ журналовъ.

256. Шваторина П., какъ писательница. П. Щебалскій. Заря. № 6 и 8; стр. 1—19 и 68—111.

Antidote. Литературная переписка Екатерины.

257. Могила Жуковскаго. Воскресный Досугъ. № 324.

258. Жизнь Кольцова. Г. Веселовскій. Довъ. № 102.

259. Столѣтній юбилей. Н. П. Котларевскаго. Довъ. № 97.

260. Столѣтній юбилей И. И. Котларевскаго. (Корресп. «Харьков. губ. вѣд.»). Статья С. С. К. Харьковск. губ. вѣд. № 98.

261. Дѣдушка Крыловъ. Дѣтскій Садъ. № 5 и 6; стр. 302—308.

262. Для біографіи И. И. Лажечникова. М. Ломиновъ. Русскій Архивъ. № 12; стр. 2101—2103.

263. Ив. Ив. Лажечниковъ. Статья.

Л. Нелюбова. Русскій Вѣстникъ. № 10. (Т. 83); стр. 561—601.

264. Ив. Ив. Лажечниковъ. Иллюстр. Газета. № 20. Т. 23.

265. Наши замѣчат. дѣятели. V. Ив. Ив. Лажечниковъ. Всемирная Иллюстрація. № 24. Т. I.

266. Письмо Ф. П. Глинки къ И. И. Лажечникову. Петербургскія Газета. № 64.

267. Празднованіе юбилея И. И. Лажечникова, 4-го мая, въ Московск. артист. кружкѣ. Статья П. Щ. Московскія Вѣдомости. № 97.

268. По случаю 50-ти лѣтняго юбилея И. И. Лажечникова. (Перед. ст.). Московскія Вѣдомости. № 94.

269—272. Письмо къ ред. (По поводу празднованія юбилея Ив. Ив. Лажечникова. Русскія Вѣдомости. № 97.

Ом. также передов. ст. 97, 98, 102 № и письма г. А. Носа, А. Лютецкаго, А. Соболева и Е. Желбужскаго.

273 и 274. Юбилей И. И. Лажечникова. Ф. Ливановъ. Современныя Извѣстія. № 100, 108, 110 и 119. Нефрологъ и похороны. Его же. № 171 и 177.

275. Объ одномъ изъ юбилейныхъ привѣтствій покойному И. И. Лажечникову. Современныя Извѣстія. № 179.

276. Нефрологъ. Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ. Смысл Отечества. № 149 (буди. №).

277. Воспоминанія Екатерины Александровны Хвостовой. 1812 — 1835. Вѣстникъ Европы. № 8, т. 4; стр. 684—740.

Въ этихъ воспоминаніяхъ есть много біографич. свидѣній о М. Ю. Лермонтовѣ.

278. По поводу записокъ Екатерины Александровны Хвостовой. Надежды Фадеева. Современная Литопись. № 46.

279. Изъ воспоминаній объ юно-

сти М. Ю. Лермонтова. Сѣв. Пчела. № 42.

Изъ статьи г-жи Хвостовой.

280. Два болѣзненныя явленія провинціальной жизни. *Стендакъ*. Воронежскій Телеграфъ. № 78 и 79.

Эпизодъ изъ жизни Никитина.

281. Біографія И. С. Никитина, поропежскаго поэта. (Отрывокъ изъ біографіи, приложенной къ соч. Никитина, сост. М. Ф. де-Пуле). Филологическія Записки. Вып. 2-й и 3-й; стр. 1—83.

282. Еще на память о кн. В. Ф. Одоевскомъ. *К. Побѣдоносцевъ*. Московскія Вѣдомости. № 61.

283. Воспоминаніе о кн. Вл. Фед. Одоевскомъ. *М. Полюдинъ*. Голось. № 171.

284. Князь Влад. Федор. Одоевскій. (Біограф. очеркъ). Воскресный Досугъ. № 320.

285. Некрологъ В. Ф. Одоевскій. Народн. Школа. № 5.

286. Къ біографіи В. А. Озерова. *И. П. Варпаховскій*. Русскій Архивъ. № 12; ст. 2029—2032.

287. По поводу предъидущей статьи. Кн. *И. А. Вяземскій*. Русскій Архивъ. № 12; ст. 2033—2045.

288. Біографическій очеркъ Пинскера. День, органъ русск. евреевъ. № 5.

289. Письмо къ ред. *В. Г.* День, органъ русск. евреевъ. № 10.

По поводу біографіи С. Пинскера.

290. Петръ Александровичъ Шлетневъ. *Я. Гротъ*, съ зам. *И. Бартенева*. Русскій Архивъ. № 12; ст. 2067—2090.

291 и 292. Воспоминаніе изъ дѣтства А. С. Пушкина. Статья *Д....* Всеобщая Газета. № 60.

По поводу этой статьи смотри № 62: Письмо къ редактору отъ г. *Миллера*.

293. Къ біографіи Пушкина. (Видержки изъ записной книжки). *М. Семевскій*. Русскій Вѣстникъ. № 11, т. 84; стр. 60—107.

294. Ф. Н. Олѣпушкинъ (біографическій очеркъ). *И. Ремезовъ*. Грамотѣй. Кн. 6; стр. 43—76.

295. Ф. Н. Олѣпушкинъ. Статья *В. Лыстеницина*. Ярославскія губ. вѣд. № 31.

296. Письмо въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» о г-нѣ Стасюлевичѣ. Статья *Б. М.* Современная Лѣтопись. № 20.

297. О поступкѣ г. Стасюлевича, спасшаго ребенка. *Н. Т — з.* С.-Петербургскія Вѣдомости. № 185.

298. Воспоминаніе о В. К. Тредьяковскомъ. Голось. № 215.

299. Изъ дѣла о присвоеніи В. К. Тредьяковскимъ гренадерской жены, съ предисловіемъ *Г. Н. Александрова*. Осьмнадцатый Вѣкъ. Кн. 3-я; стр. 178—186.

300. Наши замѣчательныя дѣтели. IV. *Ив. Серг. Тургеневъ*. Всемирная Иллюстрація. № 20, т. I.

301. *Н. Ф. Щербина*. Иллюстрир. Газета. № 21, т. 23.

302. Письмо къ ред. «Дня». *О. Рабиновичъ*. День, органъ русск. евреевъ. № 7.

Здѣсь сообщаются свѣдѣнія о *Н. Ф. Щербинѣ*.

303. Письмо *Буларина* къ *И. П. Ливранди* (о Сѣв. Пчелѣ). Съ предисл. *Н. Барсукова*. Русскій Архивъ. № 9; стр. 1553—1559.

304. Два доношенія *А. П. Сумарокова*, съ предисловіемъ *Л. Н. Майкова*. Осьмнадцатый Вѣкъ. Кн. 3-я; стр. 182—186.

305. Письмо *Жуковскаго* къ граф. С. (по случаю кончины дѣтей ея) 1850 г. Русскій Архивъ. № 6; стр. 958—964.

Печатается съ подлинника, со-

хранившагося въ альбомѣ графа В. А. Солмогуба.

306. Два автографа *Пушкина*. Сообщ. *М. Доминковъ*. Русскій Архивъ. № 6; стр. 1063—1068.

307. По поводу воспоминаній г. Тургенева (въ «Вѣстн. Европы»). *Пасель Чичиковъ*. Одесскій Вѣстникъ. № 103.

308. Письмо г. *Дала* по случаю его приглашенія на торжество въ память Иоанна Гусса. Всеобщая Газета. № 15.

2. КРИТИКА, БИБЛИОГРАФІЯ И ЖУРНАЛИСТИКА.

309. Къ вопросу о періодической печати. (Передов. ст.). Новое Время. № 182.

310. Наши журналы и газеты. (Письма къ другу въ провинцію). *Меламоросъ*. Петербургская Газета. № 175, 176, 177 и 182.

311. Письмо къ ред. «Виржев. Вѣдомостей». *Н. Ляскова* (Стебницкій). Виржевыя Вѣдомости. № 219.

Здѣсь говорится о долѣ по нску г. Каширева, изд. «Зари», на г. Ляскова.

312. По поводу замѣтки «О мѣстной печати и о «Нижегор. губ. вѣд. въ особенности». *Харлампій Цинковскій*. Нижегородск. губ. вѣд. № 8.

313. Объ Астраханской газетѣ. «Восточныя извѣстія» 1813 г. Астраханскій Справ. Листокъ. № 125.

314. Библиографическія замѣтки (о духовн. журналахъ). Прибавленія къ Тульск. епарх. вѣд. № 19.

315. Наша періодическая духовная литература въ минувшемъ году. Статья *И. У—скаго*. Руководство для сельскихъ пастырей. № 14; стр. 507—524.

316. Оджикъ изъ нашихъ литературно-политическихъ типовъ. Статья *Р.*

Русскій Вѣстникъ. № 6, Т. 81; стр. 761—779.

По поводу «Вѣстн. Европы».

317. Что новаго въ журналахъ. Сынъ Отечества. № 187, 209, 221, 231 и 243 (будн. №).

318. Обзоръ журналовъ. Статья *С—ва*. Сѣверная Пчела. № 21, 31, 33 и въ др. №№.

319. Обзоръ русской журналистики. Новое Время. № 233, 240, 260 и въ др. №№.

320. Указатель къ «Педагогическому Сборнику» за 1864 — 1868 гг. *А. Л. Громаческій*. Педагогическій Сборникъ. № 7, стр. 33 — 48 и № 8, стр. 49—64.

321. Кое-что о нашей печати вообще и провинціальной въ особенностн. *Наблюдатель*. Вѣсть. № 177.

322. Провинціальная печать. (Передов. ст.). Новое Время. № 142.

323. Къ вопросу о провинц. литературѣ. Донъ. № 99.

324. Жалоба на равнодушіе провинціальной публики къ мѣстнымъ провинц. изданіямъ. Донъ. № 102.

325. Объ изданіи Туркестанскаго Вѣстника въ Ташкентѣ съ будущаго года. Голосъ. № 359.

326. Сочиненія и переводы *А. Н. Баженова*. Т. I. Статья *А. В.* Современная Лѣтопись. № 7.

327. Сочиненія г-жи Ростовской. Статья *Е. Водозовой*. Учитель. № 8; стр. 264 — 272.

328—333. Обрывъ. Романъ *И. Гончарова*. Критика *Л. П. А—ова*. Заря. № 11; стр. 95—140. Критика *Н. Мелюбова*. Русскій Вѣстникъ. № 7, Т. 82; стр. 335—378. Рец. С.-Петерб. Вѣдом. № 42, 63, 98 и 125.—Голосъ. № 133.—Новое время. № 96.—Листокъ объявленій и извѣщеній. № 49.

334. Журналистика 1869 года. (Новые романы старыхъ романистовъ). Окр—чъ. Дѣло. № 9; стр. 72—112.

335. **Винуваты-ли они? Статя М.** По поводу «Обрыва». Гончарова. Одесскій Вѣстникъ. № 149.
336. **Талантливая безталанность.** (Обрывъ И. А. Гончарова. 1869). *Н. Шелуновъ.* Дѣло. № 8; стр. 1—42.
337. **Старая правда.** (Обрывъ И. А. Гончарова). Критич. статья *А. Скабичевскаго.* Отечеств. Записки. № 10, (Т. 186, отд. 2); стр. 190—237.
338. **Уличная философія.** (По поводу 6-й главы 5-й части романа «Обрывъ») Отеч. Записки. № 6. Т. 184, отд. 2; стр. 127—159.
339. **Молодое поколѣніе передъ судомъ писателей старой школы.** «Обрывъ» И. Гончарова. *П. Исаевъ.* Донъ. № 95 и 96.
340. **Медвѣжья услуга, оказанная Гончарову г. Стедквичемъ.** *П. Исаевъ.* Воронежск. Телеграфъ. № 103.
341. **Гончаровъ передъ судомъ г. Исаева.** *В. Стецкевичъ.* Воронежскій Телеграфъ. № 108.
- 342—345. **Недоразумѣніе.** Повѣсть въ трехъ частяхъ. *Данкевичъ.* Спб. 1869. (Рецензія г. А.). Заря. № 8; стр. 196—198. См. также Отеч. Записки. № 10 (т. 186, отд. 2); стр. 241—264. Всемирн. Трудъ. № 7; стр. 138—147 и Вѣстн. Европ. № 9, т. 5; стр. 435—436.
346. **Новыя варіаціи на старую тему.** (Новыя сочиненія Г. П. Данилевскаго. Изд. 2-е. Спб. 1868 г.). Статья *Н. Л.* Дѣло. № 6; стр. 1—16.
347. **Сочиненія Державина съ объяснит. примѣчаніями Я. Грота.** 2-е изд. Т. I, ч. 1-я. Спб. 1868 г. (Крит. и библиогр. зам.). *М. Сухомяковъ.* Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія. № 7, ч. 164, отд. 2; стр. 170—184.
348. **Сочиненія Державина.** Издан. Я. Грота. Т. 5-й. Спб. 1869. Библиогр. зам. *М. Н. Ломинова.* Современн. Лѣтопись. № 42.
349. **Сочиненія Державина.** Т. 5-й. Вѣстникъ Европы. № 11; т. 6; стр. 457—467.
- 350 и 351. **Мелочи изъ запаса моей памяти.** *М. А. Дмитриевъ.* М. 1869. (Рец.). Всемирный Трудъ. № 10; стр. 23—35. См. также Сѣв. Пчелу. № 65.
352. **Поправки** (къ кн. «Мелочи изъ запаса моей памяти»). Русскій Архивъ. № 12; стр. 2091.
353. **Библиографическія замѣтки.** Мелочи изъ запаса моей памяти, М. А. Дмитриева. *Михаилъ Ломиновъ.* Современная Лѣтопись. № 44.
354. **Замѣтка.** По поводу брошюры г. Антоновича: «Матеріалы для характеристистики современной русской литературы». *Альба.* Вѣсть. № 248.
355. **Вольшія бранн.** (Обществ. замѣтка). Бирж. Вѣдомости. № 153.
- По поводу полемики Антоновича и Жуковскаго съ Некрасовымъ, Стасюлевича съ г. Катковымъ и г. Б. М. и Незнакомца.
356. **Новое явленіе въ литературѣ.** (Перед. ст.). Одесскій Вѣстникъ. № 187 и 189.
357. **О столичныхъ обличеніяхъ.** Донъ. № 60. (Перед. ст.).
- По поводу книгъ: Жуковскаго, Антоновича и Рождественскаго.
358. **Стихотворенія А. А. Звонарева.** М. 1869. (Рец.). *А. С.* Вѣстникъ Европы. № 10. Т. 5; стр. 965—966.
359. **Добрая вѣсть** (о полномъ изданіи соч. Иннокентія). Статья *С. П—ва.* Киевск. епарх. вѣд. № 21.
360. **Второй томъ соч. Кантемира.** Письмо *П. Ефремова,* по поводу недосмотровъ въ изданіи. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 118.
361. **Педагогическій элементъ въ поэзіи Кольцова.** *Н. Бунаковъ.* Педагогическій Сборникъ. Кн. 4; стр. 632—662.
- 362 и 363. **Столбы.** Старая погудка на новый ладъ. Изд. В. Крылова. Спб.

1869. (Рецензія). Отеч. Записки. № 6, Т. 184, отд. 2; стр. 222—225.

См. также объ этой книгѣ въ Вѣстн. Европы. № 6, т. 3; стр. 931—934.

364. Старая и новая поэзія. (Собраніе стихотвор. В. Курочкина. 2 т. Спб. 1868). *Анонимъ*. Дѣло. № 5; стр. 21—40.

365. Сочиненія Марка Вовча. Спб. 1870 г. Живая душа. Романъ. Спб. 1868. (Критика). Заря. № 10; стр. 246—268.

366. Литературный міръ. Поддонки. (Сатир. очерки). В. О. Милосичъ. Спб. 1869 — 70. (Рец.). Всемирн. Трудъ. № 9; стр. 30—36.

367. Кому на Русь жить хорошо. Некрасова. М. Великій. Киевскій Телеграфъ. № 57.

По поводу стихотв. Некрасова подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ напечатаннаго въ «Отеч. Зап.».

368—372. Сочиненія И. С. Никитина. Изд. А. Р. Михайлова. Воронеж. 1869. (Рецензія). Отеч. Записки. № 8, Т. 185, отд. 2; стр. 292—305.

См. также объ этой книгѣ: 1) въ «Вѣстн. Европы» № 8, т. 4; стр. 891—903. 2) «Филологич. Записки». Вып. 2 и 3-й; стр. 3—7. 3) въ «Дѣлѣ», № 7; стр. 47—56. (Рец. *Н. Александрова*). 4) «Воронежскій Телеграфъ» № 53.

373. Столичныя рецензенты объ изданіи стихотвореній Никитина. *И. Исая*. Донъ. № 86.

Извлеченіе изъ рецензіи, помѣщ. въ «Вѣстн. Европы» и въ «Дѣлѣ».

374. Стихотворенія Н. Петрова. М. 1869. (Рецензія). Отеч. Записки. № 8. Т. 185, отд. 2; стр. 321—328.

375 и 376. Люди сороковыхъ и шестидесятихъ годовъ (по поводу романа г. Писемскаго). Статья *Н. III*. Дѣло. № 9, 10 и 11; стр. 1—29, 1—38 и 1—51.

См. также крит. въ 12-мъ № «Заря»; стр. 134—154.

377 и 378. Сочиненія Я. П. Понского. Т. I и II. Спб. 1869. (Рец. *Н. А. Александрова*). Библиографъ. № 3 (дек.); стр. 70—72.

См. также рец. въ «Отеч. Запискахъ». № 9. Т. 186, стр. 46—50.

379—380. Стихотворенія Н. Пушкирева. Спб. 1869. (Рецензія). Отеч. Записки. № 6. Т. 184, отд. 2; стр. 225—230.

См. также «Вѣстникъ Европы» № 8, т. 4; стр. 903—905.

381. Полное собраніе сочиненій Пушкина. Т. 3. Евгенийъ Опѣгинъ. Изд. 2-е. Спб. 1869. Вѣстникъ Европы. № 6. Т. 3; стр. 934—937.

382. Петербургскія вѣсти. Статья *И. К.* Московскія Вѣдомости. № 122 и 125.

Нѣсколько словъ о нов. издан. Пушкина Евг. Опѣгина, о типографскомъ искусствѣ въ Россіи, и пр. и пр.

383. О предполагавшемся изданіи сочин. К. Ф. Рылѣева. *Петръ Васильевъ*. Спб. Вѣдомости. № 194.

384. Чего нужно добиваться реальному посту. 1) Гдѣ лучше? Романъ Рѣшетникова. Спб. 1869. 2) Соч. Ф. Рѣшетникова. 2 т. Спб. 1870. *А. Скабичевскій*. Отеч. Записки. № 12 (т. 187, отд. 2); стр. 231—255.

385. Задача новѣйшей литературы. (Соч. Ф. Рѣшетникова). *Е. Утинъ*. Вѣстникъ Европы. № 12 Т. 6; стр. 832—888.

386. Сочиненія Ф. Рѣшетникова. Спб. 1869. (Крит.). Заря. № 9; стр. 191—206.

387. Повѣсти, очерки и рассказы М. Стебницкаго. 2 т. Спб. 1868—69. (Рецензія). Отеч. Записки № 7. Т. 185, отд. 2; стр. 53—61.

388—391. Картинки прошедшаго. Писалъ А. Сухово-Кобляинъ. М. 1869.

(Рецензія). *Отеч. Записки*. № 6. Т. 184, отд. 2; стр. 219—222.

См. также: *Вѣстн. Европы*. № 9, т. 5; стр. 423—429. *Всемирный Трудъ*. № 6; стр. 205—212 и Дѣло. № 8; стр. 55—59.

392 и 393. *Театральнымъ болота*. Романъ. Кн. 1-я. Спб. 1869. (Рецензія). *Отеч. Записки*. № 5. Т. 184, отд. 2; стр. 78—80.

См. также небольш. замѣтку въ *Иллюстр. Газетѣ*. № 17, т. 23.

394. *Разлученки*. Романъ А. Темризова. Спб. 1869. (Разб.). *Отеч. Записки*. № 9. Т. 186; стр. 72—80.

395—400. *Война и миръ*. Романъ гр. Л. Толстаго. 6 ч. Спб. 1868—69. Крит. статьи и рец. на этотъ романъ: 1) Петерб. Газета. № 77. (По поводу ст. М. де-Пуле). 2) *Всеобщ. Газета*. № 45. 3) Спб. Вѣдомости. № 144 (статья *М. де-Пуле*) и 343 (рец. г. *Z*). 4) *Новороссійскій Телеграфъ*. № 263 (статья *А. Воишниково*). 5) *Сѣв. Пчела*. № 36. 6) *Русскій Архивъ*. № 5 (Письмо гр. *А. Ростопчина*).

401. *Историч. очеркцы* (по поводу книги графа Л. Н. Толстаго «Война и миръ»). *Г. Дамилевскій*. *Всемирная Иллюстрація*. № 41.

402. *Критическія и литературныя замѣтки*. *Несчастная*, повѣсть г. Тургенева. *Воспоминанія о Бѣлинскомъ* его же. *Листокъ объявленій и извѣстій*. № 59.

403. *Замѣтки о нѣкоторыхъ явленіяхъ современной жизни*. I. *Отцы и дѣти* и происходящее отсюда послѣдствіе. *Статья Ч. II. (А. П. Чебышева-Дмитріева)*. *Судебн. Вѣстникъ*. № 236 и 237.

404—405. *Кобзарь Т. Шевченки*. Изд. Н. Гербеля. Спб. 1869. (Крит. статья и рец.). *Иллюстрир. Газета*. № 13, т. 23. *Голось*. № 42 и *Сынъ Отечества*. № 67 (будн. №).

406. *Сочиненія И. С. Тургенева*.

Ч. I. М. 1869. (Рец. *Илья Давыдовъ*). *Библиографъ*. № 3 (дек.). стр. 8—14.

408. *Еще за Тургенева* (по поводу выхода I-го тома его сочиненій). *Н. Косица*. *Заря*. № 12; стр. 118—133.

409 и 410. *Десять лѣтъ изъ жизни* ред. журнала Спб. 1869. (Кратк. библ. зам.). *Отечеств. Записки*. № 5. Т. 184, отд. 2; стр. 80.

См. также объ этой книгѣ въ Спб. Вѣдомостяхъ. № 135 (въ фельетонѣ *Незнакомца*).

411. *Замѣтки о календаряхъ общедоступныхъ*. *Воскресное Чтеніе*. № 2.

412. *Календарь на 1869 г.* *Статья Г. Донской Вѣстникъ*. № 6.

413. *Алфавитный списокъ авторовъ, съ обозначеніемъ года и номеровъ Астраханскаго справочнаго листка, гдѣ помѣщены ихъ произведенія*. *Астраханскій Справочный Листокъ*. № 141 и 142.

414. *Библиографическая лѣтопись (статей объ Архангельской губ.)*. *Архангельскій губ. вѣд.* № 72.

415. *Дополнительный указатель статей, относящихся до Архангельской губ. и помѣщ. въ Архангельск. губ. вѣд. за 1865 и 1866 гг.* *Ост. А. Тиминскій*. *Арханг. губ. вѣд.* № 71.

416. *Библиографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ русск. периодическихкихъ издаваніяхъ и сборникахъ (за 1-ю третъ 1869 года)*. *Сост. В. II. Межовъ*. *Журн. Минист. Народнаго Просвѣщенія*. № 8. Ч. 144, отд. 2; стр. 429—458. № 11. Ч. 146; стр. 183—215.

417. *Указатель вновь вышедшихъ книгъ на русскомъ языкѣ*. *Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ.* Помѣщался ежемѣсячно и составлялся *В. Н. Казаковымъ*.

418. *Списокъ книгамъ и брошюрамъ, доставл. въ бібліотеку Москов. губ. статистич. комитета*. *Московскія губ. вѣд.* № 5 и 8.

419. Библиографическій указатель. Листокъ объявленій и извѣщеній. № 1.

Перепечат. изъ «Правит. Вѣстника».

420. Библиографическій указатель. Педагогическое Обзорѣе. № 8.

421. Алфавитный указатель книгъ, поступившихъ въ библиотеку университета св. Владимира въ 1863—1866 годахъ. Университетскія Извѣстія. № 5; стр. 137—168. № 6; стр. 25—56 и № 7; стр. 169—192.

422. Алфавитный указатель книгъ, поступившихъ въ библиотеку университета св. Владимира въ 1867 и 1868 годахъ. Прилож. къ Киевск. Университ. Извѣстіямъ. № 8; стр. 37—104. № 10; стр. 104—128. № 11; стр. 129—144 и № 12; стр. 145—161.

423. Новые иностранныя изданія, относящіяся къ Россіи. Заря. № 9; стр. 258—265 (и въ др. №№).

424. Списокъ древнихъ книгъ и рукописей, пожертвованныхъ Москов. Румянц. музею. Новое Время. № 100.

425—431. Систематическій каталогъ русскихъ книгъ А. Ф. Базунова, сост. В. И. Межовымъ. Сиб. 1869. Разборы этого каталога: 1) Русскій Архивъ. № 5; (статья С. А. Соболевскаго). 2) Голось. № 67. 3) Русск. Инвалидъ. № 32. 4) Заря. № 4; стр. 125—127. 5) Сиб. Вѣдомости. № 60. 6) Сынъ Отеч. № 67 (будъ. №). 7) Журн. Мин. Народн. Просв. № 11; стр. 159—162.

432. Систематическій указатель къ неофиц. части Воронеж. губ. вѣд., со времени ихъ основанія по настоящее время (съ 1838—1865 гг.). Воронежскія губ. вѣд. № 45 и 47.

433. Новые явленія въ русской библиографіи. С. Соболевскій. Русскій Архивъ. № 5; стр. 921—935.

О каталогахъ г. Вазунова и Глазунова и трудахъ Я. Березина-Шарлева.

434. Свѣдѣнія о числѣ получаемыхъ въ Калишѣ русск. современныхъ изданій, въ 1-мъ полугодіи 1869 года. Калишскіи губ. вѣд. № 23.

435. Газеты и журналы, получаемые въ Рыбинскѣ. Ярославскія губ. вѣд. № 27.

436. О числѣ періодическ. изданій, получ. въ Екатеринославѣ. Екатеринославскіи губ. вѣд. № 31.

437. Списокъ періодическ. изданій, получаемыхъ для профессоровъ лекторіи въ университетѣ св. Владимира, въ 1869 г. Киевск. Университ. Изв. № 10; стр. 1—13 и 105—128.

3. СЛОВЕСНОСТЬ ИНОСТРАННАЯ И СЛАВЯНОСЛАВЯНСКАЯ.

438. Новости иностранной литературы. Современная Лѣтопись. № 47.

439. Новости иностранной литературы. Жандармы. Администр. фантазія Пессара. Статя П. В. Отеч. Записки. № 8. Т. 185, отд. 2; стр. 249—275.

440. Библиографическій указатель. (Новѣйшія сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ по педагогикѣ, теоріи языка и словесности, исторіи литературы, математикѣ, древнимъ и новымъ языкамъ, географіи, исторіи, естественнымъ наукамъ, чистому искуству, черченію и рисованію, цѣвнью, ремесламъ; книги для чтенія). Педагогическое Обзорѣе. № 5; стр. 57—64.

441. Каталогъ иностран. книгъ за 1-ю половину 1869 года. Библиографъ. № 3 (дек.); стр. 17—40.

442. Новые иностранныя изданія, относящіяся къ Россіи. Заря. № 6. (Приложеніе).

443. Письма темныхъ людей. Эпизодъ изъ исторіи эпохи возрожденія. А. Кирличниковъ. Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. № 5. Ч. 143, отд. 2; стр. 126—171.

- Здѣсь идетъ рѣчь о сочиненіи: «*Epistola obsurgorum virorum*».
444. Среднежизнове предшественники Вольтера. *П. Извѣст.* Недѣля № 20 и 21.
445. Школка о кончинѣ Вольтера, доставленное императр. Екатерины съ предисл. *Ев. Ет. Скайлера*. (Американскаго консула въ Москвѣ). Осмынадцатый Вѣкъ. Кн. 3-я; стр. 430—480.
446. Замятки о западно-европейской литературѣ. Типъ демона въ западно-европейской литературѣ. *Всемирная Иллюстр.* № 26, 27 и 31.
447. Исторія національной литературы въ Италіи. М. Пинто. Т. 1. Слб. 1869. (Рец.) *Библиографъ.* № 3 (дек.); стр. 14—27.
448. Английская журналистика. Статья *Атриколи*. С.-Петербург. Вѣдомости. № 172.
449. Шекспировская критика въ Германіи. *Gerwinus - Shakspere*. 3-te Aufl. *H. Стороженко*. Вѣстн. Европы. № 10. Т. 5; стр. 823—869. № 11, Т. 6; стр. 306—346.
450. Первое изданіе Шекспировыхъ драмъ. Современная Лѣтопись. № 32.
451. Замятки изъ путевой книжки. *H. Босс*. Заря. № 12; стр. 16—44.
- 6) Шекспиръ, Шиллеръ, Вагнеръ. 7) Отъ Майнца до Кельна.
452. Иностранная литература. Дж. Эллиотъ. *Отеч. Записки.* № 10, (Т. 186, отд. 2); стр. 260—290.
- Здѣсь разбираются романы: Адамъ Бидъ, Ф. Гольдтъ, Силасъ Марнеръ, Ромола.
453. Разоблаченіе о Байронѣ. *Биржевыя Вѣдомости.* № 231.
454. Роляндъ. Древняя французск. поэма. Перев. В. Алмазова. (Рец. А. С.) *Вѣстникъ Европы.* № 10. Т. 5; стр. 964—965.
455. Новый романъ. Викт. Гюго. (*L'homme qui rit*). *Вѣстникъ Европы.* № 6. Т. 3; стр. 819—870.

456. Последний романъ В. Гюго. (*L'homme qui rit*). Общий обзоръ и извлеченіе. Фл. С.-Петербург. Вѣдомости. № 164, 166, 168, 171, 173 и 176.
457. Театръ В. Гюго. Анжело. Лукреція Борджіа. Въ переводѣ Николая Михно. Слб. 1869. (Рецензія). *Всемирный Трудъ.* № 8; стр. 24—26.
458. Библиографія. Н. Rochefort. *La lanterne.* № 65. Б. П.—чз. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 235.
459. *Revue septentrionale*. (Сѣверное обозрѣніе). *Première année. Janvier. 1869. S.-Petersbourg.* (Обозрѣніе). *Варшавск. Дневникъ.* № 111.
460. Наши сосѣди. (Берлинская періодическая печать). *Сѣверная Пчела.* № 26 и 27.
461. Генрихъ Гейне въ Парижѣ. (*H. Heine's Leben und Werke von Ad. Strodman. B. 2. Berlin. 1869.*) *Л. Полонскій.* Вѣстн. Европы. № 11 (т. 6); стр. 196—246.
- 462 — 465. Сочиненія Л. Берне. Перев. П. Вейнберга. Слб. 1869. (Рец. *H. А. Александрова*). *Библиографъ.* № 3 (дек.); стр. 52—57.
- См. также: 1) *Отеч. Записки.* № 12 (т. 183, отд. 2); стр. 270—279. (Крит. статья).—2) *Дѣло.* № 10; стр. 66—73 и 3) Слб. Вѣдомости. № 309.
466. *Мажнавен*. Трагедія Отто Лудвига. *Всемирная Иллюстрація.* № 38.
467. *Novellen von K. Büchner. Reudnitz. 1869.* (Рецензія). *Вѣстникъ Европы.* № 7. Т. 4; стр. 439—441.
468. Женские типы Шнильгагена. *М. Цибрикова.* *Отеч. Записки.* № 6. Т. 184; стр. 160—216. № 11 и 12. Т. 187; стр. 183—230.
- Здѣсь говорится о романѣ «Фонъ Гогенштейнъ».
469. Чарльзъ Диккенсъ и медвѣдь. *Сынъ Отечества.* № 34 (воскр. №).
470. Изъ мрака въ свѣту. «Между молотомъ и наковальней». Романы

Ф. Шпильгагена. Спб. 1870. (Разборъ). Вѣстн. Европы. № 12. Т. 6; стр. 967—985.

471. Жоржъ Зандъ. Живописный Сборникъ. Т. VI, вып. 11 и 12; стр. 350—352.

472. Жоржъ Зандъ и ея дѣти. Иллюстрир. Газета. Т. 23. № 21.

473. Альфонсъ Карръ (знаменитый франц. юмористъ, род. въ 1808 г.). Иллюстрир. Газета. Т. 23. № 22.

474. Г-жа Брюднеръ. А. Пылимъ. Вѣстн. Европы. № 9. Т. 5; стр. 207—252.

475. Ламартинъ. Иллюстрир. Газета. Т. 23. № 20.

476. Фелксенъ Мальфилъ (французскій писатель). Иллюстрир. Газета. № 17. Т. 23.

477. Лудвигъ Шторкъ. Современнѣмецкій писатель. Воскресный Досугъ. № 331.

478. Теодоръ Мундтъ. Иллюстр. Газета. № 22. Т. 23.

Глава германской литературы школы, прозван. «Молодою Германіей».

479. Вильямъ Прескоттъ, его жизнь и сочиненія. Семейные вечера, (старш. возрастъ). № 10.

480. Изъ жизни англійскаго писателя Тэккерея. Живописн. Сборникъ. Т. 6, вып. 10; стр. 291—296.

481. Орбана библіографія за новію книжественность, 1741—1867. Сост. Столянъ Павликовичъ въ Бѣлградѣ. 1869. II. Ровинскій. С.-Петербург. Вѣдомости. № 193.

482. Славянская библіографія за 1868 годъ. А. Будиловичъ. Журналъ Минист. Народн. Просв. № 6, отд. 2; стр. 416—417.

483. Галицко-русская газета «Слово». Голосъ. № 274.

484. Славянникъ. Разборъ его. Статя И. Варшавскій Дневникъ. № 152.

485. Вибліографія. «Слово и Słowianin» въ 1868 г. и «Галичанинъ» за 1868 г. Статя II. Г' и II. А. Виленскій Вѣстникъ. № 60 и 66.

486. Очерки новѣйшей польской литературы. (Zacharjasiewicz. Święty Jug. Lwów. 1862). Б. Павловичъ. Спб. Вѣдомости. № 347 и 348.

487. Очерки новѣйшей польской литературы: Kaczkowski. Rozbitek. Powieść. 3 t. Wilno. 1861. Рецензія Б. Павловича. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 242 и 243.

488. О римско-католическомъ катехизисѣ на русск. языкѣ (въ 20-хъ годахъ востолщ. столѣтія). Виленскій Вѣстникъ. № 128 и 129.

XI. МАТЕМАТИЧЕСКІЯ НАУКИ: АСТРОНОМІЯ И МЕХАНИКА.

За вторую и послѣднюю трети 1869 года.

43. По поводу составленныхъ комиссією программъ математики, физики и космографіи. В. Булакъ. Педагогическое Обзорніе. № 8.

44. Математикъ-самоучка Егоръ Петровичъ Сабуровъ. О. Митеневъ. Другъ Народа. № 50.

45. Волшебный квадратъ. Арифметическая задача для дѣтей. Учитель. № 12; стр. 400—402.

46. Замятка о книгѣ «Рациональн. арифметика» (учителя В. Полкомыкаго). Циркуляръ по Варшавск. учебн. округу. № 6.

47. Методъ преподаванія арифметики въ женской гимназійи. Лешинъ. Циркуляръ по управл. Варшавскимъ учебнымъ округомъ. № 6.

48. Наша учебная литература. Сборникъ примѣровъ и задачъ. Ф.

Бычковъ. Спб. 1868. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ. № 6. Ч. 143, отд. 8; стр. 164—165.

49. Нѣсколько словъ о преподаваніи ариметики въ начальныхъ школахъ. Харьковскія губ. вѣд. № 74.

50. Простой способъ вычисленія процентовъ. *В. Фомина.* Учитель. № 17 л. 18.

51. Руководство ариметики для гимназій. *А. Малнинъ и Е. Буренинъ.* М. 1868. (Ст. А.—ра *Воронова*). Собраніе аримет. задачъ. Ихъ-же. М. 1867. (Разборъ). Учитель. № 16; стр. 538—534 и Журналъ Минист. Народнаго Просвѣщенія. № 6. Ч. 143, отд. 8; стр. 154—164.

52. Собраніе ариметич. задачъ. *Н. Томасъ.* 2 ч. Спб. 1868. (Разборъ). Учитель. № 16.

53. Уроки научной ариметики по гегетической методѣ. *Е. Кемницъ.* Учитель. № 13, 14 и 15 и 16.

54. Упрощенный способъ измѣренія земель. *Мірской Вѣстникъ.* № 6; стр. 37—55.

55. Общій геометрическій способъ дѣленія угловъ на три равныя части. *Николай Ярошевскій.* Педагогическое Обзорніе. № 7.

56. По поводу статьи г. Ярошевскаго: «Способъ дѣленія прямого угла и цѣлой окружности на девять равныхъ частей и построение угла, равнаго пяти градусамъ». *Г. Булакъ.* Педагогическое Обзорніе. № 5; стр. 27—30.

57. О параллельныхъ линіяхъ. *В. Булакъ.* Педагогическое Обзорніе. № 11; стр. 26—27.

58. Практическій урокъ изъ геометріи въ IV классѣ гимназій. *Шатомниковъ.* Циркуляръ по Казанскому учебн. округу. № 23.

59. Преподаваніе геометріи въ народныхъ школахъ. *А. Леве.* Народная Школа. № 11; стр. 5—8.

60. Собраніе геометрическихъ задачъ. Докт. *Вежелъ.* Спб. 1867. (Разборъ). Учитель. № 12; стр. 396—397.

61. Начальная алгебра, *Д. Гиеа.* Ч. 1-я. М. 1869. *Е. Кедричъ.* Педагогическое Обзорніе. № 6.

62. Начальная алгебра, *А. Леве.* Спб. 1865 и Начальная алгебра, *Е. Пржевальская.* М. 1867. (Разборъ). Учитель. № 16; стр. 536—539.

63. Тригонометрія соч. *А. Серре.* Перев. *Ев. Гутора.* Вып. 1-я. Воронежъ. 1869. Ст. II. Воронежскій Телеграфъ. № 97.

64. Прямолинейная тригонометрія для гимназій. *И. Вотковичъ.* Педагогическій Сборникъ. № 9; стр. 1—24. № 10; стр. 25—40. № 11; стр. 41—66 и № 12; стр. 5—80.

65. Пятизначныя таблицы логарифмовъ. *Е. Пржевальскій.* М. 1868. (Разборъ). Учитель. № 16; стр. 539—540.

66. Записка академика *Якова* о метрической системѣ. Современная Лѣтопись. № 46.

67. *Филиппъ Жираръ* (механикъ). Род. 1775, ум. 1845. Иллюстрвр. Газета. Т. 23. № 26.

68. Новые изобрѣтенія въ Америкѣ. *П. Моткаловъ.* Спб. Вѣдомости. № 221.

69. Нѣкоторые новѣйшія техническія изобрѣтенія. Статья *Д. Т.* Новое Время. № 173.

70. Объ отопленіи паровозовъ антрацитомъ на Грушевско-Донской и Одесской желѣзныхъ дорогахъ. *Г. Л. Серебряковъ.* Журн. Мин. Путей Сообщенія. № 5; стр. 1—11.

71. Перегрѣваніе воды, какъ причина разрыва паровыхъ котловъ. *А. Цитовичъ.* Журн. Мин. Путей Сообщенія. № 6; стр. 232—249.

72. Еще о взрывахъ паровыхъ котловъ. *Евгеній Бурачекъ* 1-й. Морской Сборникъ. Т. 103. № 7; стр. 153—168.

73. Предохраненіе котельныхъ димогарныхъ трубокъ отъ вліянія осадковъ и накипей. *М. Венецій*. Морской Сборникъ. № 12; стр. 147—162.

74. По поводу постановленій объ испытаніи паровыхъ котловъ. *Г. Еленевичъ*. Записки Русск. Технич. Общ. Вып. 3-й; стр. 45—48.

75. Объясненіе *О. Дичака* о его новомъ двигателѣ. *Голосъ*. № 294.

76. Еще примѣненіе пара къ швейнымъ машинамъ. *Иванъ Диминъ*. Русскій Инвалидъ. № 153.

77. Патентованный газовой приборъ Гирцеля. *Всемирная Иллюстрація*. № 36.

78. Самолетъ Уайта. *Всемирная Иллюстрація*. № 27.

79. Самолетшущій дождемѣръ *Чарльза Ребэча*. *В. В. Ивановъ*. Морской Сборникъ. № 11; стр. 195.

80. Краткое описаніе математическихъ, астрономическихъ и астрологическихъ еврейскихъ рукописей изъ коллекціи Фирковичей, хранящейся въ Импер. Публ. Библиотекѣ, въ Спб. Составилъ *Г. Гурильдъ*. Труды Восточ. Отд. Импер. Русск. Археологич. Общества. Ч. 14; стр. 163—221.

81. Астрономъ Федоровъ въ Тобольскѣ въ 1833 году. *Н. Абрамовъ*. Тобольскія губ. вѣд. № 13.

82. *Матъе Домбаль* (французскій астрономъ). *Иллюстрир. Газета*. № 23. Т. 23.

83. Общая теорія возмущеній. *М. Ф. Хандриковъ*. Московск. Унив. Извѣстія. № 5; стр. 1—48. № 6; стр.

55—112. № 7; стр. 113—160 и № 8; стр. 153—192.

84. Чудеса изъ міра кометъ. *Живописный Сборникъ*. Т. 6, вып. 10; стр. 315—317.

85. Туманные пятна. *Иллюстрир. Газета*. Т. 24. № 26.

86. Солнце. 2 лекціи. *И. Рейсъ*. Спб. 1869. *Космосъ*. № 20—21 и 22—25. (См. объ этомъ соч. ст. въ «Сиб. Вѣдомостяхъ» № 225 и въ «Голосѣ» № 265).

87. Замѣчательное пятно на солнцѣ. *Э. Платоновъ*. *Одесск. Вѣстникъ*. № 170.

88. Солнечныя и лунныя затмѣнія. *А. Воскресенскій*. *Воскресное Чтеніе*. № 55.

89. Полное солнечное затмѣніе 26-го іюля (7-го августа) 1869 г. *Всемирная Иллюстрація*. № 43 и *Соврем. Лѣтопись*. № 32.

90. Полное солнечное затмѣніе въ Ріо-Жанейро. *Воскресный Досугъ*. № 340.

91. Прохожденія Венеры по солнцу въ 1874 и 1882 гг. *Морской Сборникъ*. Т. 102. № 5; стр. 93—102.

92. Исслѣдованіе движенія планеты Юноны. *Л. Ф. Беркесичъ*. Записки Новорос. Университ. Годъ 2-й, т. 2-й; стр. 1—61.

93. Говорила ли библія о неподвижности земли? *Петербургская Газета*. № 98.

94. Единство мѣръ и вѣсовъ. *А. Давидовъ*. *Педагогической Обзорніе*. № 9; стр. 1—13.

ХІІІ. ВОЕННЫЯ И МОРСКІЯ НАУКИ.

За вторую и последнюю трети 1869 года.

1. ВОЕННЫЯ НАУКИ.

А. Артиллерія. Огнестрѣльное и холодное оружіе. Преподанія. Вооруженіе войска.

224. Австрійскіе опыты сравнительной стрѣльбы изъ гладкихъ и нарезныхъ полевыхъ орудій картечью и картечными гранатами. *Ст. Н. П.* Артиллер. Журналъ. № 12; стр. 941—949.

225. Артиллерія для Индіи. Статья *А. Г. В.* Артиллерійскій Журналъ. № 10; стр. 588—589.

226. Артиллерійскій бой и морская тактика. Военный Сборникъ. № 5; стр. 31—34.

227. Артиллерійскіе очерки. Шт.-капит. *Свенторжецкій*. Морской Сборникъ. Т. 102. № 5; стр. 111—128. № 11; стр. 155—186 и № 12; стр. 111—146.

228. Военныя ракеты въ Абиссинской экспедиціи. Вращательное движеніе для направленія ракетъ. Генералъ-лейтенантъ *Константиновъ*. Артиллерійскій Журналъ. № 8; стр. 105—126.

229. Громадныя орудія прежняго времени. *Н. Калакуцкій*. Артиллерійскій Журналъ. № 7; стр. 1—37.

230. По поводу статьи: «Громадныя орудія прежняго времени». *Н. Бранденбургъ*. Артиллерійскій Журналъ. № 10; стр. 509—522.

231. Дальномѣръ А. Гатъе. Статья *В. Ф.* Артиллерійскій Журналъ. № 9; стр. 248—260.

232. Дальномѣръ Гулье. Статья *Р. Ш.* Артиллерійскій Журналъ. № 11; стр. 801—806.

233. Дальномѣръ. *К. Смирской*. Оружейный Сборникъ. № 2, отд. 2; стр. 112—131.

234. О дальномѣрахъ. Оружейный Сборникъ. № 8; стр. 22—28.

235. Къ вопросу о дальномѣрахъ. Статья *Ф. П.* Артиллер. Журналъ. № 5; стр. 987—988.

236. Двѣ замѣчательныя пушки въ г. Кунгурѣ. *Р. Имановъ*. Пермскія губ. вѣд. № 78.

237. Журналъ испытанія 3-го апрѣля 1869 г., на Пермскомъ заводѣ снарядовъ изъ быстро-охлажденнаго чугуна стрѣльбою въ 6 дюйм. броню, изъ 8-ми дюйм. чугунной пушки, скрѣпленной стальными кольцами. Горный Журналъ. № 5; стр. 339—340.

238. Зависимость настѣльности полета снарядовъ отъ ихъ діаметра, вѣса и начальной скорости. Статья *Р. Ш.* Артиллерійскій Журналъ. № 11; стр. 807—813.

239. Замѣтка относительно механическихъ испытаній металла въ орудіяхъ. *А. Плещовъ*. Артиллерійскій Журналъ. № 10; стр. 575—577.

240. Матеріалы для изученія сталелитейнаго дѣла въ Россіи. *Н. Калакуцкій*. Артиллерійскій Журналъ. № 9; стр. 274—307.

241. Изысканіе способовъ для опредѣленія мѣстъ разрывовъ картечныхъ гранатъ. *В. Шкларевичъ*. Артиллерійскій Журналъ. № 6; стр. 1003—1023.

242. Испытаніе 11-ти дюйм. стальной нарезной, заряжаемой съ казенной части, пушки въ броневой щитъ Геркулесъ. Артиллерійскій Журналъ. № 12; стр. 864—871.

243. Къ вопросу о практической стрѣльбѣ полевой артиллеріи. Статья *М.* Артиллерійскій Журналъ. № 9; стр. 308—316.

244. Начальная скорость швейцарскихъ артиллерійскихъ снарядовъ

и ружейных пуль по опытамъ въ Туль, въ июль и августъ 1867 года. Артиллерійскій Журналъ. № 8; стр. 221—223.

245. Наши артиллеристы. *Есаулъ*. Донской Вѣстникъ. № 18.

246. Еще о доковой артиллеріи. Донской Вѣстникъ. № 37.

247. Артиллерійскій полigonъ Виленск. военнаго округа. *Артиллеристъ*. Русскій Инвалидъ. № 78.

248. Нидерландская артиллерія. Артиллерійскій Журналъ. № 10; стр. 492—508.

249. Новое артиллерійское имущество полевыхъ батарей. *Э. Овансберъ*. Артиллерійскій Журналъ. № 8; стр. 149—164.

250. Нѣкоторыя свѣдѣнія относительно испытанія и принятія лафета капитана Монкрифа въ Англии. *А. Герцо-Виноградскій*. Артиллерійскій Журналъ. № 10; стр. 561—574.

251. Нѣкоторыя свѣдѣнія относительно 9-ти и 11-ти дюйм. пушекъ Ватворта. Артиллерійскій Журналъ. № 9; стр. 427—428.

252. Объ инструментахъ для приема въ артиллерію желѣзныхъ осей. *Милъ Коробковъ*. Артиллерійскій Журналъ. № 12; стр. 872—892.

253. Объ обученіи нижнихъ чиновъ полевыхъ батарей наводкѣ орудій. Статья *М. К.* Артиллер. Журналъ. № 12; стр. 833—851.

254. Объ опытахъ, произведенныхъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1867 года, на сталелитейномъ заводѣ г. Круши, надъ опредѣленіемъ давленій пороховыхъ газовъ въ каналахъ орудій. Генералъ *Маіевскій*. Артиллер. Журналъ. № 5; стр. 870—904.

255. О литой стали Каратаева. *А. Филантскаго*. Артиллер. Журналъ. № 8; стр. 127—148 и № 9; стр. 229—247.

256. Опредѣленіе закона сопротивленія воздуха на продолговатые

снаряды при помощи таблицы временъ ихъ полета. Артиллерійскій Журналъ. № 10; стр. 468—478.

257. Описание опытовъ надъ сопротивленіемъ разрыву мѣдныхъ 6 и 4 ф. пушекъ. Артиллер. Журналъ. № 12; стр. 949—961.

258. Опыты, произведенные въ Америкѣ надъ рикошетированіемъ 15-ти дюймов. снарядовъ по водѣ. Морской Сборникъ. Т. 104. № 10; стр. 25—60.

259. Опыты въ Швейцаріи надъ улучшеніемъ способа снаряженія картечныхъ гранатъ. Артиллер. Журналъ. № 8; стр. 224.

260. Опыты въ Шебурнессѣ надъ новыми пустотѣлыми снарядами. Стоимость содержанія англійской арміи и флота въ 1869—70 гг. Новый артиллерійскій комитетъ въ Англии. О примѣненіи электричества для военныхъ цѣлей. Стойкость Вульвичскихъ пушекъ. Вновь предлагаемое орудіе. *А. Герцо-Виноградскій*. Артиллерійскій Журналъ. № 5; стр. 999—997. № 7; стр. 94—104 и № 8; стр. 215—220.

261. О смѣшанномъ артиллерійскомъ вооруженіи. Статья *В.* Кронштадтскій Вѣстникъ. № 59.

262. О стрѣльбѣ гранатами и картечными гранатами и о вооруженіи наръзныхъ орудій. Артиллер. Журналъ. № 10; стр. 445—467.

263. Отчетъ о результатахъ опытовъ, произведенныхъ на Волковомъ полѣ, въ мартѣ 1868 и въ мартѣ 1869 гг. съ цѣлью изслѣдовать, какимъ образомъ происходитъ расчетъ разрывныхъ частей картечной гранаты съ дистанціонною трубкою. *В. Шкларевичъ*. Артиллер. Журналъ. № 11; стр. 601—651.

264. По поводу перевозки 8-ми дюйм. орудій по льду. *Р. Недоуровъ*. Артиллерійскій Журналъ. № 8; стр. 203—210.

265. Правила для употребленія ли-

- нейки-счислителя *М. Стрижковъ*. Артиллерійскій Журналъ № 6; стр. 905—947.
266. Практическая стрельба въ прусской полевой артиллеріи. *Н. Вилдерлинъ*. Артиллер. Журналъ. № 11; стр. 652—694.
267. Приборъ для снѣванія слѣпковъ съ поврежденныхъ мѣсть въ каналѣ орудія. *А. Бортсовъ*. Артиллер. Журналъ. № 9; стр. 261—273.
268. Проба желѣзныхъ, стальныхъ и чугуныхъ издѣлій посредствомъ магнетизма. Статья *Р. III*. Артиллер. Журналъ. № 10; стр. 578—584.
269. Пушка-револьверъ. Статья *Т. Всемирная Иллюстр.* № 20, т. I.
270. Пушка Паллиера на службѣ. Артиллерійскій Журналъ. № 9; стр. 428—430.
271. Разрывъ 9-ти дюймовой Вулической пушки. *Доппельмайеръ*. Артиллерійскій Журналъ. № 6; стр. 1106—1109.
272. Результаты опытовъ, произведенныхъ въ Ларентѣ изъ 7-ми дюйм. наръвной стальной пушки Витпорта, въ декабрѣ 1868 г. Артиллерійскій Журналъ. № 9; стр. 424—426.
273. Случай разрыва американскихъ орудій съ 1861 г. Статья *Н. III*. Инженерный Журналъ. № 8; стр. 92.
274. Сопротивленіе воздуха движенію снарядовъ. Опыты, произведенные въ Вуличѣ, для разрѣшенія вопроса—слѣдуетъ-ли полення гранаты возить сварженными и со втулками въ очкахъ, или несварженными, со ввинченными въ нихъ поленными трубками. Наполеонъ III и ружье Генри. Образование англійской арміи. Механизмъ системы Роберта для заряжаемаго съ казны ружья. *А. Герно-Виноградскій*. Артиллерійскій Журналъ. № 6; стр. 1110—1167.
275. Способъ точнаго опредѣленія разстояній при помощи одного глаза ибра и снаровки стрельбы изъ бом. *Н. Волоцкой*. Артиллер. Журналъ. № 12; стр. 935—941.
276. Стоимость американскихъ тяжелыхъ пушекъ. Артиллер. Журналъ. № 10; стр. 586.
277. Усовершенствованная батареяная пушка Гатлинга. От. Т. Всемирная Иллюстр. № 52.
278. Уставъ британскаго національнаго артиллерійскаго Общества. Артиллерійскій Журналъ. № 12; стр. 852—862.
279. Zeitschrift für die Schweizerische Artillerie, 1868 г. № 6, 7 и 8. Статья *Р. III*. Артиллер. Журналъ. № 5; стр. 976—985.
280. Нѣсколько словъ о предстоящемъ пятидесятилѣтіи Михайловской артиллерійской академіи и училища. *II. Вилдерлинъ*. Артиллер. Журналъ. № 11; стр. 814—816.
281. По поводу юбилея Михайловской артиллерійской академіи и училища. *Н. Эернстромъ*. Артиллерійск. Журналъ. № 12; стр. 962—963.
282. О предложеніи по поводу предстоящаго юбилея Михайловской академіи и училища. Оружейн. Сборникъ. № 4; стр. 170—176.
283. Предложеніе по поводу предстоящаго 50-ти-лѣтія Михайловской артиллерійской академіи и училища. *А. Герно-Виноградскій*. Горный Журналъ. № 10; стр. 162—167.
284. Артиллерійскій Журналъ и Оружейный Сборникъ за 1868 годъ. Новый порохъ Неймейера. Значеніе селитроваренія въ Россіи и проектъ новаго способа заготовленія селитры для нашихъ пороховыхъ заводовъ. Военный Сборникъ. № 6; стр. 117—129.
285. Военныя ракеты въ Пруссіи. *К. И. Константиновъ*. Николаевскій Вѣстникъ. № 81.
286. Военныя ракеты въ Шалон-

скомъ лагерѣ. *К. И. Константиновъ*. Николаевскій Вѣстникъ. № 49.

287. Исслѣдованія относительно дѣйствія мгновенно и медленно горящихъ взрывчатыхъ составовъ въ различныхъ срединахъ. Полк. *Постельниковъ*. Инженерный Журналъ. № 6 и 12; стр. 922—931 и 1549—1592.

288. Краткій обзоръ взрывчатыхъ составовъ. Статья *В. П.* Инженерный Журналъ. № 7; стр. 1031—1041.

289. Объ отчетности по приготовленію и продажѣ фейерверковъ частнымъ лицамъ. Статья *М.* Артиллер. Журналъ. № 12; стр. 917—934.

290. Опыты надъ опредѣленіемъ баллистической и разрывной силы пороха, произведенныя приборомъ Франца Ухадіуса въ Охтенскомъ пороховомъ заводѣ. *Н. Кайгородовъ 1-й*. Артиллерійскій Журналъ. № 11; стр. 695—763.

291. О дѣйствіяхъ огняхъ. Артиллерійскій Журналъ. № 9; стр. 402—412.

292. Усовершенствованіе фейерверковъ и сдѣланіе потѣшной протекціи болѣе полезною практикою для военной лабораторіи. *К. Константиновъ*. Николаевскій Вѣстникъ. № 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43 и 47.

293. Жлопчатый порохъ, употребленный въ качествѣ ударнаго состава. Статья *Р. Ш.* Артиллер. Журналъ. № 8; стр. 225.

294. Будущее вооруженіе англійской арміи. Артиллерійск. Журналъ. № 8; стр. 213.

295. Вооруженіе нашей арміи. Статья *М* — скаю. Сынъ Отечества. № 284.

296. Современное состояніе вооруженія нашей полевой артиллеріи. Русскій Инвалидъ. № 69.

297. Еще о кирасолахъ Муратори. Оружейн. Сборникъ. № 3; стр. 24—26.

298. Замѣтка объ упроченіи

ринда, какъ прикрытія, стрѣлку. Статья *В. П. В.* Оружейный Сборникъ. № 3; стр. 1—6.

299. Перечень занятій оружейной комиссіи. Оружейный Сборникъ. № 2; стр. 1—24.

300. Объ оружейной мастерской Терокаго казачьяго войска, открытой въ станицѣ Ардонской, 11-го октября 1869 года. *Н. Антоновъ*. Терскія вѣд. № 44.

301. О новомъ оружіи въ Италіи. Оружейн. Сборникъ. № 3; стр. 23—24.

302. О стойкости перевооруженія войскъ въ Швейцаріи. Оружейный Сборникъ. № 3; стр. 7—10.

303. Патронныя сумки Фука. Статья *З.* Современ. Лѣтопись. № 1.

304. Раздвижная пика. Оружейн. Сборникъ. № 2; стр. 15.

305. Разработка штыка въ Ижевскомъ оружейномъ заводѣ. Оружейн. Сборникъ. № 2; стр. 1—7.

306. Англійскій конжуръ и ружье Мартины Генри. Оружейн. Сборникъ. № 2; стр. 8—15.

307. Важность вооруженія нашей кавалеріи магазинными винтовками. *С. Хрулевъ*. Биржев. Вѣдомости. № 129 и Народная Газета. № 38 и 39.

308. Новый магазинный карабинъ. *С. Хрулевъ*. Биржев. Вѣдомости. № 132.

309. Винтовка скорострѣльная и обыкновенная съ тактической точки зрѣнія. *М. Драгомировъ*. Оружейный Сборникъ. № 2, отд. 2; стр. 1—34.

310. Замѣтка о новомъ повторительномъ оружіи. Оружейн. Сборникъ. № 4; стр. 28—39.

311. Еще о повторительномъ оружіи. Оружейный Сборникъ. № 4; стр. 40—52.

312. Замѣтка Du Casse о Швейцарскомъ ружьѣ и отвѣтъ на эту замѣтку. Оружейный Сборникъ. № 3; стр. 10—17.

313. Измѣненія въ ружьѣ Шассо. Оружейн. Сборникъ. № 3; стр. 261.
314. Исправленіе поврежденій въ игольчатой скорострѣльной винтовкѣ. *Ф. Давыдовъ*. Оружейный Сборникъ. № 2, отд. 2; стр. 79—111. № 3; стр. 73—103.
315. Историческая замѣтка объ испытаніи и принятіи наръзнаго оружія, дѣйствующаго продолговатыми снарядами (съ франц.). Оружейн. Сборникъ. № 2, отд. 2; стр. 35—78.
316. Краткія замѣчанія о скорострѣльномъ ручномъ оружіи генерал-майора де-Шарьера. *Е. Максимовъ-Мамонъ*. Оружейн. Сборникъ. № 4; стр. 161—169.
317. Въ теоріи устройства прицѣльных механизмовъ. *Н. Волоцкой*. Оружейн. Сборникъ. № 4; стр. 153—160.
318. Наша передѣлочная 6-ти линейная винтовка по системѣ Крика и патронъ Бердана. *Н. Литвиновъ*. Русскій Инвалидъ. № 132.
319. Ружья системы Бердана. *В. Чебышевъ*. Русскій Инвалидъ. № 68.
320. Новое ружье и патронъ генерала Бердана. Оружейн. Сборникъ. № 3; стр. 32—40.
321. Нѣсколько мыслей объ игольчатыхъ ружьяхъ. *И. П. Липранди*. Читенія въ Императ. Общ. Исторіи и Древн. Россіи. № 3; стр. 203—229.
322. Нѣсколько словъ о свойствахъ ружья 1-й и 2-хъ лпн. винтовки, объ испытаніи оной въ Америкѣ, объ улучшеніяхъ, произведенныхъ въ ней, и о преимуществахъ оной передъ другими образцами оружія, заряжающагося съ казны. *В. Буяковскій*. Оруж. Сборникъ. № 4; стр. 1—26.
323. Объ испытаніи ружья системы Ринингтона. *Н. Литвиновъ*. Оружейный Сборникъ. № 4; стр. 12—16.
324. Объ изученіи свойствъ огнестрѣльнаго оружія. *В. Шкляревичъ*. Военный Сборникъ. № 8; стр. 206—254.
325. Объ исключеніи изъ употребленія во время войны взрывчатыхъ пуль. *А. Ферманъ*. Артиллер. Журналъ. № 6; стр. 1026—1078.
326. Описаніе скорострѣльной винтовки Бердана, калибромъ 0,42 дюйм. *Н. Литвиновъ*. Оруж. Сборникъ. № 3; стр. 14—31.
327. Описаніе разработокъ, употребляющихся на Сестрорѣдкомъ оружейномъ заводѣ, для изготовленія замочныхъ частей нашей 6-ти линейн. винтовки. Оружейн. Сборникъ. № 4; стр. 17—27.
328. Описаніе измѣненныхъ и вновь введенныхъ частей 6-ти лпн. винтовки, передѣланной по системѣ Крика. Статья ***. Оруж. Сборникъ. № 2; стр. 18—26.
329. Опыты надъ пистолетомъ Ринингтона. Оружейный Сборникъ. № 3; стр. 68—72.
330. О сравнительномъ испытаніи, произведенномъ въ учебномъ пѣхотномъ батальонѣ, ружей системы Бердана (новой) и Вердера (баварской). Оруж. Сборникъ. № 3; стр. 56—67 и № 4; стр. 80—122.
331. О руководствѣ къ исправленію поврежденій въ игольчатой скорострѣльной винтовкѣ. *П. Давыдовъ*. Оруж. Сборникъ. № 4; стр. 179—180.
332. По поводу перевооруженія нашей арміи скорострѣльнымъ оружіемъ, заряжающимся съ казенной части. *Голосъ*. № 197 и 198.
333. Библиографическія замѣтки. По обученію войскъ стрѣльбѣ. *Н. Малосъ*. Русскій Инвалидъ. № 128.
- По поводу статьи Мартышева.
334. Практическія свѣдѣнія для стрѣльбы. *Офицеръ*. Донск. Вѣстникъ. № 35.
335. Передѣлка нашихъ винтовокъ въ игольчатые и починка ихъ. *П. Лу-*

лики. Оруж. Сборникъ. № 2, отд. 2; стр. 171—203.

336. Перемена образца для переделки нашихъ ружей. В. Чебышев. Оруж. Сборникъ. № 2; стр. 10—18.

337. По поводу статьи г. Драгомирава, объ огнестрѣльномъ оружii. Виржев. Вѣдомости. № 182.

338. По поводу газетныхъ статей о различныхъ системахъ ружей вообще и о ружьяхъ г. Баранова и Крпка въ особенности. Статья Л. Л. Дѣятельность. № 78.

339. По поводу дурнаго обращенiя съ наръвными ружьями. Отст. чиновникъ. Донск. Вѣстникъ. № 25.

См. также отвѣтъ въ 35 №.

340. Приборъ для обученiя стрѣльбѣ. Оруж. Сборникъ. № 2; стр. 16.

341. Разработка запирающаго механизма скорострѣльной игольчатой винтовки на Ижевскомъ оружейномъ заводѣ. М. Дженгевъ. Е. Дудицкий-Лешинъ. Оруж. Сборникъ. № 2, отд. 2; стр. 158—170, № 3; стр. 13—55 и № 4; стр. 123—152.

342. Революверъ Голанда. Всемирная Иллюстрація. № 39.

343. Ружье системы Вердера. Оружейный Сборникъ. № 2; стр. 27—30.

344. Ружье Мартини-Геври. А. Герцо-Виноградскій. Артиллер. Журналъ. № 6; стр. 1097—1105.

345. Русская игольчатая винтовка. Глава VII. Нѣкоторыя измѣненiя въ образцѣ скорострѣльной 6-ти линейн. игольчатой винтовки полевого артиллериста. Оружейный Сборникъ. № 2; стр. 1—9.

346. Свидѣнiя о стоимости переделки оружii въ Италиі. Оруж. Сборникъ. № 3; стр. 17—22.

347. Система ружей первостепенныхъ государствъ Европы. Артиллер. Журналъ. № 10; стр. 558.

348. Сравнительное испытанiе 6-ти лин. винтовокъ, передѣланныхъ

по системѣ оружейнаго мастера Крпка и по образцу лейтенанта Баранова. Оружейный Сборникъ. № 2, отд. 2; стр. 146—157.

349. Скорострѣльное оружiе европейскихъ армій. Статья В. В. Р. Оружейн. Сборникъ. № 3; стр. 1—13 и № 4; стр. 28—35.

Б. Инженерное искусство.

350. Австрійскія пионерныя команды при легкихъ кавалерійскихъ дивизіяхъ во время войны съ Пруссіею въ 1866 г. Статья Ц. Ф. К. Инженерный журналъ. № 8; стр. 1043—1051.

351. Дѣятельность австрійскихъ пионеровъ во время компаніи 1866 г. въ Италиі. Статья Ц. Ф. К. Инженерный журналъ. № 8; стр. 1052—1058.

352. Гальваническія мины, воспламеняющіяся отъ удара. Н. Валицкий. Морской Сборникъ. Т. 104, № 9; стр. 39—64.

353. Извлеченiя изъ отчетовъ о практическихъ работахъ, произведенныхъ саперными бригадами въ 1868 г. Инженерный журналъ. № 7; стр. 81—933.

354. Инженерныя войска и военнообразовательныя учрежденiя вѣро-степенныхъ европейскихъ государствъ. (Испанія, Португалія, Швейцарія, Бельгія, Голландія, Швейцарія, Швеція и Норвегія). Статья А. В. Инженерный журналъ. № 8; стр. 83—92.

355. Новыя подводныя мины кап. Луиса, инженера Уайта и генерала Слегсу. Статья А. Г—на. Инженерный журналъ. стр. 159.

356. Обзоръ соч. «Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. ч. III, Ф. Ласковскаго, воен. инж. генералъ-лейтенанта. С.-116. 1865 г.» Н. Шмидеръ. Инженерный журналъ. № 9; стр. 145—226.

357. Опыты надъ динамитомъ. Инженерный журналъ. № 9; стр. 124. "

358. Опыты надъ динамитомъ въ Австріи. Статья *А. Г—на*. Инженерный журналъ. № 12; стр. 160—163.

359. Опытъ руководства по мнвовому искусству, М. Борескова. Вып. 1-й. Приложенія къ № 10. Инженернаго журнала. Вып. 2-й, № 11; стр. 113—218.

360. Отчетъ о занятіяхъ генерал-маіора *Роше* по введенію въ употребленіе цемента *Роше*, съ разборомъ результатовъ, къ которымъ привели опыты и наблюденія при производствѣ разнородныхъ работъ; съ чертежемъ. Сводъ мнѣній о цементѣ ген.-маіора *Роше* и заключеніе инженернаго комитета. Инженерный журналъ. № 5; стр. 193—282.

361. Подводныя мины, торпедо; съ 2-мя чертежами. *А. Геккель*. Инженерный журналъ. № 5, стр. 726—778; № 8; стр. 1080—1121. См. ст. о торпедо также въ «Иллюстр. Газетѣ», т. 24, № 27).

362. Торпедо или подводныя мины. Всемирная Иллюстрація. № 26, т. 11.

363. Пробныя взрывы на Зиммерлигерскомъ полѣ посредствомъ динамида и хлопчато-бумажнаго пороха. Статья *А. Г—на*. Инженерный журналъ. № 10; стр. 127—133.

364. Строительныя средства Пензенской губерніи. Статья *А. Б.* Инженерный журналъ. № 10; стр. 133.

365. Таблицы работъ, произведенныхъ австрійскими инженерными войсками по разрушенію мостовъ и дорогъ въ компанію 1866 г. въ Италіи. Статья *Ц. Ф. К.* Инженерный журналъ. № 8; стр. 1059—1079.

366. Обученіе войскъ сапернымъ работамъ. Русск. Инвалидъ. № 84.

367. О военныхъ желѣзнодорожныхъ командахъ. *Н. Г—ва*. Русск. Инвалидъ. № 85.

368. Изъ недавняго прошлаго (по поводу юбилея инженернаго училища). Вышій кондукторъ. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 325.

369. Юбилейный актъ 50-лѣтія Николаевской инженерной академіи и училища и 100-лѣтіе ордена св. Георгія. Голось. № 822, 824, 827 и 828.

370. Юбилей Инженерной академіи. Статья *Т.* Всемирная Иллюстрація. № 50.

371. Критика и библиографія. Рец. книги: «Лекціи Стратегіи», полковника *Леера* (изъ «Oesterreichische militärische Zeitschrift» и изъ газеты *Kamerad*). Статья *С.* Инженерный журналъ. № 10; стр. 231—256.

В. Стратегія, тактика и фортификація.

372. По поводу стратегической подготовки восточнаго театра войны Австро-Мадьярской имперіи, обращеннаго противъ Россіи. *Н. Вачуринъ*. Военный Сборникъ. № 5; стр. 55—84.

373. Всеобщая тактика въ приложеніи къ современному развитію воюнаго искусства. Приложеніе къ № 5. Военнаго Сборника; стр. 145—192, № 6; стр. 193—208, № 7; стр. 201—240, № 8; стр. 241—304, № 9; стр. 305—372; № 10, стр. 373—416; № 11; стр. 417—486 и № 12; стр. 487—556.

374. Новѣйшая тактика съ современной и научной точки зрѣнія, въ особенности по отношенію къ упадку настоящей полевой артиллеріи и ея дѣйствіямъ въ кампаніи 1866 г. Призывъ ко всѣмъ мыслящимъ людямъ въ войскахъ. Соч. *Аркадия Ф. Калининъ*. Артиллерійскій журналъ. № 8; стр. 156—184.

375. О наивыгоднѣйшемъ употребленіи скорострѣльнаго оружія въ бою. *В. Чебышевъ*. Русскій Инвалидъ. № 105, 106 и 109.

376. О преподаваніи тактики въ юнкерскихъ училищахъ. *Чудовскій. Педагогическій Сборникъ. № 12; стр. 1169—1175.*

377. Переправа черезъ рѣки открытою силою. *Ц. Фонт-Клуэнъ. Инженерный журналъ. № 12; стр. 1437—1480.*

378. Письмо въ ред. *А. Берлинскій. Артиллер. журналъ. № 6, отд. 3; стр. 1118—1119.*

По поводу статьи П. Бильдерлинга о современн. тактикѣ артиллеріи.

379. Поврежденіе, разрушеніе, исправленіе и построеніе желѣзныхъ дорогъ для военной цѣли, съ чертежемъ. *Ц. Фонт-Клуэнъ. Инженерный журналъ. № 5; стр. 683—726.*

380. Тактическія замѣтки по поводу австро-прусской войны 1866 г. *Военный Сборникъ. № 9; стр. 29—40.*

381. Береговая оборона, Статья О. *Инженерный журналъ. № 5; стр. 46—53.*

382. Заслонъ для прикрытія наводчика при осадномъ орудіи отъ ружейныхъ пуль и пуль картечныхъ гранатъ. *Артиллерійскій журналъ. № 8; стр. 223—224.*

383. Замѣтка по образованію крѣпостныхъ полковъ и баталіона Варшавскаго военнаго округа. Статья ** *Военный Сборникъ. Т. 70, № 11; стр. 115—120.*

384. Наставленіе о графическомъ дефинированіи полевыхъ и долговременныхъ укрѣпленій, составленное, по запискамъ генераль-маіора Л. Вюстфельда, инженеръ-подполковникомъ Тюнглеромъ. (Переводъ съ изданія 1864 г.). Съ пятью чертежами. Ст. П. Т. *Инженерный журналъ. № 11; стр. 1379.*

385. Нѣчто объ укрѣпленіи Кіева. Письмо Х. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 347.

386. Обученіе войскъ фортификаціонному дѣлу. Статья К. Д. *Военный Сборникъ. № 9; стр. 63—68.*

387. О вліяніи крѣпостей на новѣйшія войны, *Артиллерійскій журналъ, № 10; стр. 479—491.*

388. Справочная книга при постройкѣ полевыхъ укрѣпленій для саперныхъ и пѣхотныхъ оберъ-офиц. и унтеръ-офиц., практически составлена *Вестфалемъ. Перев. съ нѣм. К. Моддакъ. Прилож. къ № 1-му Инженернаго журнала. стр. 1—51.*

389. Матеріалы для исторіи Свеаборгской, крѣпости съ 3-мя чертежами. *Н. Шилдбергъ. Инженерный журналъ. № 12; стр. 1289—1378.*

390. Точно-ли Севастополь только стратегическій пунктъ? Статья В. Д — ва. *Новороссійскій телеграфъ. № 93.*

391. Французскій фортъ на рѣкѣ Кантовъ. Воскресный досугъ. № 339.

392. Чугунныя укрѣпленія. *Артиллерійскій журналъ. № 8; стр. 211—213.*

393. Очержи состоянія военнаго дѣла на Руси въ 1-й половинѣ ХVІІ вѣка. *Н. Бранденбургъ. Военный Сборникъ. № 9; стр. 5—28.*

Г. Военная исторія и статистика. Исторія войска и полковъ.

394. Война Россіи съ Швеціей въ 1788—1790 гг. *А. Брикнеръ. Журналъ Минист. Народн. Просв. № 5. Ч. 143, отд. 2; стр. 1—52 и № 7 Ч. 144; стр. 1—71.*

См. объ этомъ соч. статью въ «Библиографъ», № 3; стр. 65—68.

395. Письмо изъ Дриссы. (Воспоминанія о 1812 г.) *А. Ролиновъ. Виленскій Вѣстникъ. № 91 и 92.*

396. Война 1812 г. Замѣчанія на 3-й томъ «Исторіи Отечеств. войны 1812 г., по достовѣрнымъ источникамъ,

соч. Г. М. Богдановича. С.-Пб. 1869—1860 г. *И. П. Липради*. Читенія въ И. Обществѣ Исторіи и Древн. Россійск. Кн. 2; стр. 1—79.

397. 1812 годъ. Переправа черезъ Березину. (Изъ записокъ адм. *Чичагова*). Перев. Н. Ильина. Русскій Архивъ, № 7—8; стр. 1.147—1.178.

398. Библиографическія замѣтки. Переправа черезъ Березину. (Изъ записокъ адмирала *Чичагова*). Статья *Т. Русск. Инвалидъ*. № 125.

399. Военно-историч. записка объ участіи въ дѣлахъ съ Кавказскими горцами и въ Закубанскихъ походахъ строевыхъ частей Екатеринбург. военнаго округа Черноморскаго (нынѣ Кубанск.) казачьяго войска съ 1863 г. до окончанія Кавказской войны. Кубанскія войсковыя вѣд. № 2, 34 и 35.

400. Дѣло на Гопатинскихъ высотахъ, 21-го сентября 1843 г. *Шиманскій*. Военный сборникъ. № 7; стр. 5—10.

401. Испанская книга о послѣдней вост. войнѣ. (*Дона Фр. де Паула Видала*). Свящ. *К. Кустодиевъ*. Русскій Архивъ. № 5; стр. 751—758.

402. Воспоминанія о Крымской войнѣ. *И. Шаховъ*. Новороссійск. Вѣдомости. № 4, 5, 6, 10 и 25.

403. Восточная война, переправа черезъ Дунай (1854 г.). *И. Нестроевъ*. Мѣрской Вѣстникъ. № 9; стр. 42—58.

404. Непріятель у Соловецкаго монастыря въ 1854 году. (Историческій очеркъ). *Г. Сыроевъ*. Архангельскія губ. вѣд. № 37.

405. Воспоминанія *Сосногоровой*. Одесскій Вѣстникъ. № 194 и 196.

Касаются Крымской войны.

406. Ночное дѣло подъ Карсомъ, съ 22-го на 23-е августа 1855 г. *Мамуловъ*. Военный Сборникъ. № 10; стр. 137—140.

407. Записка, представленная директоромъ канцеляріи главнокоман-

дующаго 1-ю гарнізою; тайный сов. *Козачковскій*, исправлявшему должность наместника въ Царствѣ Польскомъ, генераль-адъютанту графу *Ламберту* 1-му, въ сентябрѣ 1861 г. Читенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. № 4; стр. 157—166.

408. Дѣло 2-го марта 1862 г. на рѣкѣ *Вѣлой*. *Шиманскій*. Военный Сборникъ. Т. 70. № 11; стр. 5—18.

409. Походныя записки о кампаніи 1863 г., противъ польскихъ мятежниковъ. *Потто*. Военный Сборникъ. № 6; стр. 183—220. № 7; стр. 181—184 и № 8; стр. 305—342.

410. Замѣтка по поводу статьи: «Походныя записки о кампаніи 1863 г. противъ польскихъ мятежниковъ». *И. Уманецъ*. Военный Сборникъ. № 6; стр. 221—224.

411. Изъ воспоминаній о 1863 г. *Кіевлянинъ*. № 63 и 64.

412. Черноморская береговая линія. (Изъ записокъ кавказскаго офицера). *А. Нисченковъ*. Всемирная Иллюстр. № 85.

413. О подвигѣ полковника *Тиховскаго*. Кубанскія войск. вѣд. № 47.

414. Вооруженный миръ и проекты союзовъ. (Передов. ст.). *Голосъ*. № 288.

415. Message and documents. War Department, Report of the Provost Marshal General.—Medicinischemische Untersuchungen. Aus dem Laboratorium für angewandte Chemie zu Tübingen. Von *Hoppe—Seiler*. Военно-Медиц. журналъ. Ч. 10.5 № 7; стр. 1—32.

416. Библиографическія замѣтки. Участіе баварской арміи въ войнѣ 1866 г. Статья *Т. Русскій Инвалидъ*. № 104.

417. Сраженіе при *Піедра - Буэна*, между карлистами и правительственными испанскими войсками. Всемирная Иллюстрація. № 39.

ОБЪЯВЛЕНИЕ
ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ“

въ 1873 и 1874 учебномъ году.

„Школьная жизнь“ будетъ издаваться подъ тою же редакціею и по той же программѣ, какъ издавалась и въ 1872/73 учебномъ году.

Задача и цѣль журнала *содѣйствовать* самообразованію и самовоспитанію учителей элементарныхъ школъ, то-есть, сельскихъ школъ, содержимыхъ земствомъ и частными лицами, — церковно-приходскихъ школъ, приготовительныхъ классовъ, ротныхъ школъ для нижнихъ чиновъ и школъ для взрослыхъ рабочихъ, и *выяснить*, чрезъ взаимный обмѣнъ взглядовъ и сужденій самихъ учителей элементарныхъ школъ, объемъ и строй обученія, методы обученія, а также положеніе учителей и состояніе начальныхъ школъ.

Программа журнала: Значеніе школы и развитіе учащихся. Предметы и способы обученія. Біографія учениковъ и учителей. Указаніе книгъ и школьныхъ пособій. О воспитаніи и устройствѣ школъ въ Россіи и за-границею. Извѣстія о всемъ, что касается школъ, училищъ, и объявленія. Программа журнала была рассмотрѣна особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и въ отзывѣ его сказано: „разработка этой программы можетъ принести пользу дѣлу начальнаго народнаго обученія“.

Журналъ выходитъ каждую недѣлю съ 1-го сентября по 15-е июня, то-есть, выдается 42 нумера въ учебный годъ. Цѣна за 42 нумера, отъ 50 до 70 листовъ, съ пересылкою четыре рубля. За полгода, то-есть, по 1-е января и по 15-е июня 1873 года, съ пересылкою 2 руб. 50 коп. съ приложеніями, каковыя будутъ даны въ продолженіе этого времени.* (1-й номеръ журнала выйдетъ 4-ю сентября во вторникъ).

ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ „Школьная жизнь“ принимается въ редакціи: С.-Петербургъ, по Фонтанкѣ, д. № 88, кварт. № 24, куда просятъ обращаться съ требованіями на имя редактора-издателя Н. П. Столпянскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТЪ КОМИССІОНЕРА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

КНИГОПРОДАВЦА ЯКОВА АЛЕКСѢВИЧА ИСАКОВА.

ИСТОРІЯ БОХАРЫ ИЛИ ТРАНСОКСАНІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАСТОЯЩАГО.

По восточнымъ обнаруженнымъ и не обнаруженнымъ рукописнымъ историческимъ источникамъ первый разъ обработана Германомъ Вамбери. 2 тома.

Переводъ А. И. Павловскаго. Изданіе Я. А. Исакова.

Цѣна за 2 тома 4 руб.

Въ этомъ сочиненіи, по словамъ автора, предлагается благосклонному вниманію публики *первая исторія* страны, извѣстной въ прежнія времена подъ именемъ *Трансоксаніи*, по буквальному переводу арабскаго слова Маверх-ун-негръ (что сзади или по ту, правую, сторону рѣки, то-есть, Окса или Аму-Дарьи), и только съ паденіемъ Тимуридовъ (потомковъ Тамерлана), именно съ 16-го столѣтія, получившей скромное названіе *Бохарскаго ханства*. Эта страна, знаменитая уже въ древности и достигшая полнаго величія при Тамерланѣ, избравшемъ Самаркандъ столицею своей колоссальной имперіи, до сихъ поръ оставалась для исторіи почти совершенно новымъ, нетронутымъ полемъ. Только въ самое недавнее время, благодаря успѣхамъ нашего оружія въ средней Азіи, она стала проглядывать сквозь густой мракъ, столько вѣковъ ее покрывавшій, и возбудила во всѣхъ образованныхъ читателяхъ, преимущественно же въ насъ, Русскихъ, понятное желаніе узнать ее во всѣхъ сферахъ ея бытія, и хотя бѣгло

заглянуть и въ ея прошлое. Этому желанію удовлетворяетъ настоящее сочиненіе ученаго оріенталиста Вамбери, написанное преимущественно по восточнымъ рукописнымъ историческимъ источникамъ, между которыми находятся совершенно новыя, еще вовсе неизвѣстныя ученому міру Европы; по этому въ немъ приводятся такіе факты, о которыхъ не только образованные читатели, но даже ученый свѣтъ до сихъ поръ почти ничего не зналъ; такъ, напримѣръ, въ немъ упоминаются многіе государи, даже цѣлыя династіи, о которыхъ въ Азіи до сихъ поръ написано весьма мало, а въ Европѣ еще ни одною слова.

Кромѣ этого, чисто ученаго достоинства, настоящее сочиненіе имѣетъ для насъ, Русскихъ, еще особый интересъ по слѣдующимъ двумъ причинамъ: во 1-хъ, ученый венгерецъ Вамбери извѣстенъ своимъ нерасположеніемъ къ Россіи и пристрастіемъ къ Англіи, и его можно считать поборникомъ западнаго (англійскаго) возрѣнія на новѣйшія политическія событія въ центральной Азіи. По этому тѣмъ дороже должны быть для насъ его историческіе выводы, особенно въ послѣднихъ двухъ главахъ (XVIII и XIX), касательно нашей политики въ этой части Азіи, лестные для насъ, наперекоръ его желанію. Во 2-хъ, новѣйшія событія, именно побѣды русскаго оружія въ Хивѣ, и еще болѣе блистательный походъ по песчаной, безводной, безлюдной и безслѣдной пустынѣ, подъ палящими лучами солнца, по своимъ трудностямъ превосходящій, по сознанію даже враговъ нашихъ, самыя утомительныя съ древнѣйшихъ временъ военныя походы, даже знаменитые переходы Альвовъ Ганнибаломъ и Суворовымъ и Гяндукша Александромъ Македонскимъ и Тамерланомъ, снова обратили взоръ всего образованнаго міра на эту внутреннюю часть азіатскаго материка. Сочиненіе Вамбери и въ этомъ отношеніи оказываетъ услугу читающей публикѣ, такъ какъ *исторія Бохары весьма тѣсно связана съ исторіей Хивы* и Хоканда. Хива или Хивукъ, въ прежнія времена извѣстная подъ именемъ Харезма или, какъ неправильно до сихъ поръ писали, Ховарезмо, то составляла долгое время нераздѣльную часть Трансоксаніи, то ея государи владѣли Трансоксаніею, а въ новое время отсюда выходили воинственные турецкія племена, преимущественно суннитскіе Узбеки, наводившіе ужасъ на шиитскую Персію и въ изобиліи доставлявшіе товаръ на рынки невольниковъ въ Хивѣ и Бохарѣ.

Понятно, само собою, что картина нравовъ и весь складъ духовной жизни во всѣхъ этихъ ханствахъ были до того сходны, что

узнавъ Трансоксанію по книгѣ Вамбери, можно довольно вѣрно судить о Хивѣ и о Хокандѣ не только въ историческомъ, но и въ культурномъ и нравственномъ отношеніяхъ..... И такъ, хотя Вамбери далеко не владѣеть талантомъ Тацита или Маколея, но его сочиненіе во всякомъ случаѣ—важное приобрѣтеніе какъ для науки, такъ въ особенности для насъ, Русскихъ. Оно даритъ намъ довольно подробную и вѣрную картину тысячелѣтней жизни недавно приобрѣтеннаго нашимъ оружіемъ края и, можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ и руководящія идеи для будущей дѣятельности нашей въ этомъ центрѣ азіятскаго міра, великая задача просвѣщенія котораго выпала на долю Россіи. (Нѣмецкое изданіе этого сочиненія: 2 тома стоитъ 8 р. 40 к.).

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ВЪ ОЗНАЧЕННОМЪ ЖЕ...

МАГАЗИНѢ:

Общедоступная русская грамматика, для младшаго возраста. Составилъ Полевой. Ц. 50 к.

Сочиненія того же автора:

1) Учебная русская хрестоматія съ толкованіями. Часть I. (Младшій возрастъ). Изданіе четвертое. Ц. 50 к.

2) Учебная русская хрестоматія съ толкованіями. Часть II. (Средній возрастъ). Посobie при изученіи теоріи прозы. Ц. 70 к.

3) Учебная русская хрестоматія съ толкованіями. Часть III. (Старшій возрастъ). Посobie при изученіи теоріи поэзіи. Ц. 80 к.

4) Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ. Большой томъ, отпечатанный въ два столбца и содержащій въ себѣ 43 листа (700 стр.) большого формата, изъ которыхъ каждый равняется двумъ листамъ нашихъ большихъ журналовъ.

Въ составъ книги входитъ вся исторія русской литературы, отъ начала письменности и до кончины Гююля (1852 г.); сверхъ того, къ каждой главѣ приложены тѣ памятники древней нашей литературы и тѣ образцы литературы новѣйшей, которые упоминаются въ главѣ.

Къ тексту приложено семьдесятъ гравюръ, исполненныхъ на деревѣ академикомъ Сьрьяковымъ. Въ древнемъ періодѣ помѣщены снимки съ рукописей, виды монастырей, печатнаго двора, печи вавилонской и т. п., а также и портреты важнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей; въ новомъ періодѣ—портреты писателей отъ Кантемира до Бѣлинскаго.

Цѣна книги четыре рубля, а въ переплетѣ четыре съ половиною рубля.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ АТЛАСЪ
ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

для употребленія въ школахъ и дома.

35" раскрашенныхъ таблицъ и 1" черная, 700 рисунковъ съ объяснительнымъ текстомъ на 10 печ. лист., составленнымъ Юл. Симашко и А. Павловскимъ, 460 полнотипажей, всего около 1160 рисунковъ.

Третье, исправленное и дополненное издание.

изданіе АЮВА АЛЕКСѢВИЧА ИСАКОВА.

въ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Цѣна съ раскрашенными картинками 3 руб. 50 коп., въ переплетѣ
4 руб. 50 коп., съ черными картинками 2 руб. 50 коп.

Сообразно съ требованіями современной педагогики и съ замѣчаніями журнальной критики, въ этомъ, новомъ (третьемъ), изданіи сдѣланы довольно важныя улучшенія, въ которыхъ тѣмъ охотнѣе приступилъ издатель, не боясь никакихъ издержекъ, что таблицы атласа Бромме, безспорно, лучшія и по своимъ рисункамъ, и по цѣнѣ, доступной большинству учащихся; слѣдовательно, онѣ вполне заслуживаютъ, чтобы приложенный къ нимъ текстъ замѣнялъ *руководство*. Этой цѣли удовлетворялъ въ прежнихъ изданіяхъ (хотя и, не вполне) только текстъ по *зоологii*, который поэтому и оставленъ, покаместъ, нетронутымъ; отдѣлы же ея по *анатомii* и *физиологii* чловѣка и по *ботаникѣ* требовали совершенной переработки. Для настоящаго изданія они написаны А. И. Павловскимъ, который, при составленіи ихъ, имѣлъ въ виду не столько занимательность, сколько наглядность, — безъ чего, по здравому взгляду новѣйшей педагогики, бесплодно и даже немислимо изученіе не только естественной исторіи, но и другихъ отраслей общеобразовательнаго курса. Хотя въ атласѣ есть цѣлая таблица (черная) рисунковъ, для анатоміи и физиологii чловѣка и двѣ (раскрашенныя) для ботаники, но составитель поваго къ нимъ текста нашелъ первую таблицу неудовлетворительною по своей неполнотѣ и слишкомъ малымъ размѣрамъ рисунковъ, а послѣднія двѣ таблицы не содержатъ отдѣла ботаники, самаго капитальнаго при первоначальномъ ея изученіи, именно — органографиче-

скаго и морфологическаго. Для устраненія этихъ важныхъ недостатковъ, въ статьѣ, вновь составленной, по анатоміи физиологіи человека помѣщено до 60 рисунковъ или болѣе наглядныхъ, чѣмъ въ таблицѣ, или совсѣмъ новыхъ, ей недостававшихъ (то и другое можно видѣть изъ приложенныхъ здѣсь пробныхъ рисунковъ); а для ботаники написана новая статья изъ органографіи растений, и въ ней содержится до 400 политипажей, наглядно изображающихъ всѣ особенности органовъ питанія и размноженіе растений.

Учебнымъ заведеніямъ дѣлается уступка.

При этомъ номерѣ прилагается подробный каталогъ учебныхъ книгъ, имѣющихся въ книжномъ магазинѣ, Якова Алексѣевича Исакова, въ С.-Петербурѣ.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОКТАВРЪ

1873.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXVIX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1873.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Государство и народное образованіе въ Рос-
сін съ XVII вѣка до учрежденія ми-
нистерствъ. М. Ф. Владимірскаго-
Буданова.

Палатинскій холмъ въ Римѣ по новѣйшимъ
раскопкамъ (1847—1872). М. П. Драгоманова.

Политическія отношенія Трѣдннаго коро-
левства къ Венгріи (Окончаніе). Л. В. Березина.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Замѣтки по исторической грамматикѣ русскаго языка.

1) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго
языка съ XI по XVI столѣтіе. Соч. М. Коло-
сова. Варшава, 1872. 2) Starobulharská fonolo-
gie se stálým zretelem k jazyku Litevskému.
Sepsal dr. Leopold Geitler, v. Praze, 1873 А. А. Потевни.

Записки по новѣйшей исторіи (1815—1856 гг.). Соста-
вилъ Ив. Гумиоровичъ. Изданіе 2-е, исправлен-
ное. С.-Петербургъ, 1869 г. Е. А. Вилова.

Наша педагогическая литература. С. И. Миропольскаго.

Учебныя прогулки и поѣздки воспитанни-
ковъ VI Московской гимназіи въ 1871
и 1872 годахъ.

Изъ воспоминаній о 3-й С.-Петербургской
гимназіи. В. Лапшина.

Письмо изъ Парижа Л. Л — ра.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: а) университетовъ,
б) гимназій и б) низшихъ училищъ.

Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обѣртки).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По Высочайше утвержденной 30-го декабря минувшаго года смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1873 г., кредитъ, ассигнованный по § 3, ст. 1, на изданіе журнала министерства, увеличенъ собственно на покрытіе расходовъ по упаковкѣ и почтовой пересылкѣ журнала на 2.000 руб. съ тѣмъ, что равная сему сумма должна поступить, по § 2, ст. 4 доходной смѣты министерства отъ причисленія въ доходъ казны упаковочныхъ и пересылочныхъ за журналъ денегъ, составляющихъ 1 руб. 75 коп. за каждый экземпляръ журнала.

Сообщая о семъ учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія, Редакція журнала покорнѣйше проситъ отнынѣ высылать 1 руб. 75 коп. за почтовую пересылку каждаго экземпляра журнала не *отдѣльно* въ депозиты департамента народнаго просвѣщенія, какъ это производилось многими учебными заведеніями до сего времени, а *вмѣстѣ* съ подписною платою за журналъ, всего въ суммѣ 13 руб. 75 коп., прямо въ Редакцію, или перечислить эту сумму чрезъ мѣстныя казначейства въ доходъ казны, по § 2, ст. 4 доходной смѣты министерства, озабочиваясь доставкою въ Редакцію квитанцій мѣстныхъ казначействъ, или ихъ талоновъ, какъ документовъ, оправдывающихъ, съ одной стороны, произведенную чрезъ перечисленіе уплату 13 руб. 75 коп. за каждый экземпляръ журнала, а съ другой—отчетность Редакціи въ высылаемыхъ учебнымъ заведеніямъ министерства экземплярахъ журнала.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХVІХ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Вольшая Садовая, д. № 49—2).
1878.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

10. (1-го августа 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Воронежской гимназіи.*

Совѣтъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, препроводилъ къ директору училищъ Воронежской губерніи 10 закладныхъ листовъ Московскаго земельного банка, сторублеваго достоинства, на сумму 1.000 руб., собранные членами означеннаго общества и участвовавшими въ устройствѣ Московской политехнической выставки лицами, ходатайствуя объ учрежденіи на проценты съ означеннаго капитала при Воронежской гимназіи стипендіи въ память заслугъ предсѣдателя комисіи по веденію дѣлъ выставки, ординарнаго профессора Московскаго университета А. П. Богданова, съ присвоеніемъ ей наименованія сего послѣдняго.

Вслѣдствіе донесенія о семъ управляющаго Харьковскимъ учебнымъ округомъ и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Государю Императору, Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ какъ на учрежденіе при Воронежской гимназіи на проценты съ представленнаго капитала въ 1.000 руб. стипендіи, съ наименованіемъ ея „стипендія профессора Московскаго университета Анатолія Петровича Богданова, учрежденная отъ Императорскаго

часть СЛХVІХ, отд. 1. 1

общества любителей естествознанія“, такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для этой стипендіи.

11. (1-го августа 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Якутской прогимназіи.*

1-го мая сего года, въ день истеченія срока пятидесятилѣтней службы генераль-губернатора Восточной Сибири, генерала отъ инфантеріи Синельникова, чиновники, служащіе въ Якутскѣ, почетные инородцы Якутскаго округа и одинъ изъ мѣстныхъ купцовъ, пожертвовали 1.750 руб. на учрежденіе при Якутской прогимназіи стипендіи имени генерала отъ инфантеріи Синельникова, съ тѣмъ, чтобы пожертвованныя деньги обращались изъ процентовъ въ имѣющемъ открыться при тамошней городской думѣ банкѣ, или въ одномъ изъ кредитныхъ установленій, и чтобы право выбора стипендіатовъ было оставлено за педагогическимъ совѣтомъ Якутской прогимназіи, съ предоставленіемъ ему дальнѣйшаго образованія стипендіи на тѣ же средства въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Вслѣдствіе увѣдомленія объ этомъ генерала отъ инфантеріи Синельникова и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Государю Императору, Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ на учрежденіе изъ процентовъ съ пожертвованнаго капитала въ 1.750 руб. при Якутской прогимназіи стипендіи, съ наименованіемъ оной: «стипендія генераль-губернатора Восточной Сибири, генерала отъ инфантеріи Николая Петровича Синельникова».

12. (1-го августа 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Каменецъ-Подольской гимназіи.*

Нѣкоторые изъ жителей г. Каменецъ-Подольска и Подольской губерніи препроводили къ директору Каменецъ-Подольской гимназіи 1.381 руб., ходатайствуя объ учрежденіи на проценты съ сего капитала при Каменецъ-Подольской гимназіи стипендіи имени

статскаго совѣтника Д. Я. Колбасина, въ память продолжительной службы его въ г. Каменцѣ управляющимъ акціонными сборами.

Вслѣдствіе донесенія объ этомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Государю Императору, Его Императорское Величество Высочайше соизволило, какъ на учрежденіе на проценты съ представленнаго капитала въ 1.381 руб., при Каменецъ-Подольской гимназіи стипендіи, съ присвоеніемъ ей наименованія «стипендія статскаго совѣтника Дмитрія Яковлевича Колбасина», такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для этой стипендіи.

13. (1-го августа 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Лазаревскомъ институтѣ Восточныхъ языковъ.*

Душеприкащики умершаго статскаго совѣтника Аморова, коллежскій совѣтникъ Амираговъ и коллежскій ассесоръ Бебутовъ, доставивъ въ правленіе Лазаревскаго института Восточныхъ языковъ подлинное духовное завѣщаніе покойнаго Аморова, коимъ, между прочимъ, онъ завѣщалъ 15.000 руб. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала постоянно воспитывались въ Лазаревскомъ институтѣ Восточныхъ языковъ или въ другомъ подобномъ учебномъ заведеніи двое дѣтей изъ бѣдныхъ армянъ, — обратились въ начальнику помянутаго института съ просьбою сдѣлать распоряженіе объ осуществленіи воли покойнаго Аморова.

Вслѣдствіе донесенія объ этомъ начальства Московскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Государю Императору, Его Императорское Величество Высочайше соизволило, какъ на принятіе завѣщанныхъ Аморовымъ 15.000 руб. для учрежденія на проценты съ оныхъ двухъ стипендій въ Лазаревскомъ институтѣ Восточныхъ языковъ, съ наименованіемъ ихъ «стипендія статскаго совѣтника Ивана Григорьевича Аморова», такъ

и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для этихъ стипендій.

14. (1-го августа 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ.*

Студенты Московскаго университета, устроившіе въ настоящемъ году, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, первый студенческій вечеръ въ память основанія сего университета, изъявили желаніе, на проценты съ вырученной ими въ этотъ вечеръ суммы, въ количествѣ 2.500 руб., учредить при означенномъ университетѣ стипендію, съ наименованіемъ оной: „первая студенческая стипендія“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ какъ на принятіе упомянутаго капитала, такъ и на учрежденіе при Московскомъ университетѣ, изъ процентовъ означеннаго капитала, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной «первая студенческая стипендія» и съ предоставленіемъ министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе объ этой стипендіи.

15. (1-го августа 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Виленской гимназіи.*

Душеприкащикъ умершей дворянки Аполлоніи Зноско, коллежскій секретарь Чарноцкій, согласно духовному завѣщанію покойной, представилъ въ распоряженіе Виленской гимназіи 2.500 руб. для учрежденія при этой гимназіи стипендіи для бѣднаго ученика изъ фамиліи Зноско.

Вслѣдствіе представленія объ этомъ попечителя Виленскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Государю Императору, Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ какъ на принятіе завѣщанныхъ дворянкою Зноско 2.500 руб. на учрежденіе при Виленской гимназіи стипендіи для

одного бѣднаго ученика изъ фамиліи Зноско, съ наименованіемъ оной «стипендія дворянки Аполлоніи Геронимовны Зноско», такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для этой стипендіи:

16. (1-го августа 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Саратовской гимназій.*

Рапортомъ, отъ 20-го декабря 1869 года за № 12.032, министр народнаго просвѣщенія довелъ до свѣдѣнія правительствующаго сената, что по всеподданнѣйшему его, министра, докладу, Государь Императоръ, въ 17-й день декабря 1869 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на открытіе подписки съ цѣлію учрежденія при Саратовской гимназій Ломоносовской стипендіи, въ память совершившагося, въ апрѣлѣ 1865 г., столѣтія со дня кончины М. В. Ломоносова, для образованія даровитѣйшаго мальчика изъ крестьянскаго сословія.

Получивъ нынѣ донесеніе начальства Казанскаго учебнаго округа, что чиновниками и преподавателями Саратовской дирекціи училищъ, равно и другими лицами, собрано на означенный предметъ 668 руб., каковыя деньги обращаются изъ процентовъ въ Саратовскомъ общественномъ банкѣ, и что другихъ пожертвованій не предвидится,—онъ, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, входилъ по сему предмету со всеподданнѣйшимъ къ Государю Императору докладомъ, и Его Императорское Величество Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при Саратовской гимназій на проценты съ собраннаго по подпискѣ капитала въ 668 руб. стипендіи въ память совершившагося въ апрѣлѣ 1865 г. столѣтія со дня кончины М. В. Ломоносова, съ наименованіемъ оной «стипендія Михаила Васильевича Ломоносова», для образованія даровитѣйшаго мальчика изъ крестьянскаго сословія. Выстъ съ тѣмъ Его Величеству благоугодно было предоставить министерству народнаго просвѣщенія право на будущее время утверждать положенія для имен-

ныхъ стипендіатовъ при учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства сего министерства.

17. (1-го августа 1873 года). *О допущеніи къ приемному экзамену для поступленія въ реальныя училища дѣтей, коимъ не достаетъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ до возраста, опредѣленнаго уставомъ тѣхъ училищъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 1-й день текущаго августа, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: тѣхъ дѣтей, которымъ до возраста, опредѣленнаго Высочайше утвержденнымъ 15-го мая 1872 года уставомъ реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, не достаетъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ, допускать къ приемному испытанію для поступленія въ эти училища, и если они выдержатъ таковое по всѣмъ предметамъ вполне удовлетворительно и будутъ признаны со стороны врача учебнаго заведенія развитыми въ физическомъ отношеніи для ученія въ томъ классѣ, въ который желаютъ поступить, то и зачислять ихъ учениками того класса.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

^{23-го іюля}
^{5-го іюля} 1873 года (№ 8). *Командируются за границу съ учебною цѣлію: на лѣтнее вакаціонное время 1873 года: лекторъ Императорскаго Харьковскаго университета Видертъ; на лѣтнее вакаціонное время 1873 года и двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Дззаревичъ и экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира Ивановъ; на два мѣсяца: директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, тайный совѣтникъ Струве и окружной инспекторъ Кіевскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Ростовцевъ; послѣдній съ 15-го іюля 1873 года;*

на годъ: доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета *Сонинъ*, съ 1-го іюля 1873 года.

1-го августа 1873 года (№ 9). *Производятся за отличие:* библиотечарь Императорской публичной библиотеки *Морицъ Посельтъ* — въ статскіе совѣтники; вазначей музея имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, коллежскій совѣтникъ *Александръ Брюзинъ* — въ статскіе совѣтники; почетный смотритель городского училища при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, коллежскій регистраторъ *Алексѣй Кекинъ* — въ коллежскіе секретари; исполняющій, по найму, обязанности дежурнаго при читальной залѣ Императорской публичной библиотеки, личный почетный гражданинъ *Карлъ-Магнусъ Гранъ* — въ коллежскіе регистраторы, со старшинствомъ съ 12-го мая 1870 года.

Назначается: окружной инспекторъ Харьковскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дзюба* — главнымъ инспекторомъ училищъ Западной Сибири.

Утверждается: ландратъ на островѣ Эзелѣ, коллежскій секретарь *Карлъ Поля* — почетнымъ попечителемъ Аренбургской гимназіи.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: директору С.-Петербургскаго реальнаго училища, дѣйствительному статскому совѣтнику *Эвальду* и ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета, статскому совѣтнику *Бабухину* — до 15-го августа 1873 года; ординарному профессору Императорскаго Казанскаго университета *Чугунову* — до 1-го сентября 1873 года; причисленному въ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскому совѣтнику *Миловидову* — до 1-го сентября 1874 года.

Командируются за границу: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Поповъ* — съ ученою цѣлю, на лѣтнее вакаціонное время 1873 года; почетный попечитель Кишиневской гимназіи, титулярный совѣтникъ *Герашеневскій* — на три мѣсяца; ординарный академикъ Императорской

Академіи Наукъ, коллежскій совѣтникъ *Вильдъ* (Въ соч. повел. 16-го іюля 1873 года), съ ученою цѣлію:

Продолжается срокъ отпуска за границу: почетному попечителю Астраханской гимназіи, статскому совѣтнику *Сергееву* — на мѣсяць; почетному смотрителю Ефремовскаго уѣзднаго училища, коллежскому секретарю *Бистрому* — по болѣзни, на годъ.

Увольняются въ отпускъ: попечитель Московскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ князь *Ширинскій-Шихматовъ* — на двѣ недѣли, въ Кіевскую губернію (Въ соч. повел. 14-го іюля 1873 года); попечитель Кіевскаго учебнаго округа, генерал-лейтенантъ *Антоновичъ* — на двадцать восемь дней, по болѣзни, въ Таврическую губернію; попечитель Варшавскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Витте* — на двадцать восемь дней, съ половины сентября 1873 года, по болѣзни, за границу; попечитель Дерптскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Жерое* — на шесть недѣль, за границу.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Туловъ*.

14-го августа 1873 года (№ 10). *Производятся за отличіе:* ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, главный врачъ и членъ совѣта Московской глазной больницы, статскій совѣтникъ *Браунъ* — въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ 27-го іюля 1873 года; помощникъ начальника архива министерства народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Разумихинъ* — въ статскіе совѣтники, съ 11-го августа 1873 года.

Назначаются: ординарный профессоръ С.-Петербургской духовной академіи, помощникъ ректора оной, членъ учебнаго комитета при Святѣйшемъ синодѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Чистовичъ* — управляющимъ канцеляріею министра народнаго просвѣщенія по дѣламъ греко-уніатскаго исповѣданія, съ увольненіемъ отъ должности профессора и помощника ректора упомянутой академіи, съ 9-го августа 1873 года; учитель Сѣд-

лецкой мужской классической гимназій *Семеновичъ* — окружнымъ инспекторомъ Московскаго учебнаго округа, съ 1-го іюля 1872 года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: преподавателю С.-Петербургскаго перваго реального училища надворному совѣтнику *Ковалевскому* — на пятнадцать дней; исправляющему должность профессора Императорскаго университета св. Владиміра *Кистяковскому* — по 1-е сентября 1874 года.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ и согласно засвидѣтельствуванію г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ отличномъ усердіи и особыхъ трудахъ по Севастопольскому отдѣлу бывшей политехнической выставки 1872 года въ Москвѣ, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 20-й день истекшаго іюля, пожаловать Московскаго 1-й гильдіи купца, почетнаго гражданина Алексѣя *Медынцева* — орденомъ св. Анны 3-й степени, Московскаго 2-й гильдіи купца, потомственнаго почетнаго гражданина Аѳанасія *Александрова* — орденомъ св. Станислава 3-й степени и крестьянина Московской губерніи, Московскаго уѣзда, Пехорской волости, деревни Кучино, Федора *Горланова* — серебряною медалью съ надписью «за усердіе» для ношенія на груди на Станиславской лентѣ, за особое усердіе и распорядительность при нахожденіи при означенномъ отдѣлѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ усердіи при устройствѣ Севастопольскаго отдѣла на бывшей въ 1872 году политехнической выставкѣ въ Москвѣ, коллежскихъ совѣтниковъ: казначея музея имени Его Императорскаго самосочинства Государя Наслѣдника Цесаревича Александра *ВБрюзина* и почетнаго члена Московскаго совѣта дѣт-

скихъ приютовъ Ермолая Громова, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 1-й день текущаго августа, произвѣсть перваго штатскіе совѣтники и пожаловать втораго кавалеромъ ордена св. равноапостольнаго князя Владимира 4-й степени.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

11. (11-го августа 1873 года). *Положеніе о стипендіи имени Государя Наслѣдника Цесаревича при Ярославской женской гимназии.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго 30-го марта 1873 года, въ память счастливаго выздоровленія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича учреждается при Ярославской женской гимназій стипендія его имени на счетъ процентовъ съ капитала въ 1.000 рублей, пожертвованнаго Ярославскимъ общественнымъ собраніемъ.

2) Означенный капиталъ въ 1.000 руб. вносится въ Ярославскій общественный банкъ на вѣчное время изъ 6 1/2%; билетъ же банка хранится въ попечительномъ совѣтѣ Ярославской женской гимназій. Изъ причитающихся на капиталъ процентовъ совѣтъ получаетъ ежегодно, что слѣдуетъ за обученіе въ гимназій одной стипендіатки, оставляя остатокъ отъ % сверхъ этой платы, если таковой окажется, въ банкѣ же, для дальнѣйшаго процентнаго приращенія.

3) Назначеніе стипендіатки предоставляется Ярославскому общественному собранію, каковое и производится въ общемъ собраніи членовъ его.

4) На стипендію могутъ быть зачислены только дочери, род-

ныя сестры, родныя племянницы и родныя внучки бѣднѣйшихъ изъ членовъ собранія.

5) За два мѣсяца до дня выбора, совѣтъ распорядителей даетъ знать объ этомъ всѣмъ членамъ собранія, посредствомъ печатныхъ объявленій.

6) Желающіе помѣстить на стипендію свою дочь или родственницу подаютъ объ этомъ письменное заявленіе за мѣсяць до собранія въ совѣтъ распорядителей, съ приложеніемъ всѣхъ тѣхъ документовъ, которые необходимы для поступленія въ гимназію.

7) Совѣтъ распорядителей, немедленно по полученіи заявленій, составляетъ списокъ всѣхъ заявившихъ и заявленныхъ, который и вывѣшивается на стѣнѣ въ залѣ собранія.

8) Затѣмъ, совѣтъ распорядителей, разсмотрѣвъ прошенія и собравъ должныя свѣдѣнія о состояніи и родственныхъ отношеніяхъ заявившихъ, дѣлаетъ по прошеніямъ свои заключенія, которыя затѣмъ въ назначенный день представляются на общее собраніе гг. членовъ.

9) Общее собраніе, разсмотрѣвъ заявленія просителей и провѣривъ заключенія по онимъ совѣта распорядителей, подвергаетъ баллотировкѣ тѣхъ кандидатовъ, о которыхъ совѣтъ ходатайствуетъ, и удостоиваетъ стипендіи ту изъ нихъ, которая получаетъ большее число избирательныхъ шаровъ.

10) Удостоенная стипендіи пользуется ею во все время обученія въ гимназіи, если только въ матеріальномъ положеніи родителей ея не произойдетъ въ теченіе этого времени значительной перемѣны; обезпеченность же средствъ ихъ опредѣляется въ общемъ собраніи членовъ по особому представленію о томъ совѣта распорядителей.

11) Окончившая полный курсъ въ гимназіи стипендіатка получаетъ при выходѣ изъ оной въ свою пользу всѣ остатки, которые могутъ образоваться къ тому времени отъ платы за ея обученіе за весь гимназическій курсъ, или только за часть его, если ей придется оставить гимназію по собственному желанію;

въ противномъ же случаѣ; остатки эти поступаютъ въ пользу стипендіатки новой.

12. (11-го августа 1873 года). *Положеніе о стипендіи имени Ивана Семеновича Унковскаго при Ярославской женской гимназии.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія означенная стипендія учреждается при Ярославской женской гимназии на капиталъ въ 3.100 руб., пожертвованный ярославскимъ купечествомъ.

2) Изъ получаемыхъ попечительнымъ совѣтомъ гимназии процентовъ съ этого капитала производится плата за ученіе стипендіатки и, кромѣ того, выдается тому лицу, на попеченіи котораго она находится, по 5 руб. въ мѣсяцъ на ея содержаніе и учебныя пособія.

3) Остающіеся затѣмъ проценты ежегодно откладываются, и изъ нихъ, по окончаніи стипендіаткой полнаго курса наукъ, выдается ей на экипировку сто рублей и вносится на ея имя въ какое-либо кредитное учрежденіе сумма, не болѣе двухъ сотъ рублей, которая должна быть ей выдана по достиженіи ею 21 года, или при выходѣ замужъ.

4) Могущіе затѣмъ остаться отложенные проценты, за выполненіемъ расходовъ, указанныхъ во 2-мъ и 3-мъ пунктахъ, а также въ случаѣ выйдія стипендіатки изъ гимназии прежде окончанія полнаго курса наукъ, причисляются къ основному капиталу, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ накопленія достаточной суммы, на проценты съ нея была учреждена другая стипендія на этихъ же самыхъ условіяхъ.

5) Выборъ стипендіатки предоставляется сенатору Ивану Семеновичу Унковскому, а по смерти его — супругѣ его, Аннѣ Николаевнѣ, и затѣмъ его наследникамъ, причемъ имъ же доставляется ежегодно отчетъ о расходѣ суммъ по стипендіи. Но если по какому-либо случаю, въ теченіе года стипендія ими замѣщена

не будетъ, то выборъ стипендіатки предоставляется ярославскому купеческому сословію.

13. (25-го августа 1873 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ, учрежденныхъ при Лубенской гимназіи на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго уволеннымъ отъ службы генералъ-майоромъ, барономъ Евстафіемъ Романовичемъ Менгденомъ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) Стипендіи, согласно Высочайшему соизволенію, называются «стипендіями барона Евстафія Романовича Менгдена».

2) Капиталь стипендій состоитъ изъ внесенныхъ жертвователемъ въ Лубенскую уѣздную земскую управу шести безыменныхъ закладныхъ листовъ земельного банка Херсонской губерніи, серіи за №№ 1.778, 1.779, 1.780, 2.559, 2.870 и 2.946, по 1.000 рублей въ каждомъ листѣ.

3) Капиталь этотъ считается неприкосновеннымъ на вѣчныя времена и находится въ вѣдѣніи земства Лубенскаго уѣзда, какъ по его храненію, такъ и по замѣну, въ случаѣ надобности однѣхъ кредитныхъ бумагъ другими.

4) Изъ процентовъ на этотъ капиталъ, составляющихъ въ годъ 330 рублей, содержатся въ Лубенской гимназіи два стипендіата (по 165 руб. на содержаніе cadaго) изъ дѣтей коренныхъ жителей Лубенскаго уѣзда, безъ различія происхожденія.

5) Выборъ первыхъ двухъ стипендіатовъ дѣлаетъ самъ жертвователь, баронъ Евстафій Романовичъ Менгденъ; затѣмъ на вакансіи, имѣющія открываться послѣ этихъ двухъ первыхъ стипендіатовъ, избираются стипендіаты на общемъ основаніи, какъ о томъ указано ниже въ слѣдующихъ параграфахъ.

6) Кандидатовъ въ стипендіаты, не менѣе трехъ на каждую вакансію, избираетъ педагогическій совѣтъ Лубенской гимназіи изъ ея учениковъ, не только удовлетворяющихъ условіямъ, изложеннымъ выше въ § 5 сего положенія, но заслуживающихъ стипендію по недостаточности средствъ, а также по прилежанію, успѣхамъ и

поведенію. Списокъ такихъ кандидатовъ сообщается отъ гимназій Лубенскому земскому собранію, отъ котораго уже будетъ записанъ окончательный, по закрытой баллотировкѣ, выборъ стипендіатовъ изъ представленныхъ кандидатовъ.

7) За неуспѣшность въ ученіи и неодобрительное поведеніе стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи на основаніи существующихъ правилъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназій.

8) Стипендіатамъ, оставшимся на другой годъ въ томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена по особо уважительнымъ причинамъ, и то не иначе, какъ по засвидѣтельствованіи гимназіею о существованіи такихъ причинъ. Остающійся въ другой разъ въ классѣ на два года стипендіатъ лишается стипендіи — во всякомъ случаѣ.

9) Стипендіальныя выдачи производятся не болѣе, какъ за три мѣсяца впередъ, и на руки родителямъ или опекунамъ и воспитателямъ стипендіатовъ, или самимъ стипендіатамъ — по усмотрѣнію земства.

10) Въ случаѣ выбытія стипендіата изъ Лубенской гимназій или перехода его въ другое учебное заведеніе, или наконецъ лишенія на основаніи §§ 7 и 8 сего положенія права на стипендію, выдача таковой земствомъ, по заявленію о томъ гимназій, немедленно прекращается.

11) Изъ могущихъ по какимъ-либо причинамъ образоваться остатковъ отъ стипендіальныхъ денегъ, выдаются единовременныя пособія недостаточнымъ ученикамъ Лубенской гимназій въ размѣрѣ не свыше 50-ти руб. на каждого въ годъ и съ примѣненіемъ въ этомъ случаѣ всѣхъ правилъ, какіи относительно кандидатовъ въ стипендіаты и самихъ стипендіатовъ изложены выше въ §§ 4, 6, 7, 8, 9 и 10.

14. (25-го августа 1873 года). *О раздѣленіи VII класса гимназій Одесскаго учебнаго округа на два отдѣленія.*

Попечитель Одесскаго учебнаго округа вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о раздѣленіи VII

класса гимназій сего округа на два самостоятельныя отдѣленія на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) VII классъ гимназіи состоитъ изъ двухъ отдѣленій: младшаго и старшаго. Ученики VI класса, удостоенные перевода, переходятъ въ младшее отдѣленіе VII класса.

2) Ученики каждаго изъ двухъ отдѣленій VII класса обучаются отдѣльно и въ особомъ мѣстѣ. Курсъ ученія въ каждомъ изъ двухъ отдѣленій продолжается одинъ годъ.

Примѣчаніе. Законъ божій, географія и языки французскій и нѣмецкій преподаются совмѣстно ученикамъ обоихъ отдѣленій. Совмѣстное обученіе учениковъ младшаго и старшаго отдѣленій сказаннымъ предметамъ въ предѣлахъ, указанныхъ учебными планами, не будетъ препятствовать достиженію цѣли, которая имѣется въ виду при раздѣленіи VII класса на два самостоятельныя отдѣленія, между тѣмъ оно значительно сократитъ расходы на осуществленіе предполагаемой мѣры.

3) Ученики младшаго отдѣленія VII класса подвергаются въ концѣ учебнаго года только письменному испытанію, которое производится въ то же время, изъ тѣхъ же предметовъ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и письменныя испытанія, установленныя для учениковъ I, II, III и V классовъ.

4) Значеніе отмітокъ, полученныхъ учениками младшаго отдѣленія на письменномъ испытаніи при удостоеніи ихъ перевода въ старшее отдѣленіе, такое же, какъ и отмітокъ, выставляемыхъ ученикамъ I, II, III и V классовъ на письменныхъ испытаніяхъ этихъ учениковъ при переводѣ ихъ изъ класса въ классъ.

5) Число недѣльных уроковъ въ каждомъ изъ двухъ отдѣленій VII класса по каждому предмету соотвѣтствуетъ числу уроковъ по каждому предмету, назначенныхъ въ VII классѣ по уставу 30-го іюля 1871 года, и обозначено въ представляемой при семъ таблицѣ, при чемъ урокъ логики, которая на основаніи устава должна преподаваться лишь одинъ годъ въ VII классѣ, отнесенъ къ старшему отдѣленію съ тою цѣлью, чтобы болѣе обезпечить успѣшность обученія этому предмету. а потому для

уравненія числа уроковъ въ обоихъ отдѣленіяхъ, по греческому языку тотъ урокъ, который, на основаніи устава, долженъ замѣнить собою урокъ логики въ VII классѣ въ теченіи втораго года, отнесенъ къ младшему отдѣленію.

6) Вознагражденіе преподавателей за уроки въ старшемъ отдѣленіи, изъ числа коихъ на 6-ти урокахъ обучаются совмѣстно и ученики младшаго отдѣленія, производится изъ суммы, опредѣленной на содержаніе личнаго состава, и расходы по этому вознагражденію вполнѣ покрываются тою долею сказанной суммы, которая приходится на уроки, назначенные для VII класса уставомъ 30-го іюля 1871 г. Вознагражденіе же преподавателей за остальные 23 урока въ младшемъ отдѣленіи производится изъ суммы сбора за ученіе въ гимназій въ размѣрѣ, опредѣленномъ за дополнительные уроки, то-есть, по 60 руб. за каждый недѣльный урокъ, и

7) Одинъ изъ преподавателей младшаго отдѣленія, за исправленіе должности класснаго наставника въ этомъ отдѣленіи, получаетъ изъ суммы сбора за ученіе вознагражденіе въ размѣрѣ, опредѣленномъ по уставу за исполненіе этой обязанности. Въ случаѣ незначительнаго числа учениковъ въ обоихъ отдѣленіяхъ, исправленіе должности класснаго наставника въ младшемъ отдѣленіи возлагается на класснаго наставника старшаго отдѣленія безъ особаго за это вознагражденія.

Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, признавъ таковое ходатайство уважительнымъ и цѣлесообразнымъ въ предложеніи отъ 25-го августа 1873 г. изъявилъ согласіе на приведеніе въ исполненіе означеннаго предположенія.

Распредѣленіе числа уроковъ въ младшемъ и старшемъ отдѣленіяхъ VII класса гимназій Одесскаго учебнаго округа.

	Младшее отдѣленіе.	Старшее отдѣленіе.	Сводные уроки.
1) Законъ божій	—	—	1
2) Русскій языкъ	2	2	—
3) Краткія основанія логики	—	1	—

	Младшее отдѣленіе.	Старшее отдѣленіе.	Соедине уроки.
4) Латинскій языкъ	6	6	—
5) Греческій языкъ.	7	6	—
6) Математика съ физикою и математическою географіею	6	6	—
7) Географія.	—	—	1
8) Исторія	2	2	—
9) Французскій языкъ.	—	—	2
10) Нѣмецкій языкъ.	—	—	2
Итого	23	23	6

У. ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

1-го іюля 1873 года (№ 10). *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ *Сидоренко* — деканомъ юридическаго факультета сего университета, на три года, съ 1-го іюля 1873 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ полицейскаго права *Гаттенбергеръ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каедрѣ полицейскаго права, съ 19-го апрѣля 1873 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ гражданскаго права *Осиповъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каедрѣ исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ, съ 26-го мая 1873 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета *Бемъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каедрѣ фармакологіи, діететики и исторіи медицины; доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ уголовнаго права *Владимировъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по

каедрѣ уголовного права и уголовного судопроизводства, съ 19-го апрѣля 1873 года; директоръ и профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Мельниченко* — директоромъ Харьковскаго ветеринарнаго института, съ 1-го іюля 1873 года; учитель Киевской первой гимназіи, кандидатъ историко-филологическаго факультета *Иващенко* и доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, кандидатъ правъ *Яснопольскій* — исправляющими должность профессоровъ лица князя Безбородко по предметамъ: Иващенко — российской словесности, съ 16-го іюня 1873 года, и Яснопольскій — законовъ казеннаго управленія, съ 23-го того же іюня; директоръ Таганрогской гимназіи, статскій совѣтникъ *Поруновъ*, инспекторъ С.-Петербургской третьей прогимназіи, коллежскій совѣтникъ *Чистяковъ*, инспекторъ Харьковской прогимназіи, коллежскій ассесоръ *Левандовскій*, директоръ С.-Петербургской первой гимназіи *Лавровскій* — директорами гимназій: Поруновъ — Рижельевской, Чистяковъ — С.-Петербургской первой, Левандовскій — Харьковской третьей и Лавровскій — С.-Петербургской шестой, всѣ съ 1-го іюля 1873 года, съ увольненіемъ отъ настоящихъ должностей; статскіе совѣтники: директоръ Варшавскихъ VI мужской классической и III женской гимназій и учительской семинаріи *Бекманъ* и инспекторъ Холмскихъ мужской классической гимназіи и женскаго 6-ти класснаго училища *Голоцкий*, палатникъ совѣтники: инспекторъ Варшавской IV мужской классической гимназіи *Бульмерингъ*, помощникъ директора Варшавскихъ VI мужской классической и III женской гимназій и учитель русскаго языка, исторіи и географіи сихъ заведеній *Вульфъ*, инспекторъ Люблинскихъ мужской классической и женской гимназій *Худзинскій* и инспекторъ Бѣльской мужской классической гимназіи *Отропинъ*, коллежскіе ассесоры: инспекторъ Петроковскихъ мужской классической гимназіи и женской прогимназіи *Солнцевъ*, инспекторъ Маріампольской мужской классической гимназіи *Черняоскій* и инспекторъ Ломжинскихъ мужской классической гимназіи и женской прогимназіи *Клостерманъ*, инспекторъ Калишскихъ муж-

ской классической и женской гимназій, титулярный совѣтникъ Митрофанъ *Стефановичъ*, инспекторъ Замосцкихъ мужской классической и женской прогимназій, коллежскій секретарь *Савицкій*; не имѣющіе чиновъ: директоръ Варшавскихъ 1-хъ мужской классической и женской гимназій *Крыжановскій*, помощникъ директора Варшавскихъ 1-хъ мужской и женской гимназій Андрей *Стефановичъ*, инспекторъ Радомскихъ мужской классической и женской гимназій *Маркіановичъ*, инспекторъ Кѣлецкихъ мужской классической гимназій и женской прогимназій *Хорошевскій*, инспекторъ Сѣдлецкихъ мужской классической и женской гимназій *Пономаревъ* и инспекторъ Сувалскихъ мужской классической и женской гимназій *Михайловскій* — директорами мужскихъ гимназій: Бекманъ — Варшавской шестой, Гогоцкій — Холмской, Бульмерингъ — Варшавской четвертой, Вульфъ — Варшавской пятой, Худзинскій — Люблинской, Стронинъ — Бѣльской, Солнцевъ — Петровковской, Чернявскій — Маріампольской, Клостерманъ — Ломжинской, Митрофанъ Стефановичъ — Варшавской третьей, Савицкій — Калишской, Крыжановскій — Варшавской первой, Андрей Стефановичъ — Варшавской второй, Маркіановичъ — Радомской, Хорошевскій — Кѣлецкой, Пономаревъ — Сѣдлецкой и Михайловскій — Сувалской, всѣ съ 1-го іюля 1873 года, съ увольненіемъ отъ настоящихъ должностей; дѣйствительные статскіе совѣтники: окружный инспекторъ Московскаго учебнаго округа *де-Витте*, директоръ Харьковской третьей гимназій *Рубенко*; статскіе совѣтники: директоръ С.-Петербургской шестой гимназій *Рихтеръ*, директоръ училищъ Новгородской губерніи *Александровъ*, директоръ Ришельевской гимназій *Геекъ*, инспекторы гимназій: Одесской второй *Лениъ*, Кіевской первой *Палиенко*, инспекторъ Корочанской прогимназій *Бѣлинъ*, учителя гимназій: Архангельской, *Бѣлинскій* и Московской третьей, *Бордюговъ*, инспекторъ С.-Петербургской пятой гимназій, коллежскій совѣтникъ *Риевскій*; надворные совѣтники: инспекторъ Кіево-Подольской прогимназій *Сотоицъ* и инспекторъ народныхъ училищъ Костромской губерніи *Буланъ* — директорами реальныхъ училищъ: де-Витте — Мо-

сковскаго, Рубенко — Харьковскаго, Рихтеръ — С.-Петербургскаго втораго, *Александровъ* — Кронштадтскаго, *Геекъ* — Одесскаго, *Леницъ* — Николаевскаго, *Палиенко* — Киевскаго, *Бълминъ* — Ливенскаго, *Бъллинскій* — Череповскаго, *Раевскій* — Псковскаго, *Соковичъ* — Кременчугскаго и исправляющими должность директоровъ реальныхъ училищъ: *Бордюговъ* — Иваново-Вознесенскаго и *Булаихъ* — Костромскаго, всѣ съ 1-го іюля 1873 года, съ увольне-ніемъ отъ настоящихъ должностей; исправляющій должность ди-ректора Виленскаго Раввинскаго училища, статскій совѣтникъ *Гвайта* — директоромъ Виленскаго еврейскаго учительскаго ин-ститута, съ 1-го іюля 1873 года; инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Киевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Киевской, Подольской и Волинской, на-дворный совѣтникъ *Андрузскій* — директоромъ Житомирскаго еврей-скаго учительскаго института, съ 1-го іюля 1873 года, съ уволь-пеніемъ отъ настоящей должности; учитель Николаевской гимна-зій въ Либавѣ, титулярный совѣтникъ *Помиловъ* — инспекторомъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Киевскаго учеб-наго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Подольской и Во-линской.

Назначаются: контръ-адмиралъ *Загорянскій-Кисель*, инженеръ полковникъ *Беръ*, начальникъ строительной части полковникъ *Козловскій*, директоръ Николаевскаго городского банка *Ивановъ*, докторъ, надворный совѣтникъ *Пруссаковъ*, дворянинъ *Рено*, агентъ русскаго общества пароходства и торговли *Бартеисовъ* и потом-ственный почетный гражданинъ *Бухтеевъ* — членами попечитель-ства Николаевскаго реальнаго училища, на три года, съ 1-го іюля 1873 года; управляющій Одесскою конторою государственнаго коммерческаго банка, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Трой-ницкій*, исправляющій должность директора Одесской конторы го-сударственнаго коммерческаго банка, коллежскій ассесоръ *Гирсъ*, начальникъ инженеровъ Одесскаго военнаго округа, генераль-маіоръ *Подымовъ*, потомственные почетные граждане: *Пашковъ* и *Палаузовъ* и инженеръ-технологъ *Баленъ-де-Баллю* — членами

понсчительства Одесскаго реального училища на три года; окончившіе въ 1873 году курсъ наукъ студенты Императорскаго историко-филологическаго института, учителями: Андрей *Фогель* — въ С.-Петербургскую Ларинскую гимназію, Михаилъ *Илумновъ* — въ Кронштадтскую гимназію, Иванъ *Пежинъ* — въ Виленскую прогимназію, всѣ трое по древнимъ языкамъ; Николай *Добровольскій* — въ Царскосельскую Николаевскую гимназію по русской словесности и латинскому языку, и Михаилъ *Освальдъ* — въ Виленскую прогимназію по русскому языку, всѣ съ обязательствомъ выслужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ.

Перемѣщается: директоръ Уральской войсковой гимназій, на-дворный совѣтникъ *Филоматинскій* — директоромъ Троицкой гимназій въ Оренбургской губерніи, съ 1-го іюля 1873 года.

Оставляются на службу на пять лѣтъ: директоры училищъ губерній: Пензенской, статскій совѣтникъ *Бауеръ* и Самарской, статскій совѣтникъ *Кудряшевъ*, первый — съ 10-го января и послѣдній — съ 23-го марта 1873 года.

Командируется съ ученою цѣлю: доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета *Трейдосевичъ* — въ губерніи Царства Польскаго, на лѣтнее вакаціонное время 1873 года и двадцать восемь дней.

Увольняются отъ отпусковъ внутри имперіи: директоръ училищъ Полтавской губерніи *Кулжинскій* — въ Кіевъ и Черниговскую губернію, на двадцать дней; директоръ лицея князя Безбородко и Нѣжинской гимназій, статскій совѣтникъ *Чалый* — въ губерніи Черниговскую, Кіевскую и Волынскую, на три недѣли; директоръ Бѣлоцерковскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шидловскій* — въ разныя губерніи, на двадцать восемь дней, во время лѣтнихъ вакацій; директоръ С.-Петербургской пятой гимназій *Шрамекъ* — въ гор. Старую Русу, на двадцать девять дней, по болѣзни; директоръ училищъ Херсонской губерніи, статскій совѣтникъ *Бѣлый* — въ разныя губерніи, на лѣтнее вакаціонное время 1873 года; за границу, на двад-

цать восемь дней, сверхштатный канцелярскій служитель канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа *Киселевскій*; на двадцать девять дней во время лѣтнихъ вакацій 1873 года: смотритель Венденскаго уѣднаго училища *Бемъ*; на мѣсяцъ: врачъ С.-Петербургской пятой гимназіи, надворный совѣтникъ *Станевичъ*, съ 1-го августа 1873 года, и почетный смотритель Елисаветградскаго уѣднаго училища *Бутовичъ*; на лѣтнее вакаціонное время 1873 года: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій ассесоръ *Колосовъ*; доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета *Дудукаловъ*; учитель Ленчицкой учительской семинаріи *Павловскій*; учитель Гомельской прогимназіи *Шмельцеръ*; учитель Полтавскаго уѣднаго училища *Ушивенко*; исправляющій должность учителя приготовительнаго класса Златопольской прогимназіи *Булазъ*; ученый кузнецъ Харьковскаго ветеринарнаго института *Дружескій*; помощникъ директора Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, священникъ *Ягодзинскій*, и священники-законоучители римско-католическаго исповѣданія: въ семь институтъ *Бусякевичъ*, Сандомірской мужской прогимназіи *Піотровичъ*, Холинской мужской гимназіи *Шимонскій*, V Варшавской мужской гимназіи *Словиковскій*, Кѣлецкой мужской гимназіи *Чероинскій*, Влоцлавской реальной гимназіи *Ходынскій*, Варшавской I мужской прогимназіи *Бржескій*, Сѣнницкой учительской семинаріи *Янчакъ*, Лепчицкой учительской семинаріи *Пониковскій*, Ченстоховской мужской прогимназіи *Герберю* и упраздненнаго Варшавскаго спеціального уѣднаго училища, причисленный къ Варшавской учебной дирекціи, *Краевскій*; изъ сихъ лицъ послѣдніи двѣнадцать по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1873 года и двадцать восемь дней: директоръ Одесскаго коммерческаго училища *Орбинскій*, по болѣзни; на два мѣсяца: бібліотекаръ Императорской Публичной бібліотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Стасовъ*; завѣдывающій читаль-

ною залою сей библіотеки, надворный совѣтникъ Юзъ; почетный смотритель Ахтырскаго уѣзднаго училища, губернской секретарь *Анненковъ*, и надзирательница Кѣлецкой прогимназіи *Шенеберъ*; изъ нихъ Юзъ и Шенеберъ по болѣзни; до 1-го сентября 1873 года: учитель Кронштадтской гимназіи *Керберъ*, по болѣзни; на три мѣсяца: почетный попечитель Астраханской гимназіи, статскій совѣтникъ *Сертьеовъ*; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Бартеревъ*, и врачъ Одесской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ *Гросманъ*; первые двое по болѣзни.

Уволяются отъ службы, по прошенію: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета *Ласпейресъ*, съ 1-го іюля 1873 года, и оставленный за штатомъ, по случаю упраздненія Ярославскаго Демидовскаго лица, исправлявшій должность профессора сего лица, титулярный совѣтникъ *Цѣтмаевъ*.

Объявляется благодарность министерства народнаго просвѣщенія: учительницѣ Лайскаго женскаго заводскаго училища Верхотурскаго уѣзда *Дунаевой* — за труды и усердіе ея на пользу народнаго образованія.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: председателю Заславско-Старокопстантиновскаго мирового съѣзда, отставному поручику *Кравцову* — за особые труды и участіе въ дѣлѣ народнаго образованія.

28-го іюля 1873 года. (№ 11). Утверждаются: старшій учитель гимназіи въ Пленѣ *Петерсенъ* — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по кафедрѣ древне-классической филологіи и археологіи, съ 4-го іюля 1873 года; доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ философіи Гельсингфорскаго университета *Леермаркъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ химіи, съ 10-го мая 1873 года; помощникъ инспектора и учитель Холмской мужской гимназіи *Фединскій* — директоромъ Плоцкой мужской гимназіи, съ 1-го іюля 1873 года; инспекторъ С.-Петербургской второй прогимназіи *Аничковъ* — директоромъ училищъ Новгород-

ской губерніи, съ 7-го іюля 1873 года; учитель Курской гимназіи, статскій совѣтникъ *Сибилевъ* — директоромъ Сумской гимназіи, съ 15-го іюля 1873 года; оставшійся за штатомъ, по случаю преобразованія Мозырской гимназіи въ прогимназію, бывшій директоръ сей гимназіи, статскій совѣтникъ *Рейтлингеръ* — директоромъ Таганрогской гимназіи, съ 21-го іюля 1873 года; двѣствительный статскій совѣтникъ *Лашинъ* — почетнымъ попечителемъ Осодосійской прогимназіи, на три года, со дня открытія этого заведенія; директоръ Могилевской гимназіи, статскій совѣтникъ *Арнольдъ* — директоромъ Курскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля 1873 года; смотритель и учитель Рижскаго русскаго уѣднаго училища, коллежскій ассесоръ *Фуфаевъ* и учитель Рижской учительской семинаріи *Орловъ* — инспекторами народныхъ училищъ при управленіи Дерптскаго учебнаго округа, съ 1-го іюля 1873 года; бывшій инспекторъ Ченстоховской мужской прогимназіи, губернский секретарь *Левинскій* — инспекторомъ народныхъ училищъ въ состоящую при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекцію сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, съ 15-го іюля 1873 года.

Назначается: инспекторъ Владимірской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Новоселовъ* — исправляющимъ должность директора училищъ Тульской губерніи.

Перемѣщаются: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ русской исторіи *Аристовъ* — ординарнымъ профессоромъ въ Императорскій Харьковскій университетъ, на ту же кафедру, съ 20-го іюня 1873 года; ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра по кафедрѣ политической экономіи и статистики *Цѣхановскій* — ординарнымъ профессоромъ въ Императорскій Харьковскій университетъ, на ту же кафедру, съ 1-го іюля 1873 года; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета по кафедрѣ химіи, статскій совѣтникъ *Морковниковъ* — ординарнымъ профессоромъ въ Императорскій Московскій университетъ, на ту же кафедру, съ 8-го іюля 1873 года.

Увольняются въ отпускъ внутри имперіи: предѣдатель временной комиссіи по устройству Виленской публичной библіотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Головацкій*—на пять дней, въ Брестскій уѣздъ, Гродненской губерніи; директоръ Поневѣжской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ *Боричевскій*—на десять дней, въ гор. Вильно, по болѣзни; директоръ Молодечнянской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ *Ставровичъ*—на четырнадцать дней, въ Минскую губернію; бухгалтеръ департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Сафоново* и канцелярскій чиновникъ сего департамента, коллежскій секретарь *Исаевъ*—на двадцать девять дней, въ разныя губерніи; директоръ Полоцкой учительской семинаріи *Крещовскій*—на тридцать дней, въ Виленскую и Минскую губерніи; помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ *Мининъ* и исправляющій должность помощника бухгалтера сего департамента, губернскій секретарь *Зеленинъ*—на мѣсяць, первый—въ Тверскую и послѣдній—въ Новгородскую губерніи, оба по болѣзни; дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Тюльпановъ*—на два мѣсяца, въ разныя губерніи, по болѣзни.

Продолжается срокъ отпуска за границу: доценту Императорскаго Казанскаго университета, титулярному совѣтнику *Корсакову*—по 15-е сентября 1873 года, по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ за границу, на шестнадцать дней: дѣлопроизводитель канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа, коллежскій ассесоръ *Сеницкий*; *на двадцать дней въ сентябрь 1873 года:* директоръ главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ *Граффъ*; *на три недѣли:* окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ *Голубиновъ* и инспекторъ народныхъ училищъ Калужской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Львовъ*,—послѣдній по болѣзни; *на двадцать восемь дней:* врачъ Императорскаго историко-филологическаго института *Левесъ*, штатный смотритель Калужскаго уѣзднаго училища *Драницынъ* и учитель Вой-

путскаго народнаго училища *Никаноровъ*, — изъ нихъ *Драницынъ* по болѣзни; *на двадцать девять дней*: учитель Мариупольскаго приходскаго училища *Париси*; *на мѣсяцъ и четыре дня*: учитель Кишиневской гимназій *Кемрицъ*; *съ 10-го августа по 20-е сентября 1873 года*: директоръ училищъ Воронежской губерніи, статскій совѣтникъ *Бьлзоровъ*, по болѣзни; *на мѣнее вакаціонное время 1873 года*: лаборантъ Императорскаго Варшавскаго университета *Дзевульскій*, ассистентъ клиники сего университета *Станкевичъ*, учитель Костромской гимназій *Блюсъ* и учитель начальнаго училища Пинчовскаго уѣзда, въ посадѣ Дзялошицахъ, *Добржанскій*, — изъ нихъ двое послѣдніе по болѣзни; *на мѣнее вакаціонное время 1873 года и двадцать восемь дней*: ординаторъ терапевтической факультетской клиники Императорскаго Казанскаго университета *Николаи*; *на три мѣсяца*: приходскій греко-уніатскій священникъ въ посадѣ Комаровѣ, исправляющій должность учителя Замосцкихъ мужской и женской прогимназій *Панасинскій*, по болѣзни.

Увольняются: директоръ Житомирскаго раввинскаго училища, статскій совѣтникъ *Павловскій*, отъ службы, за выслугою срока, на который былъ оставленъ на оной, съ 1-го іюля 1873 года, съ дозволеніемъ носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ *Горловъ* — отъ службы при семъ университетѣ, по прошенію.

Объявляется благодарность министерства народнаго просвѣщенія: учителю Кейдаповскаго, Минскаго уѣзда, народнаго училища *Римшиъ* — за полезные его труды въ дѣлѣ народнаго образованія; Быховскому аптекарю *Гагену* — за безмездное преподаваніе въ Быховскомъ уѣздномъ училищѣ практическаго садоводства и пчеловодства.

Исключается изъ списковъ умершій: директоръ астрономической обсерваторіи Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Швейцера*.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНОГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Отечественныя Россія по разказамъ путешественниковъ и ученымъ изслѣдованіямъ. Томъ I. Сѣверный край и Финляндія. Томъ II. Южный край. Малороссія, Новороссія, Крымъ и области Донскаго и Кубанскаго войска. Томъ III. Кавказъ и Уралъ. Составилъ Д. Семеновъ. Сиб., 1871—1873*» — рекомендовать среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ, какъ весьма полезное пособіе при преподаваніи отечественной географіи.

2) Книгу, подъ заглавіемъ. «*Географія. Курсъ первый. Составилъ Брызгаловъ, преподаватель Императорскаго (Московскаго) техническаго училища. Москва, 1872*», — признать весьма полезнымъ пособіемъ при преподаваніи географіи, особенно въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

3) Книгу: «*Руководство для первоначальнаго обученія латинскому языку для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составлено, по Tirocinium Отто Шульца и Militia доктора Штрака, преподавателемъ латинскаго и греческаго языковъ при Киевской II гимназій Л. Лопатинскимъ. Киевъ, 1873 г.*» — одобрить, какъ учебникъ по латинскому языку въ трехъ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

4) Книгу: «*Греческая учебная грамматика, изложенная по руководствамъ доктора Франке и доктора Зейфферта В. Я. Билибинъ. Часть I. Этимологія. Цѣна 65 коп. Познань, 1873 г.*» — одобрить для употребленія, какъ руководство, въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

5) Составленное директоромъ Ломжинской мужской гимназій, коллежскимъ ассесоромъ Клостерманомъ, «*Краткое руководство къ главнѣйшимъ вольнымъ гимнастическимъ движеніямъ. Ломжа,*

1873 г.» — рекомендовать, какъ полезное руководство при обученіи вольнымъ гимнастическимъ движеніямъ въ мужскихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

6) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Практическія упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій при изученіи латинскаго синтаксиса съ указаніями на грамматику Бьлмцаго, Шумца и Мадвца*». Составилъ по нѣмецкимъ руководствамъ С. Опанкій, преподаватель I Одесской гимназіи. Одесса, 1873 г.» — одобрить какъ учебное пособіе по латинскому языку для IV класса гимназій и прогимназій и V класса гимназій.

7) Определеніемъ учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, утвержденнымъ Святѣйшимъ Синодомъ, постановлено: книгу «*Разказы о важнѣйшихъ событіяхъ св. исторіи ветхаго и новаго завета*», съ приложеніемъ объясненія символа вѣры и молитвъ, требуемыхъ программой въ приготовительномъ классѣ гимназій. Составилъ протоіерей Рудаковъ. Спб. 1873 г.» — допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго руководства при преподаваніи закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ и въ приготовительныхъ классахъ гимназій.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Господинъ генераль-губернаторъ Восточной Сибири увѣдомилъ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, что Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ, въ проѣздъ чрезъ Восточную Сибирь, удостоилъ посѣтить 9-го іюня Троицкосавскія женскую прогимназію и уѣздное училище; 13, 14 и 15-го чиселъ Иркутскія мужскую и женскую гимназіи, реальную прогимназію, учительскую семинарію, дѣтскій садъ и сиропитательный домъ Елизаветы Медвѣдниковой и 21-го числа Красноярскую мужскую гимназію и женскую прогимназію.

— Господинъ управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія приказать изволимъ: книгу, подъ заглавіемъ: «Здоровье. О сбереженіи здоровья на долгое время, до глубокой старости, и подачѣ первой помощи въ болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ, до прихода врача. Составилъ А. Савельевъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1872 г.» (цѣна 25 коп.)—одобрить для библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій, но съ тѣмъ, чтобы въ начальныхъ народныхъ училищахъ означенная книга была употребляема только наставниками сихъ училищъ.

— По представленію г. министра народнаго просвѣщенія, основанному на ходатайствѣ Елатомскаго (Тамбовской губерніи) земства, Высочайше утвержденнымъ 8-го мая 1873 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта разрѣшено, между прочимъ, открыть, съ 1-го іюля сего года, прогимназію въ Елатъмѣ, на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1871 года устава и штатовъ гимназій и прогимназій; по ходатайству же Зарайскаго (Рязанской губерніи) городскаго общества, г. министръ разрѣшилъ открыть въ г. Зарайскѣ, съ начала 1873/74 учебного года, шестиклассное реальное училище, приспособленное къ потребностямъ техническимъ, съ преобладаніемъ механики.

Въ наступившемъ учебномъ году въ Зарайскомъ реальномъ училищѣ будутъ открыты два низшіе класса. На содержаніе этого училища, въ дополненіе къ суммѣ, имѣющей быть ассигнованною изъ средствъ казны, городское общество обязалось жертвовать ежегодно по 4.000 руб. и приобрѣсти для училища на свои средства приличный домъ, приспособивъ его подъ помѣщеніе училища; до того же времени общество приняло на свои средства наемъ для него крартеры.

По воспослѣдованіи помянутыхъ распоряженій, г. министромъ народнаго просвѣщенія получены были слѣдующіе адреса:

Отъ Елатомскаго земства:

«Представители Елатомскаго земства, собравшіеся на экстренное земское собраніе для приобрѣтенія и устройства зданій подъ

помѣщеніе Высочайше утвержденной прогимназій, считаютъ своимъ святымъ долгомъ увѣрить ваше сіятельство, что они съумѣютъ дѣлать своимъ, получающимъ отнынѣ, по милости своего Монарха, воспитаніе въ родномъ учебномъ заведеніи, завѣщать, послѣ безпредѣльной преданности Престолу и Отечеству, благоговѣніе къ имени Вашему, какъ государственному человѣку, дѣятельность котораго, по управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія, уже ознаменовалась преобразованіями, ведущими Россію быстрыми шагами къ умственному ея могуществу. Да благословитъ и наградитъ Господь труды ваши на долгія лѣта!»

Отъ Зарайскаго городского общества:

«Зарайское городское общество, безгранично обрадованное осуществленіемъ своего завѣтнаго желанія объ открытіи въ Зарайскѣ реальнаго училища, вполне понимаетъ, что оно обязано этимъ единственно милостивому содѣйствію вашего сіятельства.

«Преисполненное чувствомъ глубокой благодарности за таковое вниманіе ваше къ пользѣмъ города, общество сочло своимъ пріятнѣйшимъ долгомъ выразить это чувство вашему сіятельству чрезъ особо избранную депутацію.

«Счастливымъ себя считаемъ, что на насъ палъ жребій исполнить это лестное порученіе.

«Удостойте, сіятельнѣйшій графъ, благосклонно принять отъ насъ почтительное изъявленіе одушевляющей все наше общество признательности къ особѣ вашего сіятельства, какъ къ главному виновнику столь полезнаго учрежденія для мѣстнаго юношества, которое, съ своей стороны, навсегда сохранитъ благодарную память о своемъ благодѣтелѣ.»

— По донесенію г. попечителя Виленскаго учебнаго округа, послѣ молебствія, открыта 4-го сентября Виленская прогимназія въ составѣ 4-хъ основныхъ, двухъ параллельныхъ и приготовительнаго классовъ, при общемъ числѣ 209 учащихся и при служебномъ составѣ изъ 15 лицъ.

— По донесенію начальства Харьковскаго учебнаго округа,

открыты начальныя народныя училища: въ селѣ *Смоленскомъ*, Мценскаго уѣзда Орловской губерніи, одноклассное, 14-го марта текущаго года, и въ селѣ *Шабляжинь*, Карачевскаго уѣзда той же губерніи, двухклассное, 23-го того же марта.

— 30-го минушаго августа въ г. Старой Русѣ открыта женская прогимназія.

ГОСУДАРСТВО И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ РОССИИ СЪ XVII ВѢКА ДО УЧРЕЖДЕНІЯ МИНИСТЕРСТВЪ.

Исторія отношеній государства къ народному образованію, какъ само собою очевидно, должна имѣть въ виду, съ одной стороны, измѣненія въ ходѣ народнаго образованія, съ другой — развитіе самаго государства, именно задачъ его и тѣхъ его органовъ, спеціальною функціею коихъ сдѣлалось народное образованіе. По цѣли нашего изслѣдованія, первая сторона задачи для насъ менѣе важна; она является лишь необходимымъ средствомъ для рѣшенія послѣдняго вопроса. Предметъ нашъ — не исторія образованія вообще, и еще менѣе исторія обученія и воспитанія, а *исторія права образованія*, то-есть, исторія одной изъ частей русскаго административнаго права.

Однако, вопросъ, избранный нами, какъ и всѣ вопросы, относящіеся къ государственному управленію, касается не однихъ лишь функцій государственной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и организациі государства.

Историческія измѣненія какъ органовъ государства, такъ и отправленій, взаимно условливаютъ другъ друга. Правильно устроенный органъ не только хорошо исполняетъ назначенную ему задачу, но и поддерживаетъ ея жизненность; устроенный неправильно задерживаетъ отправленія, убиваетъ потребности. Съ другой стороны, состояніе отправленій дѣйствуетъ на судьбу органовъ. Какъ въ организмахъ физической природы органы растутъ и укрѣпляются по мѣрѣ и въ силу возникновенія потребностей, такъ въ особенности и въ государственномъ организмѣ. Неуправляемый органъ теряетъ способность дѣйствовать и, наконецъ, совершенно умираетъ. Въ исторической жизни народовъ легко можетъ быть наблюдаема эта необходимая связь государственнаго устройства и государственнаго управленія.

Органами государственной жизни бывають первоначально естественные элементы его: общины (и корпораціи), роды (и потомъ сословія); лишь въ позднѣйшее время являются спеціальныя — равныя по своему значенію органы государственнаго управленія, которыя отличаются отъ прежнихъ (элементовъ) государства лишь тѣмъ, что лишены самостоятельныхъ жизненныхъ основъ, могутъ быть измѣняемы и отсѣкаемы по произволу.

Въ нѣмецкой наукѣ о государствѣ установилось и перешло въ русскую науку иное воззрѣніе на историческую лѣстницу элементовъ государства, которые вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ органами управленія. Противопоставляя „гражданское общество“ государству, къ первому относятъ историческія формы: роды и сословія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности роды (или общины и потомъ корпораціи), сословія (или земства) суть историческія формы самаго государства и не могутъ быть поставлены въ отношеніи къ нему ни въ какую видовую противоположность.

Лишь ошибочнымъ понятіемъ о государствѣ можно объяснить тѣ постоянныя противорѣчія, въ которыя впадаютъ лучшіе публицисты въ ученіи о государственномъ управленіи; относя къ такъ называемому „гражданскому обществу“ органы самоуправленія (Selbstverwaltungskörper) и ферейны, они на долю государства оставляютъ лишь правительственную дѣятельность, противопоставляя дѣятельность первыхъ дѣятельности втораго, какъ частную правительственной. Такимъ образомъ, понятіе о государствѣ суживается до понятія о правительствѣ, или на оборотъ, понятіе о правительствѣ расширяется до понятія о государствѣ ¹⁾. Между тѣмъ тѣ же самые писатели въ ученіи о государственномъ устройствѣ твердо держатся разумной мысли, что всѣ высшія формы (роды, сословія и т. д.) облечены государственнымъ значеніемъ и, съ дальнѣйшимъ развитіемъ общества, не ниспадаютъ въ область частнаго права.

Въ частности — по отношенію къ нашему вопросу, — это смѣшеніе основныхъ представленій ведетъ ко многимъ ошибочнымъ выводамъ, напримѣръ, къ различенію профессиональнаго образованія и общаго, какъ принадлежностей общества и государства, къ отдѣленію воспитанія отъ общественнаго образованія и т. д.

И такъ, говоря объ отношеніи государства къ народному образо-

¹⁾ См., напримѣръ, Stein: Das Bildungswesen (Verwaltungslehre, V.) S. 20 и ff. (1868).

ванію, мы имѣемъ въ виду понятіе о государствѣ въ широкомъ смыслѣ, и не можемъ противопоставлять государства общинамъ, корпораціямъ и сословіямъ, какъ дѣлаетъ Штейнъ, относя школы, основанныя этими послѣдними, къ области частнаго права.

Историческій ходъ русскаго народнаго образованія даетъ намъ возможность излагать мѣры, исходившія относительно его отъ государства, въ той исторической послѣдовательности, въ которой стоятъ другъ къ другу указанные сейчасъ элементы: общины (и корпораціи) въ XVII вѣкѣ, сословія въ 1-й половинѣ XVIII и государство въ тѣсномъ смыслѣ со 2-й половины XVIII вѣка. Но спѣшимъ предупредить, что эта послѣдовательность, повидимому естественная, едва ли окажется въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи согласною съ духомъ русскаго государственнаго права. Въ русскомъ правѣ слѣдуетъ различать: общины (и корпораціи), *земства* и государства. Но средній элементъ лишь недавно призванъ къ дѣятельности и мало проявилъ себя въ исторіи. Сословія вызваны искусственною дѣятельностью государства и могущественнымъ средствомъ къ созданію ихъ были именно мѣры правительства по распредѣленію образованія въ народѣ.

Здѣсь открывається другой порядокъ наблюденій въ области государственной жизни, съ точки зрѣнія избраннаго нами вопроса, а именно: вліяніе мѣръ относительно народнаго образованія на возникновеніе и упадокъ общинъ, корпорацій и сословій.

Когда мы говоримъ о русскомъ государственномъ правѣ, объ отношеніи государства къ народному образованію, то должны помнить, что хотя литовско-русское государство лишилось самостоятельнаго существованія еще въ 1569 году, но этотъ законъ остался мертвою буквою; погибли лишь нѣкоторыя изъ учрежденій, заимствованныхъ изъ польскаго государственнаго права. На мѣсто ихъ тотчасъ явились старыя, русскія учрежденія въ совершеннѣйшей чистотѣ ихъ и тотчасъ вступили въ борьбу съ польскими. Гетманщина, эта искусственная связь литовско-русскаго государства съ польскимъ, представляетъ собою совершенно самобытный русскій центръ, у котораго съ государствомъ польскимъ было лишь одно общее — король. Во всякомъ случаѣ, дѣйствія общинъ и корпорацій по народному образованію въ западной Руси XVII вѣка, и по своему духу, и по внѣшнимъ признакамъ, никакъ не могутъ быть исключены изъ исторіи отношеній русскаго государства къ народному образованію. Со временъ имперіи всѣ остальные части обоехъ государствъ сливаются вмѣстѣ; внѣ ея остаются лишь такія пассивныя части литовско-русскаго государства,

въ которыхъ нельзя замѣтить никакихъ слѣдовъ движенія въ интересахъ русскаго образованія.

Образованіе, которое могутъ имѣть въ виду указаннныя сейчасъ органы, какъ одну изъ задачъ государственной дѣятельности, должно быть отличаемо какъ отъ *цивилизаци*, такъ и отъ *просвѣщенія*. Первая слагается изъ всѣхъ условій общественнаго развитія, то-есть, изъ успѣховъ науки, искусствъ, религіозныхъ воззрѣній. Это есть обширное общее понятіе, въ которое входятъ, какъ части, понятія о просвѣщеніи и понятіе объ образованіи. Цивилизація, какъ предметъ дѣятельности государства, есть вся полиція благосостоянія („культурная полиція“) въ цѣломъ ея составѣ.

Просвѣщеніе есть понятіе болѣе частное: оно заключаетъ въ себѣ тѣ условія, которыя состоятъ въ распоряженіи лица къ дальнѣйшему умственному и нравственному его совершенствованію, послѣ того какъ образованіе его уже закончено; сюда прежде всего относятся литература и различнаго рода ученныя общества. Какъ предметъ государственной дѣятельности, просвѣщеніе является одною изъ частей полиціи благосостоянія, совершенно отличающеюся отъ полиціи образованія въ собственномъ смыслѣ, и выстъ съ тѣмъ одною изъ частей полиціи безопасности. Полицейскія отношенія, возникающія отсюда (цензура, система административныхъ преслѣдованій, нарушеній законовъ о печати, судебныхъ преслѣдованій по преступленіямъ печати), не имѣютъ ничего общаго съ администраціею народнаго образованія и въ новыхъ государствахъ не возлагаются уже на спеціальнй органъ управленія народнаго образованія — министерство народнаго просвѣщенія¹⁾.

Мы далеки отъ мысли расширять свою задачу до границъ историко-цѣлой культурной полиціи, и даже полиціи просвѣщенія въ частности. Поэтому дѣйствія государства по отношенію къ литературѣ, ученнымъ обществамъ (какъ, на примѣръ, основаніе типографій, цензура, покровительство ученымъ, поддержка ученыхъ обществъ) не входятъ въ нашу задачу. Ограничивается она образованіемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то-есть, тѣми средствами умственнаго и нравственнаго развитія, которыя предлагаются человѣку въ періодъ его подготовки къ общественной дѣятельности. Это образованіе, однород-

¹⁾ Известно, что литературу и ученныя общества часто смѣшиваютъ съ образованіемъ, полагая, что именно въ этомъ заключается высшее образованіе; но совершенно ошибочно.

ное по своей сущности, далеко не одно и то же по степенямъ и формамъ: чѣмъ несложнѣе элементъ государства, чѣмъ онъ меньше по своему объему и бѣднѣе по экономическимъ силамъ, тѣмъ проще (однороднѣе) самое образованіе, тѣмъ ниже кругъ знаній, пропагандируемыхъ внутри общинъ. Но какъ низшіе элементы государства охватываютъ собою всю народную жизнь, всѣ классы общества, то и образованіе этого рода есть образованіе наиболѣе распространенное (отличается характеромъ всеобщности). Всѣ эти три черты: однородность, низшій научный уровень и всеобщность составляютъ три черты, характеризующія собою элементарное образованіе.

Какъ ни различно возникновеніе сословій отъ возникновенія высшихъ классовъ, основанныхъ на различіи профессій; какъ ни вѣрна мысль—относительно по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ народовъ,—объ исконномъ происхожденіи сословій, о кровныхъ началахъ ихъ, но все же несомнѣнно, что и сословія, въ самомъ началѣ своего возникновенія, группируются по профессіямъ; даже восточныя касты суть ничто иное, какъ профессіи. Образованіе, которое можетъ дать сословіе, есть образованіе профессиональное. Отличаясь несравненно болѣею высотой науки и непосредственною примѣнимостью къ жизни, оно существенно уступаетъ элементарному образованію по своей исключительности, замкнутости.

Лишь государство (въ тѣсномъ смыслѣ) можетъ слить эти противоположности въ одно: сдѣлать высоту научнаго образованія доступною для всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, для многихъ. Общее (среднее и высшее) образованіе—вотъ преимущественно задача государства.

Прилагая эти формулы къ исторіи русскаго образованія, мы находимъ, что до Петра стояло на низкой ступени по своему уровню и на высокой по своему соціальному значенію (по своей однородности и всеобщности) образованіе элементарное. Петръ вызываетъ сословія къ приобрѣтенію и распространенію профессиональныхъ знаній, несравненно болѣе высокихъ въ научномъ отношеніи. Съ Екатерины II государство стремится къ распространенію общаго образованія (средняго до учрежденія министерствъ и высшаго—съ учрежденія министерствъ).

Такая схема, весьма легкая для историческаго изученія и весьма вѣрная въ отношеніи къ дѣйствительному ходу образованія въ Россіи, не соответствуетъ, конечно, схемѣ педагогической. Эта послѣдняя развивается слѣдующимъ образомъ: образованіе элементарное, среднее и высшее, которое на всѣхъ ступеняхъ остается общимъ.

За каждою изъ означенныхъ ступеней слѣдуютъ обыкновенно различныя формы профессиональнаго образованія: низшія экономическія профессіи, требующія принѣженія физическихъ силъ (трудъ земледѣльческой и рабочей), слѣдуютъ обыкновенно за элементарнымъ образованіемъ; высшія экономическія профессіи (требующія техническихъ знаній и математики) за среднимъ образованіемъ; наконецъ, такъ называемыя ученныя профессіи (преимущественно государственныя) за высшимъ образованіемъ. Но и это отношеніе профессиональнаго образованія къ общему противорѣчитъ отчасти и социальнымъ, и педагогическимъ требованіямъ. Человѣкъ, пріобрѣтшій элементарное образованіе, по естественному ходу, не можетъ предаться изученію профессиональныхъ знаній, съ тѣмъ, чтобы отложить на неопредѣленное время пріобрѣтеніе общечеловѣческой образованности. Такъ какъ профессиональное образованіе приготовляетъ къ практической дѣятельности, то для лица, обращающагося къ ней, никогда (не говоримъ объ исключеніяхъ) не наступитъ возможность дополнить свое образованіе высшими, общими знаніями. Огромная масса народа повсюду въ Европѣ слѣдуетъ, конечно, именно такому порядку, но его нельзя считать нормальнымъ, соответствующимъ психическому росту человѣка. Напротивъ, общее (среднее, а для могущихъ пріобрѣсти его—и высшее) образованіе должно предупреждать всякія профессиональныя знанія, что имѣетъ чрезвычайную важность, какъ для самого общаго образованія (которое въ противномъ случаѣ для большинства вовсе не наступитъ), такъ и для профессиональнаго, которое иначе не можетъ быть основательнымъ.

Отношеніе государства къ народному образованію. Цѣль, преслѣдуемая государствомъ (понимая подъ нимъ и низшіе его элементы) въ своихъ отношеніяхъ къ народному образованію, должна заключаться не въ *созданіи* народной образованности, а въ ея распространеніи. Образованность создается личнымъ творчествомъ духа—разумомъ и волею и, какъ благо чисто духовное, не можетъ никогда быть продуктомъ принужденія, юридической обязанности. Духовныя блага—суть блага личные: онѣ соприкасаются съ интересами государства не по своему возникновенію, а по своимъ результатамъ¹⁾.

¹⁾ Stein, стр. 14. «Государство столь же мало можетъ давать (geben) образованіе, какъ и экономическія блага; руководящимъ принципомъ управленія должно быть слѣдующее: государство должно создать для образованія только тѣ условія, которыя не доступны частному лицу собственными его средствами, между тѣмъ какъ пользованіе этими условіями или дѣйствительное образованіе

Точка соприкосновенія государства съ этими духовными благами есть передача ихъ отъ одного лица къ другому; задача государства — *устранить препятствія* для этой передачи и *облегчить средства* для нея.

Слѣдовательно, способы вліянія государства на народное образованіе заключаются въ учрежденіи школъ и другихъ вспомогательныхъ учебныхъ заведеній (музеи, кабинеты, библіотеки и проч.), въ законодательныхъ мѣрахъ и, наконецъ, въ административныхъ учрежденіяхъ.

Къ этой истинѣ государство пришло, однако, не вдругъ. Было время, когда оно считало себя источникомъ и цѣлью образованія, видѣло въ немъ благо, сообщаемое для собственныхъ своихъ цѣлей. Извѣстно, какъ постепенно освобождалось оно отъ этого заблужденія. Остатки прежнихъ возрѣній можно найти какъ въ ученіяхъ современной науки о государствѣ, такъ и въ разныхъ приемахъ административной практики въ европейскихъ странахъ. Говорятъ, что отношеніе государства къ различнымъ родамъ образованія не одинаково, а именно: элементарное, не имѣющее, будто бы, самостоятельнаго значенія, а служащее лишь средствомъ къ приобрѣтенію образованія, не можетъ претендовать на свободу, а должно быть установлено какъ принудительная юридическая норма. Профессиональное образованіе должно оставаться вполнѣ свободнымъ въ отношеніи къ тѣмъ профессіямъ, которыя возникаютъ изъ личной инициативы и личныхъ интересовъ, но подлежить болѣе непосредственному вліянію государства въ профессіяхъ ученыхъ, потому что здѣсь личный интересъ не можетъ регулировать удовлетвореніе общественныхъ нуждъ съ такою правильностью, какой требуетъ высокое общественное ихъ значеніе. Наконецъ, общее образованіе, оставаясь совершенно свободнымъ, подлежитъ лишь надзору государства, наравнѣ со всѣми другими отправлениями общественной жизни. Въ дальнѣйшемъ теченіи этого изслѣдованія, мы встрѣтимся съ историческою повѣркой означенныхъ положеній. Вообще же, въ примѣненіи къ исторіи русскаго образованія, ходъ этого дѣла былъ иной: элементарное образованіе было свободно въ то время, когда оно находилось въ завѣ-

сть дѣло частнаго лица и его индивидуальной дѣятельности». Но какъ выжестъ съ этимъ принципомъ обязательнаго элементарнаго обученія, признанный Штейномъ? Искусственную попытку выдти изъ подобнаго затрудненія мы укажемъ ниже.

дываніи общинъ; впоследствии, когда государство возложило его на сословія и оно получило профессиональный характеръ, то вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось принудительнымъ, служебнымъ; когда же, наконецъ, государство непосредственно взяло его въ свои руки и обратило его въ общее, то отношеніе его къ образованію сдѣлалось смѣшаннымъ. Оно вступило на путь косвеннаго принужденія.

Относительно средствъ распространенія его въ первую эпоху всѣ принадлежащія сюда мѣры состоятъ лишь въ устройствѣ и поддержкѣ школъ, во вторую—въ учрежденіи школъ и въ законодательныхъ мѣрахъ, наконецъ, въ третью—въ устройствѣ школъ, законодательныхъ мѣрахъ и административныхъ учрежденіяхъ.

Матеріалъ для рѣшенія вопроса объ отношеніи государства къ народному образованію въ Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Если взгляды государства на свои отношенія къ народному образованію уяснились весьма медленно, то одною изъ главныхъ причинъ того было младенческое состояніе науки. Едва ли развитіе какого-нибудь другаго вопроса административнаго права зависитъ отъ ея успѣховъ въ столь значительной степени.

Въ частности исторія этого вопроса (говоря въ строгомъ смыслѣ) не существуетъ еще въ Россіи. Обыкновенно ссылаются пріятно на недостатокъ матеріаловъ. Недавно, въ одной рецензіи на книгу г. Окольскаго: „Объ отношеніи государства къ народному образованію“ (Спб. 1872 г.), самою слабою стороною исторической части этого сочиненія была признана исторія русскаго образованія, при чемъ рецензентъ выразилъ мысль, что оно не имѣетъ прошедшаго. Если такъ, то возникаетъ затрудненіе весьма капитальное: чтобы излагать исторію какого-либо предмета, разумѣется, прежде всего нужно совѣстливо убѣдиться, что онъ дѣйствительно существуетъ. Когда говорятъ о недостаткахъ русской образованности, то здѣсь, вѣроятно, разумѣютъ не столько недостатокъ элементарнаго образованія (грамотныхъ людей есть уже не мало) и не столько недостатокъ профессиональныхъ знаній (спеціалисты по экономическимъ и ученымъ профессіямъ существуютъ, хотя, можетъ быть, не въ требуемомъ количествѣ), но, конечно, недостатокъ образованія общаго. Самымъ рѣшительнымъ доказательствомъ, что это послѣднее до недавняго времени сдѣлало успѣхи лишь незначительные, служатъ то,

что въ понятіи о немъ общество еще не условилось; если одинъ называетъ образованіемъ то, что другой считаетъ помраченіемъ ума, то какъ же излагать его исторію?

Такова именно была крайняя противоположность во взглядахъ на до-петровскую элементарную систему образованія по сравненію ея съ новою, профессиональною. Когда въ срединѣ XVIII вѣка Полетика хотѣлъ предпринять въ изданіяхъ Академіи Наукъ историческій очеркъ образованія въ Россіи, то Ломоносовъ возсталъ противъ этого, доказывая, что взгляды автора на предметъ неблагонамѣренны, что выставляя невѣжество Русскихъ до Петра, онъ тѣмъ самымъ унижаетъ ихъ въ глазахъ иностранцевъ. Въ нѣсколько иной формѣ тотъ же споръ повторялся постоянно и впоследствии, даже въ срединѣ нынѣшняго вѣка возобновили его г. Купріяновъ съ г. Забѣлинымъ. Такъ какъ старая система опиралась на дѣятельности общинъ, корпорацій и отчасти на частномъ починѣ, а новая — на правительственныхъ узаконеніяхъ, то исходъ борьбы былъ весьма интересенъ для рѣшенія вопроса объ отношеніи государства къ народному образованію. Теперь, повидимому, борьба затихла, и хотя стороны разошлись непримиренными, но все-таки это добрый признакъ: нынѣ стали появляться изслѣдователи, для которыхъ дорога лишь вѣрность историческихъ фактовъ.

Въ замѣнъ этой старой борьбы элементарнаго образованія съ профессиональнымъ, возникаетъ новая борьба профессиональнаго образованія съ общимъ. Общество далеко еще не успело собѣ, что нужно разумѣть подъ каждымъ изъ нихъ и въ какомъ отношеніи должно стоять одно къ другому.

Не смотря на все это, нельзя сомнѣваться, что народное образованіе въ Россіи есть фактъ дѣйствительный и уже имѣющій свое прошедшее. Предпринимая излагать его исторію, изслѣдователь имѣетъ предъ собою матеріалъ, уже отчасти готовый, хотя ему придется преодолѣть еще важныя затрудненія.

Но историкъ-юристъ, имѣющій дѣло не съ успѣхами образованія, а съ государственными мѣрами относительно его, избавленъ отъ большей части этихъ затрудненій. Образованіе скудно, но масса правительственныхъ мѣръ по этому предмету (узаконеній, уставовъ и распоряженій) такъ значительна, что едва ли мы не можемъ поспорить въ этомъ отношеніи съ любой изъ европейскихъ странъ. Уже въ XVIII вѣкѣ, этотъ матеріалъ возросъ до такихъ размѣровъ, что оказалась необходимость въ особыхъ сборникахъ узаконеній и пра-

вительственныхъ распоряженій по народному образованію; таковы: изданное И. И. Бедкимъ „Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоюга пола благороднаго и мѣщанскаго юношества съ прочими въ пользу юношества установленіями“, Спб. 1789—1791 гг.; а въ текущемъ столѣтіи изданный И. Ивановымъ: „Указатель законовъ объ учебныхъ заведеніяхъ съ учрежденія оныхъ въ Россіи до настоящаго времени и вообще о народномъ просвѣщеніи“. Спб. 1830. Въ Полное Собраніе Законовъ вошла значительная часть означенныхъ документовъ, но далеко не вся; доказательствомъ того служатъ: „Архивъ Правит. Сената“ (Т. I. Описъ именнымъ повелѣніямъ царствованія Императора Петра Великаго 1704—1725, сост. И. Барановымъ. Спб. 1872) и „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Свят. Правит. Синода“ (Т. I. 1542—1721. Спб. 1868). Неизданные архивы разныхъ правительственныхъ учреждений и учебныхъ заведеній могутъ увеличить эту массу до неслыханныхъ размѣровъ. Для историка-юриста эта правительственная дѣятельность представляетъ важный интересъ даже съ отрицательной стороны: она указываетъ пути, по которымъ не должно слѣдовать, если государство желаетъ успѣха въ достиженіи своихъ цѣлей.

Въ нашей литературѣ не встрѣчается еще полныхъ обзоровъ исторіи образованія вообще и отношенія къ этому вопросу государства. Кромѣ трудовъ г. Вольдемара, наиболѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе громадное предпріятіе покойнаго Пекарскаго, только что оплаканнаго русскою наукою, которое, къ сожалѣнію, пресѣклось въ самомъ началѣ его. „Введеніе въ исторію просвѣщенія въ Россіи XVIII столѣтія“ („Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., Т. I“), „Исторія Импер. Академіи Наукъ“ и многочисленный рядъ статей, сопровождавшихъ эти труды, возбуждали увѣренность, что именно ему мы будемъ обязаны подробнымъ изслѣдованіемъ нашего образованія въ XVIII вѣкѣ. Обращаясь нѣсколько назадъ, мы встрѣчаемъ достойный уваженія трудъ г. Арсеньева: „Историко-статистическій очеркъ народнаго образованія въ Россіи“, помѣщенный въ 1-й книгѣ Ученыхъ Записокъ II-го отд. Импер. Академіи Наукъ (Спб. 1854), который содержитъ, однако, лишь перечень правительственныхъ мѣръ. Затѣмъ еще ранѣе явился, почти не принадлежащій къ русской литературѣ, трудъ Крузенштерна, для своего времени довольно полный: „Précis du système, des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie, redigé d'après les documents officiels par Alexandre de Krusenstern“. Varsovie. 1837. Затѣмъ, остальные попытки общаго обзора

хода русскаго образованія являются (говоримъ о прежнемъ времени) лишь панегириками, произносимыми въ торжественныхъ собраніяхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній; поэтому всѣ онѣ и носятъ характеръ официального краснорѣчія. Такова рѣчь Фишера „О ходѣ образованія въ Россіи“ (*Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.*, ч. V); такова же (но еще въ большей степени) „Рѣчь о состояніи въ Россіи древняго и нынѣшняго народнаго просвѣщенія“, помѣщенная въ сочиненіяхъ и переводахъ, издававшихся Академіею Наукъ (Ч. IV, 1810). Понятно, что подобныя сочиненія мало помогали государству въ удовлетворительномъ рѣшеніи вопроса о его отношеніи къ народному образованію.

Что касается до частныхъ изслѣдованій, то онѣ ограничиваются или исторіею того или другаго профессиональнаго знанія, или исторіею различныхъ учебныхъ заведеній. Первые не могутъ, непосредственно, служить матеріаломъ для нашей работы, вторыя существенно важны; къ нимъ принадлежатъ, напримѣръ, сочиненія г. Смирнова („Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи“. М. 1865, и „Исторія Троицкой Лаврской семинаріи“. М. 1867); Веселаго („Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса“. Спб. 1852) и друг. Но необходимо замѣтить при этомъ, что элементарныя школы обращали на себя очень мало вниманія. Особенно старая приходская система элементарнаго обученія возбуждала въ писателяхъ какую-то брезгливость; говорить въ серьезномъ тонѣ о дьячковскихъ школахъ считалось не только неумѣстнымъ, но даже постыднымъ. Тѣмъ пріятнѣе для насъ отмѣтить такія почтенныя исключенія, какъ статьи гг. Сухомлинова („Училища и народное образованіе въ Черниговской губерніи“. *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1864. Январь), Извъкова („Букварная система обученія въ исходѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій. *Семья и Школа* 1872, № 5—май), Д. Мордовцова („О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка. *Чтенія Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс.* 1861. Кн. IV) и преосв. Филарета (неподписанная: „О старинныхъ школахъ, богадѣльняхъ и братствахъ. *Черни. Епарх. Извѣст.* 1862. 1 сент.). Но и новая система элементарнаго образованія еще не вызвала ни одного цѣльнаго изслѣдованія.

Наконецъ, по исторіи общаго образованія во вторую половину XVIII вѣка придется отмѣтить важный трудъ г. Воронова: „Историко-статистическое описаніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа“. Спб. 1869, хотя объ этой эпохѣ существуетъ много изслѣдованій по каждой дирекціи въ отдѣльности.

¹¹³¹ „Планъ изслѣдованій. Изъ предыдущихъ замѣчаній видно, на ка-

кой планъ изслѣдованія указываетъ намъ сама исторія: ранній предѣлъ избранной вами эпохи—XVII вѣкъ; мы не можемъ обозначить съ точностію—съ какихъ именно годовъ начинается эта эпоха, потому что начало многихъ явленій въ области исторіи права образованія совершенно не можетъ быть опредѣлено хронологически: XVII вѣтъ. взять нами потому, что въ немъ съ совершенною ясностію выражаются тѣ начала, которыя могли существовать раньше. Образование до Петра въ общемъ имѣло характеръ элементарный; объ немъ заботились лишь приходскія общины. Такимъ образомъ, первая часть нашего изслѣдованія должна быть посвящена элементарному приходскому образованію и дѣятельности общинъ по отношенію къ нему, до реформъ Петра. Но такъ какъ и до этого времени элементарное образованіе уже начало переходить въ высшія формы, въ рукахъ другихъ органовъ государства, естественно возникшихъ изъ приходскихъ общинъ (корпораций), и потому отчасти въ рукахъ правительства, то мы должны были тутъ же отмѣтить, этотъ, можетъ быть, самый интересный фактъ въ исторіи образованія. Такимъ образомъ, мы хотѣли представить цѣльную картину однородныхъ явленій, — систему образованія, вытекающую изъ одного начала. Система, основанная на элементарномъ образованіи, завѣдуемомъ приходскими общинами, не вдругъ уступаетъ предъ новою, вышедшею изъ совершенно другихъ началъ; слѣды ея весьма ясны въ теченіи всего XVIII вѣка и чувствуются отчасти до сихъ поръ; изложеніе причинъ упадка приходскаго элементарнаго образованія, при общемъ разрушеніи старой системы, должно необходимо войти въ эту первую часть нашего изслѣдованія.

Этимъ могла бы она окончиться. Но и правительству XVIII вѣка не были совершенно чужды заботы объ элементарномъ образованіи, особенно въ началѣ реформаторской дѣятельности Петра. Попытки этого рода (въ чемъ, надѣмся, убѣдится читатель), не состоя ни въ какой связи съ главными началами новой системы, замѣчательны лишь своею неудачею. Поэтому нѣтъ никакой причины относить изображеніе этихъ попытокъ ко 2-й части изслѣдованія, т. е. къ изслѣдованію о профессиональномъ образованіи. Вниманіе читателя, сосредоточенное на этомъ послѣднемъ, уже не будетъ отвлекаться къ наблюденію явленій, составляющихъ отступленіе отъ системы.

Изображая здѣсь судьбу профессиональнаго образованія преимущественно въ двухъ сословіяхъ — дворянскомъ (военное образованіе) и духовномъ (богословское), мы могли бы окончить разказъ о ней

60-ми годами XVIII вѣка, то-есть, остановиться на реформахъ Екатерины II, существенно измѣнившихъ начала обязательности сословнаго образованія. Но такъ какъ укоренившіяся начала исчезаютъ не вдругъ, то (тамъ, гдѣ это нужно) мы слѣдимъ за профессиональнымъ образованіемъ до конца XVIII вѣка.

Наконецъ, 3-я часть изслѣдованія—о началѣ общаго образованія, повидимому, должна бы начаться съ коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ (то-есть, съ 1786 года); но всѣмъ извѣстно, что государственныя мѣры по народному образованію начинаютъ существенно измѣняться съ самыхъ первыхъ годовъ шестатаго десятилѣтія XVIII вѣка, что находится въ тѣсной связи, съ одной стороны, съ измѣненіемъ законодательства о государственной службѣ (манифестъ Петра III, 18-го февраля 1762 года), съ другой—съ измѣненіемъ взглядовъ на образованіе въ такъ называемой просвѣтительной философіи XVIII вѣка. Вслѣдствіе того, предвѣстія новыхъ явленій замѣтны уже съ послѣднихъ годовъ Елисаветинскаго царствованія (основаніе Московскаго университета), и такимъ образомъ 3-я часть обнимаетъ исторію правительственныхъ мѣръ по народному образованію во 2-й половинѣ XVIII вѣка. Конецъ этой эпохи, заключающей въ себѣ разказъ о мѣрахъ къ развитію общаго средняго образованія, довольно точно совпадаетъ съ учрежденіемъ министерствъ, такъ какъ именно около этого времени начинаютъ возникать университеты.

Читатель видитъ всю невозможность въ изслѣдованіяхъ этого рода подчиняться неуклонно одному изъ двухъ порядковъ: или хронологическому, или систематическому.

Наконецъ, считаемъ нелишнимъ предупредить, что, по самой задачѣ своей, мы будемъ говорить лишь объ отношеніи государства къ образованію *русскаго народа*; поэтому въ кругъ нашего изслѣдованія не входятъ мѣры, касавшіяся инородцевъ. Но изъ этого мы дѣлаемъ двойное исключеніе: а) для тѣхъ иноязычныхъ школъ, которыя существовали сколько для иностранцевъ, столько же и для русскихъ, и б) для тѣхъ учебныхъ заведеній, которыя основаны для распространенія христіанскаго и русскаго просвѣщенія среди инородцевъ востока.

I.

Община, элементарное образованіе и народныя школы.

И административная правящая, и ученые, какъ признающіе свою задачу элементарнаго образованія, такъ и не допускающіе ея, одина-

ково согласны въ томъ, что оно есть дѣло общинъ (Gemeinde): на нихъ возлагается обязанность содержать школу, имъ предоставляется и ближайшее право управленія ею. Но что именно слѣдуетъ разумѣть здѣсь подъ общиною — ни законодательство, ни теорія согласиться не могутъ. Законъ въ нѣкоторыхъ государствахъ (какъ, на примѣръ, въ Пруссіи) создаетъ для цѣлей народнаго образованія особый, искусственный школьный округъ. Между тѣмъ, нельзя сомнѣваться, что это самый существенный вопросъ въ цѣлой области права элементарнаго образованія. Если бы въ дѣятельности была приввана не искусственная единица, а живая часть государственнаго органа, то всѣ остальные вопросы той же сферы были бы рѣшены болѣе удовлетворительно.

Названіе „общины“ на русскомъ языкѣ есть терминъ сочиненный; предметъ, ему соответствующій, никогда не носилъ у насъ подобнаго имени (у юго-западныхъ Славянъ слово община было народнымъ, см. „Хорватско-Далматское законодательство“ Э. И. Леонтовича, стр. 69).

Несомнѣнно, существующій предметъ, обозначаемый этимъ именемъ, есть общественная форма, предшествующая государству, а потому входящая въ него, какъ низшій, подчиненный ему элементъ. Но такъ какъ формы, предшествующія государству, разнообразны, начиная отъ простой территоріальной общины и кончая цѣлою землею, то упомянутое названіе далеко еще не имѣетъ для насъ необходимой опредѣленности.

Гораздо тверже по своему значенію народные термины русскаго государственнаго права и между ними въ особенности „погостъ“. Въ нѣмъ сѣверно-русскомъ значеніи погостъ больше общины, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и не означаетъ каждаго поселенія, взятаго въ отдѣльности; съ другой стороны, онъ меньше административной единицы — волости. Учѣтывая до сихъ поръ живая сила, образующая изъ погоста одно цѣлое, есть только религіозная связь. Эта связь не является, однако, случайною для государственныхъ формъ и еще менѣе связью новою, возникшею лишь съ распространеніемъ христіанства и храмовъ. Религіозная связь была именно тою первою силою, которая соединила разрозненные территоріальныя общины въ одно, сначала временное, а потомъ постоянное цѣлое. Какъ религіозныя торжества и постоянная центральная святыня въ древней Греціи послужили единственнымъ звѣномъ между разрозненными общинами, образовали изъ нихъ постоянныя (хотя и односторонніе) союзы — амфиктіоніи, — такъ несомнѣнно и религіозныя „нирища и бѣсовскіи

плетаніи" соединили и у насъ разрозненныя общины вокругъ капищъ и потомъ храмовъ. Карамзинъ имѣлъ основаніе сказать, что „погостомъ въ древности называлась *окружа*, нѣсколько деревень, подчиненныхъ одному начальству“ (I, прим. 377); а Татищевъ поставилъ слово погостъ въ соотвѣтствіе съ черемисскимъ *пагіахъ*, которое означаетъ волость (II, 391). При новой десятичной (военной) организаціи погостъ, очевидно, сливается съ одною изъ формъ этой послѣдней.

Односторонняя цѣль образованія этой элементарной государственной формы не помѣшала ей расширить потомъ свое значеніе, сдѣлаться миниатюрнымъ прообразомъ государства, со всѣми разносторонними цѣлями этого послѣдняго. Такъ обыкновенно и бываетъ въ первобытной исторіи человѣческихъ обществъ: люди, соединенные между собою случайными и временными цѣлями, пользуются этимъ соединеніемъ для образованія постояннаго и всесторонняго общества. Погостъ является уже единицею управленія не только религіознаго, но и финансоваго, полицейскаго, а отчасти и судебной власти.

Впослѣдствіи христіанская церковь располагаетъ свои учрежденія по готовымъ общественнымъ формамъ, которыя она застала, а не создаетъ ихъ вновь, подобно тому, какъ съ теченіемъ времени она подчиняется земскому и государственному дѣленію. Въ погостахъ она располагаетъ самыя жизненные, самыя близкіе къ народу свои органы; въ нихъ сосредоточиваетъ она тѣ направленія, которыя съ перваго появленія своего признала необходимыми и которыя тогдашнее государство могло сознавать лишь весьма смутно, а именно: призрѣніе, народное здравіе и народное образованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что двѣ первыя изъ этихъ потребностей, то-есть, призрѣніе и народное здравіе, сливаясь въ одну общую — попеченіе о лицахъ, лишенныхъ семейной и личной поддержки, такъ или иначе удовлетворялись языческими общинами. Но образованіе едва ли не ограничивалось лишь приученіемъ къ верховой ѣздѣ (на что указываетъ позднѣйшій обрядъ посаженія на коня при совершеннолѣтіи) и сообщеніемъ умѣнья владѣть оружіемъ (какъ видно изъ свидѣтельства Арабовъ о томъ, что у Славянъ отецъ, при достиженіи сыномъ совершеннолѣтія, вручалъ ему лукъ и стрѣлы, говоря: „отнынѣ добывай себѣ пищу этими орудіями, какъ знаешь“).

Что церковь, расположивъ храмы по погостамъ, дѣйствительно съ самаго начала сдѣлала ихъ органами призрѣнія, попеченія о народномъ здравіи и народномъ образованіи, — въ этомъ не оставляютъ

сомнѣнія какъ древнѣйшія свидѣтельства, такъ и обычаи, сохранившіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до нашихъ дней въ непрерывной преемственности отъ древнѣйшихъ временъ. Люди „церковные“ суть люди „богадѣльные“; въ вѣдѣніи церкви состоятъ какъ „лѣчець“, такъ и „прощенникъ“ (врачъ и исцѣленный), „больницы, гостиницы, странноприимницы“ (уставъ, приписываемый Св. Владимиру). Еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ служить то, что въ XVI, XVII, XVIII вѣкахъ, а иногда и теперь, принадлежностью каждой приходской церкви считаются: богадѣлни, гошпитали и школы (о чемъ ниже); люди богадѣльные и позднѣе кормятся отъ церкви Божіей, суть люди церковные. Всѣ эти учрежденія такъ срослись съ церковію, что связь ихъ съ нею должна быть признана первоначальною.

Что же касается въ частности до народнаго образованія, то хотя уставъ Владимира не имѣетъ въ виду особыхъ для него учреждений, но положительныя свидѣтельства лѣтописей не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что оно сдѣлалось нормальною принадлежностью общинъ уже съ того времени. Ярославъ I, „устроая церкви по градамъ и по мѣстамъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, велѣлъ имъ учить люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ“ (Лавр. Лѣт. въ II. С. Рус. Лѣт. т. I, стр. 66).

Какое право имѣемъ мы считать общину органомъ народнаго призрѣнія и образованія, если въ приведенныхъ нами сейчасъ свидѣтельствахъ эта дѣятельность приписывается церкви и должна быть приписана ей по общему ходу историческихъ явленій и по примѣру западно-европейской жизни? Извѣстно, что вначалѣ не государство, а церковь вѣдаетъ всѣ тѣ части государственной полиціи, которыя впослѣдствіи переходятъ къ государству подъ именемъ полиціи благосостоянія. Церкви, какъ корпораціи, стоящей не только внѣ общинъ, но и внѣ государства, принадлежатъ первоначально заботы объ образованіи. Но мысль эта, воспитанная каноническимъ правомъ церкви западной, совершенно измѣняется въ примѣненіи къ православнои церкви. Мы уже сказали, что русская церковь подчиняла свои внѣшнія учрежденія тѣмъ формамъ общества, которыя она застала. Благодаря этому обстоятельству, не только отличалась она національною жизненностью, но и государственныя формы укрѣпились и одухотворились тѣми высокими задачами, которыя она влила въ нихъ. Всѣ церковныя учрежденія, расположенныя въ погостахъ: храмъ, приходское духовенство, богадѣлни и школы скоро превратились въ общинныя. Доходы и поддержка храма вѣдаются выборными отъ

общины (Пск. Суд. Гр., стр. 68); священники избираются приходомъ, низшій причтъ, нанимаемый погостомъ, исправляетъ письменную часть въ административныхъ и судебныхъ дѣлахъ общины; онъ же употребляется ею въ качествѣ школьныхъ учителей. Такимъ образомъ мелкія общины, постепенно устраняемыя государствомъ отъ функций судебной и административной, заимствовали отъ церкви и ассимилировали себѣ другія отправления государственной жизни, сдѣлались единственными органами полиціи благосостоянія, отъ которой почти совсѣмъ устранялось центральное правительство.

Мы назвали тотъ типъ общины, съ которымъ имѣемъ дѣло, погостомъ; дѣйствительно, это типъ самый общій, примѣняемый ко всей организаціи управленія въ селахъ. Но въ городахъ онъ измѣнялся въ другія формы, напримѣръ, въ улицы въ В. Новгородѣ, слободы и сотни въ другихъ городахъ ¹⁾. Такимъ образомъ, община, вѣдущая

¹⁾ Чтобы кому-либо не показалась голословною эта (впрочемъ, весьма извѣстная) мысль, приведемъ нѣкоторыя свидѣтельства о правахъ общины. Стоглавому собору былъ предложенъ вопросъ объ ограниченіи прихода въ дѣлахъ церковныхъ; но соборъ оставилъ неприкосновенными права общины. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательнъ уклончивый отвѣтъ собора: «Въ Новгородѣ Великомъ попы и дѣконы и дѣки и пономари и просѣирницы уличане въ церкви пріемають и емлють на нихъ деньги великіе: на попѣ рублевъ 15, а на иноу 20, а у иноу 30, да съ тѣмъ идутъ ко владыкѣ всюю улицю; а владыка только пона пришлетъ къ которой церкви, хотя грамотѣ гораздъ, а только многихъ денегъ уличанамъ не дастъ и они его не пріимуть». *Отвѣтъ:* «По всемъ св. церквамъ въ митрополи, и во архіепископіяхъ и въ епископіяхъ избирають прихожане священниковъ и дѣконовъ и дѣковъ искусныхъ и грамотѣ гораздыхъ и житіемъ непорочныхъ, и денегъ у нихъ отъ церкви и мзды себѣ не емлютъ ничего и приходять съ ними ко свитителю и свититель поучитъ ихъ и наказавъ благословляетъ и не емлетъ съ нихъ ничего, развѣ благословенныя гривны, а отъ просѣирницъ и пономарей и отъ сторожей попомъ и уличаномъ посуловъ не имати. Но Бога ради избирайте священниковъ, чтобы были искусны и непорочны отъ всякаго вазора неподобнаго». Трудно понять, хотѣлъ ли соборъ оборотами рѣчи въ настоящемъ времени глаголовъ («избирають» и проч.) показать, что кромѣ В. Новгорода вездѣ избраніе церковнослужителей идетъ правильно, или этимъ выражается приказъ. Во всякомъ случаѣ, соборъ оставляетъ за прихожанами ихъ древнее право избирать и представлять на посвященіе владыки поповъ, дѣконовъ и дѣчковъ, и избирать безъ утвержденія владыки пономарей, просѣирницъ и сторожей. Слѣдовательно, какъ прежде, такъ и послѣ сама община должна была заботиться, чтобы у ней былъ удовлетворительный запасъ людей, пригодныхъ къ тому. Смори о тѣхъ же правахъ указъ патр. Никона въ акт. Арх. экс. т. IV, № 331; а избирательные акты—въ Акт., оти. до юр. быта; поручныя записи о выбранныхъ въ зем-

полицію благосостоянія, имѣеть двойное происхождение: государственное развитіе сообщило ей бытіе, церковь вложила въ нее новыя задачи, хотя и старня (полиція безопасности) не совершенно утрачена ею. Какія именно задачи, имѣющія связь съ нашимъ вопросомъ, принадлежали погосту (приходу) въ XVII и XVIII вѣкахъ, то-есть, въ то время, которое составляетъ непосредственный предметъ нашего изслѣдованія? Для того, чтобы очертить какъ организацію, такъ и всѣ функція этой элементарной формы государства въ упомянутое позднѣйшее время, мы приведемъ выдержку изъ талантливаго очерка, составленнаго на основаніи несомнѣнныхъ, хотя и не-обнародованныхъ данныхъ.

„Всѣ лица причта (кромѣ священника) назывались вообще *церковниками*. Они раздѣлялись на участвующихъ въ богослуженіи церковномъ и на заботящихся о церковномъ имуществѣ. Въ числѣ первыхъ стоялъ *дьякъ* (дьячекъ) — *панъ бакаляръ, панъ директоръ*¹⁾, управлявшій клиросомъ и школою. На основаніи *древняго обычая* южно-русскихъ причтовъ — готовить для своей церкви прислугу, изъ среды которой выходили бы потомъ дьячки и самые священники, въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, когда уже существовали три спеціальныя заведенія для образованія и приготовленія молодыхъ людей къ духовнымъ должностямъ (академія Кіевская, семинаріи Черниговская и Переяславская), *при каждой приходской церкви* обучалось по нѣскольку мальчиковъ, исключительно изъ безпріютныхъ сиротъ, и потомъ навсегда давали имъ пріютъ при церкви, поручая имъ различныя случайныя должности при ней, питая и одѣвая ихъ изъ щедрыхъ подаяній прихожанъ. Эти *школяры* (ученики) обучались въ домѣ дьячка, называвшемся поэтому *школою*, подъ руководствомъ самого же дьячка, носившаго поэтому титулъ *бакаляра* и *директора*. Они заступали иногда мѣсто дьячка или помогали ему въ пѣніи, чтеніи и прислуживали при церковныхъ обрядахъ; кромѣ того, участвовали съ нимъ въ колядованіи, чтеніи виршъ и пѣніи духовныхъ

скіе и въ то же время, въ церковные дьячки см. въ Акт. юр., № 302. Миланіе г. Знаменскаго («Приходское духовенство. Каз., 1873»), что право выборовъ уже въ XVII вѣкѣ могло принятыся не часто, вслѣдствіе утвердившихся правъ наследованія церковными должностями, не имѣеть силы потому, что совмѣщеніе выборовъ и наследованія въ одномъ и томъ же актѣ есть общезвѣстная черта старыхъ государственныхъ учрежденій.

¹⁾ Названіе *дьякъ* означало причетническую должность, названіе *бакаляръ* — учительскую, названіе *директоръ* — должность начальника школы.

гимновъ въ великіе праздники. Старшимъ и болѣе практичнымъ, болѣе честнымъ изъ *школяровъ* священники и громада давали названіе *поддьячтъ*, то-есть, помощниковъ дьячка, другимъ—*псаломщиковъ*, *клиросниковъ* и т. п. Инымъ долго не счастливилось: они жилали до 30-лѣтняго и далѣе возраста въ званіи *школяровъ*, церковниковъ, переходили изъ одного прихода въ другой, преслѣдуя завѣтную мечту, и наконецъ возвращались въ первоначальную свою среду, крестьянскую или казацкую, и давали потомству своему фамиліи Паламарчуковъ, Дьяченковъ и т. п.

„Гдѣ церковь была собственностію громады, тамъ въ средѣ самой громады, съ незапамятныхъ временъ, самъ собою, безъ всякихъ внѣшнихъ опредѣленій, существовалъ особый кружокъ, составляемый изъ лучшихъ лицъ въ приходѣ, съ исключительною задачею — пособлять всѣмъ нуждамъ церкви и прихода. Кружокъ этотъ называлъ себя *братерствомъ*, а членовъ своихъ *братчиками*. *Братерския скриня* хранилась всегда въ церкви, а ключъ отъ нея находился у одного изъ братчиковъ по выбору, который назывался поэтому *ключникомъ*.

„Число лицъ, примыкавшихъ въ церковному причту, заканчивалось *старцами*. По уставу св. Владиміра, всѣ нищіе въ приходѣ, калѣки, слѣпые, вдовы и сироты были „люди церковные“, то-есть, церковь должна была содержать ихъ и завѣдывать ими. Отсюда на югѣ Россіи до конца XVIII вѣка при каждой почти церкви существуютъ *шпитали* (гошпитали), въ которыхъ живутъ *старці*¹⁾, получающіе все содержаніе отъ причта и громады. Большею частію этотъ кружокъ ежедневно на обѣдѣ, на ужинѣ расплывался по деревнѣ—одинъ къ одному хозяину, другой къ другому и т. д.; одинъ или два всегда питались и одѣвались священникомъ, одинъ ктиторомъ и проч. На поминальныхъ обѣдахъ, которые такъ часты до сихъ поръ въ Малороссіи, *старці* эти были, какъ и весь причтъ церковный, необходимыми гостями, и подобно какъ священнику, и имъ подавали на молитвы, на поминовеніе души, какъ людямъ, болѣе пожившимъ на свѣтѣ и, значить, болѣе заслужившимъ милости у Бога. Впрочемъ, всѣ они, наравнѣ съ прочимъ причтомъ, имѣли и свои занятія при церкви; они собственно сторожили церковь, подметали и убрали ее и исполняли всѣ черныя работы при богослуженіяхъ (носили воду, угли и т. п.), сторожили церковную пасѣку, были звонарями, *мѣхо-*

¹⁾ На нарѣчій малороссійскомъ *старецъ* означаетъ вообще нищаго, нищее дитя называется *старчею*.

ношами и т. п. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ они же отбывали службу громадѣ—сторожили въ *царинѣ* (въѣздъ въ село съ воротами), пасли *череду* (стадо). Въ городахъ число *старцівъ* бывало значительно: въ 1748 году при гошпиталяхъ шести старо-кіевскихъ церквей было ихъ 143, при тринадцати кіево-подольскихъ церквей — 116. Въ городѣ Кролевецѣ *старці* составляютъ особый *старечій цехъ*, управляемый *старостою старечимъ*; въ гошпиталѣ этого цеха хранится *кружка старечал*, считающая въ себѣ значительное количество денегъ, которыя расходуются не иначе, какъ по общему совѣту всѣхъ *старцівъ*, умножающихъ эту кружку промысломъ съ *торбою* и съ протянутою рукою¹⁾.

Очевидно, что функціи, принадлежащія общинѣ, слѣдующія: забота о религіозномъ просвѣщеніи (выборъ лицъ на церковныя должности), попеченіе о народномъ образованіи, завѣдываніе церковнымъ имуществомъ и заботы о призрѣніи лицъ, лишенныхъ возможности добывать пропитаніе собственнымъ трудомъ и поддержки семейной. Отстраняя отсюда религіозное просвѣщеніе, какъ не относящееся къ нашей задачѣ, мы получаемъ въ остальномъ смѣшанную сумму отправлений, еще не ясно различаемыхъ. Тѣсная связь общественнаго образованія съ призрѣніемъ, не есть связь случайная; какъ въ древнѣйшія времена, такъ и въ XVIII вѣкѣ, и даже теперь, она проявляется не только у насъ, но и въ другихъ государствахъ Европы, особенно въ Англіи. Явленіе это обусловливается какъ взглядомъ на призрѣніе, такъ и понятіемъ объ общественномъ образованіи, господствующимъ у новыхъ народовъ. Призрѣніе малолѣтнихъ есть дарованіе имъ отъ общества такого воспитанія, какое они при другихъ условіяхъ должны были бы получить въ семьѣ. Въ понятіе объ этомъ воспитаніи входитъ и элементарное образованіе. Такимъ образомъ, по взгляду народовъ новой Европы, элементарное образованіе есть дѣло семьи; между тѣмъ, какъ по взглядамъ народовъ классической древности, всѣ граждане должны были пользоваться имъ обязательно.

Приведенныя нами выше свѣдѣнія объ организаціи общины и функціяхъ ея относятся къ Малороссіи. Хотя, какъ мы видѣли выше, тотъ же самый характеръ общинъ несомнѣнно можно наблюдать во всѣхъ русскихъ областяхъ, по слѣдуетъ помнить, что экономическія

¹⁾ Очерки быта малороссійскаго сельскаго духовенства въ XVIII вѣкѣ—Кривжановскіио. Рукоп. сельск. наст. 1861, т. 3.

условія постановили большую разницу во внѣшней судьбѣ общинъ малороссійскихъ и великорусскихъ. Въ Малороссіи (и отчасти Вѣлороссіи) образовались крупныя поселенія, составлявшія одинъ цѣльный или даже нѣсколько приходовъ, но напротивъ въ Великороссіи поселенія мелкія разбросаны на большихъ пространствахъ, значительное число ихъ составляетъ одинъ приходъ. Это обстоятельство парализуетъ и теперь всѣ общія мѣры, направленные къ развитію народнаго образованія; это еще болѣе препятствовало всѣмъ отправлениямъ общинной жизни въ старое время. Отсюда возникаютъ между западною и восточною Русью различія относительно многихъ сторонъ народнаго образованія, къ большой невыгодѣ восточной Руси, какъ увидимъ ниже.

... *Элементарное образованіе.* Какъ община есть элементарная форма государства, такъ и образованіе, сообщаемое въ ней, есть элементарная форма образованія.

Но какъ въ исторіи государственныхъ формъ весьма не легко опредѣлить границы, отдѣляющія низшую форму отъ высшей, такъ и въ исторіи образованія трудно обозначить предѣлы образованія элементарнаго. Вопросъ становится особенно спорнымъ потому, что въ древнія времена, при отсутствіи регламентаціи, любая школа могла выходить изъ предѣловъ элементарнаго обученія и вновь возвращаться къ нимъ по временнымъ и случайнымъ причинамъ. Вліяніе, которое она оставляла на своихъ учениковъ, могло быть отнесено, и дѣйствительно иногда относится, къ элементарному образованію, но совершенно несправедливо.

Этимъ уясняется споръ, уже давно поднятый въ нашей литературѣ, объ объемѣ нашей старинной образованности. Одни весьма основательно полагаютъ, что въ основномъ своемъ характерѣ оно было элементарнымъ, ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и пѣніемъ¹⁾ (сюда слѣдуетъ присоединить и нумерацію). Г. Купріяновъ, напротивъ, полагалъ, что въ кругъ общаго обученія входили еще грамматика и

¹⁾ Г. Забѣлинъ приводитъ изъ пѣсни о Вас. Вуслаевѣ:

Грамота ему въ наукъ пошла
Посадила его (мать) перомъ писать
Письмо Василью въ наукъ пошло
Отдавала его пѣню учить
Пѣнь Василью въ наукъ пошло...

Споръ г. Забѣлина съ г. Купріяновымъ велся въ 1855 и 1861 гг.

арифметика. Свидѣтельства, не подлежащія сомнѣнію, указываютъ, что до XVII вѣка и въ югозападныхъ и въ сѣверовосточныхъ русскихъ училищахъ обученіе ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и пѣніемъ (кроме тѣхъ высшихъ городскихъ училищъ, которыя несомнѣнно существовали въ городахъ въ до-татарскую эпоху и которыя не относятся къ нашему изслѣдованію). Программа общаго обученія, которую даетъ Геннадій, слѣдующая: „А мой совѣтъ о томъ, что учить въ училищѣ: первое — азбука, граница истолкована совсѣмъ, да и подтительныя слова, да псалтыря съ изслѣдованіемъ накрѣпко; и коли то изучать, можетъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякія книги“. Совершенно такую же программу элементарнаго образованія излагаетъ Стоглавый соборъ (хотя и Геннадій, и Стоглавый соборъ хотѣли возвысить кругъ элементарнаго обученія, какъ увидимъ ниже); 6-й вопросъ, поставленный царемъ на Стоглавомъ: былъ слѣдующій: „ученики учатся грамотѣ небрежно, а божественное писаніе о всемъ томъ свидѣтельствуеть и намъ пастыремъ о томъ небреженіи о всемъ отвѣтъ дати“.

Соборъ принялъ слѣдующія мѣры: „И мы о томъ уложили, по царскому совѣту: въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ тѣмъ (?) протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ со всѣми священники и діаконы, коемуждо въ своемъ градѣ, по благословенію святители, избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ и діаконъ и діаконъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцахъ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ пользоваться, и грамотѣ чести и пѣти и писати гораздовы(хъ), и у тѣхъ священниковъ и у діаконъ и у діаконъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священники и діаконы и всѣ православные христіяне въ коемждо градѣ давали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, книжнаго письма и церковнаго пѣнія и чтенія псалмопѣаго; и тѣ бы священники и діаконы и діакы избранные учили своихъ учениковъ страху Божию и грамотѣ и писати и пѣти и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, но и паче (наипаче?) же всего учениковъ бы своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ и блюли бы ихъ отъ всякаго плотскаго растлѣнія, но и паче же отъ всякаго садомскаго грѣха и рукоблудія и ото всякіе нечистоты, чтобы имъ вашимъ береженіемъ и поученіемъ, пришедъ въ возрастъ, достойнымъ быти священническому чину; да учениковъ бы есте своихъ и во святыхъ божіихъ церквахъ наказывали и поучали страху Божию и всякому благочинію, псалмопѣнію и чтенію и конархатию, по церковному чину; и учили бы учениковъ грамотѣ довольно, коль сами

умѣте и силы бы имъ писанія сказывали, по данному вамъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе, чтобы ученицы ваши *съ кними* учили" ¹⁾.

Образование, ограничивающееся закономъ Божиимъ, чтеніемъ, письмомъ и пѣніемъ, конечно, способно сообщить лишь весьма низкій уровеньъ знаній. Но въ такомъ видѣ (съ присоединеніемъ сюда счисленія) выработалось оно у всѣхъ народовъ ²⁾.

¹⁾ Стоглавъ. Гл. 26.

²⁾ Вотъ факты, собранные Крамеромъ и другими: первоначальное обученіе у Китайцевъ состоитъ изъ чтенія и письма; ариметика даже и теперь не преподается въ китайскихъ школахъ. Общими предметами обученія у Египтянъ были: чтеніе, письмо и счисленіе. Обученіе у Персовъ состояло изъ чтенія, письма, вѣроученія и обрядовъ богопоклоненія. Такъ называемая музыкальная сторона образованія у Ассирійцевъ (то-есть, образованіе духа) слагалась изъ чтенія и письма, чтенія и заучиванія образцовыхъ повтовъ, изъ правилъ благопристойности и музыки въ нашемъ смыслѣ слова: счисленіе не считалось необходимымъ. Въ тривіальныхъ училищахъ римскихъ чтеніе, письмо и счисленіе (последнее болѣе, чѣмъ у Грековъ) составляли весь общій кругъ образованія. (См. *Cramer: Geschichte der Erziehung und des Unterrichts im Alterthume, passim. Голицыно: Объ историческомъ развитіи воспитанія у примѣчательнѣйшихъ народовъ древняго міра. (Журн. Мин. Народн. Просв. 1854).*

И въ языческія времена чтеніе и письмо едва ли составляли цѣль школы, безъ всякихъ указаній на опредѣленное примѣненіе ихъ къ другой высшей цѣли въ самой школѣ. Съ побѣдою христіанства хотя составъ элементарнаго образованія остается тотъ же, но въ эту форму влгается иной духъ. «Свойства и требованія христіанской вѣры не дозволяли принимать кого-либо въ ядра христіанской церкви, прежде нежели представлены будутъ ясныя доказательства твердаго вѣрованія, внутренняго убѣжденія и нравственныхъ началъ жизни. Въ первыя времена было три степени принятія. Всѣ тѣ, которые не прошли еще трехъ степеней, назывались оглашенными или учащимися. Чтобы вѣрише доставить имъ это образованіе, учреждены были школы во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находился священникъ или діаконъ. Школы для оглашенныхъ, иначе называемыя *нукодоскими*, потому что онѣ были заведены во всѣхъ приходахъ, измѣнили самыя основанія обученія. Въ нихъ къ религіозному обученію присоединены были чтеніе, письмо и первый курсъ — тривіумъ Капелловой энциклопедіи; отчего и самыя школы получили названіе тривіальныхъ, которое и теперь носитъ первоначальныя школы въ Австріи». (Исторія публичнаго обученія. (Журн. Мин. Народн. Просв. Ч. V, 1835. № 1 и 2).

Соборы предписывали, «чтобы всякій священникъ въ своемъ приходѣ, по свитому обычаю, распространившемуся по всей Италіи, собиралъ молодыхъ людей въ свой домъ и, какъ отецъ, духовно воспитывалъ ихъ въ псалмахъ, въ изъясненіи Св. Писанія и закона Господня... (Wohlfarth: Geschichte des gesammten Erziehung und Schulwesens. 1855. Т. II, стр. 142).

Такое образованіе могло, конечно, обходиться и безъ грамотности. Однако лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ для сохраненія его признана была грамот-

Однако отсюда вовсе не слѣдуетъ, что элементарное образованіе неподвижно въ своихъ границахъ. Такъ какъ между низшѣ и среднимъ образованіемъ не должно быть, и въ древности не было, непре-

постность. Карлъ V. въ 789 г. издалъ повелѣніе, въ которомъ онъ настоятельно напоминалъ священникамъ объ ихъ обязанности — въ каждомъ монастырѣ и аббатствѣ устраивать школы, въ которыхъ слѣдуетъ учить чтенію, письму, счисленію и пѣнію въ особенности псалмовъ. (Wohlfarth: Geschichte des gesammten Erziehungs und Schulwesens. 1855. B. II, стр. 223).

«Псалтырь въ IX в. (при Карлѣ V.) исключительно назначался и была въ повсемѣстномъ и общемъ употребленіи при обученіи чтенію», говоритъ г. Лавровскій. (О древне-русскихъ училищахъ, стр. 130). Нѣтъ сомнѣній, что общее участіе христіанъ въ богослуженіи, пѣніе псалмовъ и новыхъ христіанскихъ пѣсней были причиною повсемѣстнаго введенія и у насъ псалтыри и часослова учебными книгами. Не безъ причины псалтырь и часословъ были первыми книгами, обновившими типографскій славянскій станокъ (въ типографіи Фіюля, 1491 г., въ Краковѣ).

Когда въ средніе вѣка народныя школы упали и элементарное образованіе уступило мѣсто среднему и высшему, лишенному корней и безжизненному, элементарное образованіе удержалось лишь при прежнихъ формахъ, но уже лишенныхъ духа. Если Вольфартъ говоритъ, что въ это время (въ началѣ XIV в.) «обученіе въ народныхъ школахъ, гдѣ такіа уцѣлѣли, понижилось до чтенія, письма и пѣнія псалмовъ» (Wohlfarth. Т. II, стр. 329), — то это не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что кругъ элементарнаго образованія сохранился, а лишь въ томъ, что обученіе чтенію, письму и пѣнію сдѣлалось столько же безжизненнымъ, какъ у насъ въ XVIII в. и отчасти теперь, гдѣ старая вѣковая система приходскихъ школъ уцѣлѣла. Оно омертвѣло въ рукахъ неприготовленныхъ, забытыхъ и не поощряемыхъ учителей.

Оживленіемъ своимъ на Западѣ оно обязано реформаціи. Все вниманіе Лютера обращено было на элементарное обученіе и на народныя школы; но его мнѣнію не нужно устраивать такихъ школъ, какія устраивались до тѣхъ поръ, удерживавшихъ мальчиковъ надъ книгами до 20 или 30 л. Лютеръ первый стремился освободить элементарное обученіе отъ исключительно-религіозныхъ цѣлей. Согласно съ своею политическою системою религіи онъ говорилъ: если бы не было ни ада, ни рая, то образованіе все-таки было бы нужно для государствъ, которыя такого же божественнаго происхожденія, какъ и церковь. Само собою разумѣется, что ни онъ, ни его послѣдователи вовсе не думали въ хорѣ измѣнить элементарное обученіе, совершенно отторгнуть его отъ христіанскихъ началъ. Напротивъ: «духовные заповѣдали катехизическимъ обученіемъ, причѣмъ помощниками ихъ были кистеры, которыхъ спеціальною обязанностию было впадать въ память учениковъ катехизисъ, псалмы, изрѣченія изъ Библіи и церковныя пѣсни. Отсюда естественно возникла необходимость обучать дѣтей чтенію, чтобы они могли читать біблію, катехизисъ и пѣсни; съ обученіемъ чтенію соединилось обученіе письму; церковное богослуженіе требовало, чтобы дѣти учились пѣть... лишь позднѣе, и сначала только кое-гдѣ, присоединилась сюда мірская ариметика. (K. v. Baumer: Geschichte der Pädagogik. IV Th. Stuttg.

ходимой пронасти, то элементарное образование способно выдѣлить изъ себя множество переходныхъ оттѣнковъ къ среднему. Преимущественно же его разширеніе возможно въ той сферѣ знаній, кото-

1861. S. 349-350). Съ какою медленностію входили въ кругъ обученія и эти невысокіе предметы знаній, видно изъ того, что письмо, составившее до реформации *ars clericalis*, не скоро утратило это качество; уже въ XVI в. одинъ профессоръ Виттенбергскаго университета, ободря студентовъ къ занятію ариеметикой, проситъ ихъ не утруждаться затрудненіями; хотя умноженіе и дѣленіе представляютъ некоторыя трудности, но и они могутъ быть преодолены» (См. Окальскаго стр. 114, примѣч. 1).

Однако, въ ученіи Лютера о государственномъ значеніи элементарнаго образованія лежало начало для развитія и иныхъ взглядовъ на народное образованіе. Отсюда ведутъ свое начало въ Германіи два ученія объ этомъ предметѣ, двѣ школы педагоговъ, до сихъ поръ непримиримыя. Представителями первой можно считать Франке, Коменскаго, Геккера, Фелбигера и Рохона; второй—Базедова, Песталлоцци и др. Задачи первой выразилъ Роховъ слѣдующимъ образомъ: «главная цѣль моей школы... образованъ изъ дѣтей дѣйствительныхъ христіанъ (*Gottesvehrer*)». Эта цѣль, однакожъ, достигается не «мучительнымъ процессомъ чтенія, не писаніемъ безъ всякаго правописанія, не механическимъ счисленіемъ и изучиваніемъ извѣстныхъ непонятныхъ формулъ и неясныхъ изрѣченій изъ Библии и церковныхъ стиховъ».... Вторая цѣль его школы—воспитать крестьянскихъ мальчиковъ для крестьянскаго быта. По плану Коменскаго, образованіе въ народныхъ школахъ должно состоять изъ чтенія, письма, счисленія, пѣнія и началъ географіи и исторіи.

Цѣль второй школы—сообщить дѣтямъ возможно бѣльшую сумму знаній и именно изъ области естествознанія. Въ крайней степени эти цѣли указаны Дистервегомъ въ извѣстномъ положеніи: «*Jeder Schullehrer ein Naturkenner, jeder Landschullehrer ein Naturforscher*». (См. Раумера, т. IV, *Zur Geschichte des früheren und zur Charakteristik des gegenwärtigen Volksschulwesens*, стр. 349 и далѣе). Первая школа имѣетъ въ виду индивидуальную (преимущественно нравственную) пользу воспитываемыхъ; вторая, стремясь не упустить изъ виду и этой задачи, главнымъ образомъ имѣетъ въ виду практическую пользу воспитываемыхъ и государственную пользу народнаго образованія. Однако, государству были осторожны въ своихъ требованіяхъ отъ элементарнаго обученія: французскій законъ 15-го марта 1850 года предписалъ обучать дѣтей чтенію, письму, закону Божію, французской грамматицѣ и счисленію. Въ Англіи, гдѣ кругъ элементарнаго обученія установили практика, а не законодательство, общими предметами обученія являлись: законъ Божій, чтеніе и письмо и лишь для половины школъ и учениковъ—ариметика. Пруссскій регулятивъ 3-го октября 1854 года установилъ необходимыми предметами обученія: законъ Божій, отечественный языкъ, ариеметику и пѣніе, въ особенности церковное. Только въ послѣднее время государства начинаютъ расширять кругъ обязательнаго обученія въ народныхъ школахъ, именно въ ту сторону, которая считается необходимою для приготовленія жителей къ ихъ гражданскимъ обязанностямъ (до французскому закону 10-го апрѣля 1867 года, вѣзвено въ обязанность му-

рая главнымъ образомъ ведетъ къ существенной цѣли элементарнаго образованія — развитію логической силы мышленія, именно въ изученіи отечественнаго языка и математики. Въ этой именно области совершалось развитіе элементарнаго образованія въ Россіи XVII вѣка.

Въ силу этихъ причинъ, вопросъ: что понималось подъ элементарнымъ образованіемъ въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, становится нелегкимъ для рѣшенія.

Вопросъ этотъ можетъ быть отчасти рѣшенъ на основаніи понятія „элементарный“ (азбуквниковъ, букварей). Подъ этимъ именемъ разумѣтся не одна азбука, то-есть, обученіе чтенію и даже

ченіе французской исторіи и географіи; по прусскому циркуляру 19-го ноября 1859 года — отечественной исторіи и естествознанію).

Лишь на русской ученой почвѣ въ недавнее время заявляются неожиданныя требованія включать въ элементарное обученіе, кромѣ чтенія, письма, ариметики и закона Божія, и знаніе средствъ, при помощи которыхъ человѣкъ можетъ обеспечить сносъ физическое существованіе, то-есть, изученіе известнаго ремесла, промышленности, требуемой экономическими условіями известной мѣстности... Въ высшихъ классахъ народнаго училища... могутъ преподаваться и теоретическія свѣдѣнія изъ политической экономіи... Вспомогательными науками въ этомъ отношеніи нужно считать математику, геометрію (?) и рисованіе. Для умственнаго развитія является необходимымъ преимущественно изученіе роднаго языка, изученіе не ограниченное къ началамъ (?) грамматики, но основательное его усвоеніе... Къ предметамъ, извѣющимъ въ виду умственного развитія, принадлежатъ преимущественно естественныя науки... въ особенності для простаго народа. Музыка и нѣмѣ (о рисованіи уже упомянуто), развивая чувства человѣка, будутъ пополнять его эстетическое образованіе... Что же долженъ изучить человѣкъ для пріобрѣтенія гражданскаго образованія? Не подлежитъ сомнѣнію, что для того нужно изученіе географіи, исторіи и отечественныхъ законовъ... Пріобрѣтеніе такого знанія (юридическаго) не представляетъ значительныхъ затрудненій... (См. Окольскій: „Объ отношеніи госуд. къ нар. обр.“ Спб. 1872, стр. 446—456).

Всѣ эти требованія заявляются весьма серьезно писателемъ-юристомъ, который притомъ стоитъ за обязательность элементарнаго обученія въ Россіи.

Что каждый гражданинъ долженъ получать равное со всѣми высшее образованіе—это не есть фальшивая утопія, а жизненный идеалъ государствъ, которыя должны имѣть его постоянно предъ своими глазами и употреблять всѣ разумныя мѣры, приближающія къ нему. Общая мѣра, ведущая къ этой цѣли—это открытіе легкаго доступа всѣмъ къ среднему и высшему образованію, а не распространеніе элементарнаго образованія до границъ высшаго. Если же рѣчь идетъ не объ идеалахъ будущаго, а о такихъ государственныхъ мѣрахъ, которыя наука можетъ рекомендовать государствамъ, при нынѣшнихъ ихъ формахъ и экономическомъ строѣ, рекомендовать къ немедленному исполненію, то такими неизмѣнными требованіями наука въ глазахъ правительственной практики подрываетъ лишь свой кредитъ.

письму, но цѣлая энциклопедія элементарнаго образованія (дидактика) и нравственныхъ, дисциплинарныхъ наставленій (педагогика).

„Въ концѣ XVII вѣка составленіе букварей обратилось почти въ манію. Одинъ іеродіаконъ Истоминъ сочинилъ до 4-хъ букварей“. (*Семья и Школа*. 1872. № 4-й, стр. 728).

Всѣ эти азбуковники и буквари до безконечности разнообразны: начиная съ простаго алфавита буквъ и изложенія слоговъ и кончая энциклопедією 7 свободныхъ наукъ,—буквари представляютъ непрерывную цѣпь постепенно расширяющихся системъ элементарнаго образованія. Эта разнообразная система руководствъ можетъ представить довольно убѣдительныя свидѣтельства какъ для тѣхъ, кто ограничиваетъ кругъ древняго ученія однимъ голымъ чтеніемъ, такъ и для тѣхъ, кто растягиваетъ предѣлы его до границъ философскаго знанія: стѣбитъ только избрать для своего наблюденія тотъ или другой предѣлъ элементарныхъ знаній, тотъ или другой кругъ азбуковниковъ.

Между тѣмъ, это есть необходимое послѣдствіе системы, естественно развивающейся, при чемъ становится весьма затруднительнымъ указать границы именно элементарнаго образованія.

Печатные буквари какъ XVII вѣка (до-петровскіе), такъ и времени Петра указаны у Пекарскаго ¹⁾; но несравненно большее количество обращалось письменныхъ букварей (да и печатные распространялись главнымъ образомъ чрезъ переписку); можно съ увѣренностью сказать, что почти каждый школьный учитель составлялъ самъ или по крайней мѣрѣ сокращалъ печатные буквари. Этимъ объясняется множество азбукъ въ каждой мѣстности Россіи — особенныхъ, сохранившихся до нынѣ.

Въ содержаніе печатныхъ букварей, кромѣ уроковъ грамотности, входили: а) статьи по ученію вѣры (молитвы, символъ вѣры, изложеніе о православной вѣрѣ, при чемъ специально обращалось вни-

¹⁾ 1) «Наука къ чтанію и разумнѣю писма словенскаго, тутыжъ и о св. Троици и о въчеловѣченіи Господни», Вильна, 1596 г., въ друкарнѣ правосл. братства виленскаго. 2) «Грамматика, албо сложеніе писмени хотящымъ ся учити словенскаго языка младолѣтнимъ отрочатемъ». 1621. Вильна. 3) Первый московскій букварь Бурцева, 1634. (2-е изд. 1637). 4) Виленскій букварь 1652. 5) 2-е изданіе (первое неизвѣстно) московскаго букваря—1664 г. 6) Кіевскій букварь 1664. 7) Букварь Львовскаго братства 1671. 8) Московск. буяв. 1679. 9) Букварь Каріона Истомина 1696. 10) Букварь Фед. Поликарпова — 1701. («словенскими, греческими, римскими письмены»). 11) Москов. «букварь языка словенска»... 1704—1706 г. 12) «Юности честное зерцало» 1717. Петербургъ (послѣдній относится уже къ новой системѣ элементарнаго образованія).

маніе на тѣ пункты вѣроученія, которые подвергались спору въ той или другой мѣстности: о св. Троицѣ — въ западныхъ, о перстосложеніи — въ восточныхъ букваряхъ, творенія св. отцовъ въ отрывкахъ и житія святыхъ); б) краткіе словари; в) статьи педагогическаго содержанія; г) образцовые письменники.

Изъ этого можно вывести приблизительно болѣе вѣрное опредѣленіе круга элементарнаго обученія, въ его нормальныхъ, общепризнанныхъ границахъ, тѣмъ изъ обзора содержанія письменныхъ азбуковниковъ, потому что составитель печатнаго руководства во всякомъ случаѣ разчитывалъ на возможно болѣе сбитъ своей книги, и слѣдовательно, приспособлялъ ее къ установившимся и уже извѣстнымъ требованіямъ большинства, между тѣмъ какъ составитель письменнаго руководства могъ разчитывать иногда только на свою собственную школу. Далѣе, при отсутствіи всякой регламентаціи элементарнаго обученія и его круга, естественно предположить, что печатныя руководства не только примѣнялись къ господствующимъ понятіямъ о границахъ ученія, но сами служили указателями этихъ границъ для учителей менѣе образованныхъ, менѣе самостоятельныхъ, дѣйствовавшихъ въ глухихъ маленькихъ общинахъ.

Однако и рукописные буквари никакъ не могутъ быть устранены изъ виду, при опредѣленіи сферы обученія въ элементарныхъ школахъ.

Изъ письменныхъ обращаетъ на себя особенное вниманіе, вѣроятно предназначенный для печати, букварь, приписываемый Лихудамъ: „Преднаказанье дѣтей“¹⁾ (рукоп. С.-Петербур. Дух. Акад.), описанный г. Извъковымъ. Въ пемъ ученіе грамотности предупреджастся педагогическими наставленіями родителямъ о преимуществахъ образованія предъ невѣжествомъ. „Алфавитарь“ свой составитель считаетъ „дверью, или введениемъ къ пожеланію писаній вѣдѣнія“, такъ что дѣти, начавши учиться грамотѣ, по крайней мѣрѣ сколько нибудь научатся правописанію и граматикѣ; а уже послѣ желающіе могутъ удобно перейти къ полному граматическому знанію и наконецъ къ познанію разума Св. Писанія.

Самые уроки грамотности убѣждаютъ г. Извъкова, „что звуковой приѣмъ былъ извѣстенъ въ зачаткѣ и рекомендованъ на Руси еще въ исходѣ XVII вѣка!“ „Подобаетъ кождо писма глаголати, яко оно гласъ свой творить, и якоже гласъ его есть, сице и звати тоо по

¹⁾ *Семья и Школа* 1872. № 4, кн. 2, стр. 739.

гласу его... ъ глаголати достонть яко іе, а не ять"... Звуковой методъ примѣняется, впрочемъ, къ однимъ гласнымъ. Въ ученіи о слогахъ сообщаются свѣдѣнія о частяхъ рѣчи („яже суть сія: имя, мѣстоименіе, глаголъ, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ, междометіе“), о надежахъ (именит., родительн., дательн., винит., звательн., творит., сказательный), о числахъ (единств., двойств. и множ.), родахъ (муж., женск., средн., общій и предобіцій), временахъ глаголовъ (настоящее, преходящее, прошедшее, мимошедшее, неопредѣленное, будущее). „Суть же и на послѣдующая инымъ частемъ требовательна, но ради *малымъ дѣтемъ* не удобства оставлена, яко: залози, начертанія, виды, наклоненія, супружества; о сихъ въ граматичѣхъ хотяй да чтеть“.

Отсюда ясно заключаемъ, что букварь предназначенъ былъ для самыхъ элементарныхъ школъ, для малыхъ дѣтей.

Затѣмъ сообщаются правила орфографіи.

„Новоначальниіи ученики, по свидѣтельству азбуковниковъ XVII вѣка, послѣ азбуки проходили грамматику, глаголемую аданатосъ“¹⁾. Эту трудную науку „преднаказаніе“ облегчаетъ съ тѣмъ, чтобы ученикъ „самохотно и безтрудно въ малое время“ усвоилъ себѣ ея основныя начала. Хрестоматическая часть азбуковника состоитъ изъ „Отче нашъ, символа вѣры, Богородице — Дѣво“... Въ заключеніе изложены правила школьной дисциплины, гдѣ заключается и обычная похвала розгѣ.

Границы элементарныхъ знаній, указанныя букваремъ Лихудовъ, не составляютъ изобрѣтенія этихъ авторовъ. Множество другихъ письменныхъ азбуковниковъ, по своду г. Мордовцева, указываютъ на такія же точно границы, утвердившіяся въ XVII вѣкѣ. Въ самой азбуцѣ подъ объясненіемъ разныхъ буквъ сообщались свѣдѣнія изъ грамматики, весьма удовлетворительныя, а именно: а) фонетика съ раздѣленіемъ звуковъ на звательныя, полузвательныя, возразительныя и кончательныя (оба послѣдніе рода суть наши полугласныя *ъ* и *ь*); б) исторія письменнаго изображенія буквъ въ Римѣ, Греціи, у Славянъ (Кирилъ, Константинъ) и у Пермиковъ (Стефанъ Пермскій); в) правописаніе и удареніе,—послѣднее требовало особеннаго вниманія и усилія со стороны учителей и учениковъ, при многочисленности надстрочныхъ и строчныхъ знаковъ въ старомъ правописаніи²⁾. Пе-

¹⁾ Семья и Школа стр. 745. См. также у Лавровскаго.

²⁾ Овція, исо, варія, ламора, краткая, звательна, титла, словотитла, апострофъ, лавыка, ерникъ, запятая, двоеточіе, точка вопросительная, удивительная, амѣстительная.

реносный знакъ — „недотяга“ или „недоступка“, по выраженію старшихъ азбуковниковъ, „прежде Славяне отнюдь не полагаху въ строкахъ; нынѣ же благодатию Христовою радостно приемятъ и исправляють, навѣки зрѣніемъ въ иноязычныхъ сярѣчь во Елиинно греческихъ и латинскихъ наче же Кіевскихъ книгахъ“. д) Этимологическій разборъ, при чемъ объяснялись „паденія“ (падежи): „именательное, родственное, дательное, виновное, звательное и отрицательное; роды именъ (между прочими посредній, то-есть, средній), „применія“ (мѣстоименія), „супружества“ (сиряженія) глаголовъ. Всѣ эти свѣдѣнія разсѣяны въ азбуковникахъ подѣ разными буквами и не составляютъ систематической грамматики.

Какъ на отдѣльную систематическую науку, на грамматику въ самихъ азбуковникахъ иногда дѣлаются ссылки. Но могла ли она преподаваться во всѣхъ приходскихъ школахъ — это остается вопросомъ, который для многихъ школъ, особенно сельскихъ, придется, конечно, рѣшить отрицательно.

За то азбуковники въ концѣ представляютъ указаніе на всѣ семь свободныхъ наукъ (*trivium* и *quadrivium*) и въ томъ числѣ на грамматику. Значеніе этихъ указаній г. Мордовцевъ удовлетворительно опредѣляетъ тѣмъ, что онѣ уяснили школьникамъ путь ихъ будущаго самообразованія, возбуждая въ молодыхъ умахъ, фразами высокопарными и иногда таинственными, высокое уваженіе къ этимъ наукамъ.

Однако, азбуковники представляютъ и краткій обзоръ нѣкоторыхъ изъ семи свободныхъ искусствъ; такъ, подѣ именемъ геометріи сообщались достаточныя свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической, хотя сами азбуковники ссылаются на космографію, гдѣ ученику обѣщается болѣе подробное изложеніе знаній этого рода ¹⁾.

¹⁾ «Геометрія» тѣхъ азбуковниковъ, которые пересматривалъ г. Мордовцевъ, сказавъ, что человекъ есть «животное геометрическое», опредѣляетъ *кругъ земли* въ 20.001 «италіянскую» милю. Частей свѣта указывается три: Асія, Европа, Африка; Америка же полагается во Асіи же и во Европѣ. Въ Азіи полагается «святѣосіятельное государство Россійскаго царства» (которое только «краемъ» своимъ находится въ Европѣтѣй части), татарское царство, государство Кизылбаское, остальною частію владѣетъ Шпанскій король (разумеется ли тутъ колоніи въ южной Азіи?). Африка описана въ политическомъ отношеніи почти правильно, равно какъ и Европа. Само собою разумѣется, что очерки географіи излагались болѣе или менѣе правильно, смотря по лицу преподавателя. Источники же болѣе точныхъ свѣдѣній, какъ мы знаемъ, существовали. Образецъ самостоятельной русской работы въ этомъ отношеніи представляеть книга: «Большему чертежу».

Хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ 7 наукъ не преподавались тогда въ первоначальныхъ, какъ самостоятельныя, школахъ, но надо предполагать (судя по очеркамъ ихъ въ азбуковникахъ), что въ городахъ, особенно въ Москвѣ, были школы, кромѣ славяно-греко-латинской академіи, гдѣ сообщалась далеко не одна грамотность. Этимъ рѣшается споръ, поднятый г. Филоновымъ съ г. Мордовцевымъ о томъ, преподавалась ли риторика и др. науки въ допетровскихъ школахъ. Г. Филоновъ указываетъ, что множество учебниковъ риторики, сохранившихся до насъ отъ XVIII вѣка, конечно, назначались не для славяно-греко-латинской академіи; но г. Мордовцевъ говоритъ въ своей статьѣ о тѣхъ, дѣйствительно первоначальныхъ, школахъ, для которыхъ назначались разбираемые имъ азбуковники. Въ этихъ послѣднихъ школахъ, конечно, нельзя предполагать преподаванія всѣхъ семи свободныхъ искусствъ. Одно только изъ нихъ — именно ариметика, несомнѣнно, вошла въ кругъ элементарнаго обученія.

Всѣ азбуки XVII вѣка, донныя обнаруженныя, несомнѣнно содержатъ болѣе или менѣе обширное изложеніе ариметики ¹⁾. Обыкновенно въ этихъ старинныхъ ариметикахъ арифметическія дѣйствія выводились изъ умственныхъ задачъ, безъ предварительныхъ общихъ и трудныхъ для ученика опредѣленій.

Часословы и псалтыри открывали собою ту область знаній, въ которой такъ сильна была допетровская Русь. „Простымъ мужикамъ“ — раскольникамъ Аввакуму съ братією, конечно, трудно указать въ обширныхъ, хотя и не всегда осмысленныхъ знаніяхъ священнаго писанія, священной и церковной исторіи. Но и ихъ противники, кромѣ самыхъ высшихъ сановниковъ церкви, не могли нигдѣ получить образованія, кромѣ тѣхъ же общинныхъ школъ. Не забудемъ, что и самъ Никонъ былъ крестьянинъ, избранный прихожанами — крестьянами же, — въ сельскіе священники. Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ недостатки школьнаго образованія восполнялись исполненіемъ усиліями самообразованія. Но кому не извѣстно, что стремленіе къ самообразованію возможно только тогда, когда развится вкусъ къ знанію, когда по крайней мѣрѣ школа не возбуж-

¹⁾ См. напримѣръ, «Старинная Азбука» во Влад. Губ. Вѣдом. 1862 г. № 30. Азбука раздѣляется на 6 отдѣловъ: въ 1-мъ собственно азбука съ приличными на каждую букву сентенціями; во 2-мъ склады; въ 3-мъ наставленія, какъ адресовать письма къ различнымъ лицамъ, въ 4-мъ вопросы и отвѣты о некоторыхъ священнѣхъ предметахъ; въ 5-мъ переводъ некоторыхъ словъ нѣмецкаго наречія; въ 6-мъ арифметическое ученіе».

дала отвращенія къ знанію, что къ сожалѣнію такъ нерѣдко бывало въ XVIII вѣкѣ?

Конечно, не остается никакого сомнѣнія, что основная часть первоначальнаго обученія заключалась и въ XVII вѣкѣ въ азбуку, часословникъ, псалтырь, письмо и пѣніи, а подъ конецъ и въ счисленіи. Это мы могли бы изучать на живыхъ примѣрахъ недавней дѣйствительности во всѣхъ углахъ Россіи. Но вопросъ состоитъ въ томъ, признавались ли эти предметы обученія конечными цѣлями его, или только средствами для приобрѣтенія знаній и нравственнаго развитія?

Только въ послѣднемъ случаѣ элементарное образованіе заслуживаетъ имени образованія. И дѣйствительно, только невѣжественные преподаватели могли ограничиваться голою азбукою, а потомъ неосмысленнымъ чтеніемъ псалтыря и часослова (какъ это сдѣлалось обычнымъ послѣ, когда лучшія педагогическія силы уже отвлечены были къ среднимъ училищамъ). Азбуковники показываютъ, что учитель XVII вѣка, подъ скрытною формою азбуки, преподавалъ массу разнообразныхъ, но самыхъ необходимыхъ свѣдѣній. Сверхъ того, педагогическая часть азбуковниковъ — нравственныя наставленія и религіозное образованіе, для котораго часословъ и псалтырь первоначально служили средствомъ, а не цѣлю, — даютъ истинное содержаніе элементарному образованію.

Мы принуждены здѣсь остановиться нѣсколько на уясненіи значенія элементарнаго образованія. Чтеніе, письмо и даже счисленіе суть не что иное, какъ орудія образованія, совершенно необходимыя, но сами по себѣ вполнѣ безсодержательныя. Если человѣкъ въ послѣдствіи не воспользуется ими для цѣлей образованія, онъ или теряется совсѣмъ, забываются, а если и сохраняются, то не обнаруживаютъ ни малѣйшаго вліянія на историческій ходъ развитія общества. Если элементарное образованіе ограничивается ими, то совершенно вѣрно мнѣніе Штейна (а Штейнъ именно только въ нихъ полагаетъ элементарное образованіе), что „оно состоитъ изъ такихъ знаній, которыя сами по себѣ (an und für sich) не имѣютъ ни содержанія, ни достоинства (ohne Inhalt und Werth)“. Поэтому государство и требуетъ ихъ отъ низшихъ классовъ не для образованія этихъ послѣднихъ, а для открытія имъ доступа къ образованію. Элементарное образованіе есть скорѣе мѣра, клонящаяся къ социальному уравненію классовъ, чѣмъ къ распространенію образованности. На этомъ основаніи, какъ увидимъ ниже, Штейнъ утверждаетъ право государства дѣлать элементарное образованіе принудительнымъ. Мысль Штейна

стоитъ у него въ стройной связи съ другимъ его положеніемъ: всякое общественное образованіе должно быть отдѣлено отъ воспитанія; это послѣднее возлагается на семью. По его убѣжденію, только этимъ отдѣленіемъ образованія и воспитанія и характеризуется общественное образованіе.

Опытъ исторической жизни всѣхъ народовъ учитъ, что оба эти положенія знаменитаго ученаго, вытекающія изъ наилучшихъ цѣлей, не вѣрны. Государственными науки, говоря о правѣ образованія, не должны вторгаться въ область педагогикъ съ своими положеніями, совершенно противорѣчащими аксіомамъ этой послѣдней науки; а одна изъ аксіомъ ея заключается въ томъ, что образованіе едино, что оно различается лишь по степенямъ на элементарное, среднее и высшее; что, слѣдовательно, и элементарное образованіе не есть только *условіе* для пріобрѣтенія образованія, а низшая степень самаго образованія ¹⁾. Хотя дѣйствительно всѣ, какъ не христіанскіе, такъ и христіанскіе народы ограничивали элементарное образованіе чтеніемъ, письмомъ, счисленіемъ и пѣніемъ, но никогда эти знанія не разсматривались, какъ цѣль. Предполагалось при этомъ (какъ дѣйствительно и бываетъ обыкновенно, хотя и не всегда), что съ самаго начала процесса чтенія уже начинаются два важнѣйшихъ процесса человѣческаго преусиженія: упражненіе логической силы мысли (и чрезъ то возбужденіе новыхъ понятій, а слѣдовательно, и знаній) и упражненіе воли, то-есть, не только простое регудированіе ея (пріученіе къ труду), но и направленіе ея къ определенной цѣли, къ извѣстному нравственному идеалу. Выборъ книги для чтенія, сентенцій для письма, конечно, никогда не представлялся безразлич-

¹⁾ «Народная школа составляетъ низшую ступень той же лѣстницы, должна отличаться (отъ гимназій) не характеромъ, а только объемомъ сообщаемого знанія и другихъ воспитательныхъ средствъ — таковъ принципъ Дистервега (см. у Модзалевскаго: Очеркъ ист. воспит. и обученія. Спб. 1866, стр. 725). Назначеніе народной школы отличается отъ назначенія другихъ высшихъ школъ не качественно, а только количественно, и ученики ея, какъ люди вообще, должны быть развиваемы, облагоустроиваемы и, по возможности, вводимы въ общую культурную жизнь остальнаго человечества». Таково начало Бензе (см. ib. стр. 830). «Народная школа, предназначенная для земледѣльцевъ, рабочихъ и т. п., должна на столько развить душевныя способности ученика и сообщить ему на столько знаній и умѣній, на сколько ему необходимо, чтобъ быть человѣкомъ.... *Bürgerschule* отличается отъ народной не духомъ и направленіемъ, а большимъ количествомъ сообщаемыхъ знаній». Такъ думаетъ Карлъ Шмидтъ. (См. ib. стр. 853—854).

ною случайностью, и нѣкоторыя книги, какъ, напримѣръ, Гомеръ у Грековъ и псалтырь у христіанскихъ народовъ, продержались учебными книгами во все время исключительно эллинскаго и исключительно религіозно - христіанскаго образованія, въ силу обычая, безъ всякихъ предписаній власти. Очевидно, что та или другая книга совершенно соотвѣтствовала въ ту или другую эпоху идеаламъ ея относительно нравственнаго, религіознаго или эстетическаго образованія.

Далѣе, ни одинъ народъ, даже до новѣйшихъ временъ, не выразилъ ни въ чемъ, что общественное образованіе должно быть совершенно отдѣлено отъ воспитанія. Напротивъ, гораздо чаще случалось, что воспитательный элементъ въ общественномъ образованіи неумѣренно преобладалъ въ ущербъ этому послѣднему; такъ было въ нѣкоторыхъ классическихъ государствахъ, такъ было въ средневѣковой Европѣ въ монастырскихъ школахъ и послѣдующихъ Bürger-schule. Устраняя крайности воспитательнаго направленія общественныхъ школъ, мы получаемъ чистый выводъ, что, по смыслу культурныхъ народовъ, выраженному въ ихъ исторіи, общественное образованіе вообще, а элементарное въ особенности, никогда не можетъ быть отдѣлено отъ воспитанія.

Обращаясь къ исторіи образованія нашего народа въ описываемую эпоху, находимъ, что, судя по школьнымъ уставамъ XVII вѣка, воспитаніе съ элементарнымъ образованіемъ (какъ и семья со школою) не прерывали тѣсной связи. Взаимныя ихъ отношенія какъ они были тогда установлены, представляются намъ довольно нормальными (за исключеніемъ тѣхъ педагогическихъ мѣръ, которыя соотвѣтствовал духу эпохи) ¹⁾.

а) Общія воспитательныя требованія школы заключаются въ слѣдующемъ: видѣ училища ученикъ обязанъ „не ходить въ неприличныя собранія, или пирушки, не имѣть обращенія и товарищества съ тѣми, которые тому преданы; ибо человекъ, какъ съ преподобнымъ преподобенъ бываетъ, такъ со строптивымъ развращается“ ²⁾; быть учтивымъ при встрѣчѣ съ людьми достойными, какъ духовнаго, такъ и

¹⁾ Для приходскихъ школъ югозападной Руси мы пользуемся уставами низшихъ братскихъ школъ, которыя, какъ показано будетъ въ своемъ мѣстѣ, стоятъ въ самой тѣсной связи съ приходскими. Что же касается воспитанія, то черты, находимыя въ братскихъ школахъ, должны быть въ высшей мѣрѣ приписаны приходскимъ.

²⁾ 1-й Уст. Нам. Кіев. Ком. I, отд. I, стр. 89—90 (2) *ibid.*

свѣтскаго сословія, открывая предъ ними голову и отдавая поклонъ. Равно и къ мѣстамъ, посвященнымъ Богу, какъ-то: монастырямъ, кладбищамъ, *училищамъ*, преимущественно предъ другими мѣстами должны имѣть почтеніе. „А сіе они сдѣлають, какъ, находясь въ тѣхъ мѣстахъ, стануть воздерживаться отъ лишнихъ поступковъ, непристойныхъ словъ и нескромныхъ шутокъ“ ¹⁾.

Внутри школы воспитательное значеніе ея поддерживается, прежде всего, требованіями отъ учителей такихъ отношеній къ ученикамъ, которыя напоминали бы отношенія родителей къ дѣтямъ. Требовалось, „чтобы учитель, по своей небрежности, зависти и лукавству, не остался виновенъ ни за одного ученика передъ Богомъ Вседержителемъ, а также передъ родственниками ученика и передъ нимъ самимъ, еслибъ отнялъ у него время и занялъ его чѣмъ инымъ. Ибо сказано: „лукавый рабе и лѣнивый, подобашети вдати сребро мое торжникамъ и пришедъ азъ взялъ быхъ свое съ дихвою“ ²⁾. „Учитель долженъ и учить, и любить дѣтей всѣхъ одинаково, какъ сыновей богатыхъ, такъ и сиротъ, убогихъ и тѣхъ, которые ходятъ по улицамъ, проси пропитанія, учить — сколько кто по силамъ научиться можетъ; только не старательнѣе объ однихъ, нежели о другихъ... и Богъ хочетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины прийти“ ³⁾.

При надлежащихъ отношеніяхъ учителя къ ученикамъ, школьный порядокъ возникаетъ самъ собою. Ученикъ долженъ каждый день приходиться къ школу ⁴⁾, потому что если онъ перестаетъ ходить, то увольняется изъ школы, какъ тратящій напрасно время. Ученики должны приходиться во-время и вести себя тихо, потому что „должны слушать, уразумѣвать и замѣчать все, что будетъ читано, сказываемо и диктуемо учителемъ, стараясь всѣми силами, чтобы все слышанное мочь выразить подобно учителю“ ⁵⁾. Ученики должны сидѣть на мѣстахъ, назначенныхъ учителемъ, по усилію каждаго. „Кто будетъ больше знать, долженъ сидѣть выше, хотя бы и весьма былъ бѣденъ“. „Богатые передъ убогими въ школѣ ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою; а по внѣшности равны всѣ, ибо всѣ мы братья о Христвѣ; всѣ мы члены одной главы Христа и ни одинъ

¹⁾ 2-й Уставъ ib стр. 99—100. (4) ib стр. 101.

²⁾ 2-й Уст. ib., стр. 99—100.

³⁾ Ib., стр. 101.

⁴⁾ 2-й Уставъ ib., стр. 110 и 1-й уст. ib., стр. 86.

⁵⁾ 1-й Уст., стр. 87.

членъ, напримѣръ, глазъ рукѣ и рука ногѣ не можетъ сказать: „ты мнѣ не нужна“¹⁾).

Къ надзору за соблюденіемъ педагогическихъ правилъ привлечены сами ученики. Эта мѣра, какъ извѣстно, обоюду острая; ею можно, при извѣстныхъ условіяхъ, сдѣлать столько же вреда, сколько, при другихъ, пользы. Вредъ достигается, если наблюденіе производится тайно, или если оно возлагается постоянно, на одно привилегированное лицо. Въ уставѣ Луцкой школы надзоръ устроенъ иначе: лица для наблюденія избираются каждую недѣлю новыя по два, или по 4 мальчика, „отъ чего ни одинъ не можетъ отказываться, когда до него дойдетъ очередь“; они вовсе не привилегированныя лица; на ихъ обязанность возлагается: „пораньше приходить въ школу, подмести ее, затонить въ печкѣ и сидѣть у дверей“. Это временные хозяева школы, съ-измала приучающіеся къ домоводству и чистоплотности; они, какъ хозяева, должны „знать обо всѣхъ, кто выходитъ. Они должны записывать и доносить о тѣхъ, которые бы не учились, шалили, или въ церкви безчипно стояли, или домой идучи вели себя непристойно“²⁾).

Конечно, ни духъ времени, ни цѣль школы, не позволяла обойтись безъ наказаній. По мнѣнію устава (приводящаго слова Писанія), „аще безъ наказанія есте, убо прелюбодѣйчища есте, а не сынове“. Мы не знаемъ характера и мѣры наказаній; уставъ говоритъ однако, что учитель долженъ „за непослушаніе наказывать не тирански, а наставнически; не сверхъ мѣры, а по силамъ, не съ буйствомъ, а кротко и тихо, не только мірски, но и выше мірскаго“³⁾, то-есть, не по формальному соответствію проступка съ наказаніемъ, а по нравственной мѣрѣ.

Особенныя воспитательныя мѣры заключались въ обращенія преподаванія въ орудіе воспитанія. Какъ книги для чтенія, такъ и отрывки для письма избирались съ цѣлями нравственнаго наставленія; выборъ для письма, опредѣляется, слѣдовательно, началомъ св. Писанія: „Елика бо предписана быша, въ наше наказаніе предписашася“⁴⁾. Наконецъ, нравственныя наставленія составляли особый, спеціальный предметъ въ кругѣ школьныхъ занятій: „Послѣ обѣда, въ субботу, учитель обязанъ не мало время и гораздо больше, чѣмъ

¹⁾ 2-й Уставъ, стр. 100—101.

²⁾ 2-й Уст. ib. 109.

³⁾ Ib., стр. 99.

⁴⁾ Ib., стр. 106.

въ прочіе дни, бесѣдовать съ дѣтьми, поучая ихъ страху Божию и чистымъ юношескимъ нравамъ: какъ они должны быть въ церкви передъ Богомъ, въ домѣ передъ родными своими и какъ имъ вездѣ сохранять добродѣтель и цѣломудріе, то-есть, передъ Богомъ и святыми Его, почитаніе и страхъ передъ всѣми вообще, покорность и уваженіе, а сами въ себѣ чистоту и добродѣтель. И сіи наставленія, должны быть заново внушаемы дѣтямъ; для чего не будетъ имъ мѣшать и памятнаго по школьной чашѣ испивать. Ибо писано: любяй сына, прилежитѣе наказуесть“¹⁾.

Изъ этого учрежденія, не имѣвшаго въ своемъ началѣ ничего нерациональнаго, внослѣдствіи, въ великорусскихъ духовныхъ школахъ, выработали возмутительные субботники, то-есть, весьма не педагогическую мѣру наказывать или за проступокъ, давно уже совершенный, о которомъ самъ шалунъ забылъ, или даже наказывать впередъ—въ запасъ.

Утро воскресенья посвящалось также религіозно-нравственнымъ наставленіямъ. Предъ литургіею въ воскресенье и праздничные дни учитель обязанъ со всѣми бесѣдовать и наставлять ихъ въ томъ праздникѣ или святомъ днѣ и учить ихъ волѣ Божіей. А послѣ обѣда долженъ всѣмъ изъяснить праздничное Евангеліе и Апостолъ“²⁾.

Эти-то наставленія, записываемыя потомъ самимъ учителемъ или учениками, служили вмѣстѣ съ тѣмъ значительнымъ дополненіемъ образованія; они составили даже особую литературу, съ которою мы встрѣтимся въ правилахъ великорусскихъ приходскихъ школъ. Руководясь тѣми же азбуковниками, которые послужили намъ для опредѣленія круга элементарнаго образованія, мы можемъ опредѣлить и связь его съ воспитаніемъ въ великорусскихъ приходскихъ школахъ.

Согласно съ постановленіями Стоглава, въ училищахъ того времени дѣло воспитанія сливалось съ дѣломъ обученія и даже преобладало надъ нимъ. Сами азбуковники—эти энциклопедіи школьнаго ученія—были столько же учебниками, сколько книгами нравственно-назидательнаго содержанія, практическихъ житейскихъ наставленій.

Школьная дисциплина была далека отъ форменныхъ, безсодержательныхъ требованій послѣдующихъ временъ; ея цѣль—пріученіе дѣтей къ опрятности и благопристойности, какъ относительно себя самихъ, такъ и относительно школы.

¹⁾ 2-й Уст. ib., стр. 107.

²⁾ ib., стр. 108-109.

«Храканія и ныи волглости вонъ да ислиюши,
Продъ ближнимъ и среди школы да не повержены,
Хрипанія горлянаго и сонѣнія носоваго не имѣйте,
Но яспорѣчно умное и всякое реченіе имѣйте».

или:

«Шумъ и крикъ неполезный здѣ да не явится,
Любый сіе съ нами да не водворится,
Шутка и глумленіе въ васъ отнюдь да не услышится,
Да не ближними нѣкоими зло о васъ помыслится.
Шанки и одежды на грядку да полагаете,
И оттуда пакы бережно снимаете;
Школа всегда у васъ чиста да пребываетъ,
Подметена же и безпорочна и изчищена да бываетъ;
Школьный соръ вонъ износите,
Бытпостей же и рѣчей отнюдь не износите.
Школьные недостатки 3-й староста да знаетъ
И для потребы прилежно да смотритъ.
Школу нагрѣвайте и метите повседневно;
Староста же сему наряжаетъ почередно.
Школу кто нагрѣваетъ,
Той и все въ ней пристродетъ».

Работы въ школьномъ домѣ, возложенныя, какъ отсюда видно, на самихъ учениковъ, простирались на всѣхъ равно и всѣхъ равно причали къ физическому труду:

«Сосуды, прилучающіеся въ школы, ставляйте и кладите тихо
Да небреженія ради приключится вамъ малое лихо;
Сосудъ воды свѣжій въ школу приносить,
Лаханъ же съ настояною водою вонъ износити;
Столъ и лавки часто вами да мыются,
Да приходящимъ въ школу не гнусно видются,
Симъ бо познается ваша личная глѣпота,
Аще у васъ будетъ школьная чистота».

Книги, по которымъ учились въ школѣ, составляли предметъ особой заботливости: онѣ не брались учениками домой, но оставлялись по окончаніи урока въ школѣ,—сдавались школьному старостѣ, который полагалъ ихъ на особомъ „стольцѣ“, и на утро опять выдавалъ школьникамъ. Было запрещено разгинать книги и класть печатью внизъ, равно оставлять въ согнутой книгѣ „указательное дерево“ (указку) въ видѣ замѣтки.

Вообще

«Книгъ аще кто не бережетъ,
Таковъ души своея не стережетъ».

Слѣдуетъ замѣтить, что школьные порядки того времени пропитаны религиозною обрядностью и отчасти монастырскою строгою важностью. Тутъ ничто не считалось мелочнымъ. Если излишнее уваженіе къ мелочной обрядности въ жизни привело древнюю Русь къ извѣстнымъ, довольно грустнымъ послѣдствіямъ, то относительно школы этого сказать нельзя; здѣсь, дѣйствительно, слѣдовало приять за принципъ, что для воспитывающагося не должно быть мелочей; иначе дѣло воспитанія въ глазахъ дитяти теряетъ всякій авторитетъ.

Обращаясь къ нравственному воспитанію, мы находимъ, какъ выше уже замѣтили, въ азбуковникахъ свидѣтельство о томъ, что практика исполняла предписанія Стоглава, который, какъ мы знаемъ, обратилъ главное вниманіе на страшный порокъ—педугъ, такъ однако не прѣдкій въ дѣтскомъ возрастѣ. Противъ него и сродныхъ ему пороковъ направлены въ азбуковникахъ сильныя и разнообразныя увѣщанія. Но и пороки болѣе тонкіе, свойственные молодости, не ускользали отъ вниманія педагоговъ того времени. Г. Мордовцевъ выражается такъ: „по пѣкоторымъ отрывкамъ азбуковниковъ можно видѣть, что между юшествомъ училищъ до-петровской Руси товарищество считалось дѣломъ похвальнымъ и благороднымъ, и возстановить противъ себя товарищей наушничествомъ и подлостію никто не осмѣливался“. За то былъ учрежденъ открытый надзоръ между товарищами. Цѣль его — не поддержаніе внѣшней тишины въ школѣ, а помощь учителю въ его не легкой задачѣ блюсти учениковъ и „хранити ихъ, яко зѣницу ока“. „Имѣй у себе въ остереганіе изъ добрѣйшихъ и искусныхъ учениковъ, могущихъ и безъ тебя оглашати ихъ пастырскимъ твоимъ словомъ“. Это „старосты“, изъ которыхъ одинъ выслушивалъ уроки учениковъ и смотрѣлъ за книгами, другой, вѣроятно, наблюдалъ за нравственнымъ поведеніемъ учениковъ, третій — за чистотою и вообще хозяйствомъ школы.

Какъ дисциплина и нравственность, такъ рвеніе къ занятіямъ поддерживалось наказаніями, свойственными вѣку:

«Лоза дѣтей всякимъ добротамъ научаетъ,
И злыи обычай удобо отлучаетъ».

или:

«Егда кто другъ друга здѣсь уличитъ,
Таковый съ терпѣніемъ на школьномъ козлѣ полегитъ».

Однако, не одна угроза тѣлесныхъ наказаній поддерживала школу; значительную роль играетъ въ этомъ—стыдъ предъ товарищами, не сдѣлавшими проступка. Ученики такъ говорятъ своему наставнику:

«Въ нѣкоторыхъ изъ насъ есть вина,
 Которая не предъ многими деньми была,
 Виновиіи, слышавъ сіе лицеиъ рдятся,
 Попеже они нами смиренными гордятся».

При устройствѣ общественныхъ школъ отношеніе воспитанія и образованія можетъ быть установлено троякимъ образомъ: или а) образование и воспитаніе дѣлаются исключительнымъ достояніемъ школы (закрытыя заведенія, что было испытано у насъ особенно со времени Екатерины II, когда разрывъ семьи и школы оказался столь глубокимъ, что признано было совершенно необходимымъ оторвать дѣтей отъ семейства и родной среды, чтобы содѣять новую породу людей); или б) образование падаетъ на долю школы, а воспитаніе оставляется за семьею, или наконецъ в) и то, и другое продолжаютъ быть обязанностью и семьи, и школы. Два первыхъ способа были испытаны безъ успѣха одинъ за другимъ. Школа мѣстной общины, при нормальныхъ отношеніяхъ въ семьѣ, удобнѣе могла придти къ третьему рѣшенію задачи (для котораго, кажется, наступаетъ очередь нынѣ въ нашихъ казенныхъ училищахъ).

Уставъ Луцкой школы говоритъ, что „наши ученики кромѣ наукъ и добродѣтели ничему другому учиться не будутъ“. Сообразно съ этимъ построенъ былъ весь школьный порядокъ.

Всеобщность элементарнаго образованія. Безспорно, низкій уровень элементарнаго образованія не можетъ быть поставленъ въ укоръ старой системѣ приходскихъ училищъ. Не это обстоятельство, а отсутствіе образованія средняго и высшаго ставятъ древне-русское образованіе на весьма низкую ступень въ нашихъ глазахъ. Элементарное образованіе, тѣсно слитое съ воспитаніемъ, преслѣдовало другую цѣль, которой и достигало по мѣрѣ силъ своихъ.

Исключительное господство элементарнаго образованія имѣетъ другую заслугу; его значеніе чисто социальное. Мы уже сказали, что это социальное значеніе его опирается на его всеобщности и равенствѣ.

Школа составляла такую же принадлежность каждаго прихода, какъ церковь. Говоря о всеобщности элементарнаго образованія, мы именно разумѣемъ эту всеобщую *распространенность школъ*, а отнюдь не всеобщность распространенія элементарныхъ знаній. Утверждать, что въ этихъ школахъ обучалось все населеніе, что оно было поголовно грамотнымъ, было бы не только противно историче-

скимъ фактамъ, но могло бы быть отвергнуто даже безъ повѣрки фактовъ ¹⁾).

Тѣмъ не менѣе, мы придаемъ чрезвычайную важность тому, что школа считалась нормальной принадлежностью прихода. Этимъ устраняется главное препятствіе для общаго развитія элементарныхъ знаній. При существованіи школы съ готовыми для нея учителями, расширеніе круга посѣщающихъ ее лицъ есть лишь дѣло времени и простыхъ законодательныхъ мѣръ.

Всеобщность существованія школъ утверждается несомнѣнными свидѣтельствами. Мы уже приводили въ другомъ мѣстѣ выдержку изъ замѣчательной статьи Крыжановскаго; вотъ что еще говоритъ оцъ: „На основаніи древняго обычая.... *при каждой приходской церкви обучались по нѣскольку мальчиковъ, почти исключительно изъ безпріютныхъ сиротъ.... Эти школяры обучались при домѣ дьячка, называвшемся поэтому школою, подъ руководствомъ самого же дьячка, носившаго поэтому титулъ бакалара и директора*“ ²⁾).

Статистическія описанія Малороссіи по восточную сторону Днѣпра, составленныя въ прошломъ столѣтіи, изчисляють школы, именно какъ принадлежность приходской церкви.

„Въ томъ городѣ (Янполь) церквей: первая соборная Покровъ; *при той церкви дворовъ жилыхъ поповскій одинъ, дьяконовъ одинъ, дьячковъ одинъ, школы одна.* Вторая — Преображенія Господня; *при ней дворовъ поповскихъ три, въ томъ числѣ пустой одинъ, дьяконовъ одинъ, дьячковъ одинъ, школа одна.* Третья церковь св. Георгія; *при ней дворовъ поповскихъ два, школы одна...* Село Орловка, церковь — Рождества Пресвятыя Богородицы; дворовъ: поповскій одинъ, *школа одна, поданическихъ жилыхъ двадцать девять.* Село Порохонь; церковь Введенія Пресв. Богородицы; дворовъ: поповскій одинъ, *школа одна, поданическихъ жилыхъ пятьдесятъ одинъ.* Село Усокъ; церковь — Успенія Пресв. Богородицы, дворовъ: поповскій одинъ, *школа одна, поданныхъ жилыхъ четырнадцать*“ ³⁾).

Благодаря г. Лазаревскому, и автору статьи: „О старинныхъ школахъ, богадѣльняхъ и братствахъ“, помѣщенной въ *Черниг. Епарх.*

¹⁾ «Грамотность на Руси едва ли не была всеобщее». В. Н. Лешковъ: Русскій нар. и госуд. стр. 426.

²⁾ Руковод. для сельск. паст. 1861, т. 3.

³⁾ См. Журналъ засѣданія Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета № 10, стр. 9 — 16.

Извѣст. ¹⁾, которые свели эти статистическія данныя, мы можемъ представить слѣдующую таблицу населенныхъ мѣстъ и школъ въ нынѣшнихъ Черниговской и Полтавской губерніяхъ. Мы должны предупредить, что распредѣленіе этихъ поселеній на города, мѣстечки, села и деревни сдѣлано на неизвѣстномъ намъ основаніи; во всякомъ случаѣ, названіе деревни въ Малороссіи не можетъ обозначать того же, что называется деревней въ Великороссіи (то-есть, поселенія, не имѣющаго церкви). Были ли въ каждомъ изъ изчисляемыхъ поселеній церкви — рѣшить нельзя; во всякомъ случаѣ, этимъ мы въ правѣ объяснить нѣкоторую разницу между числомъ поселенныхъ мѣстъ и числомъ школъ.

Полкъ Черниговскій (1748 года).

СОТНИ.	Города.	Мѣстечки.	Села.	Деревни.	Школы.
1) Полковая	1	—	6	4	11
2) Бѣлоуская	—	—	9	10	4
3) Выбельская	—	—	5	4	4
4) Слабинская	—	—	6	5	3
5) Ронская	—	—	10	11	9
6) Любецкая	—	1	8	27	14
7) Седневская	—	1	12	6	11
8) Городницкая	—	1	15	3	17
9) Беревинская	—	1	2	3	8
10) Столенская	—	—	4	—	5
11) Синявская	—	1	3	1	4
12) Менская	1	—	10	2	11
13) Вольшская	—	—	4	4	4
14) Сосницкая	—	1	9	1	13
15) Киселевская	1	5	7	—	8
16) Понорницкая	—	1	21	2	18
Всего	3	12	181	83	144

Полкъ Нѣжинскій (1747 года).

СОТНИ.	Города.	Мѣстечки.	Села.	Деревни.	Школы.
1) 1-я полковая	—	—	9	1	11
2) 2-я полковая	1	—	14	2	16
3) 3-я полковая	—	—	6	—	8
4) Мринская	—	1	4	2	2
5) Олишевская	—	1	4	—	6

¹⁾ 1862 1-го сентября, прибавленіе.

СОТНИ.	Города.	Мѣстечки.	Села.	Деревни.	Школы.
6) Дѣвицкая	—	1	5	—	8
7) Беркиевская	—	1	5	—	5
8) Прохорская	—	—	8	—	8
9) Иваггородская	—	1	4	—	5
10) Бахмацкая	—	1	3	—	5
11) Конотопская	—	1	8	—	15
12) Борзенская	1	—	11	—	14
13) Шаповаловская	—	1	4	—	5
14) Ватурина	—	1	8	—	10
15) Новомлинская	—	1	5	2	8
16) Кролевецкая	—	1	6	—	11
17) Коропская	—	1	9	—	13
18) Глуховская	1	—	42	8	44
19) Воронежская	—	1	8	—	13
20) Ямпольская	—	1	4	—	8
Всего	3	14	167	15	215

Поля Лубенскій (1745 года).

СОТНИ.	Города.	Мѣстечки.	Села.	Деревни.	Школы.
1) Пожовая	1	1	33	7	28
2) Лукомская	2	1	15	5	14
3) Чигринъ-Дубровская	1	2	10	4	14
4) Пирятинская	1	1	32	5	28
5) Чорпуская	1	1	12	—	11
6) Городисская	1	—	5	—	—
7) Сенчанская	1	—	11	1	15
8) Лохвицкая	1	—	13	6	5
9) Глинская	1	—	8	3	10
10) Роменская	1	—	32	5	29
11) Смѣлянская	—	1	4	—	10
12) Константиновская (графа Головкина)	—	1	5	1	4
13) Берестовицкая (того же владѣнія)	—	1	1	1	2
14) Жуковская волость	—	—	2	—	2
Всего	11	9	183	38	172¹⁾

¹⁾ Въ счетъ населенныхъ мѣстъ мы не ввели слободки, что, нужно думать, означаетъ малороссійскіе хутора.

Полкъ Переяславскій (1741 года).

СОТНИ.	Города.	Мѣстечки.	Села.	Деревни.	Шляхи.
Полтава	1	—	—	—	6
1) 1-я полковая	—	—	21	—	24
2) 2-я полковая	—	—	17	2	15
3) Великобудиская	—	—	1	—	5
4) Решетилловская	—	—	1	—	6
5) Старосанжаровская	—	—	1	—	7
6) Новосанжаровская	—	—	1	—	5
7) Бѣлицкая	—	—	1	—	5
8) Кобеляцкая	—	—	1	—	7
9) Сокольская	—	—	1	—	4
10) Кишенская	—	1	2	—	1
11) Переволочанская	—	—	1	—	3
12) Керебердянская	—	—	1	—	5
13) Нехворощанская	—	—	1	—	—
14) Маяцкая	—	—	1	—	1
15) Царичанская	—	—	1	—	1
16) Китайгородская	—	—	1	—	2
17) Орлянская	—	—	1	—	—
18) Старосамарская	—	—	1	—	1
Всего	1	1	55	2	98

Полкъ Прилуцкій (1740 года).

СОТНИ.	Города.	Мѣстечки.	Села.	Деревни.	Шляхи.
1) Полковая	1	—	31	2	27
2) Журавская	—	1	2	—	—
3) Варяинская	—	—	9	1	9
4) Сребранская	—	1	13	1	13
5) Иваницкая	—	1	5	—	4
6) Ичанская	—	1	7	—	7
7) Монастырская	—	1	4	2	4
8) Карабутовская	—	1	8	—	—
9) Красноволядинская	—	1	8	—	5
Всего	1	7	87	7	69

Полкъ Миргородскій (1841 года).

СОТНИ.	Города.	Мѣстечки.	Села.	Деревни.	Шляхи.
1) Полковая	1	1	16	1	—
2) Хорольская	1	—	11	4	—

СОТНИ.	Города.	Мѣстечки.	Села.	Деревни.	Школы.
3) Власовская	1	—	1	1	3
4) Кременчугская	1	—	—	4	2
5) Городисская	1	—	2	4	3
6) Потоцкая	1	—	1	—	2
7) Омельницкая	1	1	—	1	5
8) Голтвянская	1	—	4	—	5
9) Остановская	1	—	4	—	7
10) Вѣлоцерговская	1	1	1	—	2
11) Боганская	1	—	1	—	3
12) Устиницкая	1	—	1	1	2
13) Яресковская	1	—	1	—	—
14) Шипацкая	1	—	1	—	3
15) Сорочинская	1	—	4	1	—
Всего	15	3	48	18	37

Полки Кіевскій и Стародубскій не вошли въ таблицу г. Лазаревскаго. Относительно послѣдняго авторъ упомянутой статьи въ *Черниг. Епарх. Изв.* дополняетъ ее слѣдующими свѣдѣніями: „По описи земель 1767 и 1768 г., производившейся свѣтскими чиновниками, видимъ въ Стародубскомъ полку, почти при каждой церкви, или школу или гошпиталь. Напримѣръ, при Новгородъ-сѣверской соборной церкви школа и въ ней дьячокъ, псаломщикъ и пономарь, богадѣльня—гдѣ нище („мѣсто на богадѣльню надано отъ бывшаго сей церкви дьячка Ивана Веребья, что утверждено и универсаломъ гетм. Скоропадскаго“); здѣсь же дворъ братскій. При Варваринской церкви школа съ дьячкомъ, богадѣльня и дворъ братскій. При Покровской—школа, гдѣ дьячокъ и 4 псаломщика казачьяго званія и богадѣльня для скальченыхъ. При прочихъ городскихъ церквахъ—школа при каждой. При церквахъ: Лѣнковской, Хилчицкой, Старой и Новой Гуты—школа и гошпиталь и при первой въ школѣ дьячекъ съ двумя псаломщиками. При Погаровской—школьная изба съ дьячкомъ и другая съ пономаремъ. При церквахъ: Игнатовской, Знобской, Рыковской, Багриновской, Фаевской, Очковской, Камепской, Жиховской, Горбовской, Горской—школа съ дьячкомъ, при чемъ сказано, что Игнатовскій дьячекъ питается съ доходовъ церковныхъ и роковщины; а Знобской школѣ принадлежитъ огородъ. Глазовская школа съ псаломникомъ, а въ Погребковской живутъ школьники. Въ Шептаковской сотнѣ при церквахъ: Стар. Жадова, Лариновеа, Гудова, Погорѣлецъ, Машева—

школа съ дьячкомъ и богадѣльня съ старцами и изувѣченными. При церквахъ: Веребьевской, Ковнинской—школа съ дьячкомъ; при Роговской, Архиповской, Печенюгской—тоже. Во второй Стародубской сотнѣ, въ Андрейковичахъ, въ школѣ дьячекъ и псаломщикъ, а въ другой школьной избѣ живутъ школьники; въ Дахновичахъ въ школѣ дьячекъ; въ Матовѣхъ—школа. Подобныя замѣтки и при описи другихъ сотней¹⁾.

Изъ частныхъ описаній Черниговской епархіи преосв. Филарета¹⁾ можно извлечь нѣкоторыя дополненія; напримѣръ, въ с. Ишовѣ—школа („а прожить ему Матвѣю негдѣ, что уже школа сгнила“— актъ 1742 г.). По переписи 1767 года при обѣихъ церквахъ Баклани—школы; тоже при церквахъ селъ: Ивойтеня, Бѣлаго-Колодезя, Тополи, Кривца, Иваевъ („школа съ двумя хатами и шпиталь“), м. Ропска („школа, гдѣ три псаломщика и двѣ богадѣльни“), Хоронаго, Соловьевка и др.

Кромѣ указанной выше возможной причины различія числа населенныхъ мѣстъ (и церквей) и числа школъ, нужно еще имѣть въ виду очевидную неполноту имѣющихся у насъ данныхъ; такъ полковая (центральная) сотня Миргородскаго полка, имѣющая 19 поселеній, будто бы не имѣетъ вовсе школъ; равнымъ образомъ въ Хорольской, заключающей въ себѣ 16 населенныхъ мѣстъ, тоже не показаны школы. Обстоятельство это, при сличеніи съ данными о другихъ сотняхъ того же полка, обличаетъ простой пропускъ въ статистическихъ данныхъ, потому что потребность въ грамотныхъ людяхъ для однихъ только отправленій полковаго суда и управленія (равняющагося низнѣшему губернскому) ощущалась, конечно, гораздо больше въ полковомъ городѣ, чѣмъ въ селахъ.

Туже тѣсную связь народнаго образованія съ приходскою общиною и, слѣдовательно, равенство числа церквей и школъ, мы находимъ и въ Слободской Украинѣ, въ которой католическая пропаганда не могла быть даже отрицательною причиною развитія и поддержки народнаго образованія. Руководясь „Истор. стат. описаніемъ Харьковской епархіи“²⁾ и статью Г. П. Данилевскаго³⁾, мы можемъ из-

¹⁾ Черниг. Епарх. Изв. разныхъ годовъ.

²⁾ Отд. I, Харьковъ, 1859. Отд. II и III, Москва, 1858. Отд. IV и V, Харьковъ, 1858.

³⁾ Харьковскія народныя школы въ «Матеріалахъ для исторіи украинской литературы и народнаго образованія». Харьковъ, 1866.

вечь слѣдующія интересныя, но отрывочныя данныя, относящіяся къ первой половинѣ XVIII вѣка.

Въ г. *Харьковѣ*: при соборѣ шпиталь и двѣ школы, изъ которыхъ въ одной 3 наставника, а въ другой — одинъ дьячекъ; при Троицкомъ храмѣ—школа съ 7 наставниками-дьячками; при Благовѣщенской церкви—школа съ дьячкомъ учителемъ; при Вознесенской—школа.

Въ г. *Валкаахъ*—при Преображенской церкви школа и шпиталь.

Въ г. *Ахтыркѣ*—школа при Николаевской церкви (уже по акту 1675 года).

Въ г. *Сумахъ*—5 школъ, изъ коихъ при церкви Троицкой школа съ двумя учителями и богадѣльня.

Въ г. *Бѣлопольѣ*: при Соборѣ—школа съ двумя учителями и братерскій дворъ, при Преображенской церкви—одна школа, при Ильинской—школа съ двумя учителями.

Въ г. *Зміевѣ*—школа съ 4 наставниками.

Въ г. *Лебединѣ*—при Ильинской церкви школа.

Въ селахъ: Деркачахъ, Должикѣ и Роговникѣ—школы. Въ *Новой Водоланѣ*—2 школы, съ 4 наставниками въ одной и съ однимъ въ другой. (Въ описаніи городовъ Азовской губ. 1779 года сказано, что въ этомъ селѣ, на иждивеніи тамошнихъ жителей, заведено училище, въ которомъ священническія дѣти обучаются латинскому языку до риторическаго класса, также ариѳметикѣ, російской граматикѣ, правописанію и катехизису, по способности"). Тоже въ селахъ: Водолажкѣ (2 школы), Нижней Сыроваткѣ (1 школа съ 7 учителями), Вобрикѣ, Стецковкѣ, Хотъни, Кровномъ (1 школа съ 4 дьячками), Баромесѣ, Ворожбѣ (Бѣлопольской), Климовѣ, Рѣчкахъ, Тростинцѣ, Семеренкахъ, Ворожбѣ (Сумской), Грипцовеѣ, Голубовкѣ, Михайловкѣ, Штеповкѣ (1 школа съ 3 наставниками), Печенѣгахъ (2 школы, по дѣламъ 1726 года), Балаклеѣ (2 школы), Андреевкѣ, Шелудковкѣ, Лиманѣ (3 школы и при нихъ 8 дьячковыхъ-учителей), Соколовѣ (1 школа съ 4 дьячками), Приствѣнѣ, Сѣньковѣ и Левковкѣ. Въ Межиричѣ (бывшемъ городѣ) „по переписи 1732 года, при Успенской церкви школа, при Троицкой—школа и шпиталь, при Воскресенской—школа, при Михайловской—школа, при Николаевской—школа; наставники—дьячки“; при Преображенской—школа и шпиталь.

Г. Данилевскій, принимая эти свѣдѣнія за полное статистическое описаніе народнаго образованія той эпохи въ Слободской Украинѣ, подводитъ такой итогъ: тогда (при 46 школахъ) одна школа

приходилась на 3.000 жителей. Но этотъ выводъ совершенно не вѣренъ. Во-первыхъ, г. Данилевскій пропустилъ нѣсколько школъ, обозначенныхъ въ указателѣ преосв. Филарета; во-вторыхъ, самъ преосв. Филаретъ пропустилъ въ указателѣ нѣсколько школъ, упоминаемыхъ въ его книгѣ; въ-третьихъ, преосв. Филаретъ нигдѣ не говоритъ, что онъ истощилъ всѣ данныя статистической описи 1732 г. (на которой у него главнымъ образомъ основываются эти свѣдѣнія о школахъ); наконецъ, въ тогдашнихъ статистическихъ описаніяхъ школы упоминаются лишь случайно. Выводъ преосв. Филарета, при очевидной скромности его, другой: „при обзорѣни церковей, говоритъ онъ, мы видимъ, что въ Слободской Украинѣ при многихъ церквахъ были приходскія школы. По ставленническимъ дѣламъ видимъ, что здѣсь учились почти всѣ тѣ, которые послѣ исправляли должность причетниковъ при церквахъ, а потомъ иные поступали и во священники. Понятно, что въ этихъ школахъ учились немногому, — читать и писать.... Несомнѣнно, говоритъ онъ же въ другомъ мѣстѣ, что выраженіе, такъ часто встрѣчающееся въ дѣлахъ о посвященіи дьяконовъ и священниковъ черкасскихъ стараго времени: „обученъ дьячкомъ“, означаетъ тоже, что обученъ въ церковной школѣ“¹⁾.

Всѣ, упомянутыя выше, училища существовали гораздо раньше и много позднѣе 1732 года: „въ 1709 г. пошелъ (Маркъ Мушенко) въ училище, въ гор. Боромлѣ, церкви Рождества Богородицы въ школу къ бывшему въ то время дьячку Ив. Ивченку своею волею“. Монахъ Дорфей, имѣвшій въ 1749 г. 30 лѣтъ отъ роду, показывалъ, что онъ „книжному чтенію и пѣнію обученъ ахтырскаго полку села Тростинца дьячкомъ“. Такія показанія, по словамъ пр. Филарета, „очень важны, они говорятъ, что при церквахъ значительныхъ черкасскихъ мѣстечекъ уже около 1700 года были школы и учителями были дьячки“²⁾.

Всѣ эти данныя относятся къ Малороссіи. Распространено мнѣніе, что въ Малороссіи школы возникли поздно — вслѣдствіе давленія со стороны католической церкви, или даже еще позднѣе — вслѣдствіе попытокъ ввести и распространить унию, то-есть, въ самомъ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Но люди, занимавшіеся исторіею братскихъ училищъ, давно уже открыли слѣды древняго существованія приходскихъ школъ. Уже митрополитъ Евгеній говоритъ объ этомъ исконномъ существованіи ихъ, какъ о фактѣ общезвѣстномъ и не

¹⁾ «Ист. стат. опис. Харьк. епарх.» III, стр. 132.

²⁾ Ibid. стр. 131—132.

подлежащемъ спору ¹⁾. За нимъ о. Флеровъ пишетъ: „въ южной Россіи съ незапамятныхъ временъ существовали школы при церквахъ и монастыряхъ; но въ этихъ училищахъ обучали только чтенію и пѣвію“ ²⁾. Историкъ кievской академіи замѣчаетъ: „и прежде сего при знатнѣйшихъ церквахъ и монастыряхъ существовали школы; но ограниченныя преподаваніемъ самыхъ первыхъ начатковъ ученія, онѣ мало отвѣчали современнымъ потребностямъ“. Но въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ нѣчто иное: „вслѣдствіе королевской привилегіи (такъ называется онъ актъ Люблинской уни), состоящая при церквахъ приходскія школы день ото дня становились обширнѣе и цвѣтуще“ ³⁾. Самымъ вѣрнымъ указаніемъ на древнѣйшее происхожденіе этихъ школъ служить именно исторія происхожденія школъ братскихъ, которыя суть ничто иное, какъ развитіе приходскихъ, о чемъ будетъ говорено подробнѣе ниже. Если въ Малороссіи повсемѣстное существованіе приходскихъ школъ можетъ быть доказано съ большею несомнѣнностью, чѣмъ въ Великороссіи, то это означаетъ только, что въ Малороссіи онѣ *сохранились* (въ XIII—XVI вѣкахъ) лучше, чѣмъ въ Великороссіи.

Однако и здѣсь, до всеобщаго оживленія элементарнаго образованія въ XVII вѣкѣ, приходскія школы несомнѣнно продолжали свое бытіе, данное имъ еще въ X вѣкѣ. Постоянно повторяющаяся аксіома, что татарское иго пресѣкло естественный ходъ просвѣщенія на Руси, совершенно вѣрна, но вовсе не относительно элементарнаго образованія. Иго это прекратило существованіе большихъ городскихъ школъ, то - есть, истребило зарождавшіеся начатки средняго и высшаго образованія. Именно въ этомъ смыслѣ говорятъ отцы собора 1551 года: „а преже сего въ російскомъ царствѣ на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ и по инымъ *градомъ* многія училища бывали“ ¹⁾. Ни они, ни Геннадій никогда не утверждали, что грамотность прекратилась; всеобщія жалобы XVI и XVII вѣковъ имѣютъ другой смыслъ, именно тотъ, что элементарнаго образованія недостаточно для правильнаго удовлетворенія потребностямъ церкви и государства.

Что общины не могли совсѣмъ забыть свою старую обязанность въ отношеніи къ народному образованію, это видно изъ того, что по

¹⁾ «Опис. Киев. Соє. Соб.» приб. № 41.

²⁾ «О правосл. церк. брат.» Спб. 1857.

³⁾ «Кіевъ съ его древн. уч. Ак.» стр. 57—58.

⁴⁾ Стоглавъ, гл. 25.

требованію церковнаго права „приходскимъ священникамъ вмѣнялось въ обязанность изъ полезныхъ книгъ почерпнуть знаніе вѣры и учить малыхъ дѣтей въ домѣ, а всѣхъ въ храмѣ“¹⁾. И дѣйствительно, житія святыхъ, заключающія въ себѣ драгоцѣнныя черты для бытовой исторіи, не разъ рисуютъ намъ такую картину элементарной школы (въ татарскую эпоху): „вдану бывшу ему (св. Іонѣ, 1458—1470) нѣкоему діакону наказатися св. книгамъ... аще когда отъ учителя исхождаше со множествомъ учениковъ, улица града къ дому ему переходити бываше и тогда всѣмъ яко дѣтемъ игранію радующимся, той (Іона) вдалѣ отъ нихъ стояти обычай имаше“²⁾. Число духовенства не только не сокращалось съ эпохи Татаръ, но постепенно возрастало и дошло ко временамъ Петра до вредной и едва вѣроятной степени. Но они были, по крайней мѣрѣ, люди грамотные, и по свидѣтельству Кормчей XVI вѣка (въ посланіи патріарха Германа къ русскому митрополиту Кири-Леонтію, октября 1228 года, о непосвященіи рабовъ въ духовный санъ) всѣ эти лица обыкновенно отдавались „учителемъ.... учити священной грамоты“³⁾, хотя, какъ мы знаемъ, это ученіе было плохо и недостаточно⁴⁾.

До XVII вѣка въ Московской Руси сохранились элементарныя школы (и только онѣ), при чемъ элементарное образованіе, благодаря отсутствію средняго и высшаго, понизилось до сообщенія безжизненной грамотности, и притомъ неполной и неточной. Высокая цѣль всякаго образованія—возбужденіе умственнаго и нравственнаго развитія—забывалась. Въ XVII вѣкѣ, при тѣснѣйшемъ сближеніи восточной Руси съ западною (въ смутное время, въ эпоху войнъ Михаила Феodoro-

¹⁾ Пр. Филаретъ: «Ист. Русск. церк.», періодъ 2, стр. 39.

²⁾ Рунп. Спб. дух. ак. См. у Лавровскаго, стр. 55.

³⁾ См. Опис. рунп. Рун. Муз., № ССХХХІІІ, стр. 304.

⁴⁾ Такъ какъ судьба элементарныхъ училищъ до XVII вѣка не составляетъ нашей задачи, то мы отсылаемъ для знакомства съ нею къ специальнымъ изслѣдованіямъ и, между прочимъ, къ извѣстному труду г. Лавровскаго. Замѣтимъ только, что, въ виду несомнѣнныхъ данныхъ, нѣтъ нужды прибѣгать къ такимъ шаткимъ доказательствамъ существованія приходскихъ школъ, каково, напримеръ, слѣдующее: г. Лавровскій, утверждалъ, что сиропитательницы, въ смыслѣ греческихъ ксенодохій, то-есть, учебно-воспитательныхъ заведеній для сиротъ, были и у насъ, дѣлаютъ такую неудачную ссылку: «Игуменъ сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте (Доп. къ Ак. Исм. I, стр. 1). Здѣсь подъ именемъ сиротъ разумѣются, какъ извѣстно, крестьяне монастырскіе; между тѣмъ, авторитетъ г. Лавровскаго увлекаетъ въ ошибку и другихъ писателей (см. ст. Сильова въ Школьн. жнз. 1873 г., № 34).

вича съ Польшею и, особенно, со времени присоединенія Малороссіи), элементарныя школы оживились внутренно и распространились въ своей численности. Вліяніе западной Руси въ этомъ случаѣ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Обращаясь къ общиннымъ школамъ XVII вѣка, мы встрѣчаемъ довольно уже выработаннаго матеріала (обнародованнаго въ послѣднее время) и такія работы, какъ гг. Извъкова, Мордовцева и др. Авторъ труда: „О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка“ изъ разсмотрѣнія до-петровскихъ учебниковъ пришелъ, между прочимъ, къ слѣдующему выводу: „Самое первое, что мы видимъ при чтеніи азбуковниковъ, это — существованіе отдѣльныхъ училищъ, особыхъ домовъ, гдѣ собиралось русское юношество для наученія книжному дѣлу“. Были ли для этого построены особыя зданія на общественный счетъ, или на частное иждивеніе, или мѣстомъ обученія были дома и квартиры самихъ наставниковъ, положительно этого мы рѣшить не можемъ; но что дѣти собирались въ извѣстномъ домѣ, въ училищѣ, и занимались тамъ ученіемъ до вечера, или до вечерень, потому расходились по домамъ,—это достоверно и доказывается очень многими мѣстами азбуковниковъ.... Не рѣшаемся утверждать также и того, чтобы дѣти во все время своего обученія находились безотлучно въ самыхъ зданіяхъ училища: можетъ быть, это было прежде, но въ XVII вѣкѣ дѣти приходили изъ дому утромъ и послѣ обѣда, находясь въ остальное время при родителяхъ“.

Дѣйствительно, слѣдующее наставленіе азбуковниковъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ существованіи открытыхъ училищъ:

«Въ дому своемъ, оставъ отъ сна, умыйся,
 Прилучившимся плава краемъ добръ утрися,
 Въ поклоненіи св. образомъ продолжися,
 Отду и матери вязко поклонися,
 Въ школу тцательно иди
 И товарища своего веди.
 Въ школу съ молитвою входи,
 Также и вонъ исходи».

Это же указываетъ вмѣстѣ и на то, что училища, о которыхъ идетъ рѣчь, были училищами приходскими. Все дневное распределеніе времени школьникомъ подтверждаетъ связь училищъ съ приходомъ и приходскою церковію:

«Звонъ къ церковному пѣнію егда слышите,
 Ученіе оставите, усердно тамо послѣшите;

*Знаемъ всеми тамо кроткимъ стояніемъ бывайте,
Понеже еси знаютъ, яко въ школъ пребываете.*

Противорѣчія указаній азбуковниковъ, съ одной стороны, на пансіонскій бытъ училищъ (есть указанія на общественные столы и на возможность наблюдений за учениками во время сна), съ другой стороны — на открытый способъ устройства училищъ, служатъ новымъ подтвержденіемъ приходскаго ихъ характера. Училище въ одно и то же время было и открытымъ для всѣхъ желающихъ, и закрытымъ для сиротъ, призрѣваемыхъ общиною. Мы уже упоминали о связи образованія съ призрѣніемъ, проникающей всю исторію образованія въ старыхъ приходскихъ общинахъ. Тѣснѣйшая связь школы съ церковію, богослужебное распредѣленіе времени учениковъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что школы были приходскими: въ дни праздничные ученики, идя въ церковь, заходятъ въ школу, гдѣ, отвѣтивъ заданный урокъ и проговоривши новый лишь трижды, выслушивали „разныя поученія и объясненія праздниковъ, затѣмъ отходили въ церковь“. Тоже самое доказывается и средствами содержанія школы, о чемъ ниже.

Г. Борисовъ, обозрѣвъ старинную письменность и начитанность Шуянь XVII вѣка, замѣчаетъ, что отвергать существованіе тогда школъ нельзя. Одинъ изъ букварей, рассмотрѣнныхъ имъ, относится, какъ видно по помѣщенному въ немъ, нѣсколько неполному, титулу царя Алексѣя Михайловича (въ коемъ не упоминается ни Малія, ни Бѣлыя Россіи), къ началу воцаренія царя. Изъ прилеженныхъ (къ азбукѣ) списковъ съ челобитныхъ посадскихъ людей и актовъ земской Шуйской избы можно догадываться, что азбука эта принадлежала учителю — мастеру или изъ посадскихъ грамотныхъ людей, или изъ подъячихъ¹⁾).

Ниже будетъ указано, почему оживленіе элементарныхъ школъ, возникшее въ XVII вѣкѣ, не продолжалось въ XVIII. Теперь ограничимся нѣсколькими данными, указывающими на повсемѣстное существованіе школъ приходскихъ до самаго конца XVIII вѣка. Но слѣшимъ предупредить, что по свойству отношенія къ нимъ въ XVIII вѣкѣ, почти всѣ свидѣтельства о нихъ идутъ изъ враждебнаго лагеря.

Возьмемъ прежде официальное свидѣтельство изъ самаго конца

¹⁾ «Грамотность Шуянь въ XVII и XVIII стол.» *Владим. Губерн. Вѣдом.* 1854 г., № 40.

XVIII вѣка. Въ 1790 году 4-го іюня Тульскій губернаторъ Лопухинчъ пишетъ въ своемъ отношеніи къ епископу Коломенскому Аванасію, что приходскія училища, въ которыхъ губернаторъ принимаетъ положенія устава о домашнихъ училищахъ, не хотятъ подчиниться требованіямъ этого устава. „Изъ жительствующихъ въ городѣ Туль священно-церковно-служителей, имѣющихъ *домашнія* училища, оказалось по достоверной выправкѣ, девятнадцать, кои съ впушеніемъ Высочайшаго объ училищахъ устава и объявлено было чрезъ управу благочинія, дабы они согласились въ домашнихъ своихъ училищахъ обучать питомцевъ согласно съ Высочайшимъ постановленіемъ; по изъ всѣхъ оныхъ сему установленію послѣдовали только двое: церкви Рождества Христова церковникъ Александръ Охотниковъ, живущій въ 4-й, и церкви Преображенія Господня, что близъ Дѣвичьяго монастыря, пономарь Захаръ Моисеевъ — въ 1-й сего города частяхъ; а прочіе, какъ видно, слѣдую закоренѣлому въ нихъ упрямству, кои, равно и числу обучающихся у нихъ дѣтей, прилагая при семъ реэстръ, поворно прошу ваше преосвященство къ такому высокомонаршему устройенію предложить и со стороны вашей воспособленіе.

„Реэстръ, сколько въ губернскомъ городѣ Туль оказалось священно-церковно-служителей, кои обучаютъ у себя въ домахъ и по сколько у каждаго:

- 1) У Соборнаго священника Алексѣя Иванова—2 человѣка.
- 2) У Преображенскаго дьякона Егора Родіопова—15 человѣкъ.
- 3) У Никитскаго дьякона Феодора Аванасьева — 21 человѣкъ.
- 4) У пономаря Антона Матвѣева—5 человѣкъ.
- 5) У Николо - Завальскаго пономаря Антона Васильева — 11 человѣкъ.
- 6) У Покровскаго священника Никифора Ильина—8 человѣкъ.
- 7) У дьякона Семена Иванова — 11 человѣкъ.
- 8) У Николо-Ржевскаго дьякона Ивана Карпова — 2 человѣка.
- 9) У Флоровскаго дьякона Сергѣя Иванова — 20 человѣкъ.
- 10) У Благовѣщенскаго дьякона Никиты Филипова—4 человѣка.
- 11) У Успенскаго дьякона Тимофея Петрова — 5 человѣкъ.
- 12) У дьякона Феодора Ефимова — 11 человѣкъ.
- 13) У Георгіевскаго - Зарѣцкаго священника Ивана Степанова — 7 человѣкъ.
- 14) У дьякона Алексѣя Федорова — 13 человѣкъ.
- 15) У Вознесенскаго дьякона Акима Петрова — 11 человѣкъ.
- 16) У Николо-Зарѣцкаго дьяка Никиты Иванова — 27 человѣкъ.

17) У Чулковскаго рождественскаго дьячка Гаврилы Васильева — 13 человекъ.

Всего въ 17 школахъ показано 120 человекъ. Въ этотъ реестръ не вошли двѣ школы, подчинившіяся требованіямъ устава, то-есть, учителя ихъ держали экзаменъ въ главномъ народномъ училищѣ и получили свидѣтельство отъ приказа общества призрѣнія. Безъ сомнѣнія это были самыя лучшія школы изъ приходскихъ. О. А. Ивановъ, сообщившій этотъ документъ ¹⁾, замѣчаетъ: „цифра (учениковъ) значительная для того времени; въ настоящее время (именно въ 1862 г.) когда населеніе Тулы удвоилось, въ домахъ тульскихъ священно-церковно-служителей насчитывается 23 школы, а въ нихъ учащихся 230 мальчиковъ и 97 дѣвочекъ“.

Къ сожалѣнію, другихъ подобныхъ числовыхъ данныхъ мы не имѣемъ; Малороссія была счастливѣе относительно статистическихъ работъ въ XVIII вѣкѣ и историческихъ трудовъ въ наше время. Здѣсь мы могли бы найти богатія данныя только въ исторіи управленія разныхъ епархій. „Исторія Московскаго епархіальнаго управленія“ (единственно цѣнный трудъ въ этомъ родѣ) даетъ нѣсколько отрывочныхъ указаній, которыхъ значеніе, однако, для насъ совершенно ясно послѣ приведеннаго выше документа. Въ 1749 году въ отвѣтъ на одно уголовное обвиненіе, дьячекъ Московской церкви Адріана и Наталіи Алексѣй Ивановъ показывалъ въ консисторіи, что дочь обвинительницы обучалась у жены его „словесной грамотѣ и писать; понеже у нея той приходской Адріановской церкви равныхъ чиновъ прихожанъ дѣтей для обученія бываетъ каждый годъ по 20 и болѣе“ ²⁾; въ 1755 году дьяконъ Василій Онисимовъ показывалъ, что онъ посвященъ во діакона къ сельской церкви въ 1722 году, но изъ села, за неадачею помѣщикамъ руги, въ 1745 году вышелъ въ Москву и питался ученіемъ господскихъ дѣтей ³⁾. Дѣло 1750 года, марта 12-го, показываесть, что у діакона Московской церкви Черниговскихъ чудотворцевъ жили ученики для обученія грамотѣ ⁴⁾.

Всѣ эти данныя относятся къ городамъ. Изъ словъ Крестинина ⁵⁾,

¹⁾ «Къ исторіи приходскихъ школъ въ тульской епархіи». *Тульск. Епарх. Вид.* 1862 г. № 16.

²⁾ «Ист. Моск. Епарх. Управл.» Ч. 2-я, кн. 1-я. прим. 296. № 11, стр. 82.

³⁾ Ibid, прим. 410 (стр. 179).

⁴⁾ Ibid, прим. 440. (стр. 192).

⁵⁾ «Историч. извѣстіе о нравственномъ воспитаніи у Двинскихъ жителей». *Новыя еженѣсл. соч.* 1787 г. ноябрь и декабрь (Ч. XVII и XVIII).

повидному, можно заключить, что приходскія школы существовали именно только въ городахъ. Крестининъ, наблюдавшій приходскія школы въ самую интересную минуту, когда ихъ многовѣковое существованіе должно было, наконецъ, окончиться при повсемѣстномъ (по проекту) учрежденіи государственныхъ школъ (1786 года), пишетъ между прочимъ: „Сіе букварное ученіе начинается здѣсь (въ Двинской странѣ) по большей части на седьмомъ году отъ рожденія младенцевъ. Оно производится въ *юродскихъ* малыхъ школахъ разпочинцами, вольными, ни подъ какимъ надзираемъ не состоящими, управляющими сіе учебное дѣло по старинному обыкновенію, которое въ сихъ первыхъ начаткахъ ученія владычествуетъ. Россійскія букварныя школы, по свидѣтельству прен. Нестора, начались въ отечествѣ нашемъ въ концѣ X вѣка, въ скоромъ времени по крещеніи російскаго народа. Кажется, пылѣннѣй училищный способъ, наблюдаемый учителями грамоты настоящаго времени, есть тотъ же самый способъ, который за 800 лѣтъ предъ симъ временемъ въ первыхъ кievскія букварныя школы введенъ отъ Грековъ и потомъ распространился по всей Россіи“.

Однако, мемуары разныхъ лицъ XVIII вѣка не оставляютъ сомнѣнія, что такіе же (уже не удовлетворявшіе людей того вѣка) школы существовали повсемѣстно и въ селахъ. Даниловъ ¹⁾, разказавъ, что братъ его былъ отданъ для обученія російской грамотѣ въ Туль къ дьячку, говоритъ о себѣ самомъ слѣдующее: „отъ роду моего лѣтъ 7-ми, или болѣе, отдали меня въ томъ же селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, пономарю Филиппу, прозваніемъ Брудастому, учиться... Приходилъ и учиться къ Брудастову очень рано — въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажутъ: аминь, не смѣлъ“.... И затѣмъ авторъ передаетъ возмутительныя общезвѣстныя способы наказаній, производимыхъ Брудастымъ и способы его обученія. Здѣсь, кромѣ автора, обучалось съ нимъ вмѣстѣ еще двое дворянъ. Безъ сомнѣнія, подобныя же учителя учили и сестру его Анну, которая „выучена была читать и писать російской грамотѣ, читала много церковныхъ книгъ и исторію, почему и знала многое, касающееся до закона“. Издѣвавшіеся надъ приходскими школами сатирическіе журналы второй половины XVIII вѣка своими нападками обнаружили не только существованіе, но большую жизненность и устойчивость ихъ. „Я выросъ (пишется въ жур-

¹⁾ *Записки*, стр. 26, 38 и сл., 23.

налѣ: *И то и се*) въ томъ городѣ, въ которомъ родился. Училъ меня грамотѣ россійской мастеръ"... Разказчикъ „кричалъ съ ребл-тишками во весь голосъ; ибо въ нашемъ городѣ такое обыкновеніе, что крикъ отъ учениковъ можно услышать и въ другомъ приходѣ... Имѣлъ я много у себя соучениковъ. Одинъ изъ нихъ богатаго купца сынъ лѣтами 21 года отъ рожденія его. Училъ онъ въ то время азбуку и часословъ вмѣстѣ" и т. д.

Многимъ изъ живущихъ нынѣ еще памятны эти школы, пережившія грозу XVIII вѣка, и въ цѣлой массѣ своей незаслуженно опозоренныя, хотя крайній упадокъ ихъ въ XVIII и XIX вѣкахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

М. Владимірскій-Будановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАЛАТИНСКІЙ ХОЛМЪ ВЪ РИМѢ ПО НОВѢЙШИМЪ РАСКОПКАМЪ (1847—1872).

(Посв. Н. О. Полевицу).

Палатинскій холмъ въ Римѣ принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ мѣстъ на свѣтѣ въ историческомъ отношеніи. На холмѣ этомъ оставила слѣды свои исторія римскаго народа и созданнаго имъ міроваго государства, начиная съ полумифическихъ временъ до самаго вторженія въ Римъ варваровъ. Проходя по все болѣе раскопываемымъ въ послѣдніе годы развалинамъ построекъ палатинскихъ, отъ циклоническихъ камней, положенныхъ легендарнымъ аркадцемъ Эвандромъ, до развалинъ великолѣпныхъ построекъ цезарей; своди то, что говорятъ о Палатинѣ классическіе писатели, съ тѣмъ, что говорятъ сами развалины, куски мраморовъ и статуй, граниты и кирпичи съ нацарапанными надписями и фигурами, — пробѣгаешь мыслию и воображеніемъ важнѣйшіе періоды римской исторіи, представляешь себѣ множество характернѣйшихъ подробностей религіознаго, домашняго, политическаго быта древнихъ Римлянъ. Правда, что очень часто на Палатинѣ, какъ и вообще въ Римѣ, приходится сознаться, что, не смотря на все усердіе новѣйшихъ ученыхъ и правительствъ, старающихся извлечь изъ мусора и земли и предохранить отъ гибели остатки древне-римской жизни, все таки результаты этихъ работъ не велики, — что сравнительно не только съ тѣмъ, что было въ древности, но и съ тѣмъ, что стояло и лежало здѣсь еще въ XVI—XVII вѣкахъ, отъ этихъ остатковъ древняго Рима спасти удастся теперь очень мало. За то тѣмъ болѣе надо быть благодарнымъ, какъ старымъ итальянскимъ ученымъ, — которыхъ заслуги для археологій врядъ ли могутъ затмить новыя, самыя почтенныя, работы ученыхъ иностранныхъ, во многихъ случаяхъ идущихъ по слѣдамъ старыхъ итальянцевъ и только систематизирующихъ и пополняющихъ

ихъ работы,—такъ и новѣйшимъ правительствамъ и приглашеннымъ ими, большею частью тоже итальянскимъ, ученымъ, которые спасли и спасаютъ отъ совершенной гибели для науки древне-римскіе памятники.

Описанія и раскопки на Палатинѣ, съ цѣлью открытія памятниковъ искусства, или прямо съ учено-археологическою цѣлью, начались давно. Множество драгоценныхъ находокъ о Палатинѣ находится у итальянскихъ ученыхъ XVI—XVII вѣковъ, особенно у Вакки.

Но только въ послѣднее время начались систематическія раскопки на Палатинскомъ холмѣ,—раскопки, предпринимаемыя лицами, вполне компетентными и чуждыми хищническихъ коммерческихъ цѣлей и эстетическаго диллетантизма, свойствъ, которыя такъ много повредили остаткамъ римской древности, именно съ эпохи возрожденія наукъ и искусствъ.

Изъ старыхъ изслѣдованій на Палатинѣ наиболѣе серьезныя, хотя и предпріятыя болѣе съ эстетическими цѣлями, были раскопки, сдѣланныя на счетъ Франческо I, герцога Пармы и Пьяченцы (изъ дома Фарнезе, которому принадлежала сѣверо-восточная часть Палатинскаго холма), въ 1720—1728 годахъ, подъ наблюдениемъ ученаго Франческо Бианкини, описавшаго эти раскопки въ сочиненіи *Del palazzo de' Cesari* (opra postuma di monsignor Francesco Bianchini, Veronese. In Verona, 1738). Мы будемъ имѣть случай приводить выдержки изъ этого важнаго сочиненія, изъ котораго видно, что еще въ XVIII вѣкѣ многія развалины палатинскія были гораздо величавѣе, чѣмъ теперь,—обстоятельство, дающее возможность оцѣнить степень варварства въ обращеніи съ памятниками историческими даже въ XVIII—XIX вѣкахъ.

Въ послѣднее время холмъ Палатинскій оказался принадлежащимъ различнымъ владѣльцамъ, которые имѣли на немъ виноградники и огороды, строили дома, планировали сады, возводили стѣны, церкви и т. д. Владѣльцы эти начинали съ сѣверо-западнаго угла Палатина, то-есть, отъ того, который обращенъ къ форуму римскому, у пивъшей церкви *S. Maria Liberatrice*, были слѣдующіе: неаполитанскій бургонскій домъ, которому съ 1731 года достались владѣнія фамиліи Фарнезе (со временъ папы Павла III тутъ построены дворецъ), называемыя *Orti Farnesiani*; семейства Нусиперъ, Бутирони, женскій монастырь Салезіанскій Визитандинокъ, которому съ 1857 года до самаго послѣдняго времени принадлежало владѣніе англичанина Милльсъ (*Villa Mills*); церковь Себастьяна, фамилія Барбе-

рини (Vigna Barberini, — выходящая на „священную дорогу“ между аркой Тита и аркой Константина); монастырь св. Бонавентуры и другіе.

Въ 1846 году русское правительство купило садъ Нуссинеръ, въ которомъ началъ въ 1847 году производить на счетъ его раскопки Весковала. Того, чего искали главнымъ образомъ, то-есть, статуй, не нашли, но открыли въ 1853 году часть древнѣйшей стѣны, приписываемой Ромулу. Это открытіе возбудило вниманіе къ типографіи древняго Рима. Папское правительство рѣшилось само взяться за систематическія раскопки и, приобрьвъ въ 1857 году отъ русскаго правительства въ пользу города садъ Нуссинеръ, уступивъ нѣсколько художественныхъ произведеній для эрмитажа, приобрьло затѣмъ и сосѣдніе сады Бутирони, сады такъ называемой Collegio Inglese, Пончиони и Бенфратели. Всѣ эти сады вмѣстѣ съ Фарнезіанскими занимаютъ почти всю сѣверо-западную половину Палатина, которая теперь была гарантирована отъ невѣжества и произвола частныхъ владѣльцевъ. На приобрьтенной папскимъ правительствомъ землѣ стали производиться изслѣдованія подъ руководствомъ извѣстнаго итальянскаго ученаго П. Е. Висконти.

Въ 1860 году императоръ Наполеонъ III купилъ у короля Неаполитанскаго за 250.000 франковъ сады Фарнезіанскіе, и поручилъ тамъ производить работы итальянскому же ученому Петру Розѣ ¹⁾, который началъ свои раскопки 4-го ноября 1861 года и продолжаетъ ихъ до сихъ поръ. Послѣ паденія Наполеона III и занятія Рима правительствомъ королевства Итальянскаго, это послѣднее приобрьло отъ Наполеона III сады Фарнезе, приняло въ свое владѣніе бывшую собственность папскаго правительства и соединило работы на Палатинскомъ холмѣ подъ дирекціею того же Розы. Хотя еще и до сихъ поръ далеко не весь Палатинъ освобожденъ отъ частныхъ владѣльцевъ ²⁾ и работы г. Розы еще не окончены, а потому не составленъ полный, такъ сказать, офиціальный сводъ открытій, ни окончательный планъ развалинъ палатинскихъ, но тѣмъ не менѣе самое существенное сдѣлано уже и теперь. Въ теченіе работъ нѣсколько разъ говорили о ходѣ ихъ два изданія извѣстнаго международнаго (по составу своихъ сотрудниковъ) археологическаго института, основаннаго

¹⁾ P. Rosa, потомокъ Сальватора Розы, съ разнообразною ученостью *стараго* итальянца: энтологъ и эниграфистъ, географъ и геологъ.

²⁾ Только недавно король Италіи приобрьлъ у монахинь виллу Милльсъ, скрывающую развалины Августова дворца.

Французами, но теперь преимущественно содежнямаго Пруссаками — *Bullctino dell' Istituto di corrispondenza archeologica di Roma* (особенно статья Генцена 1862, р. 22 и слѣд.) и *Annali dell' Istituto di Cor.*, въ космъ статья самого Розы *Scavi sul Palatino* (1865, 346—367) даетъ сжатый обзоръ важнѣйшихъ результатовъ, достигнутыхъ трудами ученаго директора раскопокъ ¹⁾. Выставленные г. Розою въ разныхъ мѣстахъ Палатина фотографическіе планы съ надписями отрывковъ изъ разныхъ древнихъ писателей даютъ возможность и теперь составить довольно ясное понятіе о значеніи развалинъ палатинскихъ. Кромѣ того, въ послѣднее время начинаютъ появляться опыты болѣе или менѣе систематическихъ описаній Палатина, какъ, напримѣръ, *Fabio Gori: Sugli edifizii palatini colla relazione degli scari eseguiti nel palazzo dei Cesari. Roma, 1867; De Agostino e Broferio: Palazzo dei Cesari a Roma, le sue rovine e gli scari. Vercelli, 1871; C. L. Visconti e R. A. Lanciani: Guida del Palatino. Roma-Torino-Firenze, ed. Bocca. 1873.* Довольно паглядное краткое описаніе Палатина есть и въ великолѣпномъ иллюстрированномъ изданіи *Francis Wey, Rome. 2 ed. Paris, 1873, pp. 378—408.*

I.

Названіе Палатинъ, *Palatium*, выводилось Римлянами отъ имени Паланта (*Pallas, Palantes*), котораго дѣлали то дѣдомъ, то чаще сномъ Евандра, колониста изъ Аркадіи, который пришелъ въ Италію и поселился на холмѣ Палатинскомъ ²⁾. Въ этомъ случаѣ, какъ встрѣчается часто въ исторіи преданій, объясненіе выворочено такъ, что

¹⁾ Сводъ прежнихъ изысканій на Палатинѣ и въ известной степени энциклопедію свѣдѣній о зданіяхъ палатинскихъ до новѣйшихъ раскопокъ находимъ въ богатомъ изданіи *Luigi Canina, Gli Edifizii di Roma Antica. R. 1851. v. III. 130—132, 159—179. Tavv. Vol. IV, 286—8.293 и слѣд.*

²⁾ Varro. *Lingua latina. V. 8. p. 59 ed. Spengel: Quartae regionis Palatium, quod Palantes cum Evandro venerunt, aut quod Palatini aborigenes ex agro reatino qui appellatur Palatium, ibi consederunt. Sed hoc allia Palatia uxore Latini, putarunt. Solinus (Polyhistor). Collec. rerum memorabilium (ed. Th. Mommsen; 1864) 1, 14, 15. Palatium nemo dubitaverit quin arcadas habeat auctores, a quibus primum Pallanteum oppidum conditum: quod aliquamdiu aborigines habitarunt, propter incommodum vicinae paludis, quam praeter fluens Tiberis fecerat, profecti Reate postmodum reliquerunt, sunt qui velint a balatibus ovium mutata littera, vel a *Pale pastorali dea*, aut ut Silenus probat, a Palantha Hyperborei filia, quam Hercules ibi compressisse visus est, nomen monti adoptatum. Cp. VII, II. Festus, De verborum significatione (ed. Muelleri, Lipsiac, 1839, p. 220).*

слѣдствіе поставлено вмѣсто причины. Не Палатинъ названъ отъ Палатта, а вся легенда о Палаттѣ и аркадскихъ колонистахъ образовалась отъ имени Палатина. У Римлянъ и другихъ италійцевъ существовалъ культъ богини *Pales*, которая называлась также и *dea Palatina*, *Palasina* и почиталась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ видѣ мужескомъ ¹⁾. Эта богиня или богъ были боги пастушескіе, какъ и фавнъ. Разныя варианты имени *Pales* происходятъ отъ индо-европейскаго корня *pa*, который по санскритски значитъ стеречь, поддерживать, питать, пасти ²⁾. Отъ этого корня латинское *pa* — *scio* и греч. *πάρασι* сохр. въ лор. — *ἄκασαμυ* и греч. *πέπαραι*. Отъ этого корня произошло и лат. *Pales* и греч. *Παν* ³⁾. Палатинскій холмъ съ пастбищами по склопамъ его (*Velia* и *Subvelia*) ⁴⁾ и удобствами для загороди, куда можно было скрывать скотъ въ случаѣ опасностей, былъ мѣстомъ, гдѣ культъ Палеса локализовался, и самый холмъ получилъ названіе отъ бога пастуховъ, скотьего бога ⁵⁾. А это дало поводъ къ образованію легенды, (одной изъ тѣхъ, для которыхъ существуетъ терминъ: объяснительныя или прагматическія легенды и мѣны, какъ напримѣръ, о Дорѣ, Эолѣ и т. д., о Чехѣ, Русѣ и Ляхѣ и т. д.)—о Палаттѣ и Эвандрѣ, то-есть, Фавнѣ (Панѣ), которые здѣсь впервые поселились. Созвучіе имени Палатина съ именемъ городка въ Аркадіи *Pallanteum* дало поводъ вывести этихъ первыхъ обитателей изъ Аркадіи и перевести латинское имя *Faunus* (*Favonus*) по гречески *Evandros*, — лице, которое съ равнозначущимъ именемъ является въ легендѣ о Ромулѣ и Ремѣ, другихъ первоначальныхъ обитателяхъ Палатина, въ видѣ пастуха Фаустула ⁶⁾.

Можно думать, что если значеніе Палатина для пастуховъ, и про-

¹⁾ Имена поселеній—*Palatium* и *Palacinum* были и въ другихъ мѣстахъ Италіи. *Solinus*, I. c. v.

²⁾ Въ разныхъ областныхъ русскихъ нарѣчіяхъ *пасты* (глазныи) значитъ тоже смотрѣть на чтѣ. При-пасты—прибережь.

³⁾ *Preller. Römische Mythologie*, 1865. 363—368.

⁴⁾ *Tibull. Eleg. II, 5, 25...* *pascebant herbosa Palacia vassae.*

⁵⁾ И Варронъ говоритъ (I. c.): *Eundem hum locum a pecore dictum putant quidam: itaque Naevius Balantium appellat.*—Любопытно, что еще во время императоровъ существовало преданіе, что Фавнъ былъ царь аборигеновъ, повѣдававшій всѣмъ Лациумомъ; отъ него и жены его Вителліи, которая почиталась во многихъ мѣстахъ, какъ богиня, выводила свой родъ Вителліи. *Sueton. Vitell. I.* Тутъ аборигенъ Фавнъ играетъ роль колониста Эвандра.

⁶⁾ Въ приведенныхъ выше словахъ Варрона есть и другой вариантъ сказанія о колонизаціи Палатина изъ Палатіума Реатинскаго.

исшедшее отъ этого имя его, дало тему для легенды объ Эвандру и Палантѣ, то внѣшняя форма знаменитаго холма была источникомъ легенды о двухъ близнецахъ, Ромулѣ и Ремѣ.

Возвышенность, которой присвоивается теперь общее названіе Палатина, имѣетъ приблизительно четырехугольную форму, ограниченную: а) *Via Sacra* (отъ форума до арки Константина); б) *Via Triumphalis*, теперь *Via di S. Gregorio*, за которою поднимается *Mons Caelius*; в) мѣстомъ, гдѣ нѣкогда былъ *Circus Maximus*, котораго край, ближайшій къ Палатину, теперь означаетъ *Via della Moletta* и *Via de Cerchi* и д) теперешнею *Via di S. Theodoro*, которая отдѣляетъ Палатинскую возвышенность отъ *Velabrum*. Возвышенность эта (1744 метровъ въ окружности) состоитъ большею частію изъ вулканическаго туфа и поднимается въ самой высшей своей точкѣ (въ монастырѣ *S. Bonaventura*) на 50,20 метровъ надъ уровнемъ моря, на 35,40 метровъ надъ старымъ уровнемъ форума и на 32,00 метровъ надъ нынѣшнимъ уровнемъ дороги *S. Gregorio*. Возвышенность эта перерывалась небольшою балкой (*intermontium*), которая шла приблизительно отъ того мѣста, гдѣ теперь Титова арка, поперѣгъ всей возвышенности, къ большому цирку. Сѣверо-западная ближайшая къ форуму половина возвышенности кончалась и прежде, какъ и теперь, болѣе или менѣе крутыми спусками на всѣ три стороны, изъ коихъ со стороны форума и дальше отъ форума къ Тибру прилегли къ Палатину болотистыя мѣста, на конхъ въ такъ называемомъ озерѣ Курція на форумѣ и на большомъ пространствѣ, называемомъ *Velabrum*, стояла довольно глубокая вода; по *Velabrum* даже, вѣроятно, ходили суда отъ Тибра, который въ древности долженъ былъ подступать ближе къ холмамъ, какъ Капитолійскому, такъ и Палатину. Юго-восточная половина возвышенности только въ сторону большаго цирка, низменность котораго отдѣляетъ Палатинскую возвышенность отъ Авентинской, обрывалась круто. Къ востоку же она, понижаясь разнообразно, связывалась меньшими возвышенностями съ горою *Caelius*, а къ сѣв.-сѣв.-востоку и сѣверу къ ней примыкала второстепенная возвышенная плоскость, которая связывала ее съ возвышенностью *Esquilinus*. Эта второстепенная возвышенность, наиболѣе потерпѣвшая при постройкахъ и планировкахъ Рима, — особенно во время Нерона, проведеннаго черезъ нее часть своей сложной постройки, и Веспасіана, который снялъ часть построекъ Нероновыхъ и провелъ по ней дорогу отъ форума къ Колизею, — принимала на себя стоки воды изъ вышележащихъ мѣстъ и представляла довольно

влажное мѣсто, почему и называлась *Velia* (Ὀὐλίαι, Οὐλίαι). Она то должна была представлять удобный выгонъ для скота жителей соседней большой возвышенности, самое высокое мѣсто которой являлось удобнымъ для укрѣпленнаго загона, почему оно и называлось *Palatium* по преимуществу ¹⁾). Такъ *Palatium* собственно и называлась въ древности юго-восточная, ближайшая къ *Monte Caelius*, часть возвышенности палатинской. Эта часть, вмѣстѣ съ сѣверо-западною, ближайшею къ Капитолію, представлялась холмами-братями, близнецами; а такъ какъ за одною частью упрочилось индивидуальное названіе *Palatium*, то другая удержала названіе близнеца, *Germalus*, какъ свое индивидуальное. Въ числѣ прочихъ матеріаловъ и это названіе пошло на образование легенды о близнецахъ Ромулъ и Ремъ, нахожденію которыхъ на этомъ холмѣ потомъ приписывали и самое названіе холма ²⁾).

Во всякомъ случаѣ приурочиваніе легендъ о самихъ древнихъ обитателяхъ Рима къ Палатину показываетъ, что здѣсь дѣйствительно было одно изъ древнѣйшихъ поселеній, изъ которыхъ образовался знаменитый городъ,—столь же, если не болѣе, древнее и важное, какъ и поселеніе на Капитоліи. А произведенныя въ послѣднее время раскопки вполне подтверждаютъ это предположеніе.

Исныхъ слѣдовъ пещеры, которую звали Какусовой, ни алтара, основаніе котораго приписывали Эвандру, пайдти теперь, послѣ всѣхъ переворотовъ, совершившихся на холмѣ Палатинскомъ, нельзя было до сихъ поръ. Но не далеко отъ угла Гермалума, который обращенъ къ *Velabrum* и *Circus maximus*, раскопками, до сихъ поръ еще продолжавшимися, найдены остатки первобытной постройки (см. рис. I, № 38). Развалина эта имѣетъ прямоугольную форму и состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ камней желтоватаго туфа, довольно хрупкаго, очевидно, добытаго тутъ же въ горѣ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтны значки, похожіе на древнеиталійскія буквы, — можетъ быть, значки камено-

¹⁾ Варронъ говоритъ о значеніи *Velia* для пастуховъ и выводитъ имя это отъ *vellere*: *Veliae unde euent plures accipi causas, in quibus quod ibi pastores palatini ex ovibus ante tonsuram inventam vellere lanam sint soliti, ex quo vellera dicuntur*. *Ibid.* V. 54. Изъ словъ Діонисія Галика. (*Antiquit.*, V. 19) видно, что *Velia* римская лежала недалеко и выше форума. По его объясненіямъ, *Velia* реатинская называлась такъ отъ болотистости (та *πολλὰ ἐλώδη*), при чемъ сообразно старинному произношенію *velia* ставилось вмѣсто *elia*. I, 20.

²⁾ Варронъ говоритъ (*l. cit.*): *Germalum a germanis Romulo et Remo, quod ad ficum Ruminalem ibi inventi*.

ломни. Около этого мѣста найдено много обломковъ горшковъ и сосудовъ, похожихъ на тѣ, которые въ большомъ количествѣ находятся въ гробницахъ южной Этруріи. Характеръ постройки и эти обломки свидѣтельствуютъ о томъ, что развалина эта должна принадлежать къ числу древнѣйшихъ памятниковъ, которые были въ этомъ мѣстѣ холма. А именно, въ этомъ мѣстѣ должны были находиться храмъ Побѣды, построенный Эвандромъ, домъ Ромула, хижина Фаустула, лѣстница Кака, и весьма вѣроятно, также и храмъ Ромула, въ коемъ Sallii Palatini сохранили *lituum* или авгурскую палку Ромула, — храмъ, о коемъ Діонисій Галикарнасскій говоритъ, что онъ находился на весьма возвышенномъ мѣстѣ горы ¹⁾. Такъ какъ раскопка еще не закончена, то тѣмъ болѣе трудно рѣшить, что такое представляетъ эта развалина. Во всякомъ случаѣ, это не долженъ быть остатокъ дома Ромула, который, вѣрно, былъ тоже самое, что и хижина Фаустула, — такъ какъ хижина была построена изъ дерева и соломы и потому постоянно починалась, въ какомъ видѣ сохранилась до Константина Великаго ²⁾. Отъ этого мѣста шелъ, вѣроятно, одинъ изъ самыхъ старыхъ спусковъ съ Палатина, который назывался то лѣстницей Какуса, то спускомъ „Прекрасной скалы“, около которой былъ и домъ Ромула ³⁾. Но старый спускъ былъ совершенно застроенъ новыми сооружениями.

Неподалеку отъ этого мѣста, на склонѣ Палатина къ Velabrum, была пещера Луперкальская, съ которою связаны легенды объ основаніи Рима. Пещеру эту, съ находившимся въ ней ручьемъ, посвятили древнѣйшіе обитатели горы, — которыхъ легенда дѣлаетъ аркадами, — Фавну Луперку, покровителю стадъ, отгонителю и, слѣдовательно, господину волковъ ⁴⁾. Въ этой пещерѣ пряталась волчица, кормившая близнецовъ Ромула и Рема, которыхъ волны Тибра прибили къ

¹⁾ Excerpta, XVI, 5. Неподалеку долженствовало быть и мѣсто, гдѣ показывали растеніе, выросшее изъ древка копья Ромула (деренъ), которое засохло при Калигулѣ. Плутархъ, Romul. 20.

²⁾ Urlichs; Codex urbis Romae topographicus, 6.

³⁾ Plutarch. Romul. 20, Dion. Halic. Antiquit. II, 50. Collectanea rerum memorabilium (recogn: Th. Mommsen, 1864), I, 18. Ea (Roma quadrata) incipit a silva quae est in area Appollinis, ad supercilium scalarum Caci habet terminum, ubi tugurium fuit Faustuli; ibi Romulus mansitavit...

⁴⁾ Preller, Röm. Mythologie, 336. Lupercus, согласно еще древнимъ толкованіямъ, отъ Iupus и arceo. Сказаніе объ основаніи Рима волчьими воспитанниками показывается, что Фаунус-Луперкус Палатинскій былъ никогда не столько врагомъ волковъ, сколько царемъ ихъ, дѣшнимъ.

этому мѣсту. Г. Гори полагаетъ, что въ маѣ 1867 года онъ нашелъ древнюю пещеру, которую и описалъ въ *Bulletino di corrispond. archeologica* 1867 г. Пещера, открытая г. Гори, имѣетъ три подраздѣленія и нѣсколько ключей, которые имѣютъ стоки въ Слоса Махіма. Есть ли это точно старая Луперкальская пещера или нѣтъ, рѣшить трудно уже потому, что и старая пещера была сильно перестроена Октавіаномъ Августомъ, который говоритъ въ своемъ завѣщаніи, что онъ соорудилъ Луперкаль ¹⁾. Передъ старинною пещерой стояло фиговое дерево, *Ficus Ruminalis*, подъ которымъ найдены были Ромуль и Ремъ. Плиній Ст. (*Hist. Natur. lib. XV, c. XVIII, 20*) говоритъ, что это дерево названо было такъ потому, что подъ нимъ волчица дала близнецамъ соску (*rumim—ita vocabant mammas*); но на самомъ дѣлѣ значеніе этого имени, равно какъ и основаніе культа фиговаго дерева въ Римѣ, были гораздо шире. Культъ фиговаго дерева связывается съ культомъ богини-матери питательницы, земли, въ родѣ Цибеллы Фригійской или Деметры Аттической. Этой богинѣ посвящалось и фиговое дерево, плодъ котораго въ Элладѣ и въ Италіи и до сихъ поръ составляетъ важнѣйшую часть народной пищи, а въ глубочайшей древности, въ Греціи, составлялъ, вѣроятно, пишу по преимуществу, такъ какъ и глаголь ѣсть по-гречески φαγῆν. На Палатинѣ существовалъ культъ боговъ *Jupiter Ruminus* (*Divus Pater Ruminus*) и *Diva Rumina* (*Diva Mater Rumina*), которымъ приносили жертвы особенно пастухи ²⁾. Для пастуховъ богиня-кормилица олицетворялась въ видѣ самки, кормящей маленькихъ животныхъ, а подъ вліяніемъ первобытнаго фетишизма и страха передъ волками эта самка-богиня олицетворялась въ волчицу. Жизнь волковъ въ пещерахъ, у влажныхъ мѣсть, дала возможность этой волчицѣ стать символомъ и матери земли — кормилицы, которой фига стала дру-

¹⁾ *Res gestae divi Augusti ex monumentis Ancyrans et Apolloniensi.* Mommsen, c. 19: *Lupercal... feci.*

²⁾ Preller. *Röm. Mythologie*, 369. Археологическія и этнографическія данныя, говорящія о близости и почти тождествѣ культовъ Сильвана-Фавна, Марса-отца и Jovis Termini, съ которыми потомъ слился и культъ Геракла, Ваха, египетскаго Аммона и еракійскаго Сабациа (алтари Jovi Hammoni et Silvano—Jovi Soli, Serapi—Jovi Libero Patri, et Mercurio et Silvano, — Sancto Silvano Pantheo,—Deo Magno Silvano Marti Herculi Jovi Sabazio) см. въ статьѣ Рейсгеринейда *Imagini del Dio Silvano e del Dio Fauno* въ *Annali del Inst. di Cor. Arch.* 1866, 210—227. Тергилій (Aen. VIII, 630) называетъ пещеру Луперка, въ коей волчица кормила Ромула и Рема, пещерой Марса.

гимъ символомъ ¹⁾. Такъ произошли тѣ образы, которые съ теченіемъ времени прагматизировались въ легенду объ основателяхъ Рима, „вскормленныхъ“ волчицей въ пещерѣ у фигового дерева. Такимъ образомъ священная фига у Луперкала не только не получила свое имя отъ того, что волчица подъ нею кормила соскомъ Ромула и Рема, но очевидно образовалась отъ наивной идеи, что первые люди вскормлены были разными олицетвореніями природныхъ явленій; да и самыя имена первоначальныхъ обитателей Палатина — *Ramnes* и братьевъ основателей Рима произошли отъ того же корня, что *Ruminalis*, то-есть, отъ *rumis*, и значить, вѣроятно все, вскормленные люди, — выраженіе общее, подобно *βρώτο*, словени и т. д. ²⁾

Знаменитое фиговое дерево, по римскимъ преданіямъ, перешло по волхвованію Атта Навія, авгура временъ Тарквинія Приска, на форумъ, гдѣ было засохло, но подъ заботами жрецовъ опять поправилось. Тамъ существовало оно еще во времена Марціала подъ именемъ *figus velabrensis*, — изъ побѣговъ его приготавливали какую-то массу ³⁾.

У входа въ пещеру Луперкальскую стояла и бронзовая группа богини волчицы-кормилицы. Діонисій Галикарнасскій называетъ эту группу памятникомъ древнѣйшей работы. Группа эта, или по крайней мѣрѣ близнецы въ пей поставлены были, впрочемъ, только въ 458 году

¹⁾ Фиталиды въ Аттікѣ получили первую яго отъ Деметры. Паязаний, 1 37, 2. Рев-Кабелла (*Mater Idea*), культъ которой, какъ увидимъ дальше, былъ перенесенъ былъ въ Римъ на Палатинъ; посвящались пещеры. Preller. *Griech. Mythologie* I, 529.

²⁾ *Ruminalis* называлась также и *Rominalis*. На Палатинѣ въ 1866 году найдена стела съ надписью съ *Remuraine*, сходная съ тою, которую два вѣка назадъ въ томъ же мѣстѣ видѣлъ Фабретти (Раваель); она же, на другой, около перваго видѣлъ *Marspiter*. (*Inscriptionum de explic.* 1699, p. 697). Специальная богиня *Remurina* неизвѣстна, — очевидно, что она есть только различіе съ *Dea Lupa*, какъ *Marspiter* разновидность *Divus pater Ruminus*. Такимъ образомъ *Romulus* и *Remus* являются только варіанціями одного и того же имени, а *Lupa* есть и *Dea Mater Rumina* и позднѣйшая *Dea Roma*. Греки назвали обонхъ братьевъ *Ρωμύλος* и *Ρεμύλος*. Плут. *Romul.* 6. Рея Сильвія, очевидно, галлатинская передѣлка *Mater Rumina* въ Деметру, *Rhea Idea*, а потомъ перешла въ *Rhea Silvia*. См. также Garrucci. *Graffiti di Pompei*, pl. XI, 6 — *rumen August. de Civit. Dei VII, 11* — *cognomen Iovi omnia alenti et roma id est man animalia nutriendi*. Къ тому же циклу представленій о божествѣ, кормящемъ царя, относится и легенда о свиньѣ, которую долженъ былъ видѣть Эней въ мѣстѣ Лавинія.

³⁾ *Martial Epigramm. II, 53. Altera non dierunt tenui versata favilla et virens massa recocta figu.*

отъ основанія Рима ¹⁾. Въ XV вѣкѣ на Velabrum, недалеко отъ Палатина, дѣйствительно найдена была бронзовая волчица, которая теперь находится на Капитоліи въ Palazzo de Conservatori; она представляетъ, дѣйствительно, большое сходство съ этрусскими бронзами. Впрочемъ, близнецы на этой группѣ придѣланы въ XVI вѣкѣ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, въ названіяхъ урочищъ Палатинскихъ, въ структурѣ холмовъ и въ нѣсколькихъ матерьяльныхъ остаткахъ, вскрытыхъ раскопками, источники и слѣды древнѣйшаго культа первобытнаго пастушескаго, съ началомъ садоводства и земледѣлія, населенія Рима; видимъ матерьялъ, изъ коего, сообразно законамъ естественнаго эвгемиризма, которому подпадали мѣстные культы у всѣхъ народовъ, содалось сказаніе объ основаніи Рима.

Преданія римскія не только поставляютъ Ромула и Рема на Палатинѣ, но заставляютъ жить здѣсь всѣхъ почти первоначальныхъ царей, исключая Нумы Помпилія. Тутъ же помѣщаютъ они древнія куріи (*curiae veteres*)—мѣста, гдѣ каждая изъ 30-ти курій, установленныхъ Ромуломъ, совершала свой культъ. Положеніе этой интересной постройки можно приблизительно опредѣлить изъ словъ Тацита, описывающаго квадратный Римъ, то-есть, Палатинѣ, обнесенный стѣною Ромула ²⁾. Въ приведенныхъ въ выноскѣ словахъ Тацита, очевидно, называетъ важнѣйшіе памятники, стоявшіе у угловъ Ромулова городища. *Curiae veteres* придутся, значить, на тотъ уголъ, который обращенъ къ Колизею. Такъ какъ Ромулъ лицо легендарное, а по своему гражданскому и религіозному значенію куріи должны быть причислены

¹⁾ Dion Antiq. 1, 79. Ливій (Hist. R. X, 25) говоритъ, что братья Огульниі «ad ficum Ruminalem simulacra infantium conditorum urbis sub uberibus lupae posuerunt», и даетъ основаніе думать, что статуя волчицы существовала и раньше. Объ этой группѣ и вообще объ изображеніяхъ волчицъ см. статью Бахофена «La lupa Romana e. monumenti sepolcrali dell'Impero» въ Annali de Inst. di Cor. Arch. 1867, 184—191, с. в. Изображеніе монеты съ волчицей, близнецами и подписью: *Sca. Po. Fostilus. Roma*, см. у Vannucci, новое иллюстрированное изданіе (1872—1873) *Storia dell'Italia antica* I, 371. Тамъ же, стр. 367, 374, см. равныя древнія мнѣнія объ имени *Roma*.

²⁾ Annal. XII, 24. Sed initium condendi et quod pomerium Romulus posuerit, noscere haud absurdum reor. Jgitur a foro Boario (теперь Campo Vaccino), ubi aenum tauri simulacrum adspicimus, quia id genus animalium aratro subditur, sulcus designandi oppidi coeptus, ut magnam Herculis aram amplecteretur; inde certis spatiis interjecti lapides per ima montis Palatini ad aram Consi, mox ad curias veteres, tum ad sacellum Larium, forumque Romanum; et Capitolium non a Romulo sed a Tito Tatío additum urbi credidere.

къ самымъ раннимъ постройкамъ, ранѣшимъ или, по крайней мѣрѣ, современнымъ возведенію первой стѣны на Палатинѣ, то открытіе ихъ было бы особенно интересно. Но часть Палатина, ближайшая къ Селіусу, наименѣе изслѣдованная часть, наименѣе тронутая систематическими раскопками.

Раскопки эти только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вскрыли и слѣды стѣны Ромула (*Pomderium*), на счетъ опредѣленія направленія которой Тацитъ остается главнымъ руководителемъ. Именно, въ томъ мѣстѣ, откуда, по словамъ Тацита, Ромуль началъ строить свою стѣну, то-есть, у угла Палатина, обращеннаго къ *Forum Voagium*, русскими раскопками были, какъ уже сказано, найдены остатки стѣны первобытной постройки (рис. I, № 6). Сдѣлана она изъ массы туфа мѣстнаго добыванія, вышиною въ 52—62 сантиметра, сложенныхъ безъ цемента и, по этрусскому обычаю, такъ, что въ одномъ словѣ камни положены на краю въ длину, въ другомъ — въ ширину. Величина камней не одинакова, какъ и толщина стѣны (отъ 1,41 метр. до 4,50 у угла). Вышина стѣны теперь 4,20 метр., то-есть, вѣроятно не болѣе $\frac{1}{3}$ первоначальной, — по сравненію съ остаткомъ стѣны Сервія Туллія на Авентинѣ, довольно хорошо сохранившимся. Согласно словамъ Тацита и многихъ другихъ римскихъ писателей, такого рода стѣна окружала наиболѣе возвышенную часть Палатина, касаясь у угла, обращеннаго къ *Circus Maximus*, до низу горы (*per ima montis Palatini*) и дѣлая изъ этой возвышенности цитадель, называемую *Roma quadrata*¹⁾. Что цитадель эта не ограничивалась только частію, называемую *Germaus*, а переходила и на Палатинъ собственно, это подтверждается тѣмъ, что въ 1866 году на *Villa Mills* найдены остатки стѣны такого же характера, какъ и описанныя выше. Издревле нѣсколько воротъ и мощенныхъ дорогъ вело изъ этой цитадели. Изъ этихъ воротъ одни назывались буквоческимъ именемъ *Porta Mugonia*, вполне согласнымъ съ значеніемъ Палатина для пастуховъ и съ его культомъ скотскихъ боговъ. *Porta Mugonia*, *Mugionis* или *Mucionis*, называлась такъ, по объясненію Варрона, отъ мычанія скота, ходившаго по ней на пастбу. Ворота эти

¹⁾ Кромѣ словъ Тацита, приведень для полноты слова Феста (*De Verborum significatione*, ed. Muelleri, Lipsiae, 1839, p. 258). *Quadrata Roma* in Palatino ante templum Apollinis dicitur ubi reposita sunt quæ solent boni ominis gratia in urbe condenda adhiberi, qui saxo munitus est initio in speciem quadratam: ejus loci Ennius meminit cum ait: et qui se sperat Romæ regnare quadratae. Ср. Solinus, I. c. s.

назывались также и старыми, и палатинскими (Porta vetus Palatii). Такъ какъ Солинъ говоритъ, что домъ Тарквинія Приска стоялъ ad Mugoniam portam ¹⁾, а Ливій ²⁾: ad templum Jovis Statoris, то опредѣленіе мѣста этихъ воротъ вдвойнѣ важно. Слѣдуетъ замѣтить, что въ императорское время на мѣстѣ старыхъ воротъ были построены тутъ великолѣпныя новыя ворота, которыхъ развалины и дѣйствительно были найдены еще въ XVI вѣкѣ, при Вакеѣ, со слѣдами стараго египетскаго мрамора и т. п. Теперь, недавно, найдены вновь слѣды этихъ воротъ, но уже въ самомъ жалкомъ видѣ (рис. I, № 28). Главное, что даетъ возможность не сомнѣваться, что здѣсь былъ входъ въ старую Палатинскую цитадель и потомъ въ императорскіе дворцы, это остатки дороги, которые суть ничто иное, какъ остатки такъ-называемаго *clivus sacer*, или *palatinus* (рис. I, № 27), а особенно найденные неподалеку камни туфа, указывающіе, что сюда подходила стѣна Ромулова (рис. I, № 26). И дѣйствительно, это было мѣсто, наиболѣе удобное для устройства выхода собственно изъ Палатина, такъ какъ тутъ, неподалеку отъ нынѣшней арки Тита, начинался тотъ небольшой балокъ, который раздѣлялъ возвышенность на Палатинъ и Гермалусъ,—балокъ, существованіе котораго поддержано тоже новыми раскопками и который называется у итальянскихъ археологовъ *valloncello*. Въ устьѣ этого балка спускались сначала крутоватые *clivus sacer* или *Summa Sacra via* (на найденныхъ теперь камняхъ видны слѣды продолбленныхъ желобковъ, чтобъ облегчить коньямъ ступаніе), который потомъ сливался съ *Via Sacra*, шедшею отъ форума, и съ *Via nova*, что шла отъ *Velabrum* подъ склономъ Палатина, поворачивая у мѣста, гдѣ теперь церковь S. Maria Liberatrice, и поднималась отъ нея по склону горы, параллельно *Via Sacra* ³⁾.

Другія ворота, принадлежавшія по преимуществу Гермалусу, лежали со стороны *Velabrum* и носили названіе *Porta Romanula* и *Porta Romana* ⁴⁾. До сихъ поръ не найдено слѣдовъ этихъ воротъ, да врядъ ли и найдутъ когда-либо, такъ какъ онѣ должны были стоять въ такомъ мѣстѣ, которое сильно подвержено было перестройкамъ. Но до-

¹⁾ I, 24.

²⁾ I, 41.

³⁾ Солинъ, 124. *Tarquinius Priscus (habitavit) ad Magoniam portam supra Summam Novam viam, — Ancus Martius in Summa Sacra via, ubi aedes Larium est.*

⁴⁾ Фестъ: *Porta Romana instituta est a Romulo in infimo clivo Victoriae, qui locus gradibus in quadram formatus est: est appellata autem Romana a Sabinis praecipue, quod ea proximus aditus erat Romam (ed. Mülleri, p. 262).*

роги, которая вела черезъ нихъ, найдена значительная часть. Это часть *clivi Victoriae*, которая уцѣлѣла и среди сложныхъ построекъ Калигулы (рис. I, № 3). Вела она отъ *Vclabrum* къ храму Викторіи, который стоялъ неподалеку отъ храма *Jovis Statoris*, прямолинейные развалины котораго найдены близъ мѣста *Porta Mugonia* (рис. I, № 29).

Среди обнесеннаго издревле стѣною *квадратною Рима* стояли важныя постройки, какъ временъ царей, такъ и раннихъ временъ республики, и сохранились драгоценнѣйшія реликвіи римскія. Мы уже называли жилища царей Ромула, Анка Марція и Тарквинія Приска. Къ нимъ мы должны прибавить домъ Тулла Гостилія на Веліи ¹⁾. Такимъ образомъ, знатнѣйшія національныя семейства, изъ которыхъ Римляне брали себѣ вождей, жили на холмѣ Палатинскомъ или у подошвы его, какъ Нума, который, по преданіямъ, жилъ у храма Весты, что былъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь церковь *S. M. Liberatrice* ²⁾. Положеніе жилищъ аристократическихъ семействъ на возвышенности и въ цитадели соотвѣтствовало аристократическому строю, какъ царскаго, такъ и первоначальнаго республиканскаго Рима.

Разумѣется, что напрасно было бы надѣяться на возможность найти слѣды скромныхъ жилищъ этихъ полубогородныхъ лицъ. Гораздо легче было сохраниться слѣдамъ храмовъ, хотъ и не всѣхъ, съ коими связаны воспоминанія, какъ о древнѣйшихъ событіяхъ исторіи нарастанія силы римской, такъ и о священныя реликвіяхъ и наивномъ первоначальномъ культѣ. Мы уже упомянули объ открытой г. Розой развалинѣ, которая есть, по всей вѣроятности, остатокъ храма Юпитера Статора, построеннаго Ромуломъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Римляне, побѣдившіе сначала отъ Сабинянъ, повернули опять противъ враговъ ³⁾. Мы упомянули также о мѣстѣ, гдѣ, по псей вѣроятности, былъ храмъ Аполлона. Недалеко отъ угла палатинскаго, гдѣ найдены были впервые остатки стѣны Ромула, были оригинальный храмъ *Deae Febris*, храмикъ богини *Veriplaca*, куда приходили мириться поссорившіеся супруги, а также алтарь и храмикъ *Aji Locutio* на склонѣ Палатина, въ *Nova Via*, на томъ мѣстѣ,

¹⁾ Solin. I, 22. Домъ Нумы послужилъ фундаментомъ для дома весталокъ (*atrium Vestae*) и для *Regia*, жилища верховнаго жреца. Въ XVI вѣкѣ найдены были около *S. Maria Liberatrice* 12 надписей въ честь весталокъ.

²⁾ Plinii *Historiae Naturalis ex recensione Harduini etc.* (Aug. Taurinot. 1833), XXXIV, 13 (6).

³⁾ Liv. Hist. R. I, 12, X, 37. Dion. Hal. *Antiquit.* II, 50.

гдѣ слышатъ былъ, передъ приходомъ Галловъ, сверхъестественный голосъ, предупредившій Римлянъ о прибытіи враговъ, — эти любонитные памятники наивнаго культа, о которыхъ упоминаетъ Цицеронъ (*de natura deorum*, III, 25) и Валерій Максимъ (II, 5, 6. II, 1, 6).

Изъ развалинъ, которыя могутъ быть приняты съ достовѣрностію за остатки древнѣйшихъ храмовъ въ квадратномъ Римѣ, кромѣ упомянутаго храма Юпитера Статора, прямолинейная и террасовидная развалина, есть, очевидно, основаніе храма, который г. Роза принимаетъ за храмъ Юпитера Побѣдителя (*Aedes Iovis Victoris*), построенный въ 459 году отъ основанія Рима, въ память побѣды надъ Самнитами (рис. I, № 37). Рядомъ съ этимъ храмомъ стоятъ развалины жилища образной постройки (рис. I, № 36), которую, судя по надписи, слѣдуетъ принять за мѣстопребываніе жреческой коллегіи, которая держала свои собранія *in Palatio in aede Iovis Propugnatoris* ¹⁾. Если такъ, то и самый храмъ, близъ лежащій, можетъ быть, есть храмъ *Iovis Propugnatoris*, позднѣйшій храмъ бога-хранителя императорскаго дворца, тѣмъ болѣе, что изъ одного, правда мимоходомъ сказаннаго, замѣчанія Цицерона можно заключить, что храмъ *Iovis Victoris* былъ не очень далеко отъ храма *Iovis Statoris* ²⁾. Во всякомъ случаѣ развалина, принимаемая г. Розою за *aedes Iovis Victoris*, по своей формѣ несомнѣнно принадлежитъ храму, а по своему характеру и размѣрамъ далеко не къ самымъ древнимъ временамъ римской архитектуры.

До сихъ поръ только предположительно можно установить мѣсто нѣкогда знаменитаго храма матери боговъ, Цибеллы, культъ которой былъ перенесенъ въ Римъ во время второй пунической войны изъ Нессипунта во Фригіи. Храмъ этой богини, — фригійскаго варіанта мѣстной палатинской матери-кормилицы, — былъ возобновленъ Метелломъ, Октавіаномъ и стоялъ еще во время Стиликона въ 394 году. Главный предметъ, который обожался въ немъ, былъ камень, упавшій съ неба, который далъ Римлянамъ Атталъ фригійскій. Камень этотъ былъ вдѣланъ въ серебряное изображеніе богини вмѣсто лица ³⁾. Камень этотъ имѣлъ коническую форму и па-

¹⁾ Herzog-Orelli Inscript. 6057.

²⁾ Preller. Röm. Mythol. 39, 6, 186, 177.

³⁾ Здѣсь не мѣсто говорить много объ этомъ интересномъ культѣ, въ которомъ соединилось служеніе цѣломудренныхъ дѣвъ и посвященію съ нарѣзами до крови. Культъ этотъ сохранился до самаго разрушенія Рима варварами. См. указанія о немъ у Ливія, XXIХ, 37. XXX; VI. 36, у Діона Кассія, XLVI. 33; у Ариобія *Disput. adversus gentiles*, 87; у Пруденція (*Peristeph. hymn*, v).

звался поэтому *acus Matris Deum* и считался въ числѣ семи свя-
тыхъ вещей, поддерживавшихъ имперію римскую¹⁾. Около храма
Цибеллы стоялъ, какъ видно изъ словъ Марціала, и храмъ Вакха,
котораго базальтовую статую нашли во время Біанкини среди са-
довъ Фарнезе, около садоваго павильона. Весьма вѣроятно храма
что развалина, отмѣченная на планѣ № 39, есть точно остатокъ
Цибеллы, — хотя г. Роза и считаетъ ее за *auguratorium*, основанный
Августомъ на мѣстѣ, гдѣ гадалъ Ромулъ, и во II вѣкѣ по Р. Х.
возобновленный, послѣ паденія, Адрианомъ. Развалина № 39, со сту-
пеньками на манеръ храмовыхъ, слишкомъ велика для того, чтобъ быть
auguratorium, а не храмомъ, слишкомъ далека отъ дома Августа
и къ тому же около нея въ 1872 году найдена, при открытіи ея,
женская сидячая статуя, безъ головы и рукъ, которую слѣдуетъ при-
нять за статую Цибеллы, такъ что вѣроятнѣе предположеніе Вис-
контти, что эта развалина есть храмъ матери Пессинунтской, а не
auguratorium Августа. Во всякомъ случаѣ храмъ Цибеллы долженъ былъ
находиться около этого мѣста, — въ сосѣдствѣ съ „хижиною Ромула“ —
и остается возложить надежды, что производящіяся теперь въ этомъ
углу Палатина раскопки рѣшатъ споръ объ этомъ храмѣ. Недалеко
отъ того мѣста, гдѣ предполагаютъ храмъ Цибеллы и отъ того, гдѣ
теперь производятся раскопки на самомъ углу Палатина уже за стѣ-
ною Ромула, найдены были еще въ 1820 году весьма древній алтарь,
который и до сихъ поръ стоитъ на этомъ мѣстѣ; алтарь этотъ ар-
хaicескаго стиля, украшенный завитками, на манеръ саркофага Ци-
пiona Бородатаго и другихъ древнихъ гробницъ на *via Appia antica*, но-
силь надпись:

SEI. DEO. SEI. DEIVAE. SAC.
C. SEXTIUS. C. F. CALVINVS. PR.
DE. SENATI. SENTENTIA. RESTITUIT.

Надпись эта приведена у Орелли и Моммзена въ собраніяхъ ла-
тинскихъ надписей²⁾, — и Моммзенъ вслѣдъ за старымъ англо-италь-

¹⁾ Эти семь вещей перечисляютъ Сервій въ коммент. на Эпенду (VII, 188). *Septem fuerunt paria, quae imperium romanum tenerent: acus Matris Deum, quadriga fictilis Vejorum; cineres Orestis; sceptrum Priami; velum Ilionae, paladium, acilia.* Объ этихъ реликвіяхъ есть монографія стараго итальянскаго археолога Cancellieri: *Le sette cose fatali di Roma antica. Roma 1812.* Замѣтимъ, что по срединѣ фарнезіанскихъ садовъ, по словамъ Біанкини, былъ найденъ камень, который подходитъ къ описываемому Арнобіемъ камню Цибеллы.

²⁾ Orellii, *Inscript. latin.* (1828), № 2135; Mommsen. *Corpus inscript. latinarum*, (1853), № 632.

япскимъ археологомъ Nibby, думаетъ, что алтарь этотъ есть повтореніе алтаря въ честь того неизвѣстнаго голоса, который предупредилъ о вторженіи Галловъ и коему алтарь былъ, какъ мы видѣли, поставленъ съ другой стороны холма на *via Nova*. Такъ какъ нѣтъ большихъ основаній предполагать, чтобъ понадобилось повтореніе алтаря и при томъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ знаменитый голосъ вовсе не былъ слышанъ, и такъ какъ этотъ голосъ далеко не почитался совершенно безыменнымъ и невѣдомымъ, — богъ ли это былъ или богиня, а назывался *Ajus loquens* или *Ajus Locutus*, — то гораздо вѣроятнѣе другое предположеніе итальянскихъ археологовъ, что алтарь посвященъ былъ невѣдомому мѣстному генію Палатина. Форма надписи соотвѣтствуетъ формулѣ призванія мѣстныхъ боговъ братьями арвальскими *sive deo sive deae in cujus tutela hic locus locusque est* ¹⁾, и любопытнымъ образомъ совпадаетъ своимъ смысломъ съ тою надписью, которая, по словамъ Сервія, (комм. Энеиды 11. V. 351) была на капитолійскомъ щитѣ, посвященномъ генію Рима. *Genio urbis Romae sive mas sive femina*. Алтарь Секстія Кальвина, который былъ крисуломъ въ 630 году отъ основанія Рима, поставленный надъ тѣмъ мѣстомъ, откуда выводили начало оспователей Рима, надъ Луперкальской пещерою, а равно и щитъ капитолійскій любопытны, какъ выраженіе сознанія древнихъ Римлянъ, что происхожденіе ихъ города неизвѣстно кому приписать, — богу ли какому или богинѣ, которыхъ однакожъ они боялись оставить вовсе безъ культа, почитая исключительно героя прагматической и эленизированной легенды Ромула.

Такимъ образомъ и въ республиканское время, не смотря на возрастающую важность Капитолія и форума, Палатинъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ мѣстъ культа боговъ, покровителей Рима, мѣстомъ, гдѣ воздвигались храмы въ честь событій, имѣвшихъ государственную важность, и также мѣстомъ, куда переносились иностранные культы, становившіеся домашними. На Палатинѣ же продолжали жить знаменитыя фамиліи римскія старая и старались поселиться новыя, — благодаря чему видъ построекъ Палатина, по мѣрѣ разширенія комфорта и роскоши, сталъ тоже измѣняться. Тутъ жили Кай Гракхъ, который потомъ перешелъ жить среди бѣдниковъ на форумъ, Цицеронъ и его врагъ и сосѣдъ Клодій, Милопъ, Катилина, М. Антоній и др. Кв. Катуль, побѣдитель Кимбровъ вмѣстѣ съ Маріемъ, изъ до-

¹⁾ Marini, gli atti e monumenti de fratelli arvali etc. R. 1795, tav. XXXII, (I, CXLVI, 3, II, p. 374).

бычи военной постройки на Палатинѣ домъ съ ротондою (tholus) и портикомъ; обратившій на себя вниманіе современниковъ (102 г. до Р. Х.) четырьмя колоннами гиметскаго мрамора. Ораторъ Л. Крассъ, цензоръ, выстроилъ (92) домъ, въ которомъ атриумъ поддерживали шесть (по Плинію, 19 по Вал. Максиму) колоннъ изъ гиметскаго мрамора въ 12 фут. вышиною, которыя предназначены были для театра, построеннаго имъ въ бытность едилемъ; колонны эти стоили 100.000 сестерцій, и были почитаемы за большую и рѣдкую роскошь; а въ садахъ росли великолѣпныя лotosовыя деревья, прожившія до Неропова пожара, то-есть, 180 лѣтъ. Домъ Красса цѣнили въ 3.000.000 сестерцій, а съ садомъ въ 6.000.000. Этотъ домъ, стоявшій „на виду всего города“, купилъ защитникъ старины и добродѣтелей Цицеронъ за 3.500.000 сестерцій (болѣе 470.000 фр.). Тутъ же Эмилиѣ Скваръ разворилъ домъ, который выстроилъ Кней Октавій, послѣ триумфа надъ Персеемъ, царемъ Македонскимъ, чтобъ выстроить свой трехъ-этажный съ колоннами, изъ коихъ 38 нижняго этажа были изъ чернаго милосскаго или хіосскаго (лукулловскаго) мрамора; во второмъ этажѣ столбы были изъ кристалла, а въ третьемъ изъ позолоченнаго дерева. Три тысячи бронзовыхъ статуй украшали домъ Сквара. Такіе большіе для своего времени богатства и дома возбуждали неодобреніе любителей старинной простоты и пролетаріата: товарищъ Л. Красса по цензорству Кн. Домицій не одобрялъ его роскоши; М. Брутъ, отецъ убійцы Цезаря, называлъ Л. Красса „Венерой Палатинской“, а Клодій демагогъ, купившій домъ Сквара за 14.800.000 сестерцій (?), разрушилъ дорогой домъ сосѣда оратора и портякъ Катула ¹⁾. Римскій пролетаріатъ подъ предсѣдательствомъ Опимія и Клодія, разорялъ дома на „боярскомъ концѣ“, какимъ былъ въ Римѣ холмъ Палатинскій. Но вышедшая изъ борьбы пролетаріата съ побѣдами имперія въ свою очередь воспользовалась Палатиномъ, какъ удобнымъ мѣстомъ для жилья и обратила его въ свой дворецъ по преимуще-

¹⁾ Valer. Maxim. IX. 1. 4. Vell. Patere. 11. 14. Cicero, Pro domo sua. XXXVIII. Plinii Hist. Nat., XXXVI, 3, 5, 8. Лучшимъ, впрочемъ, домою въ Римѣ считался, по словамъ Плинія, домъ всадника К. Авинія на Виминалѣ, — послѣ него домъ Катула, потомъ Красса. См. любопытныя сравненія древней роскоши и богатства побѣдителей міра съ состояніемъ и богатствомъ новыхъ временъ у Фридендера *Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms*. III. 9—10. Стюартъ, купецъ въ Нью-Йоркѣ, имѣя дохода 4.071.256 долл. платитъ одного подоходнаго налога 407.000 долл. въ четыре раза больше, чѣмъ Цицеронъ заплатилъ за одинъ изъ самыхъ дорогихъ домовъ своего времени.

ству, въ *sacces imperii romani*. Во времена этой имперіи слово *Palatium* стало синонимомъ слова дворець, въ какомъ смыслѣ перешло во всѣ европейскіе языки, не только романскіе, но и германскіе и славянскіе: уже Діонъ Кассій ¹⁾ говоритъ, что всѣе мѣсто, гдѣ пребываетъ императоръ, называется Παλάτιον. А въ средніе вѣка уже стали звать *Palatium* всѣ большія развалины стараго Рима.

II.

Императоровъ привязывали къ Палатину, и удобства возвести дворець-цитадель, и національно-религіозныя традиціи, а также традиціи семейныя. Здѣсь были дома семейства Октавіана и семейства Клавдіевъ, которые послужили зародышами великолѣпныхъ построекъ императоровъ изъ семейства Юліевъ и Клавдіевъ, за которыми послѣдовали постройки Флавіевъ и т. д.

Светоній говоритъ, что Октавіанъ родился на Палатинѣ и потомъ жилъ недалеко отъ форума, въ домѣ, принадлежавшемъ оратору Кальву, а послѣ „на Палатинѣ, въ скромномъ домѣ Гортензіевъ, не представлявшемъ ничего внушительнаго ни со стороны простора, ни со стороны убранства, съ небольшими портиками изъ колоннъ албанскаго камня (теперь въ Италіи зовутъ такой камень *perperino*); комнаты были безъ мрамору и безъ вычурныхъ половъ“ ²⁾. Въ 757 году отъ основанія Рима домъ этотъ сгорѣлъ, — и войско, и народъ хотѣли возстановить его на свой счетъ, но Цезарь принялъ только 25 драхмъ золота отъ города и по одной драхмѣ серебра отъ частныхъ лицъ. Новый домъ свой онъ объявилъ публичною собственностью, почему и имѣлъ право жить въ немъ, когда былъ избранъ верховнымъ жрецомъ, — а это дало дому его названіе *regia* и хозяинъ получилъ право держать военную стражу ³⁾. Съ одной стороны дома Августава былъ храмъ Весты, съ другой — отстроенный императоромъ храмъ Аполлона, а самъ императоръ, третій богъ, — говоря словами Овидія, — взялъ себѣ то, что осталось отъ двухъ боговъ.

Poebus habet partem, vestae pars altera cessit:
Quod superest illis tertius ipse tenet.

Еще передъ старымъ домомъ Октавіана сенатъ велѣлъ посадить у дверей два лавра и повѣсить на этихъ дверяхъ дубовые вѣнки въ

¹⁾ Hist. Rom. LIII, 16.

²⁾ Sueton. Aug. 5, 72.

³⁾ Sueton. ibid. 57. D. Cass. LV, 12.

знакъ того, что хозяинъ всегда побѣждалъ враговъ и благодѣтельствовалъ народу ¹⁾). Светоній говоритъ, что и въ его время существовали кровати, столы и другая утварь Августа весьма скромнаго вида ²⁾). За то публичныя постройки Августа отличались великолѣпіемъ.

Такъ какъ окончательная отдѣлка дома Августа (*Domus Augustana*) принадлежитъ времени позднѣйшему, наследникамъ его, то мы, прежде чѣмъ описывать развалины этого дома, обратимся къ дому Тиберія и семейства Клавдіевъ-Нероновъ, котораго развалины представляютъ средній типъ жилища знатнаго Римлянина на переходѣ республики въ имперію, — кстати же домъ этотъ сохранился, какъ ни одинъ старо-римскій домъ, исключая помпейскихъ.

Светоній говоритъ, что Тиберій Клавдій Неронъ, отецъ императора, имѣлъ домъ свой на Палатинѣ, — и г. Роза думаетъ, что этому дому принадлежитъ нѣсколько комнатъ, открытыхъ имъ, отмѣченныхъ на нашемъ планѣ № 34. Къ постройкамъ этимъ, весьма необъемистымъ и скромнымъ, были присоединены въ правленіе Тиберія другія, которыя постепенно связались съ постройками дворцовыми Октавіана и Домиціана въ рядъ дворцовъ, получившій по преимуществу имя *Palatium*. Что дѣйствительно *domus Tiberiana* долженъ быть въ указанномъ мѣстѣ, это подтверждается словами Тацита, что Оттонъ, желая пройти изъ дворца на форумъ къ заговорщикамъ противъ Гальбы, прошелъ черезъ „домъ Тиберіевъ на Велабрумъ“, — и что Вителлій, будучи въ домѣ Тиберія, могъ видѣть пожаръ на Капитоліи, произведенный тамъ его приверженцами, дѣйствовавшими противъ Флавія Сабина, брата Веспасіана ³⁾). Болѣе поздняя постройка (рис. I, № 40), мало еще скрытая и находящаяся подъ садами Тиберіева дома, была, какъ видно по надписямъ, нацарапаннымъ стилемъ, обращена потомъ въ казарму. А находящаяся подлѣ нея комнаты съ фресками сообщаются съ постройками Тиберія, хотя и имѣютъ разный съ ними уровень, — что уже одно говоритъ въ пользу того, что комнаты эти древнѣе построекъ Тиберія. Это и есть по всей вѣроятности домъ семейства Тиберіева, который могъ потомъ перейти какъ къ Тиберію, пока онъ

¹⁾ Dion. Cass. LIII, 16.

²⁾ In Aug. 73.

³⁾ Sueton. in Tib. V; Tacit Hist. I, 27. III, 71, in Vitell. 15. Vitellius praelium et incendium templi Jovis Optimi Maximi in Capitolio e Tiberiana prospiciebat domo inter epulas.

жилъ частно, такъ послѣ и къ вѣтви Германика ¹⁾. Любопытный домъ этотъ, который г. Роза называетъ домъ Тиберія, Висконти — Германика, Релье—Ливіи; былъ открытъ въ 1869 году г. Розою, который издалъ и фотографіи плана и картинъ на стѣнахъ этого дома подъ названіемъ „Plan et peintures de la maison paternelle de Tibère“; но, сообразно той осторожности, которой придерживается ученый директоръ раскопокъ палатинскихъ до завершения всѣхъ ихъ,—безъ всякаго объяснительнаго текста. Съ текстомъ были недавно налитографированы (безъ красокъ) картины эти въ *Revue Archeologique* Ж. Перро (G. Perrot. Les peintures du Palatin. R. Arch. 1870. Mai—Octobre).

Надписи на двухъ свинцовыхъ водопроводныхъ трубахъ, найденныхъ въ этомъ домѣ, показываютъ, что онъ былъ исправляемъ, особенно во время Домиціана и потомъ во время Септиміи Севера ²⁾. Но общій характеръ постройки изъ каменистаго туфа, изъ небольшихъ кусковъ, съ углами и связями изъ того же самого камня, безъ употребленія кирпичей, относится въ эпохѣ перехода республики въ монархію, значить, къ эпохѣ дѣда или отца Тиберія. Какъ всѣ римскіе дома, домъ тиберіевъ раздѣляется на двѣ части: парадную и домашнюю. Входъ въ домъ идетъ черезъ трапецевидныя стѣны (*prothyron*) съ сводообразнымъ потолкомъ, росписанною штукатуркою на стѣнахъ и мозаичнымъ поломъ. Затѣмъ идетъ *atrium* съ потолкомъ прямо насланнымъ, безъ сводовъ, и безъ *impluvium* по серединѣ. На

¹⁾ Основанія для предположенія Висконти, что указанныя комнаты принадлежатъ къ дому Германика, заключаются въ описаніи у Светонія (in Calig. LVIII) и у Юсена Флавія (*Antiqu. Iud.* XIX, 14, 25) процесса убіенія Калигулы, который, посмотрѣвъ игры палатинскія, шелъ въ свой домъ, но свернулъ въ *crypta*, то-есть, въ корридоръ, о коемъ мы будемъ говорить (р. I. № 31),—тутъ-то его и убили заговорщики, которые, боясь идти къ выходу (у хр. Jov. Statoris), побѣжали въ противоположную сторону и спрятались въ домъ Германика, который такимъ образомъ дѣйствительно долженъ былъ находиться гдѣ-либо около № 34.

²⁾ На одной трубѣ надпись *Juliae. aug.* Эта Юлія, можетъ быть, мать Тиберія—Ливіи, принятая Августомъ въ фамилію Юліевъ, можетъ быть, жена Тиберія, но вѣроятно всею Юлія, дочь Тита, такъ какъ на другой трубѣ, найденной вѣсть съ первою, стоитъ надпись: *impdomitianscaezaraug. subcura euty-chil. pros. fec. Nymphuscaezar,* — то-есть: *Imperatoris Domitiani Caesaris Augusti. Sub cura Eutychi liberti procuratoris fecit Nymphus, Caesaris nostri servus.* Третья труба имѣетъ надпись: *L. rescennius scov. saezarum,* и должна относиться къ отпущеннику *Rescennii Nigri*, соперника Септиміи Севера.

лѣво отъ входа видны слѣды алтаря, сложеннаго изъ камней, а въ глубинѣ входы въ три комнаты парадныя. Въ лѣвой (отъ входящаго) комнатѣ стѣны раздѣлены колоннами сложнаго стила, обвитыми виноградными листьями и плющомъ. Каждый прямоугольникъ раздѣленъ пополамъ узорною полосой съ желтымъ фономъ. На нижней части нѣтъ рисунка, а на верхней представлены по бѣлому полю крылатые геніи на чашѣ съ фантастическими цвѣтами. Вдоль стѣны цоколь, разрисованный подъ мраморъ. Средняя комната (tablinum) имѣетъ такія же украшенія изъ колоннъ, но фрески сложнѣе и лучше нарисованы. На лѣвой сторонѣ изображенъ Полифемъ, который, раздавивъ громаднымъ камнемъ соперника своего, повернулся къ Галатеѣ, которая ѣдетъ по морю на гиппокампѣ. Маленькій безкрылый геній сидитъ на плечѣ у Полифема и правитъ имъ двумя лентами, какъ возжами. Около двѣ веревды, изъ которыхъ одна какъ будто выражаетъ отвращеніе отъ влюбленнаго гиганта. Вторая картина, у угла, представляетъ сидящую женщину въ вѣнкѣ изъ листьевъ съ сосудомъ на колѣнахъ. Позади ея другая, дружески положившая ей руки на плечи. Передъ сидящею женщиной стоитъ тростникъ, а передъ нимъ—третья женщина, которая подаетъ сидящей священную ленту (taenia). На стѣнѣ виситъ головная повязка (vittæ) изъ вѣнка. Сцена эта должна изображать домашнее гаданіе. Слѣдующая сцена представляетъ приготовленія къ домашнему жертвоприношенію. На право сидитъ на стулѣ женщина, окутанная въ широкій плащъ, съ повязкою на вискахъ (palliolum), съ опахаломъ въ рукѣ. Передъ нею подставка съ сосудомъ, въ который другая женщина, одѣтая въ туннику и пеплумъ, стоя, льетъ изъ амфоры. Между двумя женщинами мальчикъ—прислужникъ, несущій на шеѣ козленка для жертвоприношенія. Слѣдующая картина представляетъ улицу домовъ въ нѣсколько этажей. Женщина съ маленькою служанкой стоитъ у одного изъ домовъ, а нѣсколько фигуръ съ верхнихъ балконовъ высунулись, чтобъ видѣть ее. Картина эта даетъ возможность судить о постройкѣ верхнихъ этажей, которые отступали внутрь дома сравнительно съ нижними. Послѣдняя картина представляетъ Іо. Іо въ плѣну въ лѣсу Геры, сидитъ подъ колонной, на которой стоитъ статуя Геры; аргусъ съ копьемъ и мечемъ сторожитъ ее, стоя прямо на камнѣ и положивъ правую руку на скалу. Сзади этой скалы подкрадывается Гермесъ съ кадуцеемъ въ рукѣ. Подъ фигурой Гермеса подписано: ΕΡΜΗΣ; вѣроятно, и подъ другими были также подписаны имена. Третья комната, правая, украшена гирляндами фруктовъ и цвѣтовъ,

висящими съ одной колонны, раздѣляющей стѣны, какъ и въ первой, на другую. На этихъ гирляндахъ висятъ эмблемы разныхъ боговъ: тимпаль Цибеблы, сито и маска Вакха, лира Аполлона и т. д. Лента подъ верхнимъ фризомъ имѣетъ много нарисованныхъ по желтому полю фигуръ животныхъ и людей. Консулъ идетъ съ литераторами, матроны идутъ во храмъ, другіе идутъ по *via Appia* къ гробамъ и несутъ жертвы, адвокаты подходятъ къ форуму, купцы съ верблюдами, навьюченными товаромъ, отпущенники, охотникъ, рыбакъ. Комната эта, по всей вѣроятности, была *lararium*. На право у с.-зап. угла атриума дверь ведетъ въ комнату, росписанную, на подобіе прежнихъ, эмблемами Діаны, Аполлона и др. Эта комната должна была служить столовою (*triclinium*). Любопытны нарисованныя вазы съ фруктами, похожія нѣсколько на наши вазы стеклянныя для той же цѣли. На одной изъ стѣнъ фантастическій пейзажъ изъ деревьевъ, террасы со статуями, мосты, скалы, вода, гротъ, изъ коего выходятъ три утки. Видно, что уже и въ это время начиналось то реалистическое направленіе искусства, которое дало столько блестящихъ примѣровъ въ ландшафтахъ помпейскихъ фрескъ и въ множествѣ хранящихся въ римскихъ музеяхъ, особенно въ Ватиканѣ (*galleria dé animali*), скульптурныхъ изображеній животныхъ. Вообще же разрисовка комнатъ указываетъ тѣ образцы, которымъ подражалъ Рафаель, — изучавшій развалины дома Неронова, бывшія тогда въ несравненно лучшемъ видѣ, — когда онъ чертилъ рисунки украшеній своихъ *лоджій* въ Ватиканѣ. Замѣтимъ еще, что г. Роза приготовилъ, согласно описаніямъ Витрувія и Плинія, лакъ, какой употребляли Римляне въ эпоху, когда росписывалъ имъ стѣны какой-то живописецъ *Tudionъ* или *Ludionъ*, по системѣ Апеллеса, — и картины теперь получили большую свѣжесть и прочность. Между *atrium* и *triclinium* построена лѣстница, которая ведетъ въ верхній этажъ, назначавшійся для прислуги и семейства, и сзади лѣстницы корридоръ (*fauces*), который раздѣляетъ комнаты, окружающія *peristylum*, отъ комнатъ, обращенныхъ на улицу; само собою разумѣется, что корридоръ этотъ даетъ двери какъ въ перистиль, такъ и въ нѣкоторыя комнаты на право и на лѣво. Комнатъ, окружающихъ перистиль, тринадцать. Посреди перистила выстроена лѣстница, ведущая въ верхній этажъ. Комнаты около перистила, конечно, назначались для домашнихъ потребностей; устроены онѣ безъ всякихъ специальныхъ приспособленій. Комнаты на право отъ корридора, вдоль улицы, тоже украшеній почти не имѣютъ, но за то нѣкоторыя отли-

чаются специальными особенностями, дающими возможность определить ихъ значеніе. Такъ двѣ комнаты, тѣсныя и темныя, служили банями; это старыя римскія бани, построенныя по старомодной системѣ до-Меценатовской; Меценатъ первый ввелъ въ Римъ систему *caladrium*'овъ. Въ замѣнъ *caldarium*'а въ домѣ Тиберія въ одной изъ комнатъ выстроена была печка (*hypocaustum*). Двѣ крайнія комнаты у угла, обращеннаго въ храмъ *Jovis Victoris*, съ выходами прямо на улицу, очевидно, предназначались для лавокъ. Такимъ образомъ, домъ Тиберія представлялъ три отдѣльных системы комнатъ: религіозно-парадныхъ, домашнія и спеціальныя. Замѣтимъ мимоходомъ, что прилагаемый планъ дома Тиберія свидѣтельствуетъ, что въ расположеніи домовъ римскихъ являлось, согласно условіямъ мѣста, достаточно отступленій отъ того, такъ сказать, книжнаго типа римскаго дома, какой мы себѣ обыкновенно представляемъ, — что совершенно понятно, такъ какъ каждый строилъ домъ для себя, чтобъ жить въ немъ, а не для того, чтобъ выдержать извѣстный типъ постройки. Тиберіевъ домъ значительно отличается въ расположеніи комнатъ отъ домовъ Геркуланума и Помпеи, въ которыхъ тоже существуетъ достаточное разнообразіе.

Относительно скромный домъ семейства Тиберія связываетъ стиль построекъ палатинскихъ послѣднихъ временъ республики съ тѣми, которыя воздвигнуты были въ императорское время, послѣ Октавіана Августа, хваставшагося, что онъ засталъ Римъ деревяннымъ, а оставляетъ его мраморнымъ. Кромѣ тѣхъ указаній, какія даютъ о постройкахъ Августа историки, въ особенности Светоній, чрезвычайно важны свѣдѣнія изъ такъ называемаго завѣщанія Августа, найденнаго въ надписяхъ въ Аполлоніи и въ Анкирѣ въ Малой Азіи. Вотъ что говоритъ въ этой надписи Октавіанъ о своихъ постройкахъ на Палатинѣ: *templumque Apollinis in Palatio cum porticibus... Lupercal... aedem Larum in summa sacra via, aedem deum penatium in Velia, aedem juventutis, aedem Matris Magnae in Palatio feci*. О большей части этихъ, скорѣе возобновленныхъ и перестроенныхъ, чѣмъ построенныхъ, зданій Августовыхъ, слѣды которыхъ найдены до сихъ поръ на Палатинѣ, мы уже говорили. Самыми замѣчательными изъ построекъ Октавіановыхъ были храмъ Аполлона и домъ императора — *domus Augustana*, остатки которыхъ до сихъ поръ весьма мало изслѣдованы, такъ какъ они находятся въ упомянутой виллѣ Mills.

Храмъ Аполлона описывается древними писателями, какъ одна

FIG. 2.

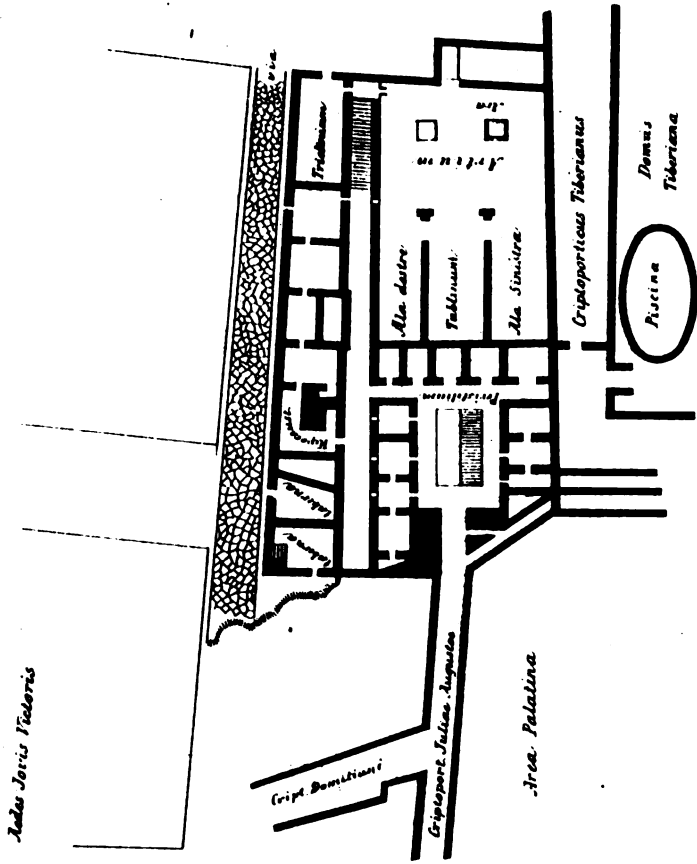
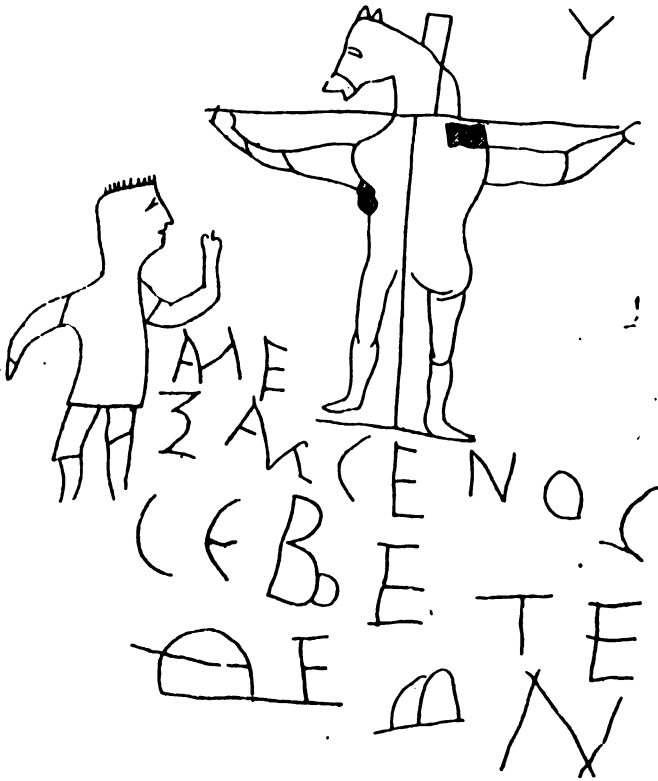

Fig 3

изъ богатѣйшихъ построекъ своего времени. Проперцій и Овидій описываютъ портики этого храма съ позолотою на потолокъ и съ 52 колоннами изъ желтаго мрамора, между которыми стояли 50 дапандъ и отецъ ихъ съ протянутымъ мечемъ и столько же синовеи Египта напротивъ; статуя Августа изъ мрамора, лучше самого Аполлона, стояла какъ будто императоръ хотѣлъ пѣть безъ лиры. Около жертвенника, стояли четыре бронзовыхъ быка работы Мирона. Посрединѣ портика былъ храмъ изъ блестящихъ мраморовъ, на верху коего была колесница солнца изъ позолоченной бронзы. Двери украшались барельефами изъ слоновой кости, представлявшими съ одной стороны Галловъ, прогнанныхъ Аполлономъ отъ Дельфъ, съ другой—гибель Нюбидовъ. Посреди, между матерью и сестрой, стоялъ поющій Аполлонъ въ длинной одеждѣ. Храмъ этотъ былъ, будто бы, мѣте Аполлону, чѣмъ сама, родная Ортигид¹⁾. Храмъ этотъ былъ украшенъ скульп-

¹⁾ Propert. Eleg. II, 23.

Quaeris cur veniam tibi tardior? Aurea Phoebi
Porticus a magno Caesare aperta fuit.

Tota erat in spatina phoenis digesta columnis,
Inter quas Danae femina turba senis.

Hic quidem Phoebo visus mihi pulchrior ipso
Marmoreus tecita carmen hiare lira.

Atque aram circum steterant armenta Myronis
Quatuor artificis vivida signa boves.

Tum medium claro surgebat marmore templum
Et patria Phoebus carius Ortygia.

Auro Solis et erat supra fastigia currus;

Et valvae, libici nobile dentis opus,

Altera dejectos Parnasi vertice Gallos,

Altera moerebat funera Tantalidos.

Deinde inter matrem deus ipse interque sororem

Pythius in longa carmina veste sonat.

Confr. Ovid. Trist. III, 1. 61.

Signa peregrinis ubi sunt alterna columnis,

Belides et stricto barbarus esse pater.

Не безъ основанія считаютъ, что Овидій, описывая въ *Метаморфозахъ* жилище Феба, копировалъ храмъ Аполлона на Палатинѣ:

Regia Solis erat sublimis alta columnis,

Clara micante auro, flammisque imitante pyropi,

Cujus ebur nitidum fastigia summa tegebat,

Argenti bifores radiabant lumine valvae etc.

Metaph. lib. II, 1: et: sqq.

турою старыхъ греческихъ артистовъ Вулала и Антерма, которые жили около 536 г. до Р. Х., а статуя Латоны была работы Кефисидора, сына Праксителя, Диана — Тимофея, а Фебъ — Скопаса. По словамъ Плинія, упоминающаго объ этихъ статуяхъ, въ этомъ храмѣ была канделябра въ видѣ дерева, взятая Александромъ Великимъ въ Фивахъ, потомъ подаренная въ Кумы, въ Малую Азію, а оттуда взятая въ Римъ ¹⁾. Светоній же говоритъ, что Августъ подарилъ Аполлону золотые треножки, и положилъ Сивиллины книги въ золотыхъ ящикахъ въ палатинскомъ храмѣ Аполлона. По словамъ Светонія, Октавіанъ пристроилъ къ храму особый портикъ для бібліотеки латинской и греческой, — фактъ, который подтверждается надписями, приведенными въ старомъ сочиненіи Панвиніо: *Descriptio urbis romæ, Regio X.* ²⁾, Въ 363 году по Р. Х. храмъ Аполлона сгорѣлъ, какъ говоритъ Ам. Марцелинъ ³⁾, а такъ какъ въ 394 году уже послѣдовала указъ Феодосія о закрытіи храмовъ, то, вѣроятно, храмъ не успѣли и возобновить. Какъ мы уже говорили, развалины храма Аполлона доселѣ не были еще изслѣдованы. Панвиніо, впрочемъ, нарисовалъ планъ этого храма, который приводитъ Біанкини, — изъ чего можно заключить, что въ его время было больше остатковъ, чѣмъ теперь. Только находка нѣсколькихъ статуй Данаидъ и кусковъ колоннъ изъ стараго желтаго мрамора (*giollo antico*) показываетъ, что храмъ былъ недалеко отъ церкви С. Бонавентуры. По крайней мѣрѣ, Біанкини считаетъ статуями Данаидъ тѣ, которыя здѣсь нашли во времена Вакки въ виллѣ Ронкони. Тутъ же неподалеку найдено было въ XVI—XVII вѣкахъ не мало какъ обломковъ статуй, такъ и развалины зданій: такъ, въ той же виллѣ Ронкони, на мѣстѣ которой стоитъ теперь монастырь Св. Бонавентуры, найдены были Гераклъ, у котораго не было только одной руки, но на немъ была надпись *Opus Lisippi*; Козьма Медичи купилъ его для Флоренціи, гдѣ онъ теперь и находится; только надпись теперь на немъ греческая. Ближе къ западу отъ этого мѣста найдена была большая голова Зевса Капитолійскаго во времена Вакки, въ 1594 году. По показаніямъ Санти-Бартоли, при Иннокентіи X, на виллѣ Милльса, копалъ тогдашній собственникъ, герцогъ Маттеи, и, между прочимъ найдена

¹⁾ Plin. H. N. XXXVI, 5. XXXVII, 1. XXXIV, 3. Статуя Аполлона Китарета часто встрѣчается на монетахъ; по всей вѣроятности находившаяся въ Ватиканскомъ музеѣ есть ея повтореніе. Visconti, Museo Pio Clementino, 1, 22.

²⁾ Sueton. in Aug. 52, 81, 29, Gori op. cil. 104.

³⁾ Res gestae. XXXII, 3.

была огромная комната, вся покрытая коврами съ золотомъ тканью, которые на воздухѣ разсыпались. Тутъ же при Александрѣ VII найдена была, кромѣ кусковъ статуй и колоннъ, комната, обитая тонкими пластинками серебра, на которыхъ были драгоценныя украшенія; но раскопщики, по невѣжеству, продали эти доски, какъ старое желѣзо, нѣкому Поломбо изъ слугъ кардинала Нина. Вообще видно по всему, что въ XVI вѣкѣ развалины въ этомъ мѣстѣ были еще въ весьма удовлетворительномъ состояніи. Тутъ былъ деревянный домъ Рафаеля, гдѣ знаменитый живописецъ много учился по окружавшимъ развалинамъ. Но невѣжественные, часто смѣнявшіеся хозяева, мало свѣдущіе или искавшіе только мраморовъ и статуй раскопщики (изъ послѣднихъ особенно замѣчательнъ французскій аббатъ Ранкурейль (ок. 1777), испортили и то, что осталось послѣ среднихъ вѣковъ. Такъ еще во время раскопокъ Ранкурейля были найдены нѣсколько залъ, а въ нихъ множество архитектурныхъ обломковъ, которые, по словамъ Гвантани (*Monumenti inediti*, 1735), пошли въ лавку каменщика Винелли на Сатро Vaccino. Много повредила развалинамъ и постройка монастыря Св. Бонавентуры въ 1675 году, при которой вскрыто было много комнатъ съ полами изъ восточнаго алебистра и кусковъ статуй и бюстовъ ¹⁾. Слѣдуетъ надѣяться, что теперь, съ приобретениемъ Villa Mills правительствомъ, а также послѣ предстоящаго приобретения и сада монастыря Св. Бонавентуры, будутъ вскрыты оставшіяся развалины, что дастъ возможность точнѣе опредѣлить прежнее значеніе тѣхъ построекъ, коимъ онѣ принадлежатъ. Судя по надписямъ на оловянныхъ трубахъ, здѣсь найденныхъ, зданія были построены или реставрированы при Домиціанѣ, какъ вообще всѣ почти постройки въ этой мѣстности.

При Домиціанѣ былъ возобновленъ и дворецъ Августа, *Domus Augustina*, развалины котораго были еще въ довольно удовлетворительномъ состояніи въ прошломъ вѣкѣ. Расположены онѣ надъ обрывомъ отъ Villa Mills къ *Circus Maximus*. Еще Плавиній, мѣсто коего и планъ приводитъ Виланнини (*del Palazzo dei Cesari*, p. 99), призналъ развалины, въ этомъ мѣстѣ находящіяся, за домъ Августа, послѣ трехъ пожаровъ заново отстроенный Домиціаномъ. Въ 1777 г., во время раскопокъ Ранкурейля, удалось вскрыть два этажа построекъ въ этомъ мѣстѣ, планъ которыхъ снятъ былъ архитекторомъ Варбери и приведенъ Гвантани въ *Roma descritta ed illustrata* (1 p., 48 tav. 8—14).

¹⁾ Gori, *с. с.* 2—31.

Планъ этотъ нарисованъ и на приведенномъ нами общемъ планѣ Палатина (№ 16).

Домъ былъ обращенъ къ цирку и выходилъ на огромный округленный балконъ; на фасадѣ было пять оконъ по бокамъ двери, которая стояла еще въ 1824 году. Дверью этою входили въ *atrium* съ двумя пилястрами и четырьмя колоннами, около коего были комнаты разныхъ формъ и величинъ; изъ нихъ круглая и осьмиугольная имѣли ниши для статуй и освѣщались сверху. Изъ *atrium* выходили въ *перистиль* 105 р. фут. длины, 95 шир., окруженный внутри портикомъ въ 56 колоннъ іоническаго ордена. Множество кусковъ этихъ колоннъ было продано въ кампетесную лавку на *Capro Vascino*. Замѣчательна была въ нижнемъ этажѣ, по своей богатой постройкѣ, купальня и мраморная сорная яма, раздѣленная мраморомъ на три вмѣстияща съ водопроводами, куда вели воду оловянные трубы съ надписями, на коихъ встрѣчается имя Домиціана. Устройство этой ямы говоритъ въ пользу немалого развитія привычекъ къ комфорту и сознанія гигиеническихъ условій. Теперь изъ всей постройки осталось только нѣсколько комнатъ съ красивымъ видомъ, вслѣдствіе просвѣту сверху, въ отверстія; въ комнаты эти входъ теперь изъ монастыря Салезіанскаго,—хотя во время открытія сѣверная половина на столько хорошо еще сохранилась, что въ ней почти можно было еще жить.

Мы уже упоминали о домѣ, построенномъ императоромъ Тиберіемъ около своего фамильнаго жилища. Почти все пространство большаго дома Тиберіана, *Domus Tiberiana*, занято теперь садомъ, а только на юго-западной сторонѣ видны теперь рядъ комнатъ, въ которомъ, судя по надписямъ на стѣнахъ, анализированнымъ г. Розою ¹⁾, жили солдаты. Въ другихъ частяхъ дома, теперь засыпанныхъ, была между прочимъ, какъ показываютъ слова историка Вописка, весьма значительная бібліотека ²⁾. Дворецъ Тиберіевъ, вѣроятно, долго поддерживался въ хорошемъ состояніи, такъ какъ въ немъ жили Антонинъ Пій, Маркъ Аврелій и Люцій Веръ ³⁾. Двумя корридорами дворецъ этотъ соединился съ постройками у храма *Iovis Statoris* и съ постройками Домиціановыми. Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ Тиберіево время значительная часть того пространства Палатина, которое было потомъ занято *Villa Mills* и *Orti Farnesiani*, была застроена новыми

¹⁾ *Annali d'Instituto di Corresp. arch.* 1865, 365 et seq.

²⁾ *Vopiscus*, in *Probum*, 2.

³⁾ *Capitolinus*, in *Anton. Pium* 10, in *M. Aur. Anton.* 6, in *Lucium Verum* 2. 6.

постройками. Калигула захотѣлъ соединить ихъ съ форумомъ, на которомъ Октавіанъ возвелъ тоже великолѣпныя сооруженія, какъ на примѣръ, базилику Юлія и т. п. Светоній говоритъ: „Калигула продолжилъ часть дворца (partem Palatii) до форума... и, перебросивъ мостъ черезъ храмъ божественнаго Августа (въ коемъ тоже помѣщалась библіотека), соединилъ Палатинъ съ Капитоліемъ“. Полуумный, императоръ говорилъ, что онъ хочетъ быть поближе къ отцу своему, Юпитеру Капитолійскому, — а встрѣченный по дорогѣ храмъ Диоскуровъ, Кастора и Поллукса, котораго три прекрасныя коринтскія колонны вскрыты недавними раскопками на форумѣ, обратился въ одну изъ комнатъ дворца любезнаго брата ихъ — Кая Цезаря Калигулы¹⁾. Множество комнатъ въ два этажа стоятъ теперь на углу Палатина, обращенномъ къ форуму; безъ сомнѣнія, это остатки построекъ Калигулы (рис. I, № 43). Большая часть ихъ темны и узки, хотя и высоки, и служили, конечно, пристройками къ верхнимъ этажамъ. Значительная часть построекъ еще не вскрыта, такъ что еще не видно соединенія ихъ съ домомъ Тиберія. Остатки построекъ Калигулы производятъ впечатлѣніе болѣе массивностью, чѣмъ комфортомъ и роскошью. Нельзя забыть только прелестнаго вида, какой открывается сверху ихъ на часть Палатина, форумъ, Via Sacra со всѣми къ нимъ прилегающими памятниками древняго и новаго Рима.

Во время Кая Цезаря Калигулы съ дворцомъ былъ соединенъ домъ, такъ называемый *domus Gelotiana*²⁾, возбудившій недавно весьма большой интересъ, особенно когда надписи, вацарананныя стилемъ (*graphio*) на стѣнахъ (откуда итальянскій терминъ *graffiti*), были разобраны Раф. Гаруччи, который помѣстилъ многія изъ нихъ въ своемъ изданіи *Graffiti de Pompei. Inscriptions et gravures tracées au stylet etc.* (Paris, 1856), а потомъ П. Е. Висконти въ 1869 г. Этотъ домъ примыкалъ къ *domus Augustana*. Отъ него осталась часть портика (одна комната изъ графиты) и нѣсколько комнатъ, изъ коихъ двѣ треугольныя. На одной изъ стѣпъ входной комнаты найдена надпись: *Hilarus mi. V. D. N.*, въ которой слово *mi* (*miles*) дало возможность съ достовѣрностью прочесть и *V. D. N.*, встрѣчающіеся во множествѣ: *veteranus domini nostri*. А надпись на другомъ графитѣ:

BASSUS ET
SATURNUS
PEREG

¹⁾ Sueton in *Cajum Calig.*, 22.

²⁾ Sueton *ibid.*, 8.

показываетъ, что эти ветераны принадлежатъ къ иностранному отряду *perigrini* ¹⁾). Нѣкоторыя надписи подлѣ именъ имѣютъ еще прибавку *exit de pedagogio*, на основаніи чего Де-Росси и Ленорманъ полагаютъ, что тутъ была и школа императорскихъ пажей. Во всякомъ случаѣ, судя по именамъ, въ этомъ домѣ жило много иностранныхъ воиновъ, которые приносили свои нравы и культы своихъ земель. Между прочимъ здѣсь найдены два графита, относящіеся къ культу христіанскому. Одинъ представляетъ начерченного осла, который вертитъ мельницу; вверху надпись шрифтомъ перваго вѣка по Р. X. *labora aselle quomodo ego laboravi et proderit tibi* ²⁾). Такъ какъ христіане называли себя въ первые вѣка весьма часто *asellus*, — то нѣкоторые видятъ въ этомъ рисунокѣ намекъ или иронію одного изъ солдатъ надъ товарищемъ своимъ христіаниномъ. Если впрочемъ и могутъ быть сомнѣнія на счетъ этого рисунка и подписи, то другой, найденный въ 1857 г. въ комнатѣ направо, отъ входнаго полукруга и теперь находящійся въ Collegio Romano, — несомнѣнно есть самый древній, хотя каррикатурный, памятникъ, относящійся къ христіанству. Такъ по всему видно, что *graffiti* въ занимающемъ насъ домѣ не позже вѣка первыхъ Антониновъ. Это изображеніе человѣческой фигуры, обожающей распятого осла съ нацарапанною греческою надписью: *Αλεξάνδος βέβητα ται θεόν*, то-есть Алексаменосъ поклоняется богу; тоже имя Алексаменосъ съ прибавкою *fidelis* найдено было въ 1870 году К. Л. Вископти на другомъ графитѣ. Мы прилагаемъ копію съ этого замѣчательнаго изображенія (см. рис. 3).

Большинство ученыхъ соглашается съ тѣмъ мнѣніемъ, что это — карриатура на солдата-христіанина, жившаго въ *domus Gelotiana* ³⁾), такъ какъ въ древности многіе говорили, что христіане поклоняются Богу съ ослиною головою.

¹⁾ Объ этомъ см. мемуары Генцена въ *Bullott. dell Istit. di Corresp. Arch.* 1867, p. 113 et 1863. 72. Надпись, во всякомъ случаѣ, посятъ явные слѣды равнообразія національнаго и географическаго происхожденія обитателей дома, — какъ напримѣръ (*Garrucci, Graffiti de Pompei, pl. XXXI*) *ΖΩΣΙΜΟΣ Ἑλληγν, Eugamus af(re) kartha ... Romani* (№№ 3, 8, 10, 17). Въствѣ съ надписями нацарапаны египты лошадей, гладиаторовъ, орловъ и т. под. предметовъ. интересовавшихъ солдатъ. *Garrucci, op. cit., pl. XXX, № 18, 20, XXXI.*

²⁾ *Garrucci, ibid. pl. XXX, 19. XXV, 2.*

³⁾ Литература этого графита: *Garrucci: Civiltà Catolica 1857* и отдѣльно *Il Crocifisso graffito nel palazzo dei Cesari. Roma 1857. Ferd. Becker: Das Spottkruzifix d. röm. Kaiserpaläste. Breslau. 1866. Kraus: Das Spottkruzifix von Palatin und ein neunentes Graffito. Freiburg. 1872.*, противъ мнѣнія Иосефа Гаупта изъ Визмъ, что египта изображаетъ Тисона, а не Христа.

Огромныя сооружеія Нерона были сдѣланы не столько на Палатинѣ, — гдѣ, по всей вѣроятности, Неронъ застроилъ существующими теперь нижними субконструкціями ту балку, которая раздѣлила обѣ части Палатина и дворець Тиберіа отъ Августова, — сколько внизу Палатина, на томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ былъ выстроенъ храмъ Рома, Колизей, и дальше на Эсквилинѣ къ перестроенной виллѣ Медината, такъ называемому *domus transitoria*, потомъ золотому дому Нерона (*domus aurea*), котораго часть пошла на подстройку къ термамъ Тита и которую (часть) еще могъ изучать Рафаэль съ удовлетворительно сохранившимися архитектурными и живописными украшеніями¹⁾. Послѣ Августа наиболѣе способствовалъ отстройкѣ Палатина Домиціанъ.

О домѣ Домиціана, построенномъ посреди домовъ Августа и Тиберіа, Плутархъ говоритъ, какъ о дѣлѣ Мидаса, который къ чему ни прикасался, все обращалъ въ золото, и сравниваетъ портикъ, базилику, бани и комнаты наложницъ Домиціана по богатству съ храмомъ Зевса въ Капитоліи²⁾. Стацій тоже съ восторгомъ говоритъ объ этомъ домѣ съ его множествомъ колоннъ, которыя могли бы поддерживать и небо, съ его разнообразными камнями, привезенными изъ разныхъ мѣстъ — изъ Ливіи, Иліона, Хіуса, Дориды³⁾.

Изъ описанія жизни Аполлонія Тіанскаго видно, что около дома былъ и садъ, посвященный Адонису, въ коемъ императоръ принималъ странствующаго теософа⁴⁾. Во дворцѣ Домиціана упоминають древніе писатели любопытный портикъ, гдѣ императоръ гулялъ, — и чтобъ онъ могъ видѣть всякаго, кто входилъ туда, стѣны портика были покрыты зеркально-прозрачнымъ мраморомъ⁵⁾. Домъ Домиціана былъ

¹⁾ Sueton. in Neron., 31. Domum a Palatio Exquilias usque fecit quam primo transitoriam, mox incendio absumptam restitutamque Auream nominavit 2. Светоній же приводитъ юмористическіе стихи, которые ходили въ Римѣ по поводу построекъ Нерона. Roma domus fiet: Vejor migrate, si non et Vejor occupat, Quirites, ista domus. 39. Срав. Тацитъ Ann. XV, 42. Nero usus est patriae ruinis, extruxitque domum in qua haud perinde gemmae et aurum miraculo essent, solita pridem et luxu vulgata, quam arva et stagna; et in modum solitudinum hinc sylvae, inde aperta spatia et prospectus: magistris et machinatoribus Severo et Celere, quibus ingenium et audacia erat, etiam quae natura denegavisset, per artem tentare et viribus principis illudere.

²⁾ Plut. Publcol. 15.

³⁾ Statii, Silvani, IV, II, 18.

⁴⁾ Philostratus, Vita Apoll. Tyan. VII, 32.

⁵⁾ Sueton in Domit. 14.

названъ Первою *Aedes publicae* и обратился въ парадные, не столько частно-императорскіе, сколько въ публично-имперскіе апартаменты. Постройки Домиціана большею частію пришлись въ *Orti Farnesiani* и были тамъ вскрыты въ XVIII вѣкѣ (1720—1726), при чемъ Біанкини далъ весьма подробное описаніе, какъ плану ихъ, такъ и множеству вещей, тогда здѣсь открытыхъ. Если идти отъ *Porta Mugonia*, то сначала открываются три большія залы. Средняя (р. I. № 23), самая большая (160 ф. дл., 120 ш.), была, и по опредѣленію Біанкини, *aula regia*. Сдѣланный противъ входа полукруглый абсидъ, очевидно, предназначался для трона, *augustale solium*, на которомъ сидѣлъ еще императоръ Гераклій. Зала имѣла 7 дверей, изъ коихъ главныя поддерживались двумя колоннами нумидійскаго мрамора (*giallo antico*), проданными послѣ открытія за 2.000 цехиновъ. Біанкини описываетъ колонны входной ниши въ 28 пядей вышины и въ $3\frac{1}{2}$ толщины. Колонны эти стояли на базѣ изъ греческаго мрамора (*saligno*); *ниши* ихъ были покрыты скульптурою военныхъ трофеевъ, остальные части (*togo inferiore*) основанія представляли вѣнки и т. п. комбинаціи различныхъ листьевъ; соотвѣтственно украшены были и капители, архитравъ, фризь и карнизъ. Четырнадцать другихъ колоннъ, соотвѣтствовавшихъ остальнымъ 7 нишамъ, имѣли такую же величину, только были изъ разныхъ мраморовъ, преимущественно изъ такъ называемаго *raconazzo*. Въ нишахъ стояли колоссы въ 20 пядей вышины, изъ которыхъ двое гранитныхъ были найдены во время Біанкини и отведены въ Парму; они представляютъ молодого Геракла и Вакха. Ниши поддерживались каждая двумя колоннами въ $\frac{2}{3}$ вышины главныхъ. Во время Біанкини еще стѣны во многихъ мѣстахъ имѣли остатки мраморныхъ инкрустацій, — но и безъ нихъ кирпичи, связанные свинцомъ, представляли красивый видъ. Многие изъ кирпичей носили имя Феликса, раба Флавія Домицилли¹⁾. Тутъ же, по словамъ Біанкини, былъ найденъ барельефъ, представлявшій Тита въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ, съ покрываломъ на головѣ, собирающагося приносить жертву на алтарѣ, украшенномъ вѣнкомъ, фруктами и колосьями. Нѣсколько фигуръ прислужниковъ, флейтистъ, ликторы окружаютъ императора. По краямъ по фигурѣ: женщина, съ обнаженною правою грудью, и мужчина, закрытый хламидою. На лѣво отъ приемной залы, которую Біанкини назвалъ *aula regia*, а Роза называетъ *tablinum*, стоитъ другая, меньшая, прямоугольная зала въ 40 ф. ширины

¹⁾ Bianchini, Palazzi dei Cesari, 50 et sqq., tav. III, IV, XIX, XX.

и 150 длины, названная Біанкини *Lavarium*, такъ какъ здѣсь были открыты остатки алтаря со слѣдами огня. Біанкини говорятъ (стр. 254) еще, что въ этой залѣ найденъ былъ кусокъ чернаго камня, который современные ученые принимали за идолъ солнца, перенесенный Геліогобаломъ въ Римъ, — но камень былъ въ такомъ состояніи, что трудно было вывести какое нибудь опредѣленное о немъ мнѣніе. На право другая зала въ видѣ базилики, съ портикомъ внутри изъ двухъ рядовъ колоннъ съ полукруглымъ абсисомъ, въ космъ поднимается трибуна, на которую ведутъ три лѣстницы. Теперешняя надпись г. Розы въ этомъ мѣстѣ называетъ эту базилику *Basilica Jovis*, принимая ее за ту, въ которой былъ допрашиваемъ св. Лаврентій, — что врядъ ли вѣрно, такъ какъ въ житіи св. Лаврентія и Сидвестра идетъ дѣло о базиликѣ-храмѣ, т. е., вѣроятно, о храмѣ или *Jovis Statoris*, или *Jovis Victoris*. Черезъ небольшія сѣни выходимъ мы изъ базилики въ перистиль, ограниченный съ сѣверо-запада рядомъ небольшихъ округленыхъ комнатъ, а съ юга, противъ базилики и *aula*, соответственными большими залами. Упомянутыя комнаты, числомъ 8, расположены симметрично по обѣ стороны восьмиугольной залы съ четырьмя большими дверьми и четырьмя нишами, въ которыхъ стояли статуи. Съ противоположной стороны перистилия были, — какъ показали раскопки, произведенныя на виллѣ Mills для постройки новаго флигеля монастырскаго, — подобныя же комнаты. Черезъ упомянутую осьмиугольную залу былъ выходъ на свободное мѣсто къ дому Тиберія. Огромный перистиль, въ 3,000 квадратныхъ метровъ, былъ украшенъ колоннами изъ мрамора, а по стѣнамъ его паходился цоколь изъ *giallo antico*. Это, очевидно, тотъ портикъ, о космъ говоритъ Снетоній. Тутъ найденъ былъ торсъ Фавна, и та мраморная, доска которая теперь въ Пантеонѣ, и которая, вѣроятно, служила дверью главному входу. Широкій входъ изъ перистилия въ залу, противоположную *aula regia*, показываетъ, что мы входимъ въ залу пировъ, *triclinium*¹⁾. Изъ украшеній ея теперь остались два гранитныхъ куска изъ 16 колоннъ и въ абсисѣ часть мозаичнаго пола изъ порфира, серпентина, *giallo* и *ravonnazetto* въ весьма сложныхъ геометрическихъ комбинаціяхъ. На право отъ *triclinium* находящаяся зала была, очевидно, *nympleum*, какъ можно безошибочно заключить изъ прекраснаго эллиническаго фонтана по среднѣ. Здѣсь недавно найдена, кромѣ кусковъ колоннъ,

¹⁾ Она называется также, на основаніи мнимоходнаго замѣчанія Капитолина, (Jul. Capitoli, in Pertinacem 4, II) *Jovis Coenatio*.

являющая статуя Эроса съ большими крыльями, находящаяся теперь въ музеѣ палатинскомъ. Недалеко отъ абсиса *trichinium*'a находится лѣстница, ведущая въ нижнія постройки, которыя тоже были вскрыты еще въ XVIII вѣкѣ. Кладка стѣпъ относится къ послѣднимъ временамъ республики, — и вѣроятно, это былъ домъ, стоявшій въ глубинѣ не разъ упомянутой балки (*intermontium*), раздѣлявшей обѣ части Палатина, и обращенной потомъ въ нижнюю постройку дворцоваго зданія, — это подтверждается и тѣмъ, что при открытіи ихъ въ XVIII вѣкѣ, какъ говоритъ Гваттани (*Roma antica*, Bologna, 1795—60) не было замѣчено никакой двери, ни наружнаго окна. Стѣны были украшены мраморной устилкой, а также разнообразною размазкой по золотому и голубому полю; теперь эта размазка сильно попортилась. Постройки этой дано было въ XVIII вѣкѣ произвольное имя, которое до сихъ поръ и сохранилось, *Bagni di Livia*. Нельзя не сказать въ заключеніе, что даже и въ томъ видѣ, въ какомъ теперь находятся развалины дворца Домиціана, они много говорятъ не только о богатствѣ, но и о вкусѣ, умѣньи расположенія комнатъ и о комфортѣ въ эту эпоху¹⁾.

Послѣдніе императоры подвигались въ своихъ постройкахъ на Палатинѣ къ южной и юго-восточной сторонѣ. Мы оставляемъ безъ разсмотрѣнія, по малости данныхъ, вопросъ объ августаторіи, который, по словамъ надписи, находящейся теперь въ Латеранскомъ соборѣ, возобновилъ Адрианъ въ 137 г. Нѣкоторые полагаютъ, какъ мы говорили, что августаторіумъ этотъ есть развалина, принимаемая г. Розою за храмъ Цибеллы. На иныхъ киринчахъ въ окрестностяхъ Домиціановыхъ построекъ встрѣчается имя Адриана и Коммода, что показываетъ, что и эти императоры дѣлали тутъ нѣкоторыя постройки и поправки. Но наиболѣе настроилъ, преимущественно на южной сторонѣ Палатина, Септимій Северъ (193—211). Кроме того, что эта часть Палатина была меньше застроена, Септимій Северъ, говорятъ, еще хотѣлъ похвастаться передъ своими земляками, африканцами,

¹⁾ Слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ залахъ между дворцомъ Домиціана и домомъ Гелодія, которыя Роза называлъ *академіей* и *библіотекой*, принадлежавшими во дворцу, хотя онѣ стоятъ отдѣльно (р. I. № 17). Г. Роза относитъ къ этимъ комнатамъ указаніе Плинія младшаго о помѣщеніи, въ коемъ бывали литературныя чтенія, особенно въ апрѣлѣ, когда почти ни одинъ день безъ нихъ не обходилась. *Epistolar.* I, 13. Новѣйшую попытку реставраціи дворца см. въ *Revue Archeologique* (1873, 1—11), въ краткой статьѣ F. Dutert: *Etude et restauration du palais public des Césars sur le mont Palatin*.

которые съ этой стороны подѣзжали къ Риму черезъ porta Trigemina или Сарепы¹⁾.

Между эпохою Домиціана и Септимія Севера должна была закончиться постройка, которой остатки были вскрыты въ 1870—1871 г. и признаны нынѣ за дворцовый цѣркь, *stadium palatinum*. Никакой древній писатель, правда, не упоминаетъ объ этомъ stadium'ѣ, но характеръ развалины не позволяетъ принять ее за что-нибудь другое. Помѣщается эта развалина къ востоку отъ того мѣста, на Villa Mills, гдѣ мы опредѣлили мѣсто храма Аполлона и domus Augustana (рис. I, № 11). Это продолговатый прямоугольникъ въ 625 фут. длины, съ нѣскольکو округленнымъ бокомъ, обращеннымъ къ *Circus Maximus* и съ полукруглымъ выступомъ на боку, противоположномъ дому Августа (*exedra*), очевидно, предназначеннымъ для императорской ложи. У края, обращеннаго къ *Circus Maximus*, откопавъ бассейнъ, который составлялъ цѣль и служилъ для освѣженія бойцовъ; ему могъ соотвѣтствовать другой, въ противоположномъ концѣ. Нѣкоторые кирпичи въ стѣнахъ носятъ имя Клонія и Гермеса, отпущенниковъ Флавіевъ, изъ чего можно заключить, что начало постройки было около эпохи Домиціана. Но въ *экседрѣ* кирпичи носятъ значки третьяго консульства Урсуса Сервіана, то-есть, 134 г. по Р. X., при Адрианѣ, а основанія колоннъ портика передъ *экседрой* имѣютъ значекъ консула Тертулла, т. е., вѣроятно, Скапиль Тертулла въ 195 г. по Р. X. при Септиміи Северѣ. Въ этомъ зданіи особенно интересна *экседра* въ два этажа: нижній этажъ ея, на одномъ уровнѣ съ ареной, имѣетъ большую залу по среднѣ и двѣ по бокамъ. Средняя зала теперь лишена всякихъ украшеній, кромѣ остатка фреска на задней стѣнѣ, временъ паденія стили, и эта фреска представляетъ глобусъ, поддерживаемый по горизонтальнымъ кругамъ тремя ножками. Представляетъ ли онъ землю или небо, теперь разобрать трудно; если послѣднее, то это изображеніе одного изъ тѣхъ инструментовъ, которые, какъ извѣстно, употреблялись въ библіотекахъ древнихъ; но нѣтъ ничего вѣроятнаго, что глобусъ этотъ представлялъ и землю, такъ какъ многіе изъ древнихъ были убѣждены въ сферичности земли. Стѣны и полъ этой комнаты были, конечно, покрыты мраморомъ. Любопытно, что въ одномъ углу этой залы было найдено до 30 человѣческихъ скелетовъ средняго возраста, которые, вѣроятно, принадлежатъ къ падшимъ въ какой-нибудь изъ схватокъ въ сред-

¹⁾ Spartian. in Severum Spt. 24.

ніе вѣка, когда фамилія Франджипани въ XIII в. укрѣпила эту часть Палатина башнями и загородами и, конечно, должна была воспользоваться относительно хорошо сохранившеюся экседрой. Въ небольшой комнатѣ на право найдено было нѣсколько графитовъ, покрывающихъ штукатурку, на которой написано много именъ съ отиѣтлами цифръ около нихъ, — вѣроятно, это имена бѣгуновъ, здѣсь отличившихся. Верхній этажъ экседры состоялъ изъ одной большой полукруглой залы, фронтоны которой былъ украшенъ колоннами изъ восточнаго гранита, отъ коего осталось много кусковъ, упавшихъ на арену. Периметръ залы украшался колоннами изъ фригійскаго и гиметскаго мрамора между колоннами ниши, въ которыхъ стояли статуи; вѣроятно къ нимъ принадлежали тѣ амазонки, которыя, по словамъ Вакки, были найдены въ XVI в. около этого мѣста вмѣстѣ съ Геракломъ Лизиппа, купленнымъ Козмою III и стоящимъ теперь въ Палаццо Питти во Флоренціи. Вышеупомянутый бассейнъ въ округленномъ концѣ стадиума, окруженъ былъ концентрическою стѣной, часть которой вскрыта теперь. Кирпичи стѣны этой носятъ значки Теодориха, что, вмѣстѣ съ бесполезностью этой стѣны для стадиума, говоритъ въ пользу того, что это зданіе было для чего либо приспособлено въ правленіе этого короля, который вообще заботился о сохраненіи и поддержаніи палатинскихъ построекъ.

Къ описанному стадиуму примыкають развалины построекъ Септимія Севера: сначала бани, а потомъ новый флигель дворца и ложи, откуда императоры могли смотрѣть на *Circus Maximus*. Бани (рис. № 13) были открыты въ 1817 году; тутъ замѣчательна полукруглая галлерей со сводомъ, украшеннымъ глубокими впадинами, и нѣсколько комнатъ для мытья съ мраморнымъ поломъ, достаточно сохранившимися. Бани эти получали воду изъ водопровода Клавдія, развалины котораго видны неподалеку. Новый мостикъ ведетъ къ остаткамъ дворца Септимія Севера (рис. № 14), которые до пожара 1863 года служили мѣстомъ для складки сѣна. Въ постройкѣ теперь можно отличить три этажа, изъ коихъ послѣдній, служившій фундаментомъ, — чтобъ расширить тутъ гору и дать мѣсто для большей постройки наверху, — засыпанъ почти совершенно землею. Отъ верхнихъ двухъ осталось много комнатъ разной формы, перемѣшанныхъ съ новѣйшими постройками. Въ цѣломъ — это самое живописное мѣсто развалинъ Палатина съ разнообразными видами, приводившее въ восторгъ Байрона, который (въ Чайльдъ Гарольдѣ) вспоминаетъ здѣшній „кипарисъ и плющъ, зелень и фіалки, комнаты, колонны, фрески“ и, т. п.

Ближе къ *domus Augustana* стоятъ остатки *pulvinar*'а или балкона ложи, съ коего императорское семейство смотрѣло на *Circus Maximus* (рис. № 15). Кромѣ балкона съ нишами для статуй, тутъ видимъ отдѣльный кабинетъ для отдыха.

Долго стояло замѣчательнѣйшее изъ зданій Септимія Севера, такъ называемый *Septizonium*, на концѣ Палатина, между краемъ *Circus Maximus* (Via Moletta) и Via de ss. Giovanni и Paolo. Оно было еще въ весьма удовлетворительномъ видѣ въ XVI в. и было скрыто по приказанію папы Сикста V, который велѣлъ взять отсюда гранитныя и порфирныя колонны для украшенія базилики Ватиканской. Средневѣковая хроника такъ называемаго анонима Эйнзидленскаго говоритъ, что въ VIII в. на этомъ зданіи была надпись, въ коей, между прочимъ, сказано было, что *Septizonium* былъ построенъ въ VI годѣ трибунской власти С. Севера, значить въ 203 г. по Р. X. Это была эпоха, когда азіатскіе культы стали оказывать сильное вліяніе на Римъ, и между прочимъ, культы семитско-ассирійскіе. Именно при С. Северѣ, какъ видно изъ словъ Діона Кассія¹⁾, сталъ сильно распространяться счетъ дней по недѣлямъ, связанный съ культомъ 7 планетъ. Случайно имя императора и его африканское происхождение дѣлало его особенно склоннымъ къ принятію числа семь за священное и къ сиропоникійскимъ идеямъ: у него явилась мысль построить зданіе въ семь этажей, или ярусовъ, съ украшеніями на манеръ ассирійско-вавилонскихъ храмовъ — пирамидъ въ семь террасъ, представлявшихъ семь небесъ, управляемыхъ солнечнымъ богомъ²⁾. Къ сожалѣнію, постройка С. Севера претерпѣла много въ средніе вѣка, когда Рустикъ, племянникъ Григорія VII, выдержалъ здѣсь осаду войска Генриха IV съ машинами, и опрокинулъ много колоннъ зданія (1084), а потомъ *Septizonium* былъ укрѣпленъ, какъ башня, въ коей въ 1255 г. сидѣлъ запертымъ Бранкалеонъ изъ Волоньи, сенаторъ римскій, который послѣ разорилъ 140 башенъ римскихъ вельможъ,³⁾ чтобъ положить конецъ мѣстному феодализму, при чемъ досталось и *Septizonium*'у, который опять потерпѣлъ въ 1315 г. Въ XVI в. *Septizonium* былъ нарисованъ нѣсколькими любителями древности и архитектуры: Стефаномъ Дю-Перапомъ, Гамуччи (*Antichita di Roma*, 1580) и въ коллекціи гравюръ XVI в., что теперь находится въ библиотекѣ Варберини въ Римѣ. Но не только число колоннъ, но и число

¹⁾ D. Cassius: *Hist. Rom.* XXXVII, 78.

²⁾ См. Rawlinson. *The five great monarchy of ancient East.* II, 269, 547.

этажей этого зданія показывается писателями XVI вѣка различно: 3 и 4. Гамуччи, который былъ самъ архитекторъ, говоритъ, что тотъ, кто понимаетъ немного въ архитектурѣ, долженъ согласиться, что невозможно было этому террасовидному зданію имѣть семь этажей и семь ярусовъ колоннъ, ибо послѣдніе не были бы совсѣмъ видны снизу. Канина же (*Edifizii, di Roma antica, tavv. 266, 267, 268, vol. IV*) реставрируетъ *Septizonium* съ семью рядами колоннъ; а недавно Иорданъ въ *Bulletino dell Istituto di corrispondenza Archeol.* (1872, 145 и слѣд.) доказывалъ, что *Septizonium* имѣлъ только три этажа. Дѣйствительно, *Septizonium* могъ имѣть не болѣе трехъ или, съ основаніемъ, четырехъ этажей, а остальное число поясовъ могло дополняться карнизами. Гори дѣлаетъ такую, довольно вѣрную, реставрацію этого любопытнаго зданія: 1-й поясъ—основаніе, 2-й—первый этажъ, 3-й—карнизъ, 4-й—второй этажъ, 5-й—карнизъ, 6-й—третій этажъ, 7-й—карнизъ ¹⁾). Во всякомъ случаѣ, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ не прекращалось сознаніе, что эта постройка была посвящена солнцу и что она имѣла 7 поясовъ, почему и называлась *Septizonium*, *Septem Solium*, *Septum Solis*, *Sedes Solis* и т. п.

Дальнѣйшая исторія зданій Палатинскихъ связана съ дальнѣйшимъ прогрессомъ восточнаго вліянія въ Римѣ. Такъ Гелиогобалъ, кромѣ бань и мѣста для наложницъ, построилъ тутъ храмъ солнечному богу, олицетвореніемъ коего онъ считалъ себя, и хотѣлъ перенести туда всѣ почитаемыя въ Римѣ предметы ²⁾).

Вниманіе римскаго правительства обращалось все болѣе на востокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Палатинъ сталъ все больше приходить въ запустѣніе. Упомянутый выше анонимъ Эйнзидленскій въ VIII вѣкѣ говоритъ о надписи императоровъ Валентина, Валентіана и Граціана *in foro Palatini*, изъ которыхъ видно о поправкахъ этихъ императоровъ во дворцѣ Цезарей въ 366 году. Еще при Гоноріи, поэтъ Клавдіанъ описывалъ великолѣпіе Палатина ³⁾). Теперь выкопанъ и хранится въ Палатинскомъ музеѣ обломокъ вазы изъ мрамора съ подписью *comitis Валентиніана, Аргобаста*, убитаго въ сраженіи съ Феодосіемъ Великимъ въ 394 году, въ которомъ языческая партія была побита окончательно. Послѣ того извѣстно, что Одоакръ, а потомъ Теодорихъ, жили во дворцѣ Цезарей; послѣдній и сдѣлалъ,

¹⁾ *Op. cit.* 32, 35.

²⁾ *Lampidius in Hellog. 3. S. Marini, atti e monum. de fratelli arvali, p. 529.*

³⁾ *Panegyris de VI cons. Honorii. 35 et sqq.*

какъ мы видѣли, нѣкоторыя постройки и поправки. Въ 629 году Гераклій былъ коронованъ въ *gula regia* Цезарей. Дальше, особенно, съ X вѣка, начинаются смутныя времена, когда на Палатинѣ возводятся укрѣпленія, когда его захватываютъ монахи и феодалы, которые ломаютъ и перестраиваютъ старыя зданія и возводятъ новыя. Одно изъ такихъ средневѣковыхъ укрѣпленій, подъ именемъ *Torre Cartularia*, существовало до 1829 года около арки Тита. Любители археологій какъ мы видѣли, довершили начиная съ XVI вѣка, разореніе многихъ зданій палатинскихъ, — и теперь новымъ ученымъ раскопщикамъ удастся, въ большинствѣ случаевъ, находить только основанія старыхъ зданій и куски ихъ орнаментики.

Во всякомъ случаѣ, эти основанія и куски во многихъ случаяхъ превосходно дополняютъ свѣдѣнія о древней жизни, которыя можно вычитать у древнихъ писателей. Эти обширныя, со вкусомъ и знаніемъ расположенныя зданія, эти обломки камней, привезенныхъ изъ различныхъ странъ древняго міра, это множество нишъ для статуй, значительное количество мѣстъ для библіотекъ, надписи именъ, принадлежащихъ разнымъ племенамъ, — именно боговъ народовъ, которымъ на Палатинѣ ставили храмы и статуи, — говорятъ о чемъ-то большемъ, чѣмъ деспотизмъ императоровъ, роскошествовавшихъ тутъ на счетъ ограбленнаго міра: они говорятъ о широтѣ международныхъ сношеній, о національной и культурной ассимиляціи, о развитіи техническихъ искусствъ и знаній, объ артистическомъ вкусѣ и о пониманіи здороваго комфорта и гигиены; о той цивилизаціи, которую мы получили возможность обогнать только послѣ того, какъ изучили ту, которая произвела изслѣдуемые теперь обломки. Оттого то они и возбуждаютъ такое вниманіе въ наше время.

М. Драгомановъ.

... в 1848 году и в 1849 году, когда в Венгрии произошла революция, которая привела к падению австрийской империи. В этот период в Венгрии произошли значительные изменения в политическом и социальном устройстве. В 1848 году в Венгрии была провозглашена конституция, которая ограничила власть монарха и ввела принцип народного представительства. Это привело к созданию Венгерского сейма, который стал высшим законодательным органом. В 1849 году австрийские войска подавили венгерскую революцию, но Венгрия сохранила значительную степень самоуправления. Эти события оказали большое влияние на политическое развитие Венгрии и на ее отношения с Австрией и Россией.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ТРІЕДИНАГО КОРОЛЕВСТВА КЪ ВЕНГРИИ¹⁾.

II.

Аристократическая обстановка, при коей происходили засѣданія хорватскаго сейма, очевидно, была диаметрально противоположна и принципу древней хорватской конституціи, и вообще духу Славянъ. Понятно, что первымъ дѣломъ бана Іосифа Іелачича, единодушно избраннаго народомъ, было—созвать 8-го мая 1848 года такъ называемую Банскую конференцію, съ цѣлью составить *ad hoc* избирательный законъ. Дѣйствительно, она и выработала новый законъ о выборахъ, въ основаніи коего лежала древняя общинная славянская организація. Такъ, по смыслу избирательнаго закона 1848 года,—иначе известнаго подъ именемъ избирательнаго закона бана Іелачича,—право вирьяльнаго голоса на Хорватскомъ сеймѣ принадлежало *de jure*: архіепископу аграмскому, сербскому патриарху и всѣмъ епископамъ римско-католическимъ и православнымъ (само собою разумѣется, епархій, находящихся на территоріи Тріединнаго королевства),—вице-капитану, магнатамъ, которые пребываютъ въ Тріединомъ королевствѣ или же владѣютъ тамъ недвижимымъ имуществомъ; губернатору г. Фіумѣ (Рѣка); великимъ жупанамъ или же администраторамъ, вице-бану, членамъ Банскаго стола, предсѣдателю королевскаго Загребскаго суда 1-й инстанціи, а также и Рѣчскаго (Фіумскаго) и наконецъ жупану Туропольскому, которые приглашаются на соборъ особаго рода повѣстками отъ имени бана; по выбору—депутатамъ. Старѣйшины известнаго уѣзда (котара), выбираемые обыкновенно, какъ мы выше замѣтили, общиннымъ населеніемъ, могли избирать, изъ среды своей депутата (полагалось по одному депутату

¹⁾ Окончаніе. См. Журн. Мин. Народн. Просв. сентябрь 1873 года.

на уѣздъ), коимъ могла быть только особа грамотная, совершеннолѣтняя, и притомъ платящая не менѣе 5 гульд. денза. Хорватскій сеймъ долженствовалъ состоять изъ 192 депутатовъ, а именно: 58 депутатовъ жупанійскихъ, 44 отъ Хорватско-славонской военной границы (по 4 депутата на каждый regimentъ), 78 представителей свободныхъ городовъ, торговыхъ мѣстъ и мѣстопробываній полковыхъ штабовъ; 11 капитуловъ и консисторій (по одному депутату — капитулъ и консисторіи) и юридической академіи въ Аграмѣ (Загребѣ). Помянутый законъ бана Іелачича отчасти придалъ хорватскому сейму народное значеніе: вмѣсто языка латинскаго, долженствовалъ быть введенъ языкъ хорватскій на сеймѣ, который пріобрѣлъ также право назначать великихъ жупановъ.

Хотя помянутый законъ и содержалъ не малые недостатки, неразлучно связанные съ обсужденіемъ вопроса, столь серьезнаго, какъ вопросъ о выборахъ, притомъ и разрѣшеннаго въ самый непродолжительный промежутокъ времени, — тѣмъ неменѣе все населеніе Тріединаго королевства съ особымъ восторгомъ приняло оный, какъ залогъ торжества демократическаго начала, открывшаго новую эру политической его жизни. Выборы депутатовъ на Аграмскій сеймъ, высочайше созванный, подъ предсѣдательствомъ бана Іосифа Іелачича 23-го мая
4-го июня 1848 года происходили по новому закону. Магнаты, мало знакомые съ хорватскимъ языкомъ, а притомъ и утратившіе право отправлять за себя уполномоченныхъ своихъ лицъ, пожелали почти всѣ, за небольшими изъятіями, воздержаться отъ принятія участія въ этомъ сеймѣ, — въ виду, безъ сомнѣнія, не играть на ономъ пассивной роли. Такимъ образомъ, послѣ весьма продолжительнаго періода времени, Аграмскій сеймъ принялъ обстановку вполне демократическаго собранія: скамьи магнатовъ были почти пусты, тогда какъ всѣ мѣста депутатовъ были заняты. — Сеймъ этотъ принялъ почти единогласно слѣдующаго рода рѣшенія:

1. Объ устроеніи въ средѣ Аграмскаго собора государственнаго совѣта — отвѣтственнаго собору и находящагося подъ предсѣдательствомъ бана. Этому совѣту имѣло быть подчинено управленіе Хорватско-Славонскою военною границей, за изъятіемъ дѣлъ строго-военныхъ, которыя остались бы въ вѣдѣніи военнаго министерства. Впрочемъ, высшее начальство надъ всѣми военными силами, расположенными на территоріи Тріединаго королевства, было бы вѣрено бану.

2. При центральномъ правительствѣ въ Вѣнѣ имѣлъ состоять
часть CLXVIX, отд. 2.

хорватскій совѣтникъ, отвѣтственный Аграмскому собору и на обязанности коего лежало бы защищать интересы Трїединого королевства по вопросамъ—о финансахъ, войскѣ и торговлѣ, долженствовавшимъ войти въ вѣдѣніе министерства всей монархіи, отвѣтственного Центральному сейму. Всѣ распоряженія центрального правительства, касающіяся Хорватіи, имѣли быть скрѣплены подписью хорватскаго совѣтника.

3. Аграмскій сеймъ ходатайствовалъ о высочайшемъ утверженіи въ званіи хорватскаго совѣтника бар. Франца Кульмера.

4. Языкъ хорватскій долженствовалъ быть служебнымъ языкомъ на всей территоріи Трїединого королевства, даже и самыя высочайшія рескрипты, касающіяся сего королевства, имѣли быть излагаемы на этомъ языкѣ.

5. Аграмскому сейму подлежить внутреннее управление хорватскаго королевства. Предметы же, касающіяся центральныхъ отношеній сего королевства съ монархіей, составили бы принадлежность центрального сейма.

6. Заявлена необходимость, чтобы Далмація, нижняя Штирія, Каринтія, Карніолиа, Истрія и Горица были присоединены, въ отношеніи административномъ и законодательномъ, къ территоріи Трїединого королевства.

7. Комитаты — Пожега, Вировитица и Сремъ; регименты — Градишка, Бродъ и Вораждинъ и уѣзды — Фіумъ, Буккари и Винодолъ были признаны за неотъемлемую часть Трїединого королевства.

8. Объявивши Трїединое королевство свободнымъ и независимымъ по отношенію къ Венгріи, Аграмскій сеймъ выразилъ, въ тоже время, желаніе, чтобы Хорватское королевство было соединено съ Венгріей узами дружбы.

9. Аграмскій сеймъ объявилъ себя постояннымъ, пока заключенія его не удостоится высочайшаго утверженія.

Чтобы положить конецъ недоразумѣнію, существовавшему между Венграми и Хорватами, и чрезъ то дойти до крайне необходимаго взаимнаго соглашенія, — Аграмскій сеймъ порѣшилъ отправить въ Вѣну депутацію, подъ личнымъ предсѣдательствомъ бана. — Депутація эта должна была, во 1-хъ, представить на высочайшее утверженіе изложенныя выше заключенія, принятая на сеймѣ, и во 2-хъ — уравнивать вопросъ объ отношеніяхъ Хорватіи къ Венгріи, чрезъ посредство Венгерской депутаціи, отправленной, съ этою цѣлью, въ Вѣну венгерскимъ сеймомъ. Эрцгерцогъ Австрійскій — Іоаннъ пожелалъ взять на себя роль по-

средника между помянутыми депутациями. Впрочемъ, политическія событія мало благопріятствовали возстановленію такового соглашенія. Революціонное движеніе во Франціи и походы Австріи въ Италію до такой степени нравственно и матеріально ослабили Австрійское правительство, что императоръ Фердинандъ V былъ принужденъ подтвердить венгерскіе законы 1848 года. (Впрочемъ такое высочайшее утвержденіе не было одобрено впоследствии его преемниками). Понятно, что Венгры, подъ вплипомъ новыхъ правъ, пріобрѣтенныхъ по смыслу закоповъ Деака, явились на вѣнскую конференцію уже какъ представители господствующей націи, которая пожелала вести переговоры съ подвластнымъ себѣ племенемъ. Этого сѣвдъ двухъ депутаций, какъ и слѣдовало ожидать, породилъ весьма печальныя послѣдствія: Хорватская депутация неожиданно оставила Вѣну, а за тѣмъ ^{30-го августа}/_{11-го сентября} 1848 года хорватское войско, подъ начальствомъ бана Елачича, перешло р. Драву; — въ тотъ-же день вспыхнула революція и въ Венгріи. Манифестомъ отъ ^{20-го ноября}/_{2-го декабря} того-же года, императоръ Фердинандъ отрѣкся отъ престома въ пользу своего племянника Франца Іосифа, который принялъ исключительно титулъ императора Австрійскаго.

Венгерская революція была вскорѣ подавлена. Она могла бы породить весьма благодѣтельныя послѣдствія для развитія народнаго начала въ славянскихъ земляхъ Австріи: вопервыхъ, она прервала всякую политическую связь между Хорватіей и Венгріей, и вторыхъ ослабилъ венгерское начало — постоянно враждебное славянскому, доставила бы тѣмъ самымъ сему послѣднему и нравственную силу, и возбудила бы его для послѣдующей дѣятельности. — Ожиданія, однако, Австрійскихъ Славянъ не осуществились. — Австрійское правительство, вышедши побѣдителемъ изъ революціоннаго движенія, хотя и исключительно по милости русскаго оружія, вскорѣ нашло, повидному, опаснымъ для государствнаго своего зданія — покровительствовать политическому движенію подчиненнаго себѣ славянскаго элемента. По силѣ высочайшаго рескрипта отъ ^{26-го марта}/_{7-го апреля} 1850 года, былъ распущенъ Аграмскій сеймъ, заключенія коего, — о чемъ мы выше говорили, — не удостоились высочайшаго утвержденія. Въ этомъ рескриптѣ, между прочимъ, было сказано, что, на будущее время, хорватскій языкъ имѣетъ быть служебнымъ языкомъ на всей территоріи Тріединнаго королевства, — тогда какъ, въ то же время, было строго воспрещено по вѣдомствамъ финансовому и судебному употребленіе какаго-либо инаго языка, кромѣ нѣмецкаго.

Незаконное распуцение Аграмскаго сейма и вообще всѣ послѣднія распоряженія австрійскаго правительства въ Тріединомъ королевствѣ произвели самое тяжелое впечатлѣніе на все населеніе сего королевства, пролившаго не мало крови, въ виду избавителнаго непримиримаго своего врага—Венгровъ: Хорваты уже предвидѣли, что придется ияъ вскорѣ состязаться на политической аренѣ съ новымъ, еще болѣе опаснымъ врагомъ,—нѣмецкимъ элементомъ. На мѣсто гр. Стадіонъ, министромъ-президентомъ австрійскимъ былъ назначенъ Вахъ, который и издалъ политическую свою программу, извѣстную подъ именемъ: *Kaiserliches Patent vom 31 December 1851*. Незабѣжными послѣдствіями обнародованія помнутаго патента были слѣдующія: нѣмецкій языкъ былъ признанъ языкомъ служебнымъ и учебнымъ въ Тріединомъ королевствѣ; строго было воспрещено открытіе народныхъ школъ въ Хорватско-Славонской военной границѣ; народный театръ, востроенный, по стараніямъ бана Іелачича, въ Аграмѣ, и на пожертвованія сдѣланныя народомъ, былъ обращенъ въ нѣмецкій; Тріединое королевство, сдѣлавшись провинціей Австрійской имперіи, было раздѣлено на 6 округовъ (комитаты): Фіумскій, Аграмскій, Эссекій, Вородинскій, Пожескій и Сремскій. Комитаты эти были подраздѣлены на уѣзды (бециркъ): начальникомъ комитата былъ обергешпанъ, а уѣзда — бециркъ-форштантъ.

Пресловутая система, извѣстная подъ именемъ централизма, была диаметрально-противоположна политическому настроенію австрійскаго населенія. Народное начало, ободренное въ территоріи Тріединого королевства счастливымъ для себя исходомъ революціоннаго движенія въ Венгріи, не могло быть легко подавлено упомянутыми сейчасъ мѣрами. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было то, что Хорваты положили лично ходатайствовать предъ императоромъ о дарованіи имъ правъ и преимуществъ, уже неоднократно признанныхъ высочайшими дипломами и рескриптами и которые служили бы гаранціей политической самостоятельности Тріединого королевства. Такого рода порученіе было возложено на выбранную между представителями народной партіи депутацію, которая и отправилась въ Вѣну въ сентябрѣ 1860 г. Внѣшнія политическія событія мало благопріятствовали внутренней политикѣ тогдашняго австрійскаго кабинета: неудачная война Австріи въ Италіи и поднятый императоромъ Наполеономъ вопросъ о народностяхъ, усилили еще болѣе повсемѣстное броженіе умовъ въ Австрійской имперіи. Г. Шмерлингъ былъ приглашенъ составить новое министерство, политическая про-

грамма коего была изложена въ дипломѣ, изданномъ 20-го октября 1860 года. Настоящій дипломъ, главнымъ основаніемъ коему послужила политическая равноправность народнаго начала, былъ съ восторгомъ принятъ всѣмъ населеніемъ имперіи. Тріединое королевство было раздѣлено на 7 жупанствъ (жупаній): Аграмское (Загребское), Вараждинское, Креуцкое (Крижеваское), Фіумское (Рѣчское), Вировитское, Паждское и Сремское, (Оставляемъ въ сторонѣ подробное описаніе административной организаціи Тріединого королевства, такъ какъ она ничуть не разнилось отъ той, какою была со времени Маріи Терезіи). Высшая мѣстная политико-административная власть была предоставлена бану, непосредственно отвѣтственному предъ аграмскимъ соборомъ, который имѣлъ быть ежегодно созываемъ: соборскія постановленія получали силу, впрочемъ, не иначе, какъ по высочайшемъ ихъ утвержденіи. Въ 1861 г. была устроена въ Вѣнѣ хорватская канцелярія: въ вѣдомство коей вошли дѣла церковныя, юридическія и народнаго образованія; сначала она именовалась дикастеріумъ, а по рескрипту отъ ^{22-го января} ~~3-го февраля~~ 1862 года стала называться королевство-далматинско-хорватско-славонско-дворской канцеляріей. По рескрипту отъ ^{2/14-го} марта 1862 года общее внутреннее управленіе Хорватіи и Славоніи было ввѣрено королевско-далматинско-хорватско-славонскому намѣстничеству (въ Аграмѣ). По древнему хорватскому уставу, судебная власть не имѣла непосредственнаго соприкосновенія съ административною. Поэтому отправленіе дѣлъ судебныхъ было подчинено 3-мъ инстанціямъ:

1) Уѣздные суды (по одному суду въ каждомъ уѣздѣ) и королевскіе жупанійскіе судебные столы (трибуналы), по одному въ жупаніи.

2) Банскій столъ (tabula banalis), восстановленный въ апрѣлѣ по рескрипту отъ ^{15/27-го} марта 1863 года; президентомъ былъ вице-банъ (подъ-банъ).

3) Седморице (tabula septemviralis) въ Аграмѣ по рескрипту отъ ^{18-го марта} ~~9-го апреля~~ 1862 года исключительно для Тріединого королевства (президентомъ былъ банъ, а вице-президентомъ — вице-банъ (подъ-банъ). Австрійское правительство предоставило мѣстному начальству право назначенія на гражданскія и военныя мѣста въ Хорватіи, которыя были обыкновенно замѣщаемы лицами изъ природныхъ Хорватовъ, — изъятіе, впрочемъ, составило финансовое вѣдомство. Языкомъ служебнымъ былъ признанъ языкъ хорватскій; одно морское вѣдомство, въ виду облегченія вѣнскихъ торговыхъ сношеній, удержало языкъ итальянскій.

Въ январѣ 1861 года была созвана въ Аграмѣ конференція, подъ предсѣдательствомъ бана, во первыхъ, для пересмотра избирательнаго закона бана Іелачича, и вторыхъ, для обсужденія вопроса о государственно-правныхъ отношеніяхъ Тріединого королевства къ Венгріи. Избирательный законъ 1848 года получилъ на упомянутой конференціи слѣдующее видоизмѣненіе:

1) По случаю закрытія Фіумской губерніи ¹⁾ и присоединенія ея территоріи къ Фіумскому жупанству,—великій жупанъ фіумскій уже сдѣлался официальнымъ представителемъ означеннаго жупанства.

2) Такъ какъ нѣкоторыя жупанства, какъ напримѣръ, Сремское и Вировитское, были раздѣлены на число уѣздовъ, которое не соответствовало численности населенія жупанствъ,—то онѣ и приобрѣли право отправлять депутатовъ въ числѣ, превышающемъ число уѣздовъ.

3) Свободные города, — даже и небольшіе, если только имѣлись въ нихъ магистратъ, свободныя привилегированныя торговыя мѣста, большія общины, извѣстныя и по численности своего населенія, и по своей торговлѣ, и по промышленности, и по интеллигенціи,—приобрѣли право отправлять слѣдующее число депутатовъ: по одному депутату, если населеніе не свыше 3.000 жителей, по два—отъ 3.000 до 5.000 жителей, по три—отъ 5.000 до 8.000 жителей и по четыре — свыше 8.000 жителей.

4) Въ каждой общинѣ извѣстнаго уѣзда старѣйшины или домовладѣльцы выбираютъ за свою общину, смотря по численности ея населенія, по одному или двумъ избирателямъ (если жителей не свыше 1.000, то одного, а если свыше 1.000—то двухъ), а эти избиратели, въ сообществѣ съ избирателями другихъ общинъ, уже выбираютъ въ своей средѣ депутата отъ цѣлаго уѣзда.

По сему видоизмѣненному закону бана Іелачича, число депутатовъ должно было быть 120.

Руководимые принципомъ федеративнымъ, Хорваты не преминули подать по второму вопросу мнѣніе въ пользу первоначальной уніи между королевствами Хорватскимъ и Венгерскимъ. Венгры же, какъ и слѣдовало ожидать, были вполне противнаго мнѣнія; они заявили, что Тріединое королевство должно было быть нераздѣльною частью территоріи Венгерскаго королевства.

Министерство Шмерлинга, успѣвши, въ западной половинѣ импе-

¹⁾ Въ 1860 г. Хорваты приобрѣли Фіумскую губернію и вообще все приорье, а вмѣстѣ того отдели Венграмъ—Междумурье (между рѣками Муромъ и Дравой).

рѣи ввести свою правительственную систему, пожелало усилить проявившуюся между Хорватами и Венграми враждебность отношеній и чрезъ посредство ея, надѣялось, повидимому, достигнуть желанныхъ результатовъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что оно начинаетъ поддерживать то одну, то другую народность; взаимно разъединяя ихъ, оно тѣмъ самымъ полагаетъ отклонить ихъ соглашеніе, которое могло бы только потрясти государственный организмъ имперіи. Наилучшимъ поводомъ, для веденія такого рода политическихъ маневровъ, послужилъ Шмерлингову министерству — вопросъ о Далмаціи ¹⁾. Не считаемъ лишнимъ при семъ замѣтить, что, по открытіи конференціи, Хорваты, находясь еще подъ вліяніемъ высочайшаго имъ дозволенія выступить въ переговоры съ Далматами относительно присоединенія Далмаціи къ Хорватіи ²⁾, иначе сказать, относительно восстановленія древней территоріальной цѣлости Тріединнаго королевства, — не преминули отправить въ такого рода смыслѣ прокламацію къ далматинскому народу, съ цѣлью ускорить разрѣшеніе означеннаго вопроса; Хорваты вознамѣрились обсудить оный на Аграмскомъ сеймѣ въ сообществѣ далматинскихъ депутатовъ прежде, чѣмъ заняться опредѣленіемъ государственно-правныхъ отношеній Хорватскаго королевства къ Венгерскому. Напротивъ того, Венгры, понимая весьма хорошо, что присоединеніе Далмаціи къ Хорватіи дастъ только еще большую силу славянскому началу, а слѣдовательно, и сдѣлаетъ оное еще менѣе податливымъ относительно политическихъ ихъ заявленій, — настаивали на томъ, чтобы предварительно былъ разрѣшенъ на Аграмскомъ сеймѣ вопросъ о государственно-правныхъ отношеніяхъ Хорватіи къ Венгріи, обѣщая, въ то же время, свое содѣйствіе и къ разрѣшенію вопроса о Далмаціи. Хорваты не преминули, въ своихъ политическихъ органахъ, объяснить такого рода образъ дѣйствій Венгровъ тѣмъ, что сіи послѣдніе, въ виду достигъ отъ нихъ всѣхъ возможныхъ уступокъ, предлагали имъ свое содѣйствіе по вопросу о

¹⁾ По смыслу патента отъ 7-го апрѣля 1850 г. и высочайшаго собственноручнаго письма на имя бана бар. Шонгівича отъ 5-го декабря 1860 года, не только Далмаціи была признана за неотъемлемую часть Тріединнаго королевства, но и было выражено высочайшее соизволеніе, чтобы вопросъ этотъ, при соучастіи депутатовъ Далмаціи, могъ найдти себя на Аграмскомъ сеймѣ такое рѣшеніе, которое могло бы удонольствовать какъ ту, такъ и другую сторону.

²⁾ См. высочайшее собственноручное письмо на имя бана бар. Шонгівича отъ 5-го (новаго стиля) декабря 1860 г.

Далмаціи; но едва только первый вопросъ нашелъ бы себѣ разрѣшеніе, благоприятное политическимъ замысламъ Венгровъ, — сіи послѣдніе оставили бы Хорватовъ въ сторонѣ. Непосредственные переговоры Хорватовъ съ Далматами не могли бы принести желанныхъ результатовъ: можетъ статься, сами Далматы не пожелали бы присоединить свою страну къ Хорватіи, дабы не поставить себя чрезъ это въ то положеніе по отношенію къ Венгріи, въ какомъ будутъ находиться Хорваты.

Немедленно по полученіи въ Далмаціи хорватской прокламаціи, было предписано, конфиденціальнымъ образомъ, изъ Вѣны тамошнему генералъ-губернатору барону Мамулѣ—прядать означенной прокламаціи характеръ вполне литературный. Поэтому мы видимъ, что баронъ Мамула предложилъ Далматамъ отправить своихъ депутатовъ, въ числѣ 14, на Аграмскій сеймъ для обсужденія тамъ вопроса о соединеніи Далмаціи съ Хорватіей въ литературномъ отношеніи. Понятно, что Далматы не могли принять такого предложенія барона Мамулы, изъ опасенія не сдѣлать своихъ депутатовъ предметомъ всеобщаго посмѣянія въ средѣ Аграмскаго сейма. Тогда правительство не замедлило объявить Хорватамъ, что населеніе Далмаціи не желаетъ политическаго своего соединенія съ Хорватіей; а въ то-же время и внушить Венграмъ, что, принявши въ уваженіе ихъ желаніе, оно постаралось воспрепятствовать осуществленію политическихъ плановъ Хорватовъ. Такой неудачный исходъ вопроса о Далмаціи породилъ всеобщее неудовольствіе между Хорватами и содѣйствовалъ въ образованію даже партіи, враждебной Далматамъ,—партіи, очевидно, не посвященной въ тайныя пружины политики Шмерлингова министерства. Духъ партій въ Хорватіи сталъ усиливаться, такъ что иногда Хорваты не могли согласиться даже по вопросамъ наименьшей важности.

Федеративное начало, торжественно освященное въ Австрійской имперіи октябрскимъ дипломомъ, понятно, далеко не отвѣчало политическимъ заявленіямъ централистовъ, все еще мечтавшихъ объ образованіи великой Германіи, опирающейся на тождественности тенденцій всего населенія имперіи. Поэтому централистская партія, состоявшая изъ прелатовъ, высшихъ военныхъ властей, прилагала не малое стараніе, дабы положить сколь возможно больше преградъ развитію федеративнаго начала въ государственномъ организмѣ имперіи и тѣмъ самымъ показать несовершенство, даже опасность его для самостоятельнаго ея развитія и процвѣтанія. Когда Шмерлингову министерству удалось

выдти изъ затруднительнаго положенія, о чемъ упомянуто выше, таже централистская партія направила всѣ свои усилія, дабы заставить министерство хоть отчасти видоизмѣнить октябрьскій дипломъ. Плодомъ такой настойчивой дѣятельности централистовъ и былъ патентъ 26-го (нов. ст.) февраля 1861 года, который былъ основанъ на началѣ, какъ-бы, среднемъ между федерализмомъ и централизмомъ. По смыслу февральскаго патента, мѣстные сеймы сохраняли право быть ежегодно созываемыми, — впрочемъ, постановленія, на нихъ принятая, для окончательнаго своего разрѣшенія имѣли быть представляемы на обсужденіе имперскаго совѣта (рейхсрата), который долженъ состоять изъ представителей всего населенія имперіи.

10го/15 апрѣля 1861 года былъ созванъ Хорватскій соборъ въ Аграмѣ, по избирательному закону бана Елачича, отчасти измѣненному на послѣдней банской конференціи. Не считаемъ лишнимъ познакомить читателей съ настроеніемъ умовъ этого Аграмскаго сейма. Онъ былъ раздѣленъ на три партіи:

1) *Радикалы*.—Подъ вліяніемъ внѣшнихъ политическихъ событій увѣнчавшихся блистательнымъ успѣхомъ, они отвергали всякое соглашеніе Хорватіи и съ австрійскимъ правительствомъ, и съ Венгріей.

2) *Консерваторы*—многочислѣннѣйшая партія на сеймѣ, во главѣ которой стоялъ епископъ Штросмейеръ. Они были твердо убѣждены въ томъ, что несогласіе, существующее между Хорватами и австрійскимъ правительствомъ, могло бы только вызвать, со стороны сего послѣдняго, реакцію, послѣдствія которой были бы пагубны для народнаго дѣла, а ни въ какомъ случаѣ не принесли бы тѣхъ выгодъ, на которыя разчитывали поборники неравной борьбы съ правительствомъ. Въ видахъ несомнѣнной пользы для благосостоянія Трѣдинаго королевства, консерваторы желали соглашенія *полнаго* съ австрійскимъ правительствомъ и *условнаго* — съ Венгріей.

3) *Анксионисты*, вполне одобряя правительственную систему, заявили о соединеніи, въ политико-административномъ отношеніи, хорватскаго правительства съ Венгерскимъ, помимо всякихъ условій.

На венгерскомъ сеймѣ мы находимъ теперь *три партіи*:

1) *Консерваторы*. Хотя и высказались они въ пользу венгерскихъ законовъ 1848 года, впрочемъ желали бы, чтобы означенные законы были измѣнены въ смыслѣ древней венгерской конституціи, то-есть, демократическое ихъ начало было бы замѣнено аристократическимъ; притомъ же, чтобы была устроена въ Пештѣ придворная канцелярія, которая составляла бы какъ бы особое министерство.

2) *Либералы* или *партія Деака*. Главныя начала ея программы были слѣдующія: а) отвѣтственное министерство, которому подлежали бы дѣла венгерской администраціи, торговли, финансовъ, церкви и народнаго образованія и которое имѣло бы совѣщательный голосъ и во внѣшней политикѣ имперіи; б) королевская власть, представляемая въ лицѣ палатина, была бы ограничена; для обсужденія вопросовъ, общихъ всей имперіи, имѣли бы быть созываемы; смотря по обстоятельствамъ, то въ Вѣнѣ, то въ Пештѣ, делегация, состоящая изъ депутатовъ венгерскаго сейма и рейхсрата.

3) *Крайняя лѣвая* требовала подтвержденія законовъ 1848 года, то-есть, первоначальной униі.

Впрочемъ, всѣ Венгры, безъ различія индивидуальныхъ политическихъ своихъ тенденцій, высказывали, повидимому, миролюбивое настроеніе умовъ Хорватамъ, отчасти потому, что опасались соглашенія ихъ съ австрійскимъ правительствомъ, а отчасти и потому, что уже ясно сознавая всю неосуществимость пока политическихъ своихъ заявленій, по отношенію къ Хорватіи, чувствовали крайнюю для себя потребность въ ихъ поддержкѣ, въ виду усилить оппозицію противъ кабинета Шмерлинга.

По открытіи Аграмскаго сейма, императорско-королевскій комиссаръ, отъ имени австрійскаго правительства, подалъ на обсужденіе народнаго собранія слѣдующія два предложенія:

1) объ опредѣленіи отношеній Хорватіи въ Венгріи и 2) объ отправленіи Аграмскимъ сеймомъ депутатовъ къ рейхсрату и о представленіи на утвержденіе онаго всѣхъ постановленій хорватскихъ сеймовъ ¹⁾.

¹⁾ Изъ означенныхъ предложеній императорско-королевскаго комиссараъ известно, что настоящій Аграискій сеймъ не могъ заняться пересмотромъ правительственной программы, изложенной въ октябрьскомъ дипломѣ и еевральскомъ патентѣ. Дѣйствительно, ему не было предложено на обсужденіе весьма важнаго вопроса: какимъ образомъ возможно было бы уставъ и государственное право Трїединнаго королевства привести въ гармонію съ главною мыслью октябрьскаго диплома, который имѣлъ въ основаніи положить въ Австрійской имперіи такіа начала, кои равномерно отвѣчали бы, какъ историческому праву и существующей разности королевствъ и областей, входящихъ въ ея составъ, такъ и заявленіямъ ихъ относительно нераздѣльной и неразрывной связи между собою. Напротивъ того, помилуемый сеймъ, которому, можно сказать, было повѣрено народомъ соблюденіе въ неприкосновенности конституціоннаго и народнаго начала страны, долженствовалъ теперь заявить свое согласіе, что Трїединное королевство входитъ въ тотъ государственный строй, который составилъ безъ его участія,

По первому вопросу было положено слѣдующее заключеніе, которое составило XLII статью соборскаго постановленія:

1) Сохраняя свои права на Междуморье, Тріединное королевство объявляетъ, чрезъ посредство своего сейма, что всякая связь—будетъ ли она административная, или законодательная юридическая—de facto пресѣклась между нимъ и Венгерскимъ королевствомъ, по причинѣ событій 1848 года, за изытіемъ, впрочемъ, того, что его величество, по силѣ старинныхъ дипломовъ и законовъ, изданныхъ до 1848 года, коронованъ одною и тою-же короною какъ король Хорватіи и Венгріи.

2) Принимая въ уваженіе, съ одной стороны, свои прошлыя судьбы, тѣсно связанныя съ королевствомъ Венгерскимъ и минувшую конституціонную свою жизнь—общую обоимъ королевствамъ, съ другой стороны, тождественность интересовъ, относительно сохраненія и развитія конституціонной свободы, Тріединное королевство объявляетъ, что оно готово, въ виду выгодъ и важности этого соглашенія, вступить въ еще болѣе тѣсное международное отношеніе съ Венгріей, едва только съ ея стороны будетъ признана независимость, политическая самостоятельность и территориальная его цѣлость.

3) Поманутое международное отношеніе между Тріединнымъ королевствомъ и Венгріей должноствовало бы имѣть въ основаніи древнюю ихъ конституцію, а также упомянутая независимость Тріединого королевства и государственная его равноправность имѣли бы выжидаться на общемъ законодательствѣ и на устройствѣ по оному управленіи тѣми государственными дѣлами, кои будутъ точно опредѣлены по обоюдному договору.

4) Законодательство и высшее управленіе по дѣламъ политическимъ, церковнымъ, народнаго образованія и юстиціи, а также и судопроизводства во всѣхъ инстанціяхъ не могутъ быть предметами болѣе тѣсной связи между Тріединнымъ королевствомъ и Венгріей.

5) Едва только Венгерскій сеймъ одобритъ, въ принципѣ, настоящее заключеніе Аграмскаго сейма, то будутъ выбраны со стороны обоихъ сеймовъ депутаціи, которыя, соединившись на мѣстѣ, назначенномъ по обоюдному соглашенію, составятъ договоръ о упомянутой международной связи и предложатъ свои замѣчанія на одобреніе обоихъ сеймовъ.

даже и безъ его согласія, въ коемъ Тріединное королевство не могло найти зачатки не только политической своей самостоятельности, но и конституціоннаго развитія монархіи.

... Поманутое заключеніе Аграмскаго сейма послужило какъ бы отвѣтомъ на посланный туда Венграми бѣлый листъ, на которомъ Хорваты имѣли изложить условія, подъ коими желали они вступить въ соглашеніе съ Венграми. Депутаты изъ военной границы заявили, что, хотя они нашли полное равнодушіе въ средѣ Аграмскаго сейма по вопросу непосредственно ихъ касающемуся, то-есть, объ отиѣнѣ военной системы, столь гибельной для ихъ родины, и о дарованіи военной границѣ гражданскихъ правъ наравнѣ съ прочими странами имперіи, но готовы однако поддерживать принятое на сеймѣ заключеніе по предмету объ отношеніяхъ Хорватинъ къ Венгрии, съ условіемъ, если банъ согласится ѣхать въ Вѣну, во главѣ граничарской депутаціи, которая намѣрена лично ходатайствовать предъ императоромъ о введеніи въ военной границѣ гражданского начала;—въ противномъ же случаѣ, Граничари принуждены будутъ искать содѣйствія Венгровъ, для удовлетворенія законныхъ своихъ требованій. По инструкціямъ, полученнымъ изъ Вѣны, банъ не могъ вступать ни въ какіе переговоры съ граничарскими депутатами, а еще менѣе того, дѣлать имъ какого либо рода обѣщанія;—впрочемъ, увлеченный настроеніемъ умовъ всего собранія, единодушно за тѣмъ высказавшагося въ пользу поманутыхъ заявленій граничарскихъ депутатовъ, невольно изъявилъ имъ свое согласіе—сопровождать ихъ въ Вѣну. Вскорѣ было получено на имя бана приказаніе изъ Вѣны, чтобы граничарскіе депутаты немедленно оставили сеймъ и отправились по домамъ. -- Такое распоряженіе не замедляло вооружить противъ правительства даже тѣхъ депутатовъ, которые незадолго предъ тѣмъ, можетъ статься, въ ущербъ своей собственной популярности, не только дѣйствовали въ пользу предложенія правительства, по вопросу о рейхсратѣ, но и энергически настаивали на крайней необходимости отправить въ Вѣну, отъ имени Хорватскаго сейма, депутатовъ, для принятія участія въ имперскомъ совѣтѣ.

При такомъ настроеніи умовъ Аграмскаго сейма, было приступлено къ обсужденію втораго вопроса, предложеннаго императорско-королевскимъ комиссаромъ. Австрійское правительство совершило большую ошибку, что упустило изъ виду благопріятный моментъ для обсуждения вопроса о рейхсратѣ, въ успѣшномъ разрѣшеніи коего оно крайне нуждалось; въ настоящее же время, трудно было достичь желаемыхъ результатовъ: броженіе умовъ на Аграмскомъ сеймѣ было весьма сильное. По поводу упомянутаго вопроса, было произнесено много рѣчей, въ коихъ рѣзко порицалась правительственная ся

стема. Депутаты свободнаго образа мыслей не побоялись даже высказать, что система г. Шмерлинга, осужденная во всѣхъ концахъ имперіи за свою несовременность и непрактичность, продолжаетъ, однакожъ, вести правительство по ложной дорогѣ, направлявшей его къ замѣшательствамъ. Сеймъ единогласно отвергъ второе предложеніе. Тогда комиссаръ сдѣлалъ сейму такого рода вопросъ:—желаетъ ли сеймъ соглашенія съ Австрійскимъ правительствомъ? Одни депутаты были за, а другіе—противъ означеннаго предложенія: по сборѣ же голосовъ оно было отвергнуто значительнымъ большинствомъ. Тогда банъ, баронъ Штокгівичъ, желая ослабить дурное впечатлѣніе, произведенное на австрійское правительство подобнымъ положеніемъ Аграмскаго сейма, и въ надеждѣ, что ему удастся примирить Хорватовъ съ заявленіями Вѣны, предложилъ сейму, въ качествѣ его президента, рассмотретьъ королевскія грамоты. Собраніе отвѣтило, что въ настоящее время не можетъ принять означеннаго предложенія, пока акты объ отреченіи Фердинанда и Франца-Карла, которые были уже сообщены Венгерскому сейму, не будутъ представлены Аграмскому, такъ какъ этотъ сеймъ совершенно независимъ отъ венгерскаго. Между другими проектами, предложенными на обсужденіе Аграмскаго сейма, слѣдуетъ упомянуть о проектѣ еп. Штросмейера объ устроеніи въ Аграмѣ юго-славянскаго университета, который былъ бы, такъ сказать, разсадникомъ хорватскаго начала между всѣми юго-славянами. Понятно, настоящій проектъ былъ съ восторгомъ принятъ на сеймѣ. Главное содержаніе аграмскаго адреса отъ 12/24-го сентября было таково: о присоединеніи Междуурья, Кварнерскихъ острововъ, сѣверо-восточной части Истрии къ Тріединому королевству; объ отиѣнѣ военнаго начала въ хорватско-славенской военной границѣ; объ утвержденіи проекта еп. Штросмейера и объ обвиненіи мѣстныхъ далматскихъ властей въ дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ присоединенія Далмаціи къ Тріединому королевству. Депутация, уполномоченная поднести означенный адресъ его величеству, состояла изъ 7 великихъ журановъ и другихъ народныхъ представителей; подъ предсѣдательствомъ бана барона Штокгівича, и вскорѣ по принятіи онаго, поѣхала въ Вѣну. Неожидано былъ полученъ въ Аграмѣ высочайшій рескриптъ отъ ^{27-го октября} _{8-го ноября} 1861 года о распущеніи Аграмскаго сейма, что и произошло ^{31-го октября} _{12-го ноября}. Можно утвердительно сказать, что упорное сопротивленіе Аграмскаго сейма признать законность рейхсрата послужило главною причиною, побудившею австрійское правительство принять такого рода рѣшительную

мѣру. Банъ, баронъ Шюкгевичъ, не преминулъ принять надлежащія мѣры къ предотвращенію всѣхъ возможныхъ демонстрацій: не смотря на сильное раздраженіе умовъ между Хорватами, распущеніе собора произошло, однако, весьма мирно.

Политическія событія, послѣдовавшія немедленно по распущеніи Аграмскаго сейма, наглядно показали Хорватамъ всю безплодность и несовременность февральскаго патента. Большая часть населенія имперіи воздержалась отъ принятія участія въ рейхсратѣ, который, будучи составленъ совершенно искусственнымъ образомъ, не могъ почитаться законнымъ представительствомъ мѣстныхъ населеній Австріи. Министерство Шмерлинга, которое было творцомъ и, такъ сказать, выраженіемъ февральскаго патента, понятно, рѣшило проложить ему путь всюду, даже и въ тѣ земли, которыя не могли согласить его требованій съ своими стародавними уставами. Пожелавши сначала дружелюбно коснуться слабой струны Хорватовъ, австрійское правительство стало, въ то же время, хотя и подъ личиною либерализма и защиты народныхъ интересовъ, усиливать въ сущности реакцію въ этой странѣ. Такъ мы видимъ, что высочайшій рескриптъ отъ ^{27-го октября} ~~8-го ноября~~ 1861 года на имя Аграмскаго сейма признавалъ территориальную цѣлость Трїединого королевства, то-есть, что Далмація составляетъ неотъемлемую часть сего королевства; правительственная журналистика также начала, при самой заманчивой обстановкѣ, выставлять на видъ Хорватамъ то выгодное разрѣшеніе, какое могутъ найти себѣ въ рейхсратѣ вопросы о финансахъ, торговлѣ и военныхъ повинностяхъ,—вопросы, которые были горячо отстаиваемы Хорватами на послѣднемъ Аграмскомъ сеймѣ; а въ то же время австрійское правительство, чрезъ посредство бана и великихъ жупановъ, дѣйствовало къ упроченію бюрократизма въ Хорватіи.

Въ этотъ промежутокъ времени случилось одно важное событіе въ Трансильваніи, которое сильно повліяло на политику австрійскаго правительства по отношенію къ Трїединому королевству. Въ Трансильваніи постоянно боролись и борятся три народности: мадьярская, савсо-нѣмецкая (сочувствовавшая, понятно, настоящей правительственной системѣ) и румынская. Эта послѣдняя народность, неси искони надъ собою гнѣтъ Мадьяръ, полагала съ перемѣной каждой правительственной системы, что авось она упрочитъ самостоятельное свое существованіе. Прагматическая санкція, торжественно признавшая политическую самостоятельность за Хорватіей и Венгріей, не простерла своей силы на Трансильванію, гдѣ политическое право было

основано исключительно на дипломѣ императора Леопольда 1790 года, — дипломѣ, не даровавшемъ ей, впрочемъ, ни правъ, ни преимуществъ государственныхъ. При такомъ политическомъ настроеніи умовъ Трансильванскаго населенія, правительству не предстояло большаго труда приобрести въ свою пользу большинство голосовъ на Трансильванскомъ сеймѣ и заставить его, такимъ образомъ, признать законность рейхсрата. Дѣйствительно, Трансильванскій сеймъ весьма дружелюбно отозвался на приглашеніе правительства и положилъ отправить своихъ депутатовъ въ имперскій совѣтъ.

Относительная побѣда, одержанная кабинетомъ Шмерлинга въ Трансильваніи, позволила ему уже явно сбросить съ себя маску либерализма и открыто вступить въ борьбу съ конституціоннымъ началомъ въ Хорватіи. Появился законъ о дисциплинарной власти, по силѣ коего, великіе жупаны приобрѣли право собственною властью отставлять отъ службы комитатскихъ чиновниковъ, кои, будучи, по сіе время, избираемы на скупщинахъ, подпали и полной отвѣтственности оныхъ. Хотя означенный законъ еще былъ въ силѣ при Маріи-Терезіи, но въ то время великіе жупаны были поставляемы народомъ и совмѣщали въ себѣ административную и судебную власть, слѣдовательно, находились при внѣшнихъ условіяхъ совершенно отличныхъ, какъ великіе жупаны, въ періодъ времени, о коемъ мы теперь говоримъ. (Банъ и великіе жупаны, были теперь назначаемы правительствомъ и представляли собою исключительно административную власть). Но какъ законъ этотъ, понятно, породилъ сильное броженіе умовъ между Хорватами и послужилъ бы, во всякомъ случаѣ, поводомъ къ шумнымъ преніямъ на народныхъ скупщинахъ, которыя могли бы, такимъ образомъ, доставить много пищи для оппозиціи, то и было предписано великимъ жупанамъ устранить обстоятельства, которыя могли бы потребовать созванія скупщинъ; было строго воспрещено бюрократическому и ученому сословію принимать участіе въ сотрудицествѣ выходившей въ Аграмѣ газеты „Розог“, которая сдѣлалась политическимъ органомъ оппозиціи. Подобный образъ дѣйствій австрійскаго правительства породилъ самыя печальныя послѣдствія для Хорватіи.

По распущеніи Аграмскаго сейма, всѣ важнѣйшіе вопросы не нашли себѣ разрѣшенія, а именно: объ государственно-правныхъ отношеніяхъ Тріединого королевства къ Венгріи, о соединеніи Далмаціи съ Хорватіей и объ отгнѣнн военнаго начала въ военной границѣ. Такъ какъ мы уже подробно говорили о первыхъ двухъ вопросахъ, то,

въ настоящемъ случаѣ, займемся разсмотрѣніемъ послѣдняго. — Вопросъ о хорватско-славонской военной границѣ составляетъ уже 100 лѣтъ очередной вопросъ хорватско-венгерскихъ сеймовъ. Когда въ первой половинѣ XVI столѣтія, южная Славонія и Хорватія вдоль р. Уна съ Ликой и Крбавой подпали подъ турецкое владычество, то было приложено все стараніе на вооруженіе и укрѣпленіе той части оставшейся свободной земли, которая тянулась вдоль турецкой границы. На этой-то территоріи и была устроена Ворождинско-Банско-Карлштадтская граница, которая оставалась соединенною съ королевствомъ однимъ законодательствомъ и конституціоннымъ управленіемъ, о чемъ ясно свидѣлствуютъ законы и сеймовые протоколы. Въ граничарскихъ городахъ и укрѣпленіяхъ были расположены, какъ народное войско, находившееся подъ высшимъ начальствомъ бана — капитана королевства, такъ и вспомогательныя австрійскія войска, подчиненныя своимъ нѣмецкимъ властямъ. Начальники австрійскихъ войскъ не только не пользовались правомъ вмѣшиваться въ мѣстную администрацію, но и сами войска, по минованіи тамъ опасности, должны были оставить границу, согласно международному договору, по сему предмету заключенному (см. ст. 11 собора 1608 г.). Между тѣмъ, нѣкоторые уѣзды въ Ворождинской и Банской границѣ были уступлены переселенцамъ, кои, на основаніи особыхъ привилегій (см. рескриптъ Фердинанда II, отъ 5-го октября 1630 года) приобрѣли отдѣльную администрацію, подчиненную, впрочемъ, австрійскимъ генераламъ и капитанамъ. Противъ такого исключительнаго положенія упомянутыхъ переселенцевъ, нанесшаго прямой ущербъ территоріальной цѣлости и конституціонному праву королевства, протестовали хорватско-венгерскіе сеймы (см. ст. 32 сейма 1618 года, ст. 24 — 1630 года, ст. 33 и 40 — 1635 года, ст. 51 — 1638 года, ст. 66 — 1655 года, ст. 90 и 91 — 1659 года, ст. 45 — 1662, ст. 63 и 64 — 1681 года). По заключеніи Карлштадтскаго мира, императоръ Леопольдъ I обнародовалъ рескрипты отъ 6—15-го іюня и 40-го іюля 1703 года, по силѣ коихъ, означенные уѣзды въ Ворождинско-Банской границѣ имѣли быть непосредственно присоединены къ Триединому королевству и подчинены власти бана. Военное начало въ хорватско-славонской военной границѣ не можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія государственнаго права Триединаго королевства: по смыслу высочайшихъ рескриптовъ и дипломовъ было неоднократно признано, что хорватско-славонская военная граница составляетъ неотъемлемую часть королевства. Октябрскій дипломъ торжественно

призналъ равноправность и одинаковость обязанностей всѣхъ поданныхъ Австріи. Съ этимъ принципомъ правительственной системы нужно согласовать то, почему одна только хорватско-славонская военная граница, то-есть, земля въ 393 квадратныхъ миль, которая, такимъ образомъ, своимъ пространствомъ превосходитъ многія провинціи имперіи, должна быть изъята изъ конституціоннаго начала, а населеніе въ 800.000 душъ должно и впредь нести воинскую повинность. Повиность эта не могла быть признана основательною и съ точки зрѣнія гуманности: служба, такъ сказать, передовую стражи христіанства, граничарское населеніе обѣдѣло, но лишено было однако, права рассчитывать на улучшеніе матеріальнаго своего положенія. Настоящая система въ военной границѣ не можетъ быть признана законою и съ точки зрѣнія стратегической, такъ какъ опасность отъ вторженія Турокъ уже миновала навсегда. Военная система въ границѣ діаметрально противоположна будущности народнаго начала и политическому значенію Тріединого королевства. Между тѣмъ мы видимъ, что высочайшій рескриптъ отъ 8-го ноября 1861 года призналъ эту систему въ границѣ крайнею потребною, какъ въ общихъ интересахъ всей монархіи, такъ и въ особенности по отношенію къ политическому значенію и народной будущности королевства.

При такомъ положеніи дѣлъ въ Хорватіи, тамошняя оппозиція стала сильно возрастать, чему содѣйствовали и другія обстоятельства. Въ высочайшемъ рескриптѣ, отъ 26-го февраля 1861 года, было сказано: новая административная организація Далмаціи не можетъ войти въ силу, прежде чѣмъ окончательно не опредѣлится государственно-правное положеніе этой страны, по отношенію къ Хорватіи и Славоніи. Между тѣмъ большинство депутатовъ, искусственнымъ образомъ собранное на Далматинскомъ сеймѣ, стало недружелюбно высказываться по вопросу о соединеніи Далмаціи съ Хорватіей, а затѣмъ, мѣстная организація была введена въ Далмаціи, которая de facto вошла въ составъ нѣмецко-славянскихъ наслѣдственныхъ земель имперіи. Хорваты не замедлили объявить, что Далматинскій сеймъ не могъ считаться законнымъ представительствомъ населенія Далмаціи и что они не могутъ отказаться отъ политическихъ своихъ заявленій, ибо, въ семъ случаѣ, погрѣшили бы противъ государственнаго права Тріединого королевства, измѣнили бы своимъ предкамъ, которые открыто защищали такого рода заявленія на соборахъ Тріединого королевства (см. ст. 5 соборовъ 1802, 1807 гг., ст. 15—1840 года, ст. 9—1845 года, ст. 5—1848 года).

Описанныя нами дѣйствія кабинета Шмерлинга, направленные къ подчиненію конституціоннаго начала страны централизму, породили, понятно, большое неудовольствіе въ Хорватіи. Съ цѣлью успокоить тамъ броженіе умовъ и склонить, по мѣрѣ возможности, Хорватовъ признать законность рейхсрата, австрійское правительство пригласило 6/19-го ноября 1863 года бана и великихъ жупановъ въ Вѣну, и поручило имъ письменно изложить политическія требованія хорватскаго населенія. Главныя пункты представленной ими записки были слѣдующіе:

1) Территориальная цѣлость Трїеднаго королевства (Хорватія, Славонія, Далмація, Хорватско-Славонская Военная Граница, Междурурье и о. Велья и Керсо) должна быть *de facto* признана правительствомъ;

2) Признаніе *de facto* правительствомъ политической самостоятельности королевства;

3) Дарованіе Аграмскому сейму права составлять бюджетъ королевства.

Самый личный составъ помянутой комиссіи уже наглядно показываетъ, что и составленная имъ политическая программа была написана подъ диктовку г. Шмерлинга. Если же правительство и пожелало придать особую гласность этой программѣ, очевидно, исполнѣ либеральной, то единственно съ цѣлью поселить къ себѣ довѣріе Хорватовъ, и тѣмъ самымъ прикрыть пастоящій образъ своихъ дѣйствій.

Торжество февральскаго патента въ Хорватіи было обусловлено, безъ сомнѣнія, настроеніемъ умовъ будущаго Аграмскаго сейма. Поэтому, правительство и обратило серьезное вниманіе на вопросъ объ избирательномъ законѣ. Считаю не лишнимъ при семъ замѣтить, что хорватскіе магнаты и вообще всѣ мѣстные дворяне, хотя и утратили свои права и привилегіи по закону бана Елачица, въ особенности же по положенію Аграмскаго сейма 1861 года, но не переставали, впрочемъ, составлять изъ себя венгерскую партію: они надѣялись вновь приобрѣсти утраченныя свои права въ случаѣ, если Хорватія сдѣлалась бы венгерскою провинціей. Австрійское правительство не придавало сначала большаго значенія такому настроенію умовъ хорватской аристократіи. Когда же мѣстное дворянство, съ цѣлью противопоставить еще болѣшую оппозицію правительству по вопросу о рейхсратѣ, стало, повидимому, уже склоняться къ сближенію съ народною партіей и вступило даже въ переговоры съ Венграми, то было рѣшено въ правительственной сферѣ — умень-

шить его вліаніе на Аграмскомъ сеймѣ. Не желая явно уклониться отъ конституціоннаго пути, проложеннаго октябрьскимъ дипломомъ, кабинетъ Шмерлинга не рѣшился самъ составить новый избирательный законъ, а положилъ сдѣлать только нѣкоторые видоизмѣненія въ немъ съ очевидною цѣлью доставить свободный доступъ бюрократизму на сеймѣ, и въ то же время уменьшить въ средѣ онаго аристократическое начало. Крайне нуждаясь въ проволочкѣ созваніи сейма, чтобы упрочить свое вліаніе въ средѣ онаго, австрійское правительство, чрезъ посредство хорватскаго канцлера, объявило Хорнатамъ, что сильное раздраженіе умовъ населенія Хорватіи составляетъ единственную причину, почему созваніе Аграмскаго сейма постоянно отсрочивается. Газета *Рогог* была запрещена.

11-го января 1865 года появился на имя бана, бар. Шюкгиевича, высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Чтобы вторично подвергнуть обсужденію важнѣйшіе вопросы, касающіеся общественнаго благосостоянія, которые, бывъ подняты на сеймѣ 1861 года, не нашли себѣ и по настоящее время разрѣшенія, и которые могутъ быть рѣшены единственно съ помощью Бога и народа, а также, чтобы представить законодательному собранію и другіе животрѣпещущіе вопросы страны, — мы намѣрены, если Провидѣнію угодно будетъ, созвать, будущею осенью, сеймъ нашего королевства.

„Мы дозволили созвать сеймъ 1861 года по избирательному закону, по коему былъ созванъ и предшествовавшій ему сеймъ, въ той надеждѣ, что, между различными предметами, и вопросомъ объ избирательномъ законѣ найдетъ себѣ на ономъ разрѣшеніе. Но какъ, кромѣ проекта, составленнаго комитетомъ сейма, не было ничего въ семъ отношеніи сдѣлано, то и надлежитъ обсудить: какъ и на какомъ основаніи слѣдуетъ созвать будущій сеймъ?

„Вообще наше желаніе есть то, чтобы постановленія, законы и узаконенные обычаи, если только они въ связи съ народною жизнью отвѣчаютъ потребностямъ настоящихъ обстоятельствъ, не только бы сохранились, но еще болѣе упрочились: мы готовы дать послѣдующее развитіе избирательному закону 1848 года, такъ какъ невозможно возвратиться къ тому закону, который былъ дарованъ только ad hoc для сейма 1861 года.

„При семъ случаѣ мы не можемъ отступить отъ того убѣжденія, что избирательный законъ ad hoc, составленный баномъ Іосифомъ Елачичемъ въ 1848 году, не смотря на нѣкоторые измѣненія, въ

немъ сдѣланныя, имѣеть какъ въ своемъ составѣ, такъ и въ своемъ приложеніи, существенные и важныя недостатки, устраненіе коихъ весьма необходимо на будущее время.

„Это наше мнѣніе находить себѣ подтвержденіе въ самомъ поведеніи послѣдняго сейма, который составилъ, чрезъ посредство одного изъ своихъ комитетовъ, основныя начала, существенно отличающіяся отъ избирательнаго закона 1861 года и которыя указываютъ невольно на недостатки его, еще не вполне отстраненныя.

„Чтобы устранить помянутые недостатки въ избирательномъ законѣ, который мы подтвердимъ и который послужитъ для будущаго сейма, и чтобы имѣть возможность дѣйствовать по отношенію къ королевству въ согласіи съ его желаніями, мы поручаемъ вамъ созвать безъ замедленія, согласно древнему и законному обычаю, Банскую конференцію, на обсужденіи коей вы имѣете представить слѣдующіе вопросы:

„1) Магнаты должны ли лично присутствовать на сеймѣ; или же могутъ быть заступаемы депутатами, которые выбирались бы изъ ихъ среды, или изъ среды зажиточныхъ земледѣльцевъ? Отъ какихъ условій могъ бы зависѣть, въ первомъ случаѣ, виральный ихъ голосъ, а во второмъ — избирательное ихъ право?

„2) Чтобы сократить расходы сейма и чтобы сообщить болѣе удобный и правильный ходъ самимъ совѣщаніямъ, надлежитъ обсудить вопросъ: какимъ образомъ было бы возможно уменьшить число депутатовъ вообще и въ особенности населенныхъ общинъ и распределить оное, сообразно численности населенія и количеству ежегодно платимой имъ подати?

„3) Какимъ образомъ надлежало бы точнѣе опредѣлить число избирателей на каждую общину и кому поручить надзоръ за веденіемъ выборовъ, какъ по жупанствамъ, такъ и по городамъ?“

Рескриптъ этотъ произвелъ дурное впечатлѣніе на Хорватовъ. Народная партія заявила, что пересмотръ и исправленіе избирательнаго закона подлѣжать исключительно Аграмскому сейму, а поэтому банская конференція не имѣеть, въ сѣмъ отношеніи, никакого полномочія; аристократическая же усмотрѣла въ назначенной конференціи новыя попытки правительства къ уменьшенію своихъ правъ. Венгры хорошо поняли, что главная задача означенной конференціи — установить въ избирательномъ законѣ такія начала, чтобы вновь созванный Хорватскій сеймъ могъ благосклоннѣе смотрѣть на призваніе Триединымъ королевствомъ имперскаго совѣта, а слѣдовательно, и все-

герская оппозиція, по сему предмету, могла бы утратить свое прежнее значеніе. Поэтому, венгерская либеральная журналистика и стала проводить ту мысль, что Аграмскій сеймъ, если бы онъ былъ созданъ въ одно время съ Пештскимъ, долженъ былъ бы на „бѣломъ листѣ“ изложить условія, на которыхъ готовъ войти въ соглашеніе съ венгерскимъ сеймомъ, а затѣмъ возвратить оный въ Пештъ. Венгры заявили притомъ свою готовность сдѣлать, съ своей стороны, всевозможныя уступки Хорватамъ, дабы только возстановить подобное соглашеніе.

По силѣ упомянутаго рескрипта, была созвана банская конференція ^{22-го января} ~~6-го февраля~~ того же года. Хорошо знакомый съ возрѣніемъ Хорватовъ по предметамъ, которые имѣютъ быть предложены на обсужденіе конференціи, банъ бар. Шокгівичъ составилъ конференцію по личному своему выбору, то-есть, изъ особъ вполне благонадежныхъ. Впрочемъ, и нѣкоторые магнаты были приглашены баномъ на конференцію: одинъ изъ нихъ не явился, а другіе, если и присутствовали на оной, все-таки отказались присоединиться къ рѣшеніямъ, ею принятымъ. Конференція постановила слѣдующее:

а) *По первому вопросу:* „Вирильный голосъ на сеймѣ приобрѣтаютъ только тѣ магнаты, которые имѣютъ поземельныя владѣнія въ Хорватіи, постоянно тамъ пребываютъ, пользовались до 1848 года *jurisdictione dominale* и вообще не моложе 24-хъ лѣтъ“. По силѣ сего заключенія, только 24 магната сохраняли право вирильнаго голоса на сеймѣ, тогда какъ на сеймѣ 1861 года число магнатовъ, пользовавшихся симъ правомъ, доходило до 79.

б) *По второму вопросу.* „Жупанства: Крижевское имѣетъ право отправить на сеймъ 4 депутатовъ (вмѣсто 7, какъ слѣдовало по избирательному закону 1861 года), Ворождинское—8 (вмѣсто 10); Аграмское—11 (вмѣсто 12), Пожеское—4 (вмѣсто 7), Фіумское—4, Сремское—8 и Вировитское—10“. Принявъ во вниманіе то обстоятельство, что нѣкоторыя общины утратили право имѣть своихъ депутатовъ на сеймѣ, вмѣсто одного депутата на 11.800 душъ,—какъ было положено по закону 1861 года,—приходился теперь только одинъ депутатъ на 14.000 душъ.

в) *По третьему вопросу.* „Если въ общинѣ не свыше 500 душъ, то она имѣетъ право отправлять, съ своей стороны, одного избирателя, а если свыше, то каждыя 500 душъ по одному избирателю. Великимъ жупанамъ предоставлено право назначать, по своему благоусмотрѣнію, лицъ, которые слѣдили бы за выборами депутатовъ. Турполюе приобрѣтаетъ право отправлять одного депутата на сеймѣ“.

По избирательному закону 1848 года, каждая община, не смотря на численность своего населенія, имѣла право посылать отъ себя по одному избирателю.

Такое рѣшеніе банской конференціи породило своего рода важныя послѣдствія. Хорватскіе магнаты подали въ двухъ экземплярахъ протестъ, одинъ на высочайшее имя, а другой—на имя бана по поводу того, что банская конференція вполнѣ изъята отъ права обсуждать вопросы, касающіеся политическаго положенія магнатовъ на Аграмскомъ сеймѣ. Между тѣмъ въ Венгріи появилась, за подписью Деака, политическая программа, имѣвшая въ своемъ основаніи дуализмъ, — а какъ бы въ отвѣтъ на программу Деака, вышла политическая программа г. Цалацкаго, которая была составлена въ федеративномъ смыслѣ и встрѣтила полное одобреніе между Хорватами.

По силѣ высочайшаго рескрипта, отъ 1²/₂₄-го мая 1865 года на имя бана бар. Шокрѣвича, было ему дозволено создать Аграмскій сеймъ по тому же избирательному закону, по коему былъ созданъ сеймъ 1861 года. А 1³/₂₅-го мая того же года появилась инструкция (напутокъ), составленная въ хорватской канцеляріи въ Вѣнѣ, сущность коей была слѣдующая: немедленно, по росписаніи выборовъ въ Трїединомъ королевствѣ, великіе жупаны имѣютъ поручить непосредственный надзоръ за правильнымъ веденіемъ оныхъ особымъ комиссиямъ (осредняя депутація). Въ каждомъ жупанствѣ имѣетъ быть по одной осредней депутаціи: она должна состоять изъ президента (великаго жупана) и 4 членовъ, избираемыхъ великимъ жупаномъ; она должна находиться въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ баномъ. Осредняя депутація должна назначать границы избирательныхъ округовъ (ихъ слѣдуетъ быть въ жупанствѣ столько, сколько оно обязано отправить депутатовъ), опредѣлить въ нихъ мѣсто для выборовъ, нарядить, по своему усмотрѣнію, избирательныя депутаціи, коимъ подлежалъ бы надзоръ за веденіемъ выборовъ по каждому избирательному округу и на обязанности коихъ лежало бы составленіе списковъ лицъ, кои имѣютъ право подачи голоса.

Изъ вышезложеннаго явствуетъ, что предстоящіе депутатскіе выборы зависѣли бы отъ непосредственно власти великихъ жупановъ, тогда какъ въ сущности они должны были бы происходить подъ непосредственнымъ влияніемъ народныхъ скупщинъ. Великіе жупаны строго держались этого „напутка“: они не сочли нужнымъ создать народныя скупщины для объявленія имъ о началѣ депутатскихъ выборовъ и для прочтенія правилъ, на основаніи коихъ они имѣютъ

происходить. Если же и слѣдовали сему образу дѣйствій, то — изъ опасенія встрѣтить себѣ оппозицію на скупщинахъ. Нерѣдко случалось, что увѣдомленіе о днѣ выбора столь поодино разсылалось по уѣздамъ, что лица, имѣвшія право присутствовать на выборахъ, не имѣли времени явиться на оныя. Не смотря на всѣ маеври мѣстныхъ хорватскихъ властей, депутатскіе выборы были благопріятны народной партіи. Аграмскій сеймъ былъ созванъ $\frac{5}{17}$ іюля того же года. Впрочемъ, вслѣдствіе перемѣны правительственной системы въ Австріи, которая должна была вскорѣ произойти, аграмскій сеймъ былъ неожиданно распущенъ.

Въ октябрьскомъ дипломѣ, а еще менѣе въ февральскомъ патентѣ, не была означена ни одна возможная форма, которую можно было бы дать государственному организму, — форма, при коей могли бы вестись общія государственныя дѣла, однаково касающіяся всѣхъ королевствъ и земель монархіи. Правительственная система Шмерлинга, породившая только всеобщее неудовольствіе въ населеніи имперіи, должна была пасть. Императоръ поручилъ графу Белкреди составить новое министерство, политическая программа коего, основанная на федеративномъ началѣ, появилась въ формѣ императорскаго манифеста, обнародованнаго 20-го (н. ст.) сентября 1865 года. Главныя основанія сентябрьскаго манифеста суть слѣдующія: признавая законность императорскаго совѣта и дозволяя, по обоюдному соглашенію между короною и народами, опредѣлить ту форму для отправленія общихъ государственныхъ дѣлъ, которая отвѣчала бы и интересамъ различныхъ австрійскихъ земель, — манифестъ этотъ приглашалъ населеніе восточной части имперіи, чрезъ посредство своихъ уполномоченныхъ, вступить на новый путь соглашенія съ правительствомъ. Принявши стародавнія, наслѣдованныя отъ дѣдовъ постановленія, законы и укоренившіеся обычаи за основаніе политическаго, умственного и общественнаго устройства Хорватовъ, онъ открылъ тѣмъ самымъ дверь представительству Тріедианаго королевства въ рейхсратѣ. Сентябрьскій манифестъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе на Хорватовъ, ибо онъ уклонилъ препятствія, которыя послужили причиной распущенія сейма 1861 года. Вскорѣ по обнародованіи означеннаго манифеста, былъ отмѣненъ въ Хорватіи законъ о дисциплинарной власти; многія лица, находившіяся по политическимъ проступкамъ подъ арестомъ, тотчасъ получили свободу. Впрочемъ, нѣкоторые обстоятельства наглядно показали Хорватамъ, что настоящее министерство намѣрено, повидимому, покровительствовать вен-

герскому элементу въ ущербъ хорватскому. Такъ, въ высочайшемъ рескриптѣ о созваніи провинціальныхъ сеймовъ, между прочимъ, говорится, что пештскій сеймъ имѣетъ состоять изъ депутатовъ Венгріи и „partes adnexae“; въ одномъ министерскомъ совѣтѣ въ Вѣнѣ, на комъ присутствовалъ вице-банъ хорватскій, г. Задаричъ, былъ поднятъ вопросъ о соединеніи Тріединого королевства съ Венгріей.

Въ описываемое время, мы находимъ въ Тріединомъ королевствѣ три политическія партіи:

1. „Великая народная либеральная партія“, представителемъ коей былъ Борисъ Хеленбахъ. Политическія ея требованія были таковы:

а) Вопросъ о государственно-правныхъ отношеніяхъ Тріединого королевства къ Венгріи долженъ быть рѣшенъ на венгерскомъ сеймѣ, при участіи хорватскихъ депутатовъ. При рѣшеніи сего вопроса, основаніемъ коего имѣла бы послужить статья 42-я аграмскаго сейма 1861 года, не надлежитъ считать территоріальную цѣлость Тріединого королевства за *conditio sine qua non*. Впрочемъ, означенный вопросъ могъ бы быть разрѣшенъ и послѣ коронованія императора венгерскою короной.

б) Оборонительный союзъ между Хорватами и Венграми противъ централизма.

в) По возобновленіи соглашенія между обоими королевствами, Хорваты имѣли бы, чрезъ посредство венгерскаго сейма, вести переговоры съ Вѣной, въ виду опредѣлить государственныя отношенія Тріединого королевства въ имперіи.

Очевидно, что въ основаніи этой программы лежали: по отношенію къ Венгріи—реальная унія Хорватіи съ Венгріей, а по отношенію ко всей монархіи — принципъ дуализма.

2. „Партія федеративная или партія сн. Штросмейера“. Программа ея состояла изъ слѣдующихъ пунктовъ:

а) Находя себя достаточною гарантію въ сентябрьскомъ манифестѣ, партія эта желала непосредственнаго соглашенія съ австрійскимъ правительствомъ, которое могло бы установиться, еслибы только была имъ признана территоріальная цѣлость Тріединого королевства (Хорватія, Славонія, Междумурье, Далмація и Военная граница составили бы Тріединое королевство).

б) Она требовала, чтобы дипломъ отъ 20-го октября 1860 года и патентъ отъ 26-го февраля 1861 года были предложены на обсужденіе Аграмскаго сейма, въ видѣ королевскаго предложенія.

в) Законы, составленные при участіи Хорватовъ на венгерскомъ

сеймъ 17⁹⁰/₉₁ года, должны имѣть равную силу и по отношенію Хорватіи.

г) По вопросу о государственно-правныхъ отношеніяхъ Тріединого королевства къ Венгріи, она заявила, что слѣдовало бы составить повны раста conventa между Хорватіей и Венгріей, по смыслу статьи 42-й аграмскаго сейма 1861 года. Съ этою цѣлію слѣдовало отправить въ Пешть „oratores regni“, которые вошли бы въ переговоры, по этому предмету, съ венгерскою депутаціей. „Oratores regni“ имѣли бы своими инструкціями слѣдующее: высочайшій рескриптъ пештскому сейму; территоріальная цѣлость Тріединого королевства должна быть „conditio sine qua non“, для соглашенія между обоими королевствами.

д) По разрѣшеніи вопроса о государственно-правныхъ отношеніяхъ Тріединого королевства къ Венгріи, можетъ быть поднятъ вопросъ и о коронованіи.

Политическими органами федеративной партіи служили газеты — *Zukunft* и *Rozog*. Партія эта, какъ видно, проводила, по отношенію ко всей монархіи, принципъ федерализма, а по отношенію къ Венгріи — реальную унію Хорватіи съ Венгріей исключительно по вопросамъ о финансахъ, войскѣ и торговлѣ.

3. „Самостоятельная народная партія“, представителемъ коей былъ Мажураничъ, бывшій хорватскій канцлеръ. Политическая программа этой партіи могла быть подведена подъ слѣдующіе пункты:

а) Признаніе тождественности интересовъ Тріединого королевства съ имперіей. Въ виду непосредственнаго соглашенія Хорватіи съ австрійскимъ правительствомъ, слѣдовало бы, въ случаѣ нужды, оставить въ сторонѣ вопросъ о территоріальной цѣлости Тріединого королевства и поднять оный уже по восстановленіи такого соглашенія. Относительно Военной Границы она была того мнѣнія, чтобы regimenty Вараждинскіе, часть Огулинскаго regimenta (Синсельбургъ) и свободно-военный городъ Сенья были присоединены къ гражданской Хорватіи; а во всѣхъ остальныхъ regimentaxъ, граничарское население, внѣ военной службы, подлежало бы гражданскому суду.

б) Устройство въ Вѣнѣ изъ представителей всего населенія имперіи центрального парламента, который былъ бы уполномоченъ обсуждать вопросы, общіе всей имперіи.

в) Предварительное соглашеніе Хорватовъ съ Венграми относительно отправления ими депутатовъ въ Вѣну, для обсужденія тамъ

попроса—на какихъ началахъ могъ бы быть ими признанъ центральный парламентъ;

г) Соображенія, по сему предмету, хорватско-венгерской депутации имѣли быть предложены на обсужденіе обоихъ сеймовъ, а положенныя по онымъ заключенія должны были быть отправлены въ Вѣну на высочайшее утвержденіе.

Партія эта, политическими органами коей были газеты *Agramer Zeitung* и *Domobran*, слѣдовала, какъ видно, по отношенію ко всей монархіи—приципу централизма, а по отношенію къ Венгрии она высказалась въ пользу первоначальной уніи между королевствами Венгерскимъ и Хорватскимъ.

^{21-го октября}
^{2-го ноября} 1865 года былъ обнародованъ высочайшій рескриптъ о созваніи Аграмскаго сейма. Кромѣ наложенія своего на хорватскомъ языкѣ, настоящій рескриптъ получилъ не малое значеніе въ глазахъ Хорватовъ и по либеральности своихъ началъ. Дѣйствительно, императоръ, какъ король Трїедиаго королевства, признавши невозможнымъ развитіе благосостоянія страны безъ непосредственнаго въ томъ содѣйствія самого населенія, а затѣмъ и историческія его права, пожелалъ теперь обратиться къ народу и предоставить добровольному его обсужденію начала, могущія положить конецъ ненормальному положенію дѣлъ въ имперіи: такъ аграмскій сеймъ, на подобіе венгерскаго, былъ уполномоченъ пересмотрѣть октябрьскій дипломъ и февральскій патентъ и изложить по онымъ свое мнѣніе. Означенный рескриптъ, дозволяя созвать Аграмскій сеймъ по избирательному закону 1848 года, нѣсколько измѣненному на конференціи 1861 года, приглашалъ Хорватовъ принять участіе въ венгерскомъ сеймѣ, который долженствовалъ быть созванъ 10-го (н. ст.) января 1866 года, съ цѣлію сдѣлать надлежащія приготовленія для коронованія императора австрійскаго, какъ короля Венгрии, Далмаціи, Хорватіи и Славоніи. Вопросы, предложенныя въ рескриптѣ 8-го ноября 1861 года и не бывшіе достаточно, по сіе время, разработаны, предлагались на обсужденіе будущаго сейма. Вопросы эти были слѣдующіе: 1) объ опредѣленіи государственно-правныхъ отношеній Хорватіи къ Венгрии, которыя должны были быть рѣшены по взаимному соглашенію обоихъ сеймовъ; 2) составленіе избирательнаго закона; 3) переустройство Хорватско-Славонской Военной Границы; 4) соединеніе Далмаціи съ Хорватіей; 5) финансы, войско и торговля, и 6) введеніе хорватскаго языка въ вѣдомствахъ военномъ и финансовомъ, находящихся въ Трїединомъ королевствѣ. Впрочемъ, въ нѣкоторомъ отношеніи,

Хорваты и не совсѣмъ были довольны означеннымъ рескриптомъ: 1) по силѣ оного, вопросъ о соединеніи Далмаціи съ Хорватіей имѣлъ быть предложенъ на обсужденіе сейма не ранѣе, какъ по опредѣленіи отношеній Хорватіи ко всей монархіи; 2) вопросъ объ избирательной реформѣ, который живо интересовалъ все населеніе, занималъ второстепенное мѣсто въ рескриптѣ; 3) въ рескриптѣ вполнѣ умалчивалось объ устройствѣ въ Аграмѣ юго-славянской академіи, что составляло горячее желаніе значительной части населенія Хорватскаго королевства, и 4) аграмскій сеймъ долженствовалъ отправить на высочайшее утвержденіе всѣ заключенія, вмѣстѣ взятія, и не каждое въ отдѣльности. Невольно являлось при семъ опасеніе, что если будущій сеймъ былъ бы неожиданно распуцень, то и самыя заключенія его не могли бы удостоиться высочайшаго утвержденія.

Открытіе аграмскаго сейма произошло торжественно ^{31-го октября} 12-го ноября. Важные вопросы, предстоявшіе обсужденію настоящаго сейма, привлекли всеобщее вниманіе: народное собраніе состояло изъ 217-ти членовъ, въ томъ числѣ было 25 граничарскихъ депутатовъ; скамьи, назначенныя для магнатовъ, были почти всѣ заняты; галереи были наполнены публикою. Старанія бана бар. Шокгіевича, усилить самостоятельную народную партію, ясно обозначились, когда былъ имъ поднятъ вопросъ: „имѣетъ ли банскій столъ право на вирильный голосъ?“ Самостоятельная народная партія, въ надеждѣ, безъ сомнѣнія, переманить въ свой лагерь 14 поборниковъ своихъ тенденцій, успѣшила поддержать такое право за банскимъ столомъ. Остальныя же двѣ партіи, опасаясь бюрократическаго начала въ средѣ сейма, высказались въ противномъ смыслѣ. Подобный образъ дѣйствій произвелъ дурное впечатлѣніе на Венгровъ: они хорошо понимали, что господство бюрократизма на Аграмскомъ сеймѣ полагало бы только преграды всякому его соглашенію съ венгерскимъ парламентомъ. Считаемо не лишнимъ при семъ замѣтить, что Венгры не переставали заявлять свою готовность опредѣлить государственныя отношенія Венгріи ко всей монархіи не иначе, впрочемъ, какъ по соглашенію со всѣми провинціями, нѣкогда входившими въ составъ Венгерскаго королевства. Кабинетъ Белкреди, полагая, съ одной стороны, что прочное соглашеніе его съ Венгріей могло бы много повліять и на опредѣленіе Тріединнымъ королевствомъ государственно-правнаго своего положенія по отношенію ко всей монархіи; съ другой же стороны, усматривая въ средѣ Аграмскаго сейма сильную оппозицію, которая только замедлила бы успѣшный ходъ его засѣданій, поло-

жиль сдѣлать уступку по помянутому вопросу. Изъ Вѣны было предписано бану не дѣйствовать впредь слишкомъ настойчиво по вопросу о банскомъ столѣ. По обоюдному соглашенію всѣхъ партій было рѣшено, что банскій столъ не имѣетъ права вирьяльнаго голоса.

На время успокоившееся броженіе умовъ обнаружилось на сеймѣ вторично, во всей своей силѣ, когда былъ поднятъ вопросъ о составленіи адреса въ отвѣтъ на императорско-королевскій рескриптъ. Каждая партія не преминула составить адресъ сообразно своимъ политическимъ завлеченіямъ: послѣ долгихъ преній, былъ принятъ, съ небольшими измѣненіями, адресъ, вышедшій изъ подъ пера г. Рачаго — вліятельнаго члена федеративной партіи. Адресъ этотъ былъ слѣдующаго содержанія:

а) Онъ выражалъ сожалѣніе, что, по смыслу высочайшаго рескрипта отъ 2-го (н. ст.) ноября 1865 года, вопросъ о присоединеніи Далмаціи къ Тріединному королевству не можетъ быть предложенъ на обсужденіе сейма, пока не будетъ опредѣлено государственно-правное положеніе Хорватіи и Славоніи во всей монархіи. „Мы увѣрены, говоритъ адресъ, что сама Далмація не могла бы считать законнымъ установленіе, безъ своего конституціоннаго соучастія, государственно-правныхъ отношеній Тріединнаго королевства, въ которое она имѣла бы, со временемъ, войти. Процвѣтанію и развитію силъ Австрійской имперіи нисколько не препятствуетъ органическое, самой натурѣ сообразное, развитіе и укрѣпленіе отдѣльныхъ ея частей, напротивъ того, оно представляетъ ей вѣрную поддержку, — поэтому соборъ и осмѣливается ходатайствовать предъ его величествомъ объ отклоненіи впредь препятствій по сему вопросу и о приглашеніи Далматскаго сейма отправить своихъ депутатовъ на Аграмскій сеймъ, дабы, по взаимному соглашенію, дать окончательное разрѣшеніе вопросу о соединеніи Далмаціи съ Хорватіей и Славоніей“.

б) Адресъ выражалъ полное согласіе на приглашеніе, сдѣланное въ рескриптѣ отъ 2-го (н. ст.) ноября 1865 года отправить въ Пештъ хорватскую депутацію, для принятія участія при коронаціи императора австрійскаго, какъ короля Венгріи, Хорватіи, Далмаціи и Славоніи. Далѣе онъ заявлялъ, что Хорваты питаютъ надежду, что территоріальная и политическая цѣлость Тріединнаго королевства будетъ признана и торжественно освящена — упоминаніемъ объ этомъ предметѣ въ инаугуральномъ дипломѣ.

в) По вопросу о Хорватско-Славонской военной границѣ адресъ заявилъ то мнѣніе, что по отношенію законодательства, админи-

страціи и судопроизводства, она была бы соединена съ Тріединимъ королевствомъ.

г) Государственно-правныя отношенія Тріединаго королевства должны быть опредѣлены на основаніи статьи 42 Аграмскаго сейма 1861 года.

По вопросу о Военной Границѣ, было принято въ адресѣ г. Рачкаго измѣненіе, сдѣланное самостоятельною народною партіей: „Аграмскій сеймъ выражаетъ надежду, что вопросъ о Военной Границѣ найдеть себѣ разрѣшеніе, согласное съ заявленіями Хорватовъ“.

По вопросу же объ опредѣленіи государственно-правныхъ отношеній Тріединаго королевства къ Венгрии, было принято и занесено въ адресъ г. Рачкаго слѣдующее предложеніе г. Мразовича:

„Вопросъ о государственномъ правѣ долженъ быть обсуждаемъ Хорватами въ тѣсномъ союзѣ съ Венграми, — для чего и надлежитъ устроить политическій органъ. Съ этою цѣлью, Хорватамъ слѣдовало бы отправить немедленно депутацію въ Пешть, а Венгры, въ свою очередь, должны были также выбрать изъ среды своей депутацію, — какъ та, такъ и другая составили бы особый комитетъ. Главная задача этого комитета была опредѣлить положеніе Хорватовъ въ означенномъ политическомъ организмѣ. При обсужденіи же вопроса о соглашеніи Хорватіи съ Венгеріей, надлежало бы принять въ основаніе статью 42 Аграмскаго сейма 1861 г.“. Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что вопросъ объ опредѣленіи государственно-правныхъ отношеній Тріединаго королевства къ Венгрии долженствовалъ быть рѣшенъ прежде вопроса о государственномъ началѣ въ имперіи. Говори о преніяхъ объ адресѣ, не могу не упомянуть при семъ весьма важнаго обстоятельства: послѣ обсужденія вопроса о государственно-правномъ положеніи Тріединаго королевства въ монархіи, граничарскіе депутаты оставили залу засѣданія, объяснивши свой выходъ тѣмъ, что они были приглашены на сеймъ исключительно для разсмотрѣнія помянутаго вопроса, — и притомъ заявили, что они желаютъ сохранить status quo въ Границѣ. Подобная демонстрація, по общему мнѣнію Хорватовъ, была произведена граничарскими депутатами вслѣдствіе приказанія, полученнаго ими изъ Вѣны, гдѣ стали сильно опасаться положенія, принятаго Аграмскимъ сеймомъ.

Хорваты совершили большую политическую ошибку, что не вступили съ Вѣной въ прямое соглашеніе, но предпочли дѣйствовать на Вѣну чрезъ Пешть. Послѣдующія политическія событія наглядно ихъ въ томъ убѣдили. Императорско-королевскій рескриптъ на адресъ

Аграмскаго сейма произвелъ дурное впечатлѣніе на Хорватовъ: по смыслу сего рескрипта, хорватско-венгерская депутація была уполномочена приступить къ непосредственному обсужденію вопроса о международномъ правѣ, — тогда какъ хорватскій адресъ предоставлялъ этой депутаціи право разсмотрѣть начала для устройства политическаго органа, который уже, въ свою очередь, занялся бы вопросомъ о международномъ правѣ. Хотя означенный рескриптъ и одобрилъ начало соглашенія между королевствами Венгерскимъ и Хорватскимъ, но сохранилъ полное молчаніе о территоріальной цѣлости сего послѣдняго — на какихъ же основаніяхъ надлежало вести переговоры между этими обоими королевствами, когда территоріальныя ихъ границы не были официально признаны правительствомъ?

По полученіи въ Аграмѣ помянутаго высочайшаго рескрипта, была немедленно наряжена коммиссія съ цѣлью составить отвѣтъ на императорско-королевскій рескриптъ и выбрать депутацію, для отправленія ея въ Пештъ. Въ отвѣтъ на рескриптъ было выражено сожалѣніе о томъ, что законныя заявленія Хорватовъ о нераздѣльности ихъ территоріи оставлены безъ вниманія; въ заключеніе было сказано: „Хотя Ваше Величество и не соблагоизволили отвѣтить на наши горячія и законныя заявленія, тѣмъ не менѣе мы порѣшили сообразовать наши дѣйствія съ предписаніями Вашего рескрипта: хорватская депутація имѣетъ отправиться въ Пештъ“. Вопросъ же о хорватской депутаціи былъ изложенъ въ 2-хъ пунктахъ:

1. Аграмскій сеймъ имѣетъ отправить 12 депутатовъ въ Пештъ, которые должны представить на утвержденіе сейма всякое рѣшеніе, которое будетъ ими принято.

2. Хорватская депутація должна вести переговоры по смыслу статьи 42-й Аграмскаго сейма (1861 г., а именно: а) вопросъ о государственномъ началѣ въ имперіи долженъ быть рѣшенъ единственно только по соглашенію между сеймами Аграмскимъ и Пештскимъ; б) Трѣединое королевство должно имѣть въ центральномъ парламентѣ отдѣльное представительство, вполне независимое отъ венгерскаго.

Наденіе Шмерлингова министерства было, такъ сказать, первымъ шагомъ къ введенію дуализма въ имперію. Побѣдка, совершенная императоромъ австрійскимъ въ Пештъ, заманчивыя обѣщанія, имъ сдѣланныя Венграмъ, и открыто высказанное его величествомъ желаніе короноваться въ Пештъ короною св. Стефана послужили какъ бы предварительными приготовленіями къ переживанію правительственной системы Венеры, облеченнаго такою высочайшею къ себѣ благосклон-

ностью, возмечтали уже объ упроченіи своего господства на какомъ-либо пунктѣ Адриатическаго моря и стали съ этою цѣлью агитировать въ хорватскомъ приморьѣ. Мы видимъ, что Фиумскіе депутаты, въ засѣданіи 19-го (н. ст.) декабря 1865 г. Аграмскаго сейма, подали декларацію, что они не могутъ приниматьъ участія на сеймѣ при обсужденіи вопросовъ, касающихся внутренней администраціи Хорватіи, пока не будетъ разрѣшенъ вопросъ о политическо-административномъ положеніи г. Фиуме, — а этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ Хорватами не иначе, какъ въ соглашеніи съ венгерскимъ сеймомъ и муниципальной конгрегаціей: эта декларація была положена „ad acta“. Въ то же самое время было рѣшено отложить засѣданіе сейма, по случаю наступающихъ празднико́въ, до 15-го (нов. ст.) января 1866 г. Между тѣмъ въ Пештѣ продолжали идти между хорватской и венгерской депутаціями переговоры, которые не обѣщали принести желанныхъ результатовъ: по мѣрѣ усиленія въ Венграмъ благорасположенія императорской фамиліи, возрастали вмѣстѣ съ тѣмъ и политическія ихъ требованія. На засѣданіи 12-го (н. ст.) марта 1866 г. Аграмскаго сейма, было принято единогласно рѣшеніе, что, начиная съ 17-го (нов. ст.) марта имѣютъ быть отложены засѣданія сейма, пока переговоры въ Пештѣ не потребуютъ вторичнаго его созванія; въ случаѣ же если занятія хорватско-венгерской депутаціи не достигли бы желаемыхъ результатовъ, то президенту сейма слѣдовало бы его созвать 1-го (н. ст.) мая.

Переговоры въ Пештѣ между Хорватами и Венграми были приостановлены; созваніе Аграмскаго сейма не было дозволено; повидимому, наступило полное затишье въ политикѣ. Наконецъ, 17-го (н. ст.) февраля 1867 г. было даровано Венграмъ особое министерство, что и послужило раздѣленіемъ Австрійской имперіи на двѣ части: западную или Цислейтанію, гдѣ обезпечено было господство нѣмецкаго элемента, и восточную или Транслейтанію, гдѣ суждено было Венграмъ быть господствующимъ элементомъ.

Новая правительственная система—система дуализмъ,—произвела большое вліяніе на настроеніе умовъ хорватскаго населенія: политическія партіи—либерально-народная и федеративная, ясно усмотрѣвъ, что система эта діаметрально-противоположна и политическимъ, и матеріальнымъ интересамъ страны, не преминули сблизиться между собою; въ лагерь оппозиціи даже вошли нѣкоторые члены самостоятельной народной партіи, между тѣмъ, какъ хорватскіе магнаты и нѣкоторые члены бюрократическаго сословія заявили, что система

„дуализма“ есть единственное средство къ улучшенію матеріальнаго благосостоянія страны. Такимъ образомъ образовались теперь двѣ партіи — народная и венгерская. Въ виду ослабленія оппозиціи, началось, съ того времени, преслѣдованіе ея членовъ, если кто либо изъ нихъ находился на государственной службѣ.

Австрійское правительство, стараясь еще болѣе расположить къ себѣ Венгровъ, рѣшило поддерживать венгерскую пропаганду въ хорватскомъ приморьѣ. Съ этою цѣлью прибылъ въ г. Фиуме 24-го (н. ст.) апрѣля 1867 г. императорско-королевскій комиссаръ г. Чехъ, который сталъ готовить почву для преобразования приморья въ венгерскую провинцію. Такія попытки правительства къ отдѣленію приморья отъ Хорватіи произвели весьма тяжелое впечатлѣніе на Хорватовъ. Поэтому, когда былъ поднятъ вопросъ объ адресѣ на высочайшій рескриптъ, — по силѣ коего былъ созванъ Аграмскій сеймъ въ апрѣлѣ 1867 года — народная партія не преминула представить свой адресъ, извѣстный подъ именемъ „адреса большинства“, слѣдующаго содержания: признавая персональную унію Хорватіи съ Венгеріей, сейму слѣдовало отправить въ Пештъ делегацію, которая вошла бы въ соглашеніе съ Венграми, относительно составленія манифеста о коронаціи, который долженствовалъ быть раздѣленъ на два отдѣла: въ одномъ говорилось бы о Венгеріи, а въ другомъ о Хорватіи, и имѣлъ бы быть изданъ въ 2-хъ экземплярахъ, окончательная же его редакція принадлежала бы сеймамъ — венгерскому и хорватскому. Впрочемъ, прежде отправленія означенной делегаціи, венгерскій сеймъ долженъ былъ признать „de facto“ политическую самостоятельность и территориальную цѣлость Трїедиаго королевства. Въ свою очередь, венгерская партія составила адресъ въ смыслѣ программы Деака.

Сильная оппозиція, обозначившаяся на сеймѣ по поводу адреса, не могла, очевидно, принести желанныхъ результатовъ правительству. Поэтому и было предписано бану, барону Шокіевичу, пригласить къ себѣ депутатовъ, состоявшихъ на службѣ въ Хорватіи, и объявить имъ, что если они не согласятся дѣйствовать въ видахъ правительства, — то лишатся своихъ служебныхъ мѣстъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что хорватскій банъ, за часъ до открытія засѣданія 11-го (н. с.) мая, пригласилъ къ себѣ депутатовъ-чиновниковъ для сообщенія имъ приказанія правительства; г. Чеполичъ — совѣтникъ Фиумскаго суда — отъ имени своихъ сотоварищей объявилъ бану: „Вы предлагаете намъ на выборъ — нищету или позоръ, мы предпочитаемъ первое“. Въ засѣданіи того же дня было единогласно по-

ложно: 1) засѣданіи сейма не могутъ происходить, пока не будетъ признана за депутатами безотвѣтственность и непарушимость ихъ правъ, и 2) Сербы должны пользоваться въ Хорватіи тѣми же правами, какъ и Хорваты. Этотъ день былъ торжественно отпразднованъ въ Аграмѣ: весь городъ былъ иллюминированъ. Было въ видахъ правительства — продолжить засѣданіи сейма, въ надеждѣ покончить вопросъ объ опредѣленіи отношеній Хорватіи къ Венгрии; поэтому и вышло высочайшее подтвержденіе статьи сейма 1861 года, гдѣ говорилось о правахъ депутатовъ. Считаемъ не лишнимъ при семъ замѣтить, что въ засѣданіи 9-го (н. с.) мая былъ прочитанъ протестъ приморскихъ Хорватовъ противъ пребыванія въ хорватскомъ приморьѣ императорско-королевскаго комиссара, г. Чеха. По этой причинѣ, въ засѣданіи 18-го (н. с.) мая, былъ сдѣланъ запросъ бану—долгое ли время думаетъ пробыть г. Чехъ въ приморьѣ? Получивъ уклончивый отвѣтъ, сеймъ принялъ адресъ большинства, внесши въ оный, что Аграмскій сеймъ не можетъ отправить своей делегаціи въ Пештъ, пока г. Чехъ будетъ оставаться въ приморьѣ, въ качествѣ комиссара.

Помянутый адресъ далеко не отвѣчалъ политическимъ тенденціями Венгровъ. Поытно тенерь, что венгерскій министр-президентъ графъ Андраши, едва извѣщенный объ этомъ, поспѣшилъ представить австрійскому правительству, что крайне необходимо не принимать хорватской депутаціи, а означенный адресъ долженъ быть поднесенъ императору хорватскимъ канцлеромъ, г. Күшевичемъ. 22-го (н. с.) мая банъ, по телеграфу, былъ увѣдомленъ, что его величество не приметъ хорватской депутаціи, что адресъ Аграмскаго сейма имѣетъ быть посланъ по почтѣ на имя хорватскаго канцлера и что засѣданіи сейма должны быть пріостановлены до получения высочайшаго отвѣта на помянутый адресъ. Дѣйствительно, въ тотъ же день былъ отправленъ въ Вѣну по почтѣ адресъ, а 26-го (н. с.) мая былъ уже полученъ въ Аграмѣ императорско-королевскій рескриптъ, который и былъ прочитанъ въ засѣданіи сейма 27-го (н. с.) мая. Онъ касался трехъ главныхъ пунктовъ: 1) коронаціи въ Пештъ не можетъ быть отложена; 2) надлежитъ немедленно распустить Аграмскій сеймъ, и 3) слѣдуетъ вторично его созвать. Упомянутый рескриптъ породилъ всеобщее неудовольствіе въ Хорватіи и послужилъ, такъ сказать, преддверіемъ къ еще болѣе энергической дѣятельности австрійско-венгерскаго правительства, по отношенію къ вопросу о венгерскомъ началѣ въ Хорватіи. Понятенъ теперь слухъ, съ довѣріемъ

принятый всеми Хорватами, что если и будетъ сованъ Аграмскій сеймъ, то не иначе, какъ по новому избирательному закону, которому упрочить вліяніе Венгровъ въ ихъ отечествѣ. 8-го (н. с.) іюня 1867 года императоръ австрійскій былъ коронованъ въ Пештѣ короноу Св. Стефана ¹⁾. Вскорѣ послѣ коронаціи, бану хорватскому, барону Шокгіевичу, было предложено подать въ отставку; а въ іюль того же года банскимъ намѣстникомъ (locumtenens Bani) былъ назначенъ баронъ Раухъ — горячій партизанъ Венгровъ. Будущую свою дѣятельность онъ ясно характеризовалъ въ произнесенной имъ рѣчи, при officialномъ ему представленіи бюрократическаго сословія: „я буду дѣйствовать, сказалъ баронъ Раухъ, за соединеніе Хорватіи съ Венгріей и надѣюсь найти въ васъ вѣрныхъ себѣ помощниковъ“.

Многія политическія причины содѣйствовали тому, что образованіе вообще, а въ особенности народное образованіе не положило въ Хорватіи тѣхъ твердыхъ началъ, какія мы находимъ въ нѣмецкихъ провинціяхъ. Поэтому и не могло созрѣть въ мѣстномъ населеніи страны то убѣжденіе, что можно быть полезнымъ своему отечеству, избравши себѣ ученую дѣятельность. Въ Хорватіи — весьма мало людей, которые вполне отдались наукѣ: въ средѣ этого ограниченнаго кружка ученыхъ, за небольшими изъятіями, рѣдко выдаются знаменитости. Молодое хорватское поколѣніе, окончивъ свое образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, поступало, по большей части, либо въ семинаріи, либо на государственную службу. Такимъ образомъ, духовенство и бюрократическое сословіе составляютъ значительнѣйшую часть образованнаго класса въ Хорватіи. Мѣстное римско-католическое духовенство замѣтно уже утратило религіозный свой фанатизмъ, а въ молодомъ его поколѣніи возникаетъ даже сочувствіе къ православной церкви, какъ вѣрнѣйшей и лучшей хранительницѣ славянской народности. Воспитанное въ духѣ народномъ, оно пожелало подать себою примѣръ стойкости характера и остальной части населенія. Поэтому мы видимъ, что мѣстное духовенство нерѣдко жертвовало значительныя денежныя суммы на народныя учебныя заведенія. Понятно, что развитіе народнаго начала въ Хорватіи было диаметрально-противоположно видамъ венгерскаго правительства, а потому и самое духовенство, какъ главный, въ семъ отношеніи, дѣятель, было имъ заподозрѣно въ панславизмъ. Мы видимъ, что Аграм-

¹⁾ Въ тотъ же день былъ утвержденъ императоромъ законъ о делегаціи, поднесенный ему Венгерскимъ сеймомъ.

скій архіепископъ, кардиналъ Гауликъ, извѣстный партизанъ Венгрии обратился къ подвѣдомственному ему духовенству съ пастырскимъ посланіемъ, въ которомъ высказалъ то же самое обвиненіе. Вначалѣ, означенное посланіе было весьма равнодушно принято духовенствомъ; когда же нѣкоторые духовные не пожелали буквально слѣдовать его предписаніямъ, то были преслѣдуемы архипастыремъ. Впрочемъ, въ средѣ самого духовенства появились такіа личности, которыя, въ личныхъ своихъ интересахъ, вознамѣрились уклониться отъ народной дѣятельности; остальная же часть духовенства стала также мало по малу оставлять политическую арену. Реакція стала дѣйствовать во всей своей силѣ: созваніе скуштинъ было строго запрещено; венгерская пропаганда распространилась даже среди сельскаго населенія. Поэтому единственными, явными сборниками народнаго начала въ Хорватіи сдѣлались лица, по своему общественному положенію, вполне независимыя; но какъ число такихъ дѣятелей было весьма ограничено, то и самая ихъ дѣятельность не могла принести желанныхъ результатовъ.

Подъ вѣншиимъ давленіемъ вновь устроенной мѣстной администраціи, подъ непосредственнымъ вліаніемъ барона Рауха, образовались теперь въ Хорватіи двѣ политическія партіи:

1) „Федеративная“, также извѣстная подъ именемъ „народной либеральной партіи“. Она была недовольна тѣмъ, что вопросъ о государственномъ положеніи Тріедианаго королевства, по отношенію къ имперіи, былъ рѣшенъ безъ вѣдома Аграмскаго сейма, и заявляла, что Венгрія и Тріединое королевство суть два отдѣльные государства, находящіяся подъ одною короною, — поэтому и надлежитъ, чтобы прежде начатія переговоровъ о соглашеніи Хорватіи съ Венгріей, венгерскій сеймъ призналъ „de facto“ политическую самостоятельность и территориальную нераздѣльность Тріедианаго королевства. — Впрочемъ, соглашеніе могло произойти только по вопросамъ, непосредственно касающимся интересовъ двухъ сосѣднихъ королевствъ, а именно — по вопросамъ о финансахъ и о торговлѣ. Для обсужденія этихъ вопросовъ, Аграмскій сеймъ имѣлъ-бы отправить въ Пештъ „огатогес регні“. Партія эта также желала, чтобы Тріединое королевство было средоточіемъ всѣхъ южныхъ австрійскихъ Славянъ, надѣясь тѣмъ самимъ упрочить, со временемъ, путь къ лучшей будущности всего славянства. Политическимъ органомъ ея была газета, — „Novi Rozor“.

2) „Конституціонно-народная партія“ признавала Венгрію и Трі-

единое королевство за одно нераздѣльное государство и заявляла свою готовность удовольствоваться незначительными уступками, если бы венгерское правительство пожелало ихъ сдѣлать. Политическимъ органомъ этой партіи были „Hrvatski Novine“.

Главною задачей предстоящаго Аграмскаго сейма было — рассмотреть постановленія венгерскаго сейма, которыя были препровождены къ Банскому намѣстнику при высочайшемъ рескриптѣ отъ 23-го (н. с.) апрѣля 1867 года, — а именно: 1) какъ имѣть быть представлено Тріединое королевство на Пештскомъ сеймѣ для обсужденія дѣлъ, общихъ всему королевству короны Св. Стефана; 2) какъ Тріединое королевство имѣть быть представлено въ делегаціи, которую назначить отъ себя Венгрія. 20-го (н. с.) октября 1867 года появился императорско-королевскій рескриптъ на имя банскаго намѣстника, барона Левина Раука о созваніи Аграмскаго сейма и былъ приложенъ при немъ, составленный въ Вѣнѣ, избирательный законъ.

Рескриптъ этотъ и по своей формѣ, и по содержанію, весьма разнится отъ предшествовавшихъ по сему предмету рескриптовъ: съ одной стороны, въ немъ не упоминается ни о Далмаціи, ни о Военной Границѣ, съ другой же стороны, онъ отвергаетъ принятія на послѣднихъ сеймахъ заключенія, относительно внутренняго устройства и политическаго положенія Тріедиапаго королевства. По смыслу означеннаго рескрипта, будущій Аграмскій сеймъ долженъ былъ заняться исключительно тѣми тремя вопросами, о коихъ мы говорили выше. — Временный избирательный законъ, по мнѣнію Хорватовъ, не могъ имѣть силы, такъ какъ онъ былъ составленъ помимо Аграмскаго сейма: надлежало бы созвать сеймъ либо по избирательному закону 1848 года, либо по закону, составленному на сеймѣ 1865 года, если бы этотъ послѣдній удостоился высочайшаго утвержденія. — По силѣ временнаго избирательнаго закона, число депутатовъ было значительно сокращено: вмѣсто 120, какъ было на послѣднемъ Аграмскомъ сеймѣ, число ихъ теперь было ограничено только 66. Если на Аграмскомъ сеймѣ 1865 года и было заявлено въ пользу уменьшенія числа депутатовъ, то было принято при семъ въ соображеніе и то обстоятельство, что надлежало сократить и число лицъ, имѣвшихъ „de jure“ вирильный голосъ, между тѣмъ какъ, по силѣ временнаго избирательнаго закона, всѣ горячіе поборники венгерскихъ притязаній въ Хорватіи, а именно — прелаты, великіе жупаны и магнаты, число коихъ доходило до 57, сохранили свое право на вирильный голосъ. При составленіи сего закона было обращено вни-

маніе и на то, чтобы усилить, въ случаѣ нужды, правительственную партію на сеймѣ. Такъ былъ въ него включенъ слѣдующій параграфъ:

„§ 41. О началѣ, по коему имѣли бы происходить выборы депутатовъ изъ Военной Границы, будетъ издано особое распоряженіе, въ случаѣ, если ево величество пожелалъ бы дозволить Военной Границѣ отправить своихъ депутатовъ на хорватскій сеймъ“.

Не смотря на такую виѣшнюю обстановку, правительство все-таки невольнѣ еще было увѣрено въ благоприятномъ для себя исходѣ за-сѣданій сейма. Такое недовѣріе проглядываетъ въ слѣдующемъ временно-составленномъ законѣ:

„§ 3. Засѣданія сейма закрываетъ его величество король, коему принадлежитъ и право отлагать сеймъ на дальнѣйшій срокъ, чѣмъ три мѣсяца, а также и распускать его прежде исхода періода, закономъ определеннаго; но, въ такомъ случаѣ, надлежало бы немедленно предписать новые выборы и созвать другой сеймъ, не позже трехъ мѣсяцевъ, по распущеніи предшествующаго“.

19-го (н. с.) октябри начались депутатскіе выборы. Бар. Раухъ поручилъ ближайшій надзоръ надъ ними своимъ довѣреннымъ лицамъ изъ бюрократическаго сословія, которыя, уже по своему официальному положенію, могли бы имѣть непосредственное вліяніе на успешный ихъ ходъ. Выборы эти происходили слѣдующимъ образомъ: въ городахъ избиратели, написавши имя избраннаго ими кандидата, должны были присовокупить къ оному и свое собственное имя (понятно, что при такой повѣркѣ, только лица, по своему общественному положенію независимыя, осмѣливались выбирать народнаго кандидата); среди же сельскаго населенія былъ пущенъ въ ходъ слухъ, что, съ присоединеніемъ Хорватіи къ Венгріи, подати и повинности значительно уменьшатся и вообще матеріальное его положеніе неминусомо улучшится. Вслѣдствіе всего этого бар. Раухъ могъ теперь похвастаться блистательною побѣдою. Дѣйствительно, изъ 66 выбранныхъ депутатовъ 48 принадлежали конституціонно-народной партіи и только 18 — народной либеральной партіи.— Впрочемъ, эта послѣдняя партія уже предвидѣла свое пораженіе на депутатскихъ выборахъ.

Открытіе Аграмскаго сейма происходило 9-го (н. с.) января 1868 года, подѣ личнымъ президентствомъ банаго намѣстника бар. Рауха. Первые засѣданія, предназначенныя для провѣрки избирательныхъ листовъ, представляли мало интереса. Впрочемъ, весьма было оживлено засѣданіе 15-го (н. с.) января, въ которомъ было заявлено мнѣніе,

что сеймъ можетъ быть конституированъ, то-есть, можно уже приступить къ выбору предсѣдателя и вице-предсѣдателей. Тогда народный депутатъ г. Субботичъ заявилъ, что, прежде обсуждения этого вопроса, надлежало бы составить на высочайшее имя прошеніе о распусценіи настоящаго сейма и о созваніи новаго по избирательному закону 1848 года.—Понятно, что мнѣніе это было отвергнуто большинствомъ голосовъ. Вслѣдъ затѣмъ народныя депутаты, въ числѣ 13, подавши свой протестъ, оставили залу засѣданія. Означенный протестъ былъ положенъ ad acta, а затѣмъ было приступлено къ выбору предсѣдателя сейма и двухъ вице-предсѣдателей; предсѣдателемъ былъ выбранъ г. Вакановичъ, а вице-предсѣдателями — гг. Живковичъ и Мальевацъ. Въ исходѣ засѣданія, г. предсѣдатель предложилъ пригласить помянутыхъ 13 депутатовъ отказаться отъ своихъ полномочій. Вслѣдствіе отрицательнаго отвѣта означенныхъ депутатовъ, было принято въ засѣданіи 23-го (н. с.) января слѣдующее рѣшеніе: „депутаты, въ числѣ 13, утрачиваютъ права свои на полномочіе, такъ какъ оставленіе ими залы собранія должно считаться дѣломъ противозаконнымъ“;—а затѣмъ было положено разослать по жупанствамъ циркулярныя предписанія, чтобы произвести новыя выборы въ тѣхъ 13 избирательныхъ округахъ, депутатами коихъ были означенныя лица.—Народная партія въ Сремѣ не замедлила изложить, въ своемъ протестѣ, всю незаконность новыхъ выборовъ, основываясь на томъ, что лицо, получившее полномочіе, можетъ утратить оное не иначе, какъ съ согласія того выборнаго округа, представителемъ коего оно служитъ; впрочемъ, протестъ этотъ былъ положенъ ad acta. Въ засѣданіи 28-го (н. с.) января былъ представленъ на обсужденіе сейма, составленный комитетомъ изъ 9 членовъ, проектъ адреса на высочайшій рескриптъ отъ 20-го (н. с.) октября 1867 года, съ небольшими измѣненіями, онъ былъ принятъ. Въ основаніи сего адреса лежали слѣдующія начала: 1) полная самостоятельность Трїедиаго королевства по всѣмъ отраслямъ мѣстнаго управленія; 2) территориальная цѣлостъ Трїедиаго королевства; впрочемъ, этотъ пунктъ не составляетъ въ адресѣ *conditio sine qua non* соглашенія Хорватіи съ Венгріей, но изложенъ въ видѣ желанія сейма, чтобы онъ нашелъ себѣ благоприятное разрѣшеніе, и 3) безусловное принятіе вопроса о делегаціяхъ.—Въ теченіе того-же засѣданія была выбрана депутація, состоявшая изъ 12 членовъ, которая должна была отправиться въ Пештъ, для переговоровъ съ Венграми.

Послѣ шести мѣсячныхъ переговоровъ, которые, по словамъ г. Ва-

кановича, были ведены „съ полною совѣстливостью“, былъ составленъ проектъ хорватско-венгерскаго соглашения (элаборатъ): онъ долженъ былъ быть представленъ на разсмотрѣніе сеймовъ обоихъ королевствъ, а по одобреніи ими, препровожденъ на высочайшее утвержденіе. Настоящій элаборатъ начинается такъ: „Хорватія и Славонія принадлежать, *de jure* и *de facto*, коронѣ св. Стефана уже нѣсколько столѣтій и ясно сказано въ прагматической санкціи, что земли венгерской короны—нераздѣльны между собою. На основаніи сего, возстановляется между Венгріей, соединяемой съ Трансильваніей, съ одной стороны, и съ Хорватіей и Славоніей съ другой—, договоръ соглашения по вопросамъ общественнаго права, существующаго между этими землями“. Вопросы о финансахъ и о представительномъ началѣ были весьма тщательно обработаны: завладѣвъ вѣдомствомъ финансовъ въ Хорватіи и Славоніи и ослабивши вліяніе Хорватовъ въ средѣ Пештскаго парламента, Венгры проложили тѣмъ самымъ вѣрный путь къ подчиненію сихъ провинцій непосредственному своему вліянію. По вопросу о финансахъ, хорватско-венгерскій элаборатъ содержитъ слѣдующее: Венгры, руководимые братскими чувствами къ Хорватамъ, готовы ежегодно ассигновывать 2.200.000 гульд. на покрытие расходовъ по мѣстной администраціи въ Хорватіи и Славоніи. Сумма эта должна составить 45% съ доходовъ, получаемыхъ съ сихъ провинцій; остальная же часть мѣстныхъ доходовъ должна поступать въ венгерскую казну. Впрочемъ, если опредѣленная часть съ мѣстныхъ доходовъ не принесетъ суммы, ассигнованной Хорватскому королевству, то Венгры имѣютъ уплатить этотъ недочетъ (чего никогда не можетъ случиться, ибо было принято при семъ въ соображеніе, какую сумму можетъ дать Хорватія при самыхъ неблагопріятныхъ для себя условіяхъ); въ случаѣ же, если такая сумма превзойдетъ 2.200.000 гульд., то излишекъ долженъ быть пересланъ въ центральную Пештскую кассу. По вопросу о представительномъ началѣ, элаборатъ содержитъ слѣдующее: „Хорватіи и Славоніи предоставлено право отправлять 29 депутатовъ на венгерскій сеймъ“. Можно полагать, что не будетъ даже и замѣчено ихъ присутствія въ парламентахъ, состоящемъ изъ 377 венгерскихъ депутатовъ: какимъ образомъ хорватскіе депутаты, даже при всемъ своемъ желаніи, могли бы играть роль поборниковъ интересовъ своей страны?

Народная либеральная партія была весьма недовольна переговорами, происходившими между Хорватами и Венграми, въ Пештѣ. „Если настоящій сеймъ былъ незаконно созванъ“, говорила эта партія,

„то и самые переговоры между депутациями должны быть признаны незаконными. Мы не ищемъ себѣ милостей въ Пештѣ, но заявляемъ тамъ свои права: не можемъ войти въ соглашеніе съ Венграми, доколѣ права эти не будутъ признаны ими“. По смыслу вновь составленнаго элабората, Тріединое королевство предназначено сдѣлаться венгерскою провинціей.

Открытие аграмскаго сейма происходило 12-го (н. ст.) сентября 1868 года. Въ залѣ засѣданій былъ повѣшенъ гербъ Тріединого королевства, увѣнчанный венгерскою короною. Всѣ вопросы, которые были подвергнуты на обсужденіе сейма (въ томъ числѣ хорватско-венгерскій элаборатъ и вопросъ о политическо-административномъ положеніи г. Фіуме, были единогласно и безъ измѣненія приняты. Народные депутаты, въ числѣ 4-хъ, успѣли подать протестъ противъ незаконности настоящаго сейма, а затѣмъ оставили залу засѣданія. Предсѣдатель сейма г. Вакановичъ не преминулъ возвратить имъ означенный протестъ. Въ адресѣ своемъ аграмскій сеймъ выразилъ желаніе, чтобы хорватско-венгерскій элаборатъ и постановленія, принятыя по вопросу о Фіумѣ, удостоились высочайшаго утвержденія.

Императоръ принялъ хорватскую депутацію 9-го (н. ст.) октября въ своемъ имѣніи Гёдбля (близъ Пешта). Выразивъ свое полное удовольствіе, что хорватско-венгерскій элаборатъ встрѣтилъ одобреніе на сеймахъ венгерскомъ и хорватскомъ, что заявилъ при томъ, что, по вопросу о Фіумѣ, венгерское министерство должно войти въ соглашеніе съ заинтересованными, въ семъ отношеніи, лицами (?), и свои заключенія представить затѣмъ обоимъ сеймамъ; въ случаѣ же, если и тогда оба сейма не будутъ въ состояніи по сему предмету согласиться, то его величество самъ приметъ рѣшеніе. Венгерскій сеймъ высказался за „непосредственное присоединеніе г. Фіуме къ Венгріи“.

По силѣ описаннаго нами договора, заключеннаго въ 1868 году между Хорватами и Венграми, Тріединое королевство приобрѣло самостоятельное внутреннее правительство, „Hrvatsko-Slavonsko-Dalmatinska-Autonomna Vlada“, которое вступило въ дѣйствіе въ апрѣлѣ 1869 года. Дѣла мѣстнаго управленія были распределены между тремя департаментами:

1) Департаментъ внутреннихъ и финансовыхъ дѣлъ; 2) департаментъ духовнымъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и 3) департаментъ правосудія. Во главѣ управленія стоялъ банъ. Всѣ предложенія и

Въ исторіи русскаго языка, описанной въ первомъ изъданіи, мы не находимъ никакихъ данныхъ о времени раздѣленія языка на два главныхъ нарѣчія. Мы знаемъ только, что въ началѣ XV вѣка языкъ еще не раздѣлился на два главныхъ нарѣчія, а въ концѣ XV вѣка онъ уже раздѣлился на два главныхъ нарѣчія, а именно на северное и южное. Мы знаемъ также, что въ началѣ XVI вѣка языкъ еще не раздѣлился на два главныхъ нарѣчія, а въ концѣ XVI вѣка онъ уже раздѣлился на два главныхъ нарѣчія, а именно на северное и южное. Мы знаемъ также, что въ началѣ XVII вѣка языкъ еще не раздѣлился на два главныхъ нарѣчія, а въ концѣ XVII вѣка онъ уже раздѣлился на два главныхъ нарѣчія, а именно на северное и южное. Мы знаемъ также, что въ началѣ XVIII вѣка языкъ еще не раздѣлился на два главныхъ нарѣчія, а въ концѣ XVIII вѣка онъ уже раздѣлился на два главныхъ нарѣчія, а именно на северное и южное. Мы знаемъ также, что въ началѣ XIX вѣка языкъ еще не раздѣлился на два главныхъ нарѣчія, а въ концѣ XIX вѣка онъ уже раздѣлился на два главныхъ нарѣчія, а именно на северное и южное. Мы знаемъ также, что въ началѣ XX вѣка языкъ еще не раздѣлился на два главныхъ нарѣчія, а въ концѣ XX вѣка онъ уже раздѣлился на два главныхъ нарѣчія, а именно на северное и южное.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАМАТИКѢ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе. Соч. *М. Колосова*. Варшава, 1872. XII, 190.

Starobulharská fonologie se stálým zretelem k jazyku litevskému. Sepsal dr. *Leopold Geiler*, v. Praze, 1878.

I.

„Насъ могутъ упрекнуть въ томъ“, говоритъ г. Колосовъ, „что нами вовсе обойденъ важный въ исторіи русскаго языка вопросъ о времени раздѣленія его на два главныхъ нарѣчія. На это мы отвѣтимъ, что не считаемъ возможнымъ, со стороны кого бы то ни было, рѣшительно въ настоящее время отвѣтить на этотъ вопросъ“ (Оч., VIII). Дѣйствительно, это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, кои при такой задачѣ, какова задача г. Колосова, нельзя обходить безнаказанно, такъ какъ, обойденные, они мстятъ за себя неопредѣленностью и ошибочностью дальнѣйшихъ выводовъ. Нужно имѣть смѣлость встрѣтиться съ ними лицомъ къ лицу, не дожидаясь, когда эти вопросы найдутъ будто бы такое рѣшеніе, которое не вызоветъ сомнѣній и отрицаній. Окончательныхъ рѣшеній въ такихъ случаяхъ и не бываетъ, а временныя и для насъ не только возможны, но и необходимы. Нужно же изслѣдователю исторіи русскаго языка съ первыхъ письменныхъ памятниковъ дать себѣ отчетъ, о какомъ именно языкѣ онъ говоритъ: объ общемъ ли русскомъ, если таковой ему кажется существующимъ въ изслѣдуемый періодъ времени, или объ одной изъ его вѣтвей? Здѣсь дѣло вовсе не въ томъ, когда именно произошло раздѣленіе языка. Обособленіе этнографической единицы—это не рожденіе ребенка и не паденіе яблока, о которыхъ, при наблюденіи, можно сказать, что они произошли во столько то часовъ, минутъ и пр. Здѣсь возможно опредѣлять только столѣтія, позднѣе которыхъ не могло произойти раз-

дѣленіе языка. Въ этомъ смыслѣ и былъ до сихъ поръ рѣшаемъ упомянутый вопросъ. Мнѣніе мною высказанное, и сколько знаю, не опровергнутое, было таково, что „раздробленіе русскаго языка на нарѣчія началось многими раньше XII вѣка, потому что въ началѣ XIII вѣка находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самаго велико-русскаго нарѣчія на сѣверное и южное, а такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже существованіе мало-русскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти послѣднія другъ отъ друга“. (Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, 138). Ниже я постараюсь разъяснить, что въ языкѣ Остромирава Евангелія встрѣчаются совершенно великорусскія черты. Если это такъ, то раздѣленіе русскаго языка древнѣе XI вѣка и вся исторія его, основанная на свидѣтельствѣ памятниковъ, имѣетъ діалектологическій характеръ и есть исторія русскихъ нарѣчій,—въ томъ числѣ и нарѣчій письменныхъ, къ которымъ принадлежитъ и нынѣшній литературный нашъ языкъ. Послѣдній не можетъ быть названъ областнымъ только потому, что люди, органомъ конхъ онъ служитъ, разсѣяны по лицу всей Русской земли. Если бы они были скучены, то не могли бы густо населить и одной губерніи, и съ этой стороны (но не вообще) каждое изъ остальныхъ крупныхъ дѣленій русскаго языка важнѣе русскаго литературнаго. Ни одно изъ этихъ нарѣчій не должно быть принимаемо за субститутъ всѣхъ или нѣсколькихъ. Языкъ не есть такое дѣлимое, чтобы можно было безнаказанно брать изъ него для изслѣдованія часть вмѣсто цѣлаго. Такое утвержденіе могло бы быть названо слишкомъ пошлымъ, если бы нельзя было доказать, что у насъ, въ примѣненіи къ языку, *pars pro toto* безсознательно считается чуть-ли не правиломъ.

Мнѣ кажется, изслѣдователь долженъ помнить, что съ первыхъ памятниковъ письменности онъ имѣетъ дѣло съ образцами не всего русскаго языка, а лишь нѣкоторыхъ его частей. Пусть о многихъ частяхъ цѣля столѣтія не будетъ никакихъ свѣдѣній, все-таки вышеупомянутое сознаніе окажется для выводовъ не безразличнымъ, а весьма важнымъ.

Итакъ, г. Колосовъ оправдывается тѣмъ, что считаетъ вопросъ о времени раздѣленія русскаго языка въ настоящее время не разрѣшимымъ. Это поперныхъ. „Вовторыхъ“, говоритъ онъ, „мы имѣли въ виду только великорусскій языкъ въ его послѣдовательномъ развитіи“ (Оч., VIII). Но если такъ, то стало быть, онъ разрѣшилъ для себя вопросъ о времени раздѣленія русскаго языка также, какъ рѣшаемъ

его и мы. Это и хорошо, но не хорошо то, что г. Колосовъ не вполне признаетъ вытекающія отсюда послѣдствія и не свободенъ отъ упомянутого выше приѣма обобщать частныя явленія. Такъ, напримѣръ, въ числѣ особенностей древняго русскаго языка (всего), отличающихъ его отъ старо-славянскаго, онъ приводитъ замѣну *ь* черезъ *е* (о чемъ скажемъ ниже), мѣну *у* и *е*, „сравнительно позднее измѣненіе *ы* на *о* (ый—ой) и *и* на *е* (ий—ей)“ (Оч., 14). О предпоследнемъ сказано, что оно „является (въ XIV вѣкѣ), какъ законъ, дѣйствующій въ русскомъ языкѣ и до сихъ поръ“ (Оч., 104). Изъ этого слѣдовало бы, что понятіе русскаго языка столь тѣсно, что исключаетъ не только малорусскіе говоры, но и западную часть южно-великорусскихъ, начиная съ юга Тверской губерніи. Позволить ли, г. Колосовъ, дѣлать такіе выводы изъ его словъ? На стр. 108 онъ говоритъ: „Если имѣть въ виду только *обще-русскія* звуковыя видоизмѣненія, то слѣдуетъ сказать, что фонетика XIV вѣка представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе тѣхъ чертъ, которыя уже были намѣчены въ предыдущемъ столѣтіи. Ново лишь слѣдующее (между прочимъ) отвердѣніе *т* въ оконч. 3-го л. *тъ*“. Но эта черта, какъ извѣстно, не только не обще-русская, но и не обще-великорусская и не обще-малорусская.

„Можно упрекнуть насъ“, говоритъ г. Колосовъ, „за отсутствіе сравненія звуковъ и формъ русскаго языка съ звуками и формами другихъ славянскихъ нарѣчій и за отсутствіе такого же сравненія съ данными, представляемыми говорами современнаго нашего языка. На послѣднее отвѣтимъ: 1) разработка народныхъ говоровъ у насъ еще въ зародкѣ; 2) древніе памятники почти ничего не даютъ для характеристики діалектическихъ различій русскаго языка; 3) мы не видѣли особой пользы для нашей цѣли въ сопоставленіи фактовъ современнаго русскаго языка съ соответствующими фактами древняго. Положимъ, напримѣръ, что форма *во музяхъ*, какъ архаизмъ, можетъ служить указаніемъ на существовавшую нѣкогда переходную смягчаемость гортанныхъ; но и безъ такихъ указаній мы знаемъ по памятникамъ, что такое смягченіе существовало въ древне-русскомъ. Отъ настоящаго *можно* заключать къ прошедшему; но *должно* лишь тогда, когда это прошедшее само не представляетъ намъ достаточно данныхъ для сужденія о немъ“ (Оч., VIII—IX).

Мнѣ кажется, г. Колосову, не слѣдовало заранѣе оправдывать возможныхъ недостатковъ своего труда, потому что дѣлая это, онъ къ упомянутымъ недостаткамъ, каковы бы они ни были, заставляетъ прибавить еще ошибочность своихъ оправданій. Извѣстно, что изслѣ-

дошгелю весьма трудно воспользоваться для своей цѣли всеми средствами, какія могутъ быть замѣчены его современниками со стороны, и эта трудность служить для него самымъ лучшимъ оправданіемъ, между тѣмъ какъ, отвергая цѣлесообразность и даже существованіе средствъ, которыми онъ не пользовался, авторъ убѣдить этимъ лишь тѣхъ, которые вѣрятъ на слово.

Что жъ изъ того, что наша діалектологія находится еще въ зародышѣ? Еслибъ она соврѣла, то намъ пришлось бы заниматься вопросами языкознанія менѣе элементарными. Но во всякомъ случаѣ, она даетъ намъ кое-что. Никто не въ правѣ требовать отъ г. Колосова, чтобъ онъ оставилъ старинные памятники и взялся за изслѣдованіе современныхъ нарѣчій; но есть общедоступныя діалектологическія свѣдѣнія, которыми легко можно воспользоваться, если чувствуется въ этомъ надобность.

Мыслию г. Колосова, что древніе памятники почти ничего не представляютъ для характеристики нарѣчій русскаго языка, мы противопоставляемъ другое, упомянутое выше: уже въ началѣ русской письменности языкъ нашъ является лишь совокупностью русскіихъ нарѣчій, народныхъ и одного, а потомъ и двухъ, литературныхъ; слѣдовательно, за вычетомъ того, что не только пошло въ эту письменность извнѣ, но и осталось въ ней не усвоеннымъ и случайнымъ, все, что ни даетъ она, ближайшимъ образомъ характеризуетъ не русскій языкъ вообще, а русскія нарѣчія. Правда, что многимъ мы до сихъ поръ не умѣли пользоваться; но для насъ важно убѣжденіе, что всякое новое, хорошо направленное усиліе должно отрывать намъ на этомъ полѣ опредѣленныя, замкнутыя очертанія тамъ, гдѣ донныѣ мы видѣли только тьму или безобразное смѣшеніе линій. Авторъ говорить, что не видитъ особой пользы въ сопоставленіи фактовъ современнаго и древняго русскаго языка; а намъ кажется, что польза этого сопоставленія ничѣмъ не замѣнима, и что памятники прошедшаго, сами по себѣ, безъ сравненія съ настоящимъ, никогда не бываютъ достаточно ясны. Изъ примѣровъ, подобныхъ тому, какой приведенъ г. Колосовымъ, видно слѣдующее: что бы ни говорили намъ древніе памятники русской письменности, мы до тѣхъ поръ можемъ сомнѣваться въ томъ, что явленія, представляемыя ими, дѣйствительно составляли принадлежность народнаго языка (какъ сомнѣвались, на примѣръ, нѣкоторые относительно г, ѳ), пока въ мысленномъ народномъ языкѣ не найдемъ явленій, или такихъ же, или предполагающихъ такія же. Если представляется возможность основать заклѣ-

ченіе на двухъ или нѣсколькихъ посылкахъ, то-есть, въ настоящемъ случаѣ—на нынѣшнемъ языкѣ и на свидѣтельствѣ памятниковъ, то основываясь на чемъ-нибудь одномъ, мы во всякомъ случаѣ остаемся въ накладѣ. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы г. Колосовъ былъ вѣренъ своему рѣшенію не сравнивать древняго языка съ нынѣшнимъ. Такая послѣдовательность потребовала бы значительныхъ усилій. Г. Колосова можно упрекнуть только въ томъ, что онъ сравнивалъ не вездѣ, гдѣ сравненіе само напрашивалось.

Извѣстно, что по неизбѣжному закону мы объясняемъ себѣ отдаленное близкимъ, то-есть, судимъ о другихъ по себѣ, о прошедшемъ по настоящему, и т. д. Въ поясненіе того, въ какой зависимости находятся наши заключенія о древнемъ языкѣ, который можетъ быть извѣстенъ только посредственно—по памятникамъ и изъ заключеній отъ памятниковъ, отъ сравненія съ современнымъ, съ которымъ возможно болѣе близкое знакомство, который мы отчасти сами создаемъ,—я приведу одинъ, другой примѣръ.

„Не было ли“, говорить г. Колосовъ, „предполагаемымъ общерусскимъ звукомъ, смѣнявшимся њ, іе (то-есть, је)? Допущеніемъ такого посредствующаго звука можно бы въ равной степени объяснить, какъ великорусское е (изъ њ), такъ и малорусское і (изъ њ). Послѣднее могло развиваться въ малорусскомъ вслѣдствіе преобладанія въ вокализмѣ этого нарѣчія небнаго элемента“. Дѣлая это предположеніе, г. Колосовъ самъ считаетъ невозможнымъ доказать его на основаніи памятниковъ, такъ какъ въ послѣднихъ „на мѣстѣ њ является или њ, или е, но никогда іе“ (Оч., 38). Но могутъ ли насъ здѣсь стѣснять памятники, когда мы знаемъ навѣрное, что теперь во многихъ мѣстностяхъ на мѣстѣ њ встрѣчается ю; котораго, однако, въ азбукѣ нашего литературнаго языка вовсе нѣтъ? Невѣроятность предположенія можетъ быть доказана инымъ путемъ. Понятію „великорусское е изъ њ“ въ его всеобщности не соответствуетъ ничто дѣйствительное, потому что основное њ является въ великорусскихъ говорахъ весьма различно: въ одномъ оно=је, или е послѣ небныхъ согласныхъ, и=э послѣ согласныхъ, не допускающихъ небности, какъ, напримѣръ, мѣстами и; въ другихъ њ=частью ю (е послѣ небныхъ согл.), частью и (і). Хотя я не могу приурочить къ определенной мѣстности произношенія њ, какъ еі (то-есть, какъ э наклонное къ и, напоминающее еи, хотя отнюдь не дwoгласное), но я его замѣчалъ у многихъ Великороссіянъ (не только въ цѣна, но и послѣ согласныхъ, въ другихъ случаяхъ способныхъ стать небными, напримѣръ, бѣлый), и не

думаю, чтобы это было слѣдствіемъ цсторонняго вліянія (хотя такъ произносятся иногда и Нѣмцы) или явленіемъ совершенно личнымъ. Стало бытъ, понятіе „ведикорусское *e* изъ *ъ*“ есть лишь ошибочное отвлеченіе, съ которымъ намъ нечего и дѣлать. Въ малорусскомъ *ъ* = не только *ѣ*, но *и* = *e* = *э*. Что же касается того, можетъ ли предполагаемое *ѣ* изъ *ъ* объяснить всѣ замѣны этого послѣдняго въ русскихъ говорахъ, то отрицательное рѣшеніе этого вопроса вытекаетъ, между прочимъ, изъ того, что малорусское *мѣди* (род. отъ *мідь*) отнюдь не предполагаетъ *ѣ*. Но какъ бы ни было, во всякомъ случаѣ рѣшеніе будетъ зависетьъ отъ наблюденія надъ современнымъ языкомъ.

Г. Колосовъ, на основаніи нѣкоторыхъ случаевъ заключивъ, что знакъ *ъ* имѣетъ значеніе = *e*, распространяетъ такое толкованіе на многіе другіе случаи изъ другихъ памятниковъ, и притомъ, во многихъ мѣстахъ своей книги. Такъ въ памятникѣ XIV вѣка *и* смѣняется на *e* не только передъ *й*, но и будучи конечнымъ звукомъ въ словѣ: *взяль*, *доконцаль*, *быль*, *Ростовць* (Оч., 105); *твориль* *есмя*, *дали* *ссме* *быль* (Оч. 114); въ XV вѣкѣ измѣненіе *и* въ *e* часто, какъ и въ предыдущемъ столѣтіи, имѣетъ мѣсто въ концѣ словъ и въ срединѣ передъ гласнымъ: *Дмитреевъ*, и *Климушъ*, *володоть*, *запродаль* и пр. (Оч. 132); „*e* въ Ипатскомъ спискѣ нерѣдко заступаеъ мѣсто *и*: истеннаго (въ Лавр. сп. истин.), *Казимеру* (Лавр.—миру), не створъ (Лавр.—ри), *пригвоздъ* (Лавр.—ди) и пр.“ (Оч., 152); именит. падежъ существит., прилагат. и мѣстоим. въ Ипат. часто оканчивается на *ъ* = *e*, вслѣдствіе стремленія измѣнить конечное *и* на *e*; *языць* (Лавр.—ци), *чесь* (Лавр.—си), *добрѣи* *человѣць* (Лавр.—и, —ци), *самъ* (—ми), *тѣи* (тѣи), (ib. 155). Сюда же и нѣкоторые примѣры на стр. 156—7, 163 (*просиль*, не *пролей* *та*, *Васильи* и друг.), 165 (*полць*), 166 (*Русьстѣи*, им. мн.; *каторѣи*, тоже).

Здѣсь скучены весьма различныя явленія, и дѣйствительные факты фонетики (напримѣръ, удержаніе *ъ* въ видѣ *e* въ не *пролейта*, о чемъ см. въ моихъ замѣткахъ о малорусскомъ нарѣчій 17; замѣна *и* въ *ѣ*, изображаемое посредствомъ *ъ* въ именахъ на *ий*) не отличены отъ случаевъ ошибочнаго написанія. Такъ, авторъ считаетъ *ъ* въ именит. пад. мн. ч. муж. р. причастія *гль* (*дали* *ссме* *быль*) за фонетическую замѣну, равносильную съ *e* (или *ѣ*?), тогда какъ не извѣстно, по крайней мѣрѣ мнѣ, ни одно русское нарѣчіе, въ коемъ произносилось бы *быльѣ* и т. п. Еслибъ авторъ зналъ такое нарѣчіе, онъ долженъ былъ бы упомянуть объ этомъ; если жъ онъ не знаетъ, то почему онъ не руководится слѣдующими соображеніями, для которыхъ всѣ данныя нахо-

дятся, по видимому, у него въ рукахъ: въ настоящее время во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ произносится здѣсь или *и* (были), или звуки очевидно предполагающіе это *и = і* (вр. буіи); основной языкъ и имѣстѣ древнѣйшіе понятники русской письменности имѣютъ тоже *и*; слѣдовательно, „быль“ есть только написаніе, а не произношеніе. Откуда взялось такое написаніе, это ясно изъ отмѣченнаго у г. Колосова многочисленныхъ случаевъ замѣны *ь* посредствомъ *и*, между прочимъ въ Ипатьевскомъ спискѣ (Оч., 151 и др.): писецъ ставилъ *ь* тамъ, гдѣ произносилось *и*, потому что привыкъ знаку *ь* придавать значеніе *и* — явленіе мѣстное, и если рѣчь идетъ объ Ипатьевскомъ спискѣ, сѣверное. Если г. Колосовъ не разсуждаетъ вмѣстѣ съ нами такимъ образомъ, то виною тутъ лишь предразсудки, которые онъ самъ себѣ создалъ: эмбриональность нашихъ діалектологическихъ свѣдѣній и бесполезность сравненія древняго языка съ новымъ.

Случаи такіа, какъ *ь* въ родит. ед. женск. добро^ь и добры^ь, земл^ь и въ выпит. мн. сво^ь, получаютъ смыслъ для исторіи языка лишь тогда, когда будутъ ближайшимъ образомъ опредѣлены не только на основаніи другихъ данныхъ памятника, въ коемъ встрѣчаются, но и на основаніи живаго языка той мѣстности, къ которой относится памятникъ. Что такое опредѣленіе не всегда легко, о томъ и говорить нѣчего (sic). Однако, если во многихъ мѣстностяхъ сѣверной и западной Руси донныѣ слышится сво^к — сва^к (= древ. сво^м), и если удастся отнести древній памятникъ къ тѣмъ же мѣстностямъ, то не будетъ сомнѣнія, что въ этомъ памятникѣ слѣдуетъ читать *сво^ь*, какъ сво^к, а не какъ сво^м.

„Въ Актахъ Западной Россіи“, говоритъ г. Колосовъ, „встрѣчаемъ явленіе, обратное опущенію *ь* въ суда (вм. судья), именно встрѣчаемъ *ја* вм. *а*, со смягченіемъ предыдущаго согласнаго звука (то-есть, *я* вм. *я*): *жсрѣбьяти* вм. *жсрѣбяти*. Явленіе это не составляетъ исключительной особености языка Актовъ Зап. Россіи. Есть подобныя случаи и въ Новгородскихъ памятникахъ. Такъ, въ 1-й Новг. лѣтоп. по академ. списку паходимъ формы Устьюгъ. (= Уст^ьЮгъ), устьоский князи“ (Оч. 135). Авторы поражаютъ эти формы своимъ сходствомъ съ *жсрѣбьяти*, потому что онъ ошибочно принимаетъ позднѣйшую сокращенную и затемненную въ этимологическомъ отношеніи форму Устюгъ за болѣе древнюю и основную; по извѣстно, что слово Устюгъ (то-есть, устье Юга, или по памятникамъ XV вѣка съ родит. на *у*. Югуръки¹⁾);

¹⁾ Югъ=финск. *juga, joki*, рака. Грозъ. Филолог. разсуж. 259.

образовано, какъ *устѣ Лугъ* (нынѣ Устлугъ), Устьенсольскъ, Усть-медвѣдицкъ, такъ что отдѣленіе небнаго *т* отъ слѣдующаго *ю* въ *устѣ-югъ* этимологически необходимо. Между тѣмъ, отдѣленіе небнаго *б* отъ *я* въ *жсеребѣяти* не органично и составляетъ діалектическую особенность. Авторъ довольствуется здѣсь общою ссылкой на 1-й т. Актвъ, Зап. Россіи, но вѣроятно, форма *жсеребѣяти* взята имъ изъ записи о Ржевской дани (Акты Зап. Росс. I, № 71, послѣ 1479 года). Хотя эта записка имѣется въ болѣе позднемъ спискѣ изъ метрики Литовской, но первоначальный ея языкъ врядъ ли значительно измѣненъ. Она писана, безъ сомнѣнія, Ржевитиномъ и заключаетъ въ себѣ весьма интересныя данныя для сличенія нарѣчій, какимъ *югорми* въ XV вѣкѣ въ западнорусскихъ мѣстностяхъ, на границѣ Новгородскихъ владѣній, съ нынѣшнимъ говоромъ той же мѣстности, образцы коего мы имѣемъ. Вырванна изъ своей этнографической связи, форма *жсеребѣяти*, сходная съ нынѣшними великорусскими и малорусскими, повела автора къ тому, что онъ такія же формы приписалъ сѣверно-великорусскимъ памятникамъ. Кромѣ того, въ вышеприведенномъ мѣстѣ авторъ говоритъ о языкѣ Актвъ Западной Россіи, какъ о чемъ-то единомъ, тогда какъ одинъ внимательный разборъ упомянутой записи могъ бы убѣдить его въ противномъ.

Присовокупимъ общее замѣчаніе: бѣдность литературы исторіи русскаго языка не позволяетъ быть особенно требовательнымъ къ новымъ трудамъ; почти всякое даніе благо, и въ частности трудъ г. Колосова полезенъ; но желательно было бы встрѣтить въ этомъ трудѣ менѣе суммарности и болѣе вниманія въ частности.

„Смягченіе горганныхъ встрѣчается нерѣдко и въ памятникахъ XV вѣка, но вѣроятно, въ живомъ языкѣ оно было уже утеряно“. Слѣдуютъ примѣры, именно: „на рѣцѣ“ и тутъ же „на рѣчѣ“. „Случаевъ смягченія (въ *з*, *и*, *с*), какъ видно изъ этого, не мало, но едва ли они не представляютъ собою только книжную установившуюся форму: въ грамотѣ 1451—1452 гг. „о *лицѣ*“, въ слѣдующихъ же „о *лицѣ*“ (Оч., 135). Шаткость этой догадки видна какъ изъ того, что въ нѣкоторыхъ, собственно великорусскихъ говорахъ, не говоря уже о бѣлорусскихъ, формы „на Оцѣ рѣцѣ“ и т. п. живутъ донныѣ (Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, стр. 67—8), такъ и изъ того, что въ тѣхъ же мѣстностяхъ, а равно и въ нѣкоторыхъ малорусскихъ, рядомъ съ ними, частью какъ правило, частью какъ исключеніе, живутъ и формы съ горганными: „на рѣцѣ“, — на рѣчѣ“ и „на рѣцѣ“ (и. р. — рѣчѣ)“.

„Шипящіе и џ (въ XV вѣкѣ) хотя и соединяются съ мягкими, но чрезвычайно рѣдко; на оборотъ, сочетаніе ихъ съ твердыми сдѣлалось правиломъ; оно встрѣчается въ памятникахъ даже и тамъ, гдѣ, быть можетъ, въ живомъ говорѣ и не слышалось“. Слѣдуютъ примѣры: селище и пр. „Изъ этихъ примѣровъ видно, въ какой степени ничтожно количество случаевъ употребленія шипящихъ съ мягкими, сравнительно съ количествомъ случаевъ употребленія ихъ съ твердыми. Встрѣчая въ однихъ и тѣхъ же словахъ, и притомъ, въ однихъ и тѣхъ же грамотахъ шипящіе и џ съ твердыми и мягкими и замѣчая громадный перевѣсъ на сторонѣ сочетаній перваго рода, имѣемъ полное право заключить, что въ живомъ языкѣ шипящіе и џ сочетались въ XV столѣтіи только съ твердыми“ (Оч., 135—6). Здѣсь тотъ же способъ разсматривать явленія огуломъ, въ произвольномъ ихъ обобщеніи. Прежде всего сообразимъ, какой такой можетъ быть одинъ живой языкъ въ XV столѣтіи? Неужели еще и въ это время свидѣтельства памятниковъ недостаточны для того, чтобы убѣдить насъ, что передъ нами не одинъ великорусскій языкъ, а нѣсколько, хотя и близкихъ между собою нарѣчій, или если угодно, говоровъ? Затѣмъ, имѣется ли основаніе разсматривать въ указанномъ выше отношеніи шипящіе звуки и џ вмѣстѣ, и полагать, что гдѣ тверды шипящіе, тамъ твердо и џ и на оборотъ? Подтверждается ли свидѣтельствомъ современныхъ нарѣчій мнѣніе, что шипящія и џ сочетались въ XV вѣкѣ только съ твердыми? На оба послѣдніе вопроса отвѣчу вмѣстѣ. Донинѣ есть великорусскіе говоры, гдѣ шипящіе небны притомъ (хочю и пр.), но въ то же время џ твердо и наоборотъ, есть такіе, многіе, гдѣ шипящіе тверды почти постоянно, а џ, кромѣ опредѣленныхъ случаевъ, какъ царь и др., мягко. Здѣсь врядъ-ли авторъ найдетъ основанія заподозрить показанія моей статьи (Два изсл., 86—8). Такое различіе между нарѣчiami замѣчается не позже, какъ съ XVI вѣка. Въ XV вѣкѣ во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь џ твердо или тверды шипящіе, или то и другое, могла существовать еще мягкость этихъ звуковъ,—что, я полагаю, можетъ быть и доказано. Даже относительно одного џ, или однихъ шипящихъ суммарность выводовъ не умѣстна. Такъ, на примѣръ, мы знаемъ, что въ восточномъ малорусскомъ џ, постоянно соединяясь съ л, ю, і, никогда не сочетается съ к, но всегда требуетъ твердаго е = о; что въ одномъ и томъ же малорусскомъ говорѣ шипящіе въ однихъ случаяхъ тверды (жуць, шуба), въ другихъ—мягки (держать, 3-е л. мн. ч.). Самое утвержденіе автора, что въ памятникахъ, на которые онъ ссылается, громадный перевѣсъ

шипящихъ и *ц* съ твердыми, могло бы получить для насъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы была предварительно опредѣлена мѣстность памятниковъ; но и въ такомъ случаѣ настоятельно нужна поѣрка. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ XV вѣка не только нѣтъ такого переѣса, но совсѣмъ наоборотъ, *ц* почти постоянно мягко, такъ что отклоненія отъ этого правила можно бы приписать литературному влиянію; въ другихъ почти постоянно находимъ сочетанія *чѣ*, *чя*, *чю*.

II.

Для характеристики древняго русскаго языка сравнительно со старославянскимъ, г. Колосову кажутся важными и слѣдующіе звуковыя признаки: *о* = ст.-сл. *ю* (*олень*); *я*, *у* = *всамъ*; *ж*, *ч* = *жд*, *шт*; мягкость шипящихъ; глухіе передъ *р*, *л* (тѣрѣгъ); замѣна *ь* черезъ *е*; мѣна *у* и *ю*; *ой* = *ий* и *ей* = *ий*.

Мы замѣтили выше кое-что относительно трехъ послѣднихъ признаковъ. Что же касается замѣны *и* передъ гласною звукомъ *ѣ* (*Лавровскій*, О язык. сѣв. русск. лѣтоп. 44) и близости глухихъ *з* и *ѣ* къ *д* и *е* (при чемъ авторъ ссылается на мое сочиненіе: Два изслѣд. 138), то эти признаки г. Колосовъ считаетъ не существенными: „Сокращеніе *и* въ *ѣ* имѣетъ мѣсто и въ памятникахъ, не носящихъ на себѣ признаковъ русскаго письма (напримѣръ, въ Супрасльской рукописи); на близость же *з* къ *д* и *ѣ* къ *е* нельзя, думаемъ, указать, какъ на отличіе русскаго отъ старославянскаго, такъ какъ мы не знаемъ, какую замѣну получили бы глухіе въ послѣднемъ, еслибъ исчезли въ немъ: быть можетъ, ту же, что и въ русскомъ“ (оч. 14). Я попытаюсь сказать два слова въ пользу этихъ забракованныхъ признаковъ.

Вопервыхъ, нужно условиться относительно значенія, какое придаемъ мы старославянскому языку въ подобныхъ случаяхъ. Когда въ непрерывномъ теченіи явленій славянскихъ языковъ бываетъ нужно опредѣлить разстояніе одной точки отъ другой, и когда въ извѣстныхъ случаяхъ эта послѣдняя берется изъ старославянскаго языка, то мы очень хорошо знаемъ, что этотъ языкъ, подобно всякому другому, измѣнялся, стало бытъ, согласно съ дѣйствительностью могъ бы быть изображенъ только исторически, а не описательно. Но въ такихъ случаяхъ намъ нужно не теченіе этого языка, а взятая въ немъ для сравненія точка, принимаемая за неподвижную. Согласно съ этимъ мы отвлекаемся отъ мысли о подвижности этого языка; мы идеализируемъ его (на время) допускаемъ условную ложь, то есть, до-

шедши до познанія извѣстныхъ правилъ, принадлежащихъ, по нашему мнѣнію, къ одному и тому же слову языка и гармонирующихъ, какъ намъ кажется, одно съ другимъ, мы временно оставляемъ безъ вниманія отклоненія отъ этихъ правилъ. Такъ, напримѣръ, въ извѣстныхъ случаяхъ мы считаемъ необходимыми *ъ* и *ь* на такомъ то мѣстѣ, хотя въ памятникахъ, которые мы можемъ назвать не иначе, какъ старославянскими, или, какъ другіе говорятъ, староболгарскими, въ этихъ случаяхъ можемъ встрѣтить и чистые звуки, или и глухой звукъ, но на другомъ мѣстѣ. Можетъ ли быть безъ неудобства устранена эта фикція—это вопросъ другой. Достаточно, что она можетъ стать совершенно безвредною. Понимаемому въ этомъ смыслѣ, старославянскому языку мы можемъ приписать только сочетанія *ик*, *иа*, *ию* и проч., а не *ьк* и проч. послѣ согласныхъ. Старинные русскіе памятники, конечно, даютъ намъ и формы, совершенно тождественныя со старославянскими (*братина*); но такъ какъ формы *братъ* и т. п. въ первыхъ весьма часты, то возникаетъ предположеніе, что первыя уже въ эти времена были литературнымъ заимствованіемъ, и что вторыя показываютъ намъ дѣйствительную исходную точку русскаго просторѣчія, по памятникамъ. Возможно, что форма *братъ* возникла въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ самостоятельно; но необходимость такого предположенія не доказана, а это то и нужно, чтобы имѣть право выкинуть сочетанія *ьк*, *ьа* и проч. изъ числа признаковъ древняго общерусскаго языка.

Какое дѣйствительное значеніе имѣло начертаніе *братъ* въ XI—XII вѣкахъ на Русь? Составляло ли здѣсь *ъ* слогъ, было ли оно глухимъ гласнымъ? Нисколько не подрывая положенія, что глухіе гласные дѣйствительно существовали въ это время въ русскомъ языкѣ, можно думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже тогда знаки *ъ* и *ь* имѣли другое значеніе. Быть можетъ, уже къ тому времени слѣдуетъ отнести произношеніе, частью сохраняемое, частью предполагаемое всѣми русскими нарѣчіями, за исключеніемъ тѣхъ, которыя въ этомъ отношеніи могли подвергнуться польскому вліянію, именно *брат'я*. (т. небно, за нимъ *j* явственно), откуда пошло вост. м.-р. *брат'мя* (оба т. небны, йотъ отдѣльно не слышно), зап. в.-р. *брац'ия* (=цѣцѣ объ цѣ небны). Произношеніе *брат'я* характеристично для русскаго языка и по отношенію къ польскому *bracia* (то-есть, са) и сербскому *браћа*, въ коихъ *j* изъ *и* совершенно исчезло, какъ самостоятельный звукъ, превративъ предыдущую согласную въ небную. Врядъ ли можно думать, что уже въ основной формѣ тѣмъ одно сосѣдство съ *и* обратило

предшествующій согласный звукъ въ небный: *ти* можетъ быть произнесено такъ, что *т* въ немъ останется чисто зубнымъ; конецъ языка прикладывается къ концу или къ основанію переднихъ зубовъ. Не думаю, чтобы когда-либо въ польскомъ существовали формы *bracijsa* *Sędzija*, предположенія для этого языка въ *Beiträge*, VI, 25, ибо въ такомъ случаѣ : осталось бы доннѣ, какъ осталось это въ *bi-je*. *pi-je* при русскомъ бѣю, пѣю.

Другое предположеніе относительно сочетаній, какъ *тъа*, состоитъ въ томъ, что въ XI—XII вѣкахъ ѣ еще образовало здѣсь слогъ: *бра-тъ-а*.

Вовторыхъ, то, что говоритъ г. Колосовъ противъ моего мнѣнія о близости глухихъ *з*, *ь* въ древнемъ русскомъ къ *о*, *е*, заставляетъ меня сожалѣть, что я и теперь не могу выразиться яснѣе. Если мы не знаемъ, какую замѣну получили бы глухіе звуки въ старо-славянскомъ („быть можетъ, ту же, что и въ русскомъ“), то намъ этого и знать не нужно. Здѣсь рѣчь не о томъ, что *з*, *ь* въ русскомъ замѣнились чистыми *о*, *е*, а о томъ, что они, еще существуя какъ глухіе, склонялись къ *о*, *е*. Это именно объясняетъ, почему русскіе писцы ошибались всегда въ одну сторону, то-есть, вмѣсто *з* ставили *о* (и иногда *а* или *и*) и на оборотъ, а вмѣсто *ь*—*ъ*, *е*, рѣдко *и* и никогда *а*. Въ другихъ славянскихъ языкахъ глухіе звуки до замѣны чистыми должны были склоняться не въ ту сторону, что въ русскомъ, такъ какъ невозможно предположить, чтобы основныя формы *олакъ* и *дънь* разомъ перескочили въ польскій *wilk* и сербскій *дан*. Когда я говорю, что склонность къ *о*, *е* въ *з*, *ь* характеристична для древняго русскаго сравнительно со старо-славянскимъ, то предполагаю, что старо-славянскіе *з*, *ь* рѣзко отличались отъ *о*, *е*, а что было бы, еслибы..... о томъ не думаю. Само собою разумѣется, что вмѣсто старо-славянскаго здѣсь можно поставить доисторическое состояніе, предполагаемое самимъ русскимъ языкомъ.

III.

Начальное русское *о* = старо-славянскому *ю*: *оленъ* = *юлень*.

Г. Колосовъ старается обойти вопросъ о времени образованія русскихъ нарѣчій, конечно, для того, чтобы, не касаясь сомнительнаго, придать своему изслѣдованію болѣе прочности. Однако, рассматривая звуковые признаки древняго русскаго языка, г. Колосовъ затрогиваетъ другой, гораздо болѣе трудный вопросъ—о генеалогіи славянскихъ нарѣчій. Это не только не грѣхъ, но даже необходимость, и

автора, можно упрекнуть лишь въ томъ, что онъ не довольно ясно сознаетъ, куда хватаютъ затрогиваемые имъ вопросы. Въ такихъ случаяхъ труднѣе бываетъ воздержаться отъ прикосновенія къ сомнительному, чѣмъ относиться къ нему смѣло, сознательно дѣлая своею исходною точкою предположеніе, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ надобности замѣнить въ концѣ изслѣдованія такую его основу другою. Если же мы этого не желаемъ, то намъ останется только заявлять о существованіи такихъ-то явленій (напримѣръ, русское *o* въ началѣ такихъ то словъ = старо-славянскому *je*), а не спрашивать себя, какъ это дѣлаетъ г. Колосовъ: „что древнѣе: русское ли начальное *o*, или старо-славянское *je*?“ (Оч., 15). Еслибы первое оказалось болѣе древнимъ, то двойственное дѣленіе славянскаго языка стало бы крайне сомнительнымъ, такъ какъ, не смотря на общность *je* въ *je*льнъ, всѣмъ остальнымъ славянскимъ нарѣчіямъ, другіе признаки не позволяютъ допустить ихъ единства въ то время, когда русскій языкъ уже выдѣлился. Извѣстны понятія представить русскій языкъ однимъ изъ основныхъ отдѣловъ общеславянскаго, соподчиняемымъ съ отдѣлами: югозападнымъ (нарѣчія: старо-славянскія, болгарскія, сербо-хорватскія и хорутанскія) и сѣверозападнымъ (нарѣчія: полабскія, польскія, лужицкія, чешскія, словацкія). Такое дѣленіе принято было между прочимъ И. И. Срезневскимъ (*Журн. Мин. Народн. Просв.* 1845, ч. 48).

Само собою, что къ вопросу о порядкѣ раздѣленія славянскаго языка слѣдуетъ подходить не съ одной какой-либо точки, а со стороны различныхъ фонетическихъ вопросовъ, какъ это и дѣлается, хотя и не успѣшно.

Альтернатива, принимаемая г. Колосовымъ, не исчерпываетъ всѣхъ возможностей, такъ какъ связь между начальнымъ *o* и *je*, говоря *a priori*, можетъ состоять и въ одномъ томъ, что оба эти звука независимо другъ отъ друга возникаютъ изъ третьяго. Для родословія славянскихъ нарѣчій послѣдствія этого были бы тѣ же, что и отъ болѣе древности *o*.

Способы, какими г. Колосовъ извѣщиваетъ *pro* и *contra* своихъ предположеній, вызываютъ на нѣкоторыя замѣчанія.

А) „Хотя *e*, также какъ *o*, соответствуетъ исконному *a*, но въ градаціи славянскихъ звуковъ *o* стоитъ ближе къ *a*, чѣмъ *e*: первый изъ этихъ звуковъ составляетъ среднюю ступень между *a* и *e*. Можно бы поэтому думать, что начальное русское *o* древнѣе старо-славянскаго *e*, что послѣднее явилось изъ перваго или какъ результатъ ослабленія его (*a-o-e*), или какъ результатъ лотаціи (*a-o-jo=e-je*)“ (Оч., 15).

При этомъ г. Колосовъ ссылается на Шлейхера, мнѣніе коего усвоиваетъ себѣ безъ ссылки, и г. Дювернуа (Система звуковъ и формъ, 41). Шлейхеръ (Formenlehre, 90; Compendium, I, 104) думаетъ, что *jo* переходить въ *je*, такъ какъ формамъ, въ родѣ *несомъ*, соотвѣтствуютъ формы, подобныя *бижемъ*. Это у него въ связи съ другимъ положеніемъ, что *ja* = *ъ* послѣ небной согласной, такъ какъ формамъ *богъ* соотвѣтствуютъ формы *конъ*, *вой*. Не знаю, извѣстно ли уже то, что мнѣ кажется здѣсь существеннымъ, именно, что изъ соотвѣтствія *несомъ* съ *бижемъ* никакъ не слѣдуетъ, что въ древнѣйшемъ періодѣ славянскихъ нарѣчій *ѣ* непременно происходитъ изъ *jo*. Такъ какъ форма *бижомъ* построена совершенно гадательно, то по меньшей мѣрѣ съ такою же вѣроятностью можно предположить, что *ѣ* въ *бижемъ* возникло непосредственно изъ *ja*. Ославянское *e* во многихъ случаяхъ древнѣе *o*, то-есть, въ то время, какъ внутри *вез*, *нес*, *ѣреб*, *пек* было уже *e*, звука *o* въ *воз*, *нос*, *ѣроб*, (*o*) *пок* (*a*) еще не было, а на мѣстѣ его стояло *a*, которое и осталось въ латышско-литовскомъ. Самое *e*, при своей большей древности сравнительно съ *o*, возникло не въ одинъ періодъ языка, а въ нѣсколько (Geitler, Fonologie, § 7—8). Такъ, мнѣ кажется, первое *e* въ *вез-е-те* древнѣе, чѣмъ второе, котораго въ литовскомъ *wezate* еще нѣтъ, изъ чего слѣдовало бы, что сходство славянскаго глагольнаго характера (или такъ-называемой связочной гласной) *e* въ *вез-е-те* съ греческими *ε* въ *εχ-ε-те* лишь случайно, то-есть, не восходитъ ко времени единства этихъ языковъ.

Дѣйствительно, въ русскомъ есть немногіе случаи, въ коихъ *je*, *ѣе* возникли изъ *jo*, но они такъ рѣдки и поздни, что ссылаться на нихъ при объясненіи столь древняго явленія, какъ *o* = *ѣ* въ *олспъ*, было бы черезъ мѣру смѣло. Я говорю объ *икъ* въ *Иквѣ* (= *Июль*), откуда фамилія *Иволговъ*, и *къ* въ *кспшъ* (изъ *Юсипъ*), откуда фамилія *кспшовъ*. Принимая за основную форму *ольха* (польское: *olsza*, малорусское *вильха*, лужицкое *wolsza*, чешское *volze*, словацкое *olsza*, хорутанское *olza*, сербское *joxa*, *joba* (изъ *jolxa*), велико-русское (влад., вят.) *ѣлха*, можно думать, что сюда же принадлежатъ велико-русскія (ниже-городск.) *желѣха*, то-есть, что и здѣсь *ѣ* изъ *jo*; то же, быть можетъ, и въ хорутанскомъ *jelša* при *olsza*. Сравн. также *ѣ* ниже-лужицкое *jeret*, *heret* при верхне-лужицкомъ *worjet*, *орелъ*.

Б) Итакъ, предположеніе, что *ѣлспъ* изъ *юлень* = *олень*, или изъ *елспъ*, а это изъ *олень*, и безъ всякихъ другихъ опроверженій, само по себѣ мнѣ кажется мимо вѣроятнымъ. Г. Колосову мѣшаютъ на немъ остановиться слѣдующія соображенія.

1) „Уже въ Литовскомъ мы встрѣчаемъ *e* въ *ežis*-кѣшъ, русское *ошь*, *elnis*, — клень, русское *оленъ*“. Вопервыхъ, на счетъ примѣра *ошь*. Современныя русскія нарѣчія указываютъ въ этомъ словѣ только на ту форму, которая свойственна и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, имѣнно *къжъ*, *къ* предполагается какъ формою *ѣжъ* = *жошъ*, такъ и малорусское *жіжъ*, *жіжакъ*. Форму *ошь* г. Колосовъ, быть можетъ, заимствовалъ изъ Дан. Заточн. по сп. XV в. (*Буслаевъ*, Хрестоматія, 624: „не звѣрь въ звѣрехъ ѡж“), гдѣ возможно предположеніе, что ѡ лишь неточное написаніе вмѣсто неизвѣстнаго тогда начертанія *ѣ*. Несомнѣнно о только въ производномъ мало-русскомъ *ошина* (какъ колѣчій кустарникъ) при велико-русскомъ *кшевица* и польскомъ *jęszyna*. Повторныхъ, ссылка на начальное *e* въ литовскомъ имѣла бы здѣсь значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы предварительно было доказано, что это *e* не есть позднѣйшее діалектическое измѣненіе, но восходитъ ко времени единства литовско-латышскаго и славянскаго. Я нахожу болѣе вѣроятнымъ, что *e* въ *elnis* и *къ* въ клень возникли независимо другъ отъ друга, такъ что литовское *e* здѣсь можетъ быть даже новѣе славянскаго *къ*, ибо на мѣстѣ литовскаго начальнаго *e* въ литовско-латышскихъ нарѣчіяхъ до нынѣ встрѣчается болѣе древнее *a*: при южно-литовскомъ *elksnis*, ольха, въ самомъ же верхне (или южно)-литовскомъ около Мемеля и въ латышскомъ *alksnis*; при *amalis*, *amalas* (обыкновенно во мн. ч. *amalei*, *amalai*), омеда, стоятъ и *emulas*, *emala*; при южно-литовскомъ *erelis*, южно-литовское жмудское *arelis*, орель; при южно-литовскомъ *esis*, ось, жмудское *assis*; при *eszutas*, конскій волосъ, волосень, лѣса — *aszutas*; при *elkunė*, локоть, — *alkunė*; при *ėrūsė*, черный тополь, жмудское и около Мемеля *prūsėis*, осина; при *erdwas* и *ardwas*, широкій, просторный; при *esėmi*, остріе, лезвіе, *esėmas* и *jesėmas*, вертель, *asėmi*, остріе; даже при южно-литовскомъ *esmi*, ксми въ томъ же нарѣчій мѣстами *asi*, *asim* (*Фортунатовъ* и *Миллеръ* Литовскія пѣсни, 130). Такъ какъ ладня, ладья и т. п. несомнѣнно изъ алдыа, то встрѣчая *e* въ литовскомъ *eldijà*, а равно и въ *elnis*, *elnė* при *оленъ*, *лань*, въ *elk-unė* при *локоть*, слѣдуетъ думать, что *e* возникло уже на почвѣ литовско-латышскихъ нарѣчій, тѣмъ болѣе, что въ нихъ есть случаи очень поздняго измѣненія начальнаго *a* въ *e*, какъ напримѣръ, въ *ekrutas* при *akrutas*, гдѣ *a* есть литовское отраженіе польскаго *o* въ *okret*. Рассматривая этотъ вопросъ, слѣдуетъ также принять во вниманіе смѣну звуковъ *e*, *é* и *o* при *a*, напримѣръ, въ *ėglus* — *oglus*, дерево тисъ, при находящемся вѣроятно въ связи съ нимъ литовск. *egle* — *agle*, прусск.

adle (Beiträge, VI, 445), основная славянская форма западно-славянское ѣдла, ель.

Такимъ образомъ, литовскій языкъ не только не помогаетъ предположенію, что *о* въ *олень* произошло изъ общеславянскаго *к*, но скорѣе, напротивъ можетъ внушить мысль, что какъ въ этомъ случаѣ, такъ и тамъ, гдѣ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ *о*, это *о* прямо примыкаетъ къ литовскому *а*, какъ въ *оба* при литовскомъ *aba*, въ *осотъ*, *осока* (какъ рѣзучія растенія) при литовскомъ *akolas*, именная ость, *assaка*, рыба кость, ость, въ *остьма*, *stimulus*, при литовскомъ *akstinas*, колючка и остріе на пальцѣ, которою погоняютъ воловъ, въ *ола*, хорутанское *ol*, при литовскомъ *alus*, пиво, брага и проч.; не говоря уже о множествѣ литовскихъ заимствованій изъ русскаго, а отчасти и польскаго.

2) „За исключеніемъ русскаго, ни одно изъ другихъ славянскихъ нарѣчій не расходится въ этомъ случаѣ (ѣлень) со старо-славянскимъ“ Это положеніе должно быть нѣсколько ограничено: при ѣмела, польск. *jemiola*, в.-луж. *jetjelina*, н.-луж. также, и *hemelina*, и съ измѣненіемъ *je* въ *ji*, *i* (какъ въ *ѣсто*, *esse testiculus* при *исто*, *id.*) сербск. *имела*, чешск. *jmeli*, *meli*, находимъ не только русск. *омела*, но и хорут. *omela*, также и сербск. (боснійск.) и хорват. по ссылкѣ Линде; ср. также *Miklosich*, Lexicon *омельникъ*; при польск., лужиц., чешск., слов. и по ссылкѣ Линде, сербск. *jelito*, кишка, внутренности (Линде сравниваетъ съ лат. *ile*, мн. *ilia*—кишки) хорут. *olita*, мн.; при *ѣсень* русск. *осень*, чешск. *jesen* и *osen*; при *ѣдва* русск. *одав*, хорут. *Mikl. Lex.* *odvaj*, что Миклишичъ сопоставляетъ съ лит. *adwās*. Важность этихъ отклоненій должна быть соразмѣряема съ тѣмъ, что и всѣхъ словъ съ начальнымъ *к* = *о* не много, едва-ли наберется два десятка: кромѣ вышеупомянутыхъ, *ѣдиць*, *ѣзеро*, *ѣжина*, *ѣже*, *ѣлень*, *ѣсе*, *ѣсетръ* и не многія другія. Затѣмъ, допустивъ что дѣйствительно только русскій языкъ имѣетъ *о* = *к* (олень = клень), обязаны ли мы изъ этого заключать, что *о* изъ *к*? () подобныхъ вопросахъ будетъ рѣчь ниже по поводу полногласія.

3) „Слова съ начальнымъ *е*, заимствованныя изъ чужа, измѣняютъ въ русскомъ этотъ звукъ на *о*: ѣлаков — олѣй“ . Примѣръ выбранъ дурно, такъ какъ *олѣй*, м.-р. *олия* есть форма не только русская, но и польская, чешская, хорутанская (*olej*) и сербская (*олај* при *усье*), и вѣроятно, примыкаетъ прямо къ *oleum*; но есть значительное число другихъ примѣровъ: Евсевій — м.-р. Овсій, Евстафій — м.-р. Остать, Евстратій — Овстратій (Новг., I, 31, Син.), Елеазаръ — м.-р. Олизаръ,

Елеверій—м.-р. Олихверъ; Олихвиръ (оба послѣднія стали родовыми прозвищами), Емилианъ—м.-р. Омелянъ, Евдокія—в.-р. Овдотья, Авдотья (м.-р. Явдохъ), м.-р. Вивда (то-есть, Овда), кажется, Евдоксія; Елена—Олена; м.-р. Орина изъ крина, Ирина. Можетъ-быть, сюда же относится *осетръ*—ксетръ, если это слово заимствовано, какъ полагають, изъ лат. *sturio* (*Miklosich* *Fremdwörter*) чрезъ посредство формы съ приставочнымъ *e*, въ родѣ *e-stur* (франц. *esturgeon*). Можно думать, что здѣсь русское *р* изъ *jo*, а это изъ *je*, *e*, то-есть, что, напримѣръ, Овсѣй—изъ Ювсѣй, Левсѣй, Евсвей, подобно тому, какъ болг. *оште*, при посредствѣ *jo*, какъ въ сербскомъ *joште*, хорутанскомъ *jošte*, изъ кще. Относительно опущенія *j* ср. Осипъ изъ Юсипъ, Акимъ изъ Якимъ. Однако, еще вопросъ, слѣдуетъ ли тѣмъ же путемъ объяснять и всѣ древнія русскія слова съ начальнымъ *о*? Слѣдовало бы, еслибы не было другаго способа объясненія; но мнѣ кажется несомнѣннымъ, съ одной стороны, что *о* можетъ возникнуть прямо изъ *a*, съ другой—что отъ того же *a* можетъ пойти и *к* чрезъ посредство *а*. Такимъ образомъ *ошуть*, напрасно, можетъ ближе стоять къ ст.-слав. *ашуть*, чѣмъ къ ст.-слав. *кшуть*. Утвержденіе, что *к* въ послѣдней формѣ „указываетъ на болѣе древнее *о* а не *a*“ (*Schmidt* въ *Beiträge* VI, 131) въ своей исключительности произвольно. Вспомнимъ сказанное выше о мнѣніи Шлейхера: *кшуть* могло возникнуть изъ формы, тоже отмѣченной въ памятникахъ *ашуть*. Не думаю, чтобы, на оборотъ, можно было доказывать производность *ашуть* отъ *кшуть*, указывая на такія позднія явленія, какъ м.-р. *Яштухъ* (а не *Оштухъ*, хотя и это встрѣчается въ западно-русскихъ памятникахъ) изъ *Естухій*, *Ярема* изъ *Геремія*. Напротивъ, относительно *ја* изъ *a* можно сослаться, между прочимъ, на общеслав. *јаворъ*, заимствованное изъ нѣм. *ahorn*. Такъ догадывается уже Линде, а нынѣ Миклошичъ (*Fremdwörter*). Въ пользу этого говоритъ и б.-р. *јіһор*, въ коемъ *һ* я прежде (Два изслѣд., 69) считалъ происшедшимъ изъ *в*. Литовское *owaras*, яворъ, было бы въ такомъ случаѣ древнѣе, чѣмъ *jowaras*, и указывало бы на русскую форму *аворъ*. Подобнымъ образомъ не заимствованное хорут.-серб. *јасика* можетъ быть отнюдь не изъ *јесика* (хорут.), а прямо отъ *a*, отъ котораго въ другую сторону пошла форма съ начальнымъ *о*: русск. *осика*, *осина*, польск. *osika*, чешск. *osyky* (съ *y*?). Такъ, *ја* въ *јасенъ*, сербск. *јасен*, хорут. *јасен*; *јасан*, кажется, древнѣе, чѣмъ *је* въ польск. *jesion*, чешск. *jesen*, и пошло прямо отъ *a*, откуда *а* въ литовск. *asis*, *asis*, нѣм. *esche*. Такъ, *а* въ м.-р. *лима*, *кль* и *лмисць*, польск. *jało*

wice; чешск.-слов. *jaloves*, в.-л. *jałowcъ* н.-л. *jaloweis*, можжевелникъ, можетъ вовсе не предполагать того *к*, которое находится въ *кель*, если только эти слова сродны. Не знаю, можно ли приписать большую древность *ja* въ хорв. *jalša* (при хорут. *olša, jelša*)?

Изъ числа старинныхъ не заимствованныхъ словъ съ русск. *о* = *к* лишь одно, мнѣ кажется, можно съ нѣкоторою увѣренностію объяснять такъ, какъ *Овсній* = *кисевій*, именно — союзъ *оже*, относя его къ мѣстоименному корню *ja* (хотя отъ *изже*, средний родъ и въ русскихъ памятникахъ имѣетъ *к*, а не *о*: *кже*, *понк* и пр.).

IV. Мнѣніе г. Гейтлера о происхожденіи *ъ* и *ь*.

„Что глухіе древне-русскому языку были свойственны“, говоритъ г. Колосовъ, „въ томъ нельзя сомнѣваться въ настоящее время“ (Оч., 26) — выраженіе не совсѣмъ точное, какъ видно изъ сдѣланной тамъ же ссылки на мнѣнія г. Гатталы. Г. Гейтлеръ, авторъ труда, поименованнаго въ заглавіи этой статьи, былъ, по его словамъ, слушателемъ профессора Гатталы и пользовался при составленіи своей книги содѣянными этимъ ученаго (Fonologie, VI). Онъ утверждаетъ, что русск. *о*, напримѣръ, въ *помѣ* отнюдь не возникло изъ *э*, какъ мы привыкли думать; что, напротивъ, это *о* въ подобныхъ случаяхъ есть звукъ основной для старо-болгарскаго (= ст.-слав.) и русскаго, но не для польскаго, въ которомъ *e* (*reŋu*); равно какъ и *i* въ *wilk*, суть ослабленія, возникшія независимо отъ ст.-болг. и русскаго (Fonologie, § 47). *Ъ*, говоритъ онъ, такъ сказать, „передъ нашими глазами возникаетъ изъ *о*“ въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ творительномъ пад. ед. ч. муж. и ср. р. склоненія — *а*: *мадѣмъ, дѣлѣмъ* изъ — *омъ*“, ибо хотя въ Остромировомъ Евангеліи постоянно *ѣмъ*, но въ Ассеманіевомъ Евангеліи, памятникѣ глагольскомъ, и *по языку, болѣе древнемъ*, постоянно — *омъ*“.

2) Въ именительномъ ед. муж. того же склоненія, *э* именъ муж. (раб-ѣ) стоитъ рядомъ съ болѣе древнимъ *о* именъ среднихъ (иг-о); что всѣ мужескія имена нѣкогда оканчивались на *о*, неопровержимо доказываетъ Ассеманіево Евангеліе: древнее *о* им. *э* сохранилось при слияніи именъ съ указательнымъ мѣстоименіемъ *сь, тѣ*: *рабоуь, имоплеменикос* — формы, ничѣмъ не отличающіяся отъ среднихъ *лѣтось, утрось*.

Въ сложенияхъ словъ (Вого-въродѣнъ) сохранилось старинное *о*,

которое есть не что иное, какъ тематическая гласная, въ окончаніи ослабленная въ *э*" (Fonologie, §. 9).

Остановимся пока на этомъ. Говоря о большей древности Ассеманіева Евангелія и ряда другихъ подобныхъ памятниковъ, разсмотрѣнныхъ г. Срезневскимъ (Древ. глаголич. памятники, 57 и слѣд.), слѣдуетъ отличать случаи—какъ *братуръ*, или нѣкоторыя формы дориста, отъ другихъ, сообщающихъ языку Ассеманіева Евангелія характеръ относительной новизны, каковы: смѣшеніе *э* и *ь* (къде, *Срезн.*, 64, послахъ, 67, собрани, 68, а съ другой стороны—истинъь, 63, брашпа, 65, дождъ и почти постоянно—*тъ* въ 3-мъ л. ед. и мн. наст. вр.), опущеніе глухихъ (что—*Срезн.*, 64, никтоже, 67), между прочимъ и на концѣ словъ (животъ вѣчънъи, *Срезн.*, 69; случай эти у Гейтлера, § 35), смѣшеніе *ь* и *и* (пръмътъ), постоянное *ь* вмѣсто *а* и въ случаяхъ, когда *а* этимологически несомнѣнно (девагъь, въсь, 66, ѣко, 67), *ь* вм. *ь* (двѣремъ, 68), неправильности въ употребленіи *мъ* и *л* (мже вм. мже, слъшахъмъ), *и* вм. *и* (рекъь бытъ, 67, аще би вѣдала), *и* вм. *си* (блажени не видѣвъими (Остр. вѣшени) и вѣроваши, 69); винительный сходный съ родительнымъ въ случаяхъ, гдѣ въ Остромировомъ Евангеліи онъ сходенъ съ именительнымъ (пригласи мѣжа своего, 66, вѣроуйте въ Бога, 67). Нужно особое пристрастіе къ глаголитвизму, чтобы въ этихъ отношеніяхъ поставить Ассеманіево Евангеліе наравнѣ съ Остромировымъ, или выше его. Я полагаю, что въ Ассеманіевомъ Евангеліи и подобныхъ ему памятникахъ *о*; *ь* въ иноплеменникос (Остр.=иноплеменьникъ съ), днестъ *Срезн.* Глаг. пам., 64=Остр.: днь ть) совершенно объясняются тѣмъ же, чѣмъ и подобныя явленія въ русскихъ памятникахъ (хѣлмоть) и въ случаяхъ, приводимыхъ г. Гейтлеромъ изъ старо-чешскаго (veceřos) и современнаго болгарскаго (правникот), именно тѣмъ, что конечный глухой звукъ мѣстоименія исчезъ, и вслѣдствіе этого, предыдущій прямой слогъ превратился въ средний, требующій, при новомъ фонетическомъ складѣ языка, замѣны глухаго звука чистымъ. Это совершенно такъ, какъ въ современномъ русскомъ въ *сон* и т. п. (Два изслѣд., 56). То же о творительномъ *омь*, предполагающемъ, что конечное *ь* уже не выражаетъ гласнаго звука, вмѣсто Остромировскаго *амь*. Вѣроятно, г. Гейтлеръ останется при своемъ убѣжденіи, но въ подобныхъ случаяхъ человекъ говоритъ для своихъ единомышленниковъ и для третьяго судьи, еще не составившаго своего мнѣнія.

Мнѣніе, что *рабъ* возникло изъ *раб-о* и что было время, когда въ славянскомъ языкѣ слова этого рода по звукамъ ничѣмъ не отли-

чались отъ *и-о*, вызвано только желаніемъ доказать, что вообще произошло изъ *о*. Напротивъ, можно думать, что съ самаго того времени, когда возникло различіе родовъ и надежей, именительные мужескаго рода *-ас* и среднего р. *-ам* уже никогда не отождествлялись и въ звуковомъ отношеніи. Положеніе, что славянскій языкъ потерялъ конечные согласные, если не прикрылъ ихъ новыми суффиксами, вообще несомнѣнно, но не въ томъ смыслѣ, что потеря конечныхъ согласныхъ наступила вездѣ одновременно, стерла прежнія грамматическія различія и заставила языкъ вновь отыскивать эти различія какъ-бы въ потьмахъ. Могло случиться и такъ, что *ам* въ *а-м* исчезло раньше, чѣмъ *с* въ *а-с*, вслѣдствіе чего тематическое *а* въ обонхъ случаяхъ подверглось неодинаковымъ измѣненіямъ. Мнѣ кажется, что именно на это указываетъ литовскій языкъ. Известно, что *с* въ *а-с* уцѣлѣло въ литовско-латышскомъ донинѣ, и только предшествующее ему *а* уже по раздѣленіи этого языка исчезло въ литовскомъ въ известныхъ случаяхъ (*pon-s*, но *gars-a-s*, *Schleicher*, Lit. Gram., 82), а въ латышскомъ во всѣхъ словахъ муж. р. темъ *а*. Что случилось съ среднимъ окончаніемъ *ам*, объ этомъ, казалось бы, менѣе всего слѣдовало совѣтоваться съ литовскимъ и латышскимъ языками, такъ какъ они потеряли средній родъ; однако, въ литовскомъ сохранились остатки этого рода въ одной формѣ причастій страд. наст. и прошедш. и причастія необходимости на *tina-*, въ безличныхъ оборотахъ, отчасти буквально сходныхъ съ такими, какъ *zozjeno*, *mazjeno*; польск. *mbiwno*, ст.-чешск. *byto* (шап war); литовск. *to del zakoma*, буквально—того дѣла говоримо, то-есть, потому то и говорится, напримеръ, въ пословицѣ: *taipo ne dařosa*, буквально такъ не дѣлаемо, то-есть, такъ не годится дѣлать (Виблія); *ne turejo tą wakarą but skalbima* (*Schleicher*, Leseb., 202), буквально—не имѣло въ тотъ вечеръ быть прано, то-есть, не слѣдовало мыть бѣлья; *šap rawelyta ug mñ poweljno*; *tai Dewo žadeta, tai prilikta buwo* (*Schleicher* Gr., 318), это отъ Бога обѣщано, это было допущено (о судьбѣ); *szenden eitina* (ib. 320), буквально—сегодня идомо, то-есть, необходимо идти.

По видимому, и въ такихъ выраженіяхъ, какъ лит. *je vado daug išzwogta*, они нашли (что) мною украдено; *jis vado swetimo buta*, онъ нашель (что) отъ чужого быто, то-есть, что кто-то чужой былъ, и нѣтъ надобности ни писать этимологически *išzwogta*, *buta*, ни принимать эти формы за *именительный* среднего рода, какъ думалъ Шлейхеръ (Lit. Gr., 819). Впрочемъ, уже русскій буквальный переводъ („нащель“ч „много украдено“) объясняетъ здѣсь возможность имени-

тельнаго, а восторныхъ, окончанія -м, общаго въ среднемъ родѣ ед. ч. тремъ падежамъ, давно здѣсь не видно; между тѣмъ какъ знакомъ ринезма, напримѣръ, а, означается обыкновенно относительно недавняя потеря носовой согласной, которая можетъ быть восстановлена внутренними средствами литовскаго языка, безъ помощи болѣе обширнаго сравненія. Различеніе, подобное тому, какое замѣчается между лит. муж. *zakotas* и среднимъ *zakotā*, могло лежать въ основаніи славянскаго различія между конечнымъ *э* и *о*. Латвшскій языкъ при этомъ остается въ сторонѣ, такъ какъ въ немъ, въ случаяхъ подобныхъ вышеприведеннымъ, ставится причастіе въ мужескомъ родѣ: *dōws gan gulēts*, буквально—довольно спать, то-есть; спано (*Bielenstein Lett. Gr.*, § 770). Сравнительно съ литовскимъ, это явленіе позднее. Не знаю, на сколько изложенное мною мнѣніе объ исчезновеніи -м въ именит., винит. ед. ч. въ славяно-литовское время можетъ быть ограничено или опровергнуто тѣмъ, что Биленштейнъ говоритъ о латвшскихъ нарѣчіяхъ на—ам, ап, и, ім, въ коихъ, по его словамъ, навѣрно сохранились формы средняго рода (*Lett. Gr.*, § 210). Онъ не говоритъ, какой именно падежъ онъ разумѣетъ, такъ что изъ его словъ не слѣдуетъ, чтобъ онъ считалъ латвшскія нарѣчія *klussam*, *klussi* этимологически равными съ *тихо*. Окончаніе *am* можетъ принадлежать не именительному-винительному, а другому падежу, напримѣръ, дательному ед. ч. въ смыслѣ творительнаго, хотя послѣдній въ ед. ч. въ латвшскомъ языкѣ совпадаетъ не съ дательнымъ, какъ во множественномъ числѣ, а съ винительнымъ. Навѣрное является дательный въ одномъ изъ приводимыхъ Биленштейномъ примѣровъ, именно въ *pa-tam-am* = м.р. по малу; сравн. литовск. *po mažam* (предл. *po* съ дательнымъ ед.) = по маломъ времени (*Schleicher, Lit. Gr.*, 291) и лит. *pa mažui, pa mažui*, то же, что *pa mažui* = м.р. по малу. Мнѣ не ясно, какой падежъ въ литовскихъ нарѣчіяхъ *pa lengvā* и *lengvā*, тихо, медленно. Есть ли это сокращеніе изъ *lengvauy* = льгъуй, или это — то же, что *pa wilyta*, то-есть, именительный ед. ср.?

Что *о* въ *Бого-уодѣ* есть тематическая гласная, или точнѣе, замѣна основной тематической гласной *а*, это такъ; но что изъ этого слѣдуетъ, будто *э* въ *Богѣ* перешло черезъ ступень *о*, этого не видно: условия, при которыхъ возникло *э* въ *Богѣ* и *о* въ *бого*, — различны.

Было бы долго рассматривать порознь всѣ слова, приводимыя г. Гейтлеромъ (§§ 9, 3, 4) въ доказательство происхожденія *э* изъ *о*. Вообще чередованіе въ этихъ словахъ *э* и *о* троякаго рода: 1) такое, которое мы относимъ къ случаямъ позднѣйшей замѣны глухого звука

чистымъ, а г. Гейтлеръ наоборотъ, напримѣръ, дождь—дѣждь; 2) такое, гдѣ *э* вмѣсто *о* есть ошибка или личная, или діалектическая, то же позднѣйшая замѣна, напримѣръ, воскъ вмѣсто воскъ; 3) такое, гдѣ въ двухъ различныхъ образованіяхъ находимъ въ одномъ *о*, въ другомъ *э*, напримѣръ, жорень и кѣрь, при чемъ каждый изъ этихъ звуковъ на своемъ мѣстѣ, по нашему, общеславянскій.

Допуская второй случай, я тѣмъ самымъ признаю, что въ отдѣльныхъ, вообще рѣдкихъ, случаяхъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ новоболгарскаго и хорутанскаго (гдѣ это часто), имѣются или имѣлись глухіе звуки позднѣйшаго образованія, и что основное *о* можетъ діалектически переходить въ глухой звукъ и исчезать, какъ въ русской литературѣ *ровъ*—*рва* (изъ *ръва*), при основной формѣ *ровъ*, род. *рова*, по аналогіи съ *ротъ*, *рта* (осн. ф. *ртъ*, *рта*). Но я слѣдую тѣмъ, которые отличаютъ позднѣйшіе глухіе и позднѣйшіе обглые гласные: отъ тѣхъ *э*, которые предполагаются всѣми славянскими нарѣчіями.

Рѣшительное доказательство г. Гейтлера заключается въ слѣдующемъ (Фонологіе, § 10):

1) „Нѣтъ объективнаго доказательства, что *э* возникло изъ *а*“, а между тѣмъ „естественный переходъ отъ *а* къ слабѣйшей гласной *э* составляетъ *о*“. Естественнымъ г. Гейтлеръ называетъ здѣсь апріорное рѣшеніе, что возможенъ только такой, а не другой переходъ. Мало ли что въ языкѣ считалось невозможнымъ; но оказалось дѣйствительно существующимъ? Въ настоящемъ вопросѣ можно сослаться на то, что въ южно-в.-р. именно основное *а*, а равно и *а* изъ *о* неударяемаго въ извѣстныхъ случаяхъ, переходитъ въ глухой звукъ: *і*—*варитѣ* (3 слога) не изъ *говоритѣ*, а ближайшимъ образомъ изъ *гаваритѣ* (см. Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, 61—62). Въ такой же глухой звукъ тамъ же могутъ переходить и всѣ остальные твердые гласные (см. *ib*). Поэтому мнѣ нисколько не кажется нужнымъ предположеніе, что основное *у*, чтобы стать глухимъ звукомъ, должно было перейти черезъ ступень *о* (Фонологіе, § 12): *э* могло прямо образоваться изъ *у*. Славянскія формы съ *о* тамъ, гдѣ предполагается основное *у* (медо-точивъ, дат. мн. сыномъ), легко объясняются не фонетически, а переходомъ: темы—*у* въ тему—*а*, то-есть, тѣмъ, что форма *медо* образована не согласно съ тою темою, которую мы находимъ, напримѣръ, въ звательныхъ *меду*; *сму*, а такъ, какъ будто основная форма темы есть *таѣна* и *сина*. Въ иныхъ случаяхъ допущеніе основнаго *у* можетъ быть и ошибочно. Такъ, ошибочнымъ ка-

Для себя я считаю лучшимъ остаться при слѣдующемъ мнѣніи о происхожденіи ѣ, мнѣніи, которое какъ и Гейтлерово, есть только *mutatis mutandis*—повтореніе мнѣнія объ э. Ы имѣеть то общее съ е, что и оно измѣняетъ предыдущую гортанную въ шипящую. Въ этомъ состоитъ первоначальное отличіе ѣ отъ э. Ы есть гласная, если можно такъ выразиться, болѣе небная, чѣмъ рѣшительно твердое э, то-есть, ѣ возникаетъ или изъ и; или изъ а и у съ извѣстною степеню палатализации предшествующей имъ согласной,—изъ чего, однако, не слѣдуетъ, чтобъ это древнее общеславянское смиченіе было равно тому сильному развитію йотацизма, какое находимъ позже въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ. Ы въ конь и к въ *номѣ* одинаково предполагають а послѣ небной согласной, но возникли при различной обстановкѣ, о чемъ уже сказано выше по поводу э и о. Что глухой звукъ можетъ непосредственно происходить изъ я и другихъ йотированныхъ гласныхъ, это видно изъ южн. в.-р. *пи-р'ва-зі* (4 слога; можно бы написать *пи-ръ-ва-зи*) изъ *пир'визі*, то-есть, перевези, и т. п. При такихъ же условіяхъ какъ и въ *комѣ* (ь=ja-e) ѣ, по всей вѣроятности, возникло изъ *ју* между прочимъ въ тѣхъ именахъ муж. р. на *й*, въ коихъ ѣ на концѣ не писалось, но безъ сомнѣнія, произносилось, и кои соотвѣтствуютъ литовскимъ на *jus*. Возникновеніе ѣ изъ е въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно, но оно ошибочно, какъ общее правило.

Слова г. Гейтлера: „Полугласныя суть вообще позднія гласныя: полныя (чистыя) старѣе; эти послѣднія переходятъ въ полугласныя, а не наоборотъ (исключая отклоненія младшихъ нарѣчій)“ (Фонологіе, § 27), не могутъ заставить насъ отказаться отъ такого взгляда: э и ѣ, конечно, предполагають чистыя гласныя, но въ дославянское время сами онѣ предполагаются всѣми славянскими нарѣчіями, въ коихъ онѣ частью удерживаются, частью замѣняются чистыми гласными, частью исчезаютъ.

Относительно произношенія э и ѣ въ древнемъ русскомъ я думаю, что хотя эти звуки незадолго до своего перехода въ о, е должны были быть близки къ этимъ послѣднимъ, но близость эта, какъ уже упомянуто, не была тождествомъ. Свойство глухого звука именно и состоитъ въ нѣкоторой неопредѣленности. Быть можетъ, слѣдуетъ придавать нѣкоторое значеніе тому, какъ представлялись эти глухіе звуки ближайшимъ сосѣдямъ Руси. Въ литовскомъ, при большомъ количествѣ позднѣйшихъ заимствованій изъ русскаго языка, сохранились и такія, которыя кажутся болѣе древними, чѣмъ исчез-

новеніе еровъ въ русскомъ. Если *ь* въ литовскомъ *grynicsia*, *gesindestub* (то-есть, гридьница) исчезло, то оно сохранилось въ видѣ *і* въ *grivina* (гривна), *kriwida* (кривьда), быть можетъ, и въ *triwogu* (трьвога), между тѣмъ, какъ *triwoli* могло возникнуть, черезъ зап. и южн. русск. *тривати*, изъ польск. *trwaé* (единъ слогъ). Въ числѣ случаевъ, на которые указываютъ, какъ на подтвержденіе того, что *ь* произошло изъ основнаго *у* (*и*), есть такія литовскія слова, которыя мнѣ кажутся прямыми заимствованіями изъ русскаго языка и въ коиъ, наоборотъ, литовское *и* передаетъ русское *ь*: *kumetys*=къметъ, *tulkas*=тѣлкѣ (въ значеніи толковника), *tulkocius*=тѣлкачъ и *tulmocius*=idem (вѣроятно тѣлкачъ, ср. Мр. товкмачити), *pulkas*=пѣлкѣ (въ разныхъ значеніяхъ, какъ и въ литовскомъ, напримѣръ, полчокъ дѣвокъ, какъ говорится „дѣвокъ табунокъ“), *kurtas*=хѣртъ, *stulpas*=стѣлпъ, *strustis*=трѣсть. Слѣва, какъ *тѣлкачъ* въ этой формѣ, нѣтъ въ польскомъ (есть *tluczek*); будь оно заимствовано хотя и изъ русскаго, но поздно, когда *ь* измѣнилось въ немъ въ *о*, то оно имѣло бы въ литовскомъ *а* (*talk*), а не *и*.

Съ другой стороны, есть случаи, въ коиъ русскій *ь* является въ литовскомъ и въ другомъ видѣ. Мр. *дбати* на що (польск. *dbaé* па со, обращать вниманіе) предполагаетъ форму *дѣбати*. Въ этомъ словѣ *ь* въ историческія времена никогда не произносилось какъ чистое *о*,— иначе оно не могло бы исчезнуть. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что отъ этого *ь* произошло *а* въ литовскомъ заимствованномъ *daboti*, между тѣмъ, какъ лит. *alboti* пошло отъ формы *дбати* уже безъ *ь*, но бытіе можетъ, снабженной эфонической приставкою, какъ въ *авчера*=*вчера*. Въ этой послѣдней литовской формѣ, по недоразумѣнію и въ силу стремленія осмыслить этимологически-неясное слово, *at*—принято за литовскій предлогъ *at* и отъ якобы = предложнаго глагола *at-boju* образованъ простой *boju*—*boti*=*дбаю*—*дбати*.

А. Потѣбня.

Записки по новѣйшей исторіи (1815 — 1856 гг.). Составилъ *Ив. Григоровичъ*.
Изданіе 2-е, исправленное. С.-Пб. 1869 года.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ преподаваніе исторіи заканчивалось вѣнскимъ конгрессомъ; но потомъ и исторіи новѣйшей отведенъ былъ небольшой уголокъ въ общей программѣ историческаго курса. Изъ этого, однако, еще не слѣдуетъ заключать, что выработалось

сознаніе въ необходимости и важности упомянутаго историческаго отдѣла, ибо до сихъ поръ еще не вездѣ дано ему надлежащее мѣсто.

А между тѣмъ курсъ новѣйшей исторіи, заканчивая историческое образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣетъ важное значеніе: во первыхъ, онъ сообщаетъ юношеству трезвый научный взглядъ на новѣйшія событія и предохраняетъ его отъ увлеченій крайне односторонними воззрѣніями; во вторыхъ, объясняя результаты историческаго движенія человѣчества, онъ возбуждаетъ живое участіе въ изученію исторіи вообще. Молодой человѣкъ, обстоятельно познакомившійся съ новѣйшею исторіею, будетъ въ послѣдствіи, на университетскихъ лекціяхъ, слѣдить и за отдаленными эпохами болѣе внимательно и съ болѣшимъ пониманіемъ.

Книга г. Григоровича заслуживаетъ внимательнаго разбора. Какъ единственный учебникъ по новѣйшей исторіи, она можетъ быть употреблена съ пользою; но вмѣстѣ съ тѣмъ должно сознаться, что она страдаетъ двумя существенными недостатками. Во первыхъ, въ ней совершенно опущено изъ виду умственное движеніе: ни для искусства, ни для науки, ни для литературы не отведено ни единой страницы. Во вторыхъ, у автора несоразмѣрно распредѣлены событія по ихъ относительной важности; такъ, напримѣръ, бельгійской революціи, не имѣвшей обширнаго, общеевропейскаго значенія, отведено мѣста гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало бы по объему книги; а между тѣмъ совершенно опущена исторія Сербіи, которая, безъ сомнѣнія, необходима для русскаго юношества. Въ изложеніи бельгійской революціи упоминаются въ изобиліи имена второстепенныхъ дѣятелей, какъ напримѣръ, Гендебіена, Вапъ-де-Вейера, Шавіе, Галлена, Меллине, Гоогварта; а между тѣмъ ни слова не сказано, какъ король Леопольдъ, среди революціонныхъ бурь, волновавшихъ сосѣднія страны, умѣлъ сохранить въ своей странѣ спокойствіе и порядокъ. Въ введеніи къ разказу о бельгійской революціи излагаются событія со времени борьбы за независимость съ Филиппа II; а между тѣмъ нѣтъ подобнаго очерка при изложеніи борьбы Грековъ за независимость, что было бы необходимо: во первыхъ, потому, что положеніе Греціи со времени паденія Константинополя менѣе извѣстно, чѣмъ исторія Нидерландовъ съ Филиппа II, а во вторыхъ, и это главное, не слѣдуетъ забывать, что судьбы Балканскаго полуострова тѣсно связаны съ исторіею Россіи. Исторія имѣетъ цѣлью развитіе политическое пониманіе ученика въ широкомъ смыслѣ и потому все, что соприкасается съ интересами и судьбами его отечества, не должно быть отодвигаемо на

второй главъ. Авторъ щедрою рукою разсыпалъ имена Гендебиеновъ, Ванъ-де-Вейеровъ и др. и опускаетъ такія имена, какъ Колокотрони, Канарисъ, Міаулисъ и едва нѣсколько строкъ посвящаетъ падеію Миссолунговъ. Та же несоразмѣрность замѣчается и въ другихъ частяхъ разбираемаго труда: авторъ довольно подробно говоритъ о виѣшней политикѣ Англіи при Вильгельмѣ IV, при королевѣ Викторіи, и вскользь проходитъ дѣятельность Кобдена, ничего не упоминаетъ о движеніи въ пользу свободной торговли и о томъ, какъ это движеніе встрѣчено было въ Америкѣ и въ Европѣ. Въ изложеніи прусскихъ событій упоминаются имена министровъ Кампгаузена, Шверина, Ауэрсвальда, демагоговъ: Вальдека и Эстера, и ни слова не говоритъ о содержаніи прусской конституціи 31-го января 1850 года, объ измѣненіи характера жителей Берлина въ текущемъ столѣтіи и объ участіи инородцевъ (Евреевъ и Поляковъ) и даже иностранцевъ въ революціи 17-го марта. Переходя къ исторіи Венгровъ, онъ не уясняетъ предыдущія ихъ отношенія къ Славянамъ, безъ чего венгерскія событія рассматриваются необходимо съ односторонней точки зрѣнія. Виѣсть съ тѣмъ это упущеніе мѣшаетъ понять, какую важную услугу славянскому міру оказало русское виѣшательство, сдержавши усилія Венгровъ омадьярить Славянъ.

Къ важнымъ недостаткамъ автора отнесимъ мы также и его взглядъ на новѣйшую исторію Славянъ. Невѣрность и односторонность этого взгляда выражаются въ самомъ заголовкѣ XVIII главы: „Революціонныя движенія у западныхъ и южныхъ Славянъ (панславизмъ)“. Что это за отождествленіе революціоннаго движенія и панславизма? Не вѣриѣ ли было бы сказать: пробужденіе національности у западныхъ и южныхъ Славянъ? Революціонныя взгляды южныхъ Славянъ выразились въ такой пословицѣ: „Да би Руси ніе било, не би било креста одъ три прста“. Таковы революціонеры дунайскіе Славяне, таковы же и австрійскіе. Самъ авторъ на страницѣ 308-й говоритъ: „черезъ нѣсколько минутъ по окончаніи этихъ совѣщаній (въ Прагѣ), вспыхнули несчастныя смуты, возникшія изъ источниковъ, совершенно чуждыхъ славянскому сѣзду“. Авторъ, конечно, знаетъ, что послужило источникомъ этихъ смуть. Странно также, что онъ ни слова не упоминаетъ о мирной дѣятельности Шафарика и Ганки.

Неумѣнне распорядиться матеріаломъ, группировать факты, оцѣнивать ихъ относительную важность, обнаруживается у автора на каждомъ шагѣ. Такъ, въ исторіи Франціи, не преминувши упомянуть о помѣстьи Людовика XVIII (близъ Лондона), онъ ничего не

говорить о *chambre introuvable*, о подчиненіи университета духовенству, о двойномъ голосѣ богатыхъ избирателей, о вознагражденіи служившихъ въ арміи Коиде; говоритъ объ избраніи *куда-то* президентомъ *какою-то* бонапартиста, которое вызвало порицаніе палаты перовъ, и умалчиваетъ объ избраніи въ депутаты Грегуара, бывшаго члена конвента, напугавшемъ самого Деказа. Въ исторіи Карла X вкралась грубѣйшая ошибка: „Мартиньякъ старался провести въ палатѣ законъ, по которому представители общинъ, округовъ и департаментовъ выбирались бы на будущее время не правительствомъ, а самими гражданами“. Дѣло шло не о представителяхъ, а о членахъ административныхъ совѣтовъ въ департаментахъ и округахъ. Въ царствованіи Людовика-Филиппа совѣтъ не выяснено преобладаніе богатой буржуазіи; сказано лишь, между прочимъ, что вслѣдствіе высокаго ценза избирательнымъ правомъ стали пользоваться немногіе богатые, такъ что изъ 30 милл., только 200 тыс. имѣли это право. Этыхъ, впрочемъ, довольно опредѣлительныхъ словъ, было бы достаточно, еслибы они не были затеряны среди растянутаго изложенія фактовъ и были бы выставлены на первомъ планѣ.

О социалистическихъ ученіяхъ авторъ говоритъ слѣдующее: „Социалистическое ученіе думаетъ *совокупностію физическихъ и духовныхъ силъ* уничтожить нищету и достигнуть высшаго благоденствія и счастья для каждаго бѣдняка“. Во первыхъ, изъ этихъ словъ никто ничего не можетъ понять; какимъ это образомъ совокупностію духовныхъ и физическихъ силъ доставить бѣднякамъ благоденствіе? Во вторыхъ, каждый ученикъ можетъ, пожалуй, подумать, что тутъ дурнаго? Не лучше опредѣляетъ авторъ и коммунизмъ, который „старается уничтожить частную собственность и всѣ имущества дѣлить поровну“. Стоитъ только ученику встрѣтиться съ человѣкомъ, который бы сказалъ ему: „не имущества дѣлить поровну, а сдѣлать общими орудія труда, произведенія коего дѣлить поровну, сосредоточивъ капиталы въ рукахъ государства“,—и ученикъ останется беззащитенъ предъ подобнымъ опредѣленіемъ. Автору слѣдовало бы обстоятельнѣе уяснить сущность главныхъ социальныхъ школъ и выставить ихъ ложь, а иначе было бы уже лучше вовсе не касаться этого предмета. Событія послѣ февральской революціи изложены сбивчиво. Позволимъ себѣ замѣтить автору, что онъ пользовался, кажется, очень довѣрчиво или мемуарами Ламартина, или какимъ-либо сочиненіемъ, на нихъ основанномъ.

Мы уже говорили, что въ исторіи Англіи не обращено вниманія

на фритридерство; замѣтимъ еще, что совсѣмъ не оцѣнена дѣятельность Каннинга, министерство коего положило конецъ такъ называемой эпохѣ конгрессовъ; въ исторіи Испаніи пропущено возстаніе колоній. О Португаліи, Скандинавскихъ земляхъ, Турціи — ни слова. Нѣтъ сомнѣнія, что въ исторіи вообще, а тѣмъ болѣе въ учебникѣ на первомъ планѣ должны стоять первостепенныя державы; но нельзя же ни слова не сказать и о второстепенныхъ, и особенно о столь близкихъ къ намъ, какъ Швеція и Турція.

Русскія событія разказаны относительно удовлетворительно: къ сожалѣнію, и здѣсь авторъ дѣлаетъ замѣчательные пропуски. Неужели Ванъ-де-Вейеры, Кампгаузенъ важнѣе для русскаго юноши, чѣмъ Уваровъ и Киселевъ, именъ которыхъ автору неугодно было упомянуть? Польское возстаніе разказано довольно живо и обстоятельно; но къ сожалѣнію, авторъ не предпослалъ ему удовлетворительнаго введенія и совсѣмъ не коснулся существенной стороны въ такъ называемомъ польскомъ вопросѣ, именно притязаній Поляковъ на западный край. Здѣсь умѣстно было бы объяснить вообще роль Поляковъ въ славянствѣ: какъ, уступая на западѣ одну область за другою Нѣмцамъ, они тянулись на востокъ за русскими областями и этимъ самымъ ослабляли себя, теряя области съ исконнымъ польскимъ населеніемъ и отнимая земли у другого славянскаго народа, съ которымъ, естественно, должны были прійти во враждебныя столкновенія. Такое направленіе политической дѣятельности старой Польши, въ ряду другихъ причинъ ея упадка, имѣло важное значеніе уже потому только, что впоследствии поставило Польшу между двумя врагами: Россіей и Пруссіей, не говоря о томъ, что искаженіе историческаго призванія никогда не ведетъ народъ къ добру. На предѣ, который притязанія на западныя губерніи принесли самимъ Полякамъ, авторъ долженъ былъ указать уже потому, что въ числѣ молодыхъ людей, которые возьмутъ въ руки его учебникъ, безъ сомнѣнія, будутъ и польскіе юноши. Этого обстоятельства русскіе составители учебниковъ по исторіи, и даже по географіи, никакимъ образомъ не должны терять изъ виду. Ихъ скромная дѣятельность можетъ принести существенную пользу, потому что спокойно научное, правдивое отношеніе къ прошлому можетъ примирительно дѣйствовать на умы польской молодежи. Здѣсь же замѣтимъ, что авторъ совершенно некстати употребляетъ слово „ойчизна“ вмѣсто отечества. Слово „ойчизна“ въ насмѣшливомъ, юмористическомъ тонѣ употреблялось газетами, но въ учебникѣ нѣтъ мѣста такого рода юмору. Патріотизмъ — чувство

высокое, и когда рѣчь идетъ о Полякахъ, то дѣло не въ патриотизмѣ, а въ искаженномъ направленіи его, которое собственно и навлекло насмѣшки надъ словомъ „ойчизна“; ибо подъ интересами „ойчизны“ разумѣлись то интересы исключительно шляхетства, то увлеченіи узкаго фанатизма. Выясненіе заблужденій подобнаго рода необходимо и для русскаго юношества, дабы оно имѣло правильный взглядъ на такъ называемый польскій вопросъ, и тѣмъ болѣе для польскаго.

Въ исторіи Крымской войны авторъ, говоря объ осадѣ Севастополя, выражается такъ: „подъ командою Канробера началась знаменитая въ исторіи военнаго искусства осада Севастополя“. Осада Севастополя важна не только въ исторіи военнаго искусства, но вообще и въ исторіи Крымской войны, и въ исторіи Россіи: здѣсь отстаивались, какъ извѣстно автору, существеннѣйшіе интересы нашего отечества на востокѣ, отстаивалось первостепенное значеніе его среди европейскіхъ державъ. Пріобрѣтеніе Приамурскаго края и покореніе Кавказа удостоились только шести съ половиной строчекъ. О кавказской войнѣ до покоренія западной части Кавказа въ 1864 году сказано только, и то въ примѣчаніи: „начало кавказской войны относится къ концу XVIII вѣка; когда грузинское царство вступило въ подданство Россіи, кавказскій хребетъ очутился между русскими владѣніями“. О человѣкѣ, имя котораго было когда-то ужасомъ для горцевъ и котораго обожала боевая кавказская армія, г. Григоровичъ не нашелъ ничего лучшаго сказать, какъ только повторить неосновательный отзывъ Устрялова, что „генераль Ермоловъ просилъ Государя прислать довѣренное лицо, которому бы онъ могъ отдать начальствованіе въ такое трудное время, потому что самъ онъ не чувствуетъ къ тому достаточно силъ и способности“.

Укажемъ еще автору на нѣкоторые примѣры растянутаго изложенія и на различныя промахи и заключимъ нашъ разборъ добрымъ желаніемъ видѣть его книгу въ лучшемъ, исправленномъ изданіи.

Въ числѣ промаховъ укажемъ автору на слѣдующее мѣсто: „основаніе общества буршей приписывается философу XVIII вѣка, Фихте, который далъ и происхожденіе патриотической гимнастикѣ“ (стр. 25). Мысль о патриотической гимнастикѣ принадлежала Фихте, но осуществленіе этой мысли — доктору Яну. Относительно Фихте сдѣлана, между прочимъ, и слѣдующая грубая ошибка: „до какихъ увлеченій бурши доходили вмѣстѣ съ ихъ основателемъ, обнаружилось при Вартбургскомъ торжествѣ“, то-есть, въ 1817 году; между тѣмъ, какъ Фихте умеръ въ 1814 году. Къ промахамъ слѣдуетъ причислить и

нѣкоторыя политическія разсужденія автора: „посредствомъ этой перемѣны (то-есть, присоединенія Норвегіи къ Швеціи), Швеція уничтожила тотъ перевѣсъ, которымъ пользовалась Данія въ Скандинавскихъ государствахъ. Эта территоріальная перемѣна послужила также и въ пользу Россіи, которая такимъ образомъ (!) стала у воротъ Стокгольма, тогда какъ прежде для всякаго врага Россіи, Швеція была страшною для нея союзницею и, владѣя своими финляндскими крѣпостями, стояла какъ бы у воротъ Петербурга“. Финляндскія крѣпости уже съ 1809 года принадлежали Россіи; въ 1812 году Бернадотъ, при всемъ желаніи своемъ, если бы оно у него и было, не могъ вступить въ союзъ съ Наполеономъ, потому что Англія угрожала бы его берегамъ; да кромѣ того Швеція (безъ Финляндіи и Норвегіи) много ли могла бы выставить тогда войска? Бернадотъ очень хорошо понималъ, что даже въ случаѣ успѣха Наполеона, если бы ему и удалось даже возвратити Финляндію, онъ не могъ бы удержать ее за собою, а въ случаѣ неудачи, слабой Швеціи грозила месть могущественнаго сосѣда. Присоединеніе Норвегіи къ Швеціи не Россію приближило къ Стокгольму (ибо она и безъ того была близка), а Пруссію приблизило къ Шлезвигу и Голштейну.

Е. Бѣловъ.

Въ продолженіи своей статьи г. Бѣловъ излагаетъ историческія факты, относящіеся къ перемѣнѣ границъ Швеціи и Норвегіи, и къ политическимъ результатамъ этихъ перемѣнъ. Онъ указываетъ на то, что Швеція, присоединивъ къ себѣ Норвегію, потеряла въ пользу Россіи тотъ перевѣсъ, которымъ пользовалась Данія въ Скандинавскихъ государствахъ. Онъ также указываетъ на то, что эта перемѣна границъ послужила въ пользу Россіи, которая такимъ образомъ стала у воротъ Стокгольма, тогда какъ прежде для всякаго врага Россіи, Швеція была страшною для нея союзницею и, владѣя своими финляндскими крѣпостями, стояла какъ бы у воротъ Петербурга. Онъ упоминаетъ о томъ, что Финляндскія крѣпости уже съ 1809 года принадлежали Россіи, и что въ 1812 году Бернадотъ, при всемъ желаніи своемъ, если бы оно у него и было, не могъ вступить въ союзъ съ Наполеономъ, потому что Англія угрожала бы его берегамъ. Онъ также упоминаетъ о томъ, что Швеція (безъ Финляндіи и Норвегіи) много ли могла бы выставить тогда войска? Онъ указываетъ на то, что Бернадотъ очень хорошо понималъ, что даже въ случаѣ успѣха Наполеона, если бы ему и удалось даже возвратити Финляндію, онъ не могъ бы удержать ее за собою, а въ случаѣ неудачи, слабой Швеціи грозила месть могущественнаго сосѣда. Онъ указываетъ на то, что присоединеніе Норвегіи къ Швеціи не Россію приближило къ Стокгольму (ибо она и безъ того была близка), а Пруссію приблизило къ Шлезвигу и Голштейну.

НАША ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

I.

Дѣтское чтеніе. Годы III-й и IV-й, изд. Русской книжной торговли, подъ редакціей *Острогорскаго*. 1872 г. Съ приложеніемъ четырехъ №№ «*Педагогическаго Листка*».

Дѣтская журналистика составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ труднѣйшихъ для выполненія педагогическихъ задачъ. Не только у насъ, но и за границей, не смотря на значительное развитіе дѣтскихъ періодическихъ изданій, эта именно отрасль литературы находится далеко не въ блестящемъ положеніи. Пересматривая иностраннныя опыты въ этомъ родѣ, постоянно встрѣчаешь крайности. Въ однихъ изданіяхъ преобладаетъ слишкомъ серьезный тонъ дѣловыхъ статей, мало доступныхъ и еще менѣе интересныхъ для дѣтскаго возраста; въ другихъ, напротивъ, авторы ограничиваются довольно пустою, безсодержательною беллетристикой; въ нѣкоторыхъ преобладаетъ мораль,—напримѣръ, нѣмецкая дѣтская литература до того переполнена нравственными сентенціями, проникнута приторною сентиментальностью, что на русскаго читателя наводитъ невыносимую скуку; притомъ же произведенія эти такъ однообразны, дѣйствующія лица въ нихъ до того безличны, что перечитывая множество подобныхъ разказовъ, будто читаешь все одно и то же. Въ этомъ отношеніи нравственные разказы Англичанъ и Американцевъ лучше нѣмецкихъ; въ нихъ есть характеры, есть и жизнь, хотя чисто англійская,—много серьезности и нѣтъ дѣланной, слащавой сентиментальности, что уже составляетъ большое преимущество.

Наша дѣтская литература сравнительно не богата. Правда, можно насчитать сотни дѣтскихъ книгъ и у насъ, но все это большею частью издѣлія книжной спекуляціи, которыя грѣшно и отнести къ литературѣ. Серьезныхъ дѣтскихъ изданій мало и имъ, какъ вообще у насъ,

не очень счастливится. Первый изъ дѣтскихъ журналовъ издавался Новиковымъ („Дѣтское чтеніе“, 1786—88) и просуществовалъ всего три года; возобновленный затѣмъ Гречемъ („Новое Дѣтское чтеніе“) въ 1839 году, онъ едва прожилъ одинъ годъ. „Дѣтскій Собесѣдникъ“ Греча и Булгарина былъ счастливѣе,— онъ просуществовалъ 4 года. Всѣхъ дѣтскихъ журналовъ у насъ, начиная съ 1786 года по текущій, было 26, а средняя продолжительность ихъ существованія составляетъ около 5 лѣтъ. Только журналы съ правительственной поддержкой (напримѣръ, „Журналъ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній“) существовали сравнительно долго; тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ старыхъ дѣтскихъ журналовъ не сохранился до нашего времени. Зависѣло ли это отъ недостатковъ самихъ изданій, или отъ отсутствія потребности въ дѣтскомъ чтеніи,— рѣшить трудно, но фактъ, что дѣтская журналистика у насъ всегда шла неуспѣшно, представляется несомнѣннымъ, и указываетъ на трудность этого дѣла. Только въ послѣднее время стали появляться журналы, издатели которыхъ, кажется, болѣе правильно поняли свою задачу. Въ числѣ ихъ „Дѣтское чтеніе“ г. Острогорскаго занимаетъ видное мѣсто. Хотя журналъ этотъ издается всего пятый годъ, тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ уже заслужить серьезную репутацію въ средѣ педагоговъ и родителей, такъ что ему едва ли не предстоитъ хорошая и долгая будущность; разсматриваемое нынѣ изданіе того же журнала за 1872 годъ вполне оправдываетъ благоприятное о немъ мнѣніе. Отличаясь здравымъ, вѣрнымъ направленіемъ, онъ въ то же время даетъ весьма разнообразный и пригодный для дѣтскаго чтенія матеріалъ, въ большинствѣ случаевъ очень дѣльно обработанный.

Все годовое изданіе журнала состоитъ изъ двухъ самостоятельныхъ отдѣловъ: два тома — собственно „Чтеніе для дѣтей“ и 4 №№ „Педагогическаго листка“, предназначенные для родителей и воспитателей.

1) *Чтеніе для дѣтей*, какъ уже замѣчено выше, весьма разнообразно; въ составъ его входятъ статьи: а) беллетристическаго, б) историческаго, в) этнографическаго, г) географическаго содержанія и преимущественно е) естественно-описательные очерки. Разсмотримъ обстоятельно каждый изъ упомянутыхъ родовъ статей.

а) *Беллетристическія* статьи—повѣсти, рассказы, характеристики, очерки, воспоминанія—написаны, вообще говоря, довольно удачно. Общая задача ихъ—возбужденіе въ дѣтяхъ чувства гуманности, взаимной любви, стремленія помочь ближнему въ бѣдѣ и пробудить ува-

женіе къ труду. Конечно, не всѣ эти статьи одинаково удачны, но хорошо уже то, что нѣтъ между ними статей непригодныхъ для дѣтскаго возраста; по всему видно, что редакція внимательно и осторожно дѣлала выборъ представляемыхъ ей произведеній. Это можно видѣть, между прочимъ, изъ примѣчанія ея къ одной статьѣ: „Лѣшій, водяной и домовой“. Статья эта, представляющая очеркъ нашей народной демонологіи, написанная довольно живо, обильная этнографическимъ матеріаломъ, предназначалась авторомъ для помѣщенія въ отдѣлѣ „Дѣтскаго чтенія“. По редакціи, вполнѣ признавая достоинства статьи, не рѣшилась однакоже помѣстить ее въ этомъ отдѣлѣ и дать дѣтямъ ее прямо въ руки. „Между нашими маленькими читателями, справедливо замѣчаетъ она, легко могутъ найдтись и такіе, толковать съ которыми о лѣшемъ, водяномъ и домовомъ преждевременно“. Не рѣшаясь, по этимъ соображеніямъ, предложить упомянутую статью всѣмъ читателямъ „Дѣтскаго чтенія“ безъ разбора, редакція внесла ее въ „Педагогическій Листокъ“, „чтобы воспитатель могъ уже, по своимъ соображеніямъ, прочитать ее, или нѣтъ своему воспитаннику“. Ознакомившись со статьею, мы не могли не согласиться съ справедливостью подобнаго взгляда и нельзя, кажется, не признать осторожность редакціи въ столь важномъ дѣлѣ, каково дѣтское чтеніе, почтенною и заслуживающею полного одобренія.

Статей совершенно плохихъ мы не нашли въ беллетристикѣ, но есть не вполнѣ удачныя, хотя большинство принадлежитъ къ статьямъ хорошимъ, что можно видѣть изъ нижеслѣдующаго обзора ихъ. Такъ статья „Дѣти-товарищи“ какъ будто не имѣетъ конца, написана сухо, и дѣти въ пей говорятъ слишкомъ умно (например, на стр. 10-й сдвали 5-лѣтній ребенокъ на самомъ дѣлѣ могъ бы предложить столь обстоятельныя объясненія объ образѣ жизни дикихъ народовъ). Но статья г. Евфименко „Мой отецъ“ очень симпатично написана. Мысль ея: нужно жить честнымъ трудомъ, такъ конкретно слилась съ разказомъ, что оставляетъ глубокое впечатлѣніе. Статья г. Калужскаго „Познакомьтесь съ моею ученицей“ — хуже другихъ. Въ ней больше всего видно самовосхваленіе учителя, разказывающаго о своихъ трудахъ и успѣхахъ, хотя въ то же время съ способомъ его воспитанія и обученія трудно согласиться; самостоятельность ученика, на чемъ настаиваетъ авторъ, тоже должна имѣть и имѣетъ извѣстныя границы: ученикъ никогда не въ силахъ, не можетъ, да и не долженъ, самъ себя задавать урокъ, иначе бесполезенъ и учитель. Статья „Горбатый Жакъ“ носитъ отчасти этнографическій характеръ; въ ней опи-

сывается быть дровосѣковъ; и по мысли, и по изложенію она отвѣчаетъ своей цѣли. Статья „Слѣпой изъ Данилова“, очень удачная въ литературномъ отношеніи, представляетъ задушевный разказъ о слѣпомъ учителѣ, который много дѣлалъ добра бѣднымъ сельскимъ людямъ и оставилъ по себѣ добрую память. Подобныя произведенія несомнѣнно могутъ оказать доброе воспитывающее вліяніе на дѣтей. „Исторія съ моими часами“ хотя принадлежитъ Ауэрбаху, но мало заключаетъ въ себѣ поучительности и интереса и не производитъ ровно никакого впечатлѣнія. Статья „Степанъ и его лошадка“ имѣетъ, повидимому, гуманную цѣль — возбудить въ дѣтяхъ чувство состраданія и къ бѣднымъ людямъ, и къ „бѣднымъ лошадкамъ“, но нельзя сказать, чтобы была она составлена удачно: въ ней просто нанизаны одно за другимъ разные событія безъ всякой видимой связи и нужды, совершенно искусственно. Статья „Изъ воспоминаній дѣтства“ представляетъ мало интереснаго и не вполне удачна по концепціи; это произведеніе — „изъ дѣланыхъ на заказъ“, оттого оно лишено теплаго согрѣвающего чувства, вѣянія жизни, которое одно можетъ обаятельно дѣйствовать на дѣтей и увлекать ихъ волю. Разказы о высокихъ подвигахъ честности и самоотверженія тогда только оказываютъ сильное вліяніе на читателей, когда въ нихъ слышится биченіе пульса, когда въ нихъ есть жизнь, а г-жа Цибрикова думаетъ вложить „душу живую“ въ разказъ разговорами, да изображеніемъ разныхъ чувствъ, дѣлая это совершенно искусственно. Притомъ же честность, борющаяся за правду въ интендантскомъ дѣлѣ морскаго вѣдомства, едва ли благодарное поле для дѣтскихъ разказовъ, едва ли дѣтямъ доступны тѣ слѣбныя житейскія отношенія, какія возникаютъ на этомъ полѣ; было бы лучше взять сферу попроче и поближе къ дѣтскому кругозору.

Во II-мъ (VIII) томѣ помѣщены слѣдующія беллетристическія произведенія: „Фульвій“ — разказъ изъ древней римской исторіи временъ упадка Рима, гдѣ описывается противоположность жизни богатыхъ гражданъ и пролетаріевъ. Содержаніемъ разказа служатъ солъ Фульвія, бѣдняка, видѣвшаго себя во снѣ знаменитымъ патриціемъ и потомъ пробудившагося въ своей жалкой обстановкѣ, которая стала для него еще невыносимѣе. Трудно сказать, какая идея руководила при этомъ авторомъ. Исхода бѣдняку Фульвію не дано никакого. За чѣмъ онъ послѣ сна ни брался, все не удавалось ему. „Между тѣмъ годы шли, Фульвій старѣлся, силы въ немъ и охота къ дѣятельности пропали, *убити и невозможностью*“. Извѣстно, что Римляне находили

исходъ изъ такихъ положеній въ разнообразныхъ видахъ самоубійства; авторъ весьма благоразумно минуеъ этотъ исходъ, и заставляетъ Фульвію мириться съ судьбою; но заключительныя слова Фульвіи ровно ни на что не намекають: „эхъ, думалъ онъ иногда, коли нечего ждать отъ нея (фортуны) лучшаго на самомъ дѣлѣ, такъ хотъ бы во снѣ она опять потѣшила меня“. Фульвій представленъ обезсиленнымъ въ концѣ и „убитымъ невозможностью“; заключительная тирада намекаетъ на какое-то созерцательное ожиданіе иллюзій отъ фортуны, хотя бы во снѣ, но смысла во всемъ этомъ мы никакого не видимъ. Если „Фульвія“ нельзя признать статьей вредною, то во всякомъ случаѣ она является неподѣланною, безцѣльною и потому не удачною. Здѣсь интересно только описаніе жизни богатыхъ Римлянъ, сдѣланное довольно живо и сдержанно. Статья „Дѣти—друзья голодающихъ“—маленькій симпатичный разказъ о добромъ дѣлѣ, какое сдѣлали дѣти-школьники одному бѣдняку. Разказъ „Трубадуръ“ г. Самойловича написанъ живо, со смысломъ; мораль его очень проста: „нужно любить добро, правду, людей и никому не дѣлать зла“, но въ разказѣ эти мысли согрѣты теплотою внутренняго чувства, онѣ искусно воплощены въ лицахъ и дѣйствіяхъ, такъ что дѣти вынесутъ добрыя впечатлѣнія изъ этой статьи. Разказъ „Прерванная вечеринка“, очевидно, переводный, написанъ недурно, только съ значительною дозой сентиментальности; тотъ же характеръ носитъ и маленькій разказъ изъ послѣдней франко-прусской войны: „Любите враговъ вашихъ“. Разказъ „Два выстрѣла“ написанъ мастерски, но мораль его едва ли доступна дѣтямъ; хотя въ сущности цѣль разказа—внушить дѣтямъ состраданіе къ живымъ существамъ, чтобы никого не лишать жизни, даже хищнаго ястреба, истребителя птицъ, но мысль эта такъ обставлена, что едва ли дѣти будутъ въ состояніи ее уразумѣть. Впрочемъ, авторъ самъ и не рѣшаетъ ничего; онъ только желаетъ навести читателей на размышленіе о томъ, нельзя ли обойтись безъ уничтоженія живыхъ существъ, такъ чтобы все существующее развивалось, трудилось и жило на добро, выполнило свое назначеніе. Разказъ „Отважный пастухъ“ написанъ очень живо и увлекательно; по приложенію къ нему картина „орелъ, похищающій пятилѣтнюю дѣвочку“—слишкомъ жестка для дѣтскаго чувства, такихъ картинокъ лучше бы избѣгать. Статья „Наѣздница“ гуманна по идѣ; разказъ о тяжелой жизни дѣвочки, которая въ циркѣ кажется веселою, торжествующею, а въ сущности, голодна и вѣчно осуждена на опасность сломить себѣ шею, и смѣется для публики съвозъ слезы,

можетъ пробудить сожалѣніе къ этимъ бѣднымъ существамъ и отучить наслаждаться тѣмъ, что въ сущности составляетъ тяжелый и неблагодарный, часто унижительный, трудъ. Впрочемъ, по нашему личному убѣжденію, дѣтей вообще не слѣдовало бы таскать по циркамъ, — это почти тоже, что поить дѣтей виномъ — здѣсь слишкомъ много раздражающихъ впечатлѣній, не дѣтскихъ и потому не педагогическихъ элементовъ. Статья „Моя мать“ написана очень тепло и задушевно, весь разказъ проникнутъ не поддѣльнымъ расположеніемъ къ добру; простота и искренность составляютъ одно изъ лучшихъ его достоинствъ. „Графена Савишна“ — небольшой, но проникнутый чувствомъ разказъ; общая мысль его — „не стыдись бѣдности“ — проведена въ разказѣ довольно искусно. Вотъ и всѣ статьи belletristическаго характера разбираемаго изданія. Не смотря на нѣкоторыя слабыя стороны указанныхъ выше статей, въ виду трудности выполненія задачъ дѣтской литературы, можно одобрить ихъ для чтенія дѣтей не безъ пользы. Нельзя не отмѣтить общаго ихъ достоинства, что мораль нигдѣ не навязывается дѣтямъ насильственно, но вносится, какъ существенный элементъ, въ самое содержаніе разказовъ такъ, что учить не моралистъ, а самое дѣло.

Затѣмъ мы должны указать еще нѣсколько статей, имѣющихъ своєю цѣлью пробудить въ дѣтяхъ уваженіе къ труду, показать силу знанія и примѣненіе его въ современныхъ великихъ предпріятіяхъ. Сюда принадлежатъ рядъ статей, подъ рубрикой: „Чудеса нашего времени“. Здѣсь очень живо, наглядно и вполне доступно для дѣтей излагаются постройки: а) Суэскаго канала, б) желѣзной дороги отъ Атлантическаго къ Тихому океану, с) тоннель черезъ гору Монъ-Сенисъ въ Альпахъ. Статьи эти написаны съ знаніемъ дѣла и вполне достигаютъ своей цѣли, тѣмъ болѣе, что снабжены прекрасными картинками, увеличивающими интересъ и занимательность разказовъ. Сюда же должно отнести статью „Изобрѣтатели воздушныхъ шаровъ“, гдѣ передается рядъ опытовъ, имѣвшихъ цѣлю овладѣть воздушнымъ пространствомъ, какъ средствомъ для сообщенія и путешествія; затѣмъ статья „Дѣти-работники“, гдѣ въ двухъ небольшихъ разказахъ авторъ довольно живо описываетъ, какъ рано дѣти въ деревняхъ начинаютъ трудиться, приобретаютъ замѣчательную смѣтливость, ловкость и проворство. Оба разказа (г-жи Быковой) весьма хороши и навѣрное окажутъ доброе впечатлѣніе на дѣтей, заставитъ ихъ полюбить трудъ и смотрѣть съ уваженіемъ на трудовую жизнь поселянина. Наконецъ, въ статьѣ „Водолазы“ дѣти знако

нятся съ тѣми трудностями, какія приходится побѣждать человеку въ борьбѣ съ природой; благодаря приложеннымъ картинкамъ, они наглядно могутъ познакомиться съ тѣми приборами, которые въ послѣднее время изобрѣтены для водолазовъ и значительно облегчаютъ трудности работы подъ водою. Разказъ написанъ весьма живо и интересно.

b) Что касается *историческихъ* статей, то ихъ очень мало, всего двѣ: „Ермакъ разбойникъ“, изображающая подвиги удалцовъ Ермака при завоеваніи Сибири, и статья „Петръ Великій“, представляющая небольшой разказъ о преобразователѣ Россіи; послѣдняя, по интересу предмета, могла бы быть лучше обработана.

c) Мало дано статей и по географіи, а именно „Фрисландскіе острова“, очеркъ довольно картинно, впрочемъ, написанный; „Зимовка на Новой землѣ“—весьма живая статья, отличающаяся бойкою, чисто русскою рѣчью, которая, впрочемъ, не впадаетъ въ грубый вульгарный топъ, чѣмъ обыкновенно страдаютъ попытки говорить языкомъ „народнымъ“; и наконецъ, разказъ подъ заглавіемъ: „На островѣ Питкернѣ съ 1787 по 1857 годъ“, живой по изложенію, интересный по содержанію.

d) *Этнографическихъ* статей сравнительно тоже не много. Статья „Какъ празднуютъ новый годъ Японцы“, представляетъ довольно интересный и обстоятельный очеркъ взятой темы, отчасти пополненный историческими свѣдѣніями. Статья „Земля Чукчей и Коряковъ“ очень бойко написана и картинно представляетъ бытъ этихъ инородцевъ, хотя нѣкоторыя грубыя подробности этого быта можно бы и опустить. Статья „Дикари“ написана очень хорошо, но и здѣсь авторъ вдавался въ такія подробности эскимосскаго обжорства, которыя едва ли для дѣтей удобны,—они слишкомъ омерзительны и могутъ вызвать только чувство отвращенія къ Эскимосамъ (стр. 304). Конечно, авторъ далеко отъ глумленія надъ дикарями, и даже старается вызвать чувство состраданія къ нимъ, но можно достигнуть этого (и едвали не удачнѣе), не приводя картинокъ, подобныхъ упомянутой. Затѣмъ этнографіи же посвящена статья „Русскіе наряды“, написанная, впрочемъ, не особенно мастерски.

e) Но особенно обильно „Дѣтское чтеніе“ статьями *естественно-описательнаго* характера. Правда, что большинство ихъ представляетъ очень коротенькое изложеніе взятаго предмета, но все же онѣ составляютъ главное содержаніе книги¹⁾. Извѣстно, что иностранные

¹⁾ Въ первомъ томѣ (Т. VII) разсматриваемаго года помѣщены: «Шеничка», «Лель», «Соха», «Липа», «Что можно дѣлать изъ тыквы?», «Глицинтова луко-

дѣтскіе журналы переполнены подобнаго рода очерками; но едва ли разумно слѣдовать этому примѣру, тѣмъ болѣе, что статейки эти отрывочны, въ большинствѣ сухи и далеко не всѣ занимательны,—многія представляютъ какъ бы просто выдержку или отрывокъ изъ учебника естественной исторіи, иныя слишкомъ явно написаны „на заказъ“: лишь бы сказать что-нибудь о предметѣ. Есть, впрочемъ, статьи очень хорошія. Такъ статья *Лисица* написана живо, картинно и драматично, хотя олицетворенія и здѣсь доходятъ до излишества. У дѣтей и безъ того воображеніе дѣйствуетъ очень сильно. Статья „Родникъ“ безукоризненно написана, наглядно, живо, интересно и повѣрное дѣтямъ понравится, но въ статьѣ „Роза“ слишкомъ много дано мелкихъ подробностей, отъ чего она мало пригодна для дѣтей. Статья „Лепъ“ принадлежитъ къ числу лучшихъ въ этомъ отдѣлѣ. Написана она очень живо, наглядно, симпатично; подробности обработки льна изображены картинно; статья имѣетъ отчасти даже этнографическій характеръ въ изображеніи русской жизни. Прекрасны гравюры сообщаютъ этой статьѣ еще большій интересъ. „Собираніе растений“ г. Висковатова изложено довольно практично, но напрасно авторъ нагружаетъ собирателей ненужнымъ обиліемъ инструментовъ (стр. 343), дѣло можетъ идти гораздо проще; вмѣсто „треугольной“ лопаточки, долота, молотка, длинной палки съ крючкомъ на концѣ и жестяныхъ капсулъ, весьма достаточно палки съ острымъ наконечникомъ, складнаго ножа и двухъ-трехъ дестей бумаги въ маншѣ. По собственному же опыту мы можемъ сказать, что растения гораздо лучше, сейчасъ же послѣ выкапыванія, и расправляютъ между листьями. Равнымъ образомъ неудобно прикрывать растеніе въ гербаріѣ, какъ авторъ совѣтуетъ, нитками или полосками бумаги; для этого обыкновенно прекрасно служитъ гущу *tabicum*, которою намазывается листъ бумаги; высушенный и разрѣзанный на длинныя тоненькія полоски, онъ весьма удобенъ для этой цѣли. Очень недурны статьи: „Соха“, „Хомякъ“, особенно „Лица“, гдѣ наглядно изображена обра-

вица», «Роза», «Лѣто», «Корова», «Муравейникъ», «Хомякъ», «Лисица», «Автоміо-Шимпанзе», «Черепашка», «Жирафы», «Родникъ», «Уходъ за прирученными животными» (кролики, зайцы, морскія свинки); во II-мъ томѣ (Т. VIII): «Уходъ за прирученными животными» (хомякъ, сова, собака, кошка, ежъ), «Собираніе насекомыхъ», «Шерстяное платье», «Стекло», «Камень», «Уголь», «Селитра и сѣра», «Лошадь», «Дроздовидная кнѣмешевка», «Саговая пальма», «Бумаго-ростеніе», «Сахарный кленъ», «Жукъ-Голіаѳъ», «Шалить», «Городская ласточка», «Сусликъ», «Дикіе слоны», «Осень», «Рѣчные наносы», «Буда улетаютъ птицы на зиму». Всего 36 статей.

ботка у насъ лица и ея различныя примѣненія въ сельскомъ быту. Въ статьѣ „Муравейники“ довольно живо изображена жизнь муравьевъ; статья „Пшеничка“, хотя и хорошо написана, но слишкомъ въ ней много подробностей. Во II томѣ статья „О небѣ и звѣздахъ“ г. Аргамакова написана просто и наглядно. Статья „Дикіе слоны“ картинно и драматически изображаетъ опасности охоты за этими животными. Статья „Рѣчные наносы“ написана толково; но въ одномъ мѣстѣ ея авторъ говоритъ, что правый берегъ Волги, начиная отъ Астрахани, верстахъ въ 100 и далѣе, гористъ, „лѣвая же сторона остается луговою до самаго Нижняго-Новгорода“ (стр. 59). Это не точно. Авторъ забылъ, вѣроятно, что извѣстныя Жигулевскія горы тянутся (повыше Самары) на довольно значительномъ пространствѣ съ обѣихъ сторонъ Волги и представляютъ цѣпь довольно высокую, какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны. Статья „Собираніе насѣкомыхъ“ заключаетъ въ себѣ подробности для совершенія энтомологическихъ экскурсій; написана она съ знаніемъ дѣла и довольно обстоятельно, но можно сомнѣваться въ пользѣ для дѣтскаго развитія энтомологическихъ экскурсій, — замѣчено, что умерщвленіе разнаго рода насѣкомыхъ, конечно, неизбѣжное, содѣйствуетъ образованію въ дѣтяхъ чувства жестокости, что весьма не желательно. Статья „О купаніи и плаваніи“ г. Герда написана просто, практично и прочтется не безъ пользы, хотя едва ли она кого научитъ плавать; но если дѣти узнаютъ нѣкоторыя предосторожности, полезныя совѣты, то и это хорошо. Что касается до статьи „Укрощеніе львовъ“, то хотя она написана очень легко и живо, но картина укрощенія разъяренныхъ животныхъ въ клеткахъ, и въ описаніи, и въ дѣйствительности, намъ кажется, неудобна для дѣтей: она производитъ слишкомъ сильное впечатлѣніе на юное чувство, слишкомъ волнуетъ душу чувствами страха, томительнаго ожиданія, иногда и ужаса. Все, что приводитъ чувства дитяти въ чрезмѣрно напряженное состояніе, нельзя назвать педагогическимъ. Страшная забава, которую нерѣдко можно видѣть въ циркахъ, гдѣ укротители животныхъ подвергаютъ себя передъ публикой явной опасности, вообще заслуживаетъ осужденія; въ народѣ подобныя зрѣлища, какъ это доказано историческими опытами, только возбуждаютъ дикіе, иногда даже кровожадные, нечеловѣческіе инстинкты. Что за наслажденіе смотрѣть, какъ человѣкъ рискуетъ жизнію, драгоценнѣйшимъ даромъ, изъ за грошей или пустаго тщеславія! У каждаго человѣка есть свое человѣческое назначеніе, а это какое-то самоудовольствованіе. Автору слѣдовало бы, не ограничиваясь картинами укро-

щенія львовъ, прямо и рѣшительно осудить подобныя зрѣлища, и нельзя не пожалѣть, что онъ отъ этого уклонился. Статья „Уголь, селитра и сѣра“ очень суха и мало интересна. „Похищеніе хиппаго дерева“—очень хорошая статейка, равно какъ и слѣдующая за ней статья г-жи Быковой „Сусликъ“. „Уходъ за прирученными животными“ и въ этомъ томѣ обработанъ тщательно, только авторъ вдается здѣсь въ такія мелочи и подробности, которыя едва ли не излишни. Конечно, можно имѣть въ домѣ и собаку, и кошку, и ежа и т. п., но сдѣлать уходъ за ними, особенно же дрессировку, напримѣръ собаку, предметомъ какой-то специальности, совсѣмъ не желательно. Напримѣръ, въ статьѣ „Собака“ авторъ излагаетъ какъ бы цѣлую „собачью педагогію“ (кѣнагогія), гдѣ встрѣчаются, слѣдующіе совѣты: „Никогда не должно учить собаку двумъ вещамъ сразу, а непременно постепенно одной вещи послѣ другой“ (стр. 169); „Не позволяйте вашему ученику (sic) убѣгать во время урока и слушаться васъ“ (ibid); „Не слѣдуетъ учить собаку заразъ очень долго и часто въ теченіе дня“ (ibid); „Если собака лѣнится, не хочетъ учиться, то *накажите* ее; ужь если ничто другое не поможетъ, *ударьте* (sic), но никогда не наказывайте слишкомъ строго“ (стр. 168) и т. п. Подробно описывается, какъ учить собаку „фокусамъ“, при чемъ авторъ увѣряетъ, что „проучившись около 14-ти дней, ваша собака выучится сидѣть, не прислоняясь ни къ чему“ (стр. 169) и т. д. Статья „Камень“ написана многословно, болтливо, съ излишними иногда отклоненіями отъ предмета (напримѣръ, на стр. 202 авторъ совершенно некстати толкуетъ объ электричествѣ). Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Расколите *любой* камень, найденный вами на полѣ, на дорогѣ, на городской мостовой, и вы увидите, что онъ состоитъ изъ малиновыхъ разноцвѣтныхъ камешковъ, *именно изъ такихъ же*, изъ какихъ состоятъ скалистыя горы Финляндіи“ (стр. 205). Горы финляндскія состоятъ изъ гранита; но камешки на поляхъ и на дорогѣ не всѣ отложения гранита, есть камни песчаниковые, известковые, гипсъ, мраморъ и проч. Авторъ сказалъ слишкомъ много. Небольшая картина „Осень“ очень хорошо написана. Вообще, гдѣ въ описаніи природы вносится этнографическій и бытовой элементъ (въ „Осени“— работы поселянъ), тамъ является живость, интересъ и занимательность. Хороши статьи: „Городская ласточка“, „Стекло“, „Павлинь“.—„Шерстяное платье“ г-жи Быковой выдается по оригинальности концепціи и интересу. Статья эта можетъ служить очень хорошимъ матеріаломъ для наглядной бесѣды объ „Овцѣ“ и ея про-

дуктахъ. „Куда улетаютъ отъ насъ птицы на зиму“, „Папирусъ“, „О судоходствѣ“, „Лошадь“ — прочтутся съ интересомъ. Статья „О змѣяхъ“ была бы очень хороша, если бы не было въ ней нѣкоторыхъ слишкомъ жесткихъ подробностей о тѣхъ представленіяхъ, какія даютъ со змѣями индѣйскіе фокусники; впрочемъ, и въ настоящемъ своемъ видѣ она интересна и удобочитаема. Тоже слѣдуетъ сказать и объ „Охотѣ на волковъ“. Вообще мы противъ всякихъ слишкомъ жесткихъ, кроваваго характера картинъ, дѣйствующихъ чрезмѣрно рѣзко на нервную систему, слишкомъ возбуждающихъ чувствительность дѣтской натуры. Впечатлѣнія тихія и ровныя гораздо плодотворнѣе.

Что касается чистоты и правильности языка статей „Дѣтскаго Читенія“, то вообще говоря, всѣ статьи обработаны тщательно и со вниманіемъ; нами усмотрѣны только немногіе промахи въ этомъ отношеніи. Такъ, на стр. 7-й (VII т.): „Намъ про все это объяснить“... вм. все это объяснять. На стр. 14: „Черепъ лисицы можетъ служить образцомъ черепа“, — здѣсь, вѣроятно, пропущено слово „животнаго“. Попадаются выраженія мѣстные, напримѣръ, на стр. 494-й „суслопы“, слово малозвѣстное; на стр. 493-й „обмозжиться“ — тоже. На стр. 466-й (у г-жи Цебриковой) встрѣчается: „я была задумавшись“, — оборотъ рѣчи совершенно неправильный, хотя употребительный. Въ статьѣ „Собираніе растений“, въ одномъ мѣствѣ авторъ называетъ бумагу *проточною* (стр. 344), въ другомъ *протскучею* (стр. 347), а въ третьемъ *протскучею* и *протсчною* (стр. 350), а бумага эта обыкновенно называется *пропускою*. Эпитетъ же *проточный* къ бумагѣ совсѣмъ и не идетъ, его примѣняютъ къ водѣ (проточная вода). На стр. 294: „Умъ ихъ (дикарей) очень не развитъ“: сказать очень мало развитъ — можно; но если не развитъ, то *очень* уже не годится, ибо частица *не* даетъ полное отрицаніе развитія и *очень*, значитъ, будетъ усиливать то, чего пѣтъ. На стр. 197-й есть опечатка въ годахъ — 1852 года вм. 1552 года (покореніе Казани). На стр. 168: „избы всю зиму-то пустыя стоятъ, такъ непріятно такъ въ нихъ“, — несвязно. Во II томѣ, на стр. 273: „меня мамка заркала“ (вм. мать звала, вликала) — выраженіе грубое и мѣстное. На стр. 272-й „дидля“, вѣроятно, опечатка — вм. дягиля (изъ котораго ребята по деревнямъ дудки готовятъ). На стр. 270 „ужасно хорошо“ — выраженіе употребительное, но весьма нескладное: что за ужасъ въ томъ, что хорошо! Вотъ и всѣ немногіе промахи, какіе усмотрѣны нами при внимательномъ прочтеніи всего изданія „Дѣтскаго Читенія“ за 1872 годъ: на два тома это очень мало.

Остается еще сказать объ *играхъ* и *замѣткахъ*, помѣщенныхъ въ разбираемыхъ книгахъ для дѣтей. Въ первой книгѣ сюда относятся: „гимнастическія задачи“, очень не дурно составленныя и весьма удобоисполнимыя. „Какъ самому сдѣлать де калькомани?“ — тоже простенькая практическая замѣтка. Во второй книгѣ: „игру въ города“ и „крокетъ“ можно рекомендовать, какъ упражненія, способствующія развитію въ дѣтяхъ ловкости и вызывающія ихъ къ движенію на вольномъ воздухѣ. Нѣсколько „задачъ“ математическаго характера, предложенныхъ въ „Дѣтскомъ Читеніи“, могутъ также не безъ пользы занять дѣтскій досугъ.

Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что все изданіе со стороны типографской безукоризненно хорошо, — опечатокъ почти нѣтъ; бумага плотная, бѣлая; печать четкая, а картинки, прилагаемыя къ тексту, почти всѣ очень хороши, удачны по концепціи, изящно и мастерски выполнены.

2) „Педагогическій листокъ“, согласно своему имени и назначенію, посвященъ рѣшенію различныхъ педагогическихъ вопросовъ и служить какъ бы дополненіемъ отдѣла „Дѣтскаго Читенія“, откуда родители и воспитатели могли бы черпать для себя полезныя указанія въ теоріи и практикѣ воспитанія и обученія дѣтей. Лучшая изъ статей „Листка“ принадлежитъ самому редактору его, г. Острогорскому: „Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми“. Статья эта, довольно обширная по объему, составлена съ отличнымъ знаніемъ дѣла и серьезнымъ педагогическимъ тактомъ. Авторъ ся имѣлъ цѣлю указать въ каждомъ изъ избранныхъ авторовъ все, съ одной стороны, доступное дѣтямъ по языку и содержанію, а съ другой — представляющее добрыя чувства, мысли и образцы, которые желательно запечатлѣть въ дѣтской душѣ, какъ основаніе для образованія сердца и воображенія. Авторъ настаиваетъ на необходимости возможно близкаго знакомства дѣтей съ избранными произведеніями отечественныхъ авторовъ, такъ, чтобы ребенокъ не только охотно читалъ эти произведенія, но полюбилъ ихъ, перечитывалъ и даже охотно заучивалъ наизусть. „Дѣтская память, замѣчаетъ авторъ, легко усваиваетъ то, что нравится, и люди, знающіе въ дѣтствѣ наизусть много образцовъ, впоследствии лучше говорятъ и пишутъ“ (стр. 13). Съ этою цѣлю авторъ дѣлаетъ внимательный выборъ сочиненій, пригодныхъ въ педагогическомъ отношеніи, причемъ имѣлъ въ виду дать:

1) Матеріалъ для объяснительнаго чтенія, какъ средство къ уразумѣнію словъ, частей сочиненія и наконецъ общаго его содержанія.

- 2) Матеріалъ для пересказа прочитаннаго.
- 3) Матеріалъ для разумнаго заучиванія стиховъ наизусть.
- 4) Матеріалъ для письменныхъ работъ.
- 5) Матеріалъ для занятій грамматическихъ и диктовки.
- 6) Ознакомить дѣтей съ избранными писателями, въ той мѣрѣ, въ какой это доступно и полезно въ дѣтскомъ возрастѣ.

Авторъ выбираетъ произведенія писателей, наиболѣе распространенныхъ въ семьѣ и школѣ, именно: Крылова, Пушкина, Жуковского, Гоголя и Лермонтова.

Было бы слишкомъ продолжительно излагать обстоятельно содержаніе прекраснаго труда г. Острогорскаго; скажемъ только, что поставленныя имъ задачи выполнены удовлетворительно, взгляды его на дѣло педагогически вѣрны, а выборъ статей для чтенія изъ авторовъ отличается строгостью и разумнымъ критическимъ тактомъ. Какъ на образецъ такого отношенія къ дѣлу укажемъ хотя на отзывъ почтеннаго автора о произведеніяхъ Гоголя, столь увлекательно написанныхъ и читаемыхъ не рѣдко дѣтьми, — „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что въ нихъ слишкомъ много фантастическаго. „Цѣлью дѣтскаго чтенія, говоритъ онъ, должно быть здоровое воспитаніе воображенія и добраго чувства, поселеніе (въ душѣ дитяти) истинныхъ, реальныхъ, преимущественно свѣтлыхъ образовъ, а не одно занятіе празднаго досуга“. Указавъ затѣмъ всю „чертовщину“, какою переполнены „Вечеръ наканунѣ Ив. Купала“, „Страшная мѣсть“, „Майская ночь или утопленница“, „Ночь предъ рождествомъ“, „Заколдованное мѣсто“, „Пропавшая грамота“, „Сорочинская ярмарка“ и „Шпонька“, авторъ замѣчаетъ, что ужасы всякаго рода, которыми переполнены всѣ эти разказы, имѣющіе мѣсто еще въ народныхъ преданіяхъ, — „не для дѣтей“. „Мы знали, говоритъ онъ, такихъ маленькихъ читателей, которые не могли, по прочтеніи этихъ повѣстей, спать цѣлую ночь и пристращались къ подобнаго рода произведеніямъ до того, что теряли вкусъ ко всему, что не имѣло подобнаго черезъ-чуръ разжигающаго воображеніе сюжетовъ“. Замѣчаніе это вполне вѣрно и мы лично имѣли случаи сами наблюдать подобнаго же явленія. Справедливо и то, что, напримѣръ, „Ночи предъ Рождествомъ“ представляетъ множество совершенно не дѣтскихъ подробностей, могущихъ вызвать съ ихъ стороны такіе вопросы, на которые дѣтямъ щекотливо и слишкомъ рано отвѣчать. Вообще авторъ относится къ дѣлу весьма серьезно и прекрасную его статью можно съ пользою рекомендовать учителямъ отечественнаго языка. Изъ дру-

гихъ статей „Листка“ — „Совѣтъ педагога, какъ совѣтъ доктора“ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что съ докторами родители совѣтуются, съ педагогами—никогда, хотя область воспитанія весьма сложна и трудна и здѣсь всего бы умѣстнѣе также обращаться за совѣтами къ опытнымъ специалистамъ. Авторъ представляетъ соображенія, какъ осуществить эту мысль. Ст. д-ра Кленке „Лихорадка у дѣтей“ представляетъ практическіе совѣты родителямъ, какъ лечить дѣтей отъ этой болѣзни. Подобный же характеръ имѣетъ в статья „Домашнія средства при леченіи больныхъ дѣтей“. Статья г. Волкова „Новый способъ обученія началамъ геометріи, основанный на рѣшеніи задачъ, изъ геодесіи“ составлена дѣльно, съ толкомъ и можетъ быть рекомендована съ пользою наставникамъ этого предмета. Ст. „Занкание и причины его, лежащія въ домашнемъ воспитаніи“, — переводъ изъ журнала „Cognitia“, составлена ясно, съ знаніемъ дѣла и можетъ съ пользою послужить въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣти занкаются. () статья: „Лѣшій, водяной и домовый“ уже говорено выше. „Письма пріятеля“ о разныхъ педагогическихъ вопросахъ представляютъ семейную бесѣду и хотя заключаютъ нѣсколько дѣльныхъ замѣтокъ, но вообще говоря они мало интересны для читателя. „Замѣтка о лѣвшахъ“, по Волфраму, не бесполезна для педагоговъ; но статья „Два слова о цѣляхъ воспитанія“ написана нѣсколько отвлеченно; наконецъ, замѣтка „Дѣти и прислуга“ затрогиваетъ весьма важный вопросъ о значеніи прислуги въ дѣлѣ воспитанія и прочтется родителями съ интересомъ. Нѣсколько летучихъ мелкихъ свѣдѣній и замѣтокъ дополняютъ этотъ отдѣлъ.

Что касается библіографіи „Листка“, то вообще говоря, она ведется очень толково, хотя иногда и очень легко, но всегда сдержанно, доброжелательно, деликатно, что въ наше время, когда нерѣдко критика обращается въ личную перебранку, встрѣтить особенно пріятно. Отзывы о книгахъ вообще кратки, не многословны, — это тоже достоинство. Отмѣтимъ нѣкоторые недостатки этого отдѣла. Такъ, книжка г. Бѣлова „Изъ жизни“ разсмотрѣна довольно поверхностно (здѣсь, между прочимъ встрѣчается выраженіе „отплевтваніе отъ фортепiano“ (стр. 68). Въ разборѣ „Сборника игръ для дѣтей“ г-жи Игнатовичъ сказано, что нужно дѣлать выборъ игръ, безъ чего игра можетъ принести даже вредъ (стр. 71), а не показано, какія игры редакція полагала бы рекомендовать, какія, напротивъ, не желательно было бы примѣнять, — а между прочимъ этимъ указаніемъ она дѣйствительно услужила бы лицамъ, имѣющимъ помянутый „Сборникъ“. Задача пе-

педагогической журналистики — служить указателем и проводником здоровых и ясных воззрений. Очень также поверхностно оценены книги г-жи Богдановой „Годъ въ деревнѣ“ и Корфа „Малютка“, — въ послѣдней редакціи наша даже „оригинальность замысла“, тогда какъ книжечка эта есть простое примѣненіе идей, давно высказанных Ушинскимъ, и примѣненіе притомъ весьма неудачное. Впрочемъ, и сама редакція „Листка“ объ этой книжкѣ не высокаго мнѣнія. Остальные рецензіи коротко, ясно и вѣрно даютъ отзывы о важнѣйшихъ явленіяхъ въ нашей педагогической литературѣ 1872 года.

Заключая нашъ разборъ „Дѣтскаго Чтенія“ за 1872 годъ, мы опять повторимъ, что это журналъ дѣльный и вполне заслуживающій со стороны публики поддержки и вниманія. Со стороны редакціи видно желаніе, строго держась предѣловъ своей программы, употребить усилія сдѣлать журналъ полезнымъ и интереснымъ для читателей. Редакція не задается задачами чрезмѣрно широкими, не даетъ широковѣщательныхъ обѣщаній, но все принятыя на себя передъ публикой обязательства, она выполняетъ добросовѣстно. Въ обстоятельномъ обзорѣніи содержанія цѣлаго года разсматриваемаго изданія мы тщательно старались не только отмѣтить промахи и ошибки, но указать и все лучшія стороны. Критика не должна быть придирчивою, но въ то же время она должна быть строго-внимательною и справедливою. Мы надѣемся, что почтенная редакція „Дѣтскаго Чтенія“ не упрекнетъ насъ въ односторонности или пристрастіи и благодушно приметъ нѣкоторые замѣчанія, которыя сами собою вытекаютъ изъ представленнаго выше обзора ея изданія:

а) Впервые, хотя редакція и старается стоять на почвѣ дѣйствительности во всехъ статьяхъ своихъ сотрудниковъ, но почва эта, за весьма немногими исключеніями, чисто *абстрактная*, если можно такъ выразиться, универсальнаго характера. Мы не преувеличимъ дѣла, сказавъ, что если „Дѣтское Чтеніе“ перевести на какой-либо изъ европейскихъ языковъ, то едва ли можно догадаться, что это переводъ съ русскаго. Мы хотимъ сказать, что русская природа, русская жизнь, нашъ народный характеръ весьма мало затронуты въ „Дѣтскомъ Чтеніи“, что оно почти не отличается духомъ *національности*. Мы знаемъ, что многіе скептически и насмѣшливо относятся къ требованію народности въ воспитаніи; но, тѣмъ не мѣнѣе, мы глубоко убѣждены, что только самобытное, въ истинно народномъ духѣ, воспитаніе юношества можетъ послужить во благо и родинѣ, и воспитываемымъ сынамъ ея, каждому въ отдѣльности. Когда-то

космополитизмъ, абстрактный, егда универсальный гуманизмъ, увлекать педагоговъ; теперь эти призраки никого не обманутъ. Потребности насущной жизни, живая дѣйствительность, народная индивидуальность давно уже получили полное признаніе своихъ правъ въ воспитаніи. Конечно, общеловѣческіе элементы и нынѣ невидѣлимы изъ воспитанія, но они развиваются на базисѣ индивидуальныхъ, народныхъ и личныхъ основъ. Истинное наше воспитаніе должно быть русскимъ воспитаніемъ, должно воспитывать русскихъ дѣтей, которымъ должны быть близки, понятны и дороги всѣ живые элементы нашей народной жизни. Вотъ почему мы желали бы встрѣтить въ „Дѣтскомъ Читеніи“, по возможности, больше разказовъ изъ русской жизни, изъ нашего прошлаго, очерковъ нашей родной природы, описаній бытовыхъ, чисто русскихъ разказовъ, которые благотворно бы повліяли на развитіе въ дѣтяхъ чувства національности, а впоследствии послужили бы основою для сознательной и кровной связи съ народомъ каждаго изъ сыновъ его. Пробѣлъ въ этомъ отношеніи въ „Дѣтскомъ Читеніи“ очевиденъ. По большей части статьи его до того безличны, лишены даже признаковъ народной индивидуальности, что онѣ съ удобствомъ могли бы явиться въ любомъ заграничномъ педагогическомъ изданіи, — мѣсто такой литературы вездѣ, и нигдѣ, — послѣднее нужно разумѣть въ смыслѣ живаго воспитательнаго вліянія на личность читателей — дѣтей. Мы полагаемъ, что журналъ, имѣющій цѣлю содѣйствовать интеллектуальному и нравственному воспитанію юношества, много выигралъ бы, осуществивъ требованіе народности въ выборѣ и обработкѣ своего матеріала.

b) Затѣмъ мы уже замѣтили выше, что разказовъ по исторіи, географіи и этнографіи „Дѣтское Читеніе“ заключаетъ въ себѣ очень немного. Это также недостатокъ. Исторія, особенно отечественная, въ воспитательномъ отношеніи имѣетъ самое обширное значеніе и примѣненіе. Въ ней все наше прошлое, все нами (въ смыслѣ единого цѣлаго народа русскаго) пережитое; въ ней откровеніе народнаго нашего духа, самыя дорогія наши преданія, въ ней нами пережитыя страданія и радости... Нужно ли говорить, въ какой степени исторія представляеть благодарнѣйшій матеріалъ для обработкы, сколько жизни, интереса, привлекательности въ ея событіяхъ и лицахъ, неизмышленныхъ, но дѣйствительныхъ, слѣдовательно, доступныхъ для подражанія? Словомъ, пренебреженіе историческимъ элементомъ мы называемъ большимъ промахомъ со стороны дѣтской журналистики. Въмѣсто того, чтобы воспитывать дѣтей на призракахъ, на измышлен-

ныхъ событіяхъ, не лучше ли обратиться къ неисчерпаемому источнику воспитательнаго вліянія, къ пережитой дѣйствительности, къ исторіи? Тоже слѣдуетъ сказать и объ этнографическихъ разказахъ, а равно и географическихъ описаніяхъ. Обѣ эти сферы въ „Дѣтскомъ Читеніи“ почти опущены безъ вниманія, а между тѣмъ, вмѣстѣ съ отечественною исторіею, этнографія и географія родной страны по справедливости должны служить однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ дѣтскаго чтенія.

с) Наконецъ, чрезмѣрный, доходящій до излишества, избытокъ мелкихъ естественно-описательныхъ статей также не служитъ къ выгодѣ журнала, ибо составленіе ихъ—дѣло самое не хитрое и почти всякому доступное; но самый онѣ журналъ обезличиваютъ, особенно если предметы для описаній берутся не изъ родной природы, не изъ окружающаго міра, а изъ среды намъ чуждой, изъ областей неизвѣстныхъ. Конечно, не нужно быть ригористомъ и здѣсь, — при дѣльной обработкѣ изрѣдка помѣщаемыя статьи и въ этомъ родѣ не лишні, но наполнять ими журналъ намъ кажется неудобнымъ. Если справедливо, что главная задача воспитанія—образованіе характера, если журналъ „Дѣтское Читеніе“ желаетъ оказать дѣйствительную услугу воспитанію, то ему нужно чаще обращаться къ міру человеческой дѣятельности и отсюда, изъ этого разнообразнаго источника, черпать для себя живое содержаніе. Конечно, задача эта весьма трудна; какъ выборъ матеріала, такъ и обработка его потребуютъ значительно болѣе искусства отъ авторовъ, но не даромъ говорятъ, что чѣмъ труднѣе борьба, тѣмъ славнѣе побѣда.

С. Миропольскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

УЧЕБНЫЯ ПРОГУЛКИ И ПОѢЗДКИ ВОСПИТАННИКОВЪ У МОСКОВСКОЙ ГИМНАЗИИ

въ 1871 и 1872 годахъ.

Предъ нами лежитъ переплетенная въ книгу тетрадь упражненій учениковъ Московской 6-й гимназiи. Составилась она слѣдующимъ образомъ: г. директору означенной гимназiи, С. Н. Шафранову, пришла благая мысль предпринимать, отъ времени до времени, съ ввѣренными его попеченiю дѣтьми поѣздки и прогулки за городъ, при чемъ поручалось кому-либо изъ воспитанниковъ по возможности подробно описывать ихъ. Нечего и говорить, до какой степени могутъ быть полезны подобныя экскурси, еслибы смотрѣть на нихъ даже съ точки зрѣнiя только развлеченiя: онѣ служатъ самымъ отраднымъ отдыхомъ отъ усидчивыхъ занятiй, и если многiе изъ учениковъ могутъ пользоваться ими съ своими родственниками или знакомыми, то не слѣдуетъ забывать, что не мало между ними и такихъ, которые постоянно живутъ въ самомъ учебномъ заведенiи, да и прогулка въ многолюдномъ обществѣ товарищей, во всякомъ случаѣ, имѣетъ особый интересъ. Кромѣ того, упомянутыя поѣздки и прогулки представляютъ одно изъ лучшихъ средствъ для сближенiя дѣтей съ ихъ начальниками и наставниками, ибо дѣти привыкаютъ совершенно иначе относиться къ лицамъ, которые не только руководятъ ихъ занятiями, но принимаютъ также участiе въ ихъ развлеченiяхъ и удовольствiяхъ. Но прогулки, о которыхъ идетъ рѣчь, могутъ имѣть еще и другое, болѣе серьезное значенiе, а не даромъ въ 6-й Московской гимназiи названы онѣ „учебными“. Не говоря о Москвѣ и Петербургѣ, но и въ ближайшихъ окрестностяхъ.

многихъ другихъ нашихъ городовъ находятся мѣста, съ которыми связаны болѣе или менѣе славныя историческія воспоминанія, дороги каждому русскому по своимъ святынямъ или заслуживающія вообще, въ томъ или другомъ отношеніи, вниманія молодежи: посѣщеніе подобныхъ мѣстъ представляется не только приятнымъ, но и назидательнымъ, ибо непосредственное знакомство съ ними, если оно происходитъ подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, должно оставить въ юныхъ умахъ самыя благія впечатлѣнія. Тутъ является удобный случай возбудить въ дѣтяхъ такія чувства и сообщить имъ такія объясненія, которыя долго не будутъ забыты ими. Наконецъ, тѣ же самыя прогулки представляютъ прекрасный матеріалъ для описаній, и каждое изъ этихъ описаній должно живо интересовать не только того, кто трудился надъ нимъ, но и всѣхъ его товарищей, ибо подобныя разказы касаются общаго для нихъ дѣла.

Какимъ же образомъ были организованы учебныя прогулки и поѣздки воспитанниковъ Московской 6-й гимназіи? Въ это, чтобы разказывать объ этомъ, мы предоставляемъ слово самимъ молодымъ людямъ, которые принимали въ нихъ участіе, а именно извлекаемъ нѣсколько сочиненій изъ составленнаго ими сборника.

Поѣздка на Воробьевы горы. Духовъ день, 17-го мая 1871 года. Былъ для учениковъ VI Московской гимназіи двойнымъ праздникомъ по слѣдующему случаю: г. директоръ гимназіи объявилъ намъ, что въ упомянутый день предполагается устроить экскурсію на Воробьевы горы съ научною цѣлью ботанизованія, и что желающіе участвовать въ этой экскурсіи должны внести по 50 коп. каждый, для покупки на эти деньги провязи. Такихъ желающихъ оказалось 42 человека.

Въ назначенный день участвующіе собрались въ гимназію. Всѣмъ было роздано по баночкѣ для ловли насекомыхъ и по нѣсколькимъ листовъ пропускной бумаги для собиранія растеній! Въ половинѣ 9-го часа утра мы отправились. Погода стояла великолѣпная! солнце хотѣло и сильно жгло, но жаръ умирался влагою, оставшеюся послѣ большаго дождя, шедшаго наканунѣ. Съ нами были, кромѣ г. директора, надзиратель гимназіи г. Нитрайт, учитель древнихъ языковъ г. Киндлеръ, учитель пѣнія г. Абрамовъ и естествоиспытатель г. Теплоуховъ, который руководилъ нами при ботанизованіи. На ученика

III-го класса Кожина была возложена обязанность собирать гимназическій гербаріумъ, а на меня описать экскурсію.

Проходя по городу, мы соблюдали строгій порядокъ и никто не долженъ былъ выходить изъ пары; но въ подлѣ пары разсыпались и всѣ пошли вольно, занимаясь собираніемъ разныхъ растений, ловлею насекомыхъ, а также и разными играми.

Наконецъ, по прибытіи на Воробьевы горы, расположились мы подъ одною изъбой, въ тѣни деревьевъ, для отдыха. Здѣсь пили чай, завтракали, и потомъ, отдохнувъ немного, отправились въ рошу, растущую по уступамъ горъ. Тамъ на одномъ очень высокомъ утесѣ мы дѣли и любовались прекраснымъ видомъ на Москву, открывавшимся передъ нами. И въ самомъ дѣдѣ, что можетъ сравниться съ этимъ видомъ? Описать его подробно я не берусь, но постараюсь дать хотя общее о немъ понятіе: у подошвы крутаго берега, на которомъ мы стояли, течетъ Москва-рѣка; по ней плывутъ плоты и множество лодокъ съ отирающимися на гулянье на Воробьевы горы. Противоположный берегъ, представляетъ совершенный контрастъ съ этимъ: тамъ разстилается гладкая равнина, на которой кое-гдѣ видѣются избушки и маленькія деревянныя церкви, а тамъ еще дальше—обработанныя нивы; и наконецъ во всемъ своемъ величіи открывается городъ, занимая собою громадное пространство, зеленѣя садами и блистая на солнцѣ дѣльными сотнями золоченыхъ куполовъ и крестовъ на церквяхъ и множествомъ такихъ же орловъ на Кремлевскихъ башняхъ.

Налюбовавшись вдоволь этимъ видомъ, мы отправились въ лѣсъ. Здѣсь встрѣтили ученика IV Московской гимназіи, который несъ нѣсколько пойманныхъ имъ ужей; мы послѣдовали его примѣру и тотчасъ же начали охотиться за ними. Охота эта шла очень удачно: было поймано до 30 ужей и, между прочимъ, одинъ въ 1 арш. и 3 верш. длиною. Два изъ нихъ были взяты для гимназіи и налиты спиртомъ.

Послѣ всѣхъ описанныхъ подвиговъ, мы сѣли на самомъ берегу рѣки отдыхать. Здѣсь, съ помощію г. Теплоухова, привели въ порядокъ всѣ собранныя растенія и потомъ, сѣвши нѣсколько пѣсенъ, отправились на нашу временную квартиру.

Наше пѣніе еще съ самаго начала такъ понравилось крестьянамъ, что они повсюду слѣдовали за нами и постоянно просили г. директора, чтобы онъ позволилъ намъ еще спѣть что-нибудь, говоря: „удовольствуйте, батюшка, ужъ такъ понравилось, что и покорѣйше благодаримъ“.

Возвратившись на мѣсто нашей стоянки, мы вторично напились чаю, закусили, спѣли еще кое-что и, немного отдохнувши, отправились въ обратный путь. Проходя мимо Нескучнаго сада, зашли на нѣсколько времени въ него, и оттуда уже всѣ разошлись по домамъ. Участвовавшій въ экскурсіи ученикъ III класса VI Московской гимназіи *А. Псіоль*.

Прогулка учениковъ VI Московской гимназіи на Бородинское поле 28—30-го августа 1871 года. Вскорѣ послѣ начала уроковъ въ этомъ году, пошли разговоры о замышленной директоромъ поѣздкѣ съ учениками на Бородинское поле. Малютки изъ низшихъ классовъ носились со стихами изъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“ Жуковского и „Бородинской годовщины“ его же. Въ залѣ слышалось все чаще и чаще пѣніе хора гимназическихъ пѣвцовъ, исполнявшихъ тѣ же стихотворенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ учитель русской словесности предложилъ почти во всѣхъ классахъ объясненіе этихъ стихотвореній, заставляя произносить ихъ наизусть, а учитель исторіи напоминалъ намъ о самомъ событіи, имѣвшемъ столь великое значеніе. Наконецъ директоръ однажды, въ собраніи всѣхъ учениковъ, послѣ общей молитвы объявилъ, чтобы желающіе участвовать въ поѣздкѣ принесли письменное разрѣшеніе отъ своихъ родителей и полтора рубля каждый на путевые расходы (114 верстъ въ одинъ конецъ и на содержаніе въ теченіе почти двухъ сутокъ). Директоръ находилъ складчину въ полтора рубля достаточною, потому, что правленіе желѣзной дороги, по ходатайству гимназическаго начальства и въ уваженіе благой цѣли предпріятія, согласилось предоставить гимназіи особый вагонъ 3-го класса съ платою за мѣсто лишь по 72 коп. въ оба конца, то-есть, въ четверо меньше противъ тарифа. Желающихъ участвовать въ прогулкѣ оказалось около 60 человѣкъ. Сдѣлано было распоряженіе, чтобы живущіе по близости вокзала Московско-Врестской желѣзной дороги явились туда прямо къ 6 часамъ пополудни въ субботу 28-го августа; а живущіе близь гимназіи собрались бы въ ней къ 5 часамъ; эти послѣдніе, въ сопровожденіи директора и помощника классныхъ наставниковъ, шли попарно до самаго вокзала пѣшкомъ, что составитъ добрыхъ 4 версты. Нѣкоторые успѣли на ходу запариться яблоками и начали ими услаждаться, но директоръ, замѣтивъ это, попросилъ подѣлиться съ нимъ покупкою, да и отобралъ у нихъ яблоки, конечно, изъ опасенія за ихъ желудки. Послѣ, въ вагонѣ, онъ давалъ по кусочку изъ этихъ яблоковъ тѣмъ, кого му-

чила жажда. Такъ какъ мы всѣ составляли какъ бы одну семью, то и не дозволено было никому изъ насъ запасаться особою провизіею и отдѣлять свои удовольствія отъ общихъ. Къ 6 часамъ всѣ были въ вокзалѣ желѣзной дороги. Тогда же подошла большая телѣга съ грузомъ съѣстныхъ припасовъ и верхняго платья гимназистовъ, съ ихъ калошами и проч., и все это перетаскивали въ вагонъ почти четверть часа; а въ самомъ вагонѣ, куда уже мы забрались, шелъ разборъ шинелей съ такимъ шумнымъ говоромъ, что любо было слушать. Всѣ мы съ нетерпѣніемъ, конечно, ждали той минуты, когда долженъ былъ тронуться повъздъ; настала эта минута — и ровно въ половинѣ седьмаго вагонъ нашъ быстро покотился при великолѣпномъ освѣщеніи заходящаго солнца. Ъхали мы около 5-ти часовъ и проводили время, какъ кто хотѣлъ; пѣвцы отдѣлились въ одинъ конецъ вагона и начали было исполнять нѣкоторые пьесы, но шумъ повъзда заглушалъ голоса ихъ такъ, что не только мы, но даже они сами едва себя слышали. Это не мѣшало, однако разговорамъ попарно и кучками. Многіе толпились около лавки, на которой сидѣли учителя и ломали себѣ голову надъ рѣшеніемъ римскаго вопроса, состоявшаго изъ двухъ проводочныхъ крючковъ, вдѣтыхъ одинъ въ другой такъ, что ихъ казалось невозможнымъ разнять иначе, какъ силою, а нужно было сдѣлать это безъ употребленія грубой силы — дипломатически. Крючки удачно представляли собою соединеніе въ лицѣ папы двухъ властей — свѣтской и духовной, которыми королю Виктору Эммануилу удалось такъ теперь разъединить безъ насилія, какъ и нѣкоторымъ изъ нашихъ товарищей удалось высвободить тѣ крючки одинъ изъ другаго, не разгибая ихъ. Затѣмъ предлагались ариеметическіе каламбуры, задавались загадки и т. п. Но кончился путь. Въ 11 часовъ мы вышли изъ вагона на Бородинской станціи. Здѣсь насъ ожидалъ ночлегъ, приготовленный отпавившимся прежде насъ г. воспитателемъ. Но чтобы добраться до этого удобнаго ночлега, намъ нужно было пройти версты двѣ, въ томъ числѣ до половины лѣсомъ. Для перевозки поклажи и дремавшихъ малютокъ наняты были г. Нитрамомъ двѣ телѣги; была страшная темь, сбоку мерещился какъ бы лѣсъ, подъ ногами ощущалась жидкая грязь отъ бывшаго здѣсь наканунѣ дождя. Мы тронулись въ путь, цѣпляясь другъ за друга, чтобы не упасть. Вскорѣ удалось г. Нитраму засвѣтить фонарь и мы увидали, что идемъ по узкой дорогѣ, по срединѣ которой много рытвинъ съ грязью, и что надобно идти по краямъ ея гуськомъ. При входѣ въ лѣсъ г. Нитрамъ объявилъ, что дорога

туть такъ дурна, что и днемъ, проѣжая по ней, нѣсколько разъ чуть не вывалился изъ телѣги. Директоръ велѣлъ остановиться и осадить всѣхъ малютокъ, а телѣги должны были ѣхать пустыми, до хорошей дороги. Мы растянулись гуськомъ по краямъ сажень на сто и брели, цѣпляясь ногами за корни и кусты и защищая руками глаза отъ вѣтвей. Далеко впереди виднѣлся огонекъ отъ фонаря; оттуда же по временамъ слышались возгласы: „берегись — пень, вода“, и эти возгласы передавались отъ одного къ другому. Иногда та или другая телѣга, зацѣпившись за суку или попавъ въ рывину, преграждала путь дорожѣ, — тогда приходили съ фонаремъ и высвободивъ телѣгу, отправлялись далѣе. И все же было такъ весело намъ въ этомъ новомъ положеніи, въ темную полночь, среди незнакомаго лѣса, въ обществѣ 65 человекъ! Наконецъ дорога выровнялась, лѣсъ сталъ рѣдѣть, и послѣдъ затѣмъ мы выбрались на поляну, усадили снова малютокъ и двинулись бодро, предчувствуя близкую пристань. Впереди сверкали уже огоньки деревни Семеновской; слѣва чернѣлась какая-то каменная масса, — говорили — Бородинскій женскій монастырь. Еще нѣсколько минутъ — и мы пріѣхали. Наша квартира состояла изъ двухъ избъ, а потому мы раздѣлились на двѣ партіи: одна состояла изъ учениковъ 1-го и 2-го классовъ, другая 3-го и 4-го. Какъ водится, сейчасъ мы напились чаю, сначала первая партія, а потомъ и другая. За тѣмъ вторая партія удалилась въ назначенную ей избу, постлала себѣ на полу постель изъ соломы, на которой и улеглись всѣ чинно и впрядъ. На другой день встали мы въ 5 часовъ и, напившись чаю, всѣ отправились къ обѣднѣ, въ село Бородино, верстахъ въ 2-хъ отъ нашего почлега. Во время служенія пѣли наши пѣвчіе. Послѣ того мы пошли на панихиду къ памятнику, который воздвигнуть былъ въ 1839 году на самой срединѣ поля битвы, на курганѣ Раевского, сзади котораго привѣтливо зеленѣла небольшая рощица. Когда мы переходили подъ самымъ Бородинымъ по мосту черезъ р. Колочу, многіе изъ нашихъ сбѣгали въ рѣчку, добирались до средины ея по камнямъ и пили горькую воду на этомъ приснопамятномъ мѣстѣ. При памятникѣ, въ ожиданіи насъ, собралось уже нѣсколько народу, въ томъ числѣ двое изъ окрестныхъ помѣщиковъ; прошло не менѣе получаса, пока явился церковный причтъ, и мы все это время разсматривали памятникъ, читали и списывали надписи. Стихи Жуковского изъ Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ и изъ Бородинской годовщины невольно приходили на память каждому на этомъ священномъ мѣстѣ, гдѣ

Земля окрещена,
 Кровь на ней лилась святая,
 Гдѣ престолъ и Русь спасая
 Войско цѣлое легло—
 И престолъ и Русь спасло...
 Героевъ доприще передъ нами
 Мы здѣсь нашли ихъ славный прахъ
 Съ ихъ славными дѣлами.

Каждый изъ насъ, конечно, пожелалъ въ эти минуты исполненія на себѣ обѣта:

Чтобъ духъ отцевъ воскресъ въ синахъ...

Явился священникъ съ причтомъ; намъ роздали свѣчи, которыхъ однако нельзя было затеплить отъ вѣтру. Закурился фиміамъ и раздались тихіе, грустные звуки псалма непорочныхъ древнѣйшаго русскаго напѣва: „Блажени непорочїи“.

Панихида отправлена была по просьбѣ директора безъ малѣйшихъ выпусконъ и заключена печально-торжественнымъ возглагошеніемъ „вѣчной памяти воинамъ почившимъ, за Русь главы свои въ бою, за правду положившимъ“. Удержавъ каждый у себя на память панихидную свѣчу, мы отправились на квартиру съ пѣніемъ славянскаго марша: „Мы дружно на враговъ, на бой, друзья сѣдшимъ! За родину, за славу, за честь мы стоимъ!“ Въ деревнѣ Семеновской встрѣтили насъ женщины съ предложеніемъ купить у нихъ находимыя здѣсь на поляхъ во множествѣ ружейныя и картечныя пули, пуговицы французскія и русскія; въ минуту образовался истый толкучій рынокъ и мы всѣ запаслись въ волю этимъ добромъ. Предъ домою насъ встрѣтилъ хозяинъ и предложилъ директору горсть пуль и чашку сотоваго меду. Меду тутъ же каждый изъ насъ отвѣдалъ по ложечкѣ, а пули, сложенные пирамидкой, хранятся теперь за стекломъ въ библиотечномъ шкафу и въ нихъ утверждена панихидная бородинская свѣча съ надписью: „память о бородинской панихидѣ 29-го августа 1871 года“. Съ здоровымъ аппетитомъ сѣли мы обѣдать, а послѣ того было предоставлено намъ проводить время до 4-хъ часовъ кому какъ угодно. Въ 4 часа снова всѣ собрались и пошли на Тучковскую батарею, довольно явственно сохранившую свои очертанія и лежащую у самыхъ стѣнъ монастырскаго сада. Здѣсь, у подножья крайняго окна, усѣлись мы всѣ, устремивъ взоры на приснопамятный мѣста: слѣва поднимался предъ нами Шевардинскій холмъ, поросшій рѣдкими сосенками; на право деревня Семеновская, а далѣе къ Бородину батарея Раевского или Курганная; увѣнчанная памятникомъ, у котораго

мы отправляли утромъ панихиду. Директоръ прочиталъ намъ подробное описаніе гигантскаго боя, при чемъ нѣкоторые изъ стоявшихъ тутъ крестьянъ указывали разныя, упоминаемыя въ описаніи мѣстности. Проходившій мимо отрядъ солдатъ также остановился послушать. По окончаніи чтенія мы всѣ встали, образовали большой кругъ, внутри котораго къ одной сторонѣ расположились пѣвчіе, а на средину выступилъ декламаторъ со стихами пѣвца въ Станѣ русскихъ воиновъ:

На полѣ бранномъ тишина;

хоръ пѣвцовъ, подхвативъ заключительныя слова, грянулъ:

Духъ отцевъ воскресъ въ синахъ!
Ихъ поприще предъ нами,
Мы здѣсь найдемъ ихъ славный прахъ,
Съ ихъ славными дѣлами!

За первымъ декламаторомъ выступилъ второй и началъ:

Отчизнѣ воспоемъ, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія...

Хоръ также повторилъ послѣднія слова:

За родину всю нашу кровь,
На вражьи грянемъ силы,
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы.

Такимъ образомъ одинъ за другимъ произносили шестеро это обширное стихотвореніе, которое и было закончено хоромъ:

Речетъ приплещь: враговъ я зрѣлъ,
И мнилъ: земли мнѣ мало;
И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
Протекъ—враговъ не стало!

За первыми шестью декламаторами выходили трое вторыхъ съ стихотвореніемъ Жуковскаго „Вородинская годовщина“, а въ промежуткахъ между ихъ декламаціями пѣвцы исполняли: „Въ бурю во грозу“, „Славься, славься нашъ русскій царь“ и „Жилъ былъ добрый русскій царь“. Въ заключеніе всего явились въ кругу двое малютокъ и съ одушевленіемъ повторили Лермонтовскій разговоръ дяди съ племянникомъ о Вородинѣ. Съ послѣдними словами малютки: „Не будь на то Господня воля, не отдали-бъ Москвы“, въ монастырѣ ударили ко

всенощной, и мы поспѣшили на квартиру и наскоро подкрѣпившись чаемъ, пошли въ церковь. Настоятельница оказала намъ чрезвычайное вниманіе, предложивъ всѣмъ помѣститься на огромномъ коврѣ, а замѣченными въ утомленіи — сѣсть на лавки. Внутренность церкви такъ прекрасна, что лучшаго нельзя себѣ ничего и представить; пѣніе сестеръ на два лика такое стройное и благоговѣйное, какого въ Москвѣ нигдѣ не услышишь. Но служба длилась чрезвычайно долго, и у многихъ изъ насъ оказались признаки крайняго утомленія; они были отпущены съ воспитателемъ, г. Нитрамомъ, домой, а прочіе съ г. директоромъ и помощникомъ класснаго наставника стояли до конца всенощной. При прощаньи настоятельница выразила сожалѣніе, что мы не остановились въ монастырской гостинницѣ.

Дома тотчасъ же сѣли мы всѣ за ужинъ, а потомъ расположились спать на соломѣ. На другой день поднялись въ 4 часа и напившись чаю отправились въ обратный путь; за селомъ, предъ вступленіемъ въ лѣсъ, съ вершины одного холма мы отклонялись святымъ бородичскимъ мѣстамъ.

Лѣсъ мы не узнали: столь хорошъ показался онъ намъ въ сравненіи съ тѣмъ, когда мы брели по немъ въ полночь. Нѣкоторые набрали дорогою очень красивыхъ подосиновичей и мухоморовъ; ихъ принесли мы въ гимназію и помѣстили въ шкафу за стекломъ, на поглядѣніе своимъ остававшимся дома товарищамъ, и нѣсколько дней грибы красовались тамъ, но затѣмъ, къ огорченію нашему, превратились въ кучку червей. Возвратный путь мы совершили также благополучно и вообще въ этой поѣздѣ все намъ благопріятствовало: погода, передъ тѣмъ крайне холодная и дождливая, какъ бы нарочно развеселилась для насъ. Можно было опасаться также внимательства въ наше предпріятіе тогдашней московской гостыи холеры, — и дѣйствительно трое — четверо изъ товарищей по временамъ жаловались на слабость желудка, но послѣ нѣсколькихъ приѣмовъ капель, которыми г. директоръ запасся обильно, они снова ободрились.

Ученикъ III класса *С. Петровъ.*

Поѣздка въ Сергіевскую Троицкую лавру, въ Виоанскій монастырь и Геосиманскій скитъ, 21-го апрѣля 1872 года. Свитотроицкая Сергіевская лавра есть достопамятнѣйшее мѣсто изъ всѣхъ московскихъ окрестностей, какъ по личности основателя своего, великаго въ русскихъ людяхъ угодника Божія, преподобнаго Сергія, такъ и

по незабвеннымъ заслугамъ монастыря предъ русскимъ отечествомъ, въ годину его лютыхъ бѣдствій.

Туда же влекутъ учащихъ и учащихся, встрѣчающіеся тамъ на каждомъ шагу, слѣды учебно-воспитательной дѣятельности перваго изъ русскихъ педагога митрополита Платона.

Но и самъ преподобный Сергій долженъ быть почитаемъ великимъ воспитателемъ русскаго народа, наравнѣ съ Антоніемъ и Теодосіемъ Киевопечерскими, съ Зосимою и Савватіемъ Соловецкими. Какъ восточавѣтные пророки-учители уклонялись въ пустыни, чтобы, укрѣпившись тамъ богомысліемъ, выступить на поученіе Израиль, тягч и царей ихъ; такъ и наши русскіе великіе праведники, оставивъ жизнь общественную, удалялись въ лѣсныя трущобы, на пустынные острова, или зарывались въ темныя нѣдра земли, чтобы страхнувъ съ себя бремя безконечныхъ житейскихъ суевъ и тягостныхъ путы мелочныхъ отношеній, спастись тамъ въ уединеніи, то-есть, возрощать въ себѣ внутренняго человѣка, во всемъ его богоподобномъ достоинствѣ. Но люди эти были лучшіе люди, изъ Русскихъ Русскіе, то-есть, представители основныхъ свойствъ русской породы людей, носители судебъ своего народа; и потому имъ нигдѣ нельзя было укрыть себя отъ своихъ соотечественниковъ, — ихъ отыскали и въ темныхъ пещерахъ, и въ дебряхъ лѣсныхъ, и на пустынныхъ отокахъ студенаго моря. Какъ подъ крыла кокоши спѣшать птенцы ея, такъ стекались къ тѣмъ великимъ пустынникамъ всѣ любители богомудрія, — и процвѣли безлюдныя пустыни благословіемъ трудовъ человѣческихъ, на мѣстѣ непроходимыхъ добрей пораскинулись богатя села. Таковъ былъ и Сергій преподобный. Ему, отрекшемуся отъ міра, суждено было быть свѣтильникомъ русскому міру; ему, жившему на землѣ для отечества небснаго, суждено было спасть и дорогое ему отечество земное. Такъ благословивъ великаго князя московскаго Дмитрія Донскаго на брань съ врагами Россіи — Татарами, присоединилъ онъ къ ополченію его, состоявшему изъ дружинъ всѣхъ почти тогдашнихъ русскихъ княжествъ, и отъ своей обители двухъ монаховъ — Пересвѣта и Ослабу, храбро павшихъ на Куликовомъ полѣ.

Итакъ, вотъ почему уже нѣсколько вѣвовъ ходила и ходитъ вся русская земля къ преподобному Сергію на поклоненіе! Ходитъ она къ нему учиться у него вѣрѣ, — этому краеугольному камню русскаго царства, учиться у него смиренію, — этому отличительному нашему

народному свойству, вдохновляться отъ него тою любовію къ ближнимъ, которая научаетъ полагать за нихъ душу свою.

Отчизнолюбивый духъ преподобнаго Сергія на многія вѣка опочилъ надъ его обителью,—и въ смутное время начала XVII столѣтія, когда самозванцы, казаки, Поляки и русскіе измѣнники разшатали всѣ основы государства русскаго, когда ослабили и вѣра и вѣрность царю и чувство государственнаго единства, Троицкая Сергіева лавра стояла непоколебимымъ оплотомъ народной и государственной чести, немолчно самвала народъ на бой со врагами и отразила отъ стѣнъ своихъ 30-ти тысячную армію, выдержавъ тѣсную осаду въ продолженіе 16 мѣсяцевъ.

Съ такими-то патріотическими и педагогическими цѣлями задумана была поѣздка въ лавру и исполнена слѣдующимъ образомъ.

Уже за недѣлю до вербнаго воскресенья вывѣшены были въ корридорѣ гимназіи разныя картины съ видами лавры и съ изображеніемъ событій изъ исторіи славной ея осады. Въ то же время съ правленіемъ московско-ярославской желѣзной дороги начаты переговоры о пониженіи съ воспитанниковъ платы за провозъ, и правленіе согласилось прицѣпить для насъ два особые вагона 3-го класса, за половинную цѣну, то-есть, по 80 коп. съ человѣка за оба конца пути, изъ сочувствія, какъ выразилось оно, къ благой цѣли поѣздки. Ученикамъ было объявлено, чтобы желающіе изъ нихъ принять участіе въ поѣздкѣ, принесли разрѣшеніе отъ своихъ родителей или попечителей. Желающихъ ѣхать оказалось до половины всего числа учениковъ, то-есть, болѣе 70, но нѣкоторыхъ нельзя было взять по ихъ болѣзненности. Такъ какъ положено было отправиться съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, отходящимъ въ 7 часовъ, а возвратиться въ тотъ же день съ послѣднимъ вечернимъ поѣздомъ, приходящимъ въ Москву уже въ 11-мъ часу вечера, то позволено было тѣмъ изъ учениковъ, которые живутъ далеко отъ гимназіи, прійти накануне почивать въ ней, а также и по возвращеніи. Такихъ оказалось 36 человѣкъ.

Хотя послѣ общей въ залѣ молитвы улеглись всѣ уже въ 10 часовъ, но долго нельзя было унять разговорчивыхъ, пока двое самыхъ неугомонныхъ не были удалены въ отдѣльныя комнаты на уединенное спанье. На другой день уже въ 4 часа слышались голоса гостей. Умывшись и помолившись всѣ вмѣстѣ въ залѣ, принялись за завтракъ. Когда выходили изъ гимназіи, накрапывалъ дождь и мало было надежды на удачную поѣздку, но дорогою погода прояснилась. Въ

вокзалъ Сергіевской станціи, куда мы прибыли около половины десятиаго, встрѣтили насъ знакомые директора, которые сообщили, что намѣстникъ лавры (бывшій въ то время нездоровымъ), узнавъ отъ нихъ о пріѣздѣ воспитанниковъ гимназій, сдѣлалъ распоряженіе о бесплатномъ помѣщеніи ихъ въ общей залѣ новой монастырской гостиницы. При яркомъ сіяніи солнца мы направились прямо въ лавру, но расчетъ нашъ попасть къ началу обѣдни оказался ошибочнымъ: по случаю Свѣтлой недѣли обѣдня была ранняя, въ 8 часовъ утра, и мы не успѣли даже и къ концу ея. Но мы отстояли молебень преподобному Сергію, приложились къ мощамъ его, помолились и въ часовнѣ—въ бывшей его келліи и поклонились находящейся тутъ-же гробницѣ преподобнаго Діонисія—архимандрита, управлявшаго лаврою въ то же время великихъ испытаній. Тутъ припомнили мы его пламенную любовь къ отечеству и его мученичество за святую истину. Вступивъ въ управленіе лаврою, вскорѣ по избавленіи ея отъ осады Поляковъ, Діонисій посвятилъ себя и всѣ средства монастыря на службу отечеству. Москва была въ рукахъ Поляковъ. Русскому ополченію, пришедшему подъ начальствомъ Ляпунова освобождать Москву, Діонисій прислалъ на помощь отъ своего монастыря 250 монастырскихъ слугъ и стрѣльцовъ, и разослалъ грамоты во всѣ окрестные города, умоляя всѣхъ: „постоять за благочестіе крѣпко и мужественно“. Вся страна, далеко вокругъ Москвы, была тогда страшно разорена: города и села выжжены, тысячи людей больныхъ, изувѣченныхъ врагами, безъ крова и одежды, умирая съ голоду, прятались въ лѣсахъ и оврагахъ. Діонисій устроилъ страннопріимные дома и больницы въ подмонастырныхъ слободахъ, уговорилъ монастырскую свою братію довольствоваться на трапезѣ овсянымъ хлѣбомъ и водою, а пшеницу и рожь употреблять на кормленіе больныхъ и увѣчныхъ, которыхъ ходили собирать со всѣхъ окрестныхъ лѣсовъ и дорогъ. Сколько людей было тогда призрѣно монастыремъ, можно заключить изъ того, что однихъ умершихъ при обители отъ ранъ и болѣзней было до 7 тысячъ. Грамотами своими, проникавшими во всѣ концы Россіи, архимандритъ Діонисій, вмѣстѣ съ келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ и патріархомъ Гермогеномъ, поднялъ, наконецъ, поволжскіе города и во главѣ ихъ Нижній-Новгородъ. Дружины ихъ направились, подъ начальствомъ Пожарскаго и Минина, къ Москвѣ, подъ которою и вступили въ бой, продолжавшійся три дня, съ польскимъ войскомъ Хоткевича. Когда дружины Пожарскаго стали уже изнемогать, а казаки отказывались идти на помощь, требуя, чтобы имъ за то запла-

тили, тогда обитель Сергія, расточившая уже всѣ свои сокровища, предложила казакамъ, чрезъ келаря Авраамія, послѣднее, что у ней оставалось, — церковныя ризы. Казаки устыдились, отослали назадъ ризы и тутъ же дали клятву: не отходить отъ Москвы, пока она не будетъ очищена отъ Поляковъ. Когда, наконецъ, была достигнута эта цѣль и воинство, по совершеніи молебствія на Лобномъ мѣстѣ, вступило въ Кремль, ему предшествовалъ священный соборъ, въ которомъ первенствовалъ архимандритъ Діонисій.

И этотъ-то самый Діонисій, одинъ изъ славныхъ спасителей отечества, черезъ 6 лѣтъ послѣ описаннаго торжества, очутился въ тяжкомъ заключеніи въ Новоспасскомъ монастырѣ, подвергнутъ сорокодневнымъ мукамъ и публичному посрамленію. За какое же преступленіе страдалъ этотъ незабвенный отчизнолюбецъ? Страдалъ онъ за святую истину. На него, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, возложено было духовными властями пересмотрѣть для перепечатанія требникъ, въ который вкрались многія ошибки, между прочимъ, въ молитвѣ при освященіи воды въ день Богоявленія, къ словамъ, произносимымъ священникомъ: „Самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ Твоимъ святымъ“ ошибочно припечатано было „и огнемъ“. Діонисій, справившись въ древнѣйшихъ спискахъ, не нашелъ тамъ этихъ словъ, и приказалъ въ новомъ изданіи исключить ихъ. За этотъ-то выпускъ ошибочнаго слова онъ былъ привлеченъ къ духовному суду и осужденъ, какъ еретикъ. Въ продолженіи 40 дней били и мучили его, принуждая отречься отъ истины, ставили въ дыму на палатахъ; наконецъ, не могли преодолѣть его твердости, осудили на публичныя унижительныя работы, на которыя онъ и былъ выводимъ по праздникамъ, будучи подвергаемъ поруганію невѣжественной черни. Уже отецъ государя Михаила Ѳеодоровича, по освобожденіи своемъ изъ польскаго плѣна и по возведеніи въ санъ патріарха, созвалъ церковный соборъ, на которомъ присутствовалъ и патріархъ іерусалимскій Ѳеоданъ, и подвергъ разсмотрѣнію дѣло объ еретичествѣ архимандрита Діонисія. Тутъ найдено, что Діонисій мучимъ былъ напрасно: патріархъ іерусалимскій засвидѣтельствовалъ, что въ греческомъ требникѣ, въ той молитвѣ словъ *и огнемъ* нѣтъ, что на востокъ оно не прилагается, — и потому архимандритъ Діонисій обязанъ былъ исключить это погрѣшительное прибавленіе. Діонисій былъ освобожденъ изъ заточенія и отпущенъ въ свою лавру. Тамъ, предъ моцями преподобнаго Сергія, патріархъ іерусалимскій снялъ съ себя влобугъ,

положилъ его къ ногамъ преподобнаго Сергія и, совершивъ молитву, возложилъ клобукъ на главу страдальца истиннаго.

Тамъ же представлены были патріарху 20 оставшихся въ живыхъ монаховъ-воиновъ, которые въ минувшую осаду сражались съ Поляками, чтобы патріархъ отпустилъ имъ вину пролитія человѣческой крови. Во главѣ этихъ героевъ стоялъ „дѣло старъ человекъ, весь уже пожелтѣлъ въ сѣдинахъ, Аѳанасій Ощеринъ“. Его спросилъ греческій патріархъ: „Ты ли ходилъ на войну и начальствовалъ предъ вои мученическими?“— Аѳанасій отвѣтствовалъ: „Ей, владыко святой, понужденъ я былъ къ тому узамъ кровными“. Патріархъ спросилъ еще: „Что ти свойственнѣе, иночество ли въ молитвахъ особѣ, или подвигъ предъ всѣми людьми?“ Аѳанасій, поклонясь, отвѣтствовалъ: „— Владыко святой! Всякая вещь я дѣло въ свое время познается... что творю, сотворилъ въ повелѣніи послушанія“. И обнаживъ главу, Аѳанасій снова поклонился патріарху и продолжалъ: „Извѣстно ти буди, владыко мой! Се подпись Латинягъ на главѣ моей отъ оружія; еще же и въ лядвяхъ моихъ шесть памятей свинцовыхъ обрѣтаются; а въ келіи сѣди, въ молитвахъ какъ можно найти было изъ воли такихъ будильниковъ къ воздыханію и истенанію. А все сіе бысть не нашимъ изволеніемъ, но посланнымъ насъ на службу Божию“. Тогда патріархъ, „любезнѣ цѣловавъ“ героя, отпустилъ его и прочихъ его сподвижниковъ „съ похвальными словесы“. — „Нмиѣ очи мои“ заключилъ патріархъ рѣчь свою, „видѣша всы, за что страдаете,—и не безъ ума, за не многимъ бысть ко спасенію“. Какъ хотѣлось бы намъ поклониться праху этихъ русскихъ Леонидовъ, но, къ сожалѣнію, мы не знали, гдѣ погребены иноки-патріоты и во главѣ ихъ Аѳанасій, съ его славною подписью на дѣлу отъ латинскаго оружія, съ его шестью польскими свинцовыми будильниками въ лядвяхъ! Да, хвала Создателю! Въ русскомъ прошедшемъ много было людей, которые еще ожидаютъ себѣ памятниковъ.

Осмотръ лаврскихъ достопримѣчательностей, начали мы съ ризницы. Отецъ ризничій весьма обстоятельно показывалъ намъ разные священныя рѣдкости, внятно и порою краснорѣчиво объясняя ихъ важность и происхождение. Едва ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ можно увидѣть такое громадное количество серебряныхъ и золотыхъ вещей лучшей старинной работы; такую массу жемчуга и драгоценныхъ камней, которыми блистаютъ многочисленныя златошвейныя ризы и златотканныя пелены; но болѣе чѣмъ всѣми этими сокровищами глаза ваши поражены были служебными ризами преподобнаго Сергія, сдѣ-

ланными изъ крашенины, какая нынѣ идетъ на половники, — потому его на престольными сосудами: они деревянные, за то видно вѣра-то была тогда золотая. И благодать Господня осѣняла великаго подвижника, совершавшаго службу, по недостатку свѣчей, при свѣтѣ лучины, по книгамъ писаннымъ, вмѣсто дорогой тогда бумаги, на берестѣ. Такъ-то и преподобному Сергію, какъ Мирликійскому чудотворцу, приличествуютъ слова: „Сего ради стязалъ еси смиреніемъ — высокая, нищетою — богатая“.

По выходѣ нашемъ изъ ризницы, насъ ожидало приглашеніе изъ духовной академіи — осмотрѣть ея достопримѣчательности. Тамъ любовались мы архитектурою древняго зданія академіи, бывшаго прежде царскимъ дворцомъ. Въ бывшей тронной залѣ съ живѣйшимъ любопытствомъ разсматривали мы на плафонѣ 32 лѣнными изображенія взятія Петромъ Великимъ 32-хъ городовъ, съ весьма оригинальными подписями, напримѣръ, о Ригѣ: „И ты, безопасная Рига, не ушла отъ рукъ Петра“. Затѣмъ осмотрѣли мы аудиторіи и о. ректоръ показывалъ намъ свои покои, отдѣланные также въ древнемъ вкусѣ, и наконецъ привелъ насъ въ академическую церковь, гдѣ предложилъ нашимъ пѣвцамъ пропѣть воскресный тропарь, что и было исполнено. Прощаясь съ нами о. ректоръ выразилъ свое удовольствіе относительно выразившагося въ нашей поѣздкѣ стремленія къ возстановленію общенія свѣтскаго образованія съ духовнымъ просвѣщеніемъ.

Изъ академіи хотѣли мы пройти въ школу живописи и для того поднялись на монастырскую стѣну, но школа, по случаю праздниковъ, оказалась заперта. Мы пошли стѣною вокругъ монастыря, любясь веселыми и густонаселенными его окрестностями. Со стѣны спустились мы противъ трансной церкви, осмотрѣли се и обширную въ ней столовую, въ которой можетъ помѣститься до 300 человекъ одновременно. Съ высоты просторной панорты этой церкви мы озирали множество находящихся внизу достопамятностей и недоумѣвали, какъ мы успѣемъ осмотрѣть ихъ всѣ въ оставшіяся у насъ на то часъ времени. Но вотъ мимо всѣхъ ихъ мы направились къ Соместьенской церкви и вошли въ небольшую, пристроенную въ ней часовню преподобнаго Максима Грека, потому что цѣль нашей поѣздки состояла въ томъ, чтобы поучиться у великихъ мучениковъ, какъ жить и какъ умирать, какъ жить для правды и для отечества и умирать за правду и за отечество. Мы поклонились до земли предъ гробницею Грека Максима, мученика истины, много пострадавшаго за православіе въ заточеніи, въ темницѣ, въ тяжкихъ оковахъ, среди не-

сныхъ истязаній и вслѣдственныхъ лишеній. За что же такіа муки? Все за то же — роковое исправленіе церковныхъ книгъ, которое, еще за 100 лѣтъ до Діонисія, было впервые возложено на Максима Грека. За очищеніе-то рукописныхъ книгъ отъ искаженій ихъ невѣжественными переписчиками, высоконравственнаго и ученѣйшаго человѣка своего времени завистливые, но властные невѣжи огласили еретикомъ и мученіями хотѣли заставить его отречься отъ истины.

Такую-то тяжкую дань невѣжеству платили и платимъ мы доселѣ, — дань болѣе унижительную, чѣмъ какую брали съ насъ Татары.

Въ церкви Сошествія Св. Духа мы поклонились гробницѣ митрополита Филарета, великаго свѣтлыника русской церкви. Произведенія его высокаго ума пребудутъ навсегда образцами духовнаго краснорѣчія.

Дорогою отъ часовни Максима Грека къ Платоновскому памятнику предъ низенькою, кирпичною, выбѣленною известкой палаткою, сложенною надъ гробами царственнаго семейства Годуновыхъ, мы припоминали высокотрагическую судьбу этого семейства: загадочную смерть отца, насильственную смерть матери и сына и плачевную жизнь обезчещенной дочери.

Наконецъ мы подошли къ памятнику, прочтали надписи на 4-хъ его сторонахъ о заслугахъ лавры предъ отечествомъ въ роковыя години русской государственной жизни: въ Мамаево нашествіе, въ тяжкіе годы междоусобія и во время стрѣleckихъ бунтовъ, и о заслугахъ предъ отечествомъ самого преподобнаго Сергія, архимандритовъ Іоасафа, Діонисія и келаря Авраамія Палицина, съ прекраснымъ заключительнымъ двустипіемъ:

«Они на небесахъ, имъ слава не нужна;
Къ подобнымъ насъ дѣламъ должна вестя она».

Въ послѣднемъ стихѣ заключается весь смыслъ, какъ настоящей нашей поѣздки, такъ и поѣздки на Бородинское поле въ августѣ прошлаго года, а вмѣстѣ и главная цѣль всѣхъ предполагающихся впредь учебныхъ поѣздокъ. *Прославленіе славныхъ предковъ необходимо для воспитанія достойныхъ имени ихъ потомковъ.*

Между тѣмъ, намъ уже неоднократно сообщено было отъ имени намѣстника лавры приглашеніе на завтракъ въ новую монастырскую гостиницу. Такъ, въ просторной общей залѣ, мы нашли ожидавшій насъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ. Едва успѣли мы подкрѣпитъ, какъ къ подѣзду подкатилъ цѣлый караванъ изъ 12-ти парныхъ кола-

сокъ, заказанныхъ для пѣздки нашей въ скитъ и въ Виѳанію заботливостію о насъ г. Губонина. Мы усѣлись по 6-ти человѣкъ въ каждую и весело отправились въ Виѳанію.

Завѣтною сдѣлалась для насъ Виѳанія послѣ всего того, что мы слышались объ ея основателѣ, митрополитѣ Платонѣ, котораго память мы праздновали уже въ гимназіи панихидою ему въ день его кончины, 11-го ноября прошлаго года. Платонъ былъ одинъ изъ лучшихъ образцовъ русскаго человѣка, ума воспримчиваго и изидительнаго, воли неодолимой, — съ сердцемъ младенца до позднѣйшихъ сѣдинъ своихъ. А что для насъ всего памятнаго, Платонъ былъ великій дѣтлоубецъ, значить, истинный и притомъ первый изъ Русскихъ педагоговъ. Ему было только 20 лѣтъ, когда уже стекалось полъ-Москвы слушать проповѣди его на Никольской, въ залахъ Заиконоспасской академіи, и матери повергали къ ногамъ его дѣтей своихъ, чтобы памятовали они великаго учителя. Таковъ остался онъ и до 75 лѣтъ: наберетъ, бывало, съ собою школьной мелкоты и бродить съ ними по виѳанскимъ садамъ и роцамъ, пазидая ихъ и словомъ, и самымъ дѣломъ своимъ. За то какъ и помнили, и какъ любили его ученики, — и память свою о немъ, и любовь свою къ нему передали въ наслѣдство и дѣтямъ своимъ, которые не могутъ забыть слезъ отцевъ, проливаемыхъ ими при воспоминаніи о великомъ учителѣ-воспитателѣ.

Съ такими-то чувствами входили мы въ ворота Виѳаніи и припомнили задушевное двустипіе Амвросія (впослѣдствіи тоже митрополита Московскаго), который, шествуя предъ гробомъ Платона, когда его несли для погребенія въ его Виѳанію, вдохновенный сердечнымъ умиленіемъ, остановился въ этихъ самыхъ воротахъ и, указывая на гробъ, воскликнулъ:

«Виѳанія! Грядетъ къ тебѣ родитель твой,
Но ты отсель во вѣкъ пребудешь сиротой!»

Вошедши въ церковь, мы, съ своими пѣвцами во главѣ, обступили гробницу Платона и выслушали пасхальную надъ нимъ панихиду. Какъ были кстати и какъ знаменательны эти, полныя свѣтлаго веселія, ликующія пѣсни о воскресеніи надъ гробомъ того, кто крѣпкую вѣру свою въ воскресеніе выразилъ созданіемъ и этого нижняго пещернаго храма во имя Воскресенія Лазаря и горниго надъ нимъ алтаря во имя Преображенія Господня!

Осмотрѣвъ въ подробности нижнюю и верхнюю церковь, мы пе-

решили въ самый домъ Платона, гдѣ помолились предъ изящно простымъ иконостасомъ его домашней церкви, осмотрѣли все примѣчательное въ его комнатахъ и остановились предъ его портретомъ, на которомъ онъ изображенъ обучающимъ кучку малютокъ пѣнію. Наши пѣвцы выстроились предъ этою прекрасною картиною и исполнили трогательный кантъ Платону, долго спустя послѣ его смерти распѣвавшійся въ семинаріяхъ:

Приникни съ горняго Сіона
На насъ, тебѣ любезныхъ чадъ,
О тѣнь священная Платона!
Твоя птенцы къ тебѣ гласятъ.

Хоръ: Отецъ нашъ, пастырь несравненный!
Какъ можемъ мы тебя забыть!
Тобою лавра процвѣтала,
Тобой былъ славецъ нашъ Парнасъ,
Тебя Россія почитала,
Въ Европѣ твой раздался гласъ.

Хоръ: Отецъ нашъ и проч.
Какъ голубица подъ крылами
Ты грѣлъ, хранилъ твоихъ дѣтей,
Ни бѣдъ, ни горестей не звали
Подъ кровомъ мудрости твоей.

Хоръ: Отецъ нашъ и проч.

Изъ оконъ Платонова дома мы любовались на дивное мѣстоположеніе. Тотчасъ подъ горою разливаются обширные пруды, извиваясь въ видѣ многоводной рѣки; вдоль по горѣ, вокругъ зданія семинаріи и далѣе, прекрасная березовая роща; за прудами луга и перелѣски по оврагамъ, вдали лаврскія церкви и башни. Лучшей мѣстности для учебно-воспитательнаго заведенія, кажется, и найти невозможно. Каждый камень этихъ зданій, Платономъ воздвигнутыхъ, каждое дерево въ этихъ рощахъ, Платономъ насажденныхъ, немолчно говорятъ объ его творческомъ умѣ, о дивной душѣ и объ его дѣтлолюбивомъ сердцѣ.

Изъ дома Платона мы отправились въ основанную имъ семинарію, гдѣ радушно встрѣтилъ насъ ректоръ (о. Кирилль) съ нѣкоторыми изъ профессоровъ и воспитанниковъ. Тамъ въ зачѣ пѣвцы наши исполнили, въ честь и славу Платона, 1-й псаломъ, такъ напоминающій содержаниемъ своимъ святую жизнь этого блаженнаго мужа. Псаломъ этотъ былъ древнѣйшимъ, употребляемымъ теперь только въ единобожескихъ церквахъ, напѣвомъ, въ память основателя еди-

новѣрческихъ въ Россіи церквей—того же самого митрополита Платона.

Изъ семинарскаго зала мы прошли въ столовую, гдѣ уже приготовленъ былъ привезенный нами съ собою холодный обѣдъ и чай. Подкрѣпившись, мы распростились съ семинаріей патриотическою пѣснію Жуковскаго на изгнаніе Поляковъ изъ Россіи, чему лавра такъ много содѣйствовала:

«Вѣдите въ Кремль и старь и младь!

При кликахъ ликованья,

Обнимемъ, какъ брата брата

Объемцетъ въ часъ свиданья» и пр.

Былъ уже 6-й часъ; а намъ предстояло еще осмотрѣть геэсиманскій скитъ.— потому мы и поспѣшили туда въ своихъ 12-ти экипажахъ, растянувшись по лѣсу длиннымъ караваномъ. Мы помолились въ трехъ скитскихъ церквахъ: въ первой—надъ пещерами, гдѣ наши пѣвцы исполнили воскресный тропарь, и потомъ—въ самомъ пещерскомъ храмѣ, гдѣ ими пропѣто было тоже самое. Осмотрѣвъ пещеры, мы перешли черезъ плотину и направились къ деревянному храму, гдѣ любовались его древними достопамятностями и его новою изыщною и, вѣроятно, педешною простотою. Наконецъ мы посѣтили церковь, что при скитскихъ келліяхъ и пропѣли тамъ, на прощанье со скитомъ, также тропарь воскресію. Монашествующіе пригласили насъ въ свою столовую и поднесли намъ хлѣбъ-соль.

Отсюда караванъ нашъ тронулся прямо къ вокзалу желѣзной дороги. На обратномъ пути мы повечеряли въ вагонахъ остатками своихъ запасовъ и благополучно прибыли въ Москву. Тутъ всѣ разошлись и разѣхались по домамъ; но 28 человекъ, квартирующіихъ въ дальнихъ углахъ Замоскворѣчья, отправились вмѣстѣ съ надзирателемъ пѣшкомъ ночевать въ гимназію, куда и прибыли уже въ 12-мъ часу. Въ гимназіи ожидали путешественниковъ чай и постели. Но какая была разница между настоящимъ ночлегомъ и шумнымъ ночлегомъ предшествовавшаго вечера. Тотчасъ послѣ общей молитвы всѣ, молча, повалились на сѣно и дружно заснули чрезъ нѣсколько минутъ. На другое утро солнце давно нагрѣвало имъ головы, а они все спали себѣ, пока ихъ не разбудили около 8 часовъ.— С. Шафрановъ.

Поѣздка подъ Симоновъ монастырь. 8-го сентября 1872 года воспитанники 6-й гимназіи должны были собраться, чтобы ѣхать на

лодкахъ подъ Симоновъ монастырь. Еще задолго до назначеннаго часа, по сосѣднимъ съ гимназіею улицамъ начали появляться группы гимназистовъ, спѣшившихъ на сборъ. Въ 11-мъ часу утра шумною и веселою толпою направились мы къ Москворѣцкому мосту, гдѣ и разѣстились на лодкахъ. На первыхъ двухъ гребцами были сами воспитанники, а на остальныхъ гимназическіе служители. Сама природа благопріятствовала нашей прогулкѣ, — день былъ великолѣпный, не смотря на то, что уже стоялъ сентябрь, когда воздухъ дѣлается все холоднѣе, атмосфера въ ясный день прозрачнѣе и безцвѣтнѣе, земля не отдѣляетъ паровъ; все сжимается и сосредоточивается, приготавливаясь встрѣтить суровую гостью-зиму; рѣка не кишитъ мириадами инфузорій и насѣкомыхъ, мутящихъ ея поверхность; даже лужи, налитыя дождемъ, блестятъ, какъ кристаллы. Солнце свѣтитъ особенно ярко; все, освѣщенное его лучами, — и бѣлыя стѣны домовъ и церквей, и пожелтѣвшія листья деревьевъ, — блеститъ нестерпимо, или, какъ говорится, рѣжетъ глазъ. Ъхали мы довольно тихо, потому что гребцы не приладили еще дѣйствовать какъ слѣдуетъ; къ тому же поднялся сильный вѣтеръ, вслѣдствіе чего появились волны, окатывавшія лодки чуть не до бортовъ. Мѣстность сначала была вовсе не привлекательна: по обѣимъ сторонамъ Москвы-рѣки тянулись цѣлыя ряды грязныхъ лачугъ, однообразіе которыхъ изрѣдка нарушалось зданіемъ какого-нибудь склада, фабрики или завода. Но начиная съ Крутицкихъ казармъ, взору представляется совершенно другой видъ: на лѣвомъ берегу возвышался передъ нами на горѣ живописный Симоновъ монастырь, окруженный полями; правый же берегъ весь застроенъ фабриками и заваленъ дѣсомъ, дровами, хрящемъ, камнемъ и другими принадлежностями городской промышленности. Приставъ къ берегу, мы собрались всѣ вмѣстѣ и поднялись на гору къ церкви Симоновской слободы. Церковь была открыта и мы вошли туда съ намѣреніемъ отслужить панихиду по инокамъ Пересвѣту и Ослябю, такъ какъ это было 8-го сентября, достопамятный день Куликовской битвы. Передъ панихидою г. директоръ обратился къ намъ съ слѣдующею рѣчью:

„Дѣти! Подъ этими двумя надгробными камнями покоятся земные остатки иноковъ Пересвѣта и Ослябы, павшихъ въ битвѣ съ Татарами на Куликовскомъ полѣ 8-го сентября 1380 года. Мы прибыли сюда, чтобы помянуть незабвенный ихъ подвигъ, воздать честь героямъ, которые положили душу свою, защищая отечество. Вамъ извѣстно, что уже болѣе 1000 лѣтъ, какъ существуетъ наше русское

государство; много трудныхъ, тяжелыхъ дней пережило оно; посылалъ ему Богъ и счастливые годы, годы мирнаго преуспѣянія, но счастливѣе настоящихъ лѣтъ, въ которые судилъ Господь жить намъ съ вами, не бывало въ русской исторіи. Возблагодаримъ же Бога прежде всего за нашу тихую и безмятежную жизнь въ государствѣ славномъ и могучемъ.

„Не такъ было въ началѣ. Въ странѣ дикой и суровой привелось русскому народу свивать себѣ государственное гвѣздо,—да если бы съ одною природою предстояла ему борьба! Но его со всѣхъ сторонъ сторожили и ненависть, и зависть сосѣдей. Съ запада безпокойная испоконъ вѣку Польша, хищная Литва, Нѣмцы и властолюбивые Шведы не спускали ревнивыхъ глазъ съ юнаго русскаго государства; а съ востока напирала на него туча хищныхъ азіятскихъ кочевниковъ, одна грознѣе другой. Едва управилось оно при Святославѣ Игоревичѣ съ турецкими Хазарами, какъ напало на него турецкое же племя—Половцы. Два вѣка непрерывной борьбы нужно было русскому государству, чтобы сломить силу половецкую, а тутъ нагрянула чудовищная татарская буря. Сгибло все: города богатые, храмы златоглавыя, села цвѣтушія—все было разграблено, сожжено и залито русскою кровью. Несчастные предки наши, болѣе ста лѣтъ, должны были работать на варваровъ, среди княжескихъ усобицъ, среди неописанныхъ гражданскихъ смутъ и государственнаго униженія. Но надъ этою бездною человѣческихъ мученій любовно виталъ творческій духъ Божій.

„На прибрежныхъ холмахъ небольшой рѣки Москвы, младшей изъ славныхъ рѣкъ русскихъ, скромно зачалась Москва и стали расти по по днямъ, а по часамъ, умомъ и трудами Калиты и его достойныхъ дѣтей, молитвами и святымъ благословеніемъ великихъ отцовъ нашихъ, митрополитовъ Петра и Алексѣя. Возсталъ на Москвѣ князь Дмитрій Іоанновичъ, поднялъ знамя съ образомъ Спасителя и подъ это знамя собрались силы почти всѣхъ княжествъ русскихъ. Но прежде чѣмъ двинуться на Татаръ, онъ пошелъ въ глубину дремучаго лѣса, на совѣтъ къ Сергію, который устраивалъ тамъ святилище для юнаго Московскаго государства, собиралъ полкъ молитвенниковъ и крѣпкихъ стоятелей за русскую землю. Сергій, благословивъ князя на подвигъ государственнаго спасенія, позвалъ двухъ изъ своихъ монаховъ Пересвѣта, и Ослябу, и отправилъ ихъ отъ лица своей общины умереть за русское государство. На придонскихъ равнинахъ, на полѣ Куликовомъ, сдвигались двѣ великія рати татарская и рус-

ская: то, пла Азія на Европу, дикость на гражданственность, языческое звѣрство на христіанское челоѣчество. Изъ среды татарской рати вылетѣлъ на могучемъ конѣ богатырь, и, потрясая громаднымъ копьемъ, сулилъ неизбѣжную смерть отъ сильной руки своей многому множеству русскихъ. Не стерпѣло православное сердце Пересвѣта, выѣзжаетъ монахъ на самохвала. Выставивъ впередъ копыя при крикахъ несмѣтнаго народа, понеслись другъ на друга два ратоборца, вздымая облака пыли, спшиблись — охнуло все поле, будто одинъ челоѣкъ, — глядятъ, бѣгутъ двѣ лошади въ разныя стороны, одна къ татарскому, другая къ русскому войску, обѣ безъ всадниковъ, а всадники — враги лежатъ на землѣ бездыханные. Не пережилъ Пересвѣта и доблестный другъ его — Ослаба и въ жару послѣдовавшаго затѣмъ общаго боя сложилъ свою голову за отечество.

„Миръ священному праху вашему, Пересвѣтъ и Ослаба! вѣчная память вамъ, славные ученики великаго учителя! вмѣстѣ проливали вы молитвенныя слезы, вмѣстѣ пролили и кровь свою за дорогое намъ отечество. Мы пришли къ вамъ учиться у васъ жить, какъ вы жили, и умирать, какъ вы умерли; а жили вы на землѣ для неба, какъ научала васъ жить любовь къ Богу, и умерли вы изъ любви къ отечеству. Вы погибли, но уготовили погибель губителямъ русскаго народа. За него, за народъ русскій, вы положили души свои и васъ не минуетъ вѣчная награда отъ Того, Кто сказалъ: больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя“.

Послѣ рѣчи началась тотчасъ панихида; пѣли наши пѣвчіе. По окончаніи ея, мы поклонились праху великихъ иноковъ и отправились къ священнику, у котораго заняли весь домъ и садъ. Часу въ третьемъ пополудни г. директоръ спросилъ, не проголодались ли мы, на чтѣ получилъ отвѣтъ, что послѣ такого похода очень не дурно было бы закусить. Тогда онъ тотчасъ же распорядился, чтобы принесли корзины съ провизіею и изготовили достаточное количество бутербродовъ, которые мы не преминули сейчасъ же истребить, послѣ чего вдобавокъ напились чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ. Послѣ такой сытной закуски мы отправились въ садъ, гдѣ, разбившись на кружки, занялись пѣніемъ. Погулявъ еще съ полчаса, мы очень чинно и попарно пошли въ Симоновъ монастырь. Когда мы вступили во внутренность его, то увидѣли превосходную картину: большое пространство, окруженное стѣною, было застроено церквами и кельями, промежутки между которыми занималъ садъ съ чистенькими дорожками, обсаженными по бокамъ деревьями; въ тѣни ихъ памятники

разной величины и формы. Въ церкви, въ это время, шла вечерня. При входѣ въ нее насъ объяло благоговѣйное чувство: таинственный полумракъ, тихое и стройное пѣніе монаховъ, безмолвіе предстоявшихъ — все располагало къ молитвѣ. Выйдя изъ церкви, мы пошли къ дому священника, гдѣ должны были обѣдать. Послѣ обѣда г. директоръ созвалъ пѣвчихъ, которые и пропѣли нѣсколько народныхъ русскихъ пѣсенъ, что привлекло къ калиткѣ сада огромную толпу любопытныхъ. Наконецъ запѣвъ; „дружно на праговы“, мы отправились къ рѣкѣ, гдѣ стояли наши лодки. Солнце только что начало приближаться къ горизонту, освѣщая небо вечернею зарею; кое-гдѣ холмы уже отбрасывали темныя полосатыя тѣни; небо изрѣдка было покрыто блуждающими облаками; воздухъ былъ чистъ и рѣдокъ, такъ что можно было слышать малѣйшій звукъ. Кругомъ царствовала мертвая тишина, нарушаемая только пѣніемъ и шумною болтовнею гимназистовъ, неправильными ударами веселъ и брызгами воды. Стемнѣло. Кругомъ ничего не стало видно, кромѣ мелькающихъ огоньковъ на фабрикахъ, отбрасывавшихъ на воду какой-то бурный, неопредѣленный свѣтъ. Но вотъ мы доѣхали до поворота Москвы-рѣки и увидѣли безчисленное множество огоньковъ, правильно расположенныхъ на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга. „Будетъ дождь“, сказалъ кто-то изъ гимназистовъ. Это замѣчаніе, къ несчастію, скоро оправдалось: дождь началъ накрапывать сильнѣе и сильнѣе, но мы не унывали и старались согрѣть себя пѣснями. — Ученикъ V класса *Н. Парена*.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О 3-й С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗИИ.

Нерѣдко приходитъ на мысль, неужели пропадаютъ безслѣдно тѣ внутренніе, невидимые, тяжелые труды, которые посвящаются въ гимназій образованію воспитанниковъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи? Едва ли. Какъ бы кто ни былъ забывчивъ, но въ иное время правдиваго сознанія невольно вспомнить, что приобретенными имъ свѣдѣніями много обязанъ онъ гимназій, что чувство долга и чести посѣяно въ немъ примѣромъ достойныхъ наставниковъ. Нуженъ только случай, чтобы добрыя воспоминанія проявились наружу. Этимъ случаемъ послужило праздновавшееся 3-ю С.-Петербургскою гимназіею 50-тилѣтіе ея существованія. Изъ среды многочисленнаго общества, собравшагося въ этотъ день, громко раздавались чувства признательности бывшихъ ея воспитанниковъ. Какъ одинъ изъ старѣйшихъ гимназистовъ, я присоединяю къ нимъ теперь и свой голосъ.

Первые учителя гимназій составляли небольшой кружокъ педагоговъ, которые, будучи посланы въ Англію для ознакомленія съ методом Ланкастера, довершили свое педагогическое образованіе подъ вліяніемъ школы Песталоцци, испытали свои преподавательскія способности въ учительскомъ, или педагогическомъ институтѣ 2-го разряда и приготовили 30 воспитанниковъ для поступленія въ высшій классъ открывшейся въ 1823 году нынѣшней 3-й гимназій. Эти учителя были: Ф. И. Буссе, М. М. Тимаевъ, А. Г. Ободовскій, К. Ф. Свенске. Они окончили уже свое земное поприще, прошли его съ пользою и честію, приобрѣли себѣ извѣстность какъ преподавателями, такъ и печатными трудами, не лишеными значенія въ свое время. Единомысленное съ ними сотрудничество и другихъ наставниковъ, о которыхъ упомянемъ, было руководимо опытнымъ въ педагогическомъ дѣлѣ инспекторомъ Ф. И. Миддендорфомъ, впоследствии директоромъ Главнаго педагогическаго института.

Считаю излишнимъ распространяться о томъ обдуманномъ методѣ стройнаго преподаванiя, который всѣ наставники внесли въ свои гимназическіе уроки. Достаточно сказать, что онъ сильно дѣйствовалъ на юные умы. Упомяну, между прочимъ, о слѣдующемъ: письменныя упражненiя по всѣмъ почти предметамъ считались существеннымъ занятіемъ, и на нихъ было обращено заботливое вниманіе.

Математика (преподаватель Θ . И. Буссе) по существу своему и обычнымъ приѣмамъ наиболѣе требовательна въ этомъ отношенiи, потому что задачи ея рѣшаются всегда письменно на доскѣ, или на бумагѣ. Но я разумѣю письменныя упражненiя не въ этомъ ограниченномъ смыслѣ, а въ другомъ, который требуетъ понятнаго, отчетливаго, краткаго изложенiя всего приѣма рѣшенiя, объясненiя всей выкладки словами, а не одними цифрами и алгебраическими знаками. Очень нерѣдко случается, что словесный отвѣтъ у доски выходитъ удовлетворителенъ, а написать тоже оказывается дѣломъ затруднительнымъ. Толковое письменное изложеніе весьма содѣйствуетъ прочному усвоенію предмета; приготовленіе къ экзамену не составляетъ тогда особеннаго труда. Въ то время, къ которому относятся мои воспоминанiя, по геометрiи предлагаемы были вопросы слѣдующаго рода: не придумаетъ ли кто своего доказательства на ту, или другую теорему? Было нѣсколько охотниковъ на такой вызовъ. Изъ одобренныхъ рѣшеній составилаь довольно большая тетрадь, въ которую они были вписываемы собственноручно. Наибольшее число иногда простыхъ, а иногда и замысловато сложныхъ доказательствъ придумано на извѣстную пифагорову теорему. Приложение тригонометрiи къ задачамъ землѣмѣрiя доведено было до весьма быстрыхъ вычисленій посредствомъ логарифмическихъ таблицъ Вега и Каллета.

М. М. Тимаевъ, излагавшій исторію, обладалъ даромъ слова, выражался ясно, во многихъ случаяхъ увлекалъ краснорѣчіемъ не напыщеннымъ, но исходившимъ отъ души, проникнутой великимъ значеніемъ историческихъ событій. Умѣнье говорить внятно весьма облегчало записываніе урока, такъ что отъ воспитанниковъ требовалось уже немного труда исправить записки и подать ихъ для просмотра. При сказываніи урока Тимаевъ требовалъ стройнаго, складнаго отвѣта, а неизбѣжными вопросами о времени событій и синхронистическомъ соотношеніи ихъ съ другими умѣлъ твердо занечатлѣть хронологію въ памяти своихъ слушателей. По окончаніи исторіи какого либо народа, или извѣстнаго ея періода, задаваемо было написать, въ опредѣленный срокъ, обзорѣніе главнѣйшихъ происшествій. Это со-

ставляло уже цѣлое сочиненіе, которое служило доказательствомъ болѣе или менѣе основательнаго усвоенія предмета воспитанниками. Такого рода задачи были въ то же время и упражненіемъ въ русскомъ языкѣ, на правильность коего и на слогъ обращалось особенное вниманіе. Сочиненія читались и обсуждались въ присутствіи всего класса.

Прочное начало къ изученію русскаго языка положено было еще въ учительскомъ институтѣ Карломъ Ѳеодоровичемъ Свенске. Начавъ съ объяснительнаго чтенія, разбора статей и потомъ письменнаго изложенія знакомыхъ предметовъ, послѣдовательно переходилъ отъ грамматики и логики. Такъ какъ въ институтѣ поступили лучшіе ученики изъ петербургскихъ уѣздныхъ училищъ, по предварительному экзамену, произведенному въ нихъ Ѳ. И. Миддендорфомъ, то К. Ѳ. Свенско удобно было вести дѣло серьезнымъ и научнымъ образомъ. Въ послѣдній годъ пребыванія нашего въ институтѣ К. Ѳ. объяснилъ какое значеніе имѣли первоначальные его уроки для будущихъ народныхъ учителей, казавшіеся дѣтскими и вызывавшіе иногда нетерпѣніе. Приобрѣтенныя въ институтѣ грамматическія и логическія свѣдѣнія и нѣкоторый навыкъ къ письму облегчали послѣдующія упражненія въ гимназій и доставили И. С. Пеннинскому, преподавателю русскаго языка и словесности, хорошо приготовленныхъ учениковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчили ему возможность заниматься риторикою, политикою и литературою. Въ гимназій К. Ѳ. Свенске преподавалъ нѣмецкій языкъ и умѣлъ заставить заниматься имъ. К. Ѳ. былъ олицетворенное благодушіе.

Развитая способность къ письменнымъ упражненіямъ и запасъ научныхъ свѣдѣній выразились предпріятіемъ, похожимъ на изданіе собственнаго журнала, подъ именемъ *Кое-что наше*. Въ немъ принимали участіе одни воспитанники старшаго класса гимназій¹⁾. Редакторомъ былъ предложившій эту затѣю даровитый товарищъ нашъ П. П. Шкляревскій, владѣвшій перомъ лучше всѣхъ насъ. Онъ переписывалъ своею, необыкновенно четкою рукою всѣ присылаемыя статьи въ тетрадку, которая переходила изъ рукъ въ руки безъ оглашенія именъ авторовъ. Образцами служили тогдашніе журналы Измайлова и Греча и мы старались поддѣлываться къ нимъ, включая и сатирическія замѣтки и объявленія. Большая часть статей принадлежала Шкляревскому. Онѣ состояли изъ собственныхъ его стихотвореній и

¹⁾ А не института, какъ напечатано въ краткомъ отчетѣ, читанномъ на актѣ 26-го января 1873 года.

переводовъ изъ Шиллера и Вергилія. Сочинителями разказовъ были В. С. Троицкій и П. В. Клейменовъ. Наша литературная затѣя заключилась 9-ю или 10-ю тетрадками, потому что наступало время окончательнаго экзамена.

А. Г. Ободовскій (учитель географіи) отличался живостію преподаванія своего предмета, который умѣлъ заставить полюбить сообщеніемъ основательныхъ свѣдѣній по землевѣдѣнію, сопровождавшихся любопытными разказами о разныхъ достопримѣчательностяхъ. Рисованіе картъ по сѣткамъ и черченіе ихъ на доскѣ, съ соблюденіемъ возможной правильности очертанія границъ, теченія рѣкъ, направленія горныхъ хребтовъ и т. д., составляло необходимое условіе хорошей отмѣтки по преподаваемому имъ предмету.

Помню, какъ, приходи домой вечеромъ съ субботы на воскресенье, и принимался съ особеннымъ удовольствіемъ, послѣ ранней обѣдни, за черченіе карты какого-нибудь государства. Нѣкоторые образцы подобныхъ занятій сохранились у меня и до сихъ поръ, напоминая счастливыя минуты благо довольства самимъ собою. Естественная исторія ограничивалась краткою систематикою ботаники, зоологіи и минералогіи. Во время загородныхъ лѣтнихъ прогулокъ въ праздничные дни и въ каникулы охотно собирали мы травы, полевые цвѣты, болотныя растенія и составляли гербаріи. Опредѣленіе родовъ и видовъ дѣлалось по *synopsis plantarum*. Будучи членомъ минералогическаго общества, А. Г. приносилъ въ классъ коллекціи минераловъ и по нимъ сообщалъ надлежащія свѣдѣнія.

Законъ Божій преподавалъ придворный протоіерей Г. И. Мансвѣтовъ съ такимъ успѣхомъ, что достигалъ не только твердаго знанія, но и усвоенія истинъ Св. Писанія всею душею. Это не были заученные на время уроки съ текстами, но свѣдѣнія, проникшія въ сознаніе дѣтей, возбуждавшія сочувственную готовность къ добросовѣстному примѣненію началъ нравственности, какъ въ житейскомъ быту, такъ и впоследствии на общественномъ поприщѣ. При толкованіи литургіи, о. Мансвѣтовъ умѣлъ соединять объясненіе историческаго значенія принадлежностей богослуженія съ внутреннимъ его смысломъ.

Преподавателемъ латинскаго языка былъ инспекторъ гимназіи, профессоръ римскаго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ, В. В. Шнейдеръ. У него мы начали учиться, что называется, съ азбуки, и послѣдовательно познакомились съ Корнеліемъ Непотомъ, Саллюстіемъ, Вергиліемъ, Цицерономъ, Горациемъ. Произведенія первыхъ трехъ писателей прочтены были вполне, почти отъ доски до доски;

изъ Саллюстія выучены наизусть всѣ пять главъ знаменитаго его вступленія, нѣсколько рѣчей Юлія Цезаря, замѣчательныя мѣста изъ Вергиліевой Энеиды и много изъ Горация. При чтеніи поэтовъ требовалось точное соблюденіе разнообразнаго стихосложенія Горация и плавныхъ гекзаметровъ Вергилія. Для переводовъ съ русскаго на латинскій употребляема была книга Böding'a. Этимологическая и синтаксическая правильность въ переводахъ на латинскій языкъ доведена была до умѣнья написать цѣлую страницу не только безъ грубыхъ граматическихъ, но и синтаксическихъ ошибокъ. Кромѣ того, сообщаемы были свѣдѣнія о римскихъ древностяхъ. Передъ самымъ экзаменомъ, по случаю окончанія курса, посѣтилъ гимназію ректоръ Петербургскаго университета Дегуровъ, и объявилъ, между прочимъ, представленному ему высшему классу воспитанниковъ, готовившихся къ выпуску, что онъ очень строго отнесется къ требованіямъ познаній изъ латинскаго языка. Но произведя неожиданно для насъ экзаменъ, и насмѣшивъ своимъ произношеніемъ латинскихъ словъ на французскій ладъ, остался доволенъ переводами à livre ouvert нѣсколькихъ авторовъ и цѣлою страницей съ русскаго на латинскій, написанною въ его присутствіи. Нѣкоторыхъ изъ бывшихъ воспитанниковъ пантелеймонской гимназіи, поступившихъ въ словесный и юридическій факультеты Петербургскаго университета, выбралъ въ свою аудиторію профессоръ Грефе, читавшій лекціи по обоимъ древнимъ языкамъ по латыни. Чтобы первокурсники прямо начинали слушать недоступныя для многихъ лекціи Грефе — до насъ не было примѣра; это было неожиданно въ университетскомъ быту новостію.

Относительно греческаго языка замѣчу, что мы много обязаны были дѣльному преподавателю этого предмета, А. Л. Крылову.

Не могу не упомянутьъ здѣсь нѣсколько словъ объ учительскомъ институтѣ 1820 года.

Учительскому институту, учрежденному за 50 лѣтъ передъ симъ, не суждено было залвить себя тѣми результатами, которые имѣлись въ виду при его основаніи; онъ былъ упраздненъ чрезъ три года своего существованія и преобразованъ въ 1823 году въ нынѣшнюю 3-ю гимназію. Институтъ инымъ образомъ отмѣтилъ свое краткое существованіе въ средѣ образовательныхъ учебныхъ заведеній. Сѣмена добра, посѣянныя примѣромъ добросовѣстнаго исполненія долга самими наставниками, познанія, вложенныя умѣньемъ учить, выросли и принесли хорошіе плоды въ цѣломъ составѣ бывшихъ воспитанниковъ, которымъ гимназія открыла свободный путь къ дальнѣйшему, выс-

шему образованiю, а это говоритъ въ пользу педагогическихъ началъ, которыя положены были въ основу учительскаго института. Не даромъ С. С. Уваровъ, попечитель С.-Петербургскаго университета, нерѣдко посѣщалъ это заведенiе, присутствовалъ въ классахъ, бесѣдовалъ съ учителями и ласково обращался съ воспитанниками, обѣщая имъ покровительство на предстоящемъ учительскомъ служенiи. Помню, однажды, Сергѣй Семеновичъ усѣлся у окна, и, призвавъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ насъ, любезно разговаривалъ — какъ держать себя, когда будемъ учителями, какъ исполнять эту пелегкую обязанность въ нашемъ юномъ еще возрастѣ, затѣмъ спрашивалъ насъ, что особеннаго замѣтили мы въ недавно совершенной нами прогулкѣ въ Петергофѣ? Мнѣ пришлось вспомнить о совѣтахъ Сергѣя Семеновича, когда на 63 году своей жизни, послѣ 35-лѣтняго профессорскаго служенiя, я вошелъ въ классъ народной школы, открытой мною въ Θεодосiи, мѣстѣ моего настоящаго жительства, и принялся за обученiе мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ нашемъ институтѣ предпринимались въ каникулярное время довольно дальнiя прогулки въ сопровожденiи всѣхъ учителей, на примѣръ, въ села Мурино и Токсово, въ Петергофъ и Оранiенбаумъ ¹⁾. Прогулки эти совершались пѣшкомъ; только двѣ повозки съ надлежащимъ запасомъ сопровождали пѣхоту, шедшую безъ ружей и не всегда правильнымъ строемъ. Одна изъ повозокъ отправлялась впередъ, чтобы къ привалу на мѣсто приготовить, чѣмъ утолить голодь и жажду уставшей молодежи. Прогулки загородныя составляли предметъ описанiй. Памятнымъ осталось прiятное впечатлѣнiе о ласковомъ прiемѣ, оказанномъ многочисленнымъ юнымъ гостямъ насторомъ Муральтомъ. До сихъ поръ живо представляется садовая терраса, на которой разставлены были столы, покрытые цвѣтными скатертями; на столахъ поразительно чистыя деревянныя кринки съ кислымъ молокомъ, подернутыя густою сметаной; женская прислуга, въ народныхъ чухонскихъ костюмахъ, готовила хлѣбъ съ масломъ, накладывая ломтики говядины. Нѣмецкое хозяйство впервые явилось тогда предо мною въ своемъ прiятельномъ и поучительномъ порядкѣ.

В. Лапшинъ.

¹⁾ Обращаемъ при этомъ вниманiе читателей на помѣщенную выше статью объ учебныхъ прогулкахъ и поведѣнiяхъ учениковъ 6-й Московской гимназiи. Изъ разказа г. Лапшина оказывается, что этотъ добрый и полезный обычай уже существовалъ въ прежнее время. *Ред.*

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Парижъ, 17/28 сентября 1873 года.

Не разъ уже приходилось мнѣ говорить въ своихъ письмахъ объ экзаменахъ на степень бакалавра, которыми заканчиваются наши лицейскіе курсы, и о вредномъ вліяніи ихъ на ходъ учебныхъ занятій. Ученики, поглощенные мыслью лишь о томъ, чтобы выдержать упомянутое испытаніе, пренебрегаютъ всѣми науками, не находящимися въ непосредственномъ съ нимъ отношеніи, и готовятся къ нему чисто механическимъ способомъ, что не соответствуетъ, конечно, задачамъ серьезнаго образованія. Недавно министръ народнаго просвѣщенія назначилъ особую комиссію для обсужденія тѣхъ мѣръ, которыми можно было бы отстранить это зло. Въ комиссіи засѣдали слѣдующіе члены: три епископа, гг. Патень, Мильнъ-Эдвардсъ, Лабуде, Равессонъ, протестантскій пасторъ, еврейскій раввинъ, по одному представителю отъ арміи и флота, и почти единогласно приняла она рѣшеніе, что отнынѣ будутъ двоякіе экзамены,—одинъ по окончаніи класса реторики для молодыхъ людей, по крайней мѣрѣ, 16-лѣтняго возраста, другой—годомъ позднѣе, по выходѣ изъ класса философіи. Предметами перваго изъ нихъ будутъ словесность, исторія и географія, а втораго—философія, физика, математика и новѣйшіе языки.

Комиссія, о которой говоримъ мы, назначила своимъ докладчикомъ епископа Орлеанскаго, монсеньора Дюпанлу, и на дняхъ появился его докладъ, составленный весьма подробно и обстоятельно. Начинается онъ вообще порицаніями противъ господствовавшей доселѣ системы экзаменовъ на степень бакалавра, ибо на экзаменахъ этихъ требовалось множество энциклопедическихъ свѣдѣній, которыя, по окончаніи ихъ, тотчасъ же улетучивались изъ головы. Затѣмъ реформа, придуманная комиссіею, излагается слѣдующимъ образомъ:

„Раздѣленіе испытаній для полученія степени бакалавра на два разряда приноситъ выгоду уже въ томъ отношеніи, что значительно облегчаетъ ихъ: молодые люди получаютъ возможность всецѣло предаться занятіямъ словесностью, не смущая свой умъ и не парализуя свою дѣятельность заботами о томъ, чтобы приготовиться къ отвѣтамъ по философін, точнымъ наукамъ и новѣйшимъ языкамъ. Съ другой стороны, во время экзаменовъ изъ философін и точныхъ наукъ они освобождаются отъ занятій исторіею и словесностью, и ничто не помѣшаетъ имъ сосредоточить свои усилія и вниманіе исключительно на столь важныхъ предметахъ. Очевидна выгода подобнаго нововведенія: вмѣсто того, чтобы наполнять голову бѣдныхъ молодыхъ людей энциклопедіею различныхъ, смутныхъ и безсвязныхъ, знаній, отнынѣ для каждаго испытанія назначается извѣстная и опредѣленная область, вслѣдствіе чего учебные предметы получаютъ болѣе опредѣленный характеръ и овладѣть ими, какъ въ совокупности, такъ и въ подробностяхъ, представляется дѣломъ уже несравненно менѣе труднымъ. Такимъ образомъ, можно надѣяться, что реторика и философія снова займутъ принадлежащее имъ мѣсто и что возвысится у насъ изученіе этихъ наукъ, ибо: 1) при окончаніи курса каждаго изъ упомянутыхъ двухъ классовъ назначается экзаменъ, что должно служить самымъ дѣйствительнымъ поощреніемъ къ труду; во 2) такъ какъ каждый экзаменъ облегченъ установленнымъ нынѣ раздѣленіемъ, то приготовленіе къ нему будетъ находиться въ большей соразмѣрности со способностями учениковъ и явится возможность излагать предметы учебнаго курса болѣе обстоятельно. А между тѣмъ, что происходило до сихъ поръ? Мы знаемъ, что значительное большинство учениковъ вовсе не занимались реторикою, не занимались также и философіею, а это послѣднее явленіе особенно печально. Нельзя отрицать его, потому что мы имѣемъ предъ собою официальные свѣдѣнія. Статистика экзаменовъ доказываетъ, что по крайней мѣрѣ треть, а часто и половина молодыхъ людей, допускаемыхъ къ испытанію, не проходили философскаго курса. Съ 1867 года указанное нами число, какъ въ парижскихъ лицеехъ, такъ и въ коллегіумахъ, постоянно возрастаетъ: въ лицеехъ Генриха IV и Карла Великаго, и въ коллегіумѣ Роллепа оно достигало ровно половины наличнаго числа воспитанниковъ; въ лицеехъ св. Лудовика и Версальскомъ равнялось половинѣ ихъ, а въ лицей Лудовика Великаго перешло далеко за половину. Въ этомъ послѣднемъ учебномъ заведеніи, съ 1867 до 1872. годовъ, изъ 433 воспитанниковъ, 230—слѣдовательно болѣе

половины,—явились на экзамень прямо изъ класса реторики, не будучи знакомы съ философіею. Необходимымъ слѣдствіемъ этого печальнаго положенія дѣль являлось крайнее послабленіе на экзаменахъ. По большей части кандидатъ, зная, какъ не велики требованія, сгѣшиль выйти изъ класса философіи и приготовлялся кое-какъ уже самъ, по учебнику. Но при господствѣ новой системы, испытанія сдѣлаются несравненно серьезнѣе, тѣмъ болѣе, что между первымъ и вторымъ изъ нихъ установленъ годичный срокъ, вслѣдствіе чего для самихъ молодыхъ людей не будетъ уже никакого повода пренебрегать классомъ философіи и они внимательно займутся изученіемъ этого предмета. Возвышенію уровня занятій не мало должна содѣйствовать также и бѣлая, сравнительно съ прежнимъ, требовательность на экзаменахъ: всѣмъ извѣстно, и сами профессора не отрицаютъ этого, что при господствовавшемъ доселѣ порядкѣ вещей, члены испытательныхъ комиссій невольно чувствовали состраданіе къ молодымъ людямъ, которымъ приходилось экзаменоваться по чрезмѣрно широкой программѣ, и довольствовались самыми посредственными отвѣтами какъ изъ философіи и математики, такъ и вообще изъ всѣхъ наукъ; теперь же, когда способъ испытаній упрощенъ, они не будутъ имѣть повода къ подобной снисходительности, и молодые люди остерегутся, конечно, замѣнять серьезное ученье торопливымъ и поверхностнымъ приготовленіемъ къ отвѣтамъ. Такимъ образомъ будетъ обезпечено для нихъ лучшее образованіе ума,—образованіе истинно либеральное, то-есть такое, которое постепенно разовьетъ всѣ ихъ способности, укрѣпитъ ихъ мышленіе и въ то же время обогатитъ ихъ память, дастъ имъ возможность приобрести основательныя знанія, а не отрывочныя только и беспорядочныя свѣдѣнія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ знаніемъ дѣйствительнымъ. Замѣтимъ, наконецъ, что отстранено будетъ отъ молодыхъ людей покушеніе пренебрегать,—какъ они часто дѣлали до сихъ поръ,—классами реторики или философіи, вслѣдствіе чего не придется (явленіе — отнюдь не исключительное) закрывать даже вовсе эти высшіе классы. Въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ пробудится снова разумная дисциплина и рвеніе къ серьезнымъ занятіямъ, а частной индустріи пресѣчена будетъ возможность учреждать *фабрики для подготовленія бакалавровъ* (*fabriques de bacheliers*)^а. Что касается до этого послѣдняго замѣчанія докладчика, то дѣйствительно нельзя назвать иначе, какъ фабриками тѣ многочисленныя наши частныя пансіоны, въ которыхъ берутся готовить къ выпуск-

ному экзамену молодыхъ людей, какъ бы плохо они ни учились въ лицейхъ.

Докладъ, о которомъ говоримъ мы, переходитъ затѣмъ къ различнымъ частнымъ вопросамъ, касающимся нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній: такъ, напримѣръ, онъ выражаетъ желаніе, чтобы классы не были переполнены. Въ настоящее время бываетъ въ нихъ иногда по 80 человѣкъ, тогда какъ это число слѣдовало бы ограничить 25. Кромѣ того, слѣдовало бы установить экзамены при переходѣ изъ одного класса въ другой, вслѣдствіе чего можно было бы удалять изъ лицеевъ воспитанниковъ, неспособныхъ къ ученью и только мѣшающихъ успѣхамъ своихъ товарищей. Необходимость подобныхъ повѣрочныхъ испытаній была уже указана г. Жюлемъ Симономъ въ его извѣстномъ циркулярѣ.

Недавно происходили у насъ два ученыхъ сѣзда, представлявшихъ, каждый въ свою очередь, значительный интересъ, а именно: въ Лионѣ—засѣданіи французскаго общества для преуславленія научныхъ знаній, и въ Парижѣ—конгрессъ ориенталистовъ. Что касается до перваго изъ нихъ, то мнѣ уже приходилось упоминать о немъ въ своихъ письмахъ: оно занимается преимущественно естественными науками и теперешній его сѣздъ былъ также блестящъ, какъ прошлогодній въ Бордо. Было бы затруднительно представить здѣсь отчетъ о замѣчательнѣйшихъ трудахъ, сообщенныхъ его членами: но тѣ изъ вашихъ читателей, которые интересуются этимъ предметомъ, могутъ найти свѣдѣнія о немъ въ различныхъ специальныхъ изданіяхъ, а именно—въ сентябрьской книжкѣ *Revue scientifique*, въ *Annuaire scientifique* г. Луи Фигье, долженствующемъ появиться въ непродолжительномъ времени, и въ отчетѣ, который будетъ обнародованъ самимъ обществомъ. Отчетъ 1872 года уже вышелъ въ свѣтъ: это огромный томъ съ 15 планами и съ 59 рисунками въ текстѣ, напечатанный весьма роскошно.

Конгрессъ ориенталистовъ засѣдалъ въ Парижѣ, въ одной изъ залъ Сорбонны. Онъ былъ устроенъ г. Леономъ де-Росни, профессоромъ японскаго языка въ здѣшней школѣ восточныхъ языковъ, а въ числѣ его членовъ были гг. Лонперрье, Опперть, Шаве, Эйгхофъ, Шефферъ (директоръ упомянутой сейчасъ школы), нѣсколько Персіанъ и Янонцевъ. Конгрессъ обратился съ приглашеніями на различныхъ языкахъ (и между прочимъ на еврейскомъ) къ замѣчательнѣйшимъ европейскимъ ученымъ, изъ которыхъ многіе не замедлили отвѣчать на этотъ призывъ. Въ программѣ конгресса обозначены

были всѣ главнѣйшіе вопросы, подлежавшіе обсужденію, и не лишнимъ будетъ замѣтить также, что учреждена была при немъ выставка произведеній восточнаго искусства, преимущественно японскихъ, которыя въ настоящее время входятъ у насъ въ большую моду. Что касается до ученыхъ произведеній, читанныхъ въ этомъ собраніи, то не всѣ они отличались одинаковымъ достоинствомъ: во Франціи почти каждый образованный человѣкъ имѣетъ попользованіе считать себя нѣсколько оріенталистомъ.

Въ концѣ прошлаго августа происходило во Французской Академіи торжественное засѣданіе. На подобныхъ торжествахъ произносятся обыкновенно двѣ рѣчи или отчета, совершенно противоположнаго содержанія: въ одной изъ нихъ идетъ рѣчь о наградахъ, присуждаемыхъ за добродѣтель (*prix de vertu*), ибо академія располагаетъ значительною суммою, завѣщанною ей для этой цѣли извѣстнымъ филантропомъ, барономъ Монтиономъ. Рѣчь эта не представляетъ особаго интереса для вашихъ читателей. Но академіи завѣщаны были также большія суммы съ цѣлью поощрять серьезную литературу, и она выдаетъ ежегодно преміи различнымъ авторамъ болѣе или менѣе важныхъ произведеній и размѣръ этихъ наградъ простирается обыкновенно отъ 1.000 до 10.000 фр. Считаю нелишнимъ указать здѣсь на нѣкоторые изъ увѣщанныхъ въ нынѣшнемъ году трудовъ.

Самая значительная премія въ 10.000 фр., такъ называемая, по имени своего учредителя, премія барона Гобера, выдается за важнѣйшее сочиненіе по исторіи Франціи. Прежде, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, она постоянно назначалась одному и тому же лицу, а именно знаменитому историку Августину Тьерри. Вслѣдствіе этого Тьерри и не попалъ въ академію, ибо сдѣлавшись ея членомъ, онъ не имѣлъ бы права пользоваться упомянутою наградой. Въ нынѣшнемъ году она была раздѣлена поровну между двумя произведеніями: „Исторією реставраціи“ покойнаго Альфреда Нетмана и „Исторією генеральныхъ штатовъ отъ 1355 до 1614 годовъ“ г. Жоржа Пикѡ. Авторъ перваго изъ нихъ, ревностный легитимистъ, скончался года два тому назадъ, а г. Пикѡ принадлежитъ къ парижской магистратурѣ. Въ трудѣ своемъ, который состоитъ изъ четырехъ обширныхъ томовъ, онъ особенно старается уяснить вліяніе генеральныхъ штатовъ на государственное управленіе, доказать, что упомянутые штаты всегда стремились утвердить въ странѣ принципы политической свободы, что имъ принадлежитъ инициатива самыхъ мудрыхъ реформъ,

осуществленныхъ Карломъ V, Лудовикомъ XII, Генрихомъ IV и Ришелье. Книга г. Пикё была уже увѣнчана академіею нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Вторую премію Гобера, въ 1.500 фр., получилъ въ нынѣшнемъ году г. Перрансъ за сочиненіе свое „L'église et l'état en France sous le regne de Henri IV. et la régence de Marie Medicis“ (Церковь и государство во Франціи въ царствованіе Генриха IV и регенство Маріи Медичисъ). Въ этомъ трудѣ содержатся въ высшей степени любопытныя указанія на то, какимъ образомъ французское правительство боролось съ неумѣренными притязаніями римской курии.

Въ академіи существуетъ еще одна премія, учрежденная г. Теруанномъ, для историческихъ сочиненій къ какой бы странѣ и къ какой бы эпохѣ они ни относились, не ограничиваясь только Франціею. Для сомисканія ея было представлено 14 произведеній, изъ коихъ увѣнчаны были два: одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ: „L'esprit public au XVIII siècle“ (Общественное настроеніе въ XVIII вѣкѣ), принадлежитъ г. Обертену. Авторъ занимаетъ должность профессора въ парижской нормальной школѣ и уже обратилъ на себя вниманіе книгою своею о соотношеніи между Сенекою и апостоломъ Павломъ. Въ новомъ своемъ сочиненіи онъ постановилъ себѣ задачею выяснить то движеніе идей и тѣ стремленія, слѣдствіемъ коихъ была французская революція. Оставляя въ сторонѣ первоклассныхъ писателей, какъ Вольтеръ, Руссо и др., которые уже подвергались многочисленнымъ изслѣдованіямъ, г. Обертень сосредоточиваетъ вниманіе свое преимущественно на мемуарахъ (нѣкоторые изъ нихъ впервые обнаружены имъ) и на корреспонденціи того времени.

Другое сочиненіе, удостоившееся получить половинную премію г. Теруанна, вышло изъ подъ пера женщины, очень извѣстной во французской литературѣ подъ псевдонимомъ Даниеля Стерна (графини д'Агу), написавшей, между прочимъ, „Исторію французской революціи 1848 года“, „Диалогъ Данте и Гёте“, нѣсколько политическихъ брошюръ и т. д. На этотъ разъ предметомъ своего изслѣдованія она избрала „Исторію возникновенія республики въ Нидерландахъ отъ 1581 до 1625 года“ (Histoire des commencemens de la république aux Pays-Bas) — предметъ весьма любопытный и сложный, который далъ возможность г-жѣ д'Агу блеснуть своимъ драматическимъ талантомъ.

Различныя преміи были выданы также г. Жоржу Перро (3.000 фр.) за его книгу „Eloquence politique et judiciaire à Athènes“ (Полити-

ческое и судебное краснорѣчіе въ Авинахъ), о которой мнѣ приходилось уже упоминать; г. Эдуарду Фурнье, одному изъ извѣстѣйшихъ нашихъ критиковъ (2.500 фр.), за его сочиненія: „Théâtre français avant la renaissance“ (Французскій театръ предъ эпохою возрожденія) и „Le théâtre français du XVI et du XVII siècles“ (Французскій театръ въ XVI и XVII вѣкахъ). Академія располагаетъ также премією въ 3.000 фр. для поощренія замѣчательнѣйшихъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ и въ нынѣшнемъ году она была присуждена г. Маньябалу за сдѣланный имъ переводъ „Исторіи испанской литературы“ Тикнора. Трудъ г. Маньябала тѣмъ почтениѣе, что въ немъ помѣщено много выписокъ изъ испанскихъ писателей, которыхъ не находится въ оригиналѣ. Преміи въ 2.500 фр. удостоились также: „Исторія римскаго краснорѣчія“ г. Верже, — посмертный трудъ, изданный г. Викторомъ Кюшевелемъ, и „Исторія французскихъ эпическихъ поэмъ въ XVII столѣтіи“ г. Виктора Дюшена. Это послѣднее сочиненіе—диссертация на докторскую степень, защищенная недавно авторомъ въ парижскомъ словесномъ факультетѣ. Не упоминаю о наградахъ, присужденныхъ за различныя экономическія и чисто-литературныя произведенія: вообще наша академія располагаетъ для подобныхъ наградъ ежегодно суммою отъ 40 до 50.000 фр.

Перехожу затѣмъ—и переходъ этотъ не можетъ показаться страннымъ—къ перечню новыхъ книгъ, имѣвшихъ въ послѣднее время особенный успѣхъ въ публикѣ. Къ самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ принадлежитъ, конечно, „Pythagore et la philosophie pythagoricienne“ (Пифагоръ и пифагорейская философія) г. Шенье. Трудъ этотъ еще не обратилъ на себя вниманія французской академіи, но академія нравственныхъ и политическихъ наукъ увѣнчала его премією, учрежденною знаменитымъ Кузеномъ для замѣчательнѣйшихъ сочиненій по философіи. Еще въ исходѣ 1868 года академія, о которой я упомянулъ сейчасъ, объявила эту тему для конкурса на 1871 годъ, но, вслѣдствіе тревожныхъ политическихъ обстоятельствъ, конкурсъ этотъ былъ отложенъ до нынѣшняго года. Сочиненіе г. Шенье написано по слѣдующей программѣ, составленной самою академіею:

1) Подвергнуть подробному критическому разбору всѣ, дошедшія до насъ отъ древнихъ временъ, свѣдѣнія о личности и ученіи Пифагора.

2) Объяснить и сравнить между собою сохранившіеся отрывки изъ сочиненій ближайшихъ его учениковъ, опредѣлить достовѣрность этихъ отрывковъ и обозначить взаимное ихъ сходство и различіе.

3) Изслѣдовать вліяніе, обнаруженное пифагорейскою философіею на другія философскія системы древности, преимущественно же на ученія Платона и неоплатониковъ.

4) Прослѣдить судьбы пифагорейской школы въ теченіи среднихъ вѣковъ и въ эпоху возрожденія.

5) Обозначить, что было истиннаго и ложнаго въ ученіи Пифагорейцевъ, и показать вліяніе этого ученія не только на философію, но и на науку.

Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ убѣдилась, что трудъ г. Шенье несравненно выше всѣхъ другихъ, представленныхъ для соисканія премии. Авторъ его — профессоръ древней литературы въ словесномъ факультетѣ города Пуатье и преимущественно занимается изученіемъ эстетики и греческой философіи: въ 1860 году онъ издалъ сочиненіе: „Les principes de la science du beau“, а въ 1862 году — „О психологіи Платона“, затѣмъ въ 1868 году „Жизнь Сократа“, а въ 1871 году „Жизнь Платона“. Появившимся нынѣ сочиненіемъ о Пифагорѣ заканчивается, такъ сказать, циклъ его трудовъ о великихъ греческихъ философахъ. Г. Нуррисонъ, которому академія поручила представить отчетъ о книгѣ г. Шенье, отозвался о ней съ большою похвалою, хотя и указалъ на нѣкоторые ея пробѣлы и недостатки. Дѣйствительно, она обладаетъ большими достоинствами. Не вдаваясь здѣсь въ подробный ея разборъ, укажу на одно обстоятельство, имѣющее значительную важность, но на которое во Франціи очень часто не обращаютъ вниманія, а именно — авторы нашихъ ученыхъ сочиненій не любятъ обромснить ихъ примѣчаніями и цитатами. Совершенно иначе поступилъ г. Шенье и этимъ еще болѣе возвысилъ, конечно, достоинство своего труда.

Одновременно съ нимъ появился другой, посвященный философіи и поэзіи, а именно: „Le roême de Lucrece“ (поэма Лукреція), соч. г. Мартя. Первое изданіе этой книги относится уже къ 1868 году и тогда она возбудила много споровъ: одни восхваляли ее, приписывая автору матеріалистическія тенденціи, другіе — именно съ этой точки зрѣнія — подвергали ее порицанію. Теперь, въ предисловіи къ новому изданію своего труда, г. Мартя предупреждаетъ, что не слѣдуетъ искать въ его книгѣ чего либо другаго, кромя того, что въ ней дѣйствительно находится. „Единственною моею цѣлью было, говоритъ онъ, познакомить публику съ Лукреціемъ и объяснить его доктрину господствовавшими въ древности понятіями, потребностями и нравами. Я почту себя счастливымъ, если мнѣ удалось сдѣлать этого

замѣчательнаго писателя доступнымъ большинству нашего образованнаго общества... Особенно же я имѣлъ въ виду нашу учащуюся молодежь. Необходимо открыть ей всѣ возвышеннѣйшіе источники поэзіи, философіи и краснорѣчія, а у кого, болѣе чѣмъ у Лукреція, найдетъ она столько нравственнаго энтузіазма, столь блестящія идеи, то стремленіе къ высокому, которое побуждаетъ пренебрѣгать мелочами искусства, и наконецъ блестящіе образы, напоминающіе Гомера, образы, которые, часто однимъ мѣткимъ стихомъ, возбуждаютъ воображеніе?... Многіе считаютъ хорошею только ту книгу, въ которой содержится кака-либо опредѣленная доктрина. Конечно, въ поэзіи Лукреція нѣтъ истины, но много частныхъ истинъ перемѣшано въ ней съ ложью и въ высшей степени полезно для изслѣдователя провести черту между тѣмъ и другимъ. Непосредственная выгода занятія философіею заключается въ самомъ изученіи ея. Оно во всякомъ случаѣ значительно обогащаетъ умъ изслѣдователя, если даже онъ и не достигаетъ того, чего искалъ"... Г. Марта занимаетъ должность профессора древняго краснорѣчія въ парижскомъ словесномъ факультетѣ. Самое капитальное его сочиненіе, изданное нѣсколько лѣтъ назадъ, это — „Etudes sur les moralistes latins de l'empire romain“ (Изслѣдованіе о римскихъ моралистахъ временъ имперіи).

Упомяну затѣмъ о новомъ произведеніи академика, г. Легуве, „Théâtre en vers“. Я прошелъ бы его молчаніемъ, ибо не имѣю обыкновенія говорить о театральныхъ пьесахъ, если бы не помѣщеніи были въ немъ двѣ трагедіи, изъ которыхъ одна, по содержанію своему, относится прямо къ классической древности, а именно „Медея“, прославленная игрою г-жи Ристори во всей Европѣ. Г. Патенъ, въ своихъ „Etudes sur les tragiques grecs“, не усомнился даже поставить се на ряду съ твореніями Эврипида!.. Кромѣ того, въ книгу, изданную г. Легуве, вошла историческая трагедія, сюжетъ коей заимствованъ изъ среднихъ вѣковъ.

Появившееся недавно новое изданіе Мольера заслуживаетъ обратить на себя вниманіе всѣхъ любителей литературы тѣмъ болѣе, что оно принадлежитъ книгопродавцу Гашету, составившему себѣ извѣстность отличными изданіями нашихъ классиковъ (Collection des grands écrivains). Мнѣ уже приходилось упоминать объ этой коллекціи, въ которую вошли г-жа Севинье, Лабрюйеръ, Ларошфуко, Расинъ, Корнель и Малербъ. Трудъ приготовить къ изданію сочиненія Мольера порученъ былъ г. Делуа, консерватору университетской бібліотеки, большому знатоку исторіи нашей литературы. Въ появившемся пятѣ

первомъ томѣ помѣщена вновь составленная біографія великаго писателя и множество комментаріевъ къ различнымъ произведеніямъ его молодости. Все изданіе должно состоять не менѣе чѣмъ изъ семи томовъ и будетъ, на ряду съ важными достоинствами въ бібліографическомъ отношеніи, отличаться также изящною внѣшностью, къ чему книгопродавецъ Гашеть давно уже пріучилъ французскую публику.

Заслуживаетъ также вниманія новый томъ весьма обширнаго сочиненія, подъ заглавіемъ: „Voltaire et la société française aux XVIII siècle“ (Вольтеръ и французское общество въ XVIII столѣтіи). Почтенный авторъ его, г. Денуарестерръ (Desnoirestegres) уже нѣсколько лѣтъ сряду занимается этимъ предметомъ. Вотъ содержаніе прежнихъ выпусковъ: „Молодость Вольтера“ (нѣтъ уже болѣе въ продажѣ); „Вольтеръ въ замкѣ Сирси“; „Вольтеръ при дворѣ“; „Вольтеръ и Фридрихъ Великій“. Вышедшій нынѣ въ свѣтъ пятый томъ озаглавленъ: „Voltaire aux Delices“ (нижніе, принадлежавшее ему на берегу Женевскаго озера). Трудъ г. Денуарестерра, самый обширный изъ всѣхъ существующихъ о Вольтерѣ, изобилуетъ любопытными подробностями и написанъ отличнымъ языкомъ.

Вольтеръ не предвидѣлъ, конечно, страшный переворотъ, наступившій во Франціи вскорѣ послѣ его смерти. Этотъ переворотъ, — особенно же одинъ изъ его эпизодовъ, извѣстный подъ названіемъ террора, — продолжаетъ до сихъ поръ служить у насъ предметомъ тщательныхъ изслѣдованій и недавнія неистовства коммуны болѣе чѣмъ когда-нибудь пробудили къ нему интересъ. Одинъ изъ добросовѣстнѣйшихъ нашихъ историковъ, г. Валлонъ (Wallon) — посвятилъ ему два тома подъ заглавіемъ: „La terreur. Etudes critiques sur l'histoire de la révolution française“ (Терроръ, критическія изысканія французской революціи). Авторъ не ограничился разборомъ предшествовавшихъ ему писателей — Тьера, Мишле и др., но сообщаетъ много новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ изъ нашихъ національныхъ архивовъ. Особенно любопытны вышли у него главы о тогдашнихъ клубахъ и тюрьмахъ. Г. Валлонъ занимаетъ катедру всеобщей исторіи въ Сорбоннѣ: это тотъ самый ученый, который уже составилъ себѣ почетную извѣстность своими изслѣдованіями о рабствѣ въ древнемъ мірѣ, Жапнѣ Даркѣ и т. д.

Переходи къ трудамъ по части иностранной литературы, мы видимъ, что Германія, по прежнему, почти исключительно занимаетъ вниманіе нашихъ писателей. Съ особеннымъ усердіемъ изучаютъ они,

между прочимъ, Гёте: на дняхъ появился новый переводъ его Фауста, — переводъ, не представляющій ничего необыкновеннаго, кромѣ предисловія къ нему, вышедшаго изъ подъ пера г. Дюма-сына. Отецъ этого писателя довольствовался, какъ извѣстно, скромною ролью романиста и драматурга, старался доставить публикѣ заманчивое чтеніе и успѣвалъ въ этомъ; но у сына его совершенно другія притязанія: онъ сочиняетъ парадоксальныя піесы на тему различныхъ социальныхъ вопросовъ и самъ, въ обширныхъ предисловіяхъ, принимаетъ на себя трудъ объяснять изъ значеніе. Теперь, по поводу Гёте, онъ занялся эстетикою, и признаюсь откровенно, среди этой безконечной болтовни, среди отрывочныхъ и давно всѣмъ извѣстныхъ свѣдѣній о легендѣ Фауста и о жизни великаго германскаго писателя, очень не легко уловить его собственную мысль. Повидимому, состоитъ она въ слѣдующемъ: Фаустъ представляетъ собою человѣчество, — человѣчество вообще, внѣ всякихъ національныхъ и временныхъ условій; Фаустъ, это — служитель Бога, который, съ соизволенія Создателя, подвергается искушенію, но подъ конецъ долженъ неминуемо восторжествовать надъ своимъ искусителемъ. Пусть духъ тьмы утѣшается своею временною и неполною побѣдою, но придетъ день, когда Фаустъ потребуеъ отъ него послѣдняго слова обѣщаннаго ему знанія, и демонъ не въ состояніи будетъ удовлетворить это любопытство. Тогда Фаустъ проникнется только однимъ желаніемъ — покинуть демона и возвратиться къ Богу, держа одною рукою побѣжденнаго сатану, а другою — спасенную Маргариту. Вотъ идеальное человѣчество послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ заблужденій, отважныхъ порывовъ и паденій. Таковъ, по мнѣнію г. Дюма, долженствовало бытъ планъ второй части Фауста, но Гёте не умѣлъ выполнить своей задачи.

Достаточно, и полагаю, упомянуть о воззрѣніяхъ г. Дюма-сына, не подвергая ихъ критическому разбору.

Несравненно болѣе почтенныя труды тѣхъ изъ нашихъ профессоровъ, которые, не гонясь за эффектами и парадоксами, приняли на себя скромный трудъ распространять во французской публикѣ знакомство съ нѣмецкою литературою. Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними принадлежитъ г. Мезьеру; затѣмъ г. Боссертъ (Bossert) продолжаетъ свои изслѣдованія о Шиллерѣ и Гёте и недавно издалъ новую о нихъ книгу, — книгу, написанную ясно, отчетливо и съ замѣчательнымъ талантомъ. Трудъ этотъ, весьма полезный, какъ для чтенія, такъ и для справокъ, наполненъ извлеченіями изъ нѣмецкихъ

авторовъ, сдѣланными весьма удачно. Тутъ же слѣдуетъ упомянуть о другой книгѣ въ томъ же родѣ, а именно—объ „Избранныхъ отрывкахъ изъ Гёте“, вышедшихъ подъ редакцію г. Леви.

Французскіе ученые и литераторы много занимаются теперь также и Россією, и въ доказательство этого стоитъ лишь упомянуть о статьяхъ, которыя въ послѣднее время были посвящены въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ вашему отечеству. Въ *Revue des deux mondes* появились три такихъ статьи: одна—о былинахъ Петра Великаго, другая—о народныхъ русскихъ сказкахъ (по поводу книги Ральстона) и наконецъ третья—о физическихъ и экономическихъ условіяхъ русскаго землевладѣнія. Въ *Revue des questions historiques* мы встрѣчаемъ обзоръ важнѣйшихъ историческихъ сочиненій, появившихся на русскомъ языкѣ; въ *Revue archeologique*—свѣдѣнія объ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ; въ *Revue critique d'histoire et de litterature* разборъ сочиненія г. Осокина объ Альбигойцахъ. Наконецъ, извѣстный ученый г. Альфредъ Мори, хорошо знакомый съ русскимъ языкомъ, посвятилъ въ *Journal des savants* подробную статью сочиненію вашего соотечественника, г. Лучицкаго: „Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи“.—„Книга г. Лучицкаго, говоритъ онъ, представляетъ собою весьма почтенный трудъ, имѣющій полное право на вниманіе критиковъ и ученыхъ. Къ сожалѣнію (?), онъ написанъ на языкѣ, мало извѣстномъ у насъ, и потому не найдетъ вовсе читателей во Франціи. Вслѣдствіе того, я счелъ не лишнимъ воспользоваться слабыми познаніями своими въ русскомъ языкѣ, чтобы познакомить моихъ соотечественниковъ съ произведеніемъ молодаго ученаго; постараюсь такимъ образомъ восполнить, по мѣрѣ моихъ силъ, печальную утрату, сдѣланную нами въ лицѣ нашего дорогаго сотоварища, г. Проспера Мериме, который основательно зналъ по-русски и представлялъ, преимущественно въ *Journal des savants*, отчеты о русскихъ историческихъ сочиненіяхъ“. Г. Мори весьма подробно разбираетъ книгу г. Лучицкаго, приводитъ изъ нея много выписокъ, иногда не соглашается съ ея выводами, и въ заключеніи говоритъ: „Въ книгѣ этой преобладаютъ нѣкоторыя общія идеи, требующія болѣе твердыхъ доказательствъ, но во всякомъ случаѣ факты изложены въ ней ясно, связь между различными ея частями обдуманна очень хорошо и видно, что авторъ искусно пользовался документами“. Замѣчу при этомъ, что г. Лучицкому, во время пребыванія его во Франціи, удалось отыскать въ южныхъ архивахъ значительное число весьма любопытныхъ документовъ. Общество исторій

французскаго протестантизма (*Société d'histoire du protestantisme français*) было очень обрадовано этою находкою; оно помѣстило въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Bulletin historique et littéraire* отчетъ о трудахъ русскаго автора и въ то же время приступило къ печатанію на свой счетъ новыхъ документовъ, заимствованныхъ изъ петербургской публичной библиотеки, которые относятся къ событіямъ, послѣдовавшимъ за Варооломеевскою ночью.

Въ заключеніе обращаю вниманіе вашихъ читателей на весьма любопытное сочиненіе, посвященное современному востоку, а именно — на „Кругосвѣтное путешествіе“ барона Гюбнера (*Voyage autour du monde, par le baron de Hubner*). Это одна изъ книгъ, имѣющихъ наиболѣе успѣха въ настоящее время, и уже чрезъ нѣсколько недѣль послѣ ея выхода, потребовалось второе ея изданіе. Хотя написана она по французски, но авторъ — австрійскій дипломатъ, бывший долгое время посланникомъ сначала въ Римѣ, а затѣмъ въ Парижѣ; теперь онъ отказался отъ политической дѣятельности и занимается исключительно литературою. Какъ извѣстно, въ прошломъ году издалъ онъ „Исторію Сикста V“ въ трехъ томахъ, отличающуюся весьма серьезными учеными достоинствами. Путешествіе, о которомъ идетъ рѣчь въ новой его книгѣ, было совершено имъ въ 1871 году: г. Гюбнеръ говоритъ въ предисловіи, что предпринимая его, онъ имѣлъ цѣлью изслѣдовать — въ американскомъ *far West* цивилизацію въ борьбѣ съ дѣвственною природою; въ японской имперіи — усилія, къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые изъ просвѣщенныхъ ея гражданъ, чтобы двинуть свою страну по пути прогресса; въ Китаѣ — упорное противодѣйствіе массы европейскимъ идеямъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собою цѣлый рядъ весьма любопытныхъ *Culturstudien*. Высокое общественное положеніе автора облегчило ему возможность видѣть многое, что было бы недоступно всякому другому путешественнику, — такъ напримѣръ, онъ долго бесѣдовалъ съ главою Мормоновъ, имѣлъ аудіенцію у японскаго императора. Книга его, написанная весьма умно и занимательно, сообщаетъ чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія о странахъ, которыя доселѣ были еще мало изслѣдованы.

Л. Л.—рл.

ИЗВѢСТІЯ, О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета въ 1872 году, личный составъ преподавателей; вакантныя кѣседры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; темы для соисканія наградъ медалями; перечень ученыхъ трудовъ преподавателей и читанныхъ ими публичныхъ лекцій; испытанія на ученые степени и званія; командировки съ ученою цѣлю; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій. — Проектъ правилъ объ испытаніяхъ для пріобрѣтенія званія провизора, предложенный профессоромъ Харьковскаго университета Зарубиннымъ. — Избраніе профессора Казанскаго университета Заленскаго въ ordinарные профессора.

Въ 1872 году въ Московскомъ университетѣ состояло на лицо преподавателей, сверхъ ordinарнаго профессора богословія: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ordinарныхъ профессоровъ (въ томъ числѣ одинъ сверхштатный) — 9, экстраординарныхъ — 2, доцентовъ — 4, лекторовъ — 4; въ физико-математическомъ: ordinарныхъ — 11 (въ томъ числѣ директоръ астрономической обсерваторіи), экстраординарныхъ — 3, доцентовъ и исправляющихъ должность адъюнкта, сравненныхъ съ доцентами — 3, лаборантовъ — 4, астрономъ-наблюдатель — 1; въ юридическомъ: ordinарныхъ — 6, экстраординарный — 1, доцентовъ — 2; въ медицинскомъ: ordinарныхъ (въ томъ числѣ одинъ, получающій содержаніе по должности экстраординарнаго профессора) — 12, экстраординарныхъ — 4, доцентовъ — 14, прозекторовъ — 2, помощниковъ прозектора — 3, лаборантовъ — 2. Вообще состояло на лицо преподавателей: ordinарныхъ профессоровъ (включая профессора богословія, директора астрономической обсерваторіи и одного, получающаго содержаніе экстраординарнаго профессора) — 39, экстраординарныхъ — 10, доцентовъ и исправляющихъ должность адъюнкта, сравненныхъ съ доцентами, — 23, лекторовъ — 4, прозекто-

ровъ — 2, помощниковъ прозектора — 3, лаборантовъ—6, астрономъ-наблюдатель—1. Загѣмъ состояло сверхъ штата: лаборантовъ—2, стороннихъ преподавателей—6, приватъ-доцентовъ—9.

Вакантными были слѣдующія каѣдры: энциклопедіи права, исторіи славянскихъ законодательствъ, римскаго права, международнаго права, гражданскаго судоустройства и судопроизводства. Всѣ эти каѣдры, кромѣ каѣдры римскаго права и международнаго права, вакантны со дня утвержденія дѣйствующаго университетскаго устава, то-есть, съ 18-го іюня 1863 года. Каѣдра римскаго права сдѣлалась вакантною по случаю выхода въ отставку заслуженнаго профессора Крылова, каѣдра международнаго права — по случаю переименованія профессора Капустина директоромъ Ярославскаго демидовскаго юридическаго лица, а каѣдра гражданскаго судоустройства и судопроизводства—со времени раздѣленія каѣдры гражданскаго права и гражданскаго судоустройства.

Въ теченіе 1872 года факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій — 24, физико-математическій — 19, юридическій — 17, медицинскій — 41. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ занятіями ихъ были приняты слѣдующія мѣры: на историко-филологическомъ факультетѣ — увеличеніе числа часовъ историческаго и русскаго семинарія и назначеніе ежегодно трехъ темъ для соисканія медалей, вмѣсто одной; на физико-математическомъ—сверхъ назначеннаго для лекцій времени, студенты, подъ руководствомъ профессоровъ и преподавателей, занимались въ кабинетахъ, музеяхъ, и лабораторіяхъ практическими упражненіями по математическимъ наукамъ; на юридическомъ—обращено было особенное вниманіе на курсовыя сочиненія студентовъ, и эта мѣра достигала своихъ цѣлей: профессора удобно и вѣрно могли контролировать домашнія занятія студентовъ, разбираемыя сочиненія показывали, что читаютъ студенты и какъ усваиваютъ прочитанное; на медицинскомъ — студенты ежедневно занимались на многочисленныхъ лекціяхъ, которыя, на нѣкоторыхъ курсахъ продолжаются отъ 8 часовъ утра до 3 часовъ пополудни; сверхъ того, они занимаются практически и въ часы, свободные отъ лекцій, показанныхъ въ распisanіи. Въ анатомическихъ театрахъ они разсѣкаютъ трупы съ цѣлю изученія нормальной, хирургической и патологической анатоміи и судебной медицины; здѣсь же упражняются въ производствѣ операций на трупахъ и изучаютъ практически общую патологию. Въ кабинетахъ физиологическомъ и гистологическомъ, въ анато-патологиче-

скомъ театрѣ студенты занимаются практическимъ изученіемъ физиологіи и гистологіи нормальной и патологической; въ химической лабораторіи практически изучаютъ медицинскую химию, въ лабораторіи фармацевтической—фармацію. Въ клиникахъ они пишутъ исторіи болѣзней на основаніи собственнаго изслѣдованія больныхъ и, въ случаѣ нужды, сами производятъ термометрическія, химическія и микроскопическія опредѣленія. Профессору судебной медицины студенты представляютъ протоколы судебно-медицинскихъ изслѣдованій. Студенты всѣхъ курсовъ подвергаются въ концѣ академическаго года экзамену.

Для соисканія наградъ медалями, въ 1872 году предложены были студентамъ слѣдующія темы: въ историко-филологическомъ факультетѣ—„De Caji Sallustii Crispi vita, scriptis, dicendi genere“; въ физико-математическомъ— „О таутохронизмѣ“, въ юридическомъ— „() влияніи возраста на вмѣненіе“; въ медицинскомъ— „Лѣченіе скоротечнаго воспаленія легкихъ“. За представленныя на эти темы сочиненія награждены медалями: а) золотыми—въ физико-математическомъ факультетѣ студентъ IV курса *Шапошниковъ*, въ юридическомъ— кандидатъ выпуска 1872 года князь *Ливскъ* и студентъ IV курса *Скрябинъ*, въ медицинскомъ—студентъ V курса *Маминъ*; б) серебряными—въ историко-филологическомъ факультетѣ дѣйствительный студентъ выпуска 1872 года *Панкратовъ*, въ физико-математическомъ—студентъ IV курса *Ливенцовъ*, въ юридическомъ— студентъ IV курса *Козачковъ*, въ медицинскомъ—лѣкарь выпуска 1872 года *Кондиревъ*. Удостоены похвальнаго отзыва: въ историко-филологическомъ факультетѣ— кандидатъ выпуска 1872 года *Розенквистъ*, въ юридическомъ—студенты: IV курса—*Новиковъ*, *Добрянскій* и *Субботинъ* и III курса—*Проселковъ*. Сверхъ того, за особые успѣхи въ древнихъ языкахъ, вслѣдствіе конкурса, историко-филологическимъ факультетомъ назначены три половинныя преміи студентамъ: III курса—*Зброславскому*, I курса—*Грефе* и II курса—*Беньяшину*, а студентъ II курса *Ярешъ* удостоенъ похвальнаго отзыва.

Въ 1872 году преподаватели напечатали слѣдующіе ученые труды: заслуженный профессоръ *Соловьевъ*—XXII томъ „Исторія Россіи“; въ журналѣ „Вестъда“—„Время Людовика XIV на западѣ, время Петра Великаго на востокѣ“; заслуженный профессоръ *Петровъ*—переводъ вступленія изъ Дѣджи тарангина или Г'ѣки царей; заслуженный профессоръ *Кутора*— „О счетахъ у древнихъ Грековъ“, „Исторія слова камешекъ, ἡ πέτρα“. Обыкновенные профессора: *Сервисскій*— книгу

подъ заглавіемъ: „Апологетическія чтенія объ основныхъ источникахъ христіанской вѣры“; *Бабстъ* — 1-й выпускъ курса Политической экономіи, *Юркевичъ* занимался изслѣдованіями по методикѣ народной школы, часть которыхъ изложена въ статьѣ „Звуковая метода“, напечатанной въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“; *Буслаевъ* — лекціи спеціального курса въ монографіи подъ заглавіемъ „Сравнительное изученіе народнаго быта и поэзіи“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и 3-е изданіе учебника русской грамматики; *Бредихинъ* — статью „О кометахъ“; *Бяляевъ* — первую часть разказовъ изъ исторіи сѣверо-западнаго края Россіи; *Соколовскій* — второе изданіе руководства общей фармакологіи и рецептуры; *Буцаевъ* — а) въ Comptes rendus Парижской академіи замѣтку „Résolution d'une question numérique“, б) въ „Математическомъ Сборникѣ“ вторую часть сочиненія „Чтеніе о числовыхъ производныхъ“, „Обобщенные числовые ряды и проч.“; *Поповъ* — нѣсколько статей историческаго содержанія въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“, „Православномъ Обзорѣніи“ и „Русскомъ Архивѣ“; *Усовъ* напечаталъ подъ своею редакціею зоологію Клауса; *Соколовъ* — въ „Православномъ Обзорѣніи“ статьи: „О церковной реформаціи въ Англіи“, „Судьбы польской системы церковнаго управленія“; *Герье* — въ „Вѣстникѣ Европы“ статью „О кронпринцессѣ Шарлоттѣ“; Экстраординарные профессора: *Клейнъ* — въ медицинскомъ отчетѣ по Московскому воспитательному дому статьи: а) „Статистика болѣзненныхъ явленій, которыя найдены при вскрытіи труповъ дѣтей, умершихъ въ грудныхъ лазаретахъ Московскаго воспитательнаго Дома въ 1871 году“; б) „Анатомо-патологическая казуистика по Московскому воспитательному дому за 1871 годъ“, и в) *Pelvis spondyloisthematica Mosquensis*; *Иванцовъ-Платоновъ* — въ „Православномъ Обзорѣніи“ нѣсколько статей и первая лекціи по исторіи церкви, читанныя въ университетѣ; *Стольцовъ*: а) въ „Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ — „Изслѣдованія о функціи намагниченія мягкаго желѣза“ (извлеченіе напечатано въ Poggen-dorff's Annalen der Physik und Chemie 1872 г., № 7); въ „Математическомъ Сборникѣ“ — „Обратный выводъ основнаго электро-динамическаго закона“. Доценты: *Стороженико* — диссертацию на степень магистра всеобщей литературы, подъ заглавіемъ „Предшественники Шекспира“; *Дювернуа* — сочиненіе „Объ основныхъ элементахъ и формахъ славянскихъ нарѣчій“; *Саблеръ* — диссертацию „О значеніи давности въ уголовномъ правѣ“; *Умовъ* — диссертацию „О договорѣ пайма имущества по римскому праву и новѣйшимъ иностраннымъ законо-

дательствамъ"; *Герцъ*: въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ — XX писемъ изъ Италіи и Сициліи и въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ — статью подъ заглавіемъ: „Восточное и древне-греческое искусство“; *Медердегъ* — въ протоколахъ учебнаго отдѣла политехнической выставки и отдѣльными брошюрами „Значеніе школьной гигиены“. Лекторы: *Фелькель* — первые четыре книги „Записокъ Юлія Цезаря о гальской войнѣ“ съ примѣчаніями и картою Галліи; *Гемиліанъ* — книжку „Собраніе древесныхъ породъ русскихъ и заграничныхъ“, съ приложеніемъ самыхъ образцовъ; *Смитъ* — въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статью „Объ ореографіи англійскаго языка“. Старшій преподаватель *Виберъ* — диссертацию на степень магистра греческой словесности, подъ названіемъ „De optativi graeci indole et natura“. Хранитель минералогическаго кабинета *Милашевичъ* — „Исслѣдованіа о строеніи комумелы у Lonsdalcia“. Ординаторъ *Постоловъ* — въ „Медицинскомъ Вѣстникѣ“ статью „О лѣченіи бубоновъ аппаратомъ Dielafoy и случай излѣченія фагаденіческаго сифилиса прижиганіемъ каленымъ желѣзомъ“, Помощникъ проректора *Барсовъ* — переводъ съ нѣмецкаго „Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и объ его преобразованіяхъ“ и съ французскаго — „Путешествіе чрезъ Московію Корнилія Де-Вруппа“, оба съ своими предисловіями и примѣчаніями. Публичныя лекціи читали: заслуженный профессоръ *Соловьевъ* — двѣнадцать лекцій о Петрѣ Великомъ, ординарный профессоръ *Сергеевскій* — десять лекцій о библейской исторіи творенія въ связи съ естествознаніемъ, и ординарный профессоръ *Бредихинъ* — десять лекцій физической астрономіи, и съ половины декабря началъ новый рядъ публичныхъ лекцій по астрономической физикѣ.

Совѣтъ Московскаго университета имѣлъ въ теченіе 1872 года 25 засѣданій. Утверждены: въ степени доктора: русской словесности — *Дювернуа*, физики — *Столытовъ*, ботаники — *Чистяковъ*, политической экономіи — *Симоненко*, уголовного права — *Миклашевскій*; въ степени доктора медицины — *Остролазовъ*, *Булакъ*, *Скворцовъ*, *Ельцинскій*, *Сперанскій*, *Ключарьяницъ*, *Оболевъ*, *Ураносовъ*, *Розенбергъ*, *Фогель*, *Жуковскій*, *Иерусалимскій* и *Костаревъ*; въ степени магистра: русской исторіи — *Ключевскій*, греческой словесности — *Виберъ*, физики — *Умовъ*, чистой математики — *Сонинъ*, зоологій — *Сардиндинаки*, государственнаго права — *Ворошиловъ*, уголовного права — *Саблеръ*, гражданскаго права — *Умовъ* и *Карисевичъ*, фармаціи — *Феррейръ*. Затѣмъ удостоены: степени кандидата: по историко-филологическому факультету — 12, по физико-математическому — 20, по юридическому — 91; званія дѣйстви-

тельнаго студента: по историко-филологическому—6, по физико-математическому—15, по юридическому—90. По медицинскому факультету удостоены степеней и званій—294. Возведенъ въ степень доктора римской словесности—исправляющій должность адъюнкта *Ивановъ*. Оставлены при университетѣ для приготовления къ профессорскому званію: *Фортуатовъ*—по всеобщей исторіи, *Сперанскій*—по кафедрѣ философіи, *Преображенскій*—по механикѣ, *Коржавинъ*—по уголовному праву, *Макаровъ* и *Мамонтовъ*—по международному праву, *Орловъ*—по общественному праву, *Алексѣевъ*—по кафедрѣ акушерства, *Арсеньевъ*—по кафедрѣ эмбриологіи, гистологіи и сравнительной анатоміи. Съ высочайшаго соизволенія командированы за границу съ ученою цѣлью: ординарные профессора *Слудскій* и *Бабушинъ*, доценты *Чистяковъ* и *Гаазъ*, исправляющій должность адъюнкта *Кирилловъ* и преподаватель *Рюевичъ*.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на 1872 годъ было ассигновано: на содержаніе личнаго состава 221.126 руб. 60 коп., на содержаніе стипендіатовъ—57.940 руб., на прибрѣтеніе книгъ и журналовъ для университетской бібліотеки—7.000 руб., на содержаніе ботаническаго сада, обсерваторіи, кабинетовъ и лабораторій—21.820 руб., на отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ и содержаніе въ чистотѣ зданій—45.000 руб., на содержаніе факультетскихъ клиникъ и студенческой больницы—27.299 руб., на вольнонаемныхъ писцовъ и канцелярскіе расходы—4.000 руб., на содержаніе нижнихъ служителей—11.000 руб., на содержаніе православной церкви съ причтомъ—2.100 руб. По смѣтѣ специальныхъ средствъ, доходовъ по которой изчислено было 67.806 руб. 88 коп., израсходовано: на содержаніе четырехъ стипендіатовъ имени въ Божѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича—600 руб., на содержаніе оставленныхъ при университетѣ кандидатовъ и лѣкарей—7.200 руб., на содержаніе за границею приготовляющихся къ профессорскому званію—4.500 руб., на разныя изданія для университета и на печатаніе „Университетскихъ Извѣстій“—4.000 руб., на жалованье и плату сверхъ штатнаго положенія, на усиленіе средствъ канцеляріи, на студенческую бібліотеку и другіе расходы—9.892 руб., на награды за рѣшеніе задачъ—350 руб., на расходы по анатомическому театру факультетскихъ клиникъ при преподаваніи хирургіи и при практическихъ экзаменахъ врачей, а также на издержки по госпитальной клиникѣ офталміатріи—900 руб., 2% вычета въ суммы ученаго комитета—1.069 руб. 20 коп., на разные расходы по усмо-

трѣтию совѣта, на основаніи §§ 42 и 109 устава университетовъ—10.631 руб., на содержаніе стипендіатовъ—14.317 руб. 80 коп., на выдачу премій—175 руб., на плату за слушаніе лекцій 200 руб., на содержаніе двухъ кроватей въ клиникахъ—252 руб. 20 коп., на содержаніе Ларинскаго училища, отчисленные въ доходъ государственнаго казначейства—5.380 руб. Остальные затѣмъ 8.239 руб. 68 коп. обращены въ процентныя бумаги для усиленія капитала. Дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію университетскаго суда, въ 1872 году не было.

Студентовъ къ 1-му января 1872 года состояло на лицо 1.552; въ теченіе 1872 года вновь поступило 208, въ томъ числѣ: изъ гимназій—37, изъ духовныхъ семинарій—44, изъ другихъ университетовъ—110, изъ бывшихъ студентовъ Московскаго университета—17; выбыло: до окончанія курса—88, по окончанія курса—289; затѣмъ къ 1-му января 1873 года состояло на лицо 1.353; по факультетамъ они были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ—97, на физико-математическомъ—136 (въ томъ числѣ въ разрядѣ математическихъ наукъ—113, въ разрядѣ естественныхъ наукъ—23), на юридическомъ—588 и на медицинскомъ—532. Стороннихъ слушателей было 44; аптекарскихъ помощниковъ, слушавшихъ лекціи предметовъ, входящихъ въ составъ провизорскаго экзамена—163. Изъ числа студентовъ было освобождено отъ платы за слушаніе лекцій 607, что составляетъ 44, 8% общаго числа; слушателей за половинную плату было 46. Изъ общей стипендіальной суммы употреблено на выдачу стипендій 84.007 руб. 22 коп., которые выданы 357 студентамъ.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Московскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи. Библіотека, къ 1-му января 1873 года, въ общемъ своемъ составѣ содержала 94.236 названій въ 156.294 томахъ и 6.445 тетрадахъ. Въ теченіе года отнущено было для пользованія 29.637 томовъ разныхъ сочиненій, въ томъ числѣ 16.234—на домъ и 13.403—въ библіотечныхъ залахъ. Въ студентской библіотекѣ къ тому же времени состояло 3.987 названій въ 7.803 томахъ и 64 тетрадахъ. Въ медицинской химической лабораторіи состояло: отдѣльныхъ сочиненій и журналовъ—38 названій въ 808 томахъ; разныхъ стеклянныхъ сосудовъ и посуды—1.695 экземпляровъ, различныхъ металлическихъ принадлежностей, животно-химическихъ препаратовъ и химическихъ матеріаловъ—315 экземпляровъ. Въ зоологическомъ кабинетѣ къ состоявшимъ къ 1-му января

1872 года 76.814 предметовъ, не считая еще не определенныхъ; поступили слѣдующія собранія наиболѣ замѣчательныхъ предметовъ: 1) собраніе бабочекъ, весьма значительное и собраніе спиртовыхъ экземпляровъ съ острова Явы; 2) голова бизона—даръ государя великаго князя Алексія Александровича; 3) собраніе чучель млекопитающихъ; 4) коллекціи колибри и гвѣзда отъ Рейхенбаха; 5) собраніе пресмыкающихся съ Филиппинскихъ острововъ Семпера; 6) собраніе неаполитанскихъ рыбъ Панчери, волжскихъ рыбъ Плотникова; 7) собраніе насѣкомыхъ и ихъ превращеній Розенгауера въ Эрлангенѣ и Бринкѣ въ Данцигѣ; 8) собраніе наукообразныхъ Коха; 9) собраніе ракообразныхъ отъ Семпера и Зибольда; 10) собраніе слизняковъ съ Филиппинскихъ острововъ Семпера; 11) замѣчательное гельминтологическое собраніе Зибольда въ Мюнхенѣ и рядъ препаратовъ глистовъ, пожертвованныхъ съ политехнической выставки Дерптскимъ ветеринарнымъ училищемъ; 12) собраніе губокъ Оскара Шмидта; 13) модели червей, слизняковъ и развитія рыбъ Циглера, Стрембицкаго, Лейкарта и Е. Д. Стеллихъ; 14) двѣ большія витрины; 15) три микроскопа и три лупы; 16) собраніе снарядовъ для ловли насѣкомыхъ. Минералогическій кабинетъ составляютъ три отдѣла: а) большой минералогическій кабинетъ, б) малый и в) палеонтологическій. Въ большомъ минералогическомъ кабинетѣ состояло минераловъ 10.713 нумеровъ; въ маломъ, состоящемъ изъ двухъ собраній—геогностическаго и орактогностическаго, заключалось: въ первомъ—1.274, во второмъ—1.539, всего 2.813 нумеровъ; въ палеонтологическомъ кабинетѣ, заключавшемъ до 1872 года вмѣстѣ съ моделями и слѣпками 5.792 номера, въ этомъ году сдѣланы слѣдующія приращенія: 1) модели Сопунта для показанія сдвиговъ и другихъ стратиграфическихъ случаевъ; 2) пedomетръ; 3) графоскопъ Гапе-Брукка; 4) портреты знаменитыхъ геологовъ, метеорологовъ и химиковъ, числомъ 32; 5) карта относительной высоты горъ; 6) карта сѣвернаго Атлантическаго океана съ показаніемъ промѣровъ при проложеніи телеграфнаго кабеля между Европой и сѣвѣрною Америкой и 7) Manual of Geology by James and Geikie, 1872, къ нему 42 акварельныхъ рисунка; 8) таблица характеристическихъ британскихъ ископаемыхъ; 9) таблица ископаемыхъ ракообразныхъ, сост. Сальтеромъ и Удвардомъ; 10) таблица характеристическихъ британскихъ третичныхъ ископаемыхъ; 11) таблица разныхъ классовъ животныхъ и растений, числомъ восемь; 12) разрѣзъ земной коры Морриса; 13) Monographs of the Palaeontographical Society, vol. 20—26; 14) Quarterly Journal of Geological Society, № 109—

112; 15) Ormerod Index to the Quart. Journal of Geolog. Society; 16) Delesse, Revue de Geologie voll. VII и VIII; 17) Geological. Magazine, voll. I—IX. Въ музеѣ патологической анатоміи состояло препаратовъ патологическихъ — 1.125, книгъ, атласовъ и журналовъ нормальной анатоміи — 164; въ анатомическомъ театрѣ музея вскрыто 115 труповъ людей, умершихъ въ госпитальной клиникѣ. Въ астрономической обсерваторіи находилось инструментовъ и снарядовъ 72. Въ физическомъ кабинетѣ — 499 инструментовъ и снарядовъ, не считая инструментовъ, пожертвованныхъ бывшимъ профессоромъ Рачинскимъ, и технологическихъ моделей. Въ физиологической лабораторіи состояло: снарядовъ и инструментовъ — 1.416, физиолого-химическихъ препаратовъ — 40, книгъ и журналовъ по отдѣльнымъ заглавіямъ — 372, атласовъ и рисунковъ — 77. Въ кабинетъ сравнительной анатоміи: готовыхъ препаратовъ — 1.835, неотдѣланныхъ скелетовъ и ихъ частей — 168, цѣльныхъ животныхъ въ спирту — 183, оптическихъ инструментовъ — 20, снарядовъ для инъекцій — 7, два ящика съ разными анатомическими инструментами и, кромѣ того, еще 80 отдѣльныхъ инструментовъ, стеклянной посуды — 60 штукъ, атласовъ и книгъ — 86 названій. Въ музеѣ физиологической анатоміи: препаратовъ — 7.780, микроскоповъ — 6, анатомическихъ инструментовъ и инъекционныхъ снарядовъ — 470, книгъ и атласовъ — 130. Въ химическомъ кабинетѣ: препаратовъ — 402, видовъ кристалловъ — 588, снарядовъ и инструментовъ — 1.765, книгъ и чертежей — 333. Въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ: 1 спектроскопъ, 1 микроскопъ Гартпакка, 1 аппаратъ д-ра Раковича для изслѣдованія муки, 114 анатомическихъ инструментовъ, 101 препаратъ, 39 рисунковъ и фотографическихъ снимковъ, 55 названій книгъ. Для судебно-медицинскаго изслѣдованія было доставлено 125 труповъ. Въ лабораторіи агрономической химіи: аппаратовъ — 96, препаратовъ — 44, сочиненій разныхъ авторовъ — 9. Въ технической лабораторіи: разпородныхъ снарядовъ — 120, химическихъ и техническихъ препаратовъ — 279, періодическихъ изданій — 28 сочиненій въ 120 книгахъ. Въ гистологическомъ кабинетѣ: микроскоповъ — 21, инструментовъ и снарядовъ — 133, рисунковъ — 61. Въ фармацевтическомъ кабинетѣ: химико-фармацевтическихъ препаратовъ — 1.040, фармакогностическихъ экземпляровъ — 745, книгъ — 107 томовъ, посуды и стеклянныхъ орудій — 117. Въ терапевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники въ теченіе 1872 года состояло больныхъ 284 изъ нихъ выздоровѣло 205, умерло 32; больныхъ приходящихъ было 3.991. Въ хирургическомъ отдѣленіи той же клиники больныхъ

было 323; изъ нихъ выздоровѣло 261, умерло 15; приходившихъ больныхъ было 2.995; большихъ операций сдѣлано 100, малыхъ—330. Въ этой клиникѣ находилось хирургическихкихъ инструментовъ—606, патологическихкихъ препаратовъ—289. Въ акушерскомъ отдѣленіи факультетской клиники находилось родильницъ: оставшихся отъ 1871 года 24, вновь поступило 870; родившихся дѣтей было 878, мертворожденныхъ младенцевъ—52; приходившихъ за совѣтомъ было 112; въ клиникѣ находится препаратовъ и инструментовъ 543. Въ поликлиникѣ женскихъ болѣзней приходившихъ больныхъ было 995; операций удаленія полипа сдѣлано 2; при поликлиникѣ находится 46 инструментовъ. Въ дѣтскомъ отдѣленіи факультетской клиники больныхъ состояло 73; изъ нихъ выздоровѣло 57, умерло 6; приходившихъ было 1.160; операций малыхъ сдѣлано 62. Въ специальной факультетской клиникѣ болѣзней половыхъ и мочевыхъ органовъ больныхъ отъ 1871 года оставалось 10, вновь поступило 54; изъ нихъ выздоровѣло 41, получило значительное облегченіе 15; получили облегченіе и продолжали лечение 8; операций произведено съ полнымъ успѣхомъ: большихъ—20, малыхъ 140; пользовавшихся совѣтомъ и леченіемъ клиническаго врача было 791.

— Медицинскій факультетъ Харьковскаго университета ввесь въ совѣтъ университета слѣдующее заявленіе профессора Зарубина: „Влжайшее ознакомленіе съ фармацевтической школою при нашемъ университетѣ и со способомъ приобрѣтенія фармацевтическихъ званій и степеней привело къ заключенію, что эту школу было бы весьма желательно организовать на болѣе опредѣленныхъ и соотвѣтствующихъ значенію ея пачалахъ. Аптекарскіе помощники, при экзаменѣ на званіе провизора, должны, по силѣ § 54 Высочайше утвержденныхъ въ 1845 году правилъ испытанія врачей и фармацевтовъ, представить удостовѣреніе, что они выслушали во врачебно-учебномъ заведеніи полный курсъ тѣхъ наукъ, изъ которыхъ имѣютъ быть экзаменованы. Такое удостовѣреніе вмѣстѣ съ другими документами они дѣйствительно представляютъ при прошеніи, подаваемомъ ими ректору университета, о допущеніи ихъ къ экзамену. Но при разсмотрѣніи документовъ ихъ въ медицинскомъ факультетѣ обнаруживается впервыхъ, что они приступаютъ къ слушанію лекцій въ университетѣ, не прослуживши въ аптекѣ положеннаго аптекарскимъ уставомъ трехлѣтняго срока, и этотъ срокъ они дополняютъ предъ экзаменами свидѣтельствомъ, удостовѣряющимъ, что они одновременно и слушали лекціи въ университетѣ и находились въ аптекѣ; во вторыхъ, что они въ теченіе

одного года выслушиваютъ полный курсъ, состоящій изъ 12-ти предметовъ. Уже это послѣднее обстоятельство заставляетъ усомниться въ познаніяхъ экзаменующихся. При обзорѣнн распределенія часовъ преподаванія въ естественно-историческомъ и медицинскомъ факультетахъ, это сомнѣніе возрастаетъ еще болѣе и приводитъ наконецъ къ совершенной увѣренности въ невозможности выслушать упомянутый курсъ въ столь короткій срокъ. Такъ какъ фармацевты слушаютъ лекціи не отдѣльно отъ студентовъ, а вмѣстѣ съ ними, то оказывается, что они, въ одно и то же время, изучаютъ лекціи 6-ти курсовъ: двухъ—естественно-историческаго и четырехъ—медицинскаго. Уже такое сочетаніе предметовъ, читаемыхъ въ разныхъ курсахъ и въ разныхъ факультетахъ, указываетъ на затруднительность или просто невозможность основательнаго усвоенія выслушиваемыхъ предметовъ. Кромѣ того, при обзорѣнн распределенія часовъ преподаванія, обнаруживается еще другое, не менѣе невозможное обстоятельство: случается, что фармацевты имѣютъ по двѣ, по три и даже по четыре лекціи въ одинъ и тотъ же часъ. Спрашивается: при такомъ способѣ слушанія лекцій, съ какою подготовкою они могутъ приступить къ экзамену на званіе провизора? Безъ сомнѣнія, въ виду этого въ Медико-хирургической академіи постановлено, чтобы фармацевты выслушали полный курсъ наукъ въ три года; во всѣхъ университетахъ, за исключеніемъ Харьковскаго,—въ два года. Двухлѣтній срокъ можно считать дѣйствительно наименьшимъ для выслушанія полного курса фармацевтическихъ наукъ; въ болѣе короткій срокъ, какъ дѣлается въ Харьковскомъ университетѣ, физически невозможно выслушать полный курсъ этихъ наукъ. Затѣмъ, что касается до испытанія фармацевтовъ, то оно обыкновенно производится въ продолженіе всего академическаго года, и это крайне затрудняетъ экзаменаторовъ и ассистентовъ. Чтобы устранить указанныя недостатки фармацевтической школы, г. Зарубинъ предложилъ на обсужденіе медицинскаго факультета слѣдующія правила, которыя, по его мнѣнію, было бы желательно примѣнять къ фармацевтамъ, какъ при выслушаніи ими курса наукъ въ университетѣ, такъ и при испытаніи ихъ на степень провизора: 1) Аптекарскіе помощники, ищущіе званія провизора въ Харьковскомъ университетѣ, должны подать ректору университета прошеніе о допущеніи ихъ къ слушанію лекцій непременно къ 15-му августа; 2) они допускаются къ слушанію лекцій безъ экзамена, по предъявленіи своихъ помощническихъ дипломовъ и выданныхъ имъ при выходѣ изъ аптеки свидѣтельствъ о трехлѣтнемъ пребываніи въ

ней, о хорошемъ поведеніи и усердіи къ своему дѣлу; 3) подобный курсъ наукъ, означенныхъ въ положеніи объ испытаніяхъ фармацевтовъ, утвержденномъ въ 1845 году, аптекарскіе помощники выслушиваютъ въ продолженіе двухъ лѣтъ, — въ первый годъ они занимаются: а) минералогіей, б) ботаникой, в) зоологіей, г) физикой, е) неорганическою химіей; во второй годъ они слушаютъ: ф) органическую химію, г) фармацію, h) фармакогнозію, i) фармакологію, k) токсикологію и судебную химію, l) ученіе о пособіяхъ, какія должно подавать въ случаяхъ, требующихъ безотлагательной помощи. Кроме того, они занимаются аналитическою химіей, судебно-химическими изслѣдованіями, приготовленіемъ химико-фармацевтическихъ препаратовъ и фармацевтической бухгалтеріей; 4) по окончаніи двухлѣтняго курса, желающіе подвергнуться испытанію должны подать ректору до 1-го мая прошеніе съ удостовѣреніемъ о выслушаніи ими полного курса наукъ; 5) медицинскій факультетъ, по полученіи отъ ректора прошеній съ документами, составляетъ росписаніе экзаменовъ, причѣмъ опредѣляетъ дни, въ которые ищущіе званія провизора должны подвергнуться испытанію изъ тѣхъ или другихъ предметовъ; 6) экзамень производится: словесный—отъ 1-го сентября до 15-го октября, одновременно съ студентами, демонстративный—по окончаніи словеснаго; 7) испытаніе производится въ комиссіяхъ по назначенію факультета. Совѣтъ университета, исполнѣ одобряя вышеположенныя правила, вошелъ съ представленіемъ къ попечителю Харьковскаго учебнаго округа объ исходатайствованіи утвержденія оныхъ министерствомъ.

— Физико-математическій факультетъ Казанскаго университета, войдя въ обсужденіе вопроса о повышеніи экстраординарнаго профессора Заленскаго въ ординарные, и принимая во вниманіе, что кромѣ шести работъ, на основаніи которыхъ предоставлена г. Заленскому профессура, во время службы его въ Казани имъ напечатано еще пять работъ, а также и успѣшную его педагогическую дѣятельность, — произвелъ баллотированіе его въ ординарные профессора по занимаемой имъ кафедрѣ зоологій, причѣмъ оказалось: избирательныхъ шаровъ 8, неизбирательныхъ ни одного. Представляя объ этомъ совѣту университета, факультетъ обратилъ вниманіе на слѣдующія работы, произведенныя г. Заленскимъ во время службы его въ Казани: 1) Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der Prosobranchien; 2) Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der Brachionus urseolaris; 3) О нѣкоторыхъ черноморскихъ тулберларіяхъ; 4) О строевіи и развитіи

Amphilina foliacea, и 5) О развитіи нервной системы рѣчнаго рака. Каждая изъ названныхъ работъ вноситъ въ науку новые факты, подтверждающіе, съ одной стороны, теоретическія воззрѣнія послѣдняго времени, съ другой — открывающіе совершенно неожиданныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ гомологіи, которыми опредѣляются соотношенія животныхъ группъ. Наука обязана профессору Заленскому дознаніемъ существованія зародышныхъ пластовъ у коловратокъ и моллюсковъ и выясненіемъ отношеній этихъ образований къ развитію органовъ какъ у названныхъ животныхъ, такъ и у раковъ. Факты, выработанные въ этомъ отношеніи г. Заленскимъ, даютъ болѣе прочное основаніе воззрѣнію касательно связи позвоночныхъ и беспозвоночныхъ животныхъ. Выясненныя г. Заленскимъ: однородность рѣсничнаго аппарата коловратокъ и паруса личинокъ нѣкоторыхъ явноголовыхъ мягкотѣльныхъ и тождество въ развитіи гребнежаберныхъ прозобранхій и коловратокъ, рѣшаетъ сомнительный до сихъ поръ вопросъ объ отношеніяхъ группы коловратокъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ эти результаты, особенно въ виду указаннаго г. Заленскимъ же сходства личинокъ нѣкоторыхъ моллюсковъ съ личинками щетиноногихъ червей, осуществляютъ стремленіе зоологовъ послѣдняго времени установить отношенія моллюсковъ къ остальнымъ типамъ животнаго царства. Кроме того, профессоръ Заленскій открылъ еще двѣ новыя формы животныхъ, а именно изъ группы рѣсничатыхъ червей. Одна изъ этихъ формъ составляетъ переходъ къ инфузоріямъ; другая — отъ планарій къ намертинамъ. Работа г. Заленскаго „О строеніи и развитіи *amphilina foliacea*“ выясняетъ положеніе этого паразита стерляди въ зоологической системѣ, указывая, что *amphilina* представляетъ отдѣльно живущій *proglotis* и потому должна быть отнесена къ лентецамъ, а не къ сосальщикамъ, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи. *Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der Prodobranchien*“, кроме общаго теоретическаго значенія ея результатовъ, указываетъ на фактъ существованія провизорныхъ органовъ, какъ наиримѣръ, первичныхъ почекъ, зародышеваго сердца. Работою о рѣчномъ ракѣ мы знакомимся съ развитіемъ брюшныхъ ганглій изъ верхняго зародышеваго листа и съ первоначальнымъ наружнымъ положеніемъ нервной системы у раковъ, подобно тому, какъ у пасѣвокныхъ скорпіона и соответственно первоначальному положенію центральной нервной системы у позвоночныхъ. Въслѣдствіе опредѣленія совѣта, г. Заленскій былъ баллотированъ въ ординарные профессора, причемъ оказалось избирательныхъ шаровъ 24, неизбирательныхъ 7.

ГИМНАЗИИ.

О состояніи Рижской Александровской мужской гимназіи. — О раздѣленіи VII класса гимназій Одесскаго учебнаго округа на самостоятельныя отдѣленія. — О вознагражденіи репетиторовъ за занятія съ учениками гимназій и прогимназій Виленскаго учебнаго округа, оставляемыми въ заведеніяхъ послѣ классовъ.

Рижская Александровская мужская гимназія, открытая 10 января 1868 года, въ началѣ 18^{72/73} учебнаго года имѣла 199 учениковъ, именно въ VII классѣ — 14, въ VI — 18, въ V — 18, въ IV — 34, въ III — 31, во II — 38, въ I — 37 и въ приготовительномъ классѣ — 9. Учащіеся раздѣлялись по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ — 128, старообрядцевъ — 1, лютеранъ — 29, реформатовъ — 1, католиковъ — 23, евреевъ — 17; по сословіямъ: дѣтей дворянъ, чиновниковъ и почетныхъ гражданъ — 81, духовнаго званія — 21, городскихъ сословій — 86, крестьянъ — 11. Въ продолженіе года поступило — 49, выбыло — 46. За семь къ концу 18^{72/73} учебнаго года состояло всего 202 ученика; изъ коихъ 106 переведены въ слѣдующіе классы. Три ученика старшаго отдѣленія VII класса выдержали испытаніе въ знаніи предметовъ полнаго гимназическаго курса и намѣрены посвятить себя: одинъ — изученію филологіи и исторіи, и двое — изученію юриспруденціи въ Московскомъ университетѣ. Незначительность окончившихъ курсъ сравнительно съ общимъ числомъ учащихся объясняется новымъ уставомъ гимназій, на основаніи коего курсъ VII класса раздѣляется на два года, такъ что только тѣ ученики могутъ быть допущены къ испытанію зрѣлости, которые оставались въ VII классѣ въ теченіе двухъ лѣтъ. Такихъ учениковъ имѣлось 4; изъ нихъ трое подвергались окончательному испытанію и получили аттестаты зрѣлости; четвертый, по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназій, оставленъ еще на годъ. Изъ общаго числа учащихся, 32 бесплатно посѣщали гимназію; двое получали стипендіи и за двоихъ плата введена частными лицами. Фундаментальная библіотека Рижской Александровской гимназій состоитъ изъ 1.415 сочиненій въ 2.748 томахъ, на сумму 4.706 руб. 21 коп.; ученическая библіотека — изъ 78 сочиненій въ 162 томахъ, на сумму 223 р. 77 к.; въ физическомъ кабинетѣ 258 нумеровъ на сумму 4.047 руб. 85 коп., а въ кабинетѣ естественныхъ наукъ 62 нумера на сумму 311 руб. 20 коп.; въ библіотекѣ учебниковъ для недостаточныхъ учениковъ 496 книгъ, 57 названій, на сумму 558 руб. 11 коп. Кроимъ того, гимназія имѣетъ всѣ необходимыя пособія для преподаванія географіи, рисованія, чистописанія и пѣнія.

— Двухлѣтній опытъ доказаль, какую пользу приносить учебно-воспитательному дѣлу въ нашихъ гимназіяхъ прибавленіе одного учебнаго года къ седьмому классу и установленіе въ немъ двухгодичнаго курса съ раздѣленіемъ его на два отдѣленія — младшее и старшее. Но тотъ же опытъ убѣждаетъ, что совмѣстное обученіе въ VII классѣ учениковъ младшаго и старшаго отдѣленій не лишено нѣкоторыхъ неудобствъ, устраненіе коихъ, безъ сомнѣнія, упрочить благотворное вліяніе на воспитательную и учебную части столь существенной реформы, какъ увеличеніе продолжительности гимназическаго курса. Очень немногіе ученики, поступающіе въ VII классъ, надѣются получить аттестатъ по истеченіи одного лишь года; остальные, составляющіе значительное большинство, не предаются такъ, какъ было бы желательно, постояннымъ и усидчивымъ занятіямъ въ теченіе перваго года своего пребыванія въ VII классѣ. Можно было замѣтить въ нихъ упадокъ прилежанія, вниманія и аккуратности въ посѣщеніи классовъ. Въ то же время, болѣе способные и успѣвающіе ученики младшаго отдѣленія, увлекаемые весьма естественнымъ желаніемъ приступить къ испытанію зрѣлости по истеченіи одного года, предаются занятіямъ съ излишнимъ напряженіемъ умственныхъ силъ, что, съ одной стороны, можетъ весьма вредно повліять на ихъ здоровье, съ другой же — ставить на задній планъ одну изъ важнѣйшихъ цѣлей установленія двухгодичнаго курса въ VII классѣ, а именно — большую основательность ученія, правильное и неспѣшное повтореніе пройденнаго въ предыдущихъ классахъ. Наконецъ, при совмѣстномъ обученіи первогоднихъ и второгоднихъ учениковъ VII класса, прохожденіе учебнаго его курса встрѣчаетъ съ дидактической стороны не малыя затрудненія, такъ какъ этотъ курсъ по всѣмъ почти предметамъ состоитъ изъ двухъ неодинаковыхъ частей: ученики должны оканчивать то, что еще не было ими пройдено, и повторять старое. Слѣдствіемъ всего этого является: а) вялое и совершенно неправильное отношеніе менѣе прилежныхъ и менѣе способныхъ учениковъ младшаго отдѣленія VII класса какъ къ учебнымъ занятіямъ, такъ и къ исполненію вообще другихъ обязанностей своихъ; б) излишне напряженные, а потому вредныя въ гигиеническомъ отношеніи, сиѣшныя, слѣдовательно не достигающія своей цѣли, умственные занятія болѣе способныхъ, прилежныхъ учениковъ младшаго отдѣленія, въ виду соблазнительной попытки удостоиться аттестата послѣ одного года ученія въ этомъ классѣ, и в) невозможность методически расположить, въ обоихъ отдѣленіяхъ VII класса, курсъ преподаванія не пройденныхъ еще частей

предметовъ, съ соблюденіемъ необходимой правильности, и постепенности при переходѣ отъ легкаго къ болѣе трудному, и наконецъ удобно распорядиться повтореніемъ курса предшествовавшихъ классовъ. Попечитель Одесскаго учебнаго округа, придавая важное значеніе упомянутымъ вопросамъ, предлагалъ директорамъ гимназій вѣреннаго ему округа обсудить въ педагогическихъ совѣтахъ, не признаютъ ли послѣдніе необходимымъ раздѣлить VII классъ на два самостоятельныя отдѣленія, съ отдѣльнымъ, по времени и мѣсту, преподаваніемъ въ томъ и другомъ изъ нихъ. Педагогическіе совѣты всѣхъ гимназій Одесскаго округа признали необходимость предложенной попечителемъ мѣры, и просили разрѣшенія открыть, съ начала 1873/74. учебнаго года, вышеупомянутыя самостоятельныя отдѣленія VII класса. Г. попечитель округа представилъ по этому поводу на усмотрѣніе министерства слѣдующія соображенія: 1) въ VII классѣ учебными планами указано — по математикѣ и математической географіи, въ одинъ годъ пройти тригонометрію, повторить арифметику и алгебру, а также геометрію, и пройти математическую географію; по физикѣ: въ одинъ годъ — пройти теплородъ, магнетизмъ, электричество статическое и динамическое, метеоры теплородные и электрическіе, и въ другой годъ — свѣтъ, движеніе, звукъ и оптическіе метеоры. При такомъ порядкѣ преподаванія изчисленныхъ предметовъ, ученики старшаго отдѣленія VII класса, чрезъ годъ, будутъ изучать свѣтъ и математическую географію, не имѣя понятія о тригонометрическихъ линіяхъ и тригонометрическихъ формулахъ, коими выражаются многіе законы въ названной важной статьѣ физики и въ математической географіи. Законы эти останутся непонятны имъ, или же, во избѣжаніе этого, преподаватель долженъ будетъ заняться подготовленіемъ учениковъ изъ тригонометрии, употребивъ на это время, имѣющее другое назначеніе. При отдѣльномъ обученіи первогодныхъ и второгодныхъ учениковъ VII класса, указанное затрудненіе можетъ быть устранено такимъ образомъ: а) въ младшемъ отдѣленіи VII класса пройти тригонометрію, окончить алгебру, повторить арифметику, а изъ алгебры — первыя четыре дѣйствія и рѣшеніе уравненій 1-й степени; б) въ старшемъ отдѣленіи VII класса повторить остальную часть алгебры и геометрію, употребляя значительную часть времени на рѣшеніе алгебраическихъ и геометрическихъ задачъ, и в) въ старшемъ отдѣленіи пройти свѣтъ и математическую географію. 2) По учебнымъ планамъ, въ VI классѣ слѣдуетъ пройти изъ всеобщей исторіи — новую до возвышенія Пруссіи и отечественную — до обзорѣ-

нiя внутреннихъ дѣяній императрицы Елисаветы; въ VII классѣ, въ одинъ годъ, — изложить отечественную исторiю, начиная съ обзорнiя внутреннихъ событiй царствованiя Елисаветы до царствованiя Государя Императора Александра II, и ознакомиться съ европейскою исторiею за тотъ же перiодъ времени; въ другой годъ — систематическiй курсъ Греци и Рима. Вслѣдствiе этого, въ VII классѣ черезъ годъ будетъ возникать то неудобство, что ученики младшаго отдѣленiя должны будутъ перейти къ систематическому курсу Греци и Рима, не окончивъ исторiи новыхъ вѣковъ, изученiе которой они возобновятъ лишь черезъ годъ; такой перерывъ долженъ нарушать внутреннюю связь добытiй новаго времени, затрудняя пониманiе ихъ для учениковъ. Означенное неудобство легко устранить, если первогодные и второгодные ученики VII класса будутъ обучаться отдѣльно; тогда представится возможность оканчивать всеобщую и отечественную исторiю въ младшемъ отдѣленiи, а въ старшемъ — проходить систематическiй курсъ исторiи Греци и Рима. 3) Образцы русской литературы, предлагаемые учебными планами для чтенiя и разбора въ VI и VII классахъ, съ удобствомъ можно распределить по этимъ классамъ слѣдующимъ образомъ: VI-й классъ — былины, Несторова лѣтопись, Слово о полку Игоревѣ, Курбскiй и Кантемиръ; VII-й классъ: а) въ первый годъ: Ломоносовъ, Державинъ, фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Жуковскiй и Крыловъ; б) а во второй — Пушкинъ, Грибоедовъ, Гоголь и Лермонтовъ. При совмѣстномъ обученiи учениковъ обоихъ отдѣленiй VII класса, чрезъ годъ, долженъ повторяться пробѣлъ въ курсѣ учениковъ младшаго отдѣленiя, а именно: ученики эти будутъ приступать къ изученiю Пушкинскаго перiода, не будучи знакомы съ перiодами Ломоносовскимъ и Карамзинскимъ. При отдѣльномъ обученiи учениковъ младшаго и старшаго отдѣленiй VII класса означенное неудобство не будетъ имѣть мѣста, если въ младшемъ отдѣленiи будетъ проходить показанное выше подъ рубрикою „а, одинъ годъ“, а въ старшемъ отдѣленiи — подъ рубрикою „б, другой годъ“. 4) При существованiи двухъ самостоятельныхъ отдѣленiй VII класса съ отдѣльнымъ въ каждомъ изъ нихъ преподаванiемъ, предлагая ученикамъ для чтенiя латинскихъ и греческихъ писателей, назначенныхъ учебными планами, учитель можетъ соблюдать немаловажное для успѣховъ условiе, которое состоитъ въ томъ, чтобы учащихъ вести отъ легчайшаго къ болѣе трудному, если постановлено будетъ читать: въ младшемъ отдѣленiи а) изъ латинскихъ авторовъ: Тита Ливiя и Энеиду Вергилия; б) изъ греческихъ авторовъ: Геро-

дота и Илиаду Гомера; въ старшемъ отдѣленіи а) изъ латинскихъ авторовъ: De officiis или Tusculanae disputationes и оды и сатиры или посланія Горация; б) изъ греческихъ авторовъ: Демосена — Олинскія рѣчи или Филиппики; или Фукидида — избранныя мѣста; и Эврипида или Софокла.

Окончательный выводъ изъ приведенныхъ соображеній и рѣшеніе по оному министерства читатели наши найдутъ выше, въ отдѣлѣ правительственныхъ распоряженій.

— Въ нѣкоторыхъ изъ гимназій Виленскаго учебнаго округа ученики, получающіе неудовлетворительныя отмѣтки, оставляются, по распоряженію начальства въ классъ, по окончаніи занятій, для повторенія уроковъ и въ видѣ наказанія. Дабы извлечь изъ такой мѣры возможно большую пользу, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ другихъ округовъ приглашаются для занятія съ оставаемыми учениками два репетитора, изъ которыхъ одинъ долженъ руководить ихъ по древнимъ, а также и русскому, языкамъ, а другой — по математикѣ. Лицамъ этимъ, которыя обязаны заниматься съ учениками всѣхъ классовъ не менѣе двухъ часовъ въ день, включая сюда и праздничные дни, полагается, по лишь въ учебное время, вознагражденіе изъ специальныхъ средствъ гимназій. Попечитель Виленскаго учебнаго округа, находя эту мѣру весьма полезною, предложилъ, съ начала настоящаго учебнаго года, принять ее къ исполненію и представить ему заблаговременно соображенія по этому предмету отъ совѣтовъ каждой гимназій и прогимназій по принадлежности.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Народное образованіе въ Херсонской губерніи.

(Составлено на основаніи официальныхъ и другихъ свидѣній за 1872 годъ).

Въ прошломъ 1872 году въ Херсонской губерніи существовали 432 сельскія школы съ 20.282 въ нихъ учащимися. По уѣздамъ школы и ученики распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Въ Херсонскомъ уѣздѣ — школъ 108; учащихся 4.955	
„ Елисаветградскомъ „ „ 79 „ 3.366	
„ Александрійскомъ „ „ 65 „ 2.609	
„ Одесскомъ „ „ 117 „ 7.003	
„ Анапьевскомъ (въ повѣданіи 26 школъ) „ 813	
„ Тираспольскомъ „ „ 86 „ 1.536.	

Въ общемъ числѣ 432 заключаются всякаго рода начальныя школы, именно: такъ называемыя *образцовыя*, содержимыя на средства министерства народнаго просвѣщенія, съ нѣкоторымъ только пособіемъ отъ мѣстныхъ обществъ; двухклассныя и одноклассныя и съ особыми при нихъ отдѣленіями для дѣвочекъ; такія же *образцовыя сельскія*, то-есть, открытыя по образцу первыхъ обществами исключительно на свои средства; училища *городскія* или *приходскія*, тоже двухклассныя и одноклассныя и часто съ параллельными отдѣленіями, мужскія и женскія отдѣльно и смѣшанныя и, наконецъ, собственно *сельскія* или *народныя*, исключительно одноклассныя, какъ мужскія, такъ и женскія. Между учащимися же въ этихъ школахъ (20.282) показаны только дѣти, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особыхъ *воскресныхъ слѣбкахъ* обучаются и взрослые.

Понятно, что въ каждомъ учебномъ году мѣстнымъ инспекторомъ народныхъ училищъ могла быть осмотрѣна развѣ одна треть изчисленныхъ училищъ, но перѣдко они были посѣщаемы по два раза или даже болѣе. Такъ, въ 1872 году инспектору часто пришлось посѣщать, — по обстоятельствамъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, — школы Херсонскаго уѣзда, а равно и образцовыя сельскія, устройство коихъ въ учебномъ отношеніи, по образцу министерскихъ, долженъ былъ по просьбѣ мѣстныхъ обществъ принять на себя инспекторъ.

Прежде обзора общаго состоянія народнаго образованія въ Херсонской губерніи и весьма почтенной дѣятельности на пользу его мѣстнаго земства, считаемъ необходимымъ представить возможно подробныя свѣдѣнія о нѣсколькихъ отдѣльныхъ разнородныхъ школахъ и сгруппировать хоть нѣкоторые статистическія данныя объ остальныхъ.

Образцовыя училища министерства народнаго просвѣщенія.

Въ вѣдѣніи Херсонской инспекціи народныхъ училищъ состоитъ ихъ четыре, а именно: *Ново-Бугское*, *Безрезневатское* (Херсонскаго уѣзда) и *Новоукраинское* (Елисаветградскаго) двухклассныя и одно — *Грушевское училище* (Херсонскаго уѣзда) — одноклассное.

На эти школы, какъ учрежденныя правительствомъ среди массы другихъ и служащія для нихъ образцами, мѣстнымъ инспекторомъ преимущественно было обращено вниманіе, какъ при ревизіи ихъ, такъ и въ остальное время. По успѣхамъ онѣ должны быть распредѣлены въ такомъ порядкѣ: выше всѣхъ *Ново-Бугское*, за нимъ *Безрезневатское*, *Новоукраинское* и, наконецъ, *Грушевское*, открытое лишь въ 1872 году.

Ново-Бугское образцовое училище (открытое въ іюнь мѣсяцѣ 1871 года) получаетъ на содержаніе свое изъ казны 1.375 руб. и отъ общества 400 р.; состоитъ изъ двухъ классовъ и особаго отдѣленія для дѣвочекъ. Въ 1872 году оно было осмотрѣно инспекторомъ четыре раза, и при послѣдней ревизіи оказалось въ немъ слѣдующее число учащихся: въ 1-мъ классѣ 70, во 2-мъ—25 и въ отдѣленіи для дѣвочекъ 35.—Такъ какъ учебный курсъ образцовой двуклассной школы—пятилѣтній, то учащіеся раздѣлены были на отдѣленія, — въ первомъ классѣ на три, а во второмъ—на два. Повѣрка ихъ познаній показала, что дѣти пройденное ими въ теченіе первой половины 1872/73 учебнаго года усвоили вполне сознательно и отвѣчали на вопросы ясно и отчетливо по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ программу ихъ занятій; ариметическія же задачи, даже довольно сложныя, рѣшали письменно и устно скоро и правильно, что служитъ доказательствомъ, что при обученіи дѣтей въ этой школѣ обращается особенное вниманіе на развитіе ихъ умственныхъ способностей. Инспекторъ въ своемъ отчетѣ выражаетъ полную увѣренность, что изъ Ново-Бугскаго училища можетъ поступать ежегодно въ учительскія семинаріи до десяти основательно подготовленныхъ и вполне правдивныхъ крестьянскихъ мальчиковъ. Въ послѣднюю ревизію оказалось, что за первую половину учебнаго года пройдено:

Въ старшемъ (3-мъ) отдѣленіи *перваго класса*: по закону Божию: событія ветхозавѣтной исторіи по картинамъ; во второмъ отдѣленіи—первоначальныя событія ветхозавѣтной исторіи и главныя молитвы съ переводомъ славянскихъ словъ и фразъ и съ объясненіемъ содержанія; въ 1-мъ отдѣленіи—о значеніи крестнаго знаменія и первоначальныя молитвы. По чтенію, письму и ариметикѣ въ 1-мъ отдѣленіи—наученіе звуковъ, чтеніе *Роднаго Слова* годъ 1-й, счисленіе по Грубе до 10; во 2-мъ отдѣленіи—окончаніе 1-го года *Роднаго Слова* и чтеніе нѣсколькихъ статей изъ 2-го года; предметныя уроки, относящіяся къ пройденнымъ статьямъ; и по ариметикѣ нумераціи до милліона, бѣглое счисленіе до 100 и четыре ариметическія дѣйствія на одну цифру; въ 3-мъ отдѣленіи—1-я и 2-я часть *Роднаго Слова*, 12-ть статей по учебнику Путяты и предметныя уроки, къ этимъ статьямъ относящіяся; по ариметикѣ пройдено тоже, что и во 2-мъ отдѣленіи.

Въ старшемъ отдѣленіи *втораго класса*: по закону Божию—изъ катихизиса о членахъ символа вѣры и тайнствахъ; въ младшемъ—событія новозавѣтной исторіи и объясненіе литургіи до литургіи

оглашенныхъ. По русскому языку: въ старшемъ отдѣленіи—чтеніе болѣе распространенныхъ статей изъ книги Паульсона, письменное изложеніе прочитаннаго, составленіе диссертъ и сочиненій на легкія темы, главнѣйшія правила синтаксиса, этимологій, въ особенности въ прилженіи ихъ къ орфографіи; заучиваніе стихотвореній, басенъ и чтеніе славянскихъ книгъ; въ младшемъ отдѣленіи—чтеніе болѣе легкихъ статей, а также и письменное изложеніе прочитаннаго, главныя правила орфографіи и синтаксиса, заучиваніе небольшихъ стихотвореній и басенъ; чтеніе книгъ славянскихъ. По ариметикѣ: въ старшемъ отдѣленіи—всѣ дѣйствія, производимыя съ дробями; простое тройное правило, правила смѣшенія, процентовъ и товарищества безъ помощи пропорцій; въ младшемъ—именованныя числа и всѣ дѣйствія, относящіяся къ нимъ, а также умственные задачи по руководству *Грубе* до 100. По географіи: въ старшемъ отдѣленіи—обозрѣніе и черченіе глобуса, указаніе океановъ, материковъ, частей свѣта; положеніе Россіи, знакомство съ Россійскою имперією по картѣ, черченіе европейской Россіи, подробное указаніе путей сообщенія въ нашемъ отечествѣ и главнѣйшіе пути въ Европѣ; всѣ европейскія государства и ихъ замѣчательнѣйшіе города; вліяніе горъ и морей на климатъ; полярные поясы, ихъ растительная и животная жизнь; въ младшемъ—обозрѣніе глобуса, Россія въ физическомъ отношеніи, Херсонская губернія и сосѣднія съ нею. По русской исторіи: въ старшемъ отдѣленіи—до междоусобствія; въ младшемъ—событія до Ярослава Мудраго. Для пѣкоторыхъ свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ матеріаломъ служили статьи, помѣщенныя въ книгѣ Паульсона; предметные уроки сопровождалась бесѣдою учителей съ дѣтьми, съ пособіемъ картинъ Семенова, четырехъ временъ года Чепелевской и „Труда земледѣльца“ Золотова.

Въ женской смѣнѣ было пройдено по закону Божію: въ старшемъ отдѣленіи—изъ катихизиса о членахъ символа вѣры, о таинствахъ и объясненіе литургіи вѣрныхъ; въ младшемъ—главныя молитвы и ветхозавѣтныя событія до построенія Иерусалимскаго храма. По русскому языку: въ старшемъ отдѣленіи—чтеніе по *Родному Слову* годъ 2-й и по книгѣ для чтенія Паульсона, ознакомленіе съ составомъ краткихъ предложеній и заучиваніе нѣсколькихъ стихотвореній и басенъ; въ младшемъ—окончаніе *Роднаго Слова* годъ 1-й и чтеніе нѣсколькихъ статей изъ той же книги годъ 2-й. По ариметикѣ: въ старшемъ отдѣленіи—четыре арифметическія дѣйствія надъ простыми числами, раздробленіе, превращеніе и всѣ мѣры; употребляемыя въ

Россіи; въ младшемъ отдѣленіи—разложеніе по *Грубб* числа 30: письменно и устно, сложеніе и умноженіе: письменно на одну цифру.

При преподаваніи наставники строго придерживаются программы, изданной министерствомъ народнаго просвѣщенія для означенныхъ двухклассныхъ училищъ. Результаты годовыхъ испытаній, происходившихъ въ Ново-Вугской школѣ въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года, въ присутствіи инспектора, благочиннаго церкви и мирового посредника (онъ же и почетный блюститель училища), были слѣдующіе: изъ 28 учениковъ втораго класса получили высшую отмѣтку по всѣмъ предметамъ тринадцать; успѣхи шести были признаны весьма удовлетворительными, а трехъ удовлетворительными. Изъ 60-ти учениковъ перваго класса получили весьма удовлетворительныя отмѣтки 37, остальные же удовлетворительныя. Въ женскомъ отдѣленіи изъ 34-хъ ученицъ оказали отлично успѣхи пятнадцать; шесть ученицъ отвѣчали очень хорошо, а три удовлетворительно. Отличившіеся были награждены, въ присутствіи многочисленнаго общества, книгами и похвальными листами. Мѣстные обыватели, присутствовавшіе на экзаменахъ, убѣдившись въ несомнѣнной пользѣ образцоваго училища, единодушно постановили ходатайствовать о Высочайшемъ разрѣшеніи поставить въ зданіи школы портреты г. министра народнаго просвѣщенія и попечителя Одесскаго учебнаго округа, чтобы, какъ изъяснено въ приговорѣ, „изображенія этихъ сановниковъ, пекущихся о распространеніи грамотности въ народѣ, находясь всегда предъ лицомъ воспитателей и учениковъ, служили бы имъ, а вмѣстѣ и обществу, напоминаніемъ о тѣхъ высокихъ лицахъ, труды и заботы конкъ по столь святому дѣлу должны быть вѣчно чтимы въ Ново-Вугскомъ училищѣ“.

Упомянутое училище стоитъ на высокой степени не только въ учебномъ, но и въ воспитательномъ отношеніи. Заботясь развить въ дѣтяхъ религіозныя и патріотическія чувства, наставники пользуются, для достиженія этой высокой цѣли, всякимъ удобнымъ случаемъ. Наканунѣ, а также и въ самые дни праздниковъ, предъ началомъ литургіи, законоучитель читаетъ и потомъ объясняетъ учащимся евангеліе, послѣ чего дѣти отправляются въ сопровожденіи преподавателей въ церковь. При выдачѣ дѣтямъ книгъ для чтенія на дому, учителя наблюдаютъ, чтобы книги эти были преимущественно религіознаго и нравственнаго содержанія. Въ Ново-Вугской школѣ введено обученіе вотному пѣнію, которое преиодаетъ одинъ изъ учителей, окончившій курсъ въ Одесской духовной семинаріи и очень хо-

рошо знакомий съ этимъ искусствомъ, что и имѣлось въ виду при назначеніи его на настоящую должность. Изъ учениковъ устроенъ, при пособіи мѣстнаго причта, прекрасный хоръ, весьма стройно и согласно поющій при богослуженіи въ церкви, что очень нравится мѣстнымъ поселянамъ.

При школѣ существуютъ также ремесленные классы, въ которыхъ обучаются столярному, сапожному и башмачному ремесламъ. Классы эти содержатся на счетъ почетнаго блюстителя г. Буксгевдена, платящаго учителямъ жалованья до 400 руб. въ годъ. Мастерствамъ этимъ обучаются 33 мальчика, изъ нихъ 22 сапожному и башмачному и 11 столярному; успѣхи ихъ вообще весьма удовлетворительны. Въ дѣвчьемъ же отдѣленіи ученицы занимаются рукодѣльемъ, преимущественно шитьемъ, для чего, съ разрѣшенія попечителя Одесскаго учебнаго округа, приобрѣтена для нихъ швейная машина, цѣною въ 75 руб. Ремесленные классы и обученіе дѣрочекъ рукодѣлью приносятъ большую пользу мѣстному населенію, приучая его къ занятію ремеслами, что весьма важно въ малороссійскомъ краѣ, гдѣ крестьяне, много трудящіеся во время полевыхъ работъ, остаются часто праздыми въ зимнее время.

Помѣщеніе Ново-Бугскаго училища можно назвать образцовымъ. Выстроенное прочно, изъ матеріала доброкачественнаго (каменное подъ желѣзною крышею), оно просторно, удобно и тепло. Заключая въ себѣ по двѣ большія комнаты для каждаго класса, оно имѣетъ также особыя комнаты для бібліотеки, для канцеляріи училища, для дѣвчьяго класса, для классовъ ремесленныхъ и отдѣльныхъ квартиры для двухъ семейныхъ учителей. При училищѣ находится садъ съ огородомъ, и въ саду этомъ еще не далѣе какъ прошлою осенью посажено болѣе 300 деревьевъ. Училище вполне снабжено всѣми классными принадлежностями, какъ-то: мебелью, учебными пособіями и руководствами; оно имѣетъ хорошую бібліотеку — основную и ученическую: въ первой изъ нихъ книгъ разныхъ названій 78 въ 259 томахъ, а во второй — названій 56, томовъ 364. Для книгъ этихъ, расположенныхъ систематически въ приобрѣтенныхъ для нихъ шкафахъ, составлены каталоги. Кромѣ того, при училищѣ ведется шпуровая книга, съ показаніемъ вѣроисповѣданія учащихся, званія ихъ, возраста, времени поступленія въ школу и т. д. Словомъ, Ново-Бугское училище находится во всѣхъ отношеніяхъ въ вполне удовлетворительномъ состояніи, которымъ оно много обязано, прежде всего, личному своему составу: законоучителю священнику Бухальскому, учи-

телю второго класса Былимову, окончившему курсъ въ педагогическихъ курсахъ при Одесскомъ уѣздномъ училищѣ, учителю первого класса Діаковскому, студенту Одесской духовной семинаріи, и учительницѣ двѣвчьяго отдѣленія Былимовой, получившей основательное образование въ Одесскомъ институтѣ благородныхъ двѣвцъ. Всѣ эти лица, пользующіяся полнымъ довѣріемъ мѣстнаго общества, одинаково преданы своему дѣлу и усердно заботятся о воспитаніи вѣрныхъ имъ дѣтей. Независимо отъ этого, г. инспекторъ отзывается съ благодарностью и похвалою о лицахъ, занимающихъ почетныя должности при школахъ — почетномъ блюстителѣ ея г. Буксгевденѣ и надзирателѣ, мѣстномъ поселениѣ Прокофій Сербиновѣ. Первый, принявъ подъ свое ближайшее попеченіе ремесленные классы, вслѣски заботится, чтобы они достигли цѣли своего учрежденія и не жагѣтъ средствъ на ихъ содержаніе; второй, извѣстный вообще своими пожертвованіями на пользу Ново-Бугскаго училища и употребившій на постройку зданія для него изъ своихъ средствъ до 4.000 рублей, въ прошломъ году устроилъ каменную ограду съ двухъ сторонъ училищнаго зданія, исправилъ заново флигель, въ которомъ помѣщаются мастерскія и т. д.

Ново-Бугская школа, давая обученіе дѣтямъ, заботится въ то же время и о взрослыхъ: съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, учреждены при немъ, съ прошлаго 1872 года, воскресные уроки для взрослыхъ поселянъ. Мѣстные крестьяне съ благодарностію отозвались на эту мѣру и посѣщаютъ означенные уроки въ большомъ количествѣ: собирается ихъ иногда до 200 человекъ. Классы эти идутъ также весьма успѣшно и, несмотря на недавнее ихъ открытіе, многіе изъ мѣстныхъ поселянъ выучились уже грамотѣ настолько, что могутъ читать гражданскую и церковную печать, а нѣкоторые знаютъ и пумерацію. Они просили инспектора дозволить имъ брать на домъ книги изъ школьной библіотеки, но такъ какъ она существуетъ собственно для учениковъ, то г. инспекторъ и не нашелъ возможнымъ удовлетворить эту просьбу; но, видѣвъ съ тѣмъ, желая поддержать развивающуюся въ народѣ потребность полезнаго чтенія, онъ вошелъ къ попечителю Одесскаго учебнаго округа съ ходатайствомъ объ учрежденіи при училищѣ особаго склада книгъ, преимущественно религіознаго и патріотическаго содержанія. Съ учрежденіемъ этого склада можно надѣяться, что хоть отчасти устранится пагубное препровожденіе крестьянами времени въ праздничные дни, когда они наполняютъ питейныя заведенія.

При Ново-Бугскомъ училищѣ, съ разрѣшенія г. попечителя округа, открывається въ настоящее время также особый складъ учебниковъ, учебныхъ пособій и классныхъ принадлежностей для всѣхъ желающихъ покупать ихъ. Вывана была эта мѣра тѣмъ обстоятельствомъ, что въ селахъ вообще очень трудно дѣлать подобныя приобрѣтенія.

Березнеговатское образцовое двухклассное училище открыто 1-го октября 1869 года; содержится преимущественно на счетъ казны, отпускающей на него ежегодно по 885 руб., а также на счетъ мѣстнаго общества (300 руб.) и почетнаго блюстителя (150 руб.). Въ прошломъ году г. инспекторъ нѣсколько разъ обозрѣвалъ его и въ послѣднюю ревизію, въ началѣ декабря, учащихся было въ 1-мъ классѣ—94, въ томъ числѣ 16 дѣвочекъ, а во 2-мъ классѣ—7. Усиѣхи найдены весьма удовлетворительными. Дѣти довольно сознательно отвѣчали по закону Божію, во 2-мъ классѣ о богослуженіи православной церкви, молитвѣ Господней и заповѣдяхъ; въ старшемъ отдѣленіи 1-го класса разказывали по картинамъ событія изъ ветхозавѣтной исторіи до Синайскаго законодательства, въ младшемъ отдѣленіи знали главныя молитвы съ переводомъ со славянскаго и съ объясненіемъ ихъ содержанія. По русскому языку во второмъ классѣ читали довольно бѣгло, съ правильною интонаціею, прочитанное разказывали сознательно, писали безъ ошибокъ и дѣлали синтаксическій разборъ; по ариметикѣ довольно быстро рѣшали какъ письменно, такъ и умственно практическія задачи, относящіяся къ четыремъ дѣйствіямъ надъ цѣлыми именованными и дробными числами; по географіи изучили географическіе термины и подробно Херсонскую губернію; по русской исторіи—главныя событія вообще, съ обзоромъ и нынѣшняго царствованія. Въ 1-мъ классѣ учащіяся, по степени знаній и въ виду пятилѣтняго курса, распределены были на три отдѣленія: въ первомъ было 34, во второмъ—39 и въ третьемъ—21. Въ первомъ отдѣленіи дѣти изучали звуки, составляли изъ нихъ слова и писали на доскахъ; во второмъ читали довольно сознательно по *Родному Слову* годъ 1-й, писали безъ ошибокъ немногосложныя фразы; въ третьемъ—читали по *Родному Слову* годъ 2-й, прочитанное довольно сознательно разказывали, познакомились съ составомъ краткихъ предложеній и выучили наизусть нѣсколько стихотвореній и басенъ. По ариметикѣ во второмъ отдѣленіи прошли по Грубе до 100, въ третьемъ—рѣшали какъ письменно, такъ и умственно практическія задачи, относящіяся къ первымъ четыремъ дѣйствіямъ. Предметные уроки въ третьемъ отдѣленіи сопровожда-

лись разказами учителя о временахъ года, хлѣбныхъ растеніяхъ и домашнихъ животныхъ. Пособіемъ при этомъ служили картины Семенова, Чеплевской и Шрейбера:

Посѣщая нѣсколько разъ означенное училище въ 1871 году, инспекторъ выражалъ надежду, что оно, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, не въ далекомъ будущемъ можетъ достигнуть весьма удовлетворительнаго состоянія. И дѣйствительно, Березнеговатская школа въ 1872 году на столько возвышалась какъ въ учебномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи, что занимаетъ нынѣ мѣсто на ряду съ лучшими народными училищами Херсонской инспекціи. Въ прошломъ 1872 году для усиленія въ ней успѣховъ найдено было необходимымъ на мѣсто одного изъ наставниковъ, назначить другого, болѣе способнаго, изъ окончившихъ курсъ въ Одесской духовной семинаріи; для возможно лучшаго устройства хозяйственной части, исходатайствовано, чрезъ посредство г. николаевского военнаго губернатора, обязательство мѣстнаго общества отпустить на топливо для школы ежегодно по 300 руб. Этимъ устраненъ прежній безпорядокъ по доставленію топлива натурою, вслѣдствіе коего училище, въ зимнее время, часто оставалось неотопленнымъ.

Зданіе школы, находившееся прежде въ крайнемъ упадкѣ, имѣетъ теперь приличный видъ; вновь исправлены: крыша, потолки, печи, окна и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ,—въ квартирахъ учителей, выходящихъ на сѣверную сторону,—вставлены двойныя рамы; домъ обнесенъ съ одной стороны каменною оградою, разведенъ предъ нимъ налсадникъ, въ которомъ посажены деревья. Все это произведено на счетъ пригородной думы, относящейся нынѣ къ школѣ съ замѣтнымъ сочувствіемъ. Равнымъ образомъ весьма достаточно снабжена она и классною мебелью, на что въ послѣднее время употреблено 143 руб., отпущенныхъ тою же думою. Училищная библіотека, прежде весьма бѣдная, состоитъ нынѣ изъ 249 названій въ 747 томахъ, содержимыхъ въ отличномъ порядкѣ.

При училищѣ существуютъ ремесленные классы для обученія сапожно-башмачному ремеслу, которыми съ охотою занимаются дѣти подъ руководствомъ особаго мастера, получающаго въ годъ по 60 руб. Развитію упомянутыхъ классовъ много препятствуетъ недостатокъ отдѣльнаго для нихъ помѣщенія; впрочемъ, новый почетный блюститель училища, землевладѣлецъ г. Соколовскій, вполне сочувствуя подобному дѣлу, заявилъ готовность, впредь до постройки отдѣльныхъ

мастерскихъ, нанять для нихъ на свой счетъ одинъ изъ сосѣднихъ домовъ.

Вообще Верегатовское училище въ настоящее время можетъ не безъ основанія называться образцовымъ, благодаря усердію нынѣшняго его личнаго состава, во главѣ коего находится г. почетный блюститель Соколовскій, принимающій самое живое участіе въ благосостояніи заведенія. При Верегатовскомъ училищѣ, также какъ и при Ново-Вугскомъ, существуютъ съ немалымъ успѣхомъ уроки для взрослыхъ поселенцевъ.

Новоукраинское училище, при осмотрѣ инспекторомъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, имѣло слѣдующее количество учениковъ: въ 1-мъ классѣ—41, въ томъ числѣ 4 дѣвочки, и во 2-мъ—20, изъ которыхъ въ старшемъ отдѣленіи—12, а въ младшемъ—8; всего же учащихся было—61. Успѣхи по всѣмъ предметамъ найдены удовлетворительными. Учащіеся въ 1-мъ классѣ по степени знаній также раздѣлены были на три отдѣленія, изъ которыхъ въ 1-мъ было 8, во 2-мъ—25 и въ 3-мъ—8. Зданіе училища, хотя и было въ 1871 году приведено въ исправное состояніе, но какъ выстроенное непрочно и изъ матеріаловъ недоброкачественныхъ, теперь вновь требуетъ передѣлокъ; къ тому же оно совсѣмъ не огорожено; классной мебели достаточно, но она ветха; училищная бібліотека заключаетъ въ себѣ книгъ разныхъ названій 159 въ 708 томахъ, а ученическая—92 названія въ 435 томахъ. Книгамъ этимъ ведутся надлежащіе каталоги и онѣ хранятся въ отдѣльныхъ шкафахъ. Ремесленные классы существуютъ съ 1871 года и содержатся на средства г. почетнаго блюстителя Скопиваго, который изъ своихъ средствъ платитъ мастеру за обученіе учениковъ сапожно-башмачному ремеслу. Въ училищѣ также введено преподаваніе нотнаго пѣнія, для чего имѣется регентъ, получающій жалованья по 60 руб. въ годъ.

При всемъ томъ, нельзя сказать, чтобы Новоукраинское училище достигло надлежащаго совершенства и хотя учрежденіе его въ Новоукраинкѣ (Злынка)—мѣстѣ, населенномъ преимущественно старообрядцами, имѣетъ важное значеніе, но долго еще придется ему бороться съ неблагоприятными для него условіями, которыя въ настоящее время препятствуютъ его преуспѣянію, такъ какъ старообрядцы, составляя значительную часть населенія, весьма враждебно относятся къ нему и въ особенности къ личному его составу. Школу преимущественно посѣщаютъ дѣти православныхъ родителей, которыхъ немного въ этой мѣстности. Вслѣдствіе такого нерасположенія къ ней со

стороны большинства жителей, она лишлась уже, въ теченіе четырехлѣтняго своего существованія, шести учителей, отчего не могло не страдать и самое преподаваніе. Чтобы устранить это зло на будущее время, г. инспекторъ избралъ учителями людей, происходящихъ изъ среды народа и къ тому же семейныхъ.

Грушевское одноклассное образцовое училище открыто только въ январѣ прошлаго 1872 года. Мѣстечко Грушевка—одно изъ многочисленныхъ въ Херсонскомъ уѣздѣ и въблизи его находится много сель и деревень; между тѣмъ оно значительно удалено отъ городовъ и потому очень нуждалось въ училищѣ, правильно организованномъ. Это обстоятельство и послужило однимъ изъ главныхъ поводовъ къ учрежденію въ немъ школы.

Грушевская школа помѣщается во вновь выстроенномъ мѣстнымъ обществомъ, при пособіи частныхъ пожертвованій, каменномъ зданіи, довольно удобномъ и просторномъ, состоящемъ изъ четырехъ комнатъ. На содержаніе ея отпускается ежегодно отъ казны 226 руб., отъ общества—290 руб. и отъ почетнаго блюстителя—120 руб., всего—636 руб., которые распределены слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю—120 руб., учителю—300 руб., на учебныя пособія—75 руб.; остальные же 141 руб. идутъ на отопленіе зданія, наемъ прислуги и на устройство мебели. Классною мебелью училище снабжено вообще въ достаточномъ количествѣ, но только для библиотечной комнаты она еще не приобретена. Училищная библиотечка включаетъ въ себѣ книгъ разныхъ названій—32 въ 45 томахъ, а ученическая—18 названій въ 168 томахъ. Кромѣ книгъ, училище имѣетъ слѣдующія учебныя пособія: картины по закону Божію Шнора (раскрашенныя), картины для объясненія богослуженія православной церкви, картины для нагляднаго обученія Шрейбера, картины по русской исторіи, географическія карты, карту Херсонской губерніи, глобусъ, мѣры длины, вѣсы, счеты на станкѣ, грифельныя доски, металлическіе транспаранты, употребляемые при обученіи чистописанію. Учащихся, во время осмотра школы инспекторомъ въ декабрѣ, найдено было 73, изъ нихъ 13 дѣвочекъ. По познаніямъ они раздѣлены были на три отдѣленія: въ 1-мъ было 19, во 2-мъ—33 и въ 3-мъ—21. Успѣхи оказались большею частію удовлетворительными, особенно по закону Божію. Нотное пѣніе, преподаваемое учителемъ, идетъ очень хорошо, дѣти поютъ уже въ храмѣ при богослуженіи.

Недавно открытое училище это, безъ сомнѣнія, заявитъ себя съ отличной стороны. На это можно надѣяться особенно въ виду усерд-

ной и безкорыстной дѣятельности на пользу народнаго образованія законоучителя, мѣстнаго священника Торскаго, много содѣйствовавшаго благоустройству школы, какъ своими непосредственными пожертвованіями, такъ и склоненіемъ къ тому другихъ лицъ.

Городскія мужскія и женскія училища.

Херсонское приходское училище, обладающее очень удобнымъ и просторнымъ помѣщеніемъ, состоитъ изъ двухъ основныхъ классовъ и одного параллельнаго отдѣленія къ первому классу. Училище обильно снабжено мебелью, учебниками и классными принадлежностями; оно имѣетъ хорошую библіотеку изъ 149 названій въ 437 томахъ; всѣ книги переплетены и хранятся въ устроенныхъ для нихъ шкафахъ. По успѣхамъ упомянутое училище найдено въ удовлетворительномъ состояніи, что было доказано на экзаменахъ, произведенныхъ въ прошломъ году въ присутствіи мѣстнаго городского головы, инспектора, штатнаго смотрителя и учителей уѣзднаго училища. На этихъ экзаменахъ значительное большинство дѣтей отвѣчали весьма хорошо. Многіе изъ воспитанниковъ этой школы, пробывшіе въ ней два года, имѣли полное право на переводъ въ уѣздное училище, но остались въ ней, желая окончить обученіе по программѣ съ пятилѣтнимъ курсомъ; изъ 68 поступили въ уѣздное училище только 16. Это служитъ доказательствомъ, что означенное училище, въ которомъ находится нынѣ до 160 учениковъ, пользуется расположеніемъ мѣстнаго общества, слѣдовательно, достигаетъ своей цѣли. Преподаватели, по отзыву инспектора, заслуживаютъ похвалы и одинъ изъ нихъ, Скульскій, преимущественно за умѣнье поддерживать въ школѣ отличный порядокъ и чистоту; на его отвѣтственности находится, между прочимъ, библіотека и все училищное имущество.

Дѣти въ этой школѣ обучаются ремесламъ вмѣстѣ съ учениками уѣзднаго училища; ремесла сапожно-башмачное, переплетное и столярное преподаются особыми мастерами, получающими жалованье изъ суммъ, отпускаемыхъ городскимъ обществомъ, на счетъ котораго содержится и самое училище (ежегодно 1.400 руб.).

Земскія народныя школы въ Херсонѣ на Военномъ и Забалковскомъ форштатахъ получаютъ каждая на годовое содержаніе свое отъ уѣздной управы до 700 руб. и находятся въ удовлетворительномъ состояніи, какъ въ учебномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи. Занимаемая ими помѣщенія, хотя и наемныя, довольно удобны. Въ каждой изъ этихъ школъ находятся отдѣленія для дѣвочекъ; въ

первомъ изъ этихъ отдѣленій учащихся: мальчиковъ 60 — и дѣвочекъ—50, а во второмъ: мальчиковъ—71 и дѣвочекъ—36. Законоучителю жалованья не положено, учителя получаютъ по 300 руб., а учительницы по 250 руб. въ годъ. Успѣхи дѣтей оказались удовлетворительными. Школы находятся въ ближайшемъ вѣдѣніи уѣздной земской управы.

Ремесленно-грамотная школа въ Херсонѣ для дѣтей обоего пола учреждена херсонскимъ обществомъ благотворительности, которое на содержаніе его ежегодно отпускаетъ до 800 руб. Въ училищѣ преподаются: законъ Божій, арифметика, чтеніе и письмо. Успѣхи по всѣмъ предметамъ, благодаря составу служащихъ, весьма удовлетворительны. Ремесленные классы бапмачнаго ремесла и женскія работы идутъ успѣшно. Въ минувшемъ году училище ничего не затратило на ихъ содержаніе изъ собственныхъ средствъ, такъ какъ всѣ расходы окупились платою, вырученною отъ заказовъ. Учащихся въ школѣ—58. Удовлетворительнымъ состояніемъ своимъ училище много обязано, между прочимъ, супругѣ начальника губерніи, Аннѣ Валеріановнѣ Абаза, принимающей въ немъ самое теплое участіе.

На военномъ форштатѣ Херсона чиновникомъ Сѣриковымъ уже болѣе 20-ти лѣтъ содержится частная школа; помѣщается она въ его собственномъ домѣ весьма чисто и опрятно, за ученіе родители вносятъ отъ 3 до 5 руб. годъ. Хотя содержатель и не знакомъ съ современными методами первоначальнаго обученія, но будучи всецѣло преданъ дѣлу, которому посвятилъ всю свою жизнь, приносить пользу и пользуется уваженіемъ родителей и любовью дѣтей. Въ послѣдніе два года онъ получалъ, съ соизволенія начальства, пособіе отъ казны по 60 руб.

Бериславское приходское двухклассное училище помѣщается съ 1870 года во вновь выстроенномъ каменномъ двухэтажномъ зданіи. Помѣщеніе удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ учебнаго заведенія. Школа эта содержится изъ суммъ, отпускаемыхъ городскимъ обществомъ; до 1870 года она получала 298 руб. въ годъ, а затѣмъ по 1.463 руб., которые по штату, утвержденному попечителемъ Одесскаго учебнаго округа, распределены слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю—150 руб., старшему учителю, завѣдывающему училищемъ—350 руб., учителю 1-го класса—300 руб., учительницѣ—260 руб., учителю пѣнія—72 руб., на учебныя пособія—100 руб., на содержаніе дома—145 руб. и на паемъ служителя—96 руб. Кромѣ изчисленной суммы, училище въ 1872 году получило пособіе отъ уѣзд-

наго земства, въ количествѣ 100 руб., которые были употреблены на поддержаніе существующихъ при немъ мастерскихъ и на учебныя пособія. Училище имѣетъ двухъ почетныхъ блюстителей—мѣстныхъ купцовъ И. В. Ельфинова и О. Н. Попова. Оно всегда находилось въ весьма удовлетворительномъ состояніи; въ концѣ прошлаго ноября учащихся въ немъ состояло: 138 въ первомъ классѣ и 12 во второмъ. Вслѣдствіе того, что первый классъ былъ переполненъ, городская дума, по ходатайству инспектора, постановленіемъ своимъ отъ 21-го октября 1872 года опредѣлила вносить ежегодно въ роспись расходовъ, начиная съ 1873 года, на жалованье третьему учителю по 300 руб. Это дало возможность первый классъ раздѣлить на два параллельныя отдѣленія. Содержаніе вновь назначеннаго третьяго учителя, съ 20-го ноября до конца 1872 года, взялъ на себя мѣстный голова, г. Санжеревскій, принимающій вообще самое близкое участіе въ воспитаніи Бериславскаго юношества. Успѣхи учениковъ по всѣмъ предметамъ найдены удовлетворительными; между прочимъ, по геометріи,—занятія кою начались въ текущемъ академическомъ году,—пройдено было о прямыхъ линіяхъ и углахъ, а по русскому языку, сверхъ положеннаго по программѣ, ученики занимались письменными работами, заключающимися въ составленіи писемъ и сочиненій на мелкія темы; нотное пѣніе преподается однимъ изъ учителей весьма успѣшно; дѣти, независимо отъ пѣнія въ классѣ, поютъ и при богослуженіи въ церкви. Въ августѣ мѣсяцѣ, при содѣйствіи законоучителя, данъ былъ ими духовный концертъ, отъ котораго выручено до 100 руб.; деньги эти употреблены на выпускъ нотъ и на вознагражденіе учениковъ, состоящихъ въ хорѣ; кромѣ того, постоянно поддерживаетъ ихъ и мѣстный городской голова. Училищная бібліотека, заключающая въ себѣ книгъ разныхъ названій 213 въ 493 томахъ, находится въ порядкѣ; всѣ книги переплетены и записаны въ каталогъ. Въ ремесленныхъ классахъ при этомъ училищѣ обучаютъ дѣтей ремесламъ: столярному, токарному и сапожно-башмачному. Классы эти не имѣютъ постояннаго источника содержанія, вслѣдствіе чего, при обученіи столярному мастерству, встрѣчается иногда нужда въ лѣсѣ и въ инструментахъ; сапожно-башмачная же мастерская содержится на счетъ пожертвованій почетнаго блюстителя Попова. Учащихся мастерствамъ въ истекшемъ году было 52, изъ нихъ столярному—23 и сапожно-башмачному—29. Можно надѣяться, что съ утвержденіемъ въ должности втораго по-

четнаго блюстителя, избраннаго обществомъ, купца И. В. Ельфинова, ремесленное обученіе подвинется впередъ.

Бериславское женское училище, благодаря уѣздному земству, ассигнованному на содержаніе его въ 1872 году, къ получаемымъ изъ городской думы 250 руб., еще 500 руб., значительно совершенствуется; помѣщено оно въ наемномъ домѣ съ платою по 150 руб. въ годъ, но помѣщеніе это не совсѣмъ удобно; напримѣръ, классная комната можетъ съ трудомъ вмѣстить до 60 учениковъ, а ихъ было бы несравненно больше, и многимъ родителямъ въ приемъ ихъ дѣтей приходится отказывать; впрочемъ, городской голова заботится о постройкѣ новаго училищнаго зданія, для чего уже и отведено городомъ мѣсто. Классною мебелью и учебными пособиями школа снабжена въ достаточномъ количествѣ, благодаря особенной заботливости попечительницы г-жи Ельфиновой. Преподаваніемъ закона Божія, со дня открытія училища, мѣстный протоіерей занимается безвозмездно; одна изъ учительницъ, воспитывавшаяся въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, получаетъ жалованья—300 руб. въ годъ, а другая, преподающая рукодѣлья—60 руб. При ревизіи училища, было на лицо 57 дѣвочекъ; изъ нихъ въ 1-мъ отдѣленіи—34, во 2-мъ—18 и въ третьемъ—5. Успѣхи ихъ найдены весьма удовлетворительными. Рукодѣльемъ онѣ занимаются въ послѣобѣденное время; нѣкоторыя шьютъ бѣлье, а другія вяжутъ чулки и гарусныя вещи.

Бобринское мужское двухклассное училище помѣщается въ одномъ зданіи съ уѣзднымъ; въ двухъ большихъ свѣтлыхъ комнатахъ расположены классы, въ третьей—училищная бібліотека, а четвертая служитъ передней. На содержаніе его отпускается ежегодно городскою думою—900 руб. и, сверхъ того, почетнымъ блюстителемъ—100 руб. Въ послѣднюю ревизію въ немъ было 126 учениковъ, изъ коихъ въ 1-мъ классѣ—91 и во 2-мъ—34. Успѣхи ихъ вообще удовлетворительны. Училище вполне снабжено классною мебелью и учебными пособиями; бібліотека съ каталогами состоитъ изъ 198 названій въ 282 томахъ. При школѣ существуютъ классы сапожно-башмачнаго, переплетнаго и столярно-токарнаго ремесль; на содержаніе ихъ изъ городской думы отпускается ежегодно по 400 руб. Нотному пѣнію обучаетъ особо приглашенный регентъ, съ платою по 300 руб. въ годъ изъ городскихъ суммъ; ученики поютъ въ церкви при богослуженіи. Вообще означенное училище приноситъ большую пользу, будучи поддерживаемо въ матеріальномъ отношеніи почетнымъ блюстителемъ Ѳ. М. Масалитинимъ (онъ же и городской голова).

Бобринецкое женское двухклассное училище, при обзорѣни его, оказалось находящимся въ весьма удовлетворительномъ положеніи. Учащихся было на лицо въ 1-мъ отдѣленіи—53 и во 2-мъ—26. На содержаніе школы получается отъ общества по 900 руб. ежегодно. Почетная попечительница училища Масалитина (супруга городского головы), по инициативѣ которой училище и возникло, много заботится о матеріальныхъ его средствахъ. Въ училищной библіотекѣ находится 458 томовъ (216 названій). Изъ личнаго состава училища обращаетъ на себя вниманіе надзирательница его, которая, не смотря на требованіе отъ дѣтей строгаго выполненія своихъ обязанностей, приобрѣла всеобщую ихъ любовь своимъ нѣжнымъ, материнскимъ съ ними обращеніемъ; вступая съ дѣтьми въ постоянныя бесѣды и пользуясь откровенностію ихъ, она незамѣтно удерживаетъ ихъ отъ дурныхъ поступковъ.

Новогеоргіевское двухклассное училище существуетъ съ 1861 года и содержится на счетъ городского общества, отпускающаго на него по 800 руб. въ годъ, и почетнаго блюстителя—по 150 рублей; кромѣ того, отъ платы за ученіе въ прошломъ году поступило 120 рублей. Въ день ревизіи учениковъ было 56, изъ нихъ въ 1-мъ классѣ—46 и во 2-мъ—10. Успѣхи ихъ по всѣмъ предметамъ почти удовлетворительны. Училищная библіотека заключаетъ въ себѣ книгъ разныхъ названій 180 (376 томовъ), а ученическая—57 названій (298 томовъ); послѣдняя приобрѣтена на 150 р., пожертвованныхъ почетнымъ блюстителемъ Шапошниковымъ. Помѣщеніе весьма удобно и содержится въ надлежащей чистотѣ. Училище имѣетъ всѣ необходимыя классныя принадлежности и, не смотря на то, что Новогеоргіевское общество составляютъ преимущественно старообрядцы, оно приносить свою долю пользы, распространяя мало по малу просвѣщеніе и въ этой средѣ.

Новогеоргіевское женское народное училище открыто только въ февралѣ 1872 года. Въ Новогеоргіевскѣ не было до того времени ни одной женской школы. Вслѣдствіе сего, инспекторъ нѣсколько разъ письменно и лично входилъ въ сношеніе съ мѣстнымъ городскимъ головою объ ассигнованіи необходимой на содержаніе такой школы суммы, но желаннаго результата не могъ достигнуть. Городской голова ограничивался отвѣтами, что общество не изъявляетъ согласія на упомянутую мѣру. Тогда инспекторъ обратился къ женѣ почетнаго блюстителя тамошняго приходскаго училища Шапошниковой, а также къ женѣ 1-й гильдіи купца Шуйской съ просьбою о матеріальномъ содѣйствіи ихъ къ устройству училища. Лица эти, принявъ

предложеніе, оказали слѣдующія важныя для Новогеоргіевскаго женскаго училища услуги: первая пожертвовала для помѣщенія его совершенно новый, весьма удобный домъ и снабдила его всѣми классными принадлежностями, а вторая, выдавъ одновременно на учрежденіе школы 100 р., обязалась такую же сумму жертвовать ежегодно. Кроме того, обѣ онѣ собрали по добровольной подпискѣ 800 руб.; деньги эти, вмѣстѣ съ пособіемъ отъ казны въ 250 рублей собственно на жалованье учительницъ, дали возможность учредить означенное женское училище. Г-жи Шапошникова и Шуйская приняли его подъ свое ближайшее покровительство, состоя его попечительницами. Успѣхи учащихся не могли еще вполне опредѣлиться, но судя по урокамъ, происходившимъ въ присутствіи инспектора по закону Божию, объяснительному чтенію и ариметикѣ, успѣхи эти на столько удовлетворительны, что можно поручиться за хорошую будущность школы. Ученицъ было на лицо 38, изъ коихъ 13 дочерей старообрядцевъ.

Очаковское приходское училище содержится на счетъ городскихъ суммъ, въ количествѣ 784 руб. въ годъ, которые распределены слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю—100 руб., учителю—240, учительницъ—120 руб., на наемъ дома—120 руб., на учебныя пособія и содержаніе дома—120 руб. и на наемъ служителя—84 руб. Помѣщеніе до 1872 года было неудобное; въ этомъ же году, при содѣйствіи почетнаго блюстителя, оно значительно улучшилось, а скоро будетъ имѣть собственное зданіе, о постройкѣ коего уже составлено постановленіе думы и представлено губернскому начальству. Во время обзрѣнія училища, въ немъ было: мальчиковъ 70 и дѣвочекъ 28; дѣвочки занимались въ особомъ отдѣленіи подъ руководствомъ учительницы. Успѣхи удовлетворительны. Училищная бібліотека, заключающая въ себѣ книгъ 68 названій, въ 642 томахъ, находится въ порядкѣ; всѣ книги записаны въ каталогъ, который ведется исправно. Классною мебелью и учебными пособіями, состоящими изъ картинъ по священной и русской исторіи, географическихъ картъ и др., училище снабжено въ достаточномъ количествѣ.

Четыре народныя училища въ *Глисаветрадѣ* носятъ слѣдующія названія: *Ковалевскаго прихода, Биковское, Владимірской Богоматери и Успенскаго прихода*. Средства содержанія ихъ слѣдующія: мѣстною городскою думою отпускается по 100 р. на каждое и сборъ платы съ учащихся (отъ 25 до 50 коп. ежемѣсячно) доставляетъ также до 100 р. Помѣщаются школы въ наемныхъ домахъ тѣсныхъ

и неудобныхъ; преподавателями состоятъ отставные солдаты, люди малограмотные, хотя и имѣющіе надлежащія свидѣтельства, выданныя мѣстнымъ училищнымъ совѣтомъ. Учащихся въ упомянутыхъ четырехъ школахъ 118 мальчиковъ и 36 дѣвочекъ; успѣхи ихъ неудовлетворительны. Дѣти читаютъ, преимущественно по славянскимъ книгамъ, безъ сознанія; нѣкоторые изъ нихъ производили письменно, но совершенно механически, три первыхъ ариѳметическія дѣйствія и писали въ тетрадяхъ изъ прописей красивымъ почеркомъ. Впрочемъ, на неудовлетворительное состояніе этихъ школъ, происходящее главнымъ образомъ отъ скудости ихъ средствъ, мѣстная городская дума уже обратила вниманіе и на содержаніе ихъ назначила, на будущее время, по 300 руб. въ годъ, вслѣдствіе чего они, конечно, значительно улучшатся. Право назначенія въ эти училища преподавателей принадлежитъ мѣстному обществу.

Въ Одесскомъ градоначальствѣ состоитъ городскихъ училищъ 21; изъ нихъ 5 мужскихъ, 5 женскихъ и 11 для дѣтей обоего пола. Училища эти находятся въ вѣдѣніи училищнаго совѣта и комиссіи народнаго образованія при Одесской городской думѣ. На содержаніе ихъ отпускается думою 38.000 руб. Изъ числа 27 училищъ, 7 помѣщаются въ собственныхъ домахъ; прочія же въ наемныхъ, съ платою отъ 500 до 800 руб. въ годъ. Въ школахъ, находящихся въ г. Одессѣ, преподаваніемъ закона Божія занимаются два особыхъ законоучителя, получающіе жалованья 1.200 руб. Преподаваніе же прочихъ предметовъ поручено учителямъ, преимущественно воспитанникамъ педагогическихъ курсовъ, съ жалованьемъ по 480 руб. въ годъ, а помощникамъ ихъ по 300 руб. при квартирахъ. Учащихся въ городскихъ училищахъ въ 1872 году состояло: 1.187 мальчиковъ и 544 дѣвочки. Школы контролируются штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища и членомъ упомянутой комиссіи народнаго образованія Золотовымъ, завѣдывающимъ и хозяйственною частію.

Въ минувшемъ году инспекторъ посѣтилъ два изъ такихъ Одесскихъ училищъ—одноклассное *Новобазарное* и двухклассное *Острожное*. Оба они содержатся на счетъ города и помѣщаются въ наемныхъ домахъ, съ платою за первое по 600 руб., а второе по 800 руб. въ годъ. Въ Новобазарномъ учащихся 96, изъ нихъ дѣвочекъ 30, а въ Острожномъ 117, въ томъ числѣ 40 дѣвочекъ. Учащіеся оказали вполне удовлетворительные успѣхи по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ учебную программу; равнымъ образомъ и въ хозяйственномъ отношеніи найдены они въ отличномъ состояніи.

Земскія образцовыя училища Херсонскаго уѣзда.

Тягинское училище помѣщается въ собственномъ домѣ; въ немъ ученическіе столы со скамейками, въ количествѣ 10, въ настоящемъ году сдѣланы новыя, согласно данному чертежу, но еще не окрашены; при училищѣ имѣется постоянный служитель и отопленіе доставляется обществомъ исправно. Учитель, изъ окончившихъ педагогическіе курсы, получаетъ жалованья 250 руб. и квартиру съ отопленіемъ; законоучитель — мѣстный священникъ — занимается преподаваніемъ бесплатно. Учащихся было 50, въ томъ числѣ 4 дѣвочки; по познаніямъ они раздѣлены на три отдѣленія: въ первомъ 22, во второмъ 17 и въ третьемъ 11. Ученики третьяго отдѣленія по закону Божію отвѣчали о главныхъ событіяхъ изъ новозавѣтной исторіи, о символѣ вѣры и о молитвѣ Господней довольно сознательно; по русски читали по книгѣ для чтенія Паульсона довольно бѣгло, соблюдая правильную интонацію, и прочитанное разказывали съ пониманіемъ; подъ диктовку писали безъ особенно грубыхъ ошибокъ; по ариметикѣ, по методу Грубе, считали до 25 и рѣшали какъ письменно, такъ и умственно практическія задачи весьма удовлетворительно и, кромѣ того, изучили таблицу употребительнѣйшихъ мѣръ. Ученики втораго отдѣленія по закону Божію изучили утреннія и вечернія молитвы; читали по 2-й части *Роднаго Слова* и прочитанное разказывали и писали на доскахъ весьма удовлетворительно; изучили счетъ по Грубе до 12. Въ первомъ отдѣленіи нѣкоторые ученики, послѣ изученія звуковъ, перешли къ первоначальному чтенію по *Родному Слову*, годъ 1-й. Ученики старшихъ отдѣленій пишутъ въ тетрадяхъ, постоянно исправляемыхъ учителемъ, довольно красивымъ почеркомъ. Обученіе нотному пѣнію идетъ весьма успѣшно; ученики поютъ въ школѣ молитвы, гимны и пѣсни; поютъ также и въ церкви при богослуженіи. При училищѣ должны быть открыты, въ скоромъ времени, ремесленные классы заботами вновь избраннаго земствомъ попечителя г. Волохина.

Нововоронцовское училище помѣщается временно въ эконолическомъ домѣ; содержится опрятно, имѣетъ постоянного служителя и достаточное отопленіе; постройка новаго зданія по плану, выданному начальствомъ, вчернѣ совершенно окончена, кромѣ столярной работы, штукатурки и окраски половъ, дверей и оконъ. Постройка эта, благодаря заботливости попечителя училища Евневича, произведена прочно и изъ матеріаловъ хорошаго качества. Учитель, изъ окончившихъ пе-

дагогическіе курсы, жалованья получаетъ въ годъ 250 руб. отъ земства и 100 руб. отъ экономіи. Законоучитель, мѣстный священникъ, преподаетъ бесплатно. Учащихся въ Нововоронцовскомъ училищѣ 53, въ томъ числѣ 9 дѣвочекъ. Раздѣлены они на три отдѣленія: въ 1-мъ—20, во 2-мъ—18 и въ 3-мъ—15; ученики 3-го отдѣленія по закону Божію отвѣчали довольно хорошо о членахъ символа вѣры и умѣли объяснять главныя молитвы; по русскому языку — читали по книгѣ для чтенія Паульсона, прочитанное разказывали удовлетворительно, но механизмъ чтенія былъ развитъ мало; по ариметикѣ рѣшали задачи, относящіяся къ первымъ тремъ дѣйствіямъ какъ умственно, такъ и письменно; изъ отвѣтовъ замѣчено, что преподавателемъ мало обращалось вниманія на рѣшеніе письменныхъ задачъ. Учащіяся во 2-мъ отдѣленіи по закону Божію отвѣчали главныя молитвы и о значеніи крестнаго знаменія довольно сознательно; читали статьи по 2-й части *Роднаго Слова* бѣгло, разказывали, а нѣкоторые и писали на доскахъ, безъ грубыхъ ошибокъ; по ариметикѣ изучили счетъ по Грубе до 20. Въ 1-мъ отдѣленіи ознакомились со звуками и приступили къ чтенію немногосложныхъ фразъ и словъ по азбукѣ Бѣлаго. Нотное пѣніе идетъ успѣшно; дѣти довольно стройно поютъ молитвы и пѣсни, помѣщенные въ *Родномъ Словѣ*; въ церкви пока еще не пѣли. Попечителемъ пожертвованы для училища два образа въ позолоченныхъ рамахъ и стѣнные часы; онъ же изъявилъ согласіе построить на свой счетъ новое зданіе для училища въ с. Осакаровкѣ.

Новониколаевское училище содержится чисто и отапливается исправно; классною мебелью и учебными пособиями снабжено въ достаточномъ количествѣ. Учитель, окончившій педагогическіе курсы, получаетъ жалованья 250 руб. въ годъ и квартиру съ отопленіемъ; законоучитель, мѣстный священникъ, занимается преподаваніемъ бесплатно. Учащихся въ школѣ было на лицо 32, по классному же журналу значилось 40; по успѣхамъ они раздѣлены на три отдѣленія: въ 1-мъ—16, во 2-мъ—7 и въ 3-мъ—9. По закону Божію ученики 3-го отдѣленія отвѣчали сознательно о событіяхъ ветхозавѣтной исторіи по картинамъ, а во 2-мъ главныя молитвы и о значеніи крестнаго знаменія; по русскому языку изъ 9-ти учениковъ 3-го отдѣленія одинъ только могъ хорошо прочесть по книгѣ для чтенія Паульсона, остальные же 8 читали не совсѣмъ удовлетворительно; во 2-мъ отдѣленіи читали по 1-й части *Роднаго Слова* механически, разказать же прочитаннаго вовсе не могли; въ 1-мъ отдѣленіи изучали звуки. Изъ ариметики ученики 3-го отдѣленія ознакомились механически съ

сложеніемъ и вычитаніемъ и только двое изъ нихъ рѣшали несложныя задачи умственно; во 2-мъ отдѣленіи изучили счетъ до 10. Вообще преподаваніе въ этой школѣ идетъ, за исключеніемъ закона Божія, не вполне успѣшно.

Покровское училище помѣщается въ домѣ, выстроенномъ обществомъ и въ текущемъ году вновь отдѣланномъ внутри и снаружи; отопливается оно исправно, но постоянного служителя не имѣетъ; классной мебели достаточно. Учитель получаетъ жалованья въ годъ 250 руб. и квартиру; законоучитель занимается преподаваніемъ бесплатно. Учащихся оказалось на лицо 51, въ томъ числѣ 11 дѣвочекъ и 2 взрослыхъ. Они были раздѣлены на четыре отдѣленія и успѣхи ихъ найдены весьма удовлетворительными. Дѣти поютъ при богослуженіи въ церкви; за труды по обученію пѣнію выдано учителю награды 25 руб. изъ суммъ государственнаго казначейства. Къ сожалѣнію, онъ началъ заниматься адвокатурой и поставилъ себя во враждебныя отношенія къ нѣкоторымъ членамъ мѣстнаго общества.

Кромѣ поименованныхъ, инспекторомъ были осмотрѣны въ Херсонскомъ уѣздѣ еще слѣдующія школы:

	ЖАЛОВАНИЕ УЧАЩИХЪ.		УЧАЩИХСЯ:	
	Руб.	Коп.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
Широковское	250	—	41	7
Архангельское	250	—	50	3
Вольно-Александровское	250	—	66	8
Полтавское	250	—	40	2
Привольянское	250	—	75	9
Николаевское 2-е	250	—	20	—
Любомирское	—	—	34	9
Станиславское	250	—	94	12
Федоровское	250	—	73	—
Пересадовское	250	—	42	11

Сверхъ того, въ м. *Нововоронцовкѣ*, Херсонскаго уѣзда, существуетъ частная народная школа для дѣтей обоего пола, преимущественно дѣвочекъ, открытая г-жею *Е. Ремольдъ*; содержится она на счетъ платы за ученіе, взимаемой съ каждаго ученика, при полномъ содержаніи, по 120 руб. въ годъ и съ приходящихъ по 3 руб. въ мѣсяцъ. Посѣтивъ эту школу въ теченіе минувшаго года два раза, инспекторъ всегда находилъ ее въ удовлетворительномъ состояніи. По-

¹⁾ Не имѣется свидѣній.

мѣщается она въ наемномъ домѣ довольно удобномъ; комната, занимаемая классомъ, свѣтла и просторна; мебелью и учебными пособиями и руководствами школа снабжена въ достаточномъ количествѣ; объемъ преподаванія соотвѣтствуетъ программамъ, изданнымъ для двухклассныхъ училищъ, главная же цѣль содержательницы состоитъ въ приготовленіи дѣтсей этой мѣстности, значительно отдаленной отъ городовъ, въ среднія учебныя заведенія. Преподаваніемъ занимаются: законоучитель—мѣстный священникъ, содержательница школы, ея сестра, имѣющія установленныя свидѣтельства, и учитель, бывшій воспитанникъ частной гимназій въ Одессѣ. При осмотрѣ въ послѣдній разъ, учащихся было на лицо 40, въ томъ числѣ мальчиковъ 9. Успѣхи ихъ найдены по всѣмъ предметамъ удовлетворительными. Школа эта, вслѣдствіе разрѣшенія г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, въ 1872 году получила отъ казны денежную субсидію въ 80 руб. Г-жа Ремгольдъ, всецѣло посвятившия себѣ дѣлу народнаго образованія, оказываетъ не малую услугу родителямъ, не имѣющимъ возможности дать образованіе своимъ дѣтямъ въ губернскомъ городѣ, получая отъ нихъ за полное содержаніе дѣтей столь незначительную плату, какъ 120 руб.

Училища, содержимыя сельскими обществами, при пособіи частныхъ лицъ и земства.

Дудчинское училище помѣщалось вначалѣ въ одномъ домѣ съ сельскою расправою, но съ 15-го декабря перешло въ зданіе, нарочно выстроенное для него, преимущественно заботами и пожертвованіями попечительницы его *М. Э. Дурилиной*, принимающей самое близкое участіе въ образованіи Дудчинскихъ крестьянъ. Преподавательница жалованья получаетъ 100 руб. въ годъ, квартиру отъ общества и 50 руб. отъ попечительницы. Для обученія закону Божию приглашенъ инспекторомъ священникъ с. Качкаровки, изъявившій желаніе посѣщать школу два раза въ недѣлю. Учащихся оказалось 38, въ томъ числѣ 7 дѣвочекъ; они раздѣлены на три отдѣленія; въ 1-мъ—17, во 2-мъ—15 и въ 3-мъ—6. Успѣхи учащихся найдены весьма удовлетворительными по всѣмъ предметамъ.

Качкаровское училище помѣщается пока въ старомъ зданіи, но съ начала будущаго академическаго года оно перейдетъ въ новый, почти уже готовый, каменный домъ. Постройкою этою общество обязано попечителю школы *М. О. Огаркову*, принимающему самое живое участіе въ образованіи крестьянъ селенія Качкаровки. Классной

часть CLXVIX, отд. 4.

мебели вполне достаточно. Учитель, окончившій педагогическіе курсы, жалованья получаетъ 100 руб. отъ общества и 100 руб. отъ попечителя школы; законоучитель, мѣстный священникъ, преподаетъ безплатно. Учащихся оказалось 29, въ томъ числѣ 2 дѣвочки; помѣщеніе не позволяетъ принимать больше, хотя желающихъ учиться есть много. Дѣти раздѣлены на два отдѣленія: въ 1-мъ—20 и во 2-мъ—9. Успѣхи найдены удовлетворительными. Въ учебныхъ пособіяхъ и классныхъ принадлежностяхъ школа не имѣетъ недостатка.

Золотобалковское училище помѣщается въ одномъ домѣ съ сельскимъ управленіемъ; комната, занимаемая классомъ, тѣсна; классная мебель состоитъ изъ одного стола со скамьями съ двухъ сторонъ, совершенно неудобнаго. О постройкѣ новаго зданія для школы инспекторъ входилъ въ соглашеніе съ мѣстнымъ владѣльцемъ, В. В. Энгельгардтомъ, который и изъявилъ согласіе принять участіе въ этомъ дѣлѣ; постройка должна была начаться весною нынѣшняго года. Учитель, имѣющій свидѣтельство отъ Херсонскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, жалованья получаетъ 85 руб. въ годъ. Учащихся въ школѣ 29 мальчиковъ и 1 дѣвочка. Преподаваніе идетъ преимущественно по славянскимъ книгамъ, механически, вслѣдствіе чего инспекторомъ сдѣланы были необходимыя указанія.

Камянское училище помѣщается въ общественномъ неудобномъ домѣ. Камянское общество еще въ началѣ прошлаго года составило приговоръ о постройкѣ новаго зданія, ассигновавъ на этотъ предметъ болѣе 2.000 руб. изъ запаснаго капитала, хранящагося въ кредитномъ учрежденіи, но по настоящее время не получаетъ его, вслѣдствіе чего и постройка не начата. Классная мебель состоитъ изъ двухъ простыхъ столовъ, совершенно неудобныхъ. Учебныя книги и пособія, по неимѣнію шкафа, разбросаны по окнамъ и столамъ. Учитель, уволенный изъ духовнаго училища и получающій жалованья 70 руб. въ годъ отъ общества, неусерденъ въ исполненіи своихъ обязанностей и мало способенъ, отъ чего и успѣхи учениковъ слабы. Въ виду этого, инспекторъ обратился къ мѣстнымъ властямъ съ просьбою собрать сходъ и назначить учителю больше содержанія, чтобы на мѣсто нынѣшняго пригласить другаго, болѣе надежнаго. Учащихся въ школѣ 57, въ томъ числѣ 7 дѣвочекъ; успѣхи ихъ, за исключеніемъ закона Божія, весьма слабы. Учебныхъ пособій въ школѣ, благодаря заботливости законоучителя, достаточное количество.

Вотъ краткія свѣдѣнія о другихъ, однородныхъ съ указанными выше, школахъ:

	ЖАДОВАНЫЯ УЧАЩИМЪ.		УЧАЩИХСЯ:	
	Руб.	Кол.	Мальчнковъ.	Дѣвочекъ.
Марьинское	100	—	33	—
Новодмитровское	100	—	53	5
Старосельское	60	—	21	—
Владимірское	50	—	73	—
Спигировское	50	—	39	—
Осокоровское	100	—	—	6
Новоявановское	60	—	32	6
Криворочское	150	—	42	12
Щестирянское	80	—	42	12
Явкинское	120	—	34	5
Вьлозерское	90	—	26	10
Цареводарское	80	—	30	10
Гагагановское	50	—	15	7
Богоявленское	350	—	97	52
Терповское	210	—	135	8
Гурьевское	60	—	24	—
Троицкое	120	—	29	2
Дарьевское	40	—	12	—
Засельское	120	—	52	8
Ивановское	40	—	18	—
Новокамьянское	100	—	26	5
Сергѣевское	—	—	20	5
Борвинцовское	42	—	21	7
Давидобродское	50	—	—	—
Антоповское	75	—	37	4
Балабановское	—	—	8	—
Шировобалцковское	120	—	51	5
Березовское	80	—	58	14
Софїевское	—	—	8	—
Вавиловское	36	—	17	8
Малѣевское	—	—	25	—
Новоцетровское	60	—	12	1
Никольское — занятій въ школѣ, по немѣвнїю учителя, не было.				
Роксандровское	30	—	9	1
Заградовское	60	—	35	2
Калужское	80	—	39	—
Бистяковское	80	—	12	1

	ЖАКОВАНІЯ УЧАЩИМЪ.		УЧАЩИХСЯ:	
	Руб.	Кол.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
Ивановское 2-е	60	—	27	5
Касперовское	30	—	17	—
Мало-Александровское.	100	—	31	—
Касперовское 2-е	45	—	16	—
Дымовское	35	—	23	—
Елисаветовское	60	—	24	4
Костромское	120	—	61	7
Новокурское	50	—	26	—
Федоровское	40	—	12	1
Коблевское.	—	—	27	—
Тувловское.	125	—	38	9
Колонія Красное.	350	—	13	6

Изъ поименованныхъ училищъ, содержимыхъ сельскими обществами, находятся въ удовлетворительномъ состояніи слѣдующія: *Дудчанское, Качкаровское, Марьинское, Новодмитровское, Старосельское, Криворочское, Шестирянское, Явкинское, Бьлозерское, Цареводарское, Божоявленское, Терновское, Гурьевское, Засельское, Новокамляинское, Широко-балковское, Березовское, Малоалександровское и Малъевское*; всѣ они снабжены въ достаточномъ количествѣ учебными пособиями, получаемыми преимущественно отъ земства, классною мебелью и содержатся въ порядкѣ. Остальныя затѣмъ школы имѣютъ весьма скудные средства для своего содержанія, находятся въ неудовлетворительномъ состояніи, на что и было обращено инспекторомъ вниманіе мѣстныхъ властей.

Общіе выводы и замѣчанія.

Въ народныхъ школахъ Херсонской губерніи употребляются учебники и учебныя пособія, одобренные министерствомъ народнаго просвѣщенія, и преимущественно слѣдующіе: а) переводъ молитвъ Чечени, б) священнаѣ исторія Базарова, в) Евангеліе на русскомъ и славянскомъ языкахъ, г) псалтырь, д) *Родное Слово* Ушинскаго, е) *Книга для чтенія* Паульсона, ж) ариметика Грубе, з) ариметическія задачи Вуссе, и) учебники географіи Яковлева и Корнелля; і) исторія русскаѣ Иловайскаго.

Всѣ эти учебники оказываются на практикѣ удобопонятными и примѣнимыми къ учебновоспитательнымъ цѣлямъ и потребностямъ начальныхъ школъ, за исключеніемъ *Географіи* Яковлева, не предста-

вляющей надлежащей полноты и ясности. Вспомогательныя же учебныя пособія, употребляемыя какъ въ народныхъ городскихъ, сельскихъ образцовыхъ и земскихъ училищахъ, такъ равно и въ нѣкоторыхъ общественныхъ, слѣдующія: а) подвижная азбука, б) картины для объясненія богослуженія православной церкви, в) картины по священной исторіи ветхаго и новаго завѣта Шрейбера, г) картины по русской исторіи, д) картины Чепелевской, е) картина для нагляднаго обученія — „Трудъ земледѣльца“ Золотова, ж) картины для нагляднаго обученія Шрейбера, з) карты — Россіи и отдѣльно Херсонской губерніи, и) счеты на станкахъ, і) циркуль, к) складной аршинъ и сажень, л) вѣсы, м) мѣры жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ, н) теллурій, о) глобусъ, п) карта полушарій, р) картины Семенова, с) мѣрные цѣпи, т) геометрическія фигуры, у) металлическіе транспаранты, и ф) грифельныя доски. Бесѣды съ дѣтьми, при помощи этихъ пособій, весьма много вліяютъ на развитіе ихъ умственныхъ способностей.

Какъ въ 1872, такъ и въ предидущемъ году, инспекторомъ преимущественно были осматриваемы разныя школы Херсонскаго уѣзда. Еще въ 1870 году онъ замѣтилъ, что сельскія общества означеннаго уѣзда съ особеннымъ вниманіемъ относятся къ дѣлу обученія дѣтей грамотѣ и если во многихъ селахъ не существовало школъ, или же существовавшія находились въ неудовлетворительномъ состояніи, то, по заявленію сельскихъ властей, это объясняется тѣмъ, что некому было руководить устройствомъ училищъ и назначеніемъ въ нихъ хорошихъ преподавателей. Съ другой стороны, мѣстное земство съ цѣлью подвинуть сельскія общества къ открытію образцовыхъ школъ ассигновало въ 1870 году 4.800 руб. для учрежденія 14 подобныхъ училищъ; приведеніе же въ исполненіе этого предположенія инспекторъ принялъ на себя. 11 образцовыхъ земскихъ школъ открыто было имъ въ 1871 году, а 3 въ прошломъ 1872 году. Такимъ образомъ, устроивъ въ 1871 году 11 земскихъ школъ и давъ новую организацію и лучшее направленіе 26 сельскимъ, содержимымъ обществами, инспекторъ не могъ не носѣщать и въ прошломъ 1872 году преимущественно эти школы, чтобы убѣдиться, насколько данныя имъ указанія учителямъ приводятся въ исполненіе и чтобы, въ случаѣ нужды, на первыхъ же порахъ устранять уклоненія и недостатки. Тщательное обзорѣніе упомянутыхъ училищъ г. инспекторъ считалъ своею обязанностію еще и по той причинѣ, что земство и общество безконтрольно довѣрили ему въ этомъ дѣлѣ, слѣдовательно, на немъ лежала нравственная за нихъ отвѣтственность. Земскія школы, незави-

симо отъ осмотра ихъ осенью, были посѣщены инспекторомъ во время годовыхъ испытаній, на которыя были приглашаемы сельскія власти и нѣкоторые изъ родителей учащихся. Г. инспекторъ желалъ убѣдить мѣстныхъ общества, что вновь организованныя училища успѣли уже принести значительную пользу, что и оказалось на самомъ дѣлѣ.

Одною изъ дѣйствительныхъ мѣръ къ возвышенію уровня народнаго образованія въ Херсонской губерніи было открытіе въ прошломъ году въ г. Херсонѣ учительской семинаріи. Кому неизвѣстно, какъ трудно еще и теперь имѣть дѣльныхъ, опытныхъ и свѣдущихъ преподавателей, вслѣдствіе чего школы наши, или вовсе закрываются, или поручаются людямъ совсѣмъ не приготовленнымъ къ своему званію, которые не только не способствуютъ развитію дѣтей, но часто убиваютъ и тѣ хорошіе задатки, которые даны имъ природою? Семинарію отстранить, конечно, это зло, особенно если приготовляющіеся въ ней ученики будутъ происходить изъ той среды, въ которой придется имъ вращаться и дѣйствовать. Далѣе, значительную пользу приносятъ въ Херсонской губерніи ежегодныя сѣзды народныхъ учителей; въ прошломъ году сѣзды эти происходили въ городахъ Херсонѣ и Елисаветградѣ въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ.

Херсонское губернское земство, отпускаая деньги на учрежденіе означенныхъ сѣздовъ, затрачиваетъ ихъ съ видимою пользою для дѣла: г. инспекторъ убѣдился, что сѣзды, кромѣ распространенія между учителями новыхъ и лучшихъ приемовъ обученія, пробуждаютъ въ нихъ и соревнованіе. Учителя готовятся къ нимъ, какъ бы къ испытанію, а потому никогда не покидаютъ ихъ мысль о томъ, чтобы не отстать отъ своихъ товарищей. Инспектору представляется при этомъ возможность узнать хорошія и дурныя ихъ стороны въ педагогическомъ и нравственномъ отношеніяхъ и, соображаясь съ этимъ, поощрять лучшихъ денежными наградами, отпускаемыми на этотъ предметъ изъ государственнаго казначейства и перемѣщать отличившихся на мѣста съ высшими окладами жалованья. Посѣщая сельскія школы, учителя коихъ были вызываемы на сѣзды, инспекторъ убѣдился, что сѣзды имѣютъ вообще большое на нихъ вліяніе: рутинный способъ обученія дѣтей грамотѣ почти совершенно вытѣсненъ новымъ, явучковымъ; ученики успѣваютъ несравненно лучше, чѣмъ это было до учрежденія сѣздовъ, и сами наставники, не получившіе правильнаго образованія, побывавши а сѣздахъ, начали значительно совершенствоваться и теперь многіе изъ нихъ не уступятъ учителямъ, воспитывавшимся въ педагогическихъ курсахъ. Все это было подтверждено сѣз-

домъ, народныхъ учителей въ настоящемъ 1878 году: пробные уроки нѣкоторыхъ самоучекъ оказались даже лучше, чѣмъ уроки болѣе опытныхъ педагоговъ, такъ какъ первые, сознавая свою несостоятельность, и обладая въ тоже время природною любознательностью, употребляютъ все стараніе къ усвоенію передаваемого имъ на сѣздѣ, тогда какъ вторые слишкомъ надѣются на свои, болѣею частію поверхностныя, знанія. Къ тому же они хорошо владѣютъ славянскимъ чтеніемъ; знаютъ церковныя уставы и церковное нотное пѣніе. Такіе учителя охотно оставляются въ Херсонской губерніи на своихъ мѣстахъ тѣмъ болѣе, что они пользуются особымъ довѣріемъ народа, какъ вышедшіе изъ его среды и отличающіеся религіозно-нравственными качествами. Впрочемъ, и между этими учителями - самоучками, вызванными на первый сѣздъ въ 1870 году, были лица, которыя по безграмотности, малоспособности, мало интересовались дѣломъ сѣзда. Они чистосердечно сознались, что, при всемъ своемъ желаніи изучить новый звуковой способъ, не въ состояніи усвоить его.

Вслѣдствіе сего, въ соображеніяхъ инспектора по поводу сѣздовъ, утвержденныхъ попечителемъ учебнаго округа, сказано, что слѣдуетъ вызывать на сѣздъ лишь учителей способныхъ, которымъ эти сѣзды могутъ принести дѣйствительную пользу. Къ такому же убѣжденію пришли, какъ извѣстно, и руководители сѣздовъ, устраиваемыхъ петербургскимъ земствомъ при земской столичной учительской семинаріи.

Въ настоящемъ году сѣздъ народныхъ учителей происходилъ въ Елисаветградѣ, въ предыдущіе же два года эти сѣзды были устроены въ Херсонѣ и м. Злынкѣ (Елисаветградскаго уѣзда). На сѣзды въ Херсонѣ собрались учителя народныхъ школъ Херсонскаго, Одесскаго и Тираспольскаго уѣздовъ, а въ Елисаветградѣ, — Елисаветградскаго, Ананьевскаго и Александрійскаго.

Сѣзды въ Херсонѣ открыты были въ присутствіи гг. членовъ какъ губернской, такъ и уѣздной земской управы. Всѣхъ явившихся учителей было 43 и 4 учительницы; въ г. Елисаветградѣ прибыло 35 учителей и 3 учительницы. Занятія какъ въ Херсонѣ, такъ и въ Елисаветградѣ, происходили отъ 9-ти часовъ утра до 2-хъ и съ 4-хъ до 7-ми часовъ пополудни въ слѣдующемъ порядкѣ: утра были назначены для образцовыхъ уроковъ преподавателей сѣздовъ, а послѣобѣденное время для совѣщаній, въ которыхъ рѣшались вопросы, поставленные инспекторомъ относительно веденія обученія по всемъ предметамъ въ одноклассной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ и однимъ

учителемъ; рѣшенія были принимаемы большинствомъ голосовъ и вносились въ протоколы, составляемые по очереди лучшими народными учителями.

Видимая для учителей польза отъ сѣздовъ замѣчалась не только инспекторомъ, но и членами губернской и уѣздныхъ земскихъ управъ, также и сторонними лицами, каждый разъ посѣщавшими сѣзды, а равно и руководителями, дававшими образцовые уроки. Для такихъ уроковъ въ Херсонѣ и Елисаветградѣ былъ приглашенъ инспекторомъ одинъ изъ мѣстныхъ педагоговъ, извѣстный знаніемъ своего дѣла, нынѣ назначенный учителемъ въ образцовую школу при Херсонской учительской семинаріи. Народные учителя, сознавъ съ своей стороны всю пользу сѣздовъ, при закрытіи ихъ, поднесли адресъ предсѣдателю Херсонской губернской земской управы А. Эрдели, въ которомъ, изъявивъ ему лично душевную благодарность, просили его передать таковую же всему губернскому земству, ревностно заботящемуся о народномъ образованіи губерніи; такіа же чувства выразили они и инспектору училищъ.

Немаловажнымъ событіемъ, способствовавшимъ улучшенію народнаго образованія въ Херсонской губерніи, было командированіе въ Москву на политехническую выставку 1872 года тринадцати народныхъ учителей; всѣ они находились подъ ближайшимъ наблюденіемъ и руководствомъ инспектора. На расходы по поѣздѣ губернскому управоу назначено было 1.800 руб., изъ коихъ осталось въ экономіи 668 руб. 74 коп.; два же учителя были командированы на счетъ казны. Комитетъ политехнической выставки весьма сочувственно отнесся къ учителямъ народныхъ школъ, явившимся изъ Херсона, предоставивъ имъ возможность, независимо отъ слушанія уроковъ первоначальнаго обученія у извѣстныхъ педагоговъ, осмотрѣть въ подробности всѣ отдѣлы выставки и главныя достопримѣчательности Москвы, а также посѣтить Сергіевскую Лавру. Вообще учителя весьма серьезно отнеслись къ своей командировкѣ въ Москву. Находясь постоянно съ ними, инспекторъ имѣлъ случай убѣдиться, что они много позанимались изъ выслушанныхъ ими уроковъ по обученію дѣтей грамотѣ.

Учрежденіе при нѣкоторыхъ училищахъ Херсонской губерніи уроковъ для взрослыхъ крестьянъ должно также считаться весьма полезною мѣрою; доказательствомъ этому служить ходатайство поселянъ, посѣщающихъ вышеупомянутые уроки при *Ново-Бускомъ* училищѣ, о

томъ, чтобы кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней занятія происходили и по субботамъ.

Относительно успѣховъ народнаго образованія въ Херсонской губернии первое мѣсто занимаетъ Херсонскій уѣздъ, благодаря просвѣщенному вниманію къ этому дѣлу какъ уѣзднаго земскаго собранія, такъ въ особенності г. предсѣдателя уѣздной управы А. И. Волохина и члена ея Г. Г. Герценштейна. Затѣмъ слѣдуютъ уѣзды—Тираспольскій, Анапьевскій и Александрійскій; только Одесскій и Елисаветградскій значительно отстали отъ другихъ. Земства этихъ двухъ уѣздовъ назначили въ пособіе на содержаніе сельскихъ школъ въ 1872 году первое—5.400 руб.; а второе—2.500 руб.; но и эти назначенія часто оставались не всѣ израсходованными и иногда засчитывались цѣликомъ въ остатокъ. Впрочемъ, въ настоящемъ 1873 году ассигнованы были для той же цѣли уже весьма значительныя суммы, именно Одесскимъ собраніемъ—9.500 р. и Елисаветградскимъ—13.660 р. Равно и земства остальныхъ уѣздовъ, за исключеніемъ Анапьевскаго, поступили точно также, какъ видно изъ слѣдующаго:

	Въ 1872 году.	Въ 1873 году.
Херсонское	12.190 руб.	13.660 руб.
Елисаветградское	5.400 —	15.090 —
Александрійское.	6.260 —	9.000 —
Одесское	2.500 —	9.500 —
Тираспольское	5.273 —	7.573 —
Анапьевское	7.000 —	7.000 —
Итого	38.623 руб.	61.823 руб.

Не смотря на значительныя суммы, отпускаемыя Херсонскимъ земствомъ на народное образованіе, развитіе его затруднилось главнымъ образомъ недостаткомъ учителей, способныхъ руководить школами. Поэтому земство, желая устранить на будущее время столь важное затрудненіе, принимало въ минувшемъ году, кромѣ исчисленныхъ, еще слѣдующія мѣры. Оно содержало стипендіатами въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ воспитанниковъ и воспитанницъ сиротскаго дома, съ цѣлью подготовить изъ нихъ способныхъ преподавателей и преподавательницъ для народныхъ школъ. Далѣе, губернскаго и уѣзднаго земства содержали 235 стипендіатовъ и стипендіатокъ по слѣдующимъ учебнымъ заведеніямъ: въ Елисаветградской реальной гимназій—16, въ Николаевской ремесленной школь—24, въ Московской земледѣльческой школь—3, въ Уманскомъ училищѣ земледѣлія и садоводства—4,

въ школѣ Россійскаго общества любителей садоводства—2, въ ветеринарныхъ и фельдшерскихъ училищахъ—39, въ уѣздныхъ училищахъ—35, въ гимназіяхъ—3, въ Одесскомъ училищѣ глухонѣмыхъ—1, въ Одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ—1, въ женской прогимназіи—22, въ сиротскомъ домѣ—52 и въ педагогическихъ курсахъ—33. Очевидно, что многіе изъ этихъ стипендіатовъ увеличатъ число способныхъ учителей для народныхъ школъ; другіе же, смотря по различнымъ профессіямъ, къ которымъ они готовятся, будутъ имѣть возможность служить воспитавшему ихъ обществу своими техническими или ремесленными знаніями. Кромѣ того, вслѣдствіе перенесенія въ Херсонъ казенной учительской семинаріи, земство приняло на свой счетъ приспособленіе бывшаго училища торговли и мореплаванія для помѣщенія этой семинаріи, на что потребовалось 13.470 руб. Во вниманіе къ такому пожертвованію, г. министръ народнаго просвѣщенія согласился учредить для воспитанниковъ Херсонскаго земства десять стипендій, а также замѣщать земскими кандидатами двадцать или сорокъ казенныхъ стипендій, положенныхъ по штату семинарій. Къ концу 1872 года постройка дома была окончена и вслѣдъ за тѣмъ въ переведенной изъ Николаева семинаріи началось ученіе, причемъ тогда же на счетъ казенныхъ стипендій было помѣщено 10 воспитанниковъ, а на счетъ земства 3. Вслѣдствіе того, земство предположило упразднить педагогическіе курсы при Херсонскомъ уѣздномъ училищѣ, оставивъ только второй ихъ классъ съ 20 воспитанниками, для окончанія послѣдними полнаго курса въ 18⁷³/₇-мъ академическомъ году. Для поощренія учителей къ добросовѣстному исполненію ихъ обязанностей, земство продолжало отпускать и въ 1872 году 6.000 руб. на пособія лучшимъ изъ нихъ, каждому по 100 руб. Выше мы сказали, что земство содержитъ стипендіатами въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ воспитанниковъ сиротскаго дома, съ цѣлью подготовить изъ нихъ способныхъ учителей и учительницъ для народныхъ школъ. Сиротскій домъ былъ расширенъ, такъ что нынѣ въ немъ могутъ помѣщаться, вмѣсто прежнихъ 30, 50 мальчиковъ, и вмѣсто 20, 30 дѣвочекъ. Всѣ его воспитанники и воспитанницы, по достиженіи ими извѣстнаго возраста, ходятъ въ приходскія и уѣздныя училища и въ женскія прогимназію и гимназію, а остальные обучаются въ школѣ при сиротскомъ домѣ.

И уѣздныя Херсонскія земства, съ своей стороны, не щадятъ усилий и пожертвованій для распространенія образованія; такъ между прочимъ, Елисаветградское земство учредило въ Елисаветградѣ на

свои средства высшее реальное училище, а Ананьевское въ Ананьевѣ мужскую и женскую прогимназіи. Наконецъ, губернское собраніе въ послѣднюю сессію ассигновало 88.000 руб. на постройку зданія для предполагающагося въ Херсонѣ сельско-хозяйственнаго училища, назначивъ, кромѣ того, на содержаніе его по 18-ти тысячъ руб. въ годъ. Постройка вышеозначеннаго зданія, начатая весною текущаго года, должна быть окончена къ вышней осени.

При такой возрастающей заботливости земства о мѣстномъ народномъ образованіи, понятно, что и результаты его дѣятельности являются въ весьма удовлетворительномъ видѣ. Съ своей стороны мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ свидѣтельствуетъ, что успѣхи учениковъ относительно познаній, приобретаемыхъ изъ учебниковъ, стоятъ гораздо выше и могутъ считаться вполне удовлетворительными въ городскихъ народныхъ училищахъ; въ сельскихъ же школахъ, за исключеніемъ немногихъ, они менѣе значительны, такъ какъ ученики этихъ школъ умственно развиты гораздо менѣе, хотя они и превосходятъ городскихъ мальчиковъ въ нравственномъ отношеніи. Сельскіе ученики охотно занимаются механическимъ трудомъ, но менѣе способны къ труду умственному, что происходитъ отъ домашней ихъ обстановки. Городскія дѣти охотно идутъ въ школу, любятъ ученіе и тѣхъ учителей, которые съ любовью и знаніемъ дѣла занимаются съ ними. Тоже самое можно сказать и объ ученикахъ школъ сельскихъ, получившихъ должную организацію и учителя коихъ отличаются своею безукоризненною нравственностію и усердіемъ къ дѣлу. Что же касается до сочувствія обществъ къ школѣ, то оно ясно обнаруживается со стороны городскихъ обществъ, у которыхъ народныя училища переполнены учащимися; сельскія же болѣею частію равнодушны къ школѣ и неохотно удѣляютъ средства для ея содержанія. Только въ селахъ Херсонскаго уѣзда, гдѣ находятся три образцовыхъ училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и 14 земскихъ образцовыхъ, сильно вообще повліявшихъ на развитіе народнаго образованія, замѣтно сознательное желаніе родителей обучать своихъ дѣтей грамотѣ; въ остальныхъ же пяти уѣздахъ это сознаніе еще мало проявляется, отчего школъ тамъ сравнительно менѣе и учащихся въ нихъ немного; между тѣмъ какъ села нѣкоторыхъ изъ этихъ уѣздовъ, напримѣръ, Ананьевскаго, Тираспольскаго и Александрійскаго, стоятъ гораздо выше Херсонскаго по климатическимъ и промышленнымъ условіямъ. Равнодушіе родителей къ школѣ происходитъ отчасти и отъ того, что наставники мало

обращаютъ вниманіа на объяснительное чтеніе славянскихъ книгъ, которыя народъ нашъ привыкъ читать какъ святыни. Родителямъ пріятно, когда мальчикъ въ церкви, или дома въ состояніи прочесть что-либо по славянски, и такое чтеніе они преимущественно называютъ полезнымъ. На основаніи этого, какъ при посѣщеніи сельскихъ школъ, такъ и на съѣздахъ въ Херсонъ и Елисаветградъ, инспекторъ обращаетъ вниманіе учителей, чтобы они читали съ дѣтьми статьи, напечатанныя на славянскомъ языкѣ, и житія святыхъ, изданныя на русскомъ языкѣ особыми брошюрами.

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОБРАЗОВАННОСТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРАВЫ ВЪ РИМСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ВРЕМЕНЪ ПЛИНІЯ МЛАДШАГО.

(Разсужденіе, составленное на основаніи литературныхъ писемъ
этого писателя) ¹⁾.

Въ настоящемъ сочиненіи мы постараемся рѣшить слѣдующіе вопросы: I. Въ какихъ чертахъ проявлялась римская образованность въ эпоху Плинія младшаго? II. Къ чему стремились литературныя занятія того времени? и III. Какъ въ письмахъ Плинія младшаго рисуются взаимныя отношенія литераторовъ?

I.

Въ какихъ чертахъ проявлялась римская образованность въ эпоху Плинія младшаго?

Извѣстно, что цивилизацію и науку римскій народъ получилъ отъ Грековъ. Сами Римляне сознавали это вполне и, въ лицѣ своихъ передовыхъ людей, всегда были благодарны греческой націи за такой даръ. Признательность Римлянъ къ Грекамъ не исчезла и во время Плинія младшаго. Вотъ что онъ пишетъ къ одному изъ своихъ корреспондентовъ, Максиму (lib. VIII, ep. 24), получившему въ управленіе провинцію Ахаію: „Любовь моя къ тебѣ заставляетъ—не говорю—давать тебѣ наставленія (ибо ты не нуждаешься въ учителѣ), но напомнить, чтобы ты не забывалъ того, что знаешь, чтобы узнанное исполнять на дѣлѣ или даже старался бы лучше узнавать. Подумай, что ты посланъ въ провинцію Ахаію, ту истинную и чистую Грецію, гдѣ, какъ всѣ убѣждены, получили свое начало гуманность, науки, даже умѣние разводить плоды; помни, что ты посланъ для приведенія въ порядокъ свободныхъ городовъ, то-есть, посланъ

¹⁾ Краткую біографію Плинія младшаго см. въ приложеніи.

въ людямъ свободнымъ по преимуществу, которые право, данное людямъ природою, сохранили посредствомъ доблестей, заслугъ, наконецъ, союзами и религіей. Окажи благоговѣніе основателямъ городовъ—богамъ, волѣ боговъ. Почти древнюю славу и настоящую старость, которая въ человѣкѣ достойна всякаго уваженія, а въ городахъ священна. Окажи почетъ древности, великимъ подвигамъ и даже баснословію; ни въ комъ не оскорбляй достоинства, свободы, или даже тщеславія. Имѣй предъ глазами то, что ты находишься въ той странѣ, которая передала намъ право, которая, не принявъ нашихъ законовъ послѣ покоренія, сама дала намъ ихъ, по нашей просьбѣ. Не упускай изъ виду того, что этотъ городъ, куда ты вступаешь—Аѳины; что это—Лакедемонъ, которымъ ты будешь править. Отнимать у этихъ городовъ тѣнь и имя свободы—жестоко, звѣрски и свойственно только варварамъ^а).

Сознавая превосходство Грековъ предъ собою въ умственно-нравственномъ отношеніи, Римляне, конечно, должны были изучать ихъ языкъ и литературу. Образованные Римляне времени Плинія младшаго знали греческій языкъ такъ же хорошо какъ латинскій. Оттого греческія фразы часто встрѣчаются въ письмахъ самого Плинія (напримѣръ, lib. I, ср. 2, 5, 9, 12, 20; II, 2, 3, 14; III, 7, 9; IV, 9, 25; VI, 31, VII, 12, IX, 23, 27). Свободное употребленіе образованными Римлянами греческихъ фразъ свидѣтельствуетъ, что этотъ языкъ въ образованномъ обществѣ времени Плинія младшаго былъ въ большомъ ходу. Но, впрочемъ, на это есть и положительныя доказательства: нѣкто Теренцій Юніоръ прекрасно владѣлъ обоими языками; Плиній затруднялся сказать, въ какомъ изъ этихъ двухъ языковъ онъ былъ сильнѣе. А вѣдь Теренцій былъ человѣкъ еще не самаго высшаго круга (всадникъ); самъ Плиній сначала смотрѣлъ на него не больше, какъ на отца заботливаго семейства и добраго земледѣльца (VII, 25). Далѣе, одинъ изъ корреспондентовъ Плинія писалъ, по свидѣтельству этого автора, стихотворенія на греческомъ языкѣ такъ хорошо, что въ самыхъ Аѳинахъ не могли говорить чище (IV, 3). Самъ Плиній 14-ти лѣтъ уже былъ въ состояніи написать трагедію на греческомъ (VII, 4) языкѣ.

Намъ слѣдуетъ теперь доказать, что образованные Римляне вре-

^а) Переводъ нѣкоторыхъ литературныхъ писемъ Плинія младшаго находится въ «Пропілеяхъ» и въ сочиненіи г. Модестова: «Тацитъ и его время». Тамъ, гдѣ это было нужно, мы пользовались этими переводами.

мень Плинія младшаго основательно знали греческую литературу. Во-первыхъ, они изучали греческихъ поэтовъ: въ школахъ ученіе дѣтей обыкновенно начиналось съ Гомера (III, 14) и Римляне, какъ видно, никогда не забывали этого великаго поэта. У Плинія постоянно встрѣчаются ссылки на Гомера и выдержки изъ него (I, 7, 8, 20; III, 9; IV, 11; V, 2, 6, 19, 20; VI, 8; VIII, 4; IX, 1, 13).

Изучая Гомера, Римляне вмѣстѣ съ тѣмъ изучали и Гезіода, энциклопедическаго поэта, имѣющаго тѣсную связь съ Гомеромъ. Въ (III, 7) письмѣ къ Канинію Плиній приводитъ выраженіе — 'Αγαθὴ δ' ἔρεα, — взятое изъ дидактической поэмы Гезіода „ἔρεα καὶ ἡμέραι“ (ст. 24).

Современники Плинія младшаго читали греческихъ трагиковъ, и особенно Еврипида (IV, 11, 27).

Изъ представителей средней комедіи они читали преимущественно Менандра (VI, 21).

Далѣе Римляне читали поэтовъ александрійскаго періода. Превознося, въ одномъ изъ своихъ писемъ, стихотворенія нѣкаго Антонина, Плиній говоритъ: „когда я читаю твои произведенія, то мнѣ кажется, что я держу въ рукахъ Каллимаха или Ирода“ (см. Bernhardt, II Theil, I Abtheil., стр. 476, Halle, 1856). Въ 6-мъ письмѣ пятой книги есть ссылка на Арата, относящаяся тоже къ александрійскому періоду.

И прозаическая литература Грековъ была любимымъ чтеніемъ Римлянъ. Изъ писемъ Плинія младшаго видно, что онъ читалъ историковъ: Геродота (III, 7), Фукидида (IV, 7, V, 8), философа Платона (I, 10), философскія сочиненія Ксенофонта, ученика Сократа (VII, 32). Но болѣе всего изъ греческой литературы Римляне изучали ораторовъ и Плиній младшій владѣлъ обширными свѣдѣніями по этому отдѣлу. Онъ, напримѣръ, зналъ Исократу (VI, 29), зналъ Демосеена (IV, 7). Рѣчь Плинія въ отмщеніе за Гельвидію одинъ изъ друзей его уподоблялъ рѣчи Демосфена противъ Мидіаса (VII, 30). Рѣчь за Акцію Варіолу друга Плинія сравнивали (VI, 33) съ рѣчью Демосеена за Ктесифонта (IX, 27). Какъ Плиній, такъ и другіе Римляне читали ораторовъ: Лизію, Гиперида и „кромя того многихъ другихъ“ (I, 20).

Изучая съ такимъ усердіемъ греческую литературу, Римляне времени Плинія не забывали и своей родной литературы. Такъ, въ это время читались римскіе комики—Плавтъ и Теренцій (I, 16, ср. VI, 21). Корреспондентъ Плинія Сатурнинъ писалъ стихи въ подражаніе Ка-

туллу и Кольву, поэту и оратору времени Цицерона (ibid). Читалась дидактическая поэма Лукреція „De rerum natura“ (IV, 18). Далѣе; образованные Римляне того времени читали Горация и Проперція (IX, 22).

Но изъ своихъ поэтовъ прежняго времени Римляне питали наибольшую любовь, или даже какое-то благоговѣніе къ Вергилію. Поэтъ Силій Италикъ, современникъ Плинія, имѣлъ у себя въ домѣ нѣсколько портретовъ Вергилія. День его рожденія онъ чтилъ святѣе, чѣмъ свой собственный; къ памятнику Вергилія ходилъ, какъ къ храму. Въ школахъ ученіе дѣтей начинали съ Гомера и Вергилія (Квинтил. 1, 5). Въ письмахъ Плинія младшаго есть много выдержекъ изъ Вергилія (VI, 33; V, 8, 12 и др.).

Впрочемъ, не одна только серьезная поэзія прежняго времени составляла предметъ чтенія современниковъ Плинія. Они съ удовольствіемъ читали также и легкомысленно-свободныя стихотворенія предшествующей эпохи. Оказывается, что въ этомъ родѣ литературы подвизались серьезные и даже государственные мужи, а именно: Туллій (Цицеронъ), Кальвъ, Азиній Полліонъ, М. Мессала, Кв. Гортензій, М. Брутъ, Л. Сулла, Кв. Сцевола, Сервій Сулпицій, Варронъ, Торватъ Меммій, Лентулъ, Гетуликъ, Сенека и др.; императоры: Августъ, Нерва, Титъ (V, 3).

Изъ прозаической древней литературы Римлянамъ этого времени была извѣстна реторика Катона. Катонъ такъ опредѣляетъ оратора: *orator est vir bonus, dicendi peritus*, каковое опредѣленіе другъ Плинія, Геренній Сенеціонъ (въ насмѣшку надъ шпіономъ Регулломъ), пародировалъ слѣдующимъ образомъ: *orator est vir malus, dicendi imperitus* (IV, 7).

Изъ прозаиковъ историкъ Т. Ливій пользовался такимъ же уваженіемъ Римлянъ, каковымъ въ числѣ поэтовъ Вергилій. Плиній съ восторгомъ разказываетъ анекдотъ, какъ „одинъ житель Кадикса, увлеченный именемъ и славою Тита Ливія, пришелъ съ краю земли для того только, чтобы видѣть Ливія и какъ онъ, увидѣвъ его, тотчасъ же отправился назадъ“ (II, 3). Самъ Плиній такъ увлекался Т. Ливіемъ, что читалъ и дѣлалъ изъ него извлеченія во время страшнаго изверженія Везувія, когда дрожала земля. Плиній, тогда еще 18-лѣтній юноша, находился вблизи этого явленія природы (VI, 20).

Римляне во время Плинія младшаго, по всей вѣроятности, читали и другого своего историка прежнихъ временъ—Юлія Цезаря. По Плинію можно заключить, что читалась и не дошедшая до насъ его критика на сочиненіе Цицерона въ похвалу Катона (III, 12).

Но какъ въ греческой, такъ равно и въ своей древней литературѣ Римляне съ особеннымъ усердіемъ изучали ораторовъ. Плиній въ своихъ судебныхъ рѣчахъ, по собственному его признанію, подражалъ, кромѣ Демосоеена, Цицерону и Кальву (I, 2, 5); онъ зналъ также сравнительное достоинство ораторовъ: Гракховъ, Катона, Полліона, Цезаря, Целія (I, 20).

Но Плиній не перечислилъ всѣхъ греческихъ и латинскихъ писателей предшествовавшей эпохи, которые въ его время обращались въ публикѣ; такое перечисленіе и не составляло его прямой задачи. Упоминаетъ онъ о томъ или другомъ авторѣ обыкновенно только по какому-нибудь поводу и часто мимоходомъ. Учителю Плинія — Квинтилиану нужно было сдѣлать перечень тѣхъ писателей греческихъ и латинскихъ, которыхъ нужно было читать. „Но, говоритъ авторъ риторическихъ наставленій, перечислить всѣхъ ихъ былъ бы безконечный трудъ“. Поэтому онъ перечисляетъ только особенно замѣчательныхъ, по его мнѣнію, писателей и проситъ извиненія у тѣхъ лицъ, которыя въ его' перечень не встрѣтятъ своихъ любимыхъ авторовъ (X, 1; см. Квинтил. риторич. наставл. Перевод. член. Россійск. Акад. Никольскаго. Спб. 1834 г.).

Но не къ одному только чтенію была охота въ высшемъ римскомъ обществѣ временъ Плинія. Образованные Римляне того времени любили также страсть къ литературнымъ занятіямъ вообще, то-есть, къ чтенію книгъ, сопровождавшемуся, большею частію, извлеченіями изъ прочитаннаго, и къ литературнымъ бесѣдамъ; наконецъ, къ авторству во всѣхъ родахъ литературныхъ произведеній. Мы видѣли, что Плиній младшій читалъ и дѣлалъ извлеченія изъ Тита Ливія во время изверженія Везувія, находясь вблизи этого страшнаго явленія природы. Но вотъ нашъ авторъ на свободѣ отправляется на охоту; садится при сѣтяхъ, а вблизи кладетъ стилъ и записную книжку. Онъ что-то обдумываетъ и такимъ образомъ возвратится домой, быть можетъ, съ пустыми руками, но за то съ исписанной книжкой (I, 6; V, 18). Отъ усиленныхъ литературныхъ занятій Плиній заболѣваетъ глазами, но и тутъ онъ все-таки занимается литературой „слухомъ“. Онъ ѣздитъ въ закрытой со всѣхъ сторонъ повозкѣ, а рабъ читаетъ ему книгу (VII, 21). Посѣщали ли образованные Римляне другъ друга, прогуливались ли они, — у нихъ сейчасъ же завязывались литературныя бесѣды (III, 1; IX, 36). Садились ли образованные люди за столъ; имѣ ли рабъ-чтецъ читалъ книгу, или лиристъ пѣлъ стихотвореніе подъ аккомпаниментъ музыкальнаго инструмента, или во-

медіантъ разыгрывалъ драматическія произведенія (III, 1). Идеаломъ усердія къ литературнымъ занятіямъ былъ Плиній старшій—дядя и усновитель нашего автора. „Сонъ его, пишетъ Плиній младшій, былъ непродолжителенъ, иногда онъ засыпалъ и просыпался среди занятій. Предъ разсвѣтомъ шелъ къ императору Веспасіану (для ученыхъ бесѣдъ), потомъ отправлялся къ исправленію порученной должности; возвратившись домой, онъ посвящалъ оставшееся въ его распоряженія время литературнымъ занятіямъ. Лѣтомъ, послѣ принятія пищи, если только было сколько-нибудь свободнаго времени, лежалъ на солнцѣ, читалъ книгу, дѣлалъ замѣтки и извлеченія; такъ какъ онъ не читалъ ничего такого, изъ чего бы не дѣлалъ извлеченій, то обыкновенно говорилъ, что „нѣтъ книги, столь плохой, чтобы въ какомъ-нибудь отношеніи она не была полезна“. Послѣ лежанія на солнцѣ, большею частію омывался холодною водою, закусывалъ, засыпалъ на недолгое время; а потомъ, какъ бы уже на другой день, занимался литературными трудами до ужина. За столомъ тоже читалась книга, дѣлались замѣчанія и извлеченія и притомъ поспѣшно. Помню, что однажды отецъ дурно произнесъ какое-то мѣсто; одинъ изъ друзей дяди заставилъ повторить его это мѣсто; тогда дядя мой Плиній спросилъ: „ты вѣдь понялъ?“ И когда тотъ далъ утвердительный отвѣтъ: „такъ зачѣмъ же ты останавливаешь его?... Благодаря этому перерыву, мы потеряли болѣе десяти стиховъ“. Вотъ какъ онъ былъ бережливъ относительно времени! Когда жилъ онъ на дачѣ, то только время пребыванія въ банѣ было свободно отъ литературныхъ занятій; говоря — въ банѣ, я разумѣю лишь короткое время омовенія, потому что когда онъ отирался, то уже слушалъ что-нибудь, или диктовалъ, а время пути, какъ бы свободные отъ всякаго занятія часы, онъ посвящалъ одному только чтенію. При немъ находился писецъ съ книгой и навощенными таблицами. Зимой, чтобы холодъ не отнял сколько-нибудь времени отъ литературныхъ занятій, руки скорописца прятались въ перчатки. Припоминаю, какой однажды онъ сдѣлалъ мнѣ упрекъ за то, что я прогуливался: „Ты могъ бы, сказалъ онъ, не терять этихъ часовъ“, а всякое время, не посвященное литературѣ, онъ считалъ потеряннымъ. При такихъ-то напряженныхъ занятіяхъ *литературой* онъ написалъ столько томовъ (94), оставилъ мнѣ 160 тетрадей съ извлеченіями, написанныхъ притомъ очень мелко и даже съ оборотной стороны, чѣмъ число ихъ еще увеличивается. Онъ самъ разказывалъ, что будучи прокураторомъ Испаніи, могъ продать эти книги Ларію Лицинію за 400 тысячъ сестерціевъ, а тогда ихъ

еще было нѣсколько менѣе. Когда вспомнишь, сколько онъ читалъ, сколько писалъ, то кажется, что онъ не занималъ никакихъ должностей и не былъ въ дружбѣ съ цезарями. Когда нѣкоторые, продолжая Плиній младшій, называютъ меня прилежнымъ, я обыкновенно смѣюсь. Сравнительно съ дядей, я самый лѣнивый человекъ. Впрочемъ, и я занимаюсь, на сколько позволяетъ мнѣ время, свободное отъ общественныхъ дѣлъ, отъ услуги друзьямъ" (III, 57). Какъ много читалъ Плиній старшій, видно между прочимъ изъ того, что одно изъ своихъ сочиненій „*Естественную исторію*“ онъ сократилъ, болѣе чѣмъ изъ двухъ тысячъ сочиненій (Hist. natur. graecat.).

Любовь къ литературнымъ занятіямъ въ описываемое время была такъ сильна, что ученые и образованные люди встрѣчались и тамъ, гдѣ нельзя было ожидать ихъ. „О, сколько ученыхъ, пишетъ Плиній младшій, скрываетъ и лишаетъ славы (извѣстности) скромность или покой (то-есть, удаленіе отъ общественныхъ дѣлъ)!... Что пишу, то пишу по опыту. Теренцій Юніоръ, вполнѣ безпорочно прошедшій военныя всадническія должности и управлявшій также Нарбонскою провинціей, удалился въ свои помѣстья и предпочелъ спокойный досугъ всѣмъ предстоящимъ ему почестямъ. Будучи приглашенъ къ нему въ гости, я смотрѣлъ на него, какъ на хорошаго хозяина, какъ на заботливаго земледѣльца и, желая говорить съ нимъ, началъ разговоръ о томъ, въ чемъ считалъ его опытнымъ, — какъ вдругъ ученѣйшею рѣчью онъ навелъ меня на литературу. Какъ обработана была его рѣчь, какъ чиста была его латынь, какъ прекрасно владѣлъ онъ греческимъ языкомъ! Да, онъ такъ силенъ въ обоихъ языкахъ, что трудно сказать, въ которомъ онъ сильнѣе. Сколько читалъ онъ, сколько помнитъ! Можно было подумать, что этотъ человекъ живетъ въ Афинахъ, а не въ своей виллѣ. Что сказать больше? Это обстоятельство увеличило мое безпокойство и было причиною того, что я считаю этихъ людей, живущихъ въ уединеніи подобно поселянамъ, не менѣе учеными, какъ и тѣхъ, которыхъ знаю за ученѣйшихъ. Подобно тому, какъ въ лагерѣ встрѣчаются иногда повидимому не военные, въ партикулярной и простой одеждѣ, которыхъ только послѣ тщательнаго изслѣдованія, найдешь опоясанными мечемъ и вооруженными: такъ точно и въ области литературы не выказываются многіе такіе, которые обладаютъ замѣчательными дарованіями“ (VII, 25).

Въ описываемое время любовь къ литературнымъ занятіямъ была сильно развита даже между женщинами. Такъ Плиній говоритъ о дочери Фундана, умершей еще дѣвцею: „какъ она любила учителей,

какъ прилежно, какъ разумно читала" (V, 16). Жена самого Плинія любила читать преимущественно сочиненія своего мужа, и когда онъ устраивалъ литературное чтеніе въ своемъ домѣ, то Калпурнія, занавѣсивъ комнату, соприкасающуюся съ залой, назначенной для слушателей, съ жадностію ловила каждое слово своего мужа, каждый знакъ одобренія со стороны слушателей. Когда Плиній произносилъ рѣчь на форумѣ, Калпурнія подсылала рабовъ съ тѣмъ, чтобы они извѣщали ее объ успѣхахъ мужа; его стихотворенія она клала на ноты и разыгрывала ихъ, „не потому, что ее училъ какой-либо артистъ, но единственно изъ любви къ своему мужу, которая есть наилучшій учитель“ (V, 19). Во время отсутствія Плинія, жена его утѣшала себя его сочиненіями; она читала ихъ, клала на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно Плиній сидѣлъ или лежалъ (VI, 7).

Были также женщины-литераторы. Сатурнинъ читалъ Плинію письма и говорилъ, что это письма его жены. Они напомнили Плинію языкъ Плавта и Теренція (I, 16). До насъ дошла жалоба Сульпиціи въ стихахъ на печальное состояніе римскаго общества при Домиціанѣ. Кромѣ того она же посвятила семейному счастью и супружеской любви нѣсколько пѣснопѣній, которыя Марціалъ особенно совѣтуетъ читать дѣвицамъ и мужьямъ (*Пропил.* кн. V, отд. 1, стр. 148). Марціалъ, перечисляя свои завѣтныя желанія, говоритъ между прочимъ, что онъ не хотѣлъ бы имѣть слишкомъ ученую жену, а Ювеналъ даже того мнѣнія, что жена, которая придерживается чарки, не такъ несносна, какъ та, которая, лишь только сядутъ за столъ, тотчасъ заводитъ литературно-критическую бесѣду о Гомерѣ и Вергиліѣ и не даетъ никому вымолвить слова (*ibid.*).

Такимъ образомъ мы видимъ, что во время Плинія младшаго въ высшемъ римскомъ обществѣ занятія литературой составляли потребность. Страсть къ чтенію, къ извлеченію изъ читанныхъ книгъ, къ бесѣдамъ о литературныхъ предметахъ была очень развита. Но этимъ еще не исчерпывается все то, что мы разумѣемъ подъ литературными занятіями. Изъ образованнаго общества выдѣлялся значительный по количеству классъ людей, посвящавшій свой досугъ составленію книгъ и изданію ихъ въ свѣтъ. У тогдашнихъ литераторовъ страсть къ писанію была пропорціональна страсти къ чтенію, охватившему все общество. И многіе литераторы совершали, дѣйствительно изумительные подвиги авторства. Такъ, Плиній старшій оставилъ послѣ себя 94 тома своихъ сочиненій, не смотря на то, что онъ при жизни былъ обремененъ государственными должностями и умеръ еще не стари-

комъ (56 лѣтъ) (III, 5). Племянникъ знаменитаго натуралиста тоже написалъ огромное количество сочиненій: въ рѣдкомъ письмѣ не извѣщаетъ Плиній младшій своихъ корреспондентовъ о выпускѣ въ свѣтъ того или другаго сочиненія. Очевидно, приобрѣсть такую способность къ писательству не легко: Фускъ, молодой человѣкъ, мечтающій быть литераторомъ, спрашиваетъ Плиніа, какъ слѣдуетъ ему заниматься для этой цѣли на дачѣ, и Плиній, —экспертъ въ этомъ дѣлѣ,— даетъ ему слѣдующія наставленія (VII, 9). „Полезно, говоритъ онъ, вопервыхъ, переводить съ греческаго на латинскій и съ латинскаго на греческій; подобными упражненіями приобрѣтается чистота и блескъ выраженій, обиліе фигуръ, сила слова. Кромѣ того, вслѣдствіе подражанія образцовымъ писателямъ, является и у самого способность изобрѣтать подобныя же мысли. Далѣе, что можно не замѣтить и опустить при чтеніи, то не можетъ ускользнуть при переводѣ; приобрѣтаются пониманіе и правильный вкусъ. Нисколько не вредитъ писать такъ, какъ будто ты состязаяешься съ тѣмъ писателемъ, котораго прочиталъ; написавъ въ томъ порядкѣ, какъ ты запомнилъ содержаніе прочитаннаго, и прочитавъ написанное тобою, слѣдуетъ сравнивать и тщательно обдумывать, что лучше написано у тебя и что у того автора, съ которымъ ты состязаяешься. И большой для тебя будетъ восторгъ, если ты написалъ что-нибудь лучше; съ другой стороны большой стыдъ, если все написалъ онъ лучше. Иногда можно выбирать особенно замѣчательныя мѣста изъ извѣстнаго сочиненія и состязаться съ этими отборными мѣстами; правда, состязаніе смѣлое, но не безумное, потому что ведется тайно и мы знаемъ много такихъ людей, которымъ подобныя состязанія принесли большую пользу. Не предаваясь отчаянію, они наконецъ превзошли тѣхъ, которымъ осмѣливались только подражать. Когда забудешь что-нибудь изъ своего сочиненія, можешь снова перечитать его, причемъ однѣ мѣста можно удержать, а другія зачеркнуть, иное прибавить, а иное исправить. Конечно, все это трудно и въ высшей степени скучно, но за то плодотворно, и именно вслѣдствіе самой своей трудности... Знаю, ты теперь съ особеннымъ усердіемъ упражняешься въ рѣчахъ; а бы не совѣтовалъ тебѣ постоянно упражняться въ этомъ задорномъ и какъ бы воинственномъ слогѣ; подобно тому, какъ земля засѣвается попеременно разными сѣменами, такъ и умы наши укрѣпляются то тѣмъ, то другимъ размышленіемъ. Желаю, чтобы ты когданибудь занимался и какимъ-нибудь отдѣломъ изъ исторіи, чтобы ты тщательно писалъ письма. Не мѣшаетъ иногда давать себѣ нѣкоторый отдыхъ

и развлеченіе стихотвореніями, не говорю, непрерывными и длинными, такъ какъ это можно дѣлать только при полномъ досугѣ, а игривыми и краткими, доставляющими пріятное развлеченіе при всякихъ занятіяхъ. Стихотворенія называются забавою, но онѣ иногда доставляютъ своимъ авторамъ такую же славу, какъ и серіозныя произведенія. Эти легкія произведенія удивительнымъ образомъ возбуждаютъ духъ и въ то же время даютъ ему отдыхъ, причемъ составленіе мелкихъ стихотвореній приноситъ намъ такую же пользу, какъ и сочиненіе большихъ піестъ. Когда намъ надобѣдаетъ неизбѣжное соблюденіе метра, мы съ величайшею готовностію принимаемся писать то, что легче“.

Не знаемъ, руководствовался ли этими правилами Фускъ, но извѣстно что самъ Плиній употреблялъ всякія средства, чтобы получше написать какое-нибудь литературное произведеніе. Онъ, напримѣръ, обдумывалъ свое будущее сочиненіе на охотѣ и дѣлалъ замѣтки въ записной тетради. Извѣщая объ этомъ друга своего Тацита, Плиній говоритъ: „удивительно, какъ духъ возбуждается движеніями тѣла. Лѣса и пустыня, которые окружаютъ меня со всѣхъ сторонъ; суть великіе возбуждители мысли“. Плиній совѣтуетъ и Тациту поступать такимъ же образомъ, (I, 6). Обыкновенно же Плиній поступалъ сообразно съ слѣдующими своими привычками: какъ только онъ просыпался утромъ, то еще въ постели обдумывалъ свое произведеніе при закрытыхъ окнахъ, „чтобы не глаза управляли умомъ, а умъ глазами“ (IX, 36). Въ Лаврентинской дачѣ у Плинія была устроена такая особая комната, въ которой „не слышно было ни шума и говора рабовъ, ни бушеванія бурь, не видно было блеска молніи и даже дневнаго свѣта, развѣ только при открытыхъ окнахъ“. Въ этой комнатѣ ничто не мѣшало Плинію заниматься своимъ дѣломъ, даже во время буйныхъ сатурналій, когда остальная часть виллы оглашалась необузданными криками (I, VI). Наконецъ, то или другое литературное произведеніе готово, но до изданія его въ свѣтъ еще далеко; слѣдуетъ длинный и скучный трудъ исправленія. „Сперва, говоритъ Плиній, я самъ долго пересматриваю то, что написалъ, потомъ читаю двумъ или тремъ друзьямъ; затѣмъ отдаю другимъ для прочтенія и для различныхъ указаній, и если какое-нибудь замѣчаніе оставляетъ во мнѣ сомнѣніе, я опять обсуждаю свои произведенія съ однимъ или двумя друзьями; наконецъ, читаю многимъ (на литературномъ собраніи) и тогда уже усиленно исправляю: я бываю тѣмъ сосредоточеннѣе, чѣмъ въ большемъ нахожусь безпокойствѣ“ (VIII, 17). Впрочемъ, Плиній зналъ и мѣру исправленія и помярамъ. „Излишнее стараніе, говоритъ онъ, во-

первыхъ, болѣе портить, чѣмъ улучшаетъ, восторыхъ, оно отвлекаетъ насъ отъ новыхъ занятій, такъ что, не помогая намъ отдѣлать прежнес произведеніе, оно не дозволяетъ намъ и начинать новое" (IX, 35). Такимъ образомъ, хотя и большаго труда стоило авторство, однако литераторы временъ Плинія младшаго преодолевали всѣ трудности, сочиняли и издавали въ свѣтъ множество книгъ. Какія же это были книги, или какого рода литературными произведеніями были употребительны въ то время?

Литература всякаго народа и во всякое время раздѣляется на два главные отдѣла — поэзію и прозу. Въ области поэзіи, римская литература временъ Плинія младшаго проявлялась въ слѣдующаго рода произведеніяхъ: лирика вообще (III, 1, V, 3, IX, 22), элегіи (VII, 4, IX, 22), героическій эпосъ (VII, 4), ямбы, или сатира (V, 11, сравн. Квинт. IX, 4), трагедія (VII, 4), комедія (V, 3, VI, 21), мимоямбы (комическая пьеса въ ямбическихъ стихахъ) (VI, 21). Выставленные цитаты показываютъ, что нашъ авторъ упражнялся во всѣхъ родахъ поэзіи. Онъ указываетъ также и на нѣкоторыхъ другихъ писателей-современниковъ, напримѣръ, Сатурнина, Пассіена, Павла и т. д. Кромѣ этого, до насъ дошли поэтическія произведенія и такихъ авторовъ, на которыхъ нѣтъ указаній въ письмахъ Плинія младшаго, какъ-то, напримѣръ, Попилій Стацій, занимавшійся героическимъ эпосомъ, извѣстный сатирикъ Ювеналь и др.

Гораздо важнѣе прозаическая литература временъ Плинія младшаго; въ то время издавалось много научныхъ книгъ по разнымъ отраслямъ. Впрочемъ, и при Плиніи, какъ и вообще въ древнемъ мірѣ, науки не были строго отдѣлены одна отъ другой. Поэтому-то большая часть древнихъ ученыхъ сочиненій носятъ на себѣ характеръ энциклопедическій. Такъ, Плиній старшій оставилъ 37 книгъ естественной исторіи, но собственно это не есть естественная исторія въ нынѣшнемъ смыслѣ слова. Это сочиненіе, какъ говоритъ Плиній младшій, „обширно, учено и столь разнообразно, сколь разнообразна сама природа“ (III, 5). И дѣйствительно, „книги 2—6 содержатъ географію и космографію, книги 7—11 зоологію, книги 12—19 ботанику, книги 20—32 врачевныя средства изъ царства животныхъ и растений, книги 33—37 металлы, валяніе и живопись вмѣстѣ съ исторіей знаменитыхъ художниковъ и художественныхъ произведеній. Въ цѣломъ — это энциклопедія общепользныхъ свѣдѣній, естественная исторія вмѣстѣ съ исторіей искусства, скомпилирован-

ная болѣе, чѣмъ изъ 2.000 сочиненій" (*Ист. рим. лит.* Шаффы и Германа ¹⁾).

Но какъ бы тамъ ни было, — въ видѣ ли энциклопедій, или въ видѣ специальныхъ сочиненій, — только ученые временъ Плинія вообще издавали много книгъ и по разнымъ отраслямъ наукъ. Именно:

1) *По философіи*. Такъ вторая книга естественной исторіи Плинія старшаго содержитъ философію природы. Въ это время было много философовъ, и Домиціанъ счелъ даже ихъ опасными для себя и изгналъ ихъ изъ Рима, каковой участи подвергся, между прочимъ, Артемидоръ (III, 11). Были философы и въ провинціяхъ римской имперіи, особенно въ восточныхъ. Плиній младшій, находясь въ военной службѣ въ Сиріи, слушалъ лекціи философа Евфрата, убѣждавшаго нашего автора въ томъ, что „служить общественному дѣлу предписываетъ важнѣйшая часть философіи“ (I, 19), (то-есть, неика). Евфратъ поразилъ Плинія своею діалектикою, которая составляла третью часть философіи, или, считая по порядку, вторую, среднюю между физикою и неикой (Квинт. XII, 2). Въ 26 п. VII кн. Плиній говоритъ, что ту сентенцію, по которой „мы должны въ здоровомъ состояніи быть такими, какими общаемъ быть во время болѣзни“, философы развиваютъ многими словами и даже цѣлыми томами (волюмина). Такимъ образомъ выходитъ, что во время Плинія издавалось много философскихъ трактатовъ, если только вышеприведенныя слова мы будемъ относить къ современнымъ Плинію „волюмамъ“, а не ко всему предидущему времени, или даже къ греческой литературѣ.

2) *По естественнымъ наукамъ*. Естественная исторія Плинія старшаго, какъ мы уже видѣли, заключаетъ въ себѣ большую часть естественныхъ наукъ. Къ этому же отдѣлу знаній нужно отнести и нѣкоторыя письма Плинія младшаго, напримѣръ, 30-е письмо IV книги о замѣчательномъ источникѣ, два письма VI-й книги (16 и 20) объ изверженіи Везувія и нѣкоторыя другія.

3) *По географіи*. Сюда относятся 3—6 книги естественной исторіи Плинія старшаго; сочиненіе Тацита о Германіи.

4) *По медицинѣ*. Въ письмахъ очень часто упоминается о врачахъ

¹⁾ Такъ какъ мы составляли свой трудъ на основаніи писемъ Плинія младшаго, постороннія же свѣдѣнія намъ нужны были только для связи и для пополненія неизбѣжныхъ пробѣловъ, то вѣроятно намъ не будетъ поставлено въ вину то обстоятельство, что мы иногда цитируемъ не первостепенные источники.

(I, 8, 12, 22; VII, 1). Ясно, что тогда занимались и врачебною наукой. Нѣкоторые историки относятъ ко временамъ Траяна писателя Корнелія Цельза. Отъ его большаго, энциклопедическаго сочиненія *De artibus* (о наукахъ), трактовавшаго о многихъ наукахъ, мы имѣемъ 8 книгъ *De re medica*, излагающихъ медицину и хирургию. (Шаф. и Герм.).

5) По математическимъ наукамъ. До насъ дошли нѣкоторые отрывки Фронтинна *De controversiis* (о спорахъ—*fragmentum agrarium*), *de limitibus* (о межахъ). Это по геометрии. Квинтиліанъ доказываетъ пользу геометрии для оратора (I, 9). Отъ того же Фронтинна мы имѣемъ сочиненіе по архитектурѣ: *De aquaeductibus urbis Romae*, гдѣ говорится объ устройствѣ водопроводовъ въ Римѣ, надзоръ за ними, излагается также исторія ихъ (Шаф. и Герм.). Виллы Плинія (II, 17; V, 6) никакимъ образомъ нельзя было устроить безъ архитекторовъ, специально къ тому подготовленныхъ. Далѣе мы имѣемъ сочиненія по военнымъ наукамъ. Плиній старшій написалъ книгу о стрѣльбѣ всадниковъ (III, 5). Потомъ, тотъ же Фронтинъ оставилъ *Strategematon libri quatuor*—о военныхъ хитростяхъ. Ко времени Плинія младшаго относятъ писателя Гигина; отъ него осталось сочиненіе *De munitionibus castrorum*—объ укрѣпленіи лагерей. (Шаф. и Герм.).

6) Въ 33—37 кн. „Естественной исторіи“ трактуется о металлахъ, живописи, ваяніи и скульптурѣ. Изъ писемъ Плинія младшаго можно заключить, что были серьезныя практическія знатоки всѣхъ этихъ искусствъ. Портреты составляли обыкновенное украшеніе римскихъ жилищъ. Такъ, одинъ изъ корреспондентовъ Плинія имѣлъ въ своемъ домѣ портреты Врутовъ, Кассіевъ, Катоновъ (I, 17). Силій Италикъ имѣлъ много виллъ и въ каждой изъ этихъ виллъ было много статуй и портретовъ (III, 7). Лицамъ, прославившимся чѣмъ нибудь, ставились по опредѣленію правительства, статуи на площадяхъ (I, 17). Были статуи въ храмахъ (III, 6). Такъ Плиній испросилъ у Траяна позволеніе поставить въ храмѣ статую этого императора (X, 24). Матеріалами для этихъ искусствъ были: краски, воскъ, мѣдь, серебро, слоновая кость, мраморъ (IV, 7). Вѣроятно, были сочиненія также и по музыкѣ. Что касается самаго существованія этого искусства въ практическомъ примѣненіи, то оно не подлежитъ сомнѣнію. Жена Плинія младшаго клала на ноты и разыгрывала стихотворенія своего мужа (III, 11). Неприлично-вольное произведеніе Плинія—гексаксиллабы разыгрывали Греки, жившіе въ Римѣ (VII, 4). У бога-

тыхъ Римлянъ были музыканты-рабы, увеселявшіе своихъ господъ и ихъ гостей во время обѣда (IX, 36 и др.). Квинтиліанъ доказываетъ пользу музыки для оратора (I, 8).

7) *По сельскому хозяйству.* На дачахъ Плинія младшаго очень искусно были разсажены разныя деревья; наблюдали за этии дѣломъ обыкновенно хорошіе садовники—*artifices* (V, 6). Отъ времени же Плинія дошелъ до насъ трактатъ о сельскомъ хозяйствѣ, именно Л. Ювія Модерата Колумелы—*De re rustica, libri duodecim*; десятая книга въ немъ трактуетъ *de cultu hortorum*—о садоводствѣ. Кромѣ того, отъ этого же автора осталась книга *De arboribus*—о деревьяхъ (Шаф. и Герм.).

8) *По исторіи.* Плиній старшій въ 20 книгахъ описалъ всѣ тѣ войны, которыя Римляне вели съ Германцами (III, 5); равнымъ образомъ онъ же составилъ 30 книгъ исторіи, начавъ съ того времени, гдѣ окончилъ свое сочиненіе историкъ Аверидій Бассъ. Плиній младшій тоже хотѣлъ писать исторію, но только не зналъ, какое именно время взять для своего историческаго изображенія (V, 8). До насъ дошли, хотя и неполнѣ, историческія сочиненія друга Плинія—Корнелія Тацита (VII, 33). Были во время Плинія младшаго и нѣкоторые другіе историки (IX, 19, 27). Къ исторіи же нужно отнести и біографическія сочиненія. Плиній старшій написалъ двѣ книги о жизни Помпонія Секунда (III, 5). Врагъ Плинія младшаго, доносчикъ временъ Домиціана, Регулъ написалъ біографію своего сына (IV, 7). Фанній описывалъ смерть лицъ, убитыхъ и сосланныхъ Нерономъ (V, 5). Плиній младшій написалъ біографію сына Спуринны (III, 10). Отъ друга Плиніева, Тацита, дошла до насъ біографія тестя его Агриколы. Къ историко-біографическимъ произведеніямъ относятся жизнеописанія двѣнадцати императоровъ (отъ Цезаря до Домиціана) корреспондента Плиніева—Светонія Транквила; даже въ стихахъ описывались біографія знаменитыхъ мужей (I, 17), а подвиги живыхъ лицъ излагались въ стихахъ и провѣ, какого счастья удостоился, напримѣръ, опекувъ Плинія младшаго—Вергиній Руфъ (II, 1). Наконецъ, къ историческому отдѣлу нужно отнести древности. Во время Плинія младшаго большими свѣдѣніями въ этомъ отношеніи отличался, между прочимъ, правовѣдъ Аристонъ (I, 22).

9) *По теоріи краснорѣчія.* Трудолюбивый и плодовитый Плиній старшій писалъ много и въ этомъ родѣ; такъ, онъ составилъ три книги, каждую въ двухъ томахъ, объ ораторскомъ искусствѣ. Здѣсь излагаются правила, какъ слѣдуетъ приготовляться къ ораторскому по-

прищу, начиная съ самыхъ малыхъ лѣтъ (III, 5). Таковыя же правила преподаеть въ своихъ „Institutiones“ и знаменитый риторъ, учитель Плинія младшаго,—Квинтилианъ. По всей вѣроятности, трудъ Плинія старшаго служилъ однимъ изъ пособій для Квинтилиана. Въ риторическомъ же родѣ Плиній старшій написалъ 8 книгъ о двусмысленныхъ выраженіяхъ (III, 5). Квинтилианъ (VI, praefat.), кромѣ упомянутаго сочиненія, составилъ книгу „о причинахъ испорченнаго краснорѣчія“, но она не дошла до насъ. Объ этомъ же предметѣ трактуется у Тацита въ его „разговорѣ объ ораторахъ“. Теорія краснорѣчія сильно занимала также и Плинія младшаго; хотя онъ и не писалъ отдѣльнаго сочиненія по этой части, но правила о краснорѣчии разсѣяны въ большомъ количествѣ по разнымъ его письмамъ (напр. I, 20; IX, 26 и др.). И неудивительно, что риторика всегда обращала на себя сильное вниманіе образованныхъ Римлянъ: она имѣла практическое приложеніе и рѣдкій изъ нихъ не писалъ и не говорилъ рѣчей.

10) Особый родъ литературныхъ произведеній составляютъ рѣчи обвинительныя и защитительныя, служившія необходимою принадлежностью судебныхъ процессовъ. Перечисляя различные роды литературныхъ произведеній, мы никакъ не можемъ обойти и этихъ рѣчей; составленіе ихъ во всякомъ случаѣ требовало предварительной, и притомъ долговременной, литературно-научной подготовки; кромѣ того, эти рѣчи по большей части имѣли двойное значеніе—судебное и чисто-литературное: обыкновенно, послѣ произнесенія въ судѣ, онѣ исправлялись и читались иногда на литературныхъ собраніяхъ, затѣмъ уже издавались въ свѣтъ (IV, 9; VII, 17). Кромѣ судебныхъ, говорились также похвальные рѣчи при похоропахъ знаменитыхъ мужей (orationes funebres). Такъ, при погребеніи Плиніева опекуна, Виргинія Руфа, говорилъ рѣчь историкъ и ораторъ Корнелій Тацитъ, „краснорѣчивѣйшій панегиристъ“ (II, 1). Въ описываемое время существовалъ также обычай, чтобы новый консулъ, при вступленіи своемъ въ должность, произносилъ рѣчь императору отъ лица всего государства. Такую рѣчь говорилъ Плиній младшій предъ императоромъ Траяномъ; впоследствии, исправивъ, онъ издалъ ее въ свѣтъ (III, 13, 18) и она дошла до насъ подъ заглавіемъ: „Panegyricus Nerae Trajano Augusto dictus“. Плиній младшій говорилъ также весьма много и судебныхъ рѣчей (IV, 9; VII, 17; VI, 33 и мн. др.), но онѣ не дошли до насъ.

11) Съ судебными рѣчами тѣсно связано правовѣдѣніе. Въ сомнительныхъ юридическихъ случаяхъ приглашались знатоки права или

юрисконсульты. Самъ Плиній младшій, по приглашенію императора Траяна, часто бывалъ на такихъ консультаціяхъ (IV, 22; VI, 31). Но много было и такихъ юристовъ, которые разработывали разные юридическіе вопросы научнымъ образомъ. Таковъ, напримѣръ, былъ корреспондентъ Плинія—Аристонъ (I, 22; VIII, 14): объ этомъ знатокѣ „частнаго и государственнаго права“ (VIII, 14) упоминается и въ Дигестахъ (Целларій).

12) *Риторика*, имѣющая близкое отношеніе къ ораторскому искусству, тѣсно связана съ грамматикой. Отъ временъ Плинія младшаго до насъ дошло сочиненіе по грамматикѣ Веллія Лонга: *de orthographia*—о правописаніи (Шаф. и Герм.). Что касается вообще образованнаго общества, то грамматическими вопросами интересовались даже женщины (Ювен. VI, 448).

13) Была и *критика*. Одному молодому человѣку, намѣревавшемуся вступить на литературное поприще, Плиній пишетъ: „не забывая дѣлать осторожный выборъ авторовъ, читай образцовыхъ писателей въ каждомъ родѣ; а какіе это авторы, которымъ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе,—это такъ извѣстно и изслѣдовано, что нѣтъ нужды въ указаніяхъ“ (VII, 9). Сочиненіе Квинтиліана переполнено здравыми критическими замѣчаніями, а первая глава 10-й книги вся посвящена критикѣ лучшихъ писателей прежняго времени,—какъ греческихъ, такъ и латинскихъ. Замѣтимъ при этомъ, что книга Квинтиліана имѣетъ важное значеніе и въ педагогическомъ отношеніи. Въ литературныхъ письмахъ Плинія постоянно встрѣчаются отзывы о современныхъ ему писателяхъ. А что страсть къ критикѣ была сильно развита и въ самомъ обществѣ, помимо литературныхъ дѣятелей, это мы видимъ изъ шестой сатиры Ювенала (VI, 433 и слѣд.), гдѣ злой сатирикъ выводитъ на позоръ женщинъ, которыя лишь сядутъ за столъ, тотчасъ и начинаютъ рѣчь о Гомерѣ и Вергилиѣ и сравниваютъ между собою этихъ двухъ поэтовъ.

14) Къ числу различныхъ родовъ литературныхъ произведеній должны быть отнесены и письма. Коль скоро письмо выпускается авторомъ въ публику, оно перестаетъ быть домашнею записью, въ родѣ приходо-расходныхъ книгъ; опубликованныя письма составляютъ особый родъ литературныхъ произведеній. Въ изображаемую эпоху къ сочиненіямъ подобнаго рода должны быть отнесены прежде всего письма Плинія младшаго. Онъ самъ издалъ ихъ (по просьбѣ Септиція), такъ какъ они показались ему написанными довольно тщательно, то-есть, не лишенными литературныхъ достоинствъ (I, 1). Но Пли-

ній не представляеть единственнй примѣръ въ этомъ отношеніи. Однажды Сатурнинъ читалъ нашему автору письма будто бы своей жены, и Плинію показалось, что ему читають отрывки изъ Плавта или Теренція (I, 16). Ясно, что Сатурнинъ, читая эти письма предъ такимъ изящнымъ литераторомъ, какъ Плиній, хотѣлъ узнать его мнѣніе объ ихъ достоинствахъ.

Въ 13-мъ письмѣ седьмой книги Плиній говоритъ своему корреспонденту Фероксу: „твое письмо показываетъ, что ты и занимаешься литературой, и въ тоже время не занимаешься. Дѣйствительно, ты говоришь въ письмѣ, что не занимаешься, но столь обработанное письмо можетъ быть написано только человѣкомъ занимающимся“. Значить, Фероксъ, подобно Сатурнину, сообщалъ свои письма Плинію не безъ литературныхъ претензій.

15) Наконецъ во время Плинія младшаго существовала и періодическая литература. Въ Римѣ издавались такъ называемыя *acta diurna*, по нашему—газеты. Эти-то *acta diurna* служили, между прочимъ, источникомъ для историческихъ сочиненій Корнелія Тацита. (Шаф. и Герм.).

Многія изъ перечисленныхъ нами сочиненій потеряны. Кромѣ того, въ нашъ перечень не вошли нѣкоторыя такія произведенія, которыя дошли до насъ. Такъ, напримѣръ, мы не упоминали о стихотвореніяхъ Марціала (Плиній въ 21-мъ письмѣ III книги говоритъ, къ какому именно роду поэтическихъ произведеній относятся эти стихи). Впрочемъ, мы и не имѣли дѣли перечислять всѣ произведенія, дошедшія до насъ отъ времени Плинія младшаго, а желали только указать на тѣ роды литературныхъ произведеній, которыя были употребительны въ то время,—и уже изъ одного этого указанія видно, какъ обширна была тогдашняя литература, особенно прозаическая.

Зналъ, что именно и сколько писали Римляне времени Плинія младшаго, не мѣшаетъ изслѣдовать и внѣшнюю сторону этого дѣла. Писчими матеріалами въ то время были: 1) павощенныя дощечки (*rigillae* I, 6, а также Квинт. X, 3); 2) пергаментъ (*membrana*, *ibid.*). Иногда трудно было найдти хорошую бумагу (*charta*, VIII, 15) въ продажѣ, потому что часто встрѣчалась бумага не гладкая (*ibid.*). Квинтилианъ говоритъ, что черновыя тетради лучше писать на павощенныхъ дощечкахъ, потому что при этомъ способѣ писанія удобно поправлять написанное. Къ пергаменту же, по его мнѣнію, нужно прибѣгать только въ случаѣ слабости зрѣнія; частое обмакиваніе пера (*salutis*) замедляетъ руку и задерживаетъ стрем-

леніе мыслей. Тутъ-же Квинтиліанъ совѣтуетъ оставлять значительныя промежутки между строками для того, чтобы удобнѣе было дѣлать вставки, совѣтуетъ также оставлять большія поля, чтобы можно было записывать то, что приходится на умъ хорошаго, хотя бы оно и не относилось прямо къ предмету (Квинт. X, 3). Далѣе, Квинтиліанъ не совѣтуетъ употреблять дощечекъ очень длинныхъ. Онъ зналъ одного молодого человѣка, который потому писалъ очень длинныя сочиненія, что измѣрялъ ихъ числомъ строкъ, каковой недостатокъ можно было устранить не разумными убѣжденіями, а единственно только перемѣною письменныхъ дощечекъ (Квинт. *ibid.*). „Нѣкоторые пишутъ сочиненія, говоритъ Квинтиліанъ, загнувъ назадъ голову, уставивъ глаза вверхъ и, повторяя безсвязно слова, подгоняютъ мысли свои. Случается также, что иные размахиваютъ руками, морщатся, кусаютъ ногти и даже бранятся“ (Квинт. X, 3).

Мы видѣли, что Римляне временъ Плинія младшаго много читали и писали. Очевидно, чтобы пріобрѣсти охоту къ чтенію, чтобы читать съ пониманіемъ столь обширную и, по большей части, серьезную литературу, наконецъ, чтобы самому сочинять—для всего этого нужно было имѣть предварительное, основательное образованіе. Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть, какія средства къ образованію были тогда въ употребленіи.

Такими средствами было, разумѣется, прежде всего домашнее обученіе. Такъ домашними занятіями нашего автора руководилъ, между прочимъ, дядя и усыновитель его—Плиній старшій (VI, 16). Плиній, оплакивая преждевременную смерть дочери Фундина, говоритъ, что она любила своихъ педагоговъ (гувернеровъ), своихъ учителей (V, 16). Сынъ Корсиліи въ дѣтствѣ „имѣлъ учителей дома“ (III, 3). Разумѣется, что прежде всего дѣтей учили читать и писать; возрастъ, съ котораго слѣдовало начинать обученіе дѣтей чтенію и письму, не былъ опредѣленъ, хотя извѣстно, что распространеннымъ мнѣніемъ въ тогдашнемъ римскомъ обществѣ было то, что не нужно учить дѣтей ранѣе 7 лѣтъ. Квинтиліанъ говоритъ, что въ дѣлѣ обученія не слѣдуетъ опускать ни одного времени въ человѣческой жизни; нужно только остерегаться, чтобы ученіе не опротивѣло дѣтямъ, слѣдуетъ стараться, чтобы оно служило для нихъ забавою (Квинт. I, 1). Квинтиліанъ не порицаетъ употребительный тогда способъ обучать дѣтей, давая имъ вмѣсто игрушекъ буквы, сдѣланныя изъ слоновой кости; но, съ другой стороны, онъ не одобряетъ того обыкновенія, по которому заставляли дѣтей затверживать наизусть буквы, не показавъ напе-

редѣ ихъ начертанія. Для скорѣйшаго обученія письму, Квинтилианъ совѣтуетъ давать дѣтямъ дощечки съ вырѣзанными на нихъ буквами, чтобы стиль ходилъ по этимъ чертамъ, какъ бы по бороздамъ (Квинт. 7, 1). Иногда не только обученіе чтенію и письму, но и весь курсъ образованія проходилъ при посредствѣ домашнихъ учителей. Женщины образовывались или подъ руководствомъ домашнихъ учителей (V, 16), или подъ руководствомъ своихъ мужей (I, 16; IV, 19). Былъ даже споръ о томъ, слѣдуетъ ли отдавать дѣтей въ школу, или нужно имѣть домашнихъ учителей? Квинтилианъ стоитъ за школу (I, 2), и видно, что взглядъ его преобладалъ въ обществѣ; по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что школы публичныхъ учителей посѣщали дѣти богатыхъ и знатныхъ домовъ (Квинт. I, 1), какъ напримѣръ, Плиніій младшіій (VI, 6).

И такъ, вторымъ средствомъ къ образованію были публичныя школы. Плиніій младшіій въ юности учился у знаменитыхъ риторовъ своего времени, Квинтилиана и жреца Никиты (VI, 6). Были и другіе учителя и притомъ весьма много. Нѣкто Маврицій просилъ Плиніія найдти учителя для дѣтей своего брата; Плиніій, съ удовольствіемъ принимая на себя это порученіе, говоритъ, что онъ, изъ любви къ Маврицію и къ будущимъ учителямъ, не остановится предъ тѣми неприяностями и даже враждою, какимъ обыкновенно приходится подвергаться при выборѣ учителей (II, 18). Отсюда можно заключить, что конкуренція между учителями была сильна. Потомъ, уговоривъ городское общество своей родины (городъ Кома) открыть школу и предложивъ отъ себя третью часть суммы, потребной на содержаніе этой школы, Плиніій пишетъ Тациту: „поручаю тебѣ и, вслѣдствіе важности самого дѣла, прошу тебя, высмотри внимательно изъ того большаго количества учителей, которые сходятся къ тебѣ вслѣдствіе удивленія къ твоему таланту, такихъ, къ которымъ мы могли бы обратиться съ предложеніемъ“ (VI, 13). Впрочемъ, говоря, что учителей во время Плиніія было много, мы разумѣемъ только центръ римской образованности — городъ Римъ. Что-же касается другихъ городовъ, то далеко не во всѣхъ ихъ были школы. Такъ на родинѣ Плиніія, — Комѣ, не было школы, пока Плиніій не предложилъ жителямъ денежнаго пособія. До того же времени дѣти изъ города Комы отправлялись въ Медиоланъ, гдѣ тратили не мало денегъ на наемъ квартиръ и содержаніе. Плиніій желалъ поставить свою новооткрытую школу такъ, чтобы въ нее отдавали дѣтей и изъ другихъ городовъ (IV, 13). Ва-

лерій Лициніанъ, бывшій преторомъ и сосланный Домиціаномъ за прелюбодѣяніе въ Сицилію, открылъ тамъ школу риторики (IV, 11).

Школы раздѣлялись на школы граматиковъ и риторовъ. Квинтилианъ совѣтуетъ начинать заниматься съ дѣтьми грамматикой, коль скоро они выучились читать и писать (Квинт. I, 4). Грамматическія занятія дѣлились на двѣ части: на умѣнье правильно выражать свои мысли и на чтеніе поэтовъ съ объясненіями (Квинт. I, 4). Изъ поэтовъ, какъ мы уже видѣли, прежде всего читали дѣтямъ Гомера и Вергилія съ объясненіемъ содержанія прочитаннаго; указывали, гдѣ при чтеніи нужно останавливаться, какъ раздѣлять стихъ и т. д. (Квинт. I, 5). Въ школахъ риторовъ юноши упражнялись главнымъ образомъ въ сочиненіяхъ, начиная легчайшими и доходя до самыхъ трудныхъ. Потомъ съ учениками читали и разбирали писателей, преимущественно историковъ и ораторовъ; заставляли ихъ заучивать лучшія мѣста изъ разныхъ авторовъ, а иногда также и свои собственныя сочиненія (Квинт. кн. II, гл. 4—11). Относительно того, въ какомъ именно возрастѣ слѣдовало отдавать дѣтей въ школы граматиковъ и въ какомъ въ школы риторовъ, никакихъ указаній мы не имѣемъ, равно какъ не опредѣлено и то, съ какихъ лѣтъ начиналось обученіе чтенію и письму (Квинт. II, 1). Мы знаемъ только, что въ школы риторовъ поступали дѣти уже взрослые (II, 2); не былъ назначенъ также и срокъ пребыванія въ школѣ. Нѣкоторые риторы, говоритъ Квинтилианъ, задерживали дѣтей въ школѣ или изъ корыстолюбія, чтобы подольше получать за нихъ плату, или изъ тщеславія, желая показать, что преподаваемое ими ученіе очень трудно, или, наконецъ, по неимѣнію способныхъ учителей (Квинт. XII, 11). Главный учитель иногда имѣлъ у себя помощниковъ и можно было, по желанію родителей, къ каждому ученику назначать особыхъ учителей (Квинт. I, 2). Лица, намѣревающіяся отдавать своихъ дѣтей въ школу, могли лично осведомляться напередъ о способѣ преподаванія въ ней (Plin. ep. II, 18). Видно, что родители слѣдили за школьнымъ образованіемъ. Квинтилианъ говоритъ, что юноша, поучившійся нѣсколько въ школѣ ритора и пріобрѣтшій способность скоро и бойко говорить все, что ни придетъ ему въ голову, возбуждалъ въ неразумныхъ родителяхъ восторги радости (Квинт. II, 4).

Внутренняя жизнь школъ рисуется намъ въ слѣдующихъ чертахъ. Ученики составляли свои мнѣнія объ учителяхъ, и Квинтилианъ предписываетъ учителямъ осторожно принимать похвальные отзывы, потому

что, говоритъ онъ, ученики должны искать одобренія учителей, а не наоборотъ (Квинт. II, 2). Располагали учениковъ къ занятіямъ по-нужденіями и похвалами (Квинт. I, 3). Въ числѣ обыкновенныхъ наказаній было также и сѣченіе дѣтей, и это средство, какъ видно, очень усердно прилагалось къ дѣлу, ибо по свидѣтельству Квинтиліана, „во время сѣченія случались такіа непристойности, о которыхъ и говорить не слѣдуетъ“. Квинтиліанъ возстаетъ противъ этого варварскаго обычая со всею силою своего благороднаго негодованія (тамъ же); по его же словамъ, бывали учителя злонравные (I, 2), каковое свидѣтельство подтверждаетъ и Плиній младшій, затруднявшійся найдти учителя для сына Корсиліи,—и хотя рекомендуетъ ей въ лестныхъ выраженіяхъ Генитора и даже ручается за него, но тутъ же замѣчаетъ, что жизнь людская имѣетъ глубокіе изгибы и тайники (III, 3). Лициніанъ, сосланный Домиціаномъ за прелюбодѣяніе въ Сицилію, открылъ тамъ школу риторики (IV, 11). Впрочемъ, по Плинію, справедливость этого обвиненія сомнительна. Правда, Лициніанъ самъ сознался въ возведенномъ на него обвиненіи, но онъ это могъ сдѣлать изъ страха предъ Домиціаномъ. Какъ бы то ни было, но уже одна мысль о такомъ обвиненіи не могла, конечно, благотворно дѣйствовать на нравственность учениковъ. Не рѣдко попадались такіе развращенные учителя, которые допускали между своими учениками самыя противоестественныя пороки: „нужно заботиться, пишетъ Плиній младшій Корсиліи, прискать для твоего сына такого ритора, въ школѣ котораго царствовала бы строгость, благоправіе, особенно же цѣломудріе, такъ какъ нашъ юноша, вмѣстѣ съ другими дарами природы, обладаетъ и рѣдкою тѣлесною красотою“ (III, 3). Порокъ, на который намекается въ вышеприведенныхъ словахъ, былъ обыкновененъ въ римскихъ школахъ того времени, такъ что Квинтиліанъ совѣтуетъ своимъ собратамъ по профессіи отдѣлать, для избѣжанія подозрѣнія, малолѣтнихъ дѣтей отъ взрослыхъ (Квинт. II, 2). Но въ то время были и вполне достойные учителя, какъ на примѣръ, самъ Квинтиліанъ, учитель Плинія младшаго, благородно вооружавшійся, какъ мы уже видѣли, противъ сѣченія дѣтей. Квинтиліанъ былъ не противъ дѣтскихъ игръ. Сочиненіе его исполнено самыхъ здравыхъ и гуманныхъ педагогическихъ взглядовъ (I, 1). Также и Гениторъ, котораго Плиній младшій рекомендовалъ Корсиліи, дѣйствительно стоилъ рекомендаціи всякаго честнаго челоуѣка. Онъ былъ точнѣйшій исполнитель своихъ обязанностей, душевно радовался успѣхамъ своихъ учениковъ и искренно

скорбѣлъ, когда умеръ одинъ изъ его питомцевъ, подававшій отличныя надежды (VII, 30).

Положеніе учителей въ тогдашнемъ обществѣ было незавидно. Вотъ что пишетъ Плиній младшій объ извѣстномъ уже намъ Лициніанѣ: „Слышалъ ли ты“,—обращается онъ къ Минуціану,—„что Валерій Лициніанъ открылъ школу риторики въ Сициліи? Думаю, что еще не слышалъ, такъ какъ это извѣстіе новое: это прежній ораторъ, бывшій въ числѣ краснорѣчивѣйшихъ на форумѣ, а теперь упавшій до того, что изъ сенатора сдѣлался изгнанникомъ, изъ оратора риторомъ“ (IV, 11). Худое положеніе учителей зависѣло, главнымъ образомъ, отъ необеспеченности ихъ въ матеріальномъ отношеніи. Для пріобрѣтенія средствъ къ жизни, они принуждены были прибѣгать къ разнымъ уловкамъ, на примѣръ, интриговали другъ противъ друга и потому при выборѣ учителей можно было подвергаться многимъ непріятностямъ (III, 3). Потому, какъ мы уже видѣли, они долго задерживали въ своихъ школахъ учениковъ изъ корыстолюбія, тщеславія, по недостатку способныхъ учителей (Квинт. XII, 11); кромѣ того нѣкоторые изъ нихъ были развращены нравственно. Конечно, все это роняло учителей въ глазахъ общества. Школы содержались на счетъ самихъ учителей и были похожи на наши пансіоны. Впрочемъ, въ описываемое время, именно при императорѣ Веспасіанѣ, уже само правительство заводило школы и первымъ учителемъ въ такой правительственной школѣ былъ, много упоминаемый нами, Квинтиліанъ, у котораго, какъ извѣстно, учился и нашъ авторъ, Плиній младшій. Можетъ быть, Квинтиліанъ обязанъ своими гуманными педагогическими взглядами тому жалованью, которое онъ получалъ изъ государственнаго казначейства,—и это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что Квинтиліанъ, вообще, былъ человекъ шаткихъ нравственныхъ убѣжденій: онъ, на примѣръ, въ своей книгѣ льститъ злѣйшему изъ тирановъ — Домиціану (Квинт. IV, пред.).

Слѣдуетъ сказать теперь объ отношеніяхъ школьныхъ товарищей другъ къ другу. Плиній младшій рисуетъ намъ довольно привлекательную картину. „Ты не могъ“,—пишетъ онъ къ Маврицію,—„дать мнѣ болѣе пріятнаго порученія, какъ найти учителя для дѣтей твоего брата; благодаря тебѣ, я мысленно переносусь въ школу, какъ бы снова возвращаюсь къ пріятнѣйшему моему возрасту. Воображаю себѣ, будто я сижу между юношами, какъ то обыкновенно бывало; припоминаю, какимъ я пользовался уваженіемъ у нихъ, вслѣдствіе моего усерднаго занятія науками; разъ, въ мое отсутствіе, многіе

изъ нашего сословія громко смѣялись въ учебной залѣ; я вошелъ, и всѣ замолчали. Я не сталъ бы и говорить объ этомъ обстоятельствѣ, если бы оно не относилось болѣе къ ихъ славі, чѣмъ къ моей, и еслибы я не хотѣлъ убѣдить тебя въ томъ, что наши юноши могутъ быть въ школахъ хорошо воспитаны“ (II, 18). Однакожь, если вспомнить, какой, противоестественный развратъ господствовалъ иногда въ школахъ, то дѣло представляется далеко не такъ привлекательнымъ, . . .

Деньги за обученіе дѣтей платили обыкновенно родители и воспитатели; бѣднымъ родителямъ иногда, впрочемъ, приходила на помощь и общественная благотворительность, хотя и случалось, что такую благотворительностью злоупотребляли различные интриганы. Плиніій указываетъ одно средство, при помощи котораго можно предотвращать злоупотребленія въ этомъ дѣлѣ. „Право найма учителей“, — говоритъ онъ, — „нужно предоставить самимъ родителямъ и, поставивъ ихъ въ необходимость дѣлать складчины, тѣмъ самымъ возбуждать въ нихъ заботу о своихъ интересахъ“ (IV, 13). Самъ Плиніій младшій ежегодно отпускалъ деньги на воспитаніе свободно-рожденныхъ дѣтей (I, 8). Ни Квинтиліанъ, ни Плиніій не говорятъ намъ о той цифрѣ, которая взималась за обученіе. Безъ сомнѣнія, количество этой платы зависѣло отъ взаимнаго соглашенія родителей съ учителями, и такъ какъ при выборѣ учителей приходилось иногда подвергаться неприятностямъ и даже враждѣ, то можно заключить, что при отдачѣ дѣтей въ школу, нерѣдко происходилъ родъ торговли.

Но, чтобы быть такими образованными людьми, какими были многіе Римляне временъ Плиніія младшаго, недостаточно одного только школьнаго образованія, хотя бы и въ самой образцовой школѣ; очевидно, что пужно было продолжать свое образованіе и по окончаніи курса. Это дальнѣйшее, во всю жизнь продолжавшееся, образованіе, или вѣрнѣе самообразованіе, могло совершаться, и дѣйствительно совершалось, посредствомъ чтенія книгъ. Мы уже видѣли, что образованные Римляне много читали; потребностямъ чтенія удовлетворяли бібліотеки. Плиніій младшій въ своихъ виллахъ имѣлъ громадныя ящики съ книгами,—ящики на подобіе цѣлыхъ бібліотекъ (I, 17; IV, 6). Корреспондентъ Пливія, ученый Геренній Северъ желалъ поставить въ своей бібліотекѣ портреты Корнелія Непота и Тита Кассія (IV, 28). Силій Италикъ имѣлъ очень много виллъ и въ каждой изъ нихъ было много книгъ (III, 7). Конечно, частныя бібліотеки могли быть только у богатыхъ людей; но древній міръ

нашелъ средство удовлетворять и бѣдныхъ людей, искавшихъ умственной пищи, учреждая библіотеки публичныя; такихъ библіотекъ въ Римѣ было три, и онѣ были основаны еще задолго до Плинія младшаго. Первая изъ нихъ была учреждена въ Римѣ Азиніемъ Полліономъ около 38 года до Р. Хр. въ одной изъ залъ храма Свободы. Двѣ другія основаны Августомъ: одна около 32 года до Р. Хр. въ театрѣ Марцелла—Октавіанская, другая, болѣе обширная, около 27 г. въ храмѣ Аполлона, на горѣ Палатинской—Палатинская (Шаф. и Герм.). И въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ были публичныя библіотеки: такъ Плиній младшій на собственный счетъ открылъ библіотеку въ своемъ родномъ городѣ Комѣ (I, 8).

Съ существованіемъ библіотекъ тѣсно связана книжная торговля. Во время Плинія младшаго торговля книгами шла бойко. „Непремѣнно нужно издать что-нибудь“, — пишетъ Плиній Арріану, — „потому что книги, которыя я выпустилъ, быстро расходятся по словамъ книгопродавцевъ“ (I, 2). Книжная торговля была развита не только въ Римѣ, но даже въ такихъ провинціяхъ, какъ Галлія, чего не ожидалъ и самъ Плиній. „Не думалъ я“, — пишетъ нашъ авторъ Генину, — „чтобы были книгопродавцы въ Лугдунѣ, и потому тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ узналъ, изъ твоего письма, что мои сочиненія продаются; очень радъ я, что и на сторонѣ онѣ пользуются такою же извѣстностію, какую получили въ Римѣ“ (IX, 11). Плинію старшему, когда онъ былъ прокураторомъ Испаніи, давали за его извлечения изъ разныхъ книгъ четыреста тысячъ сестерціевъ (около 20 тысячъ рублей на наши деньги), хотя этихъ извлеченій было менѣе 160 тетрадей (III, 5). Въ 8-мъ письмѣ VI книги излагается слѣдующее обстоятельство: Аттилій, другъ Плинія, имѣлъ долгъ на Валеріѣ Варѣ. Валерій умеръ и наследникомъ его сдѣлался Максимъ, другъ Приска. Плиній проситъ Приска, чтобы онъ своимъ вліяніемъ на Максима, побудилъ послѣдняго заплатить Аттилію долгъ, а равно и проценты, причитающіеся за многіе годы. При этомъ Плиній указываетъ на то, что Аттилій ни откуда не получаетъ доходовъ: „ибо литературой, въ которой онъ очень силенъ, занимается только для удовольствія и славы“ (VI, 8). Изъ этого ясно, что литературными занятіями, то-есть, продажей своихъ сочиненій, можно было нажить состояніе.

Далѣе, средствомъ для образованія служили театры. При изчисленіи разныхъ родовъ литературныхъ произведеній, мы видѣли, что и драматическія сочиненія имѣли между ними мѣсто. Самъ Плиній

писавъ трагедіи и комедіи, которыя, какъ извѣстно, большею частію предназначались для представленія на сценѣ. Намъ извѣстно, что онъ посѣщалъ театры (VIII, 24). Были театры и въ провинціяхъ, особенно восточныхъ: во время управленія Плиніемъ Визоннійей, театръ въ Никеѣ пришелъ въ ветхость, почему Плиній и спрашивалъ у Траяна, сдѣлать ли новый театръ, оставить ли старый или же послѣдній разрушить? Траянъ предоставилъ это дѣло усмотрѣнію Плинія (X, 48 и 49).

Изчисленія нами средства къ образованію были постоянныя; но кромѣ ихъ были еще, такъ сказать, средства экстраординарныя. Изъ греческихъ провинцій приходили въ Римъ и въ другіе города философы и риторы, читали публичныя (обыкновенно въ портикахъ и гимназіяхъ (I, 22)) лекціи и вызывали слушателей на состязанія. Таковъ, напримѣръ, во время Плипіи былъ Евфратъ философъ (I, 10) и Изей риторъ (II, 3). Послѣдній предоставлялъ своимъ противникамъ назначать сюжеты для публичныхъ диспутовъ, а также и самый порядокъ состязанія (II, 3). Къ подобнымъ же средствамъ образованія нужно отнести и чтенія на литературныхъ собраніяхъ, происходившія во время Плинія младшаго очень часто. Такъ въ одинъ годъ „въ теченіи цѣлаго апрѣля мѣсяца не проходило почти ни одного дня безъ чтенія на литературныхъ собраніяхъ“ (I, 13). Наконецъ, статуи, памятники, портреты историческихъ личностей и т. п. могли сообщать зрителямъ нѣкоторыя мнѣологическія и историческія свѣдѣнія.

Пользованіе указанными средствами къ образованію значительно облегчали рабы. Такъ уже при первоначальномъ обученіи (и даже прежде) за римскимъ баричемъ слѣдилъ педагогъ, обыкновенно вольноотпущенникъ (Квинт. I, 1). Въ школу провожали дѣтей тоже гувернеры. Когда господину не хотѣлось, или (напримѣръ, въ дорогѣ, за обѣдомъ, при глазной болѣзни) нельзя было самому читать, онъ только слушалъ чтеніе раба (III, 5 и др.). Римскому вельможѣ времени Плинія не было большой необходимости ходить для эстетическихъ наслажденій въ театръ: онъ имѣлъ комедіантовъ у себя дома (IX, 36 и др.). Рабы писали подъ диктовку господина, списывали книги и замѣняли наши типографіи. Мы видѣли, что Плиній старшій много читалъ, писалъ и много оставилъ послѣ себя сочиненій; нѣтъ сомнѣнія, что безъ помощи рабовъ онъ не могъ бы этого сдѣлать. Иногда рабы читали произведенія своихъ господъ на литературныхъ собраніяхъ (IX, 34), а можетъ быть (хотя изъ писемъ Плинія этого и не

видно)¹⁾, что ученые рабы даже помогали своимъ господамъ составлять тѣ или другія литературныя произведенія. Если древній міръ завѣщалъ намъ богатый капиталъ всякихъ знаній, то нужно сознаться, что мы за этотъ капиталъ много обязаны тому классу людей, который назывался рабами.

II.

Къ чему стремились литературныя занятія въ эпоху Плинія младшаго?

Судя по тому, что доселѣ сказано нами о римской образованности и римской литературѣ второй половины перваго столѣтія нашей эры, можно придти къ заключенію, что образованность и литература были блистательны, и притомъ не у одного только римскаго народа. Дѣйствительно, въ это время явились на свѣтъ и сдѣлались достояніемъ послѣдующихъ вѣковъ и народовъ столь великія произведенія ума человеческого, какихъ ни прежде, ни послѣ, ни въ Римѣ, ни гдѣ бы то ни было не появлялось. Къ нимъ мы относимъ „Лѣтопись“ и „Исторію“ Тацита. Но и остальная римская литература временъ Плинія младшаго заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ по внѣшнимъ своимъ свойствамъ, такъ и по многочисленности произведеній и трудолюбію писателей. Для того же, чтобы оцѣнить эту литературу и образованность по существу дѣла, нужно рѣшить вопросъ: къ чему вообще стремились литературныя занятія того времени? Стремленія эти опредѣлены были ходомъ самой исторіи.

Древнѣйшая культура Римлянъ шла самобытнымъ, независимымъ путемъ; развивалась она туго и медленно, но самостоятельно и оригинально, и у Римлянъ были зачатки всѣхъ родовъ литературы, какъ поэтической, такъ и прозаической. Но исторія не судила римской культурѣ идти неуклонно по этому пути. Въ концѣ V столѣтія отъ основанія города Римляне столкнулись съ богатою греческою цивилизаціей, и столкновение это, такъ сказать, фаталистически обозначило неопредѣленное до тѣхъ поръ значеніе римскаго государства въ исторіи человѣчества. Греческая нація, занимавшая незначительную территорію въ Европѣ, выработала изумительную цивилизацію, совершила величайшія побѣды надъ внѣшнею природою, однимъ словомъ, соста-

¹⁾ Впрочемъ, вотъ одно мѣсто изъ Плинія: «Послѣ обѣда,—говоритъ онъ,— «я отправляюсь гулять съ своими людьми, въ числѣ которыхъ бывають образованные. Вечеръ проходитъ въ самыхъ разнообразныхъ разговорахъ» (IX, 36).

вила большой капиталъ въ области знаній. Капиталъ этотъ не долженъ былъ скрываться подъ спудомъ—въ одномъ небольшомъ клочкѣ нашей планеты; богатство это должно было разнестись по всѣмъ странамъ свѣта. Такимъ образомъ распространеніе греческой цивилизаціи между народами древняго міра и было задачей, настоятельно требующею своего рѣшенія съ конца IV вѣка до Р. Хр. Походы Александра Великаго въ Азію, его изумительные усилія объяснялись, между прочимъ, самою этою историческою потребностью. Однакожъ оказалось, что греко-македонскій народъ не былъ въ состояніи выполнить указанную ему исторіей задачу. Греки, успѣвшіе выработать свою роскошнѣйшую цивилизацію, не могли должнымъ образомъ распространить ее. Для сего пужны были другія средства и другое умѣнье, которыми вполнѣ обладалъ другой народъ индо-европейскаго племени—Римляне. Римляне были распространителями, такъ сказать, популяризаторами греческихъ знаній, греческой науки и литературы и вообще греческой цивилизаціи. Такимъ образомъ Римляне въ древнемъ мірѣ имѣли то же значеніе, какое въ новомъ имѣютъ Французы, которые идеи, выработанныя въ Англии въ XVIII столѣтіи, осуществили сначала на практикѣ въ своей странѣ, а потомъ распространили ихъ по всему свѣту. Еще и въ настоящее время всякую книгу, которую трудно понять на нѣмецкомъ языкѣ, обыкновенно читаютъ во французскомъ переводѣ или передѣлкѣ. Тоже можно сказать и о Римлянахъ древняго міра. Подъ римскимъ скипетромъ греческая цивилизація, во первыхъ, сохранилась въ тѣхъ странахъ, гдѣ и до ихъ владычества процвѣтала; во вторыхъ, она возникла и распространилась пышнымъ цвѣтомъ тамъ, гдѣ ея прежде вовсе не было: въ Испаніи, Африкѣ, Галліи и даже Британіи. Но чтобы распространять, раздѣлять другимъ народомъ капиталъ знаній, собранный Греками, нужно было прежде всего самимъ Римлянамъ овладѣть имъ, самимъ усвоить греческую цивилизацію. Это усвоеніе началось съ конца V столѣтія отъ основанія Рима, со времени тѣхъ войнъ, которыя Римляне вели съ италійскими Греками. До этого времени римская цивилизація шла, какъ мы уже сказали выше, самостоятельно и Римляне были развиты на столько, что могли быть способными перенимать и переносить на свою почву высокую греческую цивилизацію. Однакожъ, греческая цивилизація была такъ высока, что Римлянамъ, хотя они и развивались предъ этимъ въ продолженіи пяти столѣтій, было не подъ силу проникнуть и усвоить сущность ея. Усвоеніе, очевидно, должно было начаться, и дѣйствительно началось, поверхностно, со внѣшности. „Не

знаемъ, гдѣ мы были, на небѣ, или на землѣ“, говорили русскіе послы русскому князю Владиміру, отдавая ему отчетъ о христіанскомъ богослуженіи на греческомъ языкѣ, котораго они, конечно, не понимали. Подобное же впечатлѣніе произвела и на Римлянъ греческая цивилизація, когда они въ первый разъ познакомились съ видимыми результатами ея. Они видѣли, что Греки живутъ хорошо, и у нихъ самихъ явилось желаніе жить такимъ же образомъ, — отсюда рабское подражаніе всему греческому. У Грековъ, между прочимъ, была наука, такимъ образомъ и въ римскомъ обществѣ явилась мода учить молодое поколѣніе и прежде всего учить греческому языку, и вотъ Римъ наполняется плѣнными Греками, исполнявшими должность учителей. Конечно, въ первое время знакомства съ Греками, у Римлянъ не могло быть въ собственномъ смыслѣ науки, а было только слѣпое подражаніе ей, и римскіе Митрофанушки, римскіа Простаковы были въ каждомъ домѣ римскаго оптимата. Дѣтей заставляли учиться потому, что ихъ учать въ другихъ домахъ, а главное, что такъ дѣлается у Грековъ. Учителями были рабы изъ плѣнныхъ Грековъ, и магнаты, не соблюдавшіе особенной мягкости въ обращеніи съ своими рабами, не могли имѣть особеннаго уваженія и къ самой наукѣ. У Грековъ былъ театръ, гдѣ давались драматическія представленія. Римляне и въ этомъ не хотѣли отстать отъ Грековъ. И тѣ же плѣнные Греки поставляютъ трагедіи, комедіи и исполняютъ роли актеровъ. Тогдашніе Римляне, не имѣвшіе никакого понятія объ эстетическомъ наслажденіи, конечно, не могли получать его изъ этихъ театровъ, и смотрѣли на театральныя представленія какъ на штуки фокусниковъ, канатныхъ плясунновъ и т. п. Извѣстно, что когда въ театрѣ давались піесы Теренція, народъ толпами бѣжалъ на игры гладиаторовъ и на представленія разныхъ канатныхъ плясунновъ, и такой взглядъ на драматическія представленія былъ присущъ не только простому народу, но и оптиматамъ, что доказывается слѣдующимъ фактомъ. Сципіонъ Африканскій и другъ его Лелій, питавшіе особенную любовь къ литературѣ вообще и драматическимъ произведеніямъ въ частности, ощущали въ себѣ потребность самимъ сочинять піесы для театра; и они сочиняли ихъ, но не рѣшались выпускать отъ своего имени, а ставили на театръ, прикрываясь именемъ вольноотпущенника Теренція, боясь, слѣдовательно, унижить себя литературными трудами въ глазахъ своего аристократическаго общества.

Впрочемъ, приведенный фактъ указываетъ также и на то, что греческое образованіе при Сципіонѣ Африканскомъ уже пустило глубо-

кіє корни въ высшемъ аристократическомъ обществѣ. Литераторамъ покровительствовали такіе аристократы, какъ Циціонъ и Лелій; поэтъ Эній они удостоили даже своей дружбы; сами они, какъ уже сказано, писали литературныя произведенія и хотя дѣлали это подъ чужимъ именемъ, но все-таки рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ. Уже тогда можно было надѣяться, что скоро аристократы сдѣлаются смѣлѣе, будутъ писать подъ своимъ именемъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе греческое образованіе будетъ приобрѣтаетъ права гражданства. Наконецъ, званіе человѣка образованнаго, ученаго и писателя уже доставляетъ славу человѣку. Такое значеніе образованность и литература получила у Римлянъ потому, что у нихъ скоро развился вкусъ къ духовнымъ наслажденіямъ. Извѣстна похвала Цицерона наукамъ, и намъ нельзя не вѣрить словамъ этого многосторонняго ученаго. Но кромѣ развившагося литературнаго вкуса, кромѣ высокихъ умственныхъ наслажденій, литература имѣла въ римскомъ обществѣ высокое значеніе еще потому, что приносила большую практическую пользу. Въ ней скоро увидѣли признательную политическую силу. Уже Невій (ум. въ 550 г.), за различныя свои выходки противъ аристократовъ поплатился заключеніемъ тюрьмы и изгнаніемъ. Цицеронъ, благодаря своей великой образованности, успѣлъ проникнуть въ римскую *pobilitas* и достигнуть первыхъ государственныхъ должностей; занимая ихъ, онъ постоянно имѣлъ много политическихъ враговъ, для борьбы съ которыми ему помогала наука. Рѣчь, составленная и произнесенная имъ по всѣмъ правиламъ науки, сильно помогла уничтоженію заговора Катилины. Цицеронъ въ одномъ изъ литературныхъ своихъ произведеній, написанномъ въ похвалу Катонамъ, сдѣлалъ нападеніе на Цезаря, врага римской знати. Цезарь защищается отъ этого нападенія тѣмъ же, то-есть, литературнымъ оружіемъ. Онъ издаетъ въ свѣтъ критику на это произведеніе. По убійствѣ Цезаря, Цицеронъ своими филиппиками, а также обаяніемъ своей личности, воспитанной на греческой наукѣ и литературѣ, остановилъ на нѣсколько лѣтъ введеніе въ римскую государственную жизнь императорскаго режима. Августъ, упрочивъ политическій переворотъ, подготовленный Гракхами, Катилиною и Цезаремъ, ищетъ поддержку себѣ не въ одной только преторіанской гвардіи и флотѣ, но и въ литературѣ, и извѣстно какія усилія онъ употреблялъ, чтобы завлечь въ свою партію Горація (*Горацій и его время*, соч. Благовѣщенскаго, гл. 4). Съ другой стороны тотъ же Августъ, подобно древнимъ патриціямъ, сажавшимъ въ тюрьму и изгонявшимъ Невія, воздвигаетъ

гоненіе на литераторовъ, противниковъ его политическихъ воззрѣній (*Тацитъ и его сочиненія*, Модестова, стр. 203 въ выноскѣ). При императорахъ, слѣдовавшихъ за Августомъ, литераторы въ политическомъ отношеніи раздѣлялись тоже на двѣ партіи: одни историки, напримѣръ, описывали дѣянія императоровъ подъ вліяніемъ угодничества, а другіе подъ вліяніемъ ненависти (App. I, 1). Такова была судьба римской литературы до того времени, когда жилъ, дѣйствовалъ и писалъ Плиній младшій.

Литература при Плиніѣ младшемъ была вѣрна историческому ходу событій; и въ это время политическій элементъ былъ въ ней очень силенъ. Республиканское устройство подъ деспотизмомъ цезарей окончательно пало; большинство населенія обратилось въ покорныхъ слугъ цезарей—тирановъ. Были люди какъ бы нейтральныя, но были и такіе, которые все еще мечтали о возвращеніи прежней, до-императорской свободы, которые всегда заявляли оппозицію существовавшему порядку вещей. Эти люди принадлежали къ высшему сословію и цвѣтъ его сосредоточивался въ сенатѣ. „Сенатъ опредѣлялъ подвергнуть Нерона позорному, публичному наказанію и, быть можетъ, исполнилъ бы это опредѣленіе, если бы Неронъ не предупредилъ его самоубійствомъ“ (Модест. стр. 143). Конечно, такіе цезари, какъ Домиціанъ, преслѣдовали знать, но они не могли истребить ее всю, не могли исторгнуть изъ нея духа свободы, духа оппозиціи существующему порядку. Литература, будучи отраженіемъ самой жизни, представляла такія же явленія, какъ и жизнь. Одни, какъ напримѣръ, Марціалъ, Стацій, Апри (одно изъ лицъ Тацитова діалога объ ораторахъ) превозносили до небесъ существующій порядокъ вещей (Модест., стр. 190); другіе, какъ Тацитъ, соблюдали нѣкотораго рода нейтралитетъ, постоянно колеблясь въ своихъ политическихъ принципахъ; люди эти сознавали все безобразіе установленнаго порядка, съ сожалѣніемъ вспоминали о республиканскихъ временахъ, но въ то же время сознавали историческую необходимость цезарской тираниі, вытекавшей изъ нравственнаго и соціальнаго состоянія самого государства. Волей-неволей мнясь съ существующимъ порядкомъ, они желали только, чтобы неизбежный императорскій режимъ явился въ улучшенномъ видѣ, хотѣли согласовать свободу съ цезаризмомъ, добивались правленія средняго между древнимъ республиканскимъ и новѣйшею Нероновскою и Домиціанскою тиранией, и въ управленіи Нервы, Траяна видѣли образецъ такого политическаго устройства. Къ такимъ-то литераторамъ описываемой нами эпохи принадлежатъ другъ нашего автора, Тацитъ

(Модест., 5); къ нимъ же принадлежалъ и самъ Плиній младшій. Во время звѣрскаго владычества Домиціана, Плиній стоялъ даже въ рядахъ крайней оппозиціи и, не смотря на то, что былъ преторомъ и что этимъ преторствомъ былъ обязанъ Домиціану, онъ все-таки оказывалъ помощь лицамъ, подвергавшимся преслѣдованію со стороны этого цезаря (III, 11). И только смерть Домиціана могла спасти нашего автора отъ казни, потому что въ бумагахъ императора былъ найденъ смертный приговоръ Плинію младшему (VII, 371). Короткое правленіе Нервы и Траяна, близкія отношенія къ послѣднему нѣсколько измѣнили политическія убѣжденія нашего автора: Плиній созналъ историческую необходимость цезаризма. Онъ нисколько не опровергалъ рѣчь народнаго трибуна Нигрина, говорившаго между прочимъ, что въ виду „пренебреженія къ законамъ и сенатскимъ постановленіямъ, нужно просить добродѣтельнѣйшаго правителя, чтобы онъ самъ врачевалъ столь великіе пороки“ (V, 14). Плиній, описавъ беспорядки при подачѣ голосовъ въ комиціяхъ (IV, 29), говоритъ: „куда обратиться? какія искать лекарства? повсюду пороки сильнѣе лекарствъ: ἀλλὰ ταῦτα τῷ ὑπὲρ ἡμᾶς ἄλλο μέλημα, — но объ этомъ позаботится другой, который выше насъ. Наша праздная и въ то же время необузданная дерзость ежедневно причиняетъ ему много безпокойства и труда“. Плиній, допуская историческую необходимость принципата, не признавалъ его вполнѣ: въ немъ все-таки крылся духъ оппозиціи, что видно даже изъ послѣднихъ словъ вышеприведеннаго мѣста. Опъ порицаетъ необузданную дерзость предъ императоромъ, но дерзость праздную и безцѣльную, а не ту, которая имѣла бы цѣль: здѣсь задняя мысль Плинія проглядываетъ, что называется между строкъ. Но попытаемся уяснить себѣ политическіе взгляды Плинія изъ другихъ мѣстъ его писемъ. Такъ, послѣ жалобъ на то, что въ комиціяхъ опять возобновился нѣсколько разъ уже отмѣненный обычай тайной подачи голосовъ, Плиній пишетъ Максиму: „я говорю тебѣ объ этомъ, во первыхъ, потому, что желаю сказать что нибудь новое, вовторыхъ, чтобы побесѣдовать о государственныхъ дѣлахъ, каковой случай чѣмъ рѣже попадаетъ намъ, тѣмъ менѣе должны мы упускать его. И въ самомъ дѣлѣ, до какихъ поръ мы будемъ ограничиваться въ своихъ письмахъ избитыми выраженіями, въ родѣ того, что дѣлаешь? все ли въ добромъ здоровьѣ и проч. Пусть же и наши письма заключаютъ въ себѣ какое-нибудь болѣе высокое содержаніе, пусть не ограничиваются одними только частными дѣлами.“ Конечно, все находится въ рукахъ лица, взявшаго, для об-

щей пользы, на себя одного труда и заботы всѣхъ; однакожь въ нѣ-
 которой цѣлебной мѣрѣ и къ намъ изъ того обильнѣйшаго источника
 притекають ручьи; изъ этого источника и мы сами можемъ черпать
 и преподносить другимъ черезъ письма" (III, 20). Можно сказать,
 что въ этихъ словахъ заключается вся тогдашняя исторія Рима. Пли-
 ній жалѣеть о республиканскихъ временахъ, сердечно сокрушается
 о томъ, что случаи бесѣдовать о государственныхъ дѣлахъ теперь
 выпадаютъ рѣдко; въ этомъ письмѣ видно и роковое подчиненіе су-
 ществуемому порядку вещей, соединенное съ лестью современному
 цезарю: „все въ волѣ лица, взявшаго для общей пользы на себя од-
 ного труда и заботы всѣхъ". Наконецъ здѣсь проглядываетъ и полити-
 ческое *pium desiderium* того класса, къ которому принадлежалъ Пли-
 ній: „и къ намъ притекають какъ бы ручьи изъ того обильнѣйшаго
 источника". Видя бѣду, римская знать охотно уступала цезарямъ
 самодержавіе; она соглашалась на то, чтобы одинъ, для общей пользы,
 бралъ на себя труда и заботы всѣхъ, но только бы цезарь дѣ-
 лился съ нею своимъ политическимъ могуществомъ. Наконецъ, по-
 литическія убѣжденія Плинія младшаго видны и изъ его „Панеги-
 рика" Траяну. Панегирикъ этотъ, послѣ произнесенія его въ сенатѣ,
 Плиній исправилъ, дополнилъ и читалъ на литературномъ собраніи;
 успѣхъ былъ полный. Плиній хотѣлъ закончить чтеніе на первый
 же день, опустивъ нѣкоторыя мѣста; но слушатели просили про-
 честь панегирикъ вполнѣ, для чего собирались на второй и даже на
 третій день. Этотъ свой успѣхъ Плиній объясняетъ самъ, говоря въ
 письмѣ къ Северу, что „должность консула вмѣнила мнѣ въ обязан-
 ность воздать правителю благодарность отъ лица государства. Испол-
 нивъ это въ сенатѣ сообразно съ обстановкой мѣста и времени, я по-
 томъ счелъ для себя, какъ для честнаго человѣка, прямымъ долгомъ
 издать эту рѣчь особою книгой и притомъ пространнѣе, полнѣе, и
 лишь для того, чтобы, вопервыхъ, справедливыми похвалами внушить
 нашему императору любовь къ добродѣтели, вовторыхъ, чтобы и бу-
 дущимъ правителямъ показать, какою дорогою лучше всего можно до-
 стигнуть такой же славы,—и показать это не въ наставленіяхъ, а на
 самомъ примѣрѣ. Не малое удовольствіе испыталъ я, рѣшившись про-
 читать эту книгу: не было разослано ни записокъ, ни объявленій. Я
 только предупредилъ своихъ друзей о томъ, что будетъ литературное
 чтеніе, причѣмъ просилъ ихъ собраться лишь въ томъ случаѣ, если
 они будутъ имѣть уже очень много свободнаго времени, а въ Римѣ
 для слушанія чтеній или никогда не бываетъ досуга, или же бываетъ

очень рѣдко. Всѣ собрались въ два слѣдующихъ дня и притомъ при самой дурной погодѣ. Когда я, по скромности, хотѣлъ закончить чтеніе, друзья просили, чтобы я употребилъ на него и третій день. Смотрѣтъ ли на эту честь какъ на оказанную мнѣ, или же литературѣ? Желаю, чтобы она была отнесена къ литературѣ, которая снова воскресаетъ послѣ своей смерти. И какому предмету оказано было такое вниманіе? Тому предмету, который тяготилъ насъ въ продолженіе самаго краткаго времени, даже въ сенатѣ, гдѣ необходимо все выслушивать терпѣливо... Но вотъ находятся люди, желающіе, чтобы была прочитана книга, трактующая объ этомъ предметѣ, и съ удовольствіемъ слушаютъ ее на трехъ собраніяхъ, потому что она написана свободно и съ большою охотой" (III, 18).

Такимъ образомъ друзья Плинія внимательно слушали его „панегирикъ“ и не находили его тенденціознымъ въ политическомъ отношеніи; но въ этомъ панегирикѣ заключаются постоянныя сравненія Траяна съ Нерономъ и Домиціаномъ, при чемъ Траянъ всегда оказывается совершенствомъ, — но въ особенности восхваляется этотъ императоръ за то, что онъ, въ противоположность Домиціану, не держитъ себя недоступно для всѣхъ, а часто совѣтуется съ другими (панег. 40, 54). По всему видно, что римская знать этой эпохи желала установленія правленія въ родѣ аристократической конституціи, для чего и не стыдилась даже унижаться до самой низкой лести. Тотъ же Плиній просилъ у Траяна, болѣе всего подходившаго къ его идеалу, позволенія поставить статую этого императора въ храмѣ (X, 24). Впрочемъ, за эту лесть еще нельзя много винить знать временъ Плинія; уже задолго прежде такой неистовый республиканецъ, какъ Цицеронъ, превозносилъ до небесъ, въ своей рѣчи за Лигарія, Юлія Цезаря. Впрочемъ, какимъ бы характеромъ ни отличалась политическая литература временъ Плинія младшаго, это для насъ, въ настоящемъ случаѣ, имѣетъ мало значенія; для насъ важно то обстоятельство, что въ литературѣ этого времени былъ политическій элементъ, что она, слѣдовательно, еще не утратила той роли, которую играла съ давнихъ поръ. Въ исторіи, какъ и въ природѣ, велика сила инерціи.

Впрочемъ, въ описываемое время являлись и такія литературныя произведенія, которыя были запечатлѣны яснымъ, смѣлымъ республиканскимъ характеромъ. Лица, представлявшія собою оппозицію современному государственному строю, засвидѣтельствовали свои убѣжденія мученическою смертію. Такъ, Арулена Рустика и Гереннія Се-

неціона казнили за то, что они въ своихъ сочиненіяхъ отзывались съ похвалою о двухъ республиканцахъ—первый о Тразев Петѣ, а второй о Гельвидіѣ старшемъ (Tacit. Agric. 2 ер. Plin. ер. I, 5 и VII, 19). Были примѣры и женской литературно-политической доблести. Фаннія, жена Гельвидія старшаго, въ третій разъ была сама сослана въ ссылку изъ за мужа; Геренній Сенеціонъ былъ обвиненъ Меттіемъ Каромъ въ томъ, что составилъ біографію Гельведія и въ свою защиту представлялъ, что объ этомъ просила его Фаннія; когда же Меттій Каръ грозно спрашивалъ ее: просила ли она? она отвѣчала утвердительно; на вопросъ: снабжала ли она составителя комментаріями (мемуарами самого Гельведія?), отвѣчала: „да!“ Она не проронила ни одного слова, ни одного звука, который бы свидѣтельствовалъ о ея смущеніи или боязни предъ опасностію. И когда сенатъ, въ это страшное время, по необходимости долженъ былъ издать такой декретъ, въ силу котораго конфисковалось ея имущество и уничтожалось означенное сочиненіе, она удержала книги при себѣ и такимъ образомъ „понесла въ изгнаніе причину своего изгнанія“ (VII, 10). Но подобныя личности были рѣдки. Цезари подавляли всякую оппозицію, гдѣ бы она ни проявлялась—въ жизни или въ литературѣ. Домиціанъ даже изгналъ изъ Рима всѣхъ философовъ, считая ихъ опасными для себя (III, 11; Tacit. Agric. 2).

Съ ослабленіемъ политической и общественной жизни, все болѣе и болѣе падалъ древній, національный родъ римской литературы—ораторство. Упадокъ краснорѣчія замѣчали сами современники: Плиній младшій говорить, что онъ не доволенъ краснорѣчіемъ своего времени (I, 5); въ діалогѣ Тацита причины упадка краснорѣчія исследованы глубоко и всесторонне и причина выражена имъ въ слѣдующей меткой фразѣ: „Августъ умиротворилъ краснорѣчіе“ (Модест., стр. 50). Краснорѣчіе, изгнанное изъ сената и форума, могло процвѣтать только въ судахъ, и потому судебному краснорѣчію учили молодыхъ людей въ школахъ риторовъ, которыя болѣе портили, чѣмъ совершенствовали краснорѣчіе. Темы, предлагаемыя учащимся для сочиненія, были весьма далеки отъ дѣйствительной жизни, на примѣръ, о наградахъ за убійство тиранновъ, о преступныхъ связяхъ матерей съ своими дѣтьми и т. п.; вниманіе будущаго оратора обыкновенно обращалось только на декламацию и внѣшнюю отдѣлку рѣчи (Tacit. dialog de orator., сар. 35). Литературные пріемы, пріобрѣтенные молодыми людьми въ школахъ, впоследствии прилагались ими и къ дѣйствительнымъ процессамъ. Плиній, счи-

тавшийся лучшим адвокатомъ своего времени, любилъ въ рѣчахъ высокопарность, изысканность и вычурность выраженій, однимъ словомъ, неестественность. Онъ самъ сознается, что только въ фигурахъ, оборотахъ рѣчи онъ подражалъ Демосфену и Цицерону, „а возвыситься до силы этихъ ораторовъ онъ былъ не въ состояніи“ (1, 2). Многія мѣста въ его писъмахъ (напримѣръ, I, 20, VI, 33, IX, 26), а всего болѣе его панегирикъ Траяну вполне подтверждаютъ его признаніе. Внутреннему содержанію рѣчей соответствовало и самое произношеніе ихъ — чисто театральное, иногда даже похожее на возгласы пьяныхъ (Квинт. XI, 3). Иногда рѣчь наполнялась даже бранью и ругательствами (Квинт. XII, 9).

Но наука права, тѣсно соединенная съ краснорѣчіемъ, въ описываемую эпоху возвысилась (Модест., стр. 202), такъ какъ законодательство, съ основаніемъ въ Римѣ имперіи, освободилось отъ своей подчиненности краснорѣчію. Развитие римскаго права совершалось подъ вліяніемъ борьбы двухъ партій въ юридической наукѣ, изъ которыхъ одна отстаивала республиканскіе принципы, а другая императорскіе (Шаф. и Герм.),—новое доказательство, что въ литературѣ того времени господствовалъ политическій элементъ.

П. Гвоздевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РИМСКАЯ ЭПОПЕЯ ВО ВРЕМЕНА ИМПЕРИИ.

I. МАРКЪ АННІЙ ЛУКАНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Римское искусство совершенно зависить, какъ извѣстно, отъ греческаго. Фактъ этотъ дѣлается очевиднымъ особенно въ области поэзіи и преимущественно — эпопей. Если и проявляются въ пѣсняхъ, составленныхъ въ честь предковъ, и въ надписяхъ, преимущественно надгробныхъ, нѣкоторые зачатки эпопей, то все-таки эпопея, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, началась у Римлянъ только съ перевода Одиссеи Ливіемъ Андроникомъ. Рядомъ съ нимъ является Невій, воспѣвающій въ своемъ „Bellum Punicum“ уже національный сюжетъ. Затѣмъ Энній, изъ города *Rudiae*, своими 18 книгами „Анналовъ“, въ которыхъ описывается исторія римскаго государства отъ прибытія Энея до временъ самого поэта, совершаетъ въ этой области знаменательный подвигъ и становится основателемъ такъ называемой *древней* національной римской эпопей. Хотя вліяніе этого произведенія, съ появленіемъ новыхъ взглядовъ и стремленій, въ послѣдствіи и начало исчезать, тѣмъ не менѣе гекзаметръ (*versus longus*), введенный Энніемъ, остался навсегда принадлежностію эпопей.

Такъ какъ у Римлянъ не существовало народныхъ сказаній и мифовъ, которыми была столь богата Греція, то по этому самому у нихъ не было и настоящей почвы для героической эпопей, могущей равняться съ тою, которую создали Греки. Римляне могли только внѣшнимъ образомъ подражать Грекамъ, облекая историческіе факты въ эпическую форму. Со временемъ же, когда и для такого подражанія

не хватало матеріала, они естественнымъ образомъ вынуждены были прибѣгать къ переводамъ и къ обработкѣ греческихъ сюжетовъ, чему особенно способствовалъ также и тотъ постепенно усиливавшійся интересъ, съ которымъ Римляне занимались греческою наукою.

Цѣлый рядъ малонзвѣстныхъ поэтовъ, называемыхъ въ наукѣ „*Homericistae*“ (по Петровію, гл. 59), какъ напримѣръ, Маццій, Акцій Лабеоузъ, Юль Антоній, Варронъ Атацинскій и др., работали въ этомъ смыслѣ, придерживаясь въ своихъ переводахъ гомерическаго цикла. Отъ всѣхъ этихъ поэтовъ почти ничего не осталось, кромѣ однихъ именъ. Наконецъ, эти занятія, ограничивающіяся исключительно знакомствомъ съ Александрійскими поэтами, повели къ полнѣйшей реорганизациі римской поэзіи.

Если и читали еще нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся, писателей, какъ напримѣръ, Эннія, то все-таки въ нихъ уже находили много устарѣвшаго и недостойнаго подражанія; привыкнувъ къ греческимъ образцамъ, стали уже требовать большей художественности въ изложеніи, каковой потребности удовлетворялъ преимущественно кружокъ людей, посвятившій себя, вслѣдствіе своей любви и усердія къ поэзіи, этой послѣдней, хотя и не обладавшій особенными талантами. Это были такъ называемые „ученые“ (*dosti*), которые, находясь въ рѣзкой оппозиціи противъ древней національной эпопеи, не остались безъ вліянія, и даже можно сказать, произвели всеобщую переимѣну вкуса. Въ высшей степени замѣчательнымъ, хотя и вполнѣ одинокимъ противникомъ поваго направленія является только Титъ Лукрецій Каръ.

На такой-то почвѣ воспитался вѣкъ Августа, сдѣлавшійся, благодаря Вергилію, настоящимъ классическимъ періодомъ римской эпопеи. Вергилій, великолѣпно владѣвшій слогомъ, писавшій такими плавными и звучными приемами, какихъ римское ухо еще никогда и не слышало, сумѣлъ въ своей Энеидѣ соединить два совершенно противоположные элемента, именно греческій и чисто римскій; онъ такъ успѣшно рѣшилъ свою задачу, что всѣ послѣдующія поколѣнія смотрѣли на него какъ на римскаго Гомера и что подражаніе Вергилію сдѣлалось высшею задачею всѣхъ эпическихъ поэтовъ.

Непосредственно за Вергиліемъ настало время упадка эпопеи. Однакожъ произведенія этого періода принадлежать къ числу самыхъ интересныхъ во всей римской литературѣ и тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія филологовъ, что въ новѣйшее время этими произведеніями мало занимались, каковое обстоятельство не осталось безъ значительнаго ущерба для полнаго пониманія исторіи римской литературы. На

этотъ періодъ слѣдуетъ особенно указывать еще и потому, что начинающіе филологи найдутъ здѣсь самый обильный матеріалъ, обработка коего, требуя сравнительно незначительнаго труда, принесетъ замѣчательную пользу наукѣ.

Главнѣйшія произведенія этого времени явились почти одновременно и относятся къ началу перваго столѣтія послѣ Р. X. Это такъ называемый „серебряный“ періодъ, продолжавшійся отъ Тиверія до Домиціана. То было время, когда римская имперія достигла своего величайшаго могущества и блеска, а личная свобода и свобода мышленія находились подъ тяжелымъ гнетомъ подозрительнаго цезаризма, освободиться отъ котораго нельзя было безъ риска для самой жизни. При томъ же и нравственность народа находилась въ полнѣйшемъ разложеніи. Тогдашняя жизнь Римлянъ является намъ блестящею только снаружи, внутри же кроется неизлѣчмая бодѣзнь, долженствовавшая разрушить ее окончательно. Поэзія подчинилась вліянію риторики, которая, отказавшись отъ своей роли въ общественной жизни, гдѣ дѣйствительно уже не было больше мѣста для свободнаго слова, удалась въ аудиторіи; здѣсь люди съ посредственными дарованіями стали, своимъ высокопарнымъ пустословіемъ и декламаціею, добиваться славы. Поэзія получила тотъ пестрый, напыщенный видъ, который лучше всего убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ это время содержаніе служило только для того, чтобы выказать искусственность формы; форма уже не подчинялась содержанію и не служила ему только средствомъ для лучшей передачи самого сюжета. При этомъ не обходилось безъ самой унижительной лести цезарямъ, которые тоже занимались поэзіею и на этомъ, какъ на всѣхъ другихъ поприщахъ, тоже требовали себѣ безпрекословнаго поклоненія и отстаивали свое первенство.

Тѣмъ не менѣе въ эпическихъ произведеніяхъ *Лукана*, *Силія Италика*, *Папинія Стація* и *Валерія Флакка*, въ послѣдствіи ожившихъ, хотя и не надолго, столь блестящимъ образомъ въ лицѣ *Клаудіана*, мы находимъ здоровые, чисто римскіе элементы, благодаря которымъ эта часть литературы останется для насъ навсегда драгоценною. Мы видимъ здѣсь какъ римскій духъ въ послѣдній разъ собирается съ силами, какъ сознательно преслѣдуетъ онъ свою цѣль—поддержать древнее искусство, паденіе котораго однакожь было потомъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ успѣшнѣе распространялось христіанство. Всѣ вышеупомянутые поэты хорошо сознавали, что настоящимъ образцомъ римской эпопеи должны считаться произведенія Вергилія, почему

они и находятся въ такой зависимости отъ него, что изученіе ихъ немислимо безъ изученія Вергилія. Что занятія греческою наукой тоже продолжались, доказывается поэмою Валерія „Argonautica“, составленною по Аполлонію, и „Тебаидою“ (Thebais) Стація, заимствованною у Антиаха.

Если же, не смотря на все это, они не успѣли удержаться на высотѣ, къ которой стремились, то виною этого, какъ уже замѣчено, было время, въ которое они жили, вредное вліяніе господствующей моды, которая часто даже самыхъ интеллигентныхъ людей лишаетъ возможности сохранять вѣрное сужденіе о своихъ собственныхъ пронаведеніяхъ, не смотря на все ихъ усердіе сохранить въ себѣ этотъ критерій. Вошелъ въ моду какой-то новый родъ поэзіи, который можно назвать поэзією будущности (Zukunftspoetic), и который, при всемъ своемъ подражаніи Вергилію, старался превзойти древнюю классическую простоту накопленіемъ внѣшнихъ риторическихъ прикрасъ, чѣмъ и думалъ подвинуть искусство впередъ.

Древѣйшимъ представителемъ этого направленія является *Лукавъ*.

1. Жизнь Лукана.

а) Источники.

Изъ древнихъ источниковъ прежде всего заслуживаетъ упоминанія „*Vita Lucani*“, составленная Светоніемъ и заимствованная изъ той части его сочиненія „*De viris illustribus*“, которая озаглавлена „*de poetis*“. Жизнеописаніе это дошло до насъ въ 8-ми безымянныхъ рукописяхъ (лучше всего въ слѣдующихъ: codex Bernensis № 370, X вѣка, гдѣ находятся и схолии къ Лукану, Montepessulanus H, 113, XI (? IX) в., Monacensis № 4610, XI—XII в. и Bernensis, olim Vongarsianus № 45, X вѣка). Ю. Скалигеръ впервые несомнѣннымъ образомъ доказалъ принадлежность его Светонію. Источники самого Светонія намъ неизвѣстны, но во всякомъ случаѣ мы видимъ, что тотъ, у кого онъ черпалъ свои свѣдѣнія о Луканѣ, никакъ не принадлежалъ къ почитателямъ Лукана, такъ какъ въ *vita Suetoniana* мы находимъ частыя нападки на Лукана, преимущественно за его отношенія къ Нерону. Текстъ дошелъ до насъ въ очень испорченномъ видѣ, съ пропусками въ началѣ, а можетъ быть также и въ концѣ (ср. Риччи Parerga, стр. 624). Еще древнѣе „*genethliacum Lucani*“ Паниція Стація въ его *Silvae* II, 7, гдѣ въ противоположность вышеприведенному жизнеописанію, Лукану воздается чрезмѣрная похвала, причемъ осо-

бенно для насъ важенъ перечень сочиненій его въ стихахъ (срав. стихъ 52 и слѣд.).

Другое полное жизнеописаніе Лукана принадлежитъ анонимному грамматику, въ которомъ *К. Фр. Веберъ* съ большою вѣроятностію подозрѣваетъ *Вакку* (*Vacca*, „*expositor Lucani*“), жившаго приблизительно въ VI столѣтіи послѣ Р. Хр. Это жизнеописаніе, которое въ древнѣйшихъ своихъ изданіяхъ является заимствованнымъ „*ex commentario antiquissimo*“, дошло до насъ въ 3-хъ рукописяхъ, между которыми болѣе замѣчательно опять таки долженъ считаться *codex Bernensis* № 370, гдѣ помѣщена и *vita Suetoniana*. *Vita Vaccana* тоже относится благосклонно къ Лукану и чуть ли не преувеличиваетъ его заслуги. Была ли извѣстна *Ваккѣ vita Suetoniana*, мы не знаемъ; впрочемъ, въ виду различія этихъ жизнеописаній, знакомство представляется невѣроятнымъ. Къ этимъ источникамъ нужно причислить случайныя замѣчанія Тацита, Марціала, Ювенала и др.

Всѣ прочія *vitae*, находящіяся въ рукописяхъ (см. ниже), и все то, что послѣ Помпонія Инfortunата написано о жизни Лукана въ *editio princeps* (1460 fol., въ Римѣ), почерпнуто изъ вышеуказанныхъ источниковъ.

в) *Новѣйшія пособія.*

Въ новѣйшее время появились слѣдующія сочиненія о жизни Лукана:

К. Фр. Вебера, vitae M. Annaei Lucani collectae.

Particula I въ *index lectionum academiae Marburgensis*, 1856 года.

Particula II тамъ же, 1857 года.

Particula III тамъ же, 1858 года.

Particula IV: *de suprema Lucani voce*, тамъ же, 1857 года.

Genthe: de M. Annaei Lucani vita et scriptis, dissertatio inauguralis, Berolini, 1859 года.

Важная заслуга сочиненій Вебера состоитъ въ томъ, что онъ въ *particula I* представилъ основательное критическое изданіе вышеуказанныхъ *vitae Lucani*, держась рукописнаго матеріала и объясняя его примѣчаніями, а сверхъ того прибавилъ еще введеніе, въ которомъ подробно разсматриваетъ и преданіе объ авторствѣ Светонія (стр. 1—6) и *Вакки* (стр. 13—15).

Въ *particula II* Веберъ старается, на основаніи всего существующаго матеріала, представить намъ „*vitam Lucani in singulos annos digestam*“. Въ *particula III* онъ издалъ по различнымъ рукописямъ *vitae Lucani*, между которыми особенно замѣчательна *vita Sicconis Polentoni*

начала XV столѣтія, заимствованная изъ сочиненія „de scriptoribus illustribus latinae linguae“. Въ particula IV онъ старается отыскать то послѣднее слово Лукана, которое, по Тациту, *Annal. XV, 70*, заключалось въ стихѣ объ умирающемъ „воинѣ“ (полагають, что это — стихъ изъ его поэмы *Pharsalia*). Впрочемъ, доказательства Вебера не могутъ считаться убѣдительными.

Первый трудъ Вебера теперь уже значительно уступаетъ той обработкѣ жизнеописанія Светонія, которую мы находимъ въ замѣчательной книгѣ Рейффершейда: *Suetonii Tranquilli praeter Caesarum libros reliquias*, въ Лейпцигѣ у Тейбнера, 1860 года, стр. 50—52 (ср. тамъ же стр. 392—394), и въ сочиненіи Узенера: „*Scholiam in Lucani bellum civile*, edidit Hermannus Usener, pars prior commenta. Bernensia“ въ Лейпцигѣ у Тейбнера, 1869 года, стр. 3—7; эти обработки представляютъ въ критическомъ отношеніи замѣчательный шагъ впередъ. И *vita Vassana* также вновь отпечатана у Рейффершейда на стр. 76—79.

Касательно particula II слѣдуетъ замѣтить, что она можетъ считаться подготовительною работою къ изслѣдованіямъ Генте о жизни Лукана. Этотъ ученый даетъ намъ въ вышеуказанномъ сочиненіи, на стр. 7—35, самыя лучшія сопоставленія относительно жизни Лукана; все же, сказанное имъ объ источникахъ, есть ничто иное какъ выписка изъ трудовъ Вебера.

Слѣдующіе факты изъ жизни Лукана, почерпнутые изъ этихъ источниковъ, являются несомнѣнными. Луканъ родился въ Кордубѣ, въ Испаніи, въ томъ городѣ, который, какъ извѣстно, славился литературными занятіями даже и въ позднѣйшія столѣтія. Отецъ его, Маркъ Анней Мела, былъ третій сынъ извѣстнаго ратора Марка Аннея Сенеки изъ Кордубы и, слѣдовательно, былъ племянникомъ знаменитаго философа Луція Аннея Сенеки. Мать нашего поэта, Ацилія, была, по свидѣтельству Вакки, дочь извѣстнаго Ацилія Лукана, отъ котораго молодой поэтъ и получилъ свое cognomen „Lucanus“. Родился онъ 3-го ноября 792 года отъ основанія Рима (=39 годъ послѣ Р. X.) и уже на слѣдующій годъ былъ перевезенъ въ Римъ. Рано сталъ проявляться въ немъ стихотворческій талантъ. Будучи воспитанъ знаменитѣйшими учителями, особенно философомъ и риторомъ Луціемъ Аннеемъ Корнутомъ, который познакомилъ его и съ Персіемъ, Луканъ скоро успѣлъ обратить на себя вниманіе своихъ современниковъ. Затѣмъ онъ обучался въ Аѳинахъ, откуда однако, по словамъ Светонія, былъ отозванъ Нерономъ съ тѣмъ, чтобы участвовать въ

кугру его друзей. Не достигши еще законнаго возраста, а именно на 22 году своей жизни, онъ получилъ квестуру; однако, 4 года спустя, Луканъ успѣлъ уже возбудить къ себѣ зависть и негодованіе Нерона, послѣ того какъ продекламировалъ въ учрежденномъ по греческому образцу „*ludicrum quinquennale*“ (см. Тацита *Annal.* XIV, 20) или „*certamen pentaetericum*“ свои „*laudes in Neronem*“ (813 годъ отъ основанія Рима=40 л. послѣ Р. Хр.), которыя были приняты публикою съ одобреніемъ (хотя, по свидѣтельству Тацита, Светонія, и не были увѣнчаны) и когда, по словамъ Вакки, онъ издастъ уже три книги своей поэмы *Pharsalia*, и вообще послѣ того какъ успѣлъ прославиться своими чтеніями и декламаціями. Мы не знаемъ настоящей причины немилости цезаря, но, тѣмъ не менѣе, не можемъ согласиться съ Светоніемъ, будто эта немилость была послѣдствіемъ прямой обиды, нанесенной императору, ибо въ такомъ случаѣ послѣдній не удовольствовался бы однимъ только пренебреженіемъ къ поэту. Генте справедливо замѣчаетъ, что до изданія трехъ первыхъ книгъ *Pharsalia*, еще не могло существовать дурныхъ отношеній между Нерономъ и Луканомъ, что и доказывается вполне достаточно однимъ мѣстомъ изъ этого сочиненія, именно I, ст. 33—66. Извѣстіе Вакки слѣдуетъ понимать такимъ образомъ, что соперничество Лукана съ Нерономъ, который, какъ извѣстно, и самъ выступалъ публично съ своими стихами, вызывало только мало по малу негодованіе Нерона, превратившееся въ явную немилость только уже послѣ того замѣчательнаго успѣха, которымъ были увѣнчаны 3 книги *Фарсалии*. Въ это же самое время поэтъ женился на Поллѣ Аргентаріѣ, быть можетъ, родственницѣ того ритора Аргентарія, который былъ современникомъ старшаго Сенеки и ученикомъ Луція Цестія Піа, жившаго при Августѣ. Имѣлъ ли поэтъ дѣтей отъ этого супружества, мы не знаемъ.

Всѣ эти событія происходили одновременно съ извѣстнымъ заговоромъ Г. Пизона противъ жизни императора. Луканъ, желая отомстить Нерону за его презрѣніе, участвовалъ въ этомъ заговорѣ; и когда, вслѣдствіе неосторожности заговорщиковъ, ихъ заговоръ былъ открытъ, то нашъ поэтъ, выказавшій при этомъ столь же мало твердости духа, какъ и большая часть прочихъ заговорщиковъ, принужденъ былъ лишиться себя жизни, что и исполнилъ, открывъ себѣ артерію въ 818 г. отъ осн. Р. (=65 г. по Р. Хр.), на 26 году своей жизни. Тѣло его похоронено въ садахъ поэта Ювенала.

2. Сочиненія Лукана.

Если важнѣйшія черты изъ жизни Лукана намъ извѣстны и не подлежатъ никакому сомнѣнію, то къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать того же самого о его сочиненіяхъ.

Самыя основательныя изслѣдованія по этому предмету представилъ Генте въ вышеуказанномъ сочиненіи, именно во второй части своего „De M. Annaei Lucani scriptis“, стр. 36—85. Къ этому слѣдуетъ еще присоединить особое изслѣдованіе Унгера: „Quaestio de Lucani Heliacis“ въ книгѣ, вышедшей по случаю праздника (Festschrift) Фридландской гимназіи, въ честь Фр. Вильг. Шрёдера, 1858 г. Все изслѣдованіе по этому вопросу существенно зависитъ отъ двухъ мѣстъ, изъ которыхъ одно читается у Стація, въ его *Silvae* II, 7, 48, слѣдующимъ образомъ:

Nocturnas alii Phrygum ruinas

Et tardi reduces vias Ulixi,

50. Et puppem temerariam Minervae,

Trita vatibus orbita, sequantur.

Tu canis Latio memorque gentis

Carmen fortior exeris togatum.

Ac primum teneris adhuc in annis

55. Ludes Hectors Thessalosque currus

Et supplex Priami potentis aurum,

Et sedes reserabis inferorum.

Ingratus Nero dulcibus theatris,

Et noster tibi proferetur Orpheus.

60. Dices culminibus Remi vagantes,

Infandos domini nocentis ignes.

Tu castae titulum decusque Pollae

Incunda dabis allocutione.

Другое мѣсто находится въ *vita Vaccana* (по Рейнфершейду): „extant ejus (i. e. *Lucani*) complures et alii (libri), ut *Iliacon*, *Saturnalia*, *Catachthonion*, *Silvarum* X, *tragoedia Medea imperfecta*, *salticae fabulae* XIII, *epigrammata*, *prosa oratione in Octavium Sagittam et pro eo, de incendio urbis, epistolarum ex Campania*“. Означенное мѣсто передано намъ въ высшей степени испорченнымъ видѣ.

Все зависитъ отъ того, какъ мы согласимъ извѣстія Вакки и Стація; уже относительно перваго сочиненія „*Iliacon*“ между Генте и Унгеромъ является большое разногласіе. Послѣдній, основываясь на Ваккѣ, полагаетъ, что вмѣсто испорченнаго „*illa consaturnalia*“ слѣдуетъ читать не „*iliacon saturnalia*“, какъ это дѣлалъ еще Скри-

верій (Scrivenerius), а „*heliason saturnalia*“, такъ что, по мнѣнію Унгера, мы должны приписать Лукану сочиненіе, содержаніемъ котораго было „*quidquid poetiarum de Sole deo extaret fabularum*“ (стр. 3). Если даже мы и оставимъ пока въ сторонѣ самое содержаніе, которое слѣдовало бы приписывать озаглавленному подобнымъ образомъ сочиненію, то все-таки должны будемъ согласиться съ мнѣніемъ Генте, что догадка эта опровергается другими соображеніями болѣе вѣрнаго свойства. Codex Bernensis № 370 и Monacensis № 4610 (по Веберу только первый, по Рейффершейду оба) представляютъ дѣйствительно возстановленное Скриверіемъ чтеніе „*iliason saturnalia*“, въ то время, какъ другой codex Wallersteinensis имѣетъ „*utilia saturnalia*“ (sic!). Къ тому же „*illiason*“ и „*hilliason*“, откуда Унгеръ производитъ свое „*heliason*“, встрѣчается только во второстепенныхъ рукописныхъ сколіяхъ къ Стацію, и то лишь въ примѣчаніи къ его Thebais III, ст. 641. Правда, Унгеръ справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ *iliason* нельзя видѣть описанія „*excidium Trojae*“, какъ это дѣлалъ прежде Свалигеръ и другіе; этому вѣдь прямо противорѣчитъ Стацій въ своихъ *Silvae* II, 7, ст. 48 и слѣд. (см. выше); однакожь, изъ этого еще никакъ нельзя заключать, будто Луканъ не писалъ никакого сочиненія подъ заглавіемъ „*Iliasa*“, такъ какъ подъ этимъ заглавіемъ, кромѣ разрушенія Трои, могло передаваться и множество другихъ фактовъ, на что справедливо указалъ уже и Генте. И самъ Стацій, въ вышеприведенномъ мѣстѣ, ст. 55 и слѣд., указываетъ намъ на подобныя же вещи, изъ которыхъ самымъ очевиднымъ образомъ явствуется, что Луканъ воспѣвалъ смерть Гектора, жестокое обращеніе Ахилла съ его тѣломъ и наконецъ Пріамовскія Лѣтра (Иліада, XXIV) Гекторова тѣла. Неужели это не *Iliasa* въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова? Изъ этого мы видимъ, что не существуетъ такой странности, которую ученые, поддавшись разъ какому-то ослѣпленію, не сумѣли бы отстаивать въ длинныхъ изслѣдованіяхъ. Унгеръ идетъ еще дальше: онъ находитъ, будто изъ Фарсалия Лукана слѣдуетъ „*Astronomicorum curam illi (i. e. Lucano) mirifice placuisse*“, и все только потому, что это предположеніе высказано гдѣ-то какимъ-то невѣждою, Николаемъ Кламенгіемъ. Спрашивается, почему Стацій нигдѣ, ни однимъ словомъ, не упоминаетъ объ этомъ *heliason*? Отрицая существованіе *Iliasa*, онъ находится въ противорѣчій со словами „*Ludcs Hectora*“ и т. д. За то онъ, на стр. 18-й, приписываетъ Лукану особое стихотвореніе подъ заглавіемъ „*Hector*“, существованіе котораго ничѣмъ не доказывается.

Гораздо правильнѣе поступаетъ Генте, исходя изъ мѣста, сохранившагося у Стація. Съ этой точки зрѣнія мы должны обсуждать и всѣ странныя причуды Унгера касательно фрагментовъ Лукана.

Взглянемъ сперва на тотъ фрагментъ, который приводитъ схолиастъ Лактанцій къ мѣсту Тебанди Стація, VI, ст. 322, заимствуя его изъ *liber Iliason*:

*Haud aliter raptum transverso limite coeli
Flammati Phaethonta poli videre dei que,
Cum vice mutata totis in montibus ardens
Terra dedit coelo—naturaque versa.*

Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о Фаэтонѣ и о небѣ, то Унгеръ относитъ это мѣсто съ большою увѣренностью къ выдуманному имъ сочиненію *Heliason*. Вводныя слова „*haud aliter*“ доказываютъ, однако, очевиднымъ образомъ, что мы здѣсь имѣемъ предъ собою ничто иное, какъ только сравненіе. Тутъ, по всему вѣроятію, Гекторъ, влекомый колесницею Ахилла, сравнивается съ Фаэтонтомъ, такъ что мы имѣемъ полное право отнести это мѣсто къ поэмѣ, заглавіе которой было „*Iliason*“. Не болѣе основательно и то, что Унгеръ говоритъ о другомъ отрывкѣ, который приводится Лактанціемъ къ Тебандѣ Стація, III, ст. 637 и слѣд. Тутъ схолиастъ говоритъ: *Vidi hominum [manifestus iam metus est. Divumque]* aut propter Venerem aut Junonem, quarum altera Thebanis, altera timebat Argivis, aut omnium, quia Caraneus animos erat claturus in coelum. *Ut Lucanus Iliason: „atque Helenae timuisse deos“*. Мы охотно соглашаемся съ Унгеромъ, что схолиастъ въ своей рукописи Стація читалъ, ст. 641, не *divumque nefas*, а *divumque metus*, что и восстановлено уже давно Мюллеромъ; иначе приведенныя глоссы были бы немислимы. Но совсѣмъ ошибочно поступаетъ Унгеръ, замѣняя *atque Helenae timuisse deos* посредствомъ *atque Helena extimuisse deos*, основываясь на томъ, что нигдѣ не говорится, чтобы боговъ озабочивала когда-либо судьба Елены. Но если, не смотря на недостаточность нашего знакомства съ древнею литературою, мы и допустимъ, что никто до Лукана не говорилъ ничего подобнаго, то можемъ ли мы утверждать, что Луканъ придерживался своихъ предшественниковъ во всѣхъ мелочахъ? Измѣненіе Унгера придумано имъ только для того, чтобы отнести и этотъ стихъ къ своему *Heliason*. Подъ словомъ *Helena* онъ понимаетъ созвѣздіе Елены, которое, подъ названіемъ *Urania*, считалось въ древности опаснымъ для мореплавателей, вслѣдствіе чего, по мнѣнію Унгера, поэтъ могъ сказать, что ея боялись и боги. Несостоятельность такого рода

критики столь очевидна, что не стоит ее и опровергать. Самое неблагоприятное для конъектуры Унгера обстоятельство заключается, однако, въ томъ, что этотъ отрывокъ изъ Лукана врядъ ли первоначально уже былъ приведенъ для объясненія словъ Стація „*divumque metus*“, къ которымъ онъ вовсе и не подходитъ, такъ какъ между обоими мѣстами нѣтъ ничего общаго, кромѣ только понятія „боязни“ (*metus, timuisse*). Слова „*ut Lucanus Placop: atque Helenae timuisse deos*“ суть по всему вѣроятію ничто иное, какъ позднѣйшая приписка къ словамъ схолиаста: „*quorum altera Thebanis, altera timebat Argivis*“, чтобы представить еще одинъ примѣръ соединенія глагола *timeo* съ дательнымъ падежомъ. Подобные примѣры встрѣчаются довольно часто. Убѣдительный примѣръ такого рода приведенъ Людвигомъ Кномъ (L. Koenig) въ его статьѣ о рукописяхъ поэмы Клавдіана „*Raptus Proserpinae*“ въ издаваемыхъ Ричлемъ *Acta societatis philologicae Lipsiensis*, въ Лейпцигѣ у Тейбнера, 1872 г. I, стр. 373. Тутъ къ глоссѣ: „*Commendat (scilicet: Ceres) furtim sua pignora*“ прибавлено: „*furtim quia timens partus*“. См., что говоритъ объ этой глоссѣ Беренсъ (Emil Bährens) въ *Fleckeisens Jahrbücher* 1872 г., стр. 634 и слѣд.

Прочіе отрывки, которые приводитъ Унгеръ съ цѣлю отстоять заглавіе *Hellacop*, не заслуживаютъ упоминанія, такъ какъ они добыты только на основаніи совершенно произвольнаго возстановленія имени Лукана у нѣкоторыхъ писателей. Поэтому мы и остаемся при нашемъ *Placop*.

Второе сочиненіе Лукана, упомянутое Ваккомъ, есть *Catachthonion*, вмѣсто чего прежде читали „*catacauston*“, соединивъ его, ссылаясь преимущественно на авторитетъ Скалигера, со словомъ *Placop*, изъ чего и заключали, что Луканъ воспѣвалъ Троянской пожаръ. Но не говоря уже о произвольности подобнаго толкованія, ему очевидно противорѣчить и приведенное выше мѣсто изъ Стація (*Nocturnas alii Phrygum ruinas sequantur*). Унгеръ, который разсматривалъ, между прочимъ, и этотъ вопросъ, возстановилъ изъ различныхъ испорченныхъ вариантовъ *catagogion*, не подозревая, что самый лучший *codex vitae* Вассанае представляетъ въ самомъ дѣлѣ **КАТАХΘΟΝΙΟΝ**, на что давно уже указалъ Веберъ и съ чѣмъ находятся въ полнѣйшемъ согласіи и слова Стація въ указ. мѣстѣ ст. 57: „*Et sedes reserabis inferorum*“, такъ что на счетъ вѣрности чтенія *catachthonion* не можетъ существовать никакого сомнѣнія. Маркандъ, который уже въ своемъ комментарий къ *silvae* возстановилъ

чтеніе *catachthonion*, понимаетъ подъ этимъ словомъ Орфея, *Orpheus catachthonios*, о которомъ дѣйствительно упомянулъ Стацій въ вышеприведенномъ мѣстѣ. Но тогда Орфей явился бы два раза въ ст. 57 и 59, что положительно немислимо. Кромя того, Унгеръ справедливо замѣчаетъ, что если дѣйствительно существовало сочиненіе Лукана подъ заглавіемъ *Orpheus catachthonios*, то врядъ ли Лактанцій удовольствовался бы передачею одного только слова *catachthonios*.

Относительно самаго содержанія этой поэмы мы въ нашихъ источникахъ ничего болѣе опредѣленнаго не находимъ.

Третье стихотвореніе, которое Стацій приписываетъ Лукану въ ст. 58 (*Ingratus Nero dulcibus theatris*) есть тѣ „*laudes in Neronem*“, о которыхъ упоминаетъ Вакка въ своемъ жизнеописаніи, и содержаніе котораго очевидно уже само собою.

Относительно поэмы *Orpheus*, отъ которой сохранились только незначительные фрагменты (у Стація въ прив. соч. ст. 59: *noster tibi proferetur Orpheus*, и у Вакки: *et ex tempore Orphea scriptum in experimentum adversum complures ediderat poeta*); затѣмъ, относительно стихотворенія *allocutio Pollae* (у Стація, тамъ же, ст. 62: *Tu castae titulum decusque Pollae jucunda dabis allocutione*), мы въ сущности не знаемъ ничего больше, какъ только то, что оно существовало до самыхъ временъ Вакки, а отчасти даже и позже. Планъ и расположеніе содержанія этого сочиненія намъ совершенно неизвѣстны. *Allocutio Pollae* представляло, по всему вѣроятію, какъ это полагаетъ и Генте, пѣчто въ родѣ свадебной пѣсни съ панегирикомъ, посвященною его женѣ. Во всякомъ случаѣ нельзя полагать, какъ это дѣлаетъ Бартъ (Barth) въ своей неясной конъектурѣ, будто оно составляло часть стихотворенія *Silva*.

Болѣе ясное понятіе мы можемъ себѣ составить о *Сатурналіяхъ*, о которыхъ упоминаетъ Вакка вслѣдъ за *Placcon*.

У Римлянъ существовали, какъ извѣстно, обычай, посылать другъ другу, во время двѣнадцатидневнаго праздника Сатурналій, подарки вмѣстѣ съ маленькими стихотвореніями большею частію шутивлаго, а иногда даже и непристойнаго содержанія. По всему вѣроятію, эти *Saturnalia* и суть ничто иное, какъ именно собраніе подобнаго рода стихотвореній Лукана.

Затѣмъ Вакка упоминаетъ „*Silvarum X libri*“. До насъ не дошло никакихъ свидѣній объ этомъ сочиненіи, а также и никакихъ отрывковъ изъ него. Является ли въ немъ Стацій подражателемъ, какъ это обыкновенно полагаютъ, или же оно сочинено имъ са-
часть CLXVIX, отд. 5.

мостоятельно, мы, не имѣя никакихъ данныхъ, не въ состояніи рѣшить этихъ вопросовъ. „*Tragoedia Medea imperfecta*“, о которой говоритъ Вакка, тоже не упоминается Светоніемъ. Янъ (Otto Jahn), въ своемъ предисловіи къ Персію, высказываетъ, на стр. XXIII, не лишнее вѣроятіе мнѣніе, что поэтъ началъ это сочиненіе, еще будучи юношей, а потомъ бросилъ его неоконченнымъ.

Затѣмъ у Вакки мы еще находимъ: *salticae fabulae XIV* и *epigrammata*.

Въ первомъ изъ этихъ заглавій слово *salticae* многіе старались замѣнить словомъ „*satyricae*“, слѣдуя примѣру Фабриція въ его *Bibliotheca latina*, стр. 384. Унгеръ предлагалъ даже „*sybariticae*“. Указывая на извѣстную обжорливость (*Schlemmergei*) Сибаритянъ, онъ подъ названіемъ *sybariticae fabulae* понимаетъ нѣчто въ родѣ того стихотворенія, о которомъ говоритъ Светоній: „*famoso sanguine cum ipsum (scilicet: Neronem) tum potentissimos amicorum gravissime proscidit*“. Это мнѣніе лишено даже и тѣни вѣроятія. Но и чтеніе „*satyricae*“ представляется сомнительнымъ. Правда, слово *salticus* встрѣчается только у Тертуліана,—обстоятельство, позволяющее сомнѣваться въ вѣрности этого чтенія. Тѣмъ не менѣе, мы, кажется, врядъ ли ошибемся, если предположимъ, что это были дѣйствительно *fabulae salticae*, то-есть, что онѣ сопровождались извѣстными плясовыми движеніями; существованіе подобныхъ представленій намъ извѣстно и изъ другихъ писателей, напримѣръ, изъ Сенеки *Suas.*, стр. 20, и изъ Ювенала VII, 92.

Что касается эпиграммъ, то существованіе ихъ зависитъ отъ такой конъектуры, очевидность которой врядъ ли можетъ подвергаться сомнѣнію. *Codex Monacensis* представляетъ въ *vita Vassana*: *apparmata*, другіе *codices*: *ipparmata*. Оба чтенія, очевидно, безсмысленны. Гиральдъ (*Gyraldus*) и другіе предлагали читать: *hyporchemata*, *Martyni-Laguna*: *hyporchemata*, пока наконецъ Веберъ и Унгеръ не возстановили, вполне независимо другъ отъ друга, чтеніе *epigrammata*.

Относительно сочиненій Лукана, писанныхъ имъ прозою, наши свѣдѣнія ограничиваются почти только тѣми заглавіями, которыя намъ передалъ Вакка. *Oratio in Octavium Sagittam et pro eo* принадлежитъ къ числу тѣхъ школьныхъ декламаций *pro et contra*, которыя въ тогдашнее время были въ большомъ употребленіи, какъ упражненія. Октавій Сабинъ Сагитта, принадлежавшій къ сенатор-

скому званію и бывшій народнымъ трибуномъ въ 811 году отъ основанія Рима, убилъ Понцію Постумію, за что и былъ присужденъ къ изгнанію. Упомянутая oratio была посвящена дѣлу этой личности.

Сочиненіе *de incendio urbis*, вызванное, очевидно, Нероновымъ пожаромъ, должно быть, было не лишено интереса, какъ и всѣ прочія прованческія сочиненія Лукана. Кромѣ похвального отзыва о всѣхъ его сочиненіяхъ у Стація въ указ. соч. ст. 21 и слѣд.:

Dum qui vos (Musæ) geminas tulit per artes
Et vinctæ pede vocis et solutæ,
Romani colitur chori sacerdos,

мы тамъ же, ст. 60, находимъ слѣдующія слова, относящіяся именно къ „incendium urbis“:

Dices culminibus Remi vagantes.
Infandos domini nocentis ignes.

Не знаемъ мы и того, какого содержанія были его *epistolae ex Campania*. Во всякомъ случаѣ мы должны полагать, что они были писаны въ помѣстьи, принадлежавшемъ, какъ намъ извѣстно и по другимъ даннымъ, къ фамильному имуществу Аннеевъ.

Существовало ли дѣйствительно то „*carmen famosum*“, о которомъ упоминаетъ только одинъ Светоній (см. выше), мы не въ состояніи рѣшить, такъ какъ отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ.

Вотъ и всѣ не дошедшія до насъ сочиненія Лукана. Отрывки собраны Угеромъ въ статьѣ: *Questio de Lucani carminum reliquiis*, помѣщенной въ *Festschrift des Friedländer Gymnasiums zu Ehren H. E. Foss*, 1860 г. Въ этомъ маленькомъ сочиненіи ничтожные фрагменты сопоставлены на основаніи тѣхъ странныхъ взглядовъ Угера, которые мы уже охарактеризовали выше, при чемъ Угеръ не обратилъ никакого вниманія на появившееся въ то же самое время сочиненіе Генте. Поэтому трудъ Угера не имѣетъ никакого значенія и гораздо больше запутываетъ относящіяся сюда вопросы, чѣмъ разъясняетъ ихъ.

Перечень сочиненій о Луканѣ, появившихся съ 1856 по 1860 годъ, вмѣстѣ съ краткимъ рефератомъ о нихъ, мы находимъ въ статьѣ *Вильгельма Штейнхарта* (Steinhart) въ *Fleckeisen's Jahrbücher* 1861 года, стр. 353 и слѣд.

Теперь мы обратимся къ дошедшему до насъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самому важному, сочиненію Лукана — къ его Фарсалии.

3) Фарсалии.

а) Планъ и исполненіе.

Относительно основной идеи этого сочиненія между учеными было много споровъ, для чего, дѣйствительно, оно представляетъ самую обильную почву. Вопервыхъ, существуютъ сомнѣнія на счетъ подлинности начала сочиненія; во вторыхъ, важную роль играетъ тотъ фактъ, что стихотвореніе это издавалось нѣсколько разъ. Вагга сообщаетъ, что сперва были изданы только три первыя книги (ediderat tres libros quales videmus); наконецъ, не достаетъ заключенія.

Приписываніе первыхъ 7-ми строкъ въ началѣ Фарсалии не Лукану, а Сенекѣ, основывается, по всему вѣроятію, на ошибкахъ позднѣйшихъ ученыхъ, такъ какъ Фронтонъ не только ничего подобнаго не упоминаетъ, но, напротивъ, прямо признаетъ авторомъ ихъ Лукана. Здѣсь мы должны указать на подробное сочиненіе Вебера, съ выводами котораго, однакоже, мы не можемъ согласиться (*C. Fr. Weber: Commentatio de duplici Pharsaliae Lucanae exordio*, въ программѣ Марбургскаго университета 1860 года).

Относительно тенденціи этого стихотворенія существуетъ много сочиненій:

Meusel и *Bürger: de Lucani Pharsalia disputatio, dissertatio philologica*. Halle, 1767 года.

Kästner: quaestionum in Lucani Pharsaliam partes IV (I—II: программы Губенской гимназіи 1824 и 1825 годовъ, III—IV: программы Вилефельдской гимназіи 1827 и 1829 годовъ).

Leloup: de poesi epica et de Pharsalia Lucani disputatio philologica, Trier, 1827 года.

Schaubach: Lucan's Pharsalia und ihr Verhältniss zur Geschichte (Луканова Фарсалия и отношеніе ея къ исторіи), программа Мейнингенской гимназіи 1864 года.

Основательнѣе и лучше всѣхъ разсматривалъ этотъ вопросъ Прейме (*August Preime, de Lucani Pharsalia dissertatio inauguralis*, въ Марбургѣ 1859 года). Конечно, здѣсь мы должны отказаться отъ передачи различныхъ взглядовъ по этому вопросу, изслѣдованному Прейме; а удовольствуемся только краткимъ указаніемъ тѣхъ результатовъ, которые этотъ писатель считаетъ несомнѣнными. Нѣтъ ли малѣйшаго основанія полагать, что Луканъ въ своемъ сочиненіи преслѣдовалъ особенную тенденцію, а именно, онъ будто бы желалъ изобразить въ борьбѣ Цезаря съ Помпеемъ борьбу тиранніи со сво-

бодой. Напротивъ, подобное предположеніе опровергается уже и тѣмъ обстоятельствомъ, что первыя три книги были изданы при Неронѣ и какъ разъ во время самыхъ дружескихъ отношеній, существовавшихъ между поэтомъ и императоромъ, на что и указываетъ похвала Нерону, находящаяся въ первой книгѣ. Нельзя даже полагать и того, будто съ половины четвертой книги уже начинаетъ проявляться вполнѣ сознательная вражда къ Нерону. Конечно, дурное обращеніе императора не могло, наконецъ, не повліять на музу поэта. Поэтому намъ нечего удивляться тому, что отзывы поэта о цезарѣ становятся все хуже и хуже и что императоръ рисуется наконецъ тираномъ и разрушителемъ свободы.

Итакъ, съ одной стороны, Лукану дѣлали слишкомъ много чести, приписывая ему идеи и тенденции, которыхъ въ его сочиненіи нѣтъ; съ другой стороны, его обижали, рисуя его непостоянство въ слишкомъ яркихъ краскахъ, чего, не смотря на всю слабость своего характера, онъ все-таки не заслуживаетъ.

b) *Преданія и научная разработка.*

Ни одинъ трудъ, появившійся до Ричля, не заслуживаетъ въ области критики особеннаго вниманія, такъ какъ критика тогда еще не руководилась точнымъ методомъ. Правда, хорошими рукописями располагали въ своихъ изданіяхъ *Удендорпъ* (Franciscus Oudendorpius, въ Лейденѣ, 1728 г.) и *Кортъ* (G. Corte, въ Лейпцигѣ, 1726 г.), имѣвшие ихъ предъ собою въ значительномъ количествѣ, но пользовались ими произвольно. Послѣ долгаго промежутка, Луканъ былъ вновь изданъ, на основаніи обширнаго рукописнаго матеріала, *К. Фр. Веберомъ* въ двухъ томахъ „cum notis variorum“ въ Лейпцигѣ у Флейшера 1821—1831 г., послѣ чего послѣдовалъ еще третій томъ со сходящими. Но какъ это изданіе, такъ равно и другое (editio morte Cortii interrupta), въ двухъ томахъ въ Лейпцигѣ у Гартманна 1828—1829 г., лишены основъ настоящей критики. Даже примѣчанія *Бентлея* (R. Bentley) къ первымъ тремъ книгамъ въ изданіи 1760 г. (Strawberryhill), представляетъ, не смотря на нѣкоторыя превосходныя емендаціи, слишкомъ много произвольнаго, такъ какъ въ то время еще не существовало прочной рукописной почвы.

Только въ новѣйшее время сдѣлано кое-что въ этой области, на основаніи методической критики, за что прежде всѣхъ взялся, по совѣту Ричля, *Вильгельмъ Штейнмартъ* въ своей диссертационной заглавию: *De emendatione Lucani, commentatio philologica*, Bonnæ, 1854 г.

Въ связи съ этимъ трудомъ послѣдовали:

Guil. Steinhart, de Lucani schedis rescriptis Vindobonensibus, программа Зальцведельской гимназіи 1860 г.

Guil. Steinhart, de Lucani codice Montepessulano въ *Symbola philologorum Bonnensium in honorem Friderici Ritchelii collecta*, Lipsiae, Teubner, 1864—1867 г., стр. 287—300.

D. Dellefsen, Der Wiener Lucanpalimpsest mit Berücksichtigung des Neapolitanischen und Römischen (Вѣискій палимпсестъ Лукана, въ сличеніи съ Неаполитанскимъ и Римскимъ) въ журналѣ *Leitch* (*Philologus* herausgegeben von Ernst von Leutsch), въ Гёттингенѣ 1858 г. стр. 313—357.

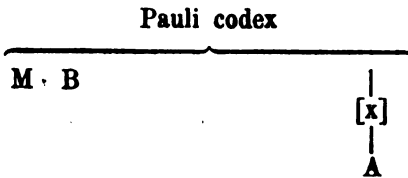
D. Dellefsen, Der Römische Lucanpalimpsest (Римскій палимпсестъ Лукана), тамъ же 1859 г., стр. 526—538.

D. Dellefsen, Der Neapolitanische Lucanpalimpsest (Неаполитанскій палимпсестъ Лукана) тамъ же, 1867 г., стр. 173—184.

Важная заслуга Штейнгарта въ первомъ его сочиненіи состоитъ въ томъ, что онъ впервые подвергъ основательному разсмотрѣнію важнѣйшія Лейденскія рукописи, а именно: *codex Vossianus secundus Oudendorpii* (В), nunc Leidensis № 63, писанный saeculo X, и *Vossianus primus* (А), nunc Leidensis № 51, тоже saeculo X, и кромѣ этихъ извѣстныхъ только по незначительнымъ выпискамъ *codex Buhertianus*, nunc Montepessulanus H. 118 (М). Результатомъ изслѣдованія оказалось, что *codex В* долженъ считаться основнымъ, такъ какъ онъ, повидимому, болѣе всѣхъ приближается къ первоначальной рукописи Лукана. Въ ближайшемъ сродствѣ съ В находится *codex М*, настоящее значеніе котораго Штейнгартъ могъ объяснить только въ третьемъ изслѣдованіи, когда уже пользовался точными копіями этой рукописи. Оказалось, что *codex М* былъ писанъ не saeculo IX, а saeculo XI, и что онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превосходитъ В, такъ что вмѣстѣ съ послѣднимъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Обѣ рукописи сводятся къ одной и той же рецензіи извѣстнаго Павла (*Paulus*), какъ это доказывается приписками подъ нѣкоторыми книгами въ обѣихъ рукописяхъ: „*Paulus Constantinopolitanus emendavi tamen mea solus*“. Тѣмъ не менѣе, случайнымъ образомъ, въ рукописи М сохранилось гораздо болѣе слѣдовъ древней традиціи, чѣмъ въ В, благодаря большей частью невѣжеству переписчика. Поэтому *codex М*, какъ бы не искажено въ немъ было чтеніе, становится иногда важнѣе для критика, чѣмъ В, такъ какъ въ М, не смотря на искаженность нѣкоторыхъ мѣстъ, легче возстановить

посредствомъ конъектуры настоящее чтеніе, чѣмъ въ соответствующихъ мѣстахъ другой рукописи, гдѣ мы находимъ произвольную интерполяцію.

Впрочемъ, и codex A находится въ зависимости отъ рецензій Павла (это очевиднымъ образомъ доказывается поразительнымъ сходствомъ многихъ мѣстъ этой рукописи съ соответствующими мѣстами рукописи B), но въ немъ, однако, находится уже гораздо большее количество интерполяцій, чѣмъ въ B и M. Изъ этого слѣдуетъ, что источникомъ рукописи A не могъ быть самъ codex Pauli, послужившій прямымъ источникомъ для B и M. Поэтому зависимость рукописей одну отъ другой мы должны себѣ представить, согласно съ мнѣніемъ Штейнгарта, слѣдующимъ образомъ:

Хотя многочисленныя Лукановы рукописи и не всѣ сличены достаточно тщательно, чтобы можно было составить себѣ вполне точное понятіе объ ихъ отношеніи къ тремъ вышеуказаннымъ, тѣмъ не менѣе изъ громаднаго собранія вариантовъ у Вебера мы можемъ заключить съ нѣкоторою достовѣрностію, что всѣ онѣ находятся въ зависимости отъ рукописи Павла, причемъ, конечно, однѣ изъ нихъ интерполированы съ большею, другія съ меньшею самостоятельностью. Вся эта масса рукописей, разбросанная по всѣмъ бібліотекамъ и превышающая, пожалуй, цѣлую сотню, для критики не имѣетъ почти никакого значенія. Однакожъ этимъ дѣло далеко еще не кончается: до сихъ поръ я еще ничего не говорилъ о codices rescripti, которые упоминаются въ заглавіяхъ трехъ вышеуказанныхъ изслѣдованій.

Независимо отъ рецензій Павла, до насъ дошли еще нѣкоторые, очень древніе отрывки изъ сочиненій Лукана, принадлежащіе пятому столѣтію, среди выписокъ изъ другихъ писателей. Такіе рукописные фрагменты были найдены въ нынѣшнемъ столѣтіи въ Вѣнѣ, Неаполѣ и Римѣ.

Важнѣйшимъ отрывкомъ является тотъ, который былъ найденъ въ Вѣнѣ и принадлежалъ когда-то знаменитой монастырской бібліотекѣ въ Воббіо, теперь же числится подъ названіемъ *schedae*

Vindobonenses въ каталогѣ Эндлихера подъ № СССХХІІ. (Онѣ заключаетъ въ себѣ части V и VI книги). Когда Штейнгартъ писалъ свое первое сочиненіе, онѣ былъ недостаточно знакомъ съ этимъ отрывкомъ изъ публикаціи Эйхенфельда въ *Анналахъ Вѣнской Академіи*, XXVI, Supplem., стр. 14 и слѣд. Тѣмъ не менѣе уже и тогда онѣ вполне оцѣнилъ значеніе этихъ *schedae*. Заслуга Детлефсена состоитъ въ томъ, что онѣ первый пролилъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ замѣчательный памятникъ древняго преданія. Онѣ представляетъ намъ не только вполне образцовое и удивительно-отчетливое описаніе этихъ *schedae*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отчетливый снимокъ, который даетъ даже больше, чѣмъ Эйхенфельдъ могъ прочесть на самомъ памятникѣ (снимокъ съ почерка находится во второмъ изслѣдованіи на стр. 537). Но заслуга Детлефсена этимъ не ограничивается: естественно, въ виду столь глубокой древности рукописи, онѣ долженъ былъ внимательно прослѣдить всѣ ореографическія особенности ея; помимо этого, онѣ еще опредѣлилъ съ нѣкоторою точностью и весь первоначальный объемъ этого *codex Vobienensis*, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ на каждой страницѣ помѣщается ровно по 15 строкъ. Штейнгартъ, довольствовавшійся въ своемъ первомъ сочиненіи немногими замѣчаніями объ этой рукописи, высказываетъ, въ своемъ второмъ сочиненіи, полнѣйшее согласіе съ приемами Детлефсена.

Изъ разсмотрѣнія этой рукописи для критики вытекаетъ тотъ важный результатъ, что относительно предположенія объ интерполированныхъ стихахъ слѣдуетъ быть немного осторожнѣе Штейнгарта, такъ какъ эти предположенія часто опровергаются состояніемъ этой древнѣйшей рукописи, въ которой находятся мѣста для стиховъ, считавшихся прежде вставочными. При этомъ же случаѣ мы узнаемъ, что много неровностей и другихъ недостатковъ, которые справедливо поражаютъ критика, слѣдуетъ приписывать не переписчикамъ, а самому Лукану.

Бросивъ краткій взглядъ на это сочиненіе Детлефсена, обратимся теперь къ третьему его изслѣдованію, гдѣ онѣ разсматриваетъ *неаполитанскій палимпсестъ*, о которомъ до него не было ничего опубликовано. И здѣсь Детлефсенъ поступаетъ очень основательно: онѣ дѣлаетъ интересное открытіе, что неаполитанскій фрагментъ (№ IV, А. 8, въ королевской библіотекѣ), который тоже происходитъ изъ Боббіо, составлялъ когда-то вмѣстѣ съ *schedae Vindobonenses* одинъ *codex*. Всѣ внѣшніе признаки, даже число строкъ на каждой

страницъ, вполне совпадаютъ. Неаполитанскій палимпсестъ заключаетъ въ себѣ части V и VI книги, которыя, будучи правильно соединены, блестящимъ образомъ подтверждаютъ то, что уже сказано было Детлефсеномъ раньше (въ его первомъ изслѣдованіи) на счетъ „compositio integri codicis“.

Римскій палимпсестъ (Palatinus № XXIV), написанный немного позднѣе, изданъ Детлефсеномъ во второмъ его изслѣдованіи. Къ сожалѣнію ожиданіе, что и онъ принадлежалъ къ codex Bobiensis, не подтвердилось. Уже самое то мѣсто, гдѣ онъ находился, именно нѣмецкая Palatina, указываетъ намъ на другое его происхожденіе; къ тому же и внѣшній видъ этого палимпсеста совершенно иной. Къ сожалѣнію, еще никто не оцѣнилъ достаточно этотъ фрагментъ и не воспользовался имъ надлежащимъ образомъ.

Прочія извѣстія, находящіяся въ отдѣльныхъ (краткихъ) изслѣдованіяхъ о рукописяхъ Лукана, лишены всякаго значенія. Сюда относятся:

Schneider, *Variae trium ex octo Vratislaviensium Lucani codicum lectiones cum unius ex eisdem scholiorum delectu*, программа Бреславскаго университета 1823 г.

K. Fr. Hermann, *Observationes criticae ad Lucanum*, программа Марбургскаго университета 1841 г.

Imm. Bekker, *Ueber einen Lucanocodex zu Berlin* (о находящейся въ Берлинѣ рукописи Лукана), помѣщено въ *Monatsberichte der Berliner Academie* 1853 г. стр., 166—169.

Klein: *Ueber drei Handschriften saec. XI und XII* (о трехъ рукописяхъ XI и XII в.), помѣщено въ *Rheinisches Museum* XXIV стр. 121—126.

Важны, наконецъ, различныя разработки схолій. Сперва появилось не особенно замѣчательное сочиненіе Генте:

Scholia vetera in Lucanum. E codice Montepessulano edidit, emendavit, commentario instruxit Hermannus Genthius.

Затѣмъ вышелъ основательный трудъ Узенера:

Scholia in Lucani bellum civile, edidit *H. Usener*, Lipsiae, Teubner 1869; pars I: commenta Bernensia.

Еще и до сихъ поръ удовлетворительное критическое изданіе Лукана не явилось, и врядъ ли скоро появится послѣ того, какъ Штейнгартъ, отъ котораго ожидали подобнаго изданія, умеръ преждевременно. Мое желаніе состояло въ томъ, чтобы возбудить и въ кругу

русскихъ ученыхъ интересъ къ этому поэту и направить ихъ труды на это поприще. Я надѣюсь, что въ виду быстрого возрастанія классическихъ знаній въ Россіи, особенно замѣтнаго въ послѣднее время, и въ виду замѣчательной способности русскаго народа къ лингвистическимъ занятіямъ, мое желаніе не останется безъ пользы для науки.

Л. Е.

Лейпцигъ.

Въ послѣднее время въ Россіи наблюдается быстрое возрастаніе классическихъ знаній, особенно замѣтнаго въ послѣднее время, и въ виду замѣчательной способности русскаго народа къ лингвистическимъ занятіямъ, мое желаніе не останется безъ пользы для науки.

Л. Е.

QUAERITUR, CUI INSCRIPTA SIT CATILINAE EPISTOLA, QVAE APUD SALLUSTIUM DE CONIURATIONE CATILINAE LIRRI CAPITULO XXXV LEGITUR.

Q. Catuli nomen, quod initio huius epistolae legitur, quodque cum librorum manu scriptorum auctoritate munitur, tum a nullo, quod sciam, adhuc viro docto in dubitationem vocatum est, suspicionem nobis movet. Quod ut etiam aliis probemus, de moribus huius viri pauca praemonenda esse videntur. Quia in re ea, quae a viris doctis ad nostrum locum adnotata sunt, paucis repetere satis putamus. Omnes igitur scriptores veteres, qui huius viri meminerunt, atque in primis Cicero, cujus iudicium hac in re vel plurimum valet, uno animo atque una voce Q. Catuli consilium et integritatem et virtutem praedicant. Nam quae ab Orosio contra afferuntur, Catilinam stupri cum Fabia, sacerdote Vestae, accusatum Catuli nostri opera absolutum esse, ea de re cum ceteri scriptores nihil memoriae prodiderint, nihil pro certo adfirmare possumus: nam unius Orosii auctoritas ¹⁾ non ea est, quae rei fidem faciat. Quam ob rem hoc quidem etiam inter recentes Sallustii interpretes convenit, Q. Catulum iam a prima juventute strenuum optimatum amicum atque veteris reipublicae propugnatorem fuisse. Quae cum ita sint, nemo est, cui non mirum videatur, Catilinam talem potissimum virum adisse eique et uxorem commendasse et vera consilia sua patefecisse. Quid enim? tamne fuit hebeti ingenio, ut quid ejusmodi confessionem sequi posset, non perspexerit? Minime; hoc ne cogitari quidem potest in viro tali, quem Sallustius ²⁾ animo subdolo, cujus rei lubet simulatore ac dissimulatore, et alio loco ³⁾ paratum ad

¹⁾ W. S. Teuffel, *Gesch. d. röm. Lit.* pg. 944.

²⁾ *Cat.* 5, 4.

³⁾ *Ib.* 31, 7.

dissimulanda omnia fuisse dixerit; qui ne tum quidem, quum Romae fama divulgaverat Manlium in urbis excidium copias in Etruria parare, ipseque in senatu ruinam reipublicae minatus erat ¹⁾, consilia sua dissimulare desierit, atque ex itinere plerisque consularibus et optimo cuique se Massiliam in exsilium proficisci ²⁾ scripserit, ut in rempublicam quam maxime imparatam incideret.

Attamen viri docti leviori cura hanc quaestionem tractasse videntur, ac plerique ad difficultates hujus loci expediendas Orosii istam fabellam, de qua supra monuimus, proferre satis habuerunt. Dietschius, Sallustii interpres novissimus idemque praestantissimus, et Smyrnovius, vir de philologiae studiis apud Russos optime meritus, soli, quod sciam, quaerendum sibi statuerunt, quo modo factum esset, ut ad Q. Catulum potissimum Catilina se contulisset. Itaque primum Dietschius, cum in Catuli nomine genuinam scripturam agnosceret, omnem rerum repugnantiam ita tollere studuit, ut verum Catilinae in hac epistola conscribenda consilium id fuisse dixerit, ut Catuli dignitatem macularet (um ihn zu compromittieren). Sed nescio an vir doctissimus certe hac in re minus recte judicaverit. Nam qui accuratius rem considerat, negare non potest, hac interpretatione admissa remanere quaedam, quae vel maxime sibi repugnent. Quid enim? In eis, quae proxime praecesserunt, Catilinam ex itinere Romam omnibus optimatibus litteras misisse accepimus, in quibus se innocentem atque in exsilium proficisci simulavit: qua in re, ut iam monuimus, Catilinam ad dissimulanda, omnia paratum, videmus omnes bonos consilia sua celare studentem, uti eorum animos a se avocaret, eoque certius conjurationis consilia exsequatur. Nunc vero audimus eundem Catilinam eodem tempore Q. Catulo, civi omnium optimo, adversario suo acerrimo, mittere litteras ab eis, quas modo memoravimus, longe diversas (ut Sallustius ait), in quibus se publicam miserorum causam suscepisse, itaque in inceptis perseverare plane et aperte confitetur. Deinde hoc iam reputare secum debebat Catilina, se non tam facile posse maculare Catuli dignitatem, cujus innocentiam iam non semel re omnes experti essent. Ergo aut non scribendae erant Catilinae illae litterae ad bonos, aut si scripsit eas, non mittendae erant ei hae ad civem omnium optimum. Quae a Smyrnovio ad hunc locum adnotata sunt, eisdem argumentis refelluntur; nam quod hic vir eruditissimus Catilinam hac epistola tantum uxorem Catuli fidei commendaturum fuisse, non vero auxilium ab eo petivisse dicit, non ani-

¹⁾ Ib. 31, 9.

²⁾ Ib. 34, 2.

madvertisse videtur hoc eum multo melius ita assecutum fuisse, si huic commendationi ea, quae ad ceteros optimates scripserat, praemississet, hanc se iam recedere a causa coniuratorum atque in exilium ire.

Ratio igitur hujus epistolae, si Q. Catulo inscripta est, explicari nullo modo potest. Qua re permoti scripturam illam librariorum interpolatione ortam statuimus. Quod qua ratione factum sit, facile intellegi potest. Nam cum propter insignem Sallustii brevilloquentiam nihil monitum sit, quo modo haec epistola ad Q. Catulum perlata esset, librarii eandem epistolam, alteri inscriptam, ab altero in senatu recitatam esse absurdum rati, Catuli ut recitantis nomen in cujuslibet locum substituere non dubitaverunt, praesertim cum leviter res pendentes in ipsa epistola nihil tale invenissent, quod Catuli nomine indignum esset. Neque omni probabilitate carere videatur, si addamus, hanc depravationem saepius repeti potuisse ita, ut etiamsi qui ad nos pervenerunt libri manu exarati non ex eodem fonte manent, nihilominus fieri possit, uti eadem vitiosa scriptura in omnibus reperitur.

Quod vero Catilinae epistola alii nescio cui homini inscripta a Q. Catulo in senatu recitata est, ea in re nihil miri inesse putamus. Nam vel perfidia ejus, cui perferenda tradita erat, vel alio quodam casu, ut etiam nunc saepe fit, non ad eum, ad quem data erat, sed ad Q. Catulum perlata est. Neque non verisimile est praeclarum hunc virum operam dedisse, ut coniuratorum consilia patefaceret, qui et ipse annis 78 et 77 a. Chr. n. Lepidi tumultum oppressisset. Quod si ita se res habet, quo exempla toto hoc Sallustii scripto habemus, ubi cives senatorii ordinis Ciceroni in coniuratione detegenda auxilio fuerunt, alterum L. Saenii, de quo cap. XXX monitum est, alterum Catuli nostri.

Sed id ipsum, quod, ut iam monuimus, unumquodque nomen a libraribus in Q. Catuli commutari potuit, insuperabiles nobis difficultates praebet, si de genuina scriptura quaerimus. Itaque in universum tantum genus hominum significare possumus, cujus is homo erat, ad quem haec Catilinae epistola missa est. Nam si totas litteras spectamus, istum hominem nequaquam apertum atque professum coniurationis socium fuisse videmus, neque hominem miserum atque omnibus opibus privatum, cui Catilina persuadere studeret, se non acre alieno oppressum, sed tantum in honoribus appetendis ab optimatibus injuste neglectum arma contra rempublicam sumpsisse. Deinde erat hic homo talis, qui ob id ipsum, quod occulte tantum una cum Catilina faciebat, eius ux-

rem defendere posset. Itaque, nisi vehementer nos fallit animus, eum ex eis nobilibus fuisse putamus, qui „paulo occultius Catilinae participes fuerunt, quosque magis dominationis spes hortabatur, quam inopia aut aliqua necessitudo“¹⁾).

Restat, ut de verbis „quas sibi nomine Catilinae redditas dicebat“ pauca moneamus; nam his omnia, quae modo disputavimus, posse in dubitationem vocari nemo est, qui non sentiat. Sed in hoc ipso enuntiato iam Gruterus non immerito offensus est; hoc enim ad nostrum locum adnotavit²⁾: „si non omnia“ (scil. verba, quae supra scripsimus) „sunt e glossa, legendum utique: „sibi nomine Catilinae redditas“, resectis ceteris“. Nos quidem non dubitamus, omnia haec verba spuria esse judicare, primum quia supervacanea, itaque Sallustianae dicendi rationi minus apta; deinde quia ad eorum, quae leguntur initio cap. XXX: „quas“ (scil. litteras) „Faesulis allatas sibi dicebat“ rationem conformata esse videntur. At illo loco ejusmodi additamentum plane necessarium erat, quia non exemplum, sed tantum argumentum litterarum paucis verbis allatum est; nostro loco, ut diximus, plane supervacaneum, quia statim ex inscriptione litterarum auctoris nomen cognoscimus. Tum ne grammaticae quidem rationi haec verba satisfacere videntur. Nam si verborum collocationem spectamus, „sibi“ pronomen ibi justo, hic omnino alieno loco positum esse patet. Non enim „sibi“ cum maiore vi efferendum erat, sed potius verba „Catilinae nomine“, sicuti illo loco superiore Faesularum nomen. Hujus vero interpolationis origo et causa quae fuerit, manifestum est. Librarii enim, cum illud nescio quod nomen in Q. Catuli commutavissent, scripturam suam etiam munire studuerunt; qua de causa illum enuntiatum relativum ex eis, de quibus modo monuimus, capitis XXX, verbis supplerunt. Hic autem vulgaris videtur fuisse depravationum fons, ut primo quaedam scriptoris verba scribarum ignorantia mutarentur, deinde vero vel singulae voces, vel tota enuntiatia adderentur, quibus interpolata scriptura muniretur explicareturque.

Casimirus Pawlikowsky.

¹⁾ Cat. 17, 5.

²⁾ Doctorum hominum commentaria in C. Sall. Crisp. ed. Frotscher, vol. I, pg. 370.

БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Туалія Цицерона рѣчи противъ Катилины съ примѣчаніями и словаремъ.
Составили *Захарьковъ и Гайманъ*, преподаватели древнихъ языковъ
въ Тульской гимназіи. Москва. 1873.

Недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ составляетъ одно изъ главнѣйшихъ препятствій успѣхамъ классическаго образованія среди нашего учащагося юношества; въ этомъ, надѣемся, не сомнѣваются тѣ, которые хорошо знакомы съ нашимъ гимназическимъ дѣломъ; по-этому-то всякій, старающійся обогащать въ этомъ отдѣлѣ русскую учебную литературу, столь бѣдную пособіями для изученія древнихъ языковъ, оказываетъ не маловажныя услуги, конечно, если только за это дѣло принимаются люди съ надлежащею подготовкой и съ требуемою самимъ дѣломъ добросовѣстностію.

Какъ бы ни были различны мнѣнія педагоговъ о пригодности, во время классныхъ занятій, авторовъ, снабженныхъ комментаріями, во всякомъ случаѣ, едва ли кто-нибудь изъ нихъ станетъ отрицать пользу или даже необходимость комментированныхъ авторовъ для домашняго приготовленія или чтенія. Не безъ основанія, слѣдовательно, стали являться у насъ на Руси изданія, имѣющія цѣлю облегчать пониманіе такихъ трудностей у древнихъ авторовъ, которыя неодолимы для юныхъ силъ самихъ учениковъ, или, по крайней мѣрѣ, отнимаютъ у нихъ слишкомъ много дорогаго времени. Однакожъ, говоря безъ обиняковъ, нужно признаться, что, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, почти ни одно изъ явившихся у насъ изданій не можетъ служить достойнымъ подражанія образцомъ; и грубо ошибаются тѣ, которые думаютъ, что въ виду богатства иностранной учебной литературы по этому отдѣлу, можно наши собственные пробѣлы легко пополнить переводами.

Дѣйствительно, между иностранными изданіями есть не мало такихъ, которыя удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ хорошаго комментарія; но, къ несчастію, изданія комментированныхъ классиковъ для различныхъ странъ должны быть различны; въ нихъ важно не только то, что объясняется, но и для кого объясняется, такъ какъ при подобныхъ изданіяхъ нужно строго соображаться съ потребностями тѣхъ лицъ, которыя будутъ пользоваться этими учебниками. Вотъ почему нельзя просто перевести на русскій языкъ, хотя бы и самый лучший иностранный комментарий; вѣдь учащіеся различныхъ странъ не одинаково подготовлены, а вслѣдствіе этого встрѣтятся много такихъ вещей, которыя потребуютъ для русскаго ученика объясненій тамъ, гдѣ, положимъ, для нѣмца или француза все понятно, и на оборотъ.

Изданіе четырехъ рѣчей Цицерона противъ Катилины, составленное гг. Захарбековымъ и Гайчманомъ, которое мы намѣрены разсматривать здѣсь, есть ничто иное, какъ не хитрая переработка на русскомъ языкѣ извѣстнаго изданія К. Гальма, хотя издатели совершенно напрасно умалчиваютъ объ этомъ: трудъ ихъ состоялъ въ томъ, что они старались принаровить нѣмецкій комментарий къ потребностямъ русскіихъ учениковъ, снабдивъ свой переводъ неполнымъ, къ сожалѣнію, словаремъ и довольно скуднымъ введеніемъ.

Къ числу важныхъ недостатковъ лежащаго передъ нами изданія, можно отнести и то, что авторы сначала намѣревались прибавить особый „*списокъ собственныхъ именъ*“, въ которомъ объяснялось бы, вѣроятно, историческое значеніе встрѣчающихся у Цицерона лицъ; но издатели, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, отказались впоследствии отъ этой своей первоначальной мысли и отложили списокъ именъ до втораго изданія. Такимъ образомъ ученики, желающіе пользоваться первымъ изданіемъ, лишены будутъ одного изъ самыхъ важныхъ преимуществъ комментарія. Если же гг. Захарбековъ и Гайчманъ не хотѣли допустить слишкомъ много примѣчаній, то имъ слѣдовало бы предпослать своему изданію болѣе подробное введеніе; изложивъ въ немъ дѣятельность большей части упоминаемыхъ Цицерономъ личностей, издатели могли бы потомъ, при случаѣ, указывать только на §§ своего введенія, которое, очевидно, нужно было бы раздѣлить на параграфы.

Такой способъ объясненій имѣетъ даже то преимущество передъ спискомъ собственныхъ именъ, что учащимся приходится почаще

возвращаться къ введенію и знакомиться съ личностями въ связи съ самыми историческими событіями.

Мы назвали введеніе гг. Захарбекова и Гайчмана довольно скуднымъ, и дѣйствительно, издатели не разъ заставляли насъ желать болѣе подробнаго и точнаго изложенія; такъ, напримѣръ, у нихъ нигдѣ не говорится о томъ, въ какое именно время и по какому случаю процитированы были 3-я и 4-я рѣчи. Разсматриваемыя нами рѣчи Цицерона противъ Катилины читаются обыкновенно въ 5-мъ классѣ гимназій. Вѣроятно, это и имѣли въ виду издатели, ссылаясь иногда на грамматику Смирнова. Но каждый, знакомый съ тѣмъ общимъ явленіемъ, что именно грамматическія знанія составляютъ слабую сторону нашихъ учениковъ, согласится съ нашимъ требованіемъ, чтобы 1) въ изданіяхъ такого рода ссылки на грамматику встрѣчались гораздо чаще, какъ напримѣръ, въ изданіи Анабазиса Кригера, и 2) что ссылки на одну только грамматику Смирнова, очень неполную и мало распространенную, не могутъ удовлетворять потребностямъ нашихъ гимназій. Далѣе, по нашему мнѣнію, задача комментарія состоитъ также и въ томъ, чтобы дополнять во многихъ отношеніяхъ пробѣлы грамматикъ, существующихъ на русскомъ языкѣ. Всѣ наши грамматики, не говоря уже о переводныхъ, носятъ на себѣ явный отпечатокъ иностранныхъ источниковъ; но такъ какъ всякая латинская грамматика, написанная не для Римлянъ, будетъ непременно заключать въ себѣ сравненіе съ однимъ изъ повѣйшихъ языковъ, то русскія грамматики латинскаго языка, составленныя по иностраннымъ учебникамъ, обыкновенно вовсе не указываютъ на отличія русскаго языка отъ латинскаго. Болѣе всего этотъ недостатокъ нашихъ грамматикъ вывѣщается въ тѣхъ отдѣлахъ, которые трактуютъ объ употребленіи временъ. Вотъ почему комментарий, по возможности, долженъ дополнить этотъ пробѣлъ грамматикъ; въ такомъ случаѣ комментаторы собрали бы дѣйствительно важный и полезный матеріалъ для тѣхъ, которые впоследствии пожелаю составить самостоятельную грамматику на русскомъ языкѣ и въ духѣ этого языка.

До сихъ поръ мы говорили о потребностяхъ учениковъ только 5-го класса гимназій; но рѣчи противъ Катилины будутъ читаться не въ одномъ только этомъ классѣ: съ тѣхъ поръ какъ, по мудрому распоряженію г. министра народнаго просвѣщенія, отъ учениковъ 7-го класса требуется и домашнее чтеніе древнихъ авторовъ, эти рѣчи Цицерона нерѣдко будутъ избираемы и для этой послѣдней цѣли. Поэтому никто не станетъ упрекать комментатора за то, что

онъ, при изданіи этихъ рѣчей, будетъ имѣть въ виду, между прочимъ, и учащихся въ старшихъ классахъ; но для этихъ послѣднихъ важную роль въ комментаріяхъ должно играть объясненіе риторической и стилистической стороны такого автора, какъ Цицеронъ; въ комментаріяхъ тѣмъ болѣе слѣдовало бы обратить на это вниманіе, что учебника, разбирающаго эти именно особенности, на русскомъ языкѣ пока еще совсѣмъ и не существуетъ. Когда мы будемъ разсматривать подробно комментарий на первую рѣчь, то постараемся указать, какого именно рода объясненія мы желали бы найти въ этомъ изданіи. Но прежде чѣмъ перейдти къ этой части нашей рецензій, мы позволимъ себѣ указать на тѣ три основныя, обязательныя для комментатора, правила, которыя нарушены въ разбираемой нами книгѣ.

1) Комментаторъ долженъ воздерживаться отъ всѣхъ ненужныхъ объясненій ¹⁾, не приводить всякому извѣстныхъ вещей и, наконецъ, необходимыя объясненія излагать ясно, точно и коротко. Кромѣ тѣхъ неясностей или неточностей разбираемой книги, на которыя укажется впоследствии, здѣсь мы имѣемъ въ виду преимущественно очень длинныя изложенія самыхъ обыкновенныхъ вещей изъ римскихъ древностей; см. напр. прим. къ I § 32 praetor, II § 1 quirites; II § 10 accubantes; II § 13 secures; II § 24 colonia; IV § 3 dei tutelares.

2) Каждою автора вообще нужно какъ можно болѣе объяснять самимъ же авторомъ; поэтому при всякомъ случаѣ должно указывать и на другія подобныя явленія, встрѣчаемыя въ томъ же самомъ авторѣ или сочиненіи. Но у гг. Захарбекова и Гайчмана часто встрѣчаются объясненія только по одному разу, безъ сопоставленій и сравненій, и притомъ иногда даже не при первомъ встрѣтившемся случаѣ.

3) Каждую цитату, не находящуюся въ той же самой книгѣ, нужно выписывать, потому что ученикъ часто или не имѣетъ того автора, на котораго ссылаются, или же, по разнымъ причинамъ, не отыскиваетъ указываемаго мѣста.

Что касается текста разсматриваемаго изданія, то видно, что гг. Захарбековъ и Гайчманъ не держались никакого опредѣленнаго

¹⁾ Къ такимъ объясненіямъ мы причисляемъ все то, до чего читающій можетъ легко дойти собственнымъ размышленіемъ; поэтому большая часть дополненій, введенныхъ въ разсматриваемою изданіи словомъ «scilicet», излишни, не говоря уже о томъ, что scilicet по латинѣ такъ совсѣмъ не употребляется.

принципа. Если мы не ошибаемся, они просто перепечатали прежнюю, так называемую вульгату, но при этомъ часто въ своихъ примѣчаніяхъ объясняютъ совершенно другой текстъ. Вслѣдствіе того латинскій текстъ этого изданія лишенъ всякой послѣдовательности и, что еще страннѣе, примѣчанія часто совершенно не соотвѣтствуютъ самому тексту; это уже такой недостатокъ, который, очевидно, можетъ поставить ученика въ безвыходное недоумѣніе. Кромѣ того, гг. Захарбековъ и Гайчманъ подарили намъ такъ называемую *editio castrata*, то-есть, они выпустили не совсѣмъ приличныя выраженія, какъ на-примѣръ II, §§ 7, 9, 10, 24. Мы не станемъ спорить съ тѣмъ, кто поступаетъ такъ безцеремонно съ древними авторами въ интересахъ учащагося юношества. Намъ остается удивляться только тому обстоятельству, что при этой кастраціи издатели удержали такія мѣста, гдѣ Цицеронъ намекаетъ на безнравственныя отношенія Катилины къ мужчинамъ, какъ II, § 8; II, § 23, и что сами издатели употребляютъ въ своихъ примѣчаніяхъ (къ III, § 9) слово *incestus* и въ то же время вездѣ въ текстѣ заботливо пропускаютъ менѣе рѣзкое слово *stuprum*.

Сдѣлавъ общія заключенія объ этомъ новомъ изданіи Цицерона, мы обратимся теперь къ подробностямъ комментарія.

Or. I. § 1. *Quousque tandem*: собственно не равняется *quam diu*, какъ это говорятъ издатели, хотя Катилинѣ при злоупотребленіи, доходящемъ до извѣстной степени, требовался и извѣстный промежутокъ времени. *Quousque* значитъ „до какой степени“; касательно перехода мѣстнаго значенія во временное можно сравнить *usque eo* *Cogn. Nep. Ep. 9: Eraminondas ferrum usque eo in corpore retinuit, quoad renuntiatum est, etc.*, срав. также *Cic. Verr. I, 6, § 16: mansit usque ad eum finem, dum iudices rejecti sunt; id. Nat. Deor. II, § 129. Quid dicam, quantus amor bestiarum sit in educandis custodiendisque iis, quae procreaverunt, usque ad eum finem dum possint se ipsa defendere?* далѣе издатели могли бы привести *Sall. Cat. 20, 9: Quae quousque tandem patiemini*¹⁾.

¹⁾ Что первоначальное понятіе мѣста очень часто во всѣхъ языкахъ переходитъ въ понятіе степени и времени, — это такъ извѣстно, что никто не потребуетъ отъ насъ новыхъ доказательствъ. Однако, не лишено интереса прослѣдить, до чего это явленіе доходитъ въ формулахъ, образованныхъ посредствомъ *usque* и равносильныхъ по значенію словъ; отъ самыхъ раннихъ до самыхъ позднихъ временъ мы встречаемъ подобныя формулы, но почти вездѣ, за немногими исключеніями, онѣ уже имѣютъ временное значеніе. Прежде всего

Изъ выше приведеннаго мѣста (Cic. Verr. I, 6), тоже видно, насколько удачно издатели перевели слова *quem ad finem* „до какихъ предѣловъ“; это ничто иное, какъ повтореніе предыдущаго *quousque*,

насъ интересуютъ эти исключенія, потому что въ нихъ сохранилось первоначальное мастрое понятіе, какъ сейчасъ будетъ видно, изъ слѣдующихъ двухъ известныхъ мѣстъ: Cic. p. Cluent. 40, § 111; *ubi si quis ignobili loco natus ita vivit, ut nobilitatis dignitatem virtute tueri posse videatur, usque eo pervenit, quoad cum industria cum innocentia prosecuta est; (usque eo—ad eum honoris gradum). Cato, De re rust. 40: Postea capito tibi surculum, quod genus inserere voles, eum primorem praecucito obliquum primores digitos duos. — Librum ad librum versum facito, arbito usque adeo quo praecucueris (=usque ad eum locum, quo—). Plin. Hist. Nat. VI 4, 4: Nunc habet Surium tantum et ipsum ab amne influente ibi cognominatum usque quo magnarum navium capacem esse diximus.*

Ammian. XXX 2, 15. Ideoque plaga omnis Orienti aestivo objecta usque dum venit ad Seras. . . (=область, простирающаяся съ востока до. . .)

Cic. De Orat. I, 34, § 154: mihi proponere solebam illam exercitationem, — ut oratione aliqua lecta ad eum finem, quem memoria possem comprehendere, eam rem, quam legissem—pronuntiarem.

Columell. de Arbor. 12, 9: caules lactucae abimo depurgatos *hactenus* qua tenera folia videbuntur.

Liv. XXII, 6, 6: Pars magna—per magna vada paludis in aquam progressi, quoad (=ad eum locum, quo) capitibus humerisque exstare possunt.

„Quousque въ томъ же смысдѣ, какъ Cat. I, 1, мы встрѣчаемъ также у Цицерона ad Attic. XV, 23: Quousque? inquit. Quoad erit integrum: erit autem usque dum ad navem.

Usque съ слѣдующими указательными словами—«до тѣхъ поръ, пока» или—«до тѣхъ поръ, пока не» мы встрѣчаемъ въ слѣдующихъ формулахъ: usque eo dum Cic. Acad. II, 7, 19; usque eo quoad.

Cic. Verr. III, 33, § 77; usque adeo dum, donec, donec употребляется только до-классическими авторами (Катономъ и комиками), ср. Plant. Asinar. II, 2, 60. Ter. Eun. IV, 6, 9 etc., usque adeo quoad Cic. p. Sestio 38, § 82, id. p. Dejot. 4, § 11.

Далѣе, употребляется usque и безъ указательныхъ словъ въ формулахъ usque dum (у Liv. и Cic., ср. Haud, Turvellinus II, p. 316), usque donec (у комиковъ и Катона).

Потомъ usque закрывается словами hactenus и illatenus: hactenus ut у Ovid. Her. 15, 153. Ср. Haud, Turv. III, p. 11; hactenus—qua ср. Haud ibid. II, p. 340.—Еромъ того, у Тацита нѣрѣдко находится non ultra—quam dum, сравн. напримѣръ, Ann. VI, 44. IX, 26.

Какъ, наконецъ, мѣстное значеніе предлога ad, собственно выражающаго движеніе въ пространствѣ, переходитъ въ другое, доказываетъ сур, вѣроятно происходящее отъ quoad, quoad, quor; насчетъ ar вѣсто ad, сравн. ARVISE въ такъ называемомъ senatusconsultum de bacchanalibus. Corp. Inscript. lat. I, p. 43.

только другими словами; *tandem* въ вопросахъ выражаетъ менѣе „негодование“, чѣмъ нетерпѣніе; срав. Рихтера прим. къ Cic. Verr. IV, § 110.

Etiā: Для употребленія этого слова въ смыслѣ „еще“, можно бы было указать на *etiāmpunc*, *etiāntum* и на подобныя мѣста въ этихъ рѣчахъ; какъ §§ 6, 10 и проч.; много примѣровъ приводитъ Рихтеръ къ Verr. IV, § 9: „*Nos veludet*: въротно *nos* нужно пропустить; *eludere* часто употребляется безъ дополненій.

Nihil — nihil: на счетъ фигуры *эпанафоры*, сравн. § 32, *tantam — tantam — tantam*, II, § 7, etc. Volkman, Rhetorik der Griechen und Römer, стр. 398. Не излишне было бы здѣсь указать и на то, что Цицеронъ обыкновенно въ подобныхъ вопросахъ не повторяетъ не; такъ ниже § 27 в Cic. Pis. § 77 *nonne, non, non*.

Timor: къ чему издатели приводятъ различіе между *timor* и *metus*, когда здѣсь встрѣчается только *timor*, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ¹⁾, гдѣ такое объясненіе требовалось бы, ничего не говорится о синонимическихъ различіяхъ? Кромѣ того, очень сомнительно, есть ли *timor* „слѣдствіе разсудка“: *timor dei*, *timor legum*, напримѣръ, не говорится; *timor* есть скорѣе недостатокъ въ мужествѣ; срав. Schmalfeld Synonymik, стр. 107. (1869).

Non sentis — non vides: *non* = *nonne*, только сильнѣе; срав. Cic. Tusc. V, 28. *De hominibus loquor: quid bestiae? Non frigus, non famem patiuntur?*

Quid consilii: почему это не объяснено? срав. Zumpt § 459.

§ 2. *Immo vero*: подобная *сoggestio* чаще называется *ἐπιδιδόρθεσις*; сравн. Volkman, Rhet., стр. 422. Другія слова, употребляемыя при этой фигурѣ, суть: *autem* (какъ Cic. Rab. § 10. Phil. II, § 48), *inquam*, *dico*, *potius*, *vel potius*.

Viri fortes: какъ понимаютъ издатели эти слова? Видятъ ли они здѣсь зват. пад. или приложение?

Videmur = *nobis videmur* „воображаемъ“, (срав. Cic. Verr. IV, § 108 *viderentur* = *sibi viderentur*; de off. I, § 2, *videor vindicare*); поэтому *conj. videmus*.

Oportebat: по мнѣнію издателей здѣсь также, какъ и въ § 5, поставлено „вмѣсто *oportuisset*“. Что это значить? Развѣ то, что

¹⁾ Такъ напримѣръ, I, § 13, *domesticus* и *privatus*; III, § 18, *relinquere* и *praetermittere*; IV, § 10, *res* и *causa*.

Цицерону слѣдовало бы сказать здѣсь *oportuisset*? При этомъ издателя налагаютъ очень темное правило: „*imprf. ind. употребляется о вещахъ, которыхъ тѣмъ, но время которыхъ еще не прошло*“. Шульцъ (Lat. Sprachlehre, § 336. Anm. 1) говоритъ: „При выражении: *я бы долженъ былъ прежде* (*ich hätte müssen*) подразумевается: 1) и теперь я долженъ, 2) но теперь поздно, 3) и тогда было поздно. Въ 1-мъ случаѣ ставится *imprf.*, во 2-мъ—*perf.*, и въ 3-мъ—*plprf.*“. Издатели умалчиваютъ, что встрѣчаются, кромѣ *imprf.*, также *perf.* и *plprf.* Сравн. Cic. Cat. II, § 3. Mur. § 51. Mil. § 38—41. Verr. IV, § 71.

§ 3. *An vero*: эта формула не объяснена. Сравн. Seyffert Scholae latinae, I, стр. 104 sqq. и стр. 116 sqq. Издатели должны бы были указать на отдѣльныя противоположенія въ этихъ словахъ Цицерона ¹⁾, и на то, что 1) въ такого рода *argumentum ex contrario* ²⁾ въ русскомъ языкѣ соподчиняются посредствомъ „между тѣмъ какъ“ или „тогда какъ“, или же въ русскомъ такія главныя предложенія, противопоставляемыя другъ другу, связываются черезъ „а“ или „же“. тогда какъ въ латинскомъ *et* никогда не ставится; сравн., напрѣмѣръ, Cat. I, § 17; 2) доказывающая сила частицы *an* заключается въ томъ, что ораторъ, пропуская первую часть вопроса ³⁾, опровергаетъ возможность возраженія ⁴⁾ противниковъ косвеннымъ образомъ, обозначая посредствомъ *an* противоположенія исключаящими другъ друга, такъ что вслѣдствіе немислимости противнаго мнѣнія, справедливо только утверженіе самого оратора. 3) Кромѣ *an vero*, употребляется въ такомъ смыслѣ и одно *an*.

Nam illa—praeterito: касательно *nam* сравн. Seyffert Schol. lat. I, стр. 30 sqq; о *praeteritio* и ея формахъ, сравн. *ibid.* I, стр. 79 sqq. Volk. Rhet., стр. 426 sqq. Cic. Verr. IV, §§ 37, 116, 124, 131. Cic. Cat. III, § 18.

Reipublicae: не слѣдовало опускать примѣчаніе Гальма; здѣсь *reip.* — дат. пад.

Fuit virtus ut: не мѣшало бы привести здѣсь и другіе примѣры такого употребленія дополнительнаго *ut*; сравн. Cic. Parad. 5, 1, 34.

¹⁾ Какъ дѣлаетъ Quint. VIII, 4, 13.

²⁾ Или *ἐνθάδε* (κατ' ἐξουχίην) *ex pugnantibus*, сравн. Volk. Rhet. p. 153 и Cic. Topic., § 55, Quint. VIII, 4, 9.

³⁾ Сравн. Zumpt, § 353.

⁴⁾ Такъ что *An Scipio interfecit—An tu pubas Scipionem interfecisse etc.*, сравн. Seyff. Schol. lat. I, p. 105.

Soli hoc contingit sapienti, ut nihil faciat invitus. Pro Planc. 2. Vetus est illa lex, ut idem semper amici velint. Такъ употребляется ut при jus, munus, vitium, usus est etc. Далѣе въ fuit заключается: „а теперь боже ея нѣтъ“, сравн. Verg. A. II, 325. Fuimus Troes, fuit Ilium et ingens Gloria Teucrorum.

§ 4. *Clarissimo patre* etc.; abl. qualit., хорошо переведенные Рихтеромъ: „сынъ, внукъ, потомокъ славнѣйшихъ мужей“, сравн. Cic. Verr. IV, § 67. Antiochus, amicissimo patre, avo, majoribus, antiquissimis et clarissimis regibus, opulentissimo et maximo regno.

Unum diem postea: не излишне было бы спросить здѣсь: „почему не uno die postea?“

Vivis et vivis: et = „и притомъ“, et quidem, idque, сравн. § 6. II, § 17 и Sall. Jug. 6, 1, plurimum facere et minimum ipse de se loqui, съ примѣчаніемъ Крнца.

Convenit te interfectum esse: Praesens ли convenit — это, по крайней мѣрѣ, сомнительно. 1) Сравн. Pro Sull. § 10, hoc ejusmodi est, ut—fidem tribui convenerit; 2) Inf. perf. встрѣчается только при temp. praeterita глг. oportet, а не при времени настоящемъ (сравн. Cat. I, § 5 factum esse oportuit, ib. II, § 3, interfectum esse L. Catilinam—jam pridem oportebat). Такимъ же точно образомъ и inf. perf. pass. безъ esse употребляется только при прошедшихъ временахъ этого глагола, сравн. Cic. Verr. I, § 142: potestatem factam oportebat; Acad. pr. II, § 10: rem Lucullo integram servatam oportuit; часто у комиковъ. Вотъ почему въ разсматриваемомъ мѣстѣ, вѣроятно, нужно читать convenit, хотя, съ другой стороны, inf. perf. встрѣчается при всѣхъ временахъ глагола velle ¹⁾.

At vero: сравн. наше прим. къ IV, § 10.

§ 5. *Hostium*: почему „intestinatorum?“

Credo: иронически; это слово равняется поп; почему, можетъ быть, и слѣдуетъ: не поп.

Nemo tam improbus: слѣдовало бы сказать, что полатини не говорится nullus improbus, какъ порусски „никакой въ подобномъ родѣ негодяй“.

§ 6. *jam amplius*: jam усиливаетъ, = „еще“, сравн. Cic. Tusc. I, § 98: id multo jam beatius est.

§ 7. *Mcministine me dicere*: dicere здѣсь inf. imperfecti, которое упо-

¹⁾ Обмыловенно безъ esse, но иногда съ нимъ, какъ Cic. Verr. IV, § 79: cur eum defensum esse vis?

требуется, когда говорится о чемъ нибудь пережитомъ самимъ раз-
казывающимъ, слѣдовательно, объ одновременномъ съ прошедшимъ.
Dicere соотвѣтствуетъ здѣсь dicebam. Inf. perf. встрѣчается Cic. Cat.
III, § 19: factus est Romulus, quem inauratum in Capitolio, parvum
atque lactantem ¹⁾—fuisse meministis=fuit, antequam factus esset; Cic.
pro Sest. § 50. Подобная же конструкція бываетъ при memoria teneo
(Cic. Phil. VIII, 31, хотя и inf. perf. Cat. III, § 19), recordor, accepi,
audivi (Verr. IV, §§ 70, 84). Сравн. Reisig Vorlesungen, стр. 501 sqq.
Seuffert Laelius, стр. 13.

Res tam atrox: не нуждается въ объясненіи.

Non modo—verum: если во второй части раздѣленія заключается
и первая, то не говорится sed (verum) *etiam* сравн. Cic. ad Fam.
V, 2; non modo domus tua tota, sed cuncta civitas.

Id quod: „поставляется“ (врядъ-ли правильно по русски) такъ
обыкновенно, но не всегда.

Ego idem: нужно было бы ученику сказать, что idem masc., а также,
какимъ образомъ различается idem отъ pariter и item. Сравн. Zumpt,
§ 697. Reisig, стр. 431, Seuffert Laelius, стр. 34 и 71. Gossran, § 383.
Lat. Sprachl.

Sui conservandi: здѣсь необходима ссылка на грамматику.

Discessu ceterorum: „не смотря на“; Другія подобнаго рода суще-
ствительныя, то-есть, замѣняющія part. perf. act. суть: adventu, in-
troitu (Cic. Verr. IV, § 116), fuga, сравн. Caes. b. c. II, 23: Caesaris
naves ejus fuga se Adrumetum receperunt=postquam fugit; Caes. ib.
I, 18: quorum adventu castra ponit. Caes. b. g. VII, 5. Cic. Cat. I,
§ 16.

Nostra qui: слѣдовало бы объяснить.

Dicebas: скорѣе указываетъ здѣсь на одновременность.

§ 8. *Quid?* — *sensistine:* издатели могли бы указать на то, что
послѣ quid? никогда не слѣдуетъ сейчасъ же вопросительное слово;
потому не говорится: quid? nonne, quid? num etc., см. Seuff. Schol.
Lat. I, p. 43. Главное понятіе, будетъ ли то цѣлое предложеніе или
одно только слово, примыкаетъ къ quid; сравн. Cat. I, § 16.

*Nihil agis, nihil moliris, nihil cogitas, quod ego non modo non au-
diam, sed etiam videam planeque sentiam:* такъ читаютъ издатели съ

¹⁾ Почти всѣ рукописи читаютъ здѣсь lactantem, а съ ними Гальмъ, Рих-
теръ и наши издатели. Если lactantem вѣрно, то, кажется, это будетъ оди-
нственное мѣсто у Цицерона, гдѣ lactans = lactens = sugens. Странно, что изда-
тели, читая здѣсь lactantem, въ своемъ словарѣ поставили только lactens.

нѣкоторыми рукописями. Въ лучшихъ Mss. не находится втораго non передъ audiam; Гальмъ и Мадвигъ уже замѣтили, что нужно прибавить отрицаніе, и поэтому первый написалъ quod non ego non, послѣдній quin ego non, такъ что отрицаніе относится къ обоимъ членамъ слѣдующаго раздѣленія. Врядъ ли найдется еще другой примѣръ, гдѣ бы non modo non употреблено было такъ, что первое non оказывало бы свое вліяніе даже и на вторую часть sed etiam, какъ въ данномъ мѣстѣ приходится намъ понимать чтеніе издателей. Non modo non—sed etiam значитъ вездѣ „не только не—но даже“; сравн. Cic. Att. IX, 6, 1. Dolor meus non modo non minuitur, sed etiam augetur. Caes. b. g. I, 43. Cic. Div. in Caes. § 29. Seyffert Lael., стр. 289. Phil. VIII, § 14. Judicetur non modo non consul, sed etiam hostis Antonius. Если оба члена отрицательные, то у Цицерона: non modo non—sed ne quidem; сравн. pro Sull., § 50, ego non modo tibi non irascor, sed ne reprehendo quidem tuum factum. De Or. III, § 131: cum non modo nihil adquisierint, sed ne relictum quidem conservaverint. Былъ бы въ затрудненіи и Гальмъ, еслибы ему нужно было привести примѣръ, подтверждающій его чтеніе non ego non, такъ какъ даже и при постановкѣ отрицанія во главѣ предложенія, мы вездѣ встрѣчаемъ sed ne—quidem: сравн. Cic. in Pis. § 1: nullum non modo illustre, sed ne totum quidem factum aut militiae aut domi erat; Verr. III, § 115: nihil iis Verres non modo de fructu, sed ne de bonis quidem suis reliqui fecit, и ниже Cat. II, § 8. На этихъ то основаніяхъ мы предпочитаемъ эмендацію Мадвига: quin ego non modo.

Recognosce, jam intelliges. Издатели напрасно опустили примѣчаніе Гальма, указывающее на то, что „въ классическомъ языкѣ послѣ повелительнаго наклоненія всегда слѣдуетъ fut. безъ et“! Сравн. Liv. V, 51: intuemini, invenietis; Cic. Verr. I, § 45: Videte, quaeretes; Verr. IV § 115. Иногда прибавляется, какъ и здѣсь, jam (сравн. Verr. II, § 57: attendite, jam intelligetis), также tum Phil. II, § 115: confer, — tum intelliges. Равнымъ образомъ не ставится et при послѣдующемъ fut., если въ предыдущемъ былъ conjunct. adhort.; сравн. Cic. Tusc. I § 22: haec reputent isti: videbunt, и Zumpt § 511. Seyff. Schol. Lat. I p., 165 sq. Но Praes. связывается чрезъ et и у Цицерона, напримѣръ, De Rep. I, § 28: adde—, adde—, adde—, et vides.

Inter falcarios: почему издатели не внесли въ свой комментарий примѣчаніе Гальма, упоминающаго, что Isocr. Aegor., § 48, такимъ же образомъ обозначаетъ мѣстность: ἐν ταῖς ἀδελφείαις, каковое мѣсто сравнивалъ уже и Присцианъ; сравн. Keil gram. lat. III, p. 310.

Amentiae: Неужели изъ мѣста у Cic. (Tusc. III, 5, 10) affectionem animi mentis carentem nominaverunt amentiam eandemque dementia— слѣдуетъ, что „Цицеронъ не дѣлаетъ различія между *amentia* и *dementia*“? Изъ приведенныхъ словъ Цицерона можно заключить только то, что въ упомянутомъ отношеніи нѣтъ разницы. Schmalfeldt Synonymik, стр. 175, хорошо сравниваетъ *avivus* и *devivus*. *Amentis* обозначаетъ и у Цицерона свойство отрицательное и *sensu passivo*—ἀφρων, *demens* утвердительное и *sensu activo*—καράφρων. Сравни. Cat. III, § 11—*scelere demens*: Лентуль поступилъ противъ разсудка.

Scelus: едва ли ученикъ нуждается въ длинномъ объясненіи, чтобы узнать только, что *scelus* значить „преступленіе“. Конечно, въ этомъ случаѣ *scelus* можно перевести и такъ, но Гальмъ не безъ основанія замѣчаетъ, что въ соединеніи съ другими отвлеченными понятіями слово *scelus* нужно переводить: „гнусность“, „преступность“ и сравниваетъ I, § 15, 18, 33; II, § 11, 25, 29.

De nostro omnium interitu: уже здѣсь можно было бы упомянуть о томъ правилѣ, о которомъ издатели говорятъ только въ примѣчаніи къ IV § 4; слѣдовало бы сравнить § 14, 17. II § 27. Сравни. Gossrau Lat. Sprachlehre § 377, что *nostrum*— не *gen. part.*

Qui de hujus urbis atque adeo de orbis terrarum exitio: издатели говорятъ только въ примѣчаніи къ § 31, когда употребляется предлогъ; см. Gossrau § 358, 518, 5.

Atque adeo: здѣсь—*vel potius* „или скорѣе“, какъ II, § 27. Cic. Pro Rosc. Am. § 29.

Hosce нуждалось бы въ объясненіи; что эта форма не происходитъ отъ *hic*—се, первый доказалъ Мадвигъ, въ примѣчаніи къ De Fin. I, § 34; сравни. Corssen Ausspr. I, стр. 785; II, стр. 603. Nachtr. стр. 89. Neue Formenlehre II, стр. 146 sqq.

Consul: нужно было бы поставить въ скобкахъ.

De republica sententiam rogo: ничего не сказано о выраженіяхъ *de republica referre*, *sententiam rogare* и о засѣданіяхъ сената; см. Becker, Roem. Alterth. II, 2 отд., стр. 422 sqq. Lange Roem. Alterth. II, стр. 349 sqq. Sall. Cat. 50 и Cic. Cat. III., § 13: *senatum consului quid fieri placeret*, гдѣ точно также издатели умалчиваютъ объ этой часто встрѣчающейся формулѣ. Въ рассматриваемомъ мѣстѣ слѣдовало бы сказать, что *rogo*, какъ и *interrogo*, только въ этомъ *тезмическомъ* выраженіи употребляется съ двойнымъ вин. пад.; см. Schulz Lat. Sprachlehre, § 256 примѣчаніе 1. Обыкновенно говорятся: *rogo*, *quid sentiat*, сравни. Naegelsbach Lat. Stil. стр. 108 sqq.

Igitur: см. Zumpt § 739. Цицеронъ возвращается здѣсь къ выше-предложенному вопросу § 8: Num negare audeo? сравн. также III, § 3.

Etiampunc: не излишне было бы объяснить, почему Цицеронъ могъ употребить это слово при dixisti, между тѣмъ какъ оно обыкновенно употребляется только при настоящемъ времени; см. примѣчаніе Гальма.

Lectulus: почему уменьшительное слово, см. примѣчаніе Гальма къ IV, § 17.

§ 10. *Si minus*: подразумѣвается: si potes, si fieri potest; стало быть, si minus значить; „если не“, „нѣтъ“, „въ противномъ случаѣ“ и равняется sin aliter, sin secus; сравн. Cic. Tusc. I 12, 26. Expone,— si potes, animos remanere post mortem; tum, si minus id obtinebis,— cavere omni malo mortem. Если si minus значить „хотя и не“, то обыкновенно далѣе слѣдуетъ at, certe, at certe, tamen, какъ, напримѣръ, ниже § 22.

Non feram: Издатели утверждаютъ, что ferre не употребляется съ асс. с. inf, чѣмъ и доказываютъ, какъ невнимательно они читали комментированную ими рѣчь; см. напримѣръ § 18: me totam esse in metu—non est ferendum. Кромѣ того moleste, graviter, aegre ferre часто употребляется съ асс. с. inf.

§ 11. *Stator*: неужели это слово происходитъ отъ „sistendo“! Кромѣ того, издатели не говорятъ, почему сенатское собраніе происходило въ этомъ храмѣ; см. Рихтера введеніе § 22 примѣчаніе 50.

Gratia habenda: зачѣмъ не указанъ еще третій оборотъ—gratiam referre—χαρίν ἀποδίδοναι, вѣдь онъ даже встрѣчается въ § 28?

In uno homine: слѣдовало бы сказать, что Цицеронъ говорить здѣсь о себѣ самомъ, а не о Катилинѣ.

Comitiis consularibus: не ясно опредѣлено синонимическое различіе словъ: comitiia, concio, concilium; развѣ во *всѣхъ* (а comitia curiata?) комиціяхъ *весь* народъ принималъ участіе? да и concio не значить только „народное“ собраніе. Наконецъ, нужно было бы сказать и о значеніи слова coetus, тѣмъ болѣе, что оно встрѣчается въ § 10.

Quamquam: если судить по примѣчанію издателей, то выходитъ, что *quamquam* употребляется обыкновенно съ сослаг. наклон.?

Per me: эти слова противопологаются предыдущему publice.

§ 12. *Denique*, какъ § 26 = „вообще“; *ad* = „относительно“.

Huius imperii; почему Цицеронъ не сказалъ здѣсь potestatis, см. примѣчаніе Гальма.

§ 13. *Quid est* — *num*: никакъ не равно *quid est, quod*; сравн. § 20: *Quid est, Catilina, escquid attendi etc.*

Faciebas: imperfect. conatus, какъ II § 14, III § 3, 16.

Exilium: здѣсь въ примѣчаніи слѣдуетъ сказать вмѣсто: онъ рѣшалъ, *id ei exilium justum videri* — онъ рѣшалъ, *id sibi etc.*

Domesticae turpitudinis — *privatarum rerum*: нужно было указать на различіе между *domesticus* и *privatus*; см. примѣчаніе Гальма.

Quem irretisses: едва ли ученикъ среднихъ классовъ гимназій отвѣтитъ на вопросъ гг. Захарбекова и Гайчмана, почему здѣсь сослаг. наклон.

Adulescentulo: deminutiv. выражаетъ здѣсь скорѣе слабость.

§ 14. *Quid vero* см. Seyffert Schol. lat. стр. 43.

Alio incredibili scelere hoc scelus simulasti: не значить, какъ издателя переводятъ въ своемъ словарѣ: „совершить одно преступленіе за другимъ“, но: „увѣнчать“ — завершить одно преступленіе другимъ.

Praetermitto — *ad illa venio*: такъ называемая формула *praeteritio*, см. Seyffert Schol. lat. § 13.

Summam reipublicam: для объясненія этого мѣста см. примѣчаніе Гальма.

§ 15. *Coeli*: врядъ ли равняется „aëris“, скорѣе при *spiritus* = *regionis, terrae*, сравн. Hor. Epist. I, 11, 27: *Coelum, non animum mutant, qui trans mare currunt!*

Lepido et Tullo cons: это мѣсто останется непонятнымъ, если не сказать учащимся, что это были консулы 66-го года, какъ Котта и Торкватъ 65-го. Издатели умалчиваютъ и о томъ, что извѣстіе Саллюстія не совсѣмъ согласно со словами Цицерона.

Corpore („поворотомъ тѣла“): техническое выраженіе, какъ видно изъ *ut ajunt*.

§ 16. *Debeo*: что значить „вм. *debeam*“? см. наше примѣчаніе къ § 2 — *oportebat*.

Taciturnitatis: сравн. § 20 (конецъ) и § 21.

Vocis expectas contumeliam: къ чему длинное описаніе латинскими словами, когда слова автора совершенно ясны? нужно бы было сказать здѣсь такъ: *salutatus erat* вм. *fuera*.

Quid, quod: какъ и § 19, требуетъ объясненія, см. Seyffert Schol. lat. I, стр. 44, 45. Ораторъ переходитъ къ болѣе сильному доказательству.

§ 17. *Servi, mercurule etc.* Издатели, приведенные въ заблужденіе примѣчаніемъ Гальма, дѣлаютъ къ этому мѣсту слѣдующее примѣчаніе:

„Фигура *amplificatio*, ἐνθρόνησις, заключается въ сравненіи меньшаго съ бѣдшимъ“. Это объясненіе фигуры *amplificatio* заимствовано изъ Quint. VIII 4, 9. Но послѣдній не говоритъ, какъ приводитъ Гальмъ: *amplificatio, quae fit per comparationem, incrementum ex minoribus petit, no: verum ut haec amplificatio in superiorem tendit, ita, quae fit per compr... etc.* Уже поэтому видно, что не всякая *amplificatio* заключается въ сравненіи меньшаго съ бѣдшимъ, но только одинъ родъ *amplificatio*; смотр. Volkman Rhet. стр. 216 sqq. Далѣе *amplificatio*, не=ἐνθρόνησις, хотя такого рода доказываніе дѣйствительно называется какъ ἐξοχήν: ἐνθρόνησις, ср. наше прим. къ § 3.

Conscientia: abl. causae переводится по русски дѣепричастіемъ.

Quorum mentes—corum: не мѣшало бы обратить вниманіе учениковъ на самое расположеніе словъ.

Nihil cogitare, nisi de ср. Cic. pro Planc. § 64: existimabam, nihil homines aliud Romae nisi de quaestura mea loqui, De imp. Cn. Pomp. § 64: nihil aliud nisi de hoste cogitare, Phil. XI, § 24, Verr, I, § 26, Cic. Cat., II, § 10—nihil cogitant, nisi caedes, nisi incendia; а въ этой рѣчи § 22.

§ 18. *Flagitium*: уже выше § 13 объяснено.

Neces: plur. рѣдко встрѣчается, см. Berger Stil, § 11, 2 а съ прим.

Quae tecum sic agit: просопопея какъ и § 27.

Quidquid increperit: „при всякомъ шумѣ“, какъ переводитъ Naegelsbach, Stil. p. 109.

§ 19. О Кв. и М. Метеллахъ здѣсь не говорится ни слова, подобно тому, какъ въ § 3 совершенно умалчивается о Тиб. Гракхѣ, II. Сципионѣ, К. Сервиліи Агалѣ, Кв. Мелии.

Videlicet: здѣсь, какъ и § 21, II § 12, употреблено иронически.

Se ipse: вмѣсто длиннаго и притомъ неполнаго правила было бы достаточно одной ссылки на грамматику.

§ 20. *Hanc vocem*: „слово, выраженіе“. Въ словарѣ слова vox нѣтъ?!

Faciam ut: врядъ-ли плеонастическій, такъ какъ въ слѣдующемъ intellegas заключается другое подлежащее, по этому здѣсь не то же что Cic. Cat. Maj. § 12—invitus feci, ut L. Flaminium ex senatu eicerem = invitus. ejeci; ср. Zumpt § 619.

§ 21. *Haec quae vastare studes*. Цицеронъ, говоря это, показываетъ вокругъ и подразумѣваетъ 1) городъ, 2) всю имперію; ср. IV, § 7 и Naegelsb. Stil. стр. 124.

Dunt, подобнаго рода старинныя выраженія, употребляющіяся въ торжественномъ языкѣ, суть: ausim, faxim.

§ 22. *Est tanti*: этотъ оборотъ дополняется II, § 15.

§ 24. *Forum Aurelium*: издатели не говорятъ, гдѣ находилось это мѣстечко.

Praestolarentur, во всѣ времена этотъ глаголъ значилъ „ожидать“ и не „впослѣдствіи“ только сталъ употребляться съ асс.; съ этимъ надежемъ встрѣчается онъ уже у Плавта и Теренція.

Ut possis, какъ § 22: tu ut unquam te corrigas?

Allaribus, касательно различія словъ *altaria* и *aga* наши издатели сдѣлали такое открытіе, въ которомъ мы не позавидуемъ имъ: они, напримѣръ, совершенно ошибочно утверждаютъ, что *aga* находился только въ *cella*, а *altaria* внѣ *cella*, см. Schulz. Synonym. стр. 162. Rich. Woerterb. d. roem. Alterth. стр. 21 и 44 sqq. въ нѣм. переводѣ.

§ 25. *Quo te rapiebat*: издатели вездѣ въ текстѣ, исключая II § 16, 20. называютъ соучастника Катилины *Mallius'omъ*; и въ прим. къ этому мѣсту, и къ § 26 говорятъ: „scil. in castra Manliana“ и „in castris Manlii“. Тутъ ужъ и не ученику трудно понять, о чемъ идетъ дѣло!

Fortuna servavit—оставлено безъ объясненія; безъ сомнѣнія, Цицеронъ намскаетъ здѣсь на двукратное оправданіе Катилины въ судѣ.

§ 26. *Gaudium, laetitia*: сколько намъ извѣстно, нигдѣ изъ другихъ писателей ясно не доказано, „что *gaudium* есть веселость внѣшняя, а *laetitia*—радость внутренняя“. Мы можемъ только держаться опредѣленій древнихъ, см. Asc. Ped. ad Cic. Verr. II, 6, *laetus est, qui gaudet et gaudium etiam vultu ostendit*; см. Doederlein Synon. III, стр. 242. Schmalfeldt Syn. стр. 373.

§ 27. *Consul — exsul*: какъ ниже *emissus — immissus*; ученики могутъ не знать, что эта фигура называется *карочемаѳа*, *anpominatio*.

Est susceptum — nominaretur: здѣсь слѣдовало бы объяснить времена, см. прим. Гихтера.

Nonne hunc in vincula: хотя встрѣчаются случаи, что *poppe* не употребляютъ тамъ, гдѣ ожидается утвердительный отвѣтъ, однако это мѣсто не принадлежитъ къ нимъ. Въ подобномъ случаѣ все равно, какой отвѣтъ дѣйствительно ожидается, такъ какъ люди часто питаютъ несбыточныя ожиданія.

28. *Mosne* etc. Необходимо бы было объяснить употребленіе частицъ — *ne — an — an?* и въ возраженіяхъ *at — at, — vero*. О фигурѣ *subjectio*, *ипофора*, см. Seyffert Schol. lat. I, стр. 100 sq., 105 sq. 158 sq.; Volkmann Rhet. стр. 420. Cic. Cat. II, § 18.

Leges: Если издатели хотѣли привести всѣ законы, то не слѣдо-

вало имъ забывать о *leges Valeriae*, 509, 449 и 300 г. до Р. X. О *lex Sempronia* упоминаетъ Цицеронъ IV, § 10.

Gratiam referre, какъ § 10.

§ 29. *Gladiatorum*, какъ II § 24.

§ 30. *Quatquam* *colectivum*, какъ § 22, II § 16.

Quodsi se ejecerit: какимъ образомъ *quodsi* различается отъ *si* (*si* *autem*) указываетъ Seyffert, Schol. lat. I p. 169, притомъ же *quod* не ставится только передъ *si*.

Naufragus: въ объясненіи нужно было бы пропустить выраженіе *qui desoxit*, какъ рѣдкое и для ученика непонятное, хотя Цицеронъ, II § 6, и употребляетъ *desoxor*.

§ 31. *Nescio quo pacto*, прим. издателей совершенно непонятно. *Nescio quo pacto* всегда употребляется, какъ предложеніе вводное, если соответствуетъ русск. „къ сожалѣнію“.

Quodsi ex tanto latrocinio: вѣроятно, здѣсь нужно читать: *hic si ex etc.*

Maturitas: скорѣе слѣдуетъ думать о какихъ-нибудь плодахъ; сравн. *stirps ac semen* § 30.

Si biberint: издатели не говорятъ, какое здѣсь наклоненіе и время и какъ они смотрятъ на мнѣніе Мадвига, пишущаго *biberunt*. См. прим. Рихтера.

§ 32. *Desinant insidiari domi suae consuli*: *suae* не относится къ подлежащему; см. II, § 10—*sui comites*, III, § 27—*facta sua*.

Tribunal—не объяснено.

Videatis: когда сопж. праес. замѣняетъ сопж. fut.? Сравн. наше прим. къ III, § 19.

Or. II. § 1. *Ferro flammaque minitatem*: чтеніе это кажется лучше, чѣмъ *ferrum flammisque*.

Vel-vel-vel!: издатели въ примѣчаніи къ этому мѣсту воспользовались не употребительною формой *volentem*.

Abiit: это не „совадμοιρός“, а *совадμοιρός*, не *αἰθέριος*, а *αἰθήριος*.

Non jam = „болѣе не“; не объяснено въ словарь.

Denique = „вообще“; и это слово тоже опущено въ словарь.

Quum = „тѣмъ что“; сравн. I, § 21.

§ 3. *In hoc ipso*: предлогъ (*in*) не можетъ „выразить предметъ“. Не объясняя значенія предлога *in*, издателямъ слѣдовало бы скорѣе сказать, почему Цицеронъ не говоритъ: *in hac ipsa re*.

Non est mea culpa: см. Zumpt, § 772 и ниже, II, § 9, *nemo est in ludo*; IV, § 17, *est id quidem coeptum*.

Qui defenderent, faverent: здѣсь не подразумѣвается „*Catilina*“, но *quae ego deferrem*.

§ 4. *Quam vehementer*: это не „вм. *quam* *ragum*“, но датины такъ не говорятъ, но = *quam* *non*; см. Krebs *Antibarbarus* s. v. *ragum*.

Lacet hinc intellegatis: эти слова не нуждаются въ объясненіи.

Mihi: dat. ethicus не употреблялся только въ вопросительныхъ и восклицательныхъ предложеніяхъ, какъ утверждаютъ издатели; см. примѣръ, II, § 10.

In praetexta: „= *adhuc* *puerum*“, объясняютъ издатели, но *adhuc* такъ не употребляется вм. *etiam* *tum*; см. Krebs *Antib.* s. v.

§ 5. *Gallicanis legionibus et—dilectis*: врядъ ли увидить кто-нибудь здѣсь „abl. abs.“; см. прим. Рихтера.

§ 7. *Sicarius*: почему „тайный“ убійца?

§ 9. *Esse fateatur* нужно опустить; см. прим. Рихтера.

Exercitatione: это abl. instrumenti, а не „causae“.

Consumeret: вмѣсто этого нужно читать *consumerentur*.

§ 10. *fides* = кредитъ, какъ § 18.

§ 12. *Ita adspexit*: издатели замѣчаютъ довольно странно: „*Sic, ita, id* etc., очень часто прибавляются къ глаголу, отъ котораго записитъ предложеніе“. Это „правило“: 1) совсѣмъ непонятно, 2) не нужно, такъ какъ здѣсь слѣдуетъ не предложеніе, а существительныя.

Въ § 13, а также и въ § 12, мы находимъ у гг. Захарбекова и Гайчмана форму *domii* вмѣсто *domi*, защищаемую, впрочемъ, пѣкторными рукописями; но крайней мѣрѣ, слѣдовало бы объяснить эту форму и I, § 32, такимъ же образомъ написать; см. *Neue Formenlehre* I, стр. 540.

§ 14. *Ejiciebam*: см. прим. къ I, § 13.

§ 16. *Nihil adhuc* = „до сихъ поръ еще не“; сравн. III, § 6, *nihilum*.

§ 18. *Magno in aere alieno*: называютъ издатели abl. concessivus! Значитъ, они совершенно не замѣтили предл. *in*, и опять предложены въ заблужденіе Гальмомъ, переводящимъ: „*wenn gleich in cauldren steckend*“.

Species hominum не = „сортъ людей“, какъ переведено въ словарѣ, но „наружность, наружный видъ“, въ противоположность слову *voluntas*.

Quid ergo: см. наше прим. къ I, § 28.

§ 19. *Quieta republica—perturbata (rep.)*—здѣсь одинаковне творительные; первый—не abl. abs. causalis, а второй не „abl. abs. con-

ditionalis. Да и къ чему вообще при каждомъ новомъ переводѣ выдумывать новыя названія?

Primum omnium: тутъ не пропущено *sciunt*, а послѣдующій *асс. с. inf.* зависить отъ *praecipiendum*; см. прим. Рихтера.

Maxima in multitudine: издатели подразумѣваютъ *bonorum virorum*. Въ *Mss.* читается *maximam multitudinem* и безъ сомнѣнія здѣсь выпало нѣсколько словъ; см. прим. Рихтера.

§ 21. *Qui homines primum*: здѣсь мы усматриваемъ крайнее легкомысліе со стороны издателей, говорящихъ въ прим.: „*primum = quam primum*“. Вещь не слыханная! Гальмъ считаетъ нужнымъ сдѣлать эмендацію и читаетъ поэтому *quam primum*, а гг. издатели совершенно необдуманно принимаютъ его объясненіе, не обращая вниманія на его чтеніе! Иногда, впрочемъ, послѣ *primum* не слѣдуетъ *deinde*.

§ 22. *Nam neque — et* = „съ одной стороны не — съ другой стороны“. Развѣ это анаколузія? Кажется, наши издатели не знаютъ такъ, что такое *ἀπόδος*.

§ 25. *Causas*: Очевидно и тутъ непониманіе: это значить „дѣло обѣихъ партій“ или „обѣ партій“.

§ 27. *Atque adeo*, какъ I, § 5.

Citationum—этого слова въ словарь нѣтъ.

§ 9. *Et non*: почему не *neque*?

Ог. III. § 1. *Bona, fortunas*: сомнительно, чтобы означалось здѣсь движимое и недвижимое имущество.

§ 3 *Sed tum*: сравн. наше примѣчаніе къ I, § 9, *igitur*.

§ 4. *Tumultus*: сравн. II, § 26.

§ 7. *Quam deferri*: почему возможно было поставить *асс. с. inf.* послѣ относительнаго *quam*, см. примѣчаніе Гальма.

§ 11. *Eadem ratione*: невѣрно то, что Цицерону слѣдовало сказать *item*, еслибъ онъ хотѣлъ это отнести къ глаголу.

Ostendit Lentulus, quanta conscientiae vis esset: = „онъ доказалъ, сколь велика сила совѣсти“, какъ ниже IV, § 9 *intellectum est, quic interesse* = „было узвано, какъ различается“. *Cic. Nat. deor. II, 18* *Haec Eurycurus non diceret, si, bis bina quot essent* („сколько дважды два“), *d. dicisset*. Сравн. *Madvig Lat. Sprachl. § 383*.

§ 13. *Inter se* = „другъ-друга“; это не „возвратное“ мѣстоименіе (*reflexivum*), а *reciprocum*.

§ 14. *Liberata sit, usus essem, removisset*: гораздо лучше, чѣмъ наши издатели, судятъ объ употребленіи различныхъ временъ Рихтеръ въ своемъ примѣчаніи.

§ 15. *Patēfactis*: такъ врядь ли можно читать, потому что не говорится *patēfacte indicia*; вѣроятно въ рукописяхъ здѣсь пропускъ; см. примѣчаніе Рихтера.

Nominatim не значить „опредѣленно, рѣшительно“, но „съ названіемъ, указаніемъ имени“, такъ какъ сенатъ принялъ рѣшеніе только въ общихъ выраженіяхъ, не упоминая имени Главкія: *oregam darent (consules), ut imperium populi Romani majestasque conservaretur*. Сравни также IV, § 5, гдѣ говорится, что виновные по однопочкѣ передаются подъ стражу опредѣленнымъ, отдѣльнымъ, особымъ сенаторамъ.

§ 16. *Descriptos* написано въ текстѣ, а въ примѣчаніяхъ объясняется *discriptos*!

§ 17. *Ut levissime dicam* = „если употребить наименѣе рѣзкое выраженіе“. Мы бы ожидали *lenissime*, но смотр. кромѣ *Cic. Tusc. I, § 95*, приведеннаго Рихтеромъ, еще *Cic. pro Rosc. Am. § 93*—*quos qui leviore nomine appellant, percussores vocant*.

§ 18. *Quum — tum* не = „et — et“, но есть разница, сравн. *Zumpt § 723* съ дополненіемъ Зейферта: *Laclius*, стр. 144.

Praetermittere: а какое отличіе отъ *relinquere*? см. примѣчаніе Гальма.

§ 19. *Flexissent*: не „вмѣсто *flexuri essent*“, какъ соображаютъ издатели, но *plsqpf.* замѣняетъ *conj. fut. II*, какъ и обыкновенно, такъ какъ понятіе будущаго уже достаточно обозначено глаголомъ *arripinque*.

Legum acra: Гальмъ справедливо замѣчаетъ, что не слѣдуетъ думать тутъ о 12-ти таблицахъ, такъ какъ онѣ хранились на форумѣ.

§ 20. *Consules locaverunt*: не эдилы, но цензоры отдавали съ подьяда; см. *Liv. XI, 3*. Эдилы имѣли только полицейскій надзоръ.

§ 21. *Per cives*: едва ли вмѣсто *a civibus* для избѣжанія *hiatus'a*, сравн. § 3 *per me*. Подобно тому какъ выше Цицеронъ говоритъ о себѣ, что онъ орудіе сената, такъ равно и здѣсь граждане суть орудія Катилины или судьбы.

Per forum: издатели замѣчаютъ: „*scil. Capitolinum*“; да развѣ это было особенное названіе или въ это время въ Римѣ, кромѣ *forum Romanum*, были еще и другіе?

§ 22. *Sunt conati*: издатели объясняютъ *indicat.*, какъ будто ученику приходится ожидать здѣсь *conjunctiv.*

Jam vero etc.: на счетъ чтенія издатели не высказываютъ никакого мнѣнія; непонятно, что они хотятъ сказать своимъ примѣчаніемъ.

Male pacatus: только въ 66 г. проконсулъ Низонъ подавилъ воз-
станіе; въ 61 г. оно повторилось.

§ 23. *Ad omnia pulvinaria*: издатели противорѣчатъ самимъ себѣ
говоря, что эти слова означаютъ „во всѣхъ храмахъ“, и въ то же время
утверждая, что *lectisternium* происходилъ на улицахъ.

§ 24. *Etenim*: съ какихъ это поръ слово *etenim* значитъ „ибо
только“?

§ 25. *Tamen*: не равняется здѣсь *igitur* (I, § 9), *sed* (III, § 3),
inquam etc., такъ какъ Цицеронъ не возвращается къ сказанному
выше. Если читать съ издателями, то Цицеронъ хочетъ сказать:
„хотя въ прежнія времена и было сдѣлано много попытокъ ниспро-
вергнуть существующія учрежденія, однако (*tamen*) ни одна изъ тѣхъ
попытокъ не походила на послѣднюю“. Если же принять чтеніе Гальма
(т. е. *ergo ejusmodi* поставить въ скобкахъ, какъ прибавленіе позднѣй-
шаго времени), то *quae pertinere* получаютъ уступительный смыслъ
и все мѣсто это нужно понимать слѣдующимъ образомъ: „хотя всѣ эти
раздоры имѣли цѣлю и т. д., однако, ихъ результатомъ была рѣзкая
гражданъ; и же *ita me gessi*“ и т. д. Последнее чтеніе слѣдуетъ пред-
почесть.

Restitisset: къ чему тутъ объясненіе, что „i. e. qui se defendere
potuisset“? Ученикъ можетъ подумать, что *restitisset* происходитъ отъ
resistere.

§ 26. *Eandemque — unoque*: издатели догадываютъ здѣсь свое не-
знакомство съ языкомъ Цицерона, который, какъ извѣстно, никогда
не употребляетъ *que — que = et — et*; даже у Саллюстія и Ливія
que — que въ этомъ смыслѣ находится только при мѣстоименіяхъ;
сравн. Schulz Lat. Sprachl. § 222, 1 d. Вообще это мѣсто, на сколько
мы знаемъ, еще недостаточно объяснено.

§ 28. *Providendum*: опять мы видимъ образецъ той крайней пе-
брежности, съ которою составлялся разсматриваемый нами коммен-
тарій: въ текстѣ издатели пишутъ *providendum* а въ примѣчаніи
объясняютъ *videndum* — чтене худшихъ рукописей!

Acquiri: развѣ *acquirere* значитъ „привызывать“; здѣсь нужно
перевести его: чего я могу еще (*ad—qu.*) достигнуть, кромѣ (уже до-
стигнутой) награды, т. е., кромѣ консульства?

Or. IV. § 3. *Pro eo ac*: а когда употребляется *ac* вмѣсто *quam*
etc?

Si quid obtigerit: это не = „*si mors mihi impenderit*“, но = *si m. m.*
impendebit; смерть вѣдь бываетъ (*obtingere*) только одинъ разъ; если же

она предстоитъ, угрожаетъ, то это уже будетъ дѣйствіе продажнаго.

§ 4. *Nostram omnium*: родительный вовсе не „зависитъ“ отъ *postquam*.

§ 5. *Meo nomine*: сравн. III, § 15.

Nominatim: сравн. наше примѣчаніе къ III, § 15.

§ 6. *Integrum*: сравн. III, § 7.

§ 7. *Recordatur*: къ этому присоединено совершенно ненужное и даже непонятное примѣчаніе.

§ 8. *Uno dolore*. Опять текстъ расходится съ примѣчаніемъ: въ примѣчаніи стоитъ *uno dolore dolores* (какъ *Graevius*), а въ текстѣ пропущено *dolores* и, не смотря на то, написано *multos*, такъ что это мѣсто въ текстѣ непонятно. Вѣроятно, ничего не прибавляя, нужно читать здѣсь съ рукописями: *multas uno dolore animi et corporis et omnes scelerum poenas ademisset*.

§ 10. *Non neminem* не значить тоже, что и „*quemquam*“, а равняется *quosdam*.

De re et causa: см. наше прим. къ I, § 1.

Videlicet иронически, какъ II, § 12.

At vero: ср. I, § 4; см. *Seyffert Schol. lat. I*, стр. 127 sqq.

Jussu populi: вѣроятно, нужно читать *injussu populi*, такъ что Цезарь долженъ допустить, что самъ Семпроній уже испыталъ на себѣ нарушеніе своего закона; издателямъ нужно было бы сказать, въ чемъ состоялъ этотъ законъ.

§ 12. *Huic Gabinium* нужно читать *vm. hunc G.*

§ 14. *Vcreri videntur ut habeant*: издатели объясняютъ такъ, какъ будто они вмѣстѣ съ Гальмомъ читаютъ *ne non!*

§ 15. *Quid commemorem* ср. *Seyff. Schol. lat. I*, р. 67.

Casi и *expectatio sortis* не объяснено. Эти секретари избирались 5-го декабря въ сосѣднемъ храмѣ Сатурна.

Frequentasset не „зависитъ“ отъ *convervos esse; plusqpf.* потому, что это случилось утромъ.

§ 16. *Libertinorum*: издатели здѣсь безъ всякой надобности трактуютъ о томъ, какъ рабы отпускались на волю.

Commemoro: объясненіе различія этой формы отъ *commemorem* слишкомъ трудно для учениковъ 5-го класса; слѣдовательно, нужно бы было это объяснить самимъ издателямъ.

Voluntatis зависитъ отъ *tantum-quantum*.

§ 17. *Quod auditum est*: а въ примѣчаніи опять разногласіе, такъ какъ читается *id quod aud. est!!*

Est coeptum см. наше прим. къ II, р. 3.

Futurum fuit: не „вм. *futurum fuisset*“, ибо это значило бы, что можно и такъ сказать; Гальмъ, слѣдовательно, не заслужилъ вниманія нашихъ издателей, указавъ на Zumpt § 498.

§ 19. *Non modo non confici*: см. прим. Рихтера.

§ 20. *Ceteris*: въ примѣчаніи къ этому мѣсту нужно бы было сказать: *i. e. ceteris omnibus imperatoribus*, а не *omnibus aliis imperatoribus*.

Вышеуказанными замѣчаніями, кажется, мы совершенно достаточно доказали ту грустную истину, что гг. Захарбсковъ и Гайчманъ взяли, такъ сказать, не за свое дѣло; по крайней мѣрѣ, настоящая книга не обнаруживаетъ въ авторахъ ни добросовѣстнаго отношенія, ни серьезной подготовки къ столь серьезной задачѣ, какъ комментированіе древнихъ авторовъ для гимназій. Не говоря о недостаточномъ знакомствѣ издателей съ языкомъ Цицерона, насъ особенно поражаетъ въ этихъ комментаріяхъ та необъяснимая странность, что часто въ примѣчаніяхъ объясняются такіа выраженія и обороты текста, которыхъ нѣтъ въ самомъ текстѣ! Повторяемъ, этой дисгармоніи объясненія съ объясняемымъ мы никакимъ образомъ не можемъ объяснить себѣ. Да и самая виѣшность разсматриваемаго изданія очень немного говоритъ въ его пользу: повсюду, какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ, встрѣчаются опечатки, иногда довольно грубыя и неприятно бросающіяся въ глаза (напр. II, § 12: *modestia militaria!*), такъ что уже одинъ этотъ недостатокъ въ состояніи отклонить учащихся отъ предназначеннаго для нихъ руководства. Порядокъ, въ которомъ расположены объясненія, тоже таковъ, что и у желающаго поучиться можетъ отнять охоту рыться и искать что нибудь для себя подходящее, такъ какъ здѣсь чрезвычайно трудно усмотрѣть—объясняютъ ли данное мѣсто издатели, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, каждое примѣчаніе слѣдовало бы начинаться съ новой строки, а для сбереженія мѣста—печатать объясненія въ два столбца и притомъ строго соблюдать порядокъ словъ въ текстѣ, а не разсыпать по страницѣ объясненія какъ попало, не сообразуясь съ послѣдовательностью выраженій въ текстѣ (см. напр. 66 стр.). Наконецъ и сравнительно высокая цѣна этого изданія, составленнаго и отпечатаннаго столь небрежно, не можетъ служить ему рекомендаціей. Да, было бы хорошо, еслибъ оно какъ нибудь разошлось

поскорѣе, конечно, только безъ ущерба для учащагося юношества; быть можетъ, гг. Захарбековъ и Гайцманъ при второмъ изданіи своихъ комментаріевъ и успѣли бы поправить и усовершенствовать ихъ надлежащимъ образомъ, — теперь же остается только пожалѣть о тѣхъ ученикахъ, которые могутъ быть осуждены на пользованіе столь неудовлстворительною книгою.

Э. Вертъ

Въ настоящее время въ Россіи не существуетъ ни одного университета, въ которомъ преподавали бы классическія языки. Въ послѣднее время въ Петербургѣ открыты были два университета, въ которыхъ преподаваніе классическихъ языковъ должно было бы имѣть первостепенное значеніе. Но въ настоящее время въ этихъ университетахъ преподаваніе классическихъ языковъ не производится. Въ настоящее время въ Россіи не существуетъ ни одного университета, въ которомъ преподавали бы классическія языки. Въ послѣднее время въ Петербургѣ открыты были два университета, въ которыхъ преподаваніе классическихъ языковъ должно было бы имѣть первостепенное значеніе. Но въ настоящее время въ этихъ университетахъ преподаваніе классическихъ языковъ не производится. Въ настоящее время въ Россіи не существуетъ ни одного университета, въ которомъ преподавали бы классическія языки. Въ послѣднее время въ Петербургѣ открыты были два университета, въ которыхъ преподаваніе классическихъ языковъ должно было бы имѣть первостепенное значеніе. Но въ настоящее время въ этихъ университетахъ преподаваніе классическихъ языковъ не производится.

418. Дѣятельность австрійскихъ войскъ въ кампаніи 1866 г. противъ Пруссіи. Статья *Ц. Ф. К.* Инженерный журналъ. № 6; стр. 864 — 904 и № 7; стр. 933—976.

419. Осада Хоходады войсками макадо, 27-го мая (8-го іюня) 1869 года. Всемирная Иллюстрація. № 47.

420. Походъ въ пустынь. *Д'Аркуръ*. Перев. съ франц. А. Макшеевъ. Военный Сборникъ. № 6; стр. 263—296.

421. Сенъ-Маръ. (Изъ записокъ военного). А. В—ръ. Заря. № 10; стр. 231—245.

422. Русская армія въ 1866 году. Военный Сборникъ. № 5; стр. 68—78. Тоже въ 1867 г. тамъ же. № 9; стр. 30—51. № 10; стр. 144—169. № 11; стр. 33—66 и № 12; стр. 112—142.

423. Составъ нашей арміи по племенамъ и вѣроисповѣданіямъ. (Перед. ст. по поводу «Ежегодника русск. арміи»). Голосъ. № 177.

424. Военное обозрѣніе Кіевского военн. округа. Сост. г. Левницкимъ и Белевскимъ. Кіевъ 1869 г. Статья *Н. Буме*. Кіевлянинъ. № 110.

425. Письмо къ ред. по поводу книги: «Вооруженныя силы Россіи. Фаддѣевъ». Баржевныя Вѣдомости. № 16 и передов. ст. въ № 227.

См. объ этой же книгѣ статью въ Варшавск. Дневникѣ. № 2. (статья О.).

426. Мнѣніе о восточномъ вопросѣ. (По поводу послѣднихъ рецензій на «Вооруж. силы Россіи»). *Ростиславъ Фаддѣевъ*. Баржевныя Вѣдомости. № 310.

427. Война и воѣво. Р. Фаддѣевъ. Вооруженныя силы Россіи. Москва, 1868 г. Статья *Р.* Вѣстникъ Европ. № 8, т. 4; стр. 759—793.

См. по поводу этой статьи въ Донск. Вѣстникѣ. № 34.

428. «Times» о русской арміи. Русскій Инвалидъ. № 183 и 184.

429. «Times» объ оцѣнкѣ военного

могущества Россіи. (Перед. ст.). Московскія Вѣдомости. № 258.

430. Статистическія свѣдѣнія. Рекрутскій наборъ 1868 г. Правит. Вѣстникъ. № 173.

431. О военно-статистическихъ занятіяхъ. (Перед. ст.). Баржевныя Вѣдомости. № 286 и 288.

432. Записка объ изданіи «Ежегодника для русск. арміи». Статья *Н. О. З—ъ*. Русскій Инвалидъ. № 103.

См. также статью Н. П. Б. въ «Варшавск. Дневникѣ». № 236.

433. О военно-статистическихъ изслѣдованіяхъ. (Перед. ст.). С.-Петербургск. Вѣдомости. № 124, 132 и 137.

По поводу изд. «Ежегодника русской арміи».

434. Военно-статистическій сборникъ, т. 3. С.-Пб., 1868 г. Извѣстія И. Русск. Геогр. Общества. № 3, т. 5; стр. 96—126.

Исправленія свѣдѣній, касающ. Персіи и Турціи. См. также объ этой книгѣ статью въ «Артил. журналѣ», № 3; стр. 519—549.

435. Тридцать томовъ «Записокъ военно-топографич. дѣла и военно-топографическаго отдѣла Главнаго штаба 1837—1869 г.». Статьи *П. К.* Инженерный журналъ. № 12; стр. 293—310.

436. Казаки-ветераны. Донской Вѣстникъ. № 34.

437. Казаки въ составѣ кавалерійскихъ дивизій. *К. Кауфманъ* 1-й. Военный Сборникъ. № 9; стр. 41—52.

438. Новое положеніе о Донскомъ учебномъ полку. Военный Сборникъ. Т. 70, № 12; стр. 143—144.

439. Объ освященіи знамени въ Псекускомъ полку, 16-го октября 1869 года. *Переселенецъ*. Кубалскія войск. вѣд. № 42.

440. Преобразование Астрахапскаго казачьяго войска. Военный Сборникъ. № 7; стр. 56—57.

441. Игорія происхожденія и раз-

вѣтія Оренбургскаго казачьяго войска. (Корреспонд.). Виржевия Вѣдомости. № 182.

442. Торжество освященія знамени, Высочайше пожалованнаго 24-му конному полку войска Кубанскаго, въ ст. Пшехской, 18-го октября, 1869 года. *Госифъ Травалло*. Кубанскія войсков. вѣд. № 43.

443. Матеріалы для статистики Кавказскаго полка Терскаго казачьяго войска. 1868—1868 г. Статья *Т. К.* Военный Сборникъ. Т. 70. № 12; стр. 207—249.

444. Орденъ св. Георгія побѣдоносца (Перед. ст.). Голось. № 327.

445. Еще о празднованіи столѣтняго юбилея ордена св. Георгія. Голось. № 329.

446. Столѣтіе ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія. Русскій Инвалидъ. № 140.

447. Празднованіе столѣтняго юбилея ордена св. Георгія. Русскій Инвалидъ. № 142.

448. Юбилей военнаго ордена св. Георгія. Статья *Л.—а.* Всемирная Иллюстрація. № 51 и 52.

449. По случаю юбилея ордена св. Георгія. Новое Время. № 230.

450. О Георгіевскомъ праздникѣ. Виржевия Вѣдомости. № 324.

451. Севастопольскій обѣдъ въ С.-Петербургѣ. Московскія Вѣдомости. № 270.

452. Севастопольскій обѣдъ. Русскій Инвалидъ. № 146.

453. Кавказскій вечеръ. Русскій Инвалидъ. № 147.

454. Слѣдствія о китайскихъ войскахъ, устроенныхъ по европ. образцу. Всемирный Путешественникъ. № 19; стр. 303—304.

455. Вооруженныя силы Японіи. Всемирный Путешественникъ. Вып. 42.

Д. Военное хозяйство въ администраціи.

456. Вѣсѣды и чтенія въ иностранныхъ арміяхъ по поводу разныхъ военныхъ вопросовъ. Военный Сборникъ. Т. 70. № 11; стр. 83—102.

457. Война въ 1869 году. Иллюстрированная Газета. Т. 23. № 25.

458. Die Kriegführung unter Benutzung der Eisenbahnen und der Kampf um Eisenbahnen.—Die Eisenbahnen im Kriege. Военный Сборникъ. № 9; стр. 24.

459. Die Militärschule и Souvenirs de guerre en temps de paix. (Обзоръ библиогр. соч.). Военный Сборникъ. Т. 70. № 11; стр. 17—37.

460. Ueber die Verantwortlichkeit im Kriege. Wien. 1869.—De la responsabilité dans la guerre, trad. par Dufour. P. 1869. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 307.

461. Французскіе военные журналы начала нынѣшняго года. Русскій Инвалидъ. № 71.

462. Journal de l'armée Belge. № 199. 1868. (Télégraphe militaire). Статья *Л. Б.—а.* Инженерный Журналъ. № 5; стр. 39—64.

463. Обзоръ иностранныхъ военныхъ журналовъ. Oesterreichische Militärische Zeitschrift. Hefte VIII und IV. 1868. Инженерный Журналъ. № 8; стр. 101.

464. По вопросамъ о преобразованіяхъ въ казачьихъ войскахъ. Русскій Инвалидъ. № 61, 62, 63 и 83.

465. Захѣтна изъ арміи. Статья *А. К.* Военный Сборникъ. № 10; стр. 201—214.

466. Иксинвольскій лагерь. (Корресп.). Статья *Р.* Русскій Инвалидъ. № 108.

467. Красносельскій лагерь и его сравненіе съ Шалонскимъ. Статья *Т.* Всемирная Иллюстрація. № 30 и 32. Т. II.

468. Замѣтка о направленіи занятій войскъ Красносельскаго лагеря. Статья *Н. Русскій Инвалидъ*. № 79.
469. Замѣтка войскъ 11-й пѣхотной дивизіи въ лагерѣ подъ г. Луцкомъ. *А. Ф. Буиенъ*. Русскій Инвалидъ. № 129.
470. Лагерь при г. Саратовѣ. *Н. Кирсановъ*. Русскій Инвалидъ. № 131.
471. Лагерь подъ Тифлисомъ Кавказъ. № 122, 124, 125 и 127.
472. Объ общемъ характерѣ и направленіи лѣтнихъ занятій войскъ. Статья *В. В. Военный Сборникъ*. Т. 70. № 11; стр. 47—70.
473. Иностранцы для лѣтнихъ занятій войскъ Петербургскаго округа. *Военный Сборникъ*. № 7; стр. 46—56.
474. Поѣздка въ Шалонскій лагерь. *А. Прумица*. Русскій Инвалидъ. № 151 и 152.
475. Ходъ лѣтнихъ занятій въ Шалонскомъ лагерѣ. Русскій Инвалидъ. № 103.
476. Фурченскій лагерь. (Долина въ окрестностяхъ Текучю и Фокпанъ). Всемирная Иллюстрація. № 41.
477. Лѣтнія занятія войскъ Межибужскаго сбора. Статья ***. *Военный Сборникъ*. Т. 70. № 11; стр. 71—82.
478. Необходимость обученія солдатъ ремесламъ. (Перед. ст.). *Вѣсть*. № 254.
479. Нѣсколько словъ о военныхъ обществахъ. *К. Н. Константиновъ*. Николаевскій Вѣстникъ. № 88.
480. Объ улучшеніи быта офицеровъ. (Перед. ст.). *Биржевыя Вѣдомости*. № 324.
481. Обзоръ дѣятельности комитета о раненыхъ съ 1863 по 1868 годъ. *Военный Сборникъ*. № 8; стр. 127—135.
482. Объ открытіи въ Ставрополѣ дѣятельн. Общ. попеченія о раненыхъ. *Ставропольскія губ. вѣд.* № 7 и 13.
483. Отчетъ о международной берлинской конференціи. *Военный Сборникъ*. № 7; стр. 25—46.
484. Военный бытъ въ Пруссіи. *Военный Сборникъ*. № 5; стр. 109—138 и № 6; стр. 297—322.
485. Вопросъ первостепенной важности. (О казармахъ для войскъ). Статья *З. З. Сынъ Отечества*. № 239. 240 и 242.
486. Казармы и военныя преобразованія нынѣшняго времени. (Перед. ст.). *Голось*. № 357.
487. О казармахъ (Перед. ст.). *Московскія Вѣдомости*. № 209.
488. О предполагаемой постройкѣ казармъ. (Перед. ст.). *Новое Время*. № 244.
489. Предположеніе объ устройствѣ казармъ для войскъ. (Передов. ст.). *Голось*. № 260.
490. Общіе офицерскіе столы въ западно-европ. арміяхъ. Статья *И. П.* *Русскій Инвалидъ*. № 54.
491. Судно-сберегательныя офицерскія кассы. Статья *Д.* *Русскій Инвалидъ*. № 114.
492. Замѣтка по поводу: «Предположенія объ устройствѣ въ войскахъ офицерскихъ вспомоgetельныхъ капиталовъ». Статья ***. *Военный Сборникъ*. Т. 70. № 11; стр. 103—110.
493. Езъ вопросу объ устройствѣ офицерскихъ вспомоgetельныхъ капиталовъ. Статья *И. М.* *Военный Сборникъ*. Т. 70. № 11; стр. 111—114.
494. Кое-что о вспомоgetельныхъ офицерскихъ кассахъ. Статья *К.* *Военный Сборникъ*. Т. 70. № 12; стр. 281—286.
495. Матеріалъ для солдатской рубашки. *Н. Волоцкая*. *Военный Сборникъ*. № 10; стр. 215—220.
496. Обмундированіе войскъ Туркестанскаго военнаго округа. *Вѣсть*. № 204.
497. Снабженіе войскъ Туркестан-

скаго генералъ-губернаторства. Статья *N. Вѣст.* № 173.

498. Нѣсколько словъ о полковыхъ клубахъ. Статья *И. М. Терскія Вѣдомости.* № 23.

499. О полковыхъ офицерскихъ вспомогательныхъ капиталахъ. Статья *М. Ц. Русскій Инвалидъ.* № 110.

500. Офицерскіе капиталы. Статья *В. Л. З. Военный Сборникъ.* Т. 70. № 12; стр. 275—280.

501. По вопросу о приобрѣтеніи провіанта для войскъ непосредственно отъ производителей при участіи земскихъ управъ. (Передов. ст.). *Голось.* № 243.

502. Предметы вещеваго довольствія войскъ и госпиталей на турецкаго выставкѣ. *Л. Верховное.* Военный Сборникъ. № 6; стр. 253—262.

503. Продовольствіе войскъ въ Московскомъ военномъ округѣ. *М. Осланиковъ.* Военный Сборникъ. Т. 70. № 12; стр. 293—314.

2. МОРОСІЯ НАУКИ.

504. Первые годы русскаго флота на Балтійскомъ морѣ. Статья *А. В. Н. Морской Сборникъ.* Т. 104. № 10; стр. 145—194.

505. Очеркъ современнаго положенія коммерческаго флота морей: Чернаго и Азовскаго. *Новороссійскій Телеграфъ.* № 197, 199 и 201.

506. Извлеченіе изъ отчета директора гидрографическаго департамента, вице-адмирала *Зеленаго*, за 1868 годъ. *Морской Сборникъ.* Т. 104. № 9; стр. 1—164.

507. Статистическо-историческій очеркъ Архангельскаго военнаго порта. Свщ. *І. Елеазаровскій.* Архангельскія губ. вѣд. № 39, 40, 42, 43, 45, 47, 50, 53 и 54.

508. Охотскій портъ съ 1649 по 1852 г. *А. Сибиревъ.* *Морской Сборникъ.* Т. 106. № 11; стр. 1—92. № 12; стр. 1—64.

509. Исторія американскаго флота во время возстанія. Соч. Чарльза Байнтонна, часть I. Перев. *И. Мордвинова.* (Рец.). *Морской Сборникъ.* № 12; стр. 9.

510. Теорія и практика кораблестроенія. Составилъ *М. М. Окуновъ.* (Выпускъ VI). (Рец.). *Морской Сборникъ.* № 12; стр. 1—2.

511. Руководство къ кораблестроенію, ч. I. Навигація. Составлено Зибинимъ. (Разборъ). *Морской Сборникъ.* Т. 102. № 6; стр. 1—4.

512. Маневры практической эскадры морскаго училища въ Гангеудѣ. *И. Болотниковъ.* *Кронштадтскій Вѣстникъ.* № 89 и 92.

513. Обзоръ германскій военный портъ Вильгельмсгафенъ въ бухтѣ Яде. *Морской Сборникъ.* № 11; стр. 187—194.

514. Vorträge über Seetaktik und Evolutionen zur See, gehalten in Kronstadt im Februar und März 1868, von L. Semeckin, Lieutenant der kaiserlichen russischen Flotte и Важнѣйшія статьи, помѣщенныя въ итальянскомъ морскомъ журналѣ *Rivista Maritima* за 1868 и 1869 годы. *Морской Сборникъ.* Т. 103. № 7; стр. 3.

515. Высочайшій смотръ броненосной эскадры русскаго фрегата въ Транзундѣ, 2-го и 3-го іюля. Статья *В. Р. Всемирная Иллюстрація.* № 31 и 34. Т. II.

516. Подробности о Высочайшемъ смотрѣ эскадры въ Транзундѣ. *Голось.* № 186 и 189.

517. Морское призовое право. Составилъ Годфри Люшингтонъ. (Рец.). *Морской Сборникъ.* № 12; стр. 2—5.

518. Морскія преграды, какъ средства для обороны портовъ. *М. Мазюкевичъ.* *Инженерный Журналъ.* № 9; стр. 1135—1167.

519. *Морской альманахъ* (памят-

нал книжка) на 1869 годъ. Капитанъ *Андреевъ*. (Разборъ). Морской Сборникъ. Т. 102. № 5; стр. 1—8.

520. Морская хроника. Морской Сборникъ. Т. 102. № 5; стр. 1—35. № 6; стр. 1—48. Т. 103. № 7; стр. 1—28. № 8; стр. 1—32. Т. 105. № 11; стр. 1—17. № 12; стр. 1—28.

521. Эскадра Тихаго океана. Статья *Н. П.* Всемирная Иллюстрація. № 42.

522. О торговомъ мореплаваніи. Новороссійскія Вѣдомости. № 61, 62, 63, 65, 70 и 73.

523. Необходимое заявленіе по поводу ирешій о службѣ военныхъ крейсеровъ. *Вережнъ*. Кронштадтскій Вѣстникъ. № 51.

По поводу замѣчаній г. *Н. Рыкачева*.

524. Письмо капитана 2-го ранга *Копытова*, написанное по поводу второй бесѣды о военныхъ крейсерахъ. *Н. Рыкачева*. Кронштадтскій Вѣстникъ. № 52.

525. Отвѣтъ г. *Н. А. Рыкачеву*. *Копытовъ*. Кронштадтскій Вѣстникъ. № 60.

По поводу военныхъ крейсеровъ. См. въ этомъ № статью *Н. Рыкачева*: Нѣсколько словъ по поводу выше напечатаннаго.

526. Еще отвѣтъ г. *Рыкачеву*. *Н. Копытовъ*. Тамъ же. № 75.

По поводу военныхъ крейсеровъ. Тутъ же см. отвѣтъ *Н. Рыкачева*.

527. Неудобства, случающіяся при плаваніи каботажа по Азовскому и Черному морямъ. *Захарій Товкаченко*. Полицейскій Листокъ Керчь - Еникъ-градочальства. № 25.

528. Новое изобрѣтеніе г. *Давыдова* (новый аппаратъ для морской артиллеріи). Статья — — —. Голосъ. № 249.

529. Нѣсколько словъ о преобразованіяхъ въ итальянскомъ флотѣ.

Статья *В. Морской Сборникъ*. Т. 103. № 8; стр. 143—146.

530. Нѣсколько словъ объ англійской морской артиллеріи. Инженерный Журналь. № 12; стр. 163—165.

531. О перевозѣ войскъ по Волгѣ и Каспійскому морю въ 1868 г. Морской Сборникъ. Т. 103. № 7; стр. 131—152.

532. Организация корпуса подводныхъ миперъ въ Америкѣ. Инженерный Журналь. № 9; стр. 123—124.

533. Подвижная оборона гаваней и рейдовъ флотомъ. Перев. *Д. М.* Морской Сборникъ. Т. 103. № 7; стр. 169—196.

534. По поводу статьи г. *П. Арбузова* въ Новороссійскомъ Телеграфѣ. № 191. Нѣсколько словъ объ увеличеніи безопасности плаванія. Статья — — —. Николаевскій Вѣстникъ. № 76.

535. Приготовленіе мѣдныхъ камерныхъ заправляющихся колець. *А. Ботославскій*. Морской Сборникъ. Т. 104. № 10; стр. 1—24.

536. Прижѣненіе газоваго освѣщенія къ маякамъ. Всемирная Иллюстрація. № 44.

537. Средства для ночныхъ сигналовъ и освѣтительные приборы. (Изъ отчета Парижской всемірной выставки 1868 г.). *В. В. Ивановъ*. Морской Сборникъ. № 12; стр. 163.

538. Способъ Арсона уничтоженія девиаціи компасовъ. Перев. лейтенантъ *В. Линденъ*. Морской Сборникъ. Т. 102. № 6; стр. 71—74.

539. Третье дополненіе къ соч. о девиаціи компасовъ и о диграммахъ. Соч. *И. Вѣлавленца*. (Вибл. зам.). Кронштадтскій Вѣстникъ. № 118.

540. Таблицы *Джонсона* для опредѣленія склоненія компаса по азимуту. Лейтенантъ *Л. Иаллишевичъ*. Морской Сборникъ. Т. 104. № 10; стр. 97—100.

541. Празднованіе 50-лѣтняго

- юбилей службы въ офицёрскихъ чинахъ генералъ-майора корпуса корабельныхъ инженеровъ Михайла Михайловича Дмитріева. Статья *А. П.* Кронштадтскій Вѣстникъ. № 52 и 56.
542. Неурологъ. Петръ Федоровичъ Анжу, адмиралъ. Кронштадтскій Вѣстникъ. № 121.
543. Неурологъ. Контръ-адмиралъ П. А. Карповъ. Статья *Нрбт.* Николаевскій Вѣстникъ. № 80.
Род. 1822 г., ум. 1869 г.
544. Къ біографіи контръ-адмирала П. А. Карпова. Петербургская Газета. № 158.
545. Вроженосныя суда. Морской Сборникъ. Т. 102. № 5; стр. 1—47. № 6; стр. 1—44. Т. 103. № 7; стр. 1—27. № 8; стр. 1—9. Т. 104. № 10; стр. 1—44. Т. 105. № 11; стр. 1—20. № 12; стр. 1—38.
546. Вроженосныя суда Балтійскаго моря. *Вадимъ Р.* Всемирная Иллюстрація. № 27. Т. II.
547. Важчайшее военное сулнво въ свѣтѣ. Сѣверная Пчела. № 41 и 42.
548. Вентилярованіе судовъ. *В. Татаринковъ.* Морской Сборникъ. Т. 102. № 6; стр. 75—82.
549. Тахиподосмафъ Де-Ла-Рю (водяной самокатъ). Всемирная Иллюстрація. № 20. Т. I.
550. Водяной самокатъ. Иллюстрированная Газета. Т. 23. № 20.
551. Желѣзные парусныя суда въ приѣзненіи къ коммерческому судоходству. *П. Федоровскій.* Морской Сборникъ. Т. 104. № 9; стр. 65—86.
552. Замѣтка по поводу статьи г. К. III.: «О клиперахъ». Лейтенантъ *Линденъ.* Кронштадтскій Вѣстникъ. № 76.
553. Канонерская лодка «Фарси». Всемирная Иллюстрація. № 43.
554. Корабль, выстроенный русскими монахами. Современная Лѣтопись. № 30.
555. О гребныхъ судахъ. Статья *К. III.* Кронштадтскій Вѣстникъ. № 56 и 59.
556. О переборкахъ на судахъ. *В. Соболевъ.* Морской Сборникъ. Т. 103. № 7; стр. 225—232.
557. О поворотливости винтовыхъ судовъ. Лейтенантъ *Е. Березинъ.* Морской Сборникъ. Т. 102. № 5; стр. 1—52. № 6; стр. 1—36.
558. О подводной обшивкѣ для желѣзныхъ судовъ. Перев. *Л. Смелкинъ.* Морской Сборникъ. Т. 103. № 7; стр. 197—224.
559. Пароходъ «Great Eastern» во время бури 18-го (30-го) іюня. Всемирная Иллюстрація. № 38.
560. Подводныя лодки. Артиллерійскій Журналъ. № 10; стр. 589—590.
561. Подробности спуска фрегата «Мининъ». Голось. № 294.
562. Фрегатъ «Дмитрій Донской» и броненосецъ «Чародѣйка». *Вадимъ Р.* Всемирная Иллюстрація. № 51.
563. Подъемъ на берегъ парохода «Соколы». Капитанъ-лейтенантъ *Г. Сутковой.* Морской Сборникъ. Т. 102. № 5; стр. 85—92.
564. Французское центральное общество для спасенія погибающихъ и усовершенствован. спасительныя снаряды. Всемирн. Иллюстрація. № 23. Т. I.
565. Спасительная лодка въ Самарѣ. *П. Алабинъ.* Самарскій Справочный Листокъ. № 90.
566. Судъ по дѣлу о гибели парохода «Général Abbateuci». Морской Сборникъ. № 11; стр. 137—154.
567. По поводу несчастія, постигшаго пароходъ «Таврида». *О. Чижесичъ.* Одесскій Вѣстникъ. № 204.
568. Гибель отъ огня парохода «Генералъ-Корсаковъ». Свящ. *Е. Литвиневъ.* Иркутскій епарх. вѣд. № 44.
569. Подробности о гибели фрегата «Олеги». Голось. № 219 и 224.
570. Гибель фрегата «Олеги». Всемирная Иллюстрація. № 35 и 36.

571. Гибель фрегата «Радецкий». Иллюстрированная Газета. № 17. Т. 23.

572. Еще о жавновскихъ фелюгахъ. Статья И. Николаевскій Вѣстникъ. № 76.

Фелюги—турецкое судно.

573. Вопросъ о мясныхъ пошлинахъ въ Англии. Морской Сборникъ. Т. 102. № 6; стр. 129—150.

574. Какъ-что Керчь-Еникальскомъ бригадиромъ постъ. Лейтенентъ Осипскій. Одесскій Вѣстникъ. № 192.

575. Дождь въ Гепенеѣ. Всемирная Иллюстрація. № 36. Т. II.

576. Вурж на морѣ и спасительные маяки. Семейные Вечера (младшій возрастъ). № 7; стр. 276—279.

577. О торговомъ флотѣ. (Перед. ст.). Московскія Вѣдомости. № 163.

578. О проектѣ устава Общества русскаго сѣвернаго и торговаго флота. (Передов. ст.). Московскія Вѣдомости. № 106.

579. Извлеченіе изъ отчета комитета С.-Петербургскаго рѣчнаго яхт-клуба за 1868 г. Морской Сборникъ. Т. 102. № 6; стр. 103—128.

580. С.-Петербургскій рѣчной яхт-клубъ. Всемирная Иллюстрація. № 34. Т. II.

581. Гонимы на рѣчныхъ судахъ на Темзѣ между студентами Оксфордскаго и Кембриджскаго университе-

товъ. Всемирная Иллюстрація. № 19. Т. I.

582. Гонимы на Царскосельскомъ озерѣ. Всемирн. Иллюстр. Т. II. № 29.

583. Опасительныя буйки. Перев. Иевновъ. Морской Сборникъ. Т. 105. № 11; стр. 133—136.

584. Столкновение на Волгѣ двухъ пассажирскихъ пароходовъ, 24-го мая 1869 г. Морск. Морской Сборникъ. Т. 103. № 8; стр. 137—142.

585. Судовые огни. Перев. Д. М. Морской Сборникъ. Т. 105. № 11; стр. 93—122.

586. Плавающие маяки. Перев. Головачевъ и Ивановъ. Морской Сборникъ. Т. 5. № 11; стр. 123—132.

587. Плавающий маякъ системы Фрайера. Всемирная Иллюстрація. № 21. Т. I.

588. Плавающий маякъ въ Ливерпульской гавани. Иллюстрированная Газета. Т. 23. № 21.

589. Плавающий дождь на Бермудскихъ островахъ. Всемирная Иллюстрація. № 40.

590. Микрометръ Люжолы и Лорье. В. В. Ивановъ. Морской Сборникъ. Т. 104. № 10; стр. 101—144.

591. Международная морская выставка въ Неаполѣ въ 1870 году. Морской Сборникъ. Т. 103. № 8; стр. 147—154.

XIV. ВРАЧЕБНЫЯ НАУКИ.

За вторую и последнюю трети 1869 года.

1. О МЕДИЦИНѢ ВООБЩЕ КЪ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ. ОТЧЕТЫ ВОЛНИЦЪ И МЕДИЦИНСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ. БИОГРАФИИ И НЕКРОЛОГИ ВРАЧЕЙ.

221. Афоризмы. Д-ръ Гуммъ. Другъ Здравія. № 21, 22, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 32, 33, 35, 37, 38, 39, 41, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 51.

222. Нововведенія по военно-медиц. части. Современная Медицина. № 27.

223. Международный медицинскій конгрессъ во Флоренціи. Статья У. Современная Лѣтопись. № 41.

224. Недавніе медицинскіе сѣзды въ Европѣ. В. Карелинъ. С.-Петербург. Вѣдомости. № 299.

225. Несколько словъ о второнъ сѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей. *Перожиковъ*. Современная Медицина. № 98.

226. Сѣзды врачей. (Перед. ст.). Современная Медицина. № 29.

227. Замятка для русской медицинскій литературы. *Н. А. Андреевъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 32.

228. Разборъ иностранныхъ медицинскихъ сочиненій. Статья *В. М.* Военно-Медиц. Журналъ. Т. 106. Кн. 10; стр. 8—43.

229. Популярная медицинская библиотека. Вып. 2-й. Спб. 1869. (Рец.). Учитель. № 20; стр. 669—671.

230. Объ издаваніи «Эпидемиологическаго Листка» съ 1870 года, подъ редакціей С. Ловцова. Архивъ Суд. Медицины. № 4; стр. 77—78.

231. Русская медицина въ 1869 г (Перед. ст.). Современная Медицина. № 41.

232. Протоколъ засѣданія Таврическаго Медико-фармацевтическаго Общества 19 го мая 1869 года. Таврическаія губ. вѣд. № 42, 44, 80 и 82.

233. Третье общее собраніе участниковъ главной вспомогательной медицинской кассы 28-го марта 1869 г. Медич. Вѣстникъ. № 22.

234. Замятки по поводу медич. клиентурн. *С. Штернъ*. Домашній Врачъ. № 28.

235. О необходимости физическаго образованія для врачей при современномъ состояніи медицины. Вступит. лекція въ курсъ медич. физики. Доцентъ *Шклярскій*. Кіевскія Университ. Извѣстія. № 12; стр. 1—15.

236. По вопросу о способахъ опредѣленія тѣлосложенія въ прижизненіи къ рекрутскому набору. *М. Соколовъ*. Протоколъ Засѣд. Общ. Практич. Врачей. № 15.

237. Замятка на статью д-ра Демченко: «По поводу пересмотра настав-

ленія врачей консервационныхъ комиссій и рекрутскихъ присутствій въ Царствѣ Польскомъ». *Н. Андреевъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 105. № 7; стр. 1—68.

238. О преобразованіи военно-фельдшерскихъ школъ. Статья *Х. Медицинскій Вѣстникъ*. № 30.

239. Руководство къ обученію фельдшеровъ. Соч. *Виншевскаго* и *Вергмана*. Военно-Медиц. Журналъ. Т. 106. Кн. 10; стр. 43—54. Статья *В. М.* и Современная Медицина. № 11.

240. Несколько словъ о фельдшерахъ. *Евюръ В-скій*. Ярославскія губ. вѣд. № 33.

241. По поводу вопроса о женщинахъ-врачахъ. *С. Лосиловъ*. Архивъ Судебной Медицины. № 2; стр. 41—50.

242. Отзывъ *Е. Пеликана* на ст. г. У. («С.-Петербург. Вѣд.» № 106) «о причинѣ невключенія г-жи Кошеваровой въ списокъ медиковъ. С.-Петербург. Вѣдомости. № 130.

243. Письма врача изъ-за границы. Статья *І. Э. Ш.* Архивъ Суд. Медицины. № 4; стр. 31—35.

244. Письма врача изъ Сербіи. Архивъ Суд. Медицины. № 2; стр. 25—37 и № 3; стр. 25—51.

245. Очеркъ быта воспанаго медика. С.-Петербург. Вѣдомости. № 367.

246. Отзывъ на статью председателя Яранской уездной земской управы. *Лекарь Дмитрій Пшугозъ*. Архивъ Судебной Медицины. № 3; стр. 52—54.

247. По поводу помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Арх. Суд. Мед.» 1869 г. статьи председателя Яранской земской управы г. Ведерякова. Сообщ. жит. слободы Букарки. Архивъ Суд. Медицины. № 3; стр. 54—59.

248. Труды постоянной медицинскій комиссіи при Полтавской губ. земской управѣ. *Д-ръ Траутомъ*. Архивъ Суд. Медицины. № 4; стр. 1—10.

249. Примѣръ отношеній земства къ больничнымъ врачамъ. Ф. Цимовичъ. Архивъ Суд. Медицины. № 2; стр. 16—21.

250. Къ вопросу, объ устройствѣ врачебной части по земству. Д-ръ Славинскій. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 182 и 185.

251. Земская медицина. Статья X. Медицинскій Вѣстникъ. № 20; 21, 33, 34 и статья А. Волкопча. Одесскій Вѣстникъ № 186, 188 и 189.

252. Медицина въ рукахъ Полтавскаго земства. (Перед. ст.). Современная Медицина. № 35.

253. Новый уставъ Сиб. медико-хирургической академіи. Медицинскій Вѣстникъ. № 30.

254. Пріемъ новыхъ студентовъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію. Медицинскій Вѣстникъ. № 40.

255. Стипендія княгини Анны Васильевны Голицыной. Медицинскій Вѣстникъ. № 30.

256. Вольничный вопросъ. (Перед. ст.). Новое Время. № 167 и 175.

257. Госпитальный вопросъ въ Англіи. Современная Медицина. № 22.

258. Новый госпитальный уставъ. Медицинскій Вѣстникъ. № 31.

259. Еще о госпитальныхъ занятіяхъ въ Тифлисскомъ военномъ госпиталѣ. Я. И. Малининъ. Медицинскій Вѣстникъ. № 31.

260. Военно-врачебныя заведенія. Сынъ Отечества. № 208 и 209 (будн. №).

261. Проектируемые новые сборы въ пользу столичныхъ городскихъ больницъ. (Перед. ст.). Московск. Вѣдомости. № 329.

262. О занятіяхъ комиссіи для изысканія мѣръ къ устройству гражданской госпитальной части въ С.-Петербургѣ. Пранит. Вѣстникъ. № 242, 244 и 245.

263. Частная глазная лечебница въ Клявѣ. Медицинскій Вѣстникъ. № 30.

264. По поводу проекта преобразованія Обуховской больницы. (Перед. ст.). Петербургскій Листокъ. № 146.

265. Очеркъ устройства дѣтской больницы прица Ольденбургскаго. Медицинскій Вѣстникъ. № 42.

266. Отдѣленіе для приходящихъ больныхъ при дѣтской больницѣ прица Ольденбургскаго. Голосъ. № 339.

267. Частная дѣтская лечебница въ Варшавѣ. Медицинскій Вѣстникъ. № 30.

268. Состояніе больницы чернорабочихъ въ с. Глѣбовѣ. Архивъ Суд. Медицины. № 3; стр. 67—70.

269. Заведенія для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы. Н. Павловскій. Журналъ Минист. Народа. Просв. № 11 и 12. Ч. 146, отд. 3; стр. 1—42 и 147—189.

270. Нефрологъ, Федоръ Константиновичъ Вейеръ, докторъ медицины. И. Кроль. Петербургскій Листокъ. № 184.

271. Нефрологъ. Д-ръ Д. И. Г. Вейссе. Биржевыя Вѣдомости. № 219.

272. Рудольфъ Вирховъ. Живописный Сборникъ. Т. 6, вып. 10; стр. 302.

273. Вильгельмъ Гривингеръ. (Ум. 1868 г. въ октябрѣ; род. 1817). Иллюстрир. Газета. Т. 23. № 21.

274. Воспоминаніе о Ф. И. Иноземцевѣ. А. Полунинъ. Московскія Вѣдомости. № 175.

275. Ф. И. Иноземцевъ. (Краткое біографич. воспоминаніе). Москвитинъ. Одесскій Вѣстникъ. № 206.

276. Нефрологъ. Ф. И. Иноземцевъ. (Ум. 9-го авг. 1869 г.). Статья А. Висшницова. Вѣсть. № 222. Современная Лѣтопись. № 30 и Русскія Вѣдомости. № 173.

277. Докторъ Андре Лебель—укротитель гемороя. Статья X. Домашній Врачъ. № 24.

278. Неврологъ, удѣльникъ' Александръ Петровичъ Башинъ. Статья *Св. Л. Архивъ Судебн. Медицины.* № 2; стр. 58—59.

279. Неврологъ. Докторъ медицины Северинъ Альбертовичъ Михновскій. Статья *М — аю.* (Ум. 26-го сентября 1868 г., 30 лѣтъ); Архивъ Судебн. Медицины. № 2; стр. 53—58.

280. Клиническій профессоръ Полуяновъ. Виржевыя Вѣдомости. № 343.

281. Клиническій профессоръ Полуяновъ. Д-ръ мед. *Н. Вилооловий.* Архивъ Судебн. Медицины. № 4; стр. 25—30.

См. «Спб. Вѣдомости». № 349. Возраженіе.

282. Неврологъ. Константинъ Матвѣевичъ Соколовъ, докторъ медицины, инспекторъ Московск. больницы гражд. вѣдомства (род. 1826; ум. 1869). *В. Ельминскій.* Московская Медич. Газета. № 17 и 18 и Московскія Вѣдомости. № 118.

283. Исаахъ Эртгеръ. День, органъ русск. евреевъ. № 15. 17 и 20.

Медикъ-интераторъ, жившій въ началѣ текущаго столѣтія.

284. Неврологъ. Александръ Петровичъ Щербаковъ, прачъ Суксунскихъ заводовъ (ум. 4-го сентября 1869 года). *В. Портняловъ.* Пермскія губ. вѣд. № 74.

2. ПАТОЛОГІЯ. ТЕРАПІЯ. ДІАГНОСТИКА.

285. Современное состояніе патологія. Проф. *Руд. Виртовъ.* Домашній Врачъ. № 46, 47, 48 и 49 и Московская Медич. Газета. № 35—40.

Рѣчь, читанная въ III общемъ собраніи инсбрукскихъ врачей и естествоиспытателей 25-го сентября 1869 года.

286. Изъ клиническихъ лекцій проф. *В. Ѡ. Грубе* въ Харьковѣ. Московск. Медицинская Газета. № 17 и 18.

287. Критическая записка. Лекція частной патологіи и терапіи Оппольцера. Изд. военно-медич. департ. Т. I, вып. 1—3. Статья *Кацева.* Московск. Медич. Газета. № 15—16.

288. Въ патологіи прогрессивнаго уничтоженія координаціи движеній, зависящаго отъ страданія спиннаго мозга. Д-ръ *И. Успенскій.* Военно-Медицинскій Журналъ. Т. 106. № 9 и 10; стр. 1—34 и 71—90.

289. Кое-что о причинахъ эпидемическихъ и заразительныхъ болѣзней. Гродненскія губ. вѣд. № 42.

290. Уединеніе плотныхъ тѣлецъ, которыя составляютъ специфическихъ дѣателей заразотворныхъ (*virulentes*) влагъ; прямое доказательство дѣятельности этихъ тѣлецъ. Д-ръ *Шооо.* Другъ Здравія. № 19.

291. По поводу повальныхъ болѣзней. *Евсиминовъ.* Донской Вѣстникъ. № 19.

292. Объ одышкѣ и асфиксіи. *А. С. Шкларевскій.* Медицинскій Вѣстникъ. № 27, 28 и 29.

293. Случай афазіи при страданіи 3-й лѣвой лобной извилины мозга. *К. Новосъ.* Медицинскій Вѣстникъ. № 29.

294. Болѣзнь отъ жары. Современная Медицина. № 19.

295. Болѣзнь, производимая паразитными грибами. *Ю. Губиеръ.* Архивъ Судебн. Медицины. № 2; стр. 82—49.

296. О развитіи *bothrioccephaliti.* Военно-Медич. Журналъ. Т. 106. Кн. 2; стр. 150—156.

297. Случай бѣшенства у чловѣка. Лѣченіе соляно-кислымъ морфіемъ и бромистымъ калиемъ. Врачъ *Досе.* Другъ Здравія. № 24.

298. Предохранительное прививаніе отъ водоболызни. Вѣстникъ Россійск. Общ. Покров. Животн. № 16.

299. Нѣсколько словъ о паровыхъ ваннахъ въ водоболызни. *Г. Шмидтъ.*

Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 105. № 8; стр. 12—14.

300. Обзоръ успѣховъ офтальмологій за 1865—1866 годы. *Н. Меморскій*. Военно-Медиц. Журналъ. Т. 106. Кн. II; стр. 253—284. Кн. 12; стр. 285—340.

301. Клиническій спазмъ вѣкъ. Надглазничная невротомія. *І. П. Талъко*. Медицинскій Вѣстникъ. № 35 и 36.

302. Клиническія лекціи о болѣзняхъ глазъ. Проф. *Создберъ Уэллсъ*. Современная Медицина. № 24 и 25; 27, 28, 29, 32, 33, 34, 39, 40 и 41.

303. Короткая замѣтка по поводу опредѣленія астигматизма въ афакическомъ глазу. *Мил. Воиновъ*. Московская Медиц. Газета. № 19 и 20.

304. О неравности зрачковъ въ пораженіяхъ легкихъ, нервныхъ желѣзокъ дыхательныхъ вѣтвей и околосердечной сумки. Дѣтскій врачъ *Волге*. Другъ Здравія. № 48.

305. Смерть отъ вхожденія воздуха въ глаза. Докт. мед. *Талъко*. Архивъ Суд. Медицины. № 2; стр. 38—39.

306. Нѣсколько словъ о подверженности глазной болѣзни въ Тифлисѣ. Д-ръ *Блумбергъ*. Кавказъ. № 58.

307. Къ ученію о стекловидномъ тѣлѣ, Влисса (*Stockholm Medicin. Arch.*, IV, № 4). *М. Мышкинъ*. Протоколъ Засѣд. Общ. Практич. Врачей. № 12.

308. О стекловидныхъ образованіяхъ въ сосудистой оболочкѣ человѣческаго глаза и о стекловидномъ перерожденіи сосудовъ ея. Д-ръ *А. Рудневъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Т. 106. Кн. 12; стр. 157—182.

309. Разстройство зрѣнія, какъ слѣдствіе порчи зубовъ и производимыхъ надъ этими послѣдними операцій. Домашній Врачъ. № 22.

310. Случай изъ частной практики доктора *С. И. Штейнберга*. О болѣзни горла. Современная Медицина. № 20 и 21.

311. О госпитальномъ омертвѣніи. Д-ръ *Цейсъ*. Московская Медицинская Газета. № 29, 30, 31 и 32.

312. Возвратная горячка. *В. Амбратъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 105. № 8; стр. 239—268.

313. *Febris intermittens perniciosa*. Современная Медицина. № 41.

314. Къ распознаванію скрытой гиперметропіи, д-ра Р. Верина (*Klin. Monatsbl. f. Augenh.* 1869, Januar). *М. Рейль*. Протоколъ Засѣд. Общ. Практич. Врачей. № 13.

315. Къ ученію о *diabetes mellitus*. *М. Чериновъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Т. 106. Кн. 11; стр. 208—234.

316. Еще о дифтеритѣ и *Ang. Calcia*. Современная Медицина. № 40.

317. Взмутный дифтеритъ полости рта. *Геоодосій Дубинскій*. Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 105. № 6; стр. 163—202.

318. Желудочное головокруженіе произведенное злоупотребленіемъ куренія табаку. Д-ръ *Деканъ*. Другъ Здравія. № 30.

319. Злокачественная жаба, дифтеритъ (*angina diphtheritica, angina gangrenosa*). Лѣченіе вдыханіемъ паровъ киновари, іода и проч. Домашній Врачъ. № 47.

320. Къ трактату о зубной боли. (Письмо къ протоіерею о. Прокошію Громову). Домашняя Бесѣда. № 52 и Иркутскія губ. вѣд. № 26.

321. Клиническое замѣчаніе къ изученію о меланхоліи. Проф. д-ръ *Максъ Лейдендорфъ* въ Вѣнѣ. Московская Медиц. Газета. № 35 и 36.

322. Простая полиурія (чрезмѣрное мочеотдѣленіе) съ карбункуломъ. Другъ Здравія. № 35.

323. Случай дистохіи, причиненной задержаніемъ мочи. Д-ръ *Леопольдъ Голлинелли*. Другъ Здравія. № 43.

324. Изъ Лубенской земской больницы. Случай абсолютнаго задержанія

мочи. (Ishuria mechanica). К. Соловк. Современная Медицина. № 17.

325. Лекція профессора Томаса, о болѣзняхъ мочевыхъ органовъ. Современная Медицина. № 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24 и 25.

326. Млекоотечіе (чрезвѣрное истеченіе молока): успѣшное дѣйствіе эрготина (водяной вытяжки изъ спорыньи). Домашній Врачъ. № 46.

327. Вѣсѣда съ крестьянами о нашей бѣдѣ — колтунахъ. Минскія губ. вѣд. № 20.

328. Корь; важное значеніе гигиеническихъ показаній. Другъ Здравіа. № 51.

329. Ограниченіе распространенія кори и скарлатины. Домашній Врачъ. № 22 и 24.

330. Кожотье въ боку (points de côté). Д-ръ Петеръ. Другъ Здравіа. № 51.

331. Краснуха. С. Штернъ. Домашній Врачъ. № 26.

332. Кругъ. Домашняя Вѣсѣда. № 43, 44, 45 и 46.

333. О передаваемости назоныхъ лихорадочныхъ болѣзней и о точной эпохѣ, въ которую передается эта болѣзнь. Д-ръ Жироръ. Другъ Здравіа. № 40.

334. Клиническія лекціи объ умственныхъ и первичныхъ болѣзняхъ: алкоголизмъ, спиртъ и полынная настойка. Падушая болѣзнь отъ полынной настойки. Д-ръ Мильманъ. Другъ Здравіа. № 35.

335. Nuregaesthesia plexus cardiaci in termittens. Stenocardia, Angina pectoris Skod'и. Невралгія сердца. А. Минтольтъ. Современная Медицина. № 39 и 41.

336. Конгестивныя невроты головного мозга. Д-ръ Бушъ. Другъ Здравіа. № 21.

337. Личная нервная боль, продолжавшаяся болѣе года; полное за-

кратіе глазу. Перерывъ нервовъ седьмой пары. Мѣстное назначеніе. Другъ Здравіа. № 26.

338. Необыкновенная нервная болѣзнь. Другъ Здравіа. № 42.

339. Невралгія. Сѣдалищная боль. Другъ Здравіа. № 52.

340. О паренхиматозномъ воспаленіи печени, циррозѣ и атрофической мушкетной печени. Проф. Мачонъ. Университетскія Извѣстія. № 6; стр. 1—40.

341. О лимфатическихъ сосудахъ печени. Лислевъ. Военно-Медич. Журналъ. Ч. 105. № 8; стр. 191—206.

342. Нарывъ печени, послѣдовавшій за тифозною горячкою. Излеченіе Второй нарывъ черезъ годъ потомъ. Новое излеченіе. Д-ръ Делеро. Другъ Здравіа. № 39.

343. О внезапной смерти. Д-ръ Ресселлу. Другъ Здравіа. № 35.

344. О смерти въ водѣ. Изъ статьи д-ра Фалка въ Берлинѣ. Домашній Врачъ. № 35 и 36.

345. Прогрессивное омощеніе всѣхъ мускуловъ. Современная Медицина. № 38.

346. Случай омертвѣнія мочевого пузыря отъ затека мочи при органическомъ суженіи in parte glandulari urethrae. А. Байковъ. (Изъ госпитальной клиники проф. А. А. Кутера). Протоколъ Засѣд. Общ. Практич. Врачей. № 12.

347. Случай прободенія затылочной кости гноемъ изъ нарыва въ мозжечкѣ. Г. Шмидтъ. Военно-Медич. Журналъ. Ч. 105. № 8; стр. 14—21.

348. О прожаѣ въ Сиріи и Палестинѣ. (Матеріалъ для изученія проказы). Г. С. Саруфъ. Протоколъ Засѣд. Общ. Практич. Врачей. № 11.

349. Paralysie nervei oculomotorii completa periodica. (Изъ офтальмологической клиники проф. Э. А. Юнге). М. Рейхъ. Медицинскій Вѣстникъ. № 45

350. Судорожное чиханіе и его отношеніе къ мигрени, одышкѣ и гѣтвей лихорадкѣ (сѣнокосной, Heufieber). *Д. Руд. Ферберъ* въ Гамбургѣ. Московская Медич. Газета. № 41, 42, 43 и 44.
351. Истерика и пляска св. Витта, излеченіе бромистымъ калиемъ. *Д-ръ Диборъ*. Другъ Здравія. № 44 и 47.
352. Пляска св. Витта (chorea), лѣченная бромистымъ калиемъ. Другъ Здравія. № 33.
353. Острая ревматическая пляска св. Витта. Лѣченіе бромистымъ калиемъ. Полное излеченіе въ недѣлю. Другъ Здравія. № 24.
354. Матеріалы къ ученію о происхожденіи эпителиальнаго рака (канкрома). *Д. Леонтовичъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 106. № 8; стр. 145—173.
355. Эпителиальный ракъ голени. *Г. Шмидт*. Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 106. № 8; стр. 23—34.
356. Die Entwicklung der Carcinomen und Sarcomen, von Dr. Köster. *М. Чаусовъ*. Протоколъ Засѣд. Общ. Практич. Врачей. № 13.
357. Соврожденный саркомъ языка. Другъ Здравія. № 45.
358. Ограниченіе распространенія скарлатины и кори. Домашній Врачъ. № 22 и 24.
359. Отодблякъ и кураре. *Д-ръ Felice Dell' Aequa*. Другъ Здравія. № 47.
360. Новѣйшія свѣдѣнія о свиновой болѣзни. *Зиссерманъ*. Другъ Здравія. № 36.
361. Брюшной тифъ. Отдѣлъ врачебный. Домашняя Бесѣда, № 29 и 30.
362. Къ ученію о тифѣ. *П. Румицель*. Московская Медич. Газета. № 17 и 18.
363. О тифѣ въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку. *К. Ф. Брошнѣвскій*. Протоколъ Засѣданій Кавказскаго Медицинскаго Общества. № 28.
364. О тифѣ въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку (дополненіе къ сообщенію д-ра Брошнѣвскаго). *С. А. Амировъ*. Протоколъ Засѣданій Кавказскаго Медич. Общества. № 24.
365. Тифозное состояніе. Причины и предупрежденіе. Домашній Врачъ. № 21, 23 и 33.
366. Тифъ въ провинціи Константинополь (Алжирин) въ 1868 г. *Д-ръ Витале*. Другъ Здравія. № 30.
367. Тифъ. Домашняя Бесѣда. № 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27 и 28.
368. Объ острейшей эпителиомѣ *Н. Н. Умаковъ*. Протоколъ Засѣданій Кавказскаго Медицинскаго Общества. № 23.
369. Новѣйшія свѣдѣнія о холерѣ. *Л. Зиссерманъ*. Другъ Здравія. № 34.
370. Новѣйшія холерная эпидемія въ Кіевѣ. Современная Медицина. № 31.
371. Холера. Домашняя Бесѣда, врачебный отдѣлъ. № 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41 и 42.
372. Холера, сыпной и возвратный тифы. Замѣтка по поводу изд. «Эпидемиологическаго Листка». *Г. И. Арзамельскій*. Архивъ Суд. Медицины. № 4; стр. 28—71.
373. Хроническій поносъ, продолжавшійся девять мѣсяцевъ, леченный безуспѣшно обыкновенными средствами и вдругъ прекратившійся отъ сѣрнокислаго хинина. *Д-ръ Феруль*. Другъ Здравія. № 37.
374. Эпидемія холеры въ Пруссіи. Архивъ Судебной Медицины. № 3; стр. 50 и 51.
375. Случай флегмонознаго воспаленія желудка съ образованіемъ тромбовъ въ желудочныхъ венахъ и эмболическими гитздами въ печени и легкихъ, проф. *Ахкермана* въ Ростовѣ. (*Virchow's Archiv*. XL, V, H. II, 39). Протоколъ Засѣд. Общ. Практич. Врачей. № 10.
376. Острая маля, послѣдовавшая

за засореніемъ желудка (отъ изверженія). Другъ Здравія. № 46.

377. Вѣшекетство (Rabies) и водо-боязнь (hydrophobie) въ своихъ соотношеніяхъ съ умопомѣтательствомъ. Другъ Здравія. № 20.

378. Неврапатическое сумасшествіе. Д-ръ *Ревелу*. Другъ Здравія. № 41.

379. Увеличеніе числа уменьшенныхъ. Другъ Здравія. № 20.

380. По поводу предполагаемыхъ перестроекъ дома уменьшенныхъ, находящихся при Кіево-Бирюловской городской больницѣ. *С. И. Штейнбергъ*. Кіевлянинъ. № 148.

381. Объ устройствѣ окружныхъ домовъ для умопомѣтанныхъ в Казанскій окружной домъ. Медицинскій Вѣстникъ. № 45, 47, 48, 49, 50 и 52.

382. Открытіе Казанскаго дома уменьшенныхъ. Архивъ Судебн. Медицины. № 3; стр. 72--82 и Казанскій губ. вѣд. № 54 и 55.

383. О Казанскомъ центр. домѣ уменьшенныхъ. *С. Черепановъ*. (Корресп.). С.-Петербург. Вѣдомости. № 134.

384. Казанскій окружной домъ уменьшенныхъ. Правительств. Вѣстникъ. № 202, 210 и 211.

385. Казанскій домъ для помѣшанныхъ. (Перед. ст.). Современная Медицина. № 20 и 21.

386. Гельскій домъ уменьшенныхъ въ Бельгіи. (Изъ замѣтокъ путешественника). Иллюстрир. Газета. Т. 24. № 27.

387. Впрыскиваніе теплой воды въ гѣченіи маточныхъ воспаленій и разстройства мѣсячнаго очищенія (дисменоррея). Проф. *Денре*. Другъ Здравія. 27 №.

388. Впрыскиванія полуторокхлористаго желѣза во внутрь матки въ случаяхъ кровотеченія. Д-ръ *Гантмилъ-онъ*. Другъ Здравія. № 32.

389. Излѣченіе ущемленной пахо-

вой грыжи у женщины чрезъ образовавшійся каловой абсцессъ въ правой позадочной части живота. Московская Медицинская Газета. № 27 и 28.

390. Вырѣзаніе матки и ея связокъ. Другъ Здравія. № 50.

391. Колющюе стягивающее средство; его полезное употребленіе въ гѣченіи маточныхъ изъязвленій. Другъ Здравія. № 45.

392. Крапивный сокъ въ кровотеченияхъ, бывающихъ въ критическомъ возрастѣ женщинъ. Другъ Здравія. № 30.

393. Критическое разсужденіе: къ вопросу искусственнаго выдѣленія дѣтскаго мѣста въ разныя періоды беременности. *Ал. Шарръ*. Современная Медицина. № 20, 21, 22, 23, 24 и 25.

394. Кровотеченіе изъ матки во время беременности. Другъ Здравія. № 43.

395. Къ ученію о свободныхъ гѣлахъ брюшной полости и о виѣ-маточной беременности. *В. Комегаарова*. Протоколъ Засѣд. Общ. Практич. Врачей. № 12.

396. Излѣченіе рака маточной шейки прижиганіемъ посредствомъ хлористаго цинка. Другъ Здравія. № 41.

397. Механизмъ прохожденія предлежащей головки чрезъ каналъ таза. *Н. Ф. Толочиковъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 30, 31 и 32.

398. Нѣкоторыя изслѣдованія нервныхъ и другихъ возбуждителей маточныхъ сокращеній. Д-ръ *Рейманъ*. Современная Медицина. № 26.

399. Нѣсколько словъ о неполномъ выпораживаніи мочевого пузыря въ первые дни послѣ родовъ. *И. М. Тарновскій*. Медицинскій Вѣстникъ. № 49.

400. Опасная родильная альбуминуричная элампсія, скоро излѣченная, также какъ и самая альбуминурия, назначеніемъ бромистаго калия. Д-ръ *Рациборскій*. Другъ Здравія. № 34.

401. Эклампсія на восьмомъ мѣсцѣ беременности. Хлороформъ для вдыханія, благополучное разрѣшеніе отъ бремени. Выздоровленіе. Д-ръ Франсуа. Другъ Здравіа. № 47.

402. Вромистый калий въ родильной эклампсіи. Д-ръ Виже и д-ръ Рей. Другъ Здравіа. № 41 и 49.

403. Дѣйствіе бромистаго калия въ нѣсколькихъ случаяхъ эпилептическаго безумія. Другъ Здравіа. № 41.

404. Объ электричествѣ въ родовспомогательномъ искусствѣ. Д-ръ Сент-Жерменъ. Другъ Здравіа. № 49.

405. О леченіи болѣзней матки посредствомъ инъекцій въ самую полость ся. Гичель. Современная Медицина. № 26.

406. О механическихъ маточныхъ спардахъ. Н. М. Тарновскій. Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 105. № 5; стр. 69—162.

407. О новомъ способѣ сминанія промежности. К. Ф. Геннеръ. Медицинскій Вѣстникъ. № 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46 и 47.

408. Подвижная родильная кроватка или возокъ. Э. Функе. Университетскія (Кіевскія) Извѣстія. № 7; стр. 1—4.

409. Положеніе и очертаніе матки въ родильномъ состояніи. М. Горенъ. Медиц. Вѣстникъ. № 18.

410. Роды при фибродахъ матки. Д-ръ Н. Ф. Толочимовъ. Московская Медиц. Газета. № 21 и 22.

411. Руководство къ уходу за больными, беременными, родильницами и новорожденными дѣтьми. М. Залуговскаго. 1869 г. Статья К. Архивъ Суд. Медицины. № 4; стр. 13—15.

412. Случай вѣн-маточной беременности въ акушерской клиникѣ университета св. Владиміра. Ординаторъ Функе. Кіевскія Университ. Извѣстія. № 8; стр. 1—12.

413. Случай вѣн-маточной беремен-

ности въ акушерской клиникѣ университета св. Владиміра. Рейманъ. Современная Медицина. № 33.

414. Случай вѣнматочной беременности. Д-ръ Трипольскій. Современная Медицина. № 24 и 25.

415. Галакторрея (болѣзненное истеченіе молока изъ груди); хорошия дѣйствія эрготина. Другъ Здравіа. № 40.

416. Лѣченіе поноса у дѣтей. Домашній Врачъ. № 45.

417. Езъ вопросу о сохраненіи оспенной лимфы. А. М. Финкельштейнъ. Протоколъ Засѣданій Кавказскаго Медиц. Общества. № 25.

418. Наставленіе какъ распространять предохранительную коровью оспу посредствомъ прививанія оной телятѣмъ и съ телятъ дѣтямъ и взрослымъ. Херсонскія губ. вѣд. № 93.

419. Ослопрививаніе съ телятъ. А. Клеметтовскій. Современныя Извѣстія. № 161.

420. По поводу ослопрививанія въ Московскомъ воспитательномъ домѣ. А. Клеметтовскій. Современныя Извѣстія. № 256.

421. Объ урядныхъ повивальныхъ бабкахъ. Одоевскій город. врачъ В. Скопинъ. Архивъ Судебной Медицины. № 3; стр. 59—63.

422. О воспитательныхъ домахъ въ Россіи. Статья докт. мед. М. Г***. Архивъ Судебной Медицины. № 3; стр. 36—61.

423. Правильное и неправильное сосаніе дѣтей. Современная Медицина. № 37.

424. Вліяніе паразитовъ на происхожденіе нѣкоторыхъ болѣзней. Н. С. Wood. (Amer. Journ. of med. Sciences. 1868, или Centralblatt. 1868. 53; стр. 841). К. Славинскій. Протоколъ Засѣдан. Общества Практическихъ Врачей. № 10.

425. Вліяніе, производимое на ор-

ганизмъ восхожденіемъ на большія высоты. Д-ра *Вромель*. Другъ Здравія. № 40.

426. Вновь изобрѣтенный переливатель капиллярной крови, д-ра *Ф. Гезелиуса*, въ С.-Петербургѣ. Всемирная Иллюстрація. № 23. Т. 1.

427. Дѣйствіе боли на дыханіе; экспериментальныя изслѣдованія. Професс. *Монтгадоъ*. Другъ Здравія. № 40.

428. Новыя наблюденія надъ дѣйствіемъ желудочнаго насоса. Современная Медицина. № 23.

429. Дѣйствіе желудочнаго насоса въ болящихъ желудка. Современная Медицина. № 40.

430. Замкъ азота какъ средство, наводящее безчувствіе (anaestheticum). Современная Медицина. № 36.

431. О возвращеніяхъ врачей на болящихъ и на лѣченіе ихъ. Современная Лѣтопись. № 32.

432. О воспалительныхъ измѣненіяхъ мышечной ткани. *С. Яновичъ-Чайскій*. Медицинскій Вѣстникъ № 43 и 44.

433. О вредѣ кровопусканія. Другъ Народа. № 43.

434. Значеніе мѣстной фарѣдизаціи въ лѣченіи атрофическихъ параличей отъ травматической причины. Д-ръ *Дюшменъ* (сынъ). Другъ Здравія. № 20.

435. Объ отвѣщеніи. Д-ръ *Воборъ*. Другъ Здравія. № 36.

436. О дифференціальной діагностикѣ лимфо-саркомъ. *И. Н. Оболенскій*. Медицинскій Вѣстникъ. № 48.

437. О дѣйствіи табаку на органъ зрѣнія. Докт. мед. *Талько*. Архивъ Судебн. Мед. № 2; стр. № 37—38.

438. Акупунктура. Другъ Здравія. № 51.

439. Новая акупунктура въ нервныхъ. Другъ Здравія. № 46.

440. Выпрямливанія и вкапыванія въ наружный слуховой проходъ. Д-ръ *Кузень*. Другъ Здравія. № 24 и 25.

441. Какова часть діагностика. *Веніаминъ Португаловъ*. Современная Медицина. № 18, 19, 27 и 28.

442. Разъясненіе: «Случай спорнаго діагноза». *Вл. Бродовскій*. Медицинскій Вѣстникъ. № 19.

443. Неожиданный отвѣтъ на «Разъясненіе случая спорнаго діагноза». *Н. А. Андреевъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 24, 25 и 26.

444. Въ вопросу объ участіи тѣхъ соединительной ткани при воспаленіи, Конгейма (Virchow's Arch., XLV, 333—350). *М. Мимкинъ*; Протоколъ засѣд. Общ. Практич. Врачей. № 10.

445. Употребленіе простыхъ средствъ при лѣченіи болящихъ. Статья *С. III*. Домашній Врачъ. № 18, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 37, 38, 41, 42 и 50.

446. Ученіе о собственной теплотѣ у здороваго и больного человека. Проф. *Нимейеръ*. Домашній Врачъ. № 26, 27 и 28.

447. Медленное и постепенное дѣйствіе угольныхъ паровъ, причиняющихъ осфигокческіе припадки, бывающіе отъ угара; излѣченіе отъ вдыханія кислорода. Д-ръ *Линъ*. Другъ Здравія. № 21.

448. Металлотерапія во французской больницѣ Лярибуазьеръ. Другъ Здравія. № 28.

449. Наблюденія изъ терапевтической факультетской клиники Казанскаго университета. *Н. Виноградовъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 24, 25, 26 и 28.

450. Причины болящей. В. Португаловъ. Сиб. 1869 г. (Рецензія). Отечественныя Записки. № 6. Т. 184, отд. 2; стр. 234—244.

451. Мѣстная аспирзація и игло-вкаливаніе (аспирпунктура anaesthetica), какъ средство противъ водянки лѣча. *Г. Финкельштейнъ*. Протоколъ Засѣданія Кавказскаго Медицинскаго Общества. № 23.

452. Лечение плоской глисты. Другъ Здравія. № 30.

453. О значеніи наружной уретротоміи при лѣченіи органическихъ суженій мочевого канала. *И. Скроботовъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 19 и 20.

454. О леченіи болѣзней простыми средствами. Другъ Народа. № 20.

455. О частности пульса въ различныхъ болѣзняхъ, смотря по положенію больного. Другъ Здравія. № 51.

456. О нѣкоторыхъ гомеопатическихъ средствахъ, примѣнимыхъ, черезъ наружное ухо, къ лѣченію различныхъ болѣзней слухового аппарата. Другъ Здравія. № 45.

457. Описаніе болѣзни, производимой принятіемъ яда эхидны (*virera*). Д-ръ *Віо-Гранъ-Марс*. Другъ Здравія. № 19, 20 и 22.

458. О признакахъ мнимой смерти. Домашній Врачъ. № 46.

459. О примѣненіи сгущеннаго воздуха къ лѣченію разпородитѣйшихъ болѣзней, преимущественно же пораженій дыхательныхъ органовъ. Домашній Врачъ. № 33.

460. Песочныя ванны. Домашній Врачъ. № 24.

461. О спермѣ и ея видоизмѣненіяхъ въ болѣзняхъ. Д-ръ *Лесжуа*. Другъ Здравія. № 31.

462. Снарядъ для растворенія камней въ полости мочевого пузыря. *Вл. Поповъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 51.

463. Гомеопатическія показанія къ лѣченію сахаристой мочи (*diabetes*). Д-ръ *Дюранъ Фарделъ*. Другъ Здравія. № 19 и 20.

464. Исслѣдованія различныхъ врачеваній, употребляемыхъ противъ сахаристаго мочеиспусканія. Д-ръ *Бурарделъ*. Другъ Здравія. № 40.

465. Жѣлчные рожки по блутреннихъ аневризмахъ. Другъ Здравія. № 26.

466. Подкожные впрыскиванія соляно-кислаго морфія въ частныя

разрывахъ мышцъ. Д-ръ *Аллинг*. Другъ Здравія. № 22.

467. Холодное молоко, какъ причина скоростижной смерти. Домашній Врачъ. № 33.

468. Хроническое воспаленіе дыхательныхъ вѣтвей и его лѣченіе. Д-ръ *Шаркс*. Другъ Здравія. № 52.

469. Пользованіе излечимой легочной гангрены вдыханіемъ фимьяновой кислоты (*Acide thymique*, *Thymus serrillum*), Д-ръ *Шаке*. Другъ Здравія. № 39.

470. Постоянное сведеніе праваго верхняго члена, продолжавшееся четыре года и излѣченное подкожными впрыскиваніями атропина. Другъ Здравія. № 28.

471. Лечение катаральнаго воспаленія зѣва и гортани растворомъ ѣдкихъ щелочей. *Цыль Соколовъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 50.

472. Лечение геморроидальныхъ опухолей. Другъ Здравія. № 37.

473. Бѣзвасунствѣйство (Molia). Статья Д-ра *С...* Московская Медицинская Газета. № 27 и 28.

474. Лечение мышьякомъ желтухи. Другъ Здравія. № 20.

475. Излѣченіе отъ запоя. *Свяц. Мих. Успенскій*. Странникъ. № 11; стр. 29—32.

476. Зубная боль. Домашнія Вѣсѣда. № 31, 32, 33, 34.

477. Зубная боль и ея лѣченіе. Статья *И.* Другъ Народа. № 18.

478. Незамѣнимая анестезія при зубныхъ операціяхъ. Д-ръ *Г. Шкорбатовъ*. Одесскій Вѣстникъ. № 125.

479. Лечение канкремодовъ (накожный эпителиальный ракъ, эпителиомы) двойнымъ прижиганіемъ. Д-ръ *Кунс*. Другъ Здравія. № 47.

480. Ближнеческія лекціи о леченіи карбункула. Д-ръ *Джемсъ Педжеть*. Современная Медицина. № 29, 30, 31, 32.

481. Лечение свищевой коллики подкожными впрыскиваниями морфия совместно съ употреблением слабительныхъ. Другъ Здравія. № 44.
482. Къ вопросу о леченіи крупа известковою водою. *С. Кошнеръ*. Современная Медицина. № 38.
483. Местное леченіе крупа молочной кислотой. Домашній Врачъ. № 42.
484. Сущность лихорадочнаго жара. Современная Медицина. № 34.
485. О леченіи перемежающихся лихорадокъ. Другъ Здравія. № 50.
486. Къ вопросу о леченіи перемежающейся лихорадки хинонидипомъ. *Лѣв. Арнольдъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 105. № 8; стр. 1—8.
487. Исторія болѣзни de mania. *Н. И. Савинскій*. Протоколъ Засѣданій Кавказскаго Медицинскаго Общества. № 24.
488. Средства противъ ожога. *Зиссерманъ*. Другъ Здравія. № 49.
489. Объ употребленіи каучука при леченіи наклонныхъ болѣзней. *Д-ръ Зиссерманъ*. Другъ Здравія. № 42.
490. Абортивное (прерывающее) леченіе ногтеды. Домашній Врачъ. № 22.
491. Лечение вросшаго ногтя безъ операциі. Другъ Здравія. № 44.
492. Опухоль груди. Серозно-кровоная кисть. Прободепіе. Дренажъ. Излеченіе. Другъ Здравія. № 34.
493. Исслѣдованіе новой методи д-ра Маурика для удаленія опухолей посредствомъ действительнаго прижиганія (cauterium actuale). *Д-ръ Martines del Rio*. Другъ Здравія. № 34.
494. Къ леченію оспы. *Д-ръ Gross* въ Вѣнѣ. Московская Газета. № 27 и 28.
495. Объ употребленіи погруженій при отмораживаніи конечностей. *Д. Билимовичъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 105. № 8; стр. 8—12.
496. Отдѣленіе рака груди канкуловымъ ѣдкимъ тѣстомъ. Самостоятельное вскрытіе грудной полости. *Д-ръ Демаркс*. Другъ Здравія. № 19.
497. Къ леченію рака. *Д-ръ М. Келдышъ*. Другъ Здравія. № 31.
498. Предварительное сообщеніе. Опытъ леченія нѣкоторыхъ формъ рака хининомъ. *Д-ръ Н. Максуровъ*. Московская Медицинская Газета. № 25 и 26.
499. Раковая опухоль, излеченная желудочнымъ сокомъ (Succus gastricus). Другъ Здравія. № 23.
500. Лечение ревматизма сочленій хроническаго, первичнаго, обобщеннаго или прогрессивнаго (узловатый ревматизмъ) постоянными непрерывными электрическими токами. Другъ Здравія. № 42.
501. Лечение хроническаго ревматизма сочленій непрерывными электрическими токами. *Д-ръ Шеронъ*. Другъ Здравія. № 49.
502. Лечение ревматизма составовъ. *но Ополмеру*. Современная Медицина. № 27.
503. Абортивное леченіе рожи. Другъ Здравія. № 23.
504. Способъ, составляющій абортивное средство отъ рожи. Другъ Здравія. № 30.
505. Безвредность и польза прижиганія растворомъ азотно-кислаго серебра въ леченіи дифтерической перепончатой жабы. *Д-ръ Бримето*. Другъ Здравія. № 25.
506. Вдуваніе сѣрнаго цѣста противъ дифтеритазна. *Зиссерманъ*. Другъ Здравія. № 50.
507. Новый способъ леченія эпидемической дифтерической жабы. *Д-ръ Месеръ*. Другъ Здравія. № 51.
508. Traitement de l'angine diphthérique par les fleurs de soufre; par le professeur Antonio Maria Barbosa. Lisbonne. 1869. Другъ Здравія. № 31.
509. Излеченіе спиннаго паралича (paralysis spinalis), остраго и восходя-

щого, противусифилитическимъ леченіемъ. Д-ръ *Байеръ*. Другъ Здравія. № 87.

510. Травматическій столбнякъ въ началѣ, излеченный бромистымъ калиемъ. Д-ръ *Брюшонъ*. Другъ Здравія. № 26.

511. Два случая столбняка, излеченнаго аловитомъ. Д-ръ *Вундерлицъ*. Другъ Здравія. № 26.

512. Причины тучности и ея леченіе. Д-ръ *Шиндлеръ*. Другъ Здравія. № 31, 32 и 33.

518. Врачебное и предохранительное леченіе тучности и ея послѣдствій Маріенбадскими водами. Д-ръ *Шиндлеръ*. Другъ Здравія. № 50.

514. Терапевтическія дѣйствія тресковаго жира въ леченіи чахотки. Другъ Здравія. № 36.

515. Новые мыложи и опыты надъ пользованіемъ чахоточныхъ. *Кюземейстеръ*. Современная Медицина. № 31.

516. Леченіе эпителиомы хлорокислымъ кали. Другъ Здравія. № 39.

517. Случай эхинококковъ печени. *Н. Минъ*. Московская Медиц. Газета. № 23 и 24.

518. Тетанія или тоническія конвульсіи туловища и конечностей; употребленіе льда; мгновенное излеченіе. Другъ Здравія. № 48.

519. Травматическое продривленіе барабанной перепонки, пастушившее за два мѣсяца и излеченное орошеніями теплою водою. Другъ Здравія. № 29.

520. Употребленіе бромистаго кали въ падучей болѣзни. Новые благоприятные факты. Д-ръ *Мореталь*. Другъ Здравія. № 28.

521. Цистидеркъ (пузырчатая глеста) ручной ладош. Д-ръ *Лафитъ*. Другъ Здравія. № 29.

522. Эвопериментальными изслѣдованіями надъ явленіями соединенія первымъ натаженіемъ (per primum in-

tentionem), спеціально въ расположеніи сосудовъ. Д-ръ *Выводисель*. Другъ Здравія. № 85.

523. Эндемическая курчя слѣнота (hemeralgia) и ея леченіе калабариномъ. Д-ръ *Галензовскій*. Другъ Здравія. № 52.

524. Леченіе сифлиса подкожными впрыскиваніями. Другъ Здравія. № 43.

525. О занятіяхъ и публичномъ институтѣ для обученія распознаванію и леченію сифилитическихъ болѣзней у женщинъ и дѣтей, при градской Калинкинской больницѣ. Архивъ Судебн. Медицины. № 3; стр. 63—67.

526. Первичный сифлисъ у женщинъ. *Симмондъ*. Современная Медицина. № 22.

527. Подкожное леченіе сифлиса (Перед. ст.). Современная Медицина. № 18.

528. *Esquema sypilliticum*. *Ф. В. Подкопаневъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 52.

529. Переэвляваніе первичнаго шанкра камфорнымъ порошкомъ. Д-ръ *Шампулонъ*. Другъ Здравія. № 30.

530. Вакциный сифлисъ. Другъ Здравія. № 34.

531. Вскрытіе дыхательнаго горла въ сифилитическихъ поврежденіяхъ гортани. Другъ Здравія. № 21.

532. Вторичная сифилитическая анальгезія. Другъ Здравія. № 42.

533. Исслѣдованіе вакцинъ. Д-ръ *Насветъ*. Другъ Здравія. № 51.

534. Историческій и критическій очеркъ происхожденія сифлиса въ Европѣ. Д-ръ *Озіасъ - Тюремъ*. Другъ Здравія. № 39.

535. Можно затвердѣлые шанкры сифилитиковъ. *В. Тарновскій*. Проток. Засѣд. Общ. Практич. Врачей. № 10.

536. Предполагаемая эпидемія вакциннаго сифлиса. Другъ Здравія. № 52.

537. О жѣрахъ въ прекращеніи сифилиса у проституткоу. Д-ръ мед. *Эдуардъ Шперкъ*. Архивъ Судебн. Медиц. № 3; стр. 67—84.

538. Острый восходящій параличъ, сифилитическаго происхожденія, излеченный ртутными втираніями. Другъ Здравія. № 47.

539. Случай быстрого излеченія вторичныхъ явленій сифилиса подкожными вымываніемъ раствора сулемы. *П. Покровский*. Московская Мед. Газета. № 17 и 18.

540. Умѣрняющее леченіе въ сифилисѣ. Д-ръ *Демре*. Другъ Здравія. № 51.

3. ГИГИЕНА И ДІЕТИКА.

541. Безпредрѣзкость гигиены. *В. О. Португаловъ*. Дѣло. № 8; стр. 1—59.

542. Гигиеническія условія судовыхъ командъ броненосной эскадры за кампанію 1868 года. *А. Хохряковъ*. Морской Сборникъ. Т. 102. № 6; стр. 151—161.

543. Какъ понимается гигиена въ Англіи. Домашній Врачъ. № 33.

544. Курсъ физической и нравственной гигиены. Домашній Врачъ. № 27.

545. Лекція, читанная въ Имп. университетѣ св. Владиміра, для приобретенія званія приватъ-доцента по предмету гигиены. *В. Субботинъ*. Архивъ Судебной Медиц. № 3; стр. 27—28 и Кіевлянинъ. № 82, 83, 86 и 87.

546. На сколько удовлетворяеть Ярославль требованіямъ научной гигиены. *Н. В. Пирожковъ*. Ярославскія губ. вѣд. № 45.

547. Общепонятныя естествонаучныя, гигиен. и мед. соображенія. Перев. подъ ред. С. Ловцова. Вып. 1. Спб. 1869. Статя *Юр. Р.* Вѣстникъ Европы. № 7. Т. 4; стр. 423.

См. объ этомъ же соч. Дѣло. № 5; стр. 55—57. (Статя *Д. К.*)

548. Общественная гигиена. Что пригоднѣе для Петербурга: канализація или свозъ нечистоты. *Ф. Гезеліусъ*. Всемирная Иллюстрація. № 30 и 31.

549. О значеніи гимнастики въ медицин., гигиеническомъ и педагогическомъ отношеніяхъ. Домашній Врачъ. № 19.

550. О счастіи съ точки зрѣнія гигиены. Публичная лекція, читанная 16-го марта 1869 года проф. *А. Якобіемъ*. Архивъ Судебн. Медицины. № 2; стр. 23—26.

551. О тучности въ гигиеническомъ отношеніи. Д-ръ ст. сов. *Зиссерманъ*. Другъ Здравія. № 27.

552. Очерки гигиены. Д-ръ *Федлевскій*. Воронежскій Телеграфъ. № 43, 45, 47, 50, 52, 54, 56, 57, 58, 61, 68, 73, 75, 77, 79, 83, 85, 87, 89, 93, 94 и 96.

553. Популярная гигиена. Реклама. Спб. 1869. (Рецензія *И. Г.*) Заря. № 6; стр. 30—33.

См. также ст. объ эт. соч.: Спб. Вѣдомости. № 256. Вѣстн. Европы. № 9. Т. 5; стр. 436—440. Отеч. Записки. № 12. Т. 183; стр. 298—299. Дѣло. № 11; стр. 78—86. «Отвѣтъ». Отеч. Зап.

554. Руководство къ изученію частной и обществ. гигиены. *А. Беккерель*. Перев. *Н. Сочаза*. Т. 1-й. Харьковъ. 1869, и Популярная гигиена. К. Реклама. Спб. 1869. Изд. К. Реклама. (Рец.) Отеч. Записки. № 10. (Т. 186, отд. 1); стр. 244—253.

555. Вліяніе велосипедовъ на здоровье. Архивъ Судебн. Медицины. № 3; стр. 70—71.

556. Вредныя животныя. Шрикъ трескучій (*Acridium stridulum*). Врачъ *Мустафа-бекъ - Щенковичъ*. Архивъ Судебн. Медиц. № 3; стр. 62—66.

557. Дезинфекція по способу Сюверна. Ст. *Ю. Г.* Архивъ Судебн. Медицины. № 4; стр. 35—38.

558. Записка о собираніи, вывозѣ и

утилізації нечистотъ въ Стокгольмѣ *Ф. Львовъ*. Записки Русск. Технич. Общ. № 7 и 8; стр. 86—97.

569. Исслѣдованія надъ состояніемъ воздуха и вентиляціею въ Подлоцкой военной гимназій. *В. Дитманъ*. Педагогическій Сборникъ. № 9; стр. 837—877.

560. О водостожахъ и усовершенствованной очисткѣ, какъ средствъ уменьшенія смертности въ Москвѣ. *Н. Коллегойнъ*. Соврем. Лѣтоп. № 25 и 26. Московская Медіц. Газета. № 21, 22, 23 и 24.

561. Одинъ изъ источниковъ болѣзней въ Кіевѣ. Статья *Н. П—ва*. Кіевлянинъ. № 60.

562. О средствахъ, употребляемыхъ противъ зловонія отъ кладбищъ. Статья *З. Биржевыя* Вѣдомости. № 178.

563. Современное состояніе вопроса о кладбищахъ. *Ю. Гюбнеръ*. Архивъ Судебн. Медіц. № 2; стр. 100—113.

564. Очѣищеніе и дезинфекція. Санитарно-полицейскій этюдъ. Д-ръ *Мелленбургъ*. Архивъ Судебн. Медицины. № 4; стр. 133—140.

565. Проектъ объ очищеніи и объ отдѣльных помѣщеніяхъ для скота во время повальныхъ болѣзней (падежей). Медикъ *Р. Якубовскій*. Москов. Медіц. Газета. № 45 и 46.

566. Проектъ очищенія Москвы отъ нечистотъ. *А. Шиманскій*. Архивъ Судебной Медицины. № 4; стр. 19—21 и *С. Тинневъ*. Современная Лѣтопись. № 41.

567. Еще о санитарныхъ мѣрахъ, принятыхъ въ Казанскомъ округѣ. Военный Сборникъ. № 6; стр. 158—160.

568. Объ учрежденіи въ Харьковѣ санитарнаго комитета. *Н. Сочава* Харьковскія губ. вѣд. № 52.

569. Здоровье, болѣзнь и смерть. Домашняя Вещь. № 18 и 19.

570. Историческія и критическія замѣтки на различныя программы для

санитарнаго исслѣдованія страны и составленія ея санитарной карты. Опыт программы. Д-ръ *Столяровъ*. Военно-Медіц. Журналъ. Ч. 105. № 8; стр. 69—124.

571. Кожица. Ея настоящее и будущее значеніе, какъ питательнаго матеріала въ экономическомъ бытѣ русскаго народа. *Г. И. Архангельскій*. Архивъ Судебн. Медіц. № 3; стр. 143—159.

572. Лечитесь сами. Д-ръ *Дебъ*. Переводъ М. 1870. (Разборъ). Библиографъ. Т. 1. № 2; стр. 99—100.

573. Матеріалы къ количественному опредѣленію здоровья человѣка. *И. Верезкинъ*. Протоколъ Засѣд. Общ. Практич. Врачей. № 15.

574. Нѣсколько замѣчаній о паровыхъ баняхъ. *Зиссерманъ*. Другъ Здравія. № 46.

575. О вредѣ для дѣтей отъ обнаженія головы на церковныхъ процесіяхъ. Архивъ Судебн. Медицины. № 3; стр. 71—72.

576. О вредѣ отъ употребленія въ пищу мяса измученныхъ животныхъ. Вѣстникъ Росс. Общ. Покров. Животи. № 18, 19 и 20.

577. О вредномъ вліяніи табакокуренія на курящихъ мальчиковъ. Ярослав. сарх. вѣд. № 24 и Орловскія сарх. вѣд. № 15.

578. Гигіена. Табакъ. *С. Пановъ*. Записки для Читанія. № 8—12; стр. 206—225.

579. О вліяніи курительнаго табака на организмъ человѣка. Рязанскія губ. вѣд. № 61, 62 и 63.

580. О вредныхъ вліяніяхъ школы на здоровье. (Статья проф. Вархова). Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ. № 12. Ч. 146, отд. 3; стр. 266—287.

(См. также ст. объ этомъ соч.: Сиб. Вѣдом. № 333 и 342. Всем. Трудъ. № 11; стр. 180—183 и Архивъ Суд. Медицины. № 4; стр. 10—12.

581. О вліяніи и впливн: его на здорovie. Домашній Врaчъ. № 84, 86, 88 и 89.

582. О народномъ здравіи. (Перед. ст.). Новое Время. № 238.

583. О предохраненіи войска отъ солнечнаго удара. (Coup de soleil, Sigriasis). А. Зиссерманъ. Другъ Здравія. № 28.

584. По вопросу объ охраненіи народн. здравія въ Тифлисѣ. Кавказъ. № 92.

585. По вопросу о народномъ здравіи. Ф. Гашиперъ. Одесскій Вѣстникъ. № 149.

586. По поводу обезначенія народнаго здравія. Одесскій Вѣстникъ. № 228 и 230.

587. О состояніи народнаго здорovia въ С.-Петербургѣ, за 1868 годъ. Архивъ Судебн. Медіц. № 3; стр. 51.

588. Продолжительность жизни по отношенію къ занятіямъ. А. Зиссерманъ. Другъ Здравія. № 29.

589. Свѣдѣнія о смертности въ Вѣнградѣ. А. С. Троянскій. Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. 5. № 3; стр. 90—92.

590. Сохраненіе членовъ. Другъ Здравія. № 44.

4. ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА. ВАЛЬНЕОЛОГІЯ. ГИДРОПАТІЯ. ВРАЧЕВНАЯ ГИМНАСТИКА. ЛЕЧЕНІЕ ЭЛЕКТРОГАЛЬВАНИЗМОМЪ.

591. Очеркъ народной медицины въ Россіи. И. Моллесонъ. Архивъ Судебн. Медицины. № 4; стр. 1—19.

592. Водолеченіе (гидротерапія) при лихорадочныхъ болѣзняхъ, особенно же при тифозныхъ горячкахъ. Домашній Врaчъ. № 30, 32, 35, 43, 44 и 45.

593. Новые опыты надъ дѣйствиемъ электричества на тѣло животныхъ. Ричардсонъ. Современная Медицина. № 17.

594. Деревенскія лекарки. Донской Вѣстникъ. № 21.

595. Минеральныя воды. Домашній Врaчъ. № 26.

596. Минеральныя воды, естественныя и искусственныя, и леченіе ими. Биржевыя Вѣдомости. № 170.

597. По вопросу объ отдачѣ въ арендное содержаніе Пятигорскихъ минеральныхъ водъ. Ставропольскія губ. вѣд. № 40.

598. Псезиукискія сѣрно-щелочныя воды. Я. Месромичъ. Кубанскія войск. вѣд. № 39.

599. Сергіевскія минер. воды. Корресп. М. Русскій Инвалидъ. № 103. См. также Биржев. Вѣд. № 224 и Самарскія губ. вѣд. № 37. (Статья Станиславскаго).

600. Сѣрководождъ и Сергіевскія минеральныя воды. Статья П. П. Современная Лѣтопись. № 29.

601. Старорусскіе цѣлебные источники. Домашній Врaчъ. № 27.

602. Старорусскія минеральныя воды. Способъ дѣйствія ихъ и ваннъ вообще. Исслѣдованіе о всасываніи кожи. Д-ръ Гельмоускій. Архивъ Судебн. Медіц. № 2; стр. 1—33 № 3; стр. 1—35

603. Цѣхоцинковъ (въ Варшавской губ.). И. С—въ: С.-Петерб. Вѣд. № 258.

604. Наши кумысо-лечебныя заведенія. Путевыя замѣтки С. В. Ваза. № 17.

605. Кумысъ, его физиологическое и терапевтическое дѣйствіе. Соч. Э. И. Штальберга. Спб. 1869. Статья Э. Домашній Врaчъ. № 19.

606. Изъ монографіи д-ра Штальберга о кумысѣ. Современная Лѣтопись. № 16 и 17.

607. Лечебное заведеніе Рагатц-Пфеферсъ въ Швейцаріи. Домашній Врaчъ. № 19.

608. Теплыя воды Рагатц-Пфеферсъ въ Швейцаріи. Архивъ Судебн. Медіц. № 2; стр. 60—62.

609. Словозъ морскихъ вулканій, въ Санъ-Себастьянѣ. Статьи К — ва. Голосъ. № 272.

610. О гимнастикѣ, какъ врачевномъ средствѣ. Воронежскій Телеграфъ. № 118 и 119.

Рѣчь, читанная въ годичн. засѣд. Воронежск. Медицин. Общ., 12-го октября 1869 г., д-ромъ *Федоскинымъ*.

611. О значеніи гимнастики въ медицинскомъ, гигиенич. и педагогич. отношеніяхъ. А. *Верликовъ*. Домашній Врачъ. № 19.

612. Случай примѣненія электричества въ врачебной практикѣ. *И. Смычко*. Медиц. Вѣстникъ. № 18.

613. Объ употребленіи гальваническаго постоянного тока при леченіи атоническихъ и мозолитыхъ язвъ. *К. Северинъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 105. № 7; стр. 203—238.

614. Употребленіе постоянныхъ электрическихъ токовъ въ обморокѣ и припадкахъ, причисляемыхъ хлороформомъ. Д-ръ *Онимусъ* и *Леиро*. Другъ Здравія. № 22.

615. О значеніи электричества, какъ врачабнаго дѣятеля. Воронежскій Телеграфъ. № 115.

Рѣчь, читанная въ годичномъ засѣд. Воронежск. Медиц. Общ., 12-го октября 1869 г., д-ромъ *Спримономъ*.

616. Острое воспаленіе локтеваго сочленія, цѣлебное дѣйствіе гальванизма. *И. С. Смычко*. Медицинскій Вѣстникъ. № 37.

617. Постепенная мышечная атрофія съ полнымъ параличемъ конечностей. Излеченіе отъ постоянныхъ электрическихъ токовъ. Д-ръ *Неземанъ*. Другъ Здравія. № 23.

618. Травматическое воспаленіе верна. Цѣлебное дѣйствіе положительнаго полюса гальваническаго тока. *И. Смычко*. Медиц. Вѣстникъ. № 19.

619. Электро-вапильярное дѣйствіе сосудовъ. Другъ Здравія. № 29.

Б. ХИРУРГІЯ

620. Военно-медицинскій отчетъ за войну съ Давіей въ 1864 г. *В. Манассеинъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Т. 106. Кн. 12; стр. 31—70.

621. Гдѣ взять хирургическихъ инструментовъ? Статья *Х. Медицанскій* Вѣстникъ. № 35.

622. Годичное пребываніе переломленнаго вондла въ желудкѣ, безъ смертельныхъ послѣдствій. *К. Горелейченко*. Протоколъ Общ. Практ. Врачей. № 10.

623. Дожесеніе военно-санитарному совѣту о результатахъ медико-хирургической службы на цервазочныхъ пунктахъ и въ госпиталяхъ во время Восточной войны 1854—1856 гг. Д-ръ *Шеню* и генералъ-лейтен. *Баумгартенъ*. Военно-Медицин. Журналъ. Т. 106. Кн. 12; стр. 1—6.

624. Запѣтки о практической хирургіи въ Парижѣ. *И. И. Стуковенковъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 32 и 34.

625. Le rapport au conseil de santé des armées sur le résultat de service médico-chirurgical. Военный Сборникъ. № 8; стр. 103—108.

626. Международная конференція общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Современная Лѣтопись. № 16.

627. Обзоръ успѣховъ практической хирургіи за 1863—1864 гг. Д-ръ *И. А. Вильчковскій*. Военно-Медицин. Журналъ. Ч. 105. № 8; стр. 141—156 и № 9. Ч. 106; стр. 157—190.

628. Обзоръ успѣховъ хирургической патологій и оперативной хирургіи. Проф. *Э. Войдиновскій*. Въ особомъ приложеніи къ 105 и 106 части Военно-Медицинскаго Журнала. № 8

стр. 209—240. № 9. Ч. 106; стр. 141—272. Т. 106. № 10; стр. 273—298.

629. О новейшихъ успѣхахъ хирургіи. Современная Медицина. № 23, 24 и 25.

630. Объ отвѣтственности врачей за ошибки противъ науки. *Г. В. Бертинсонъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 42.

631. О перевязкахъ вообще. Д-ръ *Сирусъ-Пиронди*. Другъ Здравія. № 52.

632. Перевязываніе большихъ ранъ феноливыми препаратами. Д-ръ *Ресаллу*. Другъ Здравія. № 40.

633. По поводу произведенной проф. Кутеромъ операціи отнятія части языка. *А. Кутерь*. Домашній Врачъ. № 39.

634. Еще по поводу произведенной проф. Кутеромъ операціи отнятія языка. *Ф. Ф. Петрушевскій*. Домашній Врачъ. № 40 и 41.

635. Причиненіе смерти врачомъ пациенту. Судебный Вѣстникъ. № 203.

636. Способъ для неподвижной поддержки больного во время наложенія гипсовой повязки при переломѣ бедра. *А. К. Кондратовичъ*. Медицинск. Вѣстникъ. № 37.

637. Введеніе ущемленныхъ грижъ pulverизованнымъ эфиромъ. Другъ Здравія. № 19.

638. Вывихъ таранной кости сваружа, осложненный раной голенно-плотного сочленія. Удаленіе ея изъ состава. Неполное выздоровленіе. Д-ръ *Докурно*. Военно-Медицин. Журналь. Ч. 105. № 8; стр. 34—38.

639. Наблюденіе надъ осложненнымъ вывихомъ трехъ пальцевъ ручной кисти. *А. Алемитскій*. Протоколъ Заздъ. Общ. Практич. Врачей. № 10.

640. Вырѣзка (resectio) первовъ, какъ средство излеченія невралиги. Современная Медицина. № 32.

641. Грыжа пупочнаго канатика; излеченіе ея лигатурой. *Н. М. Малеевъ*. Меднц. Вѣстникъ. № 23.

642. Ваткутіе кишечнозъ; продолжавшееся тридцать три дня; операція надъ кишками; излеченіе и восстановленіе прохода кишечныхъ нечистотъ. Другъ Здравія. № 27.

643. Новая метода скорого излеченія ранъ отъ огнестрѣльнаго оружія. Другъ Здравія. № 41.

644. Объ операціяхъ введенія хроническаго опрокнятія матки. Другъ Здравія. № 45.

645. Овариотомія: многополостная мѣшеччатая опухоль лѣваго яичника. Выздоровленіе. *Н. В. Склифосовскій*. Медицинскій Вѣстникъ. № 44.

646. Овариотомія, кончившаяся успѣшно у 12-лѣтней дѣвочки. Другъ Здравія. № 33.

647. Овариотомія съ успѣшнымъ исходомъ. *М. И. Горенчъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 35, 37 и 38.

648. О заживленіи ранъ натяженіемъ. Д-ръ *Винодцевъ*. Военно-Медлп. Журналь. Ч. 105. № 8; стр. 174—190.

649. О механическомъ леченіи переломовъ матки. Современная Медицина. № 24 и 25.

650. О несмертельныхъ поврежденіяхъ. Сообщ. старо-русскій врачъ, докторъ *Зукъ*. Архивъ Судебн. Медицины. № 3; стр. 69—73.

651. О питаніи оперированныхъ отпленіемъ костей. Другъ Здравія. № 45.

652. О полной резекціи голенно-стопнаго сочленія. *Феодоръ Гоагъ*. Статья *В. М.* Военно-Медлп. Журналь. Т. 106. Кв. 10; стр. 1—3.

653. Порѣванная гортань, послѣдствіе на самоубійство. *М. К. Носикъ*. Протоколъ Заздъаній Кавказскаго Медицинскаго Общества. № 25.

654. Разрывъ лѣваго лучезапястнаго сочленія, съ рапеніемъ сосудовъ; ампутація предплечія на мѣстѣ ушиба; выздоровленіе. Д-ръ *М. Чаусовъ*. Военно-Медлп. Журналь. Ч. 105. № 8; стр. 21—23.

655. Рана языка; кровоотечение; успешное действие лигатуры язычной артерии. Другъ Здравія. № 33.

656. Самостоятельно наступившая аневризма коленной артерии, излеченная въ недѣлю пригнатиемъ голени къ бедру. Другъ Здравія. № 48.

657. Изъ Лубенской земской больницы. Случай травматическаго поврежденія машиной нижней лѣвой конечности (Fractura composita). К. Соломка. Современная Медицина. № 30.

658. Traheotomia. Ю. Бундель. Современная Медицина. № 15.

659. Употребленіе фениловой кислоты въ хирургической практикѣ. Другъ Здравія. № 23.

660. Черешкъ, какъ средство, замѣняющее крахмалъ при наложеніи неподвижныхъ повязокъ. Г. И. Талыко. Медич. Вѣстникъ. № 24.

6. ФАРМАКОЛОГІЯ, ТОКСИКОЛОГІЯ И МЕДИЦИНСКАЯ ХИМІЯ.

661. Вопросъ о женщинахъ-фармацевтахъ. А. Франжолм. Новороссійскій Телеграфъ. № 202.

См. въ этомъ же № передовую статью Ф. Стулли.

662. По поводу вопроса о женщинахъ-фармацевтахъ. Д—ръ Каменосерковъ. Новороссійскій Телеграфъ. № 234.

663. Гомеопатическая фармакологія. Флемингъ. 1867—69 года. 4 части. Статья А. Г. Современная Лѣтопись. № 19.

664. Карманная книга о тайныхъ средствахъ. Соч. Витштейна. Архивъ Судобн. Медц. № 2; стр. 15—23.

665. Объ аптекахъ и аптекаряхъ. Врачъ Гутманъ. Архивъ Суд. Медицины. № 2; стр. 21—24.

666. О необходимости заведенія въ станицахъ бывшаго Черноморскаго войска (нынѣ Кубанскаго) аптекъ и назначенія при оныхъ фельдшеровъ.

Св. А. Тихомировъ. Кубанскія войск. вѣд. 1869. № 45.

667. По поводу дѣла объ открытіи одной изъ земскихъ управъ вольной продажи лекарствъ (Перед. ст.). Биржевыя Вѣдомости. № 164.

668. По поводу замѣтки о ревизіи аптекъ г. Архипова. Е. А. Медицинскій Вѣстникъ. № 28.

669. По поводу курса органической фармакодинамики проф. Соколовскаго. Московская Медич. Газета. № 17 и 18.

670. Протоколъ Засѣд. Таврическаго Медико-Фармацевтическаго общества 4-го августа 1869 г. Таврическаія губ. вѣд. № 84.

671. Статьи по фармаціи. Военно-Медицин. Журналь. Т. 106. Кв. 10; стр. 1—36.

672. Фармацевты-евреи. А. Абрамовъ. Одесскій Вѣстникъ. № 243.

673. Вахта, можжевелникъ, ятрышникъ, бѣлая бріонія. Свящ. М. Михайловскій. Новгородскія губ. вѣд. № 24.

674. Вишлатова жидкость. Другъ Здравія. № 26.

675. Дифференціальное действие различныхъ іодовыхъ составовъ; ихъ выборъ и приемы. Другъ Здравія. № 43.

676. Действие полиппой настойки (absinth) на нервную систему. Д-ръ Декенъ. Другъ Здравія. № 19.

677. Еще наблюденіе, доказывающее полезное действие бромистаго калия. Другъ Здравія. № 44.

678. Зеленая чемерица (vegetatum viridell) и ея физиологическое и терапевтическое действие. Другъ Здравія. № 34.

679. Крапива, садовая рябина, барбарисъ, подсолнечникъ, ланушникъ, плаунъ, завязникъ, орлякъ обмкновепный, горецъ аптечный. Свящ. М. Михайловскій. Новгородскія губ. вѣд. № 22.

680. Жураре и его терапевтическое употребленіе. Другъ Здравія. № 23.

681. Въ вопросу о дѣйствіи олова на животный организмъ. *А. Момленскій*. Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 105. № 6; стр. 79—144.

682. Объ употребленіи Chloralhydrat'a (in delirio patatorum). Читано въ Берлинскомъ Медицинскомъ Обществѣ д-ромъ *Ламбекъ*. Московская Медиц. Газета. № 47—50.

683. Хлорагъ, какъ усыпляющее и анестезирующее средство. Домашній Врачъ. № 39 и Другъ Здравія. № 43.

684. Физиологическія и терапевтическія дѣйствія воднаго хлораля (hydrate de chloral). Д-ръ *Бухъ*. Другъ Здравія. № 46. См. также статью *В. Гичардсона*. Соврем. Медиц. № 34—38.

685. Дурныя послѣдствія отъ неумѣрнаго употребленія испанской мушки. Домашній Врачъ. № 22.

686. Еротическое масло во втирашіяхъ на волосистую часть головы въ воспаленіяхъ головно-мозговыхъ оболочекъ. Д-ръ *Мирнеръ*. Другъ Здравія. № 50.

687. Матеріалы къ ученію о физиологическомъ дѣйствіи карболовой кислоты. *Григорій Голубевъ*. Военно-Медицинскій Журналъ. Ч. 105. № 7; стр. 145—198.

688. Несовмѣстность сѣрно-кислаго хинина и наперсточной травы. Другъ Здравія. № 42.

689. Новое средство, замѣняющее хининъ. Другъ Здравія. № 33.

690. Новые опыты, подтверждающіе прямое дѣйствіе хлороформа на головно-мозговую первную систему посредствомъ обонятельныхъ нервовъ. Другъ Здравія. № 28.

691. Новыйъ врачебный укрѣпляюще-противулихорадочный дѣятель, однородное съ хининомъ средство, хинино-пекрическая кислота (acide quinopicrique). Другъ Здравія. № 44.

692. Новые изслѣдованія п отритія. Взглядъ на значеніе непровод-

никовъ въ центрической-р. Шведова. Новое наркотич. болеутоляющее средство гидратъ хлораля. Космосъ (Изд. in 8°); стр. 97—118.

693. Образование аромата въ растеніяхъ во время ихъ горѣнія; испытанія надъ инсотиномъ и табакомъ. *Станиславъ Мартенъ*. Другъ Здравія. № 24.

694. О вліяніи сѣрнокислаго хинина на температуру и кровообращеніе. *П. Леситскій*. Медиц. Вѣстникъ. № 19, 24, 25 и 26.

695. О дѣйствіи висмута на животный организмъ (Матеріалъ для фармакологіи и токсикологіи солей висмута). *Павелъ Стефановичъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 105. № 5; стр. 1—64.

696. О лихихозекомъ насномъ экстрактѣ. Д-ръ *Шмулевичъ*. Архивъ Судеб. Медицины. № 3; стр. 82—84 и № 4; стр. 107—125.

697. Опасное вліяніе поимной настойки. Другъ Здравія. № 40.

698. О пользѣ наркотическихъ нюхательныхъ порошковъ. *Зиссерманъ*. Другъ Здравія. № 49.

699. О развитіи растительныхъ грибовъ въ контагіяхъ. *Л. Зиссерманъ*. Другъ Здравія. № 25.

700. О терпимости лекарствъ. Другъ Здравія. № 42.

701. Ошибка въ распознаваніи Нарценинъ. Излеченіе. Д-ръ *Люссъ*. Другъ Здравія. № 46.

702. Переганная вода изъ еловыхъ почекъ (bourgeons de sapin). Д-ръ *Ресиллу*. Другъ Здравія. № 38.

703. Пожаваніе зеленой черемухи (veratrum viride). Другъ Здравія. № 27.

704. Прижигеніе глицерина. Ант. *Дюкенель*. Другъ Здравія. № 48.

705. Протооксидъ азота (protoxyde d'azote), какъ анестезическій дѣятель. Другъ Здравія. № 50.

706. Свойство маточнаго укуса (Mère de Vinaigre); его различныя хи-

мическія отравленія, его превращеніе въ бактеріи и въ кѣточки спиртной закваски. Д-ра *Бешана*. Другъ Здравія. № 22.

707. Сомнѣнія относительно нарденна. *Н. А. Сочава*. Медич. Вѣстникъ. № 40.

708. Сулема, употребляемая, какъ возстановляющій дѣятель. Другъ Здравія. № 44.

709. Оѣрнистый натръ (Sulfite de soude) въ сифилисѣ. Другъ Здравія. № 28.

710. Теорія растворенія каломели въ организмѣ. Другъ Здравія. № 28.

711. Физіологическое дѣйствіе шапаверина. Д-ра *Гобмана*. Другъ Здравія. № 19.

712. Физіологическое дѣйствіе табака. Примѣненіе его къ леченію удушья. Клинич. лекція проф. *Се*. Другъ Здравія. № 46 и 49.

713. Физіологическое изслѣдованіе таксическаго дѣйствія бензина. Д-ръ *А. Малминъ*. Военно-Медиц. Журналь. Ч. 105. № 8; стр. 1—22.

714. Желѣзное и дву-трехлористое желѣзо, относительно перехода въ кровь изъ желудка и кишечника. *Феодоръ Трескинъ*. Военно-Медиц. Журналь. Ч. 105, № 6; стр. 65—78.

715. Дѣйствіе скипидарной эссенціи въ леченіи отравленія фосфоромъ. Другъ Здравія. № 22.

716. Боническія замѣчанія на счетъ дѣйствій мышьяка въ легочной чахоткѣ. Д-ръ *Серсои*. Другъ Здравія, № 37.

717. Матеріалы для токсикологій гѣлъ бензойнаго ряда. Д-ръ *В. Старковъ*. Военно-Медиц. Журналь. Т. 106. Кн. 11; стр. 1—42 и Кн. 12; стр. 43—82.

718. Новѣйшія изслѣдованія и открытія по судебной-медицинской химіи ядовъ. Проф. *Драгендорфъ* въ Дерптѣ. Архивъ Судебной Медицины. № 3; стр. 49—69.

719. О токсическомъ дѣйствіи дву-

натробензина. *Вл. П. Старковъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 31.

720. Отравленіе атропиновою при-мочкою. Другъ Здравія. № 32.

721. Отравленіе воды въ рѣкахъ. Архивъ Суд. Медицины. № 4; стр. 18—19.

722. Отравленіе фосфоромъ. Скипидарная эссенція. Д-ръ *Sorbets*. Другъ Здравія. № 29.

723. О химическихъ противоядіяхъ противъ отравленія алколоидами. *А. Венский*. Протоколъ Засѣд. Общ. Практич. Врачей. № 13.

724. Скипидарное масло, какъ противоядіе фосфора. Домашн. Врачъ № 34.

725. Смерть отъ употребленія въ пищу корней растенія цикута. (*Cicuta verosa*). *Рожицкий*. Архангельскія губ. вѣд. № 89.

726. Случай отравленія морфіемъ и атропиномъ, діагностированный и леченный по правиламъ италіанской токсикологій. Д-ръ *Таннори*. Другъ Здравія. № 50.

727. Случай отравленія стрихниномъ, леченный съ успѣхомъ посредствомъ казабарскихъ бобовъ. Другъ Здравія. № 19.

728. Употребленіе натрія (Sodium) противъ дѣйствій ртути. Другъ Здравія. № 33.

729. Ядовитые чулки. Архивъ Судебн. Медиц. № 2; стр. 39—41.

7. СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА И ВРАЧЕВНАЯ ПОЛИЦІЯ.

730. Вступительная лекція судебной медицины. *Н. Гвоздевъ*. Медич. Вѣстникъ. № 18.

731. Замѣтка о судебно-медицинской экспертизѣ, происходившей во Владимірскомъ окружномъ судѣ 3-го апрѣля 1869 года, по дѣлу объ убійствѣ крестьяниномъ Павловымъ своего зятя Опарышева. (Составленная операторомъ врачебнаго отдѣленія Владимір-

скаго губернскаго правленія. *Р. Якубовскимъ*. Владимирскія губ. вѣд. (особый юрид. отдѣлъ). № 22.

732. Замятка о судебно-медицинской экспертизѣ, происходившей во Владимирскомъ окружномъ судѣ 3-го апрѣля 1869 года по дѣлу объ убійствѣ крестьяниномъ Павловымъ своего зятя Опарышева. (Составленная операторомъ врачебнаго отдѣленія Владимирскаго губернскаго правленія *Р. Якубовскимъ*. Московская Медич. Газета. № 49, 50, 51 п 52.

733. Замятка. По поводу замятки г-на Якубовскаго о судебно-медицинской экспертизѣ 3-го апрѣля. Врачъ *Николаевъ*. Владимирскія губ. вѣд. (особый юрид. отдѣлъ). № 23 и 26.

734. Къ судебно-врачебной экспертизѣ. Докторъ мед. Э. Вѣсть. № 156.

735. До психіатріи и судебной медицины. Статья *К. С.* Современ. Извѣстія. № 199.

736. Медико-судебное изслѣдованіе умалишенныхъ преступниковъ. Другъ Здравія. № 25.

737. Новые психіатрическія изслѣдованія и наблюденія въ отношеніи къ вопросу о способности къ вѣренію. Проф. *Миттермайеръ*. Архивъ Судебн. Медич. № 2; стр. 55—75.

738. Новѣйшія изслѣдованія и открытія по судебно-медицинской химіи ядовъ. Проф. *Драгendorffъ*. Архивъ Судебн. Медич. № 4; стр. 69—89.

739. Нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ изъ судебно-медицинской практикн. (Извлеченіе изъ отчета врачебн. отд. за 1868 годъ). Пензенскія губ. вѣд. № 45.

740. Отчетъ судебно-медицинскаго отдѣленія втораго военно-сухопутнаго (выпѣ клиническаго) Петерб. госпиталя, за шесть лѣтъ (1863—1868). *И. А. Веревкинъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 48, 49, 50, 51 и 52.

741. По вопросу о роли судебного

врача на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи. *Еджубевъ*. Кавказъ. № 71, 72, 79 и 85.

742. Разборъ показаній къ истинному законному выкидышу. Д-ръ *Петръ Зейдлеръ*. Архивъ Судебн. Медич. № 2; стр. 1—28.

743. Ученіе о несмертельныхъ поврежденіяхъ по русскимъ законамъ. *Вл. Снегиревъ*. Архивъ Судебн. Медицины. № 4; стр. 1—46.

744. Парадоксія воли или добровольные поступки при внутреннемъ противоборствѣ, въ практическомъ судебно-медицинскомъ отношеніи. Д-ръ *Клоузъ*. Архивъ Судебн. Медич. № 2; стр. 1—14.

745. Перечень уголовныхъ дѣлъ съ участіемъ врачей экспертовъ. Д-ръ *Дибертъ*. Архивъ Судебн. Медицины. № 2; стр. 29—41 и № 4; стр. 98—120.

746. Перечень уголовныхъ дѣлъ, разбиравшихся при закрытыхъ дверяхъ въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ. *Вл. Мержеевскій*. Архивъ Судебн. Медицины. № 3; стр. 73—86.

747. Преступленіе и сумасшествіе. Руководство для распознаванія сомнительныхъ душевныхъ болѣзней, для врачей, психологовъ и судей. Д-ра *Сольбрига*. Статья *И. И.* Архивъ Судебной Медицины. № 2, стр. 1—14.

748. Прижизненное съ художникомъ Полоцкимъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Врачъ *Діатроловъ*. Архивъ Судебн. Медицины. № 2; стр. 47—55.

749. Случай умышленнаго обнаруживагося послѣ произнесенія судебного приговора. *Благовраговъ*. Архивъ Судебн. Медицины. № 2; стр. 75—87.

750. Случай поврежденія головы. *В. Скопникъ*. Архивъ Судебн. Медицины. № 2; стр. 87—88.

751. Случай упорнаго молчанія. Сообщ. воронежскій врачебный ин-

секторъ *А. Балванскій*. Архивъ Судебн. Медицины. № 2; стр. 41—47.

752. Судебно-медицинское изслѣдованіе притворно-больныхъ. *Вл. Смирновъ*. Архивъ Судебн. Медицины, № 3; стр. 1—15.

753. Живая ржаная мука. (Предварительное сообщеніе). *Г. И. Архангельскіаго*. Архивъ Судебн. Медицины. № 3; стр. 160—164.

754. О врачебно-полицейскомъ надзорѣ. Петербургскій Листокъ. № 81 и 82.

755. О врачебно-полицейскомъ наблюденіи надъ высшими и низшими школами и его задачахъ. Соч. *д-ра Фалька*. Статья *П. И.* Архивъ Судебн. Медіц. № 3; стр. 13—27.

756. О медико-полицейскихъ мѣрахъ, принятыхъ по распоряженію губернскаго начальства, для установленія правильной торговли мясомъ. Пензенскій губ. вѣд. № 49 и 51.

757. Химическое изслѣдованіе русскаго бульона. *Рейгарда*. Домашній Врачъ. № 42.

758. По дѣлу крестьянина *Василія Павлова*, обвинявшагося въ предумышленному убійствѣ унтеръ-офицера *Ошарышева*. Московская Медіц. Газета. № 45, 46, 47, 48, 49 и 50.

в. СКОТОВОДСТВЕННЫЯ НАУКИ (ВЕТЕРИНАРІЯ).

759. Ветеринарная медицина. Вѣстникъ Россійск. Общ. Покров. Животв. № 9, 10, 13, 14, 16, 17, 18, 20, 21, 22 и 24.

760. Ветеринарная медицина. *А. Яковсонъ*. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 19, 21, 22, 23 и 24.

761. Докладъ ветеринарному комитету о мѣрахъ къ удобнѣйшей доставкѣ гуртовъ скотонъ въ столицу. *Н. Розеновъ*. Земледѣльческая Газета. № 46.

762. Наставленіе къ правильному діететическому содержанію домашнихъ животныхъ. Вѣстникъ Общ. Покровит. Животв. № 17, 18 и 19.

763. О пользѣ и необходимости введенія въ Россію системы убиванія зараженныхъ животныхъ, какъ мѣры противъ скотскихъ надежей. Орловскіа губ. вѣд. № 23, 28, 30, 33, 34, 36, 37, 39, 41, 42 и 44.

764. Отдѣльныя части экстерьера у домашнихъ животныхъ. Земледѣльческая Газета. № 35, 36, 37 и 38.

765. Основанія гистологіи животныхъ. *И. Стенановъ*. Протоколъ Засѣданій Имп. Харьковск. Университета. № 5; стр. 1—72.

766. Ковка и вліяніе ея на копыто. *Ю. Штолль*. Военный Сборникъ. № 8; стр. 267—286.

767. Нѣсколько словъ по поводу новаго способа ковки лошадей г. Шарлье. Ветеринарный врачъ *Гольцманъ*. Журналъ Коннозаводства. № 6; стр. 84—103.

768. Замѣтки по вопросу о расчепанъхъ копытнаго рога у лошадей. *Гольцманъ*. Журналъ Коннозаводства. № 8; стр. 26—45.

769. Езъ ученію о камняхъ желудочно-кишечнаго канала лошади. *Гр. Красновъ*. Военно-Медіц. Журналъ. Т. 106. Кн. 12; стр. 1—36.

770. По поводу болѣзни рогатаго скота. Кубанскіа войск. вѣд. № 29.

771. Болѣзнь органовъ дыханія, переводъ съ вѣмецк. *Е. Игнатова*. Журналъ Коннозаводства. № 5; стр. 14—40, № 6; стр. 1—12 и № 8; стр. 53—73.

772. Ветеринарная медицина. Желтая медунка, какъ средство отъ водобоязни. Вѣстникъ Россійск. Общ. Покровит. Животв. № 19.

773. Докладъ о бѣшенствѣ въ Вальгін (переводъ *Ярона*). Прибавленіе къ № 231 «Одесскаго Вѣстника».

774. Не знае броду; не суица въ воду. Замятка по поводу статьи: «Два слова о водоболзни», помѣщ. въ № 103 «Петерб. Листка». Статья Х. Домашній Врачъ. № 29.

775. Причина бѣшенства собакъ. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 13.

776. Ветеринарная медицина. Бѣшенство у собакъ. А. Якобсонъ. Вѣстникъ Россійск. Общ. Покровит. Животн. № 11.

777. Мнѣніе г. профессора *Тессена* о замѣткахъ ветеринаровъ *Игнатова* и *Фортмана* объ арабскомъ рѣзакѣ. Журналъ Коннозаводства. № 4; стр. 32—36.

778. Объ усовершенствованномъ арабскомъ рѣзакѣ. *Э. Фортманъ*. Журналъ Коннозаводства. № 3; стр. 125—131.

779. Замятка объ отека легкыхъ въ физиологическомъ отношеніи. Магистръ *Ф. Филлеръ*. Журналъ Коннозаводства. № 11; стр. 24—25.

780. Нѣсколько замѣтокъ о насильственности злокачественной подсыдальной болѣзни. Проф. *П. Тессенъ*. Журналъ Коннозаводства. № 11; стр. 66—73.

781. О подсыдахъ у лошадей. *П. Бокосъ*. Журналъ Коннозаводства. № 8; стр. 98—116, № 9; стр. 36—39 и № 10; стр. 98—117.

782. По вопросу о подсыдальной болѣзни у жеребцовъ. *М. Леонозъ*. Журналъ Коннозаводства. № 10; стр. 145—151.

783. Наставленіе для предохраненія рогатаго скота отъ заболѣванія кровавою мочею и леченіе его. Псковскія губ. вѣд. № 28.

784. Замятка о леченіи сибирской язвы. Статья *Н. Ф. Новгородскія* губ. вѣд. № 27.

785. Замятки о такъ-называемой сибирской язвѣ. Магистръ *В. Смицковъ*.

Журналъ Коннозаводства. № 6; стр. 78—106, № 6; стр. 13—33.

786. Могутъ ли мухи служить посредниками переноса сибирской язвы? Домашній Врачъ. № 46.

787. Наставленіе для крестьянъ, какъ распознавать и лечить болѣзнь, называемую сибирскою язвой. Уфимскія губ. вѣд. № 86.

788. Наставленіе какъ распознавать сибирскую язву и поступать въ случаѣ ея появленія. Статья *В. Н. Андреева*. Уфимскія губ. вѣд. № 32.

789. О сибирской язвѣ въ Кунгурѣ. *Мележикъ*. Пермскія губ. вѣд. № 94.

790. Замятка на сибирскую язву въ Кунгурѣ. Ветеринаръ *Н. Дьяковъ*. Пермскія губ. вѣд. № 98.

791. Пластырь отъ сибирской язвы. *Кузнецовъ*. Московская Медіц. Газета. № 19 и 20 и Гродненскія губ. вѣд. № 45.

792. Позавальное воспаленіе селезенки или сибирская язва. *Ярокъ*. Отдѣлъ Общ. Сострад. къ Животнымъ. № 3 п 4. Прибавленіе къ Одесск. Вѣстнику. № 107.

793. Сибирская язва. *В-ръ Петровъ*. Вѣстникъ Россійск. Общ. Покровит. Животнымъ. № 12, 13, 14, 15 и 16.

794. Будетъ ли у насъ сибирская язва. Ярославскія губ. вѣд. № 24.

795. Сибирская язва въ Ярославской губерніи. Ярославскія губ. вѣд. № 30.

796. Сибирская язва въ начальныхъ пунктахъ Тихвинской судоходной системы, ея громадное развитіе и условія, благоприятствующія этому развитію; ея вредное вліяніе на экономическую бытъ крестьянъ и отношеніе ихъ къ общему бѣдствію. *В. Колумбовъ*. Новгородскія губ. вѣд. № 20, 21, 22 и 23.

797. Взглядъ на болѣзнь, называемую «суставоломъ жеребать». *П. Бо-*

козъ. Журналъ Коннозаводства № 7; стр. 39—51.

798. Нѣсколько словъ по поводу статьи: «Мнѣніе г. профессора Иссена о суставомѣ, бывшемъ у жеребятъ въ Хрѣновскомъ государственномъ конскомъ заводѣ» (Журн. Кон. 1869 г. № 3). *Е. Игнатовъ*; Журналъ Коннозаводства. № 7; стр. 29—38.

799. Чума на скоть въ Харьковскомъ уѣздѣ. Земледѣльческая Газета. № 38.

800. О чумѣ рогатаго скота. Вѣстникъ Россійск. Общ. Покров. Животн. № 22.

801. Чума рогатаго скота (*Typhus bovinus contagiosus*). Отдѣлъ Общ. Сострад. къ Животн. Приб. къ № 107 Одесск. Общ.

802. Чума у собакъ (заимствовано изъ соч. *Feuta*). Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 16.

803. Заразительность яшура для

людей. *И. Черноплатовъ*. Московск. Вѣдомости. № 94.

804. Понавальный ящуръ рогатаго скота и овецъ, его признаки и средства леченія. *Конст... Ким...* Московская Медич. Газета. № 17 и 18 и Московск. Вѣдомости. № 111.

805. Ящуръ на людяхъ и животныхъ. Архивъ Судебн. Медицины. № 4; стр. 72—74.

806. Ящуръ и понавальная хромота. *Р. Пласковичій*. Московская Медич. Газета. № 19 и 20 и Русскія Вѣдомости. № 117.

807. Ящуръ. *В. Кашевъ*. Донской Вѣстникъ. № 5.

808. Братское излеченіе изъ отчета Деритскаго ветеринарнаго училища за 1868 годъ. Проф. *Умтербергеръ*. Журналъ Коннозаводства. № 5; стр. 118—120 и Военно-Медич. Журналъ. № 5. Ч. 105; стр. 1—2.

XV. ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

За вторую и послѣднюю трети 1869 года.

1. ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ ВООБЩЕ. СЪВЪЗЫ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ. ВЮГРАФИИ И НЕКРОЛОГИ. ЭКСПЕДИЦИИ.

235. Происхожденіе и родословная человѣческаго рода. *Эрнестъ Геккель*. Записки для Читенія. № 8—12; стр. 370—399.

236. Слѣды человѣческаго въ животномъ мірѣ. *В. Саминъ*. Всемирный Трудъ. № 12; стр. 51—69.

237. Естественное богатство Сибири и его разработка. Сгагья *I. II*. Дѣло. № 5; стр. 1—38.

238. Естествознаніе. *Накѣ*. С.-Петербург. Вѣдомости. № 236, 276 и 342.

239. Естественныя науки. *А. Фоммеръ фонъ-Валдейкъ*. Труды Имп.

Вольн. Эконом. Общ. Т. 3. Вып. 3. стр. 200—208 и Т. 4. Вып. 4; стр. 303—310.

240. Замѣтки о преподаваніи естественныхъ наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. *Н. Шафрановъ*. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ. № 11. Ч. 146, отд. 3; стр. 51—57.

241. Общія результаты науки о природѣ. *Соврем. Медицина*. № 26.

242. Общественныя естественныхъ наукъ при Новороссійскомъ университетѣ. *Новороссійск. Вѣдомости*. № 37.

243. О дарвинизмѣ и научныхъ мнѣніяхъ, находящихся съ нимъ въ связи. (По *Шлейдену*). Дѣло. № 7, 8 и 10; стр. 173—204, 225—261 и 60—104.

244. Общъ ученой дѣятельности до-

- моносова по естествовѣдѣнію и филологіи. (Посв. В. И. Ламанскому). *А. Будимовичъ*. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ. № 8. Ч. 164, отд. 2; стр. 272—333.
245. Естествознаніе и сельское хозяйство. *Всемирный Трудъ*. № 12; стр. 96—109.
246. Последнее слово науки. *В. Португаловъ*. Дѣло. № 11; стр. 104—128.
247. Протоколъ 4-го засѣд. этнографич. отд. имп. общ. люб. естествознанія, антропологіи и этнографіи 27-го марта 1869 года. *Московск. Университ. Извѣстія*. № 7; стр. 335—408.
248. Воспоминаніе о Гумбольдтѣ. *Н. Шмаковъ*. *Новороссійск. Вѣдомости*. № 12.
249. Профессоръ Лудвигъ Рейхенбахъ. *Иллюстрир. Газета*. Т. 23. № 20.
250. Фультокъ. *Другъ Народа*. № 48.
251. Естественныя произведенія Могилевской губерніи. *Могилевскія губ. вѣд.* № 29, 30, 31 и 32.
252. Замѣчательная сѣль. *Александръ Листовъ*. *Новгородскія губ. вѣд.* № 47.
253. Космосъ. *Повременное издавіе*. Статья *Н. З-аю*. Дѣятельность. № 14.
254. Второй сѣздъ русскихъ естествоиспытателей. Старѣйшій представитель русскихъ изслѣдователей природы, Карлъ-Эрнестъ Магнусовичъ фонъ-Баръ. *Д-ръ Гезеліусъ*. *Всемирная Иллюстрація*. № 39.
255. Второй сѣздъ русскихъ естествоиспытателей въ Москвѣ. Статья *Ф. Овсянникова*. Г. Е. Щуровскій, К. Ф. Кесслеръ, П. Л. Чебышевъ, П. П. Вагнеръ, Д. И. Менделѣевъ и К. М. Феофилактовъ. *Всемирная Иллюстрація*. № 44.
257. Второй сѣздъ русскихъ естествоиспытателей. *Московскія Вѣдомости*. № 184 и 187.
258. Второй сѣздъ русскихъ естествоиспытателей. *Современная Медицина*. № 23 и *Медицинскій Вѣстникъ*. № 36.
259. Замѣтка по поводу преній въ засѣданіи 2-го сѣзда русскихъ естествоиспытателей. *Г. Шеркъ*. С.-Петербург. *Вѣдомости*. № 292.
260. Отчетъ о 2-мъ сѣздѣ русскихъ естествоиспытателей. *Голосъ*. № 242—244.
261. О характерѣ сѣздовъ русскихъ естествоиспытателей. *Н. Фамининъ*. *Современная Медицина*. № 39 и 40.
262. Посѣщеніе членами 2-го сѣзда русскихъ естествоиспытателей дачи Студенецъ. *Московскія Вѣдомости*. № 188.
263. По поводу критики «Трудовъ 1-го сѣзда русскихъ естествоиспытателей» въ «Отч. Запискахъ». № 4. *А. Бекетовъ*. С.-Петербург. *Вѣдомости*. № 122.
264. По поводу 2-го сѣзда русскихъ естествоиспытателей въ Москвѣ. *Сѣверная Пчела*. № 41.
265. По поводу сѣзда естествоиспытателей. (Перед. ст.). *Московскія Вѣдомости*. № 188.
266. Рѣчь, произнесенная графомъ Д. А. Толстымъ въ Москвѣ 21-го августа 1869 года, на обѣдѣ по случаю 2-го сѣзда русскихъ естествоиспытателей. *Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія*. № 9. Ч. 165, отд. 4; стр. 1—2.
267. Сѣзды естествоиспытателей въ Швейцаріи, Германіи и Англіи. *Н. А. Любимовъ*. *Русскій Вѣстникъ*. № 8. Т. 82; стр. 487—547.
268. 3-е общее собраніе естествоиспытателей. *Московскія Вѣдомости*. № 190.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ИЗДАНІЯ В. НОВАКОВСКАГО.

Гдѣ я? и кто я? Цѣна 60 коп.

Эта книга своимъ разнообразнымъ и довольно обильнымъ содержаниемъ имѣетъ въ виду удовлетворить той потребности дѣтей, по которой они постоянно спрашиваютъ обо всемъ, что ихъ окружаетъ, и служить педагогическимъ пособіемъ для родителей и наставниковъ, давая имъ строго обдуманнй и къ дѣтскимъ понятіямъ приуроченный матерьялъ для начальныхъ бесѣдъ съ дѣтьми, направленный къ всестороннему развитію послѣднихъ и къ обогащенію ихъ необходимыми и полезными свѣдѣніями, чтобы осмыслить для нихъ окружающую ихъ природу. А дѣло по этой книгѣ—дома ли, въ классѣ ли—ведется просто: прочитывается статья; мать или наставникъ дѣлаютъ вопросы, изъ нея извлеченные, на которые дѣти даютъ отвѣты, въ ней же заключающіеся; потомъ въ предѣлахъ статьи ведется бесѣда, во время которой дѣлаются нужныя объясненія мыслей и словъ; наконецъ дѣти дѣлаютъ пересказъ статьи подробный или сжатый, устный или письменный.

Біографическіе очерки: .

Шесть названій.

Царь - богатырь Петръ Великій. Цѣна 75 коп.

Учоный Ломоносовъ. Цѣна 50 коп.

Генералиссимусъ Суворовъ. Цѣна 75 коп.

Митрополитъ Платонъ. Цѣна 40 коп.

Администраторъ Сперанскій. Цѣна 60 коп.

Поэтъ Пушкинъ. Цѣна 40 коп.

Имѣть знакомство съ замѣчательными историческими личностями и представлять себѣ, какъ на томъ или другомъ поприщѣ высказался въ нихъ человѣкъ, его умъ, воля, сердце, его душа съ самими разнобразными ихъ свойствами, — едва ли не интересно для каждаго, кто еще не имѣетъ такого знакомства. Для молодыхъ же людей, на которыхъ всего болѣе дѣйствуютъ примѣры, оно даже необходимо, какъ признаетъ его такимъ современная педагогiя, рекомендующая біографическіе очерки, какъ лучшее средство въ достиженіи цѣлей воспитанiя и образованiя, такъ-какъ въ нихъ передаются потомству уроки предковъ, современному поколѣнiю — опыты прошедшаго; и молодой человѣкъ, избирающій себѣ карьеру жизни и ясно представляющій въ примѣрахъ разныя поприща жизни, сознательнѣе почувствуетъ въ себѣ свое собственное призваніе. Такое знакомство—дома ли, въ классѣ ли—можно приобрѣтать однимъ прочтенiемъ того или другаго очерка; но можно также сопровождать чтеніе бесѣдами наставника съ учениками по поводу тѣхъ или другихъ фактовъ разказа, тѣхъ или другихъ психологическихъ явленiй личности; можно обращать содержаніе прочитаннаго и въ матеріалъ ученическихъ сочиненiй въ низшихъ классахъ, такъ-какъ оно въ каждомъ разказѣ представляетъ нѣчто цѣлое, по связи съ предыдущими и послѣдующими разказами вполне понимаемое дѣтьми, что даетъ имъ возможность, при нѣкоторой самостоятельности, дѣйствовать вполне сознательно и послужить къ болѣе прочному усвоенiю самыхъ свѣдѣній. Въ шести означенныхъ очеркахъ представлены самыя выдающіяся въ Русской Исторiи личности, дѣйствовавшія на шести различныхъ поприщахъ. Авторъ взглянулъ на протекшую жизнь нашихъ предковъ, какъ на золотой рудникъ всевозможныхъ примѣровъ, завѣщанныхъ ими потомству и всего болѣе годныхъ для современнаго поколѣнiя, особенно молодаго, и предположилъ было съ этою цѣлью пройтись по лѣстницѣ тысячелѣтняго существованiя Россiи, если въ публикѣ встрѣтитъ сочувствіе къ такому труду, о которомъ суда по первымъ выпускамъ его, отозвался нашъ извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ такъ: „трудъ долженъ быть продолженъ“.

Русская грамматика и Христоматія:

Предварительный курсъ для 1-го класса. Цѣна 30 коп.

Къ нему Христоматія для 1-го класса. Цѣна 60 коп.

Этимологическій курсъ для 2-го класса. Цѣна 40 коп.

Къ нему Христоматія для 2-го класса. Цѣна 60 коп.

Синтаксическій курсъ для 3-го класса. Цѣна 60 коп.

Къ нему Христоматія для 3-го класса. Цѣна 60 коп.

Высшій курсъ для 4-го класса. Цѣна 40 коп.

Краткая Русская Грамматика. Цѣна 50 коп.

Изложеніе Русской Грамматики въ четырехъ курсахъ по классамъ основано на рѣшеніи слѣдующаго вопроса: какъ вести преподаваніе грамматики отечественнаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, чтобъ и достоинство науки было сохранено вопреки дѣлаемому сокращенію ея содержанія, иногда въ обрѣзъ, и для дѣтскихъ способностей отвлечѣнное ея содержаніе было несатруднительно, служа въ то же время лучшимъ общеобразовательнымъ средствомъ для ихъ развитія, и самое преподаваніе было разумно-сознательное, устраняющее рутину, механизмъ или хожденіе вокругъ да около преподаваемаго предмета, и въ результатѣ получалось знаніе основательное и прочное? Съ выходомъ въ свѣтъ послѣдняго „Высшаго курса“, рѣшеніе этого вопроса окончательно обозначилось, такъ-что вышедшій въ свѣтъ всѣхъ курсовъ можетъ увидѣть, ведутъ ли они къ предположенной цѣли, къ желаемому изученію отечественнаго языка. Въ этотъ курсъ, какъ назначаемый для старшаго возраста воспитанниковъ, перенесены болѣе трудныя мѣста изъ предыдущихъ курсовъ, которые поэтому въ новомъ изданіи выйдутъ съ перемѣнами; а синтаксическій курсъ, представляющій поприще для самостоятельности учащихся, будетъ совершенно передѣланъ и получить направленіе чисто практическое. Кто вѣрно представляетъ себѣ временное состояніе русскаго языка въ преподаваніи, тотъ по совѣсти не скажетъ, что эти курсы являются въ печати не кстати; а кто захочетъ повѣрить ихъ опытомъ, тотъ убѣдится въ томъ. Современное состояніе нашего языка много терпитъ отъ отсутствія основательнаго изученія его, рельефно указываемаго пестрою и шаткостью современнаго правописанія; только основательное изученіе языка можетъ вывести его изъ такого состоянія, что и имѣлось въ виду при составленіи курсовъ. — Изложеніе „Краткой Русской грамматики“, имѣетъ ту осо-

бенность, что въ ней Этимологія и Синтаксисъ не отдѣлены, а идутъ рука объ руку, такъ-что учащіеся тотчасъ видятъ, какое приложеніе одна къ другой имѣютъ эти двѣ части науки. Въ циркулярѣ попечителя Харьковскаго учебнаго округа (1865 года) былъ отзывъ о ней, какъ о „выходящей изъ ряда обыкновенныхъ литературныхъ явленій“.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

СОДЕРЖАНІЕ
СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. 12-го января 1873 года. О новомъ уставѣ Одесскаго общества исторіи и древностей	1
2. 31-го мая 1873 года. О преобразованіи Варшавской ветеринарной школы въ ветеринарный институтъ	2
3. 9/21-го июня 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи при Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ	3
4. 9/21-го июня 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи въ Саратовской гимназій	4
5. 9/21 июня 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи въ Харьковской первой гимназій и въ тамошнемъ университетѣ	—
6. 13/25-го июня 1873 года. Объ увеличеніи числа казенныхъ стипендій въ Рижской учительской семинаріи	5
7. 13/25-го июня 1873 года. Объ увеличеніи содержанія главнымъ инспекторамъ Сибирскихъ училищъ и расходовъ на подвѣдомственныя имъ управленія	8
8. ^{23-го июня} ^{5-го июля} 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ	9
9. ^{23-го июня} ^{8-го июля} 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи въ Аleshковскомъ уѣздномъ училищѣ (Таврической губерніи)	10

II

	СТРАИ.
10. 1-го августа 1873 года. Обь учрежденіи стипендіи при Воронежской гимназіи	45
11. 1-го августа 1873 года. Обь учрежденіи стипендіи при Якутской прогимназіи	46
12. 1-го августа 1873 года. Обь учрежденіи стипендіи при Каменецъ-Подольской гимназіи	47
13. 1-го августа 1873 года. Обь учрежденіи стипендіи въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ	—
14. 1-го августа 1873 года. Обь учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ	48
15. 1-го августа 1873 года. Обь учрежденіи стипендіи при Виленской гимназіи	—
16. 1-го августа 1873 года. Обь учрежденіи стипендіи при Саратовской гимназіи	49
17. 1-го августа 1873 года. О допущеніи къ приѣмному экзамену для поступления въ реальныя училища дѣтей, коимъ не достааетъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ до возраста, опредѣленнаго уставомъ тѣхъ училищъ	50

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

^{23-го іюня} 1873 года (№ 8)	—
^{5-го іюля} 1-го августа 1873 года (№ 9)	51
14-го августа 1873 года (№ 10)	52

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

20-го іюля 1873 года	53
1-го августа 1873 года	—

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. 5-го мая 1873 года. Положеніе о стипендіи почетнаго директора собранія Новгородскаго соединеннаго общества, тайнаго совѣтника Эдуарда Васильевича Лерхе, при Новгородской мужской гимназіи	10
2. 5-го мая 1873 года. Положеніе о стипендіи вѣчнаго фундаша коллежскаго регистратора Андрея Юрьевича Ястржембскаго при Виленской гимназіи	11
3. 5-го мая 1873 года. Положеніе о стипендіи, учрежденной при 2-й Казанской гимназіи, чиновъ почтоваго вѣдомства Казанской губерніи	12

4. 7-го іюня 1873 года. Уставъ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей.	14
5. 4-го іюля 1873 года. Правила о назначеніи стипендій имени потомственнаго почетнаго гражданина Константина Абрамовича Попова	25
6. 4-го іюля 1873 года. Правила о назначеніи стипендій имени коллежскаго совѣтника Николая Ѳедоровича Никулина	26
7. 6-го іюля 1873 года. Положеніе о стипендіи при Аleshковскомъ (Таврической губерніи) уѣздномъ училищѣ имени полковника Ѳеофила Сендецаго	26
8. 7-го іюля 1873 года. Положеніе о стипендіяхъ статскаго совѣтника Егора Стенаповича Горденка при Харьковской 3-й гимназій.	27
9. 4-го августа 1873 года. Положеніе о преміяхъ Императора Петра Великаго за лучшія учебныя руководства и пособия для средних и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и за книги для народнаго чтенія	28
10. 4-го августа 1873 года. Положеніе о первой студенческой стипендіи при Московскомъ университетѣ	32
11. 11-го августа 1873 года. Положеніе о стипендіи имени Государя Наслѣдника Цесаревича при Ярославской женской гимназій.	54
12. 11-го августа 1873 года. Положеніе о стипендіи имени Ивана Семеновича Унковскаго при Ярославской женской гимназій.	56
13. 25-го августа 1873 года. Положеніе о двухъ стипендіяхъ, учрежденныхъ при Лубенской гимназій на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго уволеннымъ отъ службы генерал-майоромъ барономъ Евстафіемъ Романовичемъ Менгденомъ	57
14. 25-го августа 1873 года. О раздѣленіи VII класса гимназій Одесскаго учебнаго округа на два отдѣленія	58
Приказы управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра.	
3-го іюня 1873 года (№ 8)	33
16-го іюня 1873 года (№ 9)	34
1-го іюля 1873 года (№ 10)	61
28-го іюля 1873 года (№ 11)	67

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

СТРАН.

О книгахъ: „Разказы по всеобщей географіи для народныхъ училищъ“ и „Разказы изъ географіи“. Составлено по нѣмецкой хрестоматіи Бенцеля, Менцеля и Рихтера	38
О книгѣ: „Учебный географическій атласъ Россійской имперіи“, составленный преподавателемъ Курской гимназій <i>О. Штокманомъ</i>	—
Объ „Учебной картѣ Россійской имперіи“, составленной <i>Лебедскимъ</i>	—
О книгѣ: „Французско-русская часть международныхъ словарей для среднихъ учебныхъ заведеній“. Составилъ <i>Макаровъ</i>	—
О книгѣ: „Отечественнѣдѣніе“ Составилъ <i>Д. Семеновъ</i>	71
О книгѣ: „Географія“. Курсъ первый. Составилъ <i>Брызгаловъ</i>	—
О книгѣ: „Руководство для первоначальнаго обученія латинскому языку для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій“. Составлено по <i>Tigocinium</i> Отто Шульца и <i>Militia</i> д-ра Штрака, преподавателемъ латинскаго и греческаго языковъ при Кіевской 2-й гимназій <i>Лапатинскимъ</i>	—
О книгѣ: „Греческая учебная грамматика“, изложенная по руководствамъ доктора Франке и доктора Зейфферта, <i>К. А. Бѣлискимъ</i>	—
О книгѣ: „Краткое руководство къ главнѣйшимъ вольнымъ гимнастическимъ движеніямъ“. Составлено директоромъ Ломжинской мужской гимназій, коллежскимъ ассесоромъ <i>Клостерманомъ</i>	—
О книгѣ: „Практическія упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій при изученіи латинскаго синтаксиса съ указаніями на грамматики Бѣлицкаго, Шульца и Мадвига. Составилъ по нѣмецкимъ руководствамъ <i>С. Опацкій</i>	72
О книгѣ: „Разказы о важнѣйшихъ событіяхъ св. исторіи ветхаго и новаго заветъ, съ приложеніемъ объясненія символа вѣры и молитвъ, требуемыхъ программю въ приготовительномъ классѣ гимназій. Составилъ протоіерей <i>Рудаковъ</i>	—

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгахъ подь заглавіемъ: 1) „Руководство учителямъ одноклассныхъ и двухклассныхъ народныхъ училищъ“. 2) „Плез-

ныя свѣдѣнія о лошади и другихъ домашнихъ животныхъ и птицахъ". Составилъ *А. Савельевъ*. 3) „Наши добрые слуги четвероногіе“. *А. Поюскаю*. 4) „Влаговѣщеніе“. Повѣсть. Сочиненіе *Т. Толмачевой*. 5) „Книжка для школъ № 69. Разказы о Киево-Печерскомъ монастырѣ“. 6) „Народныя чтенія въ Солянскомъ городѣ. Двѣнадцатый годъ“. *И. И. Шалфеева*. 7) Цѣлебныя силы природы“. Полный цѣлебный травникъ 39

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Первоначальные уроки христіанскаго ученія для народа“. Составилъ священникъ *Климентъ Савичъ*

Официальныя извѣщенія 40 и 72

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права. (Окончаніе) *К. Стефановскаго* 1

Политическія отношенія Трїедианаго королевства къ Венгріи. *Д. Березина* 82 и 260

Историческій очеркъ развитія счисленія. *К. Мазина* 113

Новости иностранной ученой литературы 136

Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII вѣка до учрежденія министерствъ. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* 165

Палатинскій холмъ въ Римѣ по новѣйшимъ раскопкамъ (1847—1872). *М. П. Драгоманова* 221

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе. Соч. *М. Колосова*. *А. Потебни* 302

Starobulharská fonologie se stalým zretelem k jazyku Litevskému. Sepsal dr. Leopold Geitler. *А. Потебни* —

Записки по новѣйшей исторіи (1815—1856 гг.). Составилъ *Ив. Григоровичъ*. *Е. Ёглова* 320

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Современное состояніе школъ въ Черногоріи. *М. Костица*. 1

Дѣтское чтеніе. Годы III и IV, изд. Русской книжной торговли, подъ редакціей *Острогорскаго*. *С. И. Миропольскаго*. 31

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

	ОТРАВ.
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведе- ній: а) университеты, б) гимназіи и в) низшія училища	1 и 111
Лѣтніе учительскіе сѣзды и курсы	30
Еще по поводу отзывовъ иностранной печати о нашей учеб- ной реформѣ	50
Замѣтка по поводу статьи г. Родохлиба: Центральный ар- хивъ и археографическая комиссія въ Кіевѣ*. <i>К. Царевскаю</i>	65
Учебныя прогулки и поѣздки воспитанниковъ VI Москов- ской гимназіи	69
Изъ воспоминаній о 3-й С.-Петербургской гимназіи. <i>В. Дан- шина</i>	92
Письма изъ Парижа. <i>Л. Л — ра</i>	57 и 98

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Объ изданіи отдѣла классической филологіи въ видѣ при- ложенія къ Журналу министерства народнаго просвѣщенія	3
Жизнь и сочиненія Гаія Луцілія. <i>Л. Миллера</i>	11
<i>P. Vergilii Maronis Bucolica</i> . <i>Н. Ѳ. Фоккова</i>	48
Образованность и литературные нравы въ римскомъ обще- ствѣ времени Плінія младшаго. <i>П. Гвоздева</i>	87
Римская эпопея во времена имперіи. <i>Л. Е.</i>	122
<i>Quaeritur, cui inscripta sit Catilinae epistola, quae apud Sallu- stium de conjuratione Catilinae libri capite XXXV legitur</i> . <i>К. Пав- ликовскаго</i>	143
Библиографія:	
Учебникъ греческаго языка. Составилъ на основаніи глав- нѣйшихъ положеній сравнительнаго языковѣдѣнія <i>Н. Фокковъ</i> , <i>Ф. Гельбке</i>	59
Записки К. Юлія Цезаря. Книги I—IV. Съ картою Галліи. Объяснилъ <i>Ю. Фелькель</i> . <i>А. Гобмана</i>	76
<i>М. Туллія Цицерона рѣчи противъ Катиліны съ примѣча- ніями и словаремъ</i> . Составили <i>Захарбековъ</i> и <i>Гайчманъ</i> , препо- даватели древнихъ языковъ въ Тульской гимназіи. <i>Э. А. Верта</i>	147

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Библиографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ рус- скихъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ на 1869 годъ.

(122)

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
☐
1994**

3 2044 022 674 774

